

МАКС ХЕЙСТИНГС
ВЬЕТНАМ
ИСТОРИЯ ТРАГЕДИИ
1945–1975

Перевод с английского

Москва
2021

Моему дорогому другу Рiku Аткинсону, который ведет хронику триумфов и трагедий американской армии с глубоким пониманием,

ясностью взгляда и человеческим состраданием, являющимися
образцом для его коллег по историческому цеху

Карты

(в порядке появления в книге)

Французский Индокитай.

Дьенбьенфу, 13 марта — 7 мая 1954 г.

Раздел Вьетнама

Южный Вьетнам

Тропа Хо Ши Мина

Тетское наступление, 1968 г.

Хюэ

Дайдо, 30 апреля — 2 мая 1968 г.

Операция «Лайнбэкер», 1972 г.

Январь 1973 г.: «шкура леопарда»

Весеннее наступление 1975 г.: направления основных ударов

Азия возьмет долгожданный реванш у своей высокомерной младшей сестры.

Дин Индж, 1928 г.

Каждый военный акт есть также акт социальный и политический.

Антонио Грамши

Содержит контент для взрослых, грубую речь и сцены насилия.

Просмотр на усмотрение зрителя.

Предупреждение перед показом документального сериала

«Вьетнамская война», режиссеры Бернс и Новик, PBS, 2017 г.

Предисловие

Война за Вьетнам, бедную юго-восточную азиатскую страну размером со штат Калифорния, покрытую горами, джунглями и рисовыми полями, которые очаровывают туристов в XXI в. столь же сильно, сколь

были ненавистны западным солдатам в веке XX, длилась три десятилетия и обошлась в 2–3 млн человеческих жизней. Первые 20 лет мир (и даже главные военные спонсоры коммунистов — СССР и Китай) не придавал происходящему в Индокитае большого значения. Но в ходе последнего десятилетия война привлекла к себе внимание сотен миллионов жителей западных стран, вызвав у них смутение и даже отвращение, уничтожила одного президента США и способствовала краху другого. В 1960-е гг. многие западные страны охватили молодежные протестные движения, переплетавшие отказ от старой сексуальной морали и приверженность сомнительным радостям потребления марихуаны и ЛСД с яростными выпадами против капитализма и империализма, одним из наиболее уродливых проявлений которых считалась война во Вьетнаме. Многие американцы старшего возраста выступали против войны, потому что та превратилась в источник систематического обмана со стороны их собственного правительства, а также потому, что, как они справедливо считали, она была обречена на провал.

Падение Сайгона в 1975 г. стало унижением для самой могущественной нации на планете: крестьянские революционеры взяли верх над волей американского народа со всем его экономическим благосостоянием и военной мощью. Черно-белая фотография сцены эвакуации 29 апреля, на которой цепочка беглецов на крыше здания поднимается по лестнице к вертолету, словно на Голгофу, стала одним из символов проигранной Америкой войны. Война во Вьетнаме оказала более сильное культурное влияние на свою эпоху, чем любой другой вооруженный конфликт после 1945 г.

Ни в одном конфликте ни одна противоборствующая сторона не обладает абсолютной монополией на добродетель. Даже во Второй мировой войне борьба союзнических стран против фашизма была скомпрометирована тем, что именно тирания Сталина заплатила главную кровавую цену за уничтожение тирании Гитлера. Только самым недалеким представителям левого и правого лагеря хватает наивности заявлять о полной непогрешимости той или другой стороны во вьетнамском конфликте. Почти все авторитетные работы о войне принадлежат перу американцев и французов, однако первые зачастую описывают ее так, будто она была непосредственной историей их собственной нации. Между тем эта война была преимущественно азиатской трагедией, в которой американские страдания были лишь крошечной частью: соотношение погибших вьетнамцев и американцев составляет примерно 40 к 1.

Хотя мое повествование выстроено в хронологической последовательности, я не стремился к тому, чтобы соблюдать предельно

жесткую хронологию событий или даже упомянуть каждую битву; вместо этого я пытался передать саму природу опыта, который пришлось пережить Вьетнаму на протяжении трех десятилетий. Как и во всех моих предыдущих книгах, рассказывая о политических и стратегических аспектах, я также пытаюсь ответить на вопрос: «Какой была эта война?» — для саперов северовьетнамской армии, для крестьян в дельте Меконга, для пилотов вертолетов Huey, для рядовых из американской глубинки, для советников зенитно-ракетных войск из Ленинграда, для китайских железнодорожников или для сайгонских проституток.

Я родился в 1945 г. Будучи молодым журналистом, я два года проработал в США, а затем неоднократно посещал Индокитай. Должен признать, что мое понимание происходящего на тот момент было настолько незрелым, что в этой книге я предпочел не ссылаться на свой личный опыт и восприятие тех событий, решив ограничиться парой слов в предисловии. В 1967–1968 гг. я много ездил по США, сначала как стажер, затем как журналист в ходе президентской избирательной кампании. Мне довелось взять короткие интервью у многих ключевых фигур, включая Роберта Кеннеди, Ричарда Никсона, Юджина Маккарти, Барри Голдуотера, Хьюберта Хамфри, Рональда Рейгана, а также Гаррисона Солсбери, Нормана Мейлера, Аллена Гинзберга и Джоан Баэз.

В январе 1968 г. я был в числе иностранных журналистов, приглашенных в Белый дом. Сидя в Зале кабинета, мы 40 минут слушали разглагольствования Линдона Джонсона о его приверженности Вьетнаму — за несколько недель до того, как он ошеломил американский народ объявлением об отказе баллотироваться на второй срок. В то утро личность президента США сильно отдавала карикатурностью, отчего, однако, не казалась менее зловещей. «Одним из вас нравятся блондинки, другим — рыжие, а третьим, возможно, вообще не нравятся женщины, — сказал он, мучительно растягивая слова, активно жестикулируя, чтобы подчеркнуть важные мысли, и что-то размашисто черкая карандашом в лежавшем перед ним блокноте. — А теперь я скажу вам, что нравится мне: я готов встретиться с Хо Ши Мином в любое время в хорошем отеле с хорошей едой, чтобы мы сели, поговорили и уладили наконец это дело».

Закончив свой монолог, он внезапно поднялся и вышел из комнаты, не дав нам возможности задать вопросы, что заставило либерального обозревателя Уолтера Липпмана пустить парфянскую стрелу ему в спину. Мы встали, взяли наши блокноты, когда дверь вдруг приотворилась и в проем высунулась голова президента. «Пока вы не ушли, — сказал он почти смущенно, — хочу спросить: я знаю, вы много

чего читали и слышали обо мне — а теперь кто-нибудь из вас изменил свое мнение?» Мы были так поражены этим внезапным проявлением уязвимости Джонсона, что потеряли дар речи.

В 1970 г. я снял серию репортажей из Камбоджи и Вьетнама для новостного канала Би-би-си и в следующем году снова прилетел в Сайгон, чтобы взять интервью у президента Нгуен Ван Тхьеу, а также посетил Лаос. В ходе съемок я сопровождал подразделения 23-й дивизии США в операции по зачистке местности в долине Хиепзык, летал на южновьетнамском штурмовике Skyraider на бомбежку и вел прямые репортажи с атакованной коммунистами базы огневой поддержки №6 на Центральном нагорье. Позже в том же году в Доме народных собраний в Пекине мне довелось пожать руку Чжоу Эньлаю. Я посещал Вьетнам и в 1973, и в 1974 гг., а в 1975 г. освещал последние сражения этой войны, в том числе паническую сдачу Дананга и боевые действия в предместьях Сайгона.

Поначалу я собирался остаться вместе с горсткой других корреспондентов, чтобы запечатлеть падение Сайгона, но в последний день ближе к вечеру мои нервы сдали: я пробился через толпу испуганных вьетнамцев вокруг посольства США и с помощью защищавших его американских морпехов перелез через стену. Через несколько часов вертолет доставил меня на борт авианосца Midway.

Вышеуказанные командировки[1], хотя и выливались на тот момент не более чем в плоды незрелой журналистики, сегодня дают мне возможность глазами очевидца описывать места и события этой войны — с их изнуряющей жарой или дождями, минами-ловушками под ногами и кружащими в небе вертолетами, — какими их видели вьетнамские, французские и американские участники. В последующие годы я встречался с Робертом Макнамарой, Генри Киссинджером и другими гигантами эпохи вьетнамской войны. Артур Шлезингер стал моим другом.

Все войны разные и одинаковые одновременно. Существует распространенный миф, по крайней мере в США, что война во Вьетнаме была сопряжена с беспрецедентными ужасами, которые так ярко живописуют ветераны в своих бесчисленных мемуарах. Но любой, кому довелось пережить Пунические войны между Римом и Карфагеном, Тридцатилетнюю войну в Европе, вторжение Наполеона в Россию или битву на Сомме в 1916 г., посмеялся бы над утверждением, что война в Индокитае была значительно худшим опытом. Насилие во II в., когда сражения велись копьями и мечами, а мирное население и вовсе не имело никаких прав, было ничуть не менее леденящим кровь, чем в веке XX. Горящее масло, которое выливали на головы врагов защитники средневековых городов, мало чем отличалось от напалма. Мародерство,

изнасилования, черные рынки, насилие в отношении мирных жителей и пленных были неотъемлемой частью всех военных конфликтов. В 1939–1945 гг. в европейских городах было не меньше проституток, чем в Сайгоне в 1960-х гг., — вспомните о лондонских «коммандос с Пикадилли». Разница лишь в том, что в прежние времена гражданское население, которое оставалось дома, почти не знало о таких неприглядных сторонах войны. Перед публичным показом киноматериалы проходили жесткую цензуру, и из них вырезались все кадры, которые были признаны деморализующими.

Но на волне свободы СМИ в 1960-х гг. мир вдруг получил возможность воочию увидеть в вечерних новостях в прайм-тайм все жестокости и даже бесчинства, творимые вооруженными силами США и Южного Вьетнама. Вероятно, все из вас видели две фотографии, нанесшие наибольший ущерб моральной позиции Соединенных Штатов: расстрел пленного вьетконговца начальником сайгонской полиции в ходе Тетского наступления 1968 г. и кричащую от боли голую девочку, бегущую по дороге после бомбардировки ее деревни напалмом в 1972 г. В отличие от этого, никто не видел снимков того, как вьетконговцы подвергают зверским расправам и хоронят заживо мирных жителей — сторонников сайгонского режима. Ханой распространял исключительно героический нарратив вместе с душераздирающими кадрами разрушений, причиняемых американской авиацией. Яркий визуальный контраст между сверхдержавой, использующей дьявольские военные технологии, символизируемые стратегическими бомбардировщиками В-52, и вьетнамскими крестьянами, одетыми в мешки или пробковые шлемы, в вырезанных из шин сандалиях, на велосипедах, обеспечивал коммунистам колоссальное пропагандистское преимущество. В глазах многих молодых людей в западных странах «борцы за свободу» под предводительством Хо Ши Мина приобрели романтический ореол. Разумеется, ошибочно утверждать, как это делали некоторые ястребы 50 лет назад, что Соединенные Штаты проиграли войну из-за СМИ. Но телевидение и пресса лишили людей на Западе возможности закрыть глаза на человеческие страдания и другие уродливые стороны этой войны.

Незадолго перед первой командировкой в Сайгон я, 24-летний журналист, обратился за советом к Николасу Томалину, ветерану британской Sunday Times. Он дал мне адрес индийского книжного магазина на бульваре Тызо, владелец которого обменивал доллары по самому высокому курсу на черном рынке. И сказал мне: «Запомни одно: они лгут, лгут и лгут». Он имел в виду американское командование и был прав. Однако, как и многие другие западные журналисты тогда и

сейчас, Ник упустил из виду тот важный момент, что Ханой делал то же самое. Разумеется, это ни в коей мере не оправдывает намеренной политики обмана со стороны Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму (КОВПВ) и Объединенного управления США по связям с общественностью, однако обеспечивает контекст, зачастую отсутствующий в суждениях о так называемом кризисе доверия.

Кроме того, хотя американское и южновьетнамское командование скормливало СМИ ложную информацию, КОВПВ редко запрещало журналистам отправиться на место событий и увидеть все своими глазами. Ни в одном вооруженном конфликте ни до, ни после вьетнамской войны репортеры, операторы и фотографы, многие из которых были ее убежденными противниками, не пользовались таким беспрецедентным правом свободного передвижения на военных самолетах и вертолетах. Относительная американская открытость, резко контрастирующая с секретностью коммунистов, на мой взгляд, свидетельствует в пользу некоторого морального превосходства Америки. Фатальная ошибка гражданского руководства и военного командования США состояла не в том, что они лгали миру, а в том, что они лгали самим себе.

В современном Вьетнаме легитимность авторитарного коммунистического режима, чья коллективистская экономическая политика в значительной степени дискредитировала себя, всецело опирается на его победу в борьбе за объединение страны. Таким образом, его правители жестко следят за тем, чтобы ничто не запятнало этот героический нарратив: мало кто из оставшихся в живых ветеранов осмеливается свободно говорить о пережитом опыте. Эта непрозрачность на удивление успешно создает выгодный для Ханоя контекст, в котором западные и азиатские авторы рассматривают этот конфликт. В отличие от американских архивов, в которых вряд ли остались какие-то важные секреты, архивы Ханоя, без сомнений, хранят множество мрачных тайн. Либеральная Америка, занимающая почти мазохистскую позицию, манипулирует историографией с той же ловкостью, что и ура-патриотические консервативные ревизионисты. Недавно я спросил у известного либерального журналиста эпохи вьетнамской войны: «Если бы в Ханое были разрешены антивоенные демонстрации, как вы думаете, сколько бы человек вышли на улицы?» — «Ни одного, — уверенно ответил он. — Люди на Севере стопроцентно поддерживали освободительную войну».

Наивность этого заявления удивляет: большинство нормальных людей стремятся избежать опыта, который причиняет горе и страдания им самим и их близким. Многие противники войны на Западе были правы, утверждая, что применение США беспорядочного насилия

обрекает их военные усилия на провал. Однако некоторые зашли еще дальше, сделав вывод, что, если США и Южный Вьетнам ведут несправедливую войну, значит, коммунисты сражаются за безоговорочно справедливое, правое дело. Но коммунистическое руководство Северного Вьетнама и Национальный фронт освобождения, избавив народ Южного Вьетнама от угнетения крупными землевладельцами и военачальниками, обрекли их на куда более безжалостную тиранию учеников Сталина. Демократия давала южновьетнамским избирателям хотя бы призрачную возможность сменить не устраивающее их правительство. С установлением власти коммунистов в 1975 г. любым свободным выборам был положен конец, как и в Северном Вьетнаме с 1954 г.

В своих военных усилиях Ханой пользовался важными преимуществами по сравнению с противником. Коммунистическое руководство, надежно защищенное от нападок СМИ или недовольства избирателей, было готово платить колоссальную цену в человеческих жизнях. Оно могло терпеть одну сокрушительную военную неудачу за другой, не рискуя полным поражением, поскольку США открыто заявили, что не собираются вторгаться на Север. В отличие от этого, каждое проигранное сражение забивало гвоздь в гроб Южного Вьетнама. Можно провести очевидные параллели между борьбой вьетнамских коммунистов и военными усилиями Советского Союза в 1941–1945 гг.: Хо Ши Мин и Ле Зуан использовали точно такую же смесь патриотизма, идеологии и принуждения, как это делал Сталин поколение назад. Несомненно, коммунисты показали себя более самоотверженными и эффективными воинами, чем солдаты Сайгона, однако стоит хорошенько подумать, прежде чем возводить их на престол «силы добра» в этой саге.

В книге немало говорится о жестокости, глупости и прочих уродливых проявлениях, однако большинство людей, участников этой истории, — вьетнамцев и американцев, военных и гражданских всех возрастов и обоих полов — вели себя в высшей степени достойно. Я старался рассказывать о таких людях, поскольку, на мой взгляд, несправедливо допускать, чтобы добродетельные и героические поступки утонули среди бурлящего месива кровопролития, жестокости и предательств, о которых повествует большинство военных историй. Что касается фундаментального политического исследования, то я решил его не проводить: ученые на протяжении вот уже почти полувека перерывают американские архивы и исчерпывающе описали процессы принятия решений всех западных участников конфликта. Фредерик Логеваль — один из самых авторитетных среди них. В 2015 г. Кен Хьюз опубликовал тексты и анализ магнитофонных записей Белого дома,

которые — в отличие от большинства мемуаров — предоставляют нам практически неопровержимые, объективные свидетельства того, как оценивали ситуацию и принимали решения Никсон и Киссинджер в тот непростой для Америки период, завершившийся подписанием Парижского мирного соглашения в январе 1973 г. В то же время я провел бесчисленные часы за изучением свидетельств очевидцев в Центре наследия и образования Армии США в Карлайле, Пенсильвания, и в Историческом архиве Корпуса морской пехоты США в Куантико, Вирджиния. Я также получил доступ к богатейшим материалам Центра исследований войны во Вьетнаме Техасского технического университета в Лаббоке, а также провел почти 100 интервью с оставшимися в живых американскими и вьетнамскими участниками тех событий. Благодаря помощи Мерла Приббеноу я получил возможность прочитать тысячи страниц переведенных с вьетнамского языка мемуаров и документов.

Любой историк вроде меня, публикующий книгу о вьетнамской войне в 2018 г., находится в долгу перед замечательными режиссерами Бернсом и Новиком, чей недавно вышедший на экраны документальный сериал пробудил во всем мире новый всплеск интереса к этому эпохальному конфликту. Я надеюсь, что моя работа хотя бы частично отражает всю трагичность опыта, который пришлось пережить вьетнамскому народу на протяжении нескольких поколений — и от последствий которого он не может освободиться по сей день.

Макс Хейстингс,
Чилтон-Фолиэт, Беркшир и Датай, о. Лангкави, Малайзия,
май 2018 г.

Несколько замечаний по поводу текста

Сами вьетнамцы называют свою страну Вьет Нам; я же, для удобства читателей, в соответствии с западной традицией называю ее Вьетнамом. То же самое касается других наименований, таких как Ха Ной, Сай Гон, Дьен Бьен Фу, Да Нанг, Вьет Конг и т.д. Во вьетнамском языке широко используются надстрочные знаки для обозначения тонов, в тексте я их опускаю.

Вьетнамские имена обычно состоят из трех частей и начинаются с фамилии — я придерживаюсь этой традиции. Западных людей сбивает с толку огромное количество вьетнамцев с фамилией Нгуен, но так исторически сложилось, и тут уж ничего не поделаешь.

Везде, где это возможно без ущерба для понимания, я опускаю названия провинций, чтобы избежать перегруженности текста географическими деталями.

Переводы иностранных документов и мемуаров часто страдают чрезмерной высокопарностью стиля. Я же, цитируя в своих книгах иностранные источники, придерживаюсь наставления Джона Драйдена о том, что переводчик не должен стоять за спиной автора подобно лакею, но должен стоять рядом с ним как равный. В частности, диалоги на вьетнамском и французском языках я стараюсь передавать на разговорном английском.

«Афроамериканец» — современный термин; в рассматриваемую нами эпоху употреблялись слова «чернокожий» или «черный» (black), поэтому в книге я сохраняю эти обозначения, но использую их только в тех случаях, где таковое уточнение является важным.

Звания и должности указаны на момент описываемых событий.

Южный Вьетнам и Северный Вьетнам при написании с заглавной буквы обозначают отдельные государства; с прописной — южную и северную части объединенной страны до 1954 г. и после 1975 г.

Подобно тому как французские партизаны во время Второй мировой войны называли себя «макисарами» от слова «маки» (maquis) — лесные заросли, в Южном Вьетнаме присоединение к партизанскому движению называлось «ра бунг» (ra bung) — «уйти в болота». Название коммунистического партизанского движения в Южном Вьетнаме — «Вьетконг», сокращенно ВК — сленговое, но настолько на слуху во всем мире, что без него нельзя было бы обойтись в этой книге.

В тематических разделах, в частности при описании боевых действий, иногда я смешиваю личные воспоминания участников, относящиеся к разным периодам войны, если это не искажает их смысла и не нарушает логичности повествования.

При описании военных операций время указывается в 24-часовом формате; в остальных случаях используется 12-часовой формат.

Точно соотнести стоимость южновьетнамского пиастра и доллара США, особенно в период военного времени, не представляется возможным по причине хронической инфляции и нереалистичного официального обменного курса.

Глоссарий

AFN (US Armed Forces Network) — Радиостанция Армии США.

Claymore M-18 — американская противопехотная мина направленного действия; при взрыве выбрасывает поток стальных шариков в пределах дуги около 40°; приводится в действие

дистанционно или при задевании датчика взрывателя натяжного (обрывного) действия.

CORDS (Civilian Operations and Revolutionary [Rural] Development Support) — американское агентство Поддержки гражданских операций и революционного [позже Сельского] развития.

GCMA (Groupement de Commandos Mixtes Aéroportés) — Смешанная воздушно-десантная группа коммандос, французский спецназ.

LAW M72 (Light Antitank Weapon) — 66-мм ручной противотанковый гранатомет (РПГ), использовавшийся армиями США и Южного Вьетнама.

M-14 — 7,62-мм автоматическая армейская винтовка, стоявшая на вооружении армии США до 1966–1968 гг.

M-16 — 5,56-мм армейская автоматическая винтовка, заменившая M-14 после 1966–1968 гг. Гораздо более легкие, чем M-14, ранние версии M-16 тем не менее показали себя ненадежными и часто заклинивали во время боя.

PRC-10 — американская армейская портативная радиостанция (позже замененная на PRC-25) весом чуть больше 10 кг, включая аккумуляторную батарею. В распоряжении командира роты иногда имелось три радиста, каждый из которых нес рацию, работающую в определенном диапазоне частот.

USIA — Информационное агентство США.

AK-47 — автомат Калашникова. С 1965 г. эти советские автоматы (в китайской модификации) в больших количествах поставлялись в Северный Вьетнам.

Бангалорская торпеда — подрывные заряды, помещенные в металлические или бамбуковые трубки, предназначенные для создания проходов в проволочных заграждениях.

Батальон — воинское подразделение, насчитывающее от 400 до 1000 человек; обычно состоит из трех-четырех рот и штаба.

БВП — боевой воздушный патруль.

Безоткатка — разработанные в СССР относительно мобильные безоткатные артиллерийские орудия ближнего действия калибром от 57 мм до 106 мм, способные пробивать броню на расстоянии 500 м или стрелять фугасными снарядами на расстояние до 4000 м; установлены на треноге или двухколесной тележке; широко использовались Вьетконгом и ВНА.

БОП — база огневой поддержки.

Бригада — воинское соединение численностью до 5000 человек.

БТР — бронетранспортер; во Вьетнаме самым распространенным БТР был американский гусеничный M-113.

Взвод — воинское подразделение из 30–40 человек под командованием лейтенанта, в некоторых случаях сержанта; четыре взвода составляют роту.

ВНА — Вьетнамская народная армия; в эпоху описываемых событий американцы чаще использовали название Северовьетнамская армия.

Ворчун (grunt) — прозвище американского пехотинца.

ВРП — Временное революционное правительство Южного Вьетнама, созданное в 1969 г. коммунистами как преемник НФОЮВ. Позиционировало себя как правительство в изгнании; первоначально располагалось в штаб-квартире ЦУЮВ, с февраля 1973 г. переместилось во «временную столицу» Южного Вьетнама в Локнине, к северу от Сайгона.

ВСРВ — Вооруженные силы Республики Вьетнам (Южного Вьетнама).

Вьетконг — сленговое название движения вьетнамских коммунистов, сокращенно от Вьет Нам Конг Шан; вошло в широкое употребление с конца 1950-х гг.

Вьетминь — общепринятое название коммунистической военно-политической организации Лига независимости Вьетнама (Вьет Нам Док Лап Донг Минь Хой), созданной в 1941 г.

«Гладкий» (slick) — транспортно-десантный вертолет, чаще всего Huey.

Даст-офф (Dust-off) — традиционный позывной медицинского эвакуационного вертолета; еще одно название — «медэвак».

Джунглевые крысы (bonnie-rat) — сленговое название американских пехотинцев.

Дивизия — воинское формирование, состоящее из 8000–15 000 человек и двух-трех бригад.

ДМЗ — демилитаризованная зона, созданная в 1954 г. в соответствии с Женевскими соглашениями южнее 17-й параллели для разделения Южного и Северного Вьетнама.

ЗВ (LZ — landing zone) — зона высадки вертолетного десанта; «горячая ЗВ» — зона высадки, находящаяся под обстрелом противника.

Зона десантирования (ЗД) — район выброски парашютного десанта.

ЗУР — зенитная управляемая ракета класса «земля — воздух»; советские зенитно-ракетные комплексы SAM-2 были развернуты в Северном Вьетнаме начиная с 1965 г.

КОВПВ (Military Assistance Command Vietnam / Mac-V) — Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму, штабная структура Вооруженных сил США в Сайгоне.

Корпус — воинское формирование, состоящее из двух-трех дивизий, под командованием генерал-лейтенанта.

КП — командный пункт.

Лурпы — группы войсковой глубинной разведки, от англ. аббревиатуры LRRP (long-range reconnaissance patrol).

МКК — Международная контрольная комиссия (International Control Commission / ICC), созданная в 1954 г. в составе представителей Индии, Польши и Канады для контроля за соблюдением Женевских соглашений. Хотя комиссия не имела серьезных реальных полномочий, она просуществовала вплоть до подписания Парижского мирного соглашения в 1973 г.

МККН — Международная комиссия по контролю и наблюдению во Вьетнаме (International Commission for Control and Supervision / ICCS), заменившая МКК в 1973 г.; имела более широкий состав, но показала себя столь же неэффективной — в частности, соглашение о прекращении огня, за соблюдение которого отвечала комиссия, нарушалось около 18 000 раз.

Монтаньяры (букв. «горцы») — французское название вьетнамских народностей, населяющих горные районы Вьетнама; поскольку подавляющее большинство этих племен придерживалось антикоммунистических настроений, американцы охотно вербовали их в отряды спецназа.

НФОЮФ — Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, созданная в 1960 г. военно-политическая организация для руководства вооруженным сопротивлением центральному правительству в Сайгоне; официально считалась политической коалицией, но по факту полностью управлялась коммунистами.

ОКНШ — Объединенный комитет начальников штабов США.

Отделение — воинское формирование из 8–10 человек под командованием сержанта, поделено на расчеты; четыре пехотных отделения обычно составляют взвод.

Отпуск для отдыха и восстановления сил — недельный отпуск, предоставлявшийся всем американским военнослужащим по крайней мере один раз за время командировки в ТВД, обычно с поездкой на Гавайи, в Гонконг или Австралию.

ПАН — передовой авиационный наводчик.

ПН — передовой наблюдатель-корректировщик артиллерийского или минометного огня.

ПОБ — передовая оперативная база, также база передового развертывания.

Полк — воинское формирование, как правило состоящее из трех батальонов, под командованием полковника.

Правила применения военной силы — директивы, определявшие обстоятельства и ограничения ведения боевых действий вооруженными силами США против войск и объектов противника. В отношении Южного и Северного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи действовали совершенно разные «Правила применения военной силы», которые к тому же менялись в ходе войны.

Программа MEDCAP (Medical Civil Action Program) — программа по оказанию медицинской помощи гражданскому населению силами военных медицинских бригад.

Рота — воинское подразделение под командованием капитана, состоит из 100–180 человек, разделенных на три-четыре взвода.

РПГ — ручной противотанковый гранатомет, чрезвычайно эффективное оружие в руках вьетнамских коммунистов, с дальностью стрельбы до 150 м, использовались советские РПГ-2, позднее РПГ-7.

РС, НС — Региональные силы, Народные силы — ополчение, мобилизованное южновьетнамским правительством для местной обороны; в общей сложности насчитывало 525 000 человек. Отряды ополченцев имели легкое вооружение и подчинялись главам провинций.

РЭП — средства радиоэлектронного подавления, применявшиеся авиацией США для борьбы с северовьетнамскими наземными системами ПВО.

САК — Стратегическое авиационное командование ВВС США, в распоряжении которого находились стратегические бомбардировщики В-52.

Салага (cherry) — неопытный, необстрелянный новобранец.

Саперы — передовые подразделения Вьетконга и ВНА, прошедшие специальную подготовку по обращению со взрывчатыми веществами.

Скауты Кита Карсона — перебежчики из Вьетконга и Северовьетнамской армии, которые после соответствующей идеологической обработки и военной подготовки принимались на службу в разведывательные и боевые подразделения Корпуса морской пехоты США.

СНБ — Совет национальной безопасности США.

СОП (Standard Operating Procedure / SOP) — Стандартная операционная процедура, стандартный порядок действий.

ЦРУ — Центральное разведывательное управление США.

ЦУЮВ — Центральное управление Южного Вьетнама (COSVN — Central Office South Vietnam; вьетнам. Trung Uong Cuc Mien Nam), политический и военный штаб, руководивший всеми действиями партизанских сил на территории ЮВ; обычно находился рядом с камбоджийской границей.

Чиеу-хой (Chieu Hoi) — южновьетнамская правительственная программа «Открытые объятия» по приему и реабилитации перебежчиков из Вьетконга и Северовьетнамской армии; также неофициальное название таких перебежчиков, например: «Он — чиеу-хой».

Глава 1

Красавица и чудовища

Франция цепляется за империю

Давайте начнем эту длинную историю, поражающую своим трагизмом даже по сравнению с бесчисленными военными трагедиями последних веков, не с французов или американцев, а с рассказа о простом вьетнамце. Доан Фыонг Хай родился в 1944 г. в небольшой деревушке на шоссе №6 всего в 30 км от Ханоя. Среди детских воспоминаний Хая — ряды колючей проволоки, окружавшие французский армейский пост на холме возле рынка, и то, как пели ее ржавые нити под порывами ветра. За проволочным ограждением, под развевающимся французским триколором жил вьетнамский трубач по имени Вьен, которого маленький Хай обожал. Вьен подарил ему несколько пустых консервных банок из-под сливочного масла и металлических крышек от бутылок, из которых мальчик соорудил отличную машинку. Вместе со своими друзьями Хай с восхищением слушал рассказы Вьена о сражениях, в которых тот участвовал, рассматривал шрам на его ноге, полученный на Известняковой горе, когда он трубил сигнал к атаке, во время которой бойцы Иностранного легиона якобы убили сотню коммунистов. Он разрешал мальчишкам потрогать свои сержантские полоски и раздаривал им гильзы.

Иногда Вьен пел глубоким грустным голосом, возможно вспоминая о своей матери, умершей год назад. Если у него было хорошее настроение, он вел свой маленький отряд на берег реки и трубил на горне военные мелодии, «одни приводили наши сердца в трепет, другие были настолько печальны, что заставляли плакать». Затем, в один из дней 1951 г., семья Хая погрузила свои нехитрые пожитки в старенький районный автобус, следовавший до Ханоя. Вьен, который как раз дежурил в дорожном патруле, на прощание подарил Хаю две пластинки жевательной резинки и нежно дернул за ухо. Когда автобус отъехал, мальчик обернулся и долго смотрел в окно — на Вьена, махавшего ему рукой в облаке красной пыли, на дома, рисовые поля, бамбуковые рощи и развесистые деревья да на краю деревни, навсегда исчезавшие из его жизни. Впереди Хая ждала череда путешествий и изгнаний, редких

радостей и больших горестей, впрочем, как и весь вьетнамский народ в эти бурные десятилетия. Хотя он сам стал солдатом, никогда больше война не была овеейна в его глазах тем ореолом романтики, которым некогда окружил ее сержант Вьен со своим горном.

Вьетнам пережил тысячу лет китайского владычества и стал независимым только в 938 г. в результате восстания; после этого китайцы еще несколько раз возвращали страну под свое правление, пока не были окончательно изгнаны в 1426 г. Впрочем, обретение независимости не принесло ни стабильности, ни процветания. Вплоть до 1802 г. севером и югом правили соперничающие династии, пока император Зя Лонг не объединил страну силой и не стал править ею единолично из новой столицы Хюэ. В конце XIX в. в ходе очередного империалистического раздела мира Индокитай привлек внимание Франции, которая силой оружия установила свое «прогрессивное доминирование» сначала на юге, в Кохинхине. В мае 1883 г., когда Национальная ассамблея в Париже проголосовала за выделение 5 млн франков на военную экспедицию с целью консолидации региона в качестве «протектората», консервативный политик Жюль Деллафосс заявил: «Господа, давайте называть вещи своими именами. Вам нужен не протекторат, а колония». Разумеется, так оно и было. Французы отправили 20-тысячный экспедиционный корпус в историческую область Тонкин на севере Вьетнама, которую они завоевали после года ожесточенных сражений. Превратив ее в протекторат, французы установили там безжалостное правление: хотя они отменили древний обычай казнить неверных жен, затапывая их насмерть слонами, они распространили смертную казнь посредством обезглавливания, ранее предназначавшуюся только для воров, на всех, кто решался бросить вызов французскому присутствию. Колониальные власти потакали потреблению опиума и даже открыли в Сайгоне фабрику по его переработке.

Вьетнам — страна размерами чуть больше Италии или Французской метрополии площадью около 330 000 кв. км. Здесь преобладает гористая местность с обильной экзотической растительностью; остальное занимают плодородные низменности с чрезвычайно высокой сезонной влажностью. Редкий западный путешественник из числа тех счастливиц, кои были избавлены от необходимости заниматься физическим трудом в этой изнуряющей влажной жаре, не был поражен красотой окружающих пейзажей и не ударялся в поэтические описания «рисовых полей с пасущимися на них водяными буйволами, на спине у которых восседали белые цапли и собирали с них насекомых; буйной растительности столь насыщенных, ярко-зеленых тонов, что от нее рябило в глазах; многочисленных паромов на реках цвета кофе с

молоком; цветистых пагод и деревянных хижин на сваях в окружении стай собак и уток; парящего воздуха, обилия запахов и воды — воды буквально повсюду, отчего создавалось ощущение, будто все вокруг плодится, бурно растет, зреет и размножается».

Европейцы восторгались вьетнамским искусством плетения — соломенными крышами, корзинками самых причудливых форм и конусообразными шляпами. С любопытством разглядывали экзотическую съедобную живность, продававшуюся на уличных прилавках вперемежку с горами неизвестных специй. Удивлялись огромному числу гадалок и игроков в кости, а также выловленным в джунглях бабочкам размером с летучих мышей. Здесь была великолепная водная культура: по рекам и каналам скользили бесчисленные сампаны; рыбалка была не только развлечением, но и щедрым источником пищи. Путешественники красочно описывали петушинные бои, игорные дома-притоны с сомнительной репутацией и пышные церемонии в императорском дворце в Хюэ, где поддерживаемый французами марионеточный император устраивал роскошные обеды с жареными павлинами, по вкусу, говорят, напоминавшими жесткую телятину. К прибрежному району вокруг старой столицы обитатели дельты Меконга относились с большим подозрением, утверждая, что «горы там невысокие, реки не очень глубокие, однако же мужчины склонны к обману, а женщины чрезмерно развратны». Один европеец, влюбленный во вьетнамский язык, писал, что «разговаривающие вьетнамцы похожи на очаровательных уток: их односложный язык в тональных каденциях звучит как череда мелодичных криканий».

В Индокитае насчитывалось более 50 этнических групп; некоторые из них населяли самые дикие районы Аннама, деля их вместе с тиграми, пантерами, слонами, медведями, кабанами и даже носорогами. Две обширные дельты — Красной реки (Хонгха) на севере и Меконга на юге — славились своим уникальным плодородием. Когда начался бум экспортной торговли рисом, французы принялись захватывать эти изобильные земли, вытесняя с них коренных жителей точно так же, как это делали американцы на Диком Западе и британские колонисты в Африке. Население Индокитая облагалось непомерными налогами и фактически оплачивало собственное порабощение. К 1930-м гг. 70% крестьян превратились в арендаторов или сохранили лишь крошечные приусадебные наделы. В первой половине XX в. французские плантаторы — несколько сотен семей, сколотивших приличные состояния в колониальном Индокитае, — относились к вьетнамцам, по словам одного британского путешественника, «как в прежние времена

рабовладельческая аристократия к своим рабам. То было полнейшее презрение, без которого невозможна никакая подлинная эксплуатация».

Колониальная администрация стояла на страже интересов французских плантаторов, каучуковых магнатов и владельцев угольных шахт. Она закрывала глаза на жестокое обращение с местной рабочей силой, а также поддерживала искусственно завышенный обменный курс франка к пиастру, что еще больше обогащало казну метрополии. Французы насаждали среди вьетнамцев свой язык, образование и культуру. По воспоминаниям одного вьетнамца, в школе учили тому, что их предками были галлы. Он узнал, что это не так, только когда его отец, сержант французской армии, строго и гордо сказал ему: «Твои предки были вьетнамцами». Как писал один австралийский хирург, даже среди простых людей существовало осознание «долгой непрерывной истории и древности своей цивилизации».

Положение вьетнамцев было чуть лучше, чем конголезцев под правлением бельгийцев, и чуть хуже, чем индийцев под властью британцев. В жизни вьетнамского высшего и среднего класса существовало глубокое противоречие: поневоле погруженные в европейскую культуру и язык, они мало пересекались с французами за пределами работы. Нгуен Зыонг, родившийся в 1943 г., с детства питал страсть к Тинтину и французским шпионским историям. Тем не менее, считая, как и все азиаты, физический удар наихудшим из оскорблений, он питал отвращение к привычке французских учителей в школе наказывать учеников оплеухами. Его родители никогда не приглашали в гости семью колонов и никогда не получали приглашения от такой семьи. По словам Нормана Льюиса, Сайгон представлял собой «французский провинциальный городок в южной стране. Называть его дальневосточным Парижем столь же глупо, как Кингстон на Ямайке — вест-индийским Оксфордом. Здесь господствует дух чистой коммерции, отсюда — никаких безумных изысков, страстей, показной роскоши... 20 000 европейцев стараются держаться поближе друг к другу, заселяя несколько заросших тамариндами улиц».

Колониальная жизнь казалась большинству ее бенефициаров бесконечно комфортной и приятной — но лишь на какое-то время. Те, кто задерживался здесь слишком надолго, рисковали подцепить куда худшую болезнь, чем малярия или дизентерия, — лишаящую жизненных сил апатичность Востока, усугубляемую потреблением опиума и обилием слуг. Французские колонисты — старожилы Индокитая называли ее *le mal jaune* — «желтая хворь». Господствующее положение не спасало колонистов от презрения со стороны местной знати. Так, во Вьетнаме существовала традиция чернения зубов; белые зубы считались дурным тоном. Говорят, однажды вьетнамский

император, принимая европейского посла, спросил: «Кто этот человек с зубами, как у пса?» Норман Льюис писал: «Они слишком цивилизованны, чтобы плевать при виде белого человека, но демонстрируют полнейшее равнодушие... Даже рикша, которому вы платите вдвое больше принятой таксы — для пущей верности, берет деньги в угрюмом молчании и сразу же отводит взгляд. Весьма некомфортно чувствовать себя предметом всеобщего отвращения, иностранным демоном».

Мало кто из вьетнамцев был доволен французским правлением, и локальные бунты вспыхивали один за другим. В 1927 г. в поселке Виньким в дельте Меконга молодежь организовала самостоятельную группу под названием Объединенная женская группа, которая выступала с антиколониалистскими постановками и концертами. 1930-е гг. ознаменовались всплеском крестьянских демонстраций, поджогов урожая, местных мятежей. Из-за постоянно растущего налогового бремени некоторые крестьяне попадали в тюрьму за неуплату налогов, другие оказывались в неумолимых тисках ростовщиков, в результате чего к 1943 г. почти половина земли во Вьетнаме оказалась сосредоточенной в руках менее 3% крупных землевладельцев. Колониальные власти считали репрессии лучшим лекарством от всех проблем. Так, один офицер вьетнамской службы безопасности издевательски сказал арестованному мятежнику: «Как может кузнечик опрокинуть автомобиль?»

Тем не менее по всей стране действовало множество партизанских и бандитских групп, скрывавшихся на обширных диких территориях. На тюремном острове Пуло-Кондор, о котором ходили страшные слухи, камеры редко пустовали. Колониальные власти отправляли туда вьетнамцев, даже не пытаясь создать видимость надлежащего судебного процесса. Это место стало известно как «революционный университет»; через него прошли многие из тех, кто впоследствии сыграл важную роль в борьбе за независимость страны. Однако человеку, который стал их вождем — и одним из выдающихся революционеров XX в., удалось избежать этой участи.

Хо Ши Мин — «молочное» имя Нгуен Шинь Кунг — родился в 1890 г. в деревушке в центральном Вьетнаме. Его отец, сын императорской наложницы, сумел дослужиться до статуса мандарина, но затем оставил императорский двор и стал школьным учителем. Хо, как и чуть позже его ближайшие соратники Во Нгуен Зяп, Фам Ван Донг и Нго Динь Зьем, учился в престижной государственной школе в Хюэ, основанной в 1896 г., из которой был исключен в 1908 г. за революционную деятельность. Разорвав связи с семьей, Хо некоторое время работал учителем в сельской школе, но в 1911 г. поступил

помощником кочегара на французский грузовой пароход и покинул страну. Три года он путешествовал по миру, затем провел год в Соединенных Штатах, которые его очаровали, после чего перебрался в Лондон и устроился на работу помощником шефа-кондитера в отеле Carlton. Он все активнее интересовался политикой и встречался с националистами всех мастей — ирландскими, китайскими, индийскими. Хо свободно говорил по-английски и по-французски, овладел несколькими китайскими диалектами и позже русским языком.

В 1919 г. он написал обращение к президенту США Вудро Вильсону и другим участникам Версальской (Парижской) мирной конференции, где просил поддержать борьбу вьетнамского народа за независимость: «Все поработанные народы преисполнены надежд в связи с теми перспективами, которые открывает перед ними новая эпоха права и справедливости... в борьбе цивилизации против варварства». В 1920 г. Хо принял участие в съезде Французской социалистической партии, где выступил со своей знаменитой речью: «Несколько минут — слишком мало, чтобы рассказать вам о всех тех злодеяниях, которые совершаются в Индокитае капиталистическими бандитами. В нашей стране больше тюрем, чем школ... Свободы прессы и слова для нас не существует... Мы не имеем права уехать за пределы страны... Они делают все возможное, чтобы одурманивать нас опиумом и алкоголем, превращая людей в животных... Они убивают нас тысячами... чтобы защитить свои интересы». В последующие годы Хо стал плодовитым памфлетистом и много писал для газет левого толка, часто цитируя Ленина.

В 1924 г. он поехал в Москву, где познакомился с вождями молодого социалистического государства и несколько месяцев учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, после чего отправился в китайский Кантон в качестве переводчика советского советника, прикомандированного к Чан Кайши. Спустя три года, когда Чан объявил коммунистов врагами, Хо вернулся в Европу. Один из его французских товарищей вспоминал, что однажды, когда они беседовали с Хо, стоя на мосту через Сену, тот задумчиво сказал: «Я всегда мечтал стать ученым или писателем, но так вышло, что я стал профессиональным революционером. Мне приходится бывать во многих странах, но я мало что там вижу. У меня — строгие приказы, мой маршрут тщательно прописан. Я иду по пути, с которого не могу свернуть».

«Приказы» от кого? В жизни Хо Ши Мина было много загадок. Он никогда не был женат; по-видимому, его эмоциональные потребности полностью удовлетворялись приверженностью политической борьбе. Кто финансировал его путешествия по всему миру? Находился ли он на

службе у Москвы или же получал финансовую помощь от своих политических попутчиков? Неудивительно, что он стал коммунистом: мировой капитализм был имманентно враждебен его устремлениям. Хо был примечателен не столько своим учением и политическими взглядами, которые не отличались оригинальностью, но своим необычайным даром внушать веру, преданность и даже любовь другим людям. Вот как описал один вьетнамский студент свою первую встречу с Хо в Париже: «Ему была присуща хрупкость, даже болезненная бледность. Но это лишь подчеркивало то невозмутимое достоинство, которое окутывало его, словно доспехи. Он излучал внутреннюю силу и щедрость духа, которые поразили меня в самое сердце».

В 1928 г. Хо посетил Бангкок, где встретился с находящимися в изгнании индокитайскими националистами. В следующем году в Гонконге он председательствовал на встрече лидеров соперничающих вьетнамских политических организаций, которая, чтобы не привлекать внимание полиции, проходила на стадионе во время футбольного матча. Он убедил своих соотечественников объединиться под знаменем Коммунистической партии Индокитая, которая в 1931 г. была официально признана Коминтерном. В последующие годы во Вьетнаме произошла серия восстаний. В ответ французы подвергли бомбежкам повстанческие деревни и обезглавили многих местных лидеров. Хотя Хо не был напрямую причастен к организации восстаний, он был объявлен в розыск в европейских странах и колониях. Ему пришлось скрываться от властей; в конце концов он уговорил одного больничного служащего в Гонконге объявить его мертвым и сбежал в Китай. После этого он жил между Китаем и СССР, страдая от тяжелых лишений и болезней. Один французский коммунист, встретившийся с Хо в этот период, описал его как человека «натянутого как струна, одержимого одной мыслью: освободить свою страну».

В начале 1941 г., спустя 30 лет, Хо тайно вернулся во Вьетнам, путешествуя пешком и на сампанах. Именно тогда он взял себе псевдоним, под которым вошел в историю, — Хо Ши Мин, или «Несущий свет». Он поселился в пещере в горах на севере страны и принялся спланировать вокруг себя революционно настроенную молодежь, среди которой были и будущие герои революции Фам Ван Донг и Во Нгуен Зяп. Молодые люди прозвали 50-летнего Хо Ши Мина «дядюшкой Хо». Как впоследствии вспоминал Зяп, он представил Хо своему маленькому партизанскому отряду так: «Товарищи, этот пожилой человек — уроженец наших мест, крестьянин, который любит революцию». Но все сразу поняли, что он — не местный и уж определенно не крестьянин. Он нарисовал карты Ханоя для тех, кто никогда не был в городе, и посоветовал копать туалеты. Один ветеран

вспоминал: «Про себя мы думали: “Что это за старик, который дает нам советы, что нам делать с нашим дерьмом?!”» Тем не менее Хо быстро стал общепризнанным лидером не только местной группы, но и новой коалиционной организации под названием Лига независимости Вьетнама, сокращенно Вьетминь. Хотя лидеры движения не старались скрывать своих идеологических взглядов, лишь намного позже они открыто объявили коммунизм единственно допустимым учением.

Завоевание нацистами Западной Европы существенно пошатнуло власть Франции в ее колониях и усугубило страдания подчиненных народов. В Индокитае колониальные власти под предлогом нужд военного времени реквизировали у населения все, вплоть до предметов первой необходимости — спичек, одежды, лампового масла. В 1940 г. коммунисты организовали в дельте Меконга короткое восстание, в ходе которого были убиты несколько французских чиновников. Размахивая флагами с серпом и молотом, повстанцы захватили склады с рисом и раздали его населению, разрушили несколько армейских постов и мостов. Так называемое восстание в Намки длилось всего 10 дней, и в нем приняла участие лишь незначительная часть населения, однако же оно в полной мере показало гнев, который бурлил под поверхностью.

Летом 1940 г. Япония, воспользовавшись своим военным доминированием в регионе, ввела войска в Индокитай, якобы чтобы прервать транзит военных поставок из западных стран в Китай. Постепенно военное присутствие переросло в оккупацию Индокитая, что вынудило Франклина Рузвельта в июле 1941 г. наложить на Японию знаменитое нефтяное эмбарго. Хотя номинально Индокитай остался французским, в нем всецело хозяйничали японцы. Остро нуждаясь в сырье для своей промышленности, они заставили вьетнамцев сократить производство риса в пользу хлопка и джута. Это, вкупе с насильственным вывозом продовольствия, привело к тому, что в самом богатом рисопроизводящем регионе Юго-Восточной Азии население начало голодать.

Ситуация усугубилась в 1944 г., когда в результате засухи и последовавших за ней наводнений в стране разразился повсеместный голод, приведший к смерти по меньшей мере 1 млн вьетнамцев — каждого десятого жителя Тонкина. По своим масштабам это бедствие было сопоставимо с голодом в Восточной Бенгалии в британской Индии в 1943 г. Имелись достоверные сообщения даже о случаях каннибализма среди местного населения. Однако французов все это не коснулось. Голод остался в памяти многих северных вьетнамцев как самый ужасающий опыт в их жизни, даже на фоне пережитых впоследствии войн. Один вьетнамец, выросший в деревне под Ханоем, вспоминал, что в детстве мать строго ругала детей за небрежное

обращение с едой, говоря: «Если бы ты пережил 1945 г., ты бы так не делал!»

Другой крестьянин описывал заброшенные деревни и отчаявшихся людей: «Тощие тела в лохмотьях бродили по проселочным дорогам и городским улицам. Потом на обочинах дорог, во дворах пагод, в городских парках, на площадях перед церквями, рынками, автобусными и железнодорожными вокзалами стало появляться все больше трупов. Группы голодных мужчин и женщин с младенцами на руках и детьми рыскали по садам и полям в поисках всего, что можно было съесть: они ели зеленые бананы, почки и сердцевину банановых стволов, побеги бамбука. Жителям нашей деревни приходилось защищать свои земли с оружием в руках». Трупы увозили на запряженных волами телегах и хоронили в общих могилах. Однажды его трехлетняя сестра ела рисовый пирог на пороге дома, когда к ней подскочил изможденный парень, «похожий на призрака в лохмотьях», выхватил кусок пирога и убежал прочь.

В некоторых районах власти организовали благотворительные кухни, где голодающим раздавали жидкую кашу, и те выстраивались за ней в огромные очереди. Ван Ки, в то время тонкинский подросток, впоследствии ставший известным вьетнамским бардом, вспоминал: «Когда утром ты выходил из дома, под дверью нередко можно было обнаружить труп. Если где-то собралась большая стая ворон, значит, там тоже лежал труп». Удивительно ли, что в таких условиях все больше людей становились революционерами? Ван Ки родился в 1928 г. в крестьянской семье, но вырос в доме своего дяди, необычайно образованного человека. Благодаря ему Ки познакомился с баснями Лафонтена, по которым в детстве разыгрывал собственные маленькие пьесы, и зачитывался французскими романами, такими как «Отверженные» Виктора Гюго. В возрасте 15 лет Ки распространял коммунистические листовки и возглавлял вооруженный отряд местного подполья, пока в конце концов не решил, что своими творческими талантами принесет делу революции больше пользы, чем военными. Коммунистические пропагандисты хорошо понимали всю силу воздействия музыки и использовали для распространения своих идей традиционные народные песни, исполнявшиеся странствующими труппами. Чуть позже Ван Ки написал балладу «Хи Вонг» — «Надежда», которая стала одним из любимых гимнов революционно-освободительного движения. История Ван Ки наглядно продемонстрировала примечательную особенность вьетнамской борьбы за независимость: уважение к французской культуре не препятствовало решительному намерению изгнать французов из Вьетнама.

Победный марш Вьетминя

Завершающий этап Второй мировой войны изменил расстановку сил в регионе. В марте 1945 г. японцы организовали в Индокитае переворот, свергнув французский марионеточный режим и установив в стране свою власть. Колониальная система была устойчивой лишь до тех пор, пока подчиненные народы воспринимали ее как неизбежный порядок вещей — отношение, которое в Юго-Восточной Азии навсегда кануло в лету. Жестокость новых правителей отвращала от них вьетнамцев, но многие были впечатлены военной мощью азиатского соседа: некоторые называли японцев «оай» — «внушающими страх». В июле Управление стратегических служб США (УСС) — американский «спонсор» партизанской войны — направило в Индокитай группу агентов во главе с майором Архимедом Патти, чтобы наладить контакты с Хо Ши Мином. Эти неопытные молодые американцы, как и их британские коллеги в оккупированных странах по всему миру, были рады найти друзей во враждебной среде: они смотрели на происходящее, на своих новых друзей и их намерения через розовые очки романтики. Один 22-летний вьетнамский партизан, решив подшутить над агентом УСС, предупредил того, что опасно выходить за пределы партизанского лагеря в Танчао: «Если ты попадешь в руки японцев, они съедят тебя, как свинью!» Когда он рассказал об этой шутке Зяпу, тот сделал ему жесткий выговор: «Мы — революционеры, а эти американцы — наши союзники, поэтому мы должны вести себя с ними культурно и цивилизованно».

Политика Вашингтона в Индокитае была неумелой и непоследовательной. Его военные союзники были больше озабочены завершением разгрома Германии и Японии. Между тем местные националисты, от Югославии до Бирмы и от Греции до Вьетнама, как только оттуда изгонялись силы гитлеровской коалиции, разворачивали активную борьбу, чтобы взять политическую власть в свои руки. Освободившись от фашистского ига, колониальные подданные не желали возвращаться под гнет своих бывших хозяев, будь то французы, британцы или голландцы. Агенты УСС были очарованы личностью Хо Ши Мина и позволили убедить себя в том, что поставляемое американцами оружие будет использовано только против японцев. Партизаны Вьетминя даже устроили несколько небольших показательных акций против японских оккупантов, тогда как втайне продолжали копить оружие и строить планы против своего главного врага — французов. Военачальником партизанских сил Хо назначил своего верного соратника Во Нгуен Зяпа. Бывший учитель и заядлый любитель истории, Зяп не имел никакого военного образования, когда

22 декабря 1944 г. сформировал первый вооруженный отряд — так называемый Отряд пропаганды, состоявший всего из 34 бойцов, включая трех женщин. 15 мая 1945 г. этот отряд вошел в состав вновь созданной Армии освобождения Вьетнама.

Современная история Вьетнама с нескрываемым удовлетворением повествует о том, как вьетнамские коммунисты использовали западные страны для достижения собственных целей. Так, в 1943 г., после захвата союзными силами французского Мадагаскара, где правил провишистский режим, британское Управление специальных операций завербовало семерых вьетнамских заключенных, которые прозябали в местной тюрьме. Те заверили своих освободителей, что хотят вернуться на родину и освободить ее от врагов, не упомянув, однако, о том, что врагами своей страны считают не столько японцев, сколько французов. Далее история Вьетмина гласит: «Эти семеро притворились, что хотят стать агентами Союзников, но их сердца и умы принадлежали коммунистической партии». После небольшого курса подготовки их забросили на парашютах во Вьетнам. Новоиспеченные агенты опасались возмездия, за то что они согласились работать на британскую разведку, однако коммунисты приняли их с распростертыми объятьями. Им сразу же поручили передать в Калькутту просьбу увеличить поставки оружия, средств связи и медикаментов, которые якобы предназначались для борьбы с японскими оккупантами.

Внезапная капитуляция Японии в августе 1945 г. позволила Хо перехватить инициативу и заполнить образовавшийся вакуум власти. Его эмиссары убедили Бао Дая, слабохарактерного и бездеятельного молодого марионеточного императора Вьетнама, написать в Париж письмо, заявив о том, что единственный способ для Франции сохранить свое положение во Вьетнаме — «открыто и прямо признать его независимость». Генерал Шарль де Голль, глава Временного правительства Франции, отказался отвечать на это послание, однако же был вынужден отреагировать, когда 25 августа Бао Дай отрекся от престола, перед этим пригласив Хо Ши Мина сформировать правительство. Вождь Вьетмина отправился со своими последователями победным маршем в Ханой, столицу Тонкина, и 2 сентября 1945 г. перед огромной восторженной толпой, собравшейся на городской площади Бадинь, провозгласил создание независимой Демократической республики Вьетнам. «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола, — сказал он. — Наш народ разрушил цепи колониального рабства, сковывавшие его на протяжении более чем столетия».

Эта новость была транслирована по радио по всей стране. Современник тех событий, в то время школьник, живший к югу от Хюэ,

вспоминал: «Наши учителя были очень счастливы. Они сказали нам, чтобы мы шли на улицы и праздновали независимость вместе со всеми. Они сказали: даже когда вы будете стариками... вы должны помнить этот день». Хо позаботился о том, чтобы представить переворот в надлежащем пропагандистском свете: в своей речи он процитировал Декларацию независимости США и уговорил агентов УСС сфотографироваться на церемонии поднятия флага Вьетминя. Фортуна благоволила Хо: как раз в этот момент в небе проревела эскадрилья американских истребителей Р-38 — в глазах тысяч собравшихся это было знаком того, что Соединенные Штаты благословили новое правительство.

На самом же деле, в отсутствие строго политического курса со стороны Вашингтона, молодые идеалисты из УСС и Госдепартамента фактически проводили собственную политику. Патти, на тщеславии которого Хо играл как на лютне, описывал лидера Вьетминя как «добрую душу», а один из его коллег вспоминал: «Мы рассматривали Хо в первую очередь как борца за национальную независимость и лишь потом — как коммуниста». Патти впоследствии признавался: «Возможно, я был несколько наивен в отношении тех намерений и целей, которые стояли за использованием слов [из Декларации независимости США 1776 г.] ... Но, как бы то ни было, я был убежден, что вьетнамцы имели законное право требовать и получить независимость. В конце концов, разве [во Второй мировой войне] мы воевали не за это?»

Харизматичный вождь зачастую является решающим фактором успеха в революционной борьбе — возьмите Ганди и Неру в Индии, Кениату в Кении, Кастро на Кубе. В 1945 г. Хо Ши Мин стал единоличным вождем вьетнамского движения за независимость и сумел заручиться такой легитимностью своей власти, что та оказалась неприступной, даже когда его режим стал проявлять свое истинное, подчас варварское лицо. Нгуен Као Ки, в то время 16-летний подросток, вспоминал, что в те дни «у меня на губах, как и у всех моих сверстников в Ханое, было только одно имя — Хо Ши Мин». Во многих домах висели его портреты. По словам другого молодого вьетнамца, они «изголодались по герою, которому можно было поклоняться». Французы не пытались возвращать местную политическую элиту, которая сочувствовала бы чаяниям собственного народа; в результате богатые и образованные вьетнамцы существовали в мире, абсолютно чуждом миру крестьян и простых людей. Хо и его соратники хорошо понимали, что коммунистические идеи не получают широкой поддержки, поэтому они объединили значительную часть вьетнамского общества под эгидой изгнания французов. Как бы то ни было, в последующие

годы произошло нечто мистическое: Хо достиг почти божественного статуса, с которым не мог сравниться ни один другой правитель в мире.

В первые годы борьбы за независимость земли крупных землевладельцев в «освобожденных зонах» в принудительном порядке передавались в собственность крестьян. Хо и его соратники умалчивали о том, что рассматривают это перераспределение земель всего лишь как промежуточный шаг на пути к коллективизации. Тем временем приближенная к Хо верхушка и подконтрольные СМИ рисовали идеалистические картины жизни в СССР, расхваливая его как рай на земле и образец для подражания для Вьетнама. Умело окружая себя аурой достоинства и мудрости, которая неизменно производила на людей глубочайшее впечатление, Хо показал себя гениальным политическим манипулятором. Под добродушной личиной «дядюшки Хо» скрывалось качество, необходимое для всех революционеров: абсолютное равнодушие к человеческим жизням, к той цене, которую платил его народ за принятые им политические решения. Возможно, человечеству давно пора оценивать политические движения не по их капиталистической, коммунистической или даже фашистской направленности, а по их отношению к человеку — фундаментальной гуманности. Что касается Вьетнама, то один из его лидеров, Во Нгуен Зяп, четко выразил его позицию: «Во всем мире каждую минуту умирают сотни тысяч человек, а потому гибель сотен, тысяч и даже десятков тысяч наших соотечественников не значит почти ничего».

Действия Хо Ши Мина отражали ту же убежденность, хотя ему хватало политической дальновидности не озвучивать подобные мысли перед представителями Запада. Велось много споров о том, был ли он «настоящим» коммунистом или же просто националистом, принявшим учение Ленина в силу политической необходимости. Все имеющиеся факты свидетельствуют в пользу первого. Он никогда не был титоистом, как предполагали некоторые его западные апологеты, и неоднократно осуждал выход Югославии из советского блока в 1948 г. Он открыто восхищался Сталиным, хотя тот никогда не отвечал ему взаимным доверием и не предлагал какой-либо значительной помощи.

Также представляется маловероятным предположение о том, что Вьетнам мог бы избежать коммунизма, если бы Франция в 1945 г. объявила о своем намерении покинуть страну и запустила срочный переходный процесс, найдя надежных местных лидеров и подготовив их к управлению страной, как это сделали британцы перед уходом из Малайи. Как бы то ни было, французы выбрали наиболее самоубийственный путь, заявив о своей железной решимости не допустить независимости Вьетнама. Непримируемость колонистов

обеспечила Хо Ши Мину позицию морального превосходства в предстоящей борьбе.

Главная ответственность за эту ошибочную политику лежит на де Голле. В марте 1945 г. он отверг предложение Пьера Мессмера, ответственного по делам колоний и заморских территорий, начать переговоры с Вьетминем. Вместо этого высокомерный генерал отправил в Сайгон нового верховного комиссара — адмирала Тьерри д'Аржанлье, убежденного колониалиста, поручив ему вернуть Индокитай под французское правление. В некоторых частях мира, особенно в Африке, отсутствие пользующихся народным доверием националистических сил позволило европейским империям еще несколько десятилетий удерживать свою власть и привилегии. Но во Вьетнаме, как и по всей Азии, колониальная система начала трещать по швам, как только на сцену вышли местные лидеры, к голосу которых прислушивалось население. Это была новая реальность, которую Франция на протяжении следующего десятилетия упрямо старалась отрицать.

12 сентября 1945 г., менее чем через месяц после того, как Вьетминь захватил власть в Ханое, в Сайгоне высадились британо-индийские войска. Они освободили из тюрем озлобленных французских колонистов и после серии беспорядочных и кровавых стычек, в которых японцы иногда воевали на стороне союзных сил, очистили город и юг страны от вьетминевцев. Командующий британским корпусом генерал-майор Дуглас Грейси заявил: «Вопрос о правлении Индокитаем — исключительно дело Франции». Один из его офицеров так описал первую встречу с представителями Вьетминя: «Они явились ко мне и сказали “Добро пожаловать” и все такое. Мне было неприятно это слышать, и я быстро выставил их за дверь. Совершенно очевидно, что это были коммунисты». Некоторые резко критикуют Грейси, за то что он использовал оружие для подавления вьетнамских борцов за независимость. Но не нужно забывать, что Грейси не был ни Цезарем, ни даже Маунтбеттеном; как и многие другие генералы в те дни, он просто выполнял данный ему приказ: штыками восстановить довоенный порядок.

По просьбе Вашингтона Чан Кайши направил на север Вьетнама 150 000 своих солдат, чтобы помочь союзным силам установить контроль над страной. Вьетнамцы называли их «тау-фу» — «опухшими китайцами», потому что у многих из них, вероятно из-за болезни бери-бери, распухли ноги. Китайцы вели себя скорее как саранча, чем как воины, сьедая в сельской местности все, что можно было съесть, и забирая из крестьянских домов все, что можно было унести. Они не могли помешать распространению политического влияния

харизматичного Хо и даже продавали оружие Вьетминю. В начале октября 1945 г. в Сайгон прибыли первые части французского экспедиционного корпуса, однако активные военные действия по восстановлению контроля над севером страны начались только через год — отсрочка, которая стала бесценной для коммунистов и фатальной для колониалистов.

Фам Фу Банг, 16-летний студент, мечтавший о независимости своей страны, считал Вьетминь исключительно национально-освободительным движением: «Тогда я ничего не знал о коммунизме». Когда японцы оккупировали страну, он с воодушевлением наблюдал за тем, как их соседи-азиаты унижают бывших французских господ — «словно два могучих буйвола сцепились рогами». После капитуляции Японии Банг присоединился к рядам революционеров-националистов: он воровал оружие у зазевавшихся китайских солдат, писал плакаты с лозунгами «Да здравствует Хо Ши Мин!» и «Да здравствует свободный Вьетнам!». Однажды его отправили сопровождать поезд с рисом, направлявшийся на север в пострадавшие от голода районы. Когда они доехали до разбомбленного союзниками моста, вьетминевцы решили обратиться за помощью к местным жителям, чтобы переправить мешки через реку. Но вскоре поезд был осажден толпой голодающих людей. К Бангу подошел человек, больше похожий на скелет, и Банг насыпал ему банку риса. Но человек отчаянно просил насыпать еще одну банку для своего ребенка. «Мы много спорили между собой, кто виноват в этой ужасающей ситуации — японцы, которые оккупировали нашу страну, французы, которые ели, сколько хотели, не думая о вьетнамцах, или американцы, которые бомбили железные дороги. Мы решили, что виноваты все трое. Мы спрашивали у себя: почему у нашей маленькой небогатой страны столько врагов?»

В течение 1945–1946 гг. Вьетминь поглотил некоммунистическую организацию Авангард молодежи и подавил другие оппозиционные группы на севере страны. Многие лидеры соперничающих движений были брошены в тюрьмы, а в сельской местности было ликвидировано несколько тысяч предполагаемых «врагов народа». 4 января 1946 г. Вьетминь поспешил объявить о своем триумфе на общенациональных выборах, результаты которых, несомненно, были фальсифицированы, — практика, которая стала стандартной во Вьетнаме в последующие десятилетия. На протяжении короткого периода времени, пока на севере присутствовали китайские войска и представители союзных сил, вьетминевцы сохраняли видимость свободы слова. Но к середине июня, когда бóльшая часть армии Чан Кайши покинула страну, чистки возобновились.

Люди Хо оперативно и твердой рукой захватили власть в сельской местности, особенно в удаленных районах на границе с Китаем. Но в дельте Меконга, где к началу 1946 г. французы восстановили свой контроль, повстанцам приходилось действовать тайно от колониальной администрации. Среди активных деятелей вьетминевского подполья был прошедший тюремные университеты Ле Зуан, который спустя два десятилетия будет править Вьетнамом. Поскольку французы изгоняли вьетминевцев из городов, он, как и многие его соратники, обосновался в сельской местности в дельте Меконга, чтобы начать партизанскую борьбу с колониальной властью.

То, что Франция избрала заведомо обреченный курс, отчасти можно объяснить унижением, пережитым ею во Второй мировой войне. Аналогичная колониальная катастрофа была предотвращена в Индии, не в последнюю очередь благодаря мудрости британских избирателей, которые на выборах 1945 г. поддерживали социалистическое правительство, принявшее историческое решение покинуть Индийский субконтинент и Бирму. В отличие от этого, летом 1945 г. в Париже чернокожий сенатор от Французской Гвианы Гастон Моннервилль заявил: «Без Империи Франция сегодня была бы не более чем освобожденной страной... Благодаря своей Империи Франция стала страной-победительницей». Череда сменяющих друг друга правительств Четвертой республики была немошной во всем, кроме готовности применять силу в заморских владениях с безжалостностью, с которой не мог сравниться даже СССР. Когда в мае 1945 г. в Алжире вспыхнуло стихийное восстание, в ходе которого было убито около сотни европейцев, французские войска в ответ уничтожили почти 25 000 алжирцев. При подавлении восстания в марте 1947 г. на Мадагаскаре, где 37 000 колонов правили более чем 4,2 млн чернокожих подданных, было убито 90 000 человек. Только в обессиленном послевоенном мире, исчерпавшем свои запасы праведного гнева, европейской державе могли безнаказанно сойти с рук горы трупов. Однако французы восприняли молчание как карт-бланш: если мир закрыл глаза на кровопролитие в Алжире и на Мадагаскаре, значит, то же самое можно сделать в Индокитае.

Впрочем, гораздо больше, чем бесчеловечность французов, озадачивала проявленная Соединенными Штатами готовность оказать им поддержку. Без американской военной помощи колониальная политика Парижа рухнула бы в одночасье. Историк Фредрик Логеваль заметил, что решение США помочь послевоенному восстановлению Франции было бы в высшей степени похвальным, если бы американцы отказались поддерживать ее имперские безумства. Вероятно, эту весьма спорную политику США отчасти можно объяснить тем, что, хотя на тот

момент холодная война еще не достигла «ледяной» стадии, вашингтонские политики не могли спокойно смотреть на то, как коммунисты захватывают все новые территории. Даже если на словах американские либералы ненавидели колониализм, в эпоху, когда в их собственной стране расовая сегрегация по-прежнему оставалась нормой, подчинение белыми людьми «низших рас» не казалось им таким уж вопиющим злом, как несколько десятилетий спустя. Таким образом, несмотря на скорее колониальную, нежели антикоммунистическую направленность французской политики в Индокитае в конце 1940-х гг., Соединенные Штаты ее поддерживали: если на то пошло, интересы вьетнамского, малагасийского, алжирского и других подчиненных народов не входили в число приоритетов президента Трумэна.

Некоторые вьетнамцы поначалу расценили возвращение французов как приемлемую временную целесообразность, чтобы избавиться от китайской армии, разграблявшей север страны. Хо Ши Мин официально возглавил новую Демократическую Республику Вьетнам в Тонкине — и Франция символически признала и республику, и Хо как ее президента. В июле 1946 г., когда Хо прибыл в Париж, чтобы провести переговоры о конституционном будущем своей республики, его встретили со всеми почестями, как главу государства. Но это оказалось не более чем бутафорией. В ходе переговоров в Фонтенбло французское правительство ясно дало понять, что Хо пригласили в Париж не договариваться о передаче власти, а чтобы получить инструкции от своих хозяев. Позиция де Голля была непоколебима: «Вместе с заморскими территориями, которые французы открыли для цивилизации, Франция — великая нация. Без этих территорий она перестанет быть таковой».

Глава французской делегации презрительно заявил лидеру Вьетминя: «Нам хватит обычной полицейской операции и восьми дней, чтобы избавиться от всех вас». Несколько недель после этого Хо пребывал в отчаянии. Чыонг Ньы Танг, который три десятилетия спустя станет министром временного революционного правительства Южного Вьетнама, был в числе вьетнамских студентов, которые встретились в Париже со своим героем. Новоиспеченный национальный лидер бесповоротно завоевал их сердца, когда попросил называть себя «дядюшкой Хо», а не «господином президентом». Он поинтересовался у них, каким они видят будущее Вьетнама, и посвятил общению с ними целых полдня. Трудно представить другого мирового лидера, который при подобных обстоятельствах сделал бы то же самое. «Когда Хо узнал, что среди членов студенческой группы есть представители и севера, и юга, и центра страны, он воскликнул: “Итак, молодое поколение нашей

великой семьи... вы должны помнить, что реки высыхают, горы разрушаются, но нация вечна”». Его слова глубоко поразили молодых патриотов: «...то был язык лозунгов и поэзии, с помощью которого вьетнамские вожди всегда сплачивали людей... С того дня я стал верным сторонником Хо Ши Мина. Меня покорили его простота, обаяние, дружелюбие. Его пламенный патриотизм стал для меня идеалом на всю оставшуюся жизнь».

Хо вернулся в Тонкин, понимая, что никакие мирные договоренности невозможны. Французы, как всегда, вели двойную игру: как только они перебросили во Вьетнам дополнительные войска, самолеты и военные корабли, они ужесточили свою хватку на юге, после чего двинулись на север. Летом 1946 г. командующий французскими войсками в Индокитае Филипп Леклерк объявил Хо врагом Франции и предрек повстанцам полный разгром. Прошедший Вторую мировую войну генерал с презрением относился к так называемому министру обороны Вьетминя Во Нгуен Зяпу. Своей широкой, заразительной улыбкой Зяп вводил западных людей в заблуждение, создавая впечатление более добродушного и мягкого человека, чем Хо. На самом же деле безжалостность Зяпа могла сравниться только с его тщеславием: пренебрежительные высказывания Леклерка лишь разжигали его пламя ненависти к колонизаторам.

Через некоторое время Леклерк изменил свое мнение, убедившись в том, что Франция не сможет удержать Индокитай перед лицом непримиримой враждебности, сплотившей коммунистические и некоммунистические силы, но это произошло слишком поздно. Вскоре после этого он погиб в авиакатастрофе в Африке, и политика метрополии в Индокитае оказалась полностью сосредоточенной в руках Тьерри д'Аржанлье. Отличаясь поистине иезуитской гибкостью, верховный комиссар убедил Париж в том, что Вьетминь можно раздавить: «Иметь дело с Хо Ши Мином для нас невозможно... Нам следует найти других людей, с которыми мы сможем договориться». Французы решили восстановить у власти отрекшегося императора Бао Дая. Однако во Вьетнаме, как и во многих других угнетенных странах по всему миру, наступила эпоха подъема левых сил. Ни один другой потенциальный вьетнамский лидер не пользовался и малой долей той народной любви, которую сумел завоевать Хо.

В ноябре 1946 г., после срыва переговоров, французы подвергли интенсивной бомбардировке с воздуха и ударам с моря предполагаемые лагеря Вьетминя в портовом городе Хайфон и вокруг него. Погибло несколько тысяч человек; только европейский квартал избежал разрушений. 19 декабря д'Аржанлье выдвинул ультиматум, потребовав от Вьетминя вывести из города свои вооруженные формирования,

однако в ответ вьетминевцы подняли вооруженное восстание в Ханое, которое продолжалось почти 60 дней. В результате ожесточенных боев французы выдавили вьетминевцев из разрушенного города и поспешили объявить о том, что восстановили контроль над Тонкином.

Но иностранные наблюдатели были настроены скептически. В декабре корреспондент лондонской The Times написал: «Как только колониальная власть начинает отвечать насилием на насилие, она заведомо обрекает себя на поражение. Даже если французская армия сумеет отвоевать бóльшую часть Индокитая, ни один француз, будь то чиновник, фермер или торговец, не сможет жить за периметром колючей проволоки». Для Хо и Зяпа стало очевидно: им нужно готовиться к затяжной войне. В поисках новых баз, находящихся вне досягаемости для французских бомбардировщиков и военных кораблей, они приказали своим вооруженным отрядам, в общей сложности насчитывавшим около 30 000 бойцов, покинуть города и деревни и отправиться во Вьетбак, удаленный лесисто-гористый район на северо-западе страны.

Лидеры Вьетминя, ставшие обитателями пещер и лесных хижин, не питали иллюзий по поводу того, что со своим ополчением смогут добиться полной военной победы. Они избрали другую стратегию: сделать французское присутствие в Индокитае непомерно дорогостоящим. Небольшие подпольные группы вели партизанскую войну по всей стране, в то время как регулярные формирования проводили организованные боевые операции на севере, когда представлялись благоприятные условия. Вьетминевцы полагались в основном на захваченное оружие, но вскоре при помощи 3000 японских дезертиров наладили и собственное оружейное производство. Проявляя безграничную изобретательность, они перезаряжали использованные французские гильзы и изготавливали мины из захваченных артиллерийских снарядов и минометных бомб. К тому времени Вьетминь открыто или тайно поддерживали в общей сложности около 10 млн человек, которые платили ему разного рода налоги, несли трудовую повинность или воевали в его рядах. Хотя Вьетминь осуждал торговлю опиумом как проявление колониальной эксплуатации, Хо не видел ничего зазорного в том, чтобы использовать ее как источник доходов для своего революционного движения.

Семья всегда была священным институтом вьетнамского общества, но в те дни многие семьи распадались из-за идеологических разногласий. Отец 10-летнего Чан Хоя был мелким торговцем в Ханое и убежденным сторонником французского правления. «Если нам придется выбирать между колониальным господством и коммунизмом, — заявил он, — я выберу колониализм, потому что это открывает нам

доступ к западной цивилизации». Он вдрызг разругался с дядей Хоя, врачом, который объявил о своем решении присоединиться к движению Хо Ши Мина. Такие семейные расколы оставались открытыми ранами на протяжении многих последующих десятилетий. Война в Индокитае только начиналась.

Глава 2

«Грязная война»

Паровые катки

В первые месяцы 1947 г. Шарль Трене напомнил всему миру о красоте французского языка, напевая своим проникновенным голосом: «...la mer, qu'on voit danser la long des golfes claires». Впрочем, при переводе с французского весь налет таинственного романтизма исчезал: «Море, что танцует вдоль прозрачных заливов». Кристиан Диор покорило воображение модниц новым стилем New Look с его пышными юбками, осиной талией и подчеркивающими грудь лифами. Люди с удовольствием стряхивали с себя аскетизм военного времени. Французская культура, стиль и красота, естественная или рукотворная, переживали новый расцвет. Обосновавшаяся в Париже британская писательница Нэнси Митфорд язвительно высмеивала своих соотечественников за их неспособность сравниться с французами в остроумии, утонченности и кулинарном искусстве.

И однако же этот умный, болезненно самолюбивый и умеющий наслаждаться жизнью народ ввязался в кровопролитную колониальную войну почти в 13 000 км от дома, которая в конечном итоге унесла жизни более 90 000 французов и несравнимо больше вьетнамцев. Большинство жителей французской метрополии относились к войнам за сохранение заморских колоний Империи — так называемым *les sales guerres*, или «грязным войнам», — с равнодушием, если не с откровенным цинизмом. Де Голль, который на тот момент находился в политическом изгнании, с опозданием осознал, что Франция не имеет в Индокитае жизненно важных интересов и не в состоянии его удержать. Однако колониалистское меньшинство было слишком влиятельно, чтобы позволить стране сойти с этого курса.

Джордж Оруэлл как-то сказал, что самый быстрый способ закончить войну — проиграть ее. Франции потребовалось на это почти десять лет. В разных регионах Индокитая война принимала разные формы. На севере значительные французские силы сражались с крупными регулярными формированиями Вьетминя, которые в конечном итоге

стали насчитывать более 60 000 человек, не считая сменяющих друг друга крестьянских носильщиков. Вьетминь объявил сухой сезон с октября по апрель «наиболее благоприятным для боевых действий», а дождливые месяцы с мая по октябрь, когда передвижение было существенно затруднено, использовал для отдыха, военной подготовки, передислокации сил и планирования¹. В городах и деревнях французы столкнулись с непрерывной чередой терактов — взрывами бомб в переполненных кафе, расстрелами чиновников. Такие инциденты стали обычным делом. Как-то на приеме у мэра Хайфона гости услышали неподалеку взрывы и стрельбу². На мгновение они встревожились, но, когда им сообщили, что полицейские «всего лишь» застрелили вьетминевца, который бросил гранату в полицейский участок, они как ни в чем не бывало вернулись к разговорам и коктейлям. Однажды партизаны, вооруженные гранатами и старыми британскими пулеметами, ворвались во время праздничного ужина в дом французского чиновника на Мысе Сен-Жак недалеко от устья реки Сайгон³. Они убили восьмерых мужчин, двух женщин, шестерых детей и четверых вьетнамских слуг.

По всей сельской местности для защиты деревень и дорог французы создали целую сеть из почти 1000 фортов и мирадоров (сторожевых башен), окруженных минными полями, заграждениями из колючей проволоки и рифленого железа, бревнами, мешками с песком и рвами с заостренными бамбуковыми кольями. Однако эти укрепления были почти бесполезны против вьетминевцев, которые выкапывали мины противника для собственного пользования и без труда обходили любой военный пост. На Черной реке маломерные французские суда вступали в ожесточенные схватки с партизанами, скрывавшимися на ее берегах.

Между тем в горных районах и джунглях бойцы спецподразделения GCMA (Groupement de Commandos Mixtes Aéroportés) — Смешанной группы воздушно-десантных командос — возглавили партизанские отряды местных племен, имевших свои причины ненавидеть коммунистов. Из-за отсутствия взлетно-посадочных полос многие командос после завершения операций не могли вернуться «на большую землю» и были вынуждены оставаться жить вместе с туземцами. Индокитайская война стала последним военным конфликтом, в котором использовались многократные и частые, примерно раз в неделю, выброски парашютистов. Но в целом это была наземная война; вертолеты играли в ней незначительную роль: даже в последние ее дни в распоряжении французских войск имелось всего 23 машины. Пехотные части с такими поэтическими кодовыми названиями, как Citron, Mandarine, Mercure, Artois, Mouette, Nice I и II (Лимон, Мандарин, Меркурий, Артуа, Чайка, Ницца I и Ницца II),

бесконечно прочесывали сельскую местность. Время от времени им удавалось уничтожить нескольких вьетминевцев, однако это давалось колоссальной ценой и только усиливало ненависть со стороны крестьян.

Не имея никакого военного образования, Зяп взахлеб читал военную литературу: он был помешан на Наполеоне, Клаузевице и партизанской тактике Мао. 27 января 1947 г. его войска успешно провели первую громкую операцию, устроив засаду на автоколонну с вьетнамскими чиновниками из французской колониальной администрации, которые совершали инспекционную поездку по северным районам страны. Было уничтожено 14 автомобилей; убит министр образования и один французский инженер. Нападение впечатляло своей дерзостью и грамотной подготовкой; за ним последовало множество других. Шоссе №5 между Ханоем и Хайфоном стало известно как «кровавая дорога». Одна из деревень на шоссе №1 север — юг стала настолько популярным у вьетминевцев местом для засад, что французы в конце концов бульдозерами сровняли ее с землей.

Обе стороны не уступали друг другу в безжалостности. Вьетминевцы казнили деревенских старост, которые отказывались им подчиниться, перед этим подвергая их зверским пыткам и заживо хороня на глазах у сельчан. Один вьетнамец вспоминал, как однажды в его деревне вьетминевцы убили вьетнамского солдата, служившего во французской армии. Потом один из партизан пошел в соседний дом, взял там плоскогубцы и выдернул у убитого изо рта золотые зубы. «С тех пор я видел много трупов, обезглавленных, расчлененных, выпотрошенных, даже со снятым скальпом, но не было ничего более отвратительного, чем вид того партизана, который держал в руке два золотых зуба и радостно улыбался»⁴. Вьетнамцы, чье общество имело давнюю традицию тайных организаций, легко приспособились к партизанской и подпольной жизни.

Французские войска получили фактически карт-бланш на использование огневой мощи и делали все что хотели. В своей книге Норман Льюис описал первый полет в Сайгон: рядом с ним в самолете компании Air France сидел полковник Иностранного легиона, который внимательно вглядывался в простиравшуюся внизу дельту Меконга. Судя по всему, эта местность была ему хорошо знакома. Когда они пролетали над скоплением хижин на высоте около 600 м, Льюису показалось, что вся деревня словно курится струйками ладана. Только спустя мгновение он осознал, что это горят дома. Внизу суетились крошечные фигурки людей. Его сосед лаконично заметил: «Операция». «Было очевидно, что всем своим существом он находился там, внизу, — писал Льюис. — От его усталости не осталось и следа. Вдохнув фимиама жертвоприношений, он словно вновь обрел силы. На наших

глазах совершалось насилие, но мы, пассажиры, наблюдали за ним отстраненно, словно за событием давнего прошлого. Можно представить, как легко было французским летчикам сбрасывать бомбы на мирные деревни»⁵.

Жестокость французов отчасти была обусловлена их привычкой к расовому доминированию, отчасти тем фактом, что многие крестьяне, даже если не брали в руки оружие сами, знали, где скрывается враг, на каких дорогах собирается устроить засады, где разместил ловушки для неосторожных. Французы и их союзники — южные религиозные секты Каодай и Хоахао с внушительными собственными армиями — в среднем уничтожали по пять мирных жителей за каждого своего погибшего. В ноябре 1948 г. они устроили резню в деревне Мичать в центральной провинции, убив более 200 вьетнамских женщин и детей, однако этот факт не признается современными французскими историками⁶. После устроенной вьетминевцами засады, в которой погибло несколько основателей Хоахао, «люди из Хоахао хватали всех, кого подозревали в поддержке Вьетминя, связывали их веревками по несколько человек и бросали в реки»⁷, писал историк Бернард Фолл. «Связки утопленников плыли по рекам, словно груды мусора, несомые течением и волнами».

Американский корреспондент Боб Миллер из United Press находился на борту французской бронированной баржи, которая вела ночное патрулирование канала, когда в свет ее прожекторов попали три сампана, нарушивших комендантский час. Два сампана проигнорировали приказ остановиться и были расстреляны из пулеметов. В третьем сампане, нагруженном мешками с рисом, сидела пожилая крестьянская пара с сыном. Французы принялись выкидывать мешки за борт, и в этот момент юноша, решив бежать, прыгнул в воду. Один солдат бросил вслед за ним гранату и убил его. Молодой французский офицер вежливо объяснил Миллеру, что «это делается только ради того, чтобы люди поняли, что нарушение правил будет караться со всей суровостью, и чтобы французы могли удержать ситуацию под контролем»⁸. Удержать ситуацию под контролем? Даже в относительно спокойные 1947–1948 гг. Иностранный легион потерял две сотни убитыми из-за мин, мелких вооруженных стычек и засад.

Иностранный легион стал частью героической мифологии о войне в Индокитае. Однако другие французские военные прозвали легионеров «дорожными катками» (*genre rouleau compresseur*). Его подразделения, где служили в том числе бывшие солдаты гитлеровских СС и Вермахта, были печально известны своими грабежами и изнасилованиями и приводили в ужас мирное вьетнамское население. Зыонг Ван Май, происходившая из традиционной мандаринской семьи, вспоминала, как

легионеры ворвались в их дом, вскрыли штыками сундуки и забрали все, что сочли ценным⁹. Когда они с семьей переезжали с севера на юг, французские солдаты в зоне военных действий отняли у них все деньги и золото, считая это своим законным военным трофеем¹⁰. Чернокожие колониальные войска отличались еще меньшей разборчивостью и забирали у крестьян даже скудные запасы соли и рыбного соуса ныок-мам. Как и в Европе во время Второй мировой войны, самой дурной репутацией пользовались марокканцы. В отличие от них, вьетминевцы были знамениты не только своей беспрецедентной жестокостью, но и честностью.

Книги американо-французского писателя и историка Бернарда Фолла о войне в Индокитае часто называют классикой: они сочетают проницательный анализ стратегических и оперативных трудностей ведения антиповстанческой войны с реалистичной картиной военных действий глазами очевидца. Но предвзятость автора несомненна: он вольно или невольно героизирует французскую армию, умалчивая о совершавшихся ее солдатами многочисленных зверствах, о которых Фолл, непосредственный свидетель тех событий, не мог не знать. Служившие во французских войсках вьетнамцы, казалось, подражали своим хозяевам: американец Говард Симпсон однажды наблюдал за тем, как разнузданные вьетнамские коммандос промчались на джипе по сайгонской улочке и намеренно раздавили ряды бамбуковых корзин с красным перцем, которые были выставлены на продажу¹¹. Когда джип уехал, две вьетнамские старухи бросились собирать остатки своего товара. Хотя это был незначительный инцидент на фоне огромной трагедии, Симпсон задавал вопрос: как он мог повлиять на умонастроения этих двух пожилых уличных торговок?

В начале 1948 г. французы предприняли безуспешную попытку сформировать антикоммунистический политический фронт под патронажем 34-летнего Бао Дая, которого в следующем году они заставили вернуться во Вьетнам и возглавить марионеточное правительство. Однако ленивый и избалованный бывший император рассматривал это партнерство всего лишь как способ вытянуть из французского правительства побольше денег. Не имея ни морального, ни политического авторитета, он интересовался только женщинами, яхтами и охотой. Французам не оставалось ничего иного, кроме как прибегнуть к военным средствам, и в конечном итоге они перебросили в Индокитай 62 пехотных батальона, включая 13 североафриканских, 3 воздушно-десантных и 6 батальонов Иностранного легиона. Им помогали несколько сотен тысяч ополченцев сомнительной репутации и полезности, которые охраняли деревни и дороги.

Вплоть до последнего этапа войны французы не испытывали недостатка в местных добровольцах, нуждающихся в деньгах. Некоторые вьетнамцы отличились на французской службе, показав себя смелыми, опытными и преданными солдатами. Однако большинство не желали рисковать своими жизнями. Кроме того, французские военачальники сталкивались с хронической дилеммой: как сосредоточить превосходящие силы на севере, чтобы противостоять регулярной армии Зяпа, и одновременно защищать тысячи потенциальных объектов атак на остальной территории страны. Ни у французов, ни у их союзников, ни у коммунистов не было достаточно сил, чтобы взять под контроль весь Вьетнам. Кристофер Гоша писал: «В результате страна была разделена на враждующие, подобные архипелагам государства, чей суверенитет и границы то расширялись, то сужались по мере изменения локального баланса сил»¹². Некоторым историкам представляется странным, что французы, которые сами недавно пережили фашистскую оккупацию, словно бы не понимали, что своей жестокостью они только настраивают местное население против себя. Однако, по-видимому, французы вынесли из своего горького военного опыта другой урок: если на то пошло, своей жестокостью нацисты сумели запугать большую часть населения Франции и удерживать его в подчинении до середины 1944 г.

В октябре 1949 г. ситуация резко обострилась. К власти в Китае пришли коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, и гигантский северный сосед, оставив в стороне свою историческую вражду с Вьетнамом, объявил о поддержке Вьетминя. Неожиданно Хо и Зяп получили доступ к безопасным убежищам и американскому оружию, захваченному у разгромленной армии Чан Кайши. В приграничных районах Китая были созданы военные учебные лагеря для вьетминевцев. В войска Зяпа были откомандированы сотни китайских военных советников. На северо-западе Вьетнама французы начали нести тревожащие потери. Они пытались удержать страну, контролируя дороги, в то время как враг скрывался в горах и джунглях. Однажды французская колонна попала в засаду на шоссе №4, извивающемся в горах вдоль китайской границы. Из ста автомобилей почти половину уничтожили; большинство сопровождающих убили. Французы были вынуждены оставлять один район за другим.

Одна из самых необычных личных историй того времени — история Ле Зуана, ставшего впоследствии преемником Хо Ши Мина. Он родился в 1907 г. в центральном Вьетнаме и стал убежденным коммунистом еще за десять лет до того, как Хо вернулся в страну из изгнания. За свою революционную деятельность Ле два раза был приговорен к длительным тюремным срокам. В конце 1940-х гг. он стал секретарем

Центрального управления Южного Вьетнама (ЦУЮВ) — военно-политического штаба Вьетминя, в ведении которого находилась южная часть страны. В отличие от других вьетминевских лидеров, у которых были свои дома, телохранители и даже повара, Ле Зуан ночевал в сампане, пришвартованном в протоке в дельте Меконга, и имел всего двух помощников. Среди его связных была красивая девушка с французским образованием по имени Нгуен Тхюи Нга. Она была влюблена в революционера из местной ячейки, но комитет партии заставил их прекратить отношения, потому что мужчина был женат [13](#).

Однажды в 1950 г. Ле Зуан пригласил Нга позавтракать вместе с ним. Она испытывала смесь благоговения и страха перед этим человеком, чья яростная энергия и преданность делу партии принесли ему прозвище Двести Свечей. Высокий и тощий, в напоминающей лохмотья одежде, непрерывно курящий, он, казалось, не мог думать ни о чем другом, кроме революции. К тому же он был вдвое старше Нга. Тем не менее за завтраком он объявил ей, что выбрал ее своей невестой. Она напомнила ему, что на севере у него уже есть жена и дети. В ответ Ле Зуан пожал плечами и сказал, что это был брак по договоренности и он уже 20 лет ничего не слышал о своей «жене». Свадьба Ле Зуана и Нга состоялась в лагере ЦУЮВ посреди джунглей; брак зарегистрировал близкий товарищ жениха Ле Дык Тхо. У невесты не было никакого приданого, помимо одной пары брюк. Когда они переносили лагерь на новое место, Нга часто приходилось прыгать в воду и толкать груженные сампаны по мелководью наравне с мужчинами. Они всегда были голодны; их скудный рисовый рацион дополняли только съедобные растения и плоды, которые можно было найти в джунглях.

В 1951–1952 гг. Нга работала политическим секретарем Ле Зуана и родила ему дочь Ву Ань. Судя по всему, Ле Зуан любил свою жену и однажды даже удивил ее необычным поступком. Как-то она шла через заросли слоновой травы к лагерю ЦУЮВ. Увидев Нга, Ле Зуан подбежал к ней, подхватил и радостно закружил в объятиях. Это было почти уникальным проявлением человеческой слабости в жизни этого одержимого борца революции, который станет во Вьетнаме вторым человеком после Хо.

Примерно с 1951 г. Вьетминь начал все более открыто говорить о центральной роли коммунистической идеологии, которую прежде Хо старался отодвинуть на задний план. Китайцы оказывали вьетминевцам не только военную помощь, но и снабжали советами, как построить во Вьетнаме коммунистическое общество. Одним из важнейших шагов было подавление несогласных: в первые два года после прихода к власти Мао Цзэдун уничтожил, по оценкам, 2 млн своих

соотечественников. Идя по его стопам, Вьетминь запретил во многих контролируемых им районах радио, чтобы лишить крестьян доступа к информации, помимо той, что распространялась партией, и изгнал из своих рядов большинство интеллектуалов и представителей среднего класса.

На севере страны, где развернулось самое ожесточенное противостояние, мирное население страдало от обеих сторон. Нгуен Конг Луан вырос в маленькой деревушке недалеко от Ханоя, которую французы подчинили себе силой. Однако его отец был схвачен вьетминевцами, подвергнут пыткам и умер в одном из исправительных лагерей. А французские патрули часто задерживали его сына, и жизнь юноши не раз оказывалась под угрозой. Определение Франции своей роли в Индокитае как *mission civilisatrice* — цивилизаторской миссии — казалось издевательской шуткой. Луан писал: «Наше подчинение французским военным властям не защищало нас от грабежей, изнасилований, пыток и убийств. Любой, будь то француз, африканец или вьетнамец, мог сделать с крестьянином едва ли не все что угодно, не боясь суда или хотя бы наказания со стороны своего начальства... Обычный сержант обладал такой же властью, как наместник в Средние века... Люди обращались к ним “нгай”, что эквивалентно “вашему превосходительству”, только используется для обращения к богам и мандаринам»¹⁴.

Привилегированное положение французских колонистов позволяло вьетминевцам использовать собственную аскетическую жизнь как мощное пропагандистское оружие. Генерал-лейтенант сэр Джеральд Темплер, верховный комиссар в британской Малайе, сумевший погасить охватившее страну восстание под руководством коммунистов, заметил с британским остроумием: «Берите пример с коммунистов. Они не ходят на скачки. Не устраивают роскошные обеды и коктейльные вечеринки. Не играют в гольф»¹⁵. Поскольку по закону Франция не могла посылать во Вьетнам призывников, большую часть рядовых в ее армии составляли наемники — уроженцы Северной и Западной Африки и вьетнамцы. Половину Иностранного легиона составляли немцы. В свободное от службы время солдаты делали все что хотели — начальство закрывало на это глаза. Алкоголизм процветал. Запах жженой карамели, желтоватый оттенок лица и вьевшаяся маслянистая копоть на левом указательном пальце выдавали пристрастие к курению опиума, особенно среди старожилов. В декабре 1950 г. новый верховный комиссар генерал Жан де Латтр де Тассиньи взялся за создание вьетнамской призывной армии. Хотя «вьетнамизация» стала ругательным словом только в 1971 г., по сути, эта политика была придумана за 20 лет до американцев де Латтром, который говорил о

необходимости jaunissement — «окрашивания в желтый цвет» войны или по крайней мере ее трупов. Никто не воспринимал новую вьетнамскую армию как серьезную военную силу, отчасти потому, что за взятку в 50 000 пиастров можно было избежать призыва.

Что касается Зяпа, то к тому времени он развернул в Северном Вьетнаме 6 дивизий по 10 000 человек каждая, хорошо вооруженных легким оружием, хотя по-прежнему страдающих от нехватки продовольствия, одежды и военного снаряжения. В первые годы у бойцов Вьетминя не было ни водонепроницаемой одежды, ни другой защиты от непогоды. Только в 1952 г. им впервые выдали непромокаемые плащи, которые простым крестьянам казались чудом. По словам одного солдата-вьетминевца, они «удивлялись тому, что человечество изобрело бумагу, с которой стекает дождь»[16](#).

Военный перевес по-прежнему оставался на стороне французов. Канонерские лодки в дельте Красной реки блокировали поставки риса коммунистическим силам на север. 25 мая 1950 г., когда вьетминевцы напали на французский лагерь в Донгкхе в нескольких километрах от китайской границы, срочно переброшенное на парашютах подкрепление заставило нападавших отступить в джунгли. Однако гарнизоны в горах на севере страны, доступные только по извилистым узким дорогам, пролежавшим через многочисленные дефиле[\[12\]](#), были чрезвычайно уязвимы, особенно когда регулярные войска Зяпа получили в свое распоряжение пушки и минометы. Французы необдуманно запустили «щупальца» вглубь кишевшего вьетминевцами «муравейника». В то время как в целом по стране они были сильнее повстанцев, на северо-западе Зяп имел численное превосходство над противником.

Рано утром 16 сентября пять вьетминевских батальонов при поддержке артиллерии снова атаковали французскую базу в Донгкхе. Коммунисты потратили несколько недель на тщательное планирование и подготовку, что было отличительным признаком всех их важных операций. В начале сражения в штаб Зяпа поступали тревожные сообщения: один из полков сбился с пути, не успел занять исходные позиции, и вьетминевцы несут тяжелые потери. Но Хо Ши Мин, который прошел пешком несколько километров, чтобы лично присутствовать при операции, призвал к спокойствию и стойкости. Спустя 52 часа ожесточенного сражения, в 10 часов утра 18 сентября, гарнизон Донгкхе пал. Незадолго до этого одному офицеру и 32 бойцам Иностранного легиона удалось ускользнуть в джунгли и после недели тяжких скитаний добраться до расположения французских войск.

После этой победы ничто не могло остановить триумфальный марш Зяпа по приграничному региону. Французское командование само

приняло решение оставить гарнизон в Каобанге, в 32 км к северу от Донгкхе. 3 октября командир гарнизона подполковник Пьер Шартон, заядлый сквернослов и всеобщий любимец, ехал впереди колонны грузовых автомобилей, которые везли 2600 солдат-марокканцев и 500 гражданских лиц, включая персонал передвижного борделя. В хвосте колонны ехала артиллерия и тяжелая техника. Шартон проигнорировал приказ бросить все имущество в гарнизоне: он решил отступить с достоинством и честью — упряماً, которое обошлось в сотни человеческих жизней. В дефиле в 15 км к югу от Каобанга они наткнулись на череду взорванных мостов. Его растянувшийся караван был вынужден остановиться, после чего из заросших густой растительностью горных склонов невидимый противник принялся поливать их огнем.

Положение, в которое попал Шартон со своей колонной, было лишь началом этой трагической истории. Чтобы обеспечить безопасный переход колонны из Каобанга, навстречу ей была направлена оперативная группа «Байяр», состоявшая из 3500 солдат, в основном марокканцев, и усиленная элитным десантным батальоном. Группа «Байяр» выдвинулась из Тхатхе 30 сентября под командованием полковника Марселя Лепаж. На подходе к Донгкхе они были остановлены вьетминевцами, открывшими по колонне интенсивный пулеметный и минометный огонь. Штаб приказал Лепажу принять экстренные меры: сжечь весь транспорт, бросить орудия, отступить в джунгли, обойти позиции вьетминевцев и двигаться на север, чтобы соединиться с Шартоном. То, что произошло дальше, было настоящим кошмаром. Выполняя этот безумный приказ, Лепаж уводил своих людей все глубже в горы, в логово врага, на встречу другой обреченной группе.

Вскоре его солдаты начали исчезать один за другим. Если человек отставал от колонны, его никогда больше не видели. Раненые были обречены на смерть. Каждый подъем и спуск был тяжким испытанием для груженной пехоты, насквозь промокшей от непрерывного дождя, который, кроме того, лишал их поддержки с воздуха. Вьетминевцы тоже устали от многодневной погони, но предвкушение близкой победы вливало в них силы: они знали, что положение французов безвыходно. 6 октября в приказе по войскам Зяп с ликованием объявил: «Враг голодает и мерзнет больше, чем вы!» Шартон и Лепаж встретились на следующий день; их отряды понесли огромные потери и страдали от нехватки воды, продовольствия и боеприпасов. Вьетминевцы ударили снова — 15 батальонов обрушили огонь на обессиленного врага. Марокканцев охватила паника. Их командиры приказали распределиться по местности мелкими группами, что было больше

похоже на команду «Спасайся, кто может!». Шартон был ранен и взят в плен; большинство раздробленных групп были уничтожены вьетминевцами. В конечном итоге всего 600 человек добрались до расположения французских войск на юге; почти 4800 человек были признаны погибшими или пропавшими без вести; материальные потери были огромны: 450 грузовиков, 8000 винтовок, 950 автоматов и 100 минометов. Зяп отпраздновал эту победу, напившись вместе со своими китайскими советниками, — как он утверждал, впервые в жизни.

18 октября французы были вынуждены оставить еще один лагерь на севере в Лангшоне, где в руки коммунистов попало огромное количество боеприпасов. Эти победы доставались Вьетминю дорогой ценой: по подсчетам, только в этом сражении он потерял около 9000 человек. Однако, если новости о поражении французов быстро разлетались по всему миру, коммунисты жестко подавляли распространение любой информации, которая могла запятнать их победы и деморализовать сторонников. Ни у одной из сторон не было решительного превосходства над другой: в первые месяцы 1951 г. армия Зяпа потерпела сокрушительные поражения в серии крупномасштабных операций. В январе, когда вьетминевцы атаковали базу в 50 км к северо-западу от Ханоя, французы задействовали авиацию, сбросившую бомбы с напалмом, и отбили атаку; коммунисты потеряли 6000 человек погибшими и 8000 ранеными. Урок для главнокомандующего Вьетминя состоял в том, что его армия вовсе не была непобедима, особенно когда пыталась воевать в зоне досягаемости французской авиации и артиллерии.

Любой западный генерал после той череды поражений, которую потерпел Зяп зимой — весной 1951 г., да еще с такими чудовищными потерями, вызвал бы взрыв негодования политиков, общественности и СМИ и почти наверняка был бы отправлен в отставку. Однако Политбюро Вьетминя не подвергалось общественному контролю. Все ключевые решения принимались единолично Хо Ши Мином, а тот продолжал верить в своего боевого генерала. Зяпа, как и маршала Жукова во время Второй мировой войны, никогда не привлекали к ответу за шокирующие «счета от мясников», которыми приходилось расплачиваться за победы. Это давало Зяпу важное преимущество над французскими военачальниками, чьи сограждане в метрополии ежедневно читали в газетах о страданиях их армии в Индокитае.

Вашингтон оплачивает счета

Пожалуй, самые известные строки в романе Грэма Грина «Тихий американец», действие которого происходит в Сайгоне в период Первой

Индокитайской войны, — это слова, сказанные циничным британским журналистом Томасом Фаулером о «тихом американце», агенте ЦРУ Олдене Пайле: «Я никогда не встречал человека, который мог бы лучше обосновать, почему он причиняет другим неприятности... Он был покрыт непроницаемой броней благих намерений и невежества»¹⁷. Когда французы столкнулись с непосильными военными расходами, они обратились за помощью к американцам. И начиная с 1950 г. те взяли на себя оплату растущих счетов. В далеком Вашингтоне политиков все больше тревожила перспектива того, что вслед за Китаем коммунистическая волна может захлестнуть всю Юго-Восточную Азию. Кроме того, США искали рычаги давления на Францию, которая категорически выступала против повторного вооружения Германии. Отныне пули и бомбы, которые обрушивались на коммунистов на полях сражений во Вьетнаме, оплачивались долларами, а не франками.

Американская щедрость была вызвана реальностью коммунистической угрозы для стабильности и демократии во многих странах, в том числе Греции, Италии, Франции и Турции. Джордж Кеннан, глава отдела по планированию внешней политики Госдепартамента США и автор знаменитой «Длинной телеграммы», отправленной в 1946 г. из американского посольства в Москве, охарактеризовал политику СССР как «текущий поток», который стремится «заполнить все уголки и впадины в бассейне мировой власти». Сталин и впоследствии Мао поддерживали революционные движения повсюду, где те казались жизнеспособными. 12 марта 1947 г. президент США выступил перед конгрессом с посланием, которое стало известно как доктрина Трумэна: «В настоящий момент почти каждая нация в мире должна выбирать между альтернативными образами жизни. Этот выбор слишком часто является далеко не свободным... Я убежден, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению».

Но, хотя готовность Запада противостоять международной коммунистической угрозе, безусловно, заслуживает восхищения, не стоит забывать и о том, что в этой борьбе США и их союзники не чурались никаких, в том числе весьма сомнительных средств. На протяжении двух поколений Вашингтон закрывал глаза на фашистский режим генерала Франсиско Франко в Испании и поддерживал диктатуры в Южной и Центральной Америке, чьим единственным достоинством был ярый антикоммунизм. В Южной Африке британцы и американцы еще несколько десятилетий помогали оставаться у власти белому меньшинству, позволяя ему доминировать над «низшей расой». А в Индокитае французы убедили богатые Соединенные Штаты в том,

что колониализм и антикоммунизм идут рука об руку. После того как коммунисты во главе с Мао Цзэдуном подняли над Китаем красный флаг, консервативные американцы, потрясенные «потерей» своей любимой азиатской страны, потребовали от правительства жестких мер, чтобы предотвратить повторение подобного сценария в других частях мира. Генри Люс, владелец журналов Time и Life и страстный приверженец «прежнего Китая», бросил всю мощь своей медиа-империи на борьбу с коммунистами во Вьетнаме, поддерживая ее на протяжении двух десятилетий.

Советско-китайский договор о дружбе, подписанный в феврале 1950 г., создавал реальную угрозу появления на карте мира «Красной Азии». Американский консервативный журналист и историк Майкл Линд в своем ревизионистском исследовании Вьетнамской войны писал: «Вечером 14 февраля 1950 г. в банкетном зале Кремля собрались три человека — Сталин, Мао Цзэдун и Хо Ши Мин. Они обсуждали планы, которым суждено было обречь Индокитай на полувековую войну, тиранию и экономическую стагнацию и спровоцировать серьезные политические потрясения в США и Европе. Это был международный коммунистический заговор, и Хо Ши Мин был одной из его ключевых фигур»¹⁸. Неожиданное июньское вторжение Ким Ир Сена в Южную Корею привело и без того напуганный Запад в панику. США и союзники поспешно отправили на Корейский полуостров свои войска, где те с переменным успехом вели трехлетнюю войну, в значительной степени против китайцев. Таким образом, корейский опыт стал еще одним ключевым фактором, подтолкнувшим американцев поддержать французскую колониальную войну в Индокитае, хотя и не оправдывал в полной мере этой политики.

Госсекретарь США Дин Ачесон и его заместитель Дин Раск хорошо помнили, к каким катастрофическим последствиям привела политика умиротворения фашистских диктаторов в 1930-х гг. Кроме того, демократическая администрация столкнулась с растущим давлением со стороны конгресса, требовавшим дать жесткий отпор «оси Москва — Пекин». Как впоследствии заметил сенатор Уильям Фулбрайт, политические решения США того времени следует оценивать в свете безудержного советского экспансионизма: «Мы находились в противостоянии с русскими — противостоянии не на жизнь, а на смерть — и считали своим долгом помешать реализации их планов где бы то ни было»¹⁹. Развязанная маккартистами охота на ведьм привела к тому, что из Госдепартамента были изгнаны все дипломатические сотрудники, подозревавшиеся в сочувствии левым взглядам, среди которых было много специалистов по Азии. В результате

внешнеполитическое ведомство США зачастую шокировало своим невежеством, особенно во вьетнамской политике.

Однако не все в «Туманной низине»^[13] поддерживали подобный альянс американской демократии с французским колониализмом. В начале 1950 г. Рэймонд Фосдик прозорливо предостерег против повторения ошибки, совершенной Соединенными Штатами в Китае, где они стали «союзниками реакционных сил». Какие бы ретроградные иллюзии ни питал Париж, писал Фосдик, независимость Индокитае — неизбежность: «Воздушный змей их иллюзорных заблуждений скоро рухнет, так зачем нам привязывать себя к его хвосту?»²⁰ Французы проигрывали войну вовсе не потому, что им не хватало войск и оружия, а потому, что они не предложили вьетнамцам никаких преимуществ демократии и цивилизации, которые убедили бы тех смириться с их присутствием.

В следующем году молодой конгрессмен от Массачусетса посетил Сайгон и написал в своем дневнике: «В сознании [вьетнамских] людей мы все больше превращаемся в колонизаторов. Они убеждены, что мы контролируем ООН и неисчерпаемо богаты, а потому проклинаят нас за то, что мы не оказываем им поддержки в реализации национальных чаяний». Эти слова принадлежали Джону Кеннеди, но американцы не были настроены внимать его мудрости. В старости Джордж Кеннан сетовал на то, что Вашингтон извратил его теорию сдерживания в отношении СССР и затем Китая, чтобы оправдать применение почти исключительно военных средств, в то время как гораздо уместнее и эффективнее было бы действовать на политическом, культурном, экономическом и дипломатическом фронте.

Зимой 1950 г., когда вооруженные силы ООН на Корейском полуострове оказались под угрозой сокрушительного разгрома, Вашингтон одобрил крупномасштабное расширение помощи Индокитаю. По мере того как желание Франции воевать заметно слабело, вмешательство США, напротив, росло: вскоре колониальная война почти полностью финансировалась из американского кармана. Трумэн и Ачесон решительно настаивали на том, чтобы Париж не вел с Вьетмином никаких переговоров. Это была первая фундаментальная ошибка Вашингтона в Индокитае, которая продолжала довлеть над его политикой в последующие годы. Американская военная помощь достигла астрономических по тем временам \$150 млн, которые были выделены почти без всяких условий: гордые французы отказались вводить спонсора в курс своих оперативных планов. К началу 1951 г. они получали более 7200 тонн военных поставок в месяц. Колониальные войска вели войну с американским оружием в руках, в американских касках, на американских джипах, грузовиках и самолетах.

Неудивительно, что, когда десятилетие спустя во Вьетнам прибыли американские солдаты, в глазах старшего поколения вьетнамцев и их детей они мало чем отличались от прежних поработителей.

К сентябрю 1951 г. объективным наблюдателям стало ясно, что у французов не было реальных перспектив удержать Индокитай. Однако верховный комиссар генерал де Латтр де Тассиньи лично отправился в Вашингтон и, задействовав свой дар убеждения, добился того, чтобы в течение следующих четырех месяцев американцы поставили его войскам 130 000 тонн военного снаряжения, в том числе 53 млн патронов, 14 000 автоматов, 3500 радиостанций, 8000 грузовиков и джипов, 650 единиц военной техники и 200 самолетов. Это был последний важный вклад де Латтра в Индокитайскую войну, после чего он покинул страну и вскоре скончался от рака.

К концу 1953 г. новая республиканская администрация Эйзенхауэра оплачивала 80% всех военных расходов — около \$1 млрд в год. Британцы, все еще ключевые союзники американцев и все более опытные эксперты по вопросу ухода из колоний, предостерегали США от такой политики, будучи уверены, что никакое количество оружия не поможет предотвратить скорое изгнание французов из Индокитая. Правительство Уинстона Черчилля было встревожено новой одержимостью Вашингтона. В августе 1953 г. британский министр иностранных дел Селвин Ллойд писал: «В настоящее время эмоциональное отношение Соединенных Штатов к коммунистическому Китаю и — в меньшей степени — России граничит с истерией»²¹. И Вьетминь в глазах американцев был важным орудием в игре этих «сатанинских сил».

Крестьяне

Незначительное меньшинство вьетнамцев, достаточно образованных для того, чтобы видеть ситуацию за пределами своих деревень, и являвшихся свидетелями зверств Вьетминя, приветствовали возможное американское вмешательство. Один школьник с севера страны вспоминал: «Из прочитанных мною книг я сделал вывод, что американцы по крайней мере должны быть лучше французов... Я понимал, что США не будут помогать своим союзникам безвозмездно, у них должен быть какой-то интерес... Но американцы щедро помогали другим бедным странам»²². Тем не менее легко понять, почему гораздо больше вьетнамцев считали иначе и поддерживали революционное движение, которое обещало устранение не только репрессивного колониального режима, но и вместе с ним — класса крупных

землевладельцев, безжалостно эксплуатировавшего крестьянство на протяжении нескольких поколений.

В сельском Вьетнаме царил страшная бедность. Человек с начальным школьным образованием считался «интеллектуалом». В некоторых семьях имелась всего одна пара брюк, которую муж и жена носили по очереди. Большая часть ежедневного труда крестьян состояла в том, чтобы носить воду на горные склоны для орошения рисовых полей. Когда летняя жара становилась невыносимой, они часто работали при свете луны, помогая себе песнями. Рис требовалось один раз удобрить, три-четыре раза прополоть, дважды в год собрать урожай и посеять снова. Весенний урожай был более обильным, чем осенний, благодаря сезону дождей, и составлял три четверти годового урожая. Чтобы пополнить свои скудные доходы, крестьяне собирали в джунглях дрова на продажу. Некоторые в поисках работы перебирались в города. Те, кто был обременен огромными долгами, нанимались чернорабочими на поля.

Семья и деревня были доминирующими социальными институтами. Рядом почти с каждым домом стоял деревянный алтарь с фруктами и сладостями для богов: чем богаче семья, тем изобильнее алтарь. Семьи были многодетными; как правило, среди детей существовала иерархия: родители открыто отдавали предпочтение более способным и трудолюбивым. Слово отца было законом, хотя реальная власть в семье принадлежала матери. Среди крестьян ходила поговорка: «Не будь отца — на столе все равно будут рис и рыба; не будь матери — на столе будут опавшие листья»²³. За пределами семьи крестьяне жили по принципу «король правит, но законы деревни важнее». В большинстве католических общин была своя церковь с колокольной, в буддистских — храм в окружении роци магнолий. В некоторых деревнях имелось помещение для общинных собраний, которое называлось динь, а также столярная и швейная мастерская.

В небольших деревнях крестьяне зачастую жили и трудились как одна большая семья. На Новый год они собирались вместе, чтобы приготовить рисовые пироги в бамбуковых листьях, которые пеклись всю ночь, и пожелать долгих лет жизни, здоровья и достатка своим родителям: как и большинство азиатов, вьетнамцы считали, что с каждым годом старикам даруется все бóльшая мудрость. Когда в деревне забивали свинью, ее мочевой пузырь часто отдавали детям для игры. Деревенские дети также играли в прятки и в «попади палкой», а также любили стрелять из «джутовых ружей», сделанных из бамбуковых стволов, — наподобие стреляющих горохом духовых ружей, в которые играли дети в западных странах. Во время праздников они могли полакомиться сладостями, вареньем, арахисом, птичьими

яйцами и обжаренной в карамели тыквой. Но в остальное время они питались только рисом и овощами — и были рады и этому.

Впоследствии некоторые вьетнамцы идеализировали простоту крестьянской жизни в довоенный период. Одна вьетнамка вспоминала: «Все знали друг друга; двери домов никогда не закрывались на замок»²⁴. Она лирически размышляла о «красоте единения», возможности вместе делить радости и горести. Однако такая ностальгия была редкостью среди подавляющего большинства крестьян, которые хорошо помнили о тяготах, угнетении и почти хроническом голоде. Нгуен Тхи Тхань Бинь родилась в 1948 г. к востоку от Ханоя в бедной крестьянской семье, где, помимо нее, было еще пятеро детей. Семья жила в соломенной хижине и кормилась с крошечного рисового поля размером около трех соток. В деревне на 30 домов не было ни одного радио и велосипеда. Всего несколько человек умели читать: когда в деревню случайно попадала газета, все жители собирались под деревом, а грамотный односельчанин забирался на ветку и вслух читал интересные новости.

В крестьянских семьях не было фотографий родителей и детей, потому что фотоаппарат был недоступной роскошью. Традиционной одеждой была «пижама» ба ба — коричневая на севере, черная на юге, — которая, что вполне естественно, стала типичной униформой партизан. Младенческая смертность была шокирующей, отчасти потому, что пуповину было принято перерезать осколком битого стекла. Крестьянам часто приходилось покидать свои деревни из-за наводнений или голода. У Бинь не осталось воспоминаний о счастливом детстве: их жизнь была непрерывной борьбой за выживание; часто родители отправляли детей собирать улиток, чтобы дополнить скудный рацион²⁵. В 20 лет она вступила в Коммунистическую партию, членом которой оставалась всю жизнь, и относилась к Хо Ши Мину почти с религиозным пылом как к «незаменимому, не имеющему себе равных вождю».

Хотя партизанские отряды в юго-западных провинциях не могли добиться таких впечатляющих военных успехов, как регулярные формирования Зяпа на Севере, обещанное Вьетмином перераспределение земли обеспечило ему широчайшую поддержку населения. Даже более или менее зажиточные фермеры-арендаторы мечтали о собственности на землю: многие безнадежно сидели на крючке у кредиторов, которые отбирали у них до половины выращенного урожая. Иногда должники становились рабами и выполняли все прихоти своего землевладельца, например качали его гамак²⁶. Все эти люди страстно поддерживали земельную реформу Вьетминя. Один из них сказал Норману Льюису в 1950 г.: «Наши враги

медленно, но верно толкают нас к коммунизму. Нам придется стать коммунистами, потому что коммунизм — единственный для нас способ обрести свободу»[27](#).

Один историк описывал солдат Зяпа как «простых людей, чье мировоззрение было сформировано исключительно их непосредственным опытом и опытом их семей... которым на протяжении поколений приходилось терпеть угнетение и тяжелейшие условия жизни»[28](#). Бойцы Вьетминя отличались высокой дисциплинированностью, выносливостью, находчивостью, уникальной полевой выучкой и искусством камуфляжа, готовностью к трудностям и самопожертвованию. Их моральный дух был невероятно высок: ими двигало пламенное желание изменить политический, экономический и социальный порядок в своей стране. Коммунисты активно работали с сельским населением, не только занимаясь политической пропагандой, но и обучая крестьян грамоте. Они сочиняли песни, чтобы помочь людям выучить алфавит, и создавали специальные программы для детей, где обучение велось в игровой форме. Впрочем, эти достойные похвалы усилия не обходились без принуждения: коммунисты заставляли крестьян вывешивать украшенные цветами плакаты с надписью «Да здравствуют борцы с неграмотностью!»; а в некоторых деревнях неграмотных людей подвергали неоправданному унижению, заставляя их ползать по грязи. Впрочем, так было всегда и везде, где людям навязывалась коммунистическая доктрина: любые жертвы и жестокость оправдывались благом Народа.

Что касается более суровых наказаний, то даже официальная партийная история впоследствии признала, что в те годы «погибло немало невинных людей»[29](#). Простые люди, служившие в рядах Вьетминя, считали любого человека в белой рубашке и синих брюках французским шпионом. На сленге вьетнамских коммунистов «отправить искать креветок» означало убийство (итальянские мафиози использовали похожий водный эвфемизм — «отправить спать с рыбами»). Убийства совершались с максимальной жестокостью и публичностью: вьетминевские эскадроны смерти предпочитали хоронить жертв живыми или потрошить их на глазах односельчан. Партийный лозунг гласил: «Лучше убить невиновного, чем упустить виновного». В «освобожденных зонах» вьетминевцы создавали печально известные исправительные лагеря. Когда отец Нгуен Конг Луан умер в одном из таких лагерей, зажигалка была единственным имуществом, которое охранники неохотно вернули его вдове[30](#).

В 1947 г. Вьетминь провел кампанию идеологической «чистки», в ходе которой было убито большое количество «классовых врагов», хотя точная цифра никогда не называлась. Любой землевладелец и

правительственный чиновник жил под угрозой вынесения смертного приговора, который распространялся и на его семью. Католическая религия ассоциировалась с иностранными поработителями, поэтому ее последователи также были уязвимы. Так называемые обличительные заседания — дау-то — народных судов вселяли в людей ужас. Обычно они проводились под председательством коммунистов во дворах пагод или домов крупных землевладельцев. Преследуемые жаждой мести крестьяне и мелкие фермеры нередко обвиняли землевладельцев в выдуманных преступлениях. Если выносился смертный приговор, жертву могли на месте расстрелять, забросать камнями, повесить или подвергнуть более мучительной смерти. В деревне Метхань в дельте Меконга приговоренный к погребению заживо чиновник из секты Каодай умолял застрелить его. Но его палачи презрительно заявили, что им нужно беречь пули для «пиратов», т.е. французов³¹.

Нгуен Тхи Тхань Бинь вспоминала, как местные землевладельцы пытались спрятаться от своих обвинителей: одни ныряли под воду в ближайшем пруду, прикрыв голову сухим тростником; другие использовали более примитивную маскировку. Многим не удавалось скрыться, и Бинь, стоя в толпе своих односельчан, наблюдала за судом над ними. Даже будучи преданной коммунисткой, позже она признала, что «многие из этих людей были обвинены ошибочно»³². В северных провинциях «народный суд» часто обставлялся как театрализованное действо: ночью, на большой площади, в окружении бамбуковых факелов. Помимо президиума из семи судей, бедных крестьян, в судебном заседании участвовали представители Вьетминя и иногда китайские советники. На сцене висели портреты Хо, Мао и Сталина, а также плакаты с лозунгами наподобие «Долой землевладельцев — реакционеров и предателей!».

Что касается расправ без суда и следствия, то один крестьянин сохранил неизгладимые воспоминания из своего детства. В 1952 г., когда ему было 12 лет, вьетминевцы схватили и обезглавили за его домом двух безоружных солдат, которые находились на французской службе и приехали к друзьям на Новый год. «Этот звук, когда им перерезали горло, до сих пор стоит у меня в ушах». Когда партизаны покинули деревню, в нее пришли французские войска. Они обвинили сельчан в ответственности за гибель солдат и сожгли все дома. В 1953 г. сам он был схвачен вьетминевцами и приговорен к двум неделям в перевоспитательном лагере, где его заставили заниматься самоизобличением: «Я должен был написать все, что я делал неправильно, все, что мои родители, бабушки и дедушки делали неправильно. Каждый должен был как следует подумать и написать». Когда умер Сталин, всех заключенных заставили надеть черные

траурные ленты. Вскоре после этого французские войска выбили партизан из этого района и освободили мальчика. Он и его семья ненадолго вернулись в родную деревню, после чего перебрались в Ханой.

Постоянный переход территорий из рук в руки усугублял и без того тяжелое положение мирного населения. Один крестьянин из дельты Меконга не скрывал своей радости из-за отступления Вьетминя, поскольку с приходом французов была снята экономическая блокада, и он мог свободно продать свой урожай: «Люди были счастливы... Я сам не раз говорил: скорее бы кто-то из них победил — неважно кто. Жить то под одними, то под другими невыносимо»³³. Ань, дочь зажиточного землевладельца, присоединилась к Вьетминю, чтобы освободить свою страну от французских колониалистов; она вышла замуж за своего соратника, родила сына и некоторое время воевала в партизанском отряде в дельте Меконга³⁴. Но в 1952 г. она решила уйти из Вьетминя: «Я видела слишком много ужасов. Коммунисты старались захватить всю власть в свои руки и расправлялись с националистами». Ее оставили в живых только потому, что она была слишком молода, чтобы представлять угрозу.

Спустя годы вьетминевцы с северных «освобожденных территорий» вспоминали этот период войны как счастливое время, аналогично тому как некоторые британцы испытывали ностальгию по легендарному «блиц-духу» 1940 г.^[14] Ван Ки, ставший странствующим партизанским менестрелем, с восторгом вспоминал: «Дух был изумителен! Мы все считали себя членами одной большой семьи»³⁵. Повсюду были организованы добровольческие столовые, известные как «рестораны солдатских матерей», где местные женщины бесплатно готовили еду для бойцов. Ки и его трио проходили пешком сотни километров и давали сотни концертов: «Это было удивительное и захватывающее время. Несмотря на то что мы находились в зоне военных действий, где шли ожесточенные бои, каждый вечер мы устраивали концерты, на которые собирались толпы людей. Песни, которые я пел, были не очень хороши, наша группа играла вразнобой, но мы рассказывали людям истории, читали стихи»³⁶. Огни вокруг сцены часто приходилось маскировать, чтобы не привлекать внимание французов. Ки дошел до старой столицы Хюэ на юге, где спал на берегу Ароматной реки^[15], ел еду, которую ему приносили из города, курил сигареты Philip Morris и ненадолго влюбился в свою фанатку.

Ки уговорил своего товарища по имени Хайчау, который знал английский язык, вслух читать Reader's Digest для других членов группы, чтобы «мы могли начать готовиться к послевоенной жизни». Они учили все английские фразы подряд, даже такие странные, как «У

меня для тебя в кармане сюрприз!». Иногда во время своих странствий они просыпались от громкого крика «Тай кан!» — «Французская облава!» Когда французы приближались, вьетминевские бойцы спокойно говорили: «Буйвол идет». Хайчау написал песню с таким названием, которая высмеивала оккупантов, и та стала хитом среди солдат. Ки стал одним из многих революционеров, воодушевленных романтикой общей борьбы за свободу. Эта борьба подарила вьетнамцам то, в чем французы отказывали им на протяжении столетия: чувство собственного достоинства. С каждым месяцем и с каждым годом миллионы вьетнамцев укреплялись в вере в то, что коммунисты одержат победу, и оказывали им всяческую поддержку. Одна вьетнамка вспоминает, как маленькой девочкой она вместе с матерью и сестрами сидела до поздней ночи в своей хижине в деревне под Хюэ и делала флаги Вьетминя: «Красный с желтой звездой... мы знали, что они пригодятся людям, когда придет время праздновать победу»[37](#).

Тем не менее война вовсе не была той романтической идиллией, какой рисовал ее Ван Ки: принесенные ею лишения и жертвы были ужасающими. Росла напряженность внутри национально-освободительного движения между его сторонниками из числа крестьян и буржуазии. Нгуен Дык Хюи, родившийся в 1931 г. в бедной фермерской семье, был отправлен учиться в новую военную академию Вьетминя в Китае, где, по его словам, атмосфера была отравлена непримиримой классовой враждой и бесконечными изобличительными собраниями. Один курсант, награжденный за храбрость на поле боя, покончил с собой, не выдержав давления на так называемом идеологическом допросе. Самого Хюи обвинили сначала в шпионаже в пользу французов, затем в организации банды националистов и в конце концов бросили на семь месяцев в подземную тюрьму. Он заметил в своих мемуарах: «Несправедливость этого не поддается описанию»[38](#). Что самое удивительное, после такого опыта он не потерял веру в партию, а партия не потеряла веру в него: он был назначен командиром роты и воевал с французами, а затем командовал батальоном в войне против американцев.

В первые годы после присоединения к Вьетминю Нгуен Тхи Нгок Тоан подвергалась преследованиям из-за своего происхождения. Ее отец был членом королевской семьи и служил в правительстве императора. В армии Зяпа ее поначалу пренебрежительно называли «солдатом-малышом». Даже когда бойцы Вьетминя убедились в ее преданности общему делу, они продолжали насмешливо говорить: «Что здесь делает эта девчонка? Она ходила во французскую школу. Как может дочь мандарина воевать в Сопротивлении?» Впоследствии Тоан рассказывала: «Такое отношение делало меня очень несчастной»[39](#). Тем

не менее она осталась в рядах Вьетминя, чего нельзя сказать о 16-летнем Нгуен Као Ки, выходеце из буржуазной семьи, чей энтузиазм к движению Сопротивления угас: «Их целью было не просто выдворить иностранцев из страны. Они хотели взять власть в свои руки, навязать свою волю, отомстить»⁴⁰. В конце концов Ки записался во французскую армию и стал военным летчиком.

Несмотря на большие потери в вооруженных столкновениях вокруг Ханоя, Вьетминь продолжал расширять свои северные «освобожденные зоны». К 1952 г. Вьетминь контролировал примерно четверть населения на юге, три четверти в центральном Вьетнаме и более половины на севере. Французы впустую тратили огромные ресурсы на строительство оборонительных укреплений. Для защиты дельты Красной реки была возведена так называемая Линия де Латтра: французы залили 39 млн кубометров бетона, чтобы построить цепь из 2200 укрепленных опорных пунктов, каждому из которых был присвоен номер с буквами «РК» (*poste kilométrique*) — километровый пост. Это было на руку вьетминевцам с их стратегией «обкусывания» — постепенного уничтожения — французских сил. Они нападали на изолированные форты по одному за раз, всегда в темноте. Как правило, штурм начинался с взрыва шестового заряда, который проделывал проход в периметре из колючей проволоки. Затем раздавались крики «Тиен лен!» — «Вперед!» — и вьетминевская пехота бросалась в атаку. К рассвету вьетминевцы исчезали, оставляя после себя только трупы, зачастую изуродованные, и бетонные развалины со следами от взрывов мин и снарядов. Утром в Ханое и Хайфоне французские офицеры вполголоса передавали друг другу новости: «Слышали, что случилось на РК141 прошлой ночью?»

В Индокитае воевало много выдающихся французских военных, таких как 51-летний полковник Поль Ванугзем, опытный офицер и интеллектуал, начавший свою карьеру как профессор философии; майор Марсель Бижар, который начал Вторую мировую войну в ранге сержанта и в 1944 г. высадился с парашютным десантом в оккупированной Франции; полковник Кристиан де Кастри, кавалерист и денди, который нигде не появлялся без своего шелкового платка и дорожил репутацией донжуана. Воевали там и знаменитые женщины, такие как Валери Андре, ветеран французского Сопротивления, врач и пилот вертолета, и награжденная высокими наградами медсестра воздушного госпиталя Поль Дюпон Дизиньи.

Осенью 1952 г. Зяп сосредоточил три дивизии на восточном берегу Красной реки, поставив перед ними задачу захватить стратегически важный опорный пункт на хребте Нгиало. Благодаря ночным марш-броскам и блестящей маскировке днем — солдаты передвигались

«муравьиной цепочкой» так, чтобы каждый видел рюкзак впереди идущего, — они сумели осуществить переброску сил незаметно для французов. Операция началась 17 октября. В результате серии успешных атак вьетминевцы захватили несколько французских постов. Десантный батальон Марселя Бижара прикрывал отступление уцелевших подразделений в сторону Черной реки. Преследуемые вьетминевцами по пятам, они были вынуждены бросать своих раненых; впоследствии местные жители рассказывали кошмарные легенды о том, что путь отступления Бижара был уставлен кольями с отрубленными головами французских солдат. Когда майор и его оставшиеся в живых люди вышли в распоряжение французских войск, их встретили как героев; тем не менее отступление из Нгиало стало для французов значимым поражением.

В апреле 1953 г. коммунисты открыли новый фронт в Лаосе, чтобы заставить французов рассредоточить силы. К июню военные поставки из Китая выросли с 250 тонн в месяц в предыдущем году до 2000 тонн, включая советские грузовики и бульдозеры. Между тем французские войска испытывали острую нехватку офицеров и сержантов, большая часть рядового состава из числа североафриканцев была плохо обучена, а 110 000 призывников Национальной вьетнамской армии вызывали мало доверия. Летом 1953 г., вскоре после того как главнокомандующим французскими силами в Индокитае был назначен генерал Анри Наварр, Сайгон посетил генерал О'Дэниел по прозвищу Железный Майк, командующий силами США в Тихоокеанском регионе. С характерной для американцев самоуверенностью он посоветовал французам ужесточить хватку — перейти к более агрессивным военным действиям. Как показал опыт Корейской войны, при столкновении американских войск с легко вооруженными китайскими частями на открытой местности последние нередко брали верх. Но, когда американцам удавалось заманить противника на заранее подготовленное поле боя, где у них имелись хорошо укрепленные позиции с надежным прикрытием авиацией и артиллерией, они были практически неуязвимы. Почему бы французам не использовать ту же тактику? Наварр согласился. Он решил найти такое место для сражения, где французы смогут использовать все свои преимущества и нанести сокрушительное поражение вьетминевской армии, от которого та не сумеет оправиться. Его выбор пал на Дьенбьенфу.

Глава 3

Крепость, которой не было

В ожидании Зяпа

В Индокитае принимали так много «фатальных решений», что было бы несправедливым выделять какое-либо одно как самое роковое, но цепочка решений, принятых в ноябре 1953 г., фактически предопределила исход войны, исключив все сомнения в том, кто станет победителем, а кто побежденным. Битва при Дьенбьенфу была сравнительно небольшим сражением, в котором с французской стороны было задействовано чуть больше дивизии. Тем не менее она переломила ход войны с точки зрения морального духа: инициированная французами с явной целью получить перевес над силами Хо, операция закончилась эпическим разгромом самих французов по причинам, которые можно было объяснить только шокирующей коллективной некомпетентностью. Осенью 1953 г. Париж находился на таком же перепутье, как и генералы в Индокитае: война, казалось, зашла в тупик, и вопрос состоял только в том, когда начинать переговоры с Вьетминем. На ноябрьском заседании Национальный комитет обороны пришел к выводу, что лучший стратегический сценарий для начала переговоров — «заставить врага признать невозможность достижения решающего военного исхода»¹. Это могло быть достигнуто только одним способом: нанести сокрушительные удары по нескольким или всем шести дивизиям регулярной армии Зяпа, развернутым на севере. Тем не менее адмирал Жорж Кабанье был откомандирован из Парижа в Сайгон с совершенно другими инструкциями для Наварра: не предпринимать никаких масштабных шагов, оставив дальнейшее урегулирование индокитайской проблемы на усмотрение политиков.

Однако у Наварра было свое видение ситуации: 2 ноября он принял решение создать укрепленную опорную базу в долине Дьенбьенфу (Долине глиняных кувшинов) в 280 км к западу от Ханоя, недалеко от границы с Лаосом. Решение было принято без надежных разведданных о местонахождении и намерениях врага: Зяп был всегда информирован гораздо лучше своего французского коллеги, отчасти благодаря высокопоставленным единомышленникам в Париже, которые ставили преданность коммунистической борьбе выше лояльности французскому триколору². Тем не менее позже Наварр заявил: «Мы были абсолютно уверены в нашем превосходстве на укрепленных оборонительных позициях». Его заместитель генерал-майор Рене Коньи, 49-летний опытный офицер, сражавшийся во французском Сопротивлении и полгода проведенный в застенках гестапо, ныне командовавший французскими войсками в Тонкине, считал необходимым сосредоточиться на обороне дельты Красной реки, но в итоге неохотно согласился с новым планом Наварра.

Мощная укрепленная база с аэродромом (в долине имелась старая взлетно-посадочная полоса, построенная еще японцами), рассуждал Наварр, станет плацдармом, с которого французские войска смогут наносить удары по тыловым коммуникациям вьетминевцев и дать отпор любым силам Зяпа, которые тот может бросить против гарнизона. Располагаясь на пересечении стратегических дорог между Лаосом и Северным Вьетнамом, база перекроет вьетминевцам доступ к одному из важнейших регионов по производству риса и опиума. Хотя тонкинские аэродромы находились достаточно далеко от Дьенбьенфу, 69 военных транспортников С-47 «Дакота» могли обеспечить все потребности гарнизона в поставках, порядка 80 тонн в день. Самым опасным этапом операции должна была стать первоначальная высадка французского парашютного десанта в «горячей зоне», где, согласно разведанным, стоял лагерь батальона вьетминевцев.

Генерал Наварр, 55-летний ветеран Первой мировой войны, счел риски вполне приемлемыми. Бесстрашный офицер, наделенный холодным умом и поразительно красивой внешностью, он имел небольшой опыт высшего командования, однако же обладал внушительной репутацией и определенной степенью самонадеянности. Генерал прибыл в Индокитай в мае прошлого года с таким же мандатом, на который впоследствии будут обречены и его американские преемники: обеспечить условия для переговоров о выходе с позиции силы. В Вашингтоне Джон Фостер Даллес, 65-летний бывший адвокат и ярый противник коммунизма с миссионерскими взглядами, заведовавший внешней политикой США при Эйзенхауэре, указывал на прецедент в Корее, где всего полгода назад вооруженным силам ООН пришлось яростно сражаться до самого конца, чтобы обеспечить делегации ООН эффективные рычаги на переговорах в Пханмунджоме. Что бы потом ни говорили подчиненные Наварры, нет никаких свидетельств того, что операция в Дьенбьенфу рассматривалась с точки зрения более чем обычных тактических рисков, — и уж определенно никто не предполагал, что она может привести к катастрофе.

Первые два батальона французских и вьетнамских парашютистов были десантированы в пятницу 20 ноября, в 10:35 утра, буквально за минуты до того, как Наварр принял в своем кабинете прибывшего из Парижа Кабанье. Генерал почти наверняка знал, какого рода директиву везет ему адмирал, и решил действовать на опережение. К сожалению, он не знал того, что его инициатива как нельзя лучше вписывается в стратегический план Хо, Зяпа и главного военного стратега Чыонг Тиня. Еще в октябре, совещаясь в бамбуковой хижине посреди джунглей, они сошлись во мнении, что наступление в дельте Красной

реки слишком опасно, поскольку позволит французам использовать войска и огневую мощь вблизи своих основных баз. Нужно выманить французов за пределы этого укрепленного района, заставить их рассредоточить силы, а затем нанести удар там, где их войска осмелятся зайти дальше всего. С характерной для него образностью речи и жестов Хо поднял вверх сжатый кулак. Это французские силы на востоке, сказал он. И продолжил: «Но, если мы заставим их разжать кулак, мы легко сломаем им пальцы, один за другим». Сам того не зная, Наварр разыграл задуманную Хо партию, вытянув палец французских сил в район Дьенбьенфу.

Операция началась утром 20 ноября, когда первые французские и вьетнамские парашютисты, подчиняясь отрывистым командам «Пошел! Пошел! Пошел!», один за другим принялись нырять из темного брюха транспортных С-49 в прохладный утренний воздух над намеченной зоной высадки, клубившейся утренним туманом примерно в 200 м под ними. В первой партии парашютистов, раскачивающихся в воздухе под надувшимися куполами, находился полковник Пьер Ланглэ, 44-летний бретонец, известный среди солдат не только своим безграничным мужеством, но и ограниченным интеллектом вкупе с отвратительным характером. Как и ожидалось, с земли их встретили интенсивным огнем: военный врач, совершавший свой первый боевой прыжок, был убит выстрелом в голову, прежде чем успел приземлиться. Тем не менее к вечеру люди Ланглэ заставили вьетминцев отступить со значительными потерями и сумели закрепиться на плацдарме, потеряв при этом 15 человек убитыми и 34 ранеными. Сам Ланглэ изрыгал ругательства больше обычного: из-за неудачного приземления он сломал лодыжку, что часто случается с парашютистами, и весь следующий месяц был вынужден провести в гипсе на большой земле.

На следующий день транспортники С-119, прозванные «летающими товарными вагонами», начали сбрасывать на парашютах военные грузы и технику. Старая взлетно-посадочная полоса, построенная еще японцами, не была готова к приему самолетов. На первом этапе операции французы использовали 60 000 парашютов, поэтому на аэрофотоснимках вся Долина глиняных кувшинов усеяна белыми и цветными пятнами парашютных куполов. После того как бульдозеры разровняли взлетно-посадочную полосу, начал прибывать поток подкреплений; в итоге численность гарнизона была доведена до 12 000 человек.

Командующим гарнизоном был назначен полковник Кристиан де Кастри, 51-летний военный аристократ, имевший среди своих предков маршала, адмирала и девятерых генералов, спортсмен-наездник международного класса и заядлый покоритель дамских сердец.

Несколько лет назад он получил в Индокитае тяжелые ранения, подорвавшись на mine. Впоследствии некоторые обвиняли его в трусости, утверждая, что в Дьенбьенфу он отсиживался в хорошо защищенном бункере. Но на фоне прошлых боевых заслуг де Кастри такое обвинение кажется неправдоподобным. Чего явно не хватало этому военному аристократу, так это того, что сегодня называют «вдохновляющим лидерством». Когда безысходность положения стала очевидна, он впал в угрюмый фатализм. На него нельзя полностью возложить вину за случившееся в Дьенбьенфу: архитекторами операции были Наварр и Коньи. Тем не менее он совершил множество тактических ошибок, как своими действиями, так и бездействием.

Французы часто используют для описания гарнизона в Дьенбьенфу слово «крепость», однако же ничего похожего на это там не было. Плацдарм представлял собой равнину с цепочкой невысоких холмов в окружении труднопроходимых, поросших густыми лесами гор, где действия противника было невозможно ни предсказать, ни предотвратить. Оборонительные позиции, которые начали строиться за несколько месяцев до начала боевых действий, не были укреплены должным образом: французские солдаты с пренебрежением относились к земляным работам. Их командиры исходили из того, что воздушное сообщение с большой землей будет поддерживаться в непрерывном режиме.

Зяп узнал о намерениях Наварра из французских газет, которые расхваливали его план построить неприступную крепость и дать отпор коммунистам. То, что Зяп принял решение бросить прямой вызов французскому главнокомандующему, нанеся массированный удар по созданному им укрепрайону, было обусловлено важным изменением баланса сил, о котором ничего не знали в штаб-квартире в Ханое. Китай передал Вьетминю некоторое количество 105-мм гаубиц M2A1 американского производства, захваченных у побежденной армии Чан Кайши, а также 120-мм минометов и 37-мм зенитных орудий. Армия Зяпа наконец-то получила столь необходимую ей огневую мощь и, что немаловажно, дальнобойность: снаряды 105-мм гаубиц позволяли поражать цели на расстоянии до 11 км.

Главной трудностью в этой дерзкой — и в итоге сыгравшей историческую роль — операции, на которую Зяп решился, вероятно, не без помощи китайских советников, была логистика: ему нужно было убедить Политбюро и своих командиров в том, что их люди смогут буквально на руках перетащить двухтонные орудия на расстояние почти в 800 км по одной из самых труднопроходимых местностей в Азии и в течение нескольких месяцев обеспечивать всем необходимым осадные силы в количестве четырех дивизий. 6 декабря в «освобожденных

зонах» была объявлена всеобщая трудовая мобилизация в посменные отряды носильщиков: крестьяне должны были отработать не меньше месяца, после чего их отпускали домой — измученных, истощенных, больных. Чтобы замотивировать крестьян, Вьетминь пообещал им награду — земельную реформу после победы революции. Рядом с уже знакомым военным лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» — появился новый: «Земля крестьянам!»

К 5 января 1954 г. Зяп перебазировал свой передовой штаб в разветвленную сеть из пещер и искусственных туннелей, созданную вьетминевцами всего в 15 км от французского лагеря. В это же время он приказал начать выпуск боевых листов для своих войск. Помимо новостей и идеологической пропаганды, в них печатались и карикатуры. Одна из них изображала Францию в виде безобразной вульгарной женщины, которая родила ребенка по имени Дьенбьенфу, а собравшиеся вокруг них крошечные черные фигурки перерезали «пуповину» воздушного сообщения. Карикатура оказалась пророческой: через несколько недель войска Зяпа сделали именно это.

Вьетминевские логисты и инженеры трудились не покладая рук, чтобы обеспечить надежный маршрут снабжения. Они сумели сделать некоторые участки проходимыми даже для советских грузовиков, и те курсировали на этих отрезках туда-обратно, в конечных точках разгружаемые и загружаемые, словно муравьями, бригадами носильщиков. Поставляемый из Китая рис часть пути сплавлялся на плотах по Черной реке. Зяп приказал доставить на место осады 1000 тонн боеприпасов — один 105-мм снаряд весил почти 20 кг. Когда пехотные части прибывали на исходные позиции, им тут же вручали лопаты, чтобы рыть укрепления, и веревки, чтобы таскать грузы. Огромное внимание уделялось маскировке. Вьетминевцы создавали «зеленые туннели», сплетая верхушки деревьев и лианы над тропами в джунглях, и строили мосты через реки под поверхностью воды так, чтобы те были незаметны с воздуха. На открытой местности за колоннами грузовиков шли крестьяне и замечали следы шин. Когда колонны попадали под налет французской авиации, на помощь раненым могли прийти лишь студенты-медики, в распоряжении которых имелся только перевязочный материал и народные болеутоляющие средства.

Что касается транспортировки артиллерийских орудий, то вьетминевский командир Чан До красочно описал стандартный процесс, который повторялся на протяжении нескольких недель: «Каждую ночь, когда в долины опускался ледяной туман, собирались группы людей... Тропы были узкими и к тому же вскоре покрывались по щиколотку скользкой грязью... малейшее отклонение колес в сторону — и орудие скатилось бы вниз по крутому склону. Обливаясь потом и слезами, мы

тащили эти орудия, которые было под силу сдвинуть только грузовикам... Единственной нашей едой был рис, часто недоваренный, потому что походным кухням нельзя было дымить днем и разжигать яркие костры ночью. На подъемах сотни человек тянули орудия вверх на длинных веревках; на гребне устанавливали лебедку, чтобы не позволить орудиям скатиться вниз. Спуски давались гораздо труднее; тропы извивались и изгибались, а тяжелые орудия так и норовили набрать скорость. Артиллерийские расчеты направляли и затормаживали свои пушки, ставя подпорки под колеса, а пехота удерживала их с помощью веревок и лебедок. Иногда за целую ночь, трудясь под светом факелов, нам удавалось пройти всего километр, а то и полкилометра»³. Вьетминевская пропаганда посмертно героизировала солдата, который бросился под колеса пушки, чтобы не дать той скатиться в пропасть.

Французская разведка по мере возможности следила за лихорадочной деятельностью вьетминевцев на северо-западе. По ее оценкам, Зяп мог собрать около 25 000 носильщиков, которые могли обеспечить снабжением примерно такое же число осаждающих. В действительности же коммунисты мобилизовали 60 000 человек. Специально оборудованные велосипеды стали важнейшим звеном в цепочке снабжения: каждый велосипедист мог перевозить больше 50 кг груза, а в чрезвычайных ситуациях до 100 кг. Коммунистические лидеры использовали свой агитаторский дар не только среди солдат, но и среди крестьян-носильщиков, вдохновляя их на поистине героические усилия и жертвы, на которые были способны немногие французские солдаты и тем более наемники. Один французский военнопленный был глубоко впечатлен, когда на призыв вьетминевского командира помочь обезвредить французские бомбы замедленного действия откликнулось сразу десять добровольцев.

Поначалу события разворачивались в неспешном темпе; между первой высадкой французского парашютного десанта 20 ноября и первым вьетминевским штурмом в марте прошло больше 100 дней. Тем не менее вьетминевцы жестко пресекали любые попытки французов выдвинуться за пределы периметра: в декабре два парашютных батальона, пытавшихся войти в деревню в 15 км от базы, наткнулись на сильный огонь и были вынуждены отступить. Наварр дал де Кастри новый приказ: отказаться от рейдов и просто удерживать лагерь любой ценой. Имея в своем распоряжении четыре 155-мм пушки, а также 105-мм гаубицы и 120-мм минометы, защитники были уверены, что подавят вьетминевцев превосходящей огневой мощью. Но их ожидания не оправдались: низкое качество топографических карт не позволяло авиационным и артиллерийским наводчикам обеспечить высокую

точность наведения; к тому же вьетминевцы умело маскировали свои тяжелые орудия, делая их почти неуязвимыми для бомбардировки.

На протяжении всего декабря французское командование получало непрерывный ручеек разведанных, которые вызывали у Наварра и Коньи тревогу, хотя и не такую сильную, как следовало бы. Они знали, что в горах на севере происходит передислокация четырех дивизий, но не были уверены насчет их места назначения: отвлекающие действия вьетминевцев на Центральном нагорье и в дельте Красной реки ввели французский штаб в заблуждение. Кроме того, до настоящего момента вьетминевские войска, наталкиваясь на сильное сопротивление, всегда сворачивали атаку и отступали. Французские генералы были уверены, что в Дьенбьенфу армия Зяпа поступит так же. Посетивший гарнизон корреспондент газеты *Le Monde* сообщил читателям, что среди французских солдат царит настроение «*On va leur montrer!*» — «Мы им покажем!»⁴.

Накануне Нового года Наварру стало известно, что Вьетминь занимается переброской гаубиц: 31 декабря он сообщил в Париж, что оборона плацдарма может стать затруднительной. Тем не менее в первые недели 1954 г. главным врагом гарнизона была скука. Полковник Ланглэ вернулся из госпиталя с забинтованной лодыжкой и передвигался по лагерю на маленьком пони. Патрули несли небольшие, но регулярные потери. Многие солдаты с нетерпением ждали, когда вьетминевцы начнут штурм, чтобы «надрать им задницы» — и получить долгожданный отпуск в Ханой с его изобилием увеселительных заведений. Но некоторые предчувствовали недоброе. 11 января подполковник Жюль Гоше писал своей жене: «Время идет медленно, и не происходит ничего интересного. Нам говорят, что это ненадолго и следует приготовиться к трудным временам. Ходят слухи, что мы предназначены для жертвоприношения»⁵.

В последующие недели защитники гарнизона предприняли несколько вылазок с целью уничтожить артиллерию противника, но все они потерпели неудачу. Попытки перерезать маршруты снабжения Зяпа с воздуха также не увенчались успехом, отчасти из-за сложных условий, отчасти из-за неопытности французских экипажей бомбардировщиков В-26 *Marauder*. Однажды позиции Ланглэ подверглись бомбардировке; поначалу защитники подумали, что это китайцы, но это оказался заблудившийся французский бомбардировщик⁶, что было неудивительно, поскольку бомбометание производилось с высоты больше 3,5 км. Вдали от Дьенбьенфу вьетминевцы совершали ночные диверсионные рейды, чтобы отвлечь внимание Наварра и нанести урон вражеской авиации. Их усилия были более успешными: в ходе рейдов

на аэродромы вокруг Ханоя и Хайфона им удалось уничтожить 20 самолетов, большинство из которых — ценные транспортные С-47.

К середине зимы Наварр и его штаб получили достаточно разведданных, чтобы понять: их ожидает полномасштабная кровавая катастрофа. Они делились своими сомнениями с Парижем, однако ядовитый коктейль из гордости, фатализма, глупости и моральной слабости мешал им признать собственную ошибку. Если бы гарнизон Дьенбьенфу был эвакуирован, никто бы никогда за пределами Вьетнама не услышал об этом месте. Это было бы одним из обычных локальных отступлений, к которым все привыкли. Безусловно, главная ответственность за случившееся лежит на Наварре, но в неменьшей степени она лежит и на всем французском военном и политическом руководстве. К несчастью для французов, их страной и их армией управляли люди, над которыми довлело пережитое в недавнем прошлом национальное унижение и которые жаждали во что бы то ни стало восстановить национальную честь, возродить славу своей Родины. Движимые этими иррациональными побуждениями, они обрекли свою армию на одно из самых громких военных фиаско XX в. — фиаско тем более горькое, что были все шансы его избежать.

В последнюю неделю января гарнизон был приведен в состояние боевой готовности: разведка сообщила, что вьетминевцы собираются начать массированный штурм в течение нескольких часов. Разведка ошиблась: таков был первоначальный план, но Зяп его изменил. Краеугольным камнем всех недавних военных побед армии Вьетминя была тщательная подготовка. Несмотря на то что все войска уже прибыли на свои позиции, Зяп решил, что запасов артиллерийских и минометных боеприпасов недостаточно для успешного штурма. К досаде своих подчиненных, он отложил начало операции.

Согласно его новому плану, предстоящая операция должна была захватить сезон дождей. Зяп считал, что его люди, находящиеся на горных склонах, будут меньше страдать от проливных дождей, чем французский гарнизон на равнине. В Париже один из генералов думал так же, мрачно заметив, что к апрелю лагерь де Кастри будет затоплен водой по колени: «Мы рассчитывали, что сумеем уничтожить три лучшие дивизии Вьетминя. Вместо этого Зяп загнал значительную часть наших сил в мышеловку и спокойно готовится к штурму»⁷.

Возможность эвакуации была в очередной раз обсуждена — и отброшена, поскольку это означало бы потерю огромного количества военного имущества и почти наверняка уничтожение арьергарда. Вместо этого Наварр принял решение усилить гарнизон.

Следующие семь недель тянулись бесконечно долго и для осаждающих, и для осажденных. Противники внимательно наблюдали

друг за другом с укрепленных позиций. В небе курсировали самолеты. Время от времени завязывались перестрелки, но все именитые визитеры — важные военные и политические персоны, включая американского командующего Майка О’Дэниела и британского романиста Грэма Грина, — отбыли с базы целыми и невредимыми. Воздушные атаки на позиции и пути снабжения Вьетминя были удручающе бесполезны. Французским пилотам не хватало опыта, а свои старые разбитые бомбардировщики они называли «ловушками» (les pièges). Многие из 650 французских летчиков, погибших в Индокитае, стали жертвами человеческих ошибок или механических поломок, а вовсе не действий врага. Вскоре вьетминевцы поняли: французы производят много шума, но наносят на удивление незначительный урон. Один молодой вьетнамец, переживший множество воздушных и артиллерийских обстрелов своей деревни, впоследствии вспоминал: «Бомбардировки и обстрелы больше пугали людей, чем причиняли вреда... Постепенно люди к ним привыкли»⁸. Более того, вокруг Дьенбьенфу самолеты все чаще попадали под плотный огонь 37-мм зенитных орудий советского производства. В декабре 53 самолета получили повреждения разной степени тяжести. После того как наступило сезонное ухудшение погоды, пилоты, полагавшиеся на навигационные технологии времен Второй мировой войны, столкнулись с еще большими сложностями и, как следствие, потерями.

С точки зрения Наварра, куда более тревожной, чем вести из Дьенбьенфу, была новость из Европы, которая в одночасье подняла ставки на вьетнамских полях сражений: это было известие о предстоящей международной конференции по Корее и Индокитаю, другими словами, о переговорах. Французские военные почувствовали в воздухе так хорошо знакомое им зловоние надвигающегося предательства. Не желая признавать, что их усилия вымостить путь к победе в Индокитае оружием и бомбами терпят неудачу, они обвинили политиков в том, что те в очередной раз собираются сделать их жертвами своих грязных манипуляций.

Между тем война в Индокитае вызывала растущее смятение в США и Европе. В первые годы после начала проекта «Манхэттен» — американской программы по созданию атомной бомбы — британский премьер-министр Уинстон Черчилль относился к ней с наивным легкомыслием. Но спустя десятилетие стареющий политик осознал все опасности развязывания ядерной войны гораздо острее, чем многие американцы, в том числе президент Дуайт Эйзенхауэр. Черчилль и его министр иностранных дел Энтони Иден понимали, что недавно созданная водородная бомба была не просто очередной военной игрушкой; даже сама по себе угроза ее применения ради достижения

каких-либо внешнеполитических целей была в высшей степени серьезным шагом.

Администрация США обдумывала различные варианты, среди которых — подвергнуть Китай бомбардировке, чтобы наказать Мао Цзэдуна за поддержку Вьетминя. Это предложение шокировало британское правительство. Хотя лишь немногие американцы, в том числе в мундирах с генеральскими звездами, открыто предлагали «сбросить атомную бомбу» на китайцев, если начнется вооруженный конфликт, невозможно было прогнозировать, чем все закончится. Британцы продолжали верить в дипломатию, но администрация Эйзенхауэра все меньше разделяла это убеждение. Американские консерваторы осуждали готовность Британии к дипломатическому сотрудничеству с СССР и Китаем как трусливую политику умиротворения.

В январе 1954 г. в Берлине состоялась напряженная встреча министров иностранных дел великих держав-победительниц. Советский министр Вячеслав Молотов предложил созвать конференцию с участием представителей коммунистического Китая, который до сих пор по настоянию американцев бойкотировался международным сообществом. Это позволило бы начать урегулирование острых проблем в Азии, особенно в Корее и Индокитае. Госсекретарь США Джон Фостер Даллес встал на дыбы: американцы никогда не сядут за стол переговоров с коммунистическими узурпаторами власти в Китае. Однако Иден при поддержке Черчилля одобрил эту идею. Французский министр иностранных дел Жорж Бидо также выступил за: шаткое правительство Четвертой республики отчаянно желало начать диалог с Пекином и убедить того отказаться от поддержки Вьетминя. В конце концов Даллес, скрепя сердце, был вынужден согласиться. 18 февраля объявили, что 26 апреля в Женеве начнется международная конференция под председательством Великобритании и СССР, на которую будут приглашены все заинтересованные стороны.

Перед обеими армиями в Индокитае встала срочная задача: в преддверии переговоров добиться максимального военного преимущества на полях сражений. Наварр и его подчиненные отбросили все сомнения, вызванные тревожными разведданными и прогнозами, и принялись говорить о победе. Воодушевленное победоносным настроением своих генералов, французское правительство высокомерно отвергло предложение индийского премьер-министра Джавахарлала Неру объявить в Индокитае немедленное прекращение огня. Маловероятно, чтобы Вьетминь согласился на такое перемирие, но факт остается фактом: французы сами отказались от возможности — последнего шанса — забрать свои ставки со стола в Дьенбьенфу.

Катастрофа грядет

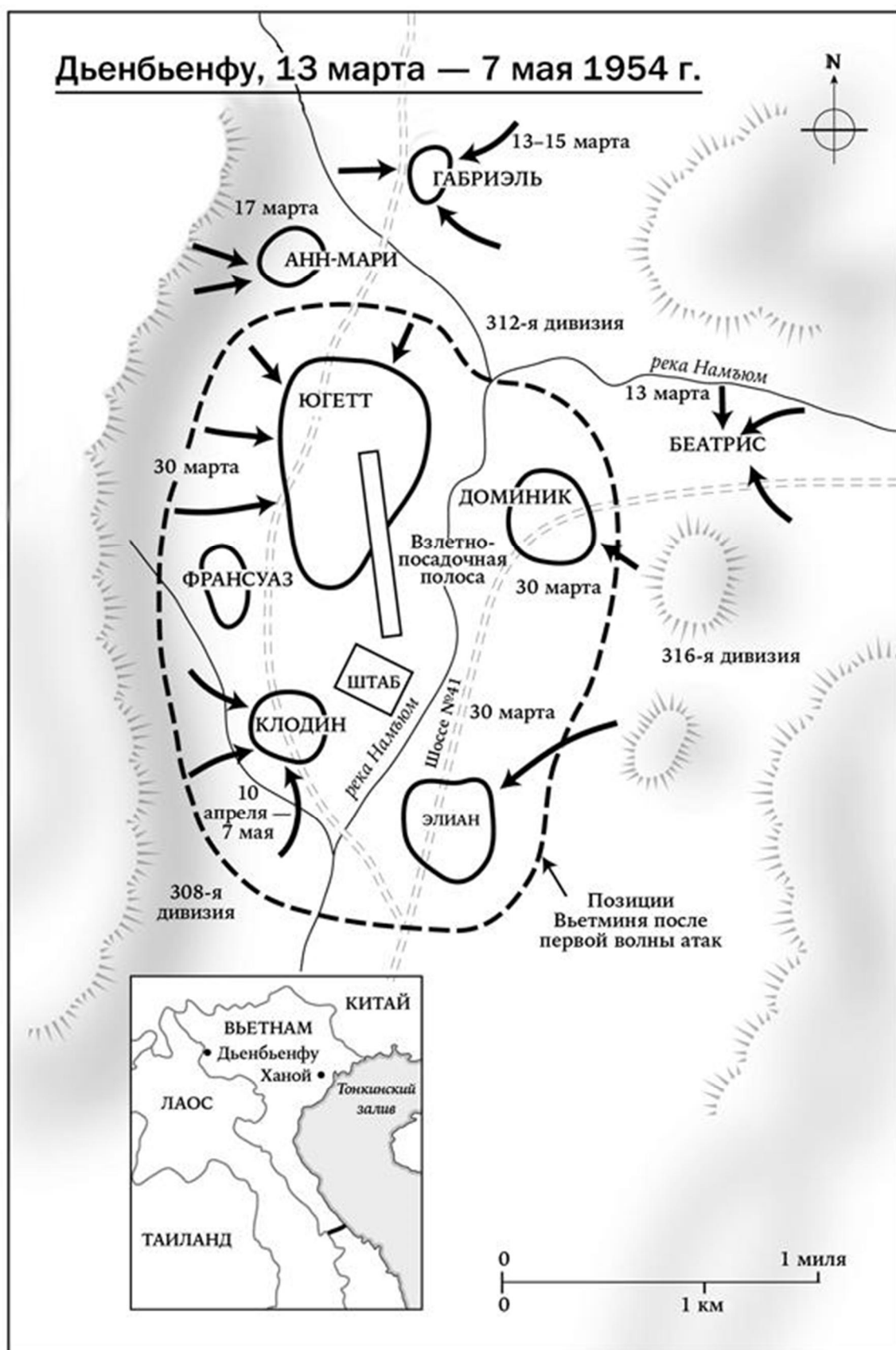
Вдали от Парижа французские защитники удаленного форпоста в горах на западе Тонкина столкнулись с еще одним неожиданным новшеством в стане врага. Согласно традиционной военной мудрости, артиллерию следовало размещать на обратных склонах, вне прямой досягаемости противника. Однако Зяп установил свои гаубицы на передних склонах, где их стволы были направлены вниз на позиции де Кастри и простреливали бóльшую часть лагеря. Несмотря на это, тяжелые орудия были практически неуязвимы для контрбатарейных обстрелов французов, поскольку были спрятаны в пещерах и туннелях и выкатывались наружу только для стрельбы. Долина Дьенбьенфу находится на высоте 300 м над уровнем моря; самые высокие французские позиции располагались на 180 м выше. Позиционная линия вьетминевцев проходила по горным склонам на расстоянии всего 4,5 км от французов на средней высоте 1100 м. Вьетминевцы продолжали рыть туннели, приближаясь к периметру, и вскоре их артиллерия стала простреливать почти весь лагерь.

Пушки и минометы де Кастри находились в открытых огневых ямах, абсолютно беззащитные. В лагере имелось несколько 18-тонных танков Чаффи, доставленных в разобранном виде и собранных на месте, которые обеспечивали мобильную огневую мощь. Однако французские солдаты и офицеры постепенно начали понимать, в какой серьезный переплет попали. По мере того как передовые позиции подвергались все более интенсивному обстрелу вьетминевской артиллерии, услуги двух полевых борделей стали пользоваться все меньшей популярностью. Хотя к середине февраля вьетминевцы не предприняли ни одной серьезной атаки, количество убитых и раненых в гарнизоне достигло 10% личного состава. Сокращение воздушного сообщения привело к нехватке продовольствия и боеприпасов.

11 марта вьетминевская артиллерия подобралась так близко, что начала обстреливать самолеты, стоявшие рядом со взлетно-посадочной полосой. Начиная с 13 марта все взлетающие и идущие на посадку самолеты попадали под плотный зенитный огонь. Воздушное пространство ниже 2 км стало небезопасным. 12 марта самолет Рене Коньи сумел взлететь под градом снарядов; бравому генералу посчастливилось выжить, но это был его последний визит на плацдарм. В течение нескольких недель войска Зяпа копали, копали и копали — последний раз такие масштабные земляные работы велись на Западном фронте в ходе Первой мировой войны. Один из вьетминевцев позже вспоминал: «Лопата стала нашим главным оружием». Они вырыли по периметру лагеря разветвленную сеть туннелей и траншей, которые

обеспечивали не только надежное укрытие, но и скрытые подходы. Французские оборонительные позиции были сосредоточены на девяти холмах, названных красивыми женскими именами. Позиции «Изабель» и «Беатрис» считались почти неприступными, но вновь прибывший офицер-парашютист с тревогой отметил уязвимость окопов и огневых точек: гарнизон мог бы быть укреплен куда лучше, если бы все предыдущие недели его защитники копали так же энергично, как осаждающие⁹.

Утром 13 марта Зяп зачитал перед бойцами 312-й дивизии послание Хо Ши Мина и исполнил вместе с ними гимн Вьетминя. После обеда они начали готовиться к штурму укрепления «Беатрис», самой восточной французской позиции, находящейся всего в 3 км от взлетно-посадочной полосы. В 17:05 защитники заметили подозрительную активность на позициях противника и приготвились открыть заградительный артиллерийский огонь, но Зяп их опередил. Град снарядов и минометных мин внезапно обрушился на «Беатрис», а также на многочисленные цели по всему лагерю, особенно на огневые точки, склады и штаб. Обстрел велся с поразительной точностью, вероятно благодаря помощи китайских военных советников, которые за предыдущие недели затишья тщательно изучили французские позиции и откалибровали прицелы на орудиях. Вьетминевские разведчики с бесконечным мужеством и терпением часами ползали в темноте между заграждением из колючей проволоки и французскими окопами. В частности, по антеннам радиосвязи они определили местонахождение командных пунктов.

Группа Пьера Ланглэ выжила только чудом. Сам полковник мылся под душем, сооруженным из продырявленной бочки из-под горючего, когда начался обстрел. В чем мать родила он добежал до командного блиндажа и влетел в него за несколько секунд до того, как в его перекрытия угодил снаряд. На голову находившимся внутри офицерам

посыпалась земля, доски и обломки разбитого оборудования. К счастью, второй снаряд, попавший туда же, не взорвался. По всему лагерю вздымались оранжево-красные огненные шары — это горели хранилища горючего и напалма. Все самолеты, кроме одного самолета-корректировщика, были уничтожены.

Французские командиры остались практически без связи. Многие телефонные линии были повреждены; радиосвязь из-за обычных вечерних атмосферных помех стала отвратительной. Батальон Иностранного легиона, оборонявший укрепление «Беатрис», был недоукомплектован рядовыми и офицерами, насчитывая всего 450 человек. Гарнизонное командование ожидало штурма только после наступления темноты и не успело перебросить подкрепление. Между тем вьетминевцы отрыли траншеи на расстояние менее 50 м до периметра «Беатрис», и их пехота, возникнув буквально из-под земли, бросилась в атаку в адской какофонии криков, сигналов горнов и взрывов бангалорских торпед, которые атакующие подсовывали под колючую проволоку. Вьетминевская артиллерия продолжала наносить смертельные удары: в 18:30 точным попаданием был разбит командный пункт «Беатрис». Когда опустилась ночь, защитники опорных пунктов были вынуждены сражаться изолированно друг от друга, под светом осветительных ракет. Некоторые подразделения сумели нанести нападавшим значительный урон, прежде чем их сопротивление было смято. Тем не менее в течение часа, невзирая на огромные потери, вьетминевцы прорвали оборону и продвинулись вглубь периметра.

Один ротный командир продолжал корректировать огневую поддержку, даже когда в траншею ворвались вьетминевцы: «Право 100... ближе 100... ближе 50... Огонь на меня! Вьеты над нами!» После этого голос замолк; в эфире остался лишь треск атмосферных помех. Подполковник Гоше, который в письме жене мрачно пошутил, что он и его товарищи «предназначены для жертвоприношения», был смертельно ранен. Ланглэ получил приказ взять командование на себя, но у него не было ни телефонной, ни радиосвязи. Вскоре после полуночи вьетминевцы захватили укрепление «Беатрис», убив более ста защитников и взяв в плен в два раза больше, большинство — ранеными. Ускользнуть удалось всего сотне человек во главе с сержант-майором. Когда 14 марта в 06:18 наступил рассвет, над полем боя повисла жуткая тишина, которую нарушал лишь шелест моросящего дождя, постепенно перешедшего в ливень. Гарнизонные медики, потирая глаза и валясь с ног от усталости, выходили из своего душного блиндажа после ночи непрерывных операций: 10 ранений в грудь, 10 в живот, 2 в голову, 15 переломов и 14 ампутаций. Повсюду валялись обломки, стояли черные сгоревшие остовы автомобилей, самолетов и военной техники.

Французская авиация начала запоздалую и бесполезную воздушную атаку на позиции вьетминевцев.

Вскоре на «Доминик» прибыл раненый французский лейтенант Фредерик Турпин с захваченной высоты «Беатрис» с предложением от вьетминевцев объявить временное прекращение огня для эвакуации раненных. Штаб Коньи дал добро. Это был хитрый психологический ход со стороны Зяпа, который таким образом переложил ответственность за восемь тяжелораненых на французов и заставил признать локальную победу вьетминевской армии. Турпину посчастливилось вместе с другими ранеными улететь в Ханой. Что касается оставшихся, то Пьер Роколь так писал об этом: «Те, кто не был задействован на боевом дежурстве, словно пребывали в ступоре. Офицеры и солдаты не переставали задавать себе вопрос: “Как вьетминевцы сумели так легко одолеть батальон Иностранного легиона?”» В ответ Коньи решил укрепить гарнизон, направив туда еще один батальон парашютистов.

Между тем Зяп приготовился повторить свой успех на укреплении «Габриель» в северном секторе, которое оборонял батальон 7-го полка Алжирских стрелков. 14 марта в 18:00, когда алжирцы ужинали в ожидании беспокойной ночи, пехота 308-й дивизии Вьетминя бросилась на штурм. Ожесточенная битва продолжалась до поздней ночи, под вспышками осветительных ракет, которые сбрасывал курсировавший в небе «Дакота». В течение нескольких часов защитникам удавалось удерживать свои позиции при поддержке французской артиллерии, выкашивавшей ряды вьетминевской пехоты. Но в 03:30 ночи вьетминевцы возобновили артобстрел и разрушили командный пункт, убив или ранив большинство тех, кто в нем находился. Де Кастри приказал на рассвете начать контратаку, и оборонявшиеся офицеры были воодушевлены сообщениями о том, что подразделения парашютистов и танки стягиваются на исходные позиции. Но с алжирцев было достаточно. 15 марта в 07:00 на гребне высоты «Габриэль» появились первые вьетминевские солдаты. Стрелки, включая роту, которая до сих пор не участвовала в сражении, выскочили из окопов и врассыпную бросились бежать с холма. Солдаты Зяпа захватили укрепление, взяв в плен 350 алжирцев, включая контуженного командира батальона, и обнаружив в окопах 80 трупов. Недавно прибывший в Дьенбьенфу вьетнамский батальон был отправлен контратаковать, но, столкнувшись с заградительным артиллерийским огнем на открытой местности, дрогнул; когда в лагере появились бежавшие с позиций алжирские стрелки, наступление было прекращено.

Столкнувшись со вторым поражением за сутки, французское командование решило возложить всю вину на своих офицеров. В письме маршалу Жуэну в Париж Наварр заявил, что «пораженческие настроения в наибольшей степени охватили тех командиров, которые ранее выказывали высокую уверенность (в некотором роде даже чрезмерную) и в целом склонны метаться от одной крайности к другой». Генерал отправил в Дьенбьенфу двух полковников-добровольцев на замену погибших. Смирившись с безуспешными попытками французской авиации прервать маршруты снабжения Зяпа, Наварр предложил нелепую идею: засеивать над джунглями дождевые облака, чтобы затопить коммунистов.

В лагере несколько штабных офицеров де Кастри стали жертвами нервных расстройств: начальник штаба неподвижно сидел в своем блиндаже, отказываясь снимать каску. Де Кастри был опытным командиром, но ему не хватало лидерских качеств: вместо того чтобы поднять боевой дух своих людей пламенной речью или товарищеской поддержкой, он, казалось, смирился с неизбежным поражением. Вьетминевцы сосредоточили огонь своих гаубиц на французской артиллерии, которая несла тяжелый урон: расчеты 155-мм орудий потеряли треть своих людей убитыми или ранеными, а расчеты 120-мм минометов — более половины. К третьему дню сражения была израсходована половина из имевшихся в гарнизоне 27 000 снарядов. Лишившись передовых наблюдательных пунктов, артиллеристы были вынуждены вести огонь почти вслепую, ориентируясь по аэрофотоснимкам вьетминевских позиций, которые печатались в Ханое и сбрасывались в лагерь на парашютах.

Начальник гарнизонной артиллерии, круглолицый весельчак Шарль Пиро, который браво обещал разделать под орех пушки коммунистов, подвергся беспощадному разносу со стороны Ланглэ за недееспособность его батарей в ходе первых двух ночных боев. Полковник удалился в свой блиндаж и в отчаянии разрыдался: «Я опозорен». По правде говоря, позора заслуживало его начальство, которое направило 12 000 французских и колониальных солдат фактически в ловушку, где те были вынуждены сражаться с пятикратно превосходящими силами противника под командованием блестящего генерала. Пиро взял гранату, прижал ее к телу и выдернул чеку. Де Кастри попытался скрыть самоубийство полковника, но новость быстро просочилась на большую землю и была опубликована в газете *Le Monde*. В ночь на 14 марта несколько снарядов угодили в главный медпункт, убив 14 человек в приемном отделении и 9 прооперированных, а также уничтожив рентгеновский аппарат. Это усугубило страдания раненых. За все время осады хирурги и

медперсонал оказали помощь 2665 раненым и провели 934 операции, из которых 319 закончились летальным исходом. Противник продолжал обстреливать взлетно-посадочную полосу и уничтожил 10 самолетов, которые застряли на земле из-за плохой погоды.

Следующие два дня, 15–16 марта, прошли почти без происшествий. Вьетминевцы транслировали по громкоговорителям призывы сдаться, повторяя их на французском, вьетнамском, арабском и немецком языках. Это возымело действие. Вопреки настоятельным возражениям де Кастри, Коньи направил в гарнизон Дьенбьенфу один вьетнамский и два тайских батальона, которые были известны своей ненадежностью. Французские офицеры всегда опасались, что известие о мирных переговорах приведет к развалу местных войск, и оказались правы. После объявления о грядущей Женевской конференции те поняли, кто побеждает в войне за Индокитай — и это были не колониальные силы. В ночь на 15 марта струйка дезертиров из тайского батальона, оборонявшего форт «Анн-Мари» в северном секторе в 2,5 км к юго-западу от «Габриель», переросла в полноводную реку. Когда вьетминевцы начали обстрел позиций, бегство только усилилось. Французский передовой наблюдатель-корректировщик лаконично сообщил в штаб: «Тайцы ушли». Опорные пункты «Анн-Мари-1» и «Анн-Мари-2» оказались в руках Зяпа почти бескровно, и тот немедленно переместил туда свои минометы и безоткатные орудия.

Боевой дух гарнизона рухнул настолько, что войска Зяпа могли бы почти беспрепятственно захватить весь лагерь, что его командиры и горели желанием сделать. Впоследствии де Кастри писал о той пропасти духа, которая разделяла осаждающих и осажденных, где первые были «людьми, сражавшимися за независимость своей страны... [а вторые] наемниками, воевавшими за деньги». Однако Зяп отказался спешить. До сих пор тщательная, методичная подготовка никогда его не подводила. Кроме того, первые победы достались его войскам дорогой ценой: по оценкам, при штурме «Беатрис» погибла четверть задействованной пехоты, а при взятии «Габриэль» только один из батальонов потерял убитыми 240 человек. Шесть вьетнамских недоучившихся медиков пытались оказать помощь 700 раненым.

Под градом шрапнели и мин вьетминевцы дорого расплачивались за отсутствие у них стальных касок, а также за тактику атак «людскими волнами». Ночами напролет они рыли траншеи и туннели, постепенно приближаясь к французским позициям. Деревянные стойки доставлялись за несколько километров из ближайшего леса. Зяп требовал подкреплений; на контролируемом коммунистами севере Вьетнама была проведена всеобщая мобилизация, затронувшая даже

подростков: Дьенбьенфу стал местом мученической смерти не только тысяч французов, но и тысяч вьетнамцев.

Зяп ежедневно изучал графики снабжения — «движущуюся красную линию». Однажды утром он спросил у своего начальника снабжения, почему прошлой ночью не было доставлено ни одной тонны риса. Тот ответил, что помешал проливной дождь. «Пусть идет дождь или град, мы не можем допустить, чтобы наши солдаты воевали с пустыми животами!» — заявил Зяп. Это было циничное словоблудие: он прекрасно знал, что большинство его людей голодают. Они почти не получали ни мяса, ни овощей, и к середине марта, по словам солдата 312-й дивизии, им выдавали «такой гнилой рис, что повара не знали, как его приготовить». Солдатам приходилось собирать съедобные дикие растения и корни в джунглях. Понятно, что ни о каких сигаретах не шло и речи.

Тем не менее Зяп решил продолжать осаду в той же манере медленного удушения, кропотливо подготавливая успех каждого удара и постепенно лишая французов любой надежды на выживание. Его 37-мм зенитные пушки не давали спуску французской авиации: почти ни один самолет не возвращался из полета в гарнизон невредимым. После взятия трех из девяти высот вьетминевская артиллерия вела непрерывный обстрел взлетно-посадочной полосы. Число медицинских эвакуационных рейсов заметно сократилось; едва самолет или вертолет с красным крестом касался земли, его окружала толпа охваченных паникой потенциальных пассажиров, раненых и нет. Фотожурналист Жан Перо описал в своем репортаже эту сцену, которая напомнила ему пережитое в Германии в 1945 г.: «Крики. Слезы. Паническая толчея раненых у люка. Никогда не видел ничего подобного со времен концлагеря». 17 марта вьетминевцы сделали еще один грамотно рассчитанный «жест милосердия», передав гарнизону 86 раненых пленных. Понятно, что это только добавило работы и без того перегруженной медицинской службе: медики не знали, что делать с грудой ампутированных конечностей.

Экипажи санитарных вертолетов не заслуживали никакой похвалы: 23 марта вертолет Н-19, несмотря на указания, приземлился на площадке, которая хорошо простреливалась вьетминевцами. Пока загружали раненых, экипаж покинул машину и избежал гибели, в то время как вертолет и его беспомощные пассажиры, среди которых был сын легендарного генерала Фернана Гамбьеза, Ален Гамбьез, были уничтожены. Один французский писатель с горечью заметил: «Определенно экипажи вертолетов набираются не из лучших людей ВВС». А де Кастри сетовал по поводу отсутствия у них мужества. Такие же горькие слова можно было сказать и о французских экипажах

самолетов, которым вскоре надоело рисковать своими жизнями. Постепенно все больше рейсов по снабжению гарнизона стало выполняться наемными пилотами из выкупленной ЦРУ авиакомпании САТ, которые демонстрировали куда больше летного мастерства и мужества, чем их французские коллеги. Особенно рискованными были боевые вылеты для бомбардировки напалмом: однажды во время разгона С-119 по взлетно-посадочной полосе его пилот преждевременно убрал шасси, из-за чего самолет проскреб брюхом, в котором было 4 тонны «адского желе» и 1500 галлонов авиационного топлива, по стальному покрытию, выбивая снопы искр. Экипаж выжил каким-то чудом.

Что касается гарнизона в Дьенбьенфу, то большинство французских солдат и офицеров сохраняли стойкость, тогда как их презрение к «колониальным братьям» росло с каждым днем. 15 марта батальон вьетнамских парашютистов не сумел отбить укрепление «Габриэль» (хотя Пьер Роколь признал, что их французские командиры также «подали прискорбный пример»). Несколько сотен солдат алжирского батальона покинули свои позиции и до конца осады отсиживались в джунглях и пещерах на берегу реки Намьюм, — за что их прозвали «намьюмскими крысами», — воруя еду в собственном лагере и окружающих деревнях. Североафриканские артиллеристы и инженеры сохраняли поразительное мужество, хотя ежедневно теряли около полусотни человек, даже когда не было больших атак.

Душой гарнизона стал не де Кастри, а Ланглэ, который, по словам одного восхищенного легионера, «пел Марсельезу все 56 дней. И никогда не падал духом». Однако полковник, как и многие доблестные вояки, не отличался ни особым умом, ни даже тактической смекалкой. Де Кастри как-то сказал Наварру: «Его достоинства — в его недостатках». 16 марта к Ланглэ присоединился вновь прибывший майор Марсель Бижар, его старый товарищ, ставший еще одной легендой Дьенбьенфу. Сын бедного железнодорожника из Туля, после одного особенно кровопролитного сражения Бижар представил к награждению Военным крестом всех бойцов своего парашютного батальона. Этот железный человек был известен под своим радиопозывным «Бруно». Однако и Ланглэ, и «Бруно» могли разве что пережить вместе со своими людьми распятие, но не воодушевить их на воскресение.

Несколько успешных рейдов за периметр немного приободрили защитников гарнизона, но де Кастри был вынужден тщательно взвешивать каждую такую вылазку и даже рутинное патрулирование с точки зрения потенциальных человеческих потерь. Раненых становилось все больше, а их положение все хуже. Сержант Лерой,

получивший осколочные ранения 16 марта при обороне форта «Изабель», находился в полевом госпитале, когда тот подвергся обстрелу, — его снова ранило шрапнелью. Едва оправившись от ранений, он отправился в свой форт, но на полпути в их грузовик угодил снаряд. Водитель погиб; раненого Лероя вытащили из-под обломков, после чего он пережил операцию на желудке и, поскольку госпиталь был забит до отказа, следующие три ночи провел в дренажной канаве. В конце концов 25 марта он был эвакуирован в Ханой.

Всего за период с 13 и 27 марта было эвакуировано 324 раненых, но 28 марта вьетминевцы подбили «Дакоту» на взлетно-посадочной полосе. Теперь артиллерия Зяпа простреливала весь лагерь, и отряд из 1200 парашютистов под командованием майора Бижара предпринял отчаянный рейд, чтобы подавить их огневые точки. В тот день вьетминевцы потеряли 350 человек убитыми; французам удалось уничтожить немало зенитных установок, но сами они потеряли 110 человек — целую роту — без сколь-нибудь существенного результата. Число боеспособных солдат в распоряжении де Кастри стремительно таяло. Использовать взлетно-посадочную полосу стало слишком опасно: вьетминевцам удалось перерезать «пуповину» — «воздушный мост», на котором строился весь план операции в Дьенбьенфу. Солдаты начали снимать с ВВП перфорированные стальные плиты, чтобы покрывать ими блиндажи и траншеи: самолетов здесь уже не ждали.

После этого страдания раненых стали действительно ужасными. Кроме того, в гарнизоне закончились запасы винограда — винного концентрата, служившего стимулятором и источником жизненной силы для многих поколений французских солдат. 29 марта начались проливные дожди, которые шли на протяжении всех оставшихся недель осады: люди сражались и умирали в болоте жидкой грязи. Теперь, когда все грузы приходилось сбрасывать в гарнизон на парашютах, снабжение резко сократилось. Кроме того, из-за плотного зенитного огня транспортным самолетам пришлось отказаться от дневных полетов на низкой высоте и производить выброску с большей высоты преимущественно по ночам. В результате все больше грузов попадало в руки солдат Зяпа. Один вьетминевский военачальник сухо заметил: «Вражеская парашютная выброска составляет немаловажный источник предметов снабжения, которые в прямом смысле падают на нас с неба!»

Самой известной оборонительной операцией французской армии в XX в. была битва при Вердене в 1916 г., немалую роль в которой сыграла так называемая Священная дорога (La Voie sacrée) — жизненно важная артерия, по которой силы генерала Филиппа Петена получали непрерывный поток свежих войск и боеприпасов. 22 марта полковник

де Кастри в личном письме генералу Коньи заметил, что Дьенбьенфу превращается в индокитайский Верден с одним ключевым отличием: здесь не было никакой «священной дороги».

Глава 4

Кровавый след

Уйти или бомбить?

Несмотря на то что Зяп сосредоточил в Дьенбьенфу три четверти своих регулярных войск, партизанские отряды Вьетминя продолжали наращивать давление в разных частях страны, заставляя французов рассеивать силы. Продолжались столкновения в дельте Красной реки и южных районах Аннама: с начала февраля до середины марта 59 фортов пали под натиском вьетминцев. Значительная часть дельты Меконга оказалась в руках коммунистов, теснивших французские войска все дальше на север региона. Французское командование отчаянно пыталось удержать территории по всему Вьетнаму и в Лаосе; в Дьенбьенфу надвигалась катастрофа. Французская колониальная власть в Индокитае трещала по швам. Только одна сила в мире была способна предотвратить ее крах: Соединенные Штаты Америки.

На протяжении двух месяцев весной 1954 г. президент Эйзенхауэр и ряд ключевых членов его администрации активно продвигали план военного вмешательства, которое они не просто считали необходимым — они горели желанием это сделать. Как и в следующие 20 лет, Вашингтон мало заботили интересы и чаяния самого вьетнамского народа. Им двигали другие мотивы: не допустить в Азии очередной триумф коммунизма, который несоизмеримо усилил бы влияние Китая и снизил влияние Запада в регионе. Одна только мысль об этом приводила в ужас республиканских избирателей, ставших болезненно чувствительными под влиянием лихорадки маккартистской охоты на ведьм.

Обсуждение обострилось, когда 20 марта, через неделю после первого штурма в Дьенбьенфу, в Вашингтон прибыл начальник французского Генерального штаба генерал Поль Эли. Эли был прямолинеен: без помощи США гарнизон в Дьенбьенфу падет. Американцы немедленно согласились выделить небольшую помощь — еще десяток бомбардировщиков В-26 и 800 парашютов. Но Эли требовалось гораздо больше, и он нашел заинтересованных единомышленников. Адмирал Артур Рэдфорд, председатель Объединенного комитета начальников штабов, был ястребом среди

ястребов. Он предложил задействовать против армии Зяпа 60 базирующихся на Филиппинах тяжелых бомбардировщиков В-29 «Суперкрепость». Аналитическая группа из Пентагона пошла дальше, заявив, что три тактические ядерные бомбы, «примененные правильным образом», позволят одним махом устранить коммунистическую угрозу. Рэдфорд одобрил это предложение как один из вариантов, который стоит рассмотреть. Однако Госдепартамент настоятельно предостерег против того, чтобы даже намекать французам о возможности ядерного удара, поскольку это непременно просочится в прессу — и разгорится громкий скандал.

Генерал Мэтью Риджуэй, начальник штаба Армии США и главный герой Корейской войны, решительно и прозорливо выступал против любого вмешательства в Индокитае, называя его «неправильной войной в неправильном месте». Но Эйзенхауэр был иного мнения. Он высказался за применение американцами военной силы, но выдвинул два условия, которые, как оказалось, сыграли решающую роль: обеспечить поддержку конгресса и участие союзников, в первую очередь Великобритании. Госсекретарь Даллес и вице-президент Ричард Никсон с энтузиазмом поддерживали предложенную Рэдфордом операцию «Стервятник» с использованием бомбардировщиков В-29. На протяжении нескольких недель, пока люди де Кастри держали оборону в Дьенбьенфу, в Вашингтоне, Лондоне и Париже шли напряженные переговоры: американцы пытались собрать кворум для новой военной кампании.

30 марта пять вьетминевских полков, после нескольких атак, следовавших одна за другой, захватили позиции на высоте «Элиан-1» и вокруг нее. Высота оборонялась алжирцами, которыми командовали недавно назначенные французские офицеры. В колониальных войсках офицеры играли ключевую роль. Если солдаты хорошо знали своих командиров и доверяли им, они могли сражаться достаточно стойко. Но, если они не доверяли командирам или те погибали, солдаты бежали с поля боя. Вьетминевцы начали артобстрел, как обычно, в 17:00 и через час двинули в атаку пехоту. Сильный дождь затопил траншеи и сделал невозможной поддержку с воздуха. Одновременно со штурмом «Элиан-1» вьетминевцы осадили расположенную на севере от нее высоту «Доминик» — через бинокль Ланглэ мрачно наблюдал за тем, как они прорвали оборону и вклинились вглубь периметра. Вскоре на высотах завязалось четыре отдельных пехотных сражения, в каждом из которых перевес был на стороне нападавших. Среди алжирских защитников «Элиан-1» началось бегство; пытаясь остановить панику, французский офицер застрелил нескольких беглецов, но это не помогло. В периметре образовалась зияющая дыра. После четырех часов ожесточенного боя

форт пал. Подобные сцены имели место и на «Доминик-2»: алжирцы вылезали из окопов и с поднятыми руками бежали в сторону противника. К 22:00 этот опорный пункт также был взят.

Несколько смельчаков сражались до конца; среди них был 18-летний сержант евро-азиатского происхождения по имени Шаламон, который не выпускал из рук свой пулемет, пока не был окружен и убит. Опорный пункт «Доминик-3» устоял благодаря 27-летнему офицеру-артиллеристу Полю Брунбруку, ветерану героической обороны Насана в декабре 1952 г., еще одного осажденного французского гарнизона. Он не позволял защитникам пасть духом и мастерски использовал свои 105-мм гаубицы, в конце концов дав приказ стрелять прямой наводкой: «Débouchez à zéro!» — «Взрыватели на ноль!» Ланглэ по рации приказал Брунбруку оставить позиции, но молодой офицер ответил: «Ни за что!» Рано утром 31 марта он отступил вместе со своими нестигаемыми сенегальцами и тремя гаубицами, которые оставались в исправном состоянии даже после 1800 выстрелов. Брунбрук был награжден рыцарским крестом Почетного легиона; через две недели он скончался от ран, полученных в очередном героическом сражении.

Форт «Элиан-1» пал быстро вместе с еще одним укреплением с гордым названием «Елисейские поля». Вторая волна атак обескровила обе стороны. Один вьетминевский полк понес настолько большие потери, что его пришлось вывести с передовой. Французы потеряли значительную часть своей артиллерии и истратили половину оставшихся боеприпасов, 500 тонн. Рано утром 31-го марта, прилетев из Сайгона в Ханой, Наварр узнал об этих новых несчастьях, а также о том, что Коньи всю ночь отсутствовал в штабе — по слухам, он провел ее с женщиной. Это только усилило желчную свару между двумя генералами, которые теперь старались переложить друг на друга ответственность за неизбежную катастрофу. Генерал Майк О'Дэниел предложил французам нелепый план спасения: отправить в Дьенбьенфу из Ханоя бронетанковое подразделение. Это предложение не принимало во внимание два ключевых фактора — условия горно-лесистой местности и умение вьетминевцев устраивать засады на французские колонны. Тем не менее президент Эйзенхауэр впоследствии выразил удивление, почему французы не воспользовались планом О'Дэниела.

В отчаянном стремлении спасти ситуацию Наварр и Коньи продолжали принимать бесполезные меры: утром того же дня в лагерь был десантирован еще один парашютный батальон. Даже теперь, когда стало ясно, что гарнизон обречен, в отважных добровольцах не было недостатка. Так, капитан Ален Бизар отказался от теплого места помощника начальника штаба армии в Париже, чтобы присоединиться к защитникам Дьенбьенфу. Вероятнее всего, этими молодыми офицерами

двигало желание искупить позор, пережитый их нацией в 1940 г., и показать, что новое поколение французов обладает той готовностью к самопожертвованию ради своей страны, которой не хватило их отцам.

Вечером 31 марта французы провели контратаки и ненадолго вернули опорные пункты «Доминик-2» и «Элиан-1», но вскоре те снова пали под ожесточенным напором вьетминцев. В ночь на 1 и 2 апреля защитники сумели отбить ночные атаки, но утром 2 апреля было принято решение оставить опорный пункт «Югетт-2». Французы запоздало взялись за укрепление оставшихся фортов. 3 апреля по репутации Иностранного легиона был нанесен очередной удар, когда 12 его бойцов, выживших после взятия «Беатрис», покинули свои позиции и сдались врагу. Как и всем дезертирам, переходившим на сторону Зяпа, им тут же вручили в руки лопаты и заставили копать. По состоянию на 7 апреля в гарнизоне насчитывалось 590 раненых. В батальонах Иностранного легиона и батальонах парашютистов осталось меньше 300 человек в каждом. Зяп проигнорировал просьбу французов о временном прекращении огня, чтобы позволить эвакуировать раненых, — время «жестов милосердия» прошло.

Между тем дебаты в Вашингтоне о возможном американском вмешательстве — не ради спасения французов, но чтобы усмирить коммунистов, — сыграли куда более важную историческую роль, чем судьба Дьенбьенфу. С конца марта Даллес развернул в СМИ блиц-кампанию, чтобы «пробудить» американский народ и заручиться его поддержкой. Госсекретарь называл Вьетминь орудием в руках китайцев. Правительство США, заявлял он, не имеет права бездействовать, в то время как коммунисты одерживают триумф; при этом он не уточнял, какие именно меры оно может предпринять. Заголовки на первых страницах готовили американскую аудиторию к вступлению в войну. Журнал *US News and World Report* писал: «США открыто предупреждают коммунистов: мы не позволим им проглотить Индокитай». Бóльшая часть мира по-прежнему была уверена в превосходстве западной военной силы и в том, что французы в итоге одержат победу в Дьенбьенфу. 19 марта британский журнал *The Spectator* писал: «Французы должны выиграть эту битву, и, когда это произойдет, мир наконец-то увидит свет в конце индокитайского туннеля». 9 апреля журнал продолжал: «Несмотря на чрезвычайную непопулярность этой войны, героическая оборона, которую держит гарнизон полковника де Кастри и его 11 000 человек, напомнила Франции о том, что она по-прежнему способна сражаться и вызывать восхищение всего мира». Подобные разглагольствования отражали не более чем невежественный самообман вкупе с нелепой франкофилией,

хотя даже самые ярые оптимисты не могли не признать, что до окончания битвы нельзя уверенно говорить о ее исходе.

3 апреля госсекретарь США провел встречу с лидерами конгресса, на которой присутствовали демократы: Линдон Джонсон от Техаса, Ричард Рассел от Джорджии, Эрл Клементс от Кентукки — и республиканцы: Юджин Милликин от Колорадо и Уильям Ноулэнд от Калифорнии. После того как Рэдфорд проинформировал их о тяжелом положении в Дьенбьенфу, Даллес высказал пожелание президента: он хочет, чтобы конгресс принял совместную резолюцию, санкционирующую развертывание американской авиации и военно-морских сил. «Если мы потеряем Индокитай, — сказал Рэдфорд, — будет всего лишь вопросом времени, когда падет вся Юго-Восточная Азия, включая Индонезию». Под градом скептических вопросов со стороны конгрессменов адмирал был вынужден признать, что он — один из немногих, кто выступает за военное вмешательство. На вопрос «почему?» он уверенно ответил, что знает Азию гораздо лучше своих коллег. Не обладая блестящим умом, он никогда не страдал от недостатка самомнения.

Следующий ключевой вопрос касался того, должны ли США действовать в одиночку или же привлечь союзников. Линдон Джонсон заявил: «Мы не хотим повторения корейского сценария, где США обеспечивали 90% живой силы». Из войны 1950–1953 гг., подорвавшей президентство Гарри Трумэна, политики вынесли следующий урок: американцы готовы платить другим, за то чтобы те сражались и умирали в войнах с коммунистами в далеких азиатских странах, но были категорически против, чтобы жертвовать жизнями американских парней. Даллесу задали прямой вопрос: будет ли Британия участвовать в операции США во Вьетнаме? Он признал, что это маловероятно. Ответ конгрессменов был однозначен: конгресс одобрит военное вмешательство, которого так жаждали госсекретарь и президент, только при условии того, что под ним подпишутся и другие страны. На встрече в Белом доме 4 апреля Эйзенхауэр признал, что теперь все зависит от решения британцев. Тем же вечером французское командование официально запросило у США поддержки авиации в операции в Дьенбьенфу. Наварр даже предложил американцам замаскировать опознавательные знаки на самолетах или же использовать французские эмблемы, что лишь подчеркивало его все более неадекватное восприятие реальности.

Вечером 5 апреля Черчилль получил эмоциональное личное письмо от Эйзенхауэра, в котором тот напомнил ему о призраках Гитлера, Хирохито, Муссолини: «Разве наши нации не должны извлечь из этого серьезный урок?» — и призвал британцев присоединиться к операции в

Индокитае. На следующий день Эйзенхауэр заявил Совету национальной безопасности, что «у нас по-прежнему есть все шансы выиграть это сражение». На пресс-конференции 7 апреля он впервые публично озвучил то, что впоследствии стало известно как «теория домино». Если мы позволим коммунистам прийти к власти в Индокитае, остальная часть Юго-Восточной Азии «очень быстро последует за ним». Французы давно твердили о том же самом, используя метафору с боулингом — в их варианте это звучало как «эффект десяти кеглей».

В Тонкинский залив были отправлены авианосцы Boxer и Essex, чтобы быть под рукой, если Эйзенхауэр примет решение откликнуться на просьбу Франции. Тем не менее сомневающимся было гораздо больше. На Капитолийском холме молодой сенатор-демократ от Массачусетса Джон Кеннеди призвал наконец-то сказать правду американскому народу: он считал, что любое вмешательство США будет абсолютно бесполезным, если Франция не предоставит своим колониям полную независимость. «Сколько бы денег, войск и оружия мы ни влили в джунгли Индокитая», это вряд ли позволит нам одержать победу над противником, чьи партизанские отряды находятся одновременно везде и нигде, и который пользуется «полной поддержкой населения». Но Эйзенхауэр был настроен воевать — при условии, что США сумеют найти союзников. Он с нетерпением ждал результатов переговоров в Лондоне.

Между тем французское командование продолжало направлять в Дьенбьенфу подкрепления. Было принято отчаянное решение отправить батальон добровольцев без парашютной подготовки. Даже для опытных парашютистов ночной прыжок в узкий периметр, плотно окруженный врагом, — серьезное испытание; чего уж говорить о новичках. Когда самолеты приблизились к зоне выброски, людей предупредили, что за один заход может выпрыгнуть не больше шести человек. Некоторые, примерно один из десяти, отказались покинуть кабину — малодушие всегда заразительно, особенно когда вам нужно шагнуть в ночное небо, испещренное огненными трассами вражеских зениток, а внизу вас ждет враждебная неизвестность. Тем не менее большинство добровольцев мужественно прыгнули в темноту и приземлились на французских позициях с удивительно малыми потерями. Впоследствии эти герои стали жертвами вопиющего армейского бюрократизма: выжившим отказали в выдаче значков парашютистов на том основании, что они не прошли установленный курс обучения.

1 апреля, словно решив отметить День дураков очередным нелепым действием, Наварр представил к повышению в звании многих офицеров гарнизона, в том числе де Кастри, которому был присвоено звание бригадного генерала. В то время как солдаты Зяпа продолжали яростно

копать, продвигая траншеи и туннели к очередным объектам атаки, утром 10 апреля новоиспеченный полковник Марсель Бижар отдал приказ контратаковать «Элиан-1». Пехотинцы, выстроившись клином вслед за самоходным огнеметом, подбадривая себя песнями, ринулись на позиции вьетминевцев, которые встретили их шквальным огнем. В 11:30, после ожесточенной схватки, французы сумели достичь вершины холма, но, потеряв 60 человек, были вынуждены отступить. На рассвете 18 апреля сотня защитников «Югетт-6», услышав неподалеку стук лопат, выскочили из окопов и, перепрыгивая через вырытые вьетминевцами траншеи, бросились бежать к периметру лагеря. Добежать удалось всего шестидесяти.

В ходе англо-американских кризисных переговоров, проходивших в апреле 1954 г., Даллес с трудом скрывал свое презрение к Британии как нации и конкретно к ее лидерам. Это чувство было взаимным: Черчилль охарактеризовал госсекретаря как «недалекого, лишенного воображения, не способного на понимание человека». Прилетев в Лондон 11 апреля, Даллес повторил набившие оскомину аргументы о необходимости вместе бороться против тоталитарных угроз. Иден был безукоризненно вежлив, но непоколебимо скептичен. Безусловно, нельзя не заметить горькую иронию ситуации: в 1954 г. он категорически отверг сравнение текущего положения с 1930-ми гг., чтобы оправдать военное вмешательство Запада в Индокитае, а через два года, будучи премьер-министром, сам прибег к той же аналогии, чтобы оправдать катастрофическое вторжение Великобритании в Египет. Как бы то ни было, британский и американский министры распрощались с ледяной вежливостью. В Париже Даллес преуспел ничуть не больше: министр иностранных дел Жорж Бидо от лица Франции наотрез отказался предоставлять Индокитаю полную независимость, что было одним из условий американского вмешательства. Но вашингтонские ястребы жаждали войны. 16 апреля вице-президент Ричард Никсон заявил журналистам, что «США должны отправиться в Женеву и убедить свободный мир в необходимости предпринять совместные действия». В далеком Индокитае французские военные слышали его слова, и у них затеплился огонек надежды.

«Триумф воли»

В период с 14 по 22 апреля гарнизон Дьенбьенфу потерял 270 человек. Фраггинг не был чисто американским изобретением: однажды ночью солдат бросил гранату в блиндаж, полный сержантов, за что был расстрелян на месте. К 14 апреля в распоряжении де Кастри осталось 3500 боеспособных солдат; почти 2000 дезертиров скрывались в

окрестностях лагеря и каждую ночь выходили за добычей, ввязываясь в стычки за сброшенные на парашютах грузы. Изначально лагерь занимал площадь в 5 кв. км; теперь она сократилось вдвое. Территория вокруг него напоминала участок Западного фронта в 1917 г.: голое поле, покрытое месивом грязи, черными останками сгоревшей техники, бочек, гильз от снарядов, изрубцованное воронками и окопами. Никто ни с одной, ни с другой стороны не рисковал появляться на открытой местности при свете дня. Мастерство французских пилотов оставалось плачевным. 13 апреля де Кастри доложил Коньи, что его позиции снова подверглись атаке трех бомбардировщиков, тогда как ящики с 800 артиллерийскими снарядами были парашютированы в руки врага. Сообщение заканчивались коротким и злым «Без комментариев».

Вьетминевцы проявляли необыкновенную энергию и изобретательность, прокладывая траншеи и туннели к французским позициям, а их пехота — огромное мужество, атакуя эти позиции раз за разом. Тем не менее осаждавшие несли несоизмеримо бóльшие потери, чем осажденные. Одним из косвенных доказательств колоссальных размеров потерь может служить тот факт, что даже в 2018 г. Ханой предпочитал скрывать достоверные данные. Взятые французами военнопленные рассказывали о том, что многие вьетминевские батальоны страдали от вспышек малярии, пали духом и даже отказывались выполнять приказы командиров. Ситуация была настолько серьезной, что командиры-коммунисты были вынуждены отказаться от атак «людскими волнами» в пользу более продуманных тактик и усилить пропагандистскую работу. Политруки старались воодушевить своих солдат и носильщиков, преимущественно выходцев из крестьянской среды, обещанием того, что в течение нескольких недель после взятия Дьенбьенфу в «освобожденных зонах» будет проведена земельная реформа: все земли будут конфискованы у землевладельцев и распределены между крестьянами. Однако же самым мощным стимулом для этих простых людей было осознание того, что их жертвы, в отличие от жертв французских защитников гарнизона, были не напрасны. Они победят.

В ночь с 22 на 23 апреля солдаты Зяпа отрыли несколько туннелей под «Югетт-1» и ворвались внутрь оборонительного периметра. Застигнутые врасплох, его защитники вместе с командиром сражались не на жизнь, а на смерть, окруженные толпой вьетминевцев. Де Кастри потребовал вернуть «Югетт-1», поскольку без этой позиции практически не оставалось места для выброски грузов. Контратака парашютистов была назначена на 14:00 23 апреля, но к ближе к этому времени стало ясно, что они еще не будут готовы. Последовал хаос: отменить запланированный авиаудар было невозможно, и в 13:45, когда

гарнизонная артиллерия израсходовала бо́льшую часть имевшихся боеприпасов, появились четыре бомбардировщика Marauder и дюжина истребителей. Занимавшие «Югетт-1» вьетминевцы понесли тяжелые потери, но потом внезапно наступило 45-минутное затишье, во время которого к ним было срочно направлено подкрепление.

Когда две французские роты наконец-то выскочили из окопов и бросились в атаку по открытой местности, вьетминевцы встретили их интенсивным огнем. В 15:30 французы были прижаты к земле на полпути к цели и несли большие потери. Час спустя выжившие отступили, потеряв 76 человек убитыми и тяжелоранеными. Лейтенант Гарен, чьи ноги были искалечены взрывом гранаты, выстрелил себе в голову, чтобы его люди не рисковали своими жизнями ради его спасения. Теперь половина взлетно-посадочной полосы была в руках вьетминевцев, в то время как гарнизонный медпункт был переполнен ранеными: 401 тяжелый случай, 676 — средней тяжести. Один офицер сказал раненым, которым не хватило места в укрытии: «Те, кто не может стоять или сидеть, пусть лучше лежат в своих окопах».

Накануне Женевской конференции Даллес снова отправился в Европу, на этот раз в сопровождении адмирала Рэдфорда, чтобы попытаться переубедить правительства Черчилля и Четвертой республики. Всему миру постепенно становилось ясно, что без военного вмешательства США судьба Дьенбьенфу была предрешена, и журнал The Spectator с энтузиазмом, присущим части консервативных кругов, написал, что, раз иные средства не работают, «придется применить военную силу, чтобы убедить Хо Ши Мина и китайцев в необходимости мира». 22 апреля Даллес и Бидо снова встретились в Париже, чтобы выработать общую политическую платформу для Женевы. Тем временем Эли и Наварр продолжали требовать еще больше американских самолетов. Когда к переговорам присоединились британцы, Бидо стал проявлять чрезмерную эмоциональность, вероятно под влиянием неумеренных доз алкоголя: позже он утверждал, что в приватной беседе Даллес спросил у него, что он думает по поводу применения ядерного оружия в Дьенбьенфу. То, что американцы не преминули затронуть этот вопрос, по крайней мере в неофициальном порядке, представляется вполне правдоподобным.

По правде говоря, Эйзенхауэр и его госсекретарь устали от европейцев: от французов, которые хотели полномасштабной помощи без всяких условий и ограничений; от британцев, которые упрямо не хотели признавать преимущества «совместного решения» индокитайской проблемы, пока французы не упаковали чемоданы. Было жалко смотреть, как британцы нервничают по поводу китайской угрозы для своей колонии в Гонконге. Престарелый премьер-министр и его

министр иностранных дел Энтони Иден уперлись, как ослы. Они отвергли «теорию домино» Эйзенхауэра и отказались поддерживать какие бы то ни было военные действия в преддверии Женевской конференции, на которой Иден сопредседательствовал вместе с советским министром иностранных дел Молотовым. 26 апреля на ужине в загородной резиденции «Чекерс» Рэдфорд использовал все свое красноречие в попытке переубедить Черчилля, но тот спокойно ответил американскому адмиралу: «С потерей крепости придется смириться». Если уж Британия не сумела сохранить Индию для себя, добавил он, маловероятно, что ей удастся сохранить Индокитай для Франции.

29 апреля Даллес телеграфировал в Вашингтон: «Великобритания проявляет все бóльшую слабость. Похоже, британцы считают, что мы готовы пойти на нынешние риски войны с Китаем, и это, вкупе с их страхом перед возможностью применения ядерного оружия с нашей стороны, пугает их до смерти». Таким образом, Британия сыграла в этой — и последующей — Вьетнамской войне роль ключевой сдерживающей силы. Дай Черчилль другой ответ, даже при том что Эйзенхауэр вряд ли бы решился на ядерный сценарий, западные союзники во главе с США, скорее всего, задействовали бы военные силы, чтобы поддержать совершенно безнадежное положение Франции в Индокитае. Телеграммы Эйзенхауэра Даллесу ясно свидетельствуют о том, что, отказавшись задействовать военную мощь США в одностороннем порядке, он был не просто готов, но горел желанием это сделать, если бы Британия обеспечила ему политическое прикрытие, пусть даже с чисто символическим обязательством направить в Индокитай свои бомбардировщики RAF.

С 1940 г. британцы демонстрировали чудеса дипломатического лавирования, чтобы избежать ссоры с США. Теперь же, отказываясь поддержать Вашингтон в вопросе, которому тот придавал такое значение, они чувствовали себя не в своей тарелке. Между тем у Лондона были все основания проявлять осторожность. Черчилль не раз справедливо признавал, что в ходе своего премьерства в 1952–1955 гг. он был лишь бледной тенью себя прежнего. Но в этом вопросе он проявил замечательную прозорливость и твердость. Британцы подозревали, что подлинным мотивом для любого шага США в этом регионе было желание наказать Китай. Негодование американской администрации по поводу оказания Китаем военной помощи Вьетмину представлялось по крайней мере странным на фоне куда более щедрых американских поставок военного оборудования и оружия французским войскам. Наученные горьким опытом корейского конфликта, вылившегося в опасно затянувшуюся локальную стычку с коммунистами, британцы опасались, что военное вмешательство в

Индокитае может спровоцировать нечто гораздо более серьезное, вплоть до новой большой войны. Черчилль отказался вступать с американцами в сговор, имеющий целью ввести в заблуждение конгресс, и поддерживать военные действия, которые не только не позволят спасти Дьенбьенфу, но и могут привести к непредсказуемым последствиям для всего мира.

Эйзенхауэр, который жаждал «задать коммунистам в Индокитае хорошую трепку», был в ярости от британского «малодушия». Адмирал Рэдфорд тоже. Вероятно, это сыграло не последнюю роль в том, что два года спустя американский президент отказался поддержать премьер-министра Идена в ходе Суэцкого кризиса. Как бы то ни было, весной 1954 г. никакие действия Запада не могли бы спасти Дьенбьенфу, разве что такие отчаянные меры, как применение непропорциональной огневой мощи вплоть до ядерной бомбардировки. Даже десятилетие спустя военное вмешательство США во Вьетнаме было воспринято большей частью мира как скрытый колониализм — в 1954 г. такие действия были бы сочтены его открытым проявлением. В вашингтонских дебатах почти полностью отсутствовало понимание того, что будущее Индокитая должно определяться не военными, а политическими, социальными и культурными силами. Обсуждение было сосредоточено только на том, сколько огневой мощи следует применить. И в 1954 г., и десятилетие спустя в высших политических и военных кругах США считалось само собой разумеющимся, что, если США решат применить свою военную мощь против крестьянской армии в резиновых «вьетнамках», коммунистический режим Хо будет стерт с лица Земли.

То, что французы терпели поражение в Индокитае, рассуждали американцы, объяснялось лишь одним: они были французами. Бернард Фолл вспоминает, с каким презрением один высокопоставленный американский чиновник отозвался о присутствии Франции в Индокитае: «Эта нация выродилась, нам всем следует это признать. Они трусливо капитулировали перед немцами. В Индокитае у них воюют только наемники — в самих французах не осталось ни капли воинского духа». Как бы то ни было, весной 1954 г. американцы не пришли на помощь «выродившейся нации», и события в Долине глиняных кувшинов разворачивались своим чередом. В те дни газета Le Figaro опубликовала карикатуру под заголовком «Последний редут», которая изображала министров французского правительства, пускавших себе в лоб последние пули. Если большинство рядовых французов смирилось с падением Дьенбьенфу, то элита — нет: для нее это означало конец Франции как великой державы.

Наварр и Коньи цеплялись за последние соломинки, лелея надежду на то, что усиление муссонных дождей перережет пути снабжения войск Зяпа и остановит их дальнейшее наступление или же что участники Женевской конференции заставят Хо Ши Мина согласиться на прекращение огня. Одновременно они продолжали убеждать Париж в том, что дополнительные подкрепления дадут гарнизону шанс: «Не говоря уже о воинской чести, существует надежда на благоприятный исход, которая оправдывает дополнительные жертвы». Разумеется, это был полный абсурд. Французские летчики, не желая рисковать своими жизнями, теперь сбрасывали грузы с высоты 3 км, из-за чего почти половина попадала в руки солдат Зяпа. Бомбардировки чаще всего велись вслепую, через слой облаков. 28 апреля бомбардировочная группа Франш-Конте доложила, что ее командир, его адъютант и восемь пилотов не допущены к полетам по медицинским показаниям. Полковник французских ВВС дерзко заявил: «Отказ посылать их [в Дьенбьенфу] в дневное время, на малой высоте, почти на верную смерть лежит на моей совести. Я считаю такое жертвоприношение бесполезным». Де Кастри с горечью пожаловался в Ханой, что летчики увиливают от исполнения своего воинского долга, в то время как его солдаты несут тяжкий крест: «Двойные стандарты здесь недопустимы».

Американские пилоты-наемники проявили в небе над Дьенбьенфу куда больше героизма, чем их французские коллеги. Пожалуй, самым знаменитым среди них был добродушный толстяк из авиакомпания САТ Джеймс Макговерн, за свои огромные размеры прозванный друзьями «Макгун-землетрясение». Во время последнего из своих бесчисленных полетов в Дьенбьенфу, когда он приблизился к зоне выброски с грузом боеприпасов, его С-119 попал под зенитный огонь и получил серьезные повреждения. Но «Макгун-землетрясение» не захотел прыгать с парашютом, решив дотянуть до аэродрома на одном двигателе: однажды после аварийной посадки в Китае ему пришлось совершить героический переход по горам, и теперь он наотрез отказался «заниматься подобной ходьбой». Но его надежды не оправдались: самолет рухнул посреди джунглей и взорвался.

Безответственно пренебрегая секретностью, 24 апреля Le Monde опубликовала новость о начале операции «Кондор»: колонна из 3000 человек выдвинулась из Лаоса маршем через джунгли, чтобы прорвать осаду Дьенбьенфу. С самого начала было очевидно, что в таких нереально сложных условиях, против хорошо окопавшихся вьетминевцев у «Кондора» не было никаких шансов. Тем не менее слухи об идущей на помощь колонне поддерживали надежду, все еще теплившуюся у немногих оптимистов. Большинство же защитников гарнизона смирились с мыслью о неизбежной смерти или плене, разве

что одни приняли свою судьбу со стоическим мужеством, а другие поддались ярости или отчаянию. Положение солдат также было неодинаково: те, кто защищал позиции ближе к центру оставшегося периметра, продолжали получать пайки и вино, что хоть как-то помогало им заглушить свои печали. Те же, кто оборонял отдаленные форты, иногда по несколько дней не получали съестных припасов, питаясь только сухарями и томатным соусом. В госпитале доктор Гравен успокаивал раненых тем, что личинки, которыми кишели их раны, питаются только отмершей тканью. 26 апреля алжирские стрелки на «Изабель», поддавшись очередному приступу паники, подняли мятеж. Их полковник хотел застрелить зачинщиков, но де Кастри его отговорил. 30 апреля, когда Иностранный легион отмечает свой главный праздник — годовщину героического сражения при Камероне в Мексике в 1863 г., изнуренным, грязным, полуголодным легионерам, сидящим в траншеях под проливным дождем, было не до веселья.

Вечером 1 мая вьетминевская пехота атаковала форт «Элиан-1», который пал спустя полтора часа рукопашного боя. Вслед за ним пал «Доминик-3», где тайские и алжирские защитники оказали яростное сопротивление, прежде чем были вынуждены отступить. Самые ожесточенные бои завязались за «Элиан-2», где защитники потеряли 331 человека убитыми и пропавшими без вести и 168 ранеными, но удержали форт. Теперь в распоряжении де Кастри осталось чуть больше 2000 человек против 14 000 у Зяпа. Кроме того, вьетминевцы применили новое оружие: советские многозарядные реактивные минометы «катюша», своими свистящими залпами производившие устрашающее психологическое воздействие. Отношения между Наварром и Коньи испортились окончательно: главнокомандующий обвинил своего подчиненного в распространении пораженческих слухов и пригрозил военным судом.

Дух смерти витал над Дьенбьенфу, где зловоние экскрементов, разлагающихся непогребенных трупов и гниющей человеческой плоти становилось все более и более невыносимым. В лагерь продолжала прибывать тонкая струйка отчаянных добровольцев, готовых пожертвовать своей жизнью с единственной целью — позволить французской делегации в Женеве оспорить неизбежность поражения. Всех ходячих раненых отправляли обратно на позиции: в окопах можно было увидеть немало солдат, перевязанных грязными бинтами. Ланглэ и Бижар обсудили возможность прорваться через осаду небольшими рассредоточенными группами, но пришли к выводу, что любая попытка выйти за пределы периметра была обречена.

Вьетминевцы не собирались давать осаждаемым передышку. Утром 4 мая гарнизонный радист услышал зловещую череду сообщений от

лейтенанта, который после гибели командира роты взял на себя командование марокканским подразделением на «Югетт-4»: «Нас осталось всего десять вокруг КП... Ждем подкрепления... Где подкрепление?.. Вьеты атакуют... Я их слышу... Они уже в траншее, идут сюда... Они здесь... А-а-а!» Вечером 5 мая Коньи отправил де Кастри напыщенный приказ «держатъ оборону как можно дольше, что отныне становится вашей великой миссией».

В течение следующих 24 часов гарнизон получил по воздуху 383 человека подкрепления, из которых 155 были вьетнамцами. Утром 6 мая разведка предупредила де Кастри, что вечером вьетминевцы готовят большую атаку. Капитан Ив Эрвье заставил доктора Гровена снять гипс со своих сломанных рук, чтобы управлять танком. В 21:30 вьетминевцы взорвали мощный заряд в туннеле, прокопанном под «Элиан-2», после чего молниеносным броском пехоты под проливным дождем захватили форт; капитан Жан Пуже попытался контратаковать, но безуспешно. Яростные рукопашные схватки завязались на «Элиан-4» и «Элиан-10», что заставило Ланглэ и Бижара срочно радировать экипажам круживших над их головой самолетов, чтобы отменить выброску подкрепления: периметр стал настолько узким, что парашютисты почти наверняка приземлились бы в объятия вьетминевцев. В своем последнем сообщении командир форта «Элиан-4», павшего вскоре после 21:00, просил не вести артобстрел по захваченным позициям, поскольку все окопы были заполнены ранеными и убитыми французскими солдатами. Тем временем вокруг медпункта среди раненых и мертвых дремали группки солдат, которым из-за отсутствия оружия или боевых заданий попросту нечем было заняться.

7 мая в 17:00 де Кастри связался со штаб-квартирой в Ханое и сказал: «Мы сделали все, что могли. В 17:30 я отправляю переговорщиков». Коньи лично подошел к аппарату и, задействовав все свое красноречие, попытался убедить командующего гарнизоном не объявлять официальную капитуляцию: «Вы не должны поднимать белый флаг. Вы должны сражаться, пока битва не угаснет сама собой». «Хорошо, мой генерал», — притворно согласился де Кастри. «Держитесь — и прощайте, старина!» — торжественно ответил Коньи. Закончив разговор, де Кастри немедленно отдал приказ оставшимся в живых офицерам уничтожить как можно больше оружия. Как позже вспоминал капитан Пуже: «В душной темноте командного блиндажа, под резким светом голой электрической лампочки он выглядел на десять лет старше, чем в марте». За все время осады командир гарнизона не проявил ни одного из качеств, которые могли бы сделать его героем. Тем не менее несправедливо возлагать на него всю вину за произошедшую катастрофу, предпрешенную в тот момент, когда было

принято решение создать этот изолированный гарнизон — вдали от основных сил и надежных путей сообщения. Вьетминевцы поставили на кон гораздо больше, чем французы, и сорвали банк.

Сражение постепенно утихло. Гарнизонный оператор отменил воздушную атаку истребителя-бомбардировщика с позывным Цезарь-5: «Мы взрываемся все. Прощаемся с нашими семьями... Прощай, Цезарь». Форт «Изабель» продержался еще несколько часов: 1200 его защитников предприняли попытку вырваться из окружения, которая закончилась тем, что две роты были полностью уничтожены в хаотичной ночной схватке. Считается, что марокканский артиллерист по имени Мухаммед бен Салех, продолжавший вести стрельбу из своей 105-мм гаубицы еще несколько часов после приказа де Кастри, стал последним, кто погиб в битве за Дьенбьенфу. На руках у вьетминевцев оказалось 5500 пленных, из них почти тысяча раненых. Французское командование официально зарегистрировало 1161 дезертира, которые теперь присоединились к рядам военнопленных, — в общей сложности 16 батальонов французских и колониальных войск были вычеркнуты из боевых списков Наварра. Вьетминевский бард Ван Ки изумлено заметил: «Это была невероятная победа, за гранью нашего воображения. Никто не мог понять, как мы смогли победить такую мощную силу». Полковник Чан Чонг Чынг справедливо утверждал, что эта победа была прежде всего «триумфом воли».

В плену погибло больше людей де Кастри, чем в бою. Когда французские офицеры прибыли в лагерь для военнопленных, вьетминевский комиссар обратился к ним в характерной для коммунистов манере: «Вы находитесь здесь на неопределенный срок. Мы будем перевоспитывать вас трудом. Вы будете жить такой же жизнью, как те, кого вы угнетали, и будете страдать так же, как страдали они, чтобы понять их. Мы поможем вам в ваших поисках истины». В конечном итоге домой вернулось всего 3900 бывших защитников гарнизона — 43% попавших в плен. 60 тайцев и 19 европейцев сумели выскользнуть из окружения и, преодолев больше 160 км по труднопроходимым джунглям, прийти в расположение французских войск. Де Кастри освободили из плена в конце 1954 г. Первым вопросом, который он задал встречавшему его офицеру ВМС, было: «Правда, что они хотят меня пристрелить?»

Из 14 324 вьетнамских солдат, взятых вьетминевцами в плен во французской униформе в ходе войны, домой вернулся только каждый десятый. Справедливости ради стоит сказать, что солдаты армии Вьетминя страдали от голода и недостатка медицинской помощи не меньше военнопленных. Тем не менее совершенно очевидно, что Зяпа и его соратников нисколько не заботило выживание тех, кто выбрал

проигравшую сторону. Да и могло ли быть иначе, если за победу в Дьенбьенфу они без колебаний заплатили, по некоторым оценкам, 25 000 жизней своих солдат? Нгуен Тхи Нгок Тоан, 21-летняя дочь высокопоставленного чиновника, ставшая пламенной революционеркой, служила медсестрой в армии Зяпа. Сразу после победы в Дьенбьенфу она вышла замуж за Као Ван Кхана, заместителя командующего 308-й дивизией; свадебная церемония состоялась в командном блиндаже де Кастри.

С теоретической точки зрения битва при Дьенбьенфу не была решающим событием, способным переломить дальнейший ход войны. Французы все еще обладали значительными силами, тогда как армия Зяпа была настолько обескровлена, что ей было не под силу перевести эту локальную победу в успешное общее наступление. Но это поражение сломило дух правительства и народа Франции. Пьер Роколь писал: «Поражение при Дьенбьенфу подало мощный сигнал, что пора прекратить огонь, поскольку воля к продолжению борьбы иссякла». Американские спонсоры сыграли с французами злую шутку: они предоставили им достаточно военной помощи, чтобы вести войну, но недостаточно для того, чтобы в ней победить.

Как правило, ошибочно полагать, что исход любой исторической драмы заранее предрешен, однако в истории присутствия Франции в Индокитае с 1945 по 1954 г. не было и тени неопределенности: колониальное правление оказалось обречено на фоне подъема национально-освободительной борьбы с явным коммунистическим окрасом вкупе со слабостью некоммунистических политических сил — мифической «третьей силы», о которой так любили говорить американцы. Даг Рэмзи, сотрудник дипломатической службы США, который спустя десятилетие станет значимой фигурой во Вьетнаме, впоследствии сказал: «У меня не раз возникал вопрос, чего ради мы вмешиваемся в это столько лет подряд. Все эти договоренности с колониальными державами начались еще с Рузвельта. При Даллесе все дошло до абсурда».

Было немало размышлений о том, в какой мере Зяп своим успехом был обязан китайским военным советникам. Очевидно, что люди Мао предоставляли важную консультативную помощь. Но, как показывает последующая история, северовьетнамские лидеры — как мы отныне будем их называть, несмотря на то что большинство коммунистических лидеров были уроженцами центрального и южного Вьетнама, — практически не нуждались в чужих советах и мало к ним прислушивались. За десятилетие войны с могущественным врагом Зяп и его соратники стали искусными военачальниками с огромным опытом и, что было их немаловажным преимуществом, с полным безразличием

к жертвам, присущим всем коммунистическим армиям: недаром некоторые на Западе окрестили северовьетнамцев «дальневосточными пруссаками». Повествуя о военных победах, современная история Вьетнама — как того требует официальная мифология авторитарного государства — выдвигает на передний план личную роль Хо Ши Мина. Впрочем, в этих утверждениях имеется доля истины: Зяп не смог бы удержаться на посту главнокомандующего после стольких кровопролитных поражений и не менее кровопролитных побед без той безоглядной поддержки, которую оказывал ему Хо в хорошие и плохие времена. Самого генерала скорее уважали и боялись, чем любили. Страдая болезненным самомнением, в своих мемуарах он описывал вьетнамские войны исключительно с вершины собственного «я» — «Зяп... Зяп... Зяп...» — лишь вскользь упоминая о заслугах своих подчиненных. Как бы то ни было, одержанная под его командованием победа при Дьенбьенфу вошла в число самых эпических военных побед XX в.

Женева

Новость о капитуляции дошла до Парижа 7 мая в 16:45; в Женеве об этом стало известно чуть позже, всего за несколько часов до того, как министры иностранных дел приступили к обсуждению политического будущего Вьетнама. Первым выступил Жорж Бидо; он традиционно превознес «цивилизаторскую миссию» Франции в Индокитае, что вызвало у собравшихся разве что скрытую усмешку, и посетовал на то, что его страну «насильно втянули в этот конфликт». Однако то, что произошло за переговорными столами (Даллес наотрез отказался сидеть с китайцами за одним столом) в последующие недели, представляется почти невероятным: нанеся сокрушительное поражение французам на поле боя, Вьетминь не смог одержать сопоставимого политического триумфа. Пролив реки крови, чтобы получить решающее преимущество на переговорах, делегация Вьетминя была вынуждена отправиться домой всего лишь с «половиной буханки» в руках. Как такое могло случиться?

Женевская история началась 24 апреля 1954 г. с прибытием первых делегаций. Журналисты не давали прохода китайской делегации числом в двести человек во главе с обходительным и харизматичным 56-летним интеллектуалом Чжоу Энляем, потомком знатного рода ученых и чиновников. Прирожденный дипломат, Чжоу сумел завоевать глубокое уважение международного сообщества и пользовался им до конца своих дней, даже несмотря на то что верой и правдой служил Мао Цзэду на протяжении всех десятилетий массовых убийств. Русские привезли с

собой чемоданы икры, чтобы продемонстрировать гостеприимство на торжественных приемах, ни один из которых так и не состоялся. Джон Фостер Даллес, следуя своим представлениям о дипломатической вежливости, повернулся к Чжоу Эньлаю спиной, когда тот протянул ему руку. Госсекретарь США заставлял британцев нервничать куда больше, чем коммунисты: они боялись, что Даллес даст волю своей злобе и будет саботировать любой переговорный процесс. Бросающаяся в глаза уверенность китайской и советской делегаций только укрепили убежденность американцев в том, что Хо Ши Мин был всего лишь пешкой в их игре: в Женеве люди Чжоу и Молотова сновали повсюду, тогда как делегация Вьетминя присутствовала только на заседаниях конференции.

Поскольку делегации были размещены в разных отелях и особняках, Даллес сплотил вокруг себя группу тех, кто упрямо выступал за продолжение войны в Индокитае. Он не пытался скрывать свое раздражение тем, что вынужден присутствовать на очередных дипломатических торгах с коммунистами, сравнивая их с Ялтинской конференцией 1945 г. Ветеран либеральной журналистики Уолтер Липпман заметил: «Позиция США в Женеве принципиально нереализуема, поскольку ведущие сенаторы-республиканцы не выдвигают никаких иных условий для заключения мира, кроме безоговорочной капитуляции противника, и никаких иных условий для вступления в войну, кроме как в виде коллективной акции, в которой никто не желает участвовать».

Тем не менее непримиримость госсекретаря США сыграла решающую роль в том, что итоги переговоров оказались куда менее благоприятными для коммунистов, чем многие прогнозировали после Дьенбьенфу. В 1972 г. президент Ричард Никсон безуспешно попытался надавить на северных вьетнамцев с помощью своей «теории безумца», убедив их в том, что у власти в Белом доме находится неадекватный человек, способный на любой шаг, вплоть до ядерной бомбардировки. Но в 1954 г. все коммунистические делегации в Женеве смертельно боялись того, что Соединенные Штаты отправят в Азию свои войска. Корейская война стала для Китая и СССР еще более болезненным опытом, чем даже для западных держав, где читали газеты и прекрасно понимали, какую игру ведут консервативные силы в США. На Западе знали, что администрация Эйзенхауэра воспользуется малейшим предложением, чтобы протолкнуть решение о применении американской огневой мощи и, возможно, даже ядерного оружия. Более того, хотя бойцы и сторонники Вьетминя славились почти бесконечной способностью к самопожертвованию, руководство знало, что их люди

устали. «Освобожденные зоны» стонали под непосильной тяжестью затяжной войны и подчас не менее кровавой социальной революции.

Предположительно о «разделе» первыми заговорили русские. Вьетминь доминировал на севере, но оставался слабым на юге. Такой прецедент уже имелся — в 1945 г. американский офицер Дин Раск без излишних раздумий провел черту по 38-й параллели, разделив Корейский полуостров на два государства. 3 мая, накануне официальных заседаний по Вьетнаму, марионеточное правительство Бао Дая потребовало от французской стороны гарантий того, что вопрос о разделе не будет стоять на повестке, пригрозив в противном случае бойкотировать конференцию. В тот же день Даллес в сквернейшем настроении улетел в Вашингтон, оставив во главе американской делегации своего заместителя Уолтера Беделла Смита. Все вздохнули с облегчением: в отличие от Даллеса, бывший начальник штаба союзнических войск в Европе по прозвищу Битл был известен как рациональный человек. Делегации бросились проводить закрытые двусторонние переговоры в преддверии официальных заседаний по урегулированию во Вьетнаме, которые начались 8 мая — теперь уже под тенью падения Дьенбьенфу.

На протяжении первой недели китайцы хранили молчание. Только два министра иностранных дел, Молотов и Иден, проявляли явное нетерпение. 10 мая Фам Ван Донг сделал вступительное заявление, провозгласив приверженность Вьетминя полной независимости всех трех государств Индокитая. Он пообещал, что вьетнамцы, воевавшие против Хо Ши Мина, будут «избавлены от репрессий». Затем, к огромному удивлению западных делегаций, он выразил готовность рассмотреть вопрос о разделе Вьетнама. С высокой долей уверенности можно сказать, что делегация Вьетминя выступила с этой инициативой только под давлением Китая и СССР.

После того как идея раздела была озвучена коммунистическим лагерем, такой вариант урегулирования стал казаться наиболее вероятным, хотя вопрос, где именно будет проходить граница между новым Северным и Южным Вьетнамом, вполне ожидаемо вызвал ожесточенные торги. Первоначально французы ратовали за распределение территорий по схеме «шкуры леопарда»: они обозначили районы, которые были готовы уступить коммунистам, но Ханой и Хайфон оставили себе. 12 мая делегация Бао Дая решительно заявила о своем несогласии с любым разделом. Несмотря на это, представители французской стороны и Вьетминя при посредничестве британцев приступили к обсуждению деталей.

В Соединенных Штатах Даллес не скрывал своего бешенства, а консервативные СМИ устроили истерию. Time заявил, что британское

руководство «заняло внушающую тревогу позицию умиротворителей». Беделл Смит на пресс-конференции назвал раздел неприемлемым и за закрытыми дверями все резче высказывался о готовности Идена потворствовать коммунистическим устремлениям. В ходе тайных двусторонних переговоров Вашингтон попытался убедить Париж придерживаться твердой позиции, но французы ответили, что только немедленное военное вмешательство США может удержать их от заключения сделки. Эйзенхауэр и Даллес в очередной раз попытались сколотить военную коалицию, пусть даже без участия Британии. Но Австралия и Новая Зеландия наотрез отказались, погасив последнюю вспышку американского энтузиазма. Журнал *The Spectator* описал начало переговоров в Женеве как «чудовищную склоку», где каждый тянет одеяло на себя.

Чтобы понять события следующих нескольких недель, необходимо принять во внимание, что победа в Дьенбьенфу не заставила вьетминевцев ослабить натиск в других частях страны: французы продолжали терять территории и людей, а дезертирство из местных войск приобрело масштабы эпидемии. 4 июня Наварр передал командование войсками Полю Эли, новому и последнему верховному комиссару в Индокитае. После этого случились еще две военные катастрофы. 24 июня Мобильная группа 100, осуществлявшая отход из Анкхе на Центральном нагорье, попала в серию засад. Погибло около половины личного состава группировки; было уничтожено четыре пятых транспортных средств; один из лучших французских полков, 1-й полк «Корея», был стерт с лица земли. 12 июля похожая участь постигла Мобильную группу 42. Между тем стало известно, что Зяп готовит новое большое наступление в дельте Красной реки: по китайской железной дороге к северной границе «освобожденной зоны» ежемесячно доставлялось около 4000 тонн оружия и боеприпасов, предназначенных для Вьетминя.

Затянувшиеся переговоры великих держав на фоне продолжающегося кровопролития в Индокитае вызывали негодование мирового сообщества. Так, в лондонском кабаре-клубе *Café de Paris* Ноэль Кауард, представляя Марлен Дитрих, продекламировал остроумный стих, воспевавший женскую привлекательность. После его слов о Клеопатре: «Змея Нила улыбкой добивалась своего куда быстрее, чем Женева», — зал взорвался смехом. Однако неожиданно забрезжил луч надежды: на фоне продолжающихся военных поражений Франции на Вашингтон снизошло осознание того, что все может закончиться гораздо хуже, нежели разделом страны. Без вмешательства США весь Вьетнам может оказаться в руках коммунистов. Беделл Смит нехотя смирился с необходимостью сделки. 15 июня коммунистический лагерь

провел в Женеве тайное стратегическое совещание: Чжоу настоятельно призвал представителей Вьетминя занять более реалистичную позицию и, в частности, отказаться от пропагандистской лжи, будто их войска не воюют в Лаосе и Камбодже. Молотов поддержал своего китайского коллегу.

Три дня спустя произошло еще одно ключевое событие: Национальное собрание Франции отправило Жозефа Ланьеля в отставку, назначив новым главой правительства Пьера Мендеса-Франса. Новый премьер-министр немедленно объявил, что тоже подаст в отставку, если в течение 30 дней не сумеет добиться прекращения огня в Индокитае. Тем самым он установил крайний срок для достижения договоренностей в Женеве, и Чжоу Энлай заявил Идену и другим, что также хотел бы уложиться в эти сроки. 23 июня в Берне Чжоу встретился в частном порядке с Мендесом-Франсом, и два политика нашли общий язык. Чжоу без обиняков признал, что его главная цель — не допустить, чтобы американцы ввели войска в Индокитай. Они сошлись на том, что раздел страны отвечает интересам и китайцев, и французов.

Представители антикоммунистических сил во главе со своим новым премьер-министром Нго Динь Зьемом, назначенным по прихоти Бао Дая, продолжали выступать категорически против. Но их мнение мало кого интересовало: только Вашингтон мог наложить вето на план раздела. Черчилль написал Эйзенхауэру: «Кажется, Мендес-Франс принял решение уйти на лучших возможных условиях. Если это действительно так, я думаю, что он прав». 24 июня Даллес заявил лидерам конгресса, что США должны принять новый курс — защитить Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджу от коммунистической угрозы: «Задействовать все силы, которые у нас есть, чтобы дать отпор их подрывному влиянию и удержать этот регион». Его заявление косвенно признавало потерю Севера.

Между тем в преддверии решающего раунда переговоров в Женеве китайское руководство и лидеры Вьетминя также скорректировали свою позицию. На встрече 3–5 июля в южно-китайском городе Лючжоу премьер Чжоу Энлай напомнил Хо Ши Мину и его делегации, чем закончилось коммунистическое вторжение в Южную Корею летом 1950 г. «Ключевой причиной неудачи в Корее было вмешательство США, — сказал он. — Мы не ожидали, что они так быстро перебросят подкрепление [вооруженные силы ООН под командованием Макартура] <...> Если бы не вмешательство США, Корейская народная армия сбросила бы [силы] Ли Сын Мана в океан». В некотором роде китайское руководство опасалось того же, что и руководство США: если Вьетминь

перегнет палку, как это сделал Ким Ир Сен в Северной Корее, может разразиться геостратегическая катастрофа.

В 1954 г. прошло всего пять лет с тех пор, как коммунисты во главе с Мао Цзэдуном одержали победу в гражданской войне, нанеся пусть косвенное, но унижительное поражение США. Некоторые американские консерваторы все еще лелеяли надежду, какой бы фантастической она ни была, вернуть «потерянный Китай». За четыре года до этого китайцы вмешались в Корейскую войну только лишь потому, что не смогли бы смириться с присутствием победоносной армии Макартура на другом берегу пограничной реки Ялу. В эпоху Женевской конференции Мао вовсе не был так уверен в устойчивости своего режима, как предполагали многие на Западе. Внешняя безопасность была приоритетом Чжоу Эньлая. А для этого, считал он, необходимо успокоить американские страхи: коммунистический Китай вполне может ужиться с некоммунистическим Южным Вьетнамом у себя под боком, если это утихомирит Даллеса и Эйзенхауэра.

Таким образом, продолжал китайский премьер в Лючжоу, если война в Индокитае затянется без решающего исхода — что было очень вероятно, учитывая соотношение сил: порядка 470 000 у французов против 310 000 у Вьетминя, — и напряженность между Востоком и Западом будет нарастать, Вашингтон может нанести удар. Все, что было завоевано за десятилетие борьбы, будет потеряно. По оценкам Зяпа, для достижения окончательной военной победы Вьетминю могло потребоваться от двух до пяти лет; китайские советники считали так же. Вьетминь предлагал провести разграничение по 13-й параллели через Центральное нагорье Аннама. Французы хотели, чтобы граница проходила намного севернее — по 18-й параллели, южнее города Винь. Китайцы предложили в качестве компромисса 16-ю параллель, что не вызвало у Хо Ши Мина серьезных возражений. 7 июля Чжоу доложил о ситуации Мао, и тот признал необходимость уступок и достижения политического урегулирования в кратчайшие сроки. Русские согласились по тем же геополитическим соображениям.

Полыхая праведным гневом, Даллес отказался присутствовать на последней сессии Женевской конференции, стартовавшей 10 июля. В его глазах обсуждаемая сделка была капитуляцией, не менее постыдной и трусливой, чем заигрывание с фашистами в 1930-х гг.: он был уверен, что это станет всего лишь промежуточной остановкой на пути к полностью красному Вьетнаму. И это после того как США потратили на войну с коммунистами в Индокитае \$2,5 млрд — больше, чем предоставили экономической помощи самой Франции начиная с 1945 г.! Между тем Мендес-Франс даже не потрудился проинформировать Бао Дая о ходе переговоров. В Сайгоне новоиспеченный премьер-министр

Нго Динь Зьем продолжал противиться разделу, даже когда посол США посоветовал ему снять розовые очки и признать, что половина страны лучше, чем ничего. Зьем поручил своему министру иностранных дел в Женеве сохранить Ханой и Хайфон под контролем Сайгона любой ценой, что наглядно показывало присущую ему склонность закрывать глаза на нежелательные реалии в пользу приятных фантазий. Он настоял на том, чтобы в официальный протокол конференции была занесена позиция его правительства, согласно которой раздел игнорировал «единодушное стремление вьетнамского народа к национальному единству».

16 июля американцы нехотя удостоили Женевскую конференцию своим присутствием в лице заместителя госсекретаря Беделла Смита. Тот прибыл, однако, с инструкциями держаться в стороне от «торгов» — напряженного раунда двусторонних и специальных встреч, на которых обсуждались условия сделки. Через два дня министры иностранных дел приняли решение о создании Международной контрольной комиссии (МКК), в состав которой вошли представители Индии, Канады и Польши, чтобы контролировать соблюдение режима прекращения огня и других договоренностей. 20 июля делегации Франции и Вьетмина пришли к соглашению, что разделение пройдет рядом с 17-й параллелью и обеспечит Южному Вьетнаму короткую и удобную для защиты границу с Севером. При этом подчеркивалось, что данная демаркационная линия «является временной и не может быть истолкована как являющаяся в какой-либо мере политической или территориальной границей». Всем вьетнамцам предоставлялся 300-дневный период отсрочки с гарантированной свободой передвижения между Севером и Югом, в течение которого они могли выбрать, в какой части страны хотят жить дальше. В течение двух лет на Севере и Юге должны были быть проведены общенациональные выборы, чтобы определить будущее страны. Оба Вьетнама, а также Лаос и Камбоджа, получали признание как нейтральные государства. Французы отправлялись домой.

Женевские соглашения состояли из двух основных документов. Соглашение о прекращении военных действий было подписано 21 июля 1954 г. между французской и северовьетнамской сторонами. Заключительная декларация конференции была одобрена в устной форме Францией, Великобританией, Китаем и СССР. Даллес сделал заявление, в котором подчеркнул особый интерес США к судьбе новорожденных «близнецов»: он предупредил, что любое нарушение условий сделки «будет рассматриваться с серьезной озабоченностью и считаться угрозой международному миру и безопасности». Все участники конференции, кроме американцев, воздали должное Энтони

Идену, который на своем посту сопредседателя на протяжении многих недель «почти с нечеловеческим позитивным настроем и терпением» обеспечивал прогресс переговоров, даже когда казалось, что те обречены на провал. Это был звездный час в карьере блистательного, но не всегда последовательного государственного деятеля, которого природа зачем-то наделила и поразительной красотой.

По сути, Женевские соглашения просто урегулировали условия перемирия между уходящими французскими колонизаторами и коммунистами, которые в качестве военного трофея получили под свое управление весь север Вьетнама. Это дало основания Сайгону и Вашингтону впоследствии утверждать, что отказ от проведения

общенациональных выборов в указанный двухлетний срок не является нарушением прочих договоренностей. Большая часть мировой общественности была удручена результатами Женевской конференции, но понимала, что на данный момент это был единственный приемлемый для всех выход. 23 июля The Spectator резюмировал: «Это плохой мир. Но это определенно лучший мир, который мог быть достигнут при существующих обстоятельствах». Громкое бряцание оружием со стороны Вашингтона, продолжал журнал, поумерило пыл коммунистов и заставило их пойти на компромиссы. «Как ни парадоксально, но своими дикими, безобразными и нецивилизованными гримасами Соединенные Штаты косвенно способствовали заключению мира».

В скором времени Эйзенхауэр и Даллес наделили новую полунацию легитимностью и несоизмеримой геополитической значимостью, движимые необходимостью успокоить своих республиканских избирателей дома и восстановить лицо своей администрации после того, как та не сумела спасти Северный Вьетнам от коммунистов. Южный Вьетнам, заявил госсекретарь, будет процветать, «свободный от скверны французского колониализма». Инструментом для проведения своей политики Вашингтон, не мудрствуя лукаво, выбрал Нго Динь Зьема — ставленника Бао Дая с довольно сомнительной политической репутацией и влиянием. Что касается британцев, то они твердо отказались от какого бы то ни было вмешательства в Индокитае, заявив, что в этом регионе у них нет жизненно важных интересов. Они считали, что для Запада гораздо важнее дать отпор Советам в Европе. Между тем СССР и Китай принялись помогать новому своему собрату по социалистическому лагерю, хотя и без особого рвения. Разумеется, они были бы рады, если бы американцы потерпели неудачу в попытке превратить Южный Вьетнам в «витрину капитализма», но у них не было никакого желания превращать Индокитай в арену противостояния между Востоком и Западом.

Делегация Вьетминя вернулась из Женевы, убежденная в том, что Чжоу Энлай вел двойную игру и предал их, но Хо Ши Мин успокоил своих соратников: скоро весь Вьетнам окажется в их руках, нужно только немного подождать. Он был уверен, что на общенациональных выборах население Севера и Юга проголосует за объединение страны. В ожидании присоединения Юга Хо и его товарищи с безжалостной целеустремленностью взялись за построение социалистического государства, о котором так долго мечтали. Несмотря на то что вьетминевцы показали себя стойкими воинами, к 1954 г. они устали от войны и были рады возможности вернуться домой к своим семьям, снова спать на нормальных кроватях и есть пусть скудную, но домашнюю пищу, без страха постоянных обстрелов и бомбардировок.

Никто на Западе не рассматривал Женевские договоренности как успех. Это была всего лишь попытка великих держав ограничить ущерб дипломатическими средствами: единственное достижение конференции состояло в том, что она позволила вытащить истощенную колониальную державу из обреченной на поражение войны. Тем не менее Женевские договоренности таили в себе весьма примечательный и красноречивый факт: Сайгонское правительство получило слишком много, тогда как очевидно побеждающий Вьетминь — слишком мало. Это могло объясняться лишь тем, что СССР и Китай были заинтересованы в судьбе Индокитая и конкретно Вьетнама гораздо меньше, чем предполагали ястребы холодной войны в Вашингтоне. Мао Цзэдун не хотел видеть у своего порога мощного конкурента — сильный коммунистический Вьетнам, который сумел бы втянуть в свою сферу влияния Лаос и Камбоджу; в Азии должен был доминировать красный Китай.

Всеобщее прекращение огня во Вьетнаме вступило в силу 27 июля. Секретарь ЦУЮВ Ле Зуан, который много лет вел подпольную жизнь в дельте Меконга, раздобыл ручную железнодорожную дрезину и отправился объезжать подведомственные ему южные территории. На Севере коммунисты примеряли на себя новую роль хозяев государства. 9 октября французская армия покинула Ханой, сопроводив свое отбытие вызывающе помпезными церемониями, что заставило одного американского наблюдателя сравнить французов с Дон Кихотом, который сражается с ветряными мельницами. Под бравурные звуки духового оркестра, грохот барабанов и лязганье цимбал генерал Рене Коньи, импресарио катастрофы в Дьенбьенфу, приветствовал марширующие полки — парашютистов, легионеров, морских пехотинцев, сенегальцев, североафриканцев, за которыми двигались колонны бронетехники, пережевывавшие мягкий асфальт ханойских улиц. Покидая Индокитай, французы не проявили ни капли благодарности и благородства. Верные своей политике выжженной земли, бывшие колонизаторы забрали с собой или уничтожили все, что могло иметь хоть какую-то ценность для победителей.

10-летнему Доан Фыонг Хаю показалось, что трубы покидающих Ханой французов «трубили так печально, будто рыдали». Стоял промозглый ветреный день, когда они в последний раз спустили флаг над своей цитаделью. Двое сержантов свернули промокший триколор и передали его генералу, который, в свою очередь, отдал его командиру гарнизона. Оркестр заиграл «Марсельезу», и вовремя заморосивший дождь скрыл слезы, выступившие на глазах многих офицеров и солдат. Затем гарнизон погрузился на грузовики и уехал в сторону порта. 75-

летняя эпоха французского колониального правления в Ханое подошла к концу.

На смену уехавшим французам сначала прибыли представители МКК — «офицеры индийской армии со стеками и топорщащимися гвардейскими усами, бледнолицые поляки в странных треугольных фуражках и вечно пьяные канадцы, болтающие на своем непонятном французском». Им на смену пришли победители — первые отряды армии Зяпа. Вот как описывал их прибытие Говард Симпсон: «Они шли двумя колоннами по двое, по одной на каждой стороне улицы: маленькие люди в оливково-серой униформе, в самодельных шлемах, сплетенных из листьев и обтянутых тканью и камуфляжной сеткой. Нагруженные оружием и снаряжением, «бодой» (солдаты армии Северного Вьетнама) 308-й дивизии вошли в незнакомую им городскую среду. Они шли почти беззвучно; было слышно лишь мягкое шарканье сотен дешевых теннисных тапок по асфальту: вступление Вьетминя в Ханой было, пожалуй, самым тихим маршем победителей в истории». Бывшие крестьяне удивленно глазели на великолепные здания и широкие проспекты — свой военный трофей. Их приветствовали толпы людей, что, впрочем, не было стихийным проявлением народной любви: партработники несколько дней колесили по городу, убеждая сомневающихся горожан в том, что встретить победителей с энтузиазмом — в их интересах.

В толпе встречавших выделялась громоздкая фигура американского майора Люсьена Конейна по прозвищу Черный Луиджи, Лу-Лу или Трехпалый Лу. Уроженец Парижа, он вырос в Америке и в 1939 г. вернулся на родину, чтобы воевать с фашистами во французской армии. После ее капитуляции Лу поступил на службу в американское Управление стратегических служб и выполнял задания в Европе и на юге Китая. Теперь же, как сотруднику американской Военной миссии во главе с полковником Эдвардом Лансдейлом, ему было поручено заняться созданием подпольных диверсионно-разведывательных групп для работы на территории Северного Вьетнама. Конейн был карикатурой на сотрудника секретной службы — любитель крепко выпить, не сдержанный на язык, с бандитскими замашками и вспыльчивым нравом: рассказывали, что однажды он разрядил всю обойму своего кольта .45 калибра в заглухший автомобильный двигатель. Глядя на колонну марширующих бодой, Лу вдруг вскинул в воздух кулак и крикнул по-вьетнамски «Да здравствует Хо Ши Мин!», чем вызвал одобрителльные возгласы стоявших вокруг коммунистов. Они так и не поняли, что он попросту над ними насмехался, что будет продолжать делать на протяжении еще многих лет.

Когда французы покинули Индокитай, Норман Льюис попытался осмыслить происходящее: «Стоило ли это того — краткий насильственный брак с Западом, завершившийся столь беспощадным разрывом? Существовала ли в конечном итоге некая непостижимая для нас историческая необходимость, могущая оправдать все это кровопролитие, годы порабощения, презрения, унижения? Что выиграют в долгосрочной перспективе свободные народы Индокитая, стоящие сегодня на пороге возрождения, от принудительного разрыва со старым устоявшимся образом жизни, на смену которому отныне придет материалистическая философия и все затмевающий идеал повышения уровня жизни?»

Пожилой крестьянин из деревни, расположенной на шоссе №1, сказал: «Самым счастливым в моей жизни был тот день, когда я увидел два грузовика с французскими солдатами, навсегда покидавшими Хюэ. Когда они проезжали мимо моего дома, я хорошо разглядел, какие грустные у них были лица». Во вьетнамской земле осталось лежать 93 000 французских солдат, которые погибли здесь за последние десять лет в тщетной попытке их страны удержаться за колониальное прошлое. У этих солдат не было своего Редьярда Киплинга, чтобы окутать их саваном романтики. Тем не менее 10 лет спустя в Сайгоне появилась легенда, что сотни солдат Мобильной группировки 10 были похоронены на месте своей гибели у шоссе №19 на Центральном нагорье в вертикальных могилах — где они стояли, несгибаемые в своем смертном окоченении, повернувшись лицом к Франции.

Глава 5

Тирании-близнецы

«Режим террора»

Северный и Южный Вьетнам всегда отличались друг от друга так же сильно, как север и юг Великобритании, США, Италии и многих других стран, вплоть до различий в нецензурной брани. В годы после Женевской конференции обе новые страны оказались под властью репрессивных авторитарных режимов. Но, в отличие от южного соседа, режим Хо Ши Мина пользовался рядом весомых политических преимуществ. Несмотря на то что Север был опустошен войной и страдал от ужасающей нищеты, усугубляемой коммунистической экономической политикой, он отличался гораздо большей дисциплиной и сплоченностью. Хо Ши Мин, хотя и прожил во Вьетнаме намного меньше Нго Динь Зьема, был победителем в борьбе за независимость и

обладал колоссальным авторитетом внутри страны. Легендарную харизму и обаяние он грамотно использовал для достижения своих целей на международной арене. Кроме того, осуществляя жесткий контроль над информацией, северовьетнамский режим надежно скрывал от посторонних глаз свои неприглядные стороны, включая подавление бунтов, политические чистки и массовые убийства. На Юге безумства и жестокости режима Зьема происходили у всех на виду: для многих крестьян вьетнамские землевладельцы были ничуть не лучше французских, и немало из них завидовали «лучшей доле» своих северных братьев. Лишь намного позже южане будут вспоминать этот шестилетний период с 1954 по 1960 г. как утерянный рай, когда их соотечественники по крайней мере не убивали друг друга.

Как только 25 июля 1954 г. было объявлено прекращение огня, с Севера начался массовый исход: в страхе перед новым режимом около 1 млн вьетнамцев — торговцев, землевладельцев, антикоммунистов, католиков и всех, кто находился на службе у французов, — бежали из страны по суше, морю и воздуху. Это было время смятения и паники, разлук и прощаний. Вьетминевцы останавливали автобусы, направлявшиеся по дороге №1 в порт Хайфона, и агитировали, а иногда и заставляли беглецов остаться. С семьей Нгуен Зьонг, скромными торговцами, случилось несчастье: в толпе на аэродроме в предместьях Ханоя мать на мгновение поставила на землю сумку со всем их богатством — драгоценностями и золотыми монетами. Не успели они оглянуться, как сумка исчезла: новую жизнь в Сайгоне им пришлось начинать почти без гроша.

В то самое время, когда временное правительство Северного Вьетнама выпустило памятную кружку в честь победы в Дьенбьенфу, в Ханое разыгрывались человеческие трагедии. Более или менее зажиточные семьи выставляли на улицах перед домами свое имущество, распродавая его по бросовым ценам. В некоторых семьях происходил раскол. Отец Нгуен Тхи Чинь, глава некогда богатой землевладельческой семьи, предупредил свою 16-летнюю дочь и 19-летнего сына Лана, что он принял решение перебраться на юг, — одна из его дочерей состояла в браке с французским доктором и уже покинула Север. Вечером накануне отъезда он выдал сыну и дочери по поясу, в каждом из которых было зашито немного денег, и приготовил сумки с едой и предметами первой необходимости. Но на рассвете Чинь была разбужена братом. «Пойдем со мной», — прошептал он. На улице она увидела его друга с двумя велосипедами. «Мы хотим присоединиться к революции, — сказал Лан. — Отец не разрешил бы мне это сделать, но потом он поймет». Чинь была потрясена. Она

умоляла его остаться, плакала, цеплялась за руль велосипеда, но все было напрасно. Лан и его друг укатили прочь.

В слезах она разбудила отца. Он решил, что она должна уехать, как было запланировано, а он останется и попытается найти Лана. Через несколько часов она вместе с толпой толкающихся, плачущих, отчаявшихся людей погрузилась в транспортный самолет. На прощание отец подарил ей золотой браслет. По прибытии в Сайгон всех их отправили в лагерь для беженцев, где она плакала в течение нескольких недель. В конце концов она встретила старого друга их семьи, который сказал ей: «Смирись с этим и продолжай жить». Через два года она вышла замуж за его сына. Чинь ничего не знала о своем брате больше 40 лет.

Чан Хой, служивший стажером во французских ВВС, должен был отправиться в Сайгон вместе со своей эскадрильей. Но его мать решила остаться, чтобы продать дом и имущество их семейной автобусной компании. Хой полетел на борту самолета С-47: «Я проплакал всю дорогу — вьетнамцы очень привязаны к своим родным». Он рыдал бы еще сильнее, если бы знал, что не увидится со своей семьей до 1998 г. Он обосновался на Юге, но всю свою жизнь тосковал из-за того, что не может провести выходные дни и праздники в родном доме, в окружении большой семьи.

пропаганда велась. «Герой» американских консерваторов д-р Том Дули щедро фабриковал истории о коммунистических зверствах, включая беспардонно лживый бестселлер «Избави нас от лукавого». С другой стороны, теперь мы знаем, какая трагическая участь постигла многих из тех, кто решил остаться, поверив ложным заверениям Хо Ши Мина в том, что им нечего опасаться.

Сыну состоятельного землевладельца Нгуен Хай Диню было 18 лет, когда его единственная сестра уехала на Юг. Сам он остался. «Почему? Потому что я был очень глуп... Мы считали французов колониальными угнетателями, пока не пришли к власти коммунисты... после этого мы стали считать французов нашими друзьями». Новый режим маргинализировал и порой открыто подвергал репрессиям выходцев из зажиточных и образованных слоев общества. Динь столкнулся с тем, что его происхождение лишает его права учиться в университете и занимать любые мало-мальски ответственные посты. Один политработник сказал ему: «В прошлом эта страна была феодальной: теперь она принадлежит крестьянам и рабочим. У вас больше нет страны». Его отец был лишен гражданских прав на пять лет как «антисоциальный элемент» и едва зарабатывал себе на жизнь, готовя еду для парторботников. Динь ненавидел в новом обществе буквально все, и прежде всего невозможность говорить то, что он думает. Он встречался со студенткой по имени Фыонг, но за пять лет отношений ни разу не осмелился заговорить с ней на политические темы: «Все боялись друг друга. Каждый мог оказаться осведомителем». Динь имел право заниматься только физическим трудом.

В некоторых районах Северного Вьетнама племена продолжали вооруженное сопротивление, используя оружие, которым снабдил их французский спецназ до прекращения огня. Бернارد Фолл утверждал, что некоторые французские офицеры не смогли выбраться из удаленных районов и остались воевать в партизанских отрядах, пока в конце концов не были уничтожены северовьетнамской армией. Он рассказывает, что в конце лета 1956 г. один французский спецназовец в отчаянии требовал в радиозфире: «Сукины дети, помогите нам! Помогите! Парашютируйте хотя бы немного боеприпасов, чтобы мы могли умереть в бою! Чтобы они не перерезали нас, как свиней!». Фолл утверждает, что ничего не было сделано: «Не было никакой операции “U-2”, никакой шумихи: Франция не потребовала вернуть ей ее солдат, а коммунисты были довольны тем, что могли решить проблему без чужого вмешательства». В сентябре 1957 г. ханойская еженедельная газета «Куандой нязан» («Народная армия») сообщила, что за два года после прекращения огня в горах к востоку от Красной реки северовьетнамская армия уничтожила 183 и взяла в плен почти 300

«вражеских солдат», а также заставила сдаться 4336 местных партизан. Скорее всего, среди них было не так много французов, однако это сообщение подтверждает, что сопротивление продолжалось еще несколько лет.

Тем временем новое правительство приступило к проведению земельной реформы. Центральная партийная газета «Нянзан» («Народ») призывала коммунистов «бороться с собственничеством и пацифизмом» и «решительно вести крестьянство к полному уничтожению землевладельцев как класса». Представитель Индии в МКК в своем отчете написал, что нет ничего более наивного, чем считать ханойский режим националистическим или социалистическим, поскольку тот носит «неоспоримо коммунистический характер». Северовьетнамские СМИ развернули яростную антиамериканскую пропаганду. Пьер Асселин, отмечая, что все тоталитарные режимы нуждаются во врагах, писал: «Демонизация США... обеспечила властям “полезного врага”, который помогал им заручиться поддержкой населения... и продолжать свою кровавую Вьетнамскую революцию».

Драконовская земельная реформа, первый этап которой был проведен в период между 1954 и 1956 гг., вызвала энтузиазм у части крестьян, которые получили наделы земли, отнятые у бывших землевладельцев. К тому же война наконец-то завершилась. Но все это не принесло им долгожданного процветания: подавляющее большинство крестьян продолжали хронически голодать. Как заметила Зыонг Ван Май, дочь бывшего колониального чиновника, «государство лишило их стимула к упорному труду, когда крестьянам платили за то, сколько они сделали». Позже, когда была начата коллективизация, «нищета и голод стали нормой».

Взрослым выдавали пайки по 13 кг риса в месяц, 280 г мяса и столько же сахара, а также пол-литра рыбного соуса. Они получали по 3,6 м ткани в год и два комплекта нижнего белья. Но даже в самые тяжелые времена партийные лидеры и их семьи жили гораздо лучше. Конечно, северовьетнамская элита не купалась в таком богатстве, которое вскоре сосредоточили в своих руках их южные коллеги, но она никогда не голодала. В 1955 г. только поставки риса из Бирмы позволили предотвратить такой же массовый голод, который случился здесь десять лет назад. Основными источниками денежных средств для Ханоя были \$200 млн, полученных от Китая, и еще \$100 млн, полученных от СССР. Но это не было безвозмездной помощью — союзники по соцлагерю просто расплатились за товары, которые Северный Вьетнам, сам отчаянно нуждающийся в них, поставлял на экспорт.

Достоверная статистика о зверствах и расправах, которые чинили новые правители Северного Вьетнама в первые годы революции, так и остается за семью печатями. 29 октября 1956 г. на митинге в Ханое Зяп, в то время исполнявший обязанности вице-премьера, выступил с важным признанием ошибок новой власти: «Мы рассматривали всех землевладельцев без разбора как врагов, что заставило нас считать, что враги были повсюду... Для подавления наших врагов мы принимали решительные меры... и прибегали к несанкционированным методам [коммунистический эвфемизм для неблагозвучного слова «пытки»], чтобы добиться от них признаний... В результате многие невинные люди были осуждены как реакционеры, арестованы, казнены, брошены в тюрьмы». По некоторым оценкам, число казненных достигло 15 000. Говорят, что Хо Ши Мин был глубоко огорчен такими перегибами, однако же никогда не использовал свой огромный авторитет, чтобы предотвратить их.

Новый режим не только конфисковывал у землевладельцев земли, но и во многих случаях требовал вернуть арендаторам деньги, «награбленные» за многие годы в виде «чрезмерной» арендной платы. Имущество и тягловых животных изымали самовольно, так что престарелому дяде Зыонг Ван Май пришлось самому впрягаться в плуг, чтобы вспахать оставшийся у него клочок рисового поля. Большой дом другого ее дяди был «перераспределен» между бедняками: вернувшись через 40 лет в Северный Вьетнам, она обнаружила, что там живут 40 человек. Бабушка Доан Фыонг Хая состарилась на глазах, когда ее признали землевладельцем-эксплуататором, подвергли допросу, затем народному суду, и конфисковали все имущество. Она отказалась от предложения сына отвезти ее в Ханой на лечение, тяжело заболела и вскоре умерла.

Весь класс землевладельцев был подвергнут узаконенному унижению и уничтожению, чтобы поднять самоуважение крестьян, а также внушить им презрение к собственности как таковой. Даже будучи убежденной коммунисткой, д-р Нгуен Тхи Нгок Тоан позже признала: «Происходило много вещей, в которых я не видела смысла». Ей самой много лет отказывали в повышении по службе, несмотря на непоколебимую преданность партии: «Мне не хватало правильного семейного происхождения». Предпочтение отдавалось тем, кто имел крестьянские корни; такие же, как Тоан, выходцы из образованных и якобы «привилегированных» семей, стали изгоями. Любое разнообразие мнений, выражение несогласия и свобода информации были запрещены. Северный Вьетнам принял сталинский подход к истине: истинно то, что постановило Политбюро.

Чыонг Ныи Танг, впоследствии разочаровавшийся в линии партии, писал, что многие из казненных «врагов народа... так называемые землевладельцы... были такими же бедными крестьянами, которым посчастливилось владеть чуть большими по размеру участками земли, чем их соседям... и которых никак нельзя было назвать богачами». Он также отмечал, что партия никогда не выражала сожаления по поводу развернутой в 1956 г. кампании репрессий против «интеллектуалов». Многие из них были осуждены и брошены в тюрьмы; немногие «счастливчики» были заключены под домашний арест, без связи с внешним миром. В ноябре 1956 г. сразу в нескольких районах Северного Вьетнама вспыхнули восстания, на подавление которых были брошены две армейские дивизии. Одно из них произошло в провинции Нгеан; как гласит история коммунистического Вьетнама, оно было организовано «тремя католическими священниками-реакционерами» по имени отец Кан, отец Дон и отец Кат. Под предводительском этих подрывных элементов крестьяне взяли в руки оружие, забаррикадировали дороги в деревни, захватили в заложники парработников и выдвинули требования против земельной реформы.

Далее коммунистическая летопись признает: «Мы были вынуждены применить военную силу... Все главари и их ключевые приспешники были арестованы». Помимо сотен погибших в ходе подавления мятежа почти 2000 человек были приговорены к смертной казни, и еще больше получили тюремные сроки. В 1956–1959 гг. беспорядки охватили провинцию Лайтяу. Ханой обвинил в них китайских националистических агентов. Как бы то ни было, эти восстания создавали «сложные политические ситуации... порождая среди населения страх и беспокойство относительно социалистического пути развития и подрывая доверие к партии и правительству».

Лан, брат Нгуен Тхи Чинь, который мечтал «присоединиться к революции», вступив в ряды Вьетминя, вместо этого был брошен в тюрьму на шесть лет. После освобождения ему отказали в выдаче пайковых карточек, и он был вынужден подрабатывать уличным носильщиком и продавать свою кровь в больницы. Судьба их отца Куи была еще печальнее: после освобождения из тюрьмы он не смог получить ни пайковые карточки, ни даже разрешение на работу. Ему пришлось жить попрошайничеством. Однажды ночью, умирая от голода и холода, он постучался в дверь своего старого друга, писателя Нгок Зяо. Дверь открыла его жена. Увидев на пороге Куи, она умоляла его уйти: ее муж сам был в немилости у режима. Сам Зяо прятался на чердаке: он подумал, что среди ночи к нему нагрянули полицейские. Услышав разговор, он спустился и убедил жену впустить Куи в дом, накормить его и позволить помыться. Они проговорили всю ночь, пока

Зяо с сожалением не сказал: «Мне жаль, но ты не можешь остаться здесь». Перед уходом Куи сказал Зяо: «Если ты когда-нибудь встретишь мою дочь, пожалуйста, скажи ей, как сильно я ее люблю». И исчез в темноте. После этого Зяо и его жена оказывали ему единственную помощь, на которую осмеливались: каждое утро на рассвете они оставляли на задворках своего дома мешочек с рисом. Мешочек исчезал на протяжении двух недель, пока однажды не остался нетронутым. Куи навсегда исчез из их жизни и из жизни Вьетнама, умерев неизвестно когда в неизвестно где. Чинь узнала о последних днях жизни своего отца только много лет спустя после окончания войны.

На Западе Северный Вьетнам окрестили «запретной зоной». Тем не менее, благодаря авторитету его лидера, олицетворявшего собой идеал пламенного революционера-победителя и борца с империализмом, мир смирился с его страной. Глядя на созданное им закрытое общество, большинство западных людей лишь пожимали плечами: у коммунистов так принято. Один из северовьетнамских интеллектуалов впоследствии предложил выделить в политической карьере Хо несколько этапов: сначала простой патриот; затем коммунист; наконец, мнимый националист, в действительности — продвигающий интересы Коммунистического Интернационала. По мнению одного из его соотечественников, космополитический опыт и идеологические связи с Китаем и СССР давали Хо огромное преимущество перед его противниками, которые мало что знали о мире за пределами Индокитая. Он с поразительным мастерством балансировал между двумя великими коммунистическими державами, особенно после того, как в конце 1950-х гг. отношение между ними вступило в фазу резкого охлаждения.

Ханойское Политбюро было ошеломлено докладом Никиты Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., на котором тот выступил с осуждением культа личности Сталина: сам вождь Северного Вьетнама почитался почти как божество. Большинство старших товарищей Хо были сталинистами; в 1953 г. они оплакивали смерть своего героя, по словам одного высокопоставленного партийного функционера, «не в силах сдержать слез, которые текли по нашим щекам». Они были глубоко разочарованы отказом Москвы от военного противостояния с Западом в пользу простого экономического и идеологического соперничества. Венгерское восстание 1956 г. лишь укрепило руководство Северного Вьетнама в убеждении в том, что любое потворствование несогласным создает экзистенциальные риски для действующего режима.

Канадский дипломат докладывал из Ханоя: «Говорить о возможности экономического коллапса Северного Вьетнама бессмысленно, поскольку экономики как таковой здесь не существует».

На момент обретения независимости на 13 млн оставшегося в стране населения приходилось всего 30 квалифицированных инженеров и несколько фабрик. Коммунистическое руководство было слишком озабочено решением внутренних проблем, чтобы думать о каких-либо агрессивных действиях против Юга. Почти 80 000 военнослужащих были демобилизованы из армии и отправлены поднимать сельское хозяйство. И Китай, и Советский Союз ясно дали понять, что не хотят видеть со стороны Северного Вьетнама никаких вооруженных провокаций, которые могли бы встревожить американцев.

Мы располагаем скудными сведениями о том, как велась партийная борьба за власть в Ханое в 1954–1957 гг. Можно лишь с высокой долей уверенности утверждать, что Хо Ши Мин и Зяп не хотели новой войны: они верили, что единый коммунистический Вьетнам сам упадет им в руки после обещанных международным сообществом выборов. Все свидетельствовало о том, что — по крайней мере, на том этапе — они были искренне настроены достичь этой цели мирным путем. Но далеко не все ветераны Вьетминя были с ними согласны. Наблюдая за политикой правительства Зьема в Сайгоне, они видели все меньше надежд на обещанное воссоединение Вьетнама, кроме как путем вооруженной борьбы.

«Единственный парень, которого мы там нашли»

Навстречу массовому потоку беженцев из Северного Вьетнама в 1954–1955 гг. в обратном направлении тек лишь тонкий ручеек.

Коммунистические партизанские отряды после эмоциональных проводов в своих деревенских общинах отправлялись маршем на Север. В общей сложности за этот период Северный Вьетнам принял всего 173 900 бойцов Вьетминя и 86 000 членов их семей. Один ветеран революционного движения нанес прощальный визит в дельту Меконга, прежде чем неохотно подчиниться приказу о «перегруппировке» на Север. «Что ж, увидимся через два года!» — уверенно сказал он остающимся товарищам и поднял вверх два пальца — жест, ставший популярным среди вьетминевцев, который символизировал, что до исполнения их мечты осталось совсем немного времени. Жена секретаря ЦУЮВ Ле Зуана была беременна вторым ребенком, когда муж отправил ее на Север на польском корабле вместе с семьей своего близкого товарища Ле Дык Тхо. Сам он остался. До конца своих дней Ле Зуан утверждал, что Хо Ши Мин совершил две исторические ошибки: в 1945 г. позволил вернуться французам и в 1954 г. согласился на раздел страны. Он и другие сторонники жесткой линии были убеждены, что за единый коммунистический Вьетнам им придется

сражаться с оружием в руках. Перед отъездом он сказал Нга: «Передай Хо, что пройдет 20 лет, прежде чем мы увидимся снова».

В нарушение Женевских соглашений Ханой, чтобы подстраховаться на случай возобновления военных действий, приказал 10 000 вьетминевцам тайно остаться на Юге. Между тем большинство из тех, кому пришлось «перегруппироваться» на север от новой демилитаризованной зоны (ДМЗ), были возмущены решением Ханоя согласиться на раздел страны. На Севере им пришлось столкнуться с гораздо большими трудностями и лишениями, чем на относительно сытом Юге; многие тяжело переживали расставание с семьями, что усугубляло их недовольство. Жена Ле Зуана с двумя маленькими детьми жила в крошечной комнатухе над автомастерской на окраине Ханоя, зарабатывала на жизнь статьями для партийной газеты «Вьетнамские женщины» и ничего не знала о судьбе своего мужа. Некоторые южане, особенно занимавшие высокие партийные посты, открыто демонстрировали неповиновение северному политбюро, и почти каждый мечтал вернуться домой. Те, у кого была такая возможность, отправляли своих детей учиться в СССР и Китай.

Новое государство Южный Вьетнам и его правительство оказались в более выигрышном положении, чем северяне: дельта Меконга традиционно была ведущим рисопроизводящим регионом в Юго-Восточной Азии; к тому же его сельская местность меньше пострадала от военных действий. Местное население, хотя и поддерживало национально-освободительную борьбу, которую вел Вьетминь, не было увлечено коммунистическими идеями. Наконец, американцы поставили перед собой цель превратить Южный Вьетнам в витрину «свободного мира». Позже один офицер южновьетнамской армии размышлял по поводу тех дней: «Мы воспринимали происходящее как должное. Мы не были богаты, но наша жизнь оставалась довольно благополучной, и мы располагали некоторой свободой. Южные вьетнамцы всегда отличались мягкостью, потому что они живут на плодородной земле. Северяне же были более жесткими, потому что живут на скудных и суровых землях». Бывший северянин, сумевший сделать карьеру на государственной службе в Сайгоне, писал: «Для многих из нас 1956–1960 гг. оказались лучшими в нашей жизни — мы были полны ожиданий и радужных надежд». Фунг Тхи Ли, родившаяся в 1949 г. в крестьянской семье, вспоминает свое деревенское детство как «рай, где мы жили посреди многоцветья тропических птиц, неповоротливых буйволов, домашних животных — собак, кур и свиней, среди полноводных рек, в которых мы любили купаться, и просторных полей, где могли бегать и смеяться днями напролет».

В отличие от Хо Ши Мина, который проложил себе путь к власти в Северном Вьетнаме огнем и мечом, Нго Динь Зьем стал премьер-министром Южного Вьетнама по прихоти марионеточного «главы государства», бездельника и плейбоя Бао Дая. Как политическая фигура Зьем не вызывал восторга ни у французов, ни у американцев. Он обладал некоторыми качествами, присущими великим лидерам: смелостью, честностью, целеустремленностью и страстной преданностью своей стране. К сожалению, он также был ревностным католиком, слепо преданным своей алчной и беспринципной семье, пропитанным мессианской убежденностью в собственной избранности и ностальгией по иллюзорному прошлому, а также абсолютно безразличным к нуждам и чаяниям народа.

Правление Зьема в глазах большинства вьетнамцев мало чем отличалось от французского колониализма. Постоянно окружавшие его крупные, высокорослые американцы лишь подчеркивали физическую и политическую малозначительность Зьема. Он родился в 1901 г. и какое-то время мечтал стать священнослужителем, как его старший брат Нго Динь Тхук, — впоследствии Зьем убедил Ватикан сделать того архиепископом Хюэ. Но в итоге Зьем выбрал государственную службу и к 25 годам дослужился до должности губернатора провинции. В 1933 г. французы заставили Бао Дая назначить молодого амбициозного политика министром внутренних дел, однако тот продержался на этом посту всего три месяца: Зьем требовал реальных полномочий и свободы действий, в результате чего перессорился с колониальными властями. Именно тогда он сказал слова, которые впоследствии оказались пророческими: «Коммунисты победят нас не благодаря своей силе, а по причине нашей слабости». Во время Второй мировой войны он попал в плен к вьетминевцам, которые убили одного из его братьев и племянника. Хо Ши Мин встретился с Зьемом и предложил ему сотрудничество, но получил резкий отказ. «Вы — преступник, который сжег и разрушил нашу страну, — якобы заявил тот. — Мой брат и его сын — всего лишь две жертвы из сотен тех, кого вы убили». Позже коммунисты сетовали на добросердечие Хо, который приказал отпустить Зьема на свободу.

В 1950 г., после неудачного покушения на него агентов Вьетминя, Зьем покинул Вьетнам. Первые два года изгнания он провел в семинарии католического общества «Мэригнолл» в Лейквуде, штат Нью-Джерси, где жил в семинарском общежитии и смиренно выполнял черную работу по хозяйству. Однако там же он свел знакомство с такими влиятельными собратями по католической вере, как кардинал Спеллман, судья Верховного суда Уильям Дуглас, и сенаторы Майк Мэнсфилд и Джон Кеннеди, которых Зьем впечатлил своей пылкой

ненавистью к колониализму и коммунизму. В 1953 г. он перебрался в бенедиктинский монастырь в Бельгии, где наладил важные связи с французами, а также каким-то образом завоевал доверие Бао Дая, находившегося тогда в изгнании под Каннами. Его хваткий младший брат Ню — будущий политический советник президента, получивший зловещее прозвище Серый Кардинал, — сыграл важную роль в продвижении Зьема к власти.

Назначение Зьема премьер-министром, после которого он 26 июня 1954 г. без громких фанфар вернулся в Сайгон, никак не отразилось ни на его аскетизме, ни на его гипертрофированном самомнении. Убежденный в том, что безупречная религиозность наделяет его моральным превосходством над остальными, он рассматривал власть как принадлежащую ему едва ли не по праву помазанника Божьего, что, как и короля Англии Карла I за три века до этого, привело Зьема к печальному исходу. Зьем считал безопасность Южного Вьетнама исключительно военной проблемой, и в 1955 г. ввел всеобщую воинскую повинность. Он не пытался приобрести новых друзей или помириться со старыми врагами. Он единолично принимал решения и требовал их беспрекословного выполнения, сам работая по 16 часов в сутки. Одержимый желанием докопаться до всех деталей, он мог беседовать с иностранными послами и журналистами по четыре часа кряду без перерывов на отдых; иногда он лично подписывал выездные визы. В отличие от Хо Ши Мина, который был остроумным собеседником, Зьем был напрочь лишен чувства юмора, особенно когда дело касалось его самого. Проблема финансов — национального дохода его новой страны — счастливо разрешилась сама собой: 12 августа 1954 г. Совет национальной безопасности США заключил, что в свете «теории домино» в этом регионе Юго-Восточной Азии было чрезвычайно важным восстановить престиж Запада, серьезно пострадавший из-за поражения Франции. Неделью спустя Эйзенхауэр подписал директиву NSC5429/2, которая превратила США в главного спонсора Южного Вьетнама.

Пожалуй, самым серьезным недостатком сайгонского режима было то, что практически никто из его ключевых фигур, ни даже людей рангом ниже не участвовал в борьбе за независимость, более того, многие из них раньше служили французам. Вопреки данному обещанию предоставить амнистию активистам Вьетминя, Зьем принялся сажать их в тюрьмы и специально созданные концлагеря. Французский премьер-министр Эдгар Фор утверждал, что этот низкорослый фанатик «не только не способен управлять государством, но и явно безумен», и руководство США все чаще склонялось к этой мысли. Но на кого еще они могли сделать ставку? В 1961 г. вице-президент Линдон Джонсон

высказался со всей прямоотой: «Черт побери, это был единственный годный парень, которого мы там нашли!» В 1954 г., несмотря на серьезные сомнения, в крошечном кругу образованной элиты Сайгона американцы попросту не смогли найти более подходящего кандидата на пост премьер-министра новой страны.

Среди первых американцев, которые начали вести игру на вьетнамской сцене, был знаменитый полковник ВВС Эдвард Лансдейл, 48-летний глава сайгонской Военной миссии. В обязанности миссии, помимо прочего, входило проведение секретных операций на территории Северного Вьетнама, но эта деятельность была не особо успешной: диверсионные вылазки стоили свободы или жизни практически всем местным жителям, которые имели глупость завербоваться к американцам. Лансдейл стал первым в череде «актеров», которых вашингтонские «импресарио» в течение последующих двух десятилетий выводили на вьетнамскую сцену в своих попытках найти подходящего исполнителя на роль «Лоуренса Индокитайского». Бывший руководитель рекламного агентства, обладавший замечательным даром втираться в доверие, Лансдейл установил тесные отношения с Зьемом, который, казалось, был готов прислушиваться к Вашингтону. Прежде чем прибыть в Сайгон, полковник блестяще проявил себя на Филиппинах, где помог президенту Рамону Магсайсаю подавить коммунистическое партизанское движение «хуков». И теперь Даллес поручил ему повторить этот успех во Вьетнаме. Соотечественники в Сайгоне относились к Лансдейлу по-разному. Некоторые считали его «неуправляемой ракетой», хотя один из его коллег позже сказал: «Я уважал его за то, что он умел внимательно слушать всех — и американцев, и вьетнамцев, а также за его проницательность и прагматичность. Он четко понимал, что было возможно, а что нет». Лансдейл не переставал твердить Зьему, что тот должен завоевать умы и сердца своего народа.

Интриги, которые плел полковник за кулисами, были довольно противоречивы. Предположительно именно он стоял за срывом попытки военного переворота в октябре 1954 г. Он подкупил предводителей религиозных сект Каодай и Хоахао с их внушительными армиями, выплатив им несколько миллионов долларов из кармана ЦРУ в обмен на обещание поддерживать Зьема. Он также попытался заключить сделку с Бай Вьеном, боссом могущественной мафиозной группировки Бинь Сюйен, которая контролировала империю борделей и опиумных притонов в Шолоне — густонаселенном китайском квартале Сайгона. В центре этой империи, за высокими стенами, находилось казино «Великий мир» — Дай Тхе Зэй — 50 деревянных строений с

жестяными крышами, вмещавшими 200 игорных столов. Вьена охраняли «зеленые береты» — частная армия численностью в 40 000 человек, а также французы.

В те дни бывшие колониальные правители отчаянно боролись за влияние с американцами, «новыми парнями на районе», что порой приводило к трагикомическим стычкам. Лансдейлу нравилось рассказывать историю о том, как однажды в вестибюль дома, где жили служащие американского посольства, кто-то стал подкидывать гранаты. Сотрудники ЦРУ пришли к выводу, что это была попытка запугивания со стороны галлов. Вечером Лу Конейн, главный в американской военной миссии эксперт по разборкам, отправился в «Адмирал», самое популярное французское заведение в Сайгоне, вытащил из кармана гранату, выдернул чеку и, размахивая ею перед помертвевшими от страха посетителями, произнес поучительную речь на их родном языке: «Я знаю, все вы очень огорчены тем, что американцы в Сайгоне, и особенно наши секретари посольства, не чувствуют себя в безопасности. Я обещаю вам: если произойдет какое-либо недостойное и прискорбное событие, и у вас, и у нас будет повод для слез». После этого он вставил чеку обратно в гранату и удалился. Больше никто не пытался запугивать сотрудников посольства.

Когда все попытки Лансдейла подкупить Бай Вьена провалились, американцы стали опасаться, что при поддержке французов главный мафиози вполне может взять верх над премьер-министром. Британские наблюдатели были столь же пессимистичны; в своем докладе в Лондон британский дипломат писал: «Г-н Зьем обладает многими качествами национального революционного лидера, посветившего себя спасению своей страны, — а именно смелостью, порядочностью, целеустремленностью, убежденностью и непримиримой враждебностью к коммунизму». К сожалению, продолжал дипломат, ему также присуща «неспособность к компромиссам» и «ограниченная способность к административному управлению». После того как генерал Джозеф Коллинз по прозвищу Джо-Молния, в 1944–1945 гг. командовавший корпусом армии США в Европе, посетил Вьетнам в качестве личного посланника президента Эйзенхауэра, по возвращении в Вашингтон он заявил, что США поддерживают неудачника. Позже Коллинз сказал: «В целом мне понравился Зьем, но я пришел к выводу, что ему не хватает силы характера, чтобы совладать со всем этим диким скопищем персонажей, которые его окружают». 27 апреля 1955 г. в 18:10 вечера Даллес отправил из Вашингтона в Сайгон телеграмму, в которой санкционировал смещение премьер-министра, словно речь шла об увольнении не оправдавшей ожиданий горничной.

Однако Зьем переиграл всех. Тем же вечером — вероятно, по простому совпадению, хотя не исключено, что Лансдейл приложил к этому руку, — в Сайгоне вспыхнули уличные бои между южновьетнамской армией и отрядами Бинь Сюйен. Спустя шесть часов после того, как Даллес потребовал отстранить Зьема от власти, он поспешно отменил свою телеграмму — вопрос так и остался в подвешенном состоянии, пока длилась гражданская мини-война, унесшая жизни 500 вьетнамцев. В конце мая правительственные силы одержали победу: Бай Вьен был вынужден бежать из страны и до конца своих дней жил на попечении у приютивших его французов. Американцы решили, что Зьем — не такой уж провальный вариант, как они считали раньше, и заключили его в свои удушающе теплые объятия. Сенатор Губерт Хамфри, ключевая фигура во влиятельной лоббистской группе «Американские друзья Вьетнама», назвал южновьетнамского премьер-министра «воплощением честности, порядочности и достоинства». Генри Люс написал в журнале Life: «Каждый сын и каждая дочь Американской революции, каждый ее сторонник, где бы он ни жил, должен праздновать поражение Бинь Сюйен и кричать “Ура Нго Динь Зьему!”»

В октябре 1955 г. Зьем, не желая проводить общенациональные выборы, в которых почти наверняка победили бы коммунисты, инсценировал референдум и по его результатам сместил Бао Дая, провозгласив себя президентом новой республики Южный Вьетнам. Лансдейл утверждал, что внес непосредственный вклад в успех Зьема на выборах: именно он предложил отпечатать избирательные бюллетени за Зьема красным цветом, который у вьетнамцев считается символом удачи, а бюллетени за Бао Дая — зеленым, цветом несчастья. По официальным данным, на референдуме за Зьема проголосовали 98,2% избирателей, что было абсурдной цифрой, на которую не решались даже политические лидеры СССР. В Вашингтоне Даллес заявил: «Сегодня Южный Вьетнам — свободная нация. Это больше не марионетка в чужих руках». Однако существование этой «свободной нации» всецело зависело от щедрости американских спонсоров. Если в Северном Вьетнаме не было жизнеспособной экономики, то у южного соседа дела обстояли ненамного лучше: вместо экономики там был огромный торговый дефицит и финансируемый американцами поток импорта. Среди южных вьетнамцев снова стала популярной циничная поговорка времен французского колониализма: «Хочешь есть рис — стань католиком». Одним из тех, кто прислушался к этому совету, был Нгуен Ван Тхьеу, будущий президент Республики Вьетнам, который в 1958 г. перешел из буддизма в католическую веру. Размеры американской помощи увеличились с \$1 млн в 1954 г. до \$322 млн год спустя и с тех

пор только продолжали расти — в пересчете на душу населения Вашингтон влил в Южный Вьетнам больше денег, чем в любую другую страну в мире, за исключением разве что Южной Кореи и Лаоса. Пол Каттенберг из Госдепартамента предложил альтернативу — дать Северному Вьетнаму взятку в размере \$500 млн якобы «на восстановление нанесенного войной ущерба», на деле же — чтобы тот пообещал не трогать южан. По словам Каттенберга, это было гораздо более дешевым решением проблемы, чем из года в год финансировать режим Зьема.

Но в Вашингтоне не заинтересовались этой идеей. США продолжали вливать в сайгонскую казну миллионы долларов, тем самым лишь способствуя коррупции и разбазариванию средств: чиновники и генералы могли тратить эти деньги по своему усмотрению, не отчитываясь перед зарубежными спонсорами. Получение правительственной лицензии на импорт открывало путь к богатству. Часть городского среднего класса сколотила приличные состояния на волне притока наличности и товаров, причем многие из нуворишей были выходцами с Севера, сумевшими преуспеть на Юге. С приходом капитализма необходимость зарабатывать на жизнь честным трудом, казалось, осталась только уделом крестьян: в Сайгоне началась эпоха процветания.

Короткая эпоха процветания

В конце 1950-х гг. южная столица по-прежнему несла на себе отпечаток колониальной элегантности с оттенком восточного декаданса, что так восхищало западных людей. Вновь прибывшие приходили в экстаз от вида вьетнамских девушек в традиционных платьях-рубашках аозай или, еще лучше, без них. Образованные иностранцы вспоминали строки из романа Грэма Грина: «Любить аннамитку — это все равно что любить птицу: они чирикают и поют у вас на подушке». Большинство западных мужчин предпочитали сексуальные связи с профессионалками; вьетнамский же средний класс продолжал придерживаться строгих традиций невинности. Браки по договоренности по-прежнему были нормой, и лишь немногие решались до свадьбы на что-то большее, чем просто подержаться за руки. Нгуен Као Ки, который позже стал премьер-министром Южного Вьетнама и прославился впечатляющей вереницей жен и любовниц, утверждал, что, когда 21-летним курсантом летной школы отправился на учебу во Францию, он, как и почти всего его ровесники, был девственником.

Респектабельные вьетнамцы называли девушек, которые пытались подражать «круглоглазым», т.е. западным женщинам, «меми» —

прозвище лишь немногим менее презрительное, чем клеймо проститутки. В семьях царила строгая дисциплина в отношении детей обоих полов. Отец Чыонг Ньы Танга сам выбрал карьеру для своих шестерых сыновей: врач, фармацевт, банкир, остальные трое — инженеры. Танг изучал фармакологию, пока не решил, что его призвание — революция: «Каждое воскресенье мы собирались в доме нашего деда, где он учил нас заповедям конфуцианской этики. Он говорил нам о необходимости вести добродетельную жизнь, о прямоте души и поступков, о почитании отца. Он учил нас фундаментальным этическим принципам: нян, нгия ле, чи, тин — человеколюбию, долгу, почтительности, благородству и преданности... Он говорил, что у нас, мужчин, есть две незыблемые обязанности: защищать честь своей семьи и быть преданным своей стране. Мы вместе пели нравоучительные песни, которые все знали наизусть: “Конг тя ньы нуй Тэйшон” — “Самопожертвование твоего отца, взрастившего тебя, выше горы Тэйшон. Любовь и забота твоей матери — вечнотекущие реки”».

В 1956 г. жизнь беженки из Ханоя Нгуен Тхи Чинь приняла неожиданный поворот, когда эту красивую молодую женщину случайно увидел американский режиссер Джозеф Манкевич, приехавший в Сайгон снимать фильм «Тихий американец». Он предложил ей попробоваться на роль вьетнамской девушки Фыонг, которая сначала была подругой британского журналиста Фаулера, а затем — сотрудника ЦРУ Олдена Пайла. Чинь была в восторге, но ее муж, офицер южновьетнамской армии, в тот момент находился на учебе в США, а в его отсутствие, как того требовали нормы приличия, она должна была получить согласие своей свекрови. Та пришла в ужас от мысли, что в их семье появится актриса. Карьера Чинь в кино началась только в следующем году, когда она снялась во вьетнамском фильме в роли буддийской монахини, которая была одобрена семьей ее мужа.

После этого Чинь снялась в главных ролях в 22 фильмах, таких как «Янки во Вьетнаме», «Операция ЦРУ» и т.д. Эти фильмы сделали ее знаменитой по всей Юго-Восточной Азии, а в своей стране она стала настоящей звездой. Но, несмотря на громкую славу, она продолжала тосковать по своей семье, ничего не зная о судьбе тех, кто остался на Севере: «Война — мой враг. Не будь войны, какая бы чудесная жизнь у меня была!» Что же касается фильма Манкевича, то полковник Лансдейл, которого некоторые ошибочно считают прототипом Пайла, присутствовал на гала-показе в Вашингтоне и расхвалил фильм до небес. Сам автор отрекся от экранизации: Оди Мерфи сыграл «тихого американца» как хорошего, порядочного парня, концовка была изменена, и Грин выразил сожаление по поводу пропагандистской «санации» его циничного романа.

Несмотря на то что значительная часть американских денег разворовывалась и растранижилась, эти огромные денежные влияния вкупе с передышкой от войны принесли в дельту Меконга в конце 1950-х гг. счастливые времена. Один из крестьян впоследствии рассказывал: «Я вспоминаю то время как сказку. Я был беззаботен и наслаждался своей молодостью». Членство в коммунистической партии резко пошло на убыль. Поля дарили щедрый урожай риса, сады — изобилие фруктов; во дворах бродили толстые свиньи, а в деревенских прудах кишела рыба. На смену соломенным хижинам начали приходить деревянные дома. Наиболее зажиточные крестьяне покупали мебель, велосипеды и радио; их дети ходили в школы. Сампаны с лодочными моторами и автоматические водяные насосы стали первыми шагами на пути к модернизации сельского хозяйства.

Тем не менее самые обездоленные остались в стороне от всеобщего процветания. Политический режим Южного Вьетнама был ничуть не более справедлив и гуманен, чем коммунистический режим на Севере, хотя и проливал меньше крови поначалу. Землевладельцы вернулись в деревни, из которых были выгнаны вьетминьцами, и предъявили свои права на земли, а некоторые даже потребовали вернуть им «задолженность» по арендной плате. Зьем постепенно усиливал свою авторитарную хватку: Чан Ким Туйен, глава его разведывательной службы SEPES, маленький человек ростом меньше полутора метров и весом меньше 50 кг, был известен как один из самых безжалостных убийц в Азии. Зьем отвергал любые обвинения в том, что он нарушил условие о проведении общенациональных выборов в двухлетний срок. Впрочем, в какой-то мере он был прав: официально его правительство не было участником Женевских соглашений, а о свободных и честных выборах на Севере не могло быть и речи.

Американцы и некоторые европейцы рассматривали Южный Вьетнам в контексте других клиентских государств США, где американцы обеспечивали выживание и даже процветание куда более неприятным режимам, чем режим Зьема. Жестокость и коррумпированность южнокорейского диктатора Ли Сын Мана не мешали ему удерживаться у власти уже много лет. На Филиппинах президент Рамон Магсайсай не чурался самых безжалостных методов, чтобы очистить страну от партизанского движения хуков. В Греции правящий режим с шокирующей жестокостью подавил коммунистическую угрозу. Мало кто из диктаторов Латинской Америки правил своими странами, пытаясь создать хотя бы видимость честности, справедливости и человечности, однако все они продолжали пользоваться поддержкой Вашингтона.

Таким образом, в конце 1950-х гг., несмотря на очевидную некомпетентность, коррумпированность и репрессивную политику режима Зьема, американцы не видели причин для его краха, по крайней мере до тех пор, пока оплачивали его счета. В феврале 1957 г. южновьетнамские коммунисты совершили очередную неудачную попытку покушения на Зьема. Полковник Лансдейл расхваливал президента перед своими боссами, и некоторые были действительно впечатлены его успехами: приезжавшие в Сайгон западные корреспонденты своими глазами видели прогресс и процветание, о котором трубили американцы. Когда в мае 1957 г. Зьем посетил США, его лично встречал президент Эйзенхауэр и четверть миллиона ньюйоркцев вышли поприветствовать его торжественный проезд по улицам города. Газета The New York Times в эйфорической передовице назвала его «азиатским освободителем, олицетворением твердости воли»; The Boston Globe окрестила его «вьетнамцем, сделанным из стали». Журнал Life опубликовал статью под заголовком «В Америку прибыл творец чудес из Вьетнама: Зьем — жесткий лидер, который пробудил свою страну и искоренил красную угрозу». Вряд ли можно было втиснуть в одну короткую фразу больше фантазий.

По возвращении в Сайгон Зьем уступил уговорам американских советников чаще показываться перед своим народом, тем более что каждое его появление те умело оркестрировали восторженными толпами. Зьем считал это искренним проявлением народной любви и только укреплялся в одержимой вере в собственную избранность. Стремясь при каждом удобном случае подчеркнуть свою независимость, в одном из интервью журналистке Маргерит Хиггинс Зьем заявил, что, если бы США контролировали правительство Сайгона, «как марионетку на веревочках... чем бы они тогда отличались от французов?» По словам Эва Бумгарднера из информационного агентства USIA, Зьем считал американцев «большими детьми — с добрыми намерениями, обладающими деньгами и военной мощью, продвинутыми в техническом плане, но не очень-то искушенными в ведении дел с ним и его расой».

Зьем действительно был сам себе хозяином, чего нельзя сказать о последующих южновьетнамских лидерах. К сожалению, он не прислушался к советам, которые могли бы обеспечить ему политическое выживание и даже успех: обуздать свою зарвавшуюся семью; перестать покровительствовать католикам; выбирать подчиненных исходя из их компетентности, а не лояльности; положить конец коррупции; прекратить преследование оппозиционеров; провести радикальную земельную реформу.

Традиционно жители Сайгона с гордостью считали себя «настоящими вьетнамцами» — «нгыой вьет» — и свысока смотрели на северян, которых они называли «бак ки». Теперь же они с негодованием смотрели на засилье северян-католиков при дворе у Зьема и в его правящей политической партии Кан Лао. Зыонг Ван Май, которая сама была уроженкой Ханоя, писала: «Режим Зьема все больше напоминал правительство саквояжников». Самое пагубное влияние на репутацию президента оказывал его брат Нго Динь Нью, хитрый и безжалостный глава службы безопасности, чья жена, мадам Нью по прозвищу Леди Дракон, могла бы стать голливудской звездой в роли Злой ведьмы Востока. Ханойское руководство также не чуралось пользоваться услугами палачей и истязателей, но предусмотрительно заботилось о том, чтобы об этом мало кто знал за пределами тюремных стен. В противоположность этому, Нью прославился своими зверствами на весь мир, что наносило непоправимый ущерб имиджу сайгонского правительства.

Генералы Зьема любили носить массивные, обильно украшенные латунью фуражки вместе с солнцезащитными очками — сочетание, казалось, ставшее отличительным признаком прислужников тиранов по всему миру. Некоторые представители политической элиты обожали смокинги, облачаясь в них по любым торжественным случаям. Каждый южновьетнамский крестьянин, глядя на фотографии своих новых правителей в «западных одеждах», видел пропасть между «ними» и «нами». Репортер информационного агентства UPI, вьетнамец по происхождению, наблюдая за приездом Зьема в Национальное собрание в Сайгоне, заметил своему коллеге: «Возможно, в Ханое правят полные ублюдки, но им хватает ума не разъезжать перед своим народом на мерседесах». Это был разительный контраст с Хо Ши Мином, который отказался жить во дворце бывшего генерал-губернатора Ханоя, вместо этого поселившись в скромном домике садовника на его задворках. Как заметил один американский репортер, «люди, которые, как мы рассчитывали, займутся национальным строительством, не имели никакой связи со своим народом».

В 1960 г. 75% всех сельскохозяйственных угодий на Юге по-прежнему принадлежали 15% населения; подавляющее большинство землевладельцев, боясь за свою безопасность, жили вне своих землевладений. Коммунисты призывали крестьян не платить арендную плату, поскольку неповиновение превращало их в сторонников революции: после того как землевладельцы и правительство восстанавливали контроль над деревней, они взыскивали с крестьян все долги. Широкое недовольство вызвало возвращение старой колониальной системы принудительного труда, в соответствии с

которой каждый крестьянин был обязан пять дней в году бесплатно отработать на государство. Когда представитель ЦРУ в Сайгоне Уильям Колби попытался убедить Зьема провести радикальное перераспределение сельхозугодий, тот ответил: «Вы не понимаете. Я не могу уничтожить свой средний класс». Назначаемые правительством деревенские администраторы превращались в местечковых тиранов, обладавших почти абсолютной властью и правом судить тех, кто стоял ниже них, — вплоть до вынесения смертных приговоров. Взятки брали поголовно: медсестры в местных медпунктах; полицейские, занимавшиеся регистрацией населения для взимания налогов; члены сельсоветов, отвечавшие за разрешение споров. Чтобы умаслить своих угнетателей, запуганные крестьяне были вынуждены приглашать их на свадьбы и поминки, а также предлагать им лучшие куски мяса собак и кошек, которых они готовили для еды. Конечно, не все государственные чиновники были мерзавцами, но подавляющее большинство оказались некомпетентны, коррумпированы, жестоки — или совмещали в себе все три качества сразу.

Таким образом, в 1960–1961 гг. политические убийства стали обычным делом; многие крестьяне относились к ним одобрительно, поскольку террористы выбирали в качестве жертв, как правило, самых непопулярных чиновников. Одним из нововведений Зьема были так называемые агровили — поселения за периметром из колючей проволоки, в которые принудительно переселяли крестьян. Это делалось с «благой» целью изолировать местное население от коммунистов, но на деле только лишь усугубляло враждебность со стороны крестьян. Насколько кровавым правителем был Зьем? Коммунисты утверждали, что в период с 1954 по 1959 г. он уничтожил 68 000 настоящих и мнимых врагов своего режима и бросил в тюрьмы и концлагеря 466 000 человек. Эти цифры кажутся чересчур фантастическими, впрочем, как и число жертв аграрной реформы на Севере, в которых южане и американцы обвиняли Ханой. Что можно сказать с уверенностью, так это то, что сайгонское правительство безоглядно продвигало интересы католиков и яростно преследовало бывших вьетминцев. В то время как северное Политбюро создало высокоэффективное полицейское государство, надежно скрывая происходящее за кулисами от внешнего мира, Зьем и его семья выстроили шаткую систему, все недостатки и зверства которой были налицо. Эта система внушала некоторый страх — но ни капли уважения.

Между тем крах режима Зьема не был предопределен. Управляя он страной в чуть более просвещенной манере, коммунистического возрождения можно было бы избежать. Фредрик Логеваль утверждал,

что, учитывая равнодушное отношение Китая и СССР к нарушению условий Женевских соглашений, «вполне возможно представить себе “Южнокорейский” сценарий, при котором Южный Вьетнам во главе с Зьемом выживает наравне с Севером... В конце концов, Зьем был единственной значимой некоммунистической фигурой на политической сцене Вьетнама в период с 1945 по 1975 г.». Но Зьем продолжал совершать одно безумство за другим: с 1957 г. в течение трех следующих лет сайгонское правительство построило около 418 000 кв. м элитной жилой недвижимости, 47 000 кв. м танцевальных залов и всего 119 000 кв. м школьных зданий и 6300 кв. м больниц.

Именно внутренние эксцессы и вопиющие недостатки режима, а не отказ от проведения общенациональных выборов, обеспечили коммунистам необходимое топливо, чтобы снова разжечь пламя войны на Юге. И внутри страны, и на международной арене Хо Ши Мин — победитель в борьбе за независимость — был наделен неоспоримой легитимностью как вождь и выразитель чаяний вьетнамского народа. В школе учитель-коммунист сказал 10-летнему Чыонгу Мили и его одноклассникам: «Знаете, почему Нго Динь Зьем приехал во Вьетнам? Его прислали сюда американцы. Теперь он и его семья захватили всю власть, а бедные люди вынуждены трудиться в поте лица, чтобы прокормить их. Как вы думаете, кто должен править Вьетнамом — Зьем или Хо Ши Мин?» Пять лет спустя Чыонг Мили стал связным Вьетконга, как стало называться возрождающееся коммунистическое партизанское движение на Юге.

Новый призыв к оружию

Последние французские солдаты покинули Сайгон 28 апреля 1956 г. Ханой был встревожен и недоволен тем, что главный западный гарант Женевских соглашений умыл руки и отказался от всякой ответственности за дальнейшую судьбу Индокитая, и прежде всего за проведение обещанных выборов. Тем не менее последовавшее за этим возрождение партизанской войны на Юге изначально было не результатом целенаправленных усилий со стороны Ханоя, но следствием стихийного роста недовольства среди местного населения политикой режима Зьема. Как сказал один южновьетнамский крестьянин американскому историку Джеймсу Труллингера, он и его односельчане считали временное бездействие коммунистов хитрым маневром — Ханой решил подождать несколько лет, пока южане вдоволь не нахлебаются от Зьема и не созреют для революции. Южные партизаны начали наносить удары по правительственным войскам и объектам без какого-либо приказа свыше.

Первый призыв к оружию прозвучал в декабре 1956 г. в страстном послании, направленном в Ханой Ле Зуаном, который оставался секретарем ЦУЮВ в дельте Меконга. В своем письме тот описывал репрессии против своих товарищей, уничтожение партийных ячеек, ужесточение военных мер, особенно на Центральном нагорье. В ответ Политбюро неохотно разрешило южновьетнамским коммунистам использовать оружие в целях самообороны, а также санкционировало убийство некоторых «реакционных предателей» и террористические атаки на «институты Зьема». На Юг был направлен небольшой контингент опытных диверсантов-подрывников и офицеров разведки — тех, кого на Западе называют коммандос. Южновьетнамские коммунисты утверждали, что только в течение 1957 г. ими были убиты, похищены или подкуплены 452 правительственных назначенца, в основном деревенских старост. Возобновились теракты: 17 июля взрыв в баре в городке Чаудок унес жизни 17 человек; 10 октября в сайгонском кафе 13 человек получили ранения; в то же месяце в результате трех взрывов в столице были ранены 13 американских военнослужащих.

Следующим важным событием стал переезд Ле Зуана на Север. Летом 1957 г. он получил приказ прибыть в Ханой, но первое время после приезда их с товарищем держали под охраной в гостевом доме. Эта мера предосторожности, вероятно, была вызвана продолжающейся борьбой за власть, обострившейся на фоне затяжного экономического кризиса. Однако Ле Зуан с товарищем каждый вечер выбирались из номера и отправлялись в город поразвлечься — посмотреть представление в театре «Хонгха» и т.п. В конце концов охранники прокололи шины на их велосипедах, чтобы удержать в гостинице. По слухам, Ле Зуан жаловался на то, что Политбюро хотело спокойной жизни: «Они бросили нас».

Чем дольше он оставался в Ханое, тем лучше понимал, что в случае начала новой войны рассчитывать на поддержку Москвы или Пекина не стоит. Тем не менее бешеная энергия позволила ему в последующие месяцы взять верх над всеми оппонентами и приобрести огромное влияние в Политбюро, не в последнюю очередь благодаря поддержке близкого друга и соратника Ле Дык Тхо, которого один высокопоставленный партийный функционер охарактеризовал как «молчаливого человека с холодным умом и сердцем» и который впоследствии станет визави Генри Киссинджера на Парижских мирных переговорах 1972–1973 гг. Заслуги Ле Зуана, пострадавшего за дело революции больше, чем любой другой член Политбюро, наделяли его огромным авторитетом. Ему приписывают знаменитую фразу: «Разговаривать с империалистическими бандитами бессмысленно —

нужно взять молот и снести им голову». В декабре 1957 г. секретарь ЦК партии был снят с должности из-за серьезных ошибок в ходе проведения аграрной реформы. Зяп казался естественным кандидатом на его место. Но вместо него у руля партии встал Ле Зуан.

Ле Ван Ньюан — настоящее имя Ле Зуана — родился за полвека до описываемых событий в северной части Южного Вьетнама в семье плотника и стал убежденным революционером задолго до того, как Хо вернулся из изгнания. Сила его личности делала его непререкаемым лидером, хотя более деликатных партийцев отталкивали его чрезмерная прямолинейность и полное пренебрежение социальными условностями. Он презирал слабость во всех ее проявлениях, как человеческую, так и идеологическую, признаки которой он явно видел в Зяпе и — хотя он никогда не осмелился сказать об этом открыто — в стареющем Хо Ши Мине. Его личная жизнь оставалась загадкой до самой его смерти. Только в начале XXI в. его вторая жена, бывшая связная во вьетминевском подполье, Нгуен Туй Нга, рассказала свою трагическую историю.

В 1956 г. на праздник Тет — вьетнамский Новый год, когда Ле Зуан все еще находился на Юге, Нга решила посетить его отца, жившего недалеко от Ханоя. Когда она с подарками — медом, корнями женьшеня и несколькими метрами шелка «хадонг» — явилась в дом свекра, там, к своему удивлению, она обнаружила первую жену своего мужа. Та, узнав о существовании Нга, разразилась рыданиями. Несколько месяцев спустя домой к Нга нагрянула группа партийных чиновников: у коммуниста, сказали они, тем более занимающего такой высокий пост, как Ле Зуан, не может быть две жены. Она должна отказаться от брака. Как мать двоих детей, Нга была ошеломлена и сказала, что не будет ничего решать, пока ее муж сам не придет в Ханой, что вскоре и произошло. Не снисходя до каких-либо извинений, он «сделал» ей третьего ребенка, после чего передал на попечение Центральной женской ассоциации, которая направила ее «на учебу» в Китай.

Отправив вторую жену в изгнание в Китай, Ле Зуан принялся писать ей письма, порой очень страстные. «Я люблю тебя, — писал он в одном из них, — я так сильно тебя люблю. Не позволяй малозначительным внешним обстоятельствам и несчастливым событиям сбить себя с толку. Дорогая моя, любовь побеждает все препятствия. Если ты меня любишь, тебе будет под силу преодолеть все проблемы и трудности». Нга изредка виделась с мужем, когда тот по государственным делам приезжал в Пекин; один раз она даже встретила Хо Ши Мина. Ее трое детей остались вместе с отцом во Вьетнаме, и Нга в отчаянии рыдала, когда узнала, что тот отдал их на воспитание своей первой

жене. Через несколько лет ей разрешили ненадолго вернуться во Вьетнам, чтобы увидеться с детьми. Она провела три дня с Ле Зуаном, который, казалось, испытывал «смесь неловкости и недовольства». В 1964 г. Нга командировали в дельту Меконга для ведения пропагандистской работы, и она не видела своих детей до 1975 г. Ее мемуары позволили нам немного заглянуть в закулисную жизнь этого удивительного человека и Партии, которой он посвятил свою жизнь.

Растущее осознание того, что мирное воссоединение страны невозможно, стало одним из ключевых факторов, подтолкнувших Ханой встать на путь радикализма. В ноябре 1958 г. на пленуме Партии была принята Резолюция №14, которая продвинула северовьетнамскую революцию на еще один важный шаг вперед — к коллективизации сельского хозяйства. В следующем месяце в одном из лагерей в Южном Вьетнаме якобы от пищевого отравления умерло большое число заключенных, среди которых было немало коммунистов. В начале следующего года Политбюро стало получать поток эмоциональных писем из южновьетнамских деревень, совершенно очевидно написанных местными коммунистами. «Дядюшка Хо! — гласило одно из них. — Американцы и Зьем творят слишком много зла. Мы просим твоего разрешения отрезать им головы». После бурных дебатов, длившихся нескольких недель, Центральный комитет партии принял в итоге Резолюцию №15, которая стала важным шагом к эскалации. С характерной для коммунистов громкой обличительной риторикой она санкционировала более агрессивные действия: «Только торжество революции может облегчить тяжелую участь обездоленного и угнетаемого народа Юга, положив конец порочной политике американских империалистов и их марионеток, которые стремятся расколоть нашу нацию и провоцируют войну». По сути, Резолюция №15 дала зеленый свет подготовке к войне. В последующие месяцы около 4600 «добровольцев» — позаимствованный у китайцев эвфемизм, которым те называли свои воевавшие в Корее войска, — отправились в новую зону военных действий. Большинство из них были южанами, которые «перегруппировались» на Север после раздела страны. Было принято решение о создании так называемого Стратегического маршрута 559 — секретного пути между Северным и Южным Вьетнамом, пролежавшего через нейтральный Лаос, который вошел в историю как «тропа Хо Ши Мина». Была возвращена трехлетняя воинская повинность. Как впоследствии сказал один из членов ЦК, участвовавших в принятии Резолюции №15, «только в 1959 г. мы окончательно пришли к признанию того, что никаких всеобщих выборов не будет, что Зьем просто уничтожает наш народ. Все признаки говорили о том, что США будут наращивать свое присутствие и,

следовательно, единственный путь к объединению страны лежит через насилие».

Примечательно, что Ле Зуан и его соратники не спешили проинформировать Москву о принятой ими Резолюции №15, прекрасно понимая, какую негативную реакцию та вызовет у русских. Более того, новость о новом мандате дошла до штаб-квартиры ЦУЮВ только 7 мая 1959 г. Руководство Северного Вьетнама по-прежнему смертельно боялось спровоцировать американцев, подтолкнув их к нанесению удара по своей территории. Идеологический конфликт между СССР и Китаем стремительно обострялся, что находило отражение и в борьбе соперничающих партийных фракций в Ханое. Хо Ши Мин и Зяп находились в более умеренном «просоветском» лагере; Ле Зуан возглавлял группу сторонников жесткого пекинского курса.

На фоне разразившегося в Китае массового голода, который стал следствием вопиюще неграмотной программы индустриализации Мао Цзэдуна «Большой скачок» и унес жизни по меньшей мере 55 млн человек, лозунг Ле Зуана и его сторонников «Китай сегодня — это Вьетнам завтра» звучал как нельзя более несвоевременно. В стране нарастали проблемы и недовольство. Католики устраивали демонстрации, требуя дать им возможность эмигрировать на юг. В ответ на скандирование лозунга «Долой коммунизм!» войска открывали по демонстрантам огонь, убивая людей. Экономические трудности вынудили Ханой сократить военные расходы с 27% национального бюджета в 1955 г. до 19,2% в 1958 г. и до 16% в 1960 г. Заводы и фабрики простаивали из-за отсутствия сырья, падение сельскохозяйственного производства привело к уменьшению нормы риса, выдаваемой по карточкам. Чешский посол в своем докладе писал, что бóльшая часть помощи советского блока бездумно растраниживается. В июне 1959 г. британский консул докладывал из Ханоя: «Уровень жизни стремительно падает до еще более унылого нищенского однообразия. Даже самые бедные становятся еще беднее... Никто из нас, внешних наблюдателей, ни разу не встречал вьетнамца, который был бы в милости у режима, за исключением членов самого режима!»

Совершая ту же ошибку, что и Зьем, который предпочитал окружать себя лоялистами, а не компетентными и честными людьми, Ханой продвигал ветеранов войны и идеологических пуристов, среди которых было мало грамотных управленцев и образованных специалистов. Французский дипломат сообщал, что девять десятых населения Северного Вьетнама «готовы поднять восстание, если бы у них были средства». Ле Дык Тхо, председатель Центральной организационной комиссии, воспользовался моментом, чтобы потребовать новых чисток

от «нежелательных элементов», включая бывших землевладельцев и «зажиточных» крестьян. В своей озабоченности идеологической чистотой северовьетнамское руководство вело себя скорее как советские большевики за 40 лет до того, чем как социалисты в конце XX в. За соблюдением нового Устава партии, резко осуждавшего любое несогласие, следило Министерство общественной безопасности, глава которого, Чан Куок Хоан, получил негласное прозвище Вьетнамский Берия в честь печально известного сталинского силовика.

Тем временем на Юге революционеры продолжали убивать правительственных чиновников и активизировали нападения на южновьетнамскую армию, больше известную под сленговым названием «Арвин», которое дали ей американские военные инструктора. Как сказал американскому журналисту один молодой вьетнамец, «я ненавидел эту армию... Ее солдаты были очень надменными. Крестьяне и без того ужасно бедствовали, а военные заставляли их строить дороги и мосты... Своим оружием они защищали только Зьема и его режим». Любимыми мишенями для терактов стали символы американской помощи: например, весной 1959 г. возле камбоджийской границы нападавшие в черных масках взорвали два трактора John Deere.

Романтика революционной борьбы привлекала многих молодых крестьян, которые хотели вырваться из замкнутого круга тяжелого однообразного крестьянского труда под гнетом местных чиновников-тиранов. Один вьетнамец вспоминал, как пожилой односельчанин, в свое время воевавший против французов, призывал его, тогда 18-летнего парня, взяться за оружие. «Я был взволнован его рассказами о вьетнамских героях. Он сказал мне, что Зьем попросил американцев помочь ему в заговоре, чтобы захватить власть в Южном Вьетнаме в свои руки. Он призвал меня... выполнить долг молодого патриота в борьбе за независимость своей страны, чтобы вернуть ей счастье и процветание». Юноша вступил в ряды Вьетконга; в первые несколько недель военной подготовки из его группы дезертировали 15 крестьян, которые не выдержали трудностей партизанской жизни и затосковали по дому. Но сам он остался: «Я мечтал только о будущей победе и не думал о тяготах».

В течение 1959 г. Вьетконг неуклонно наращивал интенсивность вооруженного сопротивления. Вечером 8 июля американские инструкторы в 7-й Южной пехотной дивизии, базировавшейся под Бьенхоа, приготовились насладиться фильмом «Порванное платье» с красоткой Джинн Крейн в главной роли, когда их импровизированный кинотеатр атаковали шестеро вооруженных вьетконговцев. 38-летний майор Дейл Руис и 44-летний старший сержант Честер Оверланд были убиты. Они стали первыми американцами, погибшими от рук

коммунистов в конфликте, который впоследствии получил название Второй Индокитайской войны. Партизанские атаки активизировались по всей стране: в один из декабрьских дней в предрассветной темноте взвод вьетконговцев остановил гражданский автобус на дороге №4 в дельте Меконга. Угрожая оружием, они выгнали пассажиров и заставили водителя отвезти их на укрепленный пост правительственных сил. Прибыв к нему на рассвете, они обнаружили ворота открытыми: большинство солдат ушли на рынок. Нападавшие сразу убили одного полицейского и нескольких защитников; остальная часть гарнизона сдалась. Партизаны собрали все оружие и взорвали пост, после чего исчезли в джунглях, забрав с собой деревенского старосту, которого позже нашли убитым.

Целью Вьетконга было показать, что они способны наносить удары где и когда угодно. Один коммунист торжественно резюмировал: «Тигр проснулся!» Теперь крестьянам приходилось еще аккуратнее лавировать между двумя силами, поскольку малейший просчет мог стоить им в лучшем случае всего имущества, а в худшем случае — жизни. Почти все платили тайную дань коммунистам, которые с помощью умелой пропаганды значительно преувеличивали свою мощь и успехи. Парработники любили цитировать вьетнамские пословицы «Лучше быть головой крысы, чем хвостом слона» и «Как бы сильно ты ни хотел сбросить свои рога, ты все равно останешься могучим буйволом». Коммунисты организовывали митинги — шумные действия, сопровождаемые какофонией гонгов, громкоговорителей и стука «деревянных рыб», на которые добровольно-принудительно иногда собиралось до тысячи крестьян. Они срывали правительственные флаги и обклеивали стволы деревьев плакатами и лозунгами. Их пропагандисты распространяли легенды о мистических возможностях Вьетконга: волшебных рисоварках, надувных лодках, уместающихся в рюкзаках, самодельных гаубицах «Небесные скакуны» и пушках, способных одним выстрелом убить 50 человек. Доверчивые крестьяне верили этим сказкам. Время от времени вьетконговцы строем проходили через деревни в дневное время, чтобы побравировать своей силой.

Как и в эпоху Вьетминя, вьетконговцы иногда пытали и убивали своих жертв на глазах у согнанной толпы деревенских жителей. Одна женщина, чьи двое сыновей служили в ВСРВ, была зарублена мачете. Мужчина, которого закапывали заживо, не переставал кричать: «Я же умру! Я умру!», пока его крики не затихли под слоем земли. Еще один мужчина был убит только лишь потому, что его видели выпивающим с местным полицейским. На одного крестьянина, который поддерживал коммунистов из убеждений, приходилось двое, кто делал это из страха.

Тем не менее реальная поддержка все же существовала, отчасти потому, что революция давала беднякам чувство принадлежности к чему-то большему, возвращала гордость и самоуважение униженному народу. Немаловажным фактором была и предосторожность, вызванная растущей убежденностью в том, что режим Зьема обречен и будущее — за коммунистами.

К началу 1960 г., по утверждению коммунистов, так называемые вооруженные пропагандистские группы Вьетконга убили 1700 правительственных чиновников, деревенских старост, учителей, медработников и еще 2000 взяли в заложники. По всему Центральному нагорью то тут, то там вспыхивали восстания. Войска Зьема жестоко их подавляли и восстанавливали контроль над территориями. После принятия нового драконовского Закона об измене были арестованы тысячи диссидентов и представителей религиозных меньшинств, а также подозреваемых в связях с коммунистами. Были возвращены казни на гильотине, которая вновь стала любимым орудием правительственных палачей.

Многие вьетконговцы разочаровались нежеланием ЦУЮВ — и в конечном счете Ханоя — санкционировать эскалацию партизанских действий в полномасштабную открытую войну. Местные коммунисты возобновили призывы к оружию, чтобы противостоять «безжалостному терроризму» Сайгона. В отсутствие активных боевых действий и надежды на скорую победу, скука и лишения партизанской жизни для многих были невыносимы. Боец одного отряда, базировавшегося в дельте Меконга, вспоминал, что вокруг их лагеря стояла зловещая мертвая тишина, которая нарушалась только криками диких животных: «В гуще джунглей, с грязной водой и малярией, жизнь была грустной штукой». Их командир однажды закричал перед старшими офицерами, стуча кулаком в грудь: «Я лучше умру, чем буду жить так! Давайте начнем воевать!»

Наконец, в сентябре 1960 г. ЦУЮВ выпустило долгожданный приказ: поднять скоординированные восстания против правительственных сил. После этого охваченные революционным сопротивлением территории начали расширяться с поразительной скоростью. Вскоре треть населения Южного Вьетнама, около 6 млн человек, жила на территориях, открыто или тайно контролируемых Вьетконгом. Парработники энергично приступили к перераспределению земель. Партизаны одерживали значительные успехи, особенно в дельте Меконга, где им помогало хорошее знание местности — разветвленной сети рукавов и протоков, а также времени приливов и отливов. Они устраивали засады в узких излучинах и использовали подводные мины, которые прикреплялись к дрейфующим

бревнам и приводились в действие с берега с помощью электрических детонаторов. Если Северный Вьетнам построил жестко контролируемое, почти тоталитарное общество, его южный сосед превратился в репрессивное милитаризованное государство. Девять десятых американской помощи тратилось не на развитие экономики или сельского хозяйства, а на оружие, необходимое для защиты режима. Предвидя повторение сценария Корейской войны, американские военные советники активно взялись за создание эффективной армии, способной противостоять вторжению с Севера. В одной из провинций с населением 600 000 человек насчитывалось 600 полицейских, 9 рот Гражданской гвардии и 24 взвода народной милиции, которые базировались на 30 укрепленных постах и охраняли 115 деревень. Несмотря на это, революционная волна нарастала.

1960 г. ознаменовался обострением напряженности холодной войны по всему миру. В апреле пала южнокорейская диктатура Ли Сын Мана, что вызвало ликование в Ханое, который воспринял это как предвестие аналогичной судьбы, ожидающей режим Зьема. Неделью спустя русские сбили над своей территорией американский самолет-разведчик U-2, что положило конец надежде на «разрядку» между Востоком и Западом. Китайско-советский раскол усугублял внутрипартийную борьбу в Ханое, которую Хо Ши Мин тщетно пытался преодолеть. Ле Зуан, Ле Дык Тхо и их прокитайская фракция заняли доминирующее положение в Политбюро. Призывы поддержать вооруженную борьбу Вьетконга становились все более настоятельными — и теперь получили поддержку на самом верху со стороны влиятельной группы сторонников жесткого курса. Единственный вопрос заключался в том, сколько помощи следует оказать и как быстро: Ле Зуан понимал, что войну, которой он так хотел, придется почти полностью вести за счет ресурсов своей страны.

Тем временем 26 апреля 1960 г. в сайгонской гостинице «Каравелла» встретились 18 южновьетнамских политиков, чиновников и интеллектуалов, известных своими антикоммунистическими взглядами, и составили «Манифест Каравеллы», в котором от имени «группы патриотов» призвали правительство изменить курс. Позже в том же году посол США Элбридж Дурброу передал Зьему служебную записку с детальным перечнем реформ, которые Вашингтон считал необходимым предпринять: публикация правительственных решений и бюджетов; контроль выборных представителей над всеми ветвями власти; либерализация законов о прессе и улучшение отношений с иностранными СМИ; регулярные «беседы с народом» на радио; более щедрое кредитование фермеров. Все это были разумные и необходимые меры для демократического строительства, но совершенно

неприемлемые для Зьема. Точно так же, как он проигнорировал «Манифест Каравеллы», он снисходительно списал этот перечень реформ на проявление американской наивности. Если на то пошло, сколько пунктов из этого списка либеральных пожеланий выполнило Северное политбюро?

Вооруженная борьба по-прежнему находилась в центре внимания США. В ответ на активизацию действий Вьетконга Вашингтон направил в Южный Вьетнам дополнительный контингент военных советников, увеличив их общее число с 342 до 692, что нарушало установленное Женевскими соглашениями ограничение. Их командующие, в том числе генерал Сэм Уильямс из Группы военной помощи и содействия (Military Aid and Assistance Group/MAAG), рассматривали партизан исключительно как проблему безопасности, которая должна решаться с помощью оружия.

В конце 1960 г. движение сопротивления было официально переименовано в Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, сокращенно НФОЮВ. Важно отметить, что, хотя все ее лидеры были коммунистами, эта военно-политическая организация позиционировала себя как коалиция патриотических сил. Новому президенту США Джону Кеннеди ее охарактеризовали как политическую силу, которая представляет собой неприемлемую угрозу для свободы и демократии в Юго-Восточной Азии. В принятой на учредительном конгрессе Программе действий НФОЮВ провозгласил своими целями достижение социального единства на Юге; свержение режима Зьема; изгнание американцев; перераспределение земли; воссоединение страны путем переговоров. О строительстве сталинского общества, о котором мечтал Ле Зуан, не упоминалось ни словом.

В годы, последовавшие за Женевскими соглашениями, обе части разделенного Вьетнама постигла одинаково несчастливая участь: обе новорожденные страны оказались под властью некомпетентных и бесчеловечных правительств. Если бы крестьяне на Юге знали о тяжелом положении своих северных собратьев, возможно, они бы не так роптали: по крайней мере, на Юге мало кто голодал. Американцы ошибочно видели в разгорающемся пламени революционной партизанской войны руку Москвы и Пекина. На самом же деле до 1959 г. сопротивление сайгонскому режиму носило стихийный характер и опиралось только на местные силы. После этого оно несколько лет получало помощь от Северного Вьетнама без какого-либо вмешательства иностранных государств.

Ле Зуан был ключевой фигурой, стоявшей за возобновлением борьбы за объединение страны: трудно переоценить его личную роль в том, что произошло дальше. Что касается других членов Политбюро, то

справедливым будет предположить, что многие из них приветствовали войну на Юге как способ избежать признания того, что их политика потерпела полный провал внутри страны, или же чтобы дать новый смысл жизни своему обнищавшему народу. На их удачу, «империалистический враг», необходимый для существования режима, сделал ставку на «дохлого осла», коим оказался Нго Динь Зьем. По большому счету, в войне, которая постепенно разгоралась, ни одна из сторон не заслуживала победы.

Глава 6

Кеннеди готовит сцену

«Они потеряют страну, если только...»

Когда Дуайт Эйзенхауэр информировал своего преемника Джона Кеннеди о спектре вопросов, с которыми тому придется столкнуться на посту президента, он ни словом не упомянул про Вьетнам, но на соседний Лаос обрушился со всей резкостью старого вояки. По словам Эйзенхауэра, Госдепартамент предупредил его, что Лаос был «нацией гомосексуалистов», и это позабавило Кеннеди. Лаос первая кость домино, утверждал уходящий президент, падение которой повлечет за собой сначала соседний Таиланд, а затем и всю Юго-Восточную Азию. Именно Лаос станет для нового главнокомандующего испытанием на твердость духа, обрядом инициации. Для последующих поколений такой взгляд мог бы показаться странным, но многие современные наблюдатели видели ситуацию именно так. Лаос, некогда известный как «земля миллиона слонов», в те дни оказался в центре внимания мировой общественности и СМИ как арена противостояния между коммунистическими и антикоммунистическими силами. В 1960 г. газета The New York Times посвятила этой крошечной стране с дикой и малозаселенной территорией в три раза больше печатной площади, чем Вьетнаму.

Лаосский народ или, вернее, множество этнических групп, которые его составляют, озадачивал внешний мир тем, что, казалось, со смехом шел через все политические потрясения, голод, гражданские войны и привнесенные извне трагедии последних ста лет. Лаосцы обожали шумные празднования и фаллические шутки; неудивительно, что их любимым праздником был весенний фестиваль ракет, когда каждый делал собственную пиротехническую ракету, иногда огромных размеров, и запускал ее со смертельным риском для жизни и имущества. В октябре 1953 г. Франция предоставила Лаосу независимость. Подозревая, что Китай и СССР пытаются присоединить его к

коммунистическому лагерю, в конце 1950-х гг. США начали вливать в Лаос деньги. После посещения страны журналист The Wall Street Journal писал, что ее руководство «с упоением купается в американской помощи», покупая большие машины и холодильники, в то время как среднегодовой доход на душу населения составляет всего \$150. Интерес ЦРУ к Лаосу в немалой степени был вызван тем, что его агенты, такие как техасец Билл Лаир, влюбились в этот новый театр противостояния коммунистической угрозе. Коллега Лаира Роберт Эмори позже сказал, что многие сотрудники ЦРУ рассматривали Лаос как «отличное место для войны»: за пределами столицы Вьентьян можно было делать все что угодно: переходить границу, воевать, выращивать наркотики, — не беспокоясь о том, что кто-нибудь вам помешает.

Правительство Лаоса, если таковым можно назвать алчное скопище представителей местной политической элиты и генералов, худо-бедно удерживало власть до 1960 г., когда между противоборствующими группировками разразилась гражданская война с ожесточенными боями на улицах Вьентьяна. Американцы поспешно убедили себя в том, что монархической стране грозит красный переворот. Действительно, страна была наводнена коммунистическими силами — как вооруженными отрядами местного военно-политического движения Патет Лао, которое время от времени пыталось получить место в коалиционном правительстве, так и подразделениями северовьетнамских войск. Билл Лаир сделал блестящий ход, заключив сделку с генералом Ванг Пао из народности хмонгов. В обмен на деньги и оружие этот военачальник мобилизовал ополчение хмонгов и развернул партизанскую войну против коммунистов. Американские вливания в Ванга Пао и ему подобных выросли с \$5 до \$11 млн в 1962 г. и до \$500 млн к концу десятилетия. Ванг поставил под ружье 20 000 бойцов-хмонгов и превратил свою «Секретную армию» в основную ударную силу против коммунистов в Лаосе — а также параллельно сколотил приличное состояние на торговле наркотиками. ЦРУ направило в Лаос около 700 своих агентов, большинство из которых занимались тайными парамилитарными операциями, обеспечивая оружием и продовольствием племенные ополчения и их семьи, курсируя туда-сюда между покрытыми джунглями горами на одномоторных СУВП[24] Pilatus Porter и время от времени поневоле участвуя в боевых действиях.

Неожиданно эта крохотная страна заняла центральное место в повестке дня Востока и Запада. Рассказывают, что Мао Цзэдун как-то спросил у Ле Зуана: «Лаос — большая страна?» Вьетнамец ответил: почти 230 000 кв. км с населением 2 млн человек. «Боже мой, у них так много земли и так мало людей! — воскликнул Мао. — [Наша

провинция] Юньнань примерно такого же размера, но там живет 40 млн. Что, если бы мы переселили в Лаос 15–20 млн китайцев — разве это не отличная идея?» Поляки и индийцы из МКК благоразумно закрывали глаза на вереницу советских военно-транспортных самолетов, приземлявшихся на авиабазе «Зялам» под Ханоем с военными грузами для Лаоса. Вашингтон настойчиво требовал от британского консервативного правительства поддержать усилия США в Лаосе, и в марте 1961 г. на встрече с Кеннеди премьер-министр Гарольд Макмиллан неохотно пообещал военную помощь, если режим во Вьетъяне окажется на грани краха. В следующем году, когда войска Патет Лао дошли до западной границы Лаоса, Британия дислоцировала в соседнем Таиланде эскадрилью истребителей-бомбардировщиков Hunter. Это была обычная история: британцы отчаянно пытались избежать новых военных обязательств, но боялись открыто противоречить США.

Американский офицер Майк Эйланд вспоминал, как, будучи курсантом Военной академии в Вест-Пойнте, участвовал в учениях под кодовым названием «Соал» — слово Лаос, написанное задом наперед. В Вашингтоне Объединенный комитет начальников штабов выступал за ввод наземных войск. Но в мае 1961 г. президент Кеннеди заявил, что предпочитает расширить тайные операции, к которым он питал романтическое пристрастие. По правде говоря, было бы лучше, если бы все иностранные державы убралась из Долины кувшинов восвояси и оставили Лаос в покое. Именно это и призвал сделать эксцентричный правитель соседней Камбоджи принц Нородом Сианук, предложив созвать международное совещание по «нейтралитету» Лаоса как своего рода продолжение Женевской конференции 1954 г. С разной степенью неохоты все заинтересованные стороны согласились. После более года переговоров, главным координатором которых на этот раз выступал американский дипломат Аверелл Гарриман, в июле 1962 г. стороны, включая США, СССР, Китай и оба Вьетнама, подписали новые Женевские соглашения о нейтралитете Лаоса.

Руководство Ханоя рассматривало эту договоренность не более как фиговый листок, позволяющий Москве и самому Ханю прикрыть свою военную активность в Лаосе и требующий не больше уважения, чем было проявлено Сайгоном к Женевским соглашениям 1954 г. Политбюро продолжало использовать Лаос для переброски своих войск, хотя категорически это отрицало. Агенты ЦРУ окрестили тропу Хо Ши Мина Мемориальной автострадой Гарримана: опытный дипломат не предусмотрел никаких мер на случай систематического нарушения коммунистами новых Женевских договоренностей. В русле нашего разговора о Вьетнаме важно то, что к власти во Вьетъяне пришел

принц Суванна Фума, еще более послушный слуга США, чем предыдущие правители. За пределами столицы на гористой, поросшей густыми джунглями территории его страны продолжались боевые действия. По различным оценкам, эта непризнанная война унесла жизни нескольких сотен тысяч лаосцев, которые стали жертвами, с одной стороны, политики Ханоя, использовавшего Лаос как удобный маршрут для переброски войск и военных грузов в Камбоджу и Южный Вьетнам, с другой стороны — стремления американцев помешать им в этом, несмотря на пренебрежение соглашениям о нейтралитете Лаоса.

Едва ли не со дня инаугурации Кеннеди профессор экономики Массачусетского технологического института Уолт Ростоу, который во время Второй мировой войны занимался определением целей для бомбардировок Германии в рамках структуры УСС, а теперь стал советником президента по национальной безопасности и через несколько месяцев — главой Совета планирования политики в Госдепартаменте, призывал американскую администрацию переключить фокус с Лаоса на Вьетнам. Вскоре президент согласился, что Вьетнам действительно гораздо лучшая арена для борьбы с коммунизмом. В условиях возросшей активности партизан режим Зьема отчаянно нуждался в поддержке. В дельте Меконга ситуация с безопасностью ухудшилась настолько, что медикаменты приходилось развозить по гражданским больницам самолетами и вертолетами ЦРУ: передвижение по дорогам и каналам среди заброшенных деревень и рисовых полей стало слишком опасным. Посетив Вьетнам в мае 1961 г., вице-президент Линдон Джонсон пообещал, что Америка будет продолжать оказывать поддержку, и назвал Зьема азиатским Уинстоном Черчиллем. Позже Дэвид Халберстам так написал об этой поездке: «Он дал им слово. Это было не только обязательством от имени администрации Кеннеди... которое заставило Вашингтон еще более тесно связать себя с этим проклятым сыном Сайгона и эскалировать риторику... но и личным обязательством Линдона Джонсона, чему тот, человек слова, придавал большое значение».

В октябре 1961 г. генерал Максвелл Тейлор — во время Второй мировой войны боевой генерал, командовавший воздушно-десантной дивизией в Европе, а ныне личный военный советник президента Кеннеди, который в следующем году станет председателем Объединенного комитета начальников штабов, — получил письмо от Лансдейла, в котором тот писал: «Вьетнамцы — способный и энергичный народ. Сегодня они не похожи сами на себя. Они потеряют свою страну, если только не найдется некая искра, которая воспламенит их, заставив взяться за дело и выиграть эту войну. Этой искрой вполне может стать присутствие правильных американцев на правильных

позициях во вьетнамском правительстве, чтобы обеспечивать оперативное руководство... Такая работа требует людей с большими талантами и большой душой».

Короче говоря, Лансдейл считал, что вьетнамскую проблему можно решить, отправив в страну больше американцев, и на протяжении 34 месяцев президентства Кеннеди его администрация делала именно это. В мае 1961 г. в Южный Вьетнам было отправлено 400 «зеленых беретов», несколько месяцев спустя — 40 военных вертолетов вместе с 400 членами экипажей и специалистами по техобслуживанию. Неуклонно рос и контингент военных советников, которыми Пентагон снабдил ВСРВ вплоть до уровня батальона — к середине 1962 г. их число достигло 8000. 8 февраля 1962 г. было создано Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму (КОВПВ), что Ханой абсолютно верно истолковал как намерение Кеннеди поднять ставки. К ноябрю 1963 г. в Южном Вьетнаме находилось 16 000 граждан США: военных советников, летчиков и моряков, техников и инженеров, специалистов по радиоперехвату и по сельскому хозяйству, социальных аналитиков и спецназовских «ковбоев» — и, разумеется, масса секретных агентов.

Объем американской помощи достиг \$400 млн в год; военная техника, оружие и транспортные средства поставлялись в беспрецедентных количествах. В апреле 1962 г. правительство Зьема начало реализацию программы «стратегических поселений», которые представляли собой чуть более усовершенствованный вариант прежних «агровилей» и также имели целью изолировать крестьян от партизан путем принудительного переселения за колючую проволоку — вдали от мест захоронения их предков, которые так много значат для каждой вьетнамской семьи. В своем отчете RAND Corporation поставила под сомнение приемлемость этой политики, но в Пентагоне генерал-майор морской пехоты Виктор Крулак по прозвищу Брут стукнул кулаком по столу и заявил, что его страна «заставит этих крестьян делать все, что от них требуется, чтобы обеспечить успех программы». «Стратегические поселения» действительно стали успешным тактическим ходом и немало осложнили вьетконговцам жизнь, однако социальные и политические издержки были непомерно высоки. Старожил Индокитая Говард Симпсон однажды наблюдал за тем, как «угрюмых, зачуханных крестьян выгнали из хижин и согнали в кучу». Группа телевизионщиков снимала эту сцену, и один старик с покрытой язвами головой на ломаном французском гневно протестовал перед камерой: «Это несправедливо! Они заставляют нас переселяться. Мы не хотим! Скажите им! Это несправедливо!» Когда охранники оттеснили старика от телекамеры, тот безутешно зарыдал: «Американцы не понимают. Скажите американцам, что мы не хотим покидать нашу деревню!»

На стратегическом совещании в Гонолулу 23 июля 1962 г. генерал Пол Харкинс доложил аудитории ключевых политиков и военных чинов во главе с министром обороны Робертом Макнамарой: «В апреле было проведено 434 наземные операции... в мае уже 441... В июне было совершено более 1000 вылетов... Президент Зьем сообщил нам, что планирует увеличить частоту и продолжительность операций своих наземных сил... Нет никаких сомнений в том, что мы поддерживаем сторону, которая победит». На вопрос о сроках Харкинс ответил, что, по его оценкам, сопротивление НФОЮВ может быть полностью подавлено к концу 1963 г. Макнамара призвал к более осторожным прогнозам: «Мы должны быть готовы к худшему сценарию и планировать наши действия в соответствии с ним». По мнению министра обороны, «худший сценарий» предполагал победу над Вьетконгом ближе к концу 1965 г.

В годы правления Кеннеди большинство персонажей, которые будут играть более или менее важные роли в грядущей войне во Вьетнаме, уже собрались на сцене и начали готовиться к увертюре. В 1961 г. Зыонг Ван Май отправилась из Сайгона на учебу в Вашингтон. Америка ее очаровала, но расовая сегрегация в южных штатах шокировала: Май никак не могла решить, какой уборной она имеет право пользоваться — «для белых» или «для цветных». Потом она познакомилась с Дэвидом Эллиоттом, своим будущим мужем. Эта замечательная семейная пара посвятила бóльшую часть своей жизни изучению вьетнамского народа. Уроженец Бостона, Эллиотт учился в Йельском университете, затем служил в подразделении радиоразведки на авиабазе в Таншонньете под Сайгоном и еще год в разведывательной службе КОВПВ, после чего устроился на работу в RAND Corporation, которая командировала его в дельту Меконга с длительной исследовательской миссией. Почему именно Вьетнам? Как позже сказал Эллиотт, «здесь находился центр событий, главный фронт холодной войны. У меня было место в переднем ряду — я мог своими глазами увидеть, как творится история».

Идеалисты и искатели острых ощущений погружались в пьянящую атмосферу сайгонских улиц с их дизельной гарью, вездесущими ароматами специй, какофонией автомобильных клаксонов и изнуряющей жарой. Среди тех, кто прогуливался по улице Тызо, глаза на местные достопримечательности или, скорее, на местных красоток, было немало умных и благородных молодых людей, которые мечтали распространить свободу и справедливость по всему миру и искренне хотели помочь вьетнамскому народу. Фрэнк Скоттон родился в 1938 г. в штате Массачусетс, «где борьба против иностранных оккупантов-угнетателей является частью культуры». Его отец погиб в битве с немцами при Арденнах в 1944 г. «Я считал, что делаю благое дело. В

прошлом мы отлично справлялись с нашей ролью спасателей — мы приходили в другую страну и помогали навести там порядок. Мы, американцы, были убеждены в нашей непобедимости, даже после того как война в Корее немного пошатнула эту веру». Свое пребывание во Вьетнаме Скоттон рассматривал сквозь призму героической истории своей семьи: «Я не хотел, чтобы мой отец и мои деды считали, что я посрамил их».

Он выбрал не дипломатическую службу, а информационное агентство USIA, «потому что я — человек действия». Незадолго перед отлетом в Сайгон он познакомился в Вашингтоне с тремя молодыми вьетнамскими лейтенантами, которые спросили у него, говорит ли он по-вьетнамски. Нет, ответил он, но ему сказали, что многие вьетнамцы понимают по-французски. Они явно замялись. Наконец, один из них признался: «У нас французский считают языком колонизаторов». Прибыв во Вьетнам в 1962 г., Скоттон быстро понял, какие трудности создает для его соотечественников невозможность общаться с местным населением на его родном языке: «Мы не могли произнести даже географические названия. Я также осознал, против какого огромного бремени исторического прошлого мы пытаемся бороться. Мне хватило нескольких недель, чтобы понять, что Зьем вовсе не был “азиатским Черчиллем”, каким его рисовали».

Скоттон принялся изучать эту удивительную страну, бесстрашно и иногда безрассудно путешествуя по рисовым полям и джунглям до самых отдаленных деревень и расспрашивая местных жителей об их настроениях, чтобы проинформировать об этом посольство США. «Все американцы делились на тех, кто был искренне предан своей миссии — помочь этому народу, и тех, кто нет. Единомышленников, которые думали так же, как я, было немного». Сайгонская подруга Скоттона называла его «кикуа» — чудачком, и многие американцы считали так же: сотрудники посольства прозвали его «бродячим псом». Вьетнам стоил ему брака: его жена Кэтрин сделала все возможное, чтобы привыкнуть к жизни в Куинёне, и даже попыталась организовать курсы английского языка. Но через несколько месяцев она вернулась домой, они развелись, и после этого Скоттон пережил череду страстных романов с местными красавицами.

Новоиспеченный выпускник филологического факультета Даг Рэмзи также прибыл во Вьетнам в 1962 г. Первые месяцы он работал в бюро USIA в Далате: «Это было абсурдно — распространять газету под названием “Свободный мир” в интересах диктатуры Зьема». Хотя местные жители опасались откровенничать с чужаком, Рэмзи быстро понял, насколько шатким был режим Зьема, и решил, что ситуацию может спасти только некая «третья сила». «Меня заинтересовало то, что

делал Фрэнк Скоттон, — он пытался найти решение снизу». В конце концов Даг пришел к парадоксальному выводу, что одно-два десятилетия коммунистического господства были бы предпочтительнее той бесконечной войны, которая стала следствием «нашей тупоумной политики». Подконтрольные сторонам территории «во многих местах простирались не дальше чем на расстояние выстрела АК-47 или М-14». Рэмзи считал, что для местного населения коммунистический террор был бы куда меньшим злом, чем «беспорядочные артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки, которым подвергает их сайгонский режим при поддержке США». В дельте Меконга он наглядно убедился в сомнительной боеспособности правительственных сил: едва прослышав о готовящейся атаке Вьетконга, местное подразделение ВСРВ обратилось в бегство.

Боб Дестатт был одним из 16 детей в бедной, но трудолюбивой католической семье фабричных рабочих в Огайо. Он бросил учебу на педагогических курсах в колледже и записался добровольцем в армию: «Я хотел увидеть мир за пределами нашего маленького городка». Он выбрал Службу безопасности Армии США, потому что друг-военный сказал ему, что там отправляют служить за рубеж. Боб прошел подготовку как оператор перехвата радиопередач на азбуке Морзе и в 1961 г. был направлен в Сайгон. Летя в самолете, он представлял, что «вживую увидит персонажей из комикса “Терри и пираты” — коварных людишек, которые прячутся в тени и делают все исподтишка». Но с того момента, когда из-под навеса грузовика он впервые увидел пару прекрасных девушек в аозай, он изменил свое мнение о вьетнамцах: изменил настолько, что через несколько месяцев, в возрасте 22 лет, женился на девушке по имени Нгуэт Тхи Ань. Их подразделение радиоперехвата базировалось на авиабазе в Таншонняте, и однажды молодой вьетнамец, работавший на базе, пригласил его к себе домой на семейный ужин. Родители вьетнамца оказали ему теплый прием, а сестра научила пользоваться палочками для еды. «Это была любовь с первого взгляда». Они зарегистрировали свой брак, но Дестатту удалось договориться со своими офицерами сохранить этот факт втайне, пока в 1963 г. не закончился срок его командировки: тех, кто вступал в брак с местными, немедленно отправляли обратно в США. В отличие от многих других подобных, брак Дестатта и Ань оказался долгим и счастливым.

Боб Келли, советник по психологическим операциям, работал в провинции Куангнгай, где, помимо прочего, помогал организовывать проправительственные митинги. Первый митинг стал откровенным провалом. Местных жителей согнали, как скот, на открытую площадь, где они были вынуждены стоять под палящим солнцем без капли воды.

В качестве гвоздя мероприятия над площадью на небольшой высоте должен был пролететь военно-транспортный С-47, транслируя правительственные пропагандистские лозунги. Но самолет прилетел слишком рано, и с высоты 300 м напрочь заглушил ревом мощных двигателей пламенную речь губернатора. Затем через громкоговоритель раздался вопрос: «Г-н губернатор, вы же закончили?» Местные чиновники были оскорблены и унижены, и в довершение всего, когда с самолета начали сбрасывать пачки листовок, пачки не рассыпались в воздухе и падали на землю, как бомбы. Глядя на поднимающуюся суматоху, американцы не могли сдержатъ смеха, некоторые хохотали до слез — трудно было представить себе более неподходящую реакцию, поскольку все знали, что именно американцы помогали организовать этот политический митинг.

Уильям Колби родился в 1920 г. и часть детства провел в Китае. Он закончил Принстонский университет, в 1944–1945 гг. несколько месяцев служил в УСС, выполняя задания в оккупированной Франции и Норвегии (впоследствии он вспоминал это время как самое романтическое в своей жизни), затем провел несколько скучных лет в юридической фирме «Дикий Билл», принадлежавшей бывшему главе УСС У. Доновану. Настоящая жизнь началась в 1950 г., когда Колби поступил на работу в ЦРУ, «в банду братьев». Он прошел стажировку в Швеции и Италии и в 1959 г. был отправлен в Сайгон. Исколесив Южный Вьетнам вдоль и поперек, он пришел к выводу, что сдерживание коммунистов было единственным реалистичным сценарием. Он не согласился с Максом Тейлором и Уолтом Ростоу, которые рекомендовали значительное увеличение военно-консультативной помощи США, поскольку ситуация во Вьетнаме «в действительности, не была военной проблемой». В июле 1960 г. Колби был назначен главой резидентуры ЦРУ и руководил изначально обреченными на неудачу усилиями по инфильтрации военизированных группировок на Север и проведению контртеррористических операций против Вьетконга. Как и многие американцы, он уловил несколько нитей в запутанном клубке вьетнамских проблем, но не сумел охватить всю картину, чтобы продвигать целостный подход.

Эл Грей родился в 1928 г. в семье проводника поезда из Нью-Джерси, записался в Морскую пехоту и с легкостью переносил тяготы военной службы: «Мы были крутыми парнями». Он стал сержантом, в 1952 г. получил офицерское звание, недолго участвовал в Корейской войне в качестве передового наблюдателя. После этого занимался радиоразведкой и спецоперациями на границе Северной Кореи, СССР и тайско-бирманской границе. В 1960 г. капитан Грей был направлен в Сайгон, где ему понравились и южные вьетнамцы, и Зьем: «Я считал,

что он на правильном пути». В качестве шпиона Грей путешествовал в гражданской одежде, часто как обычный пассажир на рейсах Air America. Следующие десять лет он играл роль связующего звена между морской пехотой и разведывательным сообществом: «Я был уверен: то, что мы делаем, позволит спасти много жизней».

Большинство этих людей жаждали приключений — и это было именно то, что Вьетнам мог предложить им в избытке. Фрэнк Скоттон питал страсть к дальним походам по дикой местности, иногда с проводником, иногда в одиночку, но всегда с оружием в руках. В поисках информации и острых ощущений он нередко попадал в смертельно опасные ситуации. Однажды утром, во время одного из первых походов по Центральному нагорью, на него из чащи внезапно вышел человек с винтовкой через плечо. «Я был бы рад, если бы он просто прошел мимо. Но он, хотя и удивился не меньше меня, сдернул винтовку и направил ее на меня. К счастью, мой карабин был заряжен и снят с предохранителя, поэтому я оказался быстрее. Мы стояли так близко, что я не мог промахнуться. Целиться в человека так же легко, как указывать пальцем; это всего лишь продолжение вашего намерения. Если что-то нужно сделать, делай это без колебаний. Я выстрелил несколько раз. После этого я не чувствовал за собой вины, только глубокое сожаление из-за того, что двое незнакомцев встретились в лесу, и один из них лишился жизни».

В другой раз Скоттон путешествовал вместе с проводником из местного племени. Вечером, когда начало смеркаться, они увидели, что к ним беспечно приближаются двое вооруженных людей. Молодой вьетнамец бросился вперед и воткнул нож в спину одного из партизан. Когда второй схватился за винтовку, Скоттон выстрелил в него несколько раз. Горец оттащил труп своей жертвы на пересечение троп и усадил его в вертикальном положении, лицом в ту сторону, откуда они пришли. Скоттон спросил у своего проводника, который немного говорил по-французски, зачем он это сделал. Тот пожал плечами: «Это психологическая война!»

На протяжении всего президентства Кеннеди в Вашингтоне шли дебаты, не следует ли США расширить свое вмешательство за пределы консультативной помощи и поставок оружия и начать развертывание боевых структур. Генерал Максвелл Тейлор был одним из тех, кто выступал за отправку войск (после более глубокого знакомства с ситуацией он радикально изменит свое мнение): «Южный Вьетнам — не слишком трудное или неудобное место для ведения боевых операций... Северный Вьетнам в значительной степени уязвим к конвенциональным бомбардировкам... Можно не опасаться массового вторжения живой силы с Севера на Юг и в соседние государства,

особенно если нашей авиации будет дан карт-бланш». Тейлор рассматривал конфликт исключительно как военную проблему и рекомендовал отправить в Южный Вьетнам 8000 военнослужащих.

Госсекретарь Дин Раск и министр обороны Роберт Макнамара были несогласны с Тейлором, они считали, что такой небольшой контингент не позволит добиться достаточного успеха, чтобы оправдать все политические издержки. По оценке Пентагона, для победы над южновьетнамскими коммунистами требовалось 205 000 американских солдат. Между тем многие молодые дипломаты, сопровождавшие Тейлора в поездке во Вьетнам, не просто выступали категорически против отправки войск, но и были убеждены, что режим Зьема стоит на пороге краха. Однако над мышлением военных стратегов той эпохи слишком сильно довлел опыт Второй мировой войны. А ее главный урок, казалось, состоял в том, что подавляющая военная мощь способна сокрушить все. Грег Даддис писал: «Одним из самых распространенных заблуждений большинства высокопоставленных военных и даже гражданских чинов... была их вера в то, что военной силой в широком ее смысле можно достичь любых политических целей в постколониальных государствах». Но наличие военной мощи может приводить к опасному эффекту, когда у власть имущих начинают чесаться руки применить ее на практике. Одна за другой американские администрации не могли устоять перед соблазном отдать приказ о развертывании сил и затем наблюдать за тем, как быстро и эффективно выполняется их приказ. Отправить войска, особенно авиацию, чтобы навязать свою волю силой, гораздо проще, чем связываться со всеми сложностями социального и культурного взаимодействия с чужим народом.

В 1961 г., да и во все последующие годы, среди высшего политического руководства на Западе существовало глубокое непонимание тех последствий, к которым приводит западное военное присутствие. Да, на совести коммунистов было немало крови, жертв и народных страданий, но их след на вьетнамской земле был легким, как перышко, по сравнению с тем следом, который оставили на ней ботинки американских солдат. Само присутствие «сильных мира сего» — западных людей, вооруженных и нет, в военной форме или гражданской одежде, — не могло обойтись без унижительной дискриминации преимущественно сельского и к тому же бедного вьетнамского населения. Как и другие высокопоставленные американцы в Сайгоне, глава резидентуры ЦРУ Билл Колби вел образ жизни имперского проконсула: он жил на роскошной вилле с прислугой из шести человек. Американские офицеры считали в порядке вещей, что вьетнамцы чистили им ботинки.

В противоположность этому коммунисты обладали одним бесспорным достоинством: у них не было собственности, которую требовалось защищать с помощью оружия. Власти старательно пытались убедить крестьян в том, что, не говоря уже о прочих ужасах коммунистического режима, при коммунистах они никогда не станут богатыми. Однако западные технологии и богатство не вызывали зависти у бедных вьетнамцев, а лишь подчеркивали чуждость этих больших белых людей. Это отчуждение не могло преодолеть никакое количество медицинских бригад MEDCAP, прививок, продовольственной помощи, тракторов, лодочных моторов и семян высокоурожайного «чудо-риса». Своими материальными дарами американцы так и не смогли завоевать благодарность местного населения, на которую рассчитывали. Дети в Сайгонском зоопарке сравнивали обезьян с американцами, потому что у тех были такие же длинные волосатые руки. Некоторые пожилые вьетнамцы были встревожены присутствием чернокожих солдат, которые напомнили им о самых безжалостных французских колониальных войсках. Местные критики, а также коммунистические пропагандисты утверждали, что Вашингтон отправляет во Вьетнам только те товары, от которых отказались американцы, например ненавистную крупу булгур.

Один молодой военный советник, выпускник Вест-Пойнта, не мог скрыть презрения, глядя на 47-летнего командира батальона с черными зубами, к которому он был прикомандирован. В свою очередь, офицер ВСРВ писал: «[Американское] начальство не обучало и не требовало от этого молодого капитана адаптироваться к нашей среде и культуре. Он пытался плести смешные интриги, чтобы взять под контроль вьетнамских офицеров и весь батальон, как если бы это была его игра». Через год, перед отъездом домой, американец сказал своему коллеге, что только теперь он понял, что такое война, и сожалеет о своей прежней глупости. Но после его сменил новый советник, и все повторилось сначала. «Так было со всеми их советниками. Американцы движимы благими намерениями, но им не хватает основательности и терпения». Один вьетнамский курсант рассказывал о своего рода «межкультурном конфликте», невольно спровоцированном американцем: в военной академии в Далате капитан армии США постучал указкой по каске задремавшего на занятиях курсанта, чтобы того разбудить. Этот жест спровоцировал настоящий бунт, вызвав всеобщее негодование среди вьетнамских курсантов, для которых даже символический удар ассоциировался с колониальным унижением. Конфликт удалось погасить только благодаря усилиям начальника академии Нгуен Ван Тхьеу, позже ставшего президентом Вьетнама.

Чак Аллен служил в спецназовской «Команде А», которая зимой 1962 г. размещалась на базе под Кхешанью. Американцы презрительно называли своих вьетнамских сослуживцев LLDB (Lousy Little Dirty Bastards) — маленькими трусливыми грязными ублюдками. «Вытащить их на любую операцию стоило огромных трудов. Они отказывались выходить за пределы лагеря. Иногда нам приходилось подкупать их едой или одеждой». Во время патрулирования американские спецназовцы приходили в бешенство от «случайно» выстреливающих винтовок и клубящихся дымом костров, которыми вьетнамцы пытались предупредить вьетконговцев о своем приближении. «Нам понадобилось некоторое время, чтобы понять, что мы, американцы, не всегда правы... Эти “трусливые грязные ублюдки” воевали уже 15 лет. И вот явились мы, такие крутые и дерзкие, и решили победить за шесть месяцев». Тем не менее спецназовцы «Команды А» были настроены не давать спуска партизанам на своем небольшом клочке театра военных действий, подбадривая себя песней, которая брала за душу любого американца: «Мы победили везде, где мы были!»

Парадоксально, но большинство из 3 млн американцев, побывавших во Вьетнаме в предвоенный и военный период, не вступали в сколь-нибудь значимые контакты с жителями этой страны, помимо разве что общения с проститутками, которых здесь скромно называли «барными девушками». Вполне естественно, что в чужой далекой стране американские военные старались создать такие же условия для жизни и службы, как у себя дома, — так делают все иностранные армии в подобных обстоятельствах. Даже журналисты предпочитали пользоваться безопасными американскими клубами-столовыми, чтобы писать свои репортажи, в которых зачастую резко критиковали американские провалы. Как бы то ни было, подчеркнутое стремление большинства «крестоносцев Кеннеди» отделить и даже дистанцировать себя от вьетнамцев лишь способствовало глубокому отчуждению со стороны последних.

Роберт Кеннеди, в должности генпрокурора участвовавший в выработке политики по Индокитаю, считал, что «военный ответ приведет к провалу антиповстанческой борьбы... Любые действия, которые игнорируют фундаментальные социальные реформы и опираются исключительно на военную силу и технологии, обречены на провал и не должны поддерживаться нами». После поездки во Вьетнам в 1961 г. Линдон Джонсон настаивал на «важности создания ответственных политических институтов... необходимости одновременных, энергичных и комплексных усилий по решению экономических, социальных и других серьезных проблем вьетнамского общества. Лидерство и инициатива в этих усилиях должны исходить от

вьетнамского руководства». Роджер Хилсман из Госдепартамента высказал мнение, что происходящее во Вьетнаме «не есть война, а есть политическая борьба с военными аспектами». Руководствуясь здравым смыслом, администрация США должна была бы прийти к очевидному выводу: пока существуют политические причины для недовольства, военное вмешательство бесполезно. Вьетнамский народ был не просто недоволен политикой Зьема и созданными им системами; он питал отвращение к самому «лицу» режима — к обосновавшейся у власти семье Нго с ее жестокостью, некомпетентностью и католицизмом. Даже американцы были отчасти смущены тем фактом, что, ссылаясь на демократию как на моральную основу для содействия антикоммунистической борьбе, они, по сути, противостояли демократическим общенациональным выборам, на которых вьетнамский народ мог бы изъяснить свою волю.

Тем не менее некоторые влиятельные лица продолжали утверждать, что недостатки режима не имеют значения. Уильяма Колби из ЦРУ нисколько не коробило, что Зьем установил диктатуру, — главное, чтобы та выполняла возложенные на нее задачи. Позже он писал: «Задача [поставленная нами] в Южном Вьетнаме требовала сильного руководства, и мессианская приверженность Зьема казалась более целесообразной, чем сумятица и нерешительность, которые стали бы неизбежным следствием копирования американской доктрины разделения властей». Колби установил дружеские рабочие отношения с Нго Динь Нью, — по правде говоря, его коллеги были озадачены его восторженным отношением к этой зловещей личности. Когда в ЦРУ начали обсуждать, кем можно было бы заменить Зьема, Колби предложил кандидатуру его брата Нью.

Неудачная высадка десанта в Заливе свиней 17 апреля 1961 г., которая ознаменовала собой провал оркестрованной ЦРУ операции по вторжению на Кубу менее чем за четыре месяца до инаугурации Кеннеди, довлела над всеми последующими политическими решениями его администрации. В августе коммунисты построили Берлинскую стену, а Хрущев на весь мир хвастался тем, что Вьетнам был советской лабораторией по взращиванию национально-освободительных войн. Тогда никто не знал, что в итоге в холодной войне победит Запад. Также никто не знал, что в 1962 г. Хрущев сказал Анатолию Добрынину, новому послу в Вашингтоне, что СССР не выдержит открытого вооруженного противостояния с США, поэтому его необходимо предотвратить любыми средствами: «Не нарывайся на неприятности». Мир жил в атмосфере страха перед ядерной войной и возможной победой коммунизма. В таких обстоятельствах национальным лидерам и их советникам было трудно мыслить и действовать с полным

хладнокровием и рациональностью. Кроме того, сегодня легко забыть о том, что коммунистический лагерь ошибался так же часто и даже более грубо, чем западные державы, — взять хотя бы Венгрию, ГДР, Польшу или Кубу.

Кеннеди и его соратники-крестоносцы были убеждены, что ведут борьбу не на жизнь, а на смерть с мировым коммунизмом. Президент сказал о НФОЮВ и ему подобных: «Эти войны ни в коей мере нельзя назвать освободительными... они ведутся против свободных наций». В этих словах была немалая доля правды, хотя тогдашние американские либералы и их будущие преемники пытались это отрицать. Но в них также была изрядная доля лжи, поскольку, каким бы уродливым ни был правящий режим в Северном Вьетнаме, режим Зьема на Юге отличался от него разве что тем, что народ там не голодал.

Монархия Макнамары

Пожалуй, наиболее примечательным фактом процесса выработки американской политики по Вьетнаму в период с 1961 по 1975 г. было то, что вьетнамцы редко, если вообще когда-либо, приглашались к участию в нем. Администрации США последовательно отказывали людям, родина которых располагалась непосредственно на театре военных действий, в праве голоса и в возможности самим определить собственную судьбу — это было чисто американским делом. Посол США в Сайгоне в 1961–1963 гг. Фредерик Нолтинг по прозвищу Фриц однажды предупредил министра обороны Роберта Макнамару, что «трудно, если вообще возможно, установить двигатель от “Форда” на вьетнамскую воловью повозку». Министр с ним согласился, но продолжал делать именно это. В романе Дэвида Халберстама «Лучшие и умнейшие» есть замечательный эпизод: после первого заседания «Круглого стола» Кеннеди, в котором участвовали Макнамара, Раск, Банди, Шлезингер, Ростоу и другие блистательные интеллектуалы, переполненный энтузиазмом Линдон Джонсон отправился к своему другу и наставнику Сэму Рэйберну, спикеру палаты представителей, чтобы рассказать ему об этой группе «ярких умов». Но язвительный ответ Рэйнберна остудил его пыл: «Что ж, Линдон, возможно, ты и прав, и все эти люди действительно так умны, как ты говоришь. И я бы тоже в это поверил, если бы кто-нибудь из них хотя бы раз в жизни баллотировался на пост шерифа». Или был бы лично знаком с несколькими вьетнамцами, можем добавить мы.

Когда Макнамара вместе с Максом Тейлором посетил Вьетнам, один из вьетнамских очевидцев писал, что министр обороны адресовал большую часть вопросов американским военным в Сайгоне, а не тем,

кто непосредственно участвовал в боевых действиях: «Некоторые [американские офицеры] выглядели как нашкодившие школьники перед строгим директором... Однажды министр привел в большое замешательство вьетнамского офицера разведки и его американского коллегу, спросив, сколько наших секретных агентов работает в стане врага». Ответом было «ни одного», и такая ситуация сохранялась еще долгое время. Только в 1969 г. ЦРУ сумело внедриться в коммутиационную схему коммунистического руководства.

Администрация США не испытывала недостатка в советах от всевозможных гуру внешней политики. Холодная война породила изобилие «мозговых центров», готовых подвести технологический и аналитический фундамент под любую внешнеполитическую стратегию, и прежде всего стратегию ядерного сдерживания. Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны, известное как DARPA, созданное в 1958 г. на волне шока после запуска советского спутника, предложило широкий спектр методов борьбы с повстанцами той или иной степени изоционности. Именно DARPA стало вдохновителем программы химической дефолиации с использованием агента «Оранж». В стратегическом исследовательском центре RAND Corporation в Санта-Монике работало много умных людей, но каким-то удивительным образом результаты его исследований редко противоречили тем политическим линиям, к которым склонялись его главные спонсоры, например ВВС США.

Вполне ожидаемо, что Макнамара положительно отзывался о работе RAND, чьи выводы в большинстве случаев подтверждали результаты его собственного системного анализа. Когда британский академик профессор Майкл Говард посетил штаб-квартиру RAND в Санта-Монике, он также был впечатлен собранными там интеллектуальными ресурсами, но впоследствии писал, что агентство показалось ему «монастырем, населенным умнейшими богословами, которые, однако, жили в полном отрыве от реального мира... В частности, аналитики центра ошибочно полагали, что все, что связано с войной, поддается точной количественной оценке». Особенно Говард был шокирован жаркими дебатами о том, сколько времени потребуется на восстановление Лос-Анджелеса после ядерной атаки.

С приходом Кеннеди руководство RAND, чутко державшее нос по ветру, осознало, что борьба с повстанческим движением во Вьетнаме обещает стать крупным бизнесом, и в 1961 г. отправило в Сайгон первого эмиссара. В последующие годы агентство играло важную консультативную роль. Почти никто из его интеллектуалов не ставил под сомнение целесообразность американского вмешательства: заразившись миссионерским пылом, они просто пытались найти

способы, как лучше выиграть эту войну. Как позже заметил аналитик Алекс Джордж, «в RAND не было пацифистов». В начале 1960-х гг. большая часть аналитических исследований велась в Санта-Монике, поскольку мало кто из сотрудников агентства выразил желание перебраться в Сайгон.

Справедливости ради надо отметить, что в те дни не только администрация Кеннеди, но и многие лидеры Юго-Восточной Азии, в том числе сингапурский премьер-министр Ли Куан Ю, были убеждены и открыто заявляли о том, что победа над коммунистами во Вьетнаме имеет решающее значение для сохранения региональной стабильности. Некоторые ключевые союзники США считали так же. Хотя британское правительство расценивало положение США в Индокитае как очень шаткое, министр иностранных дел лорд Хоум писал: «Я надеюсь, что американцы смогут там удержаться». Несмотря на всю свою осторожность, даже британцы были вынуждены признать: теперь, когда на карту поставлен престиж всего Запада, победа приобретала все более важное значение. Малайзийский премьер-министр Тунку Абдул Рахман обратился с призывом к сэру Роберту Томпсону, который оказал важную помощь в успешном подавлении коммунистического мятежа в его стране: «Вы должны поехать во Вьетнам и помочь им, чтобы я мог удержать свою линию фронта».

Американцев вдохновлял успешный опыт Британии в подавлении партизанских движений, хотя британские офицеры предпочитали не распространяться о тех средствах, с помощью которых они достигали своих целей. Хотя в своих колониальных войнах англичане отличались меньшей жестокостью, чем французы, методы, использованные ими в Малайе, Кении, Адене и на Кипре, были не для чувствительных натур. Самолеты Королевских ВВС распыляли гербициды и дефолианты над контролируемыми партизанами районами. В 1952 г. британская коммунистическая газета Daily Worker опубликовала фотографию королевского морского пехотинца, который демонстрировал головы двух малайских партизан. Командование объяснило, что головы были сфотографированы якобы с целью установления личностей убитых, однако это не успокоило бурю общественного негодования. Бомбардировки мирных деревень также не были редкостью. Но, в отличие от французов, британцы каким-то образом умудрялись выходить победителями.

Лондон, который считал себя своего рода гарантом Женевских соглашений 1954 г., был встревожен растущим контингентом американских военных советников во Вьетнаме, грубо нарушавшим условия договоренностей. В 1961 г. британский посол попытался убедить Вашингтон, что тот не должен превышать оговоренное число

советников более чем на 100 человек, на что ему в категоричной форме ответили, что США готовятся отправить еще 8000. Премьер-министр Гарольд Макмиллан с традиционной лояльностью согласился не поднимать шумиху и выразил облегчение в связи с тем, что американцы не собираются вводить войска. Он и его правительство призвали Госдепартамент быть осторожным в отношении дальнейшего наращивания военного присутствия. Но в декабре им пришлось проглотить очередное оскорбление от Вашингтона, который заявил, что не считает себя связанным какими-либо условиями Женевских договоренностей.

Британцы продолжали колебаться по поводу того, как далеко они готовы зайти в своей поддержке Соединенных Штатов. Они по-прежнему смотрели на Юго-Восточную Азию до некоторой степени как на свою вотчину, считали себя экспертами по антиповстанческим войнам и искренне желали поражения коммунистов. В 1962 г. они выступили против предложения созвать международную конференцию, чтобы нейтрализовать Вьетнам по примеру Лаоса, поскольку было очевидно, что без американской поддержки режим Зьема не выстоит. Британский посланник в Сайгоне Гарри Холер в январе написал в Лондон, что «любое решение вьетнамской проблемы, которое не предполагает полного разгрома и искоренения Вьетконга, просто отдаст Южный Вьетнам в руки коммунистов» — исход, который, по его мнению, «приведет к катастрофическим последствиям для британских интересов и инвестиций в Юго-Восточной Азии и серьезно подорвет перспективы Свободного мира в дальнейшем сдерживании коммунистической угрозы».

В то же время британцы были не слишком впечатлены американскими успехами в Южном Вьетнаме и настороженно относились к хроническим разногласиям между ЦРУ, Госдепом, Армией США и послами в Сайгоне. Со своей стороны американцы не любили, когда кто-либо пытался совать нос в их дела, — Эд Лансдейл в грубой форме отказался выслушивать советы от «кучки бывших колониалистов-неудачников». Как и Пентагон, представитель ЦРУ отверг одобренную Госдепом идею пригласить в Южный Вьетнам небольшой контингент британских военных инструкторов. Посол Нолтинг передал своему британскому коллеге единственную просьбу: командировать в Сайгон Роберта Томсона, чтобы тот проконсультировал президента Зьема по ряду организационных вопросов. Между тем, если бы Белый дом попросил Вестминстер, где в тот момент правили тори, отправить во Вьетнам военных инструкторов, те бы с большой долей вероятности согласились, что открывало бы большие перспективы. Но американцы ограничились запросом на

Томпсона. Его опыт, вместе с рекомендациями небольшой британской миссии в Сайгоне, тем не менее убедил ЦРУ и правительство Зьема в необходимости создания так называемой Особой службы — спецподразделения полиции, отвечающего за сбор разведданных и поддержку операций контрразведки на местах. Помимо же этого, Томпсон, хотя и был удостоен нескольких высоких аудиенций в Вашингтоне и Сайгоне, не оказывал большого влияния на решение серьезных проблем.

Зимой 1962 г. США пережили короткий всплеск оптимизма по поводу будущего режима Зьема. Австралийцы согласились открыть во Вьетнаме школу военной подготовки к боевым действиям в джунглях. Выдающийся журналист и историк Денис Уорнер так объяснил этот шаг своим соотечественникам: «Почему Австралия вмешивается во Вьетнамскую войну? Отчасти потому что мы считаем, что победа коммунистов здесь поставит под угрозу стабильность в остальной Юго-Восточной Азии и, как следствие, нашу собственную национальную безопасность, и отчасти потому, что мы хотим доказать американцам, что мы — не бумажные тигры... В некотором роде это можно рассматривать как страховку от более серьезных рисков». Между тем этот «страховой полис» стоил не так уж дешево: в 1969 г. число австралийских военных во Вьетнаме выросло до 7672 человек, из которых 500 не вернулись домой.

Если стратегические советники в Вашингтоне приходили и уходили, то одна ключевая фигура занимала свое место на сцене на протяжении целых семи лет. Человек, который сыграл одну из главных ролей в американской трагедии во Вьетнаме, вторую по важности после Линдона Джонсона, был самым необычным персонажем среди рыцарей «Круглого стола» Кеннеди. Роберту Макнамаре исполнилось 44 года, когда в 1961 г. он впервые вошел в свой просторный кабинет 3Е 880 в Пентагоне. Казалось, этот человек никогда не знал, что такое молодость и глупость: остряки шептали, что дома перед зеркалом он учится танцевать твист, чтобы не опозориться на танцевальном вечере в Белом доме. Выходец из скромной калифорнийской семьи, благодаря блестящему уму и колоссальному трудолюбию он с блеском закончил Гарвардскую школу бизнеса; затем помогал восстанавливать компанию Ford Motors после Второй мировой войны и даже некоторое время был ее президентом. Ему как нельзя лучше подходила фраза, сказанная об одном одержимом статистикой британском государственном деятеле: «Он использует цифры как прилагательные». Когда этот бывший скаут-орел [\[26\]](#) собирался вывести свою семью в поход на выходные дни, он с логарифмической линейкой в руках рассчитывал вес, который должны были нести в рюкзаках его дети и хрупкая жена Марджи. Пост министра

обороны Макнамара согласился занять движимый непреодолимым стремлением к власти. Вне семьи он был человеком-компьютером с холодным сердцем, впрочем не отличавшимся безупречной моралью: в 1961 г. он поддержал вымысел о стратегическом «ракетном отставании» и обвинил во всех проблемах Пентагона своего предшественника Томаса Гейтса.

Новый министр обороны развернул кипучую деятельность: разработать программу наращивания ракетных вооружений; увеличить численность армии в ответ на Берлинский кризис; обеспечить американские войска новыми системами вооружений. Во время Карибского кризиса в октябре 1962 г. именно Макнамара предложил идею морской блокады Кубы. Казалось, этот человек не знал, что такое сомнения, и считал, что хорошее решение должно быть быстрым. Он стремился все держать под контролем и объявил войну любому несанкционированному общению представителей военного ведомства со СМИ, желая стать единственным публичным голосом Вооруженных сил США.

Выступая перед сенатом в сентябре 1961 г., Макнамара заявил: «У советского коммунистического империализма с его намерением колонизировать мир нет аналогов в нашей истории... [Ни одна диктатура] в прошлом не была так хорошо организована и не располагала таким количеством инструментов уничтожения». Когда речь шла о советской угрозе, он не чурался прибегать к откровенной лжи — привычка, в итоге стоившая ему репутации. На слушаниях в конгрессе он поражал аудиторию своей экстраординарной памятью, сыпля цифрами и фактами, среди которых, однако, по словам генерал-лейтенанта Фреда Вейанда, было немало «ошибочных». Несмотря на ястребиные взгляды, в первый год своего пребывания в должности Макнамара выступал против военного вмешательства во Вьетнаме, заявляя, что, если США введут небольшой контингент, «мы почти наверняка завязнем в бесконечно тлеющей войне»; если же США решатся отправить значительные силы, «в войну могут открыто вмешаться Ханой и Пекин... И успех [кампании во Вьетнаме] будет зависеть от факторов, многие из которых находятся вне нашего контроля, в частности от поведения самого Зьема».

Но затем Макнамара изменил свое мнение. В мае 1962 г. он впервые посетил Вьетнам. Принимающей стороной был генерал Пол Харкинс, глава КОВПВ, человек, печально прославившийся своей склонностью принимать желаемое за действительное. Генералу заранее передали список вопросов, интересующих министра обороны, чтобы тот успел сформулировать правдоподобные ответы и подготовить статистику, которую Макнамара обожал. Харкинс утверждал, что благодаря

американской помощи режим Зьема одерживает верх над коммунистическим партизанским движением. Между тем, когда министр обороны находился на военной базе в провинции Биньзыонг, неподалеку от нее вьетконговцы атаковали колонну ВСРВ, убив пять человек. А во время его визита на базу в Дананге в 16 км от нее был взорван воинский эшелон, в результате чего 27 человек погибли и 30 получили ранения. Тем не менее Макнамара заявил молодому репортеру UPI Нилу Шиэну: «Все количественные данные указывают на то, что мы побеждаем». Он так и не понял, что все эти «количественные данные» были плодом фантазии Харкинса, о котором Шиэн впоследствии писал: «Он видел только то, что хотел видеть, а на все остальное закрывал глаза».

Почитатели Макнамары ценили его холодную рациональность как признак беспристрастности и неподкупности, некоторые даже прочили его в напарники Кеннеди на выборах 1964 г. Авторитетный военный обозреватель Хансон Болдуин опубликовал в *The Saturday Evening Post* статью под заголовком «Монархия Макнамары», посвященную предпринятым им реформам военного ведомства. Но противники Макнамары, в первую очередь люди в погонах, критиковали его за гипертрофированное самомнение. Он считал, что понимает военное дело лучше самих военных. Джеймс Рестон прозорливо писал в *The New York Times*: «У него есть искренность ветхозаветного пророка, но кое-чего ему не хватает, а именно крупницы сомнений, толики терпимости к человеческим слабостям и некоторого знания истории». Тем не менее в период с 1961 по 1967 г. этот человек оказывал на политику США во Вьетнаме более значимое влияние, чем любой из его соотечественников, кроме разве что самих президентов.

Главное, что узнавали американцы о Вьетнаме, — это то, как мало они о нем знают. Гордон Салливан, 25-летний лейтенант из Массачусетса, добровольно отправился во Вьетнам военным советником, опасаясь, как бы война не закончилась, прежде чем он туда попадет. После шестинедельных курсов вьетнамского языка, где его научили нескольким расхожим фразам, он прилетел в Сайгон, который показался ему «идиллическим сонным городком на берегу реки: никаких признаков войны, веселая музыка филиппинских ансамблей на бульваре Тызо... Надо сказать, что в те времена служить военным советником было нелегко: у меня была радиостанция, но в эфире царила полная тишина». На протяжении всей войны вьетнамцы ценили американских военных советников больше всего за их магическое умение обеспечивать артиллерийскую и авиационную поддержку через телефонную трубку. По прибытии группу Салливана предупредили: «Помните, парни, что вообще-то вы не должны здесь находиться». Его

направили в район на границе с Камбоджей. Они приземлились на разбитой взлетно-посадочной полосе, единственными объектами на которой были искореженные останки вертолета Н-21 на обочине и диспетчерская вышка. Табличка на вышке сообщала, что в сухой сезон уровень воды находится на 60 см ниже отметки, а в сезон дождей — на 60 см выше. Офицер, приехавший за ним на джипе, встретил его со словами: «Привет, Салливан. Надеюсь, ты любишь сосиски и маринованный лук? Раз в две недели нам привозят свежую партию».

Следующие несколько месяцев Салливан вместе с сержантом колесил по дельте Меконга, занимаясь инспекцией «стратегических поселений» и между делом развозя по деревням коробки с медикаментами. Уже много лет спустя, вспоминая свои странствия по региону, который к тому моменту был наводнен вьетконговцами, Салливан заключил: «Это было рискованное приключение... По логике, мы не должны были остаться в живых». Он попытался «наладить контакт с вьетнамцами», но не смог найти к ним подходов. Еще один военный советник, подполковник Джон Пол Ванн, вскоре после прибытия во Вьетнам пожаловался Фрэнку Скоттону: «Черт побери, я даже не знаю, что происходит по ночам на том берегу реки». Капитан Фан Тан Нгыу из Специальной службы так сказал о своих отношениях с коллегами из ЦРУ: «Я рассказывал американцам только то, что считал необходимым».

В 1962 г. Пентагон провел секретную военную игру SIGMA I, проработав сценарий наземной войны во Вьетнаме, которая показала, что для победы над Вьетконгом понадобится полмиллиона американских солдат. Следующий вариант SIGMA II с опорой на воздушную войну привел Пентагон к выводу, что никакое количество бомбардировок не позволит сдержать Ханой. Потоки противоречивых фактов и прогнозов порождали сумятицу в Вашингтоне, вынуждая принимающих решения лиц менять свое мнение на 180° и выдвигать прямо противоположные предложения. Что касается самого Пентагона, то в эпоху Кеннеди он склонялся в пользу интенсивной бомбардировки Севера — и выступал против ввода наземных войск.

Ле Зуан тоже поднимает ставки

В течение 1961–1962 гг. Ханой отдалился от СССР и взял курс на сближение с Китаем, но ни одна из двух великих держав не поддерживала эскалацию конфликта во Вьетнаме. Коммунистическому лагерю хватало проблем и в других местах — на Кубе, в ГДР, Албании, Конго. Экономическая ситуация в Северном Вьетнаме по-прежнему оставалась тяжелой: тогда как его население росло на полмиллиона

человек в год, производство зерна на душу населения сокращалось. Значительная часть выращиваемого в стране риса и три четверти добываемого угля уходили в Китай в обмен на капельные вливания наличности. Голодные крестьяне массово мигрировали в города, но там им мало что могли предложить: заводы простаивали из-за отсутствия сырья.

С мая 1961 г. норма выдачи мяса, включая мясо собак и кошек, снизилась до 110 г на человека на неделю. Летом голодные протестующие в разгар столкновений с войсками подожгли склады с рисом, а в августе сожгли велосипедный завод. В городке Донгань была взорвана бомба. Известно об одном случае мятежа в армии и о двух случаях нападения вооруженных группировок хмонгов на армейские колонны. В стремлении наращивать число таких актов сопротивления американцы отправляли на Север диверсионно-подрывные группы коммандос, но практически все эти рейды заканчивались неудачей. Недовольство северовьетнамского народа носило преимущественно стихийный характер: оно было вызвано голодом и легко подавлялось с помощью репрессий. В октябре 1961 г. французский дипломат писал, что люди здесь превращены в «пассивную покорную массу». Зыонг Ван Май так отзывалась о северянах: «Люди были невероятно невежественны. Как будто они сидели на дне колодца и видели только кусочек неба. Неудивительно, что коммунисты так легко ими управляли».

Отныне Ле Зуан стал ключевым лицом, определяющим политику Ханоя. Не афишируя это на весь мир, он будет оставаться фактическим правителем страны на протяжении следующей четверти века. В голливудском эпосе «Эль Сид» есть эпизод, когда тело погибшего испанского героя Эль Сида привязывают к седлу в доспехах и со щитом, и под предводительством мертвого полководца его армия одерживает решающую победу. Нечто подобное произошло и с Хо Ши Мином. Стареющий вождь панически боялся, что Вьетнам может стать новой Кореей — полем битвы, на котором американцы и китайцы будут состязаться в военной мощи. Его здоровье ухудшалось, молодые брали напором, и он постепенно отказался от доминирующего голоса, а затем и от любого вмешательства в военные дела. Тем не менее Хо со своим огромным авторитетом на международной арене, а также премьер-министр Фам Ван Донг оставались важными декоративными фигурами — публичным лицом руководства Северного Вьетнама. Ле Зуан же предпочитал оставаться в тени. Некогда героический военачальник Зяп, перешедший в умеренный «промосковский» лагерь, превратился в мальчика для битья: товарищи по партии резко критиковали его за раздутое самомнение и жажду славы. Один из коллег назвал его

«позером и самохвалом». Бывший начальник службы снабжения, отвечавший за логистику в Дьенбьенфу, ненавидел своего прежнего командира и часто жаловался на него Хо Ши Мину. Брат Ле Дык Тхо, генерал и член кабинета министров, сравнивал Зяпа со старой бочкой, презрительно замечая: «Чем пустее бочка, тем сильнее гремит».

В отношениях с СССР и Китаем Ле Зуан проявлял удивительное дипломатическое мастерство и терпение. Он любил цитировать вьетнамскую версию английской пословицы «Когда ты в Риме, води себя как римлянин», говоря: «Идя в пагоду, облачись в одежду буддийского монаха; идя на встречу с душами умерших, надень бумажную одежду». Он и его фракция считали русских ненадежными и слабовольными, не в последнюю очередь потому, что в Карибском кризисе те первыми пошли на попятную. Для непреклонных вьетнамцев спартанская этика — готовность к страданиям во имя великой цели — была превыше всего. Ле Зуан сетовал на необходимость регулярно ездить в Пекин в роли просителя и терпеть китайское высокомерие. Один из его близких помощников рассказывал, что во время одного из визитов в 1961 г. Чжоу Эньлай сделал Ле Зуану жесткий выговор: «Почему ваши люди воюют в Южном Вьетнаме?.. Если война распространится на Север, я предупреждаю вас, что Китай не будет отправлять войска, чтобы помочь вам сражаться с американцами... Вам придется полагаться только на себя и самим отвечать за последствия вашей политики».

Бывало, что Ле Зуан в сердцах называл Мао «этим ублюдком». Как-то раз китайский лидер на встрече с ханойской делегацией начал фантазировать о том, что будет, если он отправит свою Народно-освободительную армию освобождать Южный Вьетнам. Тем самым он только разбередил издревле сидящий во вьетнамцах страх перед империалистическими наклонностями своего могучего соседа. Выбрав дружбу с Китаем, Ле Зуан тем не менее воздерживался от открытой критики Советского Союза, понимая, что Ханой отчаянно нуждается в советском современном вооружении и промышленном оборудовании. Он нередко цинично высказывался о жалких крохах китайской помощи и обвинял Пекин в том, что тот рассматривает вьетнамскую революцию «как разменную монету в своих переговорах с США».

В 1961–1962 гг. северовьетнамские руководители понимали, что им не стоит переходить черту: хотя они расширили вмешательство на Юге, они всеми силами старались не провоцировать США на отправку войск. Они мучительно обдумывали возможность вступления в переговоры с Сайгоном и через ЦУЮВ настоятельно призывали южан сосредоточиться на политической борьбе. В одном из своих «Писем на Юг» от 7 февраля 1961 г. Ле Зуан признал: «Мы слабее врага». Очень

важно подчеркивать независимость Национального фронта освобождения, продолжал он, и не допускать, чтобы на него навешивали ярлык инструмента Ханоя. Тем не менее политика Северного Вьетнама того периода была противоречива: в то время как он оказывал южным коммунистам гораздо меньше помощи, чем те бы хотели, на международной арене риторика его лидеров становилась все более воинственной — Ле Зуан был решительно настроен сделать свою страну знаменосцем мировой революции. Его непримиримость вызвала тревогу у Индии, которая отныне стала рассматривать Северный Вьетнам не как соратника в борьбе против империализма, а как угрозу региональной стабильности.

В 1962 г. Ханой наконец-то разрешил большому количеству «возвращенцев» — вьетминевцев, которые в 1954 г. передислоцировались на Север, — отправиться на Юг, чтобы пополнить ряды южной коммунистической партии закаленными, опытными кадрами. На подконтрольных НФОЮВ территориях партработники развернули борьбу против веками сложившихся привычек и устоев. С помощью образовательных программ они пытались преодолеть присущий вьетнамцам фатализм и подчиненное положение женщин. На свадьбах роль регистратора брака вместо прежнего свата часто выполнял деревенский партсекретарь. В начальных школах детям предлагали такие арифметические задачи: «На укрепленном правительственном посту находится 50 солдат. Мы напали на пост и убили 20 из них. Сколько солдат осталось?» Когда кто-то из крестьян осмеливался спросить, будет ли НФОЮВ или коммунистическая партия обеспечивать их инсектицидами, кредитами, насосами, тракторами и советами по животноводству, как это делал Сайгон, партработники уверяли их, что, как только революция победит, Север осыплет их этими и многими другими благами.

До 1963 г. основным источником оружия для Вьетконга было только то, что они захватывали у правительственных сил: в конце 1961 г. в партизанских руках предположительно находилось всего 23 000 исправных единиц оружия. Но политические убийства не требовали большой огневой мощи. В период с 1957 по 1960 г., по достоверным оценкам, были убиты 1700 провинциальных и сельских чиновников. В 1961 г. эта цифра выросла еще на 1300 человек: к традиционным убийствам деревенских старост и других мелких сошек сайгонского режима добавились высокопоставленные жертвы, такие как полковник ВСРВ, ответственный за связи Сайгона с МКК, который был схвачен и замучен до смерти. В 1963 г. количество политических убийств достигло пика в 2000 человек, но в следующем году упало до 500: вьетконговцы ликвидировали бóльшую часть местных врагов до

которых сумели дотянуться. Выжившие чиновники и землевладельцы ради собственной безопасности укрылись за стенами городов, тем самым физически дистанцировав себя от крестьянства, что еще больше подорвало авторитет сайгонского режима. НФОЮВ конфисковывал земли беглецов и распределял их между «друзьями революции», которые, таким образом, становились кровно заинтересованными в ее победе.

На протяжении всей войны американские солдаты колебались между презрением к «гукам», или «динки», — «узкоглазым» — как к примитивному народу и преувеличенной верой в их сверхчеловеческие способности и выносливость. Это напоминало отношение к индейцам. Рядовые вспоминали ходившую на Диком Западе историю о том, как однажды ковбой преследовал индейца-апача. Он проскакал на лошади 100 км и, когда та свалилась от усталости, оседлал другую лошадь и продолжил погоню. Между тем апач вернулся обратно, нашел брошенную лошадь, неспеша проскакал на ней еще 100 км, после чего съел ее. На самом деле вьетконговцы вовсе не были супервоинами; их действия зачастую были откровенно неумелыми, а пресловутый человеческий фактор — такой же проблемой, как и в любой другой армии мира. Командир отряда в дельте Меконга по имени Нам Кинь, который пользовался уважением как опытный боевой командир, но также был известен своим крутым нравом, был застрелен в спину своим бойцом, которому он запретил жениться на привлекательной местной вдове. Командир Тхань Хай — «Голубой океан» — 30-летний выходец из семьи землевладельцев, прославился не только своим военным мастерством, но и человеческими слабостями. Хая неоднократно понижали в должности из-за пьянства и распутного поведения; однажды его застали под москитной сеткой в постели жены молодого новобранца.

Один боец выразил мнение большинства, пожаловавшись на бесконечные собрания по идеологической обработке: «Говорить со мной на политические темы — все равно что играть перед водяным буйволом на гитаре». Тем не менее пропагандистские сказки пользовались популярностью. Одним из партизанских отрядов в провинции Лонган командовала женщина по имени Ким Лоан, чей муж был убит правительственными войсками. Она превратилась в местную народную героиню, а о ее магических способностях ходили легенды. Рассказывали, что однажды она убила полицейского, который пытался арестовать ее в городской лавке. В другой раз она сбежала от полиции через заднюю дверь салона красоты и укрылась в соседней деревне. Когда солдаты окружили деревню и начали обыскивать дома, она залезла на дерево, превратилась в птицу и улетела. Фрэнк Скоттон

спросил у старика, который рассказал ему эту историю: «Неужели вы действительно в это верите?» Вьетнамец улыбнулся и ответил, что никто не может знать наверняка: «Она же ускользнула от них, верно?»

Жестокость оставалась главным оружием коммунистов. Однажды вьетконговцы вошли в деревню в провинции Лайкай, осудили 20 жителей обоих полов как правительственных шпионов, обезглавили их и бросили тела на улице, прикрепив к каждому клочок бумаги с перечислением предполагаемых преступлений. В другой деревне местного старосту привязали к столбу и выпотрошили на глазах у собравшихся крестьян; его беременной жене вспороли живот, а детям отрезали головы. Такие красочно обставленные зверства были призваны показать крестьянам, что за сопротивление революции их ожидает куда более страшная кара, чем простая смерть.

Разумеется, жестокость была присуща не только партизанам. Даг Рэмзи опросил школьников в провинции Лонган и обнаружил, что от четверти до половины из них потеряли близких родственников, убитых сайгонскими силами безопасности. В 1962–1963 гг. только в одной деревне в дельте Меконга правительственные войска убили 150 жителей — из них всего 60 человек предположительно были связаны с НФОЮВ. Среди тысяч политических заключенных, содержащихся в ужасающих условиях в южновьетнамских тюрьмах и лагерях, в том числе в одной из секций Сайгонского зоопарка, находилось много невинных людей. Не было проведено ни одного судебного процесса.

В то время как города и предместья оставались под устойчивым контролем правительства, в сельской местности деревни и иногда целые районы переходили из рук в руки. Время от времени правительственным войскам, вооруженным современным оружием и военной техникой, удавалось проводить довольно эффективные операции. В конце августа 1962 г., получив сведения от перебежчика, подразделения ВСРВ атаковали учебный лагерь НФОЮВ в Мифыоктэй, уничтожив 150 партработников и новобранцев; оставшиеся в живых несостоявшиеся партизаны разбежались по своим деревням.

Американские вертолеты существенно увеличивали тактическую мобильность ВСРВ, позволяя добираться до удаленных сельских районов, где коммунисты безраздельно господствовали на протяжении многих лет. Однако возможности и желание — не одно и то же: нередко подразделения ВСРВ отказывались патрулировать местность, где они могли попасть в засаду, и сбегали с поля боя, как только завязывалась перестрелка. В 1963 г. НФОЮВ наконец-то начал получать оружие из Северного Вьетнама, включая безоткатные орудия и минометы. Был налажен маршрут поставок оружия по морю, особенно в дельту Меконга.

В городах партийные работники занимались подготовкой масс к народному восстанию. Для терактов нередко использовались дети, которые бросали гранаты в кафе и толпы на рынках. Правительственная разведка работала из рук вон плохо, а коммунистические активисты прекрасно владели искусством маскировки. 10-летний Чыонг Мили был связным во вьетконговском подполье. Его часто посылали в город, где он должен был встретиться в кафе с человеком под вымышленным именем, показать ему половину банкноты, вторая половина которой была у этого человека, и передать ему записку. Если бы его схватила полиция или военные, единственным, что он знал, было имя его партийного наставника. Только старшие офицеры НФОЮВ знали полные имена руководителей провинциальных парторганизаций.

Война набирала обороты: если первые два года вооруженная борьба с сайгонским режимом велась только по инициативе и силами местных коммунистов, то теперь влияние и помощь Ханоя становились все более и более заметны. Северовьетнамское руководство почуяло запах гниющей плоти, зловоние предсмертного разложения, которое исходило из президентского дворца в Сайгоне и распространялось по всей стране, и горело нетерпением ускорить кончину режима Зьема. Впрочем, некоторые сильные мира сего в Вашингтоне желали того же.

Глава 7

1963: гробы для двух президентов

Малое сражение, большие последствия: битва при Апбаке

Помимо целого роя американских советников, дипломатов, пилотов, спецназовцев, операторов радиоперехвата и всевозможных секретных агентов, во Вьетнам слеталось все больше журналистов — в основном мужчин, а также несколько женщин, которые оказали не меньшее влияние на дальнейший ход истории, чем военные и политики.

Гудящие, как ульи, пресс-центры свидетельствовали о том, что мировые СМИ заинтересовались стремительно расширяющимся присутствием США и решили, что нужно находиться на переднем крае и видеть все своими глазами. Конечно, в сайгонские бюро направлялись не элитные журналистские кадры вроде тех, что обслуживали Вашингтон, Париж, Москву или Лондон, но молодые честолюбцы, мечтавшие ими стать. Большинство были неопытными новичками, довольно умными и крайне амбициозными, которые с первого взгляда влюбились в сайгонскую романтику. Среди них были Дэвид Халберстам из The New York Times,

Франсуа Салли из Newsweek, Малкольм Браун и Питер Арнетт из AP, Нил Шиэн из UPI, который сидел за одним столом с Халберстамом и стал его близким другом.

Шиэн заканчивал срочную службу в Армии США на территории Японии, когда убедил токийское бюро UPI взять его ночным новостным оператором по \$10 за смену. Вскоре из сайгонского агентства уволился корреспондент, и Шиэну предложили его место. Шиэн родился в 1936 г. в фермерской семье в Массачусетсе, блестяще закончил Гарвардский университет, но потом начал злоупотреблять спиртным. Хотя в 1961 г. он решительно завязал с алкоголем, в следующем году он прибыл во Вьетнам, по собственному признанию, «опьяненным» своей верой в Соединенные Штаты, которой он пропитался за годы обучения в Лиге плюща — и которая серьезно пошатнулась в последующие годы.

«Сайгон был прекрасным местом, которое американцы еще не успели изгадить, — вспоминал он. — Первые полгода я не испытывал никакого страха. Мне нравилось скользить на вертолете над залитыми водой рисовыми полями. Я был ребенком холодной войны. Мы все тогда думали одинаково. Американцы делают благое дело. Мы пришли сюда, чтобы остановить коммунистическое зло, которое пытается захватить мир. Наши представления были очень далеки от реальности. Мы просто считали, что должны помочь этой стране».

Молодые корреспонденты держались одной большой стайей: они быстро завели себе прелестных вьетнамских подружек, вместе обедали в «Адмирале», «Белой мыши» или «Бистро Бродар», где у них имелись специальные столики с табличкой «Зарезервировано для прессы»; вместе ездили на брифинги на трехколесных велотакси и крошечных кремово-голубых такси «Рено»; летали на места боевых действий на одних и тех же вертолетах; обменивались анонимной информацией, которой их в изобилии снабжали военные советники, дипломаты и вездесущий Лу Конейн — как лаконично заметил Шэн, «Лу любил поговорить». Иногда им звонил Айван Славич, командир первого вертолетного отряда Ниеу, и говорил: «Мы отправляемся завтракать», что на кодовом языке означало начало очередной операции. Однако «большинство вьетнамцев предпочитали не разговаривать с нами — они не хотели неприятностей».

Ненадежная местная система электроснабжения не справлялась с резко возросшей нагрузкой — американские военные потребляли огромное количество электричества, — поэтому журналистам нередко приходилось работать с отключенными кондиционерами, обливаясь потом над своими печатными машинками, сочиняя очередной репортаж. Некоторые зарабатывали небольшие состояния, отчитываясь в расходах по официальному обменному курсу и обменивая доллары по гораздо

более выгодному курсу на черном рынке, но Шиэн, боясь быть уволенным, держался в стороне от подобных практик. Позже Халберстам предложил Шиэну назвать его книгу о Вьетнаме «Последний рубеж», «потому что это было последнее место на планете, где можно было весело провести время, поразвлечься в чужой стране». Продолжая воспринимать это как увлекательное приключение, большинство журналистов тем не менее стали относиться к своей миссии все более и более серьезно, особенно когда осознали всю пропасть между безоглядным оптимизмом американских военных, в частности генерала Пола Харкинса, командующего силами США во Вьетнаме в 1962–1964 гг., и теми реалиями, которые они видели своими глазами.

Почти с первых же дней КОВПВ распространяло преднамеренную ложь и скрывало неудобную правду, например тот факт, что американские пилоты летали на боевые вылеты вместо экипажей южновьетнамских ВВС. Об этом стало известно, когда газета Indianapolis News опубликовала письма домой капитана ВВС «Джерри» Шэнка, после чего опровергать что-либо было уже бессмысленно. Шэнк писал: «Больше всего меня злит то, что они не говорят людям, чем мы здесь занимаемся... А мы — я и мои товарищи — делаем здесь все. Вьетнамские «ученики», с которыми мы летаем, мало что смыслят в летном деле... Это глупые и невежественные агнцы для заклания, и они абсолютно бесполезны. Честно говоря, у меня порой возникает желание выпороть их до полусмерти». КОВПВ упрямо отрицало бомбардировки напалмом до тех пор, пока в прессе не появились фотографии с запечатленными на них характерными стенами огня. Позже Питер Арнетт раскрыл факт использования слезоточивого газа Си-Эс — враждебная пропаганда тут же объявила, что это был отравляющий газ, — однако КОВПВ и Пентагон хранили мертвое молчание.

Халберстам, в то время 28-летний репортер, приехал во Вьетнам как «истинно верующий», но уже к осени 1962 г. перешел в лагерь скептиков. «Эта война, — писал он в The New York Times, — ведется в присутствии нелояльного и недружелюбно настроенного крестьянства, с правительством, которое не предложило никаких преимуществ и благ подавляющему большинству своего народа. Враг — голодный и поджарый, опытный в такого рода войне, бесконечно терпеливый и упрямый и, что самое главное, показавший, что за свою победу он готов заплатить любую цену». Когда в декабре Халберстам сообщил в редакцию The New York Times, что Нью и его служба безопасности чинят препятствия работе журналистов, руководство газеты направило протест в Госдепартамент, но там только пожали плечами: американцы

были гостями суверенного государства. Если уж сайгонский режим безапелляционно игнорировал любые попытки научить его уму-разуму со стороны посольства США, КОВПВ и ЦРУ, то вряд ли стоило ожидать, что он будет смиренно сносить нападки откровенно враждебных — и, в глазах Зьема, порочных — либеральных журналистов. Если на то пошло, даже Джон Кеннеди однажды позвонил редактору The New York Times и потребовал отозвать Халберстама из Вьетнама из-за излишне мрачных репортажей.

Что касается лжи американских военных, то Ли Григс из Time написал о командующем КОВПВ язвительную песню на мотив гимна «Иисус любит меня»:

Мы побеждаем, я знаю,
Так говорит генерал Харкинс!
В горах дела плохи,
В дельте — еще хуже,
Но вьетконговцы скоро сдадутся,
Так говорит генерал Харкинс!

В июне 1962 г. Гомер Бигарт написал в прощальном репортаже для The New York Times, что если только режим Зьема не изменит свой курс радикально, то либо США придется ввести войска, либо у руля страны станет военная хунта. Франсуа Салли из Newsweek, француз по происхождению, родившийся в 1927 г. и работавший в Сайгоне с 1945 г., был самым старшим и опытным среди своих молодых коллег, которые его обожали. Он имел впечатляющие связи с обеих сторон, и некоторые даже подозревали его в членстве в коммунистической партии. В одном из своих последних репортажей, перед тем как Зьем выслал его из страны, Салли процитировал слова Бернарда Фолла о том, что политика гораздо важнее тактики. Однако США, продолжал он, всецело сосредоточились на военном сценарии по типу Корейской войны и учат южан только тому, как противостоять вооруженному вторжению с Севера. Но вертолеты Морской пехоты не могут обеспечить южновьетнамцев идеологией, за которую они будут готовы умереть. Статья сопровождалась фотографией южновьетнамского женского ополчения с подписью: «У врага больше целеустремленности и энтузиазма».

Вот что рассказывал Нил Шиэн о сайгонском журналистском корпусе в 1962–1963 гг.: «Мы были довольно-таки крутыми парнями: мы вступили в конфликт — очень серьезный конфликт — с командованием [США]. Ложь генералов очень нас разозлила». Некоторые журналисты были настоящими героями, другие — трусами: репортер одной нью-йоркской газеты «не выезжал из Сайгона — он подкупал телеграфистов, чтобы те передавали ему копии телеграмм

других корреспондентов». Были среди них и авантюристы, но такие стали приезжать в основном уже на более позднем этапе войны: один британский журналист-внештатник «носил с собой M16 и убивал людей. А [американский фотожурналист] Шон Флинн был в восторге от возможности беспрепятственно стрелять на улицах города». Первые недели Шиэн тоже брал с собой на выезды пистолет, но потом понял, что «это глупо». Он даже перестал носить с собой фотокамеру, потому что «когда ты все время смотришь в видоискатель, ты не видишь, что происходит вокруг — и что может тебя убить».

Поколение репортеров, к которому принадлежал Шиэн, имело важное преимущество перед большинством своих коллег, занимающихся военной журналистикой в XXI в.: многие из них отслужили в армии, поэтому были знакомы с оружием и военным делом. Тем не менее они были шокированы расистскими настроениями среди части американских военных, олицетворением которых стал полковник спецназа, заявивший своим подчиненным: «Зачем учить язык гуков, если все они сдохнут? Мы уничтожим этих ублюдков». Некоторые журналисты, такие как Халберстам и Шиэн, благодаря своим объективным и честным репортажам из Вьетнама стали национальными героями и заслужили высочайшее признание со стороны американской и мировой общественности, хотя некоторые американцы до самой могилы обвиняли их в том, что они предали свою страну ради славы.

История, которая началась 2 января 1963 г. как относительно мелкомасштабное сражение между ВСРВ и Вьетконгом, переросла в крупномасштабное противостояние между верховным командованием США и журналистским корпусом в Сайгоне. Что касается самой боевой операции, то ее главным действующим лицом был подполковник Джон Пол Ванн, с середины 1962 г. — старший военный советник в 7-й пехотной дивизии ВСРВ. Ванн, сгусток яростной энергии и напористости, устал от бесконечных мелких стычек с врагом без решающего исхода. За месяц до этого американские самолеты-разведчики перехватили несколько радиопередач с позывными 514-го батальона Вьетконга, которые велись из Апбака — «северной деревни» в 22 км к северо-западу от города Митхо в дельте Меконга. К огромному удовольствию полковника, штаб Харкинса дал добро на проведение массовой операции, чтобы окружить и уничтожить вьетконговцев. В распоряжение Ванна были выделены: два территориальных батальона Гражданской гвардии; десантное пехотное подразделение на 10 вертолетах Н-21 — «летающих бананах», или «червяках для наживки», как называли их вьетконговцы; 5 штурмовых вертолетов Bell UH-1 «Ирокез» (также известных как Huey); штурмовая

авиация ВВС Южного Вьетнама; рота бронетранспортеров и батальон парашютистов.

Американская разведка серьезно недооценила численность партизан в Апбаке, сообщив, что там находится всего 120 человек. На самом же деле, помимо усиленной роты 514-го батальона Вьетконга, там находилась основная ударная рота 261-го батальона, которая остановилась в деревне на постой в ходе передислокации на новое место. Этот батальон считался элитным подразделением: среди вьетнамских женщин ходила поговорка, что если уж выходить замуж за партизана, то из 261-го батальона. В нем были собраны закаленные бойцы с боевым опытом не менее двух лет и офицеры, воевавшие пять лет и больше. В целом к тому времени общая численность войск НФОЮВ выросла более чем в два раза по сравнению с предыдущим годом — до 50 000 солдат, большая часть которых находилась в дельте Меконга. Хотя вьетконговцы по-прежнему в значительной степени зависели от захваченного оружия, теперь они получали растущие объемы военных грузов по морю. В 1962 г. суда, замаскированные под рыболовные траулеры, доставили с Севера 112 тонн оружия и боеприпасов, в 1963–1964 гг. эта цифра выросла до 4289 тонн, что было гораздо больше, чем поставлялось по знаменитой тропе Хо Ши Мина.

261-й батальон состоял в основном из «возвращенцев» с Севера. Им командовал опытный и популярный командир Хай Хоанг (настоящее имя Нгуен Ван Зиеу), славившийся заботливым отношением к своим людям. Его заместителем был высокий, сухопарый, лысый — и очень суровый — офицер по имени Ту Кхюэ. Ротный командир Бай Зен был выходцем из образованной сайгонской семьи. Однажды в лагерь 261-го батальона на арендованном сампане приплыла его сестра. Она была потрясена, увидев, что ее брат роет траншеи вместе с солдатами. Она умоляла его вернуться домой, но Зен был непреклонен: он будет сражаться за дело революции, пока та не победит. Через несколько лет он был убит в бою.

Итак, 2 января в деревне Апбак собралось 320 партизан, которые были предупреждены о готовящейся операции правительственных сил. Со своей стороны, полковник Ванн не знал главного: провинциальный штаб НФОЮВ приказал Зиеу и его бойцам не отступать, как обычно, чтобы избежать столкновения с ВСРВ, а закрепиться на позициях и дать бой. Таким образом, защитники вырыли вокруг деревни сеть траншей и укрепленных огневых точек. Они были хорошо вооружены, в основном — захваченным американским оружием: пулеметами .30 калибра, автоматическими винтовками «Браунинг», карабинами М-1, пистолетами-пулеметами Томсона .45 калибра, — и не испытывали недостатка в боеприпасах. Большинство из 1200 крестьян из Апбака и

соседней деревни Тантхой, едва прослышав о готовящемся сражении, укрылись в болотах, но примерно 30 человек остались, чтобы подносить боеприпасы и помогать раненым. Доска для шахматной партии была готова.

Что же представляли собой «пешки», которыми играл полковник Ванн? С самого начала до конца войны бóльшая часть тягот, лишений и потерь лежала на плечах простых солдат ВСРВ. Ничто не могло оттолкнуть крестьян от сайгонского правительства сильнее, чем воинская повинность, которая лишала крестьянские семьи рабочих рук. Солдат отправляли служить в другие районы страны, где многие вели себя в отношении местного населения как пришлые оккупанты. О бесчеловечности солдат ВСРВ ходили мрачные истории, часть из которых, возможно, была правдива. Например, рассказывали, что однажды двое солдат поспорили на пачку сигарет, кто из них попадет из винтовки в ребенка, ехавшего верхом на буйволе. Если в 1955–1959 гг. в армию призывались молодые мужчины в возрасте 20–22 лет сроком всего на год, то затем этот срок был увеличен до двух лет, а в 1964 г. — до трех. Многие возвращались из армии в инвалидных колясках, а то и в мешках для трупов. Парадоксально, но между обоими Вьетнамами и США было кое-что общее: во всех трех странах дети из привилегированных семей избегали военной службы. На Юге семьи платили взятки, на Севере высокопоставленные партработники отправляли своих отпрысков учиться в зарубежные вузы. Хотя на южновьетнамскую армию тратилось 15% ВВП страны, ее солдаты получали нищенское довольствие. Большинство из них проходили всего пять–шесть недель элементарной боевой подготовки, после чего отправлялись в боевые части «учиться на местах». Офицер ВСРВ выразил мнение большинства своих товарищей, с горечью констатируя: «Коммунисты знали, за что воевали. Мы — нет. Вся наша политическая подготовка состояла в том, что нам расхваливали личность Зьема».

План операции 2 января 1963 г., разработанный Джоном Ванном, мог бы удостоиться похвалы военных экспертов, если бы человеческий фактор сработал так, как было задумано. Однако военные подразделения, вместо того чтобы выполнить точно выверенный захват в клещи, прибывали на поле битвы вразнобой, словно высыпанные из коробки игрушки. Ранний утренний туман задержал высадку вертолетного десанта, в результате чего шедшие пешим маршем подразделения Гражданской гвардии первыми наткнулись на укрепленные позиции вьетконговцев вскоре после 07:00. Их командиры погибли, а сами они были прижаты к земле затянувшейся хаотичной перестрелкой. Глава провинции, который лично командовал

Гражданской гвардией, отказался посылать в атаку второй батальон. Вскоре после 10:00, вопреки указаниям Ванна, вертолеты Н-21 с пехотинцами на борту снизились над рисовым полем в зоне обстрела «Виктор Чарли». Чтобы научить своих новобранцев не бояться вертолетов, вьетконговские командиры говорили им, что это просто металлические каркасы, обшитые картонными листами. В то утро под Апбаком казалось, что это действительно так: партизаны быстро сбили два Н-21 и серьезно повредили третий. Нгуй, который попытался спасти американские экипажи, был превращен в решето, после чего рухнул рядом с другими обломками.

Злополучная пехота застряла на открытом пространстве и несла тяжелые потери под плотным огнем противника. Практически все вертолеты получили пробоины. При этом ни воздушные удары, ни неточный артиллерийский огонь не наносили большого урона хорошо окопавшимся вьетконговцам. Из кружившего над полем боя самолета-корректировщика L-19 Ванн беспомощно наблюдал за тем, как разработанная им операция тонет в крови, грязи и хаосе. Капитан Ли Тонг Ба, командир роты бронетранспортеров, отказался лезть в пекло, чтобы спасти пехоту и летные экипажи: угрозы Ванна в радиоэфире только укрепили его упорство.

«У меня проблема, Топпер Шесть, — в отчаянии сообщил Ванну капитан Джим Сканлон, прикомандированный к Ба военный советник. — Мой напарник отказывается двигаться с места».

«Черт побери, разве он не понимает, что ситуация чрезвычайная?!»

«Он говорит, что не принимает приказы от американцев».

Ванн взревел в трубку: «Ба! Если ты не двинешь свои чертовы машины через канал, мне придется потребовать у генерала Ле Ван Ти, чтобы тебя посадили в тюрьму!»

Вьетнамское командование запоздало продублировало приказ Ванна, и следующие два часа рота бронетранспортеров медленно ползла через череду дамб и каналов: капитан Ба впоследствии утверждал, что ни Ванн, ни Сканлон не понимали всех трудностей преодоления водных препятствий. Как только бэтээры приблизились настолько, чтобы открыть огонь из своих пулеметов М-113 .50 калибра, вьетконговцы, которые целый день незамеченными скрывались в зарослях бананов и кокосовых пальм, меткими выстрелами убили нескольких пулеметчиков. Один БТР попытался использовать огнемёт, но оказалось, что экипаж неправильно намешал горючий состав, и вместо потока огня тот выбросил слабую струйку. Примерно в 14:30 бронированные крабы начали отступать; к тому времени вьетконговцы сбили еще два вертолета.

Ванн вновь и вновь приказывал экипажу L-19 пролетать на бреющем полете над полем боя в тщетной попытке обнаружить позиции вьетконговцев и активизировать застопорившееся наступление. В 18:05 выброска парашютного десанта увенчала собой катастрофу: десант приземлился в километре от намеченного места, в зоне обстрела окопавшихся под деревушкой Тантхой вьетконговцев, которые немедленно открыли по десанту шквальный огонь. 19 парашютистов были убиты, 33 ранены, включая двух американцев. Таким образом, за день сражения партизаны сумели удержать практически все позиции, которые занимали утром, а с наступлением темноты без труда ускользнули в безопасные болотистые заросли близлежащей Камышовой равнины.

Конечно, фортуна не пребывала безоговорочно на стороне вьетконговцев, которые потеряли 18 человек убитыми и 35 ранеными, главным образом от артиллерийских и воздушных бомбардировок. Но потери правительственных сил составили 63 человека убитыми и 109 ранеными; кроме того, погибли трое американцев и пятеро получили ранения. В городке Мейс Лендинг в штате Нью-Джерси семилетний мальчик увидел по телевизору кадры, на которых воздушный стрелок вел огонь через дверной проем вертолета, и воскликнул: «Смотрите, это мой папа!» Всего через шесть часов им пришла телеграмма с известием о смерти его отца, командира вертолетного экипажа Уильяма Дила, в сражении при Апбаке.

Это было постыдное поражение, однако гораздо большее влияние на дальнейший ход событий оказала не столько сама битва, сколько то, с чем столкнулись журналисты на следующий день, 3 января. Утром генерал Пол Харкинс прибыл в штаб-квартиру 4-го корпуса якобы для того, чтобы присутствовать при продолжении штурма Апбака. По словам Дэвида Халберстама и Питера Арнетта, он сообщил им: «Мы загнали их [вьетконговцев] в ловушку и собираемся возобновить наступление через полчаса». Однако репортеры уже знали, что противник покинул позиции, так что предполагаемый «штурм» был не более чем клоунадой. Из слов Харкинса можно было сделать вывод, что он либо сознательный лгун, либо полный идиот — последнее представлялось вполне правдоподобным, поскольку генерал обладал уникальным даром видеть только то, что хотел видеть.

В нескольких километрах отсюда события разворачивались еще хуже. Нил Шиэн и Ник Тернер из Reuters прилетели на место вчерашнего сражения и обнаружили, что южновьетнамские солдаты не потрудились убрать трупы своих сослуживцев и американцев с поля боя; превозмогая себя, журналистам пришлось самим грузить трупы на вертолеты. В тот момент, когда они разговаривали с бригадным

генералом Робертом Уорком, ветераном Второй мировой войны из Алабамы, вокруг неожиданно начали рваться снаряды, поднимая в воздух гейзеры жидкой грязи. Это началась артподготовка перед новым «штурмом». Йорк сказал репортерам: «Парни, бежим!» Они рванули со всех ног через рисовое поле, пока не рухнули на землю. По словам Шиэна, он был уверен, что им конец. Когда обстрел прекратился, он и Тернер были покрыты грязью с головы до ног. В отличие от них, Йорк остался почти чистым: опытный генерал простоял весь обстрел оперевшись на руки. «Я не хотел промочить сигареты», — объяснил он. «Никогда не связывайтесь с человеком, который так спокойно ведет себя под обстрелом», — позже констатировал Шиэн. На рисовое поле попало около полусотни снарядов; 4 солдата ВСРВ погибли и 12 получили ранения. Разъяренный командир пехотного батальона выхватил пистолет и пристрелил молодого лейтенанта, отвечавшего за корректировку артиллерийского огня.

Поражение при Апбаке было менее значительным в военном плане, чем, например, поражение при Туахай в провинции Тэининь в 1960 г., когда вьетконговцы также взяли верх над превосходящими правительственными силами. Разница была в том, что в Туахай не было иностранных свидетелей, тогда как события в Апбаке развернулись на глазах у самых бескомпромиссных и красноречивых наблюдателей. Позже Шиэн писал: «Мы знали, что это была самая серьезная история, с которой мы когда-либо сталкивались». В своих депешах он и Халберстам анонимно цитировали американского советника, который назвал операцию 2 января «полным, жалким провалом» в тот момент, когда Харкинс все еще настаивал, что в Апбаке была одержана победа. Генерал не сомневался, что этот унижительный комментарий исходил от Джона Ванна, и требовал его головы.

В итоге КОВПВ решило не вступать в конфликт с горячим и несдержанным на язык полковником, тем более что срок его командировки истекал в марте. Через пару лет Ванн вернулся во Вьетнам уже в качестве гражданского лица и оставался влиятельной фигурой на вьетнамской сцене вплоть до своей трагической гибели в 1972 г., но именно в 1963 г. он сыграл важнейшую роль, щедро делаясь с Шиэном, Халберстамом и другими журналистами информацией о некомпетентности и малодушии правительственных сил и беспощадно разоблачая любые попытки скрыть это. Полковник не раз предупреждал генерал-майора Брюса Палмера, что Харкинс, намеренно или нет, позволяет одурачивать себя сайгонским офицерам, которые регулярно «атаковали» покинутые партизанами позиции. Однако Максвелл Тейлор и Роберт Макнамара предпочитали верить Харкинсу. Позже Фрэнсис Фицджеральд написала в своем блистательном труде «Озеро в огне»:

«Соединенные Штаты... превратили сайгонское правительство в подобие военной машины, чьим единственным смыслом существования была борьба с коммунистами. Главной проблемой было то, что эта машина не работала». Вооруженные силы Республики Вьетнам были не армией, а «сборищем индивидов, поставленных под ружье не по своей воле». Конечно, это было преувеличением, но в нем крылась немалая доля истины.

История вокруг Апбака вызвала широкий резонанс в СМИ. 9 января Артур Крок в авторской колонке написал: «Никакая американская военная помощь не поможет сохранить независимость народу, который не желает за нее умирать». Австралийский журналист Ричард Хьюз, работавший в Гонконге, заявил в лондонской Sunday Times, что видит здесь четкие параллели с недалёковидной политикой США в Китае после Второй мировой войны. Американцы готовят для Южного Вьетнама похожую печальную участь — как минимум десятилетнюю войну ради сохранения «реакционного, изолированного, крайне непопулярного режима». Единственным выходом, по его мнению, было формирование в Сайгоне коалиционного правительства вместе с коммунистами.

Новость о фиаско правительственных сил быстро разлетелась по Вьетнаму. Как признал один вьетнамский офицер, поражение при Апбаке «сильно повредило боевому духу ВСРВ». Командир роты БТР Ли Тонг Ба, дослужившийся до генеральского звания, впоследствии обвинил Шиэна в том, что тот «писал умышленно злобные статьи, где была масса неточностей». Он также утверждал, что военный советник Джим Сканлон, сопровождавший его в сражении при Апбаке, боялся полковника Ванна не меньше Вьетконга, поэтому «нарисовал ложную картину событий». Высшие чины КОВПВ жаловались, как трудно вести войну в условиях ее «резко негативного» освещения в СМИ, которые не считали себя обязанными «быть на нашей стороне», т.е. на стороне США и их южновьетнамского клиента. Они ностальгировали по временам Второй мировой войны, когда каждый журналист осознавал свой патриотический долг и вдобавок ко всему пресса была ограничена строгой цензурой.

Между тем даже с точки зрения патриотического долга трудно оправдать упрямое стремление генерала Харкинса закрывать глаза на реальное положение дел. Один из фундаментальных принципов тех, кто стоит у власти как в мирное, так и в военное время, гласит: лгите другим, если нужно, но никогда не лгите себе. Если бы глава КОВПВ кормил баснями журналистскую братию, это еще было бы можно понять; но он рассказывал те же выдумки в своих сверхсекретных телеграммах в Вашингтон. С другой стороны, то, как СМИ освещали

происходящее во Вьетнаме, также заслуживает справедливой критики. Одни СМИ обличали недостатки и преступления режима Зьема и его преемников, не уделяя равноценного внимания несправедливостям и зверствам, которые творили коммунисты. Другие — сторонники сайгонского режима во главе с журналом Time — упрямо отрицали любые неприглядные реалии, тем самым только подрывая доверие к себе. Конечно, были и такие, как Халберстам и Шиэн, которые добросовестно и подчас блестяще выполняли свой долг, честно рассказывая обо всем, что видели и слышали на месте событий. Как бы то ни было, Южный Вьетнам был всего лишь половиной истории, однако большинство СМИ в силу незнания или по каким-либо другим причинам окружили стеной молчания коммунистическую тиранию, которая царила на Севере и подвергала собственный народ тяжким лишениям и страданиям.

Один австралийский хирург, служивший гражданским добровольцем в Вунгтау, писал: «Об этом обычно не говорят, но, если бы не деятельность Вьетконга, которая мешала оказанию экономической помощи Южному Вьетнаму и в итоге ввергла страну в войну и несчастья, его народ сейчас жил бы гораздо лучше, имея доступ к лучшему питанию, здравоохранению и образованию». Не все были с этим согласны. В своем впечатляюще глубоком труде о присутствии США в Индокитае, вышедшем в 1972 г., Фрэнсис Фицджеральд выразила надежду на то, что коммунисты одержат победу — и «индивидуализм и сопутствующая ему коррупция наконец-то уступят место дисциплине революционного общества». Разумеется, американские власти представят ее как «жертву коммунистического промывания мозгов», писала она, но это не так. «Это просто означает, что пришло время факелу революционного пламени выжечь скверну из озера вьетнамского общества». Такова была точка зрения на войну во Вьетнаме, которая находилась на противоположном от генерала Харкинса конце спектра, — но она была ничуть не менее иллюзорной.

Восстание буддистов

Весной 1963 г. доверие к правительству Зьема падало так же стремительно, как росли боевой дух и силы Вьетконга. Победа при Апбаке породила настоящий всплеск энтузиазма. В 261-м батальоне, по воспоминаниям его бойцов, в те дни «много пели». ЦУЮВ выдвинуло новый лозунг: «Повторим Апбак!» Фракция войны в Ханое получила важный аргумент и усилила настойчивость своих заявлений о том, что время осторожничать прошло: Юг созрел для того, чтобы пойти и взять его. Историк Майкл Берли так сказал о политике США в Сайгоне:

«Крайне редко в истории имперская держава делала ставку на более суицидальную группу марионеток, чем клан Нго Диней». Несмотря на резкое ухудшение ситуации с безопасностью, в мае сайгонский режим поджег еще один бикфордов шнур, который окончательно пустил его вагон под откос. Вьетнамское буддийское духовенство было в числе главных недовольных засильем католиков у власти и неприкрытым фаворитизмом семьи Нго к своим собратьям по вере. 8 мая 1963 г., когда верующие собрались в Хюэ отпраздновать 2527-й день рождения Будды, офицер-католик попытался заставить их убрать буддистские флаги, запрещенные правительственным указом. Несколько тысяч буддистов не подчинились: они не только пронесли флаги по улицам города, но и отправились с ними к зданию местной радиостанции, чтобы послушать выступление бонзы Тхить Чи Куанга. Но директор радиостанции отменил передачу под предлогом того, что та не была одобрена цензурой. Он также позвонил и предупредил военных, которые отправили туда подразделение броневых автомобилей. Когда буддисты проигнорировали приказ разойтись, солдаты открыли огонь. Началась паника, в ходе которой погибла одна женщина и восемь детей.

Эта беспричинная жестокость заставила буддистов по всей стране выйти на улицы с антиправительственными протестами. Демонстрации проходили во многих городах на протяжении нескольких недель; вскоре к буддистам присоединились тысячи студентов. Власти заявили, что протесты были организованы коммунистами. Никто не спорит, что они играли на руку НФОЮВ и Ханю, — возможно, парработники действительно подстрекали бонз. Но несомненно и то, что происходящее было всплеском стихийного гнева против режима, который отказался признать свою ответственность за гибель людей в Хюэ и наказать виновных. Зьем упрямо игнорировал все увещания Вашингтона, а его брат Ню развязал очередную кампанию репрессий.

По мнению Фрэнка Скоттона, «большинство бонз наивно надеялись на то, что с помощью протестов им удастся добиться создания представительного правительства. Но в буддистском кризисе была замешана не только политика. Чтобы сделать этот важный жест примирения, Зьему пришлось бы пойти против своего младшего брата, а для него это было немыслимо». Журналистка Маргерит Хиггинс так описывала Куанга, одного из предводителей восставших буддистов: «У него был высокий лоб и глубоко посаженные, горящие глаза. В нем чувствовался мощный интеллект, совершенное самообладание и острая пронизательность, но ни капли пассивности и медитативной отстраненности». Один южновьетнамский офицер писал: «[Буддистский] кризис разгорелся как большой пожар — неконтролируемо и мгновенно. Он разрушительно отразился на

моральном духе солдат и офицеров... Я понял, что поддерживать правительство Зьема больше невозможно. Отныне я желал только одного: чтобы к власти поскорее пришло новое — грамотное и лояльное — правительство».

Когда осенью 1963 г. Зыонг Ван Май вернулась из Вашингтона в Сайгон, она обнаружила, что вся ее семья, особенно мать, стали яростными врагами правительства Зьема, которое, по сути, отказывало в свободе вероисповедания подавляющему большинству населения страны. В начале июня Дэвид Халберстам писал: «Конфликт между южновьетнамским правительством и буддийским духовенством вызывает серьезную озабоченность у присутствующих здесь американских официальных лиц... [которые] глубоко смущены... и не знают, что ответить на вопрос, который задают им вьетнамцы: “Почему ваше правительство позволяет происходить всему этому?”». В конце концов многие стали видеть в происходящем руку Вашингтона.

10 июня западные журналисты в Сайгоне получили сообщения о том, что на следующий день в городе состоится «акция протеста». Однако мало кто обратил на это внимание, поскольку буддистский кризис продолжался уже больше месяца и протесты только нарастали. Утром 11 июня на оживленном перекрестке в центре Сайгона остановился голубой седан. Из него вылез пожилой буддийский монах по имени Тхить Куанг Дык в оранжевых одеждах и сел на асфальт в позе лотоса. Другой монах достал из багажника большую канистру и облил Дыка бензином. Прочитав молитву, Тхить сам зажег спичку и поднес к себе. Пламя мгновенно охватило его тело. Пока он горел, один из бонз провозглашал через рупор: «Буддийский священник сжигает себя! Буддийский священник становится мучеником!» Примечательным было то, что это ужасающее действо — как и последовавшие за этим самосожжения других монахов — сопровождалось плакатами, лозунгами и объявлениями на английском языке: главной целевой аудиторией были не вьетнамцы.

Единственным западным фоторепортером, который пришел в тот день в назначенное место, был Малькольм Браун из Associated Press. Позже он писал: «Вероятно, я мог бы предотвратить самосожжение, бросившись на монаха и попытавшись отобрать у того канистру с бензином... Как человек я хотел это сделать. Как журналист я не мог... Это было бы прямым вмешательством во вьетнамскую политику. Это подорвало бы мою роль журналиста как нейтрального наблюдателя и доверие ко мне». Тем не менее Браун невольно внес немаловажный вклад в крах южновьетнамского режима, сфотографировав сцену самосожжения, — как того и хотели ее организаторы. Его фотографии, запечатлевшие объятых пламенем монахов, были отправлены

«голубиной почтой» в Манилу, а оттуда разосланы фототелеграфом по всему миру. Мадам Нью вызвала всеобщее негодование, назвав смерть монаха «барбекю-шоу». «Пусть они жгут себя, а мы им поаплодируем», — пожав плечами, заявила леди-дракон перед телекамерами. По словам Брауна, он так и не смог забыть невыносимый запах горячей человеческой плоти, смешанный с ароматом палочек-благовоний.

Между тем монахи, довольные привлеченным вниманием, кремировали тело Дыка, а его сердце, которое почему-то осталось нетронутым огнем, поместили в стеклянную чашу и выставили напоказ как святыню.

Американцы отреагировали ошеломленным непониманием. Лейтенант Гордон Салливан, военный советник в группе рейнджеров, который в тот момент случайно оказался в Сайгоне, вспоминал: «Эта акция изменила все. Для нас это стало шоком. Мы не знали, что люди способны на такое». 20 июня 1963 г. The Washington Post писала: «Можно не сомневаться, что коммунисты воспользуются недовольством буддистов. А почему они не должны этого делать? Режим г-на Зьема собственноручно прокладывает дорогу коммунистам, проводя морально неприемлемую и самоубийственную политику». Между тем посол Фредерик Нолтинг продолжать утверждать, что правительство Зьема — «лучшая из худших» альтернатив, на которую США могут рассчитывать в Сайгоне, и глава Дальневосточного управления ЦРУ Колби полностью его поддерживал. Однако в Вашингтоне советник по национальной безопасности Макджордж Банди и представитель Госдепартамента Роджер Хилсман были иного мнения, как и новый посол Генри Кэбот Лодж, прибывший в Сайгон в середине августа, чтобы заменить Нолтинга, чья «политика умиротворения» Зьема была признана не оправдавшей себя.

61-летний Лодж, уроженец Массачусетса, был грандом Республиканской партии с большим опытом работы в дипломатической сфере и сенате; на выборах 1960 г. он баллотировался в вице-президенты в паре с Никсоном. Как заметил Артур Шлезингер, «президент любил поручать либералам “консервативные дела” и наоборот». Назначение Лоджа было классическим примером такого подхода: привыкнув играть влиятельные роли, тот вел себя скорее как проконсул, нежели как посол в суверенном государстве. Если он впоследствии заигрался и перегнул палку, то немалая доля вины за случившееся лежит на тех, кто назначил его на это место.

21 августа, после того как Зьем ввел военное положение в ответ на растущую волну протестов, силы особого назначения Нью атаковали пагоду Салой — главный буддистский храм Сайгона. Они арестовали 400 монахов и монахинь, в том числе 89-летнего вьетнамского патриарха. Журнал Life Генри Люса замалчивал эти неприглядные

новости, которые сообщали его собственные корреспонденты. Билл Колби разделял презрительное отношение своего друга Нью к буддистам, как и генерал Харкинс. Тем не менее ни жесткая цензура в СМИ, ни поток лживых заявлений со стороны правительства не смогли скрыть от большинства американцев, в том числе от посла Лоджа, того беспредела, который творил брат президента.

Ситуация с безопасностью в стране продолжала стремительно ухудшаться. Желая ускорить падение режима, НФОЮВ активизировал кампанию террора, в то время как моральный дух южновьетнамской армии падал день от дня. Мрачные репортажи Дэвида Халберстама читались огромной аудиторией, так что КОВПВ и Вашингтону становилось все труднее рисовать радужную картину. В августе 1963 г. госсекретарю Дину Раску пришлось лично выступить с опровержением репортажа об успехах коммунистов в дельте Меконга. Харкинс заявил, что этот репортаж основан на ошибочных сведениях. В сентябре генерал телеграфировал Максвеллу Тейлору в Белый дом: «Из бóльшей части новостей и статей, которые я читаю, можно сделать вывод, что ситуация во Вьетнаме и наши усилия здесь разваливаются по швам. Я с этим абсолютно не согласен».

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, «рассерженные молодые люди» вроде Халберстама и Шиэна были гораздо более адекватны в своих оценках военной и политической ситуации в Южном Вьетнаме, чем КОВПВ. В сентябре вьетконговцы среди бела дня и почти без потерь захватили в дельте Меконга правительственный пост, где у них было двое своих людей. Они убили шестерых защитников, шестерых взяли в плен, захватили 35 винтовок, взорвали укрепленные сооружения и сторожевые вышки и ушли. Подобных эпизодов становилось все больше и больше. Этой осенью, по словам Фрэнка Скоттона, «стало ясно, что многие культурные горожане» — атлантисты, как называли этих людей, которые предпочитали выжидать, а не пытаться ускорить события, — «ждали смены правительства». Режим Зьема был обречен. Оставалось только увидеть, кто именно — коммунисты, буддисты или его собственные генералы — нанесут ему последний удар. И как отреагирует на это Вашингтон.

Время убийств

Обратный отсчет до убийства президента Нго Динь Зьема начался 23 августа 1963 г., когда в Госдепартамент поступила сверхсекретная телеграмма от посла Лоджа, в которой тот интересовался, поддержит ли Вашингтон переворот, если вдруг таковой произойдет. В выходные дни «группа трех» в составе Аверелла Гарримана, Роджера Хилсмана и

Майкла Форрестола, воспользовавшись тем, что Кеннеди, Раска и Макнамары не было в городе, отправила в Сайгон положительный ответ. Если Зьем откажется начать реформы и не отстранит от власти своего брата Нью, написали они от имени правительства США, «мы готовы признать как очевидное следствие, что больше не можем поддерживать Зьема. Вы можете сообщить соответствующим военачальникам, что мы окажем им прямую поддержку на протяжении любого переходного периода... Послу следует срочно изучить все возможные альтернативные кандидатуры и разработать детальные планы того, как мы можем произвести замену Зьема, если того потребуют обстоятельства».

В понедельник утром, вернувшись в Белый дом, Кеннеди был обеспокоен тем, с какой легкостью чиновники среднего звена отправили директиву такой исключительной важности. Он посоветовался с Макнамарой и Тейлором, но те дали уклончивый ответ: они бы предпочли, чтобы у власти остался Зьем, но без своего брата Нью. С другой стороны, если сайгонские генералы решат иначе, США должны поддержать временное военное правительство. В конце концов Кеннеди решил не отзываться телеграмму выходного дня, оставив окончательный выбор политики на усмотрение Лоджа. Впоследствии сам посол утверждал, что телеграмма из Вашингтона «поразила его словно громом»: он вполне логично интерпретировал ее как поручение поскорее избавиться от Зьема.

2 сентября президент США, отвечая на вопрос о Вьетнаме в интервью Уолтеру Кронкиту на телеканале CBS, сказал, что сайгонскому правительству необходимо заручиться бóльшей поддержкой собственного народа: «Если [правительство Зьема] изменит свою политику и, возможно, заменит некоторых людей, я думаю, оно сможет победить. Если же оно этого не сделает, я оцениваю его шансы на победу как не очень высокие». Кеннеди призвал союзников США расширить свою помощь не на словах, а на деле: «Не приведет ни к чему хорошему, если мы скажем: “Давайте-ка все разъедемся по домам, и пусть наши враги делают в мире все что хотят”». «Единственный народ, который может победить, — это вьетнамский народ», — добавил он. Некоторые впоследствии интерпретировали эти слова как свидетельство того, что Кеннеди признал бессилие США во Вьетнаме и подготавливал уход оттуда. Но это кажется маловероятным: он стоял на пороге новой президентской гонки, и провал в Юго-Восточной Азии почти наверняка стоил бы ему второго срока точно так же, как Корейская война положила конец политической карьере Гарри Трумэна в 1952 г.

Между тем события начали развиваться в ускоренном темпе. Чтобы рассорить Зьема с американцами, Ханой принялся делать вид, что пытается навести мосты с сайгонским правительством через польских и французских посредников. Как и рассчитывало северовьетнамское Политбюро, об этом вскоре стало известно администрации Кеннеди. Пожалуй, из всех причин обострившегося интереса Вашингтона к перевороту самой низменной было опасение, что Зьем или его брат Ню могут пойти на сделку. Бернард Фолл, который был известен своими хорошими контактами с обеих сторон и потому имел среди своих читателей немало принимающих решения лиц, утверждал, что, если бы Северу и Югу удалось наладить конструктивный диалог, Хо Ши Мин мог бы согласиться с отсрочкой воссоединения — так называемым приемлемым интервалом, который впоследствии стал центральным пунктом многих будущих усилий по мирному урегулированию во Вьетнаме. По правде говоря, вероятность любой сделки была близка к нулю: Ле Зуана интересовал только единый коммунистический Вьетнам, в то время как режим Зьема тешил себя иллюзиями о своем военном превосходстве и своей незаменимости для американцев. Тем не менее сам факт контактов стал для Вашингтона тревожным сигналом. Готовность Сайгона разговаривать с северянами отражала его растущую враждебность к своим заморским казначеям.

Друг президента Кеннеди Чарльз Бартлетт позже утверждал, что заигрывания с Севером были главной причиной, которая заставила американцев принять решение избавиться от Зьема. Он цитировал слова президента: «Чарли, я не могу отдать Вьетнам коммунистам, а потом просить их [американских избирателей] переизбрать меня на второй срок. Нам во что бы то ни стало нужно удержать эту страну». Дальше Кеннеди якобы добавил: «У нас там нет будущего. Они [южновьетнамцы] нас ненавидят. И мечтают выгнать нас оттуда. Однажды они дадут нам под зад». Что ж, вполне вероятно, что в частной беседе Кеннеди мог сказать такие слова. Зная, как коммунисты отнеслись к заключенной при активном участии США декларации о нейтралитете Лаоса, Кеннеди не питал никаких иллюзий насчет того, что Ханой покажет себя честным партнером в любом коалиционном урегулировании во Вьетнаме.

Тревога США усилилась, когда в дело вмешался президент Франции Шарль де Голль. Этот высокомерный, ярый антианглосаксонский националист неоднократно призывал США уйти из Вьетнама и договориться о нейтралитете страны. Вашингтон списывал заявления де Голля на ревность: США заняли место Франции в регионе, который некогда был ее вотчиной. Фредрик Логевалл писал: «Если американские стратеги и уделяли внимание идеям и действиям французского лидера,

то только лишь с точки зрения того, как лучше им противостоять. Суть его предложений никогда тщательно не анализировалась ни тогда, ни позже, отчасти потому, что рассматривались руководством США как ересь, и отчасти потому, что принимающие решения лица были убеждены, что де Голль продвигает собственную повестку дня».

3 сентября Уолтер Липпман в своей авторской колонке предостерег: «Если не будет достигнуто урегулирование наподобие того, что предлагает генерал де Голль, нас ждет затяжная война на истощение». Авторитетный политический обозреватель, который в те годы писал об Индокитае больше, чем о любом другом регионе мира, считал, что наилучший вариант, к которому должны стремиться США, — «титоистский» сценарий, при котором Вьетнам станет единым коммунистическим государством, но не превратится в инструмент Китая или СССР. Хотя он не говорил об этом открыто, Липпман считал, что Хо Ши Мина и его коммунистическую гвардию невозможно победить на поле боя, но с ними можно договориться с помощью долларов. В последнем Липпман серьезно ошибался: вряд ли бы Ле Зуан, этот робеспьеровский бескорыстный идеалист, согласился за деньги поступиться своими идеалами и править объединенным Вьетнамом более умеренным и гуманным образом. Он не пошел на это в 1975 г. — и тем более не пошел бы в 1963 г. Но в первом утверждении Липпман был абсолютно прав: США не могли одержать победу силой оружия.

13 сентября Честер Купер, член СНБ, написал из Сайгона своему старому коллеге по ЦРУ Джону Маккоуну, что оценивает дипломатическое сближение между режимом Зьема и Ханоем, которое приведет к изгнанию американцев из Вьетнама, как очень вероятное. Разозленная готовящимся за ее спиной предательством, администрация США не стала тормозить Лоджа, который без всяких колебаний принялся подстрекать сайгонских генералов к мятежу. Между тем подтолкнуть влиятельных военных, таких как генералы Зыонг Ван Минь, Чан Ван Дон, Ле Ван Ким, Чан Тхиен Кхием, к активным действиям против правительства оказалось не так-то просто. Глава Дальневосточного управления ЦРУ Колби, который ненавидел Лоджа и был категорически против свержения Зьема, такого же набожного католика, как он сам, позже писал: «Не было проведено никакой тщательной разработки и оценки конкретных личностей, которые могли бы заменить Зьема; были лишь общие ссылки на “военных”». Южновьетнамские генералы небезосновательно опасались идти на такой рискованный шаг без твердой уверенности в том, что американцы их поддержат. Хотя они понимали, что им не стоит ожидать от посольства США «гарантий на бумаге», они не желали рисковать

своими головами на основании одних только словесных заверений Лу Конейна.

Через несколько лет после описываемых событий американские тайные агенты вели наблюдение за одним марсельским баром в рамках операции по борьбе с международной сетью наркотрафика, известной как «Французский связной». К своему удивлению, они обнаружили среди посетителей бара Лу Конейна, сидевшего в компании корсиканских гангстеров. Как он объяснил, это были его приятели со времен УСС. Тем не менее Фрэнк Скоттон утверждал, что, несмотря на свои замашки головореза и дебошира, Конейн отлично справлялся с порученными ему заданиями — в октябре 1963 г. именно он стал надежным связующим звеном между правительством США, которое нехотя дало добро на свержение Зьема, и группой вьетнамских генералов, которые должны были это сделать.

Лодж злился на медлительность заговорщиков, у которых, как он раздраженно писал, «нет ни воли, ни организованности... чтобы что-то сделать». Харкинс, у которого не было времени помогать послу в его интригах, в разговоре с Максом Тейлором пожал плечами: «На Востоке не любят торопиться». Позже Джордж Болл утверждал, что к активным действиям генералов подтолкнула не столько пресловутая августовская телеграмма Гарримана — Хилсмана, сколько выступление Кеннеди по телевидению две недели спустя, в котором тот открыто предупредил, что США перестанут оказывать помощь, если Сайгон не изменит курс. Многие представители южновьетнамских — как военных, так и гражданских — кругов чувствовали, как стремительно слабеет поддержка Зьема. Лейтенант ВСРВ Нгуен Конг Луан был убежденным антикоммунистом, но при этом ненавидел правительство Зьема: «Мы с товарищами считали, что к власти должны прийти новые люди, чтобы Южный Вьетнам смог наконец-то справиться с коммунистами и стать страной свободы и демократии, как Соединенные Штаты». Они были воодушевлены свержением диктатуры Ли Сын Мана в Южной Корее в 1960 г. «Мы были уверены, что, если мы проявим достаточно решимости и силы, чтобы совершить переворот, американцы нас поддержат».

25 сентября президент Кеннеди едва не спутал все карты, отправив Макнамару и Тейлора в десятидневную поездку во Вьетнам «для изучения ситуации на месте». По возвращении те снова заявили о «большом прогрессе» в военных усилиях, который им с готовностью нарисовал Харкинс, и посетовали на несговорчивость Зьема. Между тем все их попытки прощупать почву на предмет готовящегося переворота не дали результата. Когда Тейлор намеренно пригласил генерала Зыонг Ван Миня по прозвищу Большой Минь, лидера заговорщиков, сыграть

партию в теннис в сайгонском клубе Cercle Sportif, тот ни словом не обмолвился о своих планах. Тейлор и Макнамара сочли, что генералы пошли на попятную. Однако оба продолжали считать, что военная победа над коммунистами вполне достижима, если направить сайгонское правительство в правильное русло. А этого можно было добиться только одним путем — отстранить от власти семейство Нго.

2 октября Белый дом отправил Лоджу телеграмму с указанием свернуть любое участие США: «Отныне не следует предпринимать никаких инициатив по оказанию какого бы то ни было скрытого содействия перевороту. В то же время необходимо вести работу... по своевременному выявлению и налаживанию контактов с возможными альтернативными лидерами, как только таковые появляются». Спустя несколько дней Лодж доложил президенту, что переворот с большой долей вероятности все-таки состоится. Конейн и Большой Минь провели несколько встреч в старом колониальном бунгало на территории сайгонского гарнизона и откровенно переговаривали на французском языке. Вьетнамский генерал сказал, что его группа выдвигает единственное не подлежащее обсуждению требование: США должны гарантировать, что будут продолжать свою помощь. Он предупредил Конейна, что время поджигает: помимо них, еще несколько соперничающих групп заговорщиков строят планы переворота. В тот день еще один буддийский монах сжег себя в знак протеста.

Выслушав доклад Конейна, Лодж сообщил в Вашингтон, что ситуация развивается благоприятно и от американцев требуется самая малость: дать Миню гарантию того, что США «не будут пытаться помешать» смене режима. Кеннеди нехотя согласился, но предупредил, что американцы не должны активно участвовать в процессе переворота. К тому моменту в Сайгоне царила лихорадочная атмосфера; город бурлил слухами о готовящемся перевороте. Встревоженные вьетнамские генералы в очередной раз остановились в шаге от решительных действий. Лодж настоял на том, чтобы из Сайгона отозвали главу резидентуры ЦРУ Джона Ричардсона, который разделял скептицизм Пола Харкинса по поводу свержения Зьема.

Тем временем Нью усилил свою кампанию политических репрессий и публично обрушился на американцев, за то что те пытаются вмешиваться во внутренние дела Вьетнама. Уже после войны руководство компартии признало, что был упущен идеальный момент для подъема восстания, когда почти все ненавидели семейство Нго, власть ослабла и ситуация в стране стала крайне нестабильной. Однако ЦУЮВ продолжило вести обычную партизанскую войну, в то время как в Сайгоне генералы торговались за поддержку ключевых армейских

частей. Лу Конейн изо всех сил старался не дать заговорщикам отклониться от выбранного курса, ведя успокоительные беседы с генералом Доном во время совместных сеансов лечения зубов в стоматологическом кабинете, который стал их местом конспиративных встреч.

26 октября, в Национальный день Республики Вьетнам, Зьем решил посетить горный курорт Далат. Учитывая слухи о готовящемся покушении, были предприняты усиленные меры безопасности: перед президентским С-47 был пущен идентичный, но пустой самолет; были тщательно проверены винтовки почетного караула, чтобы убедиться в том, что они разряжены. Поскольку у президента была назначена встреча с американским послом, Фрэнку Скоттону поручили узнать у его вьетнамского знакомого, участвовавшего в подготовке переворота, не попадет ли Лодж в заваруху, если в тот день явится в президентскую гостиницу. Ему сообщили, что генералы пока не готовы. Встреча Зьема с послом США прошла без инцидентов.

Между тем в Вашингтоне сохранялись разногласия. Вице-президент Линдон Джонсон, хотя и не имел большого влияния, настойчиво выступал против свержения Зьема. Ярый антикоммунист, он по-прежнему был убежден, что во «вьетнамской проблеме» нет никакого политического окраса и ее можно решить, одержав военную победу над Вьетконгом. Он любил в шутку повторять: «Иностранцы не похожи на тех людей, к которым я привык». К сожалению, в этой шутке была немалая доля правды: будущий американский президент действительно не очень хорошо разбирался в нюансах внешней политики. 29 октября Кеннеди созвал Совет национальной безопасности, чтобы обсудить телеграмму Харкинса, в которой генерал призывал сохранить у власти клан Нго: «Правильно это или нет, но мы поддерживали Зьема на протяжении восьми долгих и трудных лет. Я считаю нецелесообразным списывать его со счетов и избавляться от него сейчас». Мнение Харкинса пошатнуло уверенность Роберта Кеннеди, убедив его в том, что в настоящий момент переворот действительно выглядит слишком рискованным.

Советник по национальной безопасности Макджордж Банди отправил Лоджу очередную телеграмму, изложив в ней сомнения президента. Однако посол был решительно настроен довести дело до конца: он не стал сообщать ни вьетнамским генералам, ни Лу Конейну о колебаниях Белого дома. 1 ноября Конейн, оставив жену и детей на вилле под охраной «зеленых беретов», прибыл в условленное время в штаб гарнизона. Он был одет в военную форму, в кармане у него лежал револьвер калибра .357 и \$40 000 наличности — вероятно, старый оперативник УСС счел это необходимыми атрибутами для

послеобеденной вечеринки по свержению правительства. По радиации из джипа он передал своему начальству сигнал, что операция началась: «Девять, девять, девять, девять, девять». Войска заговорщиков осадили дворец Зьема; президент и его брат Нью укрылись в подвале. В Сайгоне были схвачены и расстреляны несколько высокопоставленных офицеров, лояльных семейству Нго. В 16:30 вечера Зьем позвонил Лоджу, чтобы попросить об американской помощи, но услышал только предложение помочь ему безопасно покинуть страну.

Заговорщики связались с президентом и пообещали сохранить ему жизнь, если он подаст в отставку. Вместо этого Зьем принялся обзванивать своих друзей и сторонников, моля их о помощи, которой так и не последовало. В восемь часов вечера Зьем и Нью предприняли отчаянный шаг: по тайным подземным ходам они сумели выскользнуть из дворца и, несмотря на введенный заговорщиками комендантский час, доехали по пустынным улицам до Шолона, где у предусмотрительного Нью был приготовлен дом как раз на случай такой чрезвычайной ситуации. Они уже были в Шолоне, когда мятежные войска обстреляли из пушек и взяли штурмом дворец, преодолев сопротивление охраны, которая погибла, защищая отсутствующего Зьема. В течение нескольких часов разрушенный дворец был разграблен подчистую, вплоть до нижнего белья мадам Нью и впечатляющей коллекции американских комиксов, собранной президентом.

В 6 часов утра 3 ноября Зьем позвонил Большому Миню и обессиленным голосом предложил обсудить условия своей отставки. Генералы отклонили его предложение, как и просьбу о том, чтобы ему разрешили покинуть страну с публичными почестями, причитающимися главе государства. Несколько минут спустя Зьем перезвонил снова: он и его брат согласны сдать без всяких условий; они находятся в католической церкви Святого Франциска Ксаверия в Шолоне. Не зная, что делать с бывшим президентом, генералы обратились за советом к Лу Конейну. Тот сказал, что американцам потребуется около суток, чтобы предоставить самолет для вывоза Зьема из Сайгона и подыскать страну, которая согласится предоставить ему убежище.

Чтобы забрать Зьема и Нью, в Шолон была отправлена группа на бронетранспортере М-113 под командованием ветерана тайной полиции. В группу также входил капитан Нюнг, личный телохранитель Миня, которому генерал якобы подал тайный сигнал — два поднятых пальца, который означал, что оба пленника должны быть убиты, — предыдущей ночью Нюнг уже расправился с двумя лояльными Зьему офицерами. В церкви охранники обменялись рукопожатиями с братьями Нго и препроводили их в БТР, заверив в том, что его броня надежно

защитит их от «экстремистов». На обратном пути в Сайгон, когда БТР остановился на железнодорожном переезде, один из сопровождавших офицеров достал пистолет-пулемет и расстрелял пассажиров. Залитый кровью броневладелец прибыл в штаб гарнизона, где Нюнг лаконично доложил Миню: «Задание выполнено». Генерал сообщил Конейну, что Зьем покончил жизнь самоубийством, и спросил: «Хотите его увидеть?» Тот категорически отказался: был один шанс на миллион, что мир проглотит историю о самоубийстве президента, и опытный цэрэушник не желал становиться прямым свидетелем.

Тела Зьема и Ню были доставлены в больницу Святого Павла и предъявлены для опознания лектору Британского совета, который был женат на племяннице покойного президента. Как он впоследствии рассказал, он заметил у Зьема только одно пулевое отверстие в шее, а у Ню — несколько отверстий в спине. Лодж пригласил генералов в американское посольство и похвалил за «безупречное во всех отношениях исполнение», после чего отправил в Вашингтон ликующую телеграмму: «Появились перспективы скорого завершения войны». В Сайгоне и других городах прошли торжественные митинги; ликующие толпы срывали со стен общественных зданий портреты свергнутого диктатора. Сотни политических заключенных — некоторые со следами пыток — были выпущены из тюрем и лагерей. Как ни странно, многим сайгонцам переворот больше всего запомнился тем, что был отменен запрет на танцы, введенный по настоянию мадам Ню якобы в интересах защиты общественной морали. Тысячи людей радостно танцевали на могилах братьев Нго.

Нил Шиэн и некоторые его коллеги увидели обманчивый проблеск надежды: «Если бы Зьем остался у власти, они бы проиграли войну. Мы думали, что, если у них будет достойный военный режим, у них появится шанс». Новое военное правительство Южного Вьетнама возглавил генерал Зыонг Ван Минь. 5 ноября лондонская The Times писала: «С Сайгона словно спали тяжкие оковы. Улицы заполнены толпами людей... Тысячи буддистов стекаются в пагоду Салой на почти что праздничные богослужения». «Проамериканская ориентация некоторых членов хунты, — добавил специальный корреспондент, — вероятно, говорит об их склонности к демократии».

Джон Кеннеди как раз беседовал с Максом Тейлором, когда ему сообщили новость о смерти Зьема. По словам генерала, президент «в шоке и смятении выбежал из комнаты». Последующие споры о том, на ком лежала ответственность за случившееся, представляются не более чем неприкрытым лицемерием. Именно администрация США уполномочила своего посла в Сайгоне «открыть кингстоны», чтобы пустить режим Зьема ко дну. Следовательно, именно Вашингтон

должен был позаботиться о «спасательных шлюпках» для выживших. Южновьетнамские генералы не посмели бы убрать Зьема, не будь они уверены в том, что этого хочет Вашингтон. Никто убедительно не предостерег их от убийства.

Иногда можно услышать мнение, что режим Зьема мог бы реформироваться и выжить, что президент был последним националистом и независимым правителем Южного Вьетнама. Пилот южновьетнамских ВВС Чан Хой сказал: «Я считал, что американцы поступили неправильно, свергнув его. Он был настоящим патриотом». Некоторые вьетнамцы уважали Зьема за то, что он проводил собственную политику, какой бы ошибочной она ни была, а не просто выполнял приказы американцев. Еще один офицер ВВС, Нгуен Ван Ык, сказал: «Зьем знал, что, если сюда придут [американские войска], коммунисты начнут кричать, что они воюют против империалистического господства». С ними соглашался и офицер ВМФ: «После смерти Зьема у Южного Вьетнама больше не было самостоятельной политики».

Все факты свидетельствуют о том, что режим Зьема был насквозь прогнившим и пользовался минимальной поддержкой своего народа. Однако обстоятельства смерти президента, во многом напоминавшие убийство римского императора личной преторианской гвардией, нанесли сокрушительный и, вероятно, непоправимый удар по моральному авторитету США в Юго-Восточной Азии. Американские генералы были потрясены, назвав случившееся «азиатским Заливом свиней». По мнению Фрэнка Скоттона, «убийство Зьема было катастрофической ошибкой». Что же касается новых правителей, которые утверждали, что дадут стране новый старт, то о них он отзывался так: «Некоторые из этих генералов довольно приятные люди, но имеет ли кто-либо из них хотя бы малейшие представления об административном управлении и политическом лидерстве? Теперь, когда первый кровавый переворот состоялся, любой парень в погонах, командующий парой танков, будет считать, что у него есть лицензия на смену правительства».

Дэвид Эллиотт прибыл во Вьетнам «с уверенностью в том, что мы делаем правильные вещи. Но вскоре я пришел к выводу, что, вместо того чтобы поддерживать переворот, нам следовало взглянуть в лицо тому факту, что у нас и нашего союзника — разные цели. И уйти из страны». Как написал один работавший во Вьетнаме австралиец, «чего американцы не поняли, так это того, что они не смогут навязать Южному Вьетнаму свою “демократию”. Любое правительство, которое пользуется поддержкой США, обречено на провал». Протеже Эда Лансдейла, сотрудник ЦРУ Руфус Филлипс, вспоминал свою реакцию,

когда узнал об убийстве Зьема: «Мне хотелось рыдать от отчаяния... Это было безумное решение, и, видит Бог, мы заплатили за него, и они заплатили — все заплатили». Бывший посол в Сайгоне Фредерик Нолтинг уволился из Госдепартамента в знак протеста.

22 ноября 1963 г. в Далласе в возрасте 46 лет был застрелен президент США Джон Фицджеральд Кеннеди. В то время как народ оплакивал своего президента, узкий круг посвященных в тайну того, что произошло в Сайгоне меньше трех недель назад, был шокирован зловещими параллелями. Преемником Кеннеди стал его вице-президент, человек выдающихся политических талантов, которые, впрочем, впоследствии будут забыты, поскольку Линдон Джонсон до конца своих дней будет окутан трагическим саваном войны во Вьетнаме. За пределами США мало кто знал, что представляет собой новый американский лидер. Лондонская The Times с нескрываемым скептицизмом заметила: «На мировой арене он почти неизвестен». Артур Шлезингер пренебрежительно написал: «Его познания [в международных делах] оставляют желать лучшего, и он, по всей видимости, не стремится их обогатить, к примеру общаясь с иностранными визитерами».

Реки чернил потрачены на рассуждения о том, какой бы курс Кеннеди мог избрать во Вьетнаме, если бы не тexasские пули. Уильям Колби из ЦРУ считал, что в конце концов президент осознал бы необходимость надежной политической стратегии как предварительного условия перед любой отправкой войск в Южный Вьетнам. Секретарь Белого дома Кеннет О'Доннелл позже утверждал, что однажды слышал, как Кеннеди сказал, что для США было бы идеальным сценарием, если бы сайгонский режим сам попросил американцев уйти. Некоторые убеждены, что он сохранил бы ограниченное вмешательство, но без отправки полумиллиона военнослужащих. Роберт Макнамара утверждал, что после победы на президентских выборах 1964 г. Кеннеди ушел бы из Вьетнама. Однако биограф министра обороны отмечает, что тот высказал эту точку зрения только много лет спустя.

Все свидетельствует о том, что в тот период над мышлением президента в значительной степени довлели требования предстоящей предвыборной кампании. Предыдущей весной он признался сенатору Майку Мэнсфилду, что склоняется к уходу из Вьетнама, но не может этого сделать до дня голосования. 22 ноября в своей речи в Выставочном центре Далласа Кеннеди должен был сказать: «Мы, наше поколение, живущее в этой стране, стоим на страже свободы... Помогать... другим народам может быть трудным, рискованным и дорогостоящим делом; сегодня в Юго-Восточной Азии мы

сталкиваемся именно с этим. Но мы не устали от этой миссии». Дж. К. Гэлбрейт вспоминал: «Я слышал, как он [Кеннеди] не раз говорил... “можно сделать массу уступок коммунистам в любом отдельно взятом году и выжить политически”».

Нынешний ореол мученика, окружающий Кеннеди, затмевает тот факт, что в середине ноября 1963 г. авторитет президента на международной арене был удручающе низким. 12 ноября, за десять дней до Далласа, лондонская *The Times* написала о «параличе», охватившем правительство США, «всеобщем разочаровании» его решениями и действиями, которые привели к впечатляющим провалам американской политики на нескольких континентах. «По каким-то причинам американская администрация становится все более бессильной в своих попытках повлиять на события внутри страны и за рубежом». Маловероятно, чтобы до ноября 1964 г. Кеннеди осмелился предпринять какие-либо шаги, которые дали бы повод противникам обвинить его в слабости. После переизбрания, кто знает, возможно, ему бы хватило морального мужества, которого не хватило Линдону Джонсону, признать вьетнамский проект неудачным и прекратить его — но об этом нам остается только гадать.

Политика Кеннеди во Вьетнаме страдала от того же фундаментального недостатка, который подрывал политику всех остальных американских президентов в период между 1945 и 1975 гг.: она была основана на требованиях внутренней политики США, а не на реалистичной оценке интересов и чаяний вьетнамского народа. Кеннеди был достаточно умным и дальновидным политиком — возьмите его ранний скептицизм по поводу присутствия французов и американцев в Индокитае, — чтобы понимать, насколько малы шансы на достижение там военной победы. Тем не менее в условиях холодной войны, которая на тот момент достигла ледяной стадии, Кеннеди и его администрация, вероятно, считали, что политические издержки продолжающегося присутствия в Южном Вьетнаме будут гораздо ниже, чем в том случае, если Америка признает свое поражение и уйдет, оставив страну в руках коммунистов. Ни президент, ни министр обороны Макнамара так и не осознали в полной мере тех потенциальных рисков, которые представлял Вьетнам для их страны.

К концу 1963 г. сайгонское правительство не контролировало целый ряд районов в дельте Меконга, которые коммунисты называли «Зонами 20/7» — в честь даты подписания Женевских соглашений 1954 г. В неразберихе, наступившей после убийства Зьема, красные пятна стремительно расползались по карте Южного Вьетнама. Боевой дух ВСРВ рухнул донельзя; даже так называемые элитные подразделения больше не горели желанием вступать в схватки с врагом. Программа

стратегических поселений рухнула. Неожиданно для самих себя южновьетнамские коммунисты оказались хозяевами на обширных территориях страны. Среди американцев был популярен анекдот о том, как посол Лодж посоветовал генералу Миню выступить с успокаивающим и воодушевляющим телевизионным обращением к народу, как это сделал Линдон Джонсон после убийства Кеннеди. На что Большой Минь ему ответил: «У нас в стране нет телевизоров».

22 ноября в Ханое состоялось кризисное заседание Центрального комитета партии, чтобы разработать программу действий в связи с падением режима Зьема. По неподтвержденным слухам, Хо Ши Мин предложил умерить активность на Юге, но ястребы категорически выступили против, и тот в смятении или гневе покинул зал заседаний. Такой жест был нехарактерен для Хо Ши Мина, хотя месяц спустя он сообщил советскому послу, что собирается уйти из политики. По всей видимости, именно это заседание ознаменовало собой конец реального влияния Хо на политику Ханоя, хотя и не его статуса лидера страны в глазах всего мира, и утвердило в качестве главной силы в Политбюро Ле Зуана в паре с его влиятельным сторонником Ле Дык Тхо. У Ле Зуана было важное преимущество перед противниками в собственной стране и США: он был единственным ключевым игроком, у которого имелась четкая и непоколебимая цель — создать единый коммунистический Вьетнам по сталинской модели. Здесь стоит отметить, что в середине 1960-х гг., когда до краха СССР оставалось меньше 30 лет, он так и не проявил ни проблеска понимания эпохального провала его экономической модели.

Отношения Ханоя с Пекином — теперь более сталинистским, чем сам СССР, — стали еще ближе: 2 августа Китай подписал соглашение о прямой военной поддержке Северного Вьетнама в случае вторжения США. Трудно сказать, выполнил бы Мао это обязательство или нет, но осенью 1963 г. этот пакт заметно усилил позиции Ле Зуана и его сторонников в Политбюро. В ходе визита в Ханой председатель КНР Лю Шаоци предложил более активную поддержку освободительной борьбы на Юге, чем все китайские лидеры до него. В страну в большом количестве начало прибывать китайское оружие, которое отправлялось дальше на Юг; 7850 военнослужащих совершили героический пеший переход в «Район боевых действий Б» — как назывался Южный Вьетнам на сленге ханойского руководства. Ноябрьское заседание Центрального комитета партии завершилось принятием резолюции о безоговорочной приверженности более активной и агрессивной — фактически открытой — военной кампании.

Ле Зуан и его соратники были уверены, что новый сайгонский режим скоро рухнет, поэтому американцы вряд ли сочтут

целесообразным отправлять наземные войска, чтобы поддержать заведомо проигравшую сторону. Чтобы не упустить возможность заполнить вакуум власти на Юге, ханойское Политбюро приняло решение о срочной эскалации, которое было сформулировано в Резолюции №9, принятой в декабре 1963 г., и закреплено в двух последующих документах, один из которых опубликовали 20 января 1964 г., а другой остался секретным. Новая доктрина гласила: «Усилить борьбу и натиск ради новых побед на Юге». Тем временем внутри страны сторонники жесткой линии начали новую чистку «правых уклонистов», среди которых были и герои эпохи Вьетминя: тысячи чиновников, журналистов и представителей интеллигенции были отправлены на «перевоспитание» в лагерь.

По сути, Резолюция №9 стала обязательством северовьетнамской компартии вести вооруженную борьбу до победного конца. Хотя Москва и Пекин были озабочены ее возможными последствиями и на протяжении нескольких месяцев СССР не оказывал Ханю почти никакой помощи и даже не удосужился отправить туда своего посла, постепенно те и другие неохотно пришли к убеждению, что ради сохранения своего статуса на международной арене необходимо поддержать революционно-освободительную борьбу на Юге более щедрыми военными поставками. Ханой обратился к своим сторонникам: «Пришло время Северному Вьетнаму усилить свою помощь Югу... Наши враги... используя военную силу, убивают и грабят народ... Единственный способ сокрушить их — вооруженная борьба, которая отныне приобретает решительный характер». После первоначального всплеска партизанской активности в дельте Меконга эпицентр борьбы начал постепенно перемещаться в сторону Центрального нагорья, к северо-западу от Сайгона. У коммунистов был новый амбициозный план — измотать южновьетнамскую армию постоянными ударами и окончательно сломить ее боевой дух.

Некоторые историки считают, что в 1962–1963 гг. были упущены важные возможности для достижения мирного урегулирования. Возможно, предпосылки для этого действительно были, поскольку руководство Северного Вьетнама и сам Ле Зуан в тот период обдумывали возможность вступления в переговоры, чтобы добиться ухода американцев и затем — нейтрального статуса страны. В то же время представляется крайне маловероятным, чтобы Зьем согласился пойти на сделку, которая предполагала коалиционное разделение власти с НФОЮВ. Очевидно и то, что, даже если бы такая сделка была заключена, она бы стала не более чем короткой передышкой на пути к объединенному коммунистическому Вьетнаму: ни Ханой, ни ЦУЮВ не согласились бы довольствоваться меньшим.

Сегодня, оглядываясь в прошлое, мы можем сказать, что такой исход — единый коммунистический Вьетнам — вероятно, был бы наименьшим злом, чем последовавшее десятилетие кровопролитной войны. Большинство южных вьетнамцев, и особенно буддистские лидеры, предпочли бы мир на любых условиях. Это их американские спонсоры категорически отклоняли такой исход, заявляя, что отдать Южный Вьетнам в руки коммунистов, позволив его народу разделить печальную экономическую, социальную и политическую судьбу их северных братьев, будет непростительным историческим предательством.

Коммунисты и США в равной мере несут ответственность за все те ужасы, которые обрушились на вьетнамский народ после смерти Джона Кеннеди: те и другие предпочли наращивать насилие, вместо того чтобы пойти на уступки врагу ради мира. Как сказал служивший во Вьетнаме офицер-артиллерист Даг Джонсон, «убийство Зьема стало ключевым поворотным моментом в войне. С этого дня мы потеряли моральное превосходство. Все знали, что мы в этом замешаны. Кто после этого стал бы нам доверять? Лично я думал так: “Я желаю этому народу добра и сделаю лучшее, что смогу, пусть даже у меня мало надежды на то, что все это закончится хорошо”».

Глава 8

Лабиринт

«Войны хватит на всех»

Генерал успокоил нетерпеливого лейтенанта Дона Снайдера, который рвался поехать во Вьетнам: «Сынок, войны там хватит на всех». Снайдер родился в 1940 г. в семье фермеров-скотоводов в штате Огайо и с отличием окончил Вест-Пойнт — «академия олицетворяла собой все те ценности, на которых я был воспитан»¹. В 1964 г. его наконец-то командировали во Вьетнам как военного советника и инструктора вьетнамского спецназа. Как и всех американцев, которые в первые годы войны оказывались здесь по собственной воле, Снайдера ожидала смесь острых ощущений и разочарования. Его подразделение проводило спецоперации на стыке вьетнамской, лаосской и камбоджийской границ: «Во время ночного десантирования мы никогда не знали, на чью территорию приземлимся». Парашюты застревали в плотном пологе джунглей, и спецназовцы по стропам спускались на землю. Их отряд несколько суток перемещался по вражеской территории, после чего наступала самая сложная часть операции — встретиться с эвакуационными вертолетами. Снайдер был в восторге от своих

американских коллег, особенно от сурового сержанта Заки. Я думал: «Как здорово воевать бок о бок с такими парнями, как он!»

Снайдер так и не сумел наладить тесных контактов со своими подопечными, большинство из которых были нунгами^[28]. «За три операции я так и не понял, что у них на уме, кому я могу доверять. Они были наемниками. Они говорили: “Платите нам, и мы будем сражаться”. Но ведь одних только денег недостаточно». Снайдер совершил семь глубоких разведывательных вылазок, после чего его перевели в дельту Меконга, чтобы он обучал военному делу местные силы обороны на камбоджийской границе. В ходе рейдов, когда отряд Снайдера пытался найти лейтенанта Ника Роуи — офицера спецназа, захваченного вьетконговцами в плен и в итоге проведенного там пять лет, они несколько раз попадали в смертельные засады. Из одной из таких засад Снайдер выбрался, таща на спине раненого переводчика и тяжеленную рацию, в которой потом обнаружил несколько пулевых отверстий. «У тех вьетнамцев, с которыми мне приходилось иметь дело, я не видел никакого желания воевать. Я подумал: если вести войну с таким настроением, о какой победе может идти речь?.. [К концу командировки] я больше не хотел помогать ни вьетнамцам, ни их спецназу. Нельзя сказать, чтобы я разочаровался в войне, — просто я понял, что все мои усилия напрасны».

Снайдер пришел к выводу, что добиться каких-то успехов удалось только тем советникам, которые, в отличие от него, сумели наладить отношения с местными людьми. Фрэнк Скоттон рассказывал, как вскоре после прибытия во Вьетнам он ехал на джипе с американским сержантом, который широко улыбался и радостно махал рукой каждому вьетнамцу, мимо которого они проезжали. Скоттон поинтересовался: к чему такое шоу? На что водитель ответил: «Если я попаду в плен, я хочу, чтобы вьетнамцы помнили меня как большого, тупого и дружелюбного американца»². Бортовой стрелок Эрик Дитрих искренне любил своих товарищей из ВСРВ, многих из которых ему пришлось ранеными вывозить с поля боя. «[Смертельно раненные] умирали тихо, будто бы даже извиняясь за те неудобства, которые они причиняли своей смертью». Но Дитрих признается, что чувствовал себя не в своей тарелке, когда маленький спецназовец-десантник, с которым они сдружились, по вьетнамской привычке пытался держаться с ним за руки. «Его последнее письмо несколько недель колесило по стране, прежде чем нашло меня: “Вот уже месяц я скучаю по тебе. Все время вспоминаю наши последние дни службы. Я никогда их не забуду... Желаю тебе удачи на твоём служебном пути. А когда мы увидимся снова, я расскажу тебе подробности”». «Мне так и не довелось услышать эти “подробности” — впоследствии печально размышлял

Дитрих. — Нгуен Чань Шы, Во Ван Ко, Бонг Нг-Хыу... Что стало со всеми вами? Фам Зя Кау, мой дорогой храбрый друг, который сражался в Дьенбьенфу и после раздела ушел на Юг, — тебе бы я без колебаний доверил свою жизнь, ты всегда в моих молитвах...»³

Между тем некоторые американцы были доведены до отчаяния. 1 марта 1964 г. сотрудник дипломатической службы Даг Рэмзи писал домой своим родителям: «Вся структура этого правительства прогнила до самой сердцевины, сверху донизу. Ты дергаешь за рычаг и обнаруживаешь, что от него не тянется никаких веревок, а если тебе удастся потянуть за какую-то веревку, на другом ее конце тоже ничего нет... Если только мы не готовы содействовать радикальным изменениям, боюсь, я вынужден согласиться с теми, кто говорит, что нам здесь нечего делать. Если мы не можем предложить вьетнамскому народу ничего лучшего, чем затяжная война... Если мы просто продолжим... поддерживать феодальный режим, который в любом случае обречен... мы не можем ожидать реальной поддержки»⁴.

Позже Рэмзи стал помощником Джона Ванна, который уволился из армии и возглавил региональную программу по восстановлению мира в дельте Меконга. Он описывал полковника так: «Он чем-то напоминал кинозвезду Ллойда Бриджеса: у него были небольшие глаза с опущенными вниз уголками, которые словно пронзали вас серо-голубыми лазерными лучами. Говорил он грубоватым голосом с южным вирджинским акцентом. Он был невысокого роста и к 41 году приобрел небольшое брюшко, а его светлые волосы заметно поредели»⁵. Рэмзи был поражен его «животной жизненной энергией», которой хватало на 16 часов кипучей деятельности в сутки, и его цепкой хваткой: «Он хотел знать все обо всем и обо всех. Со своей феноменальной памятью и вниманием к деталям он мог бы быть очень успешным управленцем... если бы не был одержим такой жадностью действий. Про себя он говорил, что в глубине души он — вирджинский реднек^[29], и, вполне вероятно, так оно и было. Его преданность друзьям и ненависть к врагам были абсолютными. Он обладал уникальной способностью заводить связи со всеми, кто мог оказаться ему полезен. Он находился в отличной спортивной форме, мог сделать сальто из положения стоя и профессионально играл в волейбол».

Генерал-лейтенант Фред Вейанд лаконично сказал: «Он был одним из тех, кому бы я доверил свою жизнь». Рэмзи описывал Ванна как человека фанатичной самодисциплины во всем, кроме секса: «У Джона были свои представления о способах расслабиться, например переспать с двумя сестрами за ночь. Когда я попытался его упрекнуть, он предложил мне присоединиться к ним»⁶. Рэмзи был уверен, что при всем своем маниакальном распутстве Ванн всю жизнь искренне любил

свою бывшую жену Мэри-Джейн, которой в браке изменял направо и налево. Военный советник капитан Гордон Салливан восхищался его глубокими знаниями вьетнамских реалий и нежеланием «играть в игры», чтобы польстить американским властям. «Он [Ванн] говорил: “Я не собираюсь устраивать цирковое шоу”. Многие критиковали его, но делали это только из зависти».

Мыслящие американцы, такие как Даг Рэмзи, были удручены провалами американской политики, с одной стороны, и возмущены зверствами вьетконговцев — с другой. Последние происходили почти ежедневно: «Они устраивали стрельбу в школьных дворах, чтобы застрелить пару солдат ВСРВ среди полусотни детей; лишали жизни десятки мирных граждан в ресторанах и на улицах, чтобы уничтожить одного-двух американцев; обстреливали из гранатометов мирные поселения, просто чтобы запугать людей; убивали безоружных учителей и военнопленных; расстреливали подруг офицеров ВСРВ, а также самих офицеров»⁷. Рэмзи считал, что программа восстановления мира могла быть успешно реализована только с опорой на небольшие местные группы советников — по образцу коммунистических ячеек.

Однажды они с Фрэнком Скоттоном без предупреждения заехали в деревню недалеко от Сайгона и, зайдя во двор к старосте, обнаружили там группу мужчин в черных «пижамах», очевидно партизан, которые сидели на земле и о чем-то совещались. Те мрачно уставились на прибывших, но не двинулись с места, потому что американцы были вооружены. Деревенский староста заверил тех и других, что, если они будут сохранять спокойствие, ничего неприятного не случится. В конце концов партизаны осознали всю комичность ситуации и даже согласились попозировать для фотографий. Но Рэмзи и Скоттон смогли вздохнуть с облегчением, только когда сели в машину и покинули деревню. Они были отрезвлены, своими глазами увидев, как свободно чувствовали себя партизаны среди бела дня в часе езды на юго-запад от Сайгона.

Несмотря на все сложности и разочарования, Рэмзи, как и Скоттон и Ванн, любил такую жизнь. Отвергая сравнение с Лоуренсом Индокитайским, он предпочитал сравнивать себя со Спартаком, «хотя того в конце концов постигла печальная участь». Он писал: «Как минимум, пребывание во Вьетнаме давало человеку возможность стать “настоящим мачо” — таким, каким он представлял его в детстве: герой, головорез и авантюрист одновременно, с винтовкой в одной руке и конфетой для детей в другой, днем сражающийся за Бога, Соединенные Штаты, демократию и свободное предпринимательство в стране, где обитает опасный враг, кровь льется рекой, а острые ощущения, награды и повышения по службе сыплются как манна небесная, ночью же

пробующий все соблазны, которые только может предложить Сайгон. Как в 1953 г. Том Лерер спел в своей песне “Старый добрый торговец наркотиками”, творить во Вьетнаме добро было увлекательно и прибыльно»[8](#). Впрочем, в то время Рэмзи мало слушал сатирические песни: его любимым произведением стал «Военный реквием» Бенджамина Бриттена.

Агент ЦРУ Фрэнк Снепп приехал во Вьетнам позже Рэмзи, но относился к происходящему так же, как он. Фрэнк родился в Северной Каролине. С отцом — бывшим полковником морской пехоты, ныне судьей, убежденным представителем истеблишмента — его связывали непростые отношения; самые теплые воспоминания из детства он сохранил о своей чернокожей няне. После окончания факультета международных отношений Колумбийского университета он решил связать свою судьбу с ЦРУ; в резюме он охарактеризовал себя так: «Арийская кровь, менталитет “клуба для избранных”, огромный талант к двуличию»[9](#). К этому следовало бы добавить «внешность кинозвезды», которая позволяла ему затаскивать в постель множество привлекательных женщин, включая сотрудниц ЦРУ. Завистники называли его «приапистом», но сам он предпочитал слово «романтик». Через две недели после приезда во Вьетнам Снепп отправился на одномоторном Pilatus PC-6 Porter в дельту Меконга, где их обстреляли вьетконговцы. Когда их самолет получил несколько пробоин от винтовочных пуль, 26-летний агент восторженно пробормотал себе под нос: «Мне это нравится! Господи, как мне это нравится!» Позже он сказал: «Это было здорово. Я влюбился во Вьетнам и вьетнамцев... Я считал, что, если ЦРУ правильно наладит работу и задействует «правильных» людей, мы сможем навести тут порядок»[10](#).

Гарри Уильямс прибыл во Вьетнам как специалист по радиоперехвату в апреле 1964 г. Он был полон энтузиазма: «Это была правильная война, замечательная война. Мы были благородными ковбоями. Я любил свою работу и считал, что приношу реальную пользу. Я был убежден в правоте нашего дела и в том, что мы победим». Он оставил свою беременную жену Пегги в США и снимал в Сайгоне квартиру. Поскольку он немного говорил по-вьетнамски, его вьетнамские соседи прозвали его «французом». Он много ездил по стране и общался с местными жителями, пока такие поездки не стали слишком опасными. В одной деревушке в предместьях Дананга староста в недоумении спросил у него: «Почему они убили Кеннеди?» Как выяснил Уильямс, многие вьетнамцы считали, что американский президент хотел помочь Вьетнаму, и подозревали, что его смерть как-то связана с этим. В конце концов Уильямс пришел к выводу, что подавляющая часть сельского населения была абсолютно

индифферентна в политическом плане и не поддерживала ни одну из сторон: «Типичного рядового вьетнамца заботило только одно: как бы выжить».

Образованные, утонченные американцы сетовали на перемены, происходящие в Сайгоне. На бульваре Тызо были срублены высокие платаны; количество автомобилей на улицах удвоилось. Старожил Индокитая Говард Симпсон заметил: «Сонная колониальная столица превратилась в многолюдную, грязную метрополию военного времени»¹¹. Военный советник полковник Сид Берри писал: «Сайгон сильно изменился... Он стал многолюдным, вульгарным, глянцевым, коммерческим, хватким, жадным, грязным и денежным. Там стало много американцев. Слишком много американцев, которые раздували цены и притягивали все дешевое, кричащее и безвкусное»¹².

Между тем война ощущалась все больше. Уильямс часто ужинал в маленьком ресторанчике «Брассери» позади кинотеатра «Рекс», хозяйкой которого была приятная женщина франко-вьетнамского происхождения по имени Элен. Но как-то вечером в августе, когда он, по обыкновению, зашел в «Брассери», Элен встретила его со словами: «Сегодня вам лучше поужинать в другом месте». Через час в ресторане была взорвана бомба. Тем же летом Уильямса прикомандировали к новой группе, которая должна была наладить наблюдение за перемещением северовьетнамцев на тропе Хо Ши Мина. Группа разместилась на базе в Кхешане, на самом западе демилитаризованной зоны, менее чем в 5 км от границы с Лаосом, где уже базировалась спецназовская «Команда А». Ключевым персоналом были гражданские лица, сотрудники Исследовательской корпорации Сиракузского университета, которая работала под патронажем Управления военно-морской разведки. Они разработали технологию под названием «портативная система мониторинга с расшифровкой сигнала» (Portable Signal Unscramble Monitoring System, POSSUM).

Согласно плану, датчики требовалось установить на высоте 1701 недалеко от тропы Хо Ши Мина. 28 мая вертолет Н-34 доставил капитана морской пехоты Эла Грея и трех вьетнамских спецназовцев на вершину, чтобы обработать ее дефолиантами. Грей, суровый прирожденный солдат, находил удовольствие в том, что его подопечный сержант ВСРВ раньше командовал пулеметной ротой в рядах Вьетминя: «Он был отличным бойцом». Через несколько часов после прибытия на вершину полил дождь и опустился густой туман — и такая погода продолжалась 30 дней, не давая возможности вертолетам забрать команду. Когда голод стал невыносимым, они решили выбираться пешком. С горы они спустились без происшествий, если не считать присосавшихся пиявок и встречавшихся на пути диких

животных. На выходе из джунглей они наткнулись на купавшегося в ручье вьетконговца и застрелили его, после чего стали прорываться в сторону Кхешани. Один из вьетнамских спецназовцев получил тяжелое ранение, и последние 10 км Грей тащил его на себе, за что впоследствии был награжден Бронзовой звездой. Система электронного наблюдения в конце концов заработала.

Многие из первой волны американцев во Вьетнаме были серьезными людьми, искренне почитавшими Бога и американский флаг. Сид Берри писал своей жене Энн: «В эти выходные хорошо отдохнул. Я нуждался в отдыхе. Теперь снова в бой. 101 раз пресс, 40 отжиманий, 30 жимов с эспандером, две главы из Послания к римлянам, бритье, душ — и теперь письмо тебе»¹³. Даже те, кто проводил за чтением Библии меньше времени, чем полковник Берри, вовсе не были так одержимы общением с местными проститутками, как гласят легенды. Как-то Фрэнк Скоттон и его люди вернулись из многодневного похода по горам, все покрытые грязью с головы до ног. Молодой сержант-спецназовец, недавно прибывший во Вьетнам, с благоговением присвистнул: «Держу пари, после того что вы пережили парни, вы зададите этим леди жару, как только вернетесь в город!»¹⁴ Но Скоттон разочаровал его: они мечтали только об одном — принять горячий душ и выспаться в чистой постели.

Среди вьетнамцев тоже находились такие, кто получал удовольствие от войны, в том числе Нгуен Ван Ык, пилот вертолета, налетавший 6000 часов. «Я любил летать, — вспоминал он, — и получал огромное удовлетворение, когда мне удавалось хорошо выполнить задание»¹⁵. Но большинство его соотечественников придерживались более мрачных взглядов. Как-то утром в августе 1964 г. 21-летний лейтенант Фан Нят Нам из 7-го парашютного полка подошел со своим взводом к безлюдной деревне. На окраине они обнаружили подземное убежище. «Эй, есть там кто-нибудь? — крикнул один из его людей, после чего повернулся к Наму. — Лейтенант, разрешите бросить туда гранату». Но Нам вместо этого приказал солдату дать очередь в воздух из автомата.

Вскоре из убежища медленно вышел старик, неся на руках свою жену, на голове у которой была страшная рана. Со слезами на глазах, он положил ее на землю и торжественно поклонился на четыре стороны. Нам был потрясен этим зрелищем, как и видом двух мертвых подростков-вьетконговцев, лежавших в соседнем рве. Для молодого лейтенанта это была первая операция, и это были первые вражеские трупы, которые он увидел. В деревне жила католическая община; в церкви они обнаружили еще шесть трупов — мужа и жену, которые прижимали к груди своих троих детей, и юную девушку, чья пурпурная

блузка развевалась и хлопала на ветру. Нам писал: «Мне было трудно дышать, я задыхался от гнева и чувства безграничного горя»[16](#).

На следующий день его батальон прочесывал покинутую жителями деревню, из которой они только что выбили вьетконговцев. В одном из полуразрушенных домов Нам со своими людьми наткнулся на молодую женщину, которая сидела на каменном полу и держала в руках плетеную корзину. «Она неподвижно смотрела перед собой бессмысленным, остекленевшим взглядом». Когда солдаты вошли, она встала. Хиеу, радист, проскользнул мимо нее на кухню в поисках еды. Нам спросил у женщины, почему та не ушла из деревни вместе со всеми. Когда он махнул в ее сторону пистолетом, «в ее глазах вспыхнул ужас. Не говоря ни слова, она вдруг бросилась ко мне и протянула мне корзину. Там лежало два комплекта одежды, рубашки и штаны, головной платок и небольшой бумажный пакет, туго перетянутый резинкой. Я открыл его и увидел две золотые цепочки и пару сережек. Хиеу пробормотал за моей спиной: “Эта сука сумасшедшая. Она так напугана, что тронулась умом”. Увидев блеск золота, он воскликнул: “Ничего себе! Да тут больше таэля! Оставь это себе, лейтенант”[\[30\]](#). Он жестом показал женщине уйти. Та повернулась и пошла прочь, шагая как труп».

Нам окликнул ее и протянул ей корзину. Ее руки так сильно дрожали от ужаса, что она не смогла ее взять, и вместо этого, рыдая, начала расстегивать блузку. Молодой лейтенант был глубоко смущен — она восприняла его отказ взять ее самое ценное имущество как знак того, что он хотел ее тела. «Что пришлось пережить этой молодой женщине, чтобы, умирая от страха и заливаясь слезами, предлагать себя солдату, который мог бы быть ее младшим братом?»[17](#) Нам уговорил женщину пойти вместе с ними к реке, посреди которой на сампанах плавали местные жители, сбежавшие от сражения. Когда они вышли на берег, из одного сампана раздался крик: «Лай! Это ты, Лай!» Старая женщина узнала свою дочь, которая остановилась, «словно пыталась вызвать в памяти воспоминания из прошлой жизни, а потом закричала: “Мама! Мама! Наш дом сгорел! У нас больше нет дома! — и пошла к реке, как человек, находящийся в трансе».

Этот рассказ заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, при том что некоторые подразделения ВСПВ печально прославились своей склонностью к грабежам и изнасилованиям, среди южновьетнамских военных были и такие люди, как Нам, искренне болевшие душой за свою страну и своих несчастных соотечественников. Многие американцы убедили себя в том, что «азиаты относятся к смерти проще, чем мы». Разумеется, это было не так. Сид Берри был тронут силой духа вьетнамских солдат: «Их раненые не плачут, не стонут и не

жалуются¹⁸. Они страдают молча и терпеливо. Я никогда не видел ничего подобного. От зрелища того, как они тихо умирают, разрывается сердце».

Один из британских журналистов присоединился к колонне солдат, которая продвигалась вдоль дамбы недалеко от Кантхо в дельте Меконга, направляясь на боевую операцию. Кто-то из солдат заговорил с ним, рассказал о своем доме в Нячанге и пригласил в гости¹⁹. Вьетнамец с завистью посмотрел на замшевые ботинки иностранца. «Первоклассная обувь!» — похвалил он. Британец сказал, что после сражения подарит их ему. «О, нет! Вы очень большой. Я маленький». Начался сильный дождь, и вдруг рядом с ними взорвалась минометная мина. Ударной волной британца отбросило на землю, но, к его удивлению, больше взрывов не последовало. «Мои руки дрожали, сердце колотилось как бешеное. Потом я услышал недалеко от себя странные звуки, словно кто-то рыдал или задыхался. Сначала я увидел каску — она валялась на земле как морская ракушка — а потом своего нового друга из Нячанга. Одной рукой он сжимал живот, а другой хватался за землю... Его глаза были зажмурены, по лицу хлестал дождь, и я вдруг почувствовал ужасный запах. Я расстегнул его промокшую рубашку и увидел, что вместо живота у него было темное, блестящее месиво, сочившееся кровью, желчью, и всем остальным, что может выходить из разорванной осколками брюшной полости. Он открыл глаза и сказал слабым голосом: “Мне больно”. И вскоре умер».

Между тем высшие командиры ВСРВ превратились в некое подобие военных баронов: согласно одному из американских отчетов, за период с 1954 по 1966 г. только один старший офицер был ранен в бою. Фрэнк Скоттон писал, что вьетнамцы очень любили играть в котыонг — разновидность китайских шахмат под названием «Захвати генерала», похожую на популярную в Европе игру «Атака». В игре использовались вполне реалистичные фигуры и реалистичные правила: например, пехота могла пересечь реку, но не могла вернуться обратно, а генералам, ключевым фигурам, не разрешалось покидать свои крепости. К сожалению, подчас складывалось впечатление, будто живые сайгонские генералы воевали по тем же правилам, что и их игрушечные коллеги.

Главы районов присваивали себе значительную часть риса, который собирали у крестьян на нужды армии и ополчения. Начальники полиции обогащались, продавая лицензии на любую коммерческую деятельность — заведения общественного питания, рыбалку, лесозаготовку. Как писал Эдвард Брэди, который много лет прослужил советником во Вьетнаме, «в этой культуре, где семья стояла на первом месте, вас бы сочли дурным человеком, если бы вы не воспользовались

возможностью помочь своей семье»²⁰. Один вьетнамский генерал гордо утверждал, что никогда не продавал офицерские чины, и он не врал: вместо него этим бизнесом занималась его жена и любовницы. «Офицеры все отрицали. Вьетнамцы вообще обладают уникальной способностью дистанцировать себя от происходящего и заявлять о своей непричастности, — с горечью писал Нгуен Као Ки. — Большинство старших офицеров были обеспокоены только тем, чтобы угодить своему [американскому] советнику»²¹.

А как тем временем обстояли дела у другой стороны? В свете углубляющегося китайско-советского раскола Мао Цзэдун вдруг осознал, что Китай может извлечь важные выгоды из революционной борьбы, которую ведет его сосед. Он предложил Ле Зуану новую большую инъекцию помощи, а также идею провести конференцию азиатских коммунистов без участия СССР. Северовьетнамское Политбюро начало называть китайцев «нашими товарищами», а русских всего лишь «друзьями». Идеологическая борьба в Ханое настолько обострилась, что 40 вьетнамцев, которые работали или учились в СССР и многие из которых были близки к Зяпу, попросили политического убежища у Москвы²². Иностранные наблюдатели отметили, что с полок книжных магазинов в Ханое исчезли труды советских коммунистов. Однако от проведения конференции по схеме Мао Ле Зуан отказался: он не хотел провоцировать окончательный разрыв с «Медведем», который мог обеспечить его более современным и эффективным оружием, чем «Дракон». Вместе с Ле Дык Тхо он отправился в Москву, чтобы заверить русских в том, что вьетнамцы не собираются мешать советской глобальной политике мирного сосуществования.

На конференции в Ханое в марте 1964 г. Хо Ши Мин предпринял отчаянную попытку сдержать эскалацию, сделав акцент на решении руководства партии не отправлять регулярные формирования ВНА на Юг. Но по тропе его имени тек нескончаемый и растущий с каждым днем поток «добровольцев» — партработников, военных советников и военспецов, готовых терпеть все трудности и опасности пешего перехода, впрочем связанные не столько с американским вмешательством, сколько с естественными условиями: дефицитом продовольствия и медикаментов, плохой погодой, насекомыми и малярией. Теперь НФОЮВ получал с Севера 15 тонн оружия и боеприпасов в день по суше и по морю, а общая численность его сил оценивалась в 170 000 человек, из которых 30 000 составляли основные ударные подразделения. Приверженцы жесткого курса на Севере и коммунисты на Юге были разочарованы малодушной осторожностью

фракции Хо, в то время как южновьетнамские товарищи сражались за свое выживание.

Между тем Резолюция №9 подстегнула военные усилия Ханоя, возглавляемые ястребами Ле Зуаном и Ле Дык Тхо: весной 1964 г. в течение нескольких недель после обнародования резолюции частота локальных столкновений партизан с правительственными силами на Юге выросла на 40%, а более крупных атак — на 75%. НФОЮВ ввел собственную воинскую повинность в контролируемых им районах, тем самым только усугубив страдания крестьян. В одной деревне в дельте Меконга партизаны насильно мобилизовали 300 молодых мужчин, в то время как в ВСРВ было призвано всего 80. Один пожилой крестьянин с горечью сказал местным коммунистам: «Вы ругаете империалистов, а сами поступаете хуже них. Верните моего сына домой»²³.

Дэвид Эллиот писал: «Грубая сила и обман были главными методами, с помощью которых коммунисты пополняли свои ряды новобранцами. Для сельской молодежи призыв в ряды Вьетконга был равносильен смертному приговору»²⁴. НФОЮВ облагал сельское население данью, более высокой, чем правительственные налоги: в среднем крестьяне отдавали коммунистам не меньше 20% своих скромных доходов. Один крестьянин, чья деревня официально находилась под правительственным контролем, рассказывал, что в 1964 г. заработал на продаже манго 17 000 пиастров, из которых 125 пиастров отдал правительству и 900 Вьетконгу. В следующем году разразился неурожай, и ему удалось заработать всего 3000 пиастров, но коммунисты отобрали у него все деньги, оставив ему всего 200 пиастров.

В 1964 г. лучшие подразделения Вьетконга перебазировались на Центральное нагорье и в так называемый Железный треугольник — условный район площадью около 320 кв. км на поросшей густыми джунглями местности к северо-западу от Сайгона, один из углов которого находился на расстоянии всего 25 км от столицы. Большинство партизанских операций проводилось силами одной роты, поскольку сосредоточивать более крупные формирования в одном месте было слишком сложно и опасно. Наиболее слаженными и эффективными подразделениями были группы подрывников, которые в обмен на самую опасную и ответственную роль на поле боя пользовались дисциплинарными послаблениями. Если партизанам хотелось легкой победы, они нападали на гражданский транспорт, особенно на автобусы, часто с фатальными последствиями для пассажиров. Местные отряды Вьетконга вместе с деревенскими жителями были обязаны создавать «антиамериканские периметры уничтожения» для защиты «освобожденных революционных зон».

Ополченцы правительственных Региональных сил и Народных сил охотно продавали свое оружие, так что вьетконговцы даже установили тарифы: 2000 пиастров за карабин М-1, 8000 за ручной пулемет Браунинг, 8 пиастров за патрон и 20 000 за сдачу военного поста. Командир одного такого поста сумел повернуть еще более выгодную сделку: выторговав у местных партизан 30 000 пиастров, ночью он открыл им ворота, и те быстро обратили в бегство небольшой гарнизон, убив пятерых защитников и ранив двоих²⁵.

Если только партизанские отряды не располагали свои базы в отдаленных и безопасных районах, таких как Камышовая равнина, большинству приходилось менять место стоянки каждые трое суток, проходя по 30 км в день в сухой сезон и до 25 км в сезон дождей. Во время таких переходов они становились наиболее уязвимы, особенно когда пересекали дороги, — одна из баллад Ван Ки, написанная еще во времена Вьетминя, так и называлась: «Через шоссе». В наиболее опасных районах партизаны раскатывали поперек дороги водонепроницаемую ткань, чтобы не оставлять на асфальте характерные следы десятков грязных ног. Деревенские старосты были обязаны держать тайные запасы риса, чтобы кормить партизан, ставших лагерем возле их деревни, а также снабжать их носильщиками до следующей стоянки. Зачастую ими становились женщины, каждая из которых могла нести три винтовки, один артиллерийский снаряд или 250 патронов. Некоторым девушкам нравилось это занятие, поскольку давало возможность пообщаться с молодыми мужчинами. В отличие от этого, рытье траншей и подземных укреплений ненавидели все — и сами партизаны, и мобилизованные ими крестьяне. По крайней мере, в этом они были похожи на своих врагов — солдат ВСРВ и американцев. Силы Вьетконга несли постоянные потери из-за потока перебежчиков, однако отношение сайгонского правительства к чиеу хой зачастую было удручающим. Когда командир небольшого партизанского отряда, на счету которого было немало военных побед, включая захват правительственного поста, перешел на другую сторону, его понизили в звании до рядового ВСРВ.

Программа воздушной дефолиации, активно развернутая с 1964 г., серьезно осложняла партизанам жизнь, лишая их естественного укрытия. Правительственные силы, хотя и терпели много неудач, иногда одерживали крупные победы. В начале 1965 г. легендарный 514-й батальон НФОЮВ потерпел сокрушительное поражение от сил ВСРВ в той же деревне Апбак в дельте Меконга, где катастрофически провалилась операция Джона Ванна. После этого коммунисты прибегли к тому же сомнительному пропагандистскому методу, что и генерал Харкинс годом ранее: они распространили ложные слухи о своей

победе, утверждая, что партизаны убили сотню солдат ВСРВ, потеряв всего 12 своих людей. Однако местные жители своими глазами видели поле боя, усыпанное телами партизан, а некоторые даже обнаружили среди них своих знакомых. Скорбящие родители в отчаянии искали места захоронения сыновей, чтобы выкопать их тела и перезахоронить на семейных кладбищах. Один партработник написал в боевом журнале: «В результате этого сражения 514-й батальон пришел в серьезный упадок»²⁶. В другой раз три батальона вьетконговцев атаковали аэродром, но получили жесткий отпор и отступили с большими потерями, однако коммунистическая пропаганда снова раструбила о победе партизан.

Подобная ложь подрывала доверие к НФОЮФ и временно ослабляла поддержку партизан среди сельского населения. Но это длилось недолго: своим безграмотным применением огневой мощи правительственные силы уничтожали любой проблеск доброй воли. Мирное население страдало от бездумных воздушных ударов и артиллерийских обстрелов гораздо больше, чем вьетконговцы, которые, если им удавалось хорошо окопаться, несли на удивление небольшие потери. Как сказал один крестьянин интервьюеру из RAND Corporation, «американцы бомбят и разрушают слишком много. Они убивают много крестьян и очень мало партизан». Коммунисты говорили крестьянам: «Они [правительственные силы] убьют вас, даже если вы будете тихомирно сидеть в своих деревнях, так лучше уж погибнуть с оружием в руках»²⁷. Многие вьетнамцы были с этим согласны. Хотя в 1964 г. коммунисты потерпели свою долю поражений на поле боя, их силы и поддержка среди населения заметно росли, тогда как сайгонское правительство теряло и то и другое.

Не время для решений

Через несколько лет Линдон Джонсон скажет по поводу Вьетнама: «С самого начала я знал, что обречен быть распятым, какой бы путь я ни избрал. Если бы я оставил женщину, которую по-настоящему любил, — Великое общество, чтобы спутаться с сукой-войной на другом конце света, я бы потерял дома все... Но, если бы я бросил Южный Вьетнам с его войной, отдав его в руки коммунистов, меня бы назвали трусом, а мою страну — умиротворителем, и с того момента мы бы ничего больше не могли сделать ни в какой точке земного шара»²⁸.

Каждый президент наследует «конюшню» своего предшественника и, по крайней мере первое время, вынужден «скакать на его лошадях». Необузданный «скакун войны» был мало подвластен Джонсону. В ту же секунду, когда техасские пули поразили Джона Кеннеди, он

превратился в легендарного героя, благородного рыцаря-мученика. Первым делом, встав у руля власти, Джонсон пообещал американскому народу и конгрессу, что обеспечит преемственность политики своего предшественника. Трудно представить, чтобы он мог пообещать что-то другое. Хотя Джонсон с гордостью называл себя неотесанным парнем с техасского ранчо, в глубине души он переживал из-за того, что ему не хватало утонченности Кеннеди и его «придворных», которые подсмеивались над простецкими выражениями Джонсона вроде «Не плюйте в суп — нам еще придется его есть», над его любовью к тушеным бобам с бамией и над его неуклюжими фотографиями вроде той, где он держал за уши своего бигля. Позже, в приступе негодования на людей ДФК, которые, как он считал, лишили его поддержки, он сказал, что в 1964 г. ему пришлось «оставить на своих местах всех одиннадцать пастухов»[29](#) — кабинет Кеннеди.

Если оставить в стороне Вьетнам, бывший вице-президент был гораздо более эффективным политиком, чем бывший командир торпедного катера РТ-109[\[31\]](#). Чего не хватало Джонсону, так это уникального дара Кеннеди спланировать вокруг себя людей, создавать поразительный дух единства, что в значительной степени позволяет объяснить последующую трагедию его президентства. Американская военная верхушка настороженно относилась к новому президенту, не в последнюю очередь из-за хвастливых рассказов последнего о своих героических подвигах во время Второй мировой войны: так, в одном интервью он заявил, что во время войны заработал себе прозвище Рейдер. Ни для кого не было секретом, что весь боевой опыт Джонсона ограничивался единственным полетом в пассажирском кресле на борту В-26 в 1942 г. в Новую Гвинею, за что генерал Дуглас Макартур наградил техасского конгрессмена одной из сотен сильно потускневших Серебряных звезд.

Никакое наследие Кеннеди не обязывало нового президента бомбить Северный Вьетнам или отправлять полмиллиона американских солдат на Юг. Тем не менее было немыслимым, чтобы в первый же год пребывания у власти — и за год до президентских выборов — Джонсон приказал находящимся в Индокитае американцам упаковать чемоданы и вернуться домой. Ничто из того, что происходило далее, не было неизбежным, однако все дальнейшее проистекало из той данности, что в стране уже находилось 16 000 граждан США, отправленных туда Джоном Кеннеди. Дэвид Нес вспоминал, что перед его отъездом в Сайгон в качестве заместителя посла Лоджа его начальник сказал ему: «Линдон Джонсон не собирается стать президентом, который потерял Вьетнам. Не забывай об этом»[30](#).

В конце ноября 1963 г. КОВПВ приступило к реализации нового плана, призванного усилить правительственный контроль в дельте Меконга. План предусматривал интенсивные обстрелы сельской местности и провозглашение так называемых зон свободного огня, где разрешалось открывать огонь по любым движущимся объектам. Сельские жители покидали свои деревни и переселялись в городские трущобы вдоль шоссе №4. Некоторые крестьяне стали носить белую одежду вместо традиционной черной, которую американские пилоты считали партизанским дресс-кодом. Новая агрессивная политика снизила народную поддержку партизан и негативно отразилась на моральном духе последних. К сожалению, хотя сайгонскому режиму удалось временно переиграть коммунистов в запугивании крестьян, оно ничего не сделало ради того, чтобы завоевать хотя бы каплю лояльности собственного народа.

Между тем у военной хунты начались проблемы. Большой Минь правил страной меньше трех месяцев, но уже разочаровал и своих коллег, и американских патронов. В декабре Макнамара посетил Сайгон и был потрясен царившим там хаосом. Американцы были уверены, что Минь, как и Нью до него, проявлял недопустимый интерес к переговорам в Ханое. Генерал скептически относился к программе стратегических поселений и действенности сплошных бомбардировок. 28 января 1964 г. 37-летний генерал Нгуен Кхань облачился в штатскую одежду и, заявив, что ему срочно нужно посетить столичного дантиста, отправился из Хюэ, где располагалась его штаб-квартира, в Сайгон на регулярном рейсе Air Vietnam. В предрассветные утренние часы 30 декабря он переоделся в привычную военную форму и вместе со своим заместителем поехал в штаб-квартиру ВСРВ, где у него была назначена встреча с близким другом — командующим парашютными войсками генералом Чан Тхиен Кхиемом. Они собирались устроить переворот, отстранив от власти хунту во главе с Минем. К своему удивлению, Кхань обнаружил, что в здании штаб-квартиры не горит свет ни в одном окне. Он позвонил Кхьему, чтобы спросить, почему ничего не происходит. «Ох, кажется, я забыл завести будильник, — ответил беспечный заговорщик. — Но не волнуйтесь, у нас все под контролем»[31](#).

Переворот действительно прошел гладко. На рассвете новый лидер Южного Вьетнама обратился к нации, объявив, что отныне он встает у руля страны, так как генерал Минь и его люди показали себя нерешительными в ведении войны. Смена власти произошла без единого выстрела. Все тот же Лу Конейн убедил свое начальство в необходимости очередного переворота под предлогом того, что Минь якобы все более явно склонялся в пользу нейтрального статуса

Вьетнама — сценарий, совершенно неприемлемый для Вашингтона. Макнамара и Лодж считали Нгуен Кханя «самым способным из генералов». Едва ли не первое, что сделал тот, придя к власти, — ликвидировал майора Нгуен Ван Нюнга, убийцу Зьема и Нью. Этот профессиональный палач удостоился профессиональной казни: его заставили стать на колени в саду одной из сайгонских вилл и застрелили выпущенной в затылок единственной пулей.

Смена одного «сильного лидера» другим в течение трех месяцев окончательно деморализовала и дезорганизовала армию и страну. Британский посол Гордон Этерингтон-Смит считал, что США должны были предотвратить переворот: увидев, с какой легкостью Вашингтон поставил крест на Большом Мине, теперь едва ли не любой старший офицер, командующий парой-тройкой полков, мог возомнить себя достойным встать у руля страны. Этерингтон-Смит писал в Лондон: «Судя по всему, те самые качества, которые делают Кханя привлекательным для американцев, — его “бодрость и бойкость” — отталкивают от него очень многих вьетнамцев»³².

Вскоре Кхань принялся агитировать за вторжение в Северный Вьетнам, выдвигая тот аргумент, что несправедливо обрекать на разрушения и смерть только Юг. Не он один лелеял этот фантастичный план: некоторые сайгонские военные и политики впоследствии утверждали, что Южный Вьетнам мог бы выиграть войну, если бы американцы позволили им нанести удар по Северу. Буй Зиен, бывший посол Сайгона в Вашингтоне, также считал, что отказ США от этого варианта предрешил судьбу Южного Вьетнама: чтобы победить, коммунистам нужно было просто продолжать делать то, что они делали³³. Сторонники радикального плана были правы лишь в одном: Ханой действительно имел важное преимущество в том, что ему не требовалось предпринимать больших усилий для отражения регулярных наземных атак, в то время как его собственные войска свободно передвигались по Лаосу, Камбодже и — в скором времени — Южному Вьетнаму. Но правительство США проявило мудрость и не стало повторять дорогостоящую ошибку, которую совершил Макартур в ноябре 1950 г., когда вознамерился дойти до границы Северной Кореи с Китаем. Сайгонские генералы тешили себя иллюзиями, утверждая, что ВСРВ способны своими силами совершить успешное вторжение, — сделай они это, их бы ждал сокрушительный разгром.

Авантюризм Кханя только усугубил беспокойство Вашингтона, где постепенно начали понимать, что энергичность и бойкость генерала были его единственными достоинствами. Он был заметно глупее смещенного им Миня и хуже понимал свой народ. Даже те американцы, кто считал, что Южным Вьетнамом должны править генералы, начали

искать более умного, эффективного, честного — и послушного — кандидата. Последнее требование было самым трудновыполнимым, поскольку единственным способом для любого вьетнамского лидера обеспечить себе уважение народа было дистанцироваться от США. 22-летний будущий офицер Доан Фыонг Хай вначале был сбит с толку и встревожен, когда после переворотов в Сайгоне в их военной академии в Далате четыре раза сменилось руководство, но постепенно приобрел циничный взгляд: «Мы, молодые курсанты, вдруг увидели, что наши старшие офицеры вовсе не были проникнуты духом воинского братства, а вместо этого враждовали друг с другом в погоне за личной выгодой, властью и славой»³⁴.

В первые месяцы после смены президента США в Вашингтоне, сайгонском посольстве и КОВПВ рассматривались все возможные военные варианты. Ключевым вопросом было: кто будет нашим врагом? На кого именно США следовало обрушить свою военную мощь — на силы Вьетконга, ведущие партизанскую войну в Южном Вьетнаме? Или на Северный Вьетнам, который — до некоторой степени справедливо — считался главным вдохновителем и спонсором этой войны? Объединенный комитет начальников штабов, возглавляемый Максвеллом Тейлором, склонялся к последнему варианту. Среди членов комитета двое придерживались более осторожной позиции — генерал армии Эрл Уилер и адмирал ВМФ Дэвид Макдональд — и двое откровенно ястребиной — генерал ВВС Кертис Лемей, планировщик и организатор бомбардировок Японии в 1945 г., от которых погибло больше людей, чем от атомных бомб, и генерал Уоллес Грин из Корпуса морской пехоты.

Оба считали, что США должны либо задействовать подавляющую силу, либо вообще отказаться от военного вмешательства. Лемей был страстным сторонником стратегической авиации: он был готов применять ее всегда и везде, где только можно. По словам одного из его коллег, он отстаивал свою точку зрения «хриплым резким голосом, время от времени подвывая, как самолетная турбина»³⁵. Любые попытки сухопутных сил задействовать собственные боевые вертолеты приводили его в ярость; однажды он едва не вызвал начальника штаба армии на дуэль. «Давайте, летите на этом вашем чертовом Хьюи, а я полечу на F-105, и посмотрим, кто из нас останется в живых! — бушевал он, вытащив изо рта свою неизменную сигару. — Я разнесу вашу игрушечную стрелялку на куски и размажу по земле, черт возьми!»³⁶ Макнамара вмешался и разрешил этот конкретный спор в пользу армейского генерала, что только усугубило презрение Лемея к «гражданскому» министру обороны.

Вкрадчивая, сдержанная манера общения Грина принесла ему прозвище Школьник. Он был нетерпим к инстинктивной осторожности политиков и не видел никаких достоинств в ограниченной войне, предпочитая «стремительные, радикальные, эффективные и последовательные действия... осуществляемые при полной координации всех имеющихся у США ресурсов»³⁷. Как и Лемей, он считал, что Северный Вьетнам можно быстро поставить на колени, уничтожив его ключевые объекты и инфраструктуру. 4 марта 1964 г. Грин открыто предостерег Линдона Джонсона, что воздушные удары могут спровоцировать еще один конфликт по корейскому типу с риском перерастания в мировую войну: «Однако нужно было взглянуть горькой правде в глаза: мы должны были дать жесткий отпор [коммунистам], и ему как президенту требовалось решить, был ли Вьетнам тем местом, где это следовало сделать, или нет»³⁸. Максвелл Тейлор, который оставался председателем Объединенного комитета начальников штабов до июля 1964 г., когда его сменил Уилер, по меньшей мере пять раз менял свою точку зрения в процессе выработки стратегии. Генерал все больше приходил к выводу, что полная победа над партизанским движением на Юге была недостижима, поэтому США следовало сосредоточиться на наказании Севера. В конце концов он присоединился к фракции сторонников бомбардировок.

Следует отметить, что влияние Комитета начальников штабов на формирование политики было довольно ограниченным, отчасти потому, что его председатели передавали в Белый дом мнение генералов в смягченной форме, а отчасти потому, что президент уделял гораздо больше внимания своим гражданским советникам, среди которых ведущую роль играл Макнамара. Самым неожиданным источником влияния стал адвокат и — в скором времени — судья Верховного суда Эйб Фортас, который ничего не знал о Вьетнаме, но был самым близким советником президента и общался с ним почти ежедневно. Таким образом, было бы ошибкой возлагать всю ответственность за политику США во Вьетнаме в 1964–1965 гг. на Комитет начальников штабов, поскольку все решения о войне или мире в конечном итоге принимались политиками. Есть и еще один важный момент: даже после болезненного опыта Корейской войны многие американские генералы так и не поняли всех достоинств ограниченного военного конфликта. Если бы военачальникам было разрешено диктовать свое видение, США могли бы пойти по пути еще более катастрофической эскалации, чем та, что имела место.

Но даже с генералами на второстепенных ролях дебаты в Вашингтоне были примечательны тем, что почти полностью сосредоточились на изучении военных сценариев, а не на поиске

возможностей политического урегулирования. В этом была немалая доля вины Дина Раска, который, хотя и возглавлял дипломатическое ведомство, никогда особо не верил в силу дипломатии. Линдон Джонсон редко общался с иностранными лидерами и тем более прислушивался к их мнению. В первые годы его президентства его администрация с болезненной подозрительностью относилась ко всем инициативам де Голля, считая, что его призывы к нейтралитету Вьетнама вызваны не более чем коварным желанием заставить США испытать такое же унижение, которое пережила Франция.

Как показывает история, государства зачастую стремятся вести конфликты теми средствами, которые у них есть, а не теми, которыми следовало бы. В ходе Второй мировой войны две западные морские державы были в значительной степени избавлены от необходимости противостоять сухопутной державе на суше благодаря тому, что Красная армия приняла основной удар на себя и разгромила гитлеровский Вермахт. Вашингтонские политики ошибочно полагали, что во Вьетнаме американские технологии и огневая мощь смогут заменить общепризнанное отсутствие жизнеспособной политической и социальной структуры. Генерал-лейтенант Эндрю Гудпастер как-то предупредил Роберта Макнамару: «Сэр, вы пытаетесь втиснуть врага в рамки вашего плана, но это именно то, чего никогда не следует делать». Американский военнопленный сказал на допросе северовьетнамским дознавателям, что, по его мнению, присутствие США в их стране было на 10% вызвано беспокойством за судьбу вьетнамцев и на остальные 90% желанием сдержать Мао Цзэдуна. В таком случае, спросили озадаченные коммунисты, «почему вы не отправились воевать в Китай? Мы тоже не любим китайцев»³⁹.

Весной 1964 г. Уолт Ростоу, занявший пост директора по планированию политики в Госдепартаменте, с энтузиазмом поддержал идею Лемея применить подавляющую воздушную силу. Не было проведено никакого анализа с достоверной оценкой эффективности и последствий; весь план строился на предположении о том, что массированные бомбардировки нанесут достаточно сильный ущерб и настолько деморализуют северовьетнамцев, что те оставят Юг в покое. Некоторые высшие офицеры предлагали пойти еще дальше: отправить сухопутные войска в Лаос, чтобы перерезать тропу Хо Ши Мина, или даже в Северный Вьетнам. Таким образом, фраза «идти на Север», которая часто звучала на заседаниях и в меморандумах в ходе дебатов в 1964 г., подразумевала решительные силовые действия от бомбардировок и тайных операций до полномасштабного вторжения. В апреле Кертис Лемей спросил у главнокомандующего силами США в Тихоокеанском регионе адмирала Гарри Фельта, что, по его мнению,

нужно, чтобы победить в этой войне. Тот ответил, что США нужно «время от времени наносить удары по Северу»[40](#). Весной 1964 г. Макнамара резко ухудшил свои оценки ситуации во Вьетнаме. Однако его пессимизм имел странный эффект: вместо того чтобы прийти к выводу о необходимости уйти из Индокитая, министр обороны сначала осторожно и неохотно, а затем с пылким рвением принялся ратовать за эскалацию. В апреле сенатор Уэйн Морс в интервью саркастически назвал вьетнамскую войну войной Макнамары. На что министр обороны вызывающе ответил: «Я не против того, чтобы ее называли войной Макнамары. Скажу больше: я горжусь этим»[41](#). Как заметил Роберт Кеннеди, такое заявление было не очень умно с политической точки зрения.

Консервативные журналисты, такие как Уильям Ф. Бакли, Маргерит Хиггинс, Роуленд Эванс и Роберт Новак, призывали сражаться до победного конца. Джозеф Олсоп высмеивал Джонсона за отсутствие силы духа и обвинял в излишней умиротворенности. Понятно, что, если бы президент принял решение отступить, ястребы обрушили бы на него все громы и молнии, на которые только были способны. Однако немало представителей СМИ хорошо понимали, в какой переплет попали США. Личный авторитет Джонсона в то время был достаточно высок, чтобы ему поверили, если бы он сказал американскому народу, что во Вьетнаме США ведут заведомо проигрышную игру и потому должны уйти. Он получил бы мощную поддержку со стороны многих влиятельных журналистов и изданий, включая Уолтера Липпмана, *New Republic* и *The New York Times*, которые предсказывали катастрофу, если США решат ввести войска.

Внутри правительства заместитель госсекретаря Джордж Болл был одним из немногих, кто озвучивал наиболее прозорливую и реалистичную точку зрения. Он отвергал утверждение о том, что во Вьетнаме на карту поставлены жизненно важные интересы США, и говорил, что не может понять, каким образом нападение на Северный Вьетнам поможет сайгонскому правительству. Он утверждал, что эту войну невозможно выиграть, на какие бы масштабы военного вмешательства ни решилась администрация США. Разведывательное сообщество было того же мнения и делало неоптимистичные прогнозы по поводу устойчивости режима Нгуена Кхана. 17 февраля, проработав два месяца в американском посольстве в Сайгоне, Дэвид Нес составил для посла Лоджа служебную записку, где написал, что де Голль прав и США должны либо уйти, либо быть готовыми к масштабной эскалации[42](#). Уиллард Маттиас, аналитик из Управления национальных оценок ЦРУ, утверждал, что вьетконговское движение «получает

директивы из Ханоя, но почти полностью опирается на собственные ресурсы»[43](#). Он также выступал за политическое урегулирование.

Заместитель министра обороны Джон Макнотон, хотя и был страстным почитателем своего босса и поддерживал его курс на эскалацию, весной 1964 г. испытал приступ сомнений и прозрения, когда сказал своему другу Майклу Форрестолу: «Мы привыкли считать, что всегда есть возможность нажать кнопку “Стоп”, но я в этом сомневаюсь. Я думаю, что с каждым днем сделать это становится все труднее. Каждый день мы понемногу теряем контроль. Каждое неправильное решение, которое мы принимаем, или отказ от принятия решений приводит к тому, что принять правильное решение становится все сложнее. Если мы не нажали кнопку “Стоп” вчера, те же самые доводы и причины убеждают нас не нажимать ее сегодня. В результате мы увязаем все глубже и глубже»[44](#). Макнотон не сомневался, что США преследуют во Вьетнаме своекорыстные интересы: «На 70% это стремление избежать унижительного поражения (и удара по нашей репутации как гаранта), на 20% — нежелание отдавать Южный Вьетнам (и прилегающие территории) в руки китайцев и, возможно, на 10% — забота о южновьетнамском народе, желание принести ему лучшую жизнь и свободу»[45](#).

Вряд ли в частном порядке кто-то в Вашингтоне сомневался в шаткости сайгонского режима и обреченности его военных усилий. Но вплоть до 3 ноября, пока Джонсон не получил от американского народа мандат избранного президента, плохие новости оставались под запретом: нужно было всеми силами удержать ситуацию в Южном Вьетнаме от полного развала. В марте Макнамара вместе с Максом Тейлором посетил Вьетнам, где открыто высказался в поддержку генерала Кханя. Бригадный генерал Уильям Депью писал домой из Сайгона: «Скоро все люди из Вашингтона переберутся во Вьетнам, так что здесь не останется места для самих вьетнамцев. Что ж, возможно, это неплохой способ выиграть войну»[46](#).

Как-то в здании Генштаба ВСРВ Руфус Филлипс заглянул в кабинет одного майора и с удивлением увидел, что его рабочий стол завален стопками книг. На вопрос, чем он занимается, офицер с гордостью ответил: «Я помогаю писать конституцию»[47](#). Рядом с ним лежали конституции США, Франции и предыдущие версии вьетнамской конституции, если те заслуживали такого названия. Это поручение генерала Кханя, сказал он. Окончательный проект конституции был передан на рассмотрение в посольство США, которое поставило свою печать «Одобрено». Кхань заявил своим соратникам-генералам, не все из которых были согласны с подобным «политическим процессом», что так хотят американцы. Новая конституция вполне ожидаемо вызвала

вспышку протестов со стороны буддистов и студентов. Когда Макс Тейлор отчитал Кханя, сказав тому, что политика так не делается, вьетнамец возмущенно возразил: разве американцы не хотели от него именно этого?

Руфус Филлипс резко раскритиковал политику США, стоявшую за этим эпизодом: «Сначала мы аккуратно и старательно, на протяжении почти десяти лет, помогали им [вьетнамцам] построить хрупкое здание новой государственности. А потом взяли и собственноручно его разрушили. Каждый новый генерал, приходя к власти, разгонял всех, кто находился там до него. В результате в руководстве страной оказались люди, которые ничего в политике не смыслили. Чем больше мы вмешивались в попытке компенсировать хаос, тем больше оттесняли от власти самих вьетнамцев. В конце концов мы решили, что выиграем войну, а потом вернем страну обратно вьетнамцам. Это нанесло смертельный удар по вьетнамской независимости... И стало ключевой картой, которую разыграли коммунисты»[48](#).

Министр обороны представил президенту доклад, который, что примечательно, был составлен еще до визита в Сайгон. В нем он изложил свое видение целей США: «Мы стремимся к независимому некоммунистическому Южному Вьетнаму. Если мы не сможем достичь этой цели... почти вся Юго-Восточная Азия с большой долей вероятности подпадет под господство коммунистов». Доклад Макнамары лег в основу Меморандума о действиях NSAM288 Совета национальной безопасности, где подчеркивалась приверженность США указанным целям, которые, как предполагалось, могли быть достигнуты только путем применения военной силы, невзирая на отношение к этому вьетнамского народа. От сайгонской власти требовалось только одно: категорически отказаться от любых переговоров с Ханоем.

За закрытыми дверями Макнамара признавал, что во Вьетнаме царит «адский бардак»[49](#) и очередной переворот в Сайгоне может произойти в любой момент. Но и он, и президент отвергали абсолютистские решения — как полный уход, так и резкое обострение игры. Джонсон скептически относился и к идее бомбардировок Северного Вьетнама, считая, что этим многого не добиться. Таким образом, в первые месяцы предвыборной кампании 1964 г. президент и его министр обороны подчеркивали приверженность США поддержке некоммунистического режима, однако не хотели выходить за рамки небольших шагов в военных усилиях, чтобы не вызвать негативный отклик со стороны избирателей. К удивлению посла СССР Анатолия Добрынина, который 17 апреля впервые встретился с Джонсоном, тот упомянул о Вьетнаме лишь вскользь[50](#).

В следующем месяце вспышка боевых действий в Лаосе побудила Францию, Индию, Камбоджу и СССР призвать к повторному созыву Женевской конференции в формате 1962 г. США отклонили это предложение из опасений, что наряду с Лаосом может быть поднят вопрос о нейтралитета Вьетнама. Если бы они хотели уйти, такая конференция могла бы открыть им дверь. Аналитик министерства обороны Даниэль Эллсберг, впоследствии прославившийся тем, что передал прессе секретные документы Пентагона, касавшиеся войны во Вьетнаме и ее предыстории, считал, что «[1964 г.] стал последним, когда лояльный бюрократ мог бы счесть приемлемым для США просто взять и уйти, чтобы не наращивать потери»⁵¹. К началу следующего года США уже пережили так много неудач и унижений, как военных, так и политических, что уход был бы неизбежно воспринят мировым сообществом как признание поражения, чего не могла позволить себе ни одна американская администрация. Но в начале лета 1964 г. ситуация еще не была настолько безысходной.

Увиливание министра обороны — как рассматривали его позицию в Объединенном комитете начальников штабов — особенно раздражала Лемей и Грина, которые были убеждены, что простого продолжения текущих усилий недостаточно, чтобы переломить ситуацию, которая, с чем соглашались все, развивалась в пользу коммунистов. Генералов раздражала осторожность председателя комитета Тейлора, который боялся озвучивать президенту и министру обороны горькую правду, которую те не хотели слышать. В течение весны 1964 г. настроения в высшем военном руководстве становились все более мрачными. 27 марта военный советник президента генерал-майор Честер Клифт писал: «Ситуация представляется мне потенциально сложной — и даже опасной... Среди начальников штабов царит раскол»⁵². 18 мая Грин презрительно заметил: «Мы видим, как оба, Макнамара и Тейлор, неспешно возятся с планами действий». До президентских выборов оставалось еще несколько месяцев — слишком много, чтобы все это время продолжать проигрывать войну. Это мнение разделяли и некоторые журналисты, в том числе Хансон Болдуин, авторитетный военный редактор The New York Times, который выступал за бомбардировку Севера. Грин не только презирал гражданского министра обороны, но и считал, что начальникам штабов не дают возможности выполнять надлежащую роль ведущих военных советников главнокомандующего страны. Что brave генералы Лемей и Грин, да и некоторые историки впоследствии, наивно упускали из виду, так это то, что во всех государствах во все времена профессиональные военные традиционно разочарованы политическим руководством,

обвиняя его в недостатке решимости, но при этом не отдавая себе отчета в собственном недостатке мудрости.

17 мая ветеран Второй мировой войны и военный интеллектual бригадный генерал Уильям Депью написал из Сайгона своей жене Мардж: «Пока я так и не понял, укрепляем ли мы свои позиции или теряем их. Ситуация действительно сложная. Существует ли здесь та самая “воля”, неизвестно»⁵³. Неделью спустя он добавил: «Невероятно трудно сказать, чем обернется вся эта неразбериха. Если только не произойдет какого-либо чуда, мы увязнем еще глубже». К концу мая в Вашингтоне произошли большие подвижки: Макнамара обсудил с начальниками штабов план развертывания наземных сил США, а также поручил провести исследование целей для бомбардировки Северного Вьетнама, которое дало список из 94 объектов. Администрация признала, что, если только Ханой не пойдет на попятную, США будут вынуждены прибегнуть к одному из двух или даже к обоим планам действий: разведывательные полеты показывали увеличение активности на тропе Хо Ши Мина. Также была признана необходимость подготовить правовую основу для начала полномасштабного участия США в боевых действиях, которую генеральный прокурор Николас Катценбах назвал «функциональным эквивалентом объявления войны». В конце мая заместитель госсекретаря Уильям Банди подготовил проект резолюции конгресса, которая наделяла президента необходимыми полномочиями, чтобы принять решение о бомбардировке Северного Вьетнама или отправке войск, но документ был временно положен в стол: пока не было необходимости сходить в лобовой атаке с неговорчивым сенатским «батальоном» во главе с Майком Мэнсфилдом и Уэйном Морсом.

Между тем в президентской избирательной кампании, которая поглотила все внимание нации, Вьетнам вовсе не был темой первостепенной важности — основная риторика была сосредоточена на обещании Джонсона создать «Великое общество». «Кеннеди требовал жертв; Джонсон пообещал счастье, — написал в 1965 г. Теодор Уайт, хроникер президентских кампаний. — Казалось, даже раздраемый конфликтами земной шар временно затих, чтобы весной и летом Джонсон мог отодвинуть международные дела на задний план. Вьетнам был единственным кризисом, который ухудшался с каждой неделей, но президент сумел временно вывести его из политического дискурса»⁵⁴.

Тем временем Белый дом решил, что Сайгону требуется свежая кровь, и заменил посла и командующего КОВПВ. У Лоджа кончились идеи, что делать дальше, и он почти не общался с Харкинсом. В качестве его возможных преемников назывались имена Роберта Кеннеди, Макджорджа Банди и Роберта Макнамары, но окончательный

выбор пал на Макса Тейлора, самое доверенное лицо президента в военных кругах. В июле Тейлор отбыл в Сайгон — не столько с дипломатическим мандатом, сколько для того, чтобы отладить местную военную машину и повысить ее эффективность. Трудно сказать, какие еще мотивы могли подтолкнуть 62-летнего генерала согласиться на такое назначение, если только не слепая одержимость властью и славой. Роль проконсула в такое время в таком месте была верным способом разрушить любую репутацию. Согласившись возглавить посольство в Сайгоне, Тейлор только подтвердил скептическое мнение своих сослуживцев времен Второй мировой войны, которые считали, что тщеславие генерала и его склонность к закулисному политиканству намного превосходили его военные таланты и интеллект. Новым председателем Объединенного комитета начальников штабов взамен Тейлора стал генерал Эрл Уилер, военный бюрократ с очень небольшим боевым опытом. Его место начальника штаба армии занял генерал Гарольд Джонсон. С Тейлором в Сайгоне у Уилера было мало шансов стать доминирующим голосом в стратегическом планировании по Вьетнаму; к тому же новый председатель вскоре показал, что он слаб характером.

20 июня 1964 г. в Сайгон прибыл новый глава КОВПВ — генерал Уильям Уэстморленд. Вот его описание того, что он обнаружил на месте: «Я унаследовал политический хаос... У меня впечатление, что я пытаюсь толкать вперед кучу спагетти»⁵⁵. Харкинсу дали возможность уйти в отставку с честью, хотя было очевидно, что он совершил массу вопиющих ошибок. Его преемник был младше Тейлора по званию, хотя и непосредственно подчинялся главнокомандующему силами США в Тихоокеанском регионе. По слухам, начальники штабов сомневались в том, что Уэстморленду хватит ума, опыта и твердости, чтобы успешно справиться с этой ролью, поэтому они выступали за назначение Гарольда Джонсона, Крейтона Абрамса или Брюса Палмера⁵⁶. Но Тейлор обвел всех вокруг пальца, сообщив президенту и министру обороны, что комитет начальников штабов выбрал «Уэсти».

Впоследствии Уэстморленда нередко высмеивали как «самого высокопоставленного полкового командира в армии США», и действительно, во Вьетнаме он не показал себя великим военачальником, способным переломить ход истории. Один из его штабных офицеров, морской пехотинец, так описал генерала в письме домой: «Он видит полную картину, быстро схватывает, где проблемные места, но слишком уж дает волю своему воображению. Некоторые из его идей просто безумны»⁵⁷. Тем не менее представляется маловероятным, чтобы Шерман, Паттон или даже Риджуэй сумели бы добиться гораздо лучших результатов. Как саркастически замечают

сами военные, главное в их деле — уметь убивать людей.

Несправедливо требовать от них решения сложных политических и социальных проблем: для этого у них нет ни ресурсов, ни условий, ни опыта, ни — у большинства — даже ума.

Позже Уэстморленд сказал: «У меня в ушах, как и у всех офицеров того времени, звучали эмоциональные и волнующие слова из инаугурационной речи Кеннеди: “Мы... вынесем любое бремя, пройдем через любое испытание, поддержим любого друга, воспрепятствуем любому врагу, утверждая жизнь и достижения свободы...” Мы с готовностью отправились во Вьетнам, чтобы сражаться за эти идеалы»⁵⁸. Если для циничных читателей XXI в. подобные слова кажутся избитой банальностью, то генерал Уэстморленд в середине 1964 г. искренне верил в свою миссию и, как и почти все профессиональные военные, был в избытке проникнут духом «Будет сделано!».

Но у такого энтузиазма имелась и обратная сторона: при Уэстморленде, как и при Харкинсе, реалистичный взгляд был под запретом. Старый индокитайский «кадр» Говард Симпсон, который в то время снова получил назначение в посольство США в Южном Вьетнаме, по пути в Сайгон посетил стратегический саммит в Гонолулу, где присутствовали Макнамара, Раск, Тейлор, Уэстморленд и глава ЦРУ Джон Маккоун. Симпсон с тревогой отметил, что никто из присутствовавших не имел реальных знаний о Вьетнаме. Слушая дальнейшую дискуссию, он окончательно пал духом: «Для меня стало очевидно, что никто не собирается учиться на уроках недавнего прошлого. Французы проиграли. Мы победим... Я вполне мог закрыть глаза и представить, что сижу на совещании французского командования в 1953 г.»⁵⁹.

Симпсон не осмелился открыто высказать свое мнение и продолжал недоверчиво выслушивать планы и проекты, у которых не было ни малейшего шанса быть претворенными в жизнь. Он знал, что сайгонские чиновники и генералы прибегнут к привычной тактике: со всем соглашаться, не собираясь ничего делать. «Вьетнамцы были маленькими людьми, которые по большому счету оказались посторонними в борьбе за собственную страну». В этом замечании крылась глубокая и очень важная истина. Американцы, которые так гордились своим антиколониальным прошлым и ментальностью, собирались вести войну точно так же, как это делали колониальные империи на протяжении веков. Фрэнк Скоттон охарактеризовал типичное отношение американцев любого ранга к вьетнамцам как «равнодушное пренебрежение. Они шутили, что все вьетнамские технологии сводятся к тому, чтобы взять что-то двумя палками или

тащить две вещи на одной палке... Мы были союзниками, которые почти не понимали друг друга»[60](#).

У Южного Вьетнама вполне хватало военной силы, чтобы регулярно наносить тактические поражения коммунистам. Однако мыслящие американцы, включая Скоттона, Симпсона, Ванна и Рэмзи, понимали, как мало значат эти успехи на поле боя. Пожалуй, самая горькая ирония этой войны, особенно для ее жертв, заключалась в том, что собственно боевые действия были наименее важной ее частью, по сравнению с социальным, культурным и политическим противостоянием между Ханоем и Сайгоном. Делегировав центральную роль в Сайгоне генералу Тейлору, администрация США, по сути, поручила электрику устранить опасную утечку газа, хотя сам Тейлор использовал другую метафору: «Я был как тот голландец, у которого протекает дамба, а он пытается заткнуть ее пальцем»[61](#). Когда Уэстморленд возглавил КОВПВ, Уильям Депью написал в письме домой: «Победить мы не сможем, но, возможно, нам удастся не проиграть»[62](#).

Тем летом, как и на протяжении всей войны, дни относительного затишья в Сайгоне вызывали в Вашингтоне приступы оптимистичной надежды на то, что, возможно, кардинальных решений удастся избежать. Уэстморленд, поддерживаемый Лоджем, на стратегической конференции в Гонолулу заявил, что «ситуация достигла дна, стабилизировалась и начинает медленно улучшаться... Не будет никакого краха Южного Вьетнама, если только не произойдет какого-либо чрезвычайного насильственного события вроде переворота или громкого убийства»[63](#). Макнамара и глава ЦРУ Маккоун придерживались более пессимистичного взгляда, но Уэстморленд и бывший посол стояли на своем.

Новый глава КОВПВ отлично справлялся с той частью своих обязанностей, которая требовала управленческих навыков. Один офицер описал штаб Уэстморленда как «сливки из сливок»[64](#). Начальник штаба Дик Стилвелл и миниатюрный генерал Депью были трудоголиками, как и их босс. Все административные вопросы, связанные с расширяющимся американским присутствием, решались с замечательной эффективностью, хотя и со значительными социальными и экологическими издержками для самого Вьетнама. Военные дела, однако, шли не так хорошо. 28 июля Депью написал домой: «Здесь собралось столько нашего генералитета, что, честно говоря, бедные маленькие вьетнамцы ошеломлены и подавлены. Мне кажется, они даже напуганы происходящим... они явно устали от войны и очень хотели бы избежать еще десяти лет изнурительного и кровопролитного “умиротворения”. Я уверен, они бы предпочли, чтобы мы напали на

Северный Вьетнам вместо них»[65](#). В августе он добавил: «Трудно представить, как мы сумеем победить, если лидеры их страны не верят в возможность победы».

В Вашингтоне медленно, незаметно, но неуклонно нарастали ястребиные настроения. Макджордж Банди, Дин Раск и Джон Маккоун настаивали на вводе сухопутных войск сразу после выборов, хотя еще на саммите в Гонолулу Раск подчеркивал «неготовность американской общественности принять наращивание военной активности».

Макнамара по-прежнему остерегался посылать армию, но теперь поддерживал бомбардировку Севера. Разведка выдвинула новый тезис: поскольку у Ханоя такая скудная промышленность и инфраструктура, он будет особенно чувствителен к ее уничтожению. Заместитель госсекретаря Джон Макнотон, долговязый и бойкий молодой юрист, предложил по-восточному изощренную стратегию бомбардировки, навеянную древним китайским способом казни «смерть от тысячи надрезов»: «Мы должны наносить удары, которые постепенно повышают уровень боли, но не убивают до конца». На встрече начальников штабов в Белом доме 31 июля Уоллес Грин в очередной раз заявил о своей убежденности в том, что единственный способ достичь приемлемого результата на Юге — перенести войну на территорию Северного Вьетнама. Текущая политика, заявил суровый морской пехотинец, «нарушает фундаментальный принцип ведения войны, поскольку позволяет врагу диктовать, на каких территориях ведутся боевые действия»[66](#). Джонсон сделал странное заявление, сказав, что во многих отношениях перед Южным Вьетнамом стоит та же проблема, что и перед США, — «оправиться от убийства своего президента». Хотя он пообещал генералам, что в случае возникновения необходимости в срочных военных шагах не будет никаких политических колебаний, никто ему не поверил: все, абсолютно все было подчинено достижению главной цели — победе на президентских выборах, до которых теперь оставалось меньше 100 дней.

Глава 9

В заливе

Ложь

Вряд ли когда-нибудь закончатся споры о том, что толкнуло Линдона Джонсона на этот шаг — желание продемонстрировать свою твердость духа американскому народу в преддверии ноябрьских выборов 1964 г. или же нарастающий кризис. В августе, за две недели до съезда Демократической партии, война в Юго-Восточной Азии приняла новый

поворот. С января американцы активизировали тайные операции на территории Северного Вьетнама в рамках Оперативного плана OPLAN 34-A. Целью было дестабилизировать ситуацию в стране с помощью рейдов коммандос и заброса агентов. Если об успешности вьетнамской войны в целом существуют разные точки зрения, то об OPLAN 34-A можно сказать только одно: американцы абсолютно напрасно пожертвовали жизнью и свободой нескольких сотен вьетнамцев. Начиная с 1961 г. северовьетнамская разведка играла в «радиоигры» с американскими организаторами парамилитарных операций, используя перевербованных радистов из захваченных групп. Это, вместе с просачиванием двойных агентов на Юге, фактически не оставляло группам шанса. В 1963 г. на Север было заброшено 80 групп. По словам Гилберта Лейтона из ЦРУ, «мы подозревали, что среди них [южан] были агенты... Когда я начал набирать людей, меня спросили: “Вы не боитесь, что в ваши группы могут попасть вьетконговцы?” Я ответил: “По нашим оценкам, их не больше 10% — всего один человек на девять лояльных людей»¹.

Билл Колби признал полный провал этих усилий: «Было очевидно, что подобная тактика не работает и не будет работать. Поэтому нам следовало прекратить это делать»². Зимой 1963 г. он прямо сказал об этом Роберту Макнамаре, но тот остался при своем мнении. Министр обороны считал, что спецоперации позволят обеспечить необходимое давление на Ханой, если поместить их под контроль КОВПВ и усилить военными «мышцами». В декабре он сумел убедить в этом Линдона Джонсона, и уже в январе был запущен в действие оперативный план OPLAN 34-A. Почти 200 подготовленных южновьетнамских агентов на парашютах, небольших лодках или даже вплавь проникли на территорию Северного Вьетнама. Операции были удручающе непродуманными: часть агентов получила инструкции установить контакты с католическими священниками, которые, как предполагалось, должны были придерживаться антикоммунистических настроений. Это действительно было так, однако — именно поэтому — церкви находились под пристальным надзором местных спецслужб. Некоторые агенты выдали себя тем, что были одеты в ботинки, а не типичные сандалии. Одному «шпиону» хватило ума надеть синие американские джинсы — они были присвоены как трофей арестовавшим его солдатом. Многие агенты сами сдавались властям, едва ступив на северовьетнамскую землю.

Северовьетнамцы устраивали над агентами Сайгона показательные судебные процессы. Те, кто сопротивлялся захвату, приговаривались к расстрелу. Многие были брошены в тюрьмы на неопределенный срок: последние выжившие были выпущены на свободу только в 1995 г.

Полковник Клайд Рассел, возглавлявший Группу исследований и наблюдений (Studies and Observation Group/SOG), которая руководила реализацией OPLAN 34-A на территории Индокитая, позже признал перед Объединенным комитетом начальников штабов: «На большинство этих людей мы не возлагали никаких надежд... За все время у нас не было ни одной успешной операции»³. Тем не менее операции продолжались, потому что некоторые принимающие решения лица в США, в первую очередь Макнамара, считали, что это недорогой, не привлекающий внимания и эффективный способ держать врага в напряжении.

Помимо агентов, были еще южновьетнамские коммандос, которые совершали рейды на побережье Северного Вьетнама на скоростных сторожевых катерах в рамках того же Оперативного плана А-34. Им нравилось считать себя элитой и пользоваться американскими щедротами. Большинство рейдов осуществлялось из Дананга и длилось всего несколько часов в ночное время. В среднем раз в неделю десантные команды, состоявшие преимущественно из нунгов, на двух катерах типа Swift или Nasty прибывали к северовьетнамскому побережью⁴. Руководствуясь аэрофотоснимками, предоставленными американской разведкой, они высаживались на берег и атаковали береговые объекты. Изредка происходили столкновения с северовьетнамскими катерами, которые они обстреливали из своих 40-мм орудий. Ни одна из таких операций не была официально задокументирована — в боевых журналах они значились под кодовым названием «взаимодействие с США». Вьетнамцы с удовольствием вторгались в воды своего соседа на современных катерах, развивавших скорость до 55 узлов, за которыми не могло угнаться ни одно северовьетнамское судно. Как с воодушевлением сказал один офицер, «было здорово вести войну на Севере, а не пассивно защищать свою территорию»⁵.

Регулярные рейды коммандос заставили коммунистов усилить береговую оборону и привести ее в состояние повышенной боеготовности. 28 июля, после нападения на остров Хонзё, северовьетнамцы на китайских сторожевых катерах класса Swatow преследовали атаковавших почти 70 км. Два дня спустя была предотвращена попытка штурма радиолокационной станции на острове Хонме — после интенсивной перестрелки коммандос пришлось убраться ни с чем. Таким образом, береговая охрана была настороже, когда три дня спустя эсминец ВМС США Maddox, занимавшийся радиоэлектронной разведкой в нескольких километрах от этих островов, вторгся в воды, которые были объявлены Ханоем территориальными, но не были признаны США. Maddox выполнял миссию «Десото» по

сбору разведанных для КОВПВ и в дополнение к РРТР должен был «изучить патрульную активность в прибрежных водах ДРВ... посредством провоцирования и фиксирования реакции северовьетнамцев»[6](#).

1 августа капитан ВМС США Джон Геррик, командующий Maddox, получил предупреждение о перехвате радиопередач, указывающих на то, что морское командование ДРВ приняло «РЕШЕНИЕ ДАТЬ БОЙ ВРАГУ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ». Это убедило капитана отвести свой корабль в менее спорные воды. В ночь на 2 августа несколько северовьетнамских торпедных катеров Р-4 и 67-тонных сторожевых катеров класса Swatow получили приказ отправиться к острову Хонме, что американцы истолковали как намерение вступить в бой с эсминцем. Рано утром 2 августа АНБ направило КОВПВ и соответствующим подразделениям ВМС — хотя почему-то проигнорировало самого капитана Maddox — срочную телеграмму: «УЧИТЫВАЯ ПРОЯВЛЕННУЮ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ СО СТОРОНЫ ДРВ И НАБЛЮДАЕМУЮ ПОДГОТОВКУ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ, РЕАКЦИЯ ДРВ НА ПАТРУЛЬ ДЕСОТО МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ СЕРЬЕЗНЕЕ, ЧЕМ ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ». Вслед за этой телеграммой в 11:44 по местному времени подразделение РРТР в Фубай распространило сообщение с пометкой «Особо важно», где предупредило о том, что один из сторожевых катеров ДРВ подтвердил получение приказа об атаке. Несмотря на это, эсминцу разрешили продолжить выполнение миссии «Десото» в прибрежных водах. Около полудня 2 августа экипаж Maddox заметил у острова Хонме пять катеров, но продолжил идти своим курсом.

В тот день после обеда в Генеральном штабе в Ханое дежурил старший полковник Чан Куи Хай, заместитель начальника Генштаба. Как впоследствии утверждали его коллеги, когда им позвонили из штаба ВМС, чтобы сообщить о присутствии Maddox и получить инструкции, он взорвался: «Что?! Они еще спрашивают, как мы должны на это отреагировать? Когда вражеский корабль вторгается в наши территориальные воды, мы должны его атаковать! Какого черта они ждут?!»[7](#) Заместитель директора по боевым операциям позвонил дежурному офицеру в штаб ВМС и передал ему эти слова, после чего тот приказал трем катерам 135-й торпедной группы при поддержке двух сторожевых катеров атаковать Maddox.

На авиабазе «Таншоннят» под Сайгоном дежурный офицер станции радиоперехвата АНБ Гарри Уильямс получил предупреждение от станции РРТР ВМС в Сан-Мигеле, Филиппины, что нападение на военные корабли США было неизбежным. Между тем в северовьетнамской командной цепи произошла путаница: среди

перехваченных сообщений имелся приказ о возвращении катеров Р-4, который, однако, по каким-то причинам не был исполнен⁸. В 14:00 экипаж Maddox заметил, что северовьетнамские катера взяли курс на восток и увеличили скорость до 25 узлов. Через 40 минут Геррик предупредил свое командование, что, если потребуется, откроет огонь в целях самообороны. На помощь эсминцу были направлены четыре палубных истребителя F-8 Crusader, которые вели воздушное патрулирование возле своего авианосца Ticonderoga. В 15:05 — несмотря на последующие заявления администрации США о том, что катера ДРВ первыми открыли огонь, — Maddox сделал три предупреждающих выстрела из своих 5-дюймовых орудий, после чего открыл яростный огонь по катерам, которые на скорости 40 узлов, подпрыгивая на волнах, неслись в сторону эсминца. Американские снаряды, как и выпущенные катерами торпеды, не попали в цель. Но в 15:20 прибыли истребители и атаковали торпедные катера: все три катера Р-4 получили серьезные повреждения, четверо матросов были убиты и шестеро ранены. Maddox отделался единственным пулевым отверстием в обшивке; один из Crusader также получил повреждения, но благополучно приземлился в Дананге.

3 августа начальник Генштаба ДРВ Ван Тиен Зунг прилетел на побережье. К тому моменту участвовавшие в столкновении катера еще не вернулись на базу — они укрылись возле одного из островов, чтобы залатать пробоины. Генерал поздравил моряков с боевым крещением, но в вертолете на обратном пути в столицу сказал сопровождающему офицеру, что, по его мнению, атака было ошибкой «в то время, когда мы пытаемся ограничить конфликт»⁹. Он считал, что дежурные офицеры превысили свои полномочия.

Первоначальная реакция Вашингтона на столкновение была сдержанной, но президент поручил направить в Ханой жесткую дипломатическую ноту с предупреждением о том, что «дальнейшие неспровоцированные атаки» на американские военные корабли будут иметь «серьезные последствия». 2 августа Макнамара сопровождал Джеки Кеннеди на богослужение в церковь, когда его срочно вызвали в Пентагон. На следующий день он председательствовал на совещании Объединенного комитета начальников штабов, где обсуждалась новая пессимистичная оперативная сводка из Сайгона. «Мы проигрываем... — констатировал министр обороны. — Но мы не можем и не будем с этим мириться». Были получены разведданные о переброске в Северный Вьетнам китайской авиационной дивизии. Глава ЦРУ Маккоун предупредил о возможных китайских воздушных атаках на Сайгон. Русские также могли вмешаться, например задействовать свою истребительную авиацию, как они это сделали в Корее, при этом

категорически отрицая свое участие в конфликте. На поддержку Ticonderoga к северному побережью был отправлен второй авианосец Constellation, а на помощь Maddox — еще один эсминец Turner Joy. Капитан Геррик не сомневался, что ситуация становится серьезной, телеграфировав своему командованию: «ДРВ БРОСИЛА ПЕРЧАТКУ И ТЕПЕРЬ СЧИТАЕТ, ЧТО НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ С НАМИ». Он запросил поддержку более тяжелых военных кораблей для продолжения миссии «Десото», но получил приказ на следующий день, 3 августа, снова приблизиться к северовьетнамскому побережью на двух эсминцах.

В ночь с 3 на 4 августа южновьетнамские командос провели очередной рейд в рамках OPLAN 34-A, в ходе которого четыре катера обстреляли береговые сооружения в Виньшоне. За одним из катеров противник бросился в погоню. Это случилось за много километров от того места, где северовьетнамцы все еще пытались отремонтировать три поврежденных накануне катера. Однако специалисты по радиоперехвату в Фубай неверно интерпретировали поток радиосообщений противника, решив, что тот готовит еще одну атаку на корабли США. В 16:56 станция в Фубай передала новое предупреждение с пометкой «Особо важно». В тот день, 3 августа, катер класса Swatow действительно вел радиолокационное наблюдение за американскими кораблями, но с безопасного расстояния. Несмотря на несколько напряженных часов, в сторону Maddox и Turner Joy не было сделано ни одного выстрела.

Никто в Вашингтоне не предложил прекратить операцию «Десото». На следующее утро, 4 августа, два эсминца продолжили вести радиоразведку в прибрежных водах ДРВ. В тот день в Тонкинском заливе бушевал шторм. В 18:40 г. станция радиоперехвата в Фубай снова выдала предупреждение: «ВОЗМОЖНОСТЬ НОВЫХ ОПЕРАЦИЙ ДРВ ПРОТИВ ПАТРУЛЯ ДЕСОТО СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ». Меньше чем через 2 часа Maddox сообщил, что его радары захватили двух «скупсов» (неопознанные надводные цели) и три «телеги» (неопознанные воздушные цели) на расстоянии более 150 км. Позже Геррик предположил, что последние могли быть ложными «отраженными сигналами» от китайского острова Хайнань. В 20:45 Геррик сообщил о потере радиолокационного контакта с надводными целями, а в 21:08 — о появлении новых. Поднятые с авианосца штурмовики Skyhawk смогли разглядеть на фоне темного бушующего моря только белые кильватеры от самих эсминцев, но никаких признаков катеров противника. В 21:34 радар Maddox захватил надводную цель на расстоянии менее 9 км, которая приближалась со скоростью 40 узлов; оператор на Turner Joy также сообщил об

обнаружении активности. Сразу после этого команда гидроакустиков уловила характерные шумы, которые боевой информационный пост Maddox — хотя и не сами акустики — идентифицировал как приближающиеся торпеды. В 21:40 Геррик, под оперативным командованием которого находились оба эсминца, доложил, что они ведут огонь по «атакующим», но в условиях шторма их радары не могут надежно захватить цели. Это было неудивительно, потому что все эти вражеские торпеды и катера были плодом воображения американцев.

Срочные донесения с эсминцев — «находимся под непрерывной торпедной атакой», которые были не более чем следствием ошибок неопытного технического персонала на борту и чрезмерно повышенной реакцией командования на берегу, немедленно передали в Вашингтон, где на тот момент еще было раннее утро. Находившийся на Гавайях адмирал Улисс Грант Шарп лаконично подтвердил ложные сообщения как «возобновление враждебных действий». Спустя много лет вьетнамцы опубликовали журнал боевых операций ВМС ДРВ, подлинность которого не вызывает сомнений, — согласно ему, в тот вечер рядом с американскими кораблями не было ни одного северовьетнамского катера. Между тем эсминцы в панике метались по водам Тонкинского залива, совершая безумные маневры уклонения. На Maddox так и не смогли определить цели для своих орудий, тогда как Turner Joy расстрелял больше 300 снарядов и зафиксировал две дюжины выпущенных в него торпед, несмотря на то что кружившие в небе штурмовики так и не смогли обнаружить никаких признаков врага под вспышками осветительных авиабомб. В 23:35 «сражение» резко прекратилось; Геррик доложил командованию, что им удалось потопить два вражеских катера и еще одному нанести повреждения. Однако некоторые члены экипажа скептически отнеслись к тому, что нападение вообще имело место, — в частности, вскоре стало ясно, что обнаруженные акустическими сигналами «приближающихся торпед» были вызваны характерными шумами, возникающими при боевом маневрировании самого корабля. Еще через час Геррик сообщил командованию: «ВСЯ АКЦИЯ ВЫЗЫВАЕТ МНОГО СОМНЕНИЙ» — и вскоре после этого: «НИ ОДИН КАТЕР НЕ БЫЛ НАДЕЖНО ИДЕНТИФИЦИРОВАН».

Но в Вашингтоне не знали подобных сомнений. Сразу после получения предупреждения с пометкой «Особо важно» от станции радиоперехвата в Фубай Макнамара предупредил президента о готовящемся нападении. Уже через три часа после окончания «сражения» Джонсон распорядился нанести ответный воздушный удар по северовьетнамским базам. За пять часов до вылета самолетов адмирал Шарп предупредил Пентагон, что «проверка акции показала

сомнительность многих сообщений о радиолокационных контактах и выпущенных торпедах». Однако вскоре АНБ перехватило радиосообщение, в котором северовьетнамцы утверждали, что якобы «подбили два самолета в районе столкновения... Мы пожертвовали двумя катерами, но все остальные в порядке... Корабль противника также мог получить повреждения». На самом же деле речь в донесении шла о событиях 2 августа, но Макнамара не стал вникать в такие детали — в перехвате содержалось именно то, что он хотел услышать: коммунисты подтвердили факт атаки 4 августа. Министр обороны счел это донесение вкупе со «свидетельствами очевидцев» достаточными уликами для того, чтобы вынести приговор и подвергнуть Северный Вьетнам карательной бомбардировке.

4 августа в 18:00 официальный представитель Пентагона объявил всему миру о том, что произошло «второе преднамеренное нападение». Раск велел своим помощникам в Госдепе стряхнуть пыль с проекта резолюции конгресса, подготовленного Банди еще в мае. «Мы должны уничтожить не только те торпедные катера, которые атаквали Maddox, — бушевал Джонсон. — Мы должны уничтожить всю их гавань... Я хочу, чтобы они получили сполна». Министр обороны не пытался сдерживать гнев президента и ничего не сделал для того, чтобы позволить ему адекватно оценить ситуацию, представив весь спектр имевшейся информации. Макнамара сначала избирательно интерпретировал, а затем сознательно манипулировал данными радиоперехвата. И в докладах президенту, и в ходе последующих докладов перед конгрессом министр обороны скрывал массу данных, свидетельствовавших о том, что северовьетнамцы были озабочены только спасением своих поврежденных катеров и даже не думали о повторном нападении на американские корабли. Этот эпизод, вошедший в историю как «инцидент в Тонкинском заливе», был абсолютно банальной вооруженной стычкой: регулярные рейды южновьетнамских командос в рамках OPLAN 34-A заставили северовьетнамцев держать палец на спусковом крючке, а Maddox, преднамеренно вторгшись в территориальные воды, спровоцировал их на атаку. Приказ об атаке на военный корабль США был отдан воинственным офицером-коммунистом, и многие высокопоставленные лица в Ханое, возможно кроме Ле Зуана и Ле Дык Тхо, сожалели об этом решении. Никакого «повторного нападения» не было и в помине.

Но у Макнамары чесались руки, а президент в этот критический момент избирательной кампании больше всего боялся дать республиканцам повод обвинить его в слабости. Своим быстрым и жестким ответом за нападение на американский флаг он сорвал восторженные аплодисменты избирателей. После этого у

администрации не оставалось иного выхода, кроме как лгать и изворачиваться, чтобы скрыть многочисленные ошибки и откровенный обман, на основании которых было принято решение о бомбардировке Северного Вьетнама. Поздно вечером 4 августа, в 23:36 по Североамериканскому восточному времени, после получения сообщения от адмирала Шарпа о том, что самолеты поднялись с палуб Ticonderoga и Constellation, президент выступил с телеобращением к нации. «К агрессии и террору против мирных поселений в Южном Вьетнаме, — сказал Джонсон своему народу, — теперь добавилась открытая агрессия на море... Повторные акты насилия против вооруженных сил Соединенных Штатов должны быть встречены не только повышенными мерами оборонного характера, но и проактивными шагами... Мы осознаем все риски распространения конфликта, о которых другие, кажется, забывают. Наша цель — не допустить расширения войны».

Приказ Объединенного комитета начальников штабов командованию ВМС гласил: «В 07:00 по местному времени осуществить единичную максимальную акцию... с задачей обеспечить максимально высокий уровень поражения целей»¹⁰. Палубная авиация совершила 64 боевых вылета и разбомбила несколько северовьетнамских катеров ценой потери двух самолетов. Как впоследствии вспоминал один из пилотов, лейтенант Эверетт Альварез, «это было похоже на сон»: наконец-то после нескольких лет тренировочных полетов и бездействия они получили настоящее боевое задание! Впрочем, «чудесный сон» вскоре превратился в кошмар: его самолет был сбит и следующие восемь лет он провел в северовьетнамской тюрьме.

Реакция Джонсона на инцидент в Тонкинском заливе отражала искреннее негодование государственного мужа тем «вопиющим» фактом, что крошечная азиатская коммунистическая страна посмела бросить вызов самим Соединенным Штатам. Он был настолько возмущен, что даже не стал вникать в детали: уже утром 4 августа Джонсон заявил о своем намерении добиться от конгресса принятия совместной резолюции, дающей зеленый свет для резкой эскалации. Безусловно, он был бы глубоко обескуражен, если бы позже в тот же день ему представили опровергающие факты, которые пробили бы дыру в искусно надутым пузыре праведного гнева. Но именно так должны были поступить добросовестные советники, и прежде всего министр обороны, — успокоить главнокомандующего и показать ему реальную картину. На их совести лежит то, что они позволили Джонсону раздуть драму из тривиального инцидента на море, который не только можно было, но и следовало проигнорировать.

Единственное правдоподобное объяснение состоит в том, что министру обороны самому не терпелось перейти к агрессивным акциям. Американское военное и гражданское руководство решило использовать мелкую стычку, порожденную их собственными сомнительными играми на берегу и на море, как повод продемонстрировать свою волю и возможности. В начале лета Вашингтон передал через канадского представителя в МКК послание премьер-министру Фам Ван Донгу, пригрозив «колоссальными разрушениями», если Северный Вьетнам продолжит свое вмешательство на Юге. После инцидента в Тонкинском заливе канадец по просьбе американцев повторил угрозу: у США найдется гораздо больше бомб, чем было сброшено 5 августа. Выслушав это, Донг «очень рассердился» и сказал: «Чем больше США разжигают войну, тем горше будет их поражение»[11](#).

После столкновения в Тонкинском заливе Макнамара озвучил в сенате еще одну откровенную ложь: «Наши ВМС не принимали абсолютно никакого участия, не были никоим образом связаны и не знали о каких-либо южновьетнамских акциях [в том же оперативном районе, где находился Maddox], если таковые имели место». На утверждение конгресса была представлена так называемая Тонкинская резолюция, представлявшая собой немного подкорректированный текст Билла Банди. Она давала президенту право «принять все необходимые меры для отражения любого вооруженного нападения против вооруженных сил Соединенных Штатов и предотвращения дальнейшей агрессии». Сенатор Ричард Рассел выразил мнение большинства своих коллег, заявив: «На карту поставлена наша национальная честь. Мы должны ее защитить — мы не можем и не будем уклоняться от этого». Сенатор Юджин Маккарти, который впоследствии сыграл роль Брута для президентства Джонсона, сказал: «Вопрос был поставлен так: “Должны ли американцы дать отпор, когда их корабли подверглись обстрелу?” Довольно сложно проголосовать против этого»[12](#). Демократы Эрнест Грунинг и Уэйн Морс оказались единственными сенаторами, проголосовавшими против принятия резолюции 7 августа, которая дала администрации США возможность вести боевые действия по всей Юго-Восточной Азии без формального объявления войны.

Ястребы берут верх

5 августа в 13:30 военный комитет северовьетнамской компартии собрался на совещание в здании Генштаба, известном как «Драконий двор» благодаря каменным драконам, окаймляющим девять ступеней перед входом. Военные только что приступили к разбору событий 2

августа, когда им сообщили, что американская авиация бомбит побережье. Вскоре поступила еще одна новость: два американских самолета сбиты и один пилот захвачен в плен. Собравшихся охватила такая буря ликования, что совещание пришлось перенести на другой день, как и поиск виноватых в инциденте в Тонкинском заливе. На улицах Ханоя люди вышли на массовые демонстрации, которые, по словам одного британского дипломата, «были настолько близки к стихийным, насколько они могут быть таковыми в коммунистических странах»¹³. Этими первыми налетами американцы сделали для сплочения северовьетнамского народа больше, чем любая коммунистическая пропаганда. Подросток, который своими глазами видел, как американские самолеты разбомбили нефтехранилище недалеко от его деревни, сначала испытал шок и недоумение. «Потом я осознал, что скоро в жизни таких молодых людей, как я, наступит переломный момент, когда нам придется бороться за свободу и независимость нашего народа»¹⁴. Бомбардировка не испугала подростка, а убедила его в том, что его народ стал жертвой неспровоцированной агрессии; когда он вырос, он стал офицером ПВО.

Макс Тейлор как-то заметил, что американцы крайне мало знали о коммунистическом руководстве и еще меньше о его намерениях. Британское консульство в Ханое, которое фактически было резидентурой Секретной разведывательной службы, после бомбардировок 5 августа прозорливо предсказало, что северовьетнамских лидеров «не запугать и не заставить сойти с избранного курса. Дороги восстановят, мосты заменят более простыми бамбуковыми конструкциями, нефтехранилища снова заполнят... [Воздушные удары] только укрепят их решимость». Действительно, Политбюро было куда меньше обеспокоено бомбардировками, чем гневом Москвы и Пекина в связи с инцидентом в Тонкинском заливе. Хо Ши Мин вышел из своего затворничества и лично председательствовал на заседании, которое начал с сурового вопроса: «Кто отдал приказ об атаке?» Зяп потребовал дисциплинарного взыскания для всех ответственных лиц, особенно для старшего полковника Чан Куи Хая. Однако Хай сказал, что, прежде чем отдать приказ об атаке, он посоветовался на этот счет с одним из членов Политбюро. Полковник наотрез отказался назвать его имя, поэтому все решили, что это был Ле Зуан. В итоге Хай получил официальный выговор, но начальник Генштаба Зунг отмахнулся от любых сожалений и обвинений: «Даже если бы мы не напали на них, они бы все равно напали на нас. Такова природа империалистов»¹⁵. Один высокопоставленный офицер ВНА, в 1990 г. бежавший из страны, подтвердил, что нападение 2 августа было санкционировано Ле Зуаном,

который высмеивал Зяпа за его боязнь спровоцировать конфликт с американцами, говоря: «Он пугливый, как кролик»[16](#).

После сфабрикованного США инцидента 4 августа и последующих бомбардировок Ханой больше не видел смысла ограничивать свою военную активность на Юге. Именно в этом состоял главный просчет всего американского военно-политического маневра вокруг Тонкинского залива: превратив угрозу воздушного удара в реальность, Вашингтон разыграл карту, которая была козырем лишь до тех пор, пока оставалась у него на руках. После стратегических совещаний 25–29 сентября Центральный комитет партии назначил Нгуен Чи Тханя новым главой ЦУЮВ и выпустил предварительный приказ подготовить первое регулярное формирование ВНА к переброске на Юг. Через несколько недель отсрочки, вызванных отчасти необходимостью провести согласования с Москвой и Пекином, отчасти нехваткой необходимого снаряжения, в ноябре подразделения 325-й дивизии выдвинулись в путь.

В это же время, на фоне нового всплеска напряженности между Востоком и Западом, спровоцированного первым испытанием китайской ядерной бомбы 16 октября 1964 г., Китай существенно расширил поставки оружия. ВНА начала в больших количествах получать автоматы АК-47, 7,62-мм пулеметы, 82-мм минометы, реактивные гранатометы и безоткатные орудия. Кроме того, Пекин поставил Ханю 34 истребителя МиГ-17 и, помимо того что два года обучал вьетнамских пилотов в своих летных школах, обеспечил эскадрилью своими советниками, которые сопровождали неопытных новичков в первых боевых вылетах. В Ханое на крышах зданий были установлены зенитные орудия; половина гражданского населения была отправлена рыть траншеи.

Вечером 5 октября в Пекине Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай встретились с делегацией ДРВ, чтобы обсудить дальнейшие военные планы. Хотя Мао был уверен, что у Джонсона нет никакого желания вторгаться в Северный Вьетнам, он считал опасным чрезмерно провоцировать американцев. Фам Ван Донг согласился с китайскими лидерами: «Наша задача — ограничить конфликт сферой “особых военных операций” и победить врага в рамках такого противостояния». Однако он добавил: «Но если США посмеют ввести войска, мы будем сражаться — и победим». Они также обсудили возможность переговоров через ООН, предложенную генеральным секретарем У Таном. Хотя несколько месяцев спустя Мао изменил свое мнение, тем вечером он сказал: «Переговоры — это неплохо. Вы уже обеспечили себе [хорошую] переговорную позицию. Другой вопрос, будет ли от них толк»[17](#). Сразу после инцидента в Тонкинском заливе Ле Зуан

отправился в Пекин и сообщил Мао о намерении Политбюро направить на Юг регулярную дивизию: теперь китайский лидер призвал северовьетнамцев еще раз тщательно обдумать это решение и сроки отправки.

Что касается Линдона Джонсона, то в следующие три месяца после августовской драмы он желал только одного: до дня голосования снизить градус противостояния в Юго-Восточной Азии. Выпустив пар 5 августа, администрация не стала продолжать бомбардировки; президент лично позвонил по прямой телефонной линии в Москву и успокоил советское руководство. Инцидент в Тонкинском заливе и последующая Тонкинская резолюция заняли столь видное место в истории лишь спустя несколько лет, когда вскрылось все стоявшее за ними хитросплетение ошибок и преднамеренного обмана со стороны американских военных, разведки и президентской администрации. Непосредственно во время тех событий уважаемый журналист и историк Теодор Уайт в своей книге «Как сделать президента, 1964 год» писал: «Ответный удар... уничтожение американской авиацией северовьетнамских торпедных катеров... был нанесен с замечательной решимостью и точностью»¹⁸. Кроме того, летом и осенью 1964 г. американский народ куда больше интересовало происходящее внутри страны. В июле президент подписал первую волну законов, призванных начать строительство «Великого общества»: 2 июля — долгожданный Закон о гражданских правах; спустя четыре дня — Закон о городских массовых перевозках; еще через несколько дней — Закон об оплате труда в гражданской сфере и Закон о борьбе с бедностью. Джонсон оправданно гордился тем, что 88-й конгресс США на второй сессии принял 45 внесенных им важных инициатив, что было куда более высокой долей успешных попыток, чем удавалось добиться Кеннеди.

В предвыборной гонке Вьетнам отошел на задний план; неразбериха в Сайгоне стала восприниматься как неизбежная данность. Между тем на фоне попыток Нгуен Кханя усилить авторитарную хватку буддисты и студенты снова вышли с протестами на улицы. Генерал пообещал обсудить их требования с Максом Тейлором, чем только усугубил ситуацию, фактически открыто признав свой вассальный статус. 25 августа Кхань согласился разделить власть с двумя уже знакомыми нам военными деятелями — Чан Тхиен Кхиемом и Зыонг Ван Минем. Через несколько дней правительственные силы открыли огонь по демонстрантам, убив шесть человек. Столица снова погрузилась в хаос, в то время как вьетконговцы продолжали расширять контроль над сельской местностью. Осенью из Вьетнама поступал непрерывный поток плохих новостей о партизанских успехах и политических протестах.

Американцы убедили себя в том, что буддийские демонстранты были марионетками коммунистов. Однако ветеран британской журналистики Гэвин Янг видел ситуацию более глубоко. По его словам, буддисты «рассматривали коммунизм как варварство и зло, но были убеждены, что американизация ведет к деградации их страны. Как ни странно... они выступали за перемены, которые, помимо прочего, должны были повысить эффективность войны против коммунистов. Они считали, что все поддерживаемые американцами генералы, правившие их страной, были безнадежно коррумпированы и некомпетентны... Сами они были убежденными вьетнамскими националистами, которые гордились своей историей и культурой. Они не доверяли иностранцам и опасались любого иностранного влияния»¹⁹. Конечно, сегодня мы можем сказать, что буддисты были наивны, но не больше, чем генералы, правившие в Сайгоне.

Офицер ВСРВ лейтенант Нам рассказал о том, как со своим взводом участвовал в разгоне одной уличной демонстрации: «Впереди шел монах в желтой одежде с маленьким буддистским флажком в руке. Он вскидывал руки вверх в виде буквы V, как боксер, который выходит на ринг и приветствует зал. Большинство молодых мужчин-демонстрантов оделись в просторные рубахи навыпуск, узкие брюки и японские сандалии. Среди них было несколько девушек, которые прижимали к себе школьные сумки, словно собрались на учебу. Удивительно, но самыми активными и оживленными оказались две пожилые женщины в черных штанах и цветастых блузках. Они несли посохи, выкрикивали лозунги и ругательства, подбегали к фонтанам и долго пили воду, потом бегом возвращались назад и продолжали кричать»²⁰.

Поначалу Нам и его солдаты просто наблюдали за происходящим, в то время как подразделения полиции по противодействию уличным беспорядкам начали обстреливать демонстрантов зарядами со слезоточивым газом, пока те не разбежались. Под палящим солнцем осталась опустевшая улица, усеянная деревянными сабо, школьными сумками, шляпами-кули и сандалиями. Пока солдаты сооружали поперек улицы баррикаду из колючей проволоки, демонстранты вернулись. «Ко мне подскочил парень с озлобленным лицом, как крысиная морда, — продолжал лейтенант Нам, — и крикнул “Ты, ублюдок! Сколько тебе платят американцы? Когда ты сдохнешь, в аду не хватит жара, чтобы покарать тебя за твои преступления!..” Из толпы вылетел камень и попал в грудь капралу Лонгу. Тот вскрикнул от боли, а потом ударил прикладом винтовки в лицо парню, который кривлялся перед ним. Моя сдерживаемая ярость выплеснулась наружу; я бросил в толпу гранату со слезоточивым газом и начал бить винтовочным прикладом направо и налево, вызывая вокруг себя крики боли. Я

слышал, как под моими ударами ломаются кости. Мой взвод вклинился в толпу в диком приступе ненависти и гнева»²¹. Когда толпа демонстрантов отхлынула и его люди с облегчением стащили с себя противогазы, Нам вдруг осознал²² всю мерзость произошедшего: вместо выполнения благородного воинского долга их вынудили ввязаться в отвратительную уличную схватку с безоружными людьми. Не только Нам, но и весь южновьетнамский народ чувствовал себя подобным образом, оказавшись в ловушке между враждующими, но одинаково враждебными им силами. Так, один американский советник спросил у главы провинции: «Если бы вам было 20 лет, у вас не было бы семьи и хорошей работы от сайгонского правительства, на чьей стороне бы вы были?»²³ Чиновник промолчал, не оставив у американца сомнений в своем ответе.

На совещании в Белом доме 9 сентября Макс Тейлор сказал президенту: «В конце концов нам придется идти на Север, потому что мы не можем позволить себе проиграть эту войну». На что Джонсон ответил, что, прежде чем предпринимать любые значимые шаги, в Сайгоне должно появиться стабильное правительство, — что означало дальнейшую отсрочку стратегических решений вопреки настрою Объединенного комитета начальников штабов. Комендант Корпуса морской пехоты генерал Грин назвал «крайне рискованной игрой»²⁴ отказ президента от существенного расширения вмешательства перед выборами. Сам он призывал администрацию²⁵ оказать Кханю полную поддержку, ввести в стране военное положение, жестко подавить беспорядки и демонстрации, поручить ВСПВ перерезать тропу Хо Ши Мина в Лаосе и Камбодже при поддержке американской авиации и вторгнуться в Северный Вьетнам «чтобы принудить Ханой прекратить поддержку Вьетконга или обеспечить позицию для переговоров и вывода войск США»²⁶. В сентябре КОВПВ опубликовало статистику, согласно которой за предыдущие три года было убито 66 000 вьетконговцев — цифра, в которую мало кто поверил. Но даже при этом командование было вынуждено признать, что к тому времени по меньшей мере половина населения Южного Вьетнама платила дань коммунистам.

Шеф USIA Эв Бумгарднер предупредил Фрэнка Скоттона, что, на его взгляд, краткое правление Нгуена Кханя подходит к концу: «Американцы выются вокруг него, как мухи. Его звезда почти закатилась». Он посоветовал Скоттону наладить контакты с командующим 5-й дивизией генералом Нгуен Ван Тхиеу, который был «перспективной фигурой». Скоттон удивился: он считал, что Тхиеу «не имеет особого веса». Бумгарднер рассмеялся: «Возможно, именно это и позволит ему всплыть наверх. Никто не видит в нем угрозы, а когда

увидят, станет слишком поздно»²⁷. Его прогноз оправдался: когда несколько месяцев спустя военные в очередной раз перетасовали свою колоду, именно Тхьеу вместе с 34-летним вице-маршалом авиации Нгуен Као Ки вышли на сцену как ключевые игроки так называемого Совета армер. 20 октября Кхань передал власть гражданскому правительству во главе с Чан Ван Хыонгом, но никто не рассчитывал, что новый режим продержится сколь-нибудь долго, — так оно и случилось.

Тем временем Вьетконг беспощадно атаковал все, что имело хоть какое-то отношение к правительству и американцам. По сравнению с последующими годами потери ВСРВ были относительно невелики: менее 6000 убитых в 1963 г. и ненамного больше в следующем. Однако вашингтонские ястребы были потрясены дерзким нападением 31 октября на стоянку бомбардировщиков В-57 на аэродроме в Бьенхоа, в ходе которого были убиты 4 американца, и удручены отказом администрации нанести еще один воздушный удар возмездия по Северу. 1 ноября Эрл Уилер официально сообщил Макнамаре точку зрения Комитета начальников штабов: США следовало либо предпринять крупное военное вмешательство, либо уйти.

На следующий день министр обороны охарактеризовал ситуацию как «чертовски серьезную... и критическую». Однако он считал, что рекомендованные Комитетом начальников штабов воздушные удары по Северу «не приведут к серьезным изменениям в его отношении к Вьетконгу в Южном Вьетнаме». Он подтвердил свою обеспокоенность возможным вмешательством Китая и сказал, что президент готов действовать, но «хочет быть, черт возьми, полностью уверен в том, что он действует правильно». Большинство американцев, которые на следующий день отдали свой голос на выборах за Линдона Джонсона, а не за Барри Голдуотера, считали, что голосуют против эскалации войны во Вьетнаме: кандидат от Демократической партии срывал бурю оваций, обещая собравшимся на митингах избирателям, что «не будет отправлять американских парней на войну, в которой должны сражаться азиатские парни».

3 ноября выборы были официально признаны состоявшимися. Джонсон одержал безоговорочную победу с рекордным в истории США перевесом голосов. Этот колоссальный мандат доверия, данный ему американским народом, открывал перед ним лучшую — и, вероятно, последнюю — возможность положить конец провальной вьетнамской кампании. Но ни администрация США, ни тем более военная верхушка не рассматривали внутривнутриполитический успех в таком свете: на протяжении многих недель они жили в ожидании того, что победа на выборах откроет путь для дальнейшей эскалации. Роберт Макнамара,

Макджордж Банди и остальные были готовы отказаться от ввода войск только при условии полной капитуляции Северного Вьетнама. Они были убеждены, что, пока враг оставался непреклонным, против него следует применять соответствующую военную силу.

Резкий рост президентского рейтинга, по опросу The Harris Poll, после августовского воздушного удара только укрепил решимость Джонсона помочь народу Южного Вьетнама вопреки его воле. Американцы положительно отреагировали на проявление силы, целеустремленности и решительности. Не может не поражать то мастерство, с которым президент управлял конгрессом. Хотя ключевые члены сенатского комитета по внешней политике, такие как Уильям Фулбрайт, Майк Мэнсфилд и Ричард Рассел, в частном порядке скептически высказывались о политике администрации во Вьетнаме, Джонсон убедил их держать свои сомнения при себе, пока важнейшие решения не станут историей. Пожалуй, в этом и заключался самый странный факт этой войны: американский народ и его законодатели почти без возражений согласились с крупномасштабным военным вмешательством в далекой стране, в то время как весь остальной мир, включая Великобританию, Францию, Японию и Канаду — почти все развитые демократические страны, кроме Австралии, считал политику США во Вьетнаме неприемлемой и безрассудной.

Самым красноречивым противником эскалации в 1964–1965 гг. стал заместитель госсекретаря Раска Джордж Болл. Свою точку зрения он детально изложил в 67-страничной служебной записке от 5 октября 1964 г., которая попала на стол президенту только пять месяцев спустя. К этому приложил руку Макнамара, который первым прочитал записку и, по словам Болла, воспринял ее «как ядовитую змею... почти как измену»²⁸. Заместитель госсекретаря утверждал, что уход из Вьетнама не ослабит, а, напротив, укрепит авторитет США, поскольку все их союзники решительно выступают против войны. Вместо того чтобы постоянно обсуждать военные варианты, Болл призывал перенаправить энергию на поиск политического выхода. «В то время как то, что с большой натяжкой можно назвать сайгонским правительством, разваливается на наших глазах», писал он, абсурдно рассматривать «бомбардировку Севера как действенную форму политической терапии». Он ссылаясь на военную игру Sigma II, проведенную Пентагоном в 1962 г., которая однозначно показала крайне малую вероятность капитуляции Ханоя даже под воздействием массированных воздушных ударов. Планы бомбардировки Севера, заявил он, не более чем «болеутоляющее упражнение, спасающее моих коллег от необходимости принять трудное решение об уходе». После этой записки Болл получил статус «лицензированного оппозиционера»,

мнение которого уважительно выслушивал сам президент, впрочем ничего не меняя в своей политике.

Почему было так мало споров? Рядовые американцы никогда не придавали большого значения тому, что думают об их делах иностранцы или даже интеллектуалы с Восточного побережья. В 1964–1965 гг. широкая американская общественность все еще была довольно консервативна, что проявлялось в ее готовности доверять национальному руководству, верить тому, что говорили президенты, даже несмотря на партийные разногласия. Парадоксально, но именно патриотизм не дал разгореться широким дебатам в то время, когда американские парни уже погибали на другом конце света. Газеты *The New York Times* и *The Washington Post* заняли критическую позицию в отношении войны во Вьетнаме, но либеральная пресса не задавала настроений в стране. Главная же причина подобной пассивности американцев, конечно же, крылась в том, что у них дома, на их континенте, не велись бои, не рвались снаряды и бомбы. Вьетнамцы, которые ежедневно платили войне кровавую дань, относились к ней совершенно иначе. Ничто так не способствует антивоенным настроениям, как зрелище разрушений и смерти на улицах своих городов, на просторах родной страны. Администрация Джонсона принимала решения, будучи уверенной в том, что, каковы бы ни были последствия для Юго-Восточной Азии, это никак не затронет континентальные Соединенные Штаты. В 1964–1965 гг. самые высокие ставки на внешнеполитической арене требовали относительно небольших сумм денег, а эго президента и его окружения были так плотно обернуты в американский флаг, что их личные амбиции, казалось, были неотделимы от глобального авторитета нации. Если бы партизанские гранаты взрывались не только на улицах Сайгона, но и на вашингтонских авеню, а крестьянские слезы лились не только на рисовых полях в дельте Меконга, но и на табачных плантациях в Северной Каролине, американская общественность протестовала бы куда энергичнее, чем вьетнамские буддисты. И после триумфа на президентских выборах Джонсон принял бы совершенно другие решения.

Между тем президент сознательно лишил себя выбора, решив, что единственным приемлемым исходом для США в Южном Вьетнаме может быть только полная военная победа. 21 ноября Уильям Банди представил президенту служебную записку, в которой предлагалось несколько альтернативных уровней эскалации. Спустя десять дней Джонсон санкционировал операцию «Бочка» — секретную бомбардировку тропы Хо Ши Мина на территории нейтрального Лаоса. Операция была признана политически безопасной, поскольку

проходила вдали от любопытных глаз, и действительно, информация о ней просочилась в прессу только к Рождеству. Президент прямо спросил у Макса Тейлора, что он думает по поводу ввода войск, и с разочарованием услышал негативный ответ: генерал по-прежнему был против развертывания наземных сил.

К 1 декабря 1964 г., когда остальной мир еще строил предположения о дальнейшей судьбе Вьетнама, в Вашингтоне уже было все решено, дебаты вращались только вокруг того, следовало ли начать массированные воздушные удары по Северу, отправить наземные войска или же сделать и то и другое. Президент был убежден, что борьба до победного конца, невзирая на любые издержки, была единственным достойным курсом, который мог избрать «Человек года» по версии журнала Time. Дэвид Халберстам описывал Джонсона как «выходца из народа с безграничными и безудержными амбициями, политика, подобных которому мы больше не увидим в этой стране... человека ошеломительной природной силы, энергии и интеллекта, при этом страдающего не менее поразительным отсутствием уверенности в себе»[29](#).

За две недели в декабре 1964 г. Вьетконг провел серию сокрушительных рейдов недалеко от Сайгона и почти тысячу более мелких терактов. На совещании начальников штабов в Вашингтоне, куда был приглашен Уэстморленд, один возмущенный генерал спросил: «Почему у партизан такая высокая дисциплина и организация, а южновьетнамская армия похожа на распушенный сброд?»[30](#) Глава КОВПВ ответил, что у НФОЮВ очень сильное руководство. На вопрос, как положить конец бесконечным «собачьим боям» генералов за власть в Сайгоне, Уэстморленд сказал, что «вьетнамские [военные и политики], по крайней мере в Сайгоне, все больше рассчитывают на то, что войну с коммунистами возьмут на себя американцы, а они могут сосредоточиться на жонглировании политической властью»[31](#). После совещания заместитель начальника штаба армии презрительно заметил: «Если подвести итог всему, что сказал нам Уэсти, то, во-первых, КОВПВ отлично делает свою работу; во-вторых, его прогнозы не оптимистичны, но и не пессимистичны; в-третьих, он не может рекомендовать ничего конкретного; а в-четвертых, он пытается лезть в политику, но делает это вовсе не так умно, как он думает»[32](#).

В начале декабря президент поручил Госдепу начать поиск союзников для войны во Вьетнаме, готовых на более серьезное участие, нежели помощь на уровне «капеллана и медсестры». Уильям Банди встретился с послами Австралии и Новой Зеландии, но последний прямо высказал все опасения своего правительства. 7 декабря на встрече с новым лейбористским премьер-министром Великобритании

Гарольдом Вильсоном Джонсон попытался заручиться его поддержкой, убедив направить «нескольких солдат в британской униформе... [чье присутствие] будет иметь большой психологический эффект и политическое значение»³³. Это был стандартный лейтмотив в англо-американских отношениях: со своими вооруженными силами США были способны предпринять любые военные усилия без помощи солдат под британским флагом, но Лондон мог обеспечить ценное политическое прикрытие. Макнамара как-то сказал, что готов заплатить \$1 млрд за британскую бригаду, — и он вряд ли шутил³⁴. Но Вильсон отклонил просьбу Джонсона, сославшись на то, что у армии Ее Величества и без того немало хлопот в Азии: сначала им нужно отразить агрессию Индонезии против Борнео и Малайзии. Американцы не стали сообщать Вильсону о своих планах эскалации, поскольку было ясно, что его правительство не захочет в этом участвовать. В интервью британскому журналисту Дин Раск с плохо скрываемой обидой заявил: «Когда русские вторгнутся в Сассекс, не ждите, что мы придем вам на помощь»³⁵.

20 декабря на фоне продолжающихся буддистских демонстраций в Сайгоне произошел очередной переворот, на этот раз осуществленный Советом вооруженных сил во главе с Кханем, Тхьеу и Ки. Разозленный Макс Тейлор вызвал генералов в посольство и отчитал их, за то что своим безрассудным политиканством они серьезно подрывают военные усилия. Первым делом Тейлор спросил: «Вы все понимаете по-английски?» — и, получив утвердительный ответ, отчеканил: «Вы устроили настоящий бедлам! Не ждите, что мы будем помогать вам вечно, если вы будете продолжать в том же духе». Вьетнамские генералы были возмущены его оскорбительным тоном. Позже Ки написал: «Мы, члены Совета, знали, что армия была единственным институтом, способным возглавить страну. Нашей задачей было сделать это перед лицом растущего давления со стороны США и затем передать страну гражданскому правительству»³⁶.

После череды госпереворотов слухи о том, что все это дело рук ЦРУ, — некоторые из которых, впрочем, были недалеко от истины, — стали одной из главных тем разговоров в Сайгоне. Так, один вьетнамский офицер позже писал: «Это было худшее время за все годы моей службы в ВСРВ — события конца 1964 года погрузили меня в глубокое отчаяние»³⁷. Военные марши, звучавшие по радио во время переворотов, стали предметом шуток. Как-то один солдат попросился в увольнительную, чтобы съездить домой³⁸. Командир взвода спросил у него, как он узнает, не нужно ли ему срочно явиться в часть, на что солдат весело ответил: «Нет проблем, лейтенант!» — как только он услышит по радио «переворотную музыку», он тут же вернется обратно.

Даже в глазах убежденных антикоммунистов Сайгон превратился в средоточие всей моральной мерзости и цинизма южновьетнамского общества. Офицер воздушно-десантных войск писал, что одного месяца в столице «было достаточно, чтобы душа человека была растоптана... зрелищем того, как нас предали двуличные тылы, живущие за счет крови и слез наших солдат... Я мечтаю о мощном потоке, способном смыть... всю ту грязь, которой столица запятнала трагедию нашей родины»³⁹.

Кульминацией скоординированных атак Вьетконга на протяжении всего декабря стал взрыв в сайгонском отеле Brinks, в результате которого двое американцев погибли и 58 получили ранения. Теракт произошел в рождественской сочельник как раз в тот момент, когда посол Тейлор вместе с актером Бобом Хоупом подъезжал к другому отелю в нескольких кварталах от Brinks. Хоуп прилетел во Вьетнам, чтобы провести здесь свое ежегодное Рождественское шоу. «Так жарко меня еще нигде не встречали», — неудачно пошутил Хоуп, но американским военным было не до шуток. Тейлор потребовал немедленно нанести ответный воздушный удар по Северу; его поддержал Макджордж Банди. На этот раз президент сказал нет, но через несколько дней американцам пришлось испытать новый шок. 28 декабря два полка НФОЮВ захватили стратегически важную деревню к юго-востоку от Сайгона, где проживало около тысячи северовьетнамских католиков. Вьетконговцы дали жесткий отпор нескольким ротам ВСРВ, отправленным туда южновьетнамским командованием, и сбили четыре американских вертолета. 31 декабря они устроили засаду на батальон морской пехоты, уничтожив 60% личного состава и убив большинство офицеров. В течение нескольких дней южновьетнамская армия потеряла 300 человек.

В начале нового 1965 г. Линдон Джонсон все еще колебался по поводу того, что делать дальше. Политический хаос в Сайгоне стал нормой. Во Вьетнаме находилось около 26 000 американцев, большинство — военные советники. Увеличивать контингент советников не имело смысла; если уж и отправлять туда подкрепление, то, считал Джонсон, это должен был быть спецназ, рейнджеры и т.п. Ястребы ясно понимали то, что ускользало от некоторых голубей: любой курс на политическое урегулирование, будь то нейтральный статус Вьетнама, новая Женевская конференция, двусторонние переговоры с Ханоем, в конечном итоге приведет к неизбежному исходу — воссоединению Вьетнама под коммунистическим флагом. На Юге не было ни политической, ни военной воли — финансы были не так важны, — чтобы долго сопротивляться железным людям, которые правили Севером. А поскольку такой исход был категорически

неприемлем для американского руководства и лично для президента, оставался один вариант — полномасштабная война США во Вьетнаме.
Глава 10

«Мы в замешательстве: как действовать дальше?»

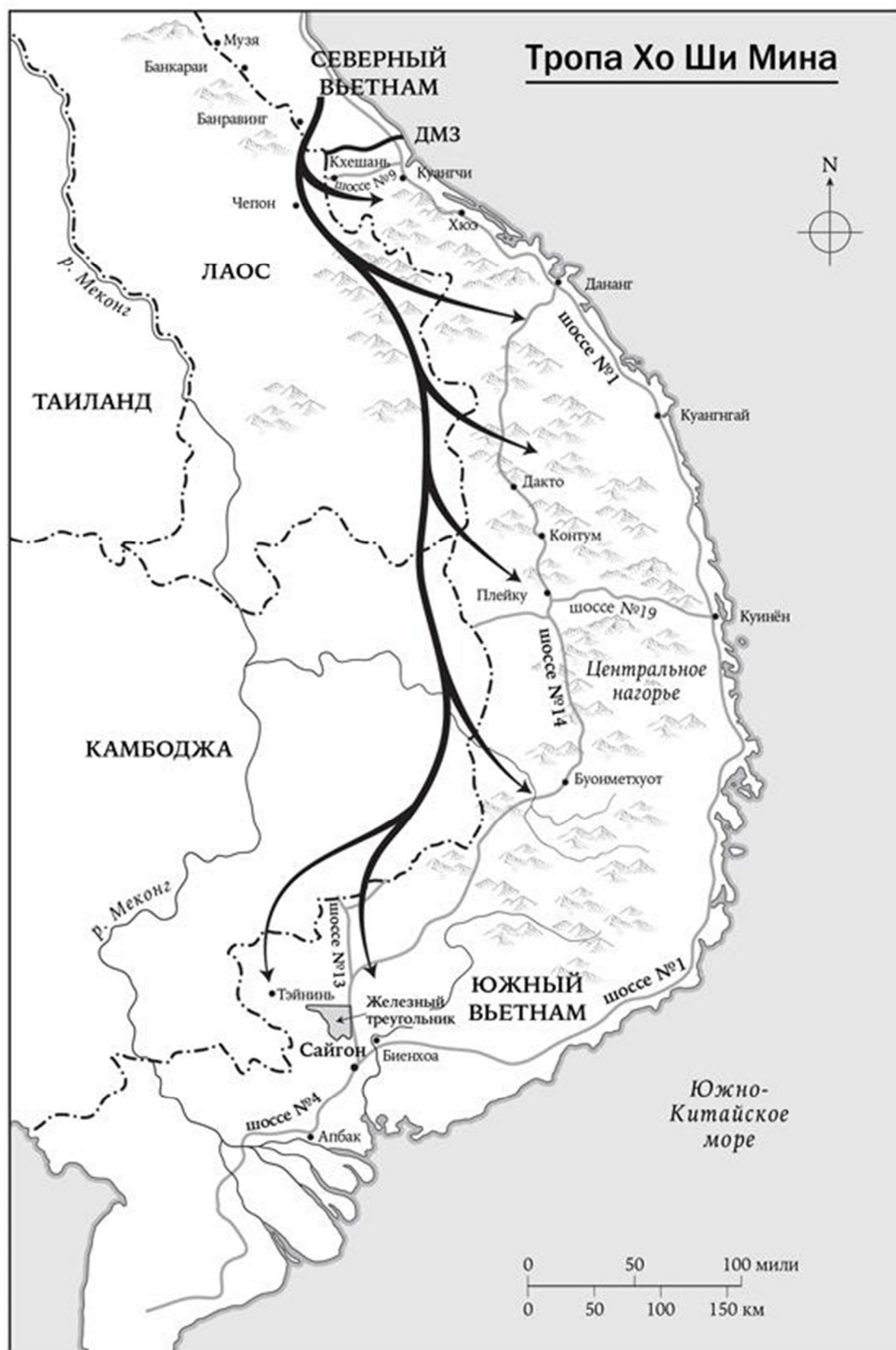
По тропе Хо Ши Мина

Коммунистическое руководство Северного Вьетнама вступило в 1965 г. в состоянии деятельного возбуждения. Победа, казалось, была близка как никогда. Ле Зуан написал главе ЦУЮВ Нгуен Чи Тханю: «Настал момент использовать возможность». Ханойское политбюро также делало ставку на народные восстания на Юге. Полковник ВНА Нгуен Ан с ликованием писал о «волне массовых выступлений, охватившей сельские равнины и нагорья». В 1954 г. Ан командовал полком Вьетминя, который захватил высоту «Элиан-2» в Дьенбьенфу. Десять лет спустя этот убеленный сединами ветеран принял командование 325-й дивизией — первым регулярным формированием ВНА, которому предстояло отправиться воевать на Юг. Полковник страдал от кровоточащего геморроя, унижительной и мучительной болезни, поражающей многих солдат. «Дайте мне неделю, чтобы вылечиться от этой напасти», — попросил он в Драконьем дворе в конце сентября, когда ему объявили о приказе ЦК партии. Но он получил гораздо больше времени: передислокация была отложена до ноября «по причинам, связанным с нашей борьбой на дипломатическом фронте».

Ану сообщили, что по пути его люди будут обеспечены рисом — на путевых станциях вдоль тропы Хо Ши Мина имеется достаточно запасов. «Правда, рис хранится там довольно долго, в нем завелись черви, но он вполне пригоден для еды», — бодро добавил офицер службы снабжения. Следующие два месяца полковник провел в дивизионной штаб-квартире — бамбуковой хижине с тростниковой крышей — в Донгхое, пытаясь наскрести необходимое снаряжение для своих людей. Каждый солдат получил рюкзак, гамак, два комплекта униформы цвета хаки и немного южновьетнамской валюты. К сожалению, Ан не сумел достать свитеров, и в условиях холодных ночей «нехватка [теплой] одежды отрицательно сказалась на здоровье и боевом духе войск в ходе длительного марша». Проще говоря, солдаты Ана дрожали от холода и едва не умирали от голода, маршируя по тропе Хо Ши Мина в район боевых действий.

В начале ноября Ан во главе передового отряда в сто человек выдвинулся на Юг. Рис на путевых станциях был гнилым и вонял, «но оказался не таким противным на вкус». Сама тропа была настоящей полосой препятствий — переход по ней требовал героических усилий. Только через несколько лет некоторые участки тропы были расширены настолько, что по ним стали ездить грузовики. Через несколько дней пути Ан и его люди вброд перешли широкую реку и вдоль берега дошли до подножья «Тысячи и одной горы» — первого высокого хребта, который они пересекли с востока на запад. На тропе были вырезаны ступени и установлены опоры, но, по словам Ана, «веревки и ветви деревьев, за которые можно было ухватиться, были скользкими от множества предыдущих рук... Я чувствовал вес каждой мухи, которая садилась на мой рюкзак». Местами тропа была настолько узкой, что приходилось карабкаться цепочкой. Когда позже Бао Нинь, сын преподавателя училища, проходил свое «испытание тропой», он завидовал выносливости своих крестьянских товарищей, которым переход давался заметно легче, чем ему, и был благодарен им за то, что время от времени они забирали у него часть груза из рюкзака.

По мере того как Ан и его отряд продвигались вперед, их рацион становился все скуднее. В начале похода каждый получал по два котелка вареного риса в день, но вскоре норма уменьшилась до одного котелка гнилого риса, смешанного с вонючей заплесневелой маниоккой и приправленного символической щепоткой соли. Солдаты мечтали о мясе, вареном шпинате, рыбном соусе и лимонаде. Повара в отчаянии качали головами, пытаясь промыть старый рис под струей воды, который на их глазах превращался в порошок и утекал сквозь сито, оставляя только червей. В конце концов людям Ана пришлось есть жидкую баланду, в которую для густоты добавляли дикие растения и корни, собранные в джунглях. Ан был возмущен, что Ханой вынуждает солдат терпеть такие лишения еще до того, как они вступили в схватку с врагом: «Глядя на бледные, изможденные лица моих офицеров и солдат, я испытывал такую горечь, что сел и написал письмо... чтобы верховное командование извлекло уроки из нашего опыта». В конце концов они добрались до путевой станции недалеко от южновьетнамского Центрального нагорья, которой командовал знакомый Ану полковник — они вместе учились на курсах русского языка. Гостеприимный хозяин приготовил на ужин рыбу, вареную в кислом бульоне, от которой Ан пришел в восторг: «С тех пор я посещал много банкетов, но этот был самым роскошным!»

Только в декабре Ан со своим передовым отрядом добрались до провинции Контум. Они разместились в местной штаб-квартире НФОЮВ, где им предстояло дожидаться прибытия основной части дивизии. Там они смогли отдохнуть и отъесться: им выдавали по три котелка риса в день, которые солдаты дополняли собранными в

джунглях побегами бамбука и картофелем, и даже рыбой, пойманной тут же в реке. Вскоре из Ханоя поступили приказы: два полка 325-й дивизии должны были двигаться дальше на юг; третий полк должен был остаться на Центральном нагорье, как и Ан, который назначался заместителем командующего фронтом. После нескольких локальных стычек, которые Ан провел специально для того, чтобы «обстрелять» своих людей, командование фронтом запланировало первую крупную операцию против окружного центра. План был построен на привычной тактике вьетконговцев: окружить поселение и подвергнуть его обстрелу, после чего устроить засаду на подкрепление ВСРВ, которое должно было прибыть на помощь из Танканя. После нескольких часов ожесточенного ночного сражения со стороны Танканя не наблюдалось никакого движения, поэтому Ан приказал своей саперной роте идти в атаку. «По полковому телефону мне ответил один из их офицеров. Он сильно нервничал: “Командир роты Лыонг, его заместитель Мо и почти все остальные офицеры 9-й роты убиты!” — “Заткнись и атакуй!” — приказал ему я». Было важно, чтобы саперы пошли в атаку, для ослабления давления на другие роты, находившиеся под шквальным артиллерийским огнем. К рассвету его люди одержали победу — это был первая окружная штаб-квартира ВСРВ, захваченная Вьетконгом.

Следующие три дня и три ночи солдаты Ана, страдая от голода и нетерпения, сидели в засаде. В конце концов южновьетнамское командование удосужилось отправить отряд, который попал в подготовленную ханойским полковником ловушку и с тяжелыми потерями отступил. После этого 325-я дивизия без единого выстрела захватила несколько стратегических поселений и ненадолго заняла Дакто. В честь этой победы Ан устроил пир, главным блюдом на котором был жареный тигр — зверь выскочил из чащи на двух молодых солдат, которые, хотя и были напуганы до смерти, не упустили добычу. «Его мясо было восхитительным», — написал полковник, из мемуаров которого становится понятно, что вопрос питания занимал важное место в военной службе коммунистов. Когда Сайгон начал реагировать на присутствие ВНА, они ушли обратно в джунгли. Их главными трофеями в этих первых сражениях стали две 105-мм гаубицы, которые они разобрали и переправили через границу в Камбоджу.

В первые недели 1965 г. Вьетконг активизировал военные усилия на всей территории Южного Вьетнама. Какое-то время Ле Зуан возлагал надежды на политический переворот во главе со «спящим» коммунистическим агентом, полковником ВСРВ Фам Нгок Тхао. Когда один из северовьетнамских высокопоставленных партийцев прибыл в штаб-квартиру ЦУЮВ, взбудораженные местные коммунисты сказали ему, что Ханой следует поторопиться, потому что сайгонский режим

находится на грани краха и «если не взяться быстро за дело, можно опоздать». Ханой принялся печатать свои деньги и отправлять их на Юг в коробках с надписью «Груз 65».

Вопреки надеждам Ханоя, переворот Фам Нгок Тхао провалился; полковник был вынужден бежать и вскоре был убит при загадочных обстоятельствах. Но рост насилия в стране продолжался. Так, на Центральном нагорье вьетконговцы схватили двух работников службы по борьбе с малярией, занимавшихся распылением ДДТ, и предали их «народному суду». Они были осуждены за «шпионаж в пользу американцев и марионеточного правительства» и казнены с помощью мачете⁵. Двое медработников, мужчина и женщина, делавшие населению прививки от холеры, также были схвачены и признаны виновными «в деятельности в интересах американских империалистов и в качестве инструмента пропаганды». Женщину, которая была беременной, оставили в живых, а ее коллегу зарубили до смерти на ее глазах. Нередко жертвами становились семьи солдат ВСРВ и ополченцев. Однажды вьетконговцы похитили жену и ребенка одного особенно энергичного сержанта Региональных сил. Когда тот отказался перейти на их сторону, вьетконговцы перерезали ребенку горло. В этой беспощадной войне пытки и убийства без суда и следствия были обычным делом. Как заметил офицер ВСРВ, «это было сложно понять даже вьетнамцам, не говоря уже об иностранцах»⁶. Крестьянская девушка Фунг Тхи Лели подверглась изнасилованиям, побоям и унижениям как вьетконговцами, так и солдатами ВСРВ, после чего была изгнана из деревни с ребенком на руках и зарабатывала на жизнь гроши, продавая дешевые товары и себя американцам. Много лет спустя она написала, обращаясь к иностранным читателям: «Вы не знаете, как трудно было выжить»⁷.

Традиционная семейная дисциплина трещала по швам. Одна девушка, у которой умерла мать, а отец тяжело болел, вступила в ряды НФОЮВ. Партийная работа «была очень опасной для моей жизни и невинности» и вынуждала ее пренебрегать дочерними обязанностями. Однажды вечером ее отец взмолился: «Ты моя дочь. Ты почти не появляешься дома и не работаешь по хозяйству. Наше поле заброшено, всюду растут сорняки. Где мы возьмем еду? Многие люди работают на революцию без оплаты, но у меня никого нет, кроме тебя... Сжался немного надо мной и готовь мне еду... Тебя может убить бомба или снаряд, и тогда мне придется хоронить тебя. Но по закону наших предков дети должны хоронить своих родителей»⁸.

С нарастанием военной активности НФОЮВ обнаружил, что обещанное перераспределение земель становится все менее действенным пропагандистским оружием: крестьяне были куда больше

озабочены ежедневной борьбой за выживание. По словам Дэвида Эллиотта, на большей части сельской местности Южного Вьетнама 95% времени не было видно ни правительственных войск, ни партизан: «Проблема была в этих 5%»⁹. Трудно описать всю изнуряющую тяжесть и безотрадность крестьянской жизни, которая теперь и вовсе стала невыносимой, что во многом объясняло, почему многие молодые люди предпочитали уйти в партизаны или перебирались в города. Когда подруга Фунг Тхи Лели приехала в деревню из столицы, где она работала в баре, Лели, слушая ее рассказы о модных фасонах одежды, женских прическах с высокими пучками и туалетах со сливными бачками, мечтательно сказала: «Сайгон... это похоже на рай»¹⁰. 16-летняя крестьянская девушка из Митхо переехала в столицу к своему брату, полицейскому, и пришла в восторг от того, что могла заработать 25 000 пиастров в месяц, работая посудомойкой. Конечно, ей приходилось трудиться с утра до 9 часов вечера, но, по ее словам, ей «нравилась такая жизнь»¹¹. В городе никто не ходил босиком, у всех были туфли и сандалии. Успешная проститутка зарабатывала гораздо больше, чем посудомойка, и немало девушек выбирали это занятие, даже если потом становились изгоями в родных деревнях.

В 1964 г. RAND Corporation начала один из самых важных своих проектов — исследование под названием «Мотивация и мораль Вьетконга». Армия США не очень этим заинтересовалась и направила всего одного представителя — лейтенанта Дэвида Моррелла, который стал страстным приверженцем проекта. Позже он сказал: «Мы исследовали удивительный феномен: почему они [коммунисты] продолжали сражаться с таким невероятным упорством?.. Почему они отказывались от тех материальных благ, которые мы пытались им дать... и предпочитали скрываться в камышовых болотах, жить в туннелях в Кути?»¹²

Моррелл был удивлен тем, что американцы проводят такое важное исследование, не информируя об этом и не консультируясь с южновьетнамским Генштабом. После того как нанятые RAND вьетнамские интервьюеры опросили достаточно большую выборку местного населения, в декабре 1964 г. выездная группа представила свои первоначальные выводы Уэстморленду. Аналитики предупредили генерала, что вьетконговцы — гораздо более идейный и преданный своей борьбе противник, чем считало американское командование. «Верят ли они в Бога?»¹³ — спросил глава КОВПВ. Аналитики не смогли ответить на этот вопрос. Однако на брифинге они подчеркнули, что вьетконговцы стойко держатся даже под пытками, чем поставили в неловкое положение присутствовавшего на нем посла Тейлора.

Военные не были впечатлены отчетом RAND, из которого следовало, что противник находился в значительно лучшем стратегическом положении, чем правительство Южного Вьетнама. Американцы по-прежнему были озадачены «тупостью» вьетнамских крестьян, не желавших понять, что партнерские отношения с США отвечают их собственным материальным интересам. В январе 1965 г. отчет «Мотивации и мораль Вьетконга» был представлен в Вашингтоне. Аналитик RAND Гарри Роуэн сказал заместителю министра обороны Джону Макнотону: «Я думаю, мы поставили не на тех — эта сторона проиграет войну»¹⁴. Советник Макнотона Даниэль Эллсберг был впечатлен нарисованным RAND портретом врага, который к тому времени контролировал половину сельской местности Южного Вьетнама и четверть его населения: «Это оказались самоотверженные, сплоченные, убежденные в правоте своего дела бойцы, которые являлись настоящими патриотами на фоне коррумпированной южновьетнамской власти и разлагающейся армии». Макнотон пришел к сходному выводу: «Они похожи на монахов». Тем не менее он не счел нужным сообщать об этом разговоре своему боссу, министру обороны, поскольку знал, что все дебаты уже завершены и решения приняты: США должны одержать военную победу во Вьетнаме.

Член руководства НФОЮВ Чыонг Ньы Танг выразил недоумение, которое испытывал он и его соратники по поводу американской политики в Южном Вьетнаме: «Полнейшая безответственность и некомпетентность [сайгонских] генералов породили апатию и отвращение среди вьетнамцев на всех уровнях. Южный Вьетнам стал обществом без политического лидерства и без пути, а без этих жизненно важных элементов, которые американцы никак не могли привнести извне, невозможно было упорядочить хаос. В отсутствие правительства, могущего претендовать хотя бы на малейшую легитимность и дееспособность, как могли Соединенные Штаты поставить на карту свою армию и свой авторитет в мире?»¹⁵

Первая высадка

В январе 1965 г. генерал-майор Уильям Детью писал домой своему сыну из штаб-квартиры КОВПВ: «Ты спрашиваешь меня, кто стоит у власти в Сайгоне? Дело в том, что власти как таковой здесь нет, и это объясняет бóльшую часть проблем, с которыми мы сталкиваемся»¹⁶. Посол Тейлор в своем январском докладе в Вашингтон оценил ситуацию столь же пессимистично и рекомендовал начать бомбардировку Севера, хотя и по-прежнему выступал против ввода наземных войск. 21 января президент собрал в Белом доме ключевых

членов конгресса, чтобы выслушать доклад министра обороны о ситуации во Вьетнаме. То, что они слышали, было смесью эйфорического оптимизма с полным отсутствием реализма. Макнамара заявил, что тайные операции против Северного Вьетнама дают искомые результаты, как и бомбардировки тропы Хо Ши Мина на территории Лаоса. Эффективность операций южновьетнамской армии растет. Сообщив, что американские потери на настоящий момент составляют всего 254 человека, Макнамара, однако, не уточнил, что половина из них погибла в прошлом году. Президент сказал конгрессменам, что не видит необходимости в введении войск, но предпочел умолчать, что для себя он уже принял решение возобновить бомбардировки на Севере. В очередной раз разыграв патриотическую карту, он призвал обе партии оказать поддержку: «Когда речь идет о Вьетнаме, нет ни демократов, ни республиканцев».

Менее чем через неделю, 27 января, после очередной волны буддистских демонстраций в Сайгоне и разграбления Американской библиотеки в Хюэ, Совет вооруженных сил распустил правительство Чан Ван Хыонга и восстановил у власти Нгуен Кханя. Тейлор телеграфировал в Вашингтон, что генералы, по всей видимости, вступили в союз с буддистами, которые были «доминирующей и самой влиятельной силой [в стране]... Наиболее опасная перспектива заключается в том... что победа буддистов может стать важным шагом на пути к формированию правительства, которое в конечном итоге начнет переговоры с Ханоем и Национальным фронтом освобождения». Другими словами, южновьетнамцы искали способы избежать войны, которую американцы были решительно настроены продолжать.

В тот же день Макджордж Банди представил президенту служебную записку, которая гласила, что «вследствие сдерживания США своей огромной мощи они [коммунисты] не ощущают в полной мере твердой и активной политики США. Они считают, что мы опасаемся идти на более серьезные риски». Роберт Макнамара подписался под служебной запиской Банди, что свидетельствовало о том, что министр обороны присоединился к лагерю сторонников эскалации. Эти двое влиятельных людей явно устали от полумер, как и сам президент. «Мы будем действовать сильно, — пообещал он. — Кхань — наш человек». Он поручил своему советнику по национальной безопасности отправиться в Сайгон, чтобы выработать рекомендации по дальнейшим действиям. Учитывая репутацию Банди как главного ястреба, несложно было предугадать, каков будет характер этих рекомендаций.

Сайгон встретил Банди лихорадочной атмосферой уличных демонстраций и слухов, большинство которых касалось готовящегося националистического переворота с изгнанием американцев. Генерал

Кхань поначалу отказался встречаться с президентским эмиссаром, очевидно, из боязни вызвать недовольство буддистов. Такой жест пренебрежения вызвал приступ гнева у Джонсона, который всего несколько дней назад назвал южновьетнамского лидера «нашим человеком». Американцы принялись в спешном порядке искать замену Кханю, чтобы устроить очередной переворот, тем самым окончательно превратив ситуацию в Сайгоне в фарс.

Визит в Ханой советского премьер-министра Алексея Косыгина обострил тревоги американцев. Вашингтон никак не мог предположить, что за закрытыми дверями этот высокопоставленный гость настоятельно призывал Ле Зуана отказаться от эскалации. Москва считала своим долгом обеспечить ДРВ современными системами противовоздушной обороны, чтобы поддержать свой статус лидера мирового социалистического лагеря. Но, как и китайцы, русские не имели никакого желания посылать наземные войска, поэтому всеми силами пытались предотвратить дальнейшее обострение ситуации. Белый дом, Госдепартамент и ЦРУ так и не смогли понять, что, несмотря на воинственную антиимпериалистическую риторику Москвы и Пекина, Северный Вьетнам вовсе не был «управляемой ракетой» в их руках.

Между тем визит Банди в Южный Вьетнам ознаменовался фейерверком дерзких атак, почти наверняка устроенных Вьетконгом без санкции и поддержки Ханоя. В ночь на 7 февраля вьетконговцы напали на американскую вертолетную базу «Кэмп-Хеллоуэй» в Плейку на Центральном нагорье. Действуя силами всего одной саперной роты, нападавшие убили 8 американцев и ранили 108, уничтожили 5 вертолетов и повредили еще десяток машин. Три дня спустя последовало еще одно разрушительное нападение. Банди воспринял вьетконговские атаки в Плейку как личное оскорбление. Он телеграфировал в Белый дом о необходимости безотлагательного возмездия: «Лучший доступный способ увеличить наши шансы на успех — это разработка и реализация стратегии последовательных ответных ударов по Северному Вьетнаму». В Вашингтоне Совет национальной безопасности одобрил возобновление бомбардировок — как ни странно, при полной поддержке Джорджа Болла; единственным, кто выступил против, был сенатор Майк Мэнсфилд. Через несколько часов 132 американских и 22 южновьетнамских бомбардировщика обрушили бомбы на Северный Вьетнам.

Макнамара поручил Пентагону проработать новые сценарии с учетом новых обстоятельств, включая возможность нанесения ударов по целям на территории Китая: «Нам нужен план, как мы будем реагировать на массированные наземные усилия со стороны Северного

Вьетнама и Китая». Он предложил использовать для подавления зенитных средств напалм, но госсекретарь Раск категорически отверг эту идею по политическим соображениям. Эрл Уилер полушутливо заметил: «Министр обороны начал говорить, как генерал Лемей. Ему не хватает только сигары во рту»¹⁷. Никому и в голову не пришло проконсультироваться с южновьетнамским правительством. Между тем Ханой испытал несвойственный ему приступ паники, восприняв бомбардировки как возможную прелюдию к вторжению.

Политические обозреватели Артур Крок и Джеймс Рестон скептически отнеслись к утверждению администрации США о том, что новые бомбардировки Северного Вьетнама были спонтанным ответом на атаки в Плейку: оба подчеркивали, что на тот момент в Тонкинском заливе находился не один авианосец, как обычно, а целых три — явно сосредоточенных там для нанесения воздушных ударов, как только появится подходящий предлог. Рестон написал в *The New York Times*: «Пришло время назвать вещи своими именами. Наша страна ведет необъявленную закулисную войну... Наши лидеры придумывают ей звучные и красивые эвфемизмы вроде “эскалации” и “возмездия”, но это — война как она есть»¹⁸.

Банди воочию наблюдал в Сайгоне, как слабое правительство безуспешно пытается бороться со всплеском антиамериканизма. «Ситуация во Вьетнаме ухудшается, — сообщал он в Белый дом, — и без новых шагов нас неизбежно ждет поражение... Энергия и упорство Вьетконга поражают... Время переломить ситуацию еще есть, но не так много. Ставки... чрезвычайно высоки... Любое урегулирование с уходом США в сегодняшних условиях означает капитуляцию с отсрочкой». За первые шесть месяцев 1965 г. ВСПВ потеряли убитыми, ранеными и дезертировавшими в общей сложности 15 батальонов.

Теперь сам Макнамара принялся убеждать президента отправить войска, называя цифру в 175 000 человек, — недаром его биограф писал о «глубокой природной склонности к активизму»¹⁹, присущей этому человеку. Через несколько месяцев он признался британскому министру иностранных дел Патрику Гордону Уокеру, что не видит альтернативы эскалации, так как администрация не может сказать американскому народу, что США не в состоянии выиграть эту войну²⁰. Из тех же внутривластных соображений министр обороны считал более благоразумным отправлять войска небольшими партиями, чтобы избиратели могли переварить это без большого испуга. Впоследствии члены Объединенного комитета начальников штабов утверждали, что им не дали возможности объяснить президенту, что такое поэтапное развертывание, которое предлагал Макнамара, было обречено на провал, — чтобы переломить ситуацию, США нужно было навалиться

сразу всей своей мощью. Однако представляется маловероятным, чтобы даже оперативное полномасштабное развертывание, включая призыв резервистов, могло бы обеспечить США победу.

Макджордж Банди заслуживает похвалы по крайней мере за то, что он призывал президента предупредить американский народ о необходимости подготовиться к долгой войне. Но Джонсон не только проигнорировал этот призыв, но и поручил Дину Раску переговорить с Уильямом Фулбрайтом, чтобы убедить того предотвратить любые дебаты в сенате. Вот что написал по этому поводу Макмастер: «Война во Вьетнаме не обрушилась на США как неотвратимое цунами холодной войны. Она подползла незаметно, крадучись... Джонсон и Макнамара сумели создать иллюзию того, что [наземные операции во Вьетнаме] скорее альтернатива войне, чем собственно война»²¹. В этом состояла ирония ситуации, и было прискорбно с нравственной и политической точки зрения то, что администрация США предпочла принять решение об эскалации втихомолку, поскольку только народные избранники на Капитолийском холме, если бы им честно представили все варианты, могли бы со всей прямолинейностью сказать американскому народу, что Вьетнам не стоит большой войны, и помешали бы стране скатиться в ту трясиину, в которую направлял ее президент и его администрация.

Уильям Банди также считал, что Джонсон совершил фундаментальную ошибку, не вынеся вопрос о войне на обсуждение в конгресс. «Несомненно, дебаты были бы яростными, — писал он, — но, если бы голуби возобладали, дверь к политическому решению открылась бы гораздо раньше»²². Банди отмечал, что в 1964–1965 гг. Джонсон действовал во многом так же, как Франклин Рузвельт в 1941 г., когда обманым путем втянул США во Вторую мировую войну. «Проблема в том, — констатировал Банди, — что на этот раз все закончилось очень плохо и в исторической ретроспективе выглядит вопиющей ошибкой»²³.

11 февраля 1965 г. британский премьер-министр Гарольд Вильсон позвонил президенту Джонсону и предостерег того против обострения войны во Вьетнаме. Он даже выразил готовность приехать в Вашингтон, чтобы обсудить возможности урегулирования. Но Джонсон резко парировал: «Мы не говорим вам, как управлять Малайзией, а вы не говорите нам, как управлять Вьетнамом»²⁴. Вильсон объяснил, что находится под колоссальным давлением внутри страны с требованием дистанцировать Великобританию от действий США. Однако Джонсон оставался непоколебим и в ответ обрушился на своего собеседника с обвинениями в том, что британцы и французы, вместо того чтобы поддержать своего главного союзника, не пытаются скрыть негативное

отношение к его войне. Его собственная решимость укрепилась после встречи с бывшим президентом Эйзенхауэром, который призвал принять любые необходимые военные меры, чтобы предотвратить поражение.

И все же в Вашингтоне оставалось немало благоразумных пессимистов. Член СНБ Джеймс Томсон писал: «Мы поставили на кон наш национальный авторитет и колоссальные ресурсы на политической, военной и географической арене, попытки присутствовать на которой должны были давным-давно убедить нас в том, что мы должны любой ценой избегать подобных ставок». Неизменно пессимистичные оценки ЦРУ ситуации в Южном Вьетнаме и результативности продолжающихся бомбардировок Севера настолько раздражали президента, что в апреле 1965 г. он отправил Маккоуна в отставку. Аналитика и прогнозы ЦРУ, хотя и не были стопроцентно точными, все же находились гораздо ближе к реальности, чем у большинства других ведомств, особенно у КОВПВ. 17 февраля вице-президент Хьюберт Хамфри отправил Джонсону служебную записку, где убедительно призывал того не допустить эскалации, которую не поймет большинство американцев. Он утверждал, что после блестящей победы на выборах 1965 г. предлагал администрации идеальную возможность воспользоваться своим высочайшим рейтингом, чтобы признать неудачу в Юго-Восточной Азии и уйти оттуда. В ответ президент исключил Хамфри из круга лиц, участвующих в принятии решений по Вьетнаму.

18 февраля в Сайгоне произошел очередной переворот; генерал Нгуен Кхань был свергнут и отправлен в изгнание. Номинальным главой государства стал д-р Фан Хюи Куат, однако реальная власть осталась в руках военных, среди которых наиболее влиятельными фигурами были Нгуен Као Ки и Нгуен Ван Тхьеу — впрочем, уже в июне эти двое решили выйти из тени. Четыре дня спустя Уэстморленд запросил у Вашингтона морских пехотинцев для защиты расширяющейся американской базы в Дананге. Администрация была готова к этой просьбе — и с готовностью дала добро. Позже Макс Тейлор писал: «Удивительно, как трудно было добиться принятия решения о бомбардировке Севера и как относительно легко оказалось получить санкцию на отправку морских пехотинцев для наземной миссии»²⁵.

Первым боевым подразделением, которое получило приказ отправиться в Южный Вьетнам, стала бригадная десантная группа численностью в 1200 человек. Сам президент поначалу выступал за отправку 173-й воздушно-десантной бригады на том своеобразном основании, что американская общественность считает операции с

участием воздушного десанта менее серьезными, чем с участием морской пехоты. Между тем всем было очевидно, что это только первый шаг; уже в феврале строились планы дальнейшей отправки войск для защиты всех американских баз — называлась цифра в 44 батальона, или 100 000 человек. Именно столько генерал Уоллес Грин считал необходимым, чтобы «гарантировать 100% защиты»[26](#).

На протяжении всего февраля, пока президент в Вашингтоне размышлял, погруженная на корабли десантная группа нарезала круги по Южно-Китайскому морю. Мичман Джим Колтес на десантном транспорте *Henrico* был впечатлен «лучшими солдатами Америки» из 3-го батальона 9-го полка морской пехоты: «Это не были призывники или неудачники, которые пошли в армию, потому что не смогли найти хорошую работу. Там были офицеры, с которыми я учился в [Университете] Нотр-Дам. У них была потрясающая дисциплина и удивительный дух товарищества. Все верили в правоту нашего дела»[27](#). Напряженное ожидание продлилось 32 бесконечных дня и ночи. По ночам с палубы кораблей они видели вспышки оружейных выстрелов и зарево осветительных ракет над холмами вокруг Дананга. «Никто [из морских пехотинцев] не знал, что ждет их на берегу, потому что никому еще не доводилось участвовать в таких высадках. Мы задавались вопросом: не будет ли это похоже на День Д[\[32\]](#) в Нормандии?» Разумеется, ничего подобного не было. 8 марта 1965 г., когда флотилия штурмовых десантных транспортов подошла к побережью, не прозвучало ни единого выстрела.

Перед высадкой на берег командир роты морской пехоты Фил Капуто собрал свой командный состав на инструктаж: «Слушайте сюда. Вы должны предупредить своих людей, что наша миссия носит чисто оборонительный характер. Я не хочу, чтобы кто-то из них возмнил себя Джоном Уэйном[\[33\]](#). Мы здесь, чтобы обеспечивать безопасность, и не более того. Мы не собираемся воевать. Воевать будут ВСПРВ, а мы просто должны освободить им руки. Это их война»[28](#). Лейтенант Капуто, как и генерал Уэстморленд, считал себя продолжателем дела Джона Кеннеди: «Он был королем Артуром, мы — его рыцарями, а Вьетнам — нашим крестовым походом. Не было такой задачи, которая была бы нам не под силу, потому что мы были американцами, — и по той же причине все, что мы делали, было правильным»[29](#). Их коммунистические враги были «новыми варварами, угрожавшими геополитическим интересам Нового Рима».

Торжественное сошествие морских пехотинцев на южновьетнамскую землю, где их встречала толпа фотографов, радостных детей и прекрасных девушек, вешавших на шеи солдат цветочные гирлянды, затмило собой шокирующую деталь: никто в

Вашингтоне, американском посольстве или КОВПВ не удалось уведомить об этом сайгонское правительство. Более того, как позже заметил Макс Тейлор, как только верблюд засунул морду в палатку, он намеревался залезть туда целиком, несмотря на то что у американской администрации еще не было разработано никакого более или менее заслуживающего доверия плана «игры». Уолтер Липпман писал: «Раньше это была война южновьетнамцев при поддержке американцев. Теперь же это превращается в войну американцев, в которой южновьетнамцам отведена второстепенная роль».

Полковник Сид Берри описал типичную операцию ВСПВ в дельте Меконга: «Все было сделано на отлично: воздушные удары, артиллерийская поддержка, высадка вертолетного десанта, маневры бронетехники, передвижение пехоты»³⁰. Но эффективность операции была привычно удручающей: «Серьезного сражения не получилось. Мы убили шестерых партизан, взяли в плен четверых, захватили немного документов. Но никакого крупного скопления вьетконговцев, на которое мы рассчитывали, там не оказалось. Может быть, в следующий раз». Другой советник заметил, что силы ВСПВ «крайне редко наталкиваются на крупные отряды... Создается впечатление, будто между ними и Вьетконгом существует джентльменское соглашение: мы не трогаем вас, вы не трогаете нас».

Пол Уорнке, который позже стал заместителем министра обороны, считал, что вся эпопея с Вьетнамом могла быть совсем другой, если бы Вашингтон пошел по пути полноценной оккупации, а не пытался реанимировать абсолютно некомпетентное и дискредитировавшее себя местное правительство: «Мы пытались навязать определенный тип правления стране, которая сопротивлялась этому. Был единственный способ это сделать — оккупировать [Южный Вьетнам] так же, как мы оккупировали Японию [в 1945 г.]»³¹. Уорнке упустил важный момент, что в этом случае США пришлось бы обращаться с южновьетнамцами как с оккупированным народом, а не гражданами формально суверенного государства. Однако он проницательно сформулировал фундаментальную проблему, с которой США пришлось снова столкнуться в XXI в. в Ираке и Афганистане.

Многие представители южновьетнамского среднего класса, такие как семья Зыонг Ван Май, были настолько удручены состоянием дел в стране, что только отсутствие средств мешало им бежать за границу. Некоторые из них поначалу с энтузиазмом восприняли новость о вводе американских войск. Отец Май, бывший мэр Хайфона, сказал: «Нам невероятно повезло, что американцы решили спасти нашу маленькую и слабую страну своими деньгами и даже своими жизнями»³². Конечно, такая точка зрения была ограничена относительно узкими

привилегированными кругами, но она говорит о том, что вступление США в войну хотя бы у кого-то вызвало кратковременный прилив надежды.

Процесс, который начался 8 марта 1965 г., вместо триумфального шествия превратился в погребальный костер — для стратегии США, для сотен тысяч человеческих жизней и в конечном итоге для президентства Линдона Джонсона. Почти каждый современный англосаксонский лидер, который привел свою страну к внешнеполитической катастрофе, сравнивал ситуацию, в которой оказался, с противостоянием между Уинстоном Черчиллем и его заклятым врагом Адольфом Гитлером. 13 апреля Джонсон заявил на встрече с иностранными дипломатами, что Вьетнам представляет собой вызов, аналогичный тому, с которым Черчилль столкнулся в 1940 г. Де Голль презрительно опроверг такое сравнение и предсказал, что эта война продлится десять лет и «обернется полным позором для США». В Вашингтоне, как всегда, обвинили французского лидера в европейской высокомерии и зависти к американскому могуществу и были правы, однако это не лишало его предостережение здравого смысла. Фрэнк Скоттон писал, что, когда США начали вести параллельные — южновьетнамскую и американскую — военные кампании, «единственным игроком, который понимал концепцию “единой войны”, где все военные и политические аспекты подчинены достижению одной цели, оказалась вьетнамская коммунистическая партия»[33](#).

Начиная с марта 1965 г. процесс вытеснения американскими войсками войск ВСРВ как основной силы, ведущей войну с коммунистами, происходил удивительно быстро. Непрерывная смена власти в Сайгоне лишила южновьетнамских солдат остатков лояльности и воли к победе. Дезертирство выросло в разы: только в апреле из армии сбежало 11 000 дезертиров, а оставшиеся солдаты не хотели воевать. Один младший офицер ВСРВ позже вспоминал: «Я вступил в армию в 1962 г., потому что был патриотом. Я любил свою новую страну и ненавидел коммунистов. Но со временем... смена правительств в Сайгоне и зависимость от американцев привели к тому, что понятие “нация” перестало для меня существовать»[34](#).

Макс Тейлор, традиционно выступавший против непосредственного вмешательства США в войну, считая это неизбежным путем к катастрофе, временно поменял свою точку зрения и поддержал решение администрации. Чтобы оценить будущие потребности в американских войсках, президент командировал в Сайгон начальника штаба Армии США Гарольда Джонсона, выжившего участника Батаанского марша смерти 1942 г. Должно быть, генерала частенько передергивало от общения с президентом, поскольку он не выносил сквернословия и

богохульства и однажды даже отчитал своего подчиненного: «Буду признателен, если вы никогда больше при мне не будете упоминать имя Господа всуе»³⁵. В марте 1965 г. он получил от своего главнокомандующего приказ начать новый «марш смерти». Когда они вместе спускались на лифте в Белом доме, президент ткнул его указательным пальцем в грудь и сказал: «Вы слишком все раздуваете, генерал». Гарольд Джонсон не раз во всеуслышание говорил в Пентагоне, что для достижения результата в Южном Вьетнаме потребуется пять лет и полмиллиона человек. По возвращении из Сайгона он предложил ограничиться отправкой одной дивизии, но Комитет начальников штабов увеличил эту рекомендацию до трех. На встрече в Кэмп-Дэвиде 10 марта президент заявил: «Будь там хоть пекло, хоть потоп, мы должны там остаться». В его заметках было написано: «Спасовать = второй Мюнхен».

Он никак не отреагировал на предложения Пентагона по вводу войск, но 1 апреля санкционировал отправку еще двух батальонов морской пехоты и 20 000 человек вспомогательного персонала. Три недели спустя он одобрил дополнительное развертывание, в результате которого к июню количество американцев на театре боевых действий должно было увеличиться до 40 000. Тейлор настаивал на том, чтобы сосредоточить всех этих людей на защите прибрежных анклавов. Но Уэстморленд возразил, что такая осторожность будет недопустимым позором, и президент согласился. Как только первые подразделения наземных войск отплыли с западного побережья в Азию, стало казаться, будто прорвалась долго сдерживаемая плотина. В Белый дом хлынул поток предложений по наращиванию военных усилий. Уэстморленд хотел все больше и больше людей. Адмирал Шарп, главнокомандующий в Тихоокеанском регионе, настаивал на отправке морских пехотинцев на том основании, что они лучше всего подготовлены к антиповстанческим операциям. 6 апреля президент санкционировал начало кампании бомбардировок Северного Вьетнама под кодовым названием «Раскаты грома II». Перед Белым домом появились первые протестующие против войны во Вьетнаме.

Между тем военная ситуация продолжала ухудшаться. 9 мая Даг Рэмзи, находясь в провинции Хаунгя, написал в своем дневнике: «Сообщают, что сегодня в 02:45 ночи вьетконговцы уничтожили по меньшей мере один взвод 33-го батальона рейнджеров на бивачных позициях. Также был взорван мост... Общие потери дружественных сил: 41 погибший в бою, 36 раненых, 50 пропавших без вести. По сообщениям, в атаке ВК участвовали крестьяне с факелами, ножами и копьями. Число нападавших — боевиков ВК и гражданских —

составляло около 500 человек. По словам главы провинции, в лагере 33-го батальона все спали»[36](#).

Южновьетнамская армия рушилась буквально на глазах у американцев. 18 мая в письме родителям Рэмзи писал, что накануне ополченцы из Региональных сил и рейнджеры поссорились за игрой в карты и устроили ожесточенную потасовку, в ходе которой один рейнджер был застрелен из автомата. «Местные войска никогда не отличались высокой дисциплиной, — писал он, — но за последние два месяца ситуация стала совсем плачевной. Каждые несколько дней кто-нибудь устраивает в городе стрельбу, но никто не принимает никаких мер. Солдаты [ВСРВ] ведут себя с безоружными гражданскими как бандиты, поэтому их почти повсеместно ненавидят... Из-за неспособности Сайгона обеспечить общественную безопасность любые мирные усилия становятся бессмысленными... Американское правительство, как и южновьетнамское, пытается скрывать реальную ситуацию и даже прибегает к откровенной лжи, но все их попытки тщетны»[37](#). Северовьетнамское коммунистическое руководство также обманывало свой народ, но делало это гораздо успешнее благодаря тому, что осуществляло жесткий контроль над информационными потоками внутри страны.

Между тем коммунистам даже не требовалось прибегать к услугам шпионов: всю важную информацию, в том числе о передвижении войск, они получали из сайгонских газет. 9 июня, когда бойцы одного десантного подразделения ВСРВ погрузились в грузовики и отправились на аэродром, по пути на первой полосе утренних газет они прочитали новость о том, что сегодня планируется операция вертолетного десанта в таком-то районе. По словам одного офицера, «мы ругались на чем свет стоит: Черт возьми, мы еще не получили ни приказов, ни плана боя, а эти газетчики уже опубликовали карту зоны высадки! Какая-то штабная крыса в накрахмаленной униформе захотела показать себя важной птицей перед журналистами!»[38](#)

Батальон, в котором служил лейтенант Доан Фыонг Хай, был направлен в район боевых действий в 65 км к северу от Сайгона. Высадившись с вертолетов, они увидели вокруг привычную картину: разрушенные дома, разбросанные всюду трупы и искореженные велосипеды, среди которых бродили оставшиеся без хозяев собаки. Недалеко стоял брошенный грузовик и телега с грудой мертвых партизан и убитым в упряжи волом. Они с содроганием увидели останки нескольких вертолетов, сбитых вьетконговцами во время боя. Первым заданием десантников было собрать все трупы, своих и врагов, которые уже начали разлагаться. Лейтенант Хай постоянно нюхал ароматное масло «Ньи Тхиен Зыонг», но это не помогало преодолеть

тот ужас и отвращение, которые он испытывал, глядя на мертвые тела с деловито копошащимися в их ушах, носах и глазах муравьями³⁹.

«Когда вечером я открыл консервную банку, вид свинины, покрытой слоем жира, так напомнил мне гниющую человеческую плоть, что меня вырвало».

На следующий день, 12 июня, когда его взвод приблизился к каучуковой плантации, оттуда по ним открыли ожесточенный огонь из миномета. Оказавшись под градом мин, Хай запросил авиационную и артиллерийскую поддержку, но получил отказ под предлогом того, что на плантации находится скопление гражданских лиц. «"Какие, к черту, гражданские?! — заорал я по рации. — Там ВК!" Я хорошо видел людей в желтовато-зеленой униформе и тропических шлемах, которые сновали вокруг каучуковой фабрики и прилегающих жилых строений». Его взводу было приказано пойти в лобовую атаку на открытой местности через взлетно-посадочную полосу, которая лежала между ними и противником. К удивлению Хая, большинство его людей достигли строений живыми. Но затем начался тропический ливень, и вьетконговцы двинулись в контратаку. Десантники снова запросили огневую поддержку и снова получили отказ. Через несколько часов, когда сражение чуть стихло, Хай узнал, что их ротный убит, как и второй лейтенант — пожилой ветеран, которому удалось пережить 20 лет войны, пока от него не отвернулась удача: «Я помолился за то, чтобы его следующая жизнь была менее тяжелой». Также в тот день погиб капитан, который участвовал в битве при Дьенбьенфу и получил ранение, защищая высоту «Беатрис». И впрямь, разве можно было до бесконечности надеяться на фортуна в той череде войн, которая полыхала в их стране?

Позже Хай писал: «От нашего батальона почти ничего не осталось. Все четверо ротных погибли. Внезапно у меня перед глазами вспыхнули искры. Я выронил из рук винтовку AR-15 и рухнул на землю рядом с пулеметом, который продолжал стрелять по врагу»⁴⁰. Когда Хай пришел в себя, стояла ночь; с каучуковых деревьев падали капли дождя: поперек его живота лежал мертвый вьетконговец. Он ощутил жгучую боль в лице и в правой руке: оказалось, одна пуля АК-47 прошла ему скулу и нос, а еще две прошли сквозь правую руку. Он был весь пропитан вражеской кровью. В конце концов он сумел столкнуть с себя труп и отползти к подножию каучукового дерева. Он слышал, как вьетконговцы обыскивают поле боя, ругаясь на большие потери. Один из них пнул Хая ногой, потом наклонился, снял с него часы, ремень со всем снаряжением и рацию. Обильно пропитанная кровью форма Хая убедила мародера в том, что Хай мертв. Вскоре вьетконговцы ушли, на ходу споря и деля награбленное. Наступила тишина, ливень усилился.

Хай пополз до трупа своего радиста, капрала Тама, и забрал его плащ-палатку, которая Таму была больше не нужна.

«Мы лежали вдвоем — один мертвый и один еще живой, свернувшись на земле рядом друг с другом. Я с печалью смотрел на Тама, вспоминая хорошие и плохие времена, которые нам пришлось пережить вместе. Я подумал, что сейчас мои родители, должно быть, ужинают и вспоминают обо мне. Мама подошла к семейному алтарю и зажгла ароматическую палочку за меня». Пока Хай лежал среди погибших товарищей, предаваясь горестным размышлениям, вокруг вдруг начали рваться авиабомбы и артиллерийские снаряды, которые могли бы спасти множество жизней, начнись бомбардировка несколько часов назад. В конце концов Хай присоединился к небольшой группе выживших, большинство из которых были ранены, как и он. Два дня они шли по контролируемой вьетконговцами местности, пока не добрались до базы ВСРВ. Врачи были удивлены тем, что раны Хая не были инфицированы. Он оказался едва ли не единственным выжившим офицером в своем батальоне, который потерял более 200 человек убитыми и около 600 ранеными⁴¹.

Воздушно-десантная дивизия, где служил Хай, считалась одним из самых боеспособных соединений ВСРВ, однако вьетконговцы наголову разбили одно из ее подразделений. В 1965 г. подобные истории повторялись так часто, что Уэстморленд доложил в Белый дом: «Южновьетнамские вооруженные силы не могут противостоять этому давлению без существенной боевой поддержки со стороны США». КОВПВ разработало грандиозный стратегический план: сначала использовать американские войска для защиты собственных объектов, затем помочь ВСРВ восстановить контроль на Центральном нагорье и, наконец, начать «искать и уничтожать» врага на всей территории страны, одновременно продолжая усилия по принуждению к миру и бомбардировки Северного Вьетнама. Генерал Депью, начальник оперативного отдела штаба Уэстморленда, был убежден, что Вьетконг не сможет противостоять подавляющей огневой мощи. Дэвид Халберстам охарактеризовал его как «воинственного и властного карлика». Нил Шиэн с отвращением писал, что Депью выступает за «больше бомб, больше снарядов, больше напалма... пока враг не будет сокрушен и не сдастся».

Уэстморленд считал, что южновьетнамские силы должны заняться обеспечением безопасности населенных пунктов, разместив там свои укрепленные гарнизоны, а остальное предоставить американцам. Он предложил перебросить в Таиланд 1-ю кавалерийскую (аэромобильную) дивизию, чтобы с запада перерезать тропу Хо Ши Мина на территории Лаоса. Депью его поддержал, заявив, что со стороны американцев было

бы глупо уважать нейтралитет, в то время как враг его полностью игнорирует. Президент спросил у Уэстморленда: сколько человек вам нужно? Генерал ответил: 180 000 немедленно — 32 американских батальона и 10 батальонов из Южной Кореи с надлежащей поддержкой — и еще 100 000 в следующем, 1966 г. Пока этот запрос находился на рассмотрении, военно-морские силы начали операцию «Рыночное время», чтобы перерезать маршруты поставок оружия с Севера на Юг по морю и рекам.

На фоне продолжающихся бомбардировок Северного Вьетнама и набирающего обороты развертывания войск президент время от времени неуклюже протягивал оливковую ветвь. В апреле, выступая в Университете им. Джона Хопкинса, он заявил, что, если Ханой откажется от войны, США предоставят на строительство плотины на Меконге \$1 млрд — огромная взятка за то, чтобы оставить Сайгон в покое. После этих слов Джонсон наклонился к своему молодому помощнику Биллу Мойерсу и, похлопав того по колену, сказал: «Старина Хо не сможет отказаться». И самодовольно повторил: «Да, старина Хо не сможет отказаться». Ханой, разумеется, отказался, чем привел Джонсона в полное недоумение.

13 мая президент распорядился на пять дней прекратить бомбардировку, чтобы передать через Москву новое предложение о мире. Фам Ван Донг отказался даже читать послание американцев. Остается только гадать, как могла бы повернуться история, если бы взятка в \$1 млрд была предложена с бóльшим дипломатическим тактом. Если бы полуголодным людям на Севере сказали, что они могут получить щедрую помощь, согласившись отсрочить воссоединение с Югом, кто знает, как они могли бы отреагировать? В конце концов, национальной гордостью сыт не будешь. Но империалисты предложили им эти грязные капиталистические деньги, словно помои свиньям, на глазах у всего мира. Было немыслимо, что Ханой согласится взять их.

В Вашингтоне все еще были убеждены, что СССР может в любой момент остановить войну — достаточно его новым лидерам Леониду Брежневу и Алексею Косыгину снять трубку и позвонить в Ханой. Дин Раск сказал советскому послу Анатолию Добрынину: «Мы находимся в замешательстве, как действовать дальше, исходя из того, что обе наши страны хотят мира»⁴². Русские были встревожены эскалацией и опасались, что американцы могут применить во Вьетнаме тактическое ядерное оружие. Однако Добрынин ничем не смог помочь Раску: Москва отказалась брать на себя неблагодарную роль посредника в ситуации, когда обе воюющие стороны были решительно настроены достичь военного превосходства в преддверии любых переговоров.

Джонсон кипел от негодования. В разговоре с сенатором Фулбрайтом он сказал, что отказ Ханоя от его мирного предложения — уйти с Юга в обмен на прекращение бомбардировок — вынуждает США расширить военные усилия. Однако мир видел, что администрация США колеблется. 17 мая 1965 г. лондонская The Times писала: «Бомбардировка как дипломатический инструмент потерпела неудачу... В настоящий момент США стоят на нижней ступеньке лестницы эскалации и очень не хотят подниматься выше, но у Ханоя нет причин помогать им спуститься на землю». Хотя вместо метафоры с ведущей вверх лестницей следовало бы скорее использовать сравнение с ямой или болотом, газета правильно поняла, что Белый дом находится в замешательстве. 7 июня Уэстморленд без обиняков сказал Вашингтону, что Южный Вьетнам потерпит военное поражение, если только США не развернут там 44 маневренных батальона: «Я не вижу никакого доступного нам плана действий, кроме усиления»⁴³.

Заместитель Госсекретаря Джордж Болл подготовил очередную докладную записку с возражениями против отправки дополнительных сил: «Прежде чем направлять в Южный Вьетнам бесконечный поток людей и ресурсов, мы должны убедиться в том... что наши войска не увязнут в джунглях и рисовых полях, пока страна медленно распадается на части». Но Объединенный комитет начальников штабов поддержал оценку ситуации, которую дал глава КОВПВ, и его просьбу об усилении. Президент сказал группе ведущих конгрессменов: «Уэсти нужна помощь — и я собираюсь ее предоставить». Генеральный прокурор Николас Катценбах обрадовал Белый дом тем, что «с правовой точки зрения на этот раз [администрации] не требуется разрешения конгресса» для расширения военного присутствия⁴⁴. 16 июня Макнамара объявил, что американский контингент во Вьетнаме решено увеличить до 70 000 человек.

Два дня спустя стратегические бомбардировщики В-52 начали бомбардировку предполагаемых районов концентрации партизан на территории Южного Вьетнама. На протяжении следующих восьми лет бомбардировщики осуществили 126 615 вылетов в рамках операции под кодовым названием «Световая дуга» и сбросили 4 млн тонн бомб. Летные экипажи называли эти боевые вылеты «развозкой молока». Как заметил пилот Даг Купер, «в этом деле было столько же увлекательного, сколько в работе водителя фургона, которому между рейсами некогда выпить чашечку кофе»⁴⁵. По словам одного штурмана, его экипаж бомбил «бесконечную последовательность координат на карте... но [от бомб], казалось, не было никакого толку — они разве что проделывали дыры в гуще джунглей»⁴⁶. С середины 1968 г. бомбометание начали вести не по указаниям бомбардиров, а с помощью

наземных РЛС наведения системы Skyspot. Стратегические бомбардировщики В-52, совершавшие боевые вылеты над Южным Вьетнамом, а затем над Камбоджой и Лаосом, не подвергались практически никаким опасностям, кроме небольшого риска аварий. Большинство этих престарелых монстров страдали от коррозии, которая в условиях повышенной влажности и соленого морского воздуха беспощадно разъедала их стальные конструкции и провода. Так, один самолет взорвался на собственных бомбах, которые во время взлета, вероятно из-за замыкания проводов, были сброшены с подкрыльных держателей на взлетно-посадочную полосу. За восемь лет операции «Световая дуга» из-за подобных казусов было потеряно только 12 бомбардировщиков: жертвы экипажей В-52 были несопоставимы с теми разрушениями и страданиями, которые они несли вьетнамской земле.

Глава 11

Эскалация

«На дне бочки»

Между тем у власти в Сайгоне обосновалась новая военная хунта. Вице-маршал авиации Нгуен Као Ки занял кресло премьер-министра, генерал-лейтенант Нгуен Ван Тхьеу — кресло главы государства. Уильям Банди в отчаянии назвал эту пару «абсолютным дном бочки». Впоследствии Ки рассказал, что на встрече Совета вооруженных сил, на которой было принято решение о его назначении, он обратился к присутствующим с вопросом: «Кто-нибудь из вас хочет стать премьер-министром?» В ответ воцарилось молчание. Только после этого он вызвался взять эту роль на себя. «Я не политик и не дипломат, — якобы сказал Ки своим соратникам. — Единственное, что я умею делать, — это летать на самолетах». Неизвестно, насколько правдива эта история, но приступ скромности охватил Ки лишь спустя годы после изгнания из страны.

Линдон Джонсон продолжал делать вид, что его не беспокоит политический бардак в стране, заявив: «Мы будем действовать решительно, есть там стабильное правительство или нет». Новому премьер-министру Ки было всего 34 года; он получил летную подготовку во Франции, в 1954 г. бежал из Северного Вьетнама, после чего налетал несколько тысяч часов на транспортных и боевых самолетах южновьетнамских ВВС, в том числе участвуя в выброске агентов над северными территориями. Ки был настоящим денди: изящное телосложение, тонкие усики, сшитый на заказ черный летный комбинезон и впечатляющая вереница жен и любовниц. На публике он

держался доброжелательно, умел бойко говорить, любил все американское, кроме кока-колы, — и был далек от своего народа, как марсианин. В июне 1965 г. он был уверен, что сосредоточил в своих руках реальную власть, отведя менее яркому Тхьеу церемониальную роль. Но время показало, что Ки заблуждался.

Честер Купер так описал первое появление нового премьер-министра и главы государства на торжественном ужине в посольстве США, устроенном в честь приезда Роберта Макнамары в июле: «Появление Ки произвело впечатление. Он вошел в зал стремительной походкой — в узком белом смокинге, зауженных брюках, лакированных остроносых туфлях и ярко-красных носках. Голливудские режиссеры оторвали бы его с руками и ногами на роль саксофониста во второразрядном ночном клубе Манилы». Министр обороны был явно ошеломлен этой встречей и позже презрительно назвал Ки «исполнительным агентом генеральского директората». Глядя на Ки, один из американских коллег прошептал Куперу: «По крайней мере, его не спутаешь с дядюшкой Хо!» Президент Тхьеу, одетый в консервативный деловой костюм, казалось, был доволен тем, что блистательный вице-маршал притягивал к себе все внимание.

16 июля, еще находясь с визитом в Сайгоне, Макнамара получил телеграмму с сообщением о том, что американский президент в частном порядке выразил намерение дать добро на отправку в Южный Вьетнам 44 батальонов, запрашиваемых Уэстморлендом. Этот исключительный по важности шаг сопровождался обычными склоками и ревностью между разными родами войск: адмирал Шарп предупредил генерала Грина, коменданта Корпуса морской пехоты, что «генерал Уэстморленд и посол Тейлор... сделают все возможное, чтобы морская пехота не смогла поставить себе в заслугу военные успехи в Южном Вьетнаме».

Когда Макнамара объявил Объединенному комитету начальников штабов о планируемой отправке войск, Грин был удивлен тем, что это делается в отсутствие согласованного стратегического плана. Генерал армии Гарольд Джонсон позже признал, что решение пойти на такое наращивание сил без публичного признания его значимости было из ряда вон выходящим и «лишило его дара речи». Спустя годы он сказал: «Что я мог сделать? Я был простым солдатом под гражданским командованием... Я мог бы подать в отставку, но чего бы я этим добился? На 48 часов я бы стал несогласным генералом, а потом — все, с глаз долой. Разве нет?» Разумеется, это было не более чем жалким объяснением проявленного им малодушия. 14 июля Эрл Уилер браво заявил министру обороны: «Я не вижу никаких причин, чтобы мы не смогли победить, если у нас будет воля к победе и если эта воля будет подкреплена надлежащей стратегией и грамотными тактическими

действиями». Что Уилер имел в виду, было понятно: США должны перестать церемониться, снять все ограничения на насилие и обрушить на врага всю свою мощь, что президент — из боязни слишком жестким ударом по Северному Вьетнаму спровоцировать китайскую интервенцию по корейскому сценарию — отказывался делать.

Максвелл Тейлор, который к тому моменту потерял веру в успешный исход, был отозван из посольства в Сайгоне, куда временно вернулся Генри Кэбот Лодж. Перед отъездом Макнамара очертил Лоджу три альтернативных курса: уйти и смириться с унижением; продолжить ту же политику и наблюдать за тем, как все разваливается на глазах; существенно нарастить вмешательство «с высокой вероятностью достичь приемлемого результата в разумные сроки». Вполне ожидаемо, Лодж одобрил третий вариант: он знал, что все уже решено. Сам министр обороны на тот момент выступал за то, чтобы заминировать гавань Хайфона, значительно усилить бомбардировки инфраструктуры на Севере и мобилизовать армейские резервы для массового развертывания войск в Южном Вьетнаме. Джонсон решительно отверг последнее предложение, поскольку призыв резервистов привел бы к тому, что очень пугало президента: это показало бы американскому народу, что США ведут большую войну.

Джордж Болл составил очередную служебную записку: «В политическом отношении Южный Вьетнам — проигранное дело. После 20 лет войны страна обескровлена, а ее народ устал воевать. Коммунисты — как показывает проведенное RAND Corporation исследование «Мотивации и мораль Вьетконга» — преданы своей борьбе и не собираются отступать. У Ханоя есть все: сильное руководство, цель и дисциплина... Сайгонское “правительство” — это пародия... Южный Вьетнам превратился в страну, где есть армия, но нет правительства». Болл утверждал, что аргументы генерала Мэтью Риджуэя, выдвинутые им против военного вмешательства в 1954 г., остаются справедливыми и десять лет спустя. Однако Макджордж Банди решительно отверг утверждение о том, что США ведут себя подобно старым колониальным державам, заявив: «В 1965 г. Соединенные Штаты отвечают на призыв о помощи народа, который ведет борьбу с коммунистической угрозой». Хотелось бы узнать, какие именно представители южновьетнамского общества обратились к американцам с подобной просьбой?

21 июля Джордж Болл, «лицензированный оппозиционер», был приглашен на совещание в Белый дом, на котором якобы должно было состояться обсуждение различных вариантов действий. Но все присутствующие понимали, что их собрали здесь только для того, чтобы подтвердить решения, уже твердо принятые в единственном

месте, которое имело значение: в голове у Линдона Джонсона. От неуверенности в себе и готовности прислушиваться к чужому мнению, свойственных Джонсону в первые недели президентства, не осталось и следа. Специальный советник Гарри Макферсон в личной записке предостерег Джонсона насчет того, что его манера руководства стала настолько властной и подавляющей, что в глазах общественности советники президента предстают «послушными телятами, которые кротко подчиняются воле матерого быка». Как бы то ни было, Джонсон понимал необходимость заручиться поддержкой своего стада, прежде чем предпринимать этот самый важный в своей президентской карьере шаг. На совещании 21 июля один из «послушных телят», глава информационного агентства USIA Карл Роуэн выразил опасения по поводу слабости сайгонского режима: «Если мы не заставим правительство Ки навести порядок, 175 000 человек не спасут ситуацию». Однако Генри Кэбот Лодж возразил: «Я не считаю, что мы должны относиться к их правительству серьезно. В этой стране никто ничего не может сделать. Мы должны действовать так, как считаем необходимым... Чтобы перейти на новый этап, мы имеем право и должны делать некоторые вещи, невзирая на одобрение правительства».

Эти слова шокировали своим высокомерием и наглядно отражали то ошибочное мышление, которое лежало в основе выработки американской стратегии во Вьетнаме и в итоге привело к катастрофе. Ки утверждал, что однажды сказал американцам: «Южному Вьетнаму требуется такой же лидер, как Хо Ши Мин, — независимый националист, а не американский ставленник. Но они так и не поняли этого». Кристофер Торн, автор классического труда о Тихоокеанском театре военных действий в ходе Второй мировой войны, считал, что в Индокитае США пошли по тому же ошибочному пути, что и в Китае два десятилетия назад, «опираясь на предположения, в значительной степени основанные на проекции американских ценностей, опыта и идентичности, вкупе с полным игнорированием тех особенностей, которые были присущи совершенно другой цивилизации и политической культуре... на противоположной стороне Тихого океана».

На встрече 21 июля Джордж Болл вновь озвучил свою убежденность в том, что американские военные не смогут победить в войне в азиатских джунглях. Эрл Уилер поспешил вмешаться и опровергнуть столь невысокое мнение о боеспособности «своих парней», твердо заверив президента, что предложенная Уэстморлендом стратегия «искать и уничтожать» позволит разделаться с Вьетконгом. Болл сказал, что больше всего его тревожит отсутствие реалистичной перспективы одержать победу в течение года, поскольку, если война затянется, правительство США столкнется с растущим недовольством со стороны

и американской общественности, и всего международного сообщества. В ответ Лодж прибег к избитому дешевому приему, сравнив заместителя госсекретаря с британскими и французскими лидерами, которые прогнулись перед Гитлером на Мюнхенской конференции 1938 г.

Затем вмешался сам президент: «Но, Джордж, если мы последуем вашему совету и уйдем, разве все эти страны не станут вопить, что дядя Сэм — бумажный тигр? Разве мы не потеряем доверие к себе, нарушив слово, данное тремя президентами? Это нанесет непоправимый удар по нашей репутации».

Болл: «Нет, сэр, непоправимым ударом будет, если самая мощная держава в мире не сможет победить горстку партизан».

Президент: «Но [южные] вьетнамцы упорно сражаются».

Болл: «Тхьеу... на днях сказал... что, если будут выборы, на них победят коммунисты».

Мировая общественность была почти равнодушна в скептическом отношении к политике США во Вьетнаме, о чем наглядно свидетельствуют эти две карикатуры Осберта Ланкастера, опубликованные на первой странице лондонской *Daily Express* весной и летом 1965 г. соответственно

Президент: «Я не верю в это. Кто-нибудь в это верит?»

Все присутствующие выразили свое несогласие с Боллом.

В конце концов заместитель госсекретаря вскинул руки в знак капитуляции: «Г-н президент... если вы решили действовать, я с вами... По крайней мере, я высказал все свои возражения». Хотя Боллу хватило

смелости и мудрости сказать правду, его тщеславие было слишком велико, чтобы из-за несогласия пожертвовать должностью, подав в отставку. Его любимой присказкой было: «Нет ничего лучше близости», — он подразумевал, что ничто не может сравниться с чудесным ощущением близости к власти. Президент с его тонким чутьем на человеческие слабости снисходительно смотрел на оппозицию Болла, зная, что тот не станет бунтовать. Позже Джонсон сказал о своем вице-президенте: «Яйца Хьюберта лежат у меня в кармане». То же самое он мог сказать и о заместителе госсекретаря.

На следующий день Джонсон встретился с Объединенным комитетом начальников штабов, который призывал пойти ва-банк в бомбардировках и наземном развертывании войск. Генерал Грин из Корпуса морской пехоты сказал: «Пять лет плюс 500 000 солдат. Я уверен, американский народ вас поддержит». Джонсон почти слово в слово повторил то, что Макнамара сказал Лоджу несколькими неделями ранее: «Наименее предпочтительная альтернатива — уйти. Немногим лучше — продолжать делать то, что мы уже делаем. Лучшая альтернатива — войти и сделать то, что необходимо сделать». Никто не сомневался, что война будет долгой, а ее цена огромной. В отличие, например, от 2002 г., когда было принято решение о вторжении в Ирак, в 1965 г. руководство ясно осознавало все риски. Посреди разговора с начальниками штабов Джонсон внезапно сказал: «Помните, что они будут писать статьи об этой войне, как они писали о Заливе свиней. Они будут писать обо мне — и о моих советниках».

Президент задавал абсолютно правильные скептические вопросы. Проблема была в том, что он не прислушивался к ответам. Есть мнение, что он совершил серьезную ошибку, отказавшись от призыва армейских резервов из страха разжечь пламя дебатов внутри страны. Некоторые полагали, что Макнамара подаст в отставку, когда Джонсон отклонил его предложение, но министр обороны стерпел этот унижительный щелчок по носу. Хотя отказ от мобилизации, безусловно, привел к заметному снижению боеспособности армии США к концу десятилетия, особенно в связи с резким сокращением численности младшего командного состава, ошибочно считать это одной из основных причин поражения. Вся стратегия США во Вьетнаме была построена на ложных предположениях как о теории домино, так и о природе азиатского коммунизма. Многие в американском руководстве все еще были раздосадованы «потерей» Китая. Британский историк Майкл Говард увидел в этом параллели с теми иллюзиями и заблуждениями, которые затмевали мышление европейских лидеров в 1914 г.:

Смесь страха, национального высокомерия, ошибочных оценок и неправильного понимания роли военной силы... Как и германские и

австрийские государственные мужи в начале столетия, американские лидеры увидели в незначительном локальном изменении баланса сил предвестник зловещей глобальной катастрофы — трансформации всего мирового порядка. [Они считали, что] Ханой представляет собой такую же угрозу, как Белград в 1912–1914 гг. (или, если на то пошло, Египет в 1956 г.); следовательно, ее необходимо сдержать или даже уничтожить, пока ситуация полностью не вышла из-под контроля. Соединенные Штаты во многом напоминали Германию накануне 1914 г.: та же непомерная уверенность в себе и гордость; осознание собственного национального величия, ищущее реализации; поиск амбициозных вызовов, соответствующих могуществу; отказ признать, что существуют проблемы, решить которые им не под силу. Даже если сами государственные деятели могли испытывать сомнения, они ощущали колоссальную волну народного энтузиазма и поддержки за своими плечами.

Опыт двух мировых войн надежно излечил большинство европейских политиков от веры в эффективность вооруженных конфликтов как политического инструмента. В отличие от них, вашингтонские политики в 1965 г. не видели в войне, если речь не шла о ядерной угрозе, ничего ужасного. Не будучи в состоянии определить стратегические цели военной кампании, президент Джонсон просто приказал своим генералам «убивать как можно больше вьетконговцев». Адмирал Дэвид Макдональд, главком ВМС США в 1963–1965 гг., десятилетие спустя написал: «Я думаю, что мы, люди в погонах, проявили слабость характера. Мы должны были встать и стукнуть по столу кулаком... Я тоже участвовал в этом и теперь испытываю стыд. Порой я задаю себе вопрос: “Почему я согласился на все это?”».

На частной встрече в Кэмп-Дэвиде в июле маститый политический советник Кларк Клиффорд предупредил Джонсона: «Это может стать трясинной... Я не вижу для нашей страны никаких перспектив, кроме катастрофы». Даже непреклонный ястреб Макджордж Банди отверг предложение Макнамары о массированном развертывании наземных сил. 23 июля Банди предостерег: «Наши войска совершенно не опробованы в том типе войны, который предполагается вести... Эта программа настолько необдуманна, что граничит с безрассудством... [Макнамара] упускает из своего анализа оценку верхнего предела обязательств, на которые могут пойти США». Сенаторы Майк Мэнсфилд и Ричард Расселл также призывали президента прекратить дальнейшую отправку войск. Перед отъездом из Сайгона Макс Тейлор в очередной раз поменял свою точку зрения и теперь выступал против увеличения контингента. Но все эти возражения сметались одним

ключевым аргументом: уход обойдется США гораздо дороже, чем серьезное вмешательство.

На пресс-конференции 28 июля Джонсон объявил об отправке очередной партии войск, которая должна была увеличить общее количество американских военнослужащих на театре боевых действий до 175 000. Парадоксально, но президент представил это как решение США не вступать в войну. Как впоследствии сказал Дин Раск, «мы не хотели создавать психологический настрой на войну... Мы считали, что в мире с ядерным оружием слишком опасно, если целый народ вдруг вскипит гневом, и сознательно снижали градус происходящего. Мы пытались с холодным сердцем делать то, что, вероятно, можно было делать только с горячим сердцем». Это стремление руководства США представить войну как заурядную военную операцию, чтобы сохранить душевное спокойствие американского народа, как нельзя резче контрастировало с пламенными призывами коммунистического руководства к патриотизму, жертвенности, социальной справедливости и национальному единству, которые стали доминантами в жизни каждого жителя Северного Вьетнама на протяжении следующего десятилетия.

29 июля консервативный обозреватель Джозеф Олсоп писал в *The Washington Post*: «Существует подлинный элемент драматизма (и молитесь Богу, чтобы этот драматизм не превратился в трагедию) в той титанической борьбе, которую ведет этот неординарный человек в Белом доме с явно ненавистной ему вьетнамской проблемой, при этом мечтая вновь всецело погрузиться в домашнее чудотворство, в котором состоит его истинное призвание». С того момента, как с вводом первых наземных войск во Вьетнам на кон были поставлены жизни американских парней и национальная гордость, у политиков, военных и рядовых граждан фактически не оставалось выбора, кроме как «стать единой командой»: подавить инакомыслие и поддержать обязательство, взятое правительством от имени американского народа, хотя и без его согласия и даже адекватного информирования. Отныне даже главный оппозиционер Джордж Болл призвал Уолтера Липпмана и других скептиков приглушить свою критику из соображений того, что антивоенная риторика только придаст дерзости Ханю. Уильям Смолл, шеф новостного отдела CBS, на коктейльной вечеринке в Вашингтоне столкнулся с Дином Раском, который ткнул его кулаком в грудь и серьезно сказал: «Вы, журналисты, готовы на все, чтобы получить вашу Пулитцеровскую премию, но однажды люди спросят вас: на чьей вы стороне, парни? И я не знаю, что вы будете им отвечать».

Президент болезненно реагировал на любую критику. После медового месяца с прессой в первый год президентства отношения

между ними разладились: Джонсон убедил себя в том, что все, кто выражал свое несогласие или недовольство им, были подкуплены Робертом Кеннеди. Когда сенатор Фрэнк Черч стал одним из самых яростных критиков политики США во Вьетнаме, Джонсон раздраженно заметил: «В следующий раз, когда Фрэнк захочет построить плотину в Айдахо, пусть идет и просит об этом Липпмана!»

Как известно, война, раз начавшись, имеет тенденцию расширяться. В апреле 1965 г. Джонсон распорядился отправить несколько сотен морских пехотинцев и 82-ю воздушно-десантную дивизию в Доминиканскую республику, чтобы предотвратить приход к власти коммунистов. В атмосфере кризиса и всеобщем порыве «поддержать наших парней» президент без труда смог добиться от конгресса ассигнования \$700 млн на военные операции в Карибском бассейне... и во Вьетнаме.

Возникает вопрос: начиная с 22 ноября 1963 г. и в последующие месяцы действительно ли Линдон Джонсон колебался по поводу эскалации или же просто делал вид, имитируя мучительные сомнения в телефонных разговорах с сенатором Ричардом Расселлом и другими? Есть все основания полагать, что, несмотря на те сотни часов, которые он посвятил дебатам с военными и гражданскими советниками, Джонсон никогда бы не избрал такой курс, который позволил бы его соотечественникам обвинить его в слабости, в смирении с поражением. К тому же Корейская война создала важный прецедент, дав уверенность в том, что военный исход без победы может тем не менее привести к приемлемому компромиссному миру.

Кто виноват в случившемся? Макмастер писал: «Начальники штабов... не озвучили президенту свои возражения против того подхода к войне, который предлагал Макнамара. Вместо этого они пытались оставаться в рамках этой стратегии, планируя со временем устранить ограничения для дальнейших действий. Они не упомянули о тотальном развертывании сил, которые, по их оценкам, в итоге потребуются для вьетнамской кампании». Генерал-лейтенант Брюс Палмер был еще одним военным, который обвинил Объединенный комитет начальников штабов в неспособности донести до президента, что постепенное наращивание сил было почти наверняка обречено на провал: «Они не решились сделать такое негативное заявление и показаться нелояльными». Но не стоит забывать, что перед военным руководством стоит извечная дилемма: генералы обязаны выполнять те задачи, которые ставят перед ними их политические хозяева, и оправдывать те колоссальные расходы, в которые обходится содержание вооруженных сил. Если бы они заявили, что войска США неспособны победить партизанский сброд, зачем тогда нужны такие войска? При всей

недальновидности Уэстморленда нельзя всецело возлагать на него вину за то, что он попросил — и получил — такое количество войск.

Перефразируя Теннисона, не его делом было размышлять, почему и зачем, — его делом было посылать солдат сражаться и умирать. Все ключевые решения принимались Джонсоном и Макнамарой. Главком в Тихоокеанском регионе адмирал Шарп жаловался, что все встречи с министром обороны заканчивались теми резолюциями, которые тот хотел: Макнамара руководил своим ведомством скорее как боевой командир, а не как политический управленец.

Что касается президента Джонсона, то он в полной мере воспользовался своим званием главнокомандующего Вооруженных сил США. Какой выбор стоял перед ним в 1964–1965 гг.? Некоторые из современных критиков его решения об эскалации игнорируют тот факт, что уйти из Вьетнама означало обречь вьетнамский народ на долгие годы коммунистической тирании — участь, постигшая страну после 1975 г. Так, Фрэнсис Фицджеральд писала: «Изначально в этой войне не было “другой стороны”... Мы не просто заняли неправильную сторону — мы создали неправильную сторону... Не вьетнамцы начали это насилие; его начали мы — тем, что пришли в эту страну... По сути, что мы делали во Вьетнаме, так это пытались не допустить прихода к власти местного правительства». Эта точка зрения игнорирует бесчеловечный, тиранический характер северовьетнамского режима. Гораздо более мудрым представляется мнение сенатора Юджина Маккарти, высказанное им много лет спустя: «На мой взгляд, вся моральная проблема в итоге свелась к вопросу о том, существовало ли здесь некое приемлемое соотношение между степенью разрушения и потенциальным благом, которое могло из этого проистекать?.. Мы исходили из того... что народ Южного Вьетнама хочет построить свободное общество. Но ради достижения этой цели мы почти полностью уничтожили то общество, которое у них было. Более прагматичный подход... требовал избежать такого тотального разрушения».

Хотя сегодня теории Маркса и Ленина доказали свою нежизнеспособность во всех обществах, где они были опробованы, в XX в. этот путь, по всей видимости, был исторически неизбежен для нищих сельскохозяйственных стран наподобие Китая и Вьетнама. Человеческая цена этих экспериментов, впрочем, как и попыток США предотвратить их силой оружия, была ужасна. Даг Рэмзи считал, что коммунистические идеалы были гораздо ближе вьетнамцам с их строго структурированными отношениями между индивидом и семьей, семьей и обществом, чем западный либеральный индивидуализм. Кроме того, в 1965 г. многие вьетнамцы предпочли бы сохранить мир любой ценой,

чем продолжать кровопролитную войну. Фатальная ошибка американского руководства состояла в том, что оно направило почти неограниченные ресурсы на войну, которая не была нужна ни вьетнамскому народу, ни — с геостратегической точки зрения — самим США, тогда как Северный Вьетнам поставил на карту все и не нуждался в том, чтобы добиваться согласия и поддержки своего народа. Кроме того, установление контроля США над Южным Вьетнамом — а именно это произошло в 1964–1965 гг. в этой стране — легитимизировало борьбу вьетнамских коммунистов.

История вынесла Линдону Джонсон обвинительный вердикт. Ему вменяют в вину то, что он принимал решения исходя из собственных интересов и интересов Соединенных Штатов, а не интересов самого вьетнамского народа, что он проигнорировал пропорциональность разрушений и благ, о которой говорил Юджин Маккарти, что он не прислушался к мнению мудрых советников, убеждавших его в том, что военные усилия почти неминуемо приведут к катастрофе, и, наконец, что он обманул американский народ. Даниэль Эллсберг, помощник Джона Макнотона в Пентагоне в 1965–1966 гг., много лет спустя с горечью написал: «Все, что мы делали, скрывалось от общественности; мы прибегали ко всем видам лжи и незаконных действий, втайне проводили агрессивные акции против Северного Вьетнама». 27 июля 1965 г. сенатор Майк Мэнсфилд после встречи с Фулбрайтом, Расселом и другими членами сенатского Комитета по международным отношениям сказал президенту: «Все были уверены в том, что ваша цель — не влезать туда слишком глубоко; что по военной линии вы собираетесь предпринять лишь необходимый минимум, чтобы удержать ситуацию до января, пока [представитель США в ООН Артур] Гольдберг и Раск прилагают все силы к тому, чтобы вытащить нас оттуда».

Дин Раск признал, что переброска сил происходила почти в секретных условиях: «Мы не хотели, чтобы Москва и Ханой узнали о радикальном изменении ситуации». Войска отправлялись небольшими партиями, «примерно одинаковыми от недели к неделе». Администрация предусмотрительно избегала ненужной шумихи, торжественных парадов, полков, марширующих по городским улицам в сторону портов и аэродромов. Роберт Макнамара был готов отправлять еще и еще. Как и многие деспотичные люди, министр обороны с готовностью подчинялся диктату еще более жесткого деспота, коим был Линдон Джонсон. Президент мог позвонить ему в воскресенье днем по какому-нибудь незначительному вопросу, и Макнамара, который в тот момент готовил барбекю для своей семьи, поспешно заливал угли, прыгал в машину и мчался в Белый дом.

История связала имена президента и министра с войной в неразрывном тандеме, хотя трудно было бы найти двух более разных людей: щепетильному Макнамаре были противны вульгарные манеры Джонсона. Тем не менее он благоговел перед властью и силой воли своего босса. Тот, в свою очередь, ценил Макнамару за интеллект, холодную расчетливость и прежде всего лояльность. В начале 1965 г., когда стало очевидно, что война во Вьетнаме набирает обороты, друзья убеждали Макнамару подать в отставку. Тот ответил, что должен остаться, чтобы «довести вьетнамское дело до конца». По правде говоря, он просто не мог заставить себя уйти. Несмотря на то что он лучше многих понимал всю обреченность южновьетнамского режима, его отношение к скептикам наподобие Джорджа Болла становилось все более нетерпимым. Этот хладнокровный интеллектual, всегда гордившийся своей рациональностью, к середине 1965 г. стал настолько одержим «вьетнамской проблемой», что некоторые из его решений граничили с безумием. Никто не платил более высокую репутационную цену за эскалацию войны, чем министр обороны.

27 июля 1965 г. сенатор Майк Мэнсфилд написал президенту: «Главная загвоздка в том... что, даже если вы одержите полную победу, вы все равно не сможете уйти оттуда как победитель. Чего вы добьетесь?». Комитет сената по международным отношениям, по его словам, «единодушен во мнении... что мы находимся там, где не должны находиться, что ситуация стремительно выходит из-под контроля и что необходимо предпринять все усилия, чтобы как можно быстрее выпутаться из этого». Линдон Джонсон не мог бы утверждать, что не был предупрежден в полной мере о возможных фатальных последствиях того курса, который он выбрал.

Что касается врага, то один из членов руководства НФОЮВ написал, что перспектива полномасштабного вмешательства США «наполнила нас мрачным предчувствием... длительной и гораздо более кровавой войны. Это нисколько не пошатнуло нашей решимости и уверенности в окончательной победе... Но мы понимали, что с вступлением в войну США с их мощью масштабы насилия возрастут в геометрической прогрессии».

Новые люди, новая война

Итак, во Вьетнам хлынули легионы американцев. Военврачу Дэвиду Роджерсу пришлось самому купить билет в один конец до Окленда, где ему предстояло сесть на транспортный корабль. «Не планируете возвращаться?» — спросила его сотрудница авиакомпании за стойкой. Чернокожий рядовой Роберт Дэниелс, выходец из бедных районов

Чикаго, впервые в жизни летел на самолете: «Мы летели над Тихим океаном. Я был напуган до смерти. Мне казалось, мы никогда не доберемся до места». После 17-часового перелета они едва держались на ногах, но им приказали построиться на плацу, затем погрузили в автобусы и привезли к обшитою белой вагонкой административному зданию. Им обменяли доллары на военные платежные сертификаты (ВПС) и распределили по временным казармам.

Сержант Джимми Спенсер прибыл во Вьетнам в декабре 1965 г.: «Все выглядело так, будто Соединенные Штаты захватили эту страну». Спенсер родился в Мобиле, штат Алабама, в 1944 г. у матери-одиночки «задолго до тех времен, когда это стало в порядке вещей». Он добровольно записался в армию сначала на три года, но после увольнения обнаружил, что скучает по военной службе, и вернулся. Во Вьетнаме ему посчастливилось попасть в подразделение спецназа, где среди сержантского состава было немало ветеранов Второй мировой и Корейской войн. Спенсер старался брать с них пример. Каждому новоприбывшему те давали один и тот же совет, как относиться к вьетнамцам: «Берите их за яйца, а об умах и душах не беспокойтесь». Спенсер вспоминал: «Я оказался в своей стихии. Среди нас были одни добровольцы. Я очень гордился службой. Мы делали то, что делали наши солдаты во Второй мировой войне, — пришли на помощь людям, которые в этом нуждались».

Капитан Гордон Салливан позже сказал: «В 1965 г. мы решили, что пришли сюда, чтобы выиграть эту войну, и не хотели, чтобы вьетнамцы мешали нам это делать... У американцев было очень низкое мнение о вьетнамском народе». По словам капитана спецназа Генри Гоула, американские военные словно говорили вьетнамским коллегам: «Отойдите в сторону, маленькие желтолицые люди. Лучшая армия в мире наведет здесь порядок». Многие из американцев мало что знали даже о других регионах собственной страны, не говоря уже о далекой Юго-Восточной Азии. Один младший капрал с восточного побережья спросил у санитаря из Орегона: «Там, откуда ты родом, еще есть дикие индейцы?» Капитан Джозеф Фицджеральд заметил, что «некоторые солдаты считали крутым ходить по Сайгону, как Уайетт Эрп, с пистолетом в открытой кобуре». Первый шок, который испытал рядовой 1-го класса Рег Эдвардс, не был связан со смертью и разрушениями; он был потрясен тем, что здесь даже маленькие дети курили сигареты. «Первой фразой на вьетнамском, которую я выучил, была «Тхуок ла ко хай тьо сык кхое» — “Сигареты портят твоё здоровье”». В дикой местности американцы нервничали из-за обилия змей, шарахались от криков гиббонов, прячущихся в кронах деревьев, и ненавидели вездесущих пиявок.

Снаряжение американского пехотинца включало мачете, саперную лопатку, мину Claymore с проводом и подрывной машинкой, плащ-палатку с пристегиваемой подкладкой, шлем с подкладкой и камуфляжным чехлом, репеллент от насекомых, оливково-серое полотенце, ременно-плечевую систему, патронные сумки, рацию с запасными батареями, и автоматическую винтовку М-14. Младшие командиры учили рядовых: «Со ста ярдов целитесь в промежность — попадаете в грудь. С трехсот ярдов целитесь в голову — попадаете в грудь». Их предупреждали, что французские фермеры — владельцы каучуковых плантаций сочувствуют коммунистам и платят им дань. В дельте Меконга существовал так называемый Зеленый рынок, где сержант Майк Саттон обменивал захваченное оружие на все, в чем нуждалась его команда советников, включая лодочные моторы «Джонсон» мощностью в 40 л.с. Новую базу в Митхо военные поначалу окрестили «Базовым виски», пока шокированный сотрудник USIA не придумал более благозвучное название «Донгтам», что означает «Согласие». Вьетнамцам раздавали листовки, в которых объяснялось, что иностранным гостям нравятся такие английские фразы, как: «Я хочу мира», «Вы скучаете по жене и детям?», «Мы — мирные граждане» и «Эта дорога опасна». Но вьетнамские дети чаще всего приветствовали американцев словами: «Hello... No VC... Vietnam Number One».

Некоторые выходки американских солдат, которые в этой войне получили прозвище «ворчуны», ошарашивали крестьян: американцы могли обвязать головы флагами НФОЮВ и ходить по деревне, оря во все горло «ВК — номер один!» Офицер морской пехоты, который только что прилетел во Вьетнам и ехал на джипе в свою часть, с удивлением увидел на горизонте столбы черного дыма. «Там бомбят?» — спросил он. «Нет, майор, — спокойно ответил водитель. — Они просто жгут какое-то дерьмо». Вслед за войсками прибывало огромное количество техники, оборудования и прочих грузов: вертолеты и самолеты, джипы, 2,5-тонные грузовики, стальные грузовые контейнеры, миллионы мешков и миллионы километров проводов, сотни тысяч тонн бетона, умопомрачительное количество оружия, миллионы единиц профилактических средств, миллиарды пачек сигарет — в те времена курили почти все, даже те, кто в остальном старался вести здоровый образ жизни. В 1966 г. американцы построили во Вьетнаме 59 аэродромов, ежемесячно отправляли по 600 000 тонн грузов и потратили в общей сложности \$2 млрд. 42 инженерно-строительные роты работали почти круглосуточно, как и гражданские подрядчики, такие как RMC-BRJ и DMJM, которые привезли сюда земснаряды с 76-сантиметровыми пульпопроводами, 30-тонные самосвалы, камнедробилки производительностью 400 тонн в

час, гигантские лебедки, бульдозеры и «римские плуги» со специальными ножами, потреблявшие по 2300 литров дизельного топлива в день.

Они рыли рвы, возводили взрывозащитные стены и строили фанерные домики 5×10 м с оцинкованными крышами, которые превращали любой дождь в оглушительную барабанную дробь. Гражданские подрядчики всех сортов — Pacific Architects & Engineers, Vinnell Corp, Computer Sciences Corporation, Dynalectron и многие другие — жирели на господрядах по системе «затраты плюс издержки», при которой чем больше они тратили, например на жилье для собственных сотрудников, тем больше прибыли получали. По словам Фрэнка Скоттона, «все это происходило на глазах у вьетнамцев и подрывало репутацию американцев как надежных партнеров».

Один сотрудник ЦРУ так описал типичного американского подрядчика, завсегдатая сайгонских баров: «Багровое лицо, бычья шея, клетчатая рубашка навывпуск свисает с надутого пивного живота... Вот он во всей красе — бывший фермер, водитель грузовика или цеховой мастер, ныне босс, распоряжающийся вьетнамскими бригадами дорожных рабочих или строителей. Хозяин раболопной вьетнамской жены и гарема любовниц. Символ американского комплекса превосходства». Но, если на то пошло, в ответ на этот презрительный выпад любой из этих людей мог бы возразить, что он — железный человек, потому что только такие парни способны делать бизнес в таком месте.

В этой войне все было стальным — техника, пушки, снаряды, самолеты, каски, контейнеры, пули, банки с рационом, воля врага — все, кроме человеческой плоти и земли под ногами. Военные и гражданские подрядчики опутали страну сетью военных баз, взлетно-посадочных полос, дорог с твердым покрытием и военоторговских магазинов. На каждого американского военнослужащего доставлялось почти 50 кг грузов в день; порты и аэродромы с их примитивной инфраструктурой с трудом справлялись с колоссальными грузопотоками. Воровство достигло масштабов эпидемии. По сельским дорогам на бешеной скорости мчались американские грузовики, заставляя шарахаться в сторону крестьян и их медлительных водяных буйволов; низколетящие вертолеты Ниеу поднимали облака пыли над хижинами и веревками с выстиранным бельем. В удаленных районах американская служба пропаганды, по словам одного офицера-вьетконговца, «окрашивала джунгли в белый цвет»: к 1968 г. КОВПВ разбрасывало с самолетов около 400 млн листовок в месяц. Самой успешной считалась листовка под названием «Поэма северовьетнамского солдата для матери», которая предназначалась для

солдат, совершавших переход по тропе Хо Ши Мина. Программа воздушной дефолиации давала свои «плоды»: обширные участки джунглей в Лаосе и Южном Вьетнаме стояли абсолютно голыми, лишенными не только листьев, но и всякой растительности.

В июле, когда транспортный корабль с 3000 военнослужащих на борту отчалил от пристани в Окленде, медсестра Шарон Бистран обратила внимание, что даже в такой ранний час на берегу собралась небольшая группа протестующих с антивоенными плакатами. 23-летняя уроженка Орегона была взволнована предстоящим приключением: «Исследовать неизвестное так увлекательно!» Но, когда она сошла на берег в Куинёне, ее первым впечатлением от новой страны было исходящее отовсюду тошнотворное зловоние. Бистран направили в 85-й эвакуационный госпиталь, и за следующий год она приобрела десятилетний опыт сестринского дела. По ее словам, женщинам приходилось тяжело в этой исключительно мужской среде; многие старшие офицеры были недовольны присутствием медсестер, считая их «яблоками раздора». Заведовавший столовой капитан выгонял их из своего заведения: «Он сказал, что было бы лучше вести войну вообще без женщин... Я думаю, он хотел сохранить верность своей жене, а мы своим видом постоянно напоминали ему и другим мужчинам о том, что женщины существуют». Медсестры принимали душ группами «по 30 секунд воды на каждую». «Мы говорили: одна под душем, одна у умывальника, одна на горшке. У нас было правило никогда не запираť дверь в уборную, кроме тех дней, когда у тебя были месячные. Тогда позволялось чуть больше приватности».

Тем временем новоприбывшие американские войска приступили к выполнению поставленной перед ними задачи — «искать и уничтожать» врага. Фил Капуто писал: «У всех этих патрулей и операций не было никакой системы. Без фронта, флангов и тыла мы вели аморфную войну против аморфного врага, который исчезал, как утренний туман в джунглях, только для того, чтобы материализоваться в каком-нибудь неожиданном месте. Бóльшую часть времени ничего не происходило, а когда происходило, то всегда внезапно и мгновенно». Уэстморленд запросил огромные подкрепления, исходя из предположения о том, что Вьетконг наращивает свою активность и собирается перейти к крупным операциям, противостоять которым могут только маневренные батальоны. Однако Джордж Болл отнесся к этому скептически: «У нас нет оснований предполагать, что мы сможем навязать Вьетконгу войну на наших условиях... Вряд ли следует ожидать, что генерал Зяп будет подстраиваться под предпочитаемый нами метод военных действий, сколько бы войск мы туда ни отправили».

Последующие события показали, что Болл был прав: на раннем этапе столкновения происходили главным образом с небольшими партизанскими группами. В среднем каждый партизан участвовал в боевых действиях всего один день в месяц. К тому времени объемы снабжения сил Вьетконга составляли в общей сложности около 380 тонн продовольствия, оружия и боеприпасов в день, из которых девять десятых они получали на местах. Только 34 тонны в день поставлялись с Севера, что было эквивалентно семи 2,5-тонным грузовикам, хотя грузы транспортировались по тропе Хо Ши Мина главным образом на велосипедах и спинах носильщиков. В августе 1965 г. Объединенный комитет начальников штабов сообщил, что Ханой «решает по своему усмотрению, сколько и чего отправить» на Юг. Американская пехота столкнулась с тем, что ей приходится бесцельно прочесывать обширные участки почти непроходимой местности. Один сержант вспоминал: «Если мы вступали в контакт, в котором вьетконговцы не могли дать отпор, они просто уходили и оставляли на деревьях снайперов, привязанных веревками, чтобы те сражались до конца... В джунглях на Центральном нагорье обзор был метров на шесть вокруг, не больше. Иногда растительность была такой густой, что нам не могли пополнить запасы». Первое время пехотинцы пытались бегать по горам в 10-килограммовых бронежилетах, отчего многие получали тепловой удар.

Хотя сухопутные подразделения и морская пехота США воевали чуть более эффективно, чем большинство формирований ВСРВ, политическое руководство в Вашингтоне серьезно заблуждалось, предполагая, что само по себе появление американских военных гарантирует быструю победу. Капитан Эндрю Комер, заместитель командира 3-го батальона 3-й дивизии морской пехоты, участвовал в операции «Звездный свет» в августе 1965 г. — высадке морского и вертолетного десанта на полуострове Батанган под Данангом. Хотя его начальство доложило об успехе операции, Комер описал ее как полный бедлам. Один командир танка «обстрелял из пулемета мальчика лет десяти, который находился метрах в семидесяти от них». Капитан добежал до канавы, куда спрятался мальчик, «увидел, что тот безоружен и не ранен, и жестом показал ему бежать отсюда». Когда он попытался отчитать стрелка, из-за рева танкового двигателя не услышал даже сам себя.

Один водитель БТР-амфибии, впервые оказавшись под интенсивным минометным обстрелом, впал в панику. Он дал задний ход и раздавил пять раненых американских пехотинцев, лежавших на поле боя. Когда Комер попытался остановить «свихнувшегося» водителя, тот «не обратил на меня никакого внимания, и я сам едва не очутился под гусеницами». Капитан испытал приступ тошноты, когда увидел под

своими ногами голову в шлеме; остальное тело этого несчастного пехотинца — Комер узнал его — было раздавлено всмятку тяжелыми гусеницами. Комер возмущался тем, что один из рядовых после операции был награжден Серебряной звездой: «На самом деле он сбежал с поля боя — забрался на борт вертолета и улетел на базу в Чулай... Не припомню, чтобы он совершил хоть что-нибудь героическое». В 1991 г. он написал: «26 лет я сдерживал свое негодование по поводу того сражения за высоту 30. В конце концов я понял, что не могу уйти в могилу, не рассказав о нем всей правды... Я хочу оставить эти факты для истории».

Директива Генерального штаба ДРВ от 10 июня 1965 г. обязывала все подразделения представлять подробные отчеты о столкновениях с американскими войсками с целью извлечения тактических уроков. Кроме того, директива предписывала «все время держать врага в оборонительной, реактивной позиции. Заставить его сражаться на наших условиях... [держать] в постоянном психологическом напряжении, подрывающем его боевой дух... Устраивать засады и уничтожать небольшими группами... Проводить одиночные саперные рейды». Также следовало искать возможности для атак на отряды, идущие на выручку, и провоцировать напряженность между «длинноносыми» и южновьетнамскими войсками. Военное руководство в Ханое проницательно вычислило самое слабое место американцев — неприятие потерь: «Если мы сумеем на раннем этапе истребить несколько американских подразделений, это станет для них важным сдерживающим фактором как в политическом, так и в военном плане».

Большинство американских батальонов начали нести потери с первых же дней, однако они были незначительными по сравнению с теми потерями, с которыми американцы столкнулись год или два спустя. С марта по август 1965 г. 1-й батальон 3-й дивизии морской пехоты потерял 10% личного состава, или более 100 человек убитыми и ранеными. Но следующей весной одна только рота потеряла столько же за час ожесточенного боя. Американские военные считали себя профессионалами; по словам одного офицера, они были «уверены в себе и самонадеянны» и приобретали боевые качества «ценой деградации способности к состраданию». Капитан Уолт Бумер «приложил все силы, чтобы попасть во Вьетнам. Я не хотел, чтобы эта война прошла мимо меня. Я искренне верил в то, что коммунисты собираются захватить весь мир и что Вьетнам — это то место, где мы должны их остановить. Тогда даже школьники протестовали: “Эта война не имеет для нас смысла”, но я считал их глупцами».

Джимми Спенсер был поражен странной культурой вьетнамских сельских общин: «Некоторые из этих людей даже не знали, что

находится по ту стороны горы, на которой они живут». Постепенно американские солдаты начали ненавидеть жителей деревень рядом с местами засад, в которых погибли или были искалечены их товарищи, потому что эти люди с каменными лицами должны были знать и самих партизан, и места, где те прятались до ночи — любимого времени для убийства американцев. В августе 1965 г. Даг Рэмзи с осуждением писал, что «морские пехотинцы без всякого суда и следствия, в одностороннем порядке, сжигают целые деревни в отместку за несколько выстрелов снайперов». В своем отчете об усилиях по принуждению к миру в провинции Хаунгя Рэмзи и Джон Ванн подвергли сайгонский режим резкой критике: «Нынешние чиновники, главы провинций и районов и другие представители власти не имеют ничего общего с сельским большинством населения страны — они ничего не знают об этих людях, о том, что их заботит, и никак не откликаются на их нужды и чаяния». Массовыми политическими убийствами партизаны окончательно разрушили социальную структуру: практически все землевладельцы и относительно зажиточные семьи были убиты или бежали в города, так что в деревнях остались только самые бедные крестьяне, страдавшие от насилия с обеих сторон.

Один американский советник охарактеризовал главу поселка Виньким в дельте Меконга как «честного, справедливого и деятельного человека, хорошо разбирающегося в военных делах... [который] защитил Виньким от терроризирования Вьетконга и дал крестьянам относительное чувство безопасности». В августе 1965 г. Маргерит Хиггинс с неисправимым оптимизмом написала статью об этом замечательном человеке, благодаря которому «во вьетнамский городок возвращается процветание». Однако местные жители ненавидели «мистера Ди», как его называли, поскольку считали его ответственным за регулярные артиллерийские и минометные обстрелы, которым подвергалось их поселение. Его преемник оказался куда более популярным, потому что сумел уменьшить частоту обстрелов.

Многие американцы не могли осознать, что бамбуковые хижины с тростниковыми крышами и убогой обстановкой, состоявшей из нескольких плетеных кроватей и глиняных горшков, — это настоящие дома настоящих людей, которые заслуживают уважительного отношения. Вьетнамцы с видимым равнодушием смотрели, как солдаты и морпехи пробуют штыками стены и сваи их домов. Фил Капуто писал: «Я глупо улыбался и разыгрывал представление, чтобы сгладить неловкость: смотрите, дамы и господа, мы не такие, как французы. Мы, американцы, — хорошие, простые парни, свои. Вы не должны нас бояться». Капуто был удручен, когда обнаружил, что далеко не все морские пехотинцы, которыми он так гордился, обладали такими же

высокими человеческими качествами, как и боевыми: «Некоторых никак нельзя было назвать хорошими и порядочными людьми. Многим была присуща мелочность, ненависть и предрассудки. А их высокомерие затмевало преданность американским идеалам». Его сержант сказал ему, что в Корее он видел, как некоторые морпехи пристреливали винтовки, стреляя по крестьянам: «Сэр, здесь вы поймете, что одни из самых безжалостных людей в мире — это ваши обычные 19-летние американские парни».

Вероятно, он имел в виду таких людей, как младший капрал Мэрион Макги, командир огневой группы в 3-м батальоне 3-й дивизии морской пехоты, который 12 августа 1965 г. вышел из лагеря, сообщив караульному, что заметил вьетконговца и «хочет его догнать». Вслед за ним послали двоих пехотинцев, которые на подходе к соседней деревне слышали выстрел и женские крики. Вскоре навстречу им вышел Макги, который спокойно сказал, что только что убил вьетконговца, а второй от него ускользнул. Позже выяснилось, что он ворвался в хижину, где спала семья, схватил 14-летнюю девочку и потащил ее к двери. Когда ее отец попытался вмешаться, он его застрелил. На военном суде Макги заявил, что испытал нервный срыв и находился в невменяемом состоянии, — типичное оправдание, к которому прибегали десятки обвиняемых в подобных преступлениях в последующие годы, — но в итоге был признан виновным в непреднамеренном убийстве и приговорен к шести годам лишения свободы. Разумеется, большинство морских пехотинцев и солдат не были похожи на Макги. Но с первых же дней стало ясно, как трудно будет убедить народ Южного Вьетнама в том, что эскалация войны служит их интересам.

О военных преступлениях написано немало, и они заслуживают самого сурового осуждения. Но не нужно забывать, что среди американцев встречались и по-настоящему замечательные люди — о некоторых из них Дэвид и Май Эллиотт рассказали в своей хронике «Дельта Меконга». Майор Уильям Уиллкокс, уроженец Среднего Запада, «воплощал в себе все лучшие качества американского народа. Он находил удивительное взаимопонимание с вьетнамцами. Он был идеальным советником, образцом для подражания». Когда срок командировки Уиллкокса подошел к концу, Дэвид Эллиотт умолял его остаться и даже обращался с ходатайством к его начальству, но армейский бюрократический механизм был непоколебим: майора отправили домой. Эллиотт сетовал: «Он только-только вник в обстановку, понял, что и как нужно делать». Еще одним героем в глазах Эллиоттов был младший лейтенант ВМС США Генри Клейн, который прибыл в Митхо для организации речного патрулирования и восхитил

их искренним стремлением лучше узнать местных жителей и их обычаи: «Он не относился к своему делу механически и бездушно». Через несколько месяцев они узнали о его гибели и были глубоко опечалены: «Он был отличным парнем, цветом американской молодежи, который потерял свою жизнь на бессмысленной войне». Под командованием Сида Берри некоторое время служил капитан Питер Докинз, выпускник Вест-Пойнта, который стал героем журнала Life от 8 апреля 1966 г.

Во Вьетнам начали прибывать войска из союзных стран, которые поддались давлению Вашингтона, требовавшего либо возврата долгов, либо ответной услуги. Южная Корея направила контингент, который со временем вырос до двух армейских дивизий и одной бригады морской пехоты, — корейские подразделения высоко ценились за боевые качества и потеряли в общей сложности более 5000 человек убитыми, хотя их солдаты также были замешаны в нескольких печально известных массовых убийствах мирных жителей. Филиппины отправили одну бригаду. США приобрели мощного союзника в лице Австралии, когда в 1964 г. ее внешнеполитическое ведомство возглавил Пол Хэслак. В то время австралийские войска уже противостояли индонезийцам на Борнео, что, по мнению Хэслака, только подтверждало зловещую теорию домино. Новый министр иностранных дел и премьер-министр Роберт Мензис были убеждены, что долг австралийцев — встать плечом к плечу с американцами в Индокитае, как они сделали это в Корее. Мензис и Хэслак проигнорировали предостережения авторитетных журналистов, таких как Дэнис Уорнер, который в декабре 1964 г. написал, что Южный Вьетнам «перестал быть государством». Правительство Новой Зеландии, хотя и было убеждено, что ничего хорошего из этой войны не выйдет, сочло себя обязанным последовать примеру своего более могущественного соседа.

28 апреля 1965 г. между Австралией и сайгонским правительством было заключено соглашение о военной помощи, вскоре после чего первый австралийский батальон высадился на вьетнамскую землю. Он был усилен небольшим новозеландским контингентом и вместе с подразделениями обеспечения и спецназа вырос в итоге до размера бригады. В первые дни 19-летний австралийский лейтенант Нил Смит смотрел на все вокруг широко раскрытыми глазами, особенно на негров и латиноамериканцев: «В те времена в Австралии их почти не было... И мы никогда раньше не видели столько военной техники — мы даже не думали, что может существовать так много самолетов и вертолетов». Премьер-министр Мензис давал решительный отпор тем, кто критиковал его за этот безрассудный жест поддержки США, но его преемникам пришлось заплатить высокую цену: к концу десятилетия

война во Вьетнаме стала доминирующей проблемой австралийской политики.

С момента ввода наземных войск США стали считать себя ключевым игроком в этой войне, в которой продолжал гибнуть в основном вьетнамский народ. Но в глазах Вашингтона и, возможно, большей части остального мира кровь, пролитая вьетнамцами, не имела такого значения, как гибель американцев. Даг Рэмзи так описал экспансию американского военного присутствия в Южном Вьетнаме: «Мы создали не настоящую военную мощь, а видимость таковой — стального колосса из танков “Паттон”, бэтээров и реактивных самолетов, опиравшегося на общественные “ноги”, которые нельзя было назвать даже глиняными». Не нужно забывать и о том, что, в отличие от иностранцев, вьетнамцы переживали свою гражданскую войну как личную и семейную трагедию. Один пилот вертолета, прилетевший в Хюэ, чтобы забрать тела погибших солдат ВСРВ, обнаружил на бирке одного из мешков имя своего брата. Пилот штурмовика Skyraider Чан Хой вспоминал, что, когда южновьетнамские ВВС начали бомбардировки Северного Вьетнама, перед боевыми вылетами, «пока я опробовал двигатели на разных режимах, я молился своим предкам о том, чтобы мой брат не оказался среди солдат ВНА, которых я буду бомбить в тот день».

Жена Ли Ван Куанга, полковника южновьетнамских ВДВ, на протяжении всей войны поддерживала переписку со своим братом на Севере, известным генералом ВНА. Письма они пересылали через Париж. Однажды Куанг сорвался: «Хочешь, чтобы меня расстреляли за то, что моя жена переписывается с врагом?!» Но ее это не остановило. Для нее, как и для многих других вьетнамцев, преданность семье стояла на первом месте. Когда один из ее девяти сыновей погиб на войне, она в конце концов смогла узнать подробности его смерти через своего брата в Ханое.

Одним из самых креативных проектов ЦРУ было создание в Сайгоне радиостанции «Вьетнамские матери», в эфире которой женщины-дикторы читали отрывки из захваченных писем и дневников солдат ВНА, написанных ими во время перехода по тропе Хо Ши Мина. Целью этого проекта под кодовым названием «Дом 7» было деморализовать северовьетнамских солдат, убедив их в неизбежности поражения. Но, как и многие другие усилия ЦРУ, проект «Дом 7» имел непредвиденные последствия: одна женщина была так тронута историями, которые читала в эфире, что присоединилась к коммунистической борьбе; а кураторы проекта из ЦРУ один за другим влюблялись в прекрасных дикторш, не в силах устоять перед их чарами.

Эта война проходила под грохот вертолетных лопастей — музыку, столь же привычную уху всех воевавших, как и сухие щелчки затворов и потрескивание радиоэфира. Забираясь внутрь Ниеу, чтобы отправиться на очередную боевую операцию, южновьетнамские солдаты обменивались полушутливым-полусуеверным пожеланием: «Да не отстреляют тебе “третью ногу”!» Вьетконговцы все более эффективно использовали автоматическое оружие против низколетящих вертолетов. Как сказал один вьетнамским пилот, «те, кто не пережил этого, никогда не поймут, как тоскливо лететь домой с задания без своего напарника». Вертолеты были на удивление надежными машинами, но многое зависело и от простого везения. Однажды СН-34, на котором летел Нгуен Ван Ык, попал под интенсивный огонь, получил множество пробоин, но сумел долететь до базы. Ни один человек на борту не получил ни царапины. Когда они приземлились, командир экипажа показал пальцем вверх и сказал: «Нам повезло, что мы выжили». Тяжелая пулеметная пуля наполовину перебила тягу управления винтами. Если бы она не выдержала, вертолет рухнул бы на землю.

Вмешательство американцев в войну стало шоком для коммунистического руководства, которое в начале 1965 г. предвкушало близкую победу. В контролируемых Вьетконгом районах ужесточились порядки и борьба за идеологическую чистоту; радиоприемники были запрещены, чтобы лишить людей доступа к сайгонской пропаганде. Была начата кампания по бойкоту американских товаров, но она не увенчалась успехом. Коммунисты, как всегда, недооценили притягательность товаров народного потребления — особенно среди местного населения ценились нейлоновые рубашки и брюки. Когда в дельте Меконга был убит партизан, одетый в такие модные вещи, его труп был раздет, а спустя несколько дней его одежду увидели на командире взвода. Один гражданский наблюдатель заметил: «Должен сказать, меня восхищают каменные сердца этих бескомпромиссных бойцов!»

В целом вьетконговцы проявляли гораздо больше мужества и стойкости на поле боя, чем правительственные силы. Тем сильнее трогают душу героические поступки южновьетнамцев, до которых, казалось, никому не было дела. Мир никогда не слышал о молодом лейтенанте, который попал в окружение со своим взводом рейнджеров и вызвал воздушный удар на себя с помощью красной дымовой гранаты; сам он и половина его взвода погибли, но остальная часть роты была спасена. Никто не писал в газетах о 12-летнем мальчике, который отвел в безопасное место американского пилота F-101, потерпевшего крушение в контролируемой Вьетконгом зоне (после спасения пилота

семью мальчика успели эвакуировать из деревни на вертолетах, чтобы спасти от мести партизан). Солдат народного ополчения Нгуен Ван Мой из Дыкланга в провинции Чыонгтхиен получил две медали за храбрость, которые были тем более заслуженными, что герою было 70 с лишним лет.

В 02:25 ночи 3 октября 1965 г. вьетконговцы атаковали небольшой гарнизон Зёнгдинь в 60 км к югу от Сайгона. В первоначальной перестрелке двое из пяти караульных были убиты, два ДОТа были уничтожены огнем из безоткатных орудий, после чего нападавшие начали интенсивный минометный обстрел. 35-летний командир гарнизона Нгуен Ван Тхи вместе с 15 солдатами отступил к последнему сохранившемуся ДОТу и сторожевой башне. Он приказал своему радисту Ману вызвать артиллерийскую поддержку, но рация вышла из строя. Через час напряженного выжидания, прерывавшегося спорадическими вспышками огня с обеих сторон, группа вьетконговцев в темноте прорвалась к жилым домам и захватила в плен двух мужчин, четырех женщин и четверых детей. Партизаны заставили женщин обратиться к своим мужьям с призывом сдаться под угрозой смерти заложников. Но Тхи отказался, и его люди забросали партизан гранатами.

Один из солдат Тхи сумел доползти до бункера с боеприпасами и — после небольшой перестрелки — вернуться обратно с запасом гранат. Вскоре о нападении стало известно начальнику штаба округа, который находился в 8 км отсюда, и тот вызвал на помощь осажденным артиллерию. К тому моменту Ман сумел починить рацию; вместе со своей 19-летней женой, которая отказалась отпускать его одного, он отполз на 20 м от сторожевой башни и оттуда корректировал огневую поддержку. К рассвету артиллерия произвела 550 выстрелов. Вьетконговцы отступили, оставив на поле боя трех убитых, двух раненых и 12 единиц оружия. В 09:30 в Зёнгдинь прибыл отряд Региональных сил. Ночное нападение унесло жизни 12 человек, десять из которых были заложниками, хладнокровно убитыми партизанами. Если бы такой героизм проявили американские военные, командование осыпало бы их наградами — Серебряными звездами или даже Медалями почета; но для Тхи и его товарищей единственной наградой было то, что на этот раз они остались в живых: не видя конца войне, они понимали, что это всего лишь отсрочка «смертного приговора».

Предполагаемая незаменимость американских военных советников в южновьетнамских войсках поднимала важный вопрос: как мог НФОЮВ успешно вести войну без подобной помощи? Ответ напрашивается сам собой: вьетконговцы были гораздо более мотивированы и опытны. Это был один из самых грамотных

пропагандистских ходов Ханоя: хотя его войска полностью полагались на иностранное оружие, присутствие китайских и советских советников на Севере не афишировалось, и ни одного из них не было на Юге. Напротив, американцы не могли понять, какой ущерб наносит присутствие их советников рядом с каждым вьетнамцем, обладающим малейшей властью. Премьер-министр Южного Вьетнама Нгуен Као Ки писал: «Для американского подхода была характерна полная нечувствительность к внешней стороне дела... В Северном Вьетнаме находились сотни тысяч китайских солдат наряду со значительным советским присутствием, но ни китайцы, ни русские не проводили пресс-конференций и не публиковали своих заявлений. Они оставляли все это вьетнамцам». Вскоре после смещения Никиты Хрущева в октябре 1964 г. русские начали отправлять в Северный Вьетнам военных специалистов и советников, которые занимались обучением северовьетнамских кадров ПВО и первое время сами участвовали в отражении воздушных ударов.

В 1965 г. кровь полилась обильнее с обеих сторон. Даг Рэмзи описал операцию в провинции Биньдинь, в ходе которой массированные воздушные и артиллерийские удары по «предполагаемым военным формированиям» привели к гибели 1100 вьетнамцев: при осмотре тел было обнаружено всего 15 вооруженных партизан. Рэмзи с возмущением писал, что американские летные экипажи считают любое скопление черных фигур на земле партизанским отрядом, тогда как чаще всего это крестьянские семьи, пахущие свои поля. «Если люди бросались бежать — нормальный человеческий порыв — некоторые пилоты воспринимали это как подтверждение своих подозрений». Пилот Ниеу Дэн Хикман признал, что его экипаж часто стрелял по бегущим людям: «Однажды мы застрелили парня, который оказался мирным жителем. Он бежал, и мне показалось, что он тащит вещмешок. Я приказал застрелить его, потому что в том районе было много вьетконговцев. Потом выяснилось, что в его мешке была только рыба, но я все равно уверен, что он поймал ее для партизан». Между тем сами партизаны научились использовать эту манеру американских пилотов и, когда те пролетали над их головами, неподвижно замирали на месте, убеждая их в своей невинности.

Как бы то ни было, огневая мощь противника и тяжелые условия жизни наносили значительные потери и регулярным формированиям ВНА, воюющим на Юге, и местным силам НФОЮВ. К маю 1965 г. Ле Зуан стал заметно осторожнее в своих прогнозах. В очередном письме в ЦУЮВ он предупредил, что никакого политического урегулирования пока не предвидится: «Мы еще не в том положении, чтобы вести переговоры и торговаться». Он признал, что недооценил решимость

американцев. За месяц, начиная с 19 октября 1965 г., 32-й полк ВНА потерял 166 человек убитыми и 199 ранеными, 33-й полк — 170 убитыми и 232 ранеными, 66-й полк — 208 убитыми и 146 ранеными, и, скорее всего, реальные цифры были еще выше. Кроме того, в некоторых подразделениях ВНА на Юге до половины личного состава страдали хронической малярией и болезнью бери-бери, делавшими их непригодными к военной службе. Позже один из офицеров ВНА писал, что боевой дух заметно упал, солдаты стали подвержены внезапным приступам плача. Началась антисанитария: люди, которые считали, что скоро умрут, перестали мыться и следить за собой. Политработники, занимавшиеся цензурой писем, были встревожены настроениями среди солдат: те были убеждены, что их ждет неминуемая смерть, если не под пулями и бомбами, то от голода и болезней. Вокруг лагерных костров звучали заунывные песни:

Маршировать в Нагорье проще, чем найти дорогу домой,

Мы слабеем без риса и соли.

Когда мы болеем, у нас нет лекарств,

Так чего ради людям любить друг друга?

Краб неподвижно лежит на колоде,

Не ведая, когда на него обрушится нож.

Атаки Вьетконга на города, хотя и подрывали доверие к сайгонскому правительству, всегда встречали жесткий отпор. Однажды ночью 261-й батальон НФОЮВ атаковал районный центр Кайбе в дельте Меконга, сосредоточив удары на почтамте, полицейском управлении и казармах Гражданской гвардии. В результате, потеряв около 200 человек под интенсивным артиллерийским огнем и налетами Skyraider, он был вынужден отступить. Один гражданский очевидец на рассвете наблюдал за отходом выживших: «Они выглядели грустными и изнуренными, а их ряды заметно поредели. Большинство несло по две-три винтовки, которые принадлежали убитым товарищам». Атака на крупный гарнизон в Фуми одной из рот 514-го батальона НФОЮВ также провалилась, после того как партизаны потеряли 42 человека убитыми.

17 мая 1965 г. ЦУЮВ выпустило директиву под названием «Операции против марионеточной полиции», которая призывала местные кадры «использовать любую возможность для уничтожения представителей вражеской власти и их кровавых приспешников, активизировать политические акции, направленные на распространение страха и растерянности среди врагов, и... вербовать сторонников среди низших чинов полиции». Член северовьетнамского Политбюро как-то похвастался баронессе Дафне Парк, на тот момент возглавлявшей резидентуру британской Секретной разведывательной службы в Ханое,

что у них есть агенты не только в каждом сайгонском министерстве, но и в каждой деревне на Юге. «Почему же тогда вы считаете необходимым вешать деревенских старост?» — с вызовом спросила она. На что вьетнамец спокойно ответил: «Потому что мы — ленинцы, а Ленин верил в революционный террор».

Подпольная коммунистическая ячейка в Сайгоне составила список из примерно 200 представителей режима, которые подлежали уничтожению. Одним из самых громких стало убийство председателя Национального учредительного собрания. На него было совершено три покушения, но ему удалось выжить. Наконец как-то утром четверо боевиков на мотоциклах обогнали его автомобиль и расстреляли председателя из пистолетов. К вящей радости Ханоя, Би-би-си заявила, что убийство было заказано сайгонским режимом, который устранил влиятельного политического конкурента. Президенту Тхиеу пришлось выступить с публичным опровержением. Та же коммунистическая ячейка заложила бомбу в багажник автомобиля и взорвала его на территории Главного управления национальной полиции, убив и ранив 18 офицеров.

Работая полевым исследователем RAND, Зыонг Ван Май была впечатлена непреклонной решимостью одного из старших офицеров НФОЮВ, с которым ей удалось побеседовать в лагере для военнопленных: «Конечно, это не сделало меня коммунисткой. Но вселило в меня страх, потому что я поняла: такие люди могут победить». Она высказала непоследовательную, но широко распространенную точку зрения: «Я ненавидела войну и хотела мира, но мира без победы коммунистов». Фрэнк Скоттон также пребывал в замешательстве: «Внезапно меня поразила мысль, что мы перебросим сюда сотни тысяч солдат, задействуем огромные ресурсы и победим, но это будет неправильная победа... достигнутая за счет того, что мы выжжем эту страну бомбами и раздавим военной техникой». По всей Америке, и особенно в Вашингтоне, антивоенные демонстрации начали собирать тысячи людей, не только потенциальных призывников. 2 ноября 1965 г. 31-летний квакер из Балтимора Норман Моррисон облился керосином под окнами кабинета Макнамары и поджег себя в знак протеста против войны во Вьетнаме.

Первое крупное сражение новой войны состоялось в долине Йа-Дранг на Центральном нагорье, которое использовалось ВНА как учебный полигон для обучения прибывающих с Севера свежих войск. Предпочитаемыми объектами для атак были лагеря спецназа — к тому моменту их насчитывалось около сотни по всему Вьетнаму и почти все они были расположены вне зоны досягаемости для американской огневой поддержки. Начальник штаба Армии США Гарольд Джонсон

назвал операции спецназа «чистым ужасом» — бесполезным разбазариванием ресурсов. Как он с презрением заметил, спецназ был «прибежищем для тех, кто хотел избежать ответственности... никто толком не знал, чем они там занимаются». Офицер спецназа Майк Эйланд, отвечавший за разведывательные команды кхмер-кромов в Лаосе и Камбодже, разделял скептицизм Джонсона: «Ключевой вопрос: “Что полезного мы делали?” К сожалению, честный ответ: “Не очень много”. Информация, которую добывали команды, была довольно низкого качества».

Вьетконговцы регулярно нападали на лагеря спецназа, подчас нанося довольно весомые потери. В конце концов после нападения на лагерь Плейме 19 октября 1965 г. Уэстморленд направил в район подразделения 1-й кавалерийской (аэромобильной) дивизии, поставив перед ними задачу «найти и уничтожить» вражеские формирования в долине реки Йа-Дранг. Это как нельзя лучше соответствовало планам командования ВНА, которое давно искало возможность опробовать нового врага в настоящем бою. Полковник Нгуен Хыу Ан заявил, что операция КОВПВ «Серебряный штык» «дает нам шанс начать убивать американцев». На двухчасовом совещании командного состава 13 ноября, которое он назвал историческим, Ан сформулировал цель — научиться сражаться с новым противником, вовлекая его в череду отдельных столкновений на уровне роты и батальона: «Мы победим американцев так же, как победили их марионеток».

14 ноября в район концентрации сил Вьетконга — в так называемую зону высадки X-Ray — начали прибывать подразделения 1-го батальона 7-го кавалерийского полка под командованием полковника Гарольда Мура. В то утро полковник Ан, опираясь на трость, лично совершил утомительный марш по скользким, грязным тропам на склон массива Чу-Понг. Его сопровождала командная группа из 30 человек. Незадолго до полудня, невзирая на рвущиеся вокруг снаряды, полковник изучал местность в зоне высадки X-Ray, когда штабной офицер схватил его и повалил на землю. В то же мгновение склон вокруг них сотрясли мощные взрывы бомб стратегических Stratofortress. Когда налет закончился, полковник встал, отряхнулся и спокойно сказал, что, когда тебе на голову сыплется столько бомб, твое выживание зависит от счастливой случайности, а не от того, лежишь ты или стоишь. Он распорядился обустроить командный пункт в воронках от снарядов и приказал одному батальону атаковать американцев перед рассветом на следующий день, 15 ноября. Из дневника Ана: «[После начала атаки] противник минут пятнадцать был в замешательстве, но потом начал ожесточенно отбиваться». Сражение продолжалось весь день; с наступлением темноты кружившие в небе C-130 начали сбрасывать

осветительные бомбы; 105-мм гаубицы огневой поддержки произвели 33 000 выстрелов. Рано утром на следующий день вьетконговцы возобновили атаки, но один из батальонов ВНА заблудился по пути на исходные позиции, а остальные были втянуты в яростную схватку. Один американский генерал позже писал: «Одно из самых ожесточенных сражений в американской истории произошло на участке местности размером с футбольное поле».

Самый смертоносный этап операции для обеих сторон пришелся на 17 ноября. В полдень один из батальонов ВНА только закончил обедать, когда разведчики сообщили о приближении вражеских войск. Люди Ана поспешно заняли позиции и устроили засаду на неопытных солдат 2-го батальона 7-го кавалерийского полка, которые двигались растянутой цепочкой по высокой слоновой траве. В течение следующих двух часов разрозненные группы американцев вели с вьетконговцами ближний бой, что не позволяло им вызвать артиллерийскую или воздушную поддержку. Полковник Ан также считал, что самые «напряженные, сложные и трудные» сражения имели место между 14:00 17 ноября и 20:00 18 ноября. Наконец американцы сумели задействовать авиацию и артиллерию, из-за которых подразделения ВНА понесли значительные потери, особенно среди связистов и курьеров, которые были вынуждены постоянно перемещаться по полю боя и подвергались гораздо большему риску, чем все остальные. Ан написал, что 66-й полк ВНА отличился в этом сражении, хотя командовавший им полковник таинственно исчез в самом начале боя и отсутствовал три дня — впоследствии он утверждал, что заблудился в джунглях; командование полком временно принял на себя замполит Ла Нгок Тяу.

Шквал снарядов, бомб и пуль в конечном итоге заставил подразделения ВНА прекратить бой и отступить. Уже на следующий день они утверждали, что сражение с американской пехотой не таило в себе никаких особых ужасов, но, по словам полковника Ана, «это вовсе не означало, что воевать с американцами было легко, как говорили некоторые из наших людей. Их огневая мощь была сокрушительной — у них было невероятное количество самолетов, бомб, артиллерии. К тому же они быстро учились на своем опыте и меняли правила игры... Они были умными, практичными, находчивыми и иногда могли полностью переломить неблагоприятную тактическую ситуацию в свою пользу».

После битвы в долине Йа-Дранг, которая фактически закончилась 26 ноября, обе стороны заявили о своей победе: по оценкам кавалеристов, в расчете на каждого своего погибшего они убили больше десяти вьетконговцев. Представители американского командования

утверждали, что враг не сможет долго выдерживать потери такого масштаба. Уэстморленд был воодушевлен тем вкладом, который, как показала операция в Йа-Дранг, артиллерия и авиация могут внести в реализацию стратегии «искать и уничтожать». КОВПВ оценило потери врага в 3561 убитыми. С американской стороны 2-й батальон 7-го кавалерийского полка потерял 151 человека убитыми, вся дивизия — 305 убитыми и примерно столько же ранеными. На самом деле американцы не только значительно завысили потери ВНА, но и не учли той граничившей с равнодушием терпимости к человеческим жертвам, которая была присуща северовьетнамским командирам. После битвы при Йа-Дранг те устроили триумфальное совещание в штаб-квартире 3-го фронта под председательством его командующего, бригадного генерала Тю Хюи Мана. Полковник Ан писал: «Мне редко доводилось присутствовать на такой радостной и оживленной встрече. Все, знакомые и незнакомые, жали друг другу руки и поздравляли с победой». Как и американцы, коммунисты раздули свою победу, утверждая, что «истребили» — их любимое слово — несколько американских батальонов.

О ежегодных Рождественских шоу Боба Хоупа во Вьетнаме и визитах других голливудских звезд в зону военных действий можно услышать немало циничных слов, но для находившихся там американцев это были по-настоящему знаменательные события. Советники в дельте Меконга были до глубины души взволнованы визитами Джеймса Гарнера, Роберта Митчема и Генри Фонда. Энн-Маргрет любезно не стала поднимать скандал, когда обнаружила под своей деревянной хижинкой двух хихикающих сержантов, которые подсматривали за ней сквозь щели в половицах. Полковник Сид Берри и его команда советников в Митхо устроили рождественскую вечеринку для 300 членов семей вьетнамских штабных офицеров. По словам полковника, во дворе старого здания семинарии, где располагался их штаб, собрались «одни из самых милых и чудесных детей, которых я когда-либо видел. Мы, гигантские иностранцы, ходили среди этой оживленной детской толпы, впитывая любовь, счастье, нежность, радость и сострадание». Детей угостили мороженым и пирожными, подарили каждому по подарку, после чего на большом киноэкране показали мультфильмы. С безграничной американской изобретательностью советники «организовали зиму»: над головами собравшихся пролетел самолет передового авиационного наведения и сбросил целое облако белых бумажных снежинок с надписью «Снег. Предоставлено ВВС США и Секцией G-3».

7 января 1966 г. в передаче «Час музыки кантри» на Радиостанции армии США выступили такие звезды, как Роджер Миллер с песней «Ай

да умница, девочка, ты смогла заставить меня плакать», Эдди Арнольд, Карл Смит, Теннесси Эрни Форд и другие. Сиду Берри особенно понравились песни «Я влюблен в девушку на билборде у обочины шоссе, которая одета только в улыбку» и «Когда я уходил, занавески на окнах помахали мне: “Прощай”».

На тот момент во Вьетнаме уже находилось четыре дивизии и в общей сложности почти 200 000 американских военнослужащих, но Роберт Макнамара убеждал президента, что этого недостаточно. Он настаивал на необходимости в 1966 г. удвоить численность армии Уэстморленда и, если это не остановит Ханой, довести ее до 600 000 в 1967 г. «Потери с американской стороны следует ожидать на уровне 1000 погибших в месяц», — заметил одержимый статистикой министр обороны.

Парадоксально, но примерно в это же время главный исполнительный полководец Америки скатился к еще более удручающей непоследовательности, чем типичная южновьетнамка Зыонг Ван Май: в частном порядке он выражал опасения по поводу возможного вмешательства китайцев и высказывал мнение, что лучший вариант, на который могут надеяться США, — «уйти с честью». 21 января 1966 г. Макнамара признался группе ведущих политиков, включая Артура Шлезингера и Дж. К. Гэлбрейта, что «не считает возможным военное решение [вьетнамской проблемы] ... Кажется, он глубоко обеспокоен и даже подавлен перспективой бесконечной эскалации». После этого разговора Шлезингер написал: «Военные закусили удила и намерены во что бы то ни стало “выиграть” войну». Горькая ирония, отмечали осведомленные либералы, заключалась в том, что, тогда как Макнамара потерял веру в возможность победы, — вот уж удивительный поворот событий! — Дин Раск ее обрел: госсекретарь перехватил факел из рук министра обороны и нес его высоко поднятым до 1968 г. Приближенные к Макнамаре впоследствии говорили, что за два года до своей отставки, наблюдая за затянувшейся войной и бесконечным потоком трупов, министр обороны был охвачен неуверенностью и даже пессимизмом. Остается только гадать, что заставило этого человека оставаться на своем посту так долго, несмотря на самые дурные предчувствия?

На передовой сержант Джимми Спенсер уныло констатировал: «Это оказалось марафоном, а не спринтом». Сид Берри писал домой: «Это то место, где я должен находиться... Я убежден в правильности и важности нашего пребывания здесь. Я проникся большим уважением и теплыми чувствами к вьетнамцам. Им приходится жить в условиях гораздо более тяжелых, чем наш американский народ может вообразить. Но впереди долгий путь. Я надеюсь, что нашей стране и нашим

соотечественникам хватит мудрости, терпения, стойкости, мужества и веры, чтобы оставаться здесь и сражаться до тех пор, пока это необходимо». «Эскалационная лестница» уходила в бесконечность — и в поле зрения не было видно ни одной двери с табличкой «Выход».

12

«Мы пытаемся ловить дым»

Воюющие и курортники

Во Вьетнаме не было одной общей для всех войны — там шло полсотни разных «войн», на которых не только воевали, но и — девять из десяти военнослужащих не-пехотных частей — занимались другими делами. Однажды ротный командир Энди Финлейсон сделал выговор капралу инженерно-саперного подразделения, что его люди отказываются рыть окопы. «Мы не занимаемся таким дерьмом, — возразил капрал. — Это работа пехоты». Артиллеристы, кроме передовых наблюдателей, подвергались гораздо меньшему риску, чем пехотинцы. Капитан Чак Худ, 30-летний уроженец Вирджинии, командующий тяжелой батареей, столкнулся с тем, что, хотя его люди самоотверженно воевали в жару и дождь, в грязи и пыли: гигантские 175-мм орудия требовали замены ствола через каждые 300 выстрелов, — в остальное время главной проблемой была скука: «Я ломал голову, чем их занять, чтобы отвлечь внимание от местных деревень и выпивки».

Артиллеристы участвовали в боевых действиях всего один год, а большинство пехотных офицеров и того меньше — всего шесть месяцев, после чего переводились в спокойные места. Уэстморленд настаивал на более длительных сроках боевых командировок, но Белый дом был против. Такое ограничение позволяло смягчить политический эффект, но было пагубно в военном плане: в американских войсках было мало действительно опытных солдат за исключением немногих «бессрочников». Две трети военнослужащих, побывавших во Вьетнаме и получивших право называть себя военными ветеранами, а также носить медаль «За службу во Вьетнаме» и разглагольствовать о своем ПТСР (посттравматическом стрессовом расстройстве), подвергались не большому риску погибнуть на поле боя, чем риску умереть от «дерьмовой наркоты» или смертельной болезни.

Вспомогательный, технический и логистический персонал в большинстве своем служил на крупных базах; из вьетнамцев они сталкивались только с прачками и проститутками, а из всех тягот военной службы страдали разве что от вони авиационного керосина JP4 и писсуаров. Десантник Джин Вудли назвал бухту Камрань «самым

большим сюрпризом в моей жизни. Там занимались серфингом. Ездили на больших машинах. Там было много красивых женщин в модной одежде и мужчин в костюмах. Я сказал себе: «Вот это да! Да тут куда лучше, чем дома!»» Флотский оператор РЛС Дуайт Браун был с ним согласен: «Бухта Камрань — это был рай как он есть. Будь у меня деньги, я бы остался там жить, это точно. Я чувствовал себя там королем». За время «военной службы» Браун потолстел на 20 кг на диете из лобстеров и стейков; большую часть времени он проводил в вычислительном центре, монтируя музыкальные записи для капитана, который в качестве ответной услуги одалживал Дуайту свой джип. В предместьях Анкхе 1-я кавалерийская дивизия организовала собственный центр «отдыха и восстановления сил» под названием «Город грехов», где можно было купить пару с лишним литров настоящего британского джина Gilbey's по \$1,65 за бутылку и за \$5–10 провести ночь с проституткой, прошедшей обследование в дивизионной медсанчасти.

Вот что рассказал чернокожий пехотинец Ричард Форд о еще одной базе: «Мне не верилось, что Нячанг находится во Вьетнаме. На базе были хорошие казармы, горячая вода, кондиционеры и столовые с тремя горячими блюдами на выбор. Это больше напоминало курорт... Все играли в футбол и в баскетбол. И все были белыми. Это возмутило меня больше всего. Все эти белые парни отсиживались в тылу». «Зеленые береты», базировавшиеся на острове Фукуок у дельты Меконга, катались на водных лыжах и занимались серфингом в лазурной бухте. Один западный путешественник, посетивший это место, писал: «[Вьетнамским] детям нравилось плескаться на мелководье и глазеть на белокурых гигантов, которые проносятся мимо них по волнам, держась за привязанную к катеру веревку. Но старики неодобрительно качали головами и ворчали. Нигде больше в Южном Вьетнаме я не чувствовал, что меня так сильно ненавидят из-за моего размера и цвета кожи».

Кто на какую «войну» попадет, во многом было делом случая. Санитар Чарли Шиаб прибыл во Вьетнам, мечтая воевать бок о бок со своими товарищами, с которыми сдружился во время учебы. Но их как пополнение распределили по разным частям, где им пришлось служить вместе с незнакомыми людьми. Лейтенант Джон Райт вышел из штаба в Дананге бледный как смерть и коротко сказал другу: «Мне конец». Он получил назначение в 1-й батальон 9-й дивизии морской пехоты, который из-за своих ужасающе высоких потерь получил прозвище «ходячие мертвецы». Когда у санитара Дэвида Роджерса закончился срок боевой командировки, его перевели в госпиталь в Кути: «Все врачи и медсестры там были офицерами; они вместе ели и флиртовали друг с

другом. После джунглей я словно оказался в другом мире, как в том сериале “Чертова служба в госпитале МЭШ”».

Лейтенант Джадд Кинн вместе с сержантом прибыл в дивизионный морг для опознания тел. Когда они вошли в рефрижераторный куонсетский ангар, они были неприятно поражены тем, что работники морга слушали армейское радио и гоготали над шутками. Сержант проверил мешки с погибшими из своего батальона и убедился, что на бирках указаны верные данные. «Там был полный ангар этих мешков, — вспоминал Кинн. — Я содрогнулся и подумал, что не хочу вернуться домой в таком виде». Филу Капуто также пришлось поработать в морге: «Когда я командовал ротой, я был посланником смерти; когда меня перевели в штаб, я стал ее счетоводом». Все мертвые выглядят одинаково, размышлял он, были ли они в жизни белыми, черными или желтыми. Они напоминают восковые манекены: кожа становится бледной и одутливой, «зрачки — выцветшими серыми, рты широко открыты, словно смерть застала их посреди дикого крика». Если убитых было невозможно опознать по лицу, их идентифицировали по зубам.

Некоторые «освободители» Вьетнама становились жертвами психических расстройств. Сид Берри сетовал на «слабый дух» дивизионного капеллана, который днем и ночью не снимал с себя бронежилет и не выпускал из рук винтовку: «Он проповедует об ужасах войны, говорит, что вьетконговцы скрываются за каждым углом. Пристает к нам с вопросом, закончится ли война к Рождеству... Это недопустимо, чтобы священнослужитель, вместо того чтобы вселять в людей спокойствие и уверенность, распространял страх». В конце концов капеллана отправили домой.

Жизнь на войне была опасной, но сопровождалась экзотикой. Спецназовская Команда А, базировавшаяся в Бандоне возле камбоджийской границы, использовала для транспортировки грузов слонов: спины животных покрывали звездно-полосатыми флагами, которые служили опознавательным знаком «Свои» для американской авиации. Джордж Бонвилл, не чуждый романтике офицер спецназа, одним чудесным вечером сидел на пороге штаба, любовался пейзажем в дельте Меконга и размышлял: «Почему люди воюют на этой земле? Это сельскохозяйственный рай, где можно счастливо жить, трудиться, процветать. Только порочные люди могут воевать в таком месте... И вдруг меня осенило: черт возьми, я же один из них! Конечно, не я начал эти ужасы. Я мог надеяться только на то, что помогу поскорее их закончить». Пожилой майор, которому вскоре предстояло отправиться домой, посоветовал Бонвиллу не рисковать головой, потому что эта война того не стоит. Нам следовало убраться отсюда еще в 1964 г., сказал убеленный сединами скептик: «Береги себя, сынок. Мы уже

потеряли здесь слишком много отличных парней. Я воевал в Корее, но там все было по-другому. Там сами корейцы хотели остановить красных и местность была более подходящей для нормальной войны. Здесь же граница с Лаосом и Камбоджей — как сито. Не лезь в пекло. Эта страна — проигранное дело».

Что касается полноты картины, то на совещании Генерального штаба ВНА в Драконьем дворе сошлись во мнении, что чем больше войск США развернут во Вьетнаме, тем с большими проблемами они столкнутся. Было решено продолжать текущую военную стратегию, согласно которой основными целями для атак должны были оставаться ВСРВ и силы ополчения, поскольку с их разгромом и, как следствие, крахом сайгонского режима Вашингтону не останется, кого поддерживать. На 1966 г. были поставлены грандиозные цели: нанести потери в размере 250 000–300 000 вьетнамским силам и 25 000–30 000 американским; уничтожить 1000 самолетов и вертолетов; взять под контроль 80–90% сельской местности; нарастить силы на Юге — в так называемом районе боевых действий Б — до 400 000 партизан, 90 000 местных ополченцев и 200 000 военнослужащих регулярных формирований ВНА.

Современная история Вьетнама признает, что такие цели были чрезмерно амбициозны: «Утвержденный план был упрощенческим и нереалистичным... не отражал наших возможностей и недостаточно учитывал воздействие на линии снабжения [воздушных] атак противника, которые создавали огромные проблемы». Снабжение было «не продумано и плохо организовано... Качество некоторых подразделений, отправлявшихся в район боевых действий, было низким». Военные летописцы также отмечают, что Ханой недооценил боевые возможности американцев и даже ВСРВ.

Руководства ВНА и НФОЮВ преследовали параллельные, но иногда конфликтующие цели. В отношениях между южанами и их северными братьями существовала некоторая напряженность; партизаны насмешливо прозвали северян «бататниками», потому что их скудная диета в большом количестве включала водяной батат. Ле Зуан и его сторонники в Политбюро ратовали за переход к открытым столкновениям с участием крупных подразделений. Зяп выступал против этой стратегии, считая, что это позволит Уэстморленду максимально использовать свое преимущество в огневой мощи. В 1966 г. на Юг было отправлено 15 полков ВНА, что отражало растущее доминирование ястребов и ослабление влияния героя Дьенбьенфу.

В январе 1966 г. начальнику политотдела сил НФОЮВ в провинции Лонган выдалась возможность изучить боевые качества 173-й воздушно-десантной бригады США так же детально, как и полковнику

Ану — боеспособность 1-й кавалерийской дивизии двумя месяцами ранее. Первый опыт столкновений с американским десантом наводил на партизан ужас: «В воздухе появлялось множество вертолетов, словно рой мух, и в считанные секунды поле боя... заполнялось американскими солдатами. После первого же выстрела они вызывали поддержку авиации и артиллерии, которые поливали огнем все вокруг. Они расходовали боеприпасы так, как будто завтра не будет. Наши бойцы пришли к выводу, что американцы медлительны, но имеют неисчерпаемые ресурсы». Танки и бэтээры «ползли по рисовым полям, как крабы... прямо по крестьянским посевам».

В 1966 г. командование НФОЮВ в Лонгане рассматривало возможность крупномасштабного прямого столкновения с американцами на уровне батальона, но, изучив врага, пришло к выводу, что им это не под силу. Вместо этого они решили выждать время и поднакопить силы, продолжая привычную партизанскую тактику небольших изматывающих атак. Партизаны поражались невнимательности американских солдат: те часто не замечали бойцов, укрывшихся всего в нескольких метрах от них. Они также обнаружили, что американцы боятся мин и разного рода ловушек, и в полной мере использовали этот страх. На привалах американцы становились особенно уязвимы.

Тем временем в Вашингтоне Джон Макнотон и Билл Банди составили для своего босса список целей на 1966 г., по своей фантастичности мало чем уступавший плану Ханоя. Главным принципом было «истощать» врага быстрее, чем тот мог наращивать силы. Планировщики поставили задачу сократить районы базирования Вьетконга на 10–50%; увеличить долю населения под правительственным контролем на 50–60%; расширить доступность безопасных автомобильных и железных дорог на 30–50%. Позже критики осуждали Макнамару и его протеже за чрезмерный акцент на статистических показателях прогресса, но Дракониий двор в Ханое, похоже, страдал таким же пристрастием.

В феврале в провинцию Куангчи, находившуюся в зоне ответственности I корпуса, были переброшены две новые дивизии ВНА. Это вызвало у союзного командования опасения, что враг может отрезать северную оконечность страны, взяв под контроль всю территорию за горным хребтом к северу от Дананга. В результате Корпус морской пехоты США потратил большую часть года и на самом деле большую часть войны на то, чтобы предотвратить этот сценарий. До сих пор не утихают споры, не совершил ли Уэстморенд ошибку, задействовав слишком много своих сил на то, чтобы «искать и уничтожать», вместо того чтобы «очищать и удерживать», обеспечивая

безопасность на подконтрольных территориях. 30 января 1966 г. капитан Чак Рейнденлаф, военный советник в Сюанлоке, к востоку от Сайгона, выразил восхищение тем, каких результатов враг добивается одним только стрелковым оружием, минометами и дерзостью: «Наша слабость в том, что мы не можем защитить гарнизоны каждой деревни и поселок... Они нападают там, где не размещены наши силы... Представьте себе футбольный матч, в котором одна команда одета в традиционную форму и соблюдает правила игры. В команде же противника игроки намеренно одеты так, чтобы быть неотличимыми от зрителей. Они играют без всяких правил, не соблюдают границы поля, игнорируют свистки судей, а когда на них напирают возле их ворот и возникает опасность пропустить гол, защитник прячет мяч под рубашку и скрывается на зрительских трибунах. Некоторые начинают кричать: “Давайте убьем всех их, сотрем с лица земли деревни, которые укрывают вьетконговцев!” От этого очень трудно удержаться, но именно на это ВК и рассчитывает».

Роберт Комер — легендарный бывший сотрудник ЦРУ и член СНБ, из-за своей неумной энергии получивший прозвище Боб Реактивный Двигатель, — прибыл во Вьетнам в малоподходящей ему должности специального помощника президента по вопросам умиротворения, а в мае 1967 г. возглавил программу Поддержки гражданских операций и революционного развития (Civil Operations and Revolutionary Development Support, CORDS). Он был ярким критиком стратегии «искать и уничтожать», считая, что та не позволяет завоевать умы и сердца вьетнамского народа. В какой-то мере он был прав: южновьетнамский народ действительно не видел от военных усилий Уэстморленда ощутимых результатов, впрочем, как и от «более эффективной войны», которую, как утверждают некоторые, начал вести его преемник Крейтон Абрамс. Не видели их и многие американцы: лейтенант морской пехоты раздосадовано сказал журналисту, что «мы пытаемся ловить дым: разжимаешь кулак — а там пусто». На самом деле не было хорошего ответа на вопрос, как КОВПВ следовало использовать имевшиеся силы: никаких американских войск не хватило бы на то, чтобы искать и уничтожать врага и одновременно защищать населенные пункты на всей территории Южного Вьетнама.

Вечером 17 января в руки вьетконговцев попала важная птица. Руководитель провинциальной программы принуждения к миру Даг Рэмзи отправился с грузом гуманитарной помощи в деревню рядом с Кути — поездка, от которой его настоятельно отговаривала дочь местного главы провинции. Они преодолели полпути, когда вдруг его водитель Ло вскрикнул: в нескольких метрах перед ними у обочины притаились два вооруженных человека в синих рубашках и черных

штанах; голова третьего высывалась из-за насыпи. Рэмзи схватил свой карабин AR-15, но, будучи неуверенным в намерениях этих людей, не стал стрелять. Он уже понадеялся, что им позволят спокойно проехать мимо, как в этот момент на их грузовик обрушился град пуль — из мешков в кузове посыпался рис, и вскоре машина остановилась: одна из пуль ранила водителя в ногу. Рэмзи высунулся из окна и сделал десяток одиночных выстрелов. Ло сказал, что двигателю конец. Американец выругался — он ругался бы куда сильнее, если бы знал, что двигатель просто заглох. Ло выбрался из кабины и сначала встал посреди дороги с поднятыми руками, а потом рухнул на колени в умоляющей позе. В этот момент пули вьетконговцев пробили 20-литровую канистру, стоявшую у ног Рэмзи, и струя бензина плеснула ему прямо в лицо.

Пока он пытался прочистить глаза, рядом с грузовиком раздались шаги. Он крикнул: «Той дау ханг!» — «Я сдаюсь!» — и, оставив карабин на сиденье, вылез из кабины с поднятыми руками. Американец приготовился к неминуемой смерти, чувствуя, как его живот скручивает от страха. «Вот дерьмо!» — пробормотал он про себя. Но вьетконговцы были слишком обрадованы своей добычей, чтобы убивать. Они с удовольствием рассматривали карабин Рэмзи, его наручные часы и бумажник. В конце концов они отпустили водителя, а Рэмзи связали веревкой и отвели в лагерь. Следующие семь лет он провел в плену в ужасающих условиях, иногда сидя в бамбуковой клетке. Такова была печальная плата за красивые фантазии о Лоуренсе Индокитайском, которые так любили лелеять Рэмзи, Ванн, Скоттон и Фрэнк Снепп.

Огонь по чужим и по своим

В феврале 1966 г., узнав о том, что 1-я кавалерийская (аэромобильная) дивизия назвала операцию по поиску и уничтожению вражеских формирований «Давилкой», Линдон Джонсон лично вмешался и потребовал сменить название на более благозвучное. В ходе этой операции, которая в итоге была переименована в «Белое крыло», было предположительно уничтожено 1342 солдата противника. Кавалеристы также утверждали, что на протяжении всего года убивали по десять вьетконговцев в день, а, по оценкам КОВПВ, в 1966 г. каждое боевое подразделение в стране убивало по одному вьетконговцу в день. Однако этого было явно недостаточно, чтобы «истощать» врага быстрее, чем тот наращивает силы. 5 февраля офицер штаба морской пехоты полковник Джон Чейссон писал своей жене Маргарет в Мэне: «Чем больше я наблюдаю за этой войной с ее укрепленными гарнизонами, тем больше она напоминает мне индейские войны на фронтире». По

словам Чейссона, «высвобождение страны из когтей коммунистического террора происходит очень медленно и мучительно... Мы можем оборонять наши позиции вечно, но это ни к чему не приведет». В покрытых густыми джунглями горах патрулям требовалось почти неделя, чтобы преодолеть расстояние в полсотни километров.

9 марта союзники потерпели очередное постыдное поражение — на этот раз в тренировочном лагере спецназа в долине Ашау в 50 км к юго-западу от Хюэ. Когда подразделения ВНА атаковали лагерь, среди 360 местных ополченцев началась паника. Они толпой бросились к вертолетам, присланным в лагерь для эвакуации 17 американских советников: чтобы сдержать своих подопечных, американцам пришлось открыть по ним огонь. В хаосе пять американцев погибли, а из вьетнамских ополченцев только половина впоследствии вернулась на службу. Подполковник морской пехоты Чарльз Хаус, руководивший операцией спасения, получил Военно-морской крест — и строгий выговор, за то что честно рассказал журналистам о деталях произошедшего.

В апреле начальник оперативного отдела штаба Уэстморленда генерал-майор Уильям Депью принял командование 1-й пехотной дивизией, отвечавшей за северо-западные подходы к Сайгону со стороны Камбоджи. На этом посту он заработал себе сомнительную славу самого фанатичного командующего боевым формированием в стране, проводя одинаково безжалостную кампанию террора против Вьетконга и собственных офицеров. Операции «Абилин», «Лексингтон», «Бирмингем», «Эль-Пасо» и «Амарилло» по зачистке сельской местности сопровождались ночным «изматывающим огнем» по ненаблюдаемым целям: артиллерия наносила спорадические залповые удары по предполагаемым маршрутам перемещения противника, а также по районам возможного расположения вьетконговских лагерей. При этом миниатюрный генерал не прощал своим подчиненным ни малейших слабостей и промашек. В дивизии стала ходить мрачная легенда о «полуночном чинуке», пожирающем командиров батальонов. Уволенные им офицеры говорили, что их «DePuyed» — «отдепьюили».

Его непримиримость привлекла внимание начальника штаба армии генерала Гарольда Джонсона, который в раздражении написал своему подчиненному: «Для меня признак хорошего командира — способность добиваться наилучших результатов с теми людьми, которые есть». Но Депью, несколько не смущенный упреком босса, ответил, что уволенный им штабной офицер из G-2, отвечавший за военную разведку, был «неопытным толстяком без каких бы то ни было

воинских качеств». Его собрат по несчастью из отдела G-5, отвечавший за взаимодействие между военными и гражданскими, «не соответствовал никаким требованиям, предъявляемым к офицерам: никакой инициативы, воображения, энергии. Абсолютно бесполезен». О снятом с должности командире батальона он написал так: «С первой нашей встречи у меня возникли подозрения, что он — слабый офицер... Он полностью потерял контроль над ситуацией, и его батальон понес ряд бесполезных потерь, не уничтожив ни одного ВК». Энергичность Депью не вызывала сомнений, но его пребывание на посту командира дивизии никак не способствовало завоеванию умов и сердец вьетнамского народа, ни даже американских солдат. Гарольд Джонсон попытался вразумить его и в плане ведения войны: «У нас принято говорить: “Не надо посылать солдата туда, куда можно послать пулю”... Но я считаю, что мы переоцениваем эффективность огневой мощи». Несмотря на увещевания начальства, Депью продолжил гнуть свою линию.

Советник Джордж Бонвилл был физически вымотан требованиями повседневной службы в подразделении ВСРВ: «Встаем в 3:30 утра, быстро перекусываем, едем на грузовиках до Митхо, грузимся на борт [десантных катеров], высаживаемся где-то в дельте Меконга и на рассвете атакуем ВК; другой вариант — грузимся на вертолеты Ниеу, высаживаемся где-то посреди Камышовой равнины, убиваем / берем в плен нескольких ВК, уходим. Чтобы выйти из оперативной зоны [10–15 км], обычно приходится тащиться по рисовым полям, по жаре, пробираться через каналы с топкими берегами, заросли бамбука и пальм нипа, каждую минуту рискуя быть атакованными партизанами. Если повезет, к вечеру добираемся до Тьогао... Пресный рис с какой-то костлявой местной курицей и безвкусными овощными консервами отбивает любой аппетит. Я заметил, как начала отступать линия десен... Мы также ввели дежурство у радиостанции по ночам — по 2 часа на человека — потому что поняли, что так сильно устаем, что не проснемся, даже если гарнизон атакует ВК и вокруг нас начнут палить из всех орудий».

Террор Вьетконга был беспощаден. Бонвилл описал типичный случай: после того как мисс Ань, машинистка в штабе округа, отказалась помочь вьетконговцам проникнуть на территорию гарнизона, где жили американские советники, партизаны ночью ворвались в дом, где она жила с родителями. Ань размозжили голову прикладом винтовки, а ее младшего брата зарезали. Бонвилл писал: «Ей было лет двадцать, она была набожной христианкой, очень хорошенькой и настоящей леди. Мы с товарищами обычно сидели по утрам на крыльце и смотрели, как она идет на работу в длинном развевающемся аозай под

прелестным зонтиком, защищавшим ее алебастровую кожу от солнца. Она будто не видела наших взглядов, и нам оставалось только гадать, нравилось ли ей то, что иностранные парни восхищаются ее красотой, или нет». Советник Майк Саттон рассказывал, что однажды они с десантом высадились у небольшой деревушки в дельте Меконга и первым, что увидели, была обмякшая человеческая фигура, привязанная веревками к дереву. Это был деревенский староста, выпотрошенный ночью партизанами. Его жена была убита не менее зверским образом, а сын был кастрирован. «Я подумал: “Какие варвары”, но потом увидел, что американцы делают не менее ужасные вещи».

Майк Эйланд, выходец из скромной калифорнийской семьи, не только сумел поступить в престижную военную академию в Вест-Пойнте, но и через три дня после выпуска женился на генеральской дочке. По его словам, в те времена для большинства молодых мужчин обручальное кольцо было единственным способом получить доступ к регулярному сексу, «хотя следовало бы принять федеральный закон, запрещающий молодым офицерам жениться в течение года после выпуска». Он провел три скучных года в Германии, после чего решил оставить карьеру офицера-артиллериста и стать «зеленым беретом» — «у них были крутые кепки». Во время обучения он больше всего боялся, что война закончится, прежде чем он успеет на нее попасть. В Форт-Брэгге курсанты читали книгу Бернарда Фолла «Улица без радости», а их неофициальным девизом стало «Poussez!» — «Действуй!», потому что так говорили все герои в учебном фильме об операциях группы УСС в 1944 г. на территории оккупированной Франции.

Первого мая 1966 г. после короткого инструктажа команду А из 12 спецназовцев, которой командовал Эйланд, отправили на самый юго-запад страны, в дикий район на границе с Камбоджей — «нас выбросили буквально в никуда». Там, на берегу реки, на окраине Камышовой равнины — оплота Вьетконга, находился 5-й лагерь спецназа, заброшенный с тех пор, как три года назад его разгромили партизаны. Эйланд и его люди разместились на виллах вокруг старой французской сахарной фабрики, обнесли периметр колючей проволокой и занялись вербовкой бойцов. Как они обнаружили, этот процесс требовал сложных переговоров с местными вождями. В конце концов им удалось сформировать три роты: одну из членов религиозной секты Хоахао, вторую — из дезертиров из ВСРВ и ополчения, и третью — из кхмер-кромов. В последнем им помог вождь кхмер-кромов, обосновавшийся в одном из сайгонских храмов: «Он был готов предоставить любое количество обученных бойцов — вопрос был только в цене, из-за которой он мог торговаться весь день».

Эйланд был захлестнут потоком новых ощущений: буйство зелени, чужая культура, изнуряющая жара, зловоние. Его подразделение, теперь насчитывавшее около 400 человек, начало вести патрулирование группами по четыре человека. Время от времени патрули вступали в перестрелки с партизанами, иногда длившиеся всю ночь. Так как этот район считался зоной свободного огня, всех гражданских лиц, которые встречались на их пути, патрули были обязаны доставлять в лагерь принудительного содержания, который официально именовался лагерем для беженцев. Как справедливо заметил один солдат, «они не были беженцами, пока мы не сделали их таковыми. По сути, мы просто похищали этих людей и заключали под стражу, чтобы лишить врага еды и поддержки».

Первое серьезное столкновение с вьетконговцами произошло менее чем через две недели после того, как команда А прибыла на место. В ночь на 12 мая партизаны атаковали лагерь, застав спецназовцев почти врасплох. В непроницаемой темноте «зеленые береты» что есть мочи палили из своих М-14 и М-79 из окон вилл. К счастью, виллу окружал глубокий дренажный ров, который нападавшие не решались пересечь. «Мы слышали, как они перекрикивались: “Где америкосы?” — и лазили вокруг периметра. Было ясно, что долго мы не продержимся». Стрельба продолжалась всю ночь, но ни у одной стороны не было осветительных снарядов, а Эйланд не мог вызвать поддержку артиллерии. Большинство завербованных вьетнамских спецназовцев предпочли не геройствовать, спрятавшись подальше от выстрелов, поэтому остались живыми и невредимыми. Те же, кто попытался дать отпор нападавшим, были убиты или ранены. С рассветом американцы обнаружили, что вьетконговцы ушли, уничтожив всю технику и затопив десантный катер, пришвартованный у берега. По всему лагерю лежали тела, в основном защитников. Эйланд был потрясен: «Я никогда раньше не видел столько трупов, особенно разрубленных мачете». Не имея возможности вызвать эвакуационный вертолет, санитар сделал для раненых все, что мог.

Эйланд никогда не испытывал особого доверия к южновьетнамскому спецназу и лишился его окончательно, когда узнал, что набранные ими новобранцы голодают и находятся почти на грани мятежа, потому что их капитан крадет большую часть риса. Американцы решили взять распределение довольствия в свои руки, но возмущенный капитан подал жалобу, обвинив своих кураторов в недопустимом вмешательстве в местные обычаи. Эйланд и его сержант без всякого разбирательства были освобождены от занимаемых должностей «за отсутствие культурной чувствительности».

В отличие от «зеленых беретов», в службе пехотинцев было меньше экзотики. Чернокожему рядовому Бобу Нельсону больше всего во Вьетнаме нравилось то, что впервые в жизни он не сталкивался с расовыми предрассудками: «Мы заботились друг о друге». Один из его сослуживцев, член Ку-клукс-клана, признался, что его отношение к черным полностью изменилось после первого же сражения, когда он окоченел от страха под вражеским огнем и чернокожий «брат» вытащил его на себе с поля боя. Нельсон родился в Южной Каролине — штате с жесткой расовой сегрегацией — в семье горничной и рабочего. Отец умер, когда Бобу было шесть лет; детство он провел с бабушкой и дедушкой на крошечной табачной ферме. Сразу после школы он записался в морскую пехоту, потому что не смог найти другую работу. Начальная подготовка в легендарном учебном центре Пэррис-Айленд далась ему так же трудно, как большинству других новобранцев; к тому же местные инструкторы называли чернокожих рекрутов «ниггерами». Он навсегда запомнил большой плакат, висевший в полевом учебном центре в Калифорнии: «Научись смотреть смерти в лицо, потому что ты отправишься туда, где царит смерть». Погибнуть как морпех, говорил их сержант, «это хорошая смерть».

Нельсон сомневался в этом, но, после того как в марте 1966 г. начал службу в пехотном батальоне в Фубай, был готов согласиться с сержантом. Он был поражен тем, с какой легкостью сдружился с Фредом Фермером из Миннесоты и другими отличными парнями из Уилмингтона, Питтсбурга, Чикаго. Во время бесконечных маршей по рисовым полям и джунглям они подбадривали друг друга, помогая преодолеть усталость: «Давай, мужик, пошевеливайся! Вперед!» Увлеченный баскетболист и бегун на средние дистанции, Нельсон упорно тренировался, чтобы оставаться в отличной спортивной форме. Впервые в жизни он приобрел подлинное чувство собственного достоинства. «Это было делом чести — идти вперед и вперед и никогда не сдаваться». И все же Нельсону было трудно свыкнуться с некоторыми вещами: он вырос в глубоко религиозной семье, где слово «убийство» никогда не произносилось вслух. В его новом окружении только и говорили о том, как бы «пустить в расход побольше Чарли».

Американцы приходили в трепет от собственной огневой мощи. Глядя на то, как авиационные бомбы, артиллерийские снаряды, пули малокалиберного оружия и 20-мм пушек ударных вертолетов «перемалывают склон горы, мы думали: черт возьми, да мы уничтожим их всех. Никто не может выжить под этим градом свинца!» Генералы считали так же. Между тем даже в зонах массовой артподготовки обширные участки оставались нетронутыми и подавляющее большинство вражеских солдат переживали обстрелы целыми и

невредимыми. Бюрократическое требование подтверждать факт уничтожения врагов иногда выливалось в мрачный гротеск. Рег Эдвардс восхитил своего сержанта, метко застрелив вьетнамца, у которого при осмотре была обнаружена граната. «Черт побери, это было здорово!» — несколько раз повторил сержант. Он приказал Эдвардсу отнести тело убитого в лагерь. «У него отвалилась рука, поэтому мне пришлось вернуться и подобрать его руку. Я засунул ее к нему в штаны. Идти было далеко, и я начал думать обо всем... Я думал о тумане и запахе дождя, который тот приносит в собой. А потом я подумал, что у убитого мной вьетнамца где-то есть семья. Внезапно он перестал быть для меня просто гуком — и стал человеком».

Фрэнк Скоттон писал: «Из-за извращенного силлогизма — люди, подобные нам, не живут, как животные; вьетнамцы живут, как животные, следовательно, они не люди, — вьетнамцы считались людьми второго сорта. Редкий американец был способен осознать всю сложность вьетнамской культуры и ее отношений с миром, чтобы сделать вывод: “Это мы — люди второго сорта по сравнению с ними”». Джордж Бонвилл с отвращением писал о крайностях, до которых иногда доходили американцы; один такой случай произошел в его подразделении: «Случалось, патрули убивали стариков, которым ночью понадобилось выйти из хижины, чтобы помочиться. Иногда под огонь попадали матери с детьми, которые среди ночи с факелами в руках шли через рисовые поля в больницу... Однажды в семье сильно заболел ребенок, и обеспокоенная мать решила отнести его в медпункт в соседней деревне. Когда они вышли из поселения, где предположительно скрывались партизаны, сидевшие в засаде американцы открыли по ним огонь. Мать была ранена, а ребенок убит. Что за ад эта война!»

Не только вьетнамцы становились жертвами огня по своим. В отделении Боба Нельсона служил пулеметчик из племени чероки: «Боже, как он любил свой пулемет — палил из него, как только выдавался случай». Однажды ночью, сидя в засаде, он увидел в нескольких десятках метров призрачную фигуру и, не услышав пароль, открыл стрельбу из своего М-60. Он остановился, только когда из темноты донеслись крики: «Это морпехи! Свои!» Это был возвращавшийся из рейда патруль; их проводник был ранен в бедро. Джордж Бонвилл был обескуражен привычкой подразделения ВСРВ, к которому он был прикомандирован, вести «подготовительный» огонь вслепую, не видя целей. Однажды утром в ходе десантной операции «минометчики прибыли на место первыми, а мы высадились вслед за ними посреди джунглей... Внезапно в воздухе вокруг нас начали рваться боеприпасы. Это открыли огонь наши 50-мм минометы — их

мины проникали сквозь не очень густые заросли, разрывались над нашими головами и низвергали град осколков, рикошетивших от твердой древесины кокосовых пальм. Вокруг сыпались пули на излете, а прямо перед моим носом в жидкую грязь с шипением врезался раскаленный трассирующий снаряд». Рядом с Бонвиллом лежал немецкий фотограф Хорст Фаас и матерился, требуя у советника обуздать своих южновьетнамских подопечных. «Тупые американцы! — бормотал он. — Влезть в такую дерьмовую войну!» В то хаотичное утро они так и не встретили ни одного врага, но общение с Фаасом только укрепило Бонвилла и других солдат в нелюбви к прессе.

«Единственное, что говорили нам о вьетконговцах, что это гуки, чертовы коммуняки, которых нужно убивать, — вспоминал Рег Эдвардс. — Никто не рассказывал нам об их истории и культуре. Это был враг. И его нужно было убивать, убивать, убивать». В 19:00 23 сентября 1966 г. группа из девяти морпехов вышла на патрулирование из лагеря на высоте 2 к северо-западу от Чулай. Официально ее возглавлял сержант Рональд Вогель, но воинственный 20-летний ветеран боевых действий рядовой 1-го класса Джон Поттер объявил, что берет командование на себя: вместо патрулирования они отправляются в «рейд». Он приказал всем скрыть знаки различия на форме и не называть друг друга по именам. В близлежащей деревне они схватили крестьянина, обвинили того в пособничестве Вьетконгу и принялись его избивать. Четверо других морпехов вытащили из хижины его жену, отняли у нее трехлетнего ребенка, которого она прижимала к себе, и изнасиловали ее. В конце концов они застрелили ее мужа, ребенка, невестку и ребенка невестки. Поттер добил прикладом винтовки тяжелораненого ребенка и бросил среди тел гранату, чтобы те «выглядели как надо». Они несколько раз выстрелили в изнасилованную женщину и оставили ее умирать.

Но на этом история не закончилась. Когда о случившемся стало известно и командир роты приказал провести расследование «вражеского нападения», прибывший на место происшествия офицер сделал все, чтобы скрыть правду. К счастью, раненая женщина осталась жива — сельчане вовремя нашли ее и доставили в военный госпиталь. Она рассказала обо всем врачу, и тот немедленно доложил начальству. Поттер получил 12 лет лишения свободы за преднамеренное убийство и изнасилование. Офицер, ответственный за попытку сокрытия, был уволен из Корпуса морской пехоты, но после обжалования был восстановлен на службе. Из остальных членов патруля всего двое получили значительные тюремные сроки; остальные отделались легкими наказаниями.

Ред Эдвардс впоследствии с сожалением признал, что также был причастен к непреднамеренным поджогам деревень и убийствам. Как ни странно, самое тяжкое впечатление на него произвело убийство поросенка: «Ты думаешь, он просто упадет и умрет. Но нет. Он начинает носиться по двору с висящими из пуза потрохами и визжать как резаный. Это зрелище сводит с ума. Животным нужно стрелять только в голову. Они не понимают, что должны упасть и умереть». Однажды командир приказал Бобу Нельсону выстрелить из гранатомета М-79 в подземное убежище. Когда дым рассеялся, один из морпехов заглянул внутрь и крикнул: «Там только сука и двое детенышей, все мертвы». Позже Нельсон с глубокой грустью сказал: «Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Как бы я хотел стереть ее из моей памяти!» Эммануэль Холломан, чернокожий уроженец Балтимора, служил переводчиком и во время первой командировки во Вьетнам занимался распределением компенсаций среди гражданских лиц: \$10 или 1000 пиастров за разрушенный дом; \$40 или максимум \$60 за погибшего члена семьи. Холломан считал, что чернокожие американцы гораздо лучше ладят с местными жителями, чем белые, потому что те и другие чувствуют себя жертвами.

По словам Боба Нельсона, «иногда ситуация была серьезной, иногда нет, но вдруг снова становилась серьезной» — почти всегда неожиданно, как гром среди ясного неба. Однажды утром Майк Саттон вместе с другими советниками и подразделением ВСРВ шел через деревню в дельте Меконга, как вдруг из-за дерева высунулся вьетконговец в черной «пижаме» и выстрелил в шедшего сзади молодого техасца Дэйва Харгрейвза, близкого друга Саттона. Вьетнамские солдаты застрелили убийцу, прежде чем Саттон успел вскинуть винтовку. Но горечь и шок от утраты усугублялись тем, что в течение нескольких дней до этого и после они ни разу не сталкивались с врагом.

Ловушки и «Оранж»

Ненавистные мины-ловушки — то, что в ХХІ в. называют «самодельными взрывными устройствами», или СВУ, — казалось, были во Вьетнаме повсюду. Большинство из них изготавливались из американских же боеприпасов: 60-мм минометная мина отрывала ногу; 81-мм могла оторвать ногу, несколько пальцев руки или руку по локоть; взрывные устройства из артиллерийских снарядов и минометных мин 105-мм лишали обеих ног и зачастую руки; 155-мм разрывали жертву на куски ниже талии и почти наверняка убивали кого-нибудь еще в пределах 20 м. Мины-ловушки часто устанавливались не по одной, а

группами, так что те, кто бросался на помощь пострадавшему, включая санитаров, становились следующими жертвами. Среди «ворчунов» велись мрачные споры о том, какую конечность лучше потерять: большинство сходились во мнении, что предпочли бы лишиться одной-двух ног, но не выше колена. Одна рота морпехов за два месяца потеряла 57 ног из-за мин и других ловушек, что, как угрюмо заметил ротный, составляло почти по одной ноге в день.

Если посчастливилось вовремя заметить растяжку, лучше всего было бросить гранату, чтобы взорвать находящийся на ее конце заряд. С закопанными минами дела обстояли сложнее: даже если саперу удавалось безопасно докопаться до детонатора и взрывателя, нужно было аккуратно обжечь их щипцами на сантиметр ниже капсюля: малейшая небрежность была фатальной. Все ненавидели «прыгающих Бетти» с тремя усиками взрывателей. Однажды инженер-сапер Гарольд Брайан почти час пытался помочь пехотинцу из 1-го эскадрона 9-й кавалерийской дивизии, который наступил на такую мину, но успел вовремя замереть на месте. Усики взрывателей глубоко засели в толстом протекторе ботинка, и от малейшего движения мина могла сработать. В конце концов Брайан обвязал солдата вокруг талии веревкой, вытянул ее на безопасное расстояние в 20 м, после чего его команда дернула за веревку, рывком оттащив солдата на 5 м от места взрыва.

Этот счастливчик лишился только ботинка, но немногим так повезло, как ему. После каждого такого взрыва, изуродовавшего или убившего их товарищей, сослуживцы жаждали найти чертовых гуков — что нередко означало первых попавших под руку вьетнамцев — и отомстить. Однажды патруль морпехов, в котором шел Боб Нельсон, подорвался на mine. После того как они эвакуировали убитых и раненых и двинулись дальше, по словам Нельсона, «нас охватила агрессия... [поэтому] погибли невинные люди». Как объяснял генерал ВСРВ, «враг не сталкивается с вами лицом к лицу. Но он преследует вас каждую ночь, так что создается впечатление, будто все вокруг — враги. Каждый становится вашим врагом. На самом же деле это одни и те же пять-шесть вьетконговцев, которые приходят каждую ночь, устанавливают мины-сюрпризы, растяжки, роют ямы с кольями и другие ловушки... В конце концов у вас сдают нервы и вы говорите: “Я хочу с этим покончить!” Именно этого и добиваются ВК — чтобы вы разозлились и убили не тех людей».

Гарольд Хант, один из пятерых сыновей чернокожего рабочего, записался в армию в день вручения школьных аттестатов и впоследствии редко жалел об этом: «Почти все мои друзья детства так и прожили всю жизнь, не выезжая за пределы Детройта. Я же много где

побывал». Первый срок он отслужил во Вьетнаме бортовым стрелком вертолета, а в декабре 1965 г. вернулся как командир отделения 2-го батальона 27-го пехотного полка. «Дело было дрянь с первого же дня, — вспоминал он. — Нам пришлось с боями пробиваться к Кучи, сражаться за каждый метр земли, за который отвечала 25-я дивизия». Однажды утром в апреле 1966 г. Хант вел патруль через заросли высокой травы к лагерю Энн-Маргрет, когда внезапно по ним открыли шквальный огонь. Хант был легко ранен. Пехотинцы бросились на землю и начали отстреливаться, когда Хант вдруг обнаружил, что лежит на проволочной растяжке. У него на спине была рация, и он обменялся парой слов с находившимся неподалеку пулеметчиком Вилли Сомерсом. «Там должен быть снаряд или взрыватель, не видишь?» Сомерс действительно разглядел самодельную мину типа Claymore. Когда стрельба стихла, Хант осторожно перекатился, повернувшись спиной к концу растяжки, и освободил проволоку. Мина взорвалась, напиговав правую сторону его лица, туловища и ног шрапнелью — он остался в живых только благодаря рации, защитившей его спину. Следующие полгода он провел в госпитале, где ему залатали лицо и ноги и после длительного курса восстановительной физиотерапии признали ограничено годным к службе.

От Боба Нельсона удача отвернулась после того, как одним июньским утром недалеко от него взорвалась мина-ловушка, начиненная шрапнелью. Он получил множество ссадин и следующую неделю провел в полевом госпитале. После этого он участвовал в нескольких боевых столкновениях, как мелких, так и довольно крупных. Его война во Вьетнаме закончилась в октябрьский день, когда во время патрулирования они услышали за живой изгородью голоса и командир крикнул: «ВК!» Морпехи открыли в сторону голосов автоматный огонь, а в ответ полетели гранаты. Одна из них взорвалась рядом с Нельсоном, от чего сдетонировала дымовая шашка, висевшая спереди на разгрузочных ремнях. Задыхаясь от дыма, ослепленный, он схватился за раскаленную шашку, чтобы отбросить ее прочь, и его руку обожгла страшная боль. Вопя и ругаясь, он катался по рисовому полю, в то время как вокруг него шла яростная стрельба. Когда перестрелка наконец-то утихла и партизаны исчезли, он был эвакуирован в госпиталь, а затем отправлен домой.

Кто устанавливал все эти мины-ловушки? В то время как американцы бахвалились тем, как они «мочат Чарли», один из офицеров НФОЮВ прибыл в дельту, чтобы «лично руководить организацией зоны уничтожения американцев... С каждым днем операции проводились все с большим размахом, изобретательностью и энтузиазмом». Он настаивал на том, что ловушки очень часто были

делом рук местных жителей, а не партизан. «Никто не заставлял людей убивать американцев. И они стали это делать не просто так. Американцы своими действиями изменили отношение людей. Сначала они раздавали детям конфеты и печенье, дарили футболки, ремонтировали и оборудовали школы, проводили медицинские обследования и выдавали бесплатные лекарства. Но спустя какое-то время те же самые американцы начали обстреливать деревни, уничтожать посевы... обстреливать и убивать мирных жителей. Случалось, что автобусы, полные пассажиров, опрокидывались в каналы и протоки, потому что были вынуждены уступать дорогу американским грузовикам. Их солдаты регулярно угрожали слабым и невинным, избивали их. Вот почему крестьяне по собственной инициативе начали делать ловушки, закладывать мины. Народная война... развернулась сама собой». В этом объяснении есть определенная доля истины, однако же вьетконговцы всеми силами способствовали активизации этой «народной войны»; они организовывали сбор неразорвавшихся бомб и снарядов и создавали маленькие деревенские фабрики, на которых крестьяне превращали боеприпасы в самодельные взрывные устройства: любимыми контейнерами были консервные банки из-под сардин, которые наполнялись взрывчаткой и снабжались детонаторами.

Капитан пехоты Тед Фихтл сказал, что с приобретением боевого опыта научился ценить своих прошедших огонь и воду — или, скорее, рисовые поля и джунгли — младших командиров: «С неопытными лейтенантами выжить было проще, чем с неопытными сержантами». Он понял, как важно заставлять людей окапываться всегда и везде, где бы они ни остановились, и соблюдать дисциплину сна: «Первое время мы все были пропитаны духом мачо. Мы думали, что можем спать урывками и это никак не повлияет на нашу боеспособность. Но потом мы обнаружили, что это не так — мысли становятся путанными, резко ухудшается способность адекватно воспринимать и оценивать реальность».

Не менее важно было принимать все необходимые меры, чтобы держать врага под контролем в темное время суток. К сожалению, этим часто пренебрегали. Фихтл рассказывал: «Мне кажется, в американских солдатах сидит глубокий страх перед ночными операциями... Я сам был ему подвержен. Но, если вы не простираете свои глаза и уши за пределы периметра с помощью патрулей и форпостов, вы становитесь очень, очень уязвимым». Капитан Дэн Кэмпбелл, выпускник Вест-Пойнта, командовавший воздушно-десантной ротой, был согласен с Фихтлем. Он считал, что его подразделение не ведет достаточного ночного патрулирования, отчасти потому, что к ночи все жутко уставало. В то

же время Кэмпбелл был поражен храбростью некоторых своих людей, которые охотно и даже с энтузиазмом занимались поисками вьетконговцев в знаменитых своими ужасами подземных туннелях.

Разумеется, среди американцев были и такие, кто наслаждался войной. Лейтенант Джон Харрисон рассказывал, что в их воздушно-десантной роте служил сержант по имени Манфред Фелльман, который в 1945 г., еще подростком, воевал в рядах вермахта и был награжден Железным крестом за оборону Бреслау. Фелльман попытался было носить свою фашистскую награду во Вьетнаме, но ему запретили. «Представь, что будет чувствовать бывший узник Освенцима, если увидит это», — сказал ему ротный. Харрисон восхищался немцем, считая того прирожденным воином: «Фелльман был уникальным типом... но ему мешали проблемы с алкоголем». Пилот вертолета капитан Фрэнк Хикки вспоминал: «Нам нравилось воевать... Мы всегда побеждали... На мой взгляд, все наши операции были успешными. Обычно мы говорили: “Идем охотиться на Чарли!”».

Выходец из фермерской семьи в Арканзасе, Карлос Норман Хэткок был превосходным стрелком и утверждал, что убил 93 вьетконговца. Большую часть времени он был тихим и застенчивым человеком, хотя и склонным к вспышкам насилия; однажды его едва не уволили из армии, за то что он подрался с офицером и ушел в самоволку. В 1965 г. он выиграл кубок Уимблдона — самые престижные в США соревнования по стрельбе на 1000 ярдов (914,4 м), а в марте следующего года отправился во Вьетнам, где сначала служил в военной полиции, а затем стал снайпером в морской пехоте. «Вьетнам был именно тем, что мне нужно», — позже сказал он. В отличие от других, Хэткок никогда не рвался в увольнительные и отпуска. Когда закончился контракт, он понял, что не знает, чем заняться на гражданке. Он снова записался в армию и вернулся на войну. Однажды утром гусеничный плавающий бронетранспортер-амфибия, на котором он ехал, подорвался на mine. Хэткок получил ожоги более 43% тела и после длительного лечения в госпитале в Куантико обнаружил, что больше не может метко стрелять. Он переквалифицировался в инструктора по стрельбе, но начал злоупотреблять алкоголем и страдал приступами неконтролируемого гнева.

Когда новобранец Джонатан Полански — низкорослый доходяга весом 50 кг — прибыл на базу 101-й воздушно-десантной дивизии, он пришел в отчаяние: «Меня отвели к ротному — это был рослый могучий здоровяк с выгоревшими светлыми волосами и недельной щетиной. Потом пришел сержант взвода — огромный черный парень. Я с благоговением смотрел на их грязную одежду. Сам я был в новенькой зеленой форме, а мои ботинки отвратительно блестели. Со своей

обритой головой и каской, которая сползала мне на глаза, я был похож на 12-летнего пацана. Они смотрели на меня и гоготали. Внутри меня все оборвалось. Никогда раньше я не чувствовал себя таким испуганным, таким слабым и бесполезным. Никто не хотел брать к себе салагу. После бесконечного дня лазанья по заросшим джунглями горам Полански отправился к капитану и попросил перевести его в другое место: «Я не справлюсь». Но офицер усмехнулся и посоветовал ему не беспокоиться: «Привыкнешь». На следующий день его рота поднялась на еще более высокую гору: «В конце дня я чувствовал себя фантастически. На третий день пребывания в этой стране я понял, что справлюсь. И выживу. Не знаю, почему, но я был в этом уверен».

Среди всех ужасов войны особого внимания заслуживает человеческая добродетель. Ширли Перселл была медсестрой запаса, и в 1966 г. ее призвали на действительную службу. Ее брат, техасский реднек, убеждал ее отказаться, но она была полна решимости исполнить свой долг. Она страдала лишним весом и, чтобы удовлетворить армейским нормативам, села на строгую диету. Во Вьетнаме ее направили в госпиталь в Бьенхоа. Между сменами она помогала в больнице в местном приюте, где, помимо прочего, приучала вьетнамских монахинь в родильном отделении пользоваться хирургическими перчатками. Она глубоко привязалась к пятилетней девочке-сироте, которой дала прозвище Шалуныя. Именно из-за нее Перселл вернулась во Вьетнам на второй срок. Она искренне гордилась своей работой: «Я была далека от политики... но там были американские парни, которые нуждались в моей помощи».

Она имела в виду, например, молодого пехотинца, который подорвался на «прыгающей Бетти»: «Середина его тела — выше коленей и ниже ребер — была похожа на мясной фарш. Все внутренние органы были мелко изрублены, но его ноги, руки, верхняя часть груди и голова были совершенно нетронутыми. Он находился в ясном сознании. И смотрел на нас. Невозможно описать те чувства, которые испытывали все мы [сотрудники госпиталя], глядя на этого молодого парня, который лежал в приемном покое и умирал, потому что мы абсолютно ничего не могли сделать. Это была полная беспомощность и безнадежность. В глазах врачей я видела страдание и отчаяние, потому что, несмотря на все свои знания, свой опыт, они не могли дать ему шанс на жизнь». Другой солдат поступил в госпиталь с наполовину снесенной черепной коробкой: «Ему было лет 19, ранение было неоперабельным... Помню, как я пыталась перебинтовать ему голову так, чтобы мозги не касались носилок. Он посмотрел на меня и спросил: “Ну, и как это выглядит?” Я ответила: “Выглядит так себе, но ты не останешься один.” Это действительно было все, чем я могла ему помочь — быть рядом с ним,

когда он будет умирать». Ширли всю жизнь была трезвенницей, но в офицерском клубе в Чулай научилась пить «отвертку» — и кто бы мог ее за это упрекнуть? Позже она не могла заставить себя смотреть популярный телесериал «Чертова служба в госпитале МЭШ»: ее воспоминания были слишком болезненными, чтобы шутить на такие темы.

Два австралийских батальона были дислоцированы на самой юго-восточной оконечности Вьетнама, севернее Вунгтау. Обосновавшись на новом месте, они приступили к «поиску и уничтожению» врага, патрулируя своим относительно скудным личным составом обширные участки дикой местности. В первые недели враг был неуловим, но в середине августа 1966 г. их лагерь среди ночи подвергся сильному минометному обстрелу, в ходе которого было ранено 24 человека. Командир батальона решил прочесать район, чтобы найти позиции, с которых велся обстрел. 18 августа во второй половине дня под проливным дождем отряд из 100 австралийцев наткнулся на крупные силы вьетконговцев у заброшенной деревни Лонгтан и вступил с ними в ожесточенный бой. Артиллерия открыла по позициям противника интенсивный огонь, но у пехотинцев вскоре начали заканчиваться патроны. Несмотря на дождь и низкую облачность, два вертолета австралийских ВВС сумели доставить боеприпасы, и в тот момент, когда пехотинцы стали опасаться, что вьетконговцы пойдут в атаку, на поле боя появились бэтээры с .50-калиберными пулеметами и ротой подкрепления. Партизаны отступили, оставив после себя 245 убитых. Австралийцы потеряли убитыми 18 человек. На этот раз они взяли верх, но прекрасно сознавали, что находились на волоске от катастрофы. С таким небольшим контингентом было трудно противостоять сильному и опытному врагу на территории, которую тот считал своей. Тем не менее в последующие годы войны австралийцы и новозеландцы заработали себе репутацию мужественных и опытных бойцов.

Наряду с операциями по «поиску и уничтожению» американское командование наращивало интенсивность бомбовых ударов по дикой местности, где скрывались вьетконговцы. Операция «Пылевой след» по дефолиации маршрутов инфильтрации была начата еще в 1961 г. В июле 1965 г. дефолианты и гербициды были впервые распылены в центральных районах Южного Вьетнама; принесенные ветром химические облака осели на фруктовые сады возле Бьенахоа и Лайтхиеу, уничтожив урожай манго, сахарных яблок, джекфрутов и ананасов. Практически за день осыпались все фрукты, а на тысячах каучуковых деревьев почернели листья. Местные жители сначала недоумевали, что могло вызвать такую, как они считали, природную катастрофу. Когда всплыла правда, фермеров не очень-то утешили

заверения американцев в том, что последствия действия агента «Оранж» продлятся не больше года. Как заметил полковник ВСРВ, народный гнев и бедствия, вызванные распылением химикатов вокруг населенных пунктов, «затмевали все военные выгоды». Тем не менее он признал, что дефолианты были эффективным средством для нейтрализации путей сообщения противника в джунглях, особенно в мангровых болотах вдоль реки Сайгон.

Программа дефолиации достигла пика в 1968–1969 гг.; в общей сложности над Индокитаем было распылено почти 75 млн литров уничтожающих растительность химикатов, более половины которых содержали диоксин. До сих пор это остается одним из самых горячо обсуждаемых вопросов вьетнамской войны: решение американского руководства пойти на систематическое разрушение природной среды ради достижения тактических военных целей заслуживает самого резкого осуждения. От токсического действия агента «Оранж», безусловно, пострадала не только природа, но и люди, как вьетнамцы, так и некоторые американцы. Тем не менее следует с осторожностью относиться к радикальным заявлениям, которые делаются в ХХI в. Ханоем и некоторыми американскими организациями, о том, что сотни тысяч человек военного и послевоенного поколений стали жертвами агента «Оранж», ставшего причиной врожденных пороков, рака и других тяжелых заболеваний. Официальная история Ханоя приводит цифру в 2 млн пострадавших гражданских лиц. Но для того чтобы диоксин привел к серьезным проблемам со здоровьем, человек должен подвергаться воздействию значительных доз этого вещества на протяжении длительного времени — ситуация, которой не было во Вьетнаме. Один ветеран ВСРВ недавно написал о том, что он и его товарищи регулярно занимались обработкой местности дефолиантами из ручных распылителей без каких-либо негативных последствий. Он предположил, что вьетнамские фермеры, которые были печально известны своим безалаберным использованием инсектицидов, могли сами нанести вред своему здоровью.

В 1980-е гг. австралийский судья Филип Эватт потратил два года на то, чтобы изучить последствия влияния агента «Оранж» на своих соотечественников, служивших во Вьетнаме. В составленном им отчете объемом 9 томов и 2760 страниц этот химикат был признан «невиновным». Один из научных консультантов Королевской комиссии сказал с типично австралийской прямолинейностью: «Проблемы, которые беспокоили ветеранов после войны во Вьетнаме, не были вызваны агентом “Оранж”: они были связаны с опытом участия в страшной кровопролитной войне». Эватт пришел к заключению, что большинство проблем со здоровьем, с которыми сталкивались ветераны

в послевоенной жизни, были вызваны посттравматическим стрессом и злоупотреблением алкоголем и курением. Как историк, я не считаю себя обязанным выносить вердикт по агенту «Оранж», тем более при наличии такого количества противоречивых доказательств. Программа дефолиации, бесспорно, была отвратительным преступлением; однако это не означает, что следует принимать на веру все заявления о ее страшных последствиях для человеческого здоровья.

В 1966 г. едва ли не еженедельно происходили крупные столкновения с вьетконговцами наподобие того, что случилось одним сентябрьским утром в сотне километров к северу от Сайгона. В 09:00 подразделения 2-го батальона 18-го пехотного полка двигались на север по шоссе №13 от Локнинь к каучуковой плантации «Мишлен», где, согласно разведданным, находились большие силы Вьетконга. Американцы ехали на бэтэрах в сопровождении танков. Тед Фихтл, в то время 27-летний командир роты С, вспоминал: «Мы знали, что должны были послужить приманкой... Но мы были уверены, что спровоцируем их и прорвемся... Остальные подразделения нашего батальона, бригады и дивизии находились в боевой готовности, ожидая, когда все начнется, — и, видит Бог, это началось». Внезапно с обеих сторон дороги на них обрушился шквал огня: стрелковое оружие, минометы, безоткатные орудия. «Огонь был очень интенсивный и очень точный... Мы сразу потеряли много техники и много людей». Рота Фихтля залегла и начала отбиваться, поддерживаемая огнеметами и тяжелыми пулеметами, но натиск вьетконговцев оказался гораздо мощнее, чем ожидали командиры. Шел час за часом, а сражение не утихало; неповрежденная техника отошла из зоны огня.

Командир батальона лично добрался до Фихтля и приказал ему переместиться на другие позиции, чтобы поддержать роту А, которая находилась в отчаянном положении. Капитан попытался протестовать: «Я сказал, что уже потерял половину своих людей. Пусть отправят на выручку другое подразделение. Но полковник ответил: “Это неважно. Важно то, что рота А нуждается в подкреплении. Выполняйте”. Он [полковник] заставил нас подчиниться только силой своей власти». Бой продолжался еще пять часов на линии фронта протяженностью чуть больше 700 м; в некоторых местах вьетконговцы и американцы находились всего в двух десятков метров друг от друга. Заместитель Фихтля и один из его взводных погибли. По словам Фихтля, его бойцы воспряли духом, когда увидели, что остальная часть батальона десантировалась в пяти километрах в тылу врага: «Было здорово увидеть приближавшиеся вертушки... Мы сразу почувствовали, что теперь вьетконговцам пришлось рассредоточить внимание между тем, что происходило перед ними, и тем, что происходило у них за спиной».

Американцам пришлось эвакуировать убитых и раненых на грузовиках, потому что медицинские вертолеты — «даст-оффы», как их называли, — не могли приземлиться из-за интенсивного огня. Наконец, примерно в 14:00, противник покинул позиции и сражение завершилось. Собрав своих людей, Фихтл обнаружил, что в его роте осталось всего 66 боеспособных солдат — прошло несколько недель, прежде чем личный состав его роты был пополнен до штатной численности. Фихтл был неприятно поражен тем, что офицер из штаба дивизии, докладывая по рации о потерях врага, в три раза завысил реальные цифры. В общей сложности в 1966 г. произошло около сотни таких сражений. И хотя в большинстве из них вьетконговцы понесли серьезные потери, американцы редко могли записать на свой счет безоговорочную победу. В этом году стало очевидно: «Чарли» вовсе не собирались так легко сдаваться, как предполагал Уэстморленд и другие. Они были полны решимости оставаться на ринге и продолжать борьбу с самой могущественной нацией в мире.

Глава 13

Гниение и мятное масло

Коррупция

Коррупция в Южном Вьетнаме была повсеместной. Американские агентства по борьбе с наркотиками отчаялись обуздать торговлю героином, кокаином и марихуаной, в которую были по горло втянуты лидеры их клиентского режима. Ни в военной, ни в гражданской сфере не существовало и тени меритократии. Достойные офицеры могли десятилетиями ходить в лейтенантах, потому что у них не было денег и связей. На высшие командные посты назначались не самые компетентные, а самые лояльные режиму генералы. С приходом американцев взяточничество и воровство только возросли. Программа коммерческого импорта — экономическая помощь США — достигла пика в 1966 г., составив \$400 млн в год. Лишь малая часть этих денег была использована по назначению, например на закупку нескольких тысяч швейных машин для одежных фабрик. Большая часть осела в карманах чиновников и приближенных к режиму бизнесменов, импортировавших предметы роскоши, которыми были переполнены сайгонские магазины. Зыонг Ван Май писала: «Класс нуворишей в основном состоял из тех, кто воровал у американцев без зазрения совести». Пожилые люди сетовали на то, что если раньше в меритократической иерархии вьетнамского общества на первом месте стояли образованные люди, на втором крестьяне, на третьем

ремесленники, а на последнем торговцы, то теперь проститутки и торгаши ценятся больше честных тружеников. «Для нас “западная культура” означала бары, бордели, черные рынки и удивительные машины, большинство которых предназначались для разрушения», — вспоминала крестьянка Фунг Тхи Лели.

В послевоенном отчете Агентства США по международному развитию (Agency for International Development, USAID) констатировалось: «Коррупция... была ключевым фактором деградации морального состояния нации, что в конечном итоге привело к ее поражению». Южновьетнамский генерал так отозвался о перетасовках в кабинете министров и военном командовании, предпринятых Тхьеу: «Эти новые назначения несколько не улучшили эффективности руководства и не способствовали укреплению государства. Они были сделаны в том же старом духе подковерных интриг и были основаны не на талантах, опыте или заслугах, а на личной лояльности и родственных связях». Генерал Вьен описывал типичный случай: как только один полковой командир, хороший боевой офицер, был назначен главой провинции Биньдинь, он принялся продавать государственные должности и другие привилегии, а на имя жены открыл игорное заведение.

Официальный обменный курс южновьетнамского пиастра был искусственно завышен, поэтому лицензии на импорт приносили жирные прибыли. Незаконные валютные операции обогащали тысячи ловких дельцов, в большинстве своем этнических китайцев, имевших доступ к долларам или военным платежным сертификатам США. На черном рынке можно было купить все — от цемента и холодильников до автомобилей, оружия и боеприпасов; сети фарцовщиков процветали. Все это — типичные побочные болезни любых конфликтов, но затяжной характер южновьетнамской войны фактически привел к их институционализации. По словам премьер-министра Нгуен Као Ки, пытавшегося представить себя лидером в крестовом походе против коррупции, офицер полиции, «крышевавший» Шолон, заплативший за свой пост \$130 000, окупил эту инвестицию за два года и начал получать прибыль. Процент от этой прибыли получал и военный губернатор, который задействовал своих солдат для охраны местных игорных заведений и притонов.

По словам генерального судьи-адвоката армии США, размах операций на черном рынке и валютных махинаций «[превосходил] возможности правоохранительных структур». Типичной была история трех дезертиров-морпехов: сбегав из своей части в Дананге, они подделали приказы о своем переводе в Сайгон. По прибытии в столицу они присоединились к группе из 47 других дезертиров, занимавшихся

мошенничеством с денежными переводами. Они вели в Сайгоне роскошную жизнь, перечисляли часть преступных доходов домой и подкупали военную полицию, чтобы та закрывала глаза на их деятельность. В конце концов группа была раскрыта, ее участники получили тюремные сроки, но это была лишь крохотная часть армии гангстеров в военной форме. Наиболее удручающим фактом всей этой преступной активности было даже не то, что вьетнамское правительство было не в состоянии ее сдержать, а то, до какой степени к ней были причастны представители американского правительства. Сотрудник одной компании-подрядчика Корнелиус Хокридж был настолько возмущен происходящим в Сайгоне, что начал отслеживать незаконные действия и официально сообщать о них американским властям, которые игнорировали все его ходатайства. Его одиночный крестовый поход был описан в документальной книге «Очень частная война» (A Very Private War), которая была опубликована в 1971 г. и привлекла к себе гораздо меньше внимания, чем следовало бы. Гражданские подрядчики, включая некоторые из крупнейших корпораций США, были глубоко вовлечены в преступную деятельность. Следователи сообщали, что на валютном черном рынке доминировал синдикат из Мадраса: по оценкам подкомитета сената, годовой оборот на нем достигал \$250 млн.

Сенатор Карл Мундт из Южной Дакоты справедливо заметил, что вся эта деятельность была возможна только при соучастии американских банков, таких как Irving Trust и Manufacturers Hanover, которые непосредственно помогали корпорациям в отмывании прибылей. Фрэнк Фурчи, сын мафиози из Флориды, несколько месяцев прослужил рядовым Армии США во Вьетнаме, после чего уволился со службы, вернулся в Сайгон вместе с другом и занялся организацией мошеннических схем в партнерстве с младшими командирами; свои доходы все они переводили на счет в International Credit Bank of Geneva. Еще одним важным нелегальным каналом для вывода прибылей из Вьетнама был гонконгский филиал финансовой группы Deak & Co., созданной в 1939 г. венгерским иммигрантом Николасом Диком. В годы Второй мировой войны Дик служил в УСС, и после войны американские корпорации и ЦРУ нередко пользовались услугами его финансовой компании для подкупа иностранных правительств. В 1964 г. журнал Time назвал его «Джеймсом Бондом финансового мира». Преступники, переводившие деньги через компанию Дика, знали, что надежно защищены от внимания правоохранительных органов. Только в 1976 г. журналисты The Washington Post раскопали, что Deak & Co., в частности, проводила крупные нелегальные транзакции для резидентуры ЦРУ в Сайгоне, удваивая покупательную способность ее бюджета.

При всем том осуждении, которого заслуживает поведение власть имущих вьетнамцев, они бы не могли обворовывать свой народ с таким размахом без активного или пассивного соучастия тысяч американцев, в том числе довольно высокопоставленных. В 1972 г. сержант-майор Уильям Вулридж, самый старший чин среди младшего командного состава в армии США, был осужден за организацию массовой мошеннической схемы с военными клубами и магазинами военной торговли, в которой участвовали десятки сержантов службы снабжения. По словам Хэла Мейнхейта, молодого сотрудника агентства Поддержки гражданских операций и революционного развития, его регулярно просили подписать сомнительные накладные по закупке материальных средств. Проведенное им небольшое расследование показало, что все они были поддельными, и, что возмутило его больше всего, эти деньги шли в карман его коллеги: «Я знал, что среди вьетнамцев процветает воровство, но никак не ожидал, что подобными делами будет заниматься хорошо оплачиваемый американский советник».

Рыба гниет с головы

Коррупция была не просто побочным эффектом войны. Подобно бацилле чумы, она инфицировала и подрывала все усилия США в Южном Вьетнаме. Общество, в котором процветал порок и не вознаграждалась добродетель, было обречено еще прежде, чем враг открыл огонь. Стоит ли удивляться, что вьетконговские главы провинций, одетые в черные хлопчатобумажные «пижамы» и сандалии, вырезанные из старых шин, пользовались несоизмеримо бóльшим авторитетом и поддержкой среди народа, чем их назначенные Сайгоном коллеги, которые ездили на «Мерседесах» и увещивали своих жен драгоценностями? Американцы только пожимали плечами, ссылаясь на то, что во всех азиатских странах правительства ведут себя подобным образом. Но не во всех странах правительства вели схватку не на жизнь, а на смерть с коммунистическими повстанцами.

Нгуен Као Ки, премьер-министр Южного Вьетнама в 1965–1966 гг., вспоминал: «Все, чего ни коснешься, стоило денег! Назначение на должность поближе к дому или, наоборот, подальше от соперника в любовных делах. Лицензия на импорт товаров или на ведение бизнеса. Разрешение на открытие или закрытие фабрики. Подряд на строительство. Теплое местечко для родственника. Освобождение от призыва или от службы в боевой части. Мягкий приговор для осужденного преступника». Ки собственноручно сделал себя маргиналом в глазах журналистского корпуса в Сайгоне и мировой общественности, неоднократно признаваясь в своем преклонении перед

правителем Третьего рейха. В 1966 г. в интервью немецкому корреспонденту он заявил: «Я восхищаюсь Гитлером. В начале 1930-х гг. он сплотил вашу страну, когда та находилась в ужасающем состоянии. Сегодня ситуация во Вьетнаме настолько отчаянная, что нам требуется четыре-пять гитлеров». Ханойское Политбюро демонстрировало зеркальное благоговение перед Сталиным и Мао Цзэдуном, двумя другими кровавыми диктаторами и массовыми убийцами XX в., но в 1960-е гг. те не вызывали такого непримиримого неприятия среди западных либералов, как Гитлер.

Не добавило популярности премьер-министру и дело 35-летнего китайско-вьетнамского торговца по имени Та Винь, который стал первой жертвой антикоррупционной кампании Ки. Винь был признан виновным в хищениях, накоплении товаров, спекуляции и попытке подкупа и приговорен к смертной казни. Показательная экзекуция состоялась на рассвете 14 марта 1966 г. на Центральном рынке Сайгона в присутствии толпы народа, на глазах рыдающей жены Виня и семерых из восьми его детей. Расстрельная команда из десяти парашютистов неумело выполнила свою работу, и офицеру пришлось добивать осужденного бизнесмена из пистолета. Никто не сомневался в его вине, но чудовищная несправедливость была очевидна: Винь поплатился жизнью за то, чем безнаказанно занимались и продолжали заниматься тысячи других состоятельных вьетнамцев. Вьетконговцы убивали людей куда более варварскими способами, но им хватало ума не делать этого перед объективами телекамер. Неуклюжая жестокость Ки еще больше подорвала его и без того невысокую репутацию внутри страны и за ее пределами.

В феврале президент Джонсон встретился с Ки и Тхиеу в Гонолулу и жестко предупредил их о необходимости взяться за решение вопросов, вызывавших народное недовольство. Например, это касалось судьбы примерно 2 млн южновьетнамцев, ставших вынужденными переселенцами. Джонсон сказал своим подопечным, что вопрос с беженцами, «как говорят в моей стране, такой же горячий, как пистолет. Не в ваших интересах, чтобы я поднял белый флаг и ушел, поэтому мы должны как-то его решить». Он добавил, что, если бы они почитали The New York Times и стенограммы последних слушаний в сенатском Комитете по международным отношениям, они бы поняли, под каким давлением находится Белый дом: администрации нужны доказательства того, что ситуация в Южном Вьетнаме улучшается. Недавно Макс Тейлор заявил комитету под председательством Фулбрайта, что цель США — достичь достаточного превосходства на поле боя, чтобы заставить врага согласиться с существованием независимого некоммунистического Вьетнама. Дин Раск сказал: «Твердость —

абсолютно необходимое условие для достижения мира». Но самые громкие аплодисменты сорвал великий Джордж Кеннан, который заявил комитету: «Мы заслужили бы гораздо больше уважения в глазах всего мира, если бы мужественно и решительно ликвидировали несостоятельные позиции».

Мало кто из вьетнамцев, и уж точно не Ки, хорошо понимал, как устроена Америка. Премьер-министр почти не читал американскую прессу и позже писал: «Если американцы, которые приезжали в мою страну миллионами, так и не поняли Вьетнам, как мог мой народ понять Америку?.. Я не понимал могущества американских СМИ в формировании общественного мнения и не понимал могущества этого мнения... Я считал, что Америка — это президент Джонсон и его послы и что, когда мы говорили с конгрессменами, министрами и генералами, мы говорили со всей страной. Оказалось, что это было далеко не так». Он сожалел, что не уделял больше внимания тому, чтобы завоевать поддержку американской общественности, хотя, учитывая его личность и характер его правительства, трудно представить, что он сумел бы это сделать.

Изоляция и недальновидность сайгонских генералов спровоцировали новый кризис. Пока американцы вкладывали беспрецедентные ресурсы, чтобы спасти страну от коммунистической угрозы, их вьетнамские клиенты развернули сражения на совсем другом поле боя. Посидев в Гонолулу за столом переговоров напротив президента США, Ки решил, что теперь он вправе стать самым сильным генералом на шахматной доске. Первым разыгранным им гамбитом стало увольнение командующего 1-м корпусом генерала Нгуен Чань Тхи, который правил северными провинциями почти что как личной вотчиной со столицей в Хюэ.

Древняя столица на берегу Ароматной реки оставалась последним крупным городом, где сохранился традиционный вьетнамский дух: несуетливая и безмятежная, она была почти нетронута американизацией. Женщины Хюэ слыли лучшими поварами в стране. У ворот Нгомон и вокруг заросших лотосами прудов сидели студенты с книгами в руках. На стенах цитадели виднелись загадочные граффити на французском: «Liberté, qu'est-ce que c'est? Amour?» — «Что такое свобода? Любовь?» В старом колониальном клубе посетителей встречал полупустой бассейн и толстый слой пыли на пианино и стопках старых номеров Le Monde и France Soir. В городе процветали и даже доминировали буддисты. Генерал Тхи убедил бонз в том, что у него с ними общие интересы. 12 марта начались первые уличные демонстрации против увольнения генерала, которые вскоре охватили студентов, распространились на Дананг и Сайгон и переросли в

забастовки рабочих. В листовке, выпущенной Буддистской группой борьбы, провозглашалось: «Мы угнетены двумя силами — коммунистами и американцами. Мы должны вернуть себе право на самоопределение!»

Несмотря на все претензии Ки на власть, он был всего лишь одним из нескольких десятков южновьетнамских военачальников.

Столкнувшись с волнениями в северных провинциях, он запаниковал. Посол Лодж в отчаянии писал президенту Джонсону: «Большая часть того, что говорит Ки, запаздывает на неделю. Кроме того, всякий раз, когда вьетнамец говорит что-то умное и правильное, возникает вопрос: а может ли он что-то сделать?» Но премьер-министру удалось убедить американцев, что буддисты продвигают интересы коммунистов и что северные провинции близки к тому, чтобы отделиться. Незадолго до этого начальник штаба 2-го корпуса ВСПВ уже жаловался КОВПВ, что «буддистские капелланы ведут систематическую подрывную работу в армии, убеждая солдат сложить оружие, потому что эта война ведется на благо США». Лодж обеспечил Ки самолетами, чтобы перебросить в Дананг два батальона вьетнамских морских пехотинцев, что только усилило антиамериканские настроения. Затем Ки пошел на попятную и пообещал в течение трех–пяти месяцев провести выборы, после которых он уйдет в отставку.

Эти заверения ненадолго успокоили буддистов, что придало премьер-министру смелости: не уведомив об этом ни Тхиеу, ни американцев, он приказал отправить в Дананг еще тысячу морпехов и отказался от своих слов об отставке. Ки встретился с 13 буддистскими лидерами и, не стесняясь в выражениях, предупредил их, что они ошибаются, если думают, что он позволит свергнуть себя так же легко, как Зьем: «Прежде чем вы до меня доберетесь, я с удовольствием пристрелю каждого из вас — лично». Демонстрации возобновились с новой силой, отвлекая внимание американцев от войны с коммунистами и грозя перерасти в еще одну гражданскую войну.

Это заставило администрацию США в очередной раз задуматься, не пришло ли время сменить лидера своего клиентского государства, — американцы не сомневались в своем праве решать, кто должен править Южным Вьетнамом. 14 мая у Аверелла Гарримана состоялся следующий разговор с Макнамарой: «Я спросил, почему бы нам не потребовать у их Совета [вооруженных сил] назначить премьер-министром кого-нибудь другого». Макнамара ответил, что это лучше отложить до сентября, когда у них состоятся выборы в Учредительное собрание. Тем же утром отправленные Ки войска высадились в Дананге и приступили к подавлению беспорядков, за день столкновений убив 14 демонстрантов. После этого Ки командировал в северные провинции

своего безжалостного начальника полиции полковника Нгуен Нгок Лоана, который уничтожил сотни сторонников Тхи — некоторых вытаскивали из буддийских храмов и расстреливали прямо на улице — и восстановил правительственный контроль над этой частью страны. В знак протеста восемь монахов и монахинь подвергли себя публичному самосожжению, на этот раз более изысканному: их компаньоны плескали в огонь масло перечной мяты, чтобы заглушить тошнотворный запах жареной человеческой плоти.

Вскоре Лоан разделался с остатками бунтовщиков, бросив в тюрьмы несколько сотен особо непримиримых. Жестокое подавление буддистского мятежа вызвало резко негативный отклик на международной арене. Джеймс Рестон писал в *The New York Times*, что Южный Вьетнам превратился в «запутанный клубок соперничающих индивидов, группировок, религий и сект, в котором доминирует клика военных правителей... Армия без государства правит народом, который страдает от войн, эксплуатируется и угнетается на протяжении поколений». Премьер-министр Ки поставил во главе 1-го корпуса генерала Хоанг Суан Лама, печального известного своей некомпетентностью. Несмотря на многочисленные поражения на поле боя, Лам много лет оставался на посту командующего 2-й дивизией, потому что обладал главным достоинством — лояльностью режиму. Из Вашингтона Эрл Уилер предупредил Уэстморленда, что хаос в Сайгоне только усиливает антивоенную лихорадку: «Нельзя ожидать, что американский народ будет бесконечно терпеть продолжение этой отвратительной во всех отношениях ситуации... Я уже чувствую первые порывы зарождающейся бури». Правительство США «безвозвратно утратило поддержку части наших граждан... Многие из них уже никогда не поверят в то, что эти усилия и жертвы [во Вьетнаме] того стоят». Теперь Объединенный комитет начальников штабов оценивал необходимое присутствие во Вьетнаме в полмиллиона военнослужащих; Уэстморленд запрашивал 700 000.

Июнь 1966 г. был провозглашен Вьетконгом «месяцем ненависти к Америке». В ответ американское посольство в Сайгоне устроило вечер вьетнамской народной музыки, на который был приглашен популярный певец и композитор Фам Зюи, когда-то воевавший в рядах Вьетминя, но порвавший с коммунистами из-за развернутых ими культурных чисток и репрессий. Американцы во главе с Генри Кэботом Лоджем и Эдом Лансдейлом спели «Песню Вайфенпруфов» и «Песню о раненом солдате», после чего Фам Зюи, одетый в традиционную крестьянскую черную «пижаму», исполнил свой хит 1965 г. «Дождь на листьях», прочитал тоновую поэму «Мать-Вьетнам» и спел три старые песни времен Вьетминя «Партизанский марш», «Зима для бойца» и «Несем

рис для солдат». Он сказал, что ему очень нравится песня американских борцов за гражданские права негров «Мы все преодолеем». Некоторое время спустя Фам Зюи, чье творчество оставалось под запретом в коммунистическом Вьетнаме вплоть до 2000 г., с огорчением узнал, что антивоенное движение в США сделало его любимую балладу своим гимном.

В сентябре состоялись выборы в Учредительное собрание, на которые были допущены только кандидаты, лично одобренные премьер-министром Ки. Главным сюрпризом стало то, что после них Нгуен Ван Тхиеу начал сосредоточивать в своих руках все больше власти. Поговаривали, что немалую роль в этом сыграла его амбициозная жена, которая всячески подстегивала своего мужа, молчаливого и сурового воина, и помогала ему в строительстве политической карьеры, как это происходило во многих вьетнамских семьях. Когда в следующем году — в соответствии с новой конституцией Республики Вьетнам, написанной по большому счету в Вашингтоне, — были проведены президентские выборы, Ки согласился занять кресло вице-президента, будучи уверенным в том, что в обмен на эту уступку Тхиеу оставит ему реальную власть. Но вместо этого его политический соперник ограничил полномочия Ки и правил до последних дней Южного Вьетнама. Кандидат от оппозиции, ничем не примечательный адвокат, за которого проголосовало значительное меньшинство, не желавшее видеть у власти генералов, был отправлен в тюрьму.

На все более настойчивый вопрос конгрессменов, почему США поддерживают сайгонское правительство, мало чем отличающееся от военной хунты, ЦРУ отвечало, что в этой стране попросту больше никого нет: «Это самые образованные, самые дисциплинированные и самые компетентные представители элиты». В обществе, которое на протяжении последних 20 с лишним лет, начиная с 1945 г., только и делало, что воевало, вряд ли можно было бы ожидать чего-то другого. Сначала с Ки, а теперь с Тхиеу у власти Южный Вьетнам никак не подходил под определение демократического государства. Один южновьетнамский генерал годы спустя писал об имманентном несоответствии между американцами и их сайгонскими клиентами: «Американцы — активны, нетерпеливы и рациональны. Вьетнамцы — неспешны, терпеливы и сентиментальны». По его словам, демократия была для вьетнамцев абсолютно неизвестным и непривычным новшеством, и правительство Южного Вьетнама, вынужденное идти на непростые компромиссы, такие как сохранение значительных гражданских свобод, включая свободу слова, получило худшее из всех миров: сайгонский режим был достаточно репрессивным, чтобы

подорвать свой статус в глазах международного сообщества, но при этом слишком либеральным, чтобы эффективно контролировать собственное население.

В октябре 1966 г. Линдон Джонсон стал первым действующим президентом США, нанесшим краткосрочный визит во Вьетнам, где он призвал войска в заливе Камрань «прибить к стене шкуру енота». Роберт Комер заявил: «Мы начинаем выигрывать войну». Перспективы выглядели обнадеживающими. Роберт Макнамара, который за закрытыми дверями перестал скрывать свои сомнения и страхи, на публике продолжал выказывать непоколебимый оптимизм. После политических потрясений 1966–1967 гг. в Сайгоне, Хюэ, Дананге и других городах режим Тхьеу и Ки наконец-то достиг стабильности, которая сохранялась вплоть до 1975 г., хотя и вкупе с унижительным статусом иностранных марионеток, презираемых всеми вьетнамцами независимо от их политических взглядов. На местных выборах 1967 г., которые даже с большой натяжкой нельзя было назвать честными и открытыми, лишь небольшой процент сельских жителей был допущен до голосования.

Лишившись самостоятельной политики, южновьетнамское государство лишилось и остатков национальной гордости. Его лидеры так и не сумели дать своим соотечественникам, тысячи и тысячи которых продолжали умирать за свою страну, самый благословенный дар — чувство собственного достоинства. В конце 1967 г. Тхьеу перебрался в президентский дворец. Его бесила привычка Ки сажать свой вертолет на крышу резиденции прямо над спальней Тхьеу в самые неурочные часы. Но он предпочел сохранить с бравым пилотом хрупкий мир, предоставив урегулирование «вертолетной проблемы» своей жене. Как заметил Нил Шиэн, «Тхьеу знал, как вести игру. Хотя он был беспринципным негодяем, ему хватало ума не вставать поперек дороги американцам. А те были готовы терпеть у власти кого угодно, лишь бы это не угрожало их интересам».

Общаясь в качестве интервьюера RAND с пленными вьетконговцами, Зыонг Ван Май, убежденная антикоммунистка, тем не менее начала размышлять о том, почему сайгонский режим демонстрировал удручающую неспособность мотивировать своих граждан так же эффективно, как это делали коммунисты, создавая непоколебимую веру в «правоту своего дела». «Постепенно я осознала, — писала она, — что причина нашего поражения — в нас самих: мы не смогли создать систему, идеологию и политическое лидерство, которые были бы способны затронуть эти струны, воодушевить и сплотить людей». Соединенные Штаты пытались привлечь вьетнамцев

материальными благами — «дать щедрую пищу для их тел, но ничего не могли предложить для их душ».

Гуру войны

С нарастанием войны рос и спектр предложений, как в ней победить, большинство из которых отличались той или иной степенью фантазийности. Например, среди вариантов психологической войны в мае 1966 г. была предложена операция под названием «Дробовик», которая предполагала проведение серии обманных рейдов морского десанта на побережье Северного Вьетнама с целью убедить Ханой в неминуемом американском вторжении. Эрл Уилер категорически воспротивился: если угроза будет сочтена реальной, это даст врагу «отличный пропагандистский материал», чтобы воздействовать на мировое мнение. С другой стороны, если все будут ожидать вторжения, а оно так и не состоится, США будут выглядеть жалко. Полеты фантазии генерала Уэстморленда включали программу принудительной урбанизации — переселения крестьян в городские районы и предместья, чтобы насильственно изолировать их от Вьетконга. Эта идея очень нравилась и главному «умиротворителю» Бобу Комеру.

Министр обороны поддержал предложение гарвардского профессора Роджера Фишера, также одобренное группой «Ясон» (JASON) при Институте оборонного анализа, которое состояло в том, чтобы перекрыть инфильтрацию через ДМЗ и тропу Хо Ши Мина с помощью высокотехнологичного барьера из электронных и взрывчатых средств. Для создания такого барьера, позже прозванного линией Макнамары, предполагалось сбросить с воздуха 240 млн мин Graval, 300 млн бомб малого калибра с датчиками, разработанных Piccatinny Arsenal, которые закладывались в 120 000 кассетных бомб Sadeye, а также 19 200 акустических датчиков, задействовав для этого более 100 самолетов. Стоимость плана оценивалась в \$800 млн в год, и он был частично реализован: тропа Хо Ши Мина была усеяна огромным количеством датчиков, и, как только поступал сигнал о движении, авиация наносила бомбовый удар. Однако строительство «барьера» вдоль всей границы было заброшено: даже КОВПВ осознавало смехотворность этой затеи. Со временем проект стал рассматриваться как наглядное воплощение того безумия, которое довлело над всеми военными усилиями США во Вьетнаме.

Немало экстравагантного теоретизирования касалось воздушных бомбардировок, которые велись на территории Южного Вьетнама, Лаоса и позже Камбоджи с интенсивностью, беспрецедентной в военной истории. Полковник Ан устало писал: «Если вдруг где-то на

деревьях пожухли листья, или помутнела вода в ручье, или появилась тропинка там, где ее не было на аэрофотоснимке, сделанном день назад, они посылали туда самолеты и забрасывали это место бомбами». Непосредственные участники и сторонние наблюдатели возмущались этой практикой беспорядочных бомбардировок, под которые часто попадали мирные жители. 1 июля 1966 г. ВВС США разбомбили дружественную деревню, убив семерых и ранив 51 человека. 9 августа F-100 нанесли удар по поселению в дельте Меконга, убив 63 и ранив 83 мирных жителя. И такие «промашки» случались едва ли не ежедневно. Советник сержант Майк Саттон с грустью констатировал: «Мы убили ужасающе много людей, не имевших к войне никакого отношения». Дэвид Эллиотт был с ним согласен: «Жестокость Вьетконга носила индивидуальный характер; у Соединенных Штатов уничтожение было политикой». Репортер Нил Шиэн спросил Уэстморленда, обеспокоен ли он тем, что удары американской авиации приводят к жертвам среди гражданского населения. Генерал ответил: «Да, Нил, это проблема, но ведь это лишает врага базы поддержки, не так ли?»

Немаловажную и откровенно зловещую роль в эволюции этой политики сыграл аналитик из RAND Corporation по имени Леон Гурэ, который утверждал, что, во-первых, бомбардировки дают результат и, во-вторых, — о, какой бальзам на душу американского командования и руководства! — мирное население не винит в своих страданиях американцев. В августе 1964 г. Гурэ приехал во Вьетнам и месяц спустя сообщил командованию ВВС США, что исследование «Мотивации и мораль Вьетконга», проведенное его коллегами из RAND, носит необоснованно пораженческий характер. Он пообещал авиаторам выработать более оптимистичный взгляд на тот положительный вклад, которые могут внести воздушные бомбардировки в военные усилия.

Гурэ родился в Москве в 1922 г. в семье революционеров-меньшевиков, которая спустя год была вынуждена бежать от большевистских репрессий в Берлин. Когда к власти в Германии пришли нацисты, семья Гурэ переехала в Париж, а в 1940 г. в последний момент успела сесть на пароход до Америки. Леон воевал в Европе в рядах Армии США, после войны получил степень доктора политических наук и был приглашен аналитиком в RAND Corporation. Он питал непримиримую ненависть к коммунистам и был убежденным сторонником холодной войны. В декабре 1964 г. он возглавил новое расширенное исследование «Мотивации и мораль Вьетконга» на щедрый грант в \$100 000, выделенный ВВС США, и, в отличие от большинства своих коллег, с энтузиазмом отправился в Сайгон. То, что последовало далее, стало классическим примером искажения научного

метода ради достижения нужных целей и обеспечило «экспертное» обоснование для убийства многих тысяч вьетнамцев.

Гурэ каталогизировал захваченное у противника оружие — автоматы из Чехословакии, артиллерийские боеприпасы из СССР, РПГ из Румынии, огнеметы из ГДР — и сделал вывод: Вьетконг является частью глобального коммунистического фронта. Он разместился в просторном особняке на улице Пастера, 176 и принялся активно продвигать свою теорию, встречаясь со всеми более или менее важными американскими визитерами, прибывавшими в Сайгон, и напрочь отвергая любые возражения со стороны своих коллег. На протяжении двух лет он с рвением проповедника ратовал за снятие ограничений на использование авиации: поскольку его «исследование» показало, что противник боится самолетов больше любого другого оружия, логично задействовать авиацию по максимуму. Дополнительный бонус состоял в том, что интенсивные бомбардировки могли вынудить жителей недружественных деревень покинуть контролируемые Вьетконгом зоны и переселиться в районы, подконтрольные правительству и американцам, где «есть возможность наладить эффективный отсев и надзор». Логика Гурэ, откровенно бесчеловечная и даже граничившая с безумием, вызывала резкое неприятие у многих его коллег. Однако руководство RAND решило, что популярность их человека в Вашингтоне играет на руку корпорации.

Во время одного из приездов в Сайгон Гурэ столкнулся в аэропорту «Таншонньят» с Сьюзен Моррелл, чей муж, лейтенант Дэвид Моррелл, участвовал в первоначальном исследовании RAND. Она спросила у аналитика, чего тот хочет добиться. «Все просто, — сказал он, похлопав ладонью по портфелю. — Когда ВВС оплачивают счета, ответом всегда должно быть: “Нужно бомбить”». Движимый болезненным тщеславием, Гурэ рассматривал Вьетнам только как театр военных действий, на сцене которого разыгрывался один из актов холодной войны. В марте 1965 г. он выпустил первый промежуточный отчет, в котором утверждалось, что военная мощь США уже творит чудеса и увеличение этой мощи сотворит еще больше чудес. В частности, он делал этот вывод на основании того, что год назад 65% перебежчиков считали, что коммунисты побеждают, тогда как после нескольких месяцев применения США авиационной и артиллерийской огневой мощи доля оптимистов во вражеском стане упала до 20%.

В докладе также утверждалось, что негативного влияния в связи с этим на настроения гражданского населения не выявлено, что качество вражеских войск ухудшается, дезертирство растет. Гурэ рекомендовал интенсифицировать усилия по уничтожению посевов, чтобы лишить врага продовольствия. Журналисты, такие как Нил Шиэн, не

воспринимали Гурэ всерьез, считая его очередным Орфеем холодной войны, напевавшим вашингтонским ястребам приятные для их ушей серенады. Но среди поклонников этого «певца» из RAND было немало принимающих решения лиц: в Пентагоне и Белом доме его приветствовали бурными аплодисментами. Уолт Ростоу считал его гением. После одного блестящего брифинга, проведенного Гурэ в военном министерстве, Макнамара поинтересовался размером его исследовательского бюджета. Узнав, что тот составляет всего \$100 000, министр обороны спросил: «Что же тогда вы сможете сделать с миллионом?» Гораздо больше, уверенно ответил Гурэ. «Вы его получите», — пообещал Макнамара.

После этого триумфа Гурэ не слезал с подиумов, купаясь в лучах обрушившейся на него славы. Когда один из коллег выразил несогласие с его методологией и выводами, Гурэ отмахнулся: «Вчера я говорил с Бобом Макнамарой... я сказал ему, что бомбардировки В-52 станут еще эффективнее... если мы немного улучшим их точность, чтобы не бомбить так много деревень... Тогда мы сможем разрушить их логистику и лишить их поддержки населения». На протяжении всего 1966 г. Гурэ сохранял статус влиятельного эксперта. Его команда подготовила в общей сложности 35 000 страниц расшифрованных и переведенных интервью с пленными и перебежчиками, хотя в конце концов даже Уэстморленд начал ставить под сомнение основанные на них оптимистичные выводы. Проведя экспертную оценку выводов Гурэ, его коллега Конрад Келлен, еще один еврейский эмигрант, работавший на RAND, пришел к заключению, что они были в корне ошибочными, основанными на преднамеренно искаженных данных, что объяснялось менталитетом холодной войны.

Конечно, нельзя возлагать на Леона Гурэ прямую ответственность за чудовищную стратегию применения воздушной мощи США во Вьетнаме, однако он обеспечил столь необходимый фиговый листок интеллектуальной респектабельности администрации Джонсона и Пентагону. Он был наглядным воплощением ущербного мышления части экспертного сообщества RAND — о котором с тревогой говорил Майкл Говард, — изолированного от «реалий, случайностей, непредвиденных обстоятельств и всех тех важных вещей, которые имеют значение для понимания войны». Авторитетный историк ВВС США писал, что даже командующий 7-й воздушной армией генерал-лейтенант Уильям Момайер в конце концов был «удручен массивным тоннажем бомб, сбрасываемых В-52 на джунгли Южного Вьетнама... без признаков нанесения врагу значительного физического урона, хотя и с небольшим психологическим эффектом». Когда Гарри Роуэн в 1967 г. стал президентом RAND, он убрал Гурэ с должности ведущего

аналитика, заявив, что деятельность этого человека «наносит вред стране» и корпорации. Апологет бомбардировок сначала был сослан в Дананг с заданием изучить пути инфильтрации противника, а затем уволен.

Трудно не обратить внимание на разительный контраст между тем энтузиазмом, с которым администрация США и Пентагон приветствовали выводы Гурэ, и прохладной реакцией на выводы других аналитиков из Санта-Моники, бросавших тень сомнений на применяемые во Вьетнаме стратегии и тактики. Например, исследование, утверждавшее, что химическое уничтожение посевов почти не причиняет вреда врагу, но обрекает крестьян на голод и лишения, было полностью проигнорировано. Когда его автор прибыл в штаб КОВПВ, чтобы проинформировать о своих выводах высших офицеров, его отправили домой, так и не выслушав. Брюс Григгс, научный советник Уэстморленда, презрительно сказал: «Все это чепуха», и в Вашингтоне с ним согласились.

К 31 декабря 1966 г. во Вьетнаме находилось 385 000 американских военнослужащих, и Роберт Макнамара объявил, что США не собираются на этом останавливаться. В статье под заголовком «Как США могут победить», опубликованной в US News and World Report, отставной генерал Джон Уотерс, выражая взгляды многих своих коллег, настоятельно призывал к нанесению массированных наземных ударов по Лаосу и Камбодже. «Мы должны дать понять — четко, убедительно и в достойной манере, — что не потерпим никакого вмешательства со стороны Китая, Лаоса или Камбоджи... Соединенным Штатам следует выбрать более трудный, но правильный путь, нежели идти на компромиссы... отчего будет зависеть будущий исход войны.... В конечном итоге это позволит нам сохранить людей, деньги и усилия... и поможет США выполнить свою миссию с честью и достоинством и завоевать уважение всего свободного мира».

Кто знает, возможно, отставной генерал был прав. Но расходы на войну уже достигли астрономических сумм: при заложенных в бюджете \$2 млрд в 1966 г. на войну было потрачено более \$15 млрд, а в следующем году \$17 млрд — около 3% ВВП США. В «Обращении к нации о положении в стране» в январе 1967 г. Джонсон объявил о повышении подоходного налога и корпоративного налога на прибыль на 6% для финансирования войны во Вьетнаме. В частном порядке президент выражал растущую обеспокоенность тем, что Китай может направить в Южный Вьетнам своих «добровольцев», около 1 млн которых воевали в Корее. Он был шокирован публичным заявлением невероятно популярного сенатора Роберта Кеннеди, назвавшего эту войну заведомо обреченной на поражение. После этого страдавший

болезненной подозрительностью Джонсон решил, что Кеннеди, близкий друг Макнамары, переманил его министра обороны в свой лагерь.

После 28 месяцев пребывания во Вьетнаме генерал Уильям Уэстморленд заявил в интервью журналу Life: «Мы собираемся перепартизанить партизан. Мы овладеем партизанскими тактиками ведения войны лучше них самих, потому что мы умнее, у нас выше мобильность и огневая мощь, у нас больше стойкости и силы духа... и более благородные цели». Он сказал, что сейчас США ведут войну на истощение, в которой в 1966 г. погибло более 6000 американцев, и он все больше убеждается в необходимости предпринять все необходимые шаги, чтобы перерезать тропу Хо Ши Мина.

В Ханое премьер-министр Фам Ван Донг вежливо поинтересовался у Харрисона Солсбери из The New York Times: «Как долго вы, американцы, собираетесь воевать?.. Год? Два? Три? Пять лет? Десять? Или двадцать? Мы будем рады помочь вам с этим».

Глава 14

Раскаты грома

Каменный век, ракетный век

Начальник штаба ВВС США Кертис Лемей так и не сумел претворить в жизнь свой рецепт решения вьетнамской проблемы, четко сформулированный им в 1965 г.: «Мой рецепт таков: честно сказать им [правительству ДРВ], что либо они спрячут свои рога и прекратят агрессию, либо мы вбомбим их обратно в каменный век»¹. Глубоко в южновьетнамских джунглях Дагу Рэмзи очень хотелось встретиться с генералом и сказать ему, что «трудно вбомбить в каменный век страну, которая из него еще не вышла»². Линдон Джонсон возлагал надежды на то, что массированные воздушные удары по Северу позволят США вырваться из замкнутого круга, когда Вашингтон, казалось, только и делал что плясал под дудку врага. 30 июня 1965 г. Макджордж Банди писал в служебной записке президенту: «Мы должны послать Ханую гораздо более решительное предупреждение... Если генерал Эйзенхауэр прав в своем убеждении в том, что именно вероятность ядерного удара привела к соглашению о перемирии в Корее, мы должны, по крайней мере, рассмотреть доступные нам реалистичные возможности [во Вьетнаме]». Фред Вейанд, один из самых умных американских генералов, впоследствии возглавивший КОВПВ, поддержал кампанию бомбардировок Северного Вьетнама под кодовым названием «Раскаты грома II»: «Если мы хотели подчинить их нашей воле, это было единственным способом достичь цели»³.

В прошлом веке военно-воздушные силы приобрели непреодолимую и зачастую иллюзорную притягательность для многих правительств, которые пытались добиваться своих целей с помощью военной мощи. Отправить самолеты, чтобы те сбросили бомбы с ясного голубого неба, куда менее хлопотно, уродливо и политически накладно, чем посылать солдат месить грязь, в прямом и переносном смысле этого слова, в мангровых болотах или пустынях. Большинство пилотов надежно защищены от каких бы то ни было нравственных страданий за происходящее на земле, перенимая типичную мораль тех убийц, которые уничтожают людей, не глядя им в глаза.

Между тем скептики, немного знакомые с историей, знают об ограниченной эффективности бомбардировок. Бомбардировки неизменно ужасают очевидцев. Они могут быть действенными против движущихся войск и транспортных средств, а также против незащищенных объектов. Но их применение против хорошо окопавшихся войск, сложных промышленных целей и линий коммуникаций часто не дает результата. Так, в 1950–1953 гг. ВВС США приложили все силы, чтобы разорвать маршруты снабжения между Китаем и Северной Кореей, однако успешность операции «Удушье» была, мягко говоря, ограниченной. В 1965 г. бароны бомбардировочной авиации уверяли: «Военные технологии ушли далеко вперед. Теперь мы можем сбрасывать бомбы с точностью до сантиметра». Тогда Линдон Джонсон поручил ВВС и ВМС США подвергнуть северовьетнамцев чувствительной, но умеренной порке. Кампания с грозным названием «Раскаты грома» предполагала применение американской воздушной мощи в ограниченных и, следовательно, гуманных рамках без намерения сокрушить действующий режим.

Такая политика раздражала некоторых авиаторов, особенно Лемея, который выступал за масштабные разрушения, и в частности за закрытие порта Хайфона. В их глазах такое проявление мягкости было не просто пагубно — это было «не по-американски»: они напоминали о массированных бомбардировках союзниками Германии и Японии в 1944–1945 гг., которые позволили поставить врага на колени. Тем не менее, мечта грома и молнии по поводу политических ограничений на бомбардировки, никто из командования ВВС и ВМС в 1965–1968 гг. не сомневался в том, что даже в этом случае те дадут результат. В их представлении Северный Вьетнам был столь хрупкой бамбуково-тростниковой конструкцией, что даже относительно небольшого количества сброшенных с воздуха боеприпасов будет достаточно, чтобы сокрушить ее, лишив страну воли и средств к существованию. Лишь намного позже, когда устойчивость коммунистического общества стала очевидна, они принялись возлагать всю вину за неудачу на своих

политических хозяев. Они так и не смогли осознать того фундаментального факта, что в этой произвольно развязанной войне США могли заручиться пусть молчаливым, но согласием собственных граждан и союзников, не говоря уже об СССР и Китае, только при соблюдении некоторого приемлемого пропорционального соотношения между применяемой силой, жертвами среди гражданского населения и поставленной на кон целью.

В феврале 1965 г. Белый дом санкционировал кампанию бомбардировок не столько ради достижения конкретных военных целей, сколько для того, чтобы продемонстрировать решительность США. Позже Уильям Банди прокомментировал это так: «Политика делается и декларируется через действия. Именно этого и хотел президент»⁴. 8 марта Максвелл Тейлор отправил Джонсону из Сайгона телеграмму с настоятельной рекомендацией усилить бомбардировки: «К сожалению, на сегодняшний день вместо раскатов грома они [северовьетнамцы] слышали только несколько отдельных хлопков». Один пилот язвительно заметил: «Складывалось впечатление, будто мы пытались узнать, сколько тонн бомб можно сбросить на страну, не слишком мешая ей жить»⁵. Глава ЦРУ Джон Маккоун предупредил, что сдержанность США будет истолкована Ханоем как слабость. После того как кампания началась, интенсивность бомбардировок и перечень целей только росли, так что к 1968 г. на Северный Вьетнам было сброшено 643 000 тонн боеприпасов.

Однако за тот же период на Южный Вьетнам было обрушено 2,2 млн тонн боеприпасов: гибель мирного населения на дружественном Юге беспокоила руководство США куда меньше, чем на вражеском Севере. «Адское желе», как называли напалм, которым щедро поливали предположительно подконтрольные Вьетконгу территории на Юге, никогда не применялось над территорией ДРВ. Также отсутствовала ясность по поводу того, какие именно цели разрешены для бомбардировок, — эта тема вызывала все более раздраженные споры. В мае 1965 г. командир бомбардировочного авиакрыла выразил недоумение: «Что такое военная колонна? Сколько транспортных средств в ней должно быть? На какую дистанцию по дороге она должна растянуться? Означает ли это, что одиночное транспортное средство не является разрешенной целью?.. Как далеко от указанного шоссе нам разрешено отклоняться, если к нему примыкают проходимые для грузовиков вспомогательные дороги?»⁶

На раннем этапе кампании цели для воздушных ударов выбирались лично Линдоном Джонсоном. Обычно это происходило по вторникам за совместным ланчем с Макнамарой и Раском в Белом доме. Пока все ели, министр обороны набрасывал на бумаге совсем не гастрономическое

меню. Президент одобрял одни цели и отклонял другие, исходя главным образом из их предполагаемой политической чувствительности и расстояния до Ханоя: в 1965–1966 гг. он не хотел неприятностей. Он распорядился ввести 50-километровую буферную зону вдоль границы с Китаем и вокруг крупных городов, в пределах которых бомбардировка была запрещена и каждая цель требовала отдельного согласования. Генерал-лейтенант Брюс Палмер утверждал, что «Джонсон продолжал заниматься выбором целей на протяжении большей части своего президентства»⁷. В интимной обстановке за обеденным столом эта ключевая тройка могла разговаривать между собой совершенно откровенно, — до конца 1967 г. на этих встречах не присутствовали военные — но, поскольку решения никак не фиксировались, впоследствии нередко возникали разногласия по поводу того, о чем именно они договорились. В первые дни четыре пятах всех санкционированных целей составляли мосты, но массивный мост имени Поля Думера в Ханое Джонсон два года вычеркивал из списка. Самым надежным способом попасть бомбами в узкий мостовой пролет было серийное бомбометание по диагонали, но такая тактика была признана слишком опасной для гражданского населения, поэтому бомбы сбрасывались по линии перпендикулярно мосту, что приводило к высокой доле промахов.

От пилотов,двигающихся со скоростью почти 1000 км/час на высоте около километра, требовали отличать гражданские грузовики от военных и бомбить только последние. Ханойский велосипедный завод (велосипеды по-прежнему оставались важнейшим компонентом транспортной системы Северного Вьетнама) оставался нетронутым почти до конца войны. Чтобы успокоить наиболее щепетильных, в 1967–1968 гг. Госдепартамент иногда выпускал директивы по конкретной бомбовой нагрузке. Один из сотрудников госдепа, наблюдая за тем, как его босс спешит на очередную встречу в Белый дом, язвительно заметил: «Если бы вы подошли к нему и сказали, что знаете верный способ, как победить Вьетконг и уйти из Вьетнама, он бы раздраженно сказал, что ему некогда: им нужно срочно обсудить цели для бомбардировки на следующей неделе»⁸.

Основными рабочими лошадками «Раскатов грома» были истребители-бомбардировщики, а не Stratofortress B-52, которые в этой кампании сделали всего 141 боевой вылет в районы непосредственно к северу от ДМЗ. Как и большинство самолетов палубной авиации ВМС, 600 истребителей F-4 Phantom и примерно столько же истребителей-бомбардировщиков F-105 Thunderchief ВВС США не были экипированы для всепогодных полетов. Таким образом, с конца весны, когда начинался сезон муссонных дождей и небо над Северным Вьетнамом

большую часть времени было покрыто низкой облачностью, половина обозначенных для бомбардировок целей была недостижима. Более того, эффективность северовьетнамских ПВО росла на глазах. В 1965 г. американцы потеряли над Севером 171 самолет; в следующем году — 280; в 1967 г. — 326. СССР поставил ДРВ большое количество зенитных орудий, истребители МиГ, а также наземные радиолокационные станции обнаружения. Буквально в течение месяца после отстранения от власти Хрущева — уже в ноябре 1964 г. — его преемник Леонид Брежнев санкционировал отправку ракет и пусковых установок С-75 (SAM-2 по классификации НАТО); два года спустя в ДРВ уже насчитывалось 200 ЗРК. Полковник Джек Бротон, заместитель командира 355-го тактического истребительного авиакрыла, назвал территорию ДРВ «адским пеклом с эпицентром в Ханое». Наконец, хотя точность бомбометания соответствовала существовавшим стандартам, использовавшиеся в то время обычные «свободнопадающие бомбы», в отличие от появившихся впоследствии боеприпасов с точным наведением, были довольно примитивным оружием.

Между мартом 1965 г. и июлем следующего года Вашингтон внес изменения в «Правила применения военной силы», чтобы позволить авиации США атаковать расширяющийся спектр целей над территорией Северного Вьетнама, хотя крупные города по-прежнему оставались неприкосновенными. Также было запрещено бомбить строящиеся позиции ЗРК: командир эскадрильи F-4 с авианосца Midway неоднократно пролетал над таким объектом, пока в конце концов тот не был введен в строй и его не сбили ракетой. Только после потери первого Phantom 24 июля 1965 г. Джонсон неохотно санкционировал удары по нескольким объектам: три дня спустя 54 Thunderchief атаковали два предполагаемых зенитно-ракетных кластера. Поскольку в соответствии с предвоенной тактической доктриной главную угрозу для самолетов представляли ракеты, а не зенитные орудия и истребители, Thunderchief приблизились к цели на высоте 150 м, ниже зоны поражения ракет, — и попали под шквальный зенитный огонь. Позиции ЗРК оказались хорошо защищенными приманками: северовьетнамские зенитчики устроили засаду на холмистой гряде вдоль Красной реки и сбили четыре Thunderchief. Впоследствии эта цепь возвышенностей получила название «Хребет Тадов»[\[35\]](#), поскольку там нашли свою гибель немало американских самолетов. На обратном пути группа потеряла еще два Thunderchief, которые столкнулись в воздухе, и таким образом установила печальный рекорд по количеству потерянных самолетов за рейд. После этого американцы начали совершенствовать тактику: например, впереди ударной группы пускались «Дикие ласки»[\[36\]](#), вооруженные противорадиолокационными ракетами Shrike,

которые наводились по лучу радара и несли боеголовки с добавлением фосфора, чтобы следующие за «ласками» ударные самолеты могли нацеливаться по дыму.

От трети до половины всех позиций ЗРК находились в «запретной зоне» для бомбардировок из-за их близости к густонаселенным городским районам. Северовьетнамцы знали об этом и даже разместили несколько ЗРК на футбольном стадионе в центре Ханоя. Нередко запущенные ими ракеты и осколки падали на городские кварталы, приводя к разрушениям и жертвам среди мирного населения, в которых, конечно же, винили американцев. Корабли в гавани Хайфона, в том числе советские и китайские, безнаказанно открывали огонь по пролетающим американским самолетам. Хотя Хайфонский маяк был запрещенной целью, пилоты иногда обстреливали его, чтобы выплеснуть свою злость.

На протяжении всех «Раскатов грома» выбор целей для бомбардировок сопровождался острым и деструктивным соперничеством между Объединенным комитетом начальников штабов, командованием в Тихоокеанском регионе, ВМС и 7-й воздушной армией. Авторитетный военный историк Марк Клодфелтер писал: «Отсутствие единого авиационного командования порождало хаос»⁹. Командующий 7-й воздушной армией генерал-лейтенант Уильям Момайер в Сайгоне составил список из примерно 4000 возможных целей; Разведывательное управление министерства обороны — конкурирующий список из 5000 целей; главком по Тихоокеанскому региону, в ведении которого находились базировавшиеся в Гонолулу стратегические В-52, подготовил свой список. Момайер призывал разрушить дамбы на Красной реке, чтобы смыть рисовые поля в дельте, но Белый дом и слышать не хотел об атаках, которые могли спровоцировать массовый голод.

Первый этап воздушной войны дорого обошелся американцам: в марте 1965 г. ВМС потеряли от 15 до 30 самолетов на каждую тысячу вылетов, тогда как к осени 1966 г. эта цифра сократилась до семи и позже — до четырех самолетов. 58% боевых потерь ВМС были вызваны наземным огнем по сравнению с 73% у ВВС США и 64% у морской пехоты — в общей сложности северовьетнамские зенитчики записали на свой счет 1600 из 2300 американских самолетов, сбитых во время войны. Предвоенные теоретики были правы, утверждая, что ПВО не могли отслеживать низколетящие самолеты, однако они недооценили опасность огневого заграждения, когда секторы неба вокруг целей насыщались плотным зенитным огнем.

Во второй половине 1965 г. бомбардировки усилились: в августе было совершено 2879 боевых вылетов, в сентябре уже 3553. К концу

года Объединенному комитету начальников штабов хватило мужества признать, что эти усилия мало отражаются на военном потенциале противника. Комитет рекомендовал сосредоточить удары на нефтяных объектах, хотя, по оценкам Разведывательного управления министерства обороны, для поддержания основной жизнедеятельности Северному Вьетнаму требовалось всего 32 000 тонн нефти в год при накопленных запасах в 179 000 тонн. Энтузиасты нефтяных целей также упустили из виду, что железнодорожные составы в ДРВ по-прежнему ездили на угле и дровах.

Авиация получила добро на атаку нефтяных объектов благодаря новому советнику президента по национальной безопасности Уолту Ростоу, который в апреле 1966 г. сменил выдохшегося и павшего духом Макджорджа Банди. Ростоу хвалил Джонсона за твердость и сравнивал его с Линкольном, заявляя: «Если Эл-Би-Джей [Линдон Бэйнс Джонсон] сумеет сохранить ту же динамику военных усилий, уже через несколько месяцев он выберется из этого»¹⁰. 29 июня авиация ВМС нанесла удар по хранилищу горюче-смазочных материалов в Хайфоне. По словам пилота, выполнявшего контрольную воздушную разведку, «это выглядело так, будто мы разбомбили все мировые запасы нефти»¹¹. Но к тому моменту вьетнамцы уже распределили основные запасы ГСМ по бочкам и подземным резервуарам. Позже тем же летом Вашингтон разрешил стратегическим В-52 нанести удары по военным целям в ДМЗ и в пределах 15 км вглубь территории ДРВ. Stratofortress, каждый из которых нес бомбовую нагрузку в десять раз больше штурмовика, превратили район в испещренный кратерами лунный ландшафт. Но ни это, ни продолжающиеся бомбардировки тропы Хо Ши Мина на территории Лаоса никак не повлияли на переброску грузов и инфильтрацию войск с Севера на Юг. Поскольку неблагоприятные метеоусловия в конце 1966 г. ограничивали вылеты палубной авиации, для бомбардировки целей в дельте Красной реки было предложено использовать стратегические В-52, но из-за риска значительных жертв среди гражданского населения этот вариант был отвергнут Белым домом. Между 2 и 5 декабря истребители-бомбардировщики атаковали железнодорожные объекты, грузовые депо и склады ГСМ недалеко от Ханоя.

К концу года, по данным Разведывательного управления минобороны, было уничтожено 4600 грузовых автомобилей и столько же повреждено, потоплено 4700 и повреждено 8700 судов снабжения, разбомблено 800 железнодорожных вагонов и 16 локомотивов. Самолеты-разведчики 7-й воздушной армии сделали столько аэрофотоснимков целей, что не хватало дешифровальщиков, чтобы их изучить и сделать выводы. В апреле 1967 г., когда начались атаки на

энергосистему, разведка подсчитала, сколько электростанций было разрушено, но не дала никакой достоверной оценки того, сколько еще осталось, — главного, что имело значение.

Почти все в высшем военном руководстве выступали за бомбардировки и минирование порта Хайфона, через который поступал основной поток военного импорта в ДРВ. Но президент вздрагивал от мысли о военной конфронтации с Москвой, если пострадают советские грузовые суда. Были надежно защищены и правительственные коммуникации в Ханое, поскольку ключевые коммутационные узлы располагались недалеко от советского посольства. В декабре 1966 г. президент передал через поляков в МКК абсурдное предложение: США введут свободную от бомбардировок зону в пределах 16 км вокруг Ханоя, если Вьетконг оставит в покое такую же зону вокруг Сайгона. Политбюро даже не стало отвечать на это предложение, и США ввели 16-километровый запрет на удары по целям вокруг столицы коммунистов в одностороннем порядке.

Одним из главных парадоксов на этом пире абсурда стало то, что «Раскаты грома» нанесли несравнимо больше ущерба администрации Джонсона, чем правительству Ле Зуана. С одной стороны, международное сообщество и часть американской общественности считали неприемлемым сам факт бомбардировок, какими бы умеренными те ни были. С другой стороны, ястребы в конгрессе обвиняли Джонсона в мягкости и требовали нанести добивающий удар по врагу. Когда он объявил рождественский перерыв в бомбардировках с 24 декабря 1965 г. по 31 января 1966 г., вместо ожидаемых аплодисментов за проявленный гуманизм он столкнулся с привычным гробовым молчанием Ханоя, презрением собственных авиаторов и холодной реакцией остального мира. Постепенная эскалация воздушных атак вкупе с их ограниченным характером дали северовьетнамцам возможность пройти кривую обучения под мелкой моросью бомбовых ударов, а не под мощнейшим, смывающим все грозным ливнем, о котором мечтали ВВС и ВМС США.

К 1967 г. на вооружении у ДРВ стояло 25 зенитно-ракетных батальонов с шестью ЗРК каждый, около 1000 зенитных орудий и 125 истребителей МиГ. В отсталой стране с неразвитым промышленным производством война породила локальные очаги сложнейшей высокотехнологичной деятельности: противовоздушной обороны. Американские потери росли по мере того, как расширялись бомбардировки целей вокруг Хайфона и Ханоя — «Даунтауна», как называли столицу ДРВ американские пилоты. До конца 1966 г. воздушные операции в Юго-Восточной Азии обходились США в среднем менее чем в один самолет на тысячу вылетов. Но над Северным

Вьетнамом этот показатель вырос почти в 25 раз. Самолеты стали вести бомбометание с больших высот, часто с 2 км и выше вместо 1200 м. Это позволяло сократить потери от зенитного огня, но за счет снижения точности. Начали применяться кассетные бомбы для поражения живой силы, в том числе наполненные боевыми элементами замедленного действия, чтобы заставить оружейные и пусковые расчеты прятаться в укрытие.

Хотя северовьетнамские МиГи сбили относительно мало американских самолетов, они доставляли много хлопот: чтобы ускользнуть от погони, бомбардировщики нередко были вынуждены сбрасывать всю бомбовую нагрузку куда попало и даже бросали подвесные контейнеры с секретной аппаратурой РЭП. В конце концов на Филиппинах было созвано совещание по проблеме МиГов, где генерал Момайер встретился с полковником Робинсом Олдсом, лихим командиром тактического истребительного авиакрыла F-4. Эти двое летчиков-асов времен Второй мировой войны разработали хитроумный план под кодовым названием «Боло», который был претворен в жизнь 2 января 1967 г. Как правило, северовьетнамские МиГи избегали стычек с F-4 Phantom, предпочитая безопасную охоту на неповоротливые Thunderchief. Олдс предложил замаскировать Phantom под Thunderchief, подвесив на них контейнеры с аппаратурой РЭП, и под видом ударной группы, выдерживая характерную скорость и высоту, направиться к авиабазе в Фукойене. Днем 2 января, несмотря на густую облачность, больше 40 Phantom, возглавляемых лично Олдсом, поднялись в воздух. План сработал: прибывшие на перехват МиГи были встречены Phantom, которые за 15 минут воздушного боя, используя ракеты Sparrow и Sidewinder сбили пять самолетов противника без потерь со своей стороны, первым «воздушную цель» поразил сам Олдс. Несколько дней спустя американцы применили похожую уловку: два F-4 вошли в воздушное пространство ДРВ так близко друг к другу, что наземный радар идентифицировал их как один самолет; когда МиГи вступили с ними в бой, два из них были сбиты.

В сезон дождей, когда самолетам приходилось летать над сплошной облачностью, бомбометание велось с помощью радаров, отчего страдала точность: боеприпасы падали в среднем почти в километровом радиусе от целей — ненамного лучше, чем во время Второй мировой войны. В марте был разбомблен металлургический комбинат в Тхайнгуене, для чего пришлось совершить почти 300 боевых вылетов. Той же весной авиация ВМС совершила почти 100 вылетов против электростанций в Хайфоне, которые в конце мая были вынуждены остановить выработку электроэнергии.

Когда позволяли погодные условия, ВВС США выполняли до 200 боевых вылетов в день: две волны утром, две после обеда. Хотя противник больше не попадался на хитрые уловки наподобие операции «Боло», американцы утверждали, что к маю 1967 г. уничтожили в воздушных боях 23 МиГа — половину имевшихся у ДРВ истребителей, потеряв всего три своих самолета. 19 мая авиация ВМС впервые применила управляемые бомбы Walleye с телевизионной системой наведения против электростанций в Ханое: президента убедили в том, что эти боеприпасы достаточно точны, чтобы нанести минимальный ущерб гражданскому населению. Это оказалось действительно так, но у северовьетнамцев имелось достаточно генераторов, чтобы обеспечить электроэнергией все жизненно важные системы. К июлю на узкую полосу территории между ДМЗ и 20-й параллелью было произведено 8000 бомбардировочных вылетов в месяц, что позволило полностью остановить железнодорожное сообщение в этом районе. Но на севере коммунисты делали все, чтобы поддерживать ключевые железнодорожные артерии между Ханоем и Китаем в рабочем состоянии.

В начале 1967 г. близкое окружение президента, включая Уолта Ростоу, Дина Раска, а также Кларка Клиффорда и Эйба Фортаса, по-прежнему было решительно настроено продолжать войну. В мае Аверелл Гарриман проговорился советскому послу, что самым ярким ястребом в Белом доме был Ростоу¹². Другие же члены администрации, даже те, кто продолжал непоколебимо верить в необходимость войны на Юге, начали сомневаться, что эффективность бомбардировок Севера в военном плане оправдывает их огромные политические издержки. Макнамара не скрывал своего скептицизма, как и большинство членов влиятельной дискуссионной группы, которая собиралась по четвергам вечером в канцелярии заместителя госсекретаря Николаса Катценбаха. В группу также входили Сайрус Вэнс и Уильям Банди; время от времени к ним присоединялся Раск, новый глава ЦРУ Ричард Хелмс и сам министр обороны. Они называли себя «Нет комитета», потому что никто не знал об их существовании. Что касается бомбардировок, то они считали необходимым сосредоточить их на маршрутах коммуникации между ДРВ и Южным Вьетнамом.

Поведение Белого дома многих в мире приводило в недоумение. С одной стороны, администрация США регулярно выдвигала мирные предложения: через ООН, через британского премьер-министра Гарольда Уилсона, который в феврале 1967 г. впустую потратил время на заигрывания с Москвой, через французских интеллектуалов — почитателей Хо Ши Мина и через гарвардского профессора Генри Киссинджера. Джонсон публично разглагольствовал о необходимости

вступления в переговоры с Ханоем и время от времени собственноручно протягивал с трибуны «оливковую ветвь». Однако излюбленный гамбит Джонсона — сопровождать такие предложения усиленной волной бомбардировок — свидетельствовал лишь об одном: прежде чем сесть за стол переговоров, администрация США была настроена добиться решающего военного преимущества. Поскольку Ханой хотел того же самого, ни одна из «мирных инициатив» 1967 г. не имела шансов на успех.

Американские военные вели борьбу и на внутреннем фронте, стараясь противостоять пораженческим настроениям, охватившим за закрытыми дверями некоторых политиков, включая самого министра обороны. Они устали осторожничать: раз уж они влезли в эту войну, в ней нужно было побеждать — побеждать любой ценой.

Непосредственно на ТВД особое негодование у пилотов вызывали ограничения на атаки северовьетнамских объектов ПВО. Полковник Джек Бротон, уроженец Нью-Йорка и выпускник Вест-Пойнта 1945 г., был опытным боевым летчиком, которому довелось летать почти на всех типах военных самолетов. Он участвовал в Корейской войне как летчик-истребитель, получил много наград, включая Крест Военно-воздушных сил, и выполнил 102 бомбардировочных вылета на F-105 над Северным Вьетнамом. К лету 1967 г. Бротон был в ярости от той сдержанной воздушной войны, которую их заставляли вести. «Я жаждал настоящей драки», — позже написал он в своих мемуарах¹³.

Его желание исполнилось 2 июня, когда Бротон был исполняющим обязанности командира авиакрыла. По возвращении из рейда один из его пилотов сообщил, что, возможно, непреднамеренно обстрелял советское судно в гавани Хайфона. На следующий день Москва заявила официальный протест в связи с атакой на свое торговое судно «Туркестан» и гибелью одного моряка. Главком в Тихоокеанском регионе адмирал Шарп поначалу заверил Вашингтон, что выдвинутое русскими обвинение было совершенно необоснованным. Командование ВВС распорядилось провести расследование, но Бротон лично уничтожил пленку фотопулемета, чтобы спасти своих пилотов. Военный суд признал его виновным во вмешательстве в следствие и оштрафовал на \$40. Хотя позже министр ВВС отменил приговор суда, этот эпизод положил конец карьере воинственного ньюйоркца. До конца своих дней он негодовал из-за несправедливости произошедшего: прирожденный воин, он был бы бесценен, если бы ему пришлось защищать от врагов свою страну, но ему было не под силу смириться с требованиями ограниченной войны. Между тем 29 июня 1967 г. истребители ВМС обстреляли еще одно советское судно, что вынудило

администрацию США ввести еще более жесткие «Правила применения военной силы» в зоне Хайфона.

Часть военной верхушки, в том числе адмирал Шарп и генерал Уилер, продолжала настаивать на усилении воздушной войны. Сенатор Ричард Рассел, традиционный сторонник Линдона Джонсона, также считал, что США должны либо начать воевать всерьез и побеждать, либо уйти из Вьетнама. В конце августа 1967 г. сенатский подкомитет под руководством Стенниса опубликовал отчет, в котором призвал «принять риски, которые должны быть приняты, и применить силу, которая должна быть применена, чтобы достичь поставленных целей» посредством эскалации воздушной войны. Слушания подкомитета Стенниса наглядно показали всю глубину разногласий между министром обороны, президентом и Объединенным комитетом начальников штабов. Как и полтора года назад, Макнамара в частном порядке сказал журналистам, что «никакое количество бомбардировок не поможет положить конец войне». В конце 1967 г. его приближенные были озадачены, почему Макнамара упрямо не подает в отставку из-за принципиального несогласия с политикой администрации, а вместо этого ждет приказа об увольнении сверху, который и поступил в ноябре того же года: Джонсон одобрил назначение Макнамары на пост президента Всемирного банка, не сочтя нужным проконсультироваться с самим кандидатом.

Между тем ястребы воздушной войны во главе с Ростоу убедили президента утвердить новый список целей в Северном Вьетнаме. Утром 11 августа 1967 г. бомбардировщики впервые нанесли удары по мосту Думера в Ханое. Интенсивным налетам подверглись железнодорожные объекты в Йенвьене, но эти рейды дорого обошлись американцам: северовьетнамские зенитчики и МиГи сбили пять F-4 Phantom. МиГи впервые применили новую тактику: атаку большой группой сзади. В летной школе пилотов учат всегда «смотреть на шесть часов» — отслеживать появление врага со спины — но они так привыкли к тому, что МиГи появляются спереди, что были застигнуты врасплох неожиданной тактикой противника. Робин Олдс, возглавлявший истребительную группу F-4, позже с горечью писал: «Я услышал в наушниках их крики. Когда я обернулся, все, что я увидел, было два пылающих факела»¹⁴.

Осенью 1967 г. была предпринята так называемая мирная инициатива Киссинджера — попытка начать диалог между Вашингтоном и Ханоем при посредничестве французов и непосредственном участии гарвардского профессора, выступающего как частное лицо, за которым стояли влиятельные представители американского руководства. В середине октября, когда стало ясно, что

эта попытка провалилась, Джонсон санкционировал первые прямые удары по аэродрому Фукиен, где базировались северовьетнамские МиГи. Но это не положило конец американским потерям. В ходе рейда 17 ноября на объект ПВО в предместьях Ханоя ракетой был сбит Thunderchief майора Чарльза Каппелли. Его товарищ позже вспоминал, что «Каппи» нарушил строжайшее табу боевых летчиков: перед вылетом он сказал, что, когда вернется, ему нужно переделать «кучу бумажной работы». «Никогда нельзя говорить о своем возвращении», — с горечью констатировал пилот [15](#).

На последнем этапе «Раскатов грома», который начался в ноябре 1967 г., американские пилоты столкнулись с самыми плохими погодными условиями, в которых им только доводилось воевать. В декабре истребители противника, демонстрируя растущее мастерство, заставили более 10% бомбардировщиков сбросить бомбовую нагрузку до подлета к цели. 17 декабря бомбардировочную группу атаковали одновременно 20 МиГов; два дня спустя — 14. 2 декабря американцы потеряли восемь самолетов — пять самолетов ВВС и три ВМС, пять из которых были сбиты ракетами. Точность бомбометания с помощью радиолокационных систем оставляла желать лучшего. В 1968 г. над территорией Северного Вьетнама было совершено 100 000 боевых вылетов, и, даже после того как в марте Джонсон приказал прекратить воздушные удары к северу от 19-й параллели, они продолжали наноситься по ограниченному району, где северовьетнамцы сумели сосредоточить 2600 зенитных орудий.

Порой казалось, будто над всей этой воздушной кампанией висит проклятие. Попытки заблокировать речное сообщение терпели неудачу, поскольку сбрасываемые с воздуха магнитные мины взрывались слишком далеко от проходящих судов. В марте 1968 г. были начаты боевые испытания первых F-111 с изменяемой геометрией крыла, на которые возлагались большие надежды, но в дебютных вылетах новый самолет показал себя плохо, а технические недоработки привели к нескольким катастрофам. 11 марта северовьетнамские командос провели сокрушительную операцию: саперные подразделения 41-го батальона ВНА захватили станцию 85 ВВС США на горе Пхатхи в Лаосе, с которой контролировались многие миссии «Раскатов грома». 20 из 18 американских военнослужащих были убиты, и авиации ВВС пришлось бомбить собственную радиолокационную станцию с дорогостоящим оборудованием. На протяжении оставшейся части президентства Джонсона основной задачей авиации было ограничение движения грузовых машин с Севера на Юг.

Деликатная кампания бомбардировок, начатая Белым домом в феврале 1965 г., могла бы сработать против слабовольного противника,

коим явно не были железные люди в ханойском Политбюро, или же против населения, которое имело право голоса, что было немыслимым в коммунистическом государстве. У провала воздушной войны в 1965–1968 гг. были и другие очевидные причины: невозможность с помощью воздушной мощи сокрушить примитивное общество, располагающее, вопреки ожиданиям, современными технологиями ПВО; длительные периоды неблагоприятных погодных условий; несовершенство вооружения, особенно систем наведения. Линдон Джонсон стал всего лишь одним из длинной череды национальных лидеров последнего столетия, которые на собственном горьком опыте убедились в ограниченной эффективности воздушной мощи.

«На север»

В первые месяцы «Раскатов грома» боевой дух среди пилотов ВВС, ВМС и Корпуса морской пехоты зашкаливал. Мало кто пошел на попятную, услышав от жены ультиматум: «Я или война — выбирай!»¹⁶ Большинство молодых пилотов — и некоторые ветераны, перешагнувшие 40-летний порог, — были взбудоражены возможностью наконец-то применить на деле все те боевые навыки, которые они отрабатывали в ходе сотен часов тренировочных полетов, и опробовать в бою свои фантастические летающие машины, рискуя жизнью в схватке с настоящим врагом, за что благодарное государство щедро платило им \$2,16 «боевой» надбавки в день. После определенного количества вылетов пилоты ВВС США отправлялись на «отдых и восстановление сил» в Бангкок, а авианосцы следовали с той же целью на Филиппины. В офицерском клубе на базе «Куби-Пойнт» на берегу залива Субик-Бей кипела бурная жизнь: еженощные вечеринки, караоке, бои едой, кулачные поединки. Коммандер Джон Николс писал: «Первые несколько дней они напивались до пороссячьего визга, ползали на карачках. Потом начинали восстанавливать здоровье — гольф, плавание, дыхательная гимнастика»¹⁷. И вскоре отплывали через Южно-Китайское море снова на встречу с врагом.

Вся территория Северного Вьетнама была поделена на секторы ответственности между ВВС, ВМС и КОВПВ. Палубная авиация атаковала «Пакеты маршрутов 2, 3, 4 и 6В», которые простирались от 18-й параллели на север до границы с Китаем; ВВС отвечали за «Пакеты маршрутов 5 и 6А», которые включали Ханой и зону Северо-Западной железной дороги; КОВПВ забрало у ВВС «Пакет маршрутов-1». Большая часть тактической авиации ВВС вместе с эскадрилей стратегических В-52 базировалась в Таиланде, где к 1966 г. находилось 34 000 американских военнослужащих, более двух третей из них — в

синей форме ВВС США. Все они работали на войну, хотя многие находили время и для развлечений: на каждой авиабазе медпункты регистрировали около тысячи случаев венерических заболеваний в год. Правительство Бангкока, обеспокоенное своей причастностью к бомбардировкам, поначалу настаивало на том, чтобы самолеты, вылетающие с авиабаз в Таиланде, не атаковали цели на территории Южного Вьетнама, а те, которые направлялись на Север, делали вид, будто летят с Юга, но в 1967 г. поняло всю бесполезность этого фигового листка.

Ни один из самолетов, стоявших на вооружении у американской авиации в период холодной войны, не был хорошо приспособлен для наземных атак. Массивные F-105 Thunderchief ВВС США могли нести большую бомбовую нагрузку и обладали очень высокой живучестью, но им не хватало маневренности, и они требовали объемного технического обслуживания. В общей сложности во Вьетнаме было сбито более 300 Thunderchief. F-4 Phantom, разработанные как перехватчики, подходили для чего угодно, но не для операций на малой высоте над Северным Вьетнамом, где они были уязвимы для зенитной артиллерии, а густой черный дым их двигателей позволял МиГам за несколько километров обнаруживать их местонахождение. К началу «Раскатов грома» ВВС США располагали 600 Thunderchief и примерно таким же количеством Phantom. Но если последние продолжали производиться в количестве 200 штук в год, то Thunderchief уже были сняты с производства. Как правило, именно Thunderchief отправлялись на самые опасные задания, отчасти потому, что в случае потери самолета погибал всего один пилот, тогда как экипаж F-4 состоял из двух человек — пилоты с сарказмом шутили, что второй нужен был для того, чтобы во время боевого вылета вслух читать «Правила применения военной силы» над территорией противника.

Лучшим самолетом ВМС был легкий палубный штурмовик A-4 Skyhawk, размерами намного меньше Phantom. Разработанный гениальным конструктором Эдом Хайнеманном, он был простым, живучим и легким в обслуживании — последнее имело большое значение в условиях интенсивных боевых действий. Многие эскадрильи Skyhawk поддерживали 100%-ную боеготовность, чего нельзя сказать о капризных самолетах фоторазведки Vigilante. В общей сложности Skyhawk совершили больше боевых вылетов, чем любой другой тип палубных самолетов. Более старый F-8 Crusader имел странную конструкцию, где пилот сидел почти на 2 м впереди носовой стойки шасси. Это был отличный перехватчик с пушкой в качестве основного вооружения, однако оборудованный плохим радаром и страдавший высоким уровнем аварийности. Надежный, проверенный в боях

винтовой старичок Skyraider на раннем этапе воздушной войны активно участвовал в боевых вылетах и записал на счет ВМС два из первых десяти сбитых МиГов. Но в конце концов из-за медленной скорости Skyraider стали использоваться только для РЭП и прикрытия поисково-спасательных операций. Пилоты говорили: «В небе скорость — это жизнь».

Управление самолетами над Северным Вьетнамом осуществлялось со станции 85 в Лаосе и из Центра управления с позывным «Мотель» на Обезьяньей горе в Дананге, на полпути между Сайгоном и Ханоем; в Удорне, Таиланд, находилась резервная РЛС. Ни одна из этих радиолокационных станций не могла обеспечить наведение по целям где-нибудь в районе Красной реки с достаточно высоким уровнем точности, поэтому атакующим приходилось в значительной степени полагаться на себя, вернее, на своих опытных командиров, полковников или командеров — в зависимости от рода войск. Метеоусловия были важным фактором, влиявшим как на боевую эффективность, которая резко снижалась в сезон дождей, так и на уровень потерь, которые резко возрастали в те же муссонные месяцы. Пилоты раз за разом сталкивались с тем, что, претерпев все ужасы полета над территорией противника, были вынуждены сбрасывать бомбы вслепую, не видя целей через плотную пелену низкой облачности.

Палубная авиация наносила удары с авианосцев, курсировавших вдоль северовьетнамского побережья в Тонкинском заливе на расстоянии 100–250 км от берега — этот район плавания прозвали «Станции янки». США имели больше авианосцев, чем весь остальной мир вместе взятый, — 16 ударных и 10 противолодочных. Тяжелые авианосцы типа Forrestal водоизмещением 75 000 тонн были гораздо надежнее старых Essexes: размер Forrestal позволял сохранять остойчивость даже при большой волне. Оба типа авианосцев несли около 70 самолетов — две истребительные эскадрильи, два или три подразделения штурмовиков, а также группы ДРЛО (дальнего радиолокационного обнаружения), фоторазведки и вертолетный отряд. В июне 1965 г. в Тонкинский залив прибыл авианосец Independence со штурмовиками A-6A Intruder, которые, по мнению одних, напоминали сковородки с ручкой; по мнению других — головастиков. Intruder были оснащены передовой комплексной цифровой аппаратурой навигации и управления оружием, которая обеспечивала им возможность всепогодных полетов. В ноябре к побережью Северного Вьетнама прибыл Kittyhawk со второй эскадрилей A-6A на борту.

Полностью укомплектованные авианосцы обладали впечатляющей военной мощью: в один из декабрьских дней с Enterprise было сделано 165 боевых вылетов. За первый год «Раскатов грома» авиация ВМС

совершила 57 000 боевых вылетов, потеряла более 100 самолетов и 80 членов экипажа. Северовьетнамцы благоразумно воздерживались от воздушных атак на военные корабли США, понимая, что им вряд ли удастся прорваться сквозь барражирующие воздушные патрули. На борту каждого гигантского «гладкопалубника» находилось около 5000 моряков и техников, которые, по сути, обслуживали чуть больше сотни пилотов. Но если персонал авианосцев и их конвоев работал в комфортных и почти безопасных условиях, то работа пилотов была сопряжена с колоссальными рисками и стрессом, даже без присутствия врага. Медицинские измерения показывали, что ночная посадка на палубу вызывала у пилотов более высокий уровень стресса, чем дневной пролет над Ханоем. Советские траулеры-разведчики, пытаясь внести сумятицу, любили курсировать туда-сюда перед носами авианосцев, когда начинались взлеты. Вокруг назойливыми мухами вились китайские МиГи с острова Хайнань, наблюдая за происходящим.

На полетной и ангарной палубах почти никогда не затихала лихорадочная деятельность. Персонал носил футболки разного цвета в зависимости от своих функций: желтый — палубные регулировщики, голубой — операторы подъемников и других машин на палубе; зеленый — ответственные за катапульты и аэрофинишеры; коричневый — механики, отвечающие непосредственно за техобслуживание самолетов; красный — оружейники, спасатели, пожарные. Чтобы обеспечить бесперебойное функционирование палубного конвейера и оперативную «оборачиваемость» самолетов, в центре управления стоял большой расчерченный стол — модель полетной и ангарной палуб — с пронумерованными макетами всех самолетов и вертолетов, которые перемещались по нему в соответствии с тем, какие указания получали палубные операторы. Огромная ответственность лежала на водителях тягачей, в основном 18–19-летних парнях. Впрочем, гораздо бóльшая ответственность лежала на пилотах, которые были вынуждены по два-три часа сидеть на своих катапультируемых креслах под нещадно палящим солнцем в ожидании очереди к исходящей паром катапульте.

Разного рода аварии, некоторые из них — настоящие катастрофы, происходили на авианосцах с удручающей регулярностью. В октябре 1966 г. два члена команды авианосца *Oriskany* случайно или, как впоследствии ходили слухи, ради забавы запалили в погребе в носовой части парашютную осветительную ракету. Начался сильный пожар, в котором погибли 44 человека. В конце июля 1967 г. пилоты *Forrestal* совершили 150 боевых вылетов за четыре дня, не потеряв ни одного самолета. Но 29-го числа с одного из стоявших на взлетной палубе F-4 Phantom произошел самопроизвольный пуск ракеты Zuni. Ракета не взорвалась, но пробила подвесной топливный бак другого Phantom, и

выплеснувшееся из него топливо загорелось. Под сильным ветром пламя стремительно распространилось по палубе, и через несколько минут начали рваться боеприпасы на других самолетах. Взрывы проделали в палубе большие дыры, через которые горящее топливо начало стекать внутрь, превратив находившиеся внизу жилые помещения в смертельную ловушку. Собравшиеся вокруг корабля сопровождения поливали авианосец из пожарных стволов, но пожар под палубой бушевал еще 12 часов. Корабельный старшина и несколько членов команды хотели столкнуть за борт бомбу, которую уже облизывали языки пламени, но та взорвалась. Все они погибли. Но это не остановило молодого лейтенанта хрупкого телосложения, который каким-то образом сумел выкатить другую бомбу за борт. Когда пожар наконец-то потушили, казалось, будто Forrestal вышел из жесточайшего сражения: 134 человека погибли, 21 самолет был уничтожен, еще 43 машины были серьезно повреждены; ремонт авианосца обошелся в \$72 млн.

Авианосцы обычно наносили по три воздушных удара в день, примерно с часовым интервалом. Штаб определял цели; оперативный отдел передавал приказы эскадрильям; командиры авиагрупп и офицеры разведки вместе прокладывали маршруты. Пилоты первой смены завтракали в 04:30 утра, «одевались» и собирались на инструктаж перед вылетом в 06:00. По возможности новичкам назначали цели поближе к побережью, чтобы в случае потери самолета они могли катапультироваться не на вражескую территорию, а на море. Поскольку летчики невероятно суеверны, многие, идя к своим самолетам в противоперегрузочных костюмах и шлемах, поглаживали кроличью лапу или сжимали в кулаке серебряный доллар. Забравшись в кабину, они переводили катапультируемое кресло в рабочее положение, закрывали фонарь, ждали, когда техники снимут с боеприпасов предохранительные чеки, и с несильно ревущими двигателями, подчиняясь указаниям регулировщиков, следовали к зоне взлета. А-4 Skyhawk с полной боевой нагрузкой и топливом весил всего 9000 кг; вес заправщика КА-3 достигал 33 000 кг. Паровые катапульты разгоняли этих монстров с 0 до 300 км/ч за три секунды. На полетной палубе стоял оглушительный рев; от каждого члена экипажа — от летчиков до техников и моряков — требовался высочайший уровень профессионализма.

Типичная ударная группа состояла из 20 бомбардировщиков, например 16 Skyhawk и 4 Crusader, и двух самолетов подавления средств ПВО из так называемой группы «Железная рука». Crusader боевого эскорта, официально именовавшиеся TarCAP (боевым воздушным патрулем в районе цели), занимали позиции рядом с

ударной группой с той стороны, откуда вероятнее всего могли появиться МиГи. Самолет РЭП и пара заправщиков оставались в прибрежной зоне. Тут же кружились два вертолета, готовые в любой момент подобрать пилота, катапультировавшегося в море или в пределах досягаемости на берегу. Поднявшись в воздух, ударная группа пролетала над армадой малых судов, в основном рыбачьих джонок и сампанов. Пересекая береговую линию, пилоты знали: враг уже готов и ждет их. В 1944 г. средняя продолжительность боевых вылетов палубной авиации Тихоокеанских ВМС составляла четыре часа, 20 лет спустя она сократилась до 90 минут. Риски возросли обратно пропорционально: даже по сравнению с Северной Кореей небо над Северным Вьетнамом было настоящим пеклом.

Примерно за 6 км до береговой линии пилоты щелкали переключателями, переводя пушки, бомбы и ракеты в боевое положение. В полной тишине — шлемы и наушники заглушали рев двигателей — они начинали постепенное снижение, скорость которого зависела от расстояния до цели: Skyhawk могли развивать 650 км/ч; более быстрые Crusader держались за ними. Высокие пульсирующие звуки в наушниках означали, что работает вражеский радар Fansong и зенитная ракета уже в пути. После этого пилотам разрешалось прервать радиомолчание, но им было не до разговоров. Действовало правило: «Если тебя сбили, уйди с боевой частоты!» Командиры не хотели, чтобы оперативный канал засорялся криками их терпящих бедствие товарищей. Иногда в наушниках раздавалось предупреждение, которое ни один пилот не забудет до конца своих дней: «Телеги на девять часов», или на четыре часа, или на шесть часов, что означало появление МиГов. Те часто пытались заманить самолеты сопровождения в зону ЗРК, но летчики-истребители были строго проинструктированы держаться рядом со своими подопечными. Пилоты штурмовиков старались пикировать к наземным целям с уже опустевшими подвесными топливными баками, чтобы не создавать дополнительных рисков в зоне зенитного огня. К цели приближались с нескольких углов одновременно, чтобы рассредоточить внимание зенитчиков.

В конце концов северовьетнамцы поняли, какие цели предпочитают американцы, и сосредоточили свои зенитные батареи вокруг мостов, казарм и т.п. Пилоты-ветераны утверждали, что не сталкивались ни с чем подобным даже в небе над Германией. Северовьетнамские зенитчики демонстрировали устрашающее мастерство в создании огневого заноса. «Они могли заполнить колонну площадью больше 10 кв. км на высоте от 1000 до 6000 м плотным зенитным огнем, — писал командер Джон Николс. — Это было завораживающее зрелище. Такое же прекрасное, как и смертельное. Легкие 23-мм и 37-мм снаряды

разрывались с белым дымком; 57-мм выбрасывали темно-серые облачка, а тяжелые 85-мм и 100-мм — густо-черные. Эти многоцветные дымовые облака то тут, то там прошивались цветными нитями трассирующих пуль тяжелых пулеметов, достреливавших до 1,5 км в высоту. И все это взрывалось и пульсировало в огромном воздушном конусе на протяжении нескольких минут»[18](#). Командеры предупреждали своих пилотов не использовать противозенитные маневры, абсолютно бесполезные в плотном месиве заградительного огня, а вместо этого сосредоточиться на поражении цели, вверив свою судьбу фортуне.

МиГи-17 впервые появились в небе 3 апреля 1965 г., атаковав группу бомбардировщиков к югу от Ханоя; на следующий день ВВС США потеряли два F-105 Thunderchief. 17 июня Phantom, вооруженные ракетами Sparrow, сбили два первых МиГа. Ударные группы экспериментировали с тактикой. Какое-то время они предпочитали приближаться к цели с высокой скоростью на малой высоте, в заданной точке менять курс, резко набирать высоту и пикировать на цель — этот маневр назывался «подскоком». Но у этой тактики были серьезные недостатки: пилотам требовалось на скорости в 900 км/ч обнаружить несколько наземных ориентиров и, кроме того, летящие на небольшой высоте самолеты были уязвимы даже для легких зениток. Каждый самолет нес под крыльями на пилонах подвесные контейнеры с впечатляющим массивом аппаратуры радиоэлектронной защиты. Авиация ВМС также использовала для РЭБ модификации EA-3B Skywarrior и EF-10B Skyknight. Атакующие рассеивали вокруг себя облака дипольных противорадарных отражателей, чтобы сбить с толку вражеские радары, и атаковали радарные станции ракетами AGM-45A Shrike, которые наводились на излучение РЛС. Обе стороны старались обмануть друг друга: иногда американским операторам РЭБ казалось, что им удалось обнаружить частоту наведения вражеских истребителей, но потом они с разочарованием понимали, что там крутились записи обычной пилотской болтовни; настоящий канал связи МиГов находился где-то на другой частоте. Северовьетнамские ракетчики также научились включать РЛС сопровождения цели всего за несколько секунд до запуска ракеты, чтобы не привлекать к себе самонаводящиеся ракеты Shrike.

Вражеские истребители представляли собой переменную угрозу, и их боялись гораздо меньше, чем зениток. Северовьетнамские пилоты в значительной степени зависели от ведения с земли — вплоть до инструкций, когда включать форсажный режим. МиГ-17 был невероятно юрким самолетом; МиГ-21 уступал ему в проворстве, особенно на небольших скоростях. Как правило, они атаковали, только

если имели явное тактическое преимущество, особенно по высоте: они выпускали ракеты «воздух — воздух» Р-13 — эквивалент американских Sidewinder — и после одного захода устремлялись домой. 21 июня 1966 г. лейтенант Фил Вампателла в составе группы из четырех Crusader обеспечивал прикрытие сбитого пилота RF-8 до прибытия спасательного вертолета. Внезапно его самолет сильно тряхнуло: рядом взорвался зенитный снаряд. Теряя топливо, Вампателла оставил группу и полетел на поиски заправщика, но в этот момент в наушниках раздалось предупреждение: «Ату, МиГи!» Развернувшись, он увидел, что его товарищей атакует звено МиГов-17. Один из них преследовал американский истребитель. Вампателла крикнул товарищу: «Возьми вправо!», но было поздно: Crusader был сбит.

Через мгновение Вампателла обнаружил, что у него самого на хвосте висит МиГ-17; он резко нырнул вниз — его самолет сотрясало и рыскал на скорости в 1100 км/ч. Выйдя из пике почти на уровне верхушек деревьев, он увидел, что МиГ отстал и, по всей видимости, повернул в сторону базы. Несмотря на поврежденный самолет, Вампателла кинулся за ним вдогонку. В конце концов он выпустил Sidewinder, увидел, как взорвался МиГ, после чего полетел искать заправщик. Пополнив запасы топлива, он сумел долететь оставшиеся 100 км до авианосца Hancock. Об этом героическом поступке Вампателлы впоследствии рассказывали курсантам в летных школах, но чаще всего попытки продолжать бой на поврежденном самолете заканчивались тем, что семьи пилотов получали телеграмму: «Пропал без вести».

Авиация ВМС еще много лет после войны была раздосадована тем, что ее истребители уничтожили намного меньше самолетов противника, чем ВВС США. Отчасти причина была в ракетах «воздух — воздух» Sparrow, стоявших на вооружении палубных истребителей, которые давали много промахов. Sidewinder были гораздо точнее, но, на удивление, еще более эффективным оружием показали себя авиапушки, которыми были оснащены только F-8 Crusader. Таким образом, фанаты передовых технологий, утверждавшие, что ракеты делают пушки ненужными, оказались неправы. Боевые показатели палубной авиации заметно улучшились только на последнем этапе войны, когда на авиабазе в Мирамаре, Калифорния, была создана так называемая Школа воздушного боя для истребителей ВМС, больше известная как «Топ Ган», выпускники которой записали на свой счет немало сбитых МиГов.

С того момента, как они покидали зону цели, и до того, как пересекали береговую линию, по словам одного пилота, «проходило около трех минут... это была целая вечность или даже две вечности»¹⁹. В конце концов они входили в безопасную зону вокруг своей

«авиаматки», и специальный «говорун», помощник офицера управления посадкой, непрерывно передавал в радиоэфире сообщения о ситуации на палубе: «Палуба занята... Палуба занята... Палуба занята, финишер сработал, Скайхок. Палуба занята... Палуба свободна!»²⁰ В этот момент пилоту поврежденного самолета нужно было принять решение: попытаться совершить посадку или катапультироваться над морем, поскольку авария при посадке могла не только стоить жизни ему самому, но и привести к разрушениям и гибели других людей на летной палубе. Пилоты на неповрежденных самолетах с облегчением касались колесами родной палубы, несколько мгновений катились по ней, слегка подсакивая, пока натянутые тросы аэрофинишера не стопорили самолет. Очередной день войны подошел к концу.

В среднем пилоты совершали от 16 до 22, максимум 28, боевых вылетов в месяц; кое-кто за весь срок командировки делал около 500 вылетов. К осени 1966 г. интенсивность воздушных операций возросла настолько, что стало не хватать боеприпасов, особенно бомб, а также оборудования и летного персонала. Для последних командировка на ТВД нередко становилась билетом в один конец. Джек Бротон рассказывал, как в один из дней незамеченная ими ЗУР поразила Thunderchief из его эскадрильи: «Сначала мы увидели большой огненный шар ржавого цвета, который охватил самолет... Когда он рассеялся, казалось, самолет не был поврежден, только левое крыло было чуть ниже, чем нужно... он летел к земле... Единственное, что мы слышали в наушниках, было: “Мне нужно выбирать. Увидимся, парни”. Потом мы увидели парашют и слышали сигнал его бипера, пока он спускался куда-то на Ханой под нейлоновым куполом»²¹.

Майор ВВС США Фред Черри, выходец из семьи чернокожих фермеров в Вирджинии, сумел стать пилотом только благодаря своему упорству: он поступил в летную школу в 1951 г. после череды неудачных попыток и участвовал в Корейской войне, сделав 53 боевых вылета. Утром 25 октября 1965 г. он совершал свой 50-й вылет над Северным Вьетнамом во главе эскадрильи F-105. За несколько минут до полета к цели он вдруг слышал сильный глухой хлопок. Черри отключил всю электрику и гидравлику, но кабина быстро наполнялась дымом. Он снизился на малую высоту и успел катапультироваться за мгновение до того, как его Thunderchief взорвался — обломки приборной панели рассекли ему лицо. Это произошло в 65 км к северо-востоку от Ханоя, всего в двух минутах полета от береговой линии и зоны патрулирования американской авиации. Как только он приземлился, его мгновенно окружила толпа крестьян и детей: «Я подумал, что сейчас они набросятся на меня и порубят на куски своими мотыгами, но они просто стояли и хихикали»²². Когда прибыла местная

милиция, он жестом показал на поврежденное плечо и сломанную лодыжку. Но его заставили самостоятельно ковылять к дороге; толпа крестьян последовала за ним. Как позже узнал Черри, он стал 43-м американским летчиком, попавшим в плен. Один из солдат сказал ему: «Ты — преступник». Его доставили в тюрьму Хоало, больше известную как «Ханой Хилтон», а спустя несколько дней перевели в другую тюрьму, которую американские военнопленные прозвали «Зоопарком». Его посадили в камеру вместе с офицером ВМС из Северной Каролины по имени Портер Халибертон, который поначалу отнесся к Черри враждебно: он не мог поверить в то, что чернокожий может быть майором ВВС США, и считал его французским шпионом. Но со временем общая печальная участь породила между ними не только взаимное уважение, но и тесную дружбу. Когда у Черри инфицировались раны, «Халли» заботливо за ним ухаживал. В конце концов южанина перевели в другую камеру. «Никогда в жизни я так не страдал из-за потери друга», — вспоминал Черри²³.

Норм Макдэниел родился в 1937 г. в семье чернокожих арендаторов-испольщиков в Северной Каролине, где, помимо него, было еще семеро детей. Родители рассказывали им страшные истории о временах Великой депрессии, когда отцу приходилось собирать хлопок за \$1 в день. В детстве Норм часто ложился спать голодным: «Если отец перед продуктовым магазином решал заскочить в бар, у нас были проблемы»²⁴. Его мать, сирота, фанатично верила в важность образования и твердила, как мантру: «Делай лучшее с тем, что у тебя есть». Ее сын сумел добиться действительно замечательных успехов: в 1959 г. он закончил инженерный факультет в жестко сегрегированном Аграрно-техническом университете Северной Каролины, поступил в летную школу и стал штурманом ВВС США. Он был влюблен в авиацию и несколько лет прослужил в авиакрыле Stratofortress. Но, когда он со своей женой Жан-Кэрол выезжал за пределы авиабазы, он по-прежнему сталкивался с унижительной расовой дискриминацией: «В Миссисипи и даже в Юте нас часто не хотели пускать в отели и рестораны».

Осенью 1965 г. Макдэниел был переведен из эскадрильи В-52 на должность офицера радиоэлектронной борьбы в авиакрыле EB66С, базировавшемся в Таиланде. «У меня не было никаких опасений по поводу поездки. Я просто считал это своей работой». Их маломощным самолетам требовалась целая взлетно-посадочная полоса, чтобы оторваться от земли, особенно в жаркие дни. Каждый раз Макдэниел читал короткую молитву: «Я молился не за себя, а за мою семью». Вылеты обычно длились около трех часов, из которых 25 минут они кружили на высоте 7000–8000 м над зоной цели, отслеживая и подавляя

помехами активность радиолокационных станций противника. Обнаружив угрожающий сигнал, они предупреждали пилотов ударной группы: «Красная тревога, вражеский самолет», или «Система сопровождения ракет», или что-то другое, после чего сообщали: «Все чисто». Макдэниел был одним из четырех так называемых воронов, которые сидели в своем безиллюминаторном отсеке РЭБ сразу за кабиной пилотов, вперившись взглядом в ряд радиолокационных экранов и индикаторов.

Воздушная война превращалась для них в рутину: прежде чем отправиться домой, каждый должен был совершить 100 вылетов «на Север», как они называли территорию противника. Макдэниелу нравилась комфортабельная авиабаза в Такхли: он много читал, занимался в тренажерном зале, играл в пинг-понг. В офицерском клубе была популярна игра «Мертвый жук!»: кто-нибудь внезапно выкрикивал эти слова, и все присутствующие должны были упасть на пол. Самый медленный оплачивал выпивку для всех — иногда в клубе собиралось человек 60 и больше, — но алкоголь стоил так дешево, что это не наносило большого удара по кошельку. Макдэниел чувствовал себя комфортно, но скучал по своей семье и знал, что они скучают по нему. По его словам, «я никогда не испытывал большого страха. Мы понимали, что эта заваруха затянется здесь на годы. Поэтому мы просто хотели налетать свою сотню миссий и на восемь—девять месяцев уехать домой». Во время его 29-го вылета в район Ханоя их самолет был захвачен системой наведения цели ЗРК С-75 и был вынужден совершить маневр уклонения. После, казалось, длившихся вечность мгновений, когда их желудки скручивало от страха, они услышали по интеркому лаконичное сообщение: «Разрыв захвата». Они с облегчением вытерли пот со лба и полетели обратно в свой жаркий и влажный, но мирный Таиланд. «Так я еще никогда не дрейфил», — подумал тогда Макдэниел.

Но еще через два вылета, 20 июля 1966 г., на подходе к зоне цели в предместьях Ханоя их самолет вдруг сильно накренился, «словно мы свалились в большой воздушный карман». На их встревоженные вопросы пилот Билл Минз бодро ответил: «Нас едва не сбили, но мы летим». Однако это продолжалось недолго. Через несколько секунд Минз потерял управление, и самолет начал стремительно и неустойчиво снижаться. В конце концов он выровнялся, но они больше не смогли связаться с пилотом: связь пропала, отсек РЭБ начал заполняться дымом, так что им стало нечем дышать. В соответствии с инструкцией, в такой ситуации «вороны» должны были по очереди покинуть самолет; Макдэниел, сидевший впереди слева, должен был катапультироваться первым. «Нужно было срочно принять решение. Самолет горел, вокруг

был дым, и я подумал: “Нужно убираться отсюда”». Следуя предписанной процедуре, он опустил смотровой щиток шлема, активировал индивидуальный кислородный баллон, плотно вжался в кресло, дернул за первый рычаг, отвечавший за аварийный сброс крышки люка, потом за второй, активировавший катапульту, — и секунду спустя оказался в небе.

Все шло гладко, пока он не посмотрел наверх и не увидел, что купол его парашюта решетят пули. Едва он коснулся земли, как его окружили крестьяне, солдаты и ополченцы, которые раздели его до трусов и футболки. Было 8:30 утра, и он находился в 50 км к северо-западу от Ханоя. Сначала его подвели к яме, где, по всей видимости, собирались застрелить. Но потом конвоиры передумали: ему завязали глаза, посадили в какую-то машину и к вечеру доставили в «Ханой Хилтон».

Первое время Макдэниела мучили опасения, что он единственный из всего экипажа покинул самолет, а остальные благополучно вернулись в Такхли и теперь смеются над его паникерством. Но вскоре он узнал, что его товарищи, кроме одного, который был убит сразу после приземления, также находились в плену (все они вышли на свободу только в 1973 г.). Когда его семья получила известие о том, что он пропал без вести, мать сказала жене Жан-Кэрол: «С Маком все в порядке. Я видела его во сне. Он лежал на полу в какой-то маленькой комнате. Я спросила у него: “Мак, с тобой все в порядке?”. Он ответил: “Да, мам. Береги себя”». Сон матери Макдэниела оказался вещим, чего, к сожалению, нельзя было сказать о многих других семьях, чьи близкие также пропали без вести во Вьетнаме. Только через полтора года мучительной неизвестности власти ДРВ передали списки военнопленных, где было указано и имя Макдэниела.

В «Ханой Хилтон» Макдэниел чувствовал себя намного лучше других: «Еда была отвратительной на вкус, но здоровой, а я с детства привык голодать». Как и большинство его товарищей, он периодически подвергался избиениям и другим жестокостям, иногда равносильным пыткам. И вьетнамские, и советские источники свидетельствуют о том, что из допросов пленных северовьетнамцы получали важную оперативную информацию, но в первую очередь ими двигало желание показать свое идеологическое превосходство, наказать попавших им в руки ненавистных врагов. В Соединенных Штатах такое варварское отношение к военнопленным вызывало бурю общественного негодования. Однако стоит подчеркнуть, что южновьетнамцы и американцы обращались с пленными коммунистами ничуть не лучше, а то и гораздо хуже, а многих из них в конце концов попросту убивали. Когда в 1977 г. сотрудник ЦРУ Фрэнк Снепп опубликовал свою откровенную книгу о войне во Вьетнаме «Пристойный интервал»

(Decent Interval), к его немалому удивлению, читатели, казалось, вовсе не были шокированы описанием «допросов с пристрастием» и пыток пленных и никто не пытался опровергнуть этот факт²⁵. Даг Рэмзи также с возмущением писал о «снисходительной толерантности [своих коллег] к издевательствам над заключенными»²⁶. Среди американцев существовало искреннее убеждение, что требование о гуманном обращении с военнопленными распространяется только на американских солдат, но никак не на вьетнамских коммунистов.

Норм Макдэниел, доставленный в «Ханой Хилтон» в июле 1966 г., обладал уравновешенным и неунывающим нравом, что немало помогало ему на протяжении почти семи лет пребывания в плену. Некоторые пленные питали безудержную ненависть к своим северовьетнамским тюремщикам, но Макдэниел считал это неразумным: «Я был оптимистом. Я знал, что, по сравнению с тем, как обращались с военнопленными в Корее, мы находились просто в элитных условиях. Главным было не заикливаться на себе: я сохранял веру в Бога и думал о моей семье».

Среди американских пилотов было мало ветеранов с большим боевым опытом. 42-летний командер Ричард Бенглер летал на бомбардировщиках В-17 и В-25 во время Второй мировой войны, затем на истребителях в Корейской войне. В июле 1966 г. его F-8 Crusader был сбит МиГом-17, и Бенглеру пришлось катапультироваться над морем. Четыре месяца спустя он свел счеты, сбив на Sidewinder МиГ-21 — первый на счету морской авиации. Вернувшись на авианосец, он с ликованием сказал: «Я ждал этого 20 лет! Это было потрясающе!» Капитану Джеку Нолану из Фрипорта, Лонг-Айленд, было уже 36 лет, когда он отправился на войну. Он был сыном адвоката и после школы поступил в мединститут: «Там была замешана девушка. В конце концов я на ней женился». Но его сердце принадлежало небу: «Я был влюблен в самолеты с тех пор, как в пять лет меня покатали на Stimson». В 1952 г. Нолан стал пилотом ВВС США и через год был командирован в Корею — он находился посреди Тихого океана, когда было объявлено перемирие. Десять лет он проработал летным инструктором, занимался воспитанием пятерых детей, но в конце 1966 г. подал прошение о переводе в авиакрыло Thunderchief, базировавшееся в Такхли в Таиланде. «Как к этому отнеслась моя жена? Я ее об этом не спрашивал»²⁷. На большой базе они жили в комфортабельных домиках из шлакоблоков, по два человека в комнате. В их эскадрилье самолеты не были закреплены за конкретными пилотами — у них не было индивидуальных имен, рисунков на бортах, только зелено-коричневый камуфляжный окрас сверху и голубой снизу, — и все 20 пилотов летали на тех машинах, которые им выделяли в тот день. Thunderchief отлично

вели себя в воздухе, могли развивать сверхзвуковую скорость на малых высотах. В рейдах «на Север» они обычно несли шесть 340-килограммовых бомб, аппаратуру РЭП и ракеты Sidewinder, хотя Нолану ни разу не довелось использовать их в бою.

В дни вылетов подъем мог быть назначен в любое время между 02:30 и 07:00 утра; пилоты завтракали и собирались на длительный и кропотливый инструктаж. Однажды перед очередным рейдом в район печально известного «Хребта Тадов» один ветеран сказал: «Если кто-то из вас не трясется от ужаса, он просто безмозглый дурак»²⁸. Тем утром Джек Бротон зашел в уборную и услышал, как в соседней кабинке его товарища рвет от страха. Бротон описывал изнурительное ожидание в очереди на взлет под испепеляющим тайским солнцем: «Пот заливал глаза, так что иногда ты почти ничего не видел. Перед взлетной полосой было столпотворение: самолеты один за другим выбрасывали в воздух черную гарь от пиростартеров, использовавшихся для разгона двигателей, и уходили на взлет... Стоял оглушительный шум... Я сидел и думал: что меня ждет сегодня — ЗУР или МиГ?»²⁹

Обычно их ударная группа состояла из 16 боевых машин и двух резервных; они летели со скоростью 830 км/ч звеньями по четыре «на высоте 4500 м, и так каждую чертову миссию». Прежде чем войти в воздушное пространство противника, они по очереди подлетали к одному из двух заправщиков KC-135 для десятиминутной дозаправки, а при приближении к исходной точке атаки рассредоточивались и выстраивались в боевой порядок. F-4 Phantom из группы подавления зенитных средств снижались над зоной цели на 15–30 секунд раньше бомбардировщиков, поливая огнем из пушек и ракетами Zuni все вспышки зенитных орудий, которые видели на земле. Когда у них заканчивались боеприпасы, пилоты передвигали рычаг управления двигателей на форсажный режим, и дополнительный всплеск мощности благодаря дожигу позволял самолету резко взмыть вверх, хотя и за счет значительного увеличения расхода топлива. Теперь наступала очередь Thunderchief: спикировав к цели под углом в 45°, они сбрасывали бомбы с высоты 1500 м и «бежали из этого ада как угорелые», точнее говоря рванув штурвал на себя и выйдя из пикирования на перегрузках в 4–5 g.

Чаще всего бомбили мосты, железнодорожные объекты и аэродромы. Зенитная артиллерия работала всегда: их два бомбардировочных авиакрыла теряли примерно один самолет в день. Иногда пилоты видели белую полосу следа ЗУР, но игнорировали ее, если не получали звукового предупреждения, что ракета преследует их самолет. «Однажды я видел, как ракета сбила одного из наших. Он смог катапультироваться, но я никогда больше о нем не слышал». Лучшим способом уйти от ракеты было за несколько секунд до ее подлета

сделать максимально крутой разворот и уйти с ее курса — СНР теряла цель, ракета пролетала мимо и взрывалась. Если не считать периодических всплесков страха, Нолан, как и многие другие пилоты, относился к своему делу спокойно: «Я мало думал о том, что происходит на земле. Я просто делал свою работу, старался остаться в живых, ну и получить звание майора, что мне не удалось». Пилоты признавали, что бóльшая часть боеприпасов падает мимо целей, особенно 1360-килограммовые бомбы, которые они сбрасывали на мосты: «К нашей огромной досаде мы видели на берегу складированные понтоны — вьетнамцы были готовы быстро наладить переправу, если вдруг нам удастся разбомбить мост». В один из дней, когда звено Нолана бомбило мост недалеко от границы с Китаем, его правое крыло прошили пули зенитного пулемета, повредив гидравлику. Лишившись возможности дозаправиться топливом в воздухе, чтобы долететь до базы в Таиланде, Нолан сбросил бомбы в реку и, аккуратно управляя своей большой поврежденной машиной, в сопровождении звеньевых полетел в Дананг. На подлете к аэродрому он вручную выпустил стойки шасси и благополучно приземлился. На свою базу в Таиланд он вернулся на попутном C-123. Вскоре после этого случая он был переведен в отдел управления боевыми операциями штаба 7-й воздушной армии, где занимался анализом данных контрольной воздушной разведки: «Это только подтвердило мое убеждение в том, что значительная часть бомб падала мимо цели, но никому до этого не было дела».

Боевая биография Нолана была довольно скучной, но некоторые пилоты демонстрировали чудеса героизма. 20 апреля 1967 г. славившийся своей отвагой лейтенант-коммандер Майк Эстоцин во главе звена из трех самолетов отправился в рейд на Хайфон, где они подавили три позиции ЗРК. Но на последнем заходе на атаку рядом с его A-4 Skyhawk взорвался зенитный снаряд. Несмотря на полученные повреждения, Эстоцин выпустил по наземной цели свою последнюю ракету Shrike, вышел из пикирования и, стремительно теряя топливо, покинул зону атаки. Он нашел заправщик КА-3 за пять минут до того, как у него должно было закончиться топливо, и они в спарке — большой воздушный танкер с маленьким Skyhawk на конце шланга — полетели к Ticonderoga. За 3 км до авианосца Эстоцин отсоединился от заправщика и, имея запасы топлива всего на один заход, начал снижение. Он совершил образцовую посадку, и уже на палубе самолет загорелся. Пожарная команда бросилась заливать машину пеной, а Эстоцин откинул фонарь, выпрыгнул из кабины, бросил свой шлем оператору и ушел, ни разу не оглянувшись. Это было впечатляющее проявление мужества и хладнокровия, но шесть дней спустя удача от

него отвернулась [30](#). В ходе рейда на нефтехранилище в районе Хайфона его самолет был сбит ракетой. Эстоцин был посмертно награжден медалью Почета.

Одними из самых драматичных и зачастую героических моментов в этой воздушной войне были операции по спасению экипажей сбитых самолетов. В целом эвакуировать удавалось около трети всех пилотов и членов экипажей, меньшая часть попадала в плен, остальные погибали. В секторе ВМС береговые спасательные команды неделями, изнывая от скуки, курсировали вдоль береговой линии на тяжелобронированных вертолетах HH-3E в ожидании сигнала о помощи и в конце концов дожидались: наэлектризованные опасностью и драматичностью происходящего, «ангелы» бросались на выручку. Зачастую им приходилось соревноваться в скорости с вьетнамскими рыбаками, которым северовьетнамские власти платили за каждого выловленного в море американца щедрое вознаграждение, эквивалентное \$200.

27 апреля 1966 г. A-6A Intruder, на котором летел штурман-бомбардир Брайан Уэстин, попал под зенитный огонь. Повернувшись к своему пилоту Биллу Уэстерману, он увидел, что тот сидит мертвенно-бледный, сдернув в себя кислородную маску, с обвисшей левой рукой, в то время как самолет, рыская, набирает высоту. Уэстин отстегнулся от кресла, дотянулся до штурвала и направил самолет к побережью, одновременно передав по радиосвязи сигнал о помощи. Вскоре Уэстерман достаточно пришел в себя, чтобы взять управление самолетом, и они неустойчивым курсом двинулись к Kittyhawk. Их командир эскадрильи летел рядом. Садиться на палубу было слишком рискованно, поэтому они решили катапультироваться в море, что, впрочем, также было довольно опасно: каждый третий из тех, кто выбирал этот путь, тонул, прежде чем до него успевала добраться спасательная команда. Уэстин уже поднялся на борт вертолета, когда увидел, что Уэстерман, ослабевший от потери крови, не может забраться в спасательный слинг. Штурман снова прыгнул в воду и помог своему пилоту подняться на борт. Потом он жестами показал экипажу Sea King, чтобы они как можно скорее доставили раненого к врачам. Сам он был спасен вторым вертолетом в тот момент, когда вокруг уже начали кружить акулы, привлеченные запахом крови. Уэстин был награжден Военно-морским крестом.

Один самолет-разведчик был сбит у самого побережья, его пилот погиб. Когда уже отчаявшийся был штурман стоял на пляже в окружении местных жителей, он вдруг увидел спасательный вертолет, летевший на сигнал его бипера. Он расстегнул летный комбинезон, вытащил пистолет, застрелил охранявшего его милиционера, бросился в воду и доплыл до спасительного слинга. В другой раз вертолет Seasprite

поднялся среди ночи с палубы эсминца, чтобы подобрать двух членов экипажа F-4, которые катапультировались на покрытую густыми зарослями местность. Пока стрелки сдерживали вражеских солдат, экипаж под интенсивным огнем поднял американцев на борт. Когда они вернулись на эсминец, в баках вертолета оставалось всего несколько литров топлива. Еще один пилот провел в воде несколько часов, пока два вертолета безуспешно пытались приблизиться к нему под плотным огнем с берега. Один член экипажа был смертельно ранен. В небе кружили истребители, делая все возможное, чтобы не позволить вьетнамцам добраться до их товарища. В конце концов уже в сумерках одна из вертушек сделала резкий нырок вниз, и в радиозэфире группы спасения раздался торжествующий голос: «Он у нас!» Один из участников этой операции написал: «Для пилотов, которые год за годом сражались на этой безумной войне, это было настоящей победой»³¹. В одном только 1967 г. было сбито семь вертолетов ВМС, участвовавших в спасательных операциях.

Спасательные команды ВВС проявляли не меньше героизма. Однажды вертолет прибыл за летчиком, который приземлился среди джунглей к юго-западу от «Додж Сити» — Ханоя на летном сленге. Северовьетнамцы подошли уже совсем близко, и тут случилось непредвиденное: сброшенная экипажем специальная спасательная стропа оказалась слишком короткой — трос закончился в 3 м над вытянутыми руками летчика. Под шквальным огнем пилот вертолета начал медленно снижаться, прорубая лопастями проход в плотных кронах деревьев, пока летчик не сумел дотянуться до стропы. Один из членов экипажа был убит. Вертолет был так сильно поврежден, что был вынужден приземлиться в нескольких километрах от места спасения, где их всех подобрал «Веселый зеленый гигант»^[37].

Лейтенант Дитер Денглер, пилот ВМФ с немецкими корнями, был сбит на своем Skyraider над Лаосом. Он был схвачен войсками Патет Лао и находился в плену четыре месяца, прежде чем вместе с пилотом ВВС Дуэйном Мартином им удалось совершить побег. Много дней они шли через джунгли, питаясь только ягодами и фруктами, пока не добрались до какой-то реки. Они соорудили плот и, спускаясь вниз по течению, доплыли до заброшенной деревни, где нашли немного кукурузы. Когда они подплыли к другой деревне, на них напал местный житель с мачете и смертельно ранил Мартина. Денглер остался один; изнуренный желтухой и малярией, через 22 дня после побега он понял, что не в состоянии двигаться дальше. Ему хватило сил выложить камнями буквы «SOS», после чего он лег и стал ждать смерти. Чудесным образом его сигнал о помощи заметил с воздуха пилот ВВС и направил

в этот район вертолет. Когда Денглера доставили в госпиталь, он весил всего 45 кг вместо прежних 70 кг с лишним.

Несмотря на то что авиаторы ВВС и ВМФ бурно выражали свое недовольство политически навязанными ограничениями, они не могли не признать довольно низкой эффективности своих усилий даже против санкционированных целей. Так, с марта 1965 г. по ноябрь 1968 г. на железнодорожный мост в Тханьхоа в 130 км к югу от Ханоя было совершено почти 700 бомбардировочных вылетов. В марте 1967 г. три планирующие бомбы Walleye с телевизионной системой наведения поразили цель. Но и мост, и железнодорожное сообщение на этом участке продолжали функционировать как ни в чем не бывало. Мост Думера в Ханое удалось перекрыть только в августе 1967 г. — всего на полгода — после длительной череды неудачных атак.

В 1967 г. авиация ощутила на себе резко возросшую активность зенитно-ракетной обороны ДРВ. Теперь каждую ударную группу встречало множество ракет: за один только день 21 августа было выпущено 80 ЗУР. Советский генерал сетовал, что их северовьетнамские союзники «расстреливают эти дорогостоящие игрушки, как петарды». В августе ВМС потеряли 16 самолетов. Вокруг Ханоя было развернуто почти 600 зенитных орудий и 15 позиций ЗРК. Генерал-лейтенант Брюс Палмер писал: «Цена операций для наших атакующих сил в конечном итоге стала слишком высокой, фактически неприемлемой»³². В 1967 г., по утверждению командования ВМС, палубная авиация уничтожила 30 позиций ЗРК, 187 зенитных позиций и 955 мостов (эта цифра включала также восстановленные и повторно разбомбленные мосты), а также большое количество железнодорожного подвижного состава. Общая стоимость ущерба, нанесенного ДРВ бомбардировками, оценивалась в \$300 млн, но при этом американцы потеряли 922 самолета, стоимость которых была в три раза выше. К тому моменту наземные ПВО Северного Вьетнама насчитывали 8000 зенитных орудий и 200 ракетных пусковых установок. Несмотря на то что было уничтожено 85% электрогенерирующих мощностей, страна продолжала выживать благодаря передвижным генераторам. Американская разведка по-прежнему располагала крайне скудными сведениями о промышленности и инфраструктуре ДРВ. И все признаки свидетельствовали о том, что воздушная война мало отражалась на военных усилиях Ханоя на Юге.

Боевой дух летчиков ушел в штопор на фоне растущих потерь и отсутствия видимых успехов. Они насмешливо прозвали свое командование «яхт-клубом в Тонкинском заливе». Экипажи продолжали летать, бомбить и иногда погибать, но все меньше верили в то, что их героические усилия чего-то стоят. Между тем их

командование упрямо отказывалось признавать, что результаты воздушной кампании в Северном Вьетнаме наглядно свидетельствуют об ограниченной эффективности авиации. Даже в «Базовой доктрине ВВС США» 1984 г. по-прежнему утверждалось, что «воздушно-космические силы способны нанести удар врагу в самое сердце, без необходимости преодолевать его силы обороны». Ударная авиация, настаивали фанаты бомбардировок, позволяет «выборочно атаковать жизненно важные цели, уничтожение которых лишит противника возможностей и воли к сопротивлению»³³. В 1986 г. на вопрос журналиста, могли ли США в принципе победить в войне во Вьетнаме, Кертис Лемей безапелляционно ответил: «В любой двухнедельный период, если бы нам дали добро на неограниченную кампанию бомбардировок»³⁴. Это убеждение, которое в глазах потомков представляется не более чем опасной иллюзией, сам Лемей, а также генерал Уильям Момайер и адмирал Улисс Грант Шарп сохранили до самой могилы. Безусловно, тактические воздушные удары на Юге, особенно по тропе Хо Ши Мина, создавали значительные трудности для военных усилий Вьетконга. Однако политические издержки «Раскатов грома» были для США несоизмеримо выше, чем ущерб, нанесенный бомбардировками Северному Вьетнаму. И даже если бы американской авиации был дан карт-бланш, о котором они так громко кричали, это вряд ли переломило бы ход истории.

Глава 15

Под бомбами

Лучшие времена, худшие времена

В январе 1966 г. в Ханой прибыл заместитель министра иностранных дел Польши, чтобы передать предложение американской стороны сесть за стол переговоров, которое было с презрением отвергнуто. В июне канадский эмиссар получил такой же ответ. Через месяц в северовьетнамскую столицу с новой оливковой ветвью прилетел Жан Сантени, представлявший Францию на переговорах с Хо Ши Мином в марте 1946 г. Он настоятельно рекомендовал ханойскому руководству воспользоваться выигрышной ситуацией для заключения мирного соглашения, заявив, что американцы хотели только одного: сохранить лицо. Но во время его беседы с Фам Ван Донгом в кабинет вошел сам Хо. Он сказал французам, чтобы тот отправлялся домой и передал Вашингтону, что его народ ничего не боится и будет сражаться до конца, «даже если нам придется пожертвовать всем». Коммунисты не желали идти ни на какое урегулирование, которое продлило бы

существование сайгонского режима: они желали полной победы, и ничуть не меньше.

Подобно тому как операция «Блиц» германских люфтваффе по бомбардировке британских городов в 1940–1941 гг. помогла Уинстону Черчиллю сплотить британский народ, так и «Раскаты грома» стали для руководства Северного Вьетнама настоящим подарком небес: всегда гораздо проще мобилизовать население на фоне реальной угрозы, чем вокруг некой политической цели, такой как воссоединение страны. Крестьянам были выданы старые винтовки, чтобы стрелять по вражеским самолетам, что, разумеется, было абсолютно бесполезным делом, но поднимало боевой дух. По словам революционного барда Ван Ки, «для нашего народа бомбардировки не стали чем-то неожиданным или шокирующим — мы были психологически готовы к этому. Дядюшка Хо говорил нам: “Война может затянуться очень надолго, и наша столица может быть полностью разрушена, но нас это не сломит”». Один подросток рассказывал: после того как бомба упала на детскую площадку недалеко от их дома и убила нескольких детей, включая двух его двоюродных братьев, его мать — вопреки обычным родительским запретам — сама уговаривала его бросить школу и пойти в армию.

Одна убежденная коммунистка до конца своих дней с ностальгией вспоминала будоражащую атмосферу тех времен, когда она была молодым членом партии, а их страна подвергалась американским бомбардировкам: «У нас были идеалы, общая цель, за которую мы боролись. Мы старались превзойти друг друга в том, кто лучше выполнит порученное задание, и я помню, как иногда плакала, когда другие делали что-то лучше меня. Не было никакой обязаловки — мы все горели желанием служить нашей родине. И не было никакой коррупции».

Разумеется, эта идиллическая картина далека от истины. Тогда как северовьетнамский народ действительно проявил замечательную стойкость и самоотверженность в тот тяжелейший период, абсурдно утверждать, что он с энтузиазмом принял испытание огнем. Один военный ветеран, впоследствии ставший университетским профессором, в 2016 г. сказал: «На протяжении многих лет вьетнамцам представляли историю этой войны исключительно в романтическом ореоле. Мы устали от этого». Школьная учительница была с ним согласна: «Это было очень тяжелое время. Не было никакого счастья. Не хватало абсолютно всего. Все мужчины знали, что им придется идти в армию, но никто этого не хотел. Я помню, как одного моего ученика призвали еще до того, как он закончил школу. Их собирались отправить

на Юг, и перед этим он пришел ко мне в класс и попросил разрешения в последний раз посидеть за своей бывшей партией».

У Фама Хунга, жившего в прибрежной деревне на востоке страны, был друг по имени Хыонг, отличный футболист и умный парень, который жил один, потому что почти вся его семья в 1954 г. бежала на Юг. Когда Хыонг достиг призывного возраста, его несколько лет подряд отказывались брать на военную службу из-за прошлых связей его родителей с французами. В конце концов военное начальство было так впечатлено его желанием сражаться за дело революции, что его взяли в армию и отправили на Юг. Но его революционный пыл оказался притворным: он хотел попасть на Юг только для того, чтобы найти отца. Его схватили при попытке дезертирства, и до Хунга дошли слухи, что он предпринял несколько неудачных попыток бежать. «Его история была настоящей человеческой трагедией», — сказал Хунг. В другом случае армейские вербовщики прибыли в удаленную деревню, чтобы набрать квоту призывников. Но одна семья спрятала своего старшего сына в джунглях. Местные власти предупредили, что, если тот не явится на сборный пункт в течение трех дней, его семья лишится продовольственных карточек. Парню пришлось пойти в армию, но, оказавшись на Юге, он при первой же возможности дезертировал — с одобрения своей семьи.

В детстве Хунг не понимал, почему их отец был так одержим тем, чтобы он и его брат получили образование: отец заставлял их хорошо учиться в школе, чтобы затем поступить в институт. Однажды Хунг прогулял уроки, чтобы присоединиться к поиску сбитого американского пилота, за что получил от отца самый суровый нагоняй в своей жизни. Позже он понял причину: студентам в Северном Вьетнаме — как, впрочем, и в Южном Вьетнаме и Соединенных Штатах — было проще избежать призыва в армию. Отец Хунга хотел уберечь своих двух сыновей от войны. Каждый вьетнамец навсегда запомнил свою первую встречу с американским самолетом — когда Хунг, в то время 10-летний мальчик, увидел, как взорвался мост рядом с его деревней, он побежал прятать свой драгоценный школьный портфель и учебники, чтобы их тоже не разбомбили. Повзрослев, он со смехом вспоминал, что больше испугался за свои детские богатства, чем за свою жизнь. Несколько лет спустя в их маленький дом подселили полковничью жену и дочь, эвакуированных из Ханоя. Он влюбился в девочку, которая была того же подросткового возраста, что и он. Однажды ее мать возвращалась из соседнего города и погибла от взрыва бомбы, упавшей рядом с мостом.

Семья Хунга жила в маленькой буддийской общине по соседству с такой же небольшой католической общиной. Между детьми из двух сел шла «религиозная война» понарошку — они рыли окопы, стреляли друг

в друга из игрушечных ружей и бросали игрушечные гранаты. Некоторых взрослых огорчали такие детские игры, но так происходит в любом воюющем обществе. На деревенских улицах висели плакаты с карикатурами на Джонсона и позже на Ричарда Никсона — американские президенты были нарисованы с вытянутыми изо рта языками, с которых взлетали бомбардировщики. В школе каждое утро все ученики делали физзарядку, скандируя заученные лозунги. Для большинства населения единственным источником новостей были уличные громкоговорители. Правительственная пропаганда утверждала, что их собратья на Юге страдают от голода и нищеты и эксплуатируются американцами, как рабы.

Поля и крыши домов были усеяны дипольными отражателями, которые самолеты сопровождения ударных групп выбрасывали в воздух для создания помех радарам. Даже в сельской местности люди проводили много времени в бомбоубежищах, которые они научились покидать не сразу после сигнала об отбое воздушной тревоги, а подождав несколько минут, пока все снаряды и обломки не упадут на землю. Собакам часто давали кличку «Джонсон», а потом и «Никсон»: «Именем Никсона пугали маленьких детей, будто он был чудовищем из страшных сказок». Так как налеты происходили в основном в дневное время, вьетнамцы приспособились вести ночной образ жизни. Железнодорожные составы между китайской границей и Ханоем ходили в темное время суток. Водители грузовиков старались как можно лучше изучить привычные маршруты, чтобы ездить ночью без фар. За покупками также ходили по ночам.

Инженеры с безграничной изобретательностью и самоотверженностью обеспечивали ремонт поврежденных мостов и железнодорожных путей. В общей сложности на восстановительных работах путей сообщения было задействовано 600 000 рабочих, главным образом женщин. Когда американцы разбомбили грузовую станцию Кеп на жизненно важном китайском направлении, движение поездов было восстановлено в течение 20 часов. Еще 145 000 человек работали на объектах ПВО. Поскольку многие мужчины служили в армии, львиная доля тяжелого физического труда ложилась на женские плечи. Один крестьянский ребенок вспоминал, что в сезоны посадки риса и сбора урожая его мать вставала в 3 часа ночи, чтобы переделать как можно больше работы, пока солнце не войдет в зенит. Иногда несчастная женщина так уставала, что засыпала прямо на рисовом поле.

Постепенно люди привыкли к бомбардировкам и стали испытывать меньше ужаса, хотя разумными мерами предосторожности никто не пренебрегал. Чтобы выехать за город, многие горожане использовали моратории на воздушные налеты, которые благородно объявляло

правительство США по нескольким главным вьетнамским праздникам в году. Советский дипломат описывал возвращение в столицу в последние часы перед окончанием моратория: «Навстречу нам двигались по ночам на Юг бесконечные колонны грузовиков и бензовозов. На узких дорогах со спешно залатанными воронками часто возникали заторы. Напряжение нарастало на подъезде к Ханой, когда время близилось к полуночи. Помню, как, продираясь сквозь встречные колонны грузовиков и бензовозов, мне пришлось, выйдя из машины, разбудить уснувшего от усталости за рулем совсем юного водителя».

Продукты питания распределялись только по карточкам, и люди постоянно искали, чем бы дополнить свой скудный рацион. В сельской местности были популярны тушеные крысы с шафраном, жареные крысы с листьями лимона, а также саранча, кузнечики, жуки и личинки шелкопряда. Домашние животные тоже становились едой. Один вьетнамец вспоминал, что, когда ему было 11 лет, родители сказали, что семья переезжает в другой дом и они не могут взять с собой его любимую дворнягу: «Я крепко обнял свою собаку, а потом пришел какой-то незнакомый человек и забрал ее — я понял, что он ее убьет». Считалось, что собачье мясо становится гораздо вкуснее, если его как следует отбить и размягчить, прежде чем животное умрет.

До Тхи Тхы и ее сокурсники в Ханойском университете были вечно голодными, как и их соотечественники, маршировавшие по тропе Хо Ши Мина. «Парни страдали гораздо сильнее», — вспоминала она. Мяса и овощей почти не было; в основном ели рис, изредка — картофель и кукурузу. Не хватало даже воды, чтобы помыться и постирать белье. По вечерам вместо развлечений и фильмов были многочасовые собрания Союза молодежи, на которых обсуждалось, как стать хорошим гражданином. Иногда собрания перерастали в ожесточенные споры, например однажды, когда студент забыл в умывалке часы, а «плохой гражданин» украл их. Не было ни курения, ни алкоголя, почти не было секса: «Мы были невинными детьми. Никто особо не жаловался — мы просто жили так, как могли».

Ханойский подросток Фам Фыонг раньше не испытывала враждебности к американцам. Но потом начались бомбардировки. Когда с неба впервые посыпались бомбы, она в ужасе побежала и спряталась под деревом. Вскоре после этого ее жизнь резко изменилась. Семья Фыонг оказалась среди сотен тысяч других горожан, которые были переселены из крупных городов в деревни. «Люди там были приветливыми, но еды всегда не хватало». Эвакуированные семьи часто расселялись по разным домам, так что маленькие дети, рыдая, бегали по улицам в поисках матерей. Хижины освещались только керосиновыми

лампами, и те, кто любил читать, постоянно ходили с закопченными носами.

Трудности и лишения, которые пришлось пережить Фыонг, находятся за гранью воображения для большинства западных людей. Когда она училась в начальной школе, ей приходилось каждый день проходить пешком туда и обратно больше 3 км, в средней школе — больше 8 км, разумеется босиком. В подростковом возрасте она мечтала не о романтических отношениях с мальчиками, а о еде и красивой одежде, особенно о шелковых штанах. Отец запретил ей посещать кинотеатр под открытым небом, где показывали китайские и советские фильмы, в основном о войне, потому что билеты стоили слишком дорого для их семейного бюджета. Иногда после школы она заходила в гости к дяде, где слушала передачи по маленькому китайскому радиоприемнику; телевизор она впервые увидела только после войны. При этом семья Фыонг занимала относительно привилегированное положение и с гордостью относилась к интеллигенции: ее отец бегло читал на английском, французском и русском языках. Опытный инженер-связист, он не сидел без работы, но, когда Фыонг закончила школу и хотела поступить в институт, ей отказали из-за принадлежности к «неблагонадежному» классу как дочери «интеллектуала». Ей пришлось выучиться на счетовода.

Единственная «пометка о неблагонадежности» в личном деле могла испортить человеку всю жизнь. Когда Нгуен Динь Киен получил повестку в армию, его родители смогли добиться отсрочки, потому что его старший брат был убит в Лаосе, и Киен остался их единственным сыном. Однако в его досье был зафиксирован тот факт, что отец когда-то работал охранником на французскую колониальную администрацию, а также было отмечено, что сам Киен «ведет недостаточно усердную борьбу на личном идеологическом фронте». Позже Киен писал: «Эти несправедливые, горькие слова вызвали неисчислимые проблемы на протяжении всей моей жизни». Ему отказали в приеме в коммунистическую партию. Несмотря на отличную учебу, его лишили самой желанной привилегии — поехать учиться за границу. Когда он захотел стать военным летчиком и прошел все тесты в летную школу, ему снова отказали как «ненадежному». Много лет его не брали даже в армию.

После того как мужчины надевали на себя военную форму, их словно «проглатывал дракон». Их родные ничего не знали о судьбе своих сыновей и мужей и мучительно ожидали любой весточки: когда рядовой ВНА Нгуен Хиен Динь в 1965 г. погиб в бою, его родные узнали об этом только через пять месяцев. Мать Хьена выбегала встречать почтальона каждый раз, когда тот приходил в их отдаленную

деревню, — но тот только качал головой. Они догадались, что случилась трагедия, когда на Тет получили поздравительную открытку из полка Хиена — такие открытки обычно рассылались ближайшим родственникам погибших. Три недели спустя они получили официальное уведомление о его смерти.

Ле Зуан и его соратники с впечатляющей эффективностью сумели мобилизовать северовьетнамский народ и вселить в него волю к борьбе. Но таким вещам, как личная справедливость, самореализация и счастье, не было места в их повестке дня — и это мало зависело от американских бомбардировок.

Друзья

В начале кампании «Раскаты грома» посольство США в Москве высказало уверенность в том, что прямое вмешательство СССР было маловероятным до тех пор, пока существование Северного Вьетнама как социалистического государства не подвергалось угрозе. Этот прогноз, по существу, оправдался, однако нарастание интенсивности бомбардировок подтолкнуло и Москву, и Пекин оказать своему собрату по соцлагерю беспрецедентную по своим масштабам военную помощь. Первый объект зенитно-ракетной обороны появился к юго-востоку от Ханоя в апреле 1965 г. Типичная батарея состояла из четырех–шести пусковых установок С-75, размещенных на расстоянии 50 м друг от друга вокруг передвижной радиолокационной станции и автомобиля связи. Двухступенчатые зенитно-управляемые ракеты длиной 10,6 м были способны поражать цели на высоте более 20 км — в полете они напоминали летящие телеграфные столбы с короткими крылышками, оставлявшие за собой белый след выхлопов двигателя, работавшего на керосине и азотной кислоте. Первая ступень — стартовый ускоритель — поднимал ракету в воздух первые пять секунд после запуска, после чего еще 20 секунд работала маршевая ступень. Ракеты обычно запускались по две или четыре штуки, и взрыв ее 160-киллограммовой боевой части в пределах сотни метров около самолета почти неизбежно оказывался фатальным для последнего. В 1965 г. на каждые 17 запущенных ЗУР приходился один сбитый американский самолет, но по мере улучшения средств радиоэлектронной борьбы это соотношение улучшилось в пользу американцев до 35 : 1. В 1972 г. каждое «поражение воздушной цели» обходилось уже в среднем в 60 ракет.

СССР направил в ДРВ несколько сотен военспецов, техников и пилотов, которые служили инструкторами и советниками. Большинство из них отнеслись к этой поездке с энтузиазмом. Полковник Юрий Кислицын, родившийся в Казахстане в 1934 г., был опытным

командиром ЗРК С-75, когда его отправили во Вьетнам: «Я очень туда стремился — это была романтика, понимаете». Петр Залипский из Винницы, 21-летний младший сержант, был самым молодым в группе из 100 человек, которые совершили, казалось, бесконечное путешествие по железной дороге через всю Россию и Китай. Каждому русскому выдавалось удостоверение личности на вьетнамском языке, где было написано, что он — советский гражданин, который «помогает вьетнамскому народу в борьбе с американскими агрессорами, и ему следует оказывать всевозможное содействие».

Лейтенанту Валерию Мирошниченко был 21 год, когда его отправили во Вьетнам. Его начальство ясно дало понять, что эта командировка — большая привилегия. Им было приказано замаскировать свою принадлежность к армии, поэтому он и его товарищи путешествовали в гражданской одежде — в костюмах, сшитых в Восточной Германии, что «по тем временам было невероятным шиком». После 20-часового перелета с пятью дозаправками они приземлились во Вьетнаме и поселились в гостинице, зарегистрировавшись как «командировочные инженеры». «Мы ходили, глазели на все вокруг, обменивались замечаниями, как здесь необычно и красиво, шутили, как вдруг раздалось: “Бух! Бух!” — взрывы бомб и стрельба зениток. Два Phantom атаковали нефтехранилище. Они сделали три захода, а вьетнамцы палили по ним из зенитных орудий. Мы мгновенно бросились на землю, испачкав в грязи наши чистые модные рубашки. Когда налет закончился, мы вернулись в автобус, но никто больше не шутил». Чтобы добраться из гостиницы до своего объекта, им приходилось по 40 минут переправляться на пароме через реку, и каждый раз они боялись, что сейчас налетят американские самолеты и застигнут их посреди реки.

В 1966 г. лейтенант Валерий Панов стал старшим офицером на пункте связи в Хайфоне, где отвечал за прием и ретрансляцию сообщений от советских траулеров-разведчиков о взлете палубной авиации с американских авианосцев. Русские военспецы носили вьетнамскую униформу без знаков различия и жили в старых полуразрушенных французских казармах без крыши и элементарных удобств. Они страдали от хронической тепловой сыпи, а из-за нехватки воды были вынуждены мыться и стирать одежду в море. За всю войну от американских бомбардировок погибло всего 18 русских специалистов. Однажды недалеко от Панова разорвалась бомба, и обломок каменной кладки ударил его по каске — два дня он провел контуженным. «Там ты мог рассчитывать только на себя и на того, кто находился рядом», — мрачно сказал он. Один офицер из группы майора Виктора Малеванного укрылся от бомбардировки в свежей воронке,

следуя популярному поверью, что снаряд никогда не попадает дважды в одно место. Он оказался неправ, и был разорван на куски следующей бомбой.

В полку, где служил инструктором Петр Залипский, большинство из тысячи вьетнамцев немного говорили по-русски, а многие технические специалисты учились в СССР. Начиная с июля 1965 г. их батарея поднималась по боевой тревоге примерно раз в два дня, а иногда и чаще: «Мы постоянно находились в напряжении». Из-за острой потребности в зенитно-ракетных кадрах срок подготовки был сокращен с шести до трех месяцев. Постепенно русские стали ненавидеть американцев так же сильно, как и вьетнамцы. Командир батальона майор Ильиных, темпераментный офицер, напутствовал трех операторов наведения перед их первым пуском: «Ребята, дорогие мои, поймите этих ублюдков и уничтожьте их! Покажите им, что такое советские патриоты!» Местные жители считали майора своим спасителем и каждый раз, когда видели его зеленый ГАЗ-59 — «козла», как называли машину русские, — приветствовали его радостными криками: «Ильиных! Ильиных!»

Когда русские передислоцировались на новое место, местные жители одаривали их ананасами и бананами и помогали рыть траншеи — каторжный труд на неподатливой каменистой почве. По слухам, если сбитые американские летчики попадали в руки военных, они были в безопасности; если же до них первыми добирались гражданские или ополченцы, их ожидала зверская расправа, как это часто случалось и с пилотами союзников на территории Германии во время Второй мировой войны. Валерий Панов подтверждал эти слухи: «Крестьяне забивали их мотыгами и закапывали в ближайшей воронке от бомб». По словами Валерия Мирошниченко, «мы все горели желанием показать янки, кто здесь главный». Виктор Малеванный, которому в детстве пришлось пережить немецкую оккупацию на Украине, писал: «Вьетнамцы ненавидели американцев даже ожесточеннее, чем мы в свое время немцев».

Оператор РЛС наблюдал за приближавшейся ударной группой и пытался определить подходящую точку для наведения ЗУР. Из-за того что американцы использовали средства радиоэлектронного подавления, вспоминал Петр Залипский, «мы видели на экране только горизонтальную линию, в то время как вертикальная постоянно вспыхивала и гасла. Ведущий самолет выстреливал заряды дипольных отражателей, которые создавали помехи для нашего луча. Нам нужно было догадаться, который из них был постановщиком помех. Однажды мы обнаружили две группы из 15 самолетов — F-4D и F-105. Мое чутье подсказывало, что нужно стрелять в центр группы. Я дал майору

Ильиных координаты. Он сказал: “Хорошо, давай попробуем. Может быть, нам удастся сбить что-нибудь посреди этой массы света”». Они запустили ракету и поразили цель. Впрочем, доклады зенитчиков о числе сбитых американских самолетов были не более правдоподобны, чем данные КОВПВ о количестве уничтоженных вьетконговцев.

Десять зенитно-ракетных полков ДРВ жили под девизом «Перемещайся или умри»: как показал горький опыт, оставаться на одном месте больше 24 часов означало почти неизбежно подвергнуться воздушному удару. Они переводили свои ЗРК из боевого положения в походное в течение часа и передислоцировались на новое место, обычно в пределах 10 км от прежнего. Они научились активировать РЛС сопровождения целей всего за пять–семь секунд до пуска ракеты. «На экране появлялись два ярких пятна очень близко друг к другу, — вспоминал Нгуен Киен Динь. — Три оператора считывали данные о скорости самолетов и одновременно кричали: “Цель!”... Командир батальона отдавал приказ: “Пуск, две ракеты, дальность...”» Затем следовала яркая вспышка, облако белого дыма и громopodobный рев. Фургон наведения, внутри которого стояла удушающая жара, слегка встряхивало, и яркая полоса устремлялась в сторону самолета. Спустя шесть секунд стартовала вторая ЗУР, и после этого был слышен только голос офицера, зачитывающего данные о дальности полета. Когда два сигнала встречались, на экране расцветало яркое пятно, окутывающее цель. Все три оператора наведения кричали: “Взрыв боевой части!”» Но попадания были относительно редкими: прошло два года, прежде чем ракетный батальон Киена сбил свой первый самолет.

На протяжении всей кампании «Раскаты грома» преимущество в радиоэлектронной войне попеременно переходило то на одну, но на другую сторону. Самонаводящиеся Shrike были эффективным оружием устрашения. Когда вьетнамские пусковые расчеты поняли, что активация РЛС сопровождения превращает их в мишень — и иногда означает смерть в пределах нескольких секунд, — некоторые начали саботировать пуски. Их любимой уловкой было утверждать, что они не могут обнаружить цель, что приводило в ярость командиров. Как-то в 1966 г. под Хайфоном командир зенитно-ракетной батареи, находившийся в фургоне станции наведения, не выдержал и взорвался: «Даже я своими старыми глазами вижу цель на вашем экране! Пускайте ракеты, черт возьми! Они атакуют электростанцию в Уонгби!» В декабре 1967 г. ракетчики столкнулись с новой проблемой: американцы научились создавать помехи на радиокомандном канале между станциями наведения и их пусковыми установками. Однако баланс сил снова качнулся назад, когда сбитый американский летчик раскрыл подробности о новых бомбах Walleye с телевизионной системой

наведения и об их предполагаемых целях. Два месяца спустя, на День святого Валентина 1968 г., в руки северовьетнамцев попал почти неповрежденный F-105 Thunderchief с секретным контейнером РЭП.

Русские с трудом переносили летнюю жару во Вьетнаме; они все время ходили в шортах и каждые несколько часов принимали душ. Сахар таял. Сигареты были строго нормированы. Почту они получали редко, а их радиоприемники не могли поймать ни одной советской радиостанции. Газеты приходили пачками с опозданием на несколько недель. Получение посылки — обычно там была икра, копченая колбаса, черный хлеб, «дембельские» календари для тех, чей срок командировки подходил к концу, водка и русское шампанское — было большим событием. Офицеры также получали коньяк.

Хотя СССР едва ли можно было назвать обществом с высоким благосостоянием, русские были потрясены царившей во Вьетнаме нищетой и тяжелым трудом женщин. Как и американцы, русские были очарованы красотой вьетнамских девушек, однако любое «братание» с местным населением было строго запрещено. Девушки из соседней деревни заходили в часть, где служил Петр Залипский, «чтобы поболтать, и иногда позволяли несколько поцелуев, но, если ваши руки оказывались там, где не должны были быть, или вы пытались прижать девушку к стене, она отталкивала вас мягко, но ощутимо. Они были очень сильными». Друг Залипского Иван влюбился в потрясающе красивую девушку, наполовину француженку, работавшую в военной столовой, и они обратились за разрешением зарегистрировать брак. Но спустя несколько дней девушка исчезла, а Ивана предусмотрительно отправили домой. Однажды Валерий Мирошниченко увидел, как женщины под охраной таскают камни, и спросил у переводчика, кто они такие, на что тот холодно ответил: «Они отбывают наказание за то, что путались с иностранцами».

Десятилетний сын северовьетнамского радиоинженера был научен родителями не разговаривать с незнакомцами, чем сильно расстраивал молодого советского советника по фамилии Селягин, работавшего с его отцом. Когда «дядя Се» наклонялся, чтобы угостить его конфетой, мальчик принимался визжать: «Я был так напуган его ростом, его густыми волосами, большими серыми глазами». Но большинство русских хорошо ладили с местными. Один любил развлекать детей карточными фокусами. Другие завоевывали популярность тем, что делали и дарили семейные фотографии — ценный подарок в обществе, где фотоаппараты были непозволительной роскошью. Однако вьетнамцы внимательно следили за своими гостями, даже в туалетах, и всячески препятствовали тому, чтобы их предполагаемые союзники учили вьетнамский язык.

Русские ненавидели местных комаров, «огромных, как В-52». Многие с трудом привыкали к экзотическому и скудному, на их взгляд, питанию. Между тем их рацион можно было назвать роскошным по сравнению с тем, как питалось местное население; их в изобилии снабжали пивом, но мясо всегда было в дефиците. В подразделении Петра Залипского «ловили на кузнечиков гигантских лягушек — у них было вкусное мясо, белое и нежное, как у курицы... я до сих пор предпочитаю лягушачье мясо морепродуктам». Некоторые приучились есть змей и находили их гораздо вкуснее местной свинины, которая почему-то готовилась вместе с щетиной. В мисках с едой ползали вездесущие муравьи, а молоко было редкостью. Служившему в Хайфоне Валерию Панову повезло больше других: он мог ловить в море рыбу, и изредка с помощью перемета ему удавалось поймать диких уток. По словам Юрия Кислицына, «это была очень голодная страна: мы говорили, что вьетнамцы едят все, что ползает, кроме танков, все, что плавает, кроме авианосцев, и все, что летает, кроме В-52». Как-то к ним в подразделение прибилась собака, которую они называли Као-Ке, и все заботились о ней — а потом съели.

Майор Петр Исаев возглавил группу авиационных советников в конце 1960-х гг., когда на вооружении северовьетнамской авиации ПВО стояли советские МиГ-21. Ему довелось стать свидетелем самых разных фиаско: однажды командир авиакрыла забыл, в какое положение нужно перевести рычаг управления шасси, не выпустил стойки и посадил самолет на брюхо в присутствии группы ВПП-зрителей. Вьетнамский пилот вполне обоснованно чувствовал себя опозоренным, а русские пытались его утешить, говоря: «В летном деле всякое бывает». Исаев считал, что идеология занимает слишком большое место в подготовке пилотов, и был шокирован тем, что боевые задания среди пилотов распределялись специальным парткомитетом, половина членов которого не разбиралась в авиации. Когда он попытался настоять на том, чтобы изменить эту практику, а также ввести послеполетный разбор результатов, замполит полка дал ему жесткий отпор. «Товарищ, вы прибыли сюда, чтобы помочь нам в нашей борьбе против американских агрессоров, — сказал он через переводчика. — Все остальное — не ваше дело».

Поскольку отношения между Китаем и СССР становились все более напряженными, правительство Мао чинило всяческие препятствия, а иногда и полностью останавливало железнодорожную перевозку советских грузов по своей территории, включая гробы. В результате погибших советских специалистов иногда приходилось хоронить на месте: Петр Залипский и его товарищи в шутку говорили местным девушкам, что те должны «приходить на наши могилы, как требует

русский обычай — с водкой и черным хлебом». Между китайскими и советскими техническими специалистами и дипломатами шло жесткое соперничество, кто первым получит доступ к технологиям со сбитых американских самолетов; вьетнамцы часто обманывали тех и других, давая ложные координаты падения обломков. Советский дипломат Анатолий Зайцев вспоминал бешеные рейды сквозь непролазные джунгли и топи рисовых полей наперегонки с китайцами, чтобы первыми добраться до неразорвавшихся боеприпасов или сбитых самолетов. Его коллега даже посвятил этому шуточную песню:

В шесть часов вечера после войны
Ты на свиданье со мной приходи,
На площади Арбатской тебя я буду ждать,
Осколок эф сто пятого под мышкою держать.

Местные жители также охотились за трофеями: алюминий был ценным металлом в домашнем хозяйстве. «Уже на следующее утро на месте падения ничего не оставалось, — вспоминал один русский техник, участвовавший в таких операциях. — Вьетнамцы забирали буквально все. Они делали из обломков расчески и кольца». В марте 1967 г. советское посольство в Ханое с горечью жаловалось в Москву: «Наши военные специалисты вынуждены работать в крайне трудных условиях... зачастую преднамеренно усугубляемых вьетнамскими товарищами... [которые] под разными предлогами скрывают места падения и задерживают их посещение. Советские специалисты неоднократно сталкивались с тем, что к моменту их прибытия сбитые самолеты уже осмотрели китайцы... и с них было снято все ценное».

В июле 1966 г. русские передали правительству ДРВ гневную ноту, утверждая, что власти умышленно тормозят разгрузку советских судов в порте Хайфона, чтобы использовать те как средство сдерживания против американских бомбардировок. Советское посольство сообщило в Москву, что вместо благодарности вьетнамцы жалуются на низкое качество советской техники и оборудования, а значительная часть поставленного промышленного оборудования просто хранится на складах. В марте 1968 г. в ДРВ был принят закон о «препятствовании контрреволюционной деятельности», который налагал запрет на поездки советских дипломатов по стране и на любые несанкционированные контакты с местными жителями. Был выслан один сотрудник советского посольства, предположительно за связи со слабеющей фракцией Зяпа. По словам посольства, ханойское руководство рассматривало СССР всего лишь как «тыл», снабжавший Северный Вьетнам материально-техническими средствами для его военных усилий, и презирало Москву за ее настойчивое стремление заключить мир с американцами. Генерал ВНА сказал советскому

поверенному в делах: «Если бы мы терпели поражение, у нас бы не было другого выбора, кроме как согласиться на переговоры. Но мы все время одерживаем убедительные победы. Зачем нам садиться за стол переговоров? Если мы это сделаем, мы потеряем все, и, самое главное, дружбу с Китаем».

Как бы то ни было, но непосредственно на местах между русскими советниками и их вьетнамскими подопечными сложились довольно тесные рабочие отношения. Лейтенант Валерий Мирошниченко вспоминал: «Они старались прилежно научиться всему, чему мы их учили, даже если не совсем понимали, чему они учились. Дело было не столько в страхе, сколько в дисциплине, упорстве, горячем желании победить. Они строили коммунистическое общество». Он и его товарищи были впечатлены трудоспособностью вьетнамцев, существовавших на таких жалких пайках: «...пара ложек пустого риса... Откуда только у них брались силы? Они были похожи на муравьев, полностью сконцентрированных на выполнении поставленной перед ними задачи». Северовьетнамское командование нехотя разрешило немного увеличить рацион пусковых расчетов, чтобы улучшить их зрение.

В июне 1965 г. по просьбе Ле Зуана Китай направил в Северный Вьетнам контингент военных инженеров и логистов. В следующем году в страну прибыло более 170 000 китайских военнослужащих, в основном инженерных и саперных войск; в период с 1965 по 1968 г. их численность выросла до 310 011 человек, включая 346 советников. 57-летний полковник железнодорожных войск Гуйлинь Лонг был опытным специалистом, принимавшим участие в гражданской войне и в корейском конфликте. В один из дней в апреле 1965 г. его вызвали в Генеральный штаб НОАК в Пекине и сообщили, что он включен в состав командной группы из десяти человек, которая немедленно вылетает во Вьетнам. Задачей группы было наладить оперативный ремонт железнодорожных путей, поврежденных американской бомбардировкой, чтобы обеспечить бесперебойный поток военных поставок из Китая. Лонг отвечал за пограничный переход в Хыу Нги Куан — «Переход дружбы» — и за 250-километровый участок Ханой — Лаокай. По прибытии в Ханой их группу во главе с генералом НОАК лично приветствовал Фам Ван Донг и другие члены Политбюро. «Ситуация была чрезвычайно серьезной, — писал Лонг в своих мемуарах. — Если бы национальная железнодорожная сеть Вьетнама продолжала разрушаться и дальше, все военные усилия оказались бы под угрозой».

У Лонга имелся большой опыт: в 1950–1953 гг. он занимался тем же самым в Корее, обеспечивая функционирование ее железных дорог под

воздушными ударами. Но возраст давал о себе знать: постоянные поездки, особенно в сезон дождей, давались ему с трудом. Днем, когда температура превышала 36 °С, «мы ходили, одурманенные жарой, в насквозь пропотевшей одежде. Потом начинался дождь, и мы покрывались грязью с головы до ног... Жизнь была тяжелой». В июне прибыла первая рабочая сила — пять полков корпуса железнодорожных войск НОАК, а также полк зенитной артиллерии. Лонг был назначен командиром технического отдела 1-го подразделения Китайского народного добровольческого инженерного корпуса, хотя вряд ли кто-то из его личного состава прибыл во Вьетнам по собственной воле.

Лонг разместил штаб-квартиру в Лангшоне, а лагеря рабочих — вдоль железнодорожных линий. Китайцы были шокированы, узнав, что сайгонские радиостанции сообщили об их прибытии. Когда над районом начали активно летать американские самолеты-разведчики, 3 июля вьетнамцы уговорили Лонга сменить местоположение штаб-квартиры и лагерей. Но это не спасло их от налетов, от которых они несли серьезные потери. Лонг писал: «Мы оказались в такой же опасной ситуации, как и в Корее 12 лет назад... Врагу было известно обо всех наших перемещениях». Вьетнамцы считали, что китайцев выдают их синие рабочие костюмы.

В середине лета к бедствиям от регулярных американских бомбардировок добавились страдания от жары: температура зачастую доходила до 49 °С при влажности воздуха 85%. Работавшие на путях люди потребляли по 15 литров воды в день, но это не спасало от тепловых ударов. В каждом ручье и луже кишели болезнетворные микробы, способствуя распространению эндемических кишечных и кожных заболеваний. Люди страдали лихорадкой и бессонницей. Тысячи заболели малярией. Еды не хватало: вьетнамцы обеспечивали своих союзников только тыквой и водяным бататом плюс небольшим количеством бананов. Полк Лонга получал консервы и сушеные овощи из Китая. Китайские солдаты ненавидели огромных местных сороконожек, сухопутных пиявок и комаров не меньше, чем их американские коллеги в сотнях километрах на Юге. Вездесущие змеи пробирались на кухни, где пожирали запасы яиц, и в спальни — в полку Лонга один человек умер от укуса гадюки. «Наш Железнодорожный корпус перенес все тяготы гражданской войны и войны в Корее, но никогда прежде нам не доводилось работать в такой враждебной среде», — писал Лонг.

Между тем американцы не собирались давать передышки. 9 июля 1965 г. в ходе налета на западную линию было повреждено несколько ж/д мостов и станций. 23 августа авиация США нанесла удар по северной линии, а также по работавшим на ней бригадам китайских

железнодорожников. 20 сентября массированному удару подвергся мост через реку Тханьхоа, который был серьезно поврежден в результате 20 попаданий; за этим последовало еще пять налетов. Китайцы гордились оперативностью своих ремонтных бригад: железнодорожное сообщение с Китаем никогда надолго не прерывалось. Но южнее ситуация была гораздо хуже: ключевые мосты в провинции Бакзянг недалеко от Ханоя регулярно подвергались ударам. Однажды во время бомбежки китайский солдат героически отогнал с моста загоревшийся грузовик с боеприпасами, чтобы тот не взорвался и не причинил еще больше повреждений. Из Пекина доставлялось все больше зенитных орудий; рылись траншеи и подземные укрепления; лагеря рабочих уменьшались в размерах и рассеивались по местности. Зенитчики докладывали о впечатляющих успехах: так, они утверждали, что только за четыре налета в октябре сбили 11 и повредили еще 17 американских самолетов. В первые месяцы по прибытии китайского контингента во Вьетнам у них было всего два человека, которые занимались отслеживанием активности американской авиации. В течение следующих двух лет сеть противовоздушной обороны расширилась до 31 планшетного подразделения и хорошо организованной телефонной системы оповещения. Чтобы хотя бы немного облегчить участь своих солдат, нищая китайская армия пошла на беспрецедентные траты: каждому солдату было выдано по два комплекта рабочей одежды и пластиковые сандалии вместо парусиновых тапок; в подразделения были направлены медработники, а также запасы репеллентов от комаров и средств от змеиных укусов. Вьетнамцы неохотно разрешили своим гостям разводить собственные огороды и выращивать овощи для еды.

Несмотря на все меры, бомбардировки по-прежнему представляли собой серьезную угрозу. 21 августа 1966 г. полковник Лонг ехал с инспекцией на ремонтный участок по шоссе №1 недалеко от гор Юлонг, когда начался налет. Из-за шума двигателя он и его сопровождающие не заметили опасности, пока не увидели солдат, бежавших со всех ног к близлежащим джунглям. Они остановили машину и выскочили на дорогу, попав под град пушечного огня. Лонга взрывной волной отбросило в придорожную канаву. Его заместитель по оперативным вопросам и водитель были убиты, вьетнамский переводчик — ранен. У личного охранника Лонга осколком перерезало артерию на руке, и, когда он попытался вытащить своего босса из канавы, сам потерял сознание — когда Лонг пришел в себя, он обнаружил, что весь залит его кровью. С сотрясением мозга и повреждением позвоночника полковник был отправлен в госпиталь, а затем домой. В общей сложности за все время «Раскатов грома» китайцы потеряли 1675 человек ранеными и 771 убитыми.

Насколько известно, русские и китайские пилоты не участвовали в боевых вылетах против американцев. Однако Северная Корея — в соответствии с соглашением, подписанным между Ханоем и Пхеньяном в сентябре 1966 г., — изначально отправила во Вьетнам десять боевых пилотов МиГ-17 и позже увеличила их контингент до 20 человек. Они базировались на аэродроме Кеп к северо-востоку от Ханоя и были известны как «Группа Z». В общей сложности за период с начала 1967 г. до вывода в конце 1968 г. в Северном Вьетнаме воевали 87 северокорейских пилотов. Они потеряли 14 пилотов погибшими и утверждали, что сбили 26 американских самолетов.

23 декабря 1966 г. в Ханой прибыл заместитель главного редактора The New York Times Гаррисон Солсбери. Этот визит имел огромное пропагандистское значение. Солсбери был выбран вьетнамскими властями из большого числа журналистов благодаря своей репутации признанного противника бомбардировок. С конца декабря газета начала публиковать яркие и эмоциональные репортажи Солсбери из Северного Вьетнама: например, о разрушении 300 домов и гибели десяти человек в 8 км от ближайших целей, санкционированных для нанесения воздушных ударов; о разбомбленной Школе вьетнамско-польской дружбы; о городе Намдинь в 100 км от Ханоя, в котором была разрушена десятая часть жилых домов и погибли 89 мирных жителей — журналисту сказали, что город бомбили 52 раза. «Каковы бы ни были объяснения, обнаруживаешь, что самолеты США сбрасывают огромную массу боеприпасов на исключительно гражданские цели», — писал он в The New York Times.

Как и любой сторонний наблюдатель, которому посчастливилось получить привилегированный доступ в закрытое тоталитарное общество, Солсбери был потрясен увиденным. Он искренне сопереживал бедному азиатскому народу, навлекшему на себя гнев самой могущественной нации в мире, причем по весьма сомнительной причине. К сожалению, он пренебрегал необходимостью тщательно перепроверять информацию, которую предоставляли ему гостеприимные хозяева, и принимал на веру все их утверждения, некоторые из которых не соответствовали действительности, чем подрывал доверие к своим репортажам и впоследствии к своей книге. Например, вьетнамцы утверждали, что американцы целенаправленно бомбили дамбы на Красной реке и текстильную фабрику в Намдине. Со своей стороны, американское руководство старалось дискредитировать Солсбери, в частности указывая на то, что приводимые им статистические данные о жертвах и разрушениях также фигурируют в коммунистических пропагандистских материалах. Однажды Солсбери опубликовал фотографию якобы разрушенного католического собора,

однако проведенное расследование показало, что здание стояло целым и невредимым. Нью-йоркский журналист, как и многие другие западные визитеры левого толка, стал жертвой собственной излишней доверчивости.

Тем не менее правительство США не могло убедительно отрицать многие неприятные факты, в первую очередь то, что значительная часть воздушных ударов американской авиации не отличалась высокой точностью. В ходе налетов на электростанцию в Намдине немало бомб действительно упало на соседние текстильные фабрики, а палубные истребители атаковали зенитные орудия, установленные на дамбах. Однажды вместо одной железнодорожной грузовой станции была разбомблена совершенно другая, находившаяся ближе к Ханю. Один из авторитетных хроникеров этой войны, Уэйн Томсон признал: «Даже если пилот правильно определял цель, бóльшая часть бомб падала мимо». По собственным оценкам ВВС, всего половина боеприпасов, сбрасываемых F-105 Thunderchief, которые обычно несли шесть 340-килограммовых бомб, падала в радиусе 150 м от точки прицеливания. Такой уровень точности по меркам того времени считался вполне удовлетворительным, однако же предполагал значительную вероятность нанесения так называемого побочного ущерба. Помимо этого, с неба на голову гражданского населения сыпались аварийно сбрасываемые бомбы, подвесные топливные баки, ракеты «воздух — земля», а также осколки зенитных снарядов и ракет северовьетнамских ПВО. Весь этот «побочный мусор» воздушной войны наносил существенный ущерб невоенным объектам и жилым домам и был причиной гибели большого числа мирных жителей.

Солсбери, чьи репортажи читались огромной аудиторией и воздействие которых намного превосходило все ожидания ханойского Политбюро, передал миру два важных послания. Во-первых, что американские бомбардировки причиняли страдания невинным; во-вторых, что вьетнамский народ, вместо того чтобы стать на колени, только укрепился в своей решимости и воле к победе. Неуклюжие попытки Линдона Джонсона «гуманизировать» бомбардировки не принесли политических дивидендов: Солсбери задавал вопрос, почему в сельской местности атаковалось такое количество малозначительных целей, тогда как ханойская электростанция и огромный мост Думера — на тот момент — оставались нетронутыми. Тем не менее никто не получил от поездки журналиста The New York Times в Ханой того, что хотел. Проведенный в феврале 1967 г. опрос показал, что, хотя 85% американцев теперь признавали факт гибели мирных жителей, 67% по-прежнему одобряли бомбардировки. Последующие месяцы ознаменовались новым всплеском интенсивности воздушной войны.

За последние шесть месяцев Второй мировой войны ВВС США под командованием Кертиса Лемея сбросили на Японию 147 000 тонн бомб, унесших жизни 330 000 японцев. В ходе операции «Раскаты грома» на Северный Вьетнам было сброшено в четыре раза больше боеприпасов, от которых погибли 52 000 человек из 18 млн. Из Хайфона бежала половина жителей, из Ханоя — почти треть. В 1966 г. воздушная война обходилась США в \$6,60 на \$1 нанесенного ущерба; год спустя эта цифра выросла почти до \$10. Предыдущей весной, когда подчиненные спрашивали у командера Джеймса Стокдейла: «Почему мы воюем?», тот отвечал: «Потому что того требуют интересы Соединенных Штатов». Но чем дольше продолжались бомбардировки и чем больше росли потери, тем скептичнее становились те, кто делал эту работу. Лейтенант Элиот Тозер, пилот А-4 Skyhawk, писал в своем дневнике: «На всех уровнях наступает разочарование. Мы летаем на ограниченном количестве самолетов, сбрасываем ограниченное количество боеприпасов на строго ограниченный перечень целей в ограниченные интервалы времени. Хуже всего то, что эта ограниченная война в высшей степени непопулярна и безрезультатна».

Такие же пессимистичные настроения царили и в верхах. В 1967 г. на одном из оперативных совещаний генерал ВВС США Джон Макконнелл в отчаянии обхватил руками голову и пожаловался присутствующим: «Вы не представляете, как я устал от всего этого... Это какое-то бессилие... не думал, что такое возможно». В ходе «Раскатов грома» было уничтожено 65% нефтехранилищ Северного Вьетнама, 59% электростанций, 55% крупных мостов, 9821 автотранспортное средство и 1966 железнодорожных вагонов. Но Ханой умело использовал бомбардировки не только для мобилизации собственного населения, но и как средство воздействия на Москву и Пекин, побуждая тех постоянно наращивать свою помощь. К 1968 г. ежедневный поток грузов из Китая в Ханой по северо-восточной железной дороге увеличился до 1000 тонн в сутки. В общей сложности размер экономической и военной помощи, полученной Северным Вьетнамом, составил почти \$600 млн и \$1 млрд соответственно — огромная сумма для относительно небольшой и слаборазвитой азиатской страны.

В 1966 г. в секретном аналитическом исследовании, проведенном по заказу Пентагона, группа «Ясон» с замечательной проницательностью определила непреднамеренные последствия «Раскатов грома»: «Очевидно, что бомбардировки только усилили народную поддержку режима, спровоцировав всплеск патриотизма и национального энтузиазма». В исследовании признавалось, что «те, кто имеет непосредственное отношение к бомбардировкам, испытывают растущий

дискомфорт и тревогу». В то же время «негативное воздействие на моральное состояние [вьетнамцев] оказывают не столько сами бомбардировки, сколько их косвенные последствия, такие как эвакуация городского населения и разделение семей». В заключение делался однозначный вывод: «Прямое применение силы против общества, как правило, имеет тенденцию укреплять социальную сплоченность нации, увеличивать поддержку существующего правительства со стороны населения и вселять как в руководство, так и в народ решимость дать отпор».

Аналитик RAND Олег Хёфдинг в декабре 1966 г. заявил: «Ведущаяся США кампания бомбардировок предлагает ханойскому режиму почти идеальное сочетание намеренного ограничения ударов и случайно проливающейся крови». Несмотря на легкомысленный тон, Хёфдинг был прав в главном: «Ханой пожинает значительные выгоды из этой угрозы, масштабы которой явно преувеличины... С точки зрения воздействия [бомбардировок] на моральное состояние общества и эффективность государственного контроля, то в чистом итоге можно говорить об их положительном эффекте для режима... Бомбардировки производят достаточно непреднамеренного ущерба и жертв среди гражданского населения, чтобы руководство страны могло поддерживать высокую степень антиамериканской воинственности, но в то же время недостаточно для того, чтобы сломить волю к борьбе».

Тем не менее Объединенный комитет начальников штабов продолжал непоколебимо верить в эффективность воздушной войны. В служебной записке от 16 июня 1967 г. председатель комитета генерал Эрл Уилер почти что в духе доктора Стрейнджлава призвал интенсифицировать удары по Ханю и Хайфону: «Существует вероятность того, что это может возыметь решающий эффект... Хотя я не могу назвать себя экспертом по внутреннему и мировому общественному мнению, я считаю, что только более, а не менее решительные действия приведут к росту поддержки со всех сторон, за исключением только коммунистов, которых мы заставим уважать нашу силу. Я не считаю, что это повлечет за собой серьезные риски... 123 боевых вылета... стоят всех гуманитарных издержек, даже если они уменьшат потери союзников в ЮВ всего на 1%. Другими словами, воздушная кампания окупится в человеческих жизнях, если она позволит добиться разницы между потенциальной и реальной инфильтрацией [с Севера на Юг] всего в 1,6%, и в долларах, если эта разница составит 2,1%».

Но задолго до завершения «Раскатов грома», в конце зимы 1968 г., удручающие результаты кампании спровоцировали экстраординарный акт публичного «отречения и вероотступничества» со стороны

ключевой политической фигуры: 29 февраля Роберт Макнамара ушел с поста министра обороны. Незадолго до этого в частном разговоре за завтраком он в эмоциональных выражениях пожаловался на «сокрушительную бесполезность» бомбардировок. Как и ряд других военачальников, более просвещенных, чем Эрл Уилер, он осознал, что победа в воздушной войне, если таковая вообще возможна, может быть достигнута только посредством разрушений и жертв в масштабах, абсолютно несовместимых с ценностями Соединенных Штатов.

Желание Линдона Джонсона продемонстрировать во Вьетнаме силу и решимость подрывалось его собственной неуверенностью и страхами: он не хотел, чтобы война негативно отразилась на его программе строительства Великого общества, боялся спровоцировать советское или китайское военное вмешательство, опасался лишиться поддержки союзников или, по крайней мере, их молчаливого согласия с военными усилиями США в Индокитае, тревожился за настроения избирателей внутри страны и за имидж США на международной арене. Президент предпочитал не признавать горькую истину, что волю врага невозможно сломить деликатными бомбардировками. С другой стороны, потребности коммунистов были настолько малы, что даже гораздо более интенсивная воздушная кампания, за которую ратовал Объединенный комитет начальников штабов, вряд ли привела бы к другому исходу. Наконец, в разгар китайско-советской конфронтации в конце 1960-х гг. ни одна из двух крупных коммунистических держав не пошла бы на то, чтобы бросить своего союзника на произвол судьбы, даже если бы американская авиация не оставила от Северного Вьетнама камня на камне, или, вернее говоря, тростника на бамбуке.

Глава 16

В грязи непролазной по пояс

Противники войны

В 1967 г. две войны одновременно набирали обороты: первая — война во Вьетнаме; вторая, не менее ожесточенная, — война за прекращение этой войны. На телеканале CBS вышло новое юмористическое шоу «Час комедии с братьями Смазерс», чья сатира на острые политические и общественные темы, впрочем довольно мягкая по меркам XXI в., мгновенно сделала его зрительским хитом. Жаркие споры вызвало приглашение на шоу популярного фолк-певца Питера Сигера, активиста антивоенного движения, который исполнил в эфире бравую солдатскую песню с рефреном: «Мы в грязи непролазной по пояс, а наш дурень орет: “Вперед!”». В песне якобы рассказывалось о военных маневрах в

штате Луизиана в 1941 г., но ни у кого из телезрителей не возникло сомнений, что в действительности она посвящена войне во Вьетнаме, а тем самым «дурнем» был президент Линдон Джонсон.

Весной 1967 г. протесты против американского вмешательства во Вьетнаме переросли в массовое антивоенное движение, которое тесно переплеталось, хотя, разумеется, этим не ограничиваясь, с движением хиппи с его идеологией бунтарства, сексуальной свободы и наркотиков. Как выразился один из лидеров хиппи Джерри Рубин, «это война между молодым и старым поколением, которое правит этой страной». Против войны во Вьетнаме открыто выступали многие звезды и известные фигуры в области политики, науки и культуры: члены семейства Кеннеди и приближенные к ним, включая Дж. К. Гэлбрейта и Артура Шлезингера, физик Альберт Баэз и певец Боб Дилан, писатель Норман Мейлер и актриса Джейн Фонда, педиатр Бенджамин Спок и философ Бертран Рассел, а также лидеры партий левого толка и движения за гражданские права чернокожих. В августе 1967 г. Мартин Лютер Кинг с грустью констатировал: «Наши надежды стать Великим обществом расстреляны на полях сражений во Вьетнаме».

В апреле, на сенатских слушаниях по утверждению Эллсворта Бункера в должности посла США в Сайгоне вместо Генри Кэбота Лоджа, Бункер — убежденный сединой дипломат — в очередной раз заявил, что цель американских военных усилий — сильный, жизнеспособный и свободный Южный Вьетнам. В ответ на это сенатор Фулбрайт спросил: «Стоит ли право на самоопределение 15 млн вьетнамцев того ущерба, который война наносит нашей стране?» С каждым месяцем пламя антивоенных протестов разгоралось все сильнее: в октябре в Вашингтоне собралось 50 000 протестующих — для охраны Пентагона пришлось задействовать 10 000 военнослужащих. Сенатор Эдвард Кеннеди сказал: «Ни одна великая нация не может утверждать, что воюет за свободу и демократию другого народа, если... это сопровождается разрушением страны, в которой живет этот народ, и образа его жизни».

Противостояние все глубже раскалывало американское общество. Сторонники войны считали себя патриотами и врагами коммунизма. Газета The New York Times опубликовала резкое заявление раввина-реформиста, недавно вернувшегося из Вьетнама, который обвинил критиков администрации США в том, что они «только способствуют затягиванию войны... и играют на руку ястребам в Ханое, представляя США агрессором, а Вьетконг и Северный Вьетнам — невинными жертвами». Карл Макинтайр, основатель Библейской пресвитерианской церкви, объявил войну «праведным и святым делом», а популярный проповедник-евангелист Билли Джеймс Харгис утверждал, что

американцы сражаются за «свободу... и безопасность Соединенных Штатов». Редакторы еженедельного протестантского журнала Christianity Today призывали к усилению бомбардировок.

Радикализировалось и антивоенное движение на противоположном конце спектра. Многие американцы осуждали войну во Вьетнаме, которую вела их страна, но при этом признавали тоталитарный и бесчеловечный характер Ханойского режима. Однако находилось немало и таких, кто представлял вьетнамских коммунистов как борцов за правое дело, а собственного президента — как олицетворение зла и беззакония, скандируя слоганы типа «Эй, эй, Эл-Би-Джей, сколько ты убил сегодня детей?». Выступая перед студентами, Фрэнк Скоттон с тревогой обнаружил, что те искренне убеждены в легитимности борьбы за дело Хо Ши Мина, которую ведут коммунисты: «Когда я попытался это опровергнуть, они смотрели на меня с таким недоумением, словно я говорил им о высшей математике». Председатель Объединенного комитета начальников штабов был шокирован словами одного из противников войны, который, комментируя сообщения о пытках американских военнопленных, заявил, что пилоты сами виноваты в этом, поскольку согласились бомбить Вьетнам.

Генри Киссинджер однажды презрительно высказался по поводу «непреодолимого мазохизма американских интеллектуалов, которые искренне убеждены в том, что все трудности в отношениях [между Западом и Востоком] вызваны недалекостью или ригидностью американского руководства». Вообще, это был довольно парадоксальный исторический период, когда значительная часть молодежи в западных демократических государствах восхищалась Мао Цзэдуном, Фиделем Кастро, Че Геварой и другими революционными вождями, закрывая глаза на темную сторону их репрессивных режимов, — массовые «чистки» под руководством товарища Мао были куда страшнее и кровавее всех тех ужасающих деяний, в которых обвиняли США.

Между тем последствия нарастающей волны антивоенных протестов начали ощущаться не только в студенческих кампусах, но и на полях сражений по ту сторону Тихого океана. На ранних этапах войны, хотя многие американские военнослужащие и не испытывали никакого энтузиазма, а некоторые сознательно не хотели «лезть в пекло», подавляющее большинство считало службу своим неприятным, но необходимым долгом. После 1968 г. настроения изменились. Когда ветераны отправились домой, им на смену пришли представители нового поколения, многие из которых были заражены культом инакомыслия, наркотиков — и неверия. Когда новому главе КОВПВ генералу Крейтону Абрамсу сообщили, что в новоприбывших

батальонах есть люди с высшим образованием, тот счел это хорошей новостью. Но один из его офицеров мрачно заметил, что эти «только и способны что строчить своему конгрессмену».

Роберт Холкомб, чернокожий ньюйоркец, год уклонялся от призыва в армию, но в конце концов был вынужден принять присягу в наручниках. Сын школьных учителей, он был признанным бунтарем, завсегдатаем акций протеста и политических диспутов, цитировал наизусть «Красную книжицу» Мао Цзэдуна и был исключен из Университета Теннесси за участие в беспорядках. По его словам, «я прочитал тонны литературы, в том числе книги, напечатанные на Кубе, в Китае и даже в Ханое. В них говорилось, что все войны на самом деле ведутся только за собственность. Мы хотели превратить эту маленькую азиатскую страну в нашу вотчину из-за ее каучуковых плантаций, риса, ценной древесины и, возможно, из-за нефти. И еще из-за людей — дешевого источника рабочей силы». Как бы то ни было, его многолетнее противостояние с властями ни к чему не привело: вопреки своей воле он оказался рядовым Армии США во Вьетнаме.

Холкомб — хотя в 1967 г. война еще не дала о себе знать в полной мере — был ярким предвестником грядущих перемен. Как показало одно из исследований, среди солдат, отправленных во Вьетнам в этом году, каждый пятый уже употреблял марихуану, а через три года это был уже каждый второй: доля курильщиков марихуаны в находящихся на ТВД войсках выросла с одной четверти в 1967 г. до двух третей в 1971 г. Между тем многие ветераны, получая американские газеты в своих лагерях посреди рисовых полей или зарослей слоновой травы, с недоверием читали репортажи о яростных антивоенных протестах в Соединенных Штатах. Лейтенант морской пехоты Энди Финлейсон вспоминал, с каким отвращением его сержант смял подобранную коммунистическую листовку на английском языке, в которой цитировались слова Юджина Маккарти и Роберта Кеннеди, резко критиковавших войну во Вьетнаме: «К сожалению, я не смог убедительно ему объяснить, почему наши политические лидеры говорили подобные вещи». Некоторые американские военные впоследствии пришли к выводу и даже настаивали на том, что война во Вьетнаме была проиграна не на поле боя, а из-за предательства, моральной слабости, «удара в спину», нанесенного дома.

Капитан Джон Макнамара, уроженец Техаса, писал из Дананга, что он сам и большинство его товарищей «болезненно воспринимают раскол в [американском] обществе... На днях я видел гражданский автобус, взорванный ВК: вокруг на дороге валялись женщины, дети, животные». Тем не менее он признавался в своих сомнениях: «Да, автобус взорвали не мы. Но есть более фундаментальный вопрос: не мы

ли — я, наше правительство и западная цивилизация в целом — создали условия, породившие азиатских террористов?» Между тем крайности антивоенного движения в США приводили в недоумение даже самих вьетнамцев. Леворадикальный активист Том Хейден, который позже женился на Джейн Фонде, посетил Ханой и стал страстным защитником коммунистического режима. Даг Рэмзи вспоминал, что однажды, во время его пребывания в плену у вьетконговцев, те на допросе упомянули имя Хейдена. Рэмзи поинтересовался, что они сами думают об этом человеке, на что один из коммунистов холодно ответил: «Мы восхищаемся его идеологией, но презираем его как личность. Как можно уважать человека, который предает собственную страну?»

До сих пор ведутся споры о том, в какой мере внутренняя оппозиция войне была вызвана принципиальными убеждениями, и в какой — нежеланием идти в армию, что давало молодым людям мощнейший личный мотив начать крестовый поход против войны, из-за которой они могли потерять два года своей молодости — и, возможно, даже жизнь — в далекой стране. Между тем статистика показывает, что не так много американцев были отправлены на войну против своей воли. 25 из 27 млн призывников военного поколения никогда не участвовали в боевых действиях. Из тех, кто участвовал, — четверть из примерно 2,15 млн американцев, служивших во Вьетнаме, — погибли 17 725 человек. Исследование агентства Harris показало, что большинство их сограждан считали их «неудачниками, согласившимися рисковать своими жизнями в неправильной войне, в неправильном месте, в неправильное время».

Сторонники войны подчеркивали тот факт, что всего 1% подлежащих призыву молодых американцев не встал на воинский учет и такой же небольшой процент уклонился от призыва. Однако эта статистика не учитывала огромного количества легальных уклонистов, которые тем или иным законным образом получили освобождение от службы в армии. До 1966 г. в армию не призывались женатые мужчины, что привело к 10%-ному росту браков в юношеском возрасте. Другие — такие как Билл Клинтон и Дональд Трамп — получили освобождение от призыва как студенты вузов. Президент Йельского университета Кингман Брюстер заклеил эту практику как «циничное уклонение от военной службы, искажение целей образования, запятнание национального духа».

Призывник Дон Грэм вспоминал, что поколение его отца делило людей на тех, кто воевал во Второй мировой войне, и тех, кто нет: «Отец никогда не забывал, что Хьюберт Хамфри был признан негодным к военной службе и остался дома. Но во Вьетнаме я почти не встречал студентов... Я понял, что у нашего поколения будут другие победители — те, кто выбрал юридический факультет». Марк Радд, один из лидеров

радикальной молодежной организации «Студенты за демократическое общество», пытался получить отсрочку на том основании, что был «профессиональным революционером». Позже его признали негодным к военной службе по состоянию здоровья, хотя, очень вероятно, призывная комиссия просто решила, что, если насильно одеть его в военную форму, он причинит армии слишком много вреда.

Родители каждого четвертого студента поощряли своих сыновей избегать призыва. Одним из способов доказать свой «сомнительный моральный облик» было, например, совершение таких преступлений, как угон скота, курение марихуаны или убийство орла. Освобождались от призыва гомосексуалисты, а также служащие Национальной гвардии — этот путь выбрал Джордж Буш младший и десять игроков «Даллас Ковбойз»; руководство клуба договорилось, чтобы всех их зачислили в один местный отряд. Один из игроков «Филадельфия Иглз», также избежавший Вьетнама, пожал плечами: «Если бы всех нас призвали, Орлы остались бы на поле без защиты». Умные врачи вступали в федеральный Корпус службы здравоохранения, становясь, как они в шутку именовали себя, «желтыми беретами»: впоследствии целых девять бывших сотрудников корпуса стали лауреатами Нобелевской премии. Сочувствующие или коррумпированные члены медкомиссий приходили на помощь выходцам из богатых семей наподобие Дональда Трампа. Существовал простой способ симитировать язву желудка: откачать из вены пол-литра собственной крови и выпить ее перед сдачей анализов. Некоторые призывные комиссии, например в Сиэтле, Вашингтоне и Бьютте, штат Монтана, пользовались репутацией наиболее мягких, где было легко получить освобождение от призыва. Городской совет в Беркли, Калифорния, принял постановление, запрещавшее полиции арестовывать дезертиров.

Лоуренс Баскир и Уильям Штраус провели исследование призыва в период войны во Вьетнаме и пришли к следующему выводу: «Призывники, которые воевали и погибали во Вьетнаме, в большинстве своем были так называемыми неудачниками — теми, кто проигрывал другим в учебе, работе и других формах социальной конкуренции». Среди участников боевых действий было всего 7% выходцев из семей с высоким и средним уровнем доходов, 9% студентов вузов против 14% бросивших школу. В 1965 г. чернокожие составляли четверть всех погибших в бою — к огромному конфузу Министерства обороны, которое впоследствии придумало способ, как с помощью избирательных назначений снизить этот процент. Генерал Уэстморленд также считал, что «не весь американский народ нес на себе равное бремя войны, равные жертвы... самую высокую цену на полях сражений платили в основном сыновья бедняков».

Однако в 1992 г. историк армии США Конрад Крейн провел повторное исследование статистических данных по личному составу в период войны во Вьетнаме и собрал убедительные доказательства в опровержение вышеприведенной точки зрения. Согласно его заключениям, в то время как 30% всех погибших действительно приходились на нижнюю треть доходной шкалы, 26% приходились на верхнюю треть. Чернокожие составляли 12,5% всех погибших, латиноамериканцы — 5%, но эти проценты потерь были немного ниже, чем доля меньшинств среди американцев призывного возраста. Таким образом, чернокожее население, которое убедило весь мир и самих себя в том, что они несли на себе непропорциональное бремя войны, развязанной белыми людьми, вероятно, переоценило свой вклад.

Некоторые молодые люди решили занять принципиальную позицию против службы в армии: первые ритуальные сожжения призывных свидетельств состоялись еще в 1964 г. Около 50 000 потенциальных призывников стали уклонистами; некоторые выбирали весьма экзотические способы. Один беглец ушел в горы и шесть лет прожил в домике, сооруженном в развилке дерева. Уклонист из Миннесоты был арестован в торговом центре в Юрике, Калифорния, в костюме Санта-Клауса. Некоторые оставались в США по фальшивым документам. Сельскую Новую Англию прозвали «маленькой Канадой»: на ее фермах и в городках скрывалось немало беглецов. Мексика была гостеприимным местом, но там было трудно заработать на жизнь. Некоторые молодые эмигранты, приезжавшие в Швецию, которая наряду с Канадой была любимым убежищем американских уклонистов, были вынуждены жить попрошайничеством, потому что размер социального обеспечения составлял всего \$15 в неделю. Но через некоторое время сочувствующее шведское правительство — к большому негодованию конгресса — удвоило размер субсидии.

Один уклонист весь период Вьетнамской войны пропутешествовал на велосипеде по Канаде, питаясь бесплатной едой в благотворительных столовых. Другой заявил: «Я не уклонист, я — беглый раб XX в.». Новобранец по имени Боб, получив короткий отпуск перед отъездом во Вьетнам, дезертировал в Канаду, откуда написал своему другу, служившему в боевой части: «Я не пацифист, но я знаю, что это — расистская война, которая ведется в интересах монстра — американской военной машины... Вы, парни, лучше других можете открыть народу Америки глаза на то, что за дерьмо там творится от его имени». Некоторые уклонисты наверняка задавали себе вопрос, стоило ли им так долго скрываться от властей: судебная система США была на удивление милосердна — всего 25 000 уклонистов были преданы суду, из которых 3250 получили тюремные сроки. Одним из самых громких было дело

Мухаммеда Али, который в 1967 г. за отказ от службы в армии был приговорен к максимальному наказанию — пяти годам тюрьмы, но не пробыл там ни дня. В целом же чернокожие уклонисты получали более длительные тюремные сроки, чем белые. Штаты Миссисипи и Луизиана печально прославились тем, что использовали призыв как средство борьбы с гражданскими правозащитниками. Из всего числа призывников в боевых действиях участвовала только седьмая часть, из них 3% погибли на полях сражений, 10% получили ранения, потребовавшие госпитализации, а остальные вернулись домой целыми и невредимыми. Многие наряду с боевым опытом приобрели воспоминания, без которых были бы гораздо счастливее.

В то же время следует отметить, что большое количество молодых патриотов, не испытывавших ни малейшего желания служить в армии, отправились во Вьетнам без жалоб и стенаний, потому что считали это своим долгом. На ферме в Южной Дакоте отец Ларри Пресслера говорил своим сыновьям, что они не должны уклоняться от призыва. Если вы так поступите, сказал он, «парням беднее вас придется занять ваше место» и «потом вы будете сожалеть об этом до конца своей жизни». Двое младших Пресслеров пошли в армию, побывали на войне и вернулись домой. Дэвид Роджерс был сыном ученого-химика, квакера по вероисповеданию и убежденного противника войны. Вдумчивый молодой человек, Роджерс изучал историю и англистику в Гамильтонском колледже и поначалу официально зарегистрировался как лицо, отказывающееся от несения воинской службы по религиозным убеждениям. Но потом он пришел к выводу, что не может оставаться дома: «Я жил в маленьком городке. На мой взгляд, было бы неправильно, если бы кто-то другой пошел в армию вместо меня. Мне на глаза попала газета с фотографией медика, который ухаживал за ранеными, и я подумал: “Я тоже могу это делать”». Несмотря на гнев отца, он записался санитаром в пехоту. В целом гораздо больше молодых американцев исполнили свой воинский долг, чем уклонились от него, но, к сожалению, о последних говорят гораздо больше.

Наконец, следует подчеркнуть еще один важный момент, касавшийся антивоенного движения: американский народ готов смириться с чем угодно, кроме неудачи. Граждане величайшей демократии в мире протестовали против войны во Вьетнаме не столько потому, что та казалась им неправильной и несправедливой с моральной точки зрения, сколько потому, что было очевидно, что этот затянувшийся военный конфликт обречен на поражение.

Воюющие

Весной 1967 г. Фрэнк Скоттон оказался одним из тех, кто был глубоко удручен происходящим во Вьетнаме: «Стало очевидно, что мы совершали много серьезных ошибок, так как наша война была основана на причинении ужасающих бедствий народу, который мы пришли защищать». 21 февраля погиб выдающийся американо-французский журналист и военный историк Бернард Фолл: его джип наехал на мину на той самой дороге под Данангом, которую французские солдаты в свое время прозвали «улицей без радости». Скептики превозносили его как провидца: Фолл упрямо утверждал, что Соединенные Штаты повторяли все те ошибки, которые совершили французы в 1950-х гг., разве что с большей огневой мощью. К тому моменту силы «свободного мира» насчитывали 1,3 млн южновьетнамских и американских военнослужащих — один военный на каждые 15 гражданских лиц, — которых поддерживали 2000 самолетов тактической авиации и эскадрильи стратегических бомбардировщиков В-52. В то время как международный аэропорт О'Хара в Чикаго обслуживал 690 000 рейсов в год, в 1968 г. аэродром в Таншоняте обслужил 804 000 взлетов и посадок, в Дананге — 846 000, а в Бьенхоа — рекордные 857 000, и эти цифры не включали полеты вертолетов.

Скоттон был твердо убежден, что единственной стратегией, имевшей шансы на успех, было массированное развертывание американских войск на постоянной основе по линии между Куангчи и Меконгом. «Если мы этого не сделаем, мы обречены на затяжную войну того рода, к которой американцы не очень хорошо приспособлены». Однако представляется весьма сомнительным, чтобы таким образом можно было бы надежно перекрыть тропу Хо Ши Мина. Кроме того, даже военный успех не излечил бы сайгонский режим от загнивания и бессилия, подрывавших все остальные усилия. Тем не менее точка зрения Скоттона разделяется многими ветеранами вьетнамской войны.

Между тем на поле боя, вернее, на сотнях полей сражений в горах, на рисовых полях и среди густых джунглей американские войска, низведя ВСРВ до роли зрителей, старались найти, вовлечь в бой и уничтожить формирования ВНА и партизанские отряды Вьетконга — в 1967–1968 гг. последних по-прежнему было намного больше, чем первых. Уэстморленд требовал от своих командиров, чтобы их люди постоянно находились в движении, истощая силы противника. После сражения у камбоджийской границы 31 марта — 1 апреля 1967 г., когда 1-й батальон 26-го пехотного полка под командованием подполковника Александра Хейга дал жесткий отпор атаковавшему его полку Вьетконга, глава КОВПВ «устроил разнос» командующему корпусом

Брюсу Палмеру, за то что его подчиненные не стали преследовать отступающего противника.

«Самым мучительным было то, — вспоминал Фред Вейанд, в то время командующий 25-й дивизией, — что вы проводили операцию по зачистке местности... теряли человек пятнадцать... Потом уходили, а, когда возвращались туда через месяц, снова находили там врага... и так повторялось из раза в раз». Вейанд скептически относился к убежденности Уэстморленда в том, что противника можно победить путем истощения его сил: «Это просто смешно». У американцев не было столько пехоты, чтобы удерживать под контролем территории за пределами районов, покрываемых базами огневой поддержки (БОП). К тому моменту сеть таких баз, хорошо окопанных и укрепленных, расположенных в основном на обработанных дефолиантами возвышенностях, была построена по всей стране. Пехотинцы выходили за пределы этих районов, сражались и уходили обратно, оставляя за собой пустые консервные банки и неразорвавшиеся боеприпасы, которым вернувшиеся вьетконговцы находили полезное применение.

Солдаты и офицеры ненавидели довлевшее над ними требование о «подсчете потерь противника», но на войне, где не было перспективы поднять свой флаг в столице врага, это казалось единственной доступной мерой успеха. Это не было чем-то новым в военном деле: все армии во всех войнах оценивают эффективность своих усилий в том числе и по тому, сколько врагов они уничтожили, ранили или взяли в плен. Но во Вьетнаме это переросло в настоящую одержимость: командиры распекали своих подчиненных, если те не обеспечивали им достаточного количества трупов. Эта одержимость — и это в лучшем случае — приводила к тому, что в число убитых солдат противника зачастую стали включать и случайные жертвы, безоружных крестьян.

Капитан Винс Феллеттер из 101-й воздушно-десантной дивизии жаловался, что его начальство «придает слишком много значения этому дерьму с подсчетом тел». Однажды его рота в ходе рытья окопов наткнулась на захоронение солдат ВНА: «Бригадный приказал нам выкопать все тела, и они доложили о них как о потерях врага в ходе предыдущего контакта». В штабе 9-й дивизии в дельте Меконга висел настенный график «боевой эффективности», измерявшейся на основе такого показателя, как «количество уничтоженных врагов в расчете на роту-день». Региональные и Народные силы имели показатель 0,3; ВСРВ — 0,75, а войска США — 1,5. Другая настенная диаграмма показывала устойчивый рост потерь противника: с 1998 убитых во втором квартале 1967 г. до 2671 за тот же период 1968 г. и до 8138 во втором квартале 1969 г. Позже генерал Абрамс вспыхнул по поводу «культы графиков... Война — это реальные действия и люди, а у вас вся

война сводится к этим чертовым графикам!». Джон Ванн скептически относился к тому, как обеспечивались высокие цифры потерь противника, и в разговоре с Фрэнком Скоттоном высказался о «постыдном массовом помешательстве в 9-й дивизии». В двух провинциях, где действовала эта дивизия, количество жертв среди гражданского населения достигало 500 человек в месяц, в то время как в остальных 12 провинциях вместе взятых, находившихся в ведении IV корпуса, эта цифра не превышала 400 человек. Как язвительно заметил Ванн, командующий 9-й дивизией Джулиан Юэлл «убил бы собственную бабушку, если бы ее можно было учесть как убитого врага». Юэлл послужил прообразом генерала-злодея Лемминга в романе Джозайи Бантинга «Львиные головы», в котором бывший кадровый офицер 9-й дивизии подверг резкой критике американские методы ведения войны во Вьетнаме.

Однако было бы ошибочным считать, что 1967–1968 гг. были полностью провальными для США в тактическом плане: каждый раз, когда войскам Уэстморленда удавалось втянуть врага в бой, они наносили ему тяжелые потери. Захваченные документы свидетельствовали о падении боевого духа и дисциплины во многих подразделениях НФОЮВ и ВНА. В одном из них сообщалось о пропагандистских усилиях, предпринимаемых во 2-й дивизии «с целью противодействовать отчаянию из-за затяжной войны, нежеланию [воевать] ... и положить конец дезертирству, перебежничеству, бегству с поля боя и самоубийствам». Вьетконговские командиры были в ярости из-за того, что в ходе контактов их люди нередко оставляли позиции и покидали поле боя. 28 февраля 1967 г. глава программы принуждения к миру Роберт Комер писал Линдону Джонсону: «Расточительно, дорого, но тем не менее мы, бесспорно, выигрываем войну на Юге. Немногие наши усилия — гражданские или военные — можно назвать высокоэффективными, но мы перемалываем врага массой и мощью».

После одного из сражений в середине 1967 г., когда 514-й батальон НФОЮВ в дельте Меконга был атакован вертолетным и речным десантом и понес большие потери, один из выживших вьетконговцев пожаловался: «Нам всегда говорили, что длинноносые — плохие бойцы... а на самом деле они сражаются яростно... намного лучше, чем ВСРВ». 17 октября Объединенный комитет начальников штабов доложил Макнамаре: «Текущая стратегия и тактические действия приводят к устойчивому прогрессу... По всей вероятности, враг находится в значительно более трудном положении, чем показывает текущая боевая статистика и разведданные». Среди массы всевозможных вымыслов и фальсификаций, доминировавших над

документальным ландшафтом этой войны, эта оценка не кажется такой уж фантастичной.

Между тем на заседаниях ханойского Политбюро «высказывались разные мнения о масштабах победы, которые могли быть достигнуты». К концу 1967 г. Драконий двор оценивал численность коммунистических сил в Южном Вьетнаме в 232 000 человек — 190 батальонов — по сравнению с 204 000 год назад. Такое увеличение было достигнуто за счет переброски значительных регулярных формирований ВНА с хладнокровным пренебрежением к растущим потерям. Как гласит официальная военная история Ханоя, это было время трудностей и разочарований: «После битвы в долине Йа-Дранг в ноябре 1965 г., когда мы уничтожили несколько американских батальонов, мы не провели ни одного сражения, в котором сумели бы выполнить поставленные задачи». Для коммунистического руководства было очевидно: если они не сумеют предпринять какую-либо впечатляющую инициативу, они обречены завязнуть в затяжной тупиковой войне. Но терпение их народа, вопреки тому, что они любили утверждать, не было неисчерпаемым. Таким образом, разработанный в июле 1967 г. стратегический план Ханоя призывал к «максимальной концентрации усилий ради достижения решительной победы через общее наступление-восстание, невзирая на любые издержки». Так началась предыстория Тетского наступления 1968 г. — первого крупного события этой войны, порожденного частично ложными надеждами, частично необходимостью показать своему народу результат.

Для Соединенных Штатов это также было непростое время. Антивоенное движение в стране набирало обороты быстрее, чем американские войска «искали и уничтожали» коммунистов в Юго-Восточной Азии. Вдумчивые политики и военные пришли к осознанию того, что ограниченные цели, которые ставили перед собой США в Южном Вьетнаме, — на фоне впечатляюще амбициозных целей коммунистического руководства — вовсе не были преимуществом, а, напротив, связывали США руки. Ограниченные цели ограничивали средства, приемлемые для их достижения, и прежде всего исключали возможность вторжения на Север. 9 августа 1967 г. Эрл Уилер писал: «Наше правительство постоянно подчеркивает, что мы не собираемся вторгаться в СВ... и не собираемся сокращать ханойский режим... Мы просто хотим, чтобы СВ прекратил снабжать и поддерживать силы Вьетконга на Юге и вернул свои войска домой».

Соединенным Штатам до конца войны так и не удалось преодолеть неразбериху в командовании союзными силами. Разведка была хронически слабым местом. Однажды Фред Вейанд раздраженно

спросил у Билла Колби, почему его хваленое ЦРУ неспособно предсказать действия коммунистов, на что Колби ответил: «Знаете, я бы обменял всю нашу агентуру на Юге на одного-единственного агента на Севере». По словам Вейанда, он «был потрясен тем, что наша страна, со всей ее мощью, ничего не могла сделать. Это многое говорило о коммунистической системе... В каждой семье в СВ кто-нибудь был убит или ранен, все они ужасно страдали, и однако правительство сохраняло жесткий контроль над своим населением, в то время как мы не могли обеспечить порядок на улицах Нью-Йорка».

Доверие американцев к южновьетнамцам было удручающе низким, что касалось не только правительства, но и южновьетнамских войск. Агенты коммунистов были повсюду. Генерал-лейтенант Брюс Палмер был ошеломлен, когда командующий дивизией ВСПВ настоятельно попросил его не вести серьезные разговоры в стенах штаба. Когда они вышли на улицу, вьетнамец объяснил, что его начальник разведки подозревается в шпионаже в пользу коммунистов. Палмер, как и многие другие военные, был возмущен ослаблением политической поддержки в Вашингтоне, в то время как тысячи американских солдат сражались и погибали на войне во имя провозглашенных правительством целей. После разговора с Макнамарой в июне 1967 г. генерал констатировал: «Наше гражданское и военное руководство стоят на разных позициях, это очевидно».

Американское присутствие загрязняло Вьетнам во всех отношениях. Один журналист описывал характерную картину в Дананге: «На центральной городской улице рядом с набережной... возвышались горные хребты из деревянных ящиков и коробок со всякой всячиной: боеприпасами, консервами, безалкогольными напитками, пластиковыми ботинками, транзисторными радиоприемниками, электрогенераторами, артиллерийскими орудиями, грузовиками, бейсбольными битами, сладостями и развлекательными журналами. Казалось, каждая американская компания старалась сбыть сюда свои излишки товаров, которые вскоре превращались в мусор». Рядом со штабелями бетонных блоков и огромными мотками колючей проволоки на земле сидели старухи и бегали дети, выпрашивая у часовых сигареты и получая сомнительные уроки английского языка среди этих излишков изобилия, грозивших погresti под собой их страну. Многие командиры сетовали на то, что разного рода «блага жизни», которыми осыпали американские войска, — например, в некоторых боевых подразделениях раздавали мороженое — вовсе не повышали боевой дух, как предполагалось, а, наоборот, разъедали его.

Большинство мировых СМИ перестали верить словам военных. 3 сентября 1967 г. Ричард Харвуд из The Washington Post, сам ветеран

морской пехоты и участник кровопролитной битвы за Иводзиму, опубликовал статью под заголовком «Что-то не сходится в этой войне», где привел всего лишь один пример того, что считал умышленным официальным обманом. Как писал Харвуд, в 1966 г. КОВПВ сообщило о «значительном повышении» боевой эффективности бронетанкового полка ВСРВ, базирующегося в Сайгоне. Но как это утверждение соотносится с тем фактом, спрашивал журналист, что 8-й батальон этого полка, по официальным данным, уничтожил всего одного солдата противника, 5-й батальон — 12 солдат, 10-й батальон — 23, 9-й батальон — 148 и все вместе они потеряли всего 14 человек убитыми? Оптимистичным цифрам КОВПВ, рисовавшим радужную картину военных успехов, продолжал верить разве что тот, кто по-прежнему писал письма Санта-Клаусу.

К тому времени настроения противников войны, уклонистов и Пита Сигера еще не дошли до полей сражений во Вьетнаме. Как позже заметил морской пехотинец Уолт Бумер: «Если в этой войне и было “хорошее время,” то это был 1967 г. Не было никаких наркотиков, никаких расовых проблем. Что бы ни происходило в Дананге, на местах мы об этом не знали». Бумер, сын мелкого предпринимателя из Северной Каролины и выпускник Университета Дьюка, был одним из самых выдающихся боевых офицеров этой войны. Он мало задумывался о ее смысле — он просто делал то, чему его научили, командовал ротой и воевал, питая к своим подчиненным глубокое уважение за их смелость. «Мы [в Корпусе морской пехоты] находились словно в пузыре. Я не знал, что происходит за его пределами».

Капитан Джим Уильямс, сын школьного смотрителя из Уиноны, Миннесота, был согласен с Бумером: «Это было время настоящего патриотизма, с парадами, с победным духом, порожденным Второй мировой». В 1967 г. Уильямс командовал разведывательным подразделением у границы с Лаосом, где «местные племена возили на слонах товары на рынок». Это был период до осады Кхешани, и обстановка в районе оставалась достаточно спокойной: Уильямс даже посещал службы в деревенской католической церкви, которые проводил американский священник-миссионер. «Если вы любитель приключений в духе “Терри и Пиратов”, — писал домой в Техас капитан Джон Макнамара, — вы можете отправиться в отдаленные дикие районы, брататься там с горцами и плести интриги с племенами в свое удовольствие. Если же вы любитель военных маневров на уровне батальонов и полков — что ж, вся страна в вашем распоряжении. Как профессиональная игровая площадка, Вьетнам превосходен». Единственным, что беспокоило этого кадрового офицера, было

отношение к происходящему самих вьетнамцев: «Думаю, об этом я не могу говорить с таким же оптимизмом».

Полевое дело

Лучшим способом для солдат остаться целым и невредимым было сидеть на укрепленной базе: каждое передвижение по дикой местности делало их уязвимыми. Но пехотинцам приходилось двигаться. Большую часть времени они проводили в боевом патрулировании в составе взвода, роты или батальона. В каждый момент времени больше 50 000 американских солдат топтали бесконечные километры среди экзотических азиатских пейзажей с их глянцевою зеленью рисовых полей, темно-зелеными пальмовыми рощами, массивными водяными буйволами и крестьянами, с вековым терпением идущими за деревянными плугами в воловьих упряжках. В сумерках мальчишки-погонщики гнали буйволов домой — бока крупных животных были покрыты засохшей грязью, как и бока американских пехотинцев. И где-то среди этой томительной сельской безмятежности скрывался враг.

По словам Уолта Бумера, «мы каждый день пытались найти врага и вступить с ним в бой, желательно на наших условиях. Но потом я понял, что у этих парней другая тактика: они просто сидят в укрытии и наблюдают за вами — и стоит вам на чуток ослабить бдительность, мгновенно наносят удар... Они прекрасно знали местность, мы — нет. Помню один кошмарный день. Мы шли по узкой долине, заросшей смешанным кустарником, как вдруг они ударили — в одном взводе сразу были убиты трое, один из них — ветеран, награжденный Военно-морским крестом. Мы решили, что, если перестрелка затянется, вызовем артиллерию и авиацию, чтобы задать им жару. Но они ушли. Эта засада не была началом какого-то большого сражения. Моя рота прочесывала местность, и они просто напали на нас в удобном месте. Сколько человек мы убили? Не знаю. Штаб был недоволен [плохим] соотношением потерь».

Пешие марши по заросшим джунглями горам и рисовым полям в изнуряющей влажной жаре при полном снаряжении уже были суровым испытанием для солдат, еще до того, как в игру вступал враг. Каждый пехотинец нес винтовку, стальную коробку из-под патронов, в которой хранились документы и другие вещи, требовавшие сухости, не меньше восьми магазинов с патронами, четыре осколочные и две дымовые гранаты, четыре фляги с водой, которых редко хватало до возвращения на базу, — в засушливых районах самые предусмотрительные брали с собой около девяти литров воды. Некоторые несли дополнительное снаряжение и оружие, например пистолет калибра .45, штатный M1911.

Что касается питания, то Энди Финлейсон брал в пятидневный рейд банку бобов с сосисками, банку спагетти с фрикадельками, четыре банки консервированных фруктов, три небольшие банки с закусками. Дэвид Роджерс предпочитал крекеры с арахисовым маслом и джемом, консервированные фрукты и кекс. Неудивительно, что большинство пехотинцев сильно худели. Когда Уолт Бумер приехал во Вьетнам, он весил 82 кг, а к моменту отъезда — всего 70 кг.

Путь патрулей можно было проследить по выброшенным в кустах патронам: едва волочившие ноги новички — «салаги» — старались незаметно облегчить свой груз. Они убеждались, что только в кино ковбои обматывают себя пулеметными лентами от М-60, потому что незащищенные патроны быстро грязнились и заклинивали во время стрельбы. По словам Джима Уильямса, самым верным способом узнать, где служил ветеран, было спросить, носил он нижнее белье или нет. Если носил, значит, не бывал в по-настоящему плохих местах: из-за трусов в промежности развивался грибок, поэтому мало кто пользовался этим предметом гардероба. Как сказал Фил Капуто, «здесь все очень быстро гнило и разлагалось: тело, кожаная обувь, брезент, металл, мораль».

Капитан Чак Рейнденло писал жене: «Пожалуй, на этой земле нет места, более неподходящего для ведения войны в ее традиционном понимании... Всюду грязная жижа, в которую ты проваливаешься по колено; деревья и подлесок переплетены так плотно, что порой сквозь них невозможно протиснуться человеку; из-за купольной кроны гигантских деревьев внизу царит постоянная полутьма». Люди с плохим зрением боялись потерять очки в непролазных зарослях ветвей и лиан. Все, что написал британский офицер Фредди Спенсер Чепмен в своих классических мемуарах о Малайской кампании 1942 г. «Джунгли нейтральны» (*The Jungle is Neutral*), можно было сказать и о Вьетнаме поколение спустя: деревенские парни, которые с детства привыкли к дикой природе и не боялись змей, криков гиббонов и шелеста листвы, чувствовали себя гораздо лучше горожан, которых среди американских солдат было большинство. Для городских жителей было настоящим кошмаром пробираться сквозь густые заросли, пытаясь разглядеть возможные хитрые ловушки, расставленные партизанами. Там, где видимость была всего один-два метра, нужно было идти, не выпуская из виду впереди идущего: отбившиеся от группы навсегда исчезали в джунглях. Как-то раз, прочесывая местность, рота Уолта Бумера потеряла одного морпеха: «Нам пришлось остановить всю операцию и заняться его поисками, пока его не нашли вьетнамцы».

Большинство американцев двигались очень шумно. «Верным способом быть убитым, — писал Энди Финлейсон, — было идти и

разговаривать обычным голосом... Ты никогда не видел врага, но голос притягивал пули, как магнит». Если патруль шел быстро, он шумел, как стадо слонов: треск ломающихся веток и бамбука был слышен издалека. В этой непривычной и враждебной среде опытные солдаты передвигались медленно и осторожно: один шаг в пять–шесть секунд, десять шагов в минуту, меньше 300 м в час. Глубинным патрулям, которые были фанатично одержимы маскировкой, иногда требовался целый день, чтобы пройти 1,5 км; замыкающий группы отвечал за заметание следов. Передвижение роты сопровождалось ежечасными сеансами радиосвязи: радист снимал со спины свою «прик-десять» — портативную радиостанцию PRC-10, позже замененную на PRC-25, — и докладывал в штаб о местоположении роты: «Все тихо. Ситуация не изменилась». Почти все американские подразделения злоупотребляли радиосвязью, не понимая, что чуткие уши врага — повсюду.

Несмотря на то что командир ориентировался по карте и компасу, одному из людей поручалось считать пройденные шаги. Впереди идущий — головной — должен был просто продвигаться вперед с предельной внимательностью. За ним шли люди с мачете, которые «прокладывали путь» для остальных. В каждом подразделении имелось несколько азартных бойцов, которые вызывались идти головными. Во взводе Джуда Кинна это были штаб-сержант Хейворд Райли, опытный младший командир, и капрал Томпсон Флют, индеец из Оклахомы, который в лагере закладывал по-черному, но в полевых условиях не знал себе равных. Уолт Бумер всегда выбирал головным «самого опытного следопыта с шестым чувством». Ред Эдвардс стал меньше бояться идти первым, когда на собственном опыте узнал, что в случае засады головной обычно остается живым — чаще всего убивают тех, кто идет сразу за ним. Очень важно было соблюдать дистанцию — как правило, не менее 5 м, особенно в районах с большим количеством мин-ловушек: скученность увеличивала количество увечий и смертей. Поскольку контакты редко начинались в середине колонны, это место было самым популярным. От замыкающего требовалось не меньше бдительности, чем от головного: он должен был следить за тем, чтобы враг не подкрался сзади.

Тим О'Брайен, один из самых ярких летописцев опыта пехотинцев во вьетнамской войне, писал: «Если ты не тащился куда-то, ты просто ждал. Рыл окопы. Прихлопывал комаров. Вокруг было только солнце, жара и бесконечные рисовые поля. Даже в глубоких джунглях, где можно было погибнуть и изувечиться самыми невероятными способами, война была невыносимо и убийственно скучной... Ты сидел в окопе на вершине холма, внизу простирались ячейки рисовых полей, стоял знойный день, вокруг не было ни звука, ни души, ни движения, и

ты чувствовал, как внутри тебя начинает затоплять скука, словно вода, капающая из крана... Постепенно ты расслаблялся, разжимал кулаки, отдавался течению мыслей. Что ж, думал ты, здесь не так уж и плохо. И в этот момент вдруг, непонятно откуда на тебя обрушивался шквальный огонь, так что твои яйца оказывались у тебя в глотке и ты начинал визжать как свинья».

Некоторые контакты начинались с высадки десанта в «горячей» зоне — так называлась зона десантирования, занятая противником, который начинал поливать пехотинцев огнем еще до того, как те успевали выпрыгнуть на землю из транспортных вертушек. Фил Капуто писал, что такие операции «гораздо более стрессовые в эмоциональном плане, чем даже обычные наземные атаки. Замкнутое пространство, шум, скорость и, самое главное, чувство полной беспомощности. В первый раз ты взбудоражен, но потом понимаешь, что это едва ли не самый неприятный опыт, который навязывают современные методы ведения войны». Лететь на первой вертушке было страшно, но вторую противник встречал уже в полной готовности. Фред Чайлдс сидел на пороге Ниеу, зависшего в паре метров над зоной высадки, когда двое пехотинцев одновременно спрыгнули на землю с другой стороны, — вертолет резко дернулся, Чайлдс свалился вниз и ударился головой о землю. Получив сотрясение мозга, он не помнил, что было дальше.

Однажды в ходе высадки в горячей зоне возле Чулай чернокожий рядовой по имени Дэвис был ранен, как только выпрыгнул из вертушки, но сумел занять позицию и начал отстреливаться. Его раненый товарищ Тейлор лежал рядом и плакал. Тогда Дэвис принялся безжалостно его высмеивать и убеждать взяться за оружие: «Ты реवेशь, потому что боишься умереть. Да, ты умрешь, и ты это знаешь. Но ты можешь забрать с собой несколько этих чертовых гуков». «Я не умру», — угрюмо ответил Тейлор. «Тогда чего реवेशь, если не собираешься умирать? — продолжил Дэвис. — Как конченный педик». После этого Дэвис и Тейлор продолжали отстреливаться, пока не прибыл эвакуационный вертолет. 29-летний ротный Винс Феллеттер однажды потерял шесть человек, которые выпрыгнули с поврежденного Ниеу, но не успели отбежать — вертолет перевернулся и рухнул на землю, перемолов их своими лопастями. Выжившим товарищам пришлось, сдерживая тошноту, сортировать части их тел. На следующий вечер им доставили горячий ужин из индейки — «Я думаю, они хотели нас подбодрить». Но все пошло наперекосяк: вся рота получила сильное пищевое отравление, на рассвете 14 человек были эвакуированы с температурой под 40. Как заметил Феллеттер, «это была худшая операция для моей роты».

В ходе патрулирования запах мог убить так же верно, как шум. Обе стороны дорожили своими следопытами, многие из которых обладали в том числе и обостренным нюхом. Рядовой ВНА по имени Нга имел прозвище Немецкая Овчарка. По словам его товарищей, у него был «легендарный нос. Всякий раз, когда он говорил, что “чуёт” американцев, он оказывался прав». Некоторые американские офицеры, особенно в группах глубинной разведки, запрещали своим людям курить, поэтому те были вынуждены жевать табак. Собаки-ищейки могли бы стать неоценимыми помощниками, но они были очень уязвимы к обезвоживанию: собачьим вожатым нередко приходилось тащить своих подопечных на себе. В Канберре любители животных подняли бурю негодования, когда австралийский пес Кассий, служивший во Вьетнаме, умер от теплового истощения после рейда — его не спасла даже ванна со льдом, в которую его погрузили американские ветеринары. Морпехи во взводе Лэндена Торна заставляли вьетнамских «скаутов Кита Карсона» пинать несчастных собак, чтобы те «знали разницу между хорошими и плохими парнями». Наконец, несмотря на всю дрессировку, животные иногда лаяли, выдавая своих хозяев.

Трудно преувеличить все колоссальное напряжение этих рейдов по прочесыванию местности, когда после нескольких дней изнурительного перехода — в грязи, дискомфорте и постоянном напряжении — пехотинцы натыкались на засаду. По словам капитана Джулиуса Джонсона, самой большой проблемой было «не дать своим людям потерять остроту реакции, чтобы через одну-две недели без контакта они мгновенно среагировали при первом же выстреле и не попали под второй». Он придумал собственный вариант 22-го Псалма: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твоя артиллерия и Твои В-52 — они успокаивают меня».

От хронической влажности все ржавело: предохранительные чеки в гранатах, консервные банки, оружие, электросхемы. Лучшим способом защиты от кишящих насекомых было пропитать одежду и ботинки репеллентом, но его часто не хватало. Против сухопутных пиявок не было никаких средств: пехотинцы использовали металлические кольцевые пружины, чтобы плотно прижимать края штанов к ботинкам, но ползучие твари все равно пробирались через них и вгрызались в кожу на добрые полсантиметра, прежде чем люди чувствовали боль. Избавиться от них можно было только вечером на стоянке — обычно их прижигали сигаретами.

Мины-ловушки чаще всего обнаруживали по утрам, на свежую голову. Однажды сержант Майк Саттон пробирался по заболоченной местности, когда вдруг среди срезанных стволов бамбука, прямо перед

ногой, заметил растяжку. Он на всю жизнь запомнил этот момент — как он покрылся холодным потом, осторожно отступил назад... и остался живым. Самым опасным было время ближе к вечеру, когда голодные, грязные, искушенные насекомыми, изнуренные многочасовыми переходами по болотам или зарослям люди уже валились с ног от усталости. Грамотные командиры регулярно меняли головных, чтобы поддерживать неослабевающую бдительность. Истошный крик «Попал!», как правило, означал, что уже слишком поздно: человек услышал щелчок минного взрывателя и остальным нужно бросаться в укрытие. Боевые контакты почти всегда инициировались врагом и начинались с внезапной шквальной стрельбы или гранат — «Чикомов» — от которых погибало два-три американца, прежде чем остальные успевали занять позиции и ответить. Дальнейшую перестрелку лейтенант Фрэнк Бочча сравнивал с «возней в битумной яме с завязанными глазами». Один морпех писал: «Как бы ты ни устал, как бы ни умирал от жары и скуки, стоило раздаться вскрику или кому-то резко дернуться — и ты мгновенно становился сама настороженность, сама готовность. Твои уши, глаза, нос, все чувства вдруг обострились. Это было очень круто».

Подавляющая огневая мощь, которой обладали американские войска, мало помогала пехотинцам при столкновении с почти невидимым врагом на закрытой местности. По словам Дэвида Роджерса, «мы чувствовали себя с противником почти на равных. Какая польза от В-52, когда вы прижаты к земле? Я никогда не чувствовал, что у нас было огромное превосходство. Их РПГ были лучше наших LAW. Их АК-47 был лучше наших М-16». Каждая группа несла с собой «свинью» — пулемет М-60, способный обеспечить впечатляющую плотность огня, но очень тяжелый — почти 14 кг вместе с патронной лентой, а также очень капризный и прожорливый на боеприпасы. Помимо этого, патрули несли с собой 40-мм гранатометы М-79 Thumper, напоминавшие обрезанные ружья, и 66-мм LAW, которые были удобным подручным средством, чтобы немедленно обеспечить огневую поддержку. По словам Роджерса, «иногда во время контакта мы стреляли из Ло просто ради того, чтобы наделать побольше шума»: тяжелое буханье реактивных гранат поднимало боевой дух пехотинцев. Гранаты со слезоточивым газом CS использовались для того, чтобы выгнать противника с удерживаемых позиций или проверить присутствие людей в подземном туннеле.

Когда была такая возможность, пехотинцы охотно задействовали поддержку авиации и 105-мм артиллерии. «Ты говорил по радиации всего несколько слов — и, словно маг, вызывал чудовищную разрушительную силу», — восторгался один офицер. Артиллеристы в

10 км от места делали один выстрел, чтобы определить точку наведения, и ждали, когда передовой наблюдатель, сопровождавший взвод или роту, даст указания по корректировке огня. Вот почему солдаты были готовы простить своим офицерам любые недостатки, кроме неумения читать карту: никто не хотел погибать под своими же снарядами. Передовые авианаводчики направляли самолеты таким образом, чтобы те заходили в атаку вдоль линии фронта, а не с тыла, поскольку в этом случае сброшенные раньше времени боеприпасы могли попасть по своим. По словам Уолта Бумера, «мы любили напасть. Уж не знаю, насколько он был эффективен, но отлично поднимал боевой дух». Колоссальное количество боеприпасов сбрасывалось в никуда. Когда группу Энди Финлейсона высадили в джунглях с заданием исследовать последствия удара стратегических В-52, они обнаружили привычные воронки и признаки того, что недавно через этот район прошло большое количество людей, но единственные лужи крови, судя по всему, принадлежали слону или буйволу.

В ходе контакта с невидимым врагом многие пехотинцы не могли удержаться от того, чтобы не перевести свои винтовки в режим непрерывного автоматического огня — так называемый рок-н-ролл — и не поливать плотную стену зеленых зарослей сплошным огнем. Передовой наблюдатель Билл Хардвик писал: «Низкая дисциплина стрельбы была повальной бедой. Да, иногда ты чувствовал себя комфортнее, выпустив очередь... но это было признаком любителей. Противник же, напротив, отличался превосходной огневой дисциплиной». Отчасти это объяснялось тем, что у вьетконговцев попросту не хватало боеприпасов — зачастую они несли с собой всего по два магазина, — что давало американцам и подразделениям ВСПВ преимущество, если перестрелка затягивалась. Капитан Джо Тенни жаловался, что многие в его роте даже не пытались целиться: «Однажды я видел, как вьетконговец пробежал через всю зону поражения целым и невредимым, хотя в него стреляли девять человек!»

Что касается пулевого ранения, то Тим О'Брайен описал его так: «Внезапно ты чувствуешь жесткий удар... из тебя будто вышибает весь воздух, и ты заходишься в кашле. Звук выстрела долетает до твоих ушей словно через десятилетие. Все вокруг вдруг начинает плыть... собственный запах бьет тебе в нос, в голове путаница мыслей — что ты будешь говорить, делать... и потом твой взгляд фокусируется на маленьком белом камешке или зеленой травинке, и ты думаешь: “О, Боже, это последнее, что я увижу в своей жизни, — этот камешек, эту травинку”, и тебе хочется зарыдать».

Пехотинцы любили говорить, что они были «прижаты к земле», что было довольно-таки спорным выражением. Иногда это могло означать,

что отделение, взвод или рота попали под такой интенсивный огонь противника, что не могли сдвинуться с места. Но гораздо чаще это означало, что попросту никто не хотел геройствовать и зарабатывать себе медаль Почета — все предпочитали затаиться и не высовываться, вызвав артиллерийскую или воздушную поддержку. Вот почему радисты играли в этой войне такую важную роль. Большинство боевых столкновений были короткими: в одном контакте, который длился всего 30 секунд, патруль из 35 морпехов потерял убитыми и ранеными 15 человек. Очень часто небольшая группа вьетконговцев вела огонь минутой-две и покидала зону, прежде чем начинала работать американская артиллерия. По словам Винса Феллеттера, «в отличие от нас, они легко прерывали огневой контакт и уходили».

Младшим командирам было нелегко командовать своими людьми во время боя среди густой растительности: сигналы руками были не видны, а кричать — бесполезно среди какофонии взрывов гранат, автоматического огня, криков страха и боли. Некоторые командиры батальонов пытались руководить своими подразделениями с бортов Ноеу, круживших над полем боя, но солдаты презирали эту практику. По словам капитана Кена Мурфилда, их полковник и начальник оперативного отдела предпочитали высоту около 300 м, бригадный генерал — больше 500, а командующий дивизией — больше 700: «Я помню одно сражение, когда командующий американскими войсками, клянусь богом, висел на высоте в километр... Пехотинцу, который там, внизу, рвал жопу под градом свинца в ближнем бою, было трудно уважать такое командование — парящее в облаках в накрахмаленной униформе — и тем более ощущать себя с ним единым целым».

Ротные командиры порой приходили в бешенство от попыток старших офицеров вмешиваться в командование действиями их подразделений в ходе боя. Винс Феллеттер вспоминал: «Как-то дело дошло до того, что я сказал нашему батальонному, чтобы он убрался к чертям из радиосети, пока не закончится контакт... Да, я немного вышел из себя... потом это вызвало некоторые проблемы».

Поразительно, что во многих мемуарах и документальных романах о войне во Вьетнаме, таких, например, как роман Карла Марлантеса «Маттерхорн» (Matterhorn), чувствуется не просто отсутствие уважения к старшим офицерам, но и открытое презрение и даже ненависть к ним.

Во время огневого контакта случалось всякое: пехотинцам во взводе Чарли Шиба однажды пришлось стрелять над головами своих же товарищей, которые пытались отлынивать от боя, — «они просто старались отползти назад». В каждом взводе были такие люди. Шиба узнал, что служивший до него санитар наотрез отказался ходить в патрули и добился перевода в госпиталь. После тяжелого сражения на

горе Чумоор оставшиеся в живых пехотинцы в одной роте не смогли найти своего сержанта: «Он казался порядочным парнем... потом выяснилось, что он вызвался отнести раненого в тыл... и больше его не видели».

Рядовые пехотинцы уважительно называли санитаров «доками», понимая, что, если их ранят, первая медицинская помощь, от которой зачастую будет зависеть, выживут они или нет, приходит именно от санитара. Отправляясь в глубинную разведку, Дэвид Роджерс нес с собой аптечку в сумке из-под взрывчатки С4: соляные таблетки, перевязочные материалы, морфин, две банки альбумина, внутривенную капельницу, а также дымовые гранаты для вызова эвакуационного вертолета. Если намечалось серьезное сражение, он также надевал разгрузочный жилет под магазины для АК-47, который заполнял ампулами с морфином и другими медицинскими принадлежностями. На ремне на D-кольце висели ножницы. «У большинства ран было небольшое входное отверстие и довольно большое выходное, — вспоминал Роджерс. — Один раз я не смог найти раневое отверстие — должно быть, этот парень был наспигован шрапнелью. Я не знал, что с ним делать. Когда мы погрузили его в вертушку, он был еще жив, но умер, не долетев до Кути». Фред Хиллиард, 26-летний выпускник Вест-Пойнта, считал, что очень часто атаки теряли импульс и стопорились из-за эвакуации раненых: «Вынести раненого товарища с поля боя считалось приоритетом. На убитых не обращали внимания». По его словам, люди испытывали «к раненому эмоции, которых нет по отношению к мертвому. Теплящийся в теле огонек жизни так важен, что стоит ему погаснуть, и ваше эмоциональное отношение сразу меняется... Эвакуация тела — дело логистики». По словам Джима Уильямса, когда люди решали вынести раненого с поля боя, «отчасти они делали это потому, что это был хороший предлог выйти из-под огня, и это убивало всех нас — в прямом смысле слова, — потому что, как только вы теряли огневое преимущество, враг его получал — и пригвождал вас к земле». Своим людям в роте он говорил: «Мне плевать, кого там ранили, пусть даже вашу мать, — вы оставляете их лежать и продолжаете сражаться».

Один офицер-коммунист скептически отзывался об американских солдатах: «Они несли слишком много ненужных вещей, были слишком тяжелыми и медленными. Мы издали знали, что они идут». Но солдаты ВНА были ненамного лучше в деле маскировки: сидевшие в засаде американцы узнавали об их приближении по тем же звукам, что выдавали их самих: по бряцанию оружия, позвякиванию фляжек, беспечной болтовне. Однажды в ходе интенсивного огневого контакта люди в роте Энди Финлейсона совсем пали духом, когда один вдруг

начал вслух насмехаться над коммунистами. Как вспоминал Финлейсон, «вскоре все гоготали и орали вьетконговцам: “Давай, Чарли, иди сюда, возьми нас!”... Не знаю, что именно сработало — плотный огонь, который мы на них обрушили, или гранаты, или наш смех, но они ушли».

После ожесточенного сражения пехотинцы старались собраться вместе, чтобы прочитать короткую молитву над павшими товарищами, но, когда потерь стало слишком много, от этой традиции отказались. Нанесение увечий вражеским трупам было распространенной практикой. В октябре 1967 г. репортер и оператор телеканала CBS навлекли позор на журналистскую братию, когда перед камерой дали солдату нож и попросили отрезать ухо мертвому коммунисту на глазах у телезрителей. Солдат был предан военному суду, а телевизионщики предпочли бежать из страны, чтобы не давать показаний в суде. Тем не менее все знали о таких «сувенирах». Однажды батальонный военврач отвел Уолта Бумера в сторону и сказал, что его люди собирают уши. Тем же вечером Бумер построил свою роту и сурово предупредил: «Узнаю, что кто-то сделал это еще раз, пристрелю. Что скажут ваши матери?» Он считал, что такие эксцессы следует подавлять жесткой рукой: «Если это не остановить, отрезание ушей может перерасти в более страшные зверства. Офицеры в Милай пренебрегли этим — и посмотрите, что там произошло». Некоторые солдаты довольствовались тем, что оставляли на трупах врага карту туза пик.

Джон Макнамара писал домой, что его тревожит популярность разговоров о том, что с террористами нужно бороться террористическими же методами: «Несколько лет назад об этом говорили только маргиналы. Если [американский военный] истеблишмент вдруг решит пойти по этому пути, будет прискорбно. Это окончательно оттолкнет порядочных людей... Остерегайтесь ярости центурионов». Дон Грэм, служивший в 1-й воздушной кавалерийской дивизии, испытал «прилив гордости», когда на его глазах полковник прямо в ходе операции освободил от должности командира роты, чьи люди без всякой причины сожгли дома мирных жителей.

Несмотря на то что религиозность была в дефиците — менее одного человека из пяти регулярно посещали службы, а две трети не посещали никогда, — большинство часто бормотали про себя молитвы. В ходе операции «Свифт» в сентябре 1967 г. капеллан Винсент Каподанно успокоил раненого словами: «Сохраняй спокойствие, морпех. Помощь скоро прибудет. Сегодня Бог с нами». Позже этот солдат признал, что присутствие капеллана придало ему необычайное чувство умиротворения. Вскоре после этого Каподанно был убит; военное командование посмертно наградило его медалью Почета, а

католическая церковь провозгласила «Службой Божьим». Само по себе присутствие Каподанно на поле боя вызывало глубокое уважение со стороны паствы, но некоторые капелланы перегибали палку. В подразделении, где служил Джеймс Мэй, служитель бога пытался продемонстрировать свое братство с солдатами с помощью таких сомнительных проклятий, как: «Боже, пусть бомбы падают прямо на головы этих маленьких желтых ублюдков». Еще один капеллан был сфотографирован с автоматической винтовкой и гранатами, а один из его коллег любил летать на боевые миссии вертолетным стрелком.

В ходе патрулирования подразделение останавливалось на ночевку ближе к вечеру, по возможности на возвышенности, с которой открывался хороший обзор. Все обычно были покрыты засохшей коркой из красной грязи и пота, которую они с наслаждением оттирали песком на берегу реки, если та протекала рядом с местом стоянки. Уолт Бумер заставлял своих людей бриться: «Я хотел, чтобы они были проворными и хитрыми, как животные, но не хотел, чтобы они превращались в животных». Однако немногие офицеры осмеливались насаждать такую строгую дисциплину, особенно на поздних этапах войны.

Почти каждый вечер солдаты рыли окопы — все ненавидели это занятие, хотя зачастую это было вопросом жизни и смерти. В добросовестных подразделениях пехотинцы рыли окопы на двоих глубиной в метр, проклиная твердый каменный грунт с переплетенными корнями, который начинался сразу под тонким поверхностным слоем глины. Если начинался ливень — обычное дело в тропическом климате, библейские потоки обрушивали пологи из плащ-палаток и размывали стенки окопов, вызывая бурю непристойной брани. Закончив с окопами, приступали к приготовлению ужина — обычно для этого использовались импровизированные горелки из пустых консервных банок с множеством отверстий, где сжигались небольшие кусочки взрывчатки С-4, горевшие ярким белым пламенем с шипением и вспышками. Начинались обмены едой, иногда доходившие до ссор: все любили консервированные фрукты и фруктовые кексы, мало кто, кроме Уолта Бумера, с удовольствием ел лимскую фасоль с ветчиной. Большинство предпочитали стандартным армейским сухпайкам пайки «лурпов», как называли подразделения глубинной разведки, но их было трудно достать. Некоторые готовили себе сложные блюда: например, доставали картофель из картофельно-мясных консервов, разминали его в пюре вместе с сухим заменителем сливок и поливали мясной подливкой, которую готовили отдельно в металлической кружке. На десерт пили растворимый кофе, какао или коктейль из листьев тархуна

и заедали крекерами (которые иногда мазали плавленым сыром) или чипсами с луковым вкусом.

После двух недель в полевых условиях сухпайки надоедали до чертиков, а иногда еда и вовсе заканчивалась: если небо заволакивала низкая облачность, полеты вертолетов, подвозивших запасы еды, почту и даже пиво, отменялись. Большинство подразделений время от времени голодали, хотя это и близко не могло сравниться с тем хроническим голодом, который испытывали их враги. Самой большой опасностью, особенно для групп глубинной разведки, был риск лишиться связи из-за севших батарей радиостанции: без связи невозможно было вызвать ни огневую поддержку, ни подкрепление, ни эвакуационные вертолеты. Поскольку курили почти все поголовно, сигареты входили в стандартный армейский набор вместе с леденцами, бритвенными лезвиями, зубной пастой и щеткой, писчей бумагой и карандашами, а также таблетками. Все сосали соляные таблетки, очищали воду таблетками «Галазона», которые придавали воде вкус йода, но все равно не спасали от поноса, от которого, в свою очередь, принимали по две таблетки «Ломотила» четыре раза в день. Помимо этого, все ежедневно глотали таблетки от малярии под пристальным надзором санитаров, поскольку некоторые предпочитали подхватить лихорадку, лишь бы не ходить в рейды. В 1967–1968 гг. наркотики уже стали проблемой, но в основном в тыловых частях: офицеры и младшие командиры боевых подразделений еще пользовались достаточным авторитетом, чтобы удержать своих людей от употребления наркотиков в полевых условиях.

По вечерам, расположившись в гамаках или — в те дни, когда вертолеты подвозили запасы, — на расплюснутых картонных коробках из-под сухпайков, некоторые доставали потрепанные журналы и книжки в бумажных обложках. Энди Финлейсон жадно глотал книги по истории, политологии, антропологии, романы Конрада, Харди, Хемингуэя, Апдайка, японскую классику наподобие «Повести о Гэндзи» (The Tale of Genji). Комиксы, однако, были более популярны. Гарольд Брайан иногда был вынужден читать Библию, которую ему прислала мать, «когда мне не удавалось раздобыть ни одного “Плейбоя”». Некоторые просто болтали. Дэвид Роджерс вспоминал: «Мы думали о доме — чем сейчас занимаются наши родные? У меня был друг, сержант, который любил играть в слова. Мы много пережили вместе и были очень близки». В конечном счете все разговоры сводились к заветной теме — DEROS (Date Estimated Return from OverSeas) — «предполагаемой дате возвращения с места службы на заморском ТВД», которая была отпечатана в сердце каждого солдата и по мере ее приближения превращалась в настоящую одержимость.

«Песня опытных крыс», сочиненная бойцами 101-й воздушно-десантной дивизии, начиналась такими словами: «Я прибыл в эту страну, / Чтобы отдать ей год моей жизни. / Мой единственный товарищ — моя винтовка, / Моя единственная молитва — остаться в живых». Некоторые носили с собой в патрулирование «дембельские палки» — трости с искусной резьбой; другие ограничивались календарями или придумывали иные фантазийные способы отсчитывать оставшиеся до DEROS дни. В то же время считалось дурной приметой, если новичок спрашивал у бывалого солдата, сколько тот отслужил, — нужно было дожидаться, когда тот сам скажет об этом.

По словам Джона Дельвеккио, «для многих солдат Вьетнам был долиной ужаса, местом депрессии и отчаяния. Во многом это было связано даже не с Вьетконгом и не с джунглями... а с тем, что они оказались разлучены с родными, женой, друзьями и были абсолютно бессильны что-либо изменить». Все писали письма домой, а некоторые записывали аудиокассеты. Кто-то сопровождал свои аудиопослания «военным фоном» — канонадой минометов и дым-никелей, как называли 105-мм гаубицы. Разумеется, записи получались впечатляющими — и до смерти пугали несчастных родных, заставляя их переживать еще больше. От безделья многие валялись дураками. Тим О'Брайен писал: «Средний возраст парней в нашем взводе составлял 19–20 лет, поэтому атмосфера [в лагере] часто была несерьезной и азартной, словно в какой-то экзотической исправительной колонии. Было много ребячливости, грубых шуток и дурацких выходок, которые иногда заканчивались летальным исходом». Некоторые по глупости пытались вести себя так же за пределами периметра, за что расплачивались здоровьем или жизнью. Один парень во взводе О'Брайена «постоянно дурачился», пока однажды утром в ходе рейда не наступил на мину и не лишился ноги.

Ночью большинство пехотинцев по очереди дежурили в карауле или, если им «посчастливилось» попасть в патрули, дрожа от страха, пробирались по незнакомой местности, боясь наступить на что-то смертельно опасное, споткнуться о корни мангровых деревьев или свалиться в топкую грязь. Все ненавидели ночное патрулирование, зная, что не умеют двигаться бесшумно, особенно в сухой сезон, когда под ногами хрустела каждая ветка и листок, даже если пытаться подражать «призрачному ходуку». В отличие от них, вьетконговцы чувствовали себя в темноте в своей стихии и спокойно заходили в деревни, зная, что вряд ли застанут там американцев или подразделения ВСПВ. По словам Уолта Бумера, «по ночам нас там не было — это было время Чарли».

Чаще всего командиры довольствовались тем, что расставляли сторожевые посты на расстоянии от сотни метров до километра вокруг

лагеря. Сержант Джерри Леду рассказывал: «Я никогда не спал на ночных дежурствах, но у нас были люди, которые храпели, вместо того чтобы высматривать врага. Они просто не осознавали, что это не игра, а вопрос жизни и смерти». Капитан Джо Тенни был с ним согласен: «Очень многие спали на посту, а офицеры и младшие командиры их не проверяли». Даже если сидевшие в засаде бодрствовали, при появлении вьетконговцев, особенно если их было много, всегда возникали сомнения: открыть огонь или затаиться? Сидя в засаде, Уэйн Миллер порой чувствовал себя таким замерзшим, промокшим и несчастным, что мочился под себя, — отчасти потому, что ощущение горячей влаги приносило некоторое успокоение, а отчасти потому, что было опасно вставать и идти мочиться куда-нибудь в сторону: немало парней получили пули от своих же слишком нервных товарищей. За восемь месяцев Миллер участвовал в десятке огневых контактов, но не знал, удалось ли ему кого-то убить или ранить. Однажды ночью он сидел в засаде с подрывной машинкой мины Claymore в руках, когда мимо него по тропинке прошли три вьетконговца. У него был приказ ничего не делать, пока не начнется стрельба. Как и следовало ожидать, при первых же выстрелах вьетконговцы бросились назад и на мгновение задержались как раз напротив того места, где была спрятана мина. Миллер нажал рычаг на «адской машинке» и со смесью ужаса и восхищения увидел, как на его глазах человеческие тела разорвало на части.

Уолт Бумер, в 1967 г. командовавший ротой, сказал: «Я почувствовал себя более или менее опытным боевым командиром лишь спустя несколько месяцев. Но, как только это произошло, мой срок службы [в боевой части] закончился». В последние недели «мы занимались поиском подразделений ВНА в районе ДМЗ. Это была довольно суровая жизнь. Мы все время были на ногах, жили, как животные, — однажды не мылись целых 45 дней. Но, по правде говоря, результатов было мало. Чаще всего противник сам находил нас и навязывал огневой контакт на своих условиях; очень редко нам удавалось найти его и втянуть в бой на наших условиях. Северовьетнамцы знали: если они атакуют нас открыто, им не поздоровится. И, сколько бы мы их ни убили, это ничего не меняло».

Оружие

На закрытой местности подавляющая воздушная и артиллерийская огневая мощь не была решающим фактором. Индивидуальное стрелковое оружие — вот что решало исход сражения, и именно оно стало слабым местом, подорвавшим репутацию армии Уэстморленда.

Армия самой технологически развитой нации в мире была вооружена хуже, чем солдаты нищего и отсталого Северного Вьетнама. Сказав это, тут требуется кое-что уточнить: по целому ряду параметров американская автоматическая винтовка М-16 была намного лучше автомата АК-47, которым были вооружены коммунисты. Но не в неблагоприятных полевых условиях. Главным преимуществом АК было то, что в руках плохо обученных крестьян, при минимальном уходе, в грязи, песке и воде, когда большинство М-16 попросту заклинивало, он обеспечивал надежную автоматическую стрельбу.

Автомат АК-47, где цифры соответствуют году выпуска опытного образца, был изобретен группой советских конструкторов под руководством сержанта Михаила Калашникова, который начал войну командиром танка, в 1941 г. получил тяжелое ранение, после чего занялся разработкой стрелкового оружия. На создание нового типа автомата конструкторов вдохновил трофейный промежуточный патрон 7,62×39 мм, разработанный немцами для стрельбы на среднюю дальность — до 800 м. Калашников и его коллеги взяли этот довольно легкий патрон и сконструировали под него смехотворно простую штурмовую винтовку, позаимствовав некоторые особенности ударно-спускового механизма у американской М-1. Надежность автомата обеспечивалась тем, что вся его конструкция состояла всего из восьми массивных подвижных частей, собранных с такими большими зазорами, что им не мешал даже попавший между ними песок. Хромирование канала ствола, газовой камеры и поршня значительно увеличивало срок службы. Единственными недостатками АК-47 было небольшое отклонение пуль влево и громкое лязганье переводчика огня и затвора.

Неточность АК-47 не имела большого значения; его безотказная способность стрелять в любых условиях зачастую обеспечивала перевес над более совершенным оружием. Начиная с 1947 г. в странах соцлагеря было выпущено 100 млн единиц АК в различных модификациях. Автомат Калашникова стал самым популярным огнестрельным оружием в истории — любимым оружием революционеров по всему миру от Анголы до Филиппин, мгновенно узнаваемым по характерному изогнутому подобно банану магазину. В 1963 г. Китай начал поставлять в Северный Вьетнам свою модификацию АК-47 — Норинко-56, из которого было убито и ранено больше американских и южновьетнамских солдат, чем из любого другого вида оружия, использовавшегося на этом ТВД.

Во времена Корейской войны американские военные с презрением смотрели на АК-47. В 1953 г. Пентагон отклонил предложение британцев вооружить НАТО аналогичным легким штурмовым оружием калибра .280, отдав предпочтение собственной дальнобойной

полуавтоматической винтовке М-14 длиной больше 1,1 м и весом свыше 5 кг. Однако в октябре 1962 г. Макнамара написал секретарю Сухопутных войск Сайрису Вэнсу: «У меня имеются весомые доказательства... относительно винтовки М-14... свидетельствующие о том, что мы экипируем нашу армию оружием, определенно уступающим в огневых качествах и боевой эффективности штурмовой винтовке, которой Советы вооружают собственную армию и силы своих сателлитов по всему миру с 1950 г.».

У американской армии не было никаких запасных вариантов, чтобы ответить на этот вызов. Компания Colt, на тот момент активно продвигавшая свою малокалиберную винтовку AR-15, поняла, что настал ее звездный час. Оригинальная конструкция винтовки была разработана в голливудском гараже Джорджа Салливана, инженера аэрокосмической компании Lockheed, влюбленного в стрелковое оружие. В свое время Салливан основал небольшую оружейную компанию ArmaLite и нанял конструктора-самоучку Юджина Стоунера, бывшего морского пехотинца, имевшего практический опыт обращения с оружием. Вскоре компания была выкуплена Fairchild Aviation и в составе новой корпорации разработала несколько образцов винтовки AR, которые, хотя и не были запущены в серийное производство, заинтересовали военных. В конце концов Стоунер превратил AR-15 в удобное оружие калибра 5,56 мм, весом меньше 3 кг (без патронов), длиной меньше метра, с покрытием из черного пластика. В 1959 г. Fairchild продала лицензии на AR-10 и AR-15 Colt, которая запустила AR-15 в производство на своем заводе в Хартфорде, Коннектикут, и занялась ее продвижением.

Первые полевые испытания винтовки во Вьетнаме вызвали энтузиазм, особенно из-за ее точности и легкости, однако возникли опасения в связи с тем, что высокоскоростная пуля AR-15 была подвержена разрушению при ударе и создавала эффект пули «дум-дум», запрещенный международным правом. На испытательном полигоне Армии США в Абердине были проведены жуткие секретные эксперименты с использованием живых ангорских коз, отрубленных человеческих голов и конечностей, привезенных из Индии. Выводы были благоприятными: пули AR-15 наносили не более серьезные повреждения, в том числе при попадании в черепную коробку, чем пули АК-47 или М-14. В январе 1963 г. Эрл Уилер заявил, что новое американское оружие намного превосходит автомат Калашникова. Он признал, что существует небольшая проблема с надежностью, но она может быть «легко устранена». В декабре Пентагон разместил первый крупный заказ на 104 000 винтовок, получившей новый индекс М-16,

хотя оставался ряд сомнений: Корпус морской пехоты хотел другую модель от тех же конструкторов, Стоунер-63.

В 1965 г. М-16 все еще проходила полевые испытания, с неоднозначными результатами. В конце концов восторженные отзывы подполковника Хэла Мура, чей 1-й батальон 7-го кавалерийского полка использовал винтовку в битве в долине Йа-Дранг, убедили Уэстморленда дать свое одобрение. Со своей стороны, компания Colt не сидела сложа руки и развернула на Капитолийском холме активное лоббирование, ссылаясь на эмоциональные репортажи в СМИ о том, что американские солдаты во Вьетнаме с устаревшей М-14 вооружены хуже коммунистов. 7 декабря влиятельный сенатор Ричард Рассел позвонил Макнамаре и лаконично сказал: «Либо вы сегодня же закупаете 100 000 винтовок, либо я рассказываю эту историю прессе». В компании Colt, которая в 1963 г. объявила о финансовых убытках, снова наступил золотой век: в общей сложности она поставила Пентагону 8 млн винтовок М-16.

Но, как только боевые части начали в массовом порядке переходить на новую винтовку, стали очевидны ее прискорбные недостатки. Поскольку военные настаивали на том, чтобы новое оружие было дальнобойным, с эффективной дальностью стрельбы не менее 500 м, это подвергало подвижные части легкой автоматической винтовки огромной нагрузке, особенно при использовании патронов с так называемым сферическим порохом, который вызывал более сильную детонацию и образовывал больше нагара в стволе и затворном блоке. Журнал Shooting Times, библия любителей гражданского оружия, провел собственное тестирование М-16 и столкнулся с многократными заклиниваниями и отказами. В опубликованном отчете эксперты рекомендовали исправить эти недоработки, прежде чем винтовка будет принята на вооружение, но этого сделано не было. Как заметил журналист К. Дж. Чиверс, «Пентагон и Colt запустили в серийное производство фактически сырой прототип и, когда тот не прошел испытания в руках солдат, принялись его дорабатывать».

На протяжении всего 1966 г. солдаты во Вьетнаме мучились с новой винтовкой, которая, помимо всего прочего, быстро ржавела в тропических условиях. После выстрела стреляная гильза часто застревала в патроннике. Ее приходилось выталкивать с помощью шомпола — если солдат был достаточно предусмотрителен, чтобы взять его с собой, — зачастую во время боя под интенсивным огнем. Поскольку изначально к винтовке не прилагался набор для чистки, солдаты использовали телефонный провод или капроновый шнур, который протягивали через ствол вместе с ветошью. Некоторые писали домой и просили родных купить и прислать им шомпола. Из первых

2000 М-16, протестированных оружейными экспертами, разного рода проблемы возникли с 384 экземплярами.

В конце концов начал разгораться скандал. Пентагон в течение нескольких месяцев пытался скрыть кризис, отказываясь признать, что он вооружает свою пехоту винтовкой, непригодной для применения в боевых условиях. Во всех проблемах обвиняли солдат, которые якобы плохо ухаживали за своим оружием. Полковник Ричард Хэллокс из Управления перспективных исследовательских проектов минобороны (Advanced Research Development Agency, DARPA) поставил штамп «СТРОГО СЕКРЕТНО» на отчете об испытаниях винтовки и возглавил усилия по сокрытию недостатков М-16, в первую очередь от конгресса. Была организована целая кампания институционального замалчивания, чтобы обеспечить беспрепятственное внедрение М-16. В феврале 1967 г. новое оружие начало поступать на вооружение подразделений морской пехоты, развернутых во Вьетнаме. Жалобы и протесты морпехов не возымели эффекта. На пресс-конференции в Дананге генерал-лейтенант Лью Уолт заявил, что его люди «на 100% в восторге» от М-16. КОВПВ предупредило своих офицеров информационной службы, чтобы те держали язык за зубами.

Но разгневанные морпехи и солдаты принялись писать домой. 26 марта 1967 г. вашингтонская газета Daily News опубликовала сенсационную статью о превосходстве старого коммунистического АК над новой американской винтовкой. В прессу начали просачиваться шокирующие истории о том, как в ходе столкновений с врагом многие американские солдаты оказывались безоружными из-за заклинивших М-16. Местная газета Asbury Park Evening News цитировала морского пехотинца, который после одного ожесточенного сражения сказал: «Знаете, что убило больше всего наших парней? Их собственные винтовки... Почти рядом с каждым погибшим мы нашли заклинившую М-16, которую он пытался починить прямо во время боя». Разумеется, это было преувеличением, но проблема привлекла внимание конгресса. 20 мая 1967 г. конгрессмен от Нью-Джерси отправил вырезку вышеупомянутой статьи Роберту Макнамаре, чтобы министр обороны не мог ссылаться на незнание.

В тот период морская пехота вела так называемые Бои за высоты, в ходе которых погибло более 150 человек — у некоторых из них действительно были обнаружены отказавшие винтовки. В июле 2-й батальон 3-й дивизии морской пехоты понес тяжелые потери на фоне продолжающихся проблем с М-16. Капитан Джерри Терли описал переход своего батальона на новое оружие как «катастрофу... Нам просто приказали: “Положите свои М-14 в эту кучу и возьмите М-16 из этой кучи”. случаев отказа оружия стало на 75% больше. Мы

жаловались, а они только пожимали плечами: “Вы плохо их чистите”». Когда батальон потерял всех пятерых ротных командиров за 30 дней интенсивных сражений, некоторые офицеры открыто обвиняли в высоких потерях новую винтовку. Терли рассказывал: «Можете вообразить, как это отразилось на нашем батальоне? Моральное состояние было катастрофическим».

23-летний лейтенант Майкл Чернеvak в письме домой подробно описал одно из сражений, в ходе которого в их роте отказало 40 винтовок. Он также отправил копии письма своему конгрессмену Роберту Кеннеди и в газеты, включая The Washington Post, которая опубликовала его 29 октября. В ответ на это Корпус морской пехоты начал расследование, но не дефектов винтовки, а предполагаемого преступления автора письма — в результате Чернеvak получил официальный выговор. Между тем представитель компании Colt в Азии Канемицу Ито пришел к выводу, что претензии к «их продукту» были вполне обоснованными. Когда он решил встретиться с морскими пехотинцами, чтобы узнать их мнение, он словно попал в «логово злых, разъяренных львов». Большинство из них, сообщил Ито своему работодателю, ненавидели новую винтовку «и имели для этого причины». Однако ни заключение собственного сотрудника, ни лавина жалоб не заставили компанию Colt открыто признать проблему. В конце 1967 г. партия М-16 была доставлена на вертолетах находившемуся в полевом лагере батальону морпехов без какого-либо обучения и инструктажа. Как вспоминал Уолт Бумер, «это был кошмар. В следующем же бою половина винтовок заклинила. Я всегда восхищался Корпусом морской пехоты, но иногда командование делало глупые вещи». Как и Джадд Кинн, он считал, что «М-14 были гораздо лучше».

Конечно, коммунистический АК-47 тоже не был идеальным оружием: один офицер ВСРВ, чьи люди протестировали автомат в боевых условиях, писал, что большинство в конечном итоге от него отказались: автомат ржавел, заменить магазин в ходе боя было не так-то просто, а его огневые качества быстро ухудшались при интенсивной стрельбе. В конце концов американские солдаты и морпехи привыкли к М-16 и приучились к более бережному обращению с оружием. За следующие два года некоторые проблемы, выявленные в 1966 г., были устранены: с новым буфером отдачи, хромированным каналом ствола и рядом других конструктивных доработок новая модификация вызвала меньше нареканий. Тем не менее факт оставался фактом: более продвинутая и современная М-16 уступала в надежности примитивному АК-47. Еще один спорный момент касался того, насколько полезно было снабжать винтовку такой высокой скорострельностью, которая позволяла испуганным солдатам расстреливать целый магазин за три

секунды в режиме «рок-н-ролл». По большому счету, история противостояния между М-16 и АК-47 хорошо иллюстрирует фундаментальную парадигму тех трудностей, которые обрекли на неудачу попытки США удержать Южный Вьетнам военной силой.

* * *

Как и многие не очень далекие люди, генерал Уильям Уэстморленд наслаждался лучами славы, пока те не испепелили его репутацию. Однажды Джону Грэму выпала честь несколько часов сопровождать главу КОВПВ и трех его заместителей, прибывших с визитом в 1-ю воздушную кавалерийскую дивизию. Улучив момент, Грэм спросил у одного из помощников: «Сэр, а что именно вы делаете для генерала?» Ответ его поразил: «Я отвечаю за комплекты его униформы, чтобы они были чистыми и выглаженными — генерал не любит появляться перед войсками в неряшливом виде». В ноябре 1967 г. по требованию Линдона Джонсона генерал прибыл в Вашингтон — этот визит широко освещался в СМИ и был призван придать вес заверениям американской администрации в том, что во Вьетнаме дела идут хорошо.

За закрытыми дверями Уэстморленд думал иначе и требовал еще больше — намного больше — людей. Но на публике он превосходно справился с миссией, возложенной на него главнокомандующим. 7 ноября газета The Washington Star опубликовала статью, вынеся в заголовок слова генерала: «В военном смысле война почти выиграна». Боб Консидайн из Philadelphia Inquirer с энтузиазмом писал: «Хватит ныть. Мы выигрываем эту чертову войну. Еще раз повторяю: мы там не увязнем». 21 ноября Уэстморленд заявил в Национальном пресс-клубе: «Уже больше года Вьетконг не побеждал ни в одном более или менее крупном сражении... Они способны сражаться большими силами только вблизи своих убежищ... Численность партизанских сил стабильно сокращается. Проблемы с дисциплиной и боевым духом растут». Даже Джеймс Рестон, известный скептик, был впечатлен уверенностью Уэстморленда. После этого выступления в Национальном пресс-клубе лоялисты и патриоты по всей стране еще теснее сплотились вокруг своего главнокомандующего и его генерала — и стали еще резче в своих высказываниях против противников войны. На съезде Американской федерации труда и конгресса производственных профсоюзов 2 декабря госсекретарь Дин Раск сравнил протестующих со штурмовиками Гитлера.

Между тем капитан Джон Макнамара писал домой: «Между ВК/ВНА и мной существует искреннее и взаимное уважение... Но наша ситуация пугающим образом напоминает ту, в которой в свое время оказались французы: мы тверды в военном плане и безнадежно расколоты в политическом». Дон Грэм излагал все мысли и сомнения в

письмах своей матери Кэй, владелице газеты The Washington Post. Позже он сказал: «Тогда я сомневался в том, что мы там делали. Сомневаюсь и сейчас. Когда [в июле 1968 г.] я отправился домой, я благодарил Бога, что наконец-то убираюсь оттуда. И я никому не советовал туда ехать. Для меня было очевидно, что мы можем проторчать там еще лет 20 — и абсолютно ничего не изменится. Главной проблемой было то, что мы попросту не могли найти врага». Грэм видел войну сквозь призму отчасти привилегированного участника, но он был прав.

Офицер ВНА Фам Фу Банг был потрясен натиском американцев в ходе операции «Джанкшен-сити» в августе 1967 г. в провинции Тэйнинь: «Они всё напирали и напирали». У его людей не хватало еды, медикаментов, оружия, боеприпасов. Когда его подразделение получило приказ прикрывать отступление остальной части дивизии, Банг был убежден, что это станет последним днем их жизни. Несколько часов они пролежали в засаде в разбомбленных джунглях в ожидании врага, готовые сразиться и умереть. Но американцы так и не прошли мимо них. Медленно, боясь поверить в свою удачу, Банг и его люди осознали, что проживут еще один день — и на самом деле еще много дней.

Никакие операции по зачистке местности, никакие воздушные кампании с громкими кодовыми названиями, никакая огневая мощь не могли уменьшить упорство и жестокость коммунистов. В декабре 1967 г. вьетконговцы захватили общину Дакшон на Центральном нагорье, убили больше 250 человек из 2000 проживавших там беженцев-монтаньяров и сожгли деревню. А северовьетнамские генералы в Драконьем дворе строили куда более грандиозные планы.

Глава 17

Наши парни, их парни: война во Вьетнаме

Сонг Куа Нгай — «Давайте проживем еще день»

До того как попасть в плен, Даг Рэмзи нередко садился вместе со своим неумным боссом Джоном Ванном в их ярко-желтый пикап, изрешеченный отверстиями от пуль, и они отправлялись в рискованную поездку по окрестностям — просто ради того, чтобы полюбоваться вьетнамскими пейзажами. Он писал: «Мы проезжали мимо плодородных полей со зреющим рисом, которые в закатных лучах солнца сначала медленно, а потом все быстрее меняли цвет с соломенного до шафранного, пока наконец не окрашивались в красновато-медный на вечерней заре. Мы, словно впервые выехавшие на природу городские дети, наслаждались прохладным воздухом с

дуновениями свежего ветра, окружающими видами, звуками и даже бьющими в нос резкими деревенскими запахами. Иногда мы заезжали на пару минут в какую-нибудь деревушку с домиками, крытыми глиняной черепицей или тростниковыми крышами, где люди ужинали и готовились ко сну, как это делали их предки на протяжении сотен лет, — тем самым мы старались хоть ненадолго стереть из памяти страшные воспоминания, картины безжизненных тел и напомнить себе о том, что существуют простые мирные люди, которые ведут простую мирную жизнь с ее незатейливыми радостями»¹. «Конечно, я понимал, что все это рано или поздно изменится, причем скорее раньше, чем позже, — с грустью добавлял Рэмзи. — Скоро этот пейзаж обретет черты XVIII в., если не сразу XX в. Я также знал, что за этими безмятежными романтическими картинами скрываются суровые реалии, в которых жили 90% населения, такие как пожизненный непосильный ручной труд, вечная полунищета, препятствующие прогрессу суеверия и очень короткая продолжительность жизни». Крестьяне бежали от войны в города: к 1970 г. численность городского населения по сравнению с началом десятилетия выросла на 40%.

Люди привыкают жить почти в любых условиях. Молодые вьетнамцы воспринимали войну как нечто естественное наряду с рисовыми полями и пальмовыми рощами. Нгиен Кхием вспоминал о своих школьных днях: «Мы научились убегать, когда слышали звук ракеты, а на остальное не обращали внимания»². Продолжавшаяся война определяла жизненный путь всех вьетнамцев, даже выходцев из привилегированных слоев. Фан Тан Нгыу мечтал окончить химический факультет и заняться фармацевтикой. Но в 1966 г. у него попросту не было иного выбора, кроме армии и силовых структур, — в конце концов он стал офицером Специальной службы полиции. На протяжении всей жизни он сожалел о несостоявшейся карьере фармацевта: «Я был успешен на службе, но, знаете, на полицейских все равно лежит это клеймо...»³ На контролируемых американцами территориях местные жители имели возможности неплохо заработать, но и платили за это свою цену: как-то ночью грузовик из подразделения полевой артиллерии на дороге в Куинён насмерть сбил шестилетнюю девочку из племени монтаньяров, а на следующую ночь недалеко от Контума была сбита престарелая женщина. Однажды вьетнамский водитель грузовика ради шутки дал оглушительный гудок в спину велосипедисту, который от испуга съехал в кусты и серьезно повредил стопу, попавшую между спицами колеса. Его коллега-водитель сказал с нескрываемым осуждением: «Именно так вели себя некоторые американцы»⁴.

Война привела в упадок обе враждующие вьетнамские столицы, хотя Ханой по понятным причинам выглядел гораздо хуже. В конце

1960-х гг. суровый аскетизм жизни северовьетнамцев усугубился влиянием Великой культурной революции Мао Цзэдуна. Дети в принудительном порядке отправлялись в государственные детские сады; в сельском хозяйстве была проведена радикальная коллективизация; частная собственность подвергалась резкому осуждению. Ханойское руководство объясняло эти меры требованиями войны с американскими империалистами. Компартия Советского Союза была официально признана «ревизионистской».

По состоянию Сайгона также было видно, что война затмевает собой все прочие заботы, включая уборку улиц. В 1930-х гг. ипподром Футхо мог посоперничать в своей роскошности с парижским Лоншаном. Но в конце 1960-х гг. красно-желтые трибуны изрядно пооблупились, в загонах для лошадей роились стрекозы. Изредка по воскресеньям устраивались забеги, во время которых изящные жокеи что есть мочи гнали нетренированных лошадей, которые ненавидели жару так же сильно, как американские пехотинцы. На обветшавших трибунах собирались азартные зрители, делали ставки на своих фаворитов, но даже самый внимательный наблюдатель не смог бы определить, на какую сторону в этой войне сделал ставку тот или иной любитель бегов. Взять, например, Чыонг Ньы Танга, директора крупной сахарной компании Société Sucrière, в которой работали 5000 человек. Он вел активную светскую жизнь, владел загородным домом на мысе Сен-Жак, отдыхал в курортном Далате, играл в теннис и карточную игру «четыре цвета» в лучших домах — и был одним из высокопоставленных руководителей НФОЮВ.

В 1965 г. на него донесли, но он сумел оправдаться: отсидевшись шестью месяцами тюрьмы, он вышел на свободу и вернулся в свой просторный кабинет в штаб-квартире Société Sucrière. Однако два года спустя его выдал перебежчик по имени Ба Ча, который позже был убит Вьетконгом. Танг дал яркое описание сайгонской тюрьмы, в которой ему пришлось провести несколько месяцев: «Сцена, которую я увидел... поразила меня таким ужасом и страхом, что я словно лишился души. По всей длине коридора на полу лежали люди с кандалами на лодыжках, скованные в живую цепь. У многих были залитые кровью, распухшие лица; конечности у некоторых находились под какими-то неестественными углами. Кто-то корчился в муках. Другие просто лежали с безучастным взглядом. Из этого месива тел раздавались стоны и плач. Воздух словно был наполнен низким, непрерывным воем. Мое сердце бешено заколотилось. С одной стороны коридора были двери, которые вели в комнаты для допросов. Из-за этих дверей раздавались проклятия и вопли боли»⁵. Танг благодаря своему привилегированному положению с обеих сторон и деньгам сумел избежать этой печальной

участи. Его жена сначала подкупила главного следователя за \$6000, чтобы избавить мужа от пыток⁶. И еще \$5000 заплатила председателю суда (который впоследствии стал главным советником по безопасности президента Тхьеу), чтобы тот вынес Тангу мягкий приговор. Танг получил всего два года тюрьмы, после которых присоединился к своим товарищам по НФОЮВ в джунглях.

Для южных вьетнамцев семейные узы были важнее любой идеологии. Старожил Сайгона, сотрудник ЦРУ Фрэнк Снепп восхищался вьетнамским народом, но отвергал идеализированный взгляд Фрэнсиса Фицджеральда: «Мне приходилось иметь дело с совсем другим Вьетнамом. Я не видел, чтобы они всеми фибрами души ненавидели колониализм. Они были чрезвычайно прагматичны: в конце концов, им приходилось постоянно приспосабливаться к новым хозяевам». Главный советник президента Тхьеу по психологической войне скрывал в своем доме невестку, которая руководила коммунистической ячейкой в Хюэ. Начальник штаба армии принял двух племянников своей жены, отец которых занимал высокий пост в компартии. Дочь Танга Лоан была близкой подругой дочери президента Тхьеу, Туан-Ань — президент продолжал принимать девушку в своем доме даже после того, как вскрылась двойная жизнь ее отца, и, более того, совершил благородный поступок, оплатив учебу Лоан на факультете вычислительной техники в Пенсильванском университете⁷.

Война продолжала разрушать уникальные природные красоты Вьетнама и его общество: в стране появилось 77 приютов для сирот и более 200 000 малолетних преступников. Крестьяне, устав засеивать рисовые поля, которые утюжила военная техника, бросали деревни и перебирались в города. Над Сайгоном и его военными пригородами Лонгбином и Таншоньятом постоянно висел едкий смог. Улицы были разбитыми, в сплошных выбоинах и ямах из-за многолетнего отсутствия ремонта, особенностей климата и резко возросшей интенсивности дорожного движения, особенно после того как в 1967 г. страну захлестнуло «цунами» мопедов «Хонда». Неотъемлемыми атрибутами пейзажа стали кучи мусора и горы мешков цемента, бетонные блоки и колючая проволока постов безопасности, а также клубы черного дыма, изрыгаемого мощными дизельными грузовиками.

Вдоль реки Сайгон и впадающих в нее каналов выросли трущобы. В многочисленных уличных мастерских сидели ремесленники, которые что-то пилили, привинчивали и латали. Каждая столичная улица имела свою специализацию в предложении товаров и услуг: на одной продавались товары для кухни, на другой — электрические вентиляторы, на третьей — кондиционеры, велосипеды, одежда, книги, фотоаппараты, маленького размера военная форма для детей, рыбный

соус, овощи, орехи, апельсины, лягушки и угри, рисовый спирт под видом виски или бурбона. Также предлагались девушки в широчайшем ассортименте, среди которых встречались настоящие красавицы, с крикливым макияжем и выражением лица, варьировавшимся от королевского высокомерия до глубокой меланхолии. В Сайгоне все еще оставались островки былой колониальной романтики, но они только подчеркивали окружающую грязь и запустение. Было всего лишь вопросом идеологического вкуса, что предпочесть — развращенную убогость Сайгона или унифицированную коммунистическую серость Ханоя.

Война обходила города стороной — она шла только в сельской местности. Крестьяне часто жаловались бойцам Вьетконга: «Вам проще. Все, что у вас есть, это ваши ружья и вещмешки. Вы можете взять их и уйти куда угодно. У нас есть жены, дети, буйволы, рисовые поля и сады — мы не можем взять их с собой. Поэтому нам приходится оставаться в наших деревнях». Многие стали фаталистами, живя по принципу Сонг Куа Нгай — «Давайте просто проживем еще день». Немаловажным фактором успеха коммунистов было то, что они вели гораздо более эффективную пропагандистскую работу с сельским населением, чем сайгонский режим. Например, они распространяли слухи, что программы «круглоглазых» по вакцинации населения на самом деле были наказанием за поддержку ВК и делали детей бесплодными. Американский эксперт по борьбе с вредителями безуспешно пытался убедить крестьян, чтобы те перестали продавать крыс для еды.

В рамках инициативы по улучшению солдатского рациона американское командование заменило любимый всеми вьетнамцами ферментированный рыбный соус ньюк-мам на корейский соевый соус, который те ненавидели. Первое время крестьяне были в восторге от высокоурожайного «чудо-риса» — вскоре больше половины производства риса в Южном Вьетнаме стало приходиться на новые элитные сорта, которые в шутку прозвали «Хонда-рисом», потому что хорошие заработки позволяли крестьянам покупать мопеды. К сожалению, эти чудо-сорта требовали также большого количества удобрений и пестицидов — когда американцы урезали экономическую помощь, а цены на нефть и удобрения взлетели, многие южновьетнамские производители риса были разорены.

Мало кто из сельских жителей рассматривал сайгонское правительство как защитника и благодетеля — это была некая отдаленная и чуждая сущность, которая облагала их налогами и отбирала сыновей. Коммунисты делали то же самое, но умело убеждали крестьян в том, что это совершается ради их же блага. В то время как солдаты ВСРВ самовольно отбирали у крестьян фрукты и птицу, один

американский пленный был поражен тем, с каким уважением вьетконговцы относились к чужой съедобной собственности: «Однажды наша колонна проходила через овощное поле, которое принадлежало другому партизанскому отряду. Ни один из наших охранников не сорвал ни листочка капусты, хотя большинство не видели свежих овощей больше года»⁸. Австралийский военврач Норман Уиндхэм, служивший в Вунгтау, писал: «Крестьяне не хотят ничего, кроме мира. Им нечего терять, поэтому они не боятся, что к власти придут коммунисты и все у них отберут»⁹.

Как в сердцах заметил генерал Крейтон Абрамс, местные южновьетнамские чиновники «настолько некомпетентны, что [коммунистам] нет смысла их убивать»¹⁰. Пожалуй, единственными сельскими жителями, которые поддерживали сайгонское правительство, были те, кому довелось пожить на Севере. В 1967 г. пожилой деревенский староста по имени Нго Динь Хо сказал британскому журналисту, что десять лет, которые он в юности прожил при коммунистах, были «земным адом». Многие его соседи-рыбаки на острове Фукуок у дельты Меконга также были беженцами с коммунистического Севера. «Это очень хорошая земля, — сказал Хо. — Если бы мы смогли освободить ее от партизан, она бы стала настоящим раем, прекрасной мечтой... Я очень благодарен Соединенным Штатам за помощь»¹¹. Если бы гораздо больше южных вьетнамцев знали, что такое жизнь при коммунистическом режиме, война могла бы закончиться совершенно иначе.

Коммунисты

1967 г. выдался тяжелым для коммунистических сил в Южном Вьетнаме. Солдат 3-й дивизии ВНА «Желтая звезда» писал: «Люди шли в бой, полные сил и решимости, а когда возвращались, от всей роты могло остаться всего четыре–семь человек, которые скорбно сидели вокруг одного котелка с рисом и ели»¹². После ожесточенных столкновений с 1-й воздушной кавалерийской дивизией «наши солдаты были напуганы и подавлены». Тот же солдат утверждал, что после одного сражения зимой 1967 г. его собственный батальон был «порван в клочья» — от 240 человек осталось всего 38. Они не получили никакого пополнения и продолжали сражаться в таком составе.

Значительное расширение присутствия американских войск существенно осложнило положение Вьетконга в дельте Меконга, где местность плохо подходила для ведения партизанской войны, в отличие от севера с его джунглями, горами и сетями подземных туннелей. В попытке сохранить доминирование в этой части страны НФОЮВ

возобновил убийства правительственных чиновников и им сочувствующих. Но морское береговое и речное патрулирование, налаженное американцами, почти полностью перекрыло водный маршрут снабжения с Севера, который с 1963 г. играл важную роль в военных усилиях НФОЮВ.

С этого времени коммунисты переместили театр военных действий на север страны и на Центральное нагорье, до которых можно было добраться по тропе Хо Ши Мина. Непролазные джунгли покрывали столь обширную территорию страны, что, несмотря на всю изощренность американских технологий наблюдения, служили надежным убежищем даже для стационарных партизанских лагерей. Энди Финлейсон рассказывал, что однажды его группа глубинной разведки наткнулась на один такой лагерь неподалеку от лаосской границы: «Под плотным пологом джунглей метров в 30 высотой, за высоким бамбуковым частоколом из заостренных кольев располагался целый гарнизон. По периметру стояли сторожевые башни на трехметровых сваях и были вырыты земляные укрепления. Я насчитал восемь добротных хижин, в каждой могло разместиться целое отделение солдат. Еще там были большой загон со свиньями, отдельная хижина-кухня, сцена с крышей над ней и большое двухэтажное здание с балконом, сооруженное из бревен и бамбука и крытое соломенной крышей. Мы были шокированы размерами и обустроенностью этого лагеря»[13](#).

За семь лет плена, с 1966 по 1973 г., Даг Рэмзи сменил немало таких лагерей, где имел уникальную возможность изучить врага изблизи. Рэмзи писал: «Лучшим бойцам ВК и ВНА... были присущи все изъяны юношеского максимализма, высокомерие истинно верующих, а также полное невежество относительно Запада»[14](#). Как и другие американские пленные, он обнаружил среди коммунистических бойцов точно такую же смесь разных личностных типов, что и во всех других человеческих сообществах. «Среди них были по-настоящему замечательные люди и отъявленные садисты, тщедушные книжные черви и тупые громилы, нахальные горлопаны и стыдливые мимозы, городские снобы и неотесанные деревенщины, а также, что меня удивило больше всего, немало интеллектуалов, искренне заинтересованных в поиске истины... Надо сказать, что в плену у ВК я чувствовал себя в бóльшей безопасности, чем, вероятно, если бы оказался в руках некоторых американских групп, полных ненависти. Я начал приходить к выводу, что мы, американцы, были более склонным к насилию народом, чем вьетнамцы»[15](#).

Рэмзи поражала невероятная доброта вьетнамцев к детям и их варварское отношение к животным: западные посетители сайгонского

зоопарка также были потрясены тем, что любимым зрелищем вьетнамских детей и родителей было кормление змей живыми утятами. Как и многие американцы, Рэмзи отмечал разницу между идейностью северян, которые с детства подвергались мощной идеологической обработке, и равнодушием к идеологии большинства южан, которые хотели лишь одного: выгнать иностранцев и обеспечить лучшую жизнь для крестьянства. Следователь Боб Дестатт, допрашивавший военнопленных, также считал, что ненависть к иностранцам для южновьетнамцев зачастую была важнее коммунистических идей: «Многие люди вступали в партию исключительно из прагматичных соображений». Большинство вьетконговцев, которых видел Даг Рэмзи, находились в возрасте от 25 до 40 лет и были гораздо более опытными бойцами, чем американские солдаты. У них был фаталистический взгляд на происходящее: «Что мы можем сделать? Мы можем говорить с ними до посинения, это бесполезно. Мы должны взять в руки оружие и воевать»¹⁶. Многие жаждали более решительных действий — открытой войны, какой бы кровопролитной та ни была. Такие настроения во многом объясняли, почему большинство партизан с таким энтузиазмом восприняли приказ о Тетском наступлении.

Дневник молодой женщины-врача^[43], служившей в полевом госпитале Вьетконга в провинции Куангнгай, дает нам уникальную возможность взглянуть на войну глазами пламенной революционерки. В отличие от многих других документов и мемуаров, этот дневник не был подвергнут цензуре в то время и не был приукрашен позже. Данг Тхюи Чам была дочерью заслуженного хирурга; ей было 24 года, когда в 1967 г. она совершила 10-недельный переход по тропе Хо Ши Мина на Юг. В жизни ею двигали две страсти: неразделенная любовь к офицеру ВНА, которого она знала с подросткового возраста, и ненависть к американским «бандитам». Она мечтала вступить в коммунистическую партию и тревожилась о том, что ее «интеллигентское» происхождение может этому помешать. «Почему они наполняют путь буржуа такими шипами и терниями? — сетовала она. — Сколько бы ты ни старался, сколько бы пользы ни принес... ты все равно будешь хуже человека из рабочего класса, который только-только начал понимать партийные идеалы»¹⁷. Она не могла сдержать радости, когда наконец-то получила желанный партийный значок.

Чам часто плакала из-за смерти бойцов ВК, которым не смогла помочь: «Сегодня погиб один товарищ, завтра погибнет другой. Придет ли когда-нибудь конец этим страданиям? Груды костей и плоти превращаются в гору ненависти в наших сердцах, которая растет все выше и выше... Когда мы прогоним эту кровожадную свору с нашей родной земли?.. Однажды наступит тот день, когда мы будем жить

среди благоухающих цветов социализма. Но мы должны всегда помнить то, что было, помнить всех тех, кто пролил кровь ради нашей борьбы»[18](#). Несмотря на то что эти клише были позаимствованы из коммунистического пропагандистского лексикона, они находили живой отклик в душе этой молодой женщины. Когда один из сослуживцев признался ей в любви, она сурово ответила: «Я запретила моему сердцу любые личные мечты, чтобы полностью отдать себя моему долгу... Нет большей причины для гордости, чем возможность быть частью нашей революционной семьи»[19](#). Один из ее товарищей по имени Лык был молодым человеком с чувствительной душой и часто воспевал красоту природы, сидя у лагерного костра:

О, горы и река, как вы прекрасны,
Когда луна освещает вершины
И облака летят под твоими ногами.

Еще у Лыка был любимый красный платок с вышитой на нем надписью: «Твердо клянусь пожертвовать собой ради выживания нации»[20](#). Этот платок был повязан у него на шее, когда он погиб в бою за районный центр Дыкфо.

Пламенная убежденность вьетнамских революционеров, таких как Лык и Чам, глубоко впечатляла некоторых американцев. Репортер Джек Ланггут, освещавший войну для The New York Times, впоследствии написал в своей книге: «Северные вьетнамцы заслуживали победы... Южные вьетнамцы заслуживали поражения»[21](#). Эту точку зрения разделяли довольно многие западные журналисты, которые ежедневно наблюдали вопиющую некомпетентность и жестокость сайгонского режима и провалы его американских хозяев, в то время как все зверства и ошибки коммунистов были надежно скрыты от посторонних глаз. Вообще такова тенденция, что граждане современных либеральных демократий, многие из которых употребляют дарованную им свободу на то, чтобы стать ярыми фанатами спортивных команд, зачастую бывают глубоко впечатлены фанатичной идейностью представителей других культур. Кроме того, как показывает история, наименее гуманные движения зачастую обладают наибольшей притягательностью для молодежи, вдохновляя ее своими идеалами и заставляя пожертвовать всем ради них. Таким образом, неудивительно, что в глазах иностранных наблюдателей приверженность коммунистов выгодно контрастировала с коррумпированностью и инертностью сайгонского режима. Но это была только половина истории.

Успешность Ханоя в глобальной пропагандистской борьбе не в последнюю очередь объяснялась его омерта, или политикой молчания. Жесткая цензура не пропускала в СМИ даже крох информации об ужасающей нищете, репрессиях, провальной экономической политике и

военных преступлениях. В страну допускались только сочувствующие иностранные наблюдатели, многие из которых были членами компартии, — да и тем позволялось лишь слегка заглянуть за кулисы. Французский писатель Жан Лакутюр, который в те годы был страстным апологетом Хо Ши Мина, много лет спустя признался в интервью миланской газете: «Что касается Вьетнама, то иногда я вел себя скорее как пособник режима, чем как журналист. Я скрывал некоторые факты о Северном Вьетнаме... поскольку считал, что они сражаются за правое дело... которое оправдывает их ошибки... и я не должен выставить их напоказ. Я считал, что это был неподходящий момент, чтобы разоблачать сталинский характер северовьетнамского режима»²².

В соответствии с требованиями пропагандистской политики в эфире и на страницах северовьетнамских СМИ были запрещены все новости, не имевшие отношения к национальной борьбе. Знаменитая англоязычная диктор северовьетнамского радио, известная как «Ханна из Ханоя», ни словом не упомянула ни о Шестидневной войне на Ближнем Востоке в 1967 г., ни о советском вторжении в Чехословакию в 1968 г., ни о высадке американцев на Луну в 1969 г. Даг Рэмзи с отвращением вспоминал попавший ему в руки пропагандистский комикс «Настоящие герои войны», в котором превозносились добродетели террористки-смертницы. За годы плена он возненавидел военные песни, бесконечно звучавшие по Ханойскому радио, в которых «открыто прославлялось насилие, жестокость к врагам, фанатичная непримиримость и узость взглядов, а все люди делились на героев и злодеев». Ему до тошноты надоела походная песня Вьетконга:

Освободим Юг!

Мы непреклонны в нашей решимости идти маршем,

Чтобы убить американских империалистов,

Разгромить и выгнать их лакеев, которые продают нашу страну.

Однако замечательный автобиографический роман Бао Ниня «Печаль войны» (The Sorrow of War) помогает развеять представление о том, что северовьетнамские солдаты были автоматами с промытыми мозгами. Нинь — настоящее имя Хоанг Ау Фьонг — родился в 1952 г. и четыре года воевал на Юге в пехотном полку ВНА. Его почти документальное, порой пугающе натуралистичное повествование показывает, что северовьетнамским солдатам были присущи такие же чувства и эмоции, что и их американским врагам: дух товарищества, желание выжить, горе от потери друзей, тоска по оставшейся дома любимой девушке. В одном эпизоде альтер эго автора, молодой офицер по имени Киен, холодно обрывает попытки молодого сослуживца завязать дружескую беседу: «Он ненавидел любые доверительные разговоры... К черту! Если каждый в полку будет приходить к нему и

изливать свою душу после каждого страшного сражения, его затопит этим водопадом чужих переживаний»[23](#).

Киен поддерживал борьбу против американских империалистов, но был возмущен тем, что основное бремя войны несли на себе деревенские парни, не имевшие права голоса в принятии решений о собственной жизни и смерти. Сам он, выходец из привилегированной по меркам северовьетнамского общества семьи, получивший хорошее образование, любил «этих «дружелюбных и простодушных крестьян... чьи особенные качества... добровольная готовность к самопожертвованию... позволили создать почти неистребимое воинство»[\[44\]](#). Если американские солдаты курили марихуану, то Киен и его люди экспериментировали с цветами и корнями собачьего шиповника, который в сезон дождей заполнял поляны покровом белых цветов, «и запах его обволакивал все вокруг, особенно по ночам... Благовонные испарения его пропитывали сон, порождая плотские, неотвязные сны, и когда он [Киен] просыпался, воздух был уже чист, но он чувствовал еще неостывшую страсть, в которой были и боль, и восторг».

Киен и его люди смешивали высушенные и измельченные цветы и корни собачьего шиповника с табаком и курили: «Уже через пару затяжек им стало очень хорошо, и они тихо поплыли по ветру, как невесомые облачка сигаретного дыма... Они могли сами выбирать видения или даже смешивать их, будто составляя волшебные коктейли. Добавив в табак шиповника, можно было забыть о повседневном аде солдатской жизни, забыть о голоде и страданиях. А кроме того, забыть о смерти. И совсем, совершенно не думать о завтрашнем дне». В романе Нинь язвительно отзывался о бесконечных собраниях по идеологической обработке: «Сплошная политика. Политика с утра, политика днем, и вечером политика. “Мы победили, противник проиграл. Противник обязательно проиграет. На Севере собрали хороший урожай, невиданный урожай. Народ восстанет и радостно встретит вас. А тот, кто не встретит, просто недопонимает”»[24](#).

Если американцы воспринимали добротное ежедневное питание как должное, то их враги были рады, если им вообще удавалось поесть. Среди северовьетнамских офицеров ходила поговорка: «Рис — фельдмаршал нашей армии». По словам офицера ВНА Фам Фу Банга, с близким другом Тхань Зянгом они часто говорили о еде — «еда стала навязчивой идеей». Из месяца в месяц и в конце концов из года в год они пересказывали друг другу одни и те же шутки — «да, иногда мы шутили» — и истории своих любовных походов. Когда Банг был тяжело ранен в ходе воздушного налета под Тэйнином, Зянг оттащил его обратно в лагерь, срезал пропитанную кровью одежду, перевязал и

одел в свой новый комплект одежды. Только потом Банг узнал, что его друг берег этот комплект на свадьбу. После войны Тхань Зянг стал успешным писателем, которого называли «вьетнамским Хемингуэем»[25](#).

Полковник Нгуен Ан был страстным охотником, не упускавшим ни одного оленя. Но однажды его люди завалили более крупную дичь. «Как-то во время перехода, — писал он в мемуарах, — с головы к хвосту колонны начали передавать новость: “Там добыли слона. Поспешите!”»[26](#). Все ускорили шаг. Когда Ан со штабной группой прибыл на место, они действительно увидели слоновью тушу. Солдатам пришлось взорвать у его крупа небольшой заряд взрывчатки, потому что ножи не могли прорезать толстую шкуру. «Один человек выбрался откуда-то из его живота с толстыми ломтями мяса в руках. Люди толпились вокруг туши, толкали друг друга, одни срезали мясо с изогнутых ребер, другие пытались вырезать стейки с задней части. Самые лакомые куски с ног и крупа уже были срезаны. Всего за несколько часов от слона осталась только шкура и скелет». Это счастливое место навсегда осталось в их памяти: с тех пор на картах ВНА оно было обозначено как «Слоновое поле».

Но, как бы они ни голодали, северовьетнамские солдаты отказывались есть все подряд: герой романа Бао Ниня Киен рассказывает историю о том, как однажды его товарищ Тхинь по прозвищу Наглый подстрелил большого орангутана. Он позвал на помощь трех человек, и они дотащили обезьяну до лагеря. «Но вот ведь чертовщина: когда мертвое животное обрили, оно оказалось похожим на толстую женщину, изъеденную язвами, и серые глаза ее казались живыми. Все отделение с дикими воплями бросилось прочь, бросив на месте свой скарб»[27](#). Киен с товарищами похоронили орангутана и даже поставили сверху могильный камень.

Голод был не худшей проблемой, с которой сталкивались солдаты ВНА. Змеи, сороконожки и другие ядовитые твари были опасны не только для иностранцев, как считали многие американцы. Что касается погоды, то у вьетнамцев была популярна заунывная песня, где были такие строки: «Дождь, что стекает с банановых листьев капля за каплей, говорит нам, что наступила осень». В сезон дождей американские и вьетнамские бойцы ходили в насквозь промокшей униформе, которая никогда не высыхала, и никакие навесы не спасали от льющихся с неба потоков воды, — но даже в таких условиях после длительных переходов они засыпали как убитые. «После того как ты за день прошел 30 км, — вспоминал Банг, — и еще 30 накануне, ты засыпал в тот же миг, как только объявляли привал, и неважно, лил дождь или нет»[28](#).

Еще одной проблемой были болезни, от которых у медработников почти не было лекарств. В 1967 г. рядовой ВНА сдался южновьетнамцам. Он страдал острой малярией, и врач в лагере в Камбодже, который по счастливой случайности оказался его дальним родственником, посоветовал ему стать чиеу хой — перебежчиком, если он хочет выжить, иначе жизнь в джунглях убьет его. Его поместили в полевой госпиталь Армии США и сделали массивное переливание крови, в котором он срочно нуждался, — его лечение было профинансировано за счет пожертвований 20 щедрых американцев. Восстановив здоровье, он стал бойцом вооруженной пропагандистской роты ВСРВ и с восторгом говорил своим новым товарищам: «Да здравствуют Тхьеу, Ки и американские империалисты!»²⁹ По его словам, единственным коммунистом, к которому он сохранил теплые чувства, был врач в камбоджийском лагере, который посоветовал ему перейти на сторону сайгонского правительства.

Хронические болезни — малярия и заболевания, вызванные недостатком витаминов, — поражали даже старших офицеров ВНА и руководителей НФОЮВ. Чыонг Ньы Танг два месяца в год на протяжении всех шести лет пребывания в джунглях валялся с тяжелой лихорадкой: «Почти все бойцы в джунглях имели болезненно-бледный желтушный цвет лица». Министр здравоохранения ДРВ отправился на Юг, чтобы найти способы борьбы с малярией, в конце концов сам заразился этой болезнью и умер. Многие бойцы ВНА и НФОЮВ мучились геморроем.

Если американские солдаты тосковали вдали от дома, то северовьетнамские солдаты оказывались почти в абсолютной изоляции: они мало что знали о том, что происходит в мире за пределами их непосредственного опыта. Переход по тропе Хо Ши Мина оставался все таким же трудным и опасным делом даже после того, как некоторые участки стали проходимы для грузовиков. Полковник Ан, которого отозвали в Ханой, рассказал о своем возвращении: «Каждую ночь по тропе растягивалась длинная вереница из сотен грузовиков и других транспортных средств... В какой-то момент наша колонна внезапно остановилась, и все автомобили поспешно выключили фары. Мы слышали в небе рев самолетов и увидели далеко впереди яркие вспышки. Мы прождали несколько часов. В конце концов я посмотрел на часы и с тревогой увидел, что уже 4 часа утра — скоро начнет светать. Я пошел к голове колонны, чтобы посмотреть, что там происходит. Стояла поразительная тишина. Казалось, вокруг не было никого живого, я даже слышал жужжание ночных насекомых. Я постучал в кабины нескольких грузовиков и громко спросил: “Есть кто?” Но не получил ответа. Тогда я внимательно прислушался и

услышал храп. Я вернулся к своему автомобилю, и мы сумели проехать вдоль колонны, оставив ее позади»[30](#). Но через несколько километров под их автомобилем обрушился мост, и Ан получил тяжелые ранения — он прибыл в Ханой, весь обмотанный бинтами. Один из его жизнерадостных товарищей пошутил: «Ты столько месяцев провел на Центральном нагорье и вот наконец-то вернулся домой, мечтая поцеловать жену, а твои губы распухли, как воздушные шары. И что ты собираешься делать?»

С регулярной периодичностью армейский почтальон отправлялся в путь по тропе Хо Ши Мина, неся с собой около 30 кг писем. Было чудом, если хотя бы небольшая их часть переживала все бомбардировки и проливные дожди и доходила до адресатов. «Из-за дождей письма часто промокали, так что их невозможно было прочитать, — вспоминал один солдат, добавляя, что они все равно были им рады. — В хорошие времена мы получали почту два раза в год. В плохие времена — реже. Если человек получал письмо, оно никогда не оставалось его личным делом: весь отряд собирался, чтобы послушать, как его читают вслух»[31](#).

Операции американских и южновьетнамских сил вынуждали отряды ВНА и ВК часто и быстро менять места базирования своих лагерей. Молодой доктор Данг Тхюи Чам глубоко сожалела, что им пришлось оставить маленький примитивный полевой госпиталь, который она так полюбила: «Пожалуй, нет ничего печальнее, чем зрелище эвакуации: брошенные хижины, без вещей, без жизни. Сегодня вечером, когда я вернулась из джунглей, враг был уже недалеко — я смотрела на наши чудесные домики, и мое сердце наполнялось ненавистью... Столько пота было пролито при укладке каждого камня, каждой связки соломы. Если мы навсегда покинем этот лагерь, сможем ли построить такой же госпиталь где-то в другом месте?»[32](#)

На следующее утро длинная колонна бойцов, носильщиков и медперсонала двинулась в путь. Больных и раненых несли на носилках, все медицинское имущество — в огромных вещмешках на спине: «Мы поднимались в гору, по нашим лицам тек пот, но мы не осмеливались остановиться и отдохнуть. Все так устали, что мне пришлось умолять нескольких человек вернуться и забрать последние трое носилок. Я попросила одну студентку, хрупкую девушку по имени Ли, помочь мне нести носилки с Киемом, раненым солдатом со сломанной ногой... Но он оказался для нас слишком тяжелым, мы не смогли его поднять. Поэтому нам приходилось перетаскивать его по земле на короткие расстояния»[33](#). В конце концов она нашла двух партизан, которые отнесли Киема в безопасное место. На следующий день она вернулась в

лагерь и не могла сдерживать рыданий, увидев густой черный дым, поднимавшийся из развалин ее бывшего госпиталя.

На протяжении всей войны американцы и ВСРВ одержимо, но тщетно старались найти и уничтожить штаб-квартиры Вьетконга, которые обычно располагались где-нибудь на территории Камбоджи или недалеко от границы с ней. Выйдя из тюрьмы, Чыонг Ньы Танг совершил со своими товарищами двухнедельный пеший переход по дельте Меконга, чтобы добраться до штаб-квартиры ЦУЮВ, которая в то время находилась на каучуковой плантации Мимо, примыкавшей к области «Рыболовный крючок» камбоджийской провинции Кампонгтям. «Мы поняли, что добрались до места, когда увидели деревянное заграждение поперек дороги и контрольно-пропускной пункт с десятью охранниками. Потом приехали другие бойцы на велосипедах и проводили нас в гостевой дом. Там было множество других строений, скрытых под пологом джунглей»³⁴. Штаб-квартира ЦУЮВ размещалась в простой крестьянской хижине: «Подойдя ближе, мы увидели вокруг целую систему туннелей и подземных убежищ. ЦУЮВ — это всегда были люди, а не место... группа руководителей, которые выполняли директивы северовьетнамского Политбюро и координировали действия Партии и НФОЮВ».

Привыкшим к комфорту горожанам, таким как Танг, было трудно смириться с жизнью «животных, за которыми охотятся». Отныне его единственным имуществом были два комплекта черных «пижам», нижнее белье, москитная сетка и несколько метров полиэтилена, который можно было использовать как накидку от дождя и как навес на стоянках. У бойцов ВК была такая же экипировка, плюс «слоновые кишки» — длинные трубки из свернутой хлопковой ткани, наполненные рисом, которые обматывали вокруг торса через плечо³⁵. Вечно голодные, они выращивали овощи и охотились на диких животных, чтобы дополнить свою скудную диету. Если им удавалось задержаться на одном месте достаточно долго, они также разводили кур и свиней, которых зажаривали в «печи Хоанг Кама», названной так в честь партизанского командира эпохи Вьетминя, который разработал конструкцию печи с горизонтальным дымоходом, рассеивавшим дым. Время от времени руководители ЦУЮВ ели слонов, тигров, диких собак и обезьян, но ни один из этих «деликатесов» не пришелся по душе Тангу. В отличие от полковника Ана, он нашел слоновье мясо «похожим на резину, жестким, как старая подошва»³⁶. Крупные мотыльки нравились ему гораздо больше: они ловили их около фонарей, обрывали крылья и зажаривали над огнем как барбекю.

Одни из самых страшных воспоминаний об этой войне для Танга — как и для многих бойцов ВК, а также для тысяч несчастных

вьетнамских, камбоджийских и лаосских крестьян — были связаны с налетами стратегических бомбардировщиков В-52, которые продолжались несколько лет в рамках операции «Световая дуга». ЦУЮВ и крупные подразделения ВНА обычно получали предупреждения об их приближении от советских траулеров-разведчиков, курсировавших у берегов Гуама и Окинавы, где базировались В-52, либо от радарных станций на территории Северного Вьетнама, которые отслеживали появление ударных групп со стороны Таиланда. Благодаря этому руководители ЦУЮВ успевали взять кое-какие вещи и немного риса и покинуть лагерь пешком или на велосипедах. Но время от времени они все равно попадали под бомбардировки. Танг писал: «Мощные “бух-бух-бух” раздавались все ближе и ближе, двигаясь прямо на наши позиции. И вот эта волна докатилась до нас; мы вжались в землю — кто-то кричал, кто-то пытался сдержать спазмы неконтролируемой дрожи. Вокруг нас земля вздымалась и содрогалась в конвульсиях, и мы были посреди этого катаклизма»³⁷. Некоторые молились — но не Будде, а Ленину или «дядюшке Хо», умоляя сохранить им жизнь.

«За сотни метров грохот рвущихся боеприпасов разрывал барабанные перепонки, отчего некоторые навсегда оставались глухими, а ударные волны лишали чувств. Однажды бомба упала в 500 м от неукрепленного подземного убежища и заживо погребла всех, кто там находился... Первые несколько раз, когда я попал под налеты В-52, мне казалось, что начался Апокалипсис: это был абсолютный ужас. Один из наших товарищей потерял контроль над своим телом и разумом: он выкрикивал какие-то непонятные приказы и требовал, чтобы все вышли из бункера». Однажды налет застал советскую делегацию, прибывшую с визитом в штаб-квартиру ЦУЮВ: когда бомбардировщики улетели, их русские гости не могли скрыть смущения оттого, что наложили в штаны. Танг писал: «Нашим гостям был простителен этот позор; с нами такое случалось не раз».

Иногда Танг и его товарищи возвращались в свой лагерь после налета и обнаруживали, что от него ничего не осталось: «Казалось, будто кто-то прошелся по джунглям гигантской косой, срезав мощные тиковые деревья и деревья го, как траву, и раскрошив их стволы на миллиарды щепок. Все хижины были сровнены с землей; от одежды, еды, документов, оружейных запасов ничего не осталось... Всюду были огромные воронки от бомб — 10 м в ширину и почти столько же в глубину. В сезон дождей они заполнялись водой, и их использовали как пруды для разведения уток или рыбы».

В какой-то момент Танг заметил, что он и его товарищи привыкли к бомбардировкам: на смену ужасу пришел «смирный фатализм».

Многие из тех, кому довелось пережить налеты В-52, впоследствии обнаружили, что стали смотреть на жизнь более спокойно и философски. В будущем этот опыт не раз помогал мне сохранить спокойствие в ситуациях, когда я был на волосок от смерти».

Защитники сайгонского режима

После войны один американский генерал заметил, что для него было и остается большой загадкой, почему «коммунисты сражались намного лучше южновьетнамских войск»[38](#). Даг Рэмзи объяснял это так: «Если бы вы сравнили типичного офицера ВСРВ с типичным командиром ВК, вы бы увидели разницу в их мотивации — и поняли, что у Юга не было шансов»[39](#). Коммунисты саркастически шутили, что единственными бенефициарами сайгонского режима были монахи, шлюхи, американцы и генералы[40](#). И все же некоторые южновьетнамцы искренне верили в правоту своего дела, мужественно сражались и хорошо относились к американцам. Так, военный летчик Чан Хой вспоминал: «Я был впечатлен их щедростью, особенно щедростью их ВВС. Они снабжали нас буквально всем, в чем мы нуждались, вплоть до игрушек для наших детей»[41](#).

Хой выполнял миссии по воздушному прикрытию и по поражению наземных целей на своем винтовом штурмовике А-1 Skyraider, вооруженном 70-мм ракетами, 113-кг бомбами и четырьмя 20-мм пушками. В жаркие дни кабина и приборы невыносимо раскалялись под палящим солнцем, так что Хой обливался потом, пока проверял все системы и разгонял двигатель перед взлетом. Но в небе всегда царила восхитительная прохлада. Хой любил ощущение полета; иногда он снижался на высоту всего 15 м и несколько километров летел над землей на бреющем полете. Он не видел ничего предосудительного в своих почти ежедневных боевых вылетах, поскольку был уверен, что воюет за правое дело. Однажды он получил приказ атаковать скопление хижин, где якобы скрывались партизаны, но, снизившись над целью, не увидел никаких признаков присутствия врага — только одного человека с собакой[42](#). Он сообщил об этом в командный центр, но диспетчер ответил, что они уверены в точности разведанных, и передал приказ: «Уничтожь их!» Хой без колебаний сбросил напалм: «Я знал, что вьетконговцы были мастерами маскировки».

В другой раз Хою и его ведомому было приказано атаковать большую джонку, которая двигалась вверх по устью Меконга[43](#). Они быстро обнаружили цель, но на джонке развевался флаг ЮВ. Не обращайте внимания, сказал им диспетчер, это просто уловка. Хой спикировал на цель и выпустил пару ракет, которые попали точно в

корпус лодки и взорвались. На палубу тут же высыпали одетые в черное человеческие фигурки и начали прыгать за борт. Хой снова зашел на атаку и принялся расстреливать из пушки выживших, которые барахтались в бурой воде. Однако его ведомый сделал «сухой заход», ни разу не нажав на гашетку. Для молодого пилота это был первый боевой вылет, и он в сердцах воскликнул: «Я не могу стрелять! Это слишком бесчеловечно!» Когда они повернули домой, Хой жестко отчитал его по радиосвязи: «Это наша работа. Мы делаем это не ради развлечения. Если ты не изменишь свое отношение, тебе лучше сменить место службы». Его молодой ведомый больше не дрогнул.

Как пилот южновьетнамских ВВС, Чан Хой занимал привилегированное положение. Но основное бремя войны несли на себе простые солдаты, большинство из которых хотели только одного — выжить. В ответ на предложения американских советников провести более агрессивные операции южновьетнамские офицеры обычно качали головами: «Нет, мы не можем. Слишком опасно». Однажды сержант Майк Саттон отправился в ночное патрулирование вместе с отрядом Региональных сил, чьи бойцы несли с собой кудахчущих кур и металлические котелки, звякавшие на каждом шагу. Он попытался настоять, чтобы они оставили все это в лагере, но их офицер возразил, что не может держать своих людей голодными. «Понятно, что они просто хотели наделать как можно больше шума, чтобы вьетконговцы слышали их и ушли»⁴⁴, — сказал Саттон. В подразделении Саттона служил медик по имени Престон Бойд, индеец из племени сиу, который обожал свой шведский пистолет-пулемет Carl Gustaf. После двух ночных контактов, когда ополченцы из Региональных сил побросали оружие и сбежали с поля боя, Бойд предупредил их: «Только попробуйте сделать это сегодня — я сам пристрелю вас».

Но насколько их можно было винить в таком отношении? В абсурдистском романе «Уловка-22» (Catch-22) Джозефа Хеллера рассказывается об эскадрилье бомбардировщиков, пилоты которой никак не могли вернуться домой: всякий раз, когда они совершали установленное количество боевых вылетов, их безумный командир увеличивал норму. У южновьетнамских солдат была еще худшая участь: у них не было никаких норм и сроков; в отличие от своих американских братьев, которые отправлялись домой всего через год службы, они воевали уже много лет и не видели войне конца. В 1966 г. через учебные лагеря новобранцев прошли 159 138 человек; спустя четыре года — уже 503 740. Дезертирство носило массовый характер и, как и во всех войнах, больше всего было распространено в пехотных частях, где служба была самой тяжелой и опасной. Пойманные дезертиры объясняли свое бегство тоской по дому, нежеланием воевать,

личной неприязнью к начальству и невозможностью содержать семью⁴⁵. Южновьетнамские военнослужащие всех рангов получали мизерное жалование: рядовой получал вдвое меньше, чем обычный рабочий; один 105-мм снаряд стоил дороже, чем месячное жалование майора. С 1964 по 1972 г. цены на основные потребительские товары в ЮВ выросли в 9 раз, рис подорожал в 12 раз, тогда как армейские выплаты повысились всего в 2 раза. По словам одного лейтенанта ВСРВ, он «никогда не думал о женитьбе, потому что мог погибнуть в любой момент и не хотел причинять страдания любимым людям. По этой же причине девушки не хотели выходить замуж за военных»⁴⁶.

Богатые вьетнамцы на обед часто ели крабовый суп или мясную лапшу, жареную рыбу, пряные стейки или тушеную утку с рисом, на десерт — плоды лотоса, фаршированные орехами. Их менее привилегированные соотечественники редко голодали, но хуже всего питались те, кто служил их стране в военной форме. Солдаты зачастую голодали не только в походах, но и в казармах, потому что большая часть риса разворовывалась офицерами. Многие по вечерам подрабатывали таксистами, учителями, строителями. Один американский советник обнаружил, что, когда его не было в лагере, его водитель сдавал его джип напрокат. Южновьетнамские офицеры и солдаты говорили: «Как мы можем воевать с пустыми животами?.. Чтобы идти “Праведным путем” — быть честным человеком — сначала нужно как следует поесть»⁴⁷. Рацион американских солдат на один прием пищи содержал 3800 калорий — почти вдвое больше, чем дневной рацион солдат ВСРВ, которые не получали даже этого минимума.

Один генерал ВСРВ писал, что большую часть выдаваемых им пайков лейтенанты относили домой: «Я видел, как перед целым днем полевых учений инструкторы пехотных школ клали в свои рюкзаки по одному куску хлеба или по шарiku липкого риса — это было все, что они могли позволить себе на завтрак и на обед... Многие офицеры влезали в большие долги, чтобы прокормить свои семьи»⁴⁸. Чем выше по командной цепочке, тем больше было возможностей подзаработать: некоторые генералы продавали печатные машинки, сигареты, мопеды «Хонда» и даже оружие, включая мины Claymore, которые, разумеется, попадали в руки врагу. По словам одного руководителя НФОЮВ, «немало американских солдат погибло от мин, которые мы купили у их союзников из ВСРВ»⁴⁹. Вьетконговцы не жаловали винтовки М-16, как и американцы, считая АК-47 более надежным оружием, но охотно скупали американские радиостанции PRC-25.

Что касается здоровья, то у солдат ВСРВ было куда больше шансов умереть от холеры или малярии, чем погибнуть в бою. Медсестра

Филлис Брин однажды вставляла катетер южновьетнамскому солдату и была потрясена, когда из его тела вылез огромный ленточный червь⁵⁰. В 1966 г. в Южном Вьетнаме была всего 1000 врачей, из которых 700 были призваны на военную службу. Многие раненые солдаты предпочитали уходить домой, чем терпеть ужасающие условия в военных госпиталях. Однако в госпитале для парализованных в Вунгтау, рассчитанном на 500 человек, палаты были переполнены инвалидами, которым некуда было идти. Иногда родственникам погибших приходилось испытывать страдания не только из-за смерти близкого человека. Когда Нго Тхи Бонг приехала забрать тело своего старшего сына Вана, она узнала, что тот погиб от минометной мины — ей отдали фрагменты его тела в мешке для мусора⁵¹. Приехав домой, она обнаружила, что в мешке нет левой руки. Таким образом, согласно буддийским поверьям, дух молодого Вана был обречен вечно бродить по земле, оплакивая утерянную конечность.

Британский журналист Ричард Уэст в 1967 г. писал: «Если послушать заявления американцев, австралийцев или корейцев, а затем то, что говорят обычные вьетнамцы, бросается в глаза одна ключевая разница. Иностранцы полны энергии и энтузиазма. Вьетнамцам все опостылело. Иностранцы всех мастей так долго хозяйничают в их стране, что вьетнамцы уже больше ничего не хотят»⁵². Что касается южан, то это действительно было так. Но среди их собратьев на Севере было немало убежденных революционеров, таких как д-р Данг Тхюи Чам. Как-то вечером она осталась на ночевку в отдаленной деревушке, недавно пережившей американскую бомбардировку. У местных жителей не было даже керосина, чтобы сварить рис. Но Чам упрямо написала в своем дневнике: «Мы не побеждены. Враг сжег один дом, но мы построим другой. Это нетрудно — нам достаточно нескольких пальмовых листьев. На войне, где ты только сражаешься и работаешь, для жизни требуется очень мало: горшок риса с маринованной рыбой; кусок полиэтилена, чтобы положить на пол в бомбоубежище; одежда, соль, и пара наплечных корзин, чтобы унести свои пожитки, когда приближается враг»⁵³.

Казалось, Чам только радовалась этим трудностям: как и многие молодые люди во всех войнах, она испытывала эмоциональный подъем от совместного переживания лишений и тягот, самопожертвования, духа товарищества и риска во имя общего дела. Она была очарована романтикой революционной борьбы и, с колыбели воспитанная в рамках жесткой коммунистической идеологии, не подвергала сомнению ни один из ее постулатов. Дневник этой молодой женщины, если бы он попал в руки Линдона Джонсона или Уильяма Уэстморленда, прозвучал бы для них как приговор: в Южном Вьетнаме, который они отчаянно

пытались удержать, вряд ли можно было бы найти хоть одного человека, который был бы проникнут толикой такого пыла.

Глава 18

Тетское наступление

Предыстория

Этот вьетнамский Новый год навсегда отпечатался в памяти и вьетнамцев, и американцев, воевавших в их стране. Все знали, что вопрос: «Где ты был на Тет?» — мог относиться только к 30 января 1968 г. и последующим неделям. Главная ответственность за эту крупномасштабную операцию, закончившуюся для коммунистических сил сокрушительным поражением с катастрофическими потерями, лежит лично на Ле Зуане. Северовьетнамский лидер ошибся в своем прогнозе: вместо всеобщего народного восстания в поддержку коммунистов, на которое он сделал ставку, на призыв откликнулись всего несколько сотен южан. В открытом демократическом обществе такое фиаско стоило бы его лидеру доверия, репутации — и места у руля страны. На деле же произошло невероятное: Тетское наступление ускорило коллапс президентства Джонсона и окончательно лишило американский народ воли к продолжению войны во Вьетнаме. Последствия Тетской кампании наглядно продемонстрировали важную истину о современной войне: об успехе или неудаче военных усилий нельзя судить исключительно или даже преимущественно на основе военных критериев. Решающую роль играет общественное восприятие, а события в феврале 1968 г. были восприняты как катастрофическое поражение американской военной силы. Коммунисты же добились триумфа — всего лишь благодаря тому, что показали свою способность погрузить Южный Вьетнам в хаос и кровопролитие, даже если для этого придется пожертвовать тысячами жизней собственных бойцов и невинных мирных граждан.

Предыстория Тетского наступления началась в июне 1967 г. с ожесточенных споров среди членов Центрального военного комитета в Ханое. Еще в прошлом году было достигнуто согласие о необходимости начать на Юге «всеобщее наступление-восстание», как только сложатся благоприятные условия. Ле Зуан, Ле Дык Тхо и глава ЦУЮВ Нгуен Чи Тхань считали, что такой момент настал: они выступали за решающий удар. Зяп вместе с еще одним генералом старшего поколения и заметно ослабевшим Хо Ши Мином считал необходимым поддерживать прежние темпы военных усилий и параллельно начать переговоры с американцами. Хо опасался тяжелых потерь и ухудшения

стратегического положения коммунистов в случае затяжной войны. На тот момент в Южном Вьетнаме находилось 492 000 американских военнослужащих, плюс 61 000 военнослужащих союзников, плюс 342 000 солдат ВСРВ и 284 000 ополченцев Региональных и Народных сил — на последних из них приходилось больше половины всех военных потерь. Их поддерживали 2600 самолетов, 3000 вертолетов и 3500 единиц бронетехники.

Сторонники «большой битвы» на Юге были воодушевлены докладом министра иностранных дел о резком нарастании антивоенной оппозиции внутри США: американская пресса, сама того не зная, щедро снабжала коммунистов броскими карикатурами, которые те перепечатывали в своих пропагандистских листовках. Сам министр поддерживал двойную стратегию «война и переговоры». Ле Зуан не отказывался принципиально от переговоров, но настаивал, что переговорный процесс может быть начат только после убедительной демонстрации врагу своей силы и воли. Член делегации НФОЮВ в Ханое сказал советскому дипломату: «Переговоры начнутся только после того, как либо американцы нанесут нам крупное поражение, либо мы нанесем крупное поражение американцам. Все будет решено на поле боя». Генерал Ван Тьен Зунг, заместитель Зяпа на протяжении 15 лет, был малограмотным солдафоном, выходцем из крестьянской семьи, в юности работавшим на текстильной фабрике. Устав от осторожности своего высокомерного босса, он переметнулся в лагерь Ле Зуана и поддержал Тетскую кампанию. Впоследствии именно Зунг в значительной степени занимался ее планированием, в котором было допущено много фатальных ошибок.

В июне фракция ястребов взяла верх, добившись принятия нового «Стратегического плана на 1967–1968 гг.». Резолюция №13 Центрального военного комитета предписывала «максимальную концентрацию усилий... ради достижения решительной победы». И СССР, и Китай предостерегали Ханой против таких действий, но, как позже заметил один офицер ВНА, «все понимали, что победы можно было добиться только одним путем: превратить партизанскую борьбу в классическую полномасштабную войну». Ле Зуан заявил, что «полмиллиона человек [на Юге] возьмутся за оружие и присоединятся к нам». 6 июля в ханойском военном госпитале №108 скоропостижно скончался глава ЦУЮВ: по всей видимости, его сразил сердечный приступ, спровоцированный слишком обильным прощальным ужином перед возвращением на Юг. Вскоре после этого Зяп отправился в Венгрию лечиться от камней в почках, а 5 сентября Хо Ши Мин улетел на «отдых» в Пекин. Вряд ли отбытие из страны этих важных фигур было частью хитроумного плана, призванного ввести противника в

заблуждение; это всего лишь свидетельствовало о том, что отныне власть в стране всецело принадлежала Ле Зуану. К 21 декабря, когда Хо вернулся в Ханой, детальный план наступления «Куанг Чунга» был почти готов.

Осенью и зимой 1967 г. северовьетнамское командование инициировало ряд крупных акций, впоследствии получивших название «приграничных сражений», чтобы закалить в боях собственные ударные части и отвлечь внимание и силы противника от центральных и прибрежных районов Южного Вьетнама, где должна была состояться «большая битва». 29 октября был взят в осаду Локнинь; через несколько дней началось ожесточенное сражение при Дакто. В ночь на 4 ноября два батальона ВК при поддержке минометов атаковали провинциальный центр Кайлай; в ходе налета погибли 56 защитников гарнизона и гражданских лиц и 36 партизан. Перебежчики сообщали правительственным следователям, что коммунисты усиленно вербуют людей в преддверии наступления, в котором «НФОЮВ улыбнется слава». Неграмотный 40-летний партизанский командир по имени Ба Ме пообещал одному крестьянину в дельте Меконга, что 1968 г. станет «решающим». Ме был человеком с сомнительной репутацией, у которого возникали постоянные проблемы с командованием из-за растраты средств и принуждения к сексу деревенских женщин, — он избегал наказания только благодаря своему героизму на поле боя. Офицеры разведки, которым передали слова Ме, только пожали плечами: подобные заявления делались коммунистами каждый год.

Некоторые в северовьетнамском руководстве были уверены, что Зяп задержался в Венгрии из опасений за собственную свободу: в последние месяцы 1967 г. в Ханое снова прошли чистки, затронувшие многих высокопоставленных сторонников генерала. Был арестован старший полковник, начальник штаба Зяпа; были сняты со своих должностей начальник оперативного отдела и начальник разведывательного отдела, а также еще 30 влиятельных фигур, включая бывшего личного секретаря Хо Ши Мина и заместителя министра обороны, которых обвинили в таких преступлениях, как «ревизионизм» и «заговор против Политбюро». Три волны чисток в 1967 г. — в июле, октябре и декабре — по всей видимости, были больше связаны с идеологической борьбой вокруг китайско-советского раскола, чем с разногласиями по поводу Тетского наступления, но их результатом стало устранение со сцены большинства союзников Зяпа, выступавших против этой кампании. Сам генерал сохранил место в Политбюро, но его влияние значительно уменьшилось.

77-летний «дядюшка Хо» также сошел с политической сцены. 28 декабря в бывшей губернаторской резиденции рядом с домиком

садовника, где жил Хо, состоялось специальное совещание по операции на Юге. Один из участников впоследствии вспоминал, что после встречи старик «брел к своему домику шаркающей походкой... и выглядел очень немощным и несчастным». Через три дня Хо вернулся в Пекин для продолжения лечения и не присутствовал на заседании руководства, состоявшемся в январе в 50 км от Ханоя, на котором Ле Зуан изложил план кампании. 15 января было принято окончательное решение начать наступление на Тет — с вероломным пренебрежением к традиционному праздничному перемирию, которое каждый год в одностороннем порядке объявлялось НФОЮВ, а также американским и южновьетнамским командованием. С поразительной халатностью Драконий двор не учел того, что по революционной версии праздничного календаря новый год на Севере наступал 29 января, а на Юге — 30 января. В результате первые атаки на Юге начались на сутки раньше запланированного времени, из-за чего во многом был утерян фактор внезапности, а также преимущество одновременного массированного удара.

25 января 1968 г. Зяп прилетел из Будапешта в Пекин, чтобы встретиться с Хо, однако, о чем они говорили, история умалчивает. Спустя пять дней генерал наконец-то вернулся в Ханой, и его новый начальник оперативного отдела штаба ввел его в курс разработанного плана. Зяпу ничего не оставалось, кроме как согласиться с предстоящей кампанией, а также с горечью смириться с очевидным закатом своего влияния. Ханойское руководство распорядилось напечатать большое количество новых денег, которые переправлялись на Юг в коробках под кодовым названием «Изделие №68». Ле Дык Тхо был командирован в штаб-квартиру ЦУЮВ в качестве заместителя партсекретаря — эту должность он занимал до мая, — а двое генералов ВНА отправились в штаб НФОЮВ, чтобы договориться о действиях партизанских сил.

Разработанный ханойскими планировщиками план «Тетского генерального наступления и всеобщего восстания» превосходил своей фантастичностью даже самые амбициозные планы Пентагона и КОВПВ: перед силами ВНА и НФОЮВ была поставлена задача «истребить» три–четыре дивизии «марионеточных войск» — 300 000 солдат ВСРВ — и 150 000 американцев и «освободить» от 5 до 8 млн человек, проживающих в городской местности. Массированное наступление должно было окончательно подорвать доверие к сайгонскому режиму и побудить народ к всеобщему восстанию. В преддверии наступления был запланирован ряд крупных отвлекающих акций, чтобы заставить американское и южновьетнамское командование перебросить силы из городов в периферийные районы страны. Четырем подразделениям ВНА были поручены операции в «северном секторе» — от Кхешани на

западе до побережья, в ходе которых они должны были уничтожить 20 000–30 000 солдат противника, включая пять–семь американских пехотных батальонов. Некоторые офицеры предостерегали, что очень трудно противостоять массовой огневой мощи в открытых сражениях. Как впоследствии констатировал генерал Чан Ван Ча, «поставленные нами стратегические цели... были нереалистичны: они существенно недооценивали реакцию американцев и их возможности». Однако Ле Зуан был непоколебим и пренебрежительно относился к риску того, что наступление может не спровоцировать народное восстание. Это все равно принесет свои плоды, говорил он: «Товарищ Фидель Кастро трижды атаковал [кубинские] города, прежде чем победил». Даже если восстания не произойдет и не удастся захватить города, «вся сельская местность, горы и джунгли по-прежнему будут принадлежать нам».

В начале 1968 г. Уэстморленд знал, что коммунисты намереваются предпринять какие-то крупномасштабные действия, но не знал, какие именно. В своей телеграмме КОВПВ предупреждало о том, что противник проявляет «необычную активность», очевидно планируя «скоординированную наступательную операцию». Проблема, как всегда, была в том, чтобы отделить традиционный поток воинственной революционной риторики от истинных намерений Ханоя. Американцам не было известно о маргинализации Зяпа. Тем не менее еще в ноябре аналитик ЦРУ Джозеф Хови, проводивший в Сайгоне три года, с поразительной точностью предсказал Тетское наступление. Хови изучил все доступные источники информации: допросы пленных, разведданные об увеличении потоков снабжения противника и о массовом призыве в северовьетнамскую армию, затронувшем даже 14-летних подростков. Он обратил внимание на повышенный интерес разведки противника к ВСРВ и ополчению — так, некоторое время назад в подразделении Региональных сил была раскрыта ячейка из семи коммунистов, — а также на такие важные факты, как новые крупные поставки китайского оружия, на этот раз полученные Ханоем в подарок, а не купленные за деньги, и новое соглашение о помощи с Москвой, подписанное 23 сентября.

Хови сплел вместе все эти нити и пришел к выводу, что коммунисты будут поддерживать давление в приграничных районах, чтобы связать силы союзников и «ослабить давление на силы ВК/ВНА в ходе операций в густонаселенных районах». Однако, писал аналитик ЦРУ, настоящая цель этих усилий — поднять давно обещанное «всеобщее восстание». Для этого ВК/ВНА постараются захватить и удержать некоторые городские центры на Юге и изолировать многие другие. Таким образом коммунисты рассчитывают сломить «агрессивную

волю» американцев и заставить их уйти из Южного Вьетнама. Хови считал такие цели нереалистичными, но предупреждал, что «это ни в коей мере не означает, что коммунисты не попытаются их осуществить». С блестящей прозорливостью Хови предположил, что, даже если это наступление потерпит неудачу в военном отношении, такое событие в год президентских выборов в США может нанести сокрушительный политический удар по военным усилиям союзников во Вьетнаме.

17 ноября НФОЮВ предложил объявить на предстоящий Тет традиционное семидневное перемирие, что американское командование истолковало как желание получить передышку, чтобы организовать снабжение своих сил перед очередным раундом большой игры. В декабре разведка показала двукратное увеличение интенсивности движения грузовиков по тропе Хо Ши Мина по сравнению с предыдущим месяцем — до 6000 рейсов. Впоследствии один из руководителей НФОЮВ утверждал, что в декабре и январе «в рамках программы по уничтожению тиранов и шпионов было убито 300 человек» — чиновников и сторонников южновьетнамского правительства. 19 декабря аналитик КОВПВ Джеймс Мичам писал: «Ходят слухи, что ВК собираются предпринять широкомасштабные действия против Сайгона где-то в период с сегодняшнего дня до Тета. Наши коллеги в ВСРВ серьезно обеспокоены — впервые на моей памяти до такой степени. Это плохой знак, потому что они знают ВК несравнимо лучше, чем мы». Тревога южновьетнамцев еще больше усилилась после захвата документа, из которого следовало, что вьетконговцы не только хорошо осведомлены о деятельности отдела разведки, но и располагают детальным планом здания генштаба: примерно с августа прошлого года агенты коммунистов, многие из них — женщины, активно собирали информацию обо всех ключевых военных объектах.

1 января 1968 г. диктор ханойского радио торжественно продекламировал стихотворение Хо Ши Мина:

Эта весна затмит собой

Все прошлые весны триумфа,

По земле прокатится радостная весть:

Вперед! За победами — полной победы черед!

5 января КОВПВ опубликовало захваченный еще в ноябре документ, в котором открыто говорилось: «Пришло время, когда в наших возможностях осуществить генеральное наступление и всеобщее восстание... Необходимо использовать мощные военные атаки в координации с усилиями восставшего местного населения для захвата городов». В тот же день американцы перехватили приказы о

наступательных операциях на Тет в провинции Плейку. 22 января Уэстморленд предупредил Белый дом, что коммунисты могут предпринять демонстрацию силы перед Тетом. Однако на следующий день, 23 января, Северная Корея захватила американский корабль радиоэлектронной разведки «Пуэбло», что спровоцировало серьезный кризис и отвлекло внимание правительства США от Вьетнама. Впоследствии некоторые утверждали, что коммунистический лагерь намеренно организовал эту диверсию, — предположение, которое представляется вполне правдоподобным: Пекин действительно мог подтолкнуть Пхеньян к подобным действиям против Вашингтона.

Американский военнопленный, которого конвоировали по тропе Хо Ши Мина на Север, впоследствии вспоминал, что навстречу ему шли подразделения ВНА, одетые в новенькую зеленую униформу и теннисные тапки вместо обычных сандалий, вырезанных из старых шин: «Они выглядели свежими, здоровыми, спокойными и уверенными в себе». На привале американец разговорился с одним пожилым солдатом, который тащил колеса от 75-мм гаубицы. Тот сказал, что он — ветеран битвы при Дьенбьенфу, и признался, что сейчас горы кажутся ему немного круче, чем в 1954 г., но с гордостью добавил, что некоторые молодые солдаты несут на себе больше 50 кг — носильщики времен Вьетмина не могли поднять такой груз. Пленный поинтересовался, что северовьетнамцы думают об американцах как о врагах. Солдат ответил, что американские солдаты начинают сражаться мощно, но потом им не хватает стойкости и упорства. Он был впечатлен боевыми качествами морских пехотинцев, но считал, что ни один американец не может сравниться в мотивации и опыте с солдатами ВНА. Продолжая путь по тропе Хо Ши Мина, американец с удивлением обнаружил, что северовьетнамцы не проявляли к нему никакой враждебности. Возможно, налет В-52 изменил бы такое благодушное отношение, подумал он.

В начале января 1968 г., когда подразделения морпехов выгрузились с борта транспортника на большой базе недалеко от лаосской границы, первым, что они увидели, были кофейные деревья, усыпанные красными плодами, и пехотинец, бодро шагавший вдоль взлетно-посадочной полосы из перфорированных стальных плит. «Эй, дружище, что это за место?» — окликнули они его. «Это Кхешань, и вы никогда ее не забудете!» — прозвучало в ответ. Первым крупным сражением 1968 г. стала осада регулярными подразделениями ВНА этого клочка краснозема, «похожего на кровавую рану среди джунглей», где по личному приказу Уэстморленда — и вопреки настоятельным возражениям командования морской пехоты — был размещен большой гарнизон.

Хотя к тому моменту война шла уже несколько лет, мало кто из офицеров и солдат 304-й дивизии ВНА, переброшенной на Север в ноябре 1967 г., имел боевой опыт. В ночь на 2 января группа штабных офицеров 9-го полка предприняла необдуманно рискованную разведывательную вылазку: переодевшись в американскую униформу, они отправились в сторону аванпостов вокруг Кхешани, расположенных вдоль старого, построенного еще французами шоссе №9, идущего от лаосской границы к побережью. При этом они громко болтали, их оружие бряцало, а один товарищ даже пел. На подходе к реке Чепон их окликнул американский патруль на английском языке. Не получив ответа, американцы открыли огонь. Начальник штаба полка и заместитель командира саперного батальона были убиты, а полковой командир бесследно исчез — позже его нашли тяжело раненым в придорожном кустарнике, где он наступил на мину.

Поскольку на восточном участке шоссе №9 коммунисты регулярно нападали на американские и южновьетнамские колонны, а также на выстроенные вдоль дороги базы огневой поддержки, снабжение Кхешани в значительной степени осуществлялось по воздуху. Две дивизии ВНА, направленные непосредственно в район базы, должны были оттянуть на себя американские войска с побережья, и особенно из района Хюэ: по замыслу Драконьего двора, эта древняя столица, символ вьетнамской государственности, была одной из ключевых целей готовящегося наступления. Еще две дивизии ВНА были развернуты в секторе Куавьет на побережье. Впервые в этой войне северовьетнамские войска задействовали небольшое количество танков. Первоначально первые крупные атаки были запланированы на конец февраля, поэтому приказ начать операции на месяц раньше застал командиров ВНА и НФОЮВ врасплох: они не успели запасти достаточным количеством ни боеприпасов, ни риса.

С конца января две дивизии ВНА, сосредоточенные вокруг Кхешани, подвергали базу, на которой к тому моменту находилось 6000 защитников, интенсивному артобстрелу и атаковали окружающие высоты. На протяжении следующих нескольких месяцев внимание американского командования — и всего мира — было приковано к этой осаде. Уэстморленд был уверен, что Зяп хочет превратить Кхешань во второй Дьенбьенфу: это сравнение захватило воображение мировых СМИ, хотя генерал заявил, что американцы — не французы и не позволят коммунистам повторить триумф Вьетмина. Между тем телеканалы транслировали впечатляющие кадры, на которых журналисты в бронежилетах, пригнувшись к земле, вели репортажи на фоне морских пехотинцев, разгружающих транспортные самолеты среди рвущихся снарядов. За время осады Кхешани стратегические В-

52, направляемые наземной системой наведения Combat Skyspot, совершили 2548 боевых вылетов и сбросили 60 000 тонн боеприпасов, часть из них — менее чем в километре от позиций морских пехотинцев. База стала ареной для множества героических поступков: однажды старший уорент-офицер Генри Уайлдфанг мастерски посадил свой поврежденный транспортник C-130 с горящими крыльями и вырулил со взлетно-посадочной полосы, чтобы не повредить стоявшие на ней самолеты. За этот подвиг он был награжден пятым Крестом за летные заслуги.

Задача не сдать Кхешань коммунистам превратилась для американского командования в одержимость; Линдон Джонсон распорядился изготовить и установить в Белом доме специальный макет базы и пристально следил за ее обороной. Между тем осаждавшие вели себя отчасти странно: тогда как окружающие высоты 950, 881, 861 и 558 подвергались постоянным ожесточенным атакам, не было предпринято ни одной попытки серьезного штурма основного периметра базы. Это заставило некоторых наблюдателей предположить, что Уэстморленд стал жертвой блестящего обманного маневра. Полковник Джеймс Виртц утверждал, что коммунисты добились в Кхешани своей цели, пусть даже ценой огромных потерь: «Они сумели устроить достаточно шума, чтобы заглушить все поступающие сигналы о подготовке к предстоящему наступлению на ключевые города». Полковник ВСРВ позже писал: «Аналитики нашей разведывательной службы склонялись к вероятности того, что Кхешань была главной целью коммунистов, как в свое время Дьенбьенфу. Городам как вероятным целям уделялось крайне мало внимания... Наши эксперты, из предубеждений и высокомерия, были уверены, что противник не располагает такими возможностями».

Именно Уэстморленд наделил Кхешань тем значением, которого она не заслуживала: как и Дьенбьенфу, это место плохо подходило и по большому счету было бесполезным для размещения гарнизона. Хуже того, глава КОВПВ позволил всему миру узнать, где сосредоточено основное внимание, что выставило его в глупом свете и на самом деле разрушило репутацию, когда враг нанес удар в другом месте. В то же время представляется маловероятным, чтобы северовьетнамское руководство могло задействовать целых две дивизии исключительно ради отвлекающего маневра. Вероятно, они попытались бы захватить базу, если бы американцы не дали им жесткий отпор, обрушив подавляющую артиллерийскую, а прежде всего воздушную огневую мощь. Впоследствии офицеры ВК и ВНА сожалели о том, что вместо периферии эти два крупных формирования не были развернуты в Хюэ.

Не только Уэстморленд сравнивал Кхешань с Дьенбьенфу. Обсуждая битву 1954 г., северовьетнамские ветераны с сожалением констатировали, что американцы не повторили ошибку французов, заняв все окружающие базу возвышенности. К тому же американцы обладали, казалось, неограниченными огневыми ресурсами. По большому счету, концентрация сил на лаосской границе навредила стратегии коммунистов даже больше, чем реакция Уэстморленда — военным усилиям США, однако ошибка Ханоя, в отличие от промаха КОВПВ, не попала в заголовки мировых СМИ. Уэстморленд и его штаб настолько уверились в том, что война во Вьетнаме — это американская война, что им и в голову не пришло, что коммунисты могли сосредоточить основной удар на южновьетнамских силах.

Доля ответственности за ошибочные решения, безусловно, лежит и на Вашингтоне, который, располагая всем потоком информации об активности противника, не отменил Тетское перемирие и проглотил наживку, поверив намекам о том, что Ханой близок к началу переговоров. Американское командование не настояло на отмене ежегодных отпусков для солдат ВСРВ, многие из которых разъехались на праздники по домам. Кроме того, Уэстморленд, хотя и признавал вероятность большой игры со стороны коммунистов, не скорректировал свои планы и по-прежнему пытался убедить Вашингтон в необходимости нанесения наземных ударов по Лаосу и Камбодже. КОВПВ проигнорировало факт обнаружения тайников с новейшим оружием, в том числе большого склада неподалеку от Сайгона, а также данные о том, что саперные подразделения ВК активно занимаются разведкой местности вокруг Таншонята.

Генерала-лейтенанта Фреда Вейанда, немногословного калифорнийца, командовавшего II полевым корпусом, часто превозносят за то, что он — единственный из старших офицеров — воспринял предполагаемую угрозу всерьез и подготовился к ней. Бывший офицер разведки, Вейанд отменил запланированные операции и перебросил ближе к Сайгону 27 маневренных батальонов, которые были оперативно задействованы, когда коммунисты нанесли удар. Действительно, чутье Вейанда не подвело, однако же он считал, что главной целью коммунистов является столица. После Тета Уэстморленд и его штаб оправдывались тем, что предвидели, что коммунисты что-то затевают, но не смогли предугадать масштабы. Тут следует отметить, что начиная с прошлого лета многие боевые подразделения как минимум половину времени находились в состоянии повышенной боевой готовности, однако же они не получили никаких предупреждений о надвигающемся катаклизме. Американское командование совершило старую ошибку, подробно разобранную в

учебниках по военному делу: оно интерпретировало намерения противника в свете собственной логики, закрыв глаза на реальные факты и даже на предупреждения аналитиков вроде Джозефа Хови.

Тетская fuga

Считается, что террористы-смертники — это феномен XXI в. Но партизаны НФОЮВ, усиленные регулярными подразделениями ВНА, фактически пошли на верную смерть, чтобы претворить в жизнь задуманный Ле Зуаном план. В общей сложности 67 000 бойцов Вьетконга атаковали 36 из 44 провинциальных столиц и 64 из 245 столиц округов, одновременно продолжая вести боевые действия в других частях страны, включая осаду Кхешани. Несмотря на военный провал, Тетское наступление блестяще выполнило поставленную задачу: продемонстрировав свою способность осуществлять скоординированные операции в таком масштабе и замотивировать десятки тысяч людей на самопожертвование во имя общей борьбы, а также свою готовность не считаться с жертвами среди гражданского населения, коммунистическое руководство наглядно показало всему миру, и в первую очередь США, что не остановится ни перед чем ради достижения своих целей.

Утром 27 января в руки ВСРВ попали аудиокассеты, записанные НФОЮВ для трансляции в эфире радиостанций, в которых объявлялось о взятии Сайгона, Дананга и Хюэ. Коммунисты потеряли значительный элемент неожиданности. Кроме того, поскольку из соображений секретности распространение приказов было отложено до последней минуты, партизанские отряды на местах не успели как следует подготовиться к наступлению и скоординировать свои усилия. 28 января группа командиров НФОЮВ находилась в «Красном штабе» — лагере посреди огромного болота, примыкавшего к Камышовой равнине. Здесь было относительно комфортно и безопасно: они наслаждались сигаретами и спиртными напитками, доставляемыми из Сайгона, и свежей рыбой, в изобилии водившейся в «Атлантическом океане», как прозвали болото. Командиры Во Ван Киет и Чан Бать Данг сидели на корточках на матрасе и ужинали с палочками в руках, когда прибыл курьер. Спрыгнув с мотоцикла, тот вручил им депешу с надписью «ОЧЕНЬ СРОЧНО И СВЕРХСЕКРЕТНО», которая гласила: «А7 для А404: День Д. Начало операции с первого на второй день Тета по лунному календарю. Час Ч: полночь 12:00. Это решение дяди Хыонга» (кодовое имя ханойского политбюро).

Все были удивлены и встревожены, поскольку ожидали «День Д» только через пять дней. Теперь же у них оставалось всего трое суток,

чтобы передислоцироваться в район Сайгона. Данг, 42-летний уроженец дельты Меконга и ветеран Вьетминя, позже вспоминал: «Никому больше не хотелось ни есть, ни пить». Они поспешно свернули лагерь и выдвинулись в путь. Они шли в партизанской униформе, но несли с собой гражданскую одежду, деньги и удостоверения личности, подделанные для них сочувствующими полицейскими. Перед уходом некоторые бойцы сожгли свои тростниковые хижины — символический жест, которым они хотели показать, что уходят с твердым намерением победить или умереть. Колонна Къета и Данга, в которой насчитывалось около тысячи бойцов, и десятки других таких же колонн двинулись на свои исходные позиции вокруг городов: «Вскоре вся северная часть Камышовой равнины заполнилась движущимися группами людей». Поскольку стоял сухой сезон, лодки, груженные оружием и боеприпасами, часто приходилось тащить на руках.

Командная группа Къета и Данга должна была встретиться с местными партизанскими отрядами в предместьях Сайгона и взять их под свое командование. Из-за изнуряющей жары они шли очень медленно; время от времени вдали слышался гул самолета, но, на их счастье, их колонна осталась незамеченной. Ночью движение замедлялось еще больше; Данг и Къет, склонившись над картой при свете фонарика, проводили оперативные совещания. Все пребывали в радостном возбуждении: подавляющее большинство бойцов ВК, от командиров до седовласых ветеранов и неопытных новобранцев, были «истинно верующими». На рассвете 29 января они добрались до окружной штаб-квартиры НФОЮВ, где их разместили в хорошо замаскированных хижинах и угостили традиционными Тетскими пирогами. Утром в небе появились вертолеты и самолеты, которые принялись поливать землю огнем из пушек и пускать ракеты. Некоторые Ниеу летали так низко, что можно было различить лица стрелков, но Данг и Къет настрого запретили своим людям открывать стрельбу. К полудню все стихло: американцы заметили движение, но не смогли понять, куда именно и в каком количестве движется враг. Воздушные удары наделали много шума и страха, но их единственным результатом стало несколько продырявленных сампанов.

Первые атаки начались в ночь с 29 на 30 января — на сутки раньше запланированного времени из-за путаницы с датами. В Даданге, Нячанге и ряде других городов в северной части страны развернулись ожесточенные сражения. Отряды НФОЮВ, которые утром 30 января все еще маршировали к Сайгону, были сбиты с толку, когда в 9:45 услышали по радио объявление правительства об отмене Тетского перемирия после ночных атак. Командир ВК в провинции Лонган описал всеобщее недоумение: «Никто не мог понять, как такое могло

случиться и почему. Возможно, весь наш план был всего лишь сложным обманом, чтобы ввести врага в заблуждение? Или такое начало наступления давало какое-то военное преимущество?» Они ждали других новостей по радио в надежде на то, что те прояснят ситуацию, но больше не было никаких сообщений. Рано утром 30 января Кьет и Данг прибыли со своей колонной в назначенное место встречи недалеко от Сайгона. «Ситуация критическая, — сообщили они своим товарищам. — Мы должны атаковать Сайгон сегодня же вечером!»

Один из командиров в отчаянии пробормотал: «О, Господи! Господи!» У них оставалось меньше 20 часов, чтобы развернуть на исходных позициях 10 батальонов, рассредоточенных по сельской местности, практически не имея связи и без части командирского состава,

получившего увольнительные на Тет. Нужно было раздать боеприпасы и пайки, обеспечить всех проводниками. Прежде чем выдвинуться в путь, Данг произнес перед бойцами пламенную речь, в конце которой поднял сжатый кулак и прокричал: «Решимость! Атака! Атака!»²¹ Как он впоследствии утверждал в своих мемуарах, 3000 голосов подхватили его слова в единодушном порыве: «Это был самый воодушевляющий момент войны, когда мы были полны надежд». Но другой офицер был раздражен чрезмерным энтузиазмом Данга, считая его плохой заменой реалистичному планированию.

Тот день был полон бурлящего нетерпения и мучительного предчувствия. Они перебирались через каналы, чуть ли не бегом пересекали рисовые поля, слушали радио Сайгона, которое сообщало о боевых действиях на севере страны, и были озадачены тем, что пролетающий мимо самолет, казалось, не обратил на них никакого внимания. Когда начали опускаться сумерки, местные жители выходили из своих домов и с удивлением смотрели на растянувшуюся колонну вооруженных людей. Некоторые поздравляли их с Тетом и совали в руки праздничные пироги, квашеную капусту и мясо, чтобы бойцы поели перед боем.

В 21:00 они дошли до лагеря одного из батальонов ВК. Данг был вне себя, когда обнаружил только одного старшего офицера, который валялся пьяным на настиле из досок. Тот с трудом поднялся на ноги и, отдав честь, доложил: «Я — заместитель командира!» «Где ваш командир и замполит?!» — в ярости спросил Данг и услышал в ответ, что командир батальона женится, а комиссар приглашен на свадьбу. «Вы еще не получили приказ?» — «Нет, сэр, никакого приказа». Тогда Данг распорядился, чтобы батальон двигался в столицу и атаковал полицейское управление. Между тем к ночи в некоторых городах на севере атаки уже были подавлены. Наступление в Нячанге завершилось тем, что 377 бойцов ВК были убиты и еще 77 взяты в плен; со стороны защитников погибли 88 солдат и 32 гражданских лица; было разрушено около 600 домов, что стало предвестником той волны разрушений, которая вскоре прокатилась по всей стране.

Генерал Чан До, осуществлявший политическое командование операциями Вьетконга в Тетском наступлении, впоследствии писал, что главным бичом всех их военных усилий было доминирование идеологического теоретизирования над скрупулезным военным планированием²². Один из старших офицеров НФОЮВ, участвовавший в ключевой наступательной операции на севере, вспоминал, что после получения лаконичного приказа из Ханоя: «Начать всеобщее наступление и восстание, чтобы освободить Хюэ»²³ — их командование охватило глубокое смятение. В тот момент у него в

голове всплыли слова Ленина о том, что «в революцию играть нельзя». По его оценкам, чтобы иметь шансы на успех, местным силам НФОЮВ требовалась поддержка как минимум двух полков ВНА и двух артиллерийских батальонов, а также 400 тонн боеприпасов. Хотя они действительно были усилены несколькими регулярными подразделениями ВНА, этого было явно недостаточно.

Третий по величине город Вьетнама с населением 140 000 человек как цель наступления имел одно важное преимущество: он находился на расстоянии всего одного ночного перехода от районов сосредоточения коммунистических сил. Их разведывательные отряды хорошо изучили местность, вырыли подземные убежища и складировали тысячи тонн риса в легкодоступных местах. Днем 30 января колонны выдвинулись в направлении города²⁴. Как гласит коммунистическая мифология, во время переправы через реку один боец упал в воду, и его понесло течением, однако он не стал звать на помощь, чтобы не отнимать у своих товарищей время на свое спасение. Циники же утверждают, что утопающий попросту не мог кричать, потому что его рот был полон воды. Одна из колонн при переправе через реку Зыонгхоа была обнаружена южновьетнамскими военными, которые вызвали артиллерийскую поддержку, — в результате отряд лишился 32 бойцов. Некоторые подразделения ВК по пути заблудились и прибыли на исходные позиции позже назначенного времени.

Между тем американские военные коммуникации были настолько перегружены, что важная информация доходила до ключевых получателей с большим опозданием. В тот день, 30 января, операторы станции радиоперехвата в Фубай перехватили сообщения о предстоящей атаке на Хюэ, но к тому моменту, когда эта информация достигла верха командной цепочки, силы коммунистов уже всюду обстреливали город, а 400 американских защитников гарнизона сражались не на жизнь, а на смерть. Хотя впоследствии КОВПВ утверждало, что Тетское наступление не застигло его врасплох, в частности указывая на то, что 29 января в 20:37 Фред Вейанд привел свой корпус в состояние повышенной боевой готовности, по поведению многих американских старших офицеров нельзя было сказать, что они знали о надвигающемся кризисе. В ночь на 30 января начальник разведотдела штаба Уэстморленда, бригадный генерал Фил Дэвидсон, спокойно отправился спать в свои апартаменты. Рядовой Луис Памффри из Панесвилла, Огайо, находившийся на базе «Диан» под Тэйнинем, перед отбоем достал свой любимый магнитофон и записал для семьи очередную аудиокассету. «Сейчас я дам свой ежевечерний отчет и пойду спать, — начал он под попискивания своей паукообразной обезьянки Чарли. — Они опасаются возможной атаки коммунистов. Но

сейчас Тет, Новый год. Ничего не происходит. И, скорее всего, ничего не произойдет»[25](#). В этот момент на базу обрушился град снарядов.

В ранние утренние часы в среду, 31 января, жители Хюэ были разбужены странными звуками. Выглянув в окна, они увидели маршировавшие по улицам колонны Вьетконга и двух батальонов ВНА в новенькой стильной униформе китайского производства. В предрассветной дымке те двигались в сторону старой цитадели постройки 1802 г., в северо-восточном секторе которой располагалась штаб-квартира 1-й дивизии ВСРВ. В штабе были предупреждены: за два часа до этого южновьетнамский патруль сообщил о приближении противника. Вскоре над городом повисли осветительные бомбы, а небо испещрили красные и зеленые дорожки трассеров. Тем не менее атакующие не встретили серьезного сопротивления. Коллега Фрэнка Скоттона по USIA Боб Келли лаконично написал: «Чарли вошли в город... Почти беспрепятственно! Местные отряды ВК сопровождали ВНА. У местных белые повязки на руках, у ударных подразделений — красные, у ВНА — желтые»[26](#).

Пожилая жительница Хюэ Нго Тхи Бонг и ее сыновья спали в своем доме №103 на улице Чан Хынг Дао, когда началось наступление[27](#). Они так привыкли к стрельбе, что поначалу не особо встревожились, пока не спустились на первый этаж и не увидели через щели в ставнях около двух десятков очень молодых вьетконговцев. Бонг, которая потеряла мужа на Первой индокитайской войне, а в 1966 г. — сына, служившего в ВСРВ, с горечью сказала: «Я знала, что началось время страданий». По всему городу разгорелись разрозненные бои, но уже утром 31 января большая часть древней столицы и укрепленной цитадели оказалась под контролем коммунистов. Тем не менее два важных объекта — штаб 1-й дивизии ВСРВ в секторе Мангка в цитадели и комплекс КОВПВ, где были расквартированы американские советники, который находился в полутора километрах к югу от Ароматной реки, — продолжали держать оборону. Многие южновьетнамские солдаты бежали из города, позволив атакующим захватить склады с боеприпасами и оружием, которое тут же было роздано сотням коммунистов, освобожденных из городских тюрем. Саперы взорвали бронетанковый парк в пригороде Тамтхай, а подразделения ВНА создали укрепленную линию обороны к северу от города.

26-летний лейтенант Чан Нгок Хюэ спал в своем доме на территории цитадели, когда услышал интенсивную стрельбу[28](#). Он отвел родителей, жену и дочь в подземное убежище, которое было вырыто под домом у каждого благоразумного южновьетнамца, а сам, надев гражданскую одежду, сел на велосипед и помчался по темным улицам цитадели к условленному месту сбора. Хюэ командовал ротой

быстрого реагирования «Хак Бао», или «Черных пантер», — элитным подразделением 1-й дивизии ВСРВ, силы которого были рассредоточены по всему городу. В какой-то момент он обнаружил, что едет в колонне солдат ВНА, которые были так увлечены происходящим, что не обратили на него никакого внимания. В конце концов он добрался до небольшой взлетно-посадочной полосы на территории цитадели, где собралась часть его роты. Связавшись по рации с командованием, он получил приказ немедленно двигаться к дивизионной штаб-квартире. Как только они туда прибыли, подразделения ВНА начали атаку — и были отбиты. Один из взводов роты Хюэ защищал областную тюрьму на южном берегу Ароматной реки. Незадолго до того как коммунисты захватили тюрьму и убили всех ее защитников, командир взвода передал лейтенанту последнее сообщение, попросив позаботиться о своей жене и семерых детях.

На протяжении всего дня 31 января сражение вокруг штаба 1-й дивизии ВСРВ и базы КОВПВ то затихало, то вспыхивало с новой силой. Коммунисты обстреливали защитников минами и 122-мм ракетами, те отвечали им огнем из гранатометов LAW. В какой-то момент атакующие прорвались в периметр южновьетнамского штаба; их удалось вытеснить оттуда только после того, как оборонявшиеся вызвали огонь артиллерии на себя. Все последующие дни южновьетнамцы упорно держали оборону. Между тем командование ВК/ВНА разместило свою штаб-квартиру в тронном зале соседнего Дворца совершенной гармонии, и коммунисты принялись колесить по городу на американских джипах, хватая всех людей любого возраста и пола, уличенных в связях с сайгонским режимом или американцами.

Когда началось наступление, пятая часть личного состава 2-го батальона 3-го пехотного полка под командованием майора Фам Ван Диня была отпущена домой на Тет. В полдень 31 января Динь получил приказ выбить коммунистов из города. Его американский советник капитан Джо Болт не сумел добиться ни воздушной, ни артиллерийской поддержки. Во второй половине дня Динь со своими 260 людьми дошел до берега Ароматной реки, но в районе рынка они наткнулись на яростное сопротивление, потеряв 10 человек убитыми и еще больше ранеными. Большинство солдат Диня героически сражались, стремясь прорваться в ту часть города, где жили их семьи — и которая теперь контролировалась коммунистами. Сам Динь лишь намного позже узнал, что его жена и дети успели уйти вместе с другими беженцами. На следующий день рано утром люди Диня перебрались через массивные стены цитадели, но попали под плотный огонь. Пока они пытались пробиться по ее улицам, Джо Болт сумел добраться до базы КОВПВ и вернуться с полным джипом боеприпасов и сухпайков. Он также

раздобыл два 106-мм безоткатных орудия, которые как нельзя лучше подходили для уничтожения снайперских позиций. Но все попытки батальона Диня прорваться в цитадель потерпели неудачу. Коммунисты и южновьетнамцы на открытых радиочастотах обменивались взаимными оскорблениями и угрозами. Хотя впоследствии американцы справедливо обвиняли южновьетнамских защитников Хюэ в низкой боевой эффективности, цифры потерь указывали на то, что далеко не все солдаты ВСРВ были трусами.

Перед домом Нго Тхи Банг лежал истекающий кровью солдат правительственных сил, но никто не осмеливался ему помочь. В конце концов к раненому подошел вьетконговец и добил его выстрелом в голову. Вскоре после этого коммунисты постучали в дверь Банг. Они не угрожали, но сурово сказали, что они — победители, поэтому будет разумно оказывать им всяческую помощь. В последующие дни вьетконговцы жили в ее доме, ели, проводили пропагандистские собрания и пели коммунистические песни. Некоторые самые бедные жители — рикши и другие — помогали коммунистам, перевозя для них оружие и боеприпасы, но представители среднего класса, такие как семья Нго Тхи Банг, старались участвовать как можно меньше.

Суровые и не улыбкающие оккупанты были озадачены тем, почему буддисты, несмотря на свою явную нелюбовь к сайгонскому режиму, не выказали энтузиазма в связи с приходом новой власти. Впоследствии коммунисты признали, что, «если мы хотели поднять массы, нам следовало продемонстрировать нашу военную силу в полную мощь, чтобы люди поверили в нашу победу»²⁹. Другими словами, одного только революционного пыла и обещания победы было недостаточно — солдаты Ханоя должны были выглядеть победителями, а они не были таковыми в глазах большинства жителей Хюэ. Перепуганные беженцы заполнили церкви, университетские здания и базу КОВПВ, где из-за нехватки воды приходилось пить содовую с апельсиновым ароматом, которую вскоре все возненавидели. Сражения за город продолжались на протяжении всего февраля: американские и южновьетнамские войска с тяжелыми боями, буквально метр за метром, вытесняли коммунистов из тех районов, которые те захватили в первые сутки. Почти половина древней столицы была разрушена; погибли тысячи мирных жителей. Первое американское подразделение, отправленное на помощь осажденной базе КОВПВ, — «Оперативная группа X-Ray» из Фубай — не сумела пробиться в город, натолкнувшись на крупные силы ВНА и понеся большие потери. После этого осажденный гарнизон получал непрерывный поток подкреплений в основном по реке. Несмотря на это, старшие офицеры продолжали отдавать нереалистичные приказы наподобие того, который подполковник Эрни Читхэм, командир 1-го

батальона морской пехоты, получил от своего полкового командира в субботу утром, 3 февраля: «Я хочу, чтобы вы прошли через весь город и очистили его от ВНА!»

Первая попытка пересечь Ароматную реку по мосту Чыонгтиен, ведущему к цитадели, обошлась отряду из 100 морских пехотинцев в 10 человек убитыми и 56 ранеными. Морпехи не были обучены искусству ведения войны в городских условиях — им приходилось осваивать его на ходу, неся тяжелые потери от снайперов и автоматического оружия, пока они не научились правильно передвигаться по узким улочкам, где в каждом здании и развалинах мог скрываться враг. Ни один представитель американского командования выше звания полковника ни разу не побывал в Хюэ, чтобы своими глазами увидеть обстановку, вместо этого генералы предпочитали отдавать невыполнимые приказы из Кэмп-Эванс на севере и Фубай на юге.

В первые десять дней боев американское и южновьетнамское командование в благородном стремлении уберечь культурное достояние страны запретило нанесение артиллерийских и воздушных ударов по цитадели, где были сосредоточены силы ВНА. Но в жилых кварталах к югу от реки был задействован массированный огонь 106-мм безоткатных орудий, снаряды со слезоточивым газом и гранаты. Тем временем в захваченных районах коммунисты активно занимались «уничтожением тиранов и ликвидацией преступников», как они называли массовые убийства тысяч мирных граждан. Электричество и вода были отключены, городское радио не работало. На протяжении многих дней и ночей жители Хюэ были невольными заложниками — и жертвами — беспощадной войны.

В течение большей части февраля Уэстморленд серьезно недооценивал масштабы присутствия противника в Хюэ и вокруг него — отчасти из-за своей одержимости Кхешанью и отчасти из-за провалов американской машины оперативного управления, особенно разведки. Командование считало, что коммунисты развернули в городе около 2000 человек, тогда как в действительности их было в пять раз больше. В результате командование Армии и морской пехоты раз за разом отправляло туда относительно небольшие силы, которые коммунисты могли эффективно сдерживать по отдельности, в то время как американские солдаты и морпехи были вынуждены сражаться на условиях, которые им диктовал враг. Именно затянувшееся сражение за Хюэ сыграло немаловажную роль в пропагандистском успехе разыгранного Ханоем Тетского гамбита. КОВПВ обманывало себя тем, что Хюэ был всего лишь одной из неудачных попыток провалившегося наступления. На самом же деле битва за Хюэ стала триумфом: ожесточенное сопротивление ВК и ВНА превратило ее в такое же

легендарное сражение, как битва за Коррехидор в 1942 г. — проигранное, но героическое.

Капитан Чарльз Крон, офицер разведки 2-го батальона 12-го кавалерийского полка, сравнил участь своего подразделения, бездумно отправленного в Хюэ на четвертый день, с судьбой Легкой бригады в Крымской войне: «Нам нужно было преодолеть всего пару сотен метров, и мы, как и Легкая бригада, превратились в живую мишень из волны людских тел, в то время как оборонявшиеся почти не подвергались риску... Не было никакой необходимой и убедительной причины, чтобы бросать американский батальон в атаку на укрепленные позиции северовьетнамской армии на открытой местности»[30](#). Крон описывал столкновение у небольшой деревни в 6 км к северу от Хюэ, состоявшееся 4 февраля: «Примерно 400 американцев пошли в атаку. Некоторые сумели сделать всего пару шагов. К тому моменту, когда мы достигли другой стороны поля, 9 наших были убиты и 48 ранены... Мы убили всего 8 их солдат (в лучшем случае) и 4 взяли в плен... Само собой, в бригаду мы сообщили более высокие цифры — выдали желаемое за действительное, чтобы почувствовать себя немного лучше. Но между собой мы знали, что для врага это было пустяковой царапиной»[31](#).

Крон видел, как в эвакуационный вертолет погрузили тело медика Джонни Ло: «Как раз перед атакой мы с ним разговорились; он рассказал мне, что он из Сакраменто, Калифорния, а его семья владеет несколькими гастрономами. Мы обсуждали лучший рецепт, как приготовить говядину с имбирем, когда дали сигнал о начале атаки, и мы договорились продолжить разговор после боя»[32](#). Но этому не суждено было сбыться. За шесть недель численность батальона сократилась с 400 до менее чем 200 человек. Крон с горечью писал: «У ВНА командование было лучше, чем у нас»[33](#). В конце концов его заметно поредевший батальон был отправлен в резерв зализывать раны.

Атаки коммунистов охватили большую часть страны, так что у Уэстморленда практически не осталось резервных батальонов. Командир десантного взвода Джон Харрисон со своими людьми вел патрулирование местности возле Нячанга, которое из уважения к Тетскому перемирию называлось «охотой на оленей». Неожиданно по рации поступило предупреждение: «Вы в горячем районе. Повторяю: вы в горячем районе. Как поняли?»[34](#) Его взвод поспешно вернулся на свою базу передового развертывания «Бетти», где получил приказ немедленно прочесать окружающую местность в поисках ВК. Им не пришлось далеко идти — вскоре они вышли на группу партизан, которые явно собрались для атаки. Увидев американцев, один из них вдруг бросился прямо на них, паля из пистолета. Головной во взводе

Харрисона был так поражен этим отчаянным геройским поступком, что словно впал в ступор; лейтенанту пришлось выпустить в партизана 16 пуль, пока тот не рухнул на землю.

Следователь Боб Дестатт узнал о Тетском наступлении, когда ехал на джипе вместе с двумя лейтенантами по дороге к югу от Туихоа. В какой-то момент они заметили вереницу вьетнамцев в лохмотьях, некоторые — в одних шортах, которые пересекали дорогу, и притормозили, чтобы их пропустить. Внезапно раздались выстрелы. «Что за черт?! — раздраженно подумал Дестатт. — Да нас так пристрелят!»³⁵ Тут до него дошло, что «среди них есть плохие парни». Трое американцев выпрыгнули из автомобиля и укрылись в придорожных зарослях. Изрядно напуганные, они в конце концов дождались, когда мимо них в сторону города потянулись беженцы. Дестатт, говоривший по-вьетнамски, остановил одну семью и попросил: «Когда встретите правительственные войска, пожалуйста, скажите им, что здесь длинноносые попали в беду». Спустя какое-то время на дороге появился взвод Региональных сил. «Это вы те самые длинноносые, которым нужна помощь?» — спросил командир. Американцы благословили судьбу, что на этот раз остались целыми и невредимыми.

Пилот палубного истребителя, которому пришлось совершить аварийную посадку на авиабазе в Дананге, без сил лежал расprostертым на полу в помещении командного пункта, когда туда влетел взбудораженный полковник и истерично заорал: «Это твой самолет там, впереди? Убирайся отсюда! У меня нет для него обваловки! Убирай его!»³⁶ Пилот в ответ обматерил его и заявил: «Хочешь его убрать, убирай сам». Полковник стал еще эмоциональнее и закричал, что вытолкнет самолет с парковочной зоны бульдозером. Позже пилот вспоминал: «Я понял, что имею дело с сумасшедшим. Он съехал с катушек». Вместо того чтобы смотреть, как «утюжат его прекрасный истребитель», пилот натянул свой противоперегрузочный костюм и вылетел в темноту, два часа спустя приземлившись на Филиппинах.

В 21:00 вечера 30 января в Сайгоне был схвачен вооруженный вьетконговец, который признался, что через шесть часов силы НФОЮВ планируют атаковать одновременно несколько целей в городе и вокруг него. Через полчаса был схвачен еще один партизан, несший два АК-47 со складными прикладами. Предпринимать какие-то значительные передислокации сил уже было слишком поздно, но большинство американских и южновьетнамских подразделений были предупреждены о готовящихся атаках. Многие партизанские группы, которые никогда не были в большом городе, заблудились в лабиринте сайгонских улиц: так, местные жители передали полиции крестьянского подростка-

вьетконговца, который сидел на бордюре и плакал, потеряв своих товарищей.

Чан Бать Данг был взбешен тем, что его батальоны опаздывали на исходные позиции: последние километры до Сайгона им пришлось преодолевать почти бегом в полной темноте. Он разложил свои карты на полу небольшого буддистского храма в пригороде, когда в центре города уже раздались первые выстрелы. Один из батальонных командиров пожаловался, что ему приказано атаковать склады ГСМ в Нябе, но он понятия не имеет, где те находятся, а его люди вымотаны после длительного перехода. Когда Данг попытался настроиться на волну радио Сайгона и радиостанции ВСРВ, в эфире царила тишина: он решил, что передатчики уже находятся в руках коммунистов, и его охватил кратковременный приступ ликования. В храм тек поток местных жителей, которые несли партизанам дыни, фейерверки, чай, медикаменты и Тетские пироги. Пока все шло хорошо.

Символическое унижение

В 01:30 31 января передовые отряды сил НФОЮВ, общая численность которых в столичном округе достигала 4000 человек (подразделения ВНА в столицу не входили), нанесли удары по нескольким целям в Сайгоне. Одним из первых был атакован президентский дворец, но президент Нгуен Ван Тхьеу отбыл на праздничные дни в Митхо, а его охрана без труда отбила нападавших — 13 мужчин и одна женщина отступили в соседний жилой дом, где были один за другим убиты в ходе 15-часовой перестрелки. Другой отряд захватил национальную радиостанцию: сочувствующий коммунистам сотрудник передал им ключи. Партизаны удерживали здание шесть часов, но так и не сумели выйти в радиоэфир: передатчик находился в другом месте, а кабели к нему были перерезаны. Коммунисты также атаковали мост Ньюпорт, несколько объектов в китайском квартале Шолон, а также военные базы рядом с Сайгоном в Лонгбине, Бьенхоа и Таншоняте. Вице-президент Нгуен Као Ки объявил всеобщий комендантский час для гражданских лиц — любой появившийся на улицах Сайгона считался врагом.

Некоторые вьетнамцы стали настолько циничны, что, услышав по ханойскому радио о смене режима в Сайгоне, решили, что вице-президент Ки устроил путч и сверг Тхьеу. Дэвид и Май Эллиотты, ночевавшие в особняке RAND на улице Пастера, были разбужены громким взрывом. Они включили свет, но слышали крик полковника морской пехоты: «Выключите свет! На нас напали!» Эллиотты также решили, что это очередной военный переворот, и спокойно вернулись в постель. На самом же деле взрыв прогремел в расположенном

неподалеку посольстве США, нападение на которое стало самым известным эпизодом Тетской кампании.

19 бойцов саперного батальона С-10, которые предыдущие несколько дней скрывались в местной авторемонтной мастерской, подъехали к посольству на небольшом фургоне «Пежо» и такси. Выпрыгнув из автомобилей, они открыли огонь по двум американским военным полицейским, которые отреагировали на это с замечательным присутствием духа: они заперли стальные ворота посольства и застрелили командира взвода ВК и его заместителя. Боевики проделали в стене дыру с помощью 7-килограммового подрывного заряда и пробрались на территорию комплекса. В 02:47 американские полицейские передали по радиосвязи кодовый сигнал о нападении: «Сигнал 300!» Один из них прокричал: «Они уже входят! Они уже здесь! Помогите нам!», после чего был убит. Охранявшие посольство солдаты ВСРВ разбежались. Нападавшие выпустили по зданию канцелярии две ракеты, которые сбросили со стены Большую печать США, ранили одного морпеха и до смерти напугали обитателей посольства. После этого партизаны, которые без командиров попросту не знали, что им делать дальше, заняли оборонительные позиции за высокими бетонными бордюрами, окружавшими несколько больших круглых клумб, и в течение следующих нескольких часов обменивались беспорядочным огнем с горсткой морских пехотинцев и военных полицейских, укрывшихся в посольских зданиях.

Аллан Вендт, 33-летний экономический советник, в тот день был дежурным по посольству. Проснувшись от мощного взрыва, он первым делом нырнул под кровать, после чего позвонил охране на первый этаж и узнал от одного из морпехов, что посольство подверглось нападению. То, что последовало далее, напоминало черный фарс. В здании посольства не было никакого оружия, помимо того, которым были вооружены три охранника, один из которых вскоре был ранен. Вендт был уверен, что сейчас начнется штурм: «Я считал, что живу последние минуты»³⁷. Запершись в бронированной шифровальной комнате, он позвонил в штаб КОВПВ. Штабной офицер заверил его, что они постараются как можно быстрее направить им помощь, но предупредил — в духе приветственного месседжа «Ваш звонок очень важен для нас», который так любят нынешние корпоративные колл-центры, — что им приходится реагировать на многочисленные атаки в столичном округе. Не в состоянии сдержать эмоции, Вендт заорал в трубку: «Посольство — это символ американской мощи во Вьетнаме!» И был абсолютно прав. Офицер КОВПВ успокоил его, что группа на бронеавтомобилях уже в пути, — что в действительности было совсем не так. Дежурный дипломат также позвонил в Оперативный центр Госдепартамента и в

Ситуационную комнату в Белом доме — он даже подержал у окна телефонную трубку, чтобы на том конце слышали грохот стрельбы.

Первоначальная реакция американских военных была еще менее организованной, чем атака Вьетконга. 716-й батальон военной полиции — единственное американское подразделение в центре города — получил приказ отправиться на помощь посольству. Но его офицеры отказались двигаться с места, пока им не предоставят бронеавтомобили и вертолеты, и заявили, что не будут начинать операцию в темноте. Один пожал плечами: «ВК находятся внутри комплекса. Они никуда не денутся». Таким образом, несколько морских пехотинцев и военных полицейских были вынуждены держать оборону своими силами. В течение нескольких часов они постепенно ликвидировали боевиков, попутно убив четырех южновьетнамских посольских водителей, один из которых, по всей видимости, помогал нападавшим.

Героем обороны стал 23-летний сержант морской пехоты Рон Харпер, который успел закрыть и заблокировать тяжелые тиковые двери канцелярии за мгновение до того, как к ним подбежали боевики. Вскоре вокруг посольского комплекса собрался целый рой телерепортеров и журналистов, чтобы своими глазами наблюдать за сенсационной драмой, разворачивающейся всего в нескольких сотнях метров от их отелей. В одном квартале отсюда бригадный генерал Джон Чейссон, начальник Центра управления боевыми операциями в штабе Уэстморленда, вышел из здания штаб-квартиры и, стоя вместе с часовым на улице, внимательно вслушивался в звуки: «Городские бои создают странное ощущение: кажется, что они идут во всех направлениях, а выстрелы и взрывы бухают еще громче из-за того, что звук отражается от стен зданий».

На рассвете Huey запоздало поднял в воздух взвод 502-го десантного батальона. Капитан Джек Спиди писал: «Утро было сказочным. Солнце поднималось все выше, над рекой Сайгон клубился молочный туман. Хижины внизу курились струйками дыма из кухонных очагов. Глянцево блестящая зеленая растительность в золотистых лучах восходящего солнца»³⁸. На подлете к посольству они увидели пустынные улицы, но стоило им немного снизиться, как по обшивке застучали пули невидимого врага — их бортовой стрелок вдруг откинулся на спину, и они увидели, что его грудь залита кровью. С шокирующим малодушием их пилот, вместо того чтобы сесть на крышу посольства, повернул обратно и полетел на военную базу в Лонгбине. Едва они приземлились, как в 06:30 на базе начал рваться склад боеприпасов — еще одна успешная операция вьетконговских саперов-смертников. Очевидец событий Стив Говард так прокомментировал происходящее: «Казалось, будто на Вьетнам

сбросили ядерную бомбу»[39](#). Вокруг царила явная паника: «Эти Тетские атаки явно возымели эффект».

Пока пилот занимался эвакуацией раненого стрелка, десантники поспешно перебрались в другой Huey, вернулись в Сайгон и высадились на крыше посольства — более чем через шесть часов после того, как боевики начали атаку. Как только они выпрыгнули из вертолета, один из морпехов-охранников и армейский связист воспользовались возможностью, чтобы забраться на борт и улететь. Десантники бросились вниз по лестнице, встретив по пути сотрудника посольства — вероятно, это был Вендт, — «по выражению лица которого было видно, что он рад нам, как посланникам божьим». После этого «гладкие» доставили в посольство еще один взвод десантников. В конце концов боевики были уничтожены, двое раненых взяты в плен и переданы южновьетнамским властям.

Полковник в отставке Джордж Джейкобсон занимал в посольстве гражданскую должность координатора миссии и жил на вилле на территории комплекса. Предыдущим вечером Джейкобсон устроил в своем саду Тетскую вечеринку с фейерверками, после чего всю ночь просидел в засаде в своей спальне на втором этаже с гранатой в руке — единственным оружием, которое у него было: жить в охраняемом комплексе и держать пистолет под подушкой казалось нелепым. На рассвете полковнику пришлось пережить драму, достойную голливудского вестерна: примерно в 06:45 он услышал шаги под окном. Он выглянул в окно и увидел пробирающегося через кусты морпеха; тихонько окликнув его, он попросил у него оружие. Тот бросил ему пистолет, и через несколько мгновений Джейкобсон разрядил всю обойму в боевика, который ворвался в спальню, поливая ее огнем из АК-47.

В 09:15 военные объявили, что посольство очищено от боевиков. По словам Тома Спиди, «тела убитых коммунистов еще не успели остыть, когда на территорию комплекса ворвалась монгольская орда журналистов... Теперь мне пришлось держать оборону от прессы». Репортерам ошибочно сообщили, что боевики проникли в здание посольской канцелярии. Эта сенсационная новость распространилась по всему миру, усугубив и без того неприятную ситуацию. Как заметил один из комментаторов, коммунисты грошовыми средствами добились колоссального пропагандистского эффекта: оружие, использованное ими для атаки, стоило копейки по сравнению даже с \$4000 абонентской платы за доступ к Тихоокеанской системе спутникового телевидения, через которую эта история была транслирована по всему миру — и нанесла ошеломительный удар по престижу США.

Генерал Уэстморленд был предупрежден о первых нападениях еще в 03:00 ночи, но покинул свои апартаменты только утром, когда ему сообщили об освобождении посольства. Его дальнейшее поведение вызвало у многих глубокое недоумение. Прибыв в посольство, он первым делом «спустил собак» на Спиди и его небритых людей, приказав им убратся из-под телекамер и привести себя в порядок. «После этого он набросился на других, кому не посчастливилось попасться ему под руку... У нас было достаточно Уэстморлендов и ему подобных, чтобы многие из нас возненавидели не только врага, но и некоторых из своих же соотечественников», — с горечью писал Спиди. Аллан Вендт, переживший ночь ужаса, был шокирован еще больше. Он не получил никаких извинений, за то что американские военные прибыли на помощь, если так можно сказать, с шестичасовым опозданием. Вместо этого генерал осмотрел следы боя и трупы на территории комплекса и, поморщившись, посоветовал Вендту как можно быстрее устранить неподобающий бардак: «Вам нужно навести здесь порядок. Постарайтесь сделать это до полудня, чтобы люди вернулись к работе»[40](#).

Журналистам Уэстморленд сообщил, что враг потерпел сокрушительное поражение. Говоря словно проповедник, пылающий праведным гневом из-за ограбления ящика с церковными пожертвованиями, он заявил: «Враг с вопиющим коварством воспользовался Тетским перемирием, чтобы создать максимальный эффект неожиданности». Позже он высказал предположение, что атаки в столице были призваны «отвлечь внимание» от «главных усилий» в провинции Куангчи. Питер Бреструп из The Washington Post язвительно спросил: «Как может быть террористическая атака в самом центре Сайгона... отвлекающим маневром?»[41](#)

Глава 19

Раскаты Тета

Союзники отражают удар

Нападение на посольство США было всего лишь самым дерзким среди сотен ожесточенных столкновений, которые вспыхнули в ранние часы 31 января по всей стране. Чан Тан, ученик старших классов, жил с родителями и девятью братьями и сестрами в маленькой хижине на окраине Сайгона. Той ночью его разбудила мать. «На улице какой-то шум, и это не похоже на фейерверки»[1](#), — сказала она. Тан принялся поспешно одеваться, пока отец, бывший солдат французской армии, отправился посмотреть, в чем дело. Он вернулся и тревожно сообщил:

«Там везде партизаны — тебе лучше уйти». Тан разбудил младшего брата — в семье они были единственными мальчиками того возраста, который мог заинтересовать вьетконговцев, — они сели на мопед «Хонда» и по задворкам поехали в дом своего дяди. Их родители с остальными детьми и соседи укрылись в соседней школе, которая стала их домом на следующие шесть месяцев, пока их не переместили в лагерь для беженцев. В ходе последующего сражения почти весь район, где жила семья Чанов, был уничтожен, а их крошечная хижина сгорела.

В городке Кайлай в дельте Меконга студент пригласил к себе домой на чай партработника, вошедшего в город вместе с отрядом вьетконговцев. Коммунист ответил, что сейчас не время распивать чай, и сурово добавил: «Пока нам надо заняться установлением мира. Я надеюсь, ты поможешь нам в этом»². После этого он предложил юноше написать на листе бумаги имена и адреса всех людей, кто работал на правительство, служил в армии или полиции, — что тот и сделал с должной прилежностью, опустив только имена близких друзей. За этим последовали две недели яростных боев, на протяжении которых мирные граждане прятались по своим домам, трясаясь от страха. В конце концов нападавшие так и не смогли взять правительственный комплекс и были вытеснены из города.

Командир отряда НФОЮВ Гуинь Конг Тхан писал: «События в первый день боевых действий [в Сайгоне] разворачивались совсем не так, как было запланировано. Ударные батальоны не смогли добиться быстрых результатов по причине того, что были вооружены только стрелковым оружием и испытывали нехватку боеприпасов, в то время как противник задействовал большие силы и грамотно использовал переплетение улиц и переулков, чтобы организовать упорное сопротивление. Гражданское население приветствовало наших людей, но мы не были... поддержаны народным восстанием»³. Поскольку связь между действующими в городе батальонами и находящимся в предместьях штабом была серьезно затруднена, последний был вынужден полагаться на новости сайгонского радио, которое вскоре возобновило свое вещание. В общей сложности в столичном округе было задействовано 35 батальонов НФОЮВ, 11 из них — в городе. Из-за плохой разведки провалилась атака на бронетанковую базу ВСРВ в пригороде Сайгона: когда партизаны — в сопровождении специально подготовленных механиков — проникли на территорию базы, они не нашли там никакой бронетехники, а со всех 105-мм гаубиц были сняты затворные механизмы. Массированный удар был нанесен по авиабазе «Таншоннят». Вице-президент Ки, который в тот момент находился в штаб-квартире на базе, вооружил свою жену и троих старших детей винтовками и пистолетами. Одним из героев этого сражения стал

подполковник Глен Отис: среди ночи он отправил свой 3-й батальон 5-го кавалерийского полка из Кути на выручку осажденным и ударил по нападавшим с тыла. Он летел впереди своего батальона на Ниеу, указывал места засад и командовал действиями на земле. Его батальон понес тяжелые потери, но внес важный вклад в ослабление натиска на «Таншоннят».

В поселке рядом с авиабазой школьник-подросток Чан Ван Де осторожно выглянул через щель в воротах и увидел бойца в вьетконговском плетеном шлеме, который кричал на всю улицу: «Выходите все! Революционная армия пришла, чтобы освободить вас!» Но Де благоразумно затаился: католик по вероисповеданию, он с колыбели научился ненавидеть и бояться коммунистов. Вскоре после этого совсем рядом началась интенсивная перестрелка; Де вернулся в дом, где в страхе сидела его мать и четверо младших братьев и сестер. Он приложил палец к губам и заставил их всех залезть под большую кровать. Им пришлось пережить несколько страшных часов: пули легко пробивали хлипкую дверь; в небе кружили вертолеты и стреляли ракетами — одна из них попала в соседний дом, который вспыхнул как свеча. В конце концов они набрались смелости и, преодолев несколько сотен метров, добежали до канавы за пределами поселка. Там они скрывались следующие три дня; Де каждый день на рассвете ходил посмотреть, цел ли их дом. На третье утро он наткнулся на огромного американского солдата, который наставил на него винтовку. «Я школьник», — сказал Де по-английски. Солдат помедлил, но опустил винтовку, хотя в его глазах по-прежнему читалось подозрение.

Задача генералов состоит в том, чтобы обеспечить скоординированные действия крупных сил на территории ТВД. Фред Вейанд по праву гордился тем, что сумел наладить эффективную систему коммуникаций и оперативно перебросить подразделения своего II полевого корпуса к Сайгону. Остальная же часть генералитета КОВПВ позволила стране погрузиться в хаос. Взаимодействие между американскими и южновьетнамскими силами было, мягко говоря, неудовлетворительным. Многие командиры на местах оказались предоставленными сами себе. В первые часы американская военная полиция в Сайгоне понесла значительные потери просто потому, что — вполне естественно — не была подготовлена для ведения полноценных боевых действий, в отличие от пехоты. 16 полицейских были убиты и 21 ранены: многие из них ехали на одном грузовике, взорванном партизанами. В Шолоне тяжелые уличные бои шли несколько недель. Горстка австралийцев отбила атаку на свою базу, в ходе которой их повар, рядовой Климент по кличке Поп, застрелил вьетконговского гранатометчика⁴. «Когда он поднял эту канализационную трубу на

плечо, — позже рассказывал тот на характерном национальном сленге, — я сразу понял: этот пришел сюда не сантехнику чинить»⁵. В целом силы союзников удержали практически все атакованные объекты и нанесли нападавшим гораздо более тяжелые потери, чем понесли сами, однако на улицах южновьетнамских городов несколько дней и даже недель шли яростные бои и лилась кровь.

Медперсонал 3-го полевого госпиталя Армии США в пригороде Сайгона последние месяцы в основном занимался тем, что лечил запущенные зубы местному населению и выдавал им разноцветные плацебо, которые те обожали. Но 31 января в госпиталь хлынула лавина раненых. Американские хирурги оперировали раненого вьетконговца, когда в операционную заглянул медбрат и сообщил: «Они напали на наше посольство». Врачи недоверчиво пробормотали: «Да, хорошо». Но медбрат настойчиво продолжил: «Оставьте этого. У нас там куча людей». По словам санитары Уильяма Драммонда, «начался настоящий марафон... Мы работали без перерыва почти 40 часов»⁶.

Из-за отчаянной нехватки врачей им приходилось принимать трудные решения, отказываясь от попытки помочь некоторым тяжелораненым. Ходячих раненых грузили на автобусы и везли в Таншоннят, откуда их эвакуировали на Гавайи. Несколько сотрудников госпиталя не выдержали напряжения; так, по словам Драммонда, главврач хирургического отделения пережил нервный срыв: «Он стал вести себя как-то неадекватно. Было видно, что от него ничего не добьешься». Когда сам Драммонд вышел во двор, чтобы немного прийти в себя, он столкнулся с грузовиком, привезшим дюжину трупов американских солдат. Морг был переполнен; в какой-то момент в нем находилось 600 тел, американцев и вьетнамцев, поэтому для складирования трупов пришлось задействовать помещения, где жил младший медперсонал. Госпиталь был рассчитан на 150 коек, а на пике Тетского наступления в нем находилось около 500 раненых. Внутри помещения без окон «ты чувствовал себя как в могиле»: время от времени медики ненадолго выходили на улицу просто для того, чтобы узнать, ночь сейчас или день.

Мучительнее всего было ухаживать за «безнадежными» — ранеными, обреченными на смерть. «Было очень тяжело смотреть на своего ровесника, который мог бы быть моим братом, разговаривать с ним — и знать, что он умрет», — писал Драммонд. Старшая медсестра и ее заместительница, которым было за 50, относились ко всем раненым по-матерински. Когда одна из них увидела морпеха, который вылез из грузовика с торчащей вместо кисти локтевой костью, она с жалостью сказала: «Бедный мальчик, ты лишился руки». На что тот ответил: «Это ерунда, моя дорогая. Они прострелили мне яйца!» Поток раненых

уменьшился только на третий день, когда запасы стерильных перевязочных материалов уже подходили к концу.

В Соединенных Штатах были ошеломлены новостями из Вьетнама, которые к тому же не всегда правдиво отражали реальность. Популярный ведущий вечерних новостей на NBC Чет Хантли сообщил зрителям, что вьетконговские снайперы проникли в здание посольства США и с его крыши обстреливали прибывших на помощь американских десантников. Сара Макклendon в столичной новостной программе Capital Tieline предостерегла: «Ситуация очень, очень сложная, и я думаю, наши люди должны осознать это в полной мере»⁷. Том Бакли из The New York Times выразил благоговейный ужас перед тем, что «после стольких лет войны и десятков тысяч жертв Вьетконг показал, что по-прежнему способен поставить под ружье тысячи бойцов, готовых не только делать вылазки по ночам и ускользать в джунгли, но и наносить массированные удары, фактически идя на осознанное самопожертвование»⁸. Майк Уоллес с CBS заявил, что Тетское наступление «разрушает миф о том, что союзные силы контролируют Южный Вьетнам». Сенатор Джон Стеннис от Миссисипи заявил журналистам, что эти атаки, хотя и дорого обошлись врагу, нанесли личное унижение Линдону Джонсону. Президент действительно счел это ударом в спину со стороны своих военных, и в частности Уэстморленда, — его доверие к ним было безвозвратно утеряно.

Между тем боевые действия продолжались. 1 февраля в 06:00 Чан Бать Данг и его штаб погрузились в большие моторные сампаны под флагами НФОЮВ, поднялись вверх по реке Сайгон и высадились в городе. Несмотря на перестрелки и оружейную пальбу, они двинулись по столичным улицам к мосту Батанг. Данг, ветеран Вьетминя, хорошо знал Сайгон в 1945–1946 гг. По пути он ненадолго забежал в дом некой миссис Чинь, где в те далекие времена размещалась штаб-квартира партийного комитета. На многих домах были вывешены революционные флаги. По словам одного из партизан, ему так понравилось ходить по столице, что он даже снял сандалии, чтобы лучше почувствовать ее улицы.

В тот день бригадный генерал Джон Чейссон в штабе КОВПВ с горьким восхищением написал: «Это невероятно. Они одновременно нанесли удары почти по всем аэродромам и крупным городам по всей стране. На данный момент причиненный нам ущерб довольно значителен, но человеческие потери невелики, и сам противник заплатил ошеломительную цену. Если мы сможем взять верх (а в этом нет никаких сомнений), не думаю, что у них останется много сил. Они пошли ва-банк и тем самым только сократят для нас войну»⁹.

В сайгонском полевом штабе НФОЮВ боевой дух заметно ослаб. Согласно последним донесениям, почти все группы ВК в центре Сайгона были уничтожены. Данг разместил новый командный пункт в пагоде возле моста Биньтиен и отправил «оккупационные бригады» на улицы призывать гражданское население присоединиться к восстанию, но эти усилия ничего не дали. Ему сообщили, что на дом его знакомой миссис Чинь упала бомба, все его обитатели погибли. Следующие несколько дней и ночей они почти не спали, получая непрерывный поток плохих новостей, которые в основном доставлялись отважными женщинами-курьерами, рисковавшими жизнью на обстреливаемых сайгонских улицах. Под натиском союзных войск и растущей огневой мощи удерживаемые партизанами периметры стремительно сокращались. Над их позициями непрерывно кружили вертолеты, в ночные часы подвешивались осветительные бомбы. Американцы запеленговали радиопередатчик Данга, и артиллерия взяла этот район в вилку. Поток раненых рос, но они ничем не могли им помочь. Все эти дни Данг и его люди питались только утиным мясом и яйцами, которые вскоре возненавидели. Данг отчаянно требовал подкреплений, но их неоткуда было взять.

По всей стране почти каждое американское боевое подразделение было вовлечено в вооруженное столкновение того или иного масштаба. Капитан Майрон Харрингтон, 30-летний уроженец Огасты, Джорджия, принял командование ротой в 1-м батальоне 5-го полка морской пехоты всего за пять дней до Тета. Его смущало, что за восемь лет службы он еще ни разу не участвовал в боевых действиях: «Я прекрасно осознавал свою неопытность»¹⁰. Через несколько часов после начала Тетского наступления его рота получила приказ зачистить местность к югу от Хюэ вдоль старой железнодорожной линии, пролежавшей около побережья. В одной из заброшенных деревушек они наткнулись на отряд ВНА и вступили с ним в бой. Всю ночь их позиции периодически подвергались минометному обстрелу, но на утро Харрингтон получил новый приказ: вместе со своими двумя взводами присоединиться к остальной части батальона, находившейся почти в 20 км отсюда. Это был классический пример неграмотного командования: отправлять небольшой отряд в такой опасный марш было слишком рискованно. Харрингтон спросил у штабного офицера: «Между вами и мной кто-то есть?» Никого, заверил он. Однако он и его люди не прошли и километра, как попали под интенсивный огонь. Они отстреливались четыре часа и потеряли восемь человек ранеными. В конце концов, благодаря огневой поддержке с кораблей, они сумели отойти с линии контакта и эвакуировать раненых. Из укрытия Харрингтон видел, как на позиции ВНА прибывают подкрепления: «Они отдавали команды

жестами и свистками. Я понял, что ситуация становится серьезной». Только через 36 часов под покровом темноты они сумели обойти этот участок и в полночь 2 февраля выйти в расположение своего батальона.

Десантная рота лейтенанта Джона Харрисона под Нячангом получила приказ зачистить деревню из нескольких хижин и небольшого кладбища, где предположительно скрывались вьетконговцы. Когда они пересекали открытое пространство, занятое рисовыми полями, как вспоминал Харрисон, «внезапно у нас за спиной каким-то образом оказалась куча вьетконговцев, которые принялись палить по нам из гранатометов и минометов»[11](#). Харрисон и трое его людей добежали до первой хижины и укрылись в ней, но обнаружили, что стены легко простреливаются пулями. Сражение шло целый день; остальная часть роты была прижата к земле огнем почти в километре от них. «Это была жаркая схватка — кто кого. В большинстве контактов, если вы теряете людей, это происходит в первые 30 секунд. Но на этот раз мы их теряли и теряли». Его лучший следопыт-головной был убит на крыльце соседней хижины. Харрисон вызвал воздушную поддержку: бомбы рвались так близко, что с его хижины снесло тростниковую крышу, а у него самого из ушей и носа началось кровотечение. В какой-то момент над полем боя кружило сразу шесть F-4, которые по очереди заходили на атаку.

Но вьетконговцы продолжали стрелять. Из одной хижины выбежал ребенок, схватил лежавшую на земле винтовку и убежал обратно. Лейтенант сказал своему пулеметчику: «Если он сделает это снова, пристрели его». Перед наступлением сумерек им на помощь прибыла еще одна рота. Но, когда они попытались вынести с поля боя раненого, они потеряли еще трех человек. «Это был очень, очень тяжелый день, — сказал Харрисон. — Первый раз в этой войне мы не смогли добиться огневого превосходства. Мы вели массированный огонь из М-60, но не могли заставить их замолчать. Противника мы почти не видели — только короткие вспышки их АК». Незадолго до захода солнца десантники отступили. Позже лейтенант с патрулем вернулся на поле боя, чтобы забрать убитых. На обратном пути они заблудились, так что ему пришлось по рации просить базу дать в небо очередь трассером, чтобы указать направление.

В ярких и подчас трогających душу воспоминаниях партизан, участвовавших в Тетском наступлении, ни словом не упоминается о зверствах, которые почти повсеместно совершались в захваченных ими районах. Когда люди Нгуен Ван Лема захватили подполковника ВСРВ Нгуен Туана и его семью, он собственноручно перерезал горло офицеру, его жене, шестерым детям и 80-летней матери. 1 февраля сам Лем был схвачен в ходе уличных боев в Сайгоне южновьетнамскими

рейнджерами. Когда его привели к начальнику сайгонской полиции, бригадному генералу Нгуен Нгок Лоану, тот вытащил свой Smith & Wesson и пристрелил Лема на месте выстрелом в голову. В этот момент рядом случайно оказался корреспондент Associated Press Эдди Адамс, который запечатлел сцену расстрела на камеру. Эта фотография принесла Адамсу Пулитцеровскую премию — и нанесла сокрушительный репутационный удар по усилиям союзников во Вьетнаме, вызвав бурю негодования американской и мировой общественности. Адамс сожалел о таком эффекте и даже отказался от престижной премии: «Тогда я абсолютно не думал об этом. Он застрелил его, и что с того? Это война... Я просто оказался рядом». По словам Адамса, к сожалению, у него не было возможности снять на пленку, «как этот партизан вырезал семью офицера»¹². Американский историк Эд Мойс убежден, что история с убийством Лемом семьи Туана была намеренно выдумана уже после войны. Нам вряд ли доведется когда-либо узнать правду, но вице-президент Ки был прав, когда с горечью писал: «Один щелчок затвора фотокамеры превратил нашу борьбу за независимость и самоопределение в бессмысленную и беспощадную расправу»¹³.

КОВПВ призывало журналистов обратить внимание на бесчисленные злодеяния, совершаемые коммунистами, но, к своей досаде, не могло обеспечить их столь же впечатляющими зрелищными кадрами. Аналогичная история повторилась еще раз, когда газеты опубликовали фотографии корреспондента AP, на которых был запечатлен расстрел вьетнамским морпехом военнопленного. Один американский советник прокомментировал это так: «Если мы убиваем тяжелораненого вьетконговца, то делаем это по двум причинам. Во-первых, госпитали переполнены нашими собственными солдатами и мирными вьетнамцами, поэтому в них попросту нет места, чтобы лечить врагов. Во-вторых, после того как вы увидите труп пятилетней девочки с завязанными глазами, связанными за спиной руками и пулей в голове, вы жаждете мести. Вчера я видел двух таких девочек. И час назад пристрелил партизана».

В штаб-квартире КОВПВ бригадный генерал Джон Чейссон с трудом отбивался на брифингах от «стаи стервятников», как он называл журналистов. Информация от военных поступала с запозданием на несколько часов, зачастую в сильно приукрашенном виде. Так, утром 1 февраля штаб Уэстморленда сообщил журналистам, что в Хюэ всего одна рота ВК атаковала мост и пристань, но была отбита. Тем же вечером в пресс-релизе КОВПВ было сказано, что по складу боеприпасов в Фубай в 15 км от Хюэ было сделано всего два минометных выстрела, — на самом же деле к тому времени

значительная часть города уже находилась в руках коммунистов. В попытке наскрести хоть какие-то хорошие новости офицеры информационной службы утверждали, что многие южновьетнамские солдаты добровольно вернулись из отпусков, узнав об атаках, и что гражданское население не откликнулось на призывы коммунистов к восстанию. Сам Чейссон 3 февраля заявил журналистам, что «очистка» Хюэ — «всего лишь дело одного-двух дней». В действительности бои за город продолжались три недели¹⁴.

Христианская газета Christian Science Monitor в тот день написала, что Соединенным Штатам грозит возможность военного поражения. The Wall Street Journal выразила мнение редакции: «Что-то пошло удручающим образом не так. Южновьетнамское правительство, несмотря на масштабную помощь со стороны США, показало свою неспособность обеспечить безопасность населению в городах и сельской местности»¹⁵. Известный фельетонист Арт Бухвальд отвесил саркастическую шутку: «Литтл-Бигхорн, Дакота, 27 июня 1876 г.: генерал Джордж Армстронг Кастер сегодня в эксклюзивном интервью нашему корреспонденту заявил, что в битве у реки Литтл-Бигхорн^[46] наступил переломный момент и он видит свет в конце туннеля»¹⁶.

Далеко не все южновьетнамские старшие офицеры вели себя достойно. Уэстморленд сообщил в Пентагон, что командующий IV корпусом укрылся в своем особняке под защитой танков, а один из штабных офицеров носил под военной формой гражданскую одежду¹⁷. Генерал-лейтенант Крейтон Абрамс пожаловался начальнику штаба ВСРВ, что в Хюэ три батальона вьетнамских морских пехотинцев продвинулись меньше чем на полквартала за три дня: «В этот период острой необходимости... если морские пехотинцы окажутся не в состоянии [оправдать ожидания] ... они должны быть лишены права быть частью ваших вооруженных сил»¹⁸. Дэвид Бранниган на NBC заявил, что южновьетнамские войска больше грабят, чем воюют. Позже Фред Вейанд сказал: «Некоторые из них сражались отлично, не уступали нам... Но очень многие, стоило им почувствовать, что пахнет жареным и враг может взять верх, бежали с поля боя»¹⁹.

На 5-й день боев в Сайгоне, 4 февраля, командующий региональными силами НФОЮВ предложил провести общее отступление, но партсекретарь немедленно отверг эту идею. Позже партийное руководство жестко раскритиковало некоторых командиров за нехватку решимости, хотя было очевидно, что это являлось не более чем попыткой переложить с себя вину за провал наступления, которое было инициировано во многом на основе ложных предположений. 4 февраля Данг со своим штабом официально отметил 38-ю годовщину со

дня основания вьетнамской коммунистической партии, после чего они сели на велосипеды, доехали до парома и перебрались на другой берег реки Сайгон. На следующий день, 5 февраля, когда американцы усилили артобстрел, и потери выросли еще больше, вьетконговцы ушли из столицы. ЦУЮВ приказал подразделениям ВК отступить из центра города и продолжать бои на окраинах; один из батальонных командиров безуспешно попытался возразить: «Пригороды — это мясорубка! Если мы попытаемся там удержаться, мы потеряем кучу народа!»²⁰ Как бы то ни было, отступление началось: вялые струйки выживших потекли от Сайгона обратно, в относительно безопасные укрытия Камышовой равнины.

6 февраля Джон Чейссон писал домой: «Ген. Уэстморленд держится довольно хорошо, но пресса начинает вешать на него всех собак». Глава КОВПВ по-прежнему был одержим Кхешанью. 8 февраля он телеграфировал в Пентагон: «Хотя я считаю, что мы можем удержать Кхешань, вполне может случиться, что ситуация обернется неблагоприятно для нас. Если мы потеряем [базу], очень важно быстрее ее вернуть, вот почему в этот район мною была направлена 1-я кавалерийская дивизия... Разумная предосторожность требует быть готовыми к худшему сценарию»²¹. Даже 10 февраля в послании адмиралу Шарму он выразил свою убежденность в том, что коммунисты «намерены превратить Кхешань во второй Дьенбьенфу»²².

СМИ разделяли одержимость генерала. В феврале и марте этой базе морской пехоты на шоссе №9 было посвящено 38% всех репортажей агентства АР о Вьетнаме и пятая часть всех военных фотографий, опубликованных в The New York Times и The Washington Post. Телеканалы показывали кадры с жертвами и разрушениями внутри периметра базы — половина ежевечернего выпуска военных новостей на канале CBS была посвящена осаде Кхешани, — но не могли продемонстрировать таких же зрелищных кадров с жертвами со стороны противника. 16 февраля корреспондент CBS Мюррей Фромсон пессимистично констатировал: «Условия здесь диктуют коммунисты... и рано или поздно они нанесут удар, который решит судьбу Кхешани». Несмотря на то что большинство самолетов приземлялись и взлетали целыми и невредимыми, телевизионщики предпочитали показывать искореженные останки трех С-123 и одного С-130, уничтоженных на взлетно-посадочной полосе. После посещения Вьетнама Уолтер Кронкайт с CBS заявил, что мало кто здесь сомневается в том, что коммунисты могут взять Кхешань, если действительно этого захотят.

На фоне кризиса аналитики ЦРУ увеличили свою оценку общей численности коммунистических сил на Юге с 515 000 до 580 000 человек, хотя их реальное число, вероятно, было ближе к 300 000.

Страхи КОВПВ распространились и на Белый дом — 3 февраля в разговоре с Эрлом Уилером Джонсон заявил, что, хотя у него нет никакого желания сбрасывать атомную бомбу на Кхешань, противник может вынудить его это сделать. Уэстморленд перезвонил президенту — это был один из немногих прямых телефонных разговоров, состоявшихся между ними за время Тетского наступления, — и заверил того, что пока необходимости в таком шаге нет²³. Однако, продолжил генерал, если Ханой начнет полномасштабное вторжение на Юг регулярными силами ВНА, Соединенные Штаты должны быть готовы использовать любые средства, чтобы их остановить, включая химическое и ядерное оружие.

5 февраля помощнику Уильяма Фулбрайта поступил анонимный звонок: сенатору предлагали поинтересоваться, с какой целью один из ведущих американских экспертов по тактическому ядерному оружию, профессор-физик Ричард Гарвин, недавно посетил Южный Вьетнам. Этот звонок спровоцировал всплеск тревожных ожиданий: 8 февраля Юджин Маккарти, оппонент Джонсона, добивавшийся выдвижения кандидатом в президенты от Демократической партии на выборах 1968 г., заявил, что военные требуют санкции на нанесение тактических ядерных ударов. Белый дом и Пентагон поспешили опровергнуть это заявление Маккарти как необоснованную спекуляцию. Однако на последовавшей за этим пресс-конференции Эрл Уилер не стал исключать возможность применения ядерного оружия, если возникнет опасность взятия Кхешани. Сам же Джонсон некоторое время допускал вероятность вторжения на Север.

17 февраля The New York Times опубликовала статью под заголовком «Джонсон отрицает обсуждение ядерного удара по Вьетнаму», из которой следовало, что такая дискуссия вот уже много месяцев ведется в американских верхах. Это ужаснуло союзников США. Британский премьер-министр Гарольд Уилсон сказал в программе «Лицом к нации» на канале CBS, что применение ядерного оружия было бы «безумием... чистым безумием». По правде говоря, вряд ли кто-то из американских генералов всерьез планировал развязывание такого кошмара; их воинственные заявления отражали скорее желание надавить на Ханой, чем реальное намерение. 12 февраля адмирал Шарп попытался раз и навсегда положить конец этим разговорам, приказав Уэстморленду отказаться от разработки любых планов ядерного удара. Но международное доверие уже было подорвано — как оказалось, безвозвратно.

В общей сложности в северном секторе ЮВ коммунисты развернули почти 60 000 человек. Рано утром 7 февраля батальон 304-й дивизии ВНА при поддержке бронетехники начал штурм американского

лагеря спецназа в Лангвее, всего в 8 км через горы к западу от Кхешани. Несмотря на то что первый танк РТ-76 был почти сразу же подбит и сгорел, северовьетнамская пехота прорвалась в периметр. Командование Армии США в панике настаивало на том, чтобы отправить на помощь спецназовцам отряд морпехов из Кхешани, но эта идея была благоразумно отклонена: было очевидно, что северовьетнамцы рассчитывали именно на это и не преминули бы разгромить разрозненные силы. В Лангвее нападавшие уничтожили несколько дотов с помощью гранатометов В-40[\[47\]](#), а один, где спецназовцы продолжали упорно сопротивляться, залили горючим и подожгли. Прежде чем база пала, оставшихся в живых американцев успели эвакуировать на вертолетах. Батальон ВНА поднял над Лангвеем свой флаг, заплатив за эту победу 30% личного состава.

Хотя коммунисты трубили о своих военных успехах в северном секторе ЮВ, они несли умопомрачительные потери. Болезни были страшнее бомбардировок В-52: каждый пятый боец ВНА страдал малярией, и в сезон дождей процент заболевших существенно увеличивался[24](#). В ходе неудачного наступления на высоту 832 один из полков ВНА потерял пятую часть личного состава; еще один полк, также в ходе неудачного штурма, лишился четверти своих бойцов. 9-й полк пережил типичную драму: вечером 6 февраля его люди остановились на ночевку на берегу ручья в полутора километрах от шоссе №9. На следующее утро, когда они снова двинулись в путь, в небе внезапно появились шесть В-52 — половина полка оказалась под градом бомб. Когда бомбардировка, казалось, закончилась и люди бросились помогать раненым, налетела вторая, а затем и третья волна. Когда последний В-52 исчез в небе, всюду лежали мертвые тела, стояли переломанные деревья, а вода в ручье стала бурой от крови. Полк потерял 300 человек, 15% личного состава, не успев сделать ни одного выстрела на поле боя[25](#). С одним из ротных случился нервный срыв. В полковой летописи признавалось резкое падение боевого духа. На тропе Хо Ши Мина авиаударами было уничтожено почти 200 тонн боеприпасов, которые транспортировались на Юг с поистине героическими усилиями.

После нескольких недель осады Кхешани и интенсивных бомбардировок прежде зеленые горы вокруг базы покрылись обширными красноватыми проплешинами, окутанными облаками гари и пыли. После каждого воздушного удара северовьетнамские солдаты бросались спешно откапывать из-под земли заживо погребенных. Однажды бомба взорвалась рядом с командным блиндажом, убив пятерых молодых офицеров, недавно выпустившихся из училища[26](#). Снайперы с обеих сторон вели затяжные дуэли, однако основные

усилия осаждавших были сосредоточены на том, чтобы подвести свои траншеи как можно ближе к периметру базы: они понимали, что только тесное соприкосновение обеспечит им некоторую защиту от воздушных ударов. К марту численность некоторых рот ВНА сократилась до трех десятков человек. Для американцев многомесячная оборона базы также стала незабываемым опытом. Капрал Орвилл Фалкерсон с удивлением заметил, что тела убитых американцев и северовьетнамцев на склоне высоты 881 «колыхались, как желе»²⁷, когда в них снова и снова попадали пули с обеих сторон. Рядовой Джефф Энтони, оборонявший высоту 861, никогда не верил, что северовьетнамцы смогут захватить Кхешань, потому что при каждой попытке штурмовать позиции его роты, атакующие несли большие потери и отступали²⁸. Морпехи мрачно наблюдали за тем, как в темноте враг пытался приблизить свои траншеи — 60 м, затем 40, и, наконец, 30 м. Тем не менее под светом осветительных бомб, расстреливая магазин за магазином, ленту за лентой, защитникам удавалось оттеснить врага назад, «хотя мы теряли много людей от их минометов». После ожесточенного сражения утром 25 февраля северовьетнамцы попытались использовать старую уловку психологической войны времен Дьенбьенфу, предложив американцам забрать своих убитых с поля боя под белым флагом. Но морпехи проигнорировали это предложение, лишив врага возможности получить бесценный пропагандистский материал.

Чтобы поднять боевой дух своих солдат и помочь им отвлечься от окружавшего их ужаса смерти, командование ВНА направило под Кхешань театральную труппу. Солдатам показывали пьесу «У проволочного ограждения в Танконе», написанную драматургом Тю Нги. Однако психологический эффект этого культурного мероприятия был несколько подорван, когда автор пьесы погиб в ходе авианалета, а один из актеров и актриса были ранены²⁹. Официальная история Ханоя приводит фантастические цифры американских потерь: 3055 убитых (вместо реальных 500) и 279 уничтоженных единиц авиатехники³⁰. Одно из подразделений ВНА утверждало, что его соотношение потерь составило одного погибшего в расчете на 40 убитых американцев: «Высокорослые, неповоротливые и медлительные американцы погибали в большом количестве»³¹. Коммунистическое руководство называло осаду Кхешани «славной победой». Но сами солдаты ВНА были другого мнения. В хронике 304-й дивизии признается, что ее «подразделения понесли тяжелые потери в ходе этого лютого испытания огнем», что «вызвало некоторые проблемы... в мышлении и идеологической стойкости среди командирского состава и рядовых»³². Резко выросло дезертирство и количество самострелов. Огромное число военнослужащих — 399, включая 186 членов партии и 85 офицеров,

подверглось дисциплинарным взысканиям за различные проступки, в том числе за «отсутствие победного духа»[33](#).

Как утверждало командование ВНА, 45% их собственных потерь были вызваны воздушными ударами, столько же — артиллерийскими обстрелами, и менее 10% — стрелковым оружием. К окончанию Тетского наступления потери северовьетнамских сил в северном секторе составили 12 000 человек убитыми, из которых были признаны 6000, и 15 000 ранеными. Осада Кхешани продолжалась всю весну. С объективной точки зрения эта операция стала сокрушительным военным провалом для ВНА, потерявшей по меньшей мере десять человек в расчете на каждого убитого американца. Однако же в глазах многих наблюдателей психологическое поражение потерпело именно КОВПВ во главе с Уэстморлендом, а также СМИ, которые повелись на этот блестящий обманный маневр коммунистов.

К ночи с 4 на 5 февраля коммунистические силы в Хюэ понесли огромные потери — 1000 человек убитыми и 4000 ранеными — и столкнулись с острой нехваткой боеприпасов и продовольствия. Но, когда командиры ВНА и ВК запросили разрешения оставить город, им было отказано. Им сообщили, что вскоре будет налажена выброска грузов с самолетов, для чего следует подготовить сигнальные огни, а также что 18 февраля начнется новая волна наступления по всей стране и что подкрепления уже в пути. Позже один из старших офицеров с горечью заметил, что командование предало доверие своих людей, умышленно создав у них ложные надежды[34](#). Никто из высокопоставленных членов партии не осмеливался открыто признать плохие новости. По словам полковника ВНА Нгуен Ана, «все боялись обсуждать эту тему из страха быть обвиненными в трусости или идеологическом заблуждении»[35](#).

Когда вице-президенту Ки сообщили, что американцы из уважения к культурному достоянию Вьетнама не решаются бомбить храмы и дворцы Хюэ, в которых сосредоточились коммунисты, тот ответил с характерной безжалостностью: «Эти здания построили люди. Люди их и восстановят. Выбейте их оттуда!»[36](#) С этого момента артиллерия и авиация наносили удары по цитадели, как только позволяла погода. Но освобождение города все равно происходило мучительно медленно — по несколько сотен метров руин за день. Американские морпехи окончательно прониклись презрением к своим южновьетнамским союзникам. Экипаж одного из танков ВСВР во время боя заперся внутри машины; американский морпех вскарабкался на башню, расстрелял всю ленту башенного пулемета, но, когда принялся барабанить в люк, чтобы ему дали боеприпасы, ему не открыли[37](#).

Из окопов к северу от Хюэ лейтенант Энди Уэстин писал своей жене Мими: «Знаешь, милая, впервые с тех пор, как я здесь, прошлой ночью я плакал. Все наши плакали, даже командир... Наш батальон попал в ловушку гуков... Это была кровавая бойня! Командование было уверено, что гуки ушли, поэтому мы спокойно двинулись к этой опушке... Я никогда не видел ничего подобного и надеюсь, что никогда больше не увижу»[38](#). По мере того как росли потери, американцы все меньше беспокоились о безопасности мирных граждан и тем более об их имуществе: ожесточенные гибелью своих товарищей и яростным сопротивлением коммунистов, они поливали все вокруг градом бомб, снарядов и пуль, вызывая множество бессмысленных разрушений и жертв. Чтобы очистить от коммунистов полосу шириной в 1,5 км в южной части города между комплексом КОВПВ и каналом Фыкан, потребовалось четыре дня упорных уличных боев, в ходе которых врага выбивали из зданий огнем из танков, огнеметов и 106-мм безоткатных орудий. Но на другом берегу реки все попытки сил ВСРВ захватить цитадель так и не увенчались успехом.

11 февраля батальон морской пехоты, где служил капитан Майрон Харрингтон, был отправлен в Хюэ по шоссе №1: «Никто не знал, что там творится»[39](#). Командиров поверхностно проинструктировали о тактике уличных боев, «о которых мы не имели ни малейшего представления». 13 февраля рота Альфа их батальона понесла тяжелые потери при попытке закрепиться в цитадели. На следующий день рота Дельта под командованием Харрингтона, двигаясь вверх по реке на десантном катере и нескольких джонках, попала под интенсивный обстрел. Тем же вечером Харрингтону как бы между прочим сообщили: «Завтра отправишься со своими людьми брать ворота Донгба». «Я был напуган до смерти», — позже признался он.

Он провел бессонную ночь, отчасти из-за беспокойных мыслей, отчасти из-за непрерывного гула артиллерии. Утром 15 февраля Харрингтон во главе отряда из 100 человек пробирался по дренажной канаве на территории цитадели, благодаря небеса за то, что груды щебня прикрывают их передвижение. «Внезапно стало очень тихо — говорят, такая же обманчивая тишина стояла на японских пляжах на тихоокеанском побережье во время Второй мировой войны». И в этот момент коммунисты открыли огонь; его посыльный почти сразу же был ранен. «Огонь был таким интенсивным, будто мы находились на 300-метровом стрельбище в Куантико. Я не слышал даже своих мыслей. Один из моих взводных лежал у самой стены, он был ранен осколком гранаты от РПГ, его рация была разбита. Я отправил к нему нескольких людей, но все они были ранены». Тогда Харрингтон приказал сержанту

Мори Уитмару взять взвод и забраться на стену. «Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего, но сделал это».

Морпехи начали продвигаться к основанию воротной башни Донгба, находящейся в середине западной стены цитадели. Рядом грохотал танк под командованием молодого лейтенанта по имени Моррис, поддерживающий их огнем своего орудия: «Он был великолепен». К Харрингтону подбежал чернокожий морпех и с полушутливым ликованием похвастался: «Я только что заработал свое третье Пурпурное сердце!»[\[48\]](#) «У него всего лишь была немного распорота кожа на груди, — вспоминал Харрингтон, — поэтому я назначил его своим посыльным и сказал, чтобы он отнес боеприпасы парням на стене. Я так и не успел выучить имена большинства моих людей. Я просто приказывал им идти на смерть. Отвратительное зловоние смерти стояло повсюду. Когда ты ел свой сухпак, еда тоже воняла смертью».

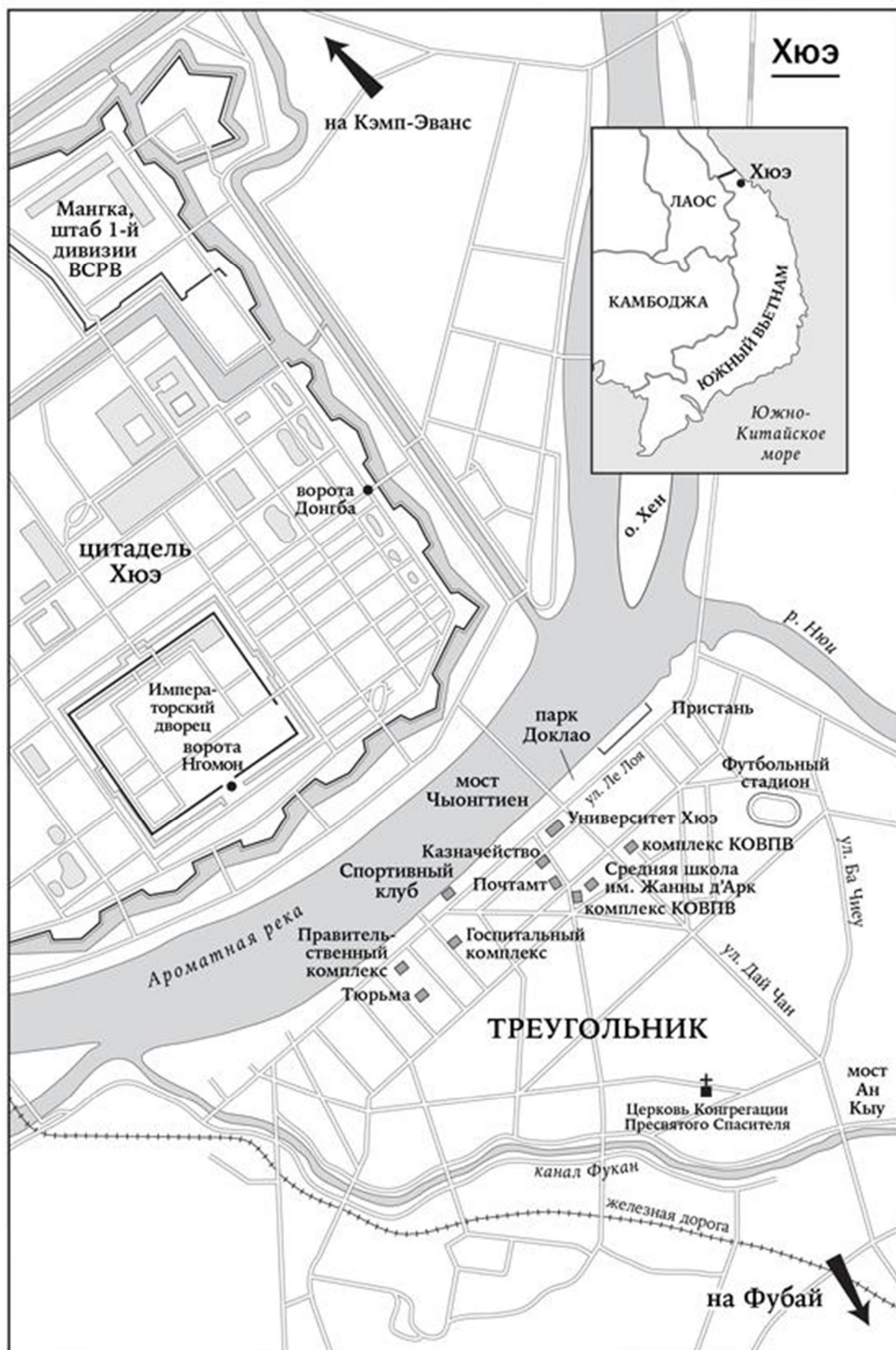
В разгар этой кровавой бойни произошло неожиданное событие: к Харрингтону подбежал молодой лейтенант, который представился как Джо Аллен и сказал, что прибыл в его роту только накануне. «Капитан, неделю назад я видел вашу жену и дочь», — вдруг выпалил он. «Посреди шквала взрывов и пуль у меня перехватило дыхание, — вспоминал Харрингтон. — Мои мысли унеслись далеко отсюда, от этого боя, и это было очень плохо». Только через несколько часов после полудня еще одна группа во главе с капралом Бобом Томсом — отважным воином, чья униформа к тому моменту превратилась в лохмотья, — забралась на высокую крепостную стену. К 16:30 они захватили плацдарм у башни, потеряв 6 человек убитыми и 40 ранеными из сотни с лишним бойцов. На следующее утро, 16 февраля, в 04:00 коммунисты контратаковали. После ожесточенного сражения люди Харрингтона захватили полуразрушенную башню — внутри они нашли 24 вражеских трупа.

Сразу после этого рота Харрингтона, в которой осталось всего 39 человек, получила приказ приступить к зачистке жилых кварталов внутри цитадели: это было медленным и мучительным делом, требовавшим огромного напряжения. «У противника было две недели, чтобы подготовить свои позиции. Мы же достигли такого состояния, когда тебе уже все равно, будешь ли ты жить или умрешь. Мы были в полной прострации. О какой боеспособности могла идти речь? Но наверху никто не понимал, что происходит. Из штаба на нас наседали: “Какого черта вы так долго возитесь с горсткой коммунистов?”» Их командир, майор Боб Томпсон, принял на себя весь гнев Крейтона Абрамса за медленное продвижение и даже был снят с должности, пока не вмешалось командование Корпуса морской пехоты и не отменило

приказ. Харрингтон с удивлением узнал, что представлен к награждению Военно-морским крестом: «Я не считал, что достоин этой награды». Но другие считали иначе.

22 февраля в 06:30 остатки ВНА, оказавшиеся в ловушке внутри цитадели, предприняли отчаянную попытку прорыва. Некоторые южновьетнамские солдаты дрогнули и бежали со своих позиций, несмотря на угрозы лейтенантов пристрелить их. В конце концов 23 февраля в 05:00 бойцы элитной роты Хак Бао — «Черные пантеры» — сбросили с крыши императорского дворца флаг НФОЮВ и водрузили на нем свое знамя. Как только они это сделали, из декоративного пруда рядом с дворцом вылез полуголый человек — это оказался боец ВСРВ, старший брат капитана Фам Ван Диня, который все 20 дней скрывался среди зарослей в воде и выбирался только по ночам в поисках еды. В общей сложности в битве за Хюэ ВСРВ потеряли 458 человек убитыми и более 1000 ранеными — это свидетельствовало о том, что не все южновьетнамские солдаты были трусами; по крайней мере, некоторые сражались героически. Армия США потеряла 74 человека убитыми и 507 ранеными, Корпус морской пехоты — 142 человека убитыми и 857 ранеными. По приблизительным оценкам, погибло около 6000 мирных жителей, многие из них — от «дружественного огня».

На следующий день после взятия цитадели Боб Келли из USIA писал Фрэнку Скоттону: «К югу от реки не осталось ни одного целого здания. На улицах — останки сгоревших автомобилей, бронетехники, деревьев. Всюду пробоины от ракет и снарядов калибра 203 мм... Все дома и магазины вокруг большого рынка, напротив которого всегда приставали сампаны, разрушены. Они использовали все без разбора — напалм, слезоточивый газ, снаряды калибра 203 мм и 220-кг бомбы. Эти ублюдки в Сайгоне понятия не имеют о масштабах проблемы... Что меня бесит больше всего, так это слышать, как наши тупоумные генералы говорят: “Мы знали, что это произойдет” — как будто они всё знали и намеренно позволили этому случиться! А теперь, потерпев сокрушительное поражение, они заявляют о победном разгроме противника». Гнев Келли усугублялся тем, что он был свидетелем бегства многих южновьетнамских чиновников и солдат.

Журналист сравнил жилые и коммерческие кварталы Хюэ со зловещими пейзажами на картинах Гойи: «Целые улицы лежат в руинах. Тротуары завалены обломками разрушенных зданий, проезжая часть взрыта воронками от бомб, загромождена черными островами выгоревших машин. В стену одного дома въехал грузовик. Всюду стоит

зловоние разлагающихся тел... Хюэ перестал быть той древней столицей, которую я знал и любил... он стал похож на возлюбленную, с которой ты когда-то болтал, занимался любовью... а теперь ее искалеченные бомбами, обугленные останки лежат среди улицы... Коммунисты и американское командование уничтожили самый роскошный цветок среди вьетнамских городов». Один местный житель показал на развалины дома и сказал: «Здесь жил человек, которого убили вьетконговцы. Потом пришли американцы и разрушили его дом. Странно, да?» Крысы и собаки пировали среди неубранных трупов.

Коммунисты потеряли в Хюэ от 2500 до 5000 человек убитыми — они так никогда и не раскрыли достоверные цифры, — но в последние дни февраля оставшиеся в живых смогли отступить на запад, никем не преследуемые, что наглядно свидетельствовало о том раздоре, который царил среди американских и южновьетнамских военных. Битва за Хюэ была небольшой по меркам 1939–1945 гг., но стала самым кровопролитным сражением Второй Индокитайской войны. 26 февраля в Хюэ было обнаружено первое из нескольких массовых захоронений: за время своего недолгого правления коммунисты систематически убивали правительственных служащих, сторонников режима, интеллигентов, буржуа и всех «врагов народа», которых могли найти, вместе с их семьями. Подобные расправы, хотя и в меньшем масштабе, происходили и в других местах. Один из коммунистов так попытался оправдать эти злодеяния: «Люди ненавидели этих деспотов и относились к ним, как к ядовитым змеям. Их нужно было уничтожить, чтобы они не нанесли ответный удар».

Среди жертв коммунистов была 48-летняя вдова Нгуен Тхи Лао, торговавшая сигаретами на улице, а также 53-летний Нгуен Тат Тхонг, директор социальных служб в сайгонском правительстве, который приехал в Хюэ отпраздновать Новый год с семьей — и был убит вместе с шестью родственниками, включая двух братьев-подростков. Коммунисты «ликвидировали» всех католических священников и американских граждан, которые попались им под руку, а также несколько сотен мирных жителей, которым не посчастливилось угодить в списки предполагаемых «пособников» правительства. В общей сложности было найдено 2810 тел, хотя реальное количество жертв, безусловно, было больше. Австралийский советник капитан Дэнис Кэмпбелл писал: «Можно понять ненависть, которая заставляет их [коммунистов] душить проволокой военных и вешивать их трупы на стенах домов. Но заживо хоронить целые семьи, включая детей, по той лишь причине, что те отказались взять оружие и воевать на их стороне? Это переходит все мыслимые границы... Раньше я нехотя, но

испытывал некоторое восхищение ВК... теперь от этого не осталось и следа».

На фоне этих расправ притязания коммунистов на моральное превосходство над сайгонским режимом представлялись не более чем черным фарсом. Однако СМИ не спешили подхватывать эту тему, отчасти потому, что КОВПВ сообщило об обнаружении массовых захоронений только 9 марта, когда доверие к самому командованию лежало в руинах. Уэстморленд за закрытыми дверьми винил во всем морских пехотинцев, которые, как он считал, действовали в Хюэ с удручающе низкой эффективностью. Отчасти так оно и было, однако львиная доля вины за это лежала на старших офицерах, которые раз за разом ставили перед своими людьми тактически невыполнимые задачи, а также на самом главе КОВПВ. На протяжении нескольких недель все американское командование неверно оценивало ситуацию в городе, выделяя неадекватные ресурсы на его освобождение.

В последние дни февраля и начале марта в городах Южного Вьетнама были подавлены последние очаги коммунистического сопротивления. К тому времени в стране работали 636 аккредитованных корреспондентов, для которых Тетское наступление стало настоящим пиршеством. Одни писали и снимали репортажи в тоне, близком к истерии. Другие, проявляя замечательное мужество, создавали одни из самых ярких образцов военной прозы. Однако же общим лейтмотивом было скрытое благоговение перед дерзостью коммунистов и почти полное игнорирование главного с точки зрения военных факта — что враг потерпел поражение. Рассказывая о роли СМИ в войне во Вьетнаме, официальный историк Армии США Уильям Хаммонд, во всех прочих случаях являющийся образцом беспристрастности, не смог удержаться от горького упрека: «Они [журналисты] чересчур легко поддались давлению своей профессии. Конкурируя друг с другом за каждую кроху новостей, желая обеспечить громкие заголовки в своих СМИ, они жертвовали глубоким анализом ради броскости и создавали новостную картину, далекую от реальности».

Но дальше Хаммонд делает обескураживающее замечание, которое фактически сводит на нет вышеприведенную критику: «Нельзя отрицать... что сообщения в СМИ тем не менее зачастую были более точными, чем публичные заявления администрации». Вероятно, он имел в виду такие репортажи о Тетском наступлении, как те, что отправлял в The New York Times Джин Робертс. На протяжении большей части февраля этот журналист, совсем недавно прибывший во Вьетнам, оценивал ситуацию в Хюэ гораздо реалистичнее, чем американское командование. Своим освещением событий Робертс и другие ответственные репортеры в значительной степени оправдывали огрехи

СМИ и выносили обвинительный приговор командованию Армии США и морской пехоты.

Капитуляция президента

Разгром Тетского наступления нанес тяжелый удар по моральному состоянию сил ВНА и НФОЮВ, потерявших убитыми в общей сложности около 20 000 человек. Официальная история Ханоя признает, что «враг получил временный военный перевес... Наше положение и силы были серьезно ослаблены». По собственным оценкам коммунистов, в результате Тетской кампании было уничтожено 60–70% партизанских сил НФОЮВ. Командир ВК в провинции Лонган писал: «За всю свою военную карьеру я никогда еще не участвовал в такой неэффективной и непродуманной кампании... Я до сих пор не могу полностью объяснить эти события». На самом деле история показывает, что народные восстания почти всегда терпят неудачу — возьмите Варшаву в 1944 г., Будапешт в 1956 г. или Прагу в 1968 г., — если только правящий режим и его вооруженные силы сами не теряют волю к сопротивлению. Как констатировал один полковник ВНА, «мы поняли, что не сможем поднять всеобщее восстание». Возможно, некоторые южновьетнамцы поддерживали бы коммунистов с оружием в руках, если были бы уверены в их победе, но Тетское наступление ни в коей мере не походило на триумфальный марш. Полковник назвал первые атаки в крупных городах, включая атаку на посольство США в Сайгоне, «важной победой». Однако, по его мнению, попытка там удержаться стала фатальной ошибкой: «[Сразу после атак] следовало уйти из городов и закрепить наш контроль над сельской местностью». Некоторые американские офицеры также считали, что коммунисты играли на руку КОВПВ, когда пытались ввязываться в прямые столкновения с крупными силами, вместо того чтобы использовать партизанскую тактику. Один из дивизионных командующих спустя несколько месяцев заметил: «Единственное, что нас спасает, так это то, что ЦУЮВ — это кучка воинственных, как дьяволы, армейских офицеров, которые хотят выиграть войну посредством больших битв».

Выжившие бойцы ВК скорбно вернулись в свои лагеря, где остались их хижины и нехитрые личные пожитки, многие из которых навсегда лишились своих хозяев. Тетское наступление преподнесло им горький урок. Командир отряда ВК Чан До позже сказал: «Тетская кампания изменила весь характер войны... Мы пошли ва-банк... поставили неадекватные, невыполнимые задачи... Призыв “Давайте добьем их!” звучал так заманчиво.... В результате мы обрекли себя на период огромных трудностей в 1969–1971 гг. Когда нас спрашивали, какую

часть населения мы контролируем, мы отвечали: “Большинство”, но, по правде говоря, мы потеряли практически все». До не мог простить Ханю и ЦУЮВ тот цинизм, с которым они использовали готовность тысяч своих самых преданных сторонников к самопожертвованию.

Полковник Ан писал: «Многие из наших людей пали духом... Они считали, что теперь враг возьмет верх». В мае и августе 1968 г. была проведена вторая и третья волна «мини-Тетов», которые закончились сокрушительным разгромом и увеличили потери Вьетконга до ошеломительной цифры в 50 000 погибших. К осени вооруженные силы НФОЮВ были сведены к своему первоначальному состоянию — небольшим локальным партизанским отрядам. В дальнейшем основное бремя войны легло на плечи Вьетнамской народной армии.

Потери американцев в ходе Тетской кампании составили около 4000 погибших, южновьетнамских сил — около 6000, но ее итог — резкое снижение насилия в сельской местности — вызвал всплеск оптимизма среди военных. Фред Вейанд считал: «Мы добились огромного прогресса. Люди стали спокойно передвигаться по ночам. Политические убийства почти прекратились». Крейтон Абрамс язвительно высмеял врага: «Посмотрите на Кхешань. Бедный старичок Зяп — да, я действительно считаю его бедным старичком. Мне даже жаль его. Он так держался за эту базу, так пыжился, бросил в мясорубку целых две дивизии, от которых ни черта не осталось. Если бы он и впрямь был блестящим тактиком и стратегом, как утверждают наши СМИ, он бы перебросил одну или обе эти дивизии на побережье — и тогда не знаю, черт возьми, как бы мы выбивали их оттуда!» Морпех Джефф Энтони, один из защитников Кхешани, сказал: «После Тета мы почувствовали, что эти парни едва ползали».

Роберт Макнамара, пребывавший в Пентагоне свои последние дни, заявил, что очевидный урок Тетского наступления состоит в том, что ВСРВ должны перейти под прямое командование США. Уэстморленду хватило политической интуиции не делать такого подарка коммунистическим пропагандистам и наложить вето на это предложение. Сам генерал доложил в Вашингтон, что видит хорошие перспективы скорого завершения вьетнамского конфликта, и — ободренный поддержкой председателя Объединенного комитета начальников штабов Уилера — запросил массированное подкрепление. 10 марта The New York Times опубликовала «сенсационные сведения из анонимного источника», что военные просят отправки еще 206 000 человек, что потребует призыва резервистов. Впоследствии это было названо самой катастрофической утечкой информации за все время президентства Джонсона. Эта новость окончательно превратила Уэстморленда в объект всеобщих нападок и даже насмешек. В том же

месяце ему сообщили, что его планируют заменить Крейтоном Абрамсом, и три месяца спустя он был возвращен домой, впрочем, с повышением по службе — как новый начальник штаба Армии. Такой закат боевой карьеры отчасти был следствием воспринимаемых военных неудач, а отчасти, что гораздо важнее, результатом сокрушительной потери доверия. После уверенных публичных заявлений генерала о скорой победе американская армия под его командованием едва не оказалась на пороге, пусть всего лишь предполагаемого, а не фактического, но поражения.

Тетская кампания погрузила Южный Вьетнам в еще более ужасающую разруху: в общей сложности было уничтожено 48 000 домов, почти 500 000 человек стали беженцами. Один из журналистов процитировал слова анонимного американского офицера, якобы сказанные им в те дни: «Чтобы спасти город [от коммунистов], его приходилось разрушать». Впоследствии эта фраза была признана вымышленной, однако она очень точно отражала мрачный парадокс этой опустошительной войны, которую вели Соединенные Штаты «ради защиты свободы южновьетнамского народа». Вейанд с гордостью доложил Абрамсу об «успешной обороне» столицы, но, когда тот улетал из штаб-квартиры Вейанда, он увидел над Сайгоном «столбы дыма и вспышки рвущихся снарядов. По моим оценкам, мы могли “успешно оборонять” Сайгон еще раз семь, после чего столкнулись бы с конфузом — от города бы ничего не осталось».

Тетское наступление заставило дрогнуть многих ранее стойких ястребов в Соединенных Штатах. The Wall Street Journal заявила: «Американцы должны быть готовы смириться с перспективой полного и окончательного провала военных усилий США во Вьетнаме». Обозреватель NBC задал мудрый вопрос: «Мы должны решить, оправданно ли подобное разрушение страны ради ее спасения?» Многие американцы во Вьетнаме были потрясены Тетскими событиями не меньше телезрителей в США. 20 февраля Джерри Додсон из CORDS писал Фрэнку Скоттону: «Этот раунд завершился, и, возможно, нам стоит выбросить на ринг полотенце. Пару дней назад я был в Контуме и Буонметхуоте. После наших воздушных и артиллерийских ударов по ВК Контум разрушен на 20%, Буонметхуот — на 55%. В районе дислокации I корпуса и дельте также обширные разрушения. Для тех, кто любит Вьетнам, единственное решение — уйти». Сам Скоттон резюмировал: «Север не постоял за ценой, но показал, что никогда не отступится». В сенате комитет Фулбрайта был близок к тому, чтобы раскрыть конгрессу и американскому народу правду о том, что Соединенные Штаты были втянуты в войну обманым путем — посредством состряпанной на основе ложных фактов Тонкинской

резолуции. Новый министр обороны Кларк Клиффорд едва ли не первой своей директивой запретил военным делать любые прогнозы о победе во вьетнамской войне.

Важную роль в обострении антивоенных настроений сыграло вмешательство Уолтера Кронкайта, ветерана Второй мировой войны и бессменного ведущего вечерних новостей на CBS, который был известен в народе просто как «дядя Уолтер». В феврале он посетил Хьюз, после чего прямо сказал Фреду Вейанду: «Я видел эти тысячи тел. И решил, что... сделаю все возможное, чтобы положить конец этой войне». По словам генерала, его «это очень беспокоило... потому что Уолтер пользовался невероятным уважением американского народа». Ему было отвратительно, что Кронкайт, как и многие другие журналисты, представлял ситуацию так, будто вся ответственность за массовую гибель людей в Хьюз лежала на американцах и южновьетнамцах: «Я понимаю, что человек может увидеть все это и сказать: “Эта война настолько чудовищна, что должна поскорее закончиться”. Но вывернуть ситуацию так, чтобы представить коммунистов правой стороной, которая заслуживает победы? Это выше моего понимания».

Несмотря на всю справедливость замечания Вейанда, 27 февраля в своем документальном фильме о войне во Вьетнаме Кронкайт сказал миллионам американских телезрителей: «Утверждать, что сегодня мы стали ближе к победе, значит, закрывать глаза на очевидные факты... для оптимизма нет оснований... Мы застряли в тупике — вот реалистичная, хотя и удручающая оценка происходящего... Для меня становится все более очевидно, что единственный разумный выход — это сесть за стол переговоров — не как побежденные... но как достойный народ, который до конца оставался верен своему обещанию принести [во Вьетнам] победу и демократию и сделал для этого все возможное». Эти мудрые слова Кронкайта потрясли его обширную аудиторию и прозвучали как приговор для Линдона Джонсона. По неподтвержденным слухам, после просмотра фильма Джонсон сказал: «Я потерял Уолтера, значит, я потерял всю среднюю Америку». Говорил ли президент эти слова на самом деле, неизвестно, однако они оказались пророческими — для Белого дома начались мрачные времена.

Начало Тетского наступления заставило американцев сплотиться вокруг своего флага. Опрос агентства Луиса Харриса показал сокращение числа противников бомбардировок с 26% в октябре до 15% в феврале. Около 74% респондентов по-прежнему верили в силу американского оружия. Всего 3% предсказали поражение в войне, 39% ожидали тупиковой ситуации, а 43% по-прежнему считали, что США могут победить. Тем не менее под маской непоколебимости даже самые

ярые ястребы начали уставать от этой неблагодарной зарубежной авантюры. В Вашингтоне все больше вдумчивых политиков признавали несоответствие между мотивацией коммунистов, готовых поставить на кон все, включая неограниченное количество жизней собственных граждан, и Соединенных Штатов, чьи национальные интересы в Индокитае к тому моменту потеряли прежнюю значимость. 1 марта пехотинец Гэри Янг получил от родителей письмо, в котором нашли отражение настроения, преобладавшие в то время среди рядовых американцев: «Дорогой сынок, бесполезно просить нас не волноваться, потому что мы всего лишь люди и знаем, что там у вас творится... Кэти вся в радостном волнении — завтра вечером она идет на бал в честь Цветения хлопка в своей школе... Знаешь, люди у нас по горло сыты этой затянувшейся заварухой во Вьетнаме. Это бессмысленная трата жизни. Когда люди начинают говорить на эту тему, становится жарко... Береги себя. Мы все шлем тебе нашу любовь и надеемся, что все наши мальчишки скоро будут дома. С любовью, мама, папа и твои сестренки».

5 марта Майрон Харрингтон и оставшиеся в живых морпехи 1-го батальона 5-го полка, освобождавшие Хюэ, были отправлены в резервный лагерь на побережье, в котором имелся настоящий душ. Морпехи выстроились в очередь, но до капитана она так и не дошла — душ сломался, поэтому ему пришлось мыться в Южно-Китайском море. Молодой лейтенант Джо Аллен, присоединившийся к роте Дельта в разгар битвы за цитадель Хюэ, оказался прекрасным офицером и, как выяснилось, встречался с невесткой Харрингтона Перрин. Позже Харрингтон с грустью сказал: «Я должен был попросить, чтобы его перевели в другую роту». Как-то в мае он отправил взвод Аллена в ночное патрулирование. Тем же вечером коммунисты атаковали соседнюю роту, получили жесткий отпор и, отступая, наткнулись на взвод Аллена. Лейтенант был убит. Это стало для капитала сильнейшим эмоциональным ударом, так что он не мог сдержать слез; какое-то время после этого он чувствовал себя не в состоянии командовать ротой. По словам Харрингтона, его «теплые отношения с невесткой так и не восстановились». Уезжая из Вьетнама несколько месяцев спустя, он «испытывал смесь огромного облегчения, словно с меня вдруг сняли тяжкое бремя ответственности, и сильного чувства вины».

Было очевидно, что ни американский народ, ни конгресс не поддержат массированного увеличения контингента, которого требовали военные. На президентских праймериз в Нью-Гэмпшире 12 марта Юджин Маккарти набрал всего на 350 меньше голосов, чем действующий президент. Старому другу Джонсона и бывшему ястребу Кларку Клиффорду хватило всего пары недель, проведенных в бывшем кабинете Макнамары в Пентагоне, чтобы присоединиться к рядам

скептиков. 25 марта президент собрал свою «мудрую старую гвардию», включая Джорджа Болла, Генри Кэбота Лоджа, а также генералов Риджуэя, Тейлора и Брэдли, чтобы выслушать последние сводки по Вьетнаму и сделать свои предложения. Дин Ачесон, который руководил встречей, констатировал радикальное изменение настроений: большинство присутствующих больше не считали, что войну можно выиграть. Только Эйб Фортас, Макс Тейлор и Омар Брэдли по-прежнему выступали за продолжение военных усилий.

Вечером 31 марта Джонсон выступил с телеобращением к нации. «Добрый вечер, мои соотечественники, — сказал президент. — Сегодня вечером я хочу поговорить с вами о мире во Вьетнаме... Ни один другой вопрос не волнует наш народ больше, чем этот». Он объявил об одностороннем прекращении бомбардировок севернее 20-й параллели, а также о своей готовности начать переговоры. Перед началом телеэфира спичрайтер Гарри Макферсон увидел, как президент что-то пишет на черновике речи. «Он собирается сказать сайонара?» — в шутку спросил он у своего коллеги из президентской администрации. Макферсон не предполагал, насколько был близок к истине. Свое телеобращение Джонсон завершил словами: «Я не буду выдвигаться и не соглашусь на выдвижение меня моей партией на второй срок в качестве кандидата на пост вашего президента».

Американцы выслушали своего президента в ошеломленном молчании, хотя многие к тому времени прониклись таким глубоким цинизмом по отношению к власти, что сочли это очередной уловкой, хитрым гамбитом. Они ошибались. Тем вечером Джонсон публично признал крах своего президентства: достигнув столь многого дома, он безнадежно завяз в «грязи непролазной» в Юго-Восточной Азии. Его враги, такие как доверенное лицо клана Кеннеди Артур Шлезингер, назвали его решение уйти «политической трусостью»; как и Гарри Трумэн после праймериз в 1952 г. в Нью-Гэмпшире во времена Корейской войны, Джонсон решил, что в день голосования обречен на поражение. Позже Шлезингер цитировал слова Билла Мойерса, бывшего пресс-секретаря Белого дома, объяснявшего «одержимость» Джонсона Вьетнамом «дикой смесью раздутого самолюбия и национализма, которая заставляла Джонсона рассматривать это [вьетнамскую проблему] как вызов мужественности — лично для себя и для всей Америки». Эйзенхауэр презрительно написал в своем дневнике: «Для меня очевидно, что президент ведет войну сам с собой и, хотя он и пытается твердо отстаивать принятые им решения и сделанные шаги и призывает нацию идти к поставленным целям, несмотря на любые издержки, в глубине души он жаждет освободиться от бремени этой ответственности».

Многие американцы связывали отречение президента с унижением, якобы нанесенным Америке Тетским наступлением. Это было не так — Джонсон уже несколько месяцев раздумывал об уходе. Но война во Вьетнаме, бесспорно, сломила его дух. Его хитрые гамбиты сделали его объектом презрения и насмешек, и немалое число его сограждан, особенно представителей молодого поколения, обвиняли в военных провалах, гибели американских солдат и мирного вьетнамского населения именно его, а не врага. Парадоксальным образом Тетское наступление обернулось для Ханоя триумфом: вскарабкавшись на очередную гору трупов, порожденную его безумной военной инициативой, Ле Зуан провозгласил Тетскую кампанию «убийственным ударом». Казалось, никто не заметил героизма американских солдат, которые дали ожесточенный отпор и в итоге разгромили силы коммунистов по всей стране, включая Сайгон и Хюэ, где новые хозяева уже успели учинить массовые расправы. Как с горечью констатировал Дин Раск, «здесь, в Соединенных Штатах, коммунисты одержали блестящую политическую победу».

Один из командующих НФОЮВ, Чан Бать Данг, также считал, что Тетское наступление сыграло решающую роль в принуждении США к деэскалации военных усилий: «Никакая другая оценка здесь невозможна». Отныне авторитет Ле Зуана и его историческая репутация в его собственном обществе были непоколебимы. 5 апреля 1968 г. министр иностранных дел ДРВ сказал в интервью Чарльзу Коллингвуду с CBS — Уолтер Кронкайт отказался от предложенной визы, справедливо полагая, что поездка в Ханой сыграет на руку коммунистической пропаганде, и покажет, что его страна готова сесть за стол переговоров. Возглавить переговорный процесс со стороны США Джонсон поручил Авереллу Гарриману. Впереди оставалось еще целых семь лет войны, но вряд ли кто-либо теперь верил в то, что она может закончиться поражением коммунистов.

Глава 20

День сурка

Бессмысленная кровь

После Тетского наступления военная фортуна, казалось, отвернулась от коммунистов. Американские и южновьетнамские войска продолжали наносить сокрушительные удары по потрепанным отрядам Вьетконга. Однажды утром группа партизан вошла в деревню Майлок в дельте Меконга, где наткнулась на американский патруль. В завязавшейся перестрелке был убит 17-летний парень по имени Кханг, сын офицера

ВК, написавшего в своем дневнике: «Я сидел рядом с его телом, мое сердце рыдало, и я разговаривал с ним, будто он все еще был живым: “Покойся с миром, сын, ты выполнил свой долг перед революцией”». Позже два брата Кханга также стали бойцами Вьетконга. Как сказала их мать, если бы они не ушли к партизанам, их бы призвали в армию, и тогда им бы пришлось стрелять в своего отца. Сам офицер ВК писал: «Невозможно сосчитать, сколько женщин потеряли троих, четверых, и даже семерых или восьмерых сыновей и дочерей, которые погибли героической смертью в борьбе за наше дело».

В мае 1968 г. ЦУЮВ приказал начать новую волну атак на города, что на этот раз вызвало мало энтузиазма. Командиры ВК жаловались, что их не обеспечили ни подкреплением, ни оружием, а вместо этого просто потребовали повторить самоубийственные февральские атаки. Коммунистическое руководство призвало «принести пламя войны прямо в логово врага», но, как вспоминал командир отряда ВК Хюинь Конг Тхан, «когда мы снова двинулись на Сайгон, мы чувствовали себя как отряды смертников». Вечером 5 мая силы НФОЮВ, двигавшиеся с севера и востока, были остановлены американскими и южновьетнамскими войсками на окраине столицы, а отряды, пришедшие с запада и юга, хотя и вошли в черту города, оказались втянутыми в ожесточенные уличные бои, в которых были быстро разгромлены. По словам Тхана, «[к седьмому дню] стало очевидно, что ситуация складывается крайне неблагоприятно... Я до сих пор не понимаю, почему было принято решение снова атаковать города, тогда как перевес сил изменился существенно не в нашу пользу... Что заставило наше руководство считать, что миллионы [южновьетнамцев] кипят революционным пылом и готовы подняться на борьбу?! Мы обнаружили, что это абсолютно не так. Народ ненавидел США и марионеточный режим... но этот гнев не достиг точки кипения». После разгрома майского «мини-Тета» НФОЮВ фактически сошел со сцены как значимый игрок, уступив основную роль на полях сражений регулярным частям ВНА.

Однако ни американцы, ни южновьетнамцы не ощутили того, что добились сколь-нибудь значимого прогресса, или хотя бы того, что им стало легче воевать. 20 июня правительство Тхьеу объявило всеобщую мобилизацию. Взаимное доверие между союзниками было катастрофически низким: после майских атак в южновьетнамских казармах распространились слухи, что американцы намеренно допустили атаки коммунистов в Сайгоне, чтобы заставить южновьетнамские войска сражаться. В 2012 г. один вьетнамский офицер написал: «Люди считали, что все эти современные системы радиоэлектронной разведки, которые использовали американцы... не

могли не обнаружить инфильтрацию сил противника в столицу. Некоторые даже утверждали, что американские вертолеты доставляли коммунистам продовольствие, а грузовики армии США перевозили их войска. Разумеется, не все вьетнамцы верили этим слухам, но многие до сих пор считают, что такое было возможно».

Десятки тысяч смертей на полях сражений после 1968 г. были особенно трагичны, поскольку Соединенные Штаты оставили надежду победить и теперь вели войну только ради того, чтобы избежать явного поражения. Для тех, кто помнил Вторую мировую, вьетнамский сценарий был особенно обескураживающим. Несмотря на постоянные боевые действия, война словно шла по замкнутому кругу. Не было никакого ощущения реального прогресса или территориального продвижения, как, например, от Сицилии до материковой Италии или же от Иводзимы до Окинавы. Огромная военная мощь казалась удручающе бессильной. Взять хотя бы 11-й бронетанковый кавалерийский полк, развернутый к северу от Сайгона, который вместе со всем вспомогательным персоналом — технической, медицинской, логистической, химической, транспортной и разведывательной службой, а также службами связи, радиобезопасности, психологических операций, группой взаимодействия с ВВС США, военной полицией и дивизионной артиллерией — насчитывал 4600 человек. Полк имел 50 вертолетов — Huey, Cobra и легких вертолетов наблюдения OH6A «Loach», а также 400 единиц гусеничной техники, включая танки M-48A2, 155-мм гаубицы и бэтээры. Один из его офицеров охарактеризовал 11-й полк как «великолепно организованное, вооруженное и обученное воинское формирование, отлично подходящее... для Второй мировой войны».

Крейтон Абрамс был вынужден с сожалением признать неспособность мощных «монстров» предотвратить мелкие вылазки партизан, такие как похищение 20 крестьян, отказавшихся помогать вьетконговцам в рытье траншей: «Это печально, что, когда люди пытаются оказывать сопротивление... мы не можем обеспечить им должную безопасность. Я всегда помню слова одного главы района, который сказал мне: “Никогда не следует открыто сотрудничать с гражданским лицом, если вы не можете гарантировать его безопасность”. Что ж, разумное правило... Но эта угроза, которую никто не видит и не слышит... ужаснее ада. Они [вьетконговцы] тихой сапой взимают свою дань, безнаказанно похищают и убивают людей».

Это была военная версия Дня сурка, когда бои за одни и те же участки джунглей, зарослей слоновой травы или рисовых полей повторялись из месяца в месяц и из года в год без надежды, даже призрачной, на хеппи-энд. Менялись только имена и номера тех, кто

обливался потом, дрожал от страха, сражался, истекал кровью и погибал на этих полях сражений. Как справедливо заметил пехотинец Джефф Энтони, «когда вы делаете что-то снова и снова в одном и том же месте и ничего не меняется, дураку ясно, что это не работает. Иногда нас охватывал приступ отчаяния: какого черта мы вообще тут делаем?» Сержант Джим Стивенс был с ним согласен: «Бывало, что нас выбрасывали в зоне высадки, где мы были всего пару недель назад — наш старый мусор по-прежнему был там! Понятное дело, возникал вопрос: почему не взяться за эту войну как следует, не обрушиться на них всей мощью — или не убратся отсюда?»

В 1968 г. присутствие северовьетнамских сил было сосредоточено в трех северных провинциях ЮВ рядом с демилитаризованной зоной. К тому времени там было развернуто четыре дивизии ВНА, основные военные действия против которых вел Корпус морской пехоты США. В первые дни мая рядом с деревушкой Дайдо состоялось сражение, которое привлекло к себе мало внимания, однако же было более кровопролитным, чем печально известная битва за высоту Гамбургер год спустя. На том этапе войны численность американских сил была близка к своему максимуму, составляя 543 000 человек, однако на этом крохотном поле боя площадью в 5 кв. км, охватывающем несколько заброшенных деревушек, подразделения ВНА продемонстрировали куда более впечатляющую боевую эффективность, чем американская морская пехота. Битва при Дайдо заслуживает более подробного рассказа как пример множества других подобных сражений вьетнамской войны, куда более ожесточенных, чем любое сражение, имевшее место в ХХI в. в Ираке или Афганистане, — и, вероятно, более бесполезных.

В ходе предыдущих месяцев 2-й батальон 4-го полка морской пехоты провел несколько серьезных столкновений с врагом и пребывал далеко не в лучшей форме. Как и во всех подразделениях, в батальоне имелись свои мужественные и добросовестные солдаты и даже настоящие герои, а также свои «дебилы Макнамары» — контингент, набранный после того, как министр обороны в стремлении восполнить острую нехватку личного состава значительно снизил требования к физическому и психическому состоянию призывников. Ланс-капрал Джеймс Лэшли, пулеметчик М-60, проведенный в джунглях восемь месяцев, по-прежнему считал, что «мы больше делали вид, чем действительно воевали». Его взвод двигался по ночам, «как стадо водяных буйволов с консервными банками на спинах». Батальонный капеллан потерпел поражение на семейном фронте: его жена стала фанатичной антивоенной активисткой и подала на развод с «воюющим» мужем.

Когда капитан Джим Уильямс прибыл, чтобы принять командование одной из рот 2-го батальона, для него не нашлось нового бронежилета. Сержант-снабженец ткнул пальцем в кучу бронежилетов, сложенных рядом с моргом: «Посмотрите, может, подыщете там какой без крови». Рота Уильямса находилась «в ужасном состоянии — они потеряли много людей». Из-за высоких потерь и постоянных ротаций личный состав менялся так часто, что офицеры не успевали запомнить всех своих людей: Уильямс обращался к своему водителю по прозвищу — Бык — и так и не успел узнать его настоящее имя прежде, чем тот был убит. В одном только бою 11 сентября 1967 г. батальон потерял 16 человек убитыми и 118 ранеными; 14 октября — 21 человека убитыми и 23 ранеными; в ноябре и декабре — 6 человек убитыми и 78 ранеными. Вечером 12 марта 1968 г. рота «Фокстрот» наткнулась на засаду и потеряла убитыми 18 человек. На следующий день, когда они вернулись, чтобы эвакуировать тела, были расстреляны еще пятеро морпехов, а один труп выпал из вертолета во время транспортировки.

Один из молодых ланс-капралов написал домой почти истерическое письмо, в котором утверждал, что в их батальоне «никто не выживает». Отец парня, разумеется, был серьезно встревожен и потребовал у своего конгрессмена, чтобы Капитолийский холм сделал официальный запрос в Корпус морской пехоты. Командир батальона Билл Уэйс был разбужен в 3 часа ночи звонком из штаба дивизии: ему дали два часа, чтобы подготовить адекватный ответ. Уэйс вызвал к себе автора письма, который тут же разразился слезами и, всхлипывая, попросил: «Простите меня, полковник». В марте 1968 г. батальон потерял 59 человек убитыми и 360 ранеными, при этом утверждая, что они уничтожили 474 солдата ВНА. Эта цифра явно была фантастической, но Уэйс понимал: чтобы сохранить свою должность, ему нужно раздуть потери противника.

39-летний Уильям Уэйс родился в семье рабочих в бедном криминальном районе Филадельфии. Он застал самый конец Корейской войны и в последующие годы получил квалификацию рейнджера, аквалангиста и «мастер-парашютиста». Когда полгода назад он принял командование батальоном после ранения своего предшественника, ему пришлось немало потрудиться над восстановлением дисциплины и морального состояния. Он вспоминал: «Там была масса проблем. Люди были недостаточно обучены; царил полная безалаберность. Когда я поручил подготовить мне план огневой поддержки, мой оперативный офицер не знал, как его составить». Уэйс не относился к разряду блестящих полководцев, призванных командовать армиями; но он был смелым, порядочным и добросовестным офицером, который курил дешевые сигары, потому что те не светились в темноте, как сигареты, и

переживал, что его жена Этель может подать на развод, потому что она жутко разозлилась, когда он добровольно вызвался поехать во Вьетнам.

Когда его батальон был переброшен в район к северу от реки Кыавьет рядом с ДМЗ, их поразило, как оперативно об этом узнал враг, — они предположили, что с помощью радиоперехвата. Ханна из Ханоя в эфире северовьетнамского пропагандистского радио сообщила о передислокации 2-го батальона 4-го полка под командованием Билла Уэйса. «Морские пехотинцы, вас всех ожидает смерть!» — завершила она эту новость, заставив людей Уэйса содрогнуться. В ночь на 27 апреля половина батальона была задействована в поиске подразделения ВНА, которое, согласно разведанным, находилось в этом районе. Ротой G (Гольф) командовал 28-летний капитан Роберт Мастрион, невысокий темноволосый ньюйоркец в очках, дослужившийся до офицерского звания из рядовых. Он прибыл в батальон всего месяца назад и не успел заслужить ни доверия, ни авторитета среди своих людей. По словам одного морпеха, «мы едва волочили ноги, а этот придурок требовал: “Продолжать поиски”!» Их рота поняла, что у нее проблемы, когда рядом с комендор-сержантом Билли Армером взорвалась граната. Кто-то крикнул: «Черт, гуки!» В следующие несколько секунд на восьмерых бойцов головного отделения обрушился шквальный огонь. Армер, чье лицо и грудь были изрешечены осколками гранаты, не переставал бормотать: «Ублюдки, достали меня... достали». Оказалось, что они наткнулись на колонну ВНА, пересекавшую их маршрут; завязалась беспорядочная перестрелка — хаос криков и теней, испещренный зелеными трассерами противника и красными трассерами морпехов. Мастрион запросил подкрепление, но Уэйс ответил: «Рассчитывайте на себя». Он опасался, что в темноте морпехи могут перестрелять друг друга.

Санитар доложил Мастриону, что у них тяжело раненный в голову, который умрет, если его срочно не эвакуировать. В 01:30 с десантного вертолетоносца Iwo Jima прибыл CH-34 Sea Horse. Морпехи сообщили, что северовьетнамцы находятся в 400 м отсюда, и рискнули включить сигнальный строб, чтобы указать место посадки. Это была плохая идея: противник оказался гораздо ближе, и, как только вертолет приземлился и началась загрузка раненых, раздался мощный взрыв. Выпущенная из РПГ-7 граната вдребезги разбила ветровое стекло; пилоту выбило левый глаз. Вертолет поспешно поднялся в воздух, неуверенно пролетел 300 м, после чего плюхнулся обратно на землю. Второй пилот сумел взять управление на себя и кое-как долететь до Iwo Jima, но раненный в голову морпех остался на месте, истошно крича. Его товарищи втайне желали, чтобы санитар вколол ему смертельную дозу морфия, но вместо этого капитан Мастрион и одно из отделений пять часов оставались

рядом с раненым, пока тот не умер, в то время как остальная часть роты отступила.

На рассвете они вернулись в батальонный лагерь, получив тяжелый травмирующий опыт. Капрал-связист Питер Шлезiona писал домой: «Это была самая жуткая ночь за все мое время в Наме [Вьетнаме]». Мистрион был эвакуирован в госпиталь с мучительными болями в спине. Командовать ротой G был назначен капитан Джей Варгас, 29-летний американец мексиканского происхождения из Аризоны, которого солдаты хорошо знали и уважали. После пережитого люди Уэйса отчасти справедливо считали, что заслужили некоторый отдых. Но война не знает передышек. Дивизионная разведка обнаружила два батальона ВНА в зоне ответственности 2-го батальона к северу от притока Бозьеу, по которому проходил последний 11-километровый участок маршрута снабжения от морского побережья до крупнейшей на севере логистической базы морской пехоты США в Донгха. Полковник Милтон Халл, командующий 4-м полком, боялся того, что противник собирается атаковать Донгха. Чтобы помешать этому, он создал на подходах к городу «щит», растянув доступные ему силы опасно тонкой цепочкой вдоль берегов реки Кыавьет и ее притока Бозьеу. Разведка считала, что удар может быть нанесен 1 мая — важный праздник в коммунистическом календаре.

По правде говоря, ВНА не ставили таких амбициозных целей, как атака на Донгха: вместо этого они планировали просто вести беспокоящие нападения на речной транспорт, обстреливая его из пулеметов и РПГ. Необычным было то, что 6-й батальон 52-го пехотного полка ВНА имел доступ к огневой поддержке двух тяжелых орудий, расположенных за пределами ДМЗ. В 05:00 утра 29 апреля северовьетнамцы закончили рыть укрепления и прокладывать полевые телефонные линии между соседними деревушками Дайдо, Анлак и Донгхуан на небольшом трехкилометровом участке на берегу Бозьеу. Очевидно, что их целью было дождаться американцев и заставить их ввязаться в бой на выгодных для себя условиях, что и произошло всего 24 часа спустя.

Рано утром 30 апреля в соответствии с приказом полковника Халла четыре роты батальона Уэйса рассредоточились по местности на 11-километровом отрезке, почти вплотную приблизившись к позициям 6-го батальона ВНА, которые к тому времени еще не были обнаружены. С крыши заброшенного дома у реки капитан Джим Уильямс через бинокль наблюдал, как корабли ВМС США обмениваются огнем с противником, засевшим в деревне на северной стороне. В какой-то момент в корпус десантного корабля попал снаряд 57-мм безоткатного орудия: один моряк был убит, двое ранены. Пока патрульные катера

поливали берег огнем, конвой повернул на запад к Донгха; ВМС объявили протоку Бозьеу закрытой для движения, пока прибрежная зона не будет очищена от противника.

В 08:18 ланс-капрал Джеймс О'Нил, снайпер, сопровождавший патруль роты Н Уильямса, заметил какое-то движение в 500 м и предупредил лейтенанта: «Сэр, думаю, там впереди целая куча гуков». Тот сказал: «Подстрели одного». Из-за висевшей в воздухе влажной дымки О'Нил не мог отчетливо разглядеть цель через оптический прицел, но, сделав два выстрела из своей «Ремингтон 700», он увидел на краю окопа фигуру с наполовину снесенной головой. Вскоре после этого Уильямс получил приказ от Уэйса (позывной «Дикси Дайнер 6») атаковать со своей ротой Н деревню Донгхоанг с севера, в то время как рота F должна была взять деревню Дайдо менее чем в 2 км западнее от них. На этом этапе полковое командование разрешило Уэйсу задействовать всего две роты и ни взводом больше. Это было первой фатальной ошибкой: атаки такими малыми силами обеспечили врагу численное превосходство.

Из-за боевых потерь, болезней и отпусков в ротах F и H оставалось меньше сотни человек в каждой. Уэйс и его командная группа погрузились в мелкосидящий бронированный монитор, с которого они могли следить за ходом боя, двигаясь вверх по течению параллельно с пехотой на берегу. Как обычно, не было никаких разведданных: они могли наткнуться как на горстку коммунистов с одной безоткатной пушкой, так и на 200 и даже на 2000 бойцов на хорошо укрепленных позициях. Американская 105-мм и 155-мм артиллерия начала работать по объектам атаки фугасными и дымовыми снарядами. Примерно в 13:30 головные взводы роты Н, двигавшиеся к деревушке Донгхоанг, наткнулись на плотный огонь из-за стены деревьев. Уэйс доложил в штаб полка, что, по всей видимости, противник сосредоточил здесь довольно крупные силы. Ему выделили в поддержку два танка М-48 и корабельную артиллерию. Один морпех выстрелил из своей М-16 по вражескому солдату и в шоке воскликнул: «Охренеть!», когда того разорвало на части: морпех не сразу понял, что одновременно с его выстрелом разорвался 90-мм снаряд. Сначала морпехи передвигались ползком, а на подходе к Донгхоангу поднялись на ноги, выстроились цепью с пятиметровым интервалом и двинулись вперед, стреляя от бедра.

Некоторые солдаты ВНА выскакивали из своих паучьих нор и бросались наутек, но другие продолжали стрелять. Морпехи побежали вперед, но Уильямс — 30-летний уроженец Миннесоты, прославившийся своей храбростью, — бросился за ними и затормозил их, чтобы они не попали под собственный заградительный огонь. Краем

глаза он заметил, как из ближайшего окопа высунулся вражеский солдат и швырнул в него гранату. Он успел отпрыгнуть, прежде чем та взорвалась, свалив его с ног и напиговав осколками бедра и ягодицы. Морщась от адской боли, он попытался встать на ноги, но не смог. Посреди оглушающей какофонии стрельбы и взрывов он приказал своему радисту привести к нему старшего сержанта. Тот, пригибаясь и маневрируя, побежал на поиски, но вскоре вернулся и доложил, что сержант не придет: «Он в окопе и отказывается оттуда вылезать!» Тогда Уильямс приказал передать «уклонисту», что либо тот немедленно явится к своему командиру, либо он собственноручно его пристрелит. Позже один из офицеров попытался оправдать трусливого сержанта: «Этот парень участвовал во многих сражениях и так и не привык находиться под пулями». Командование ротой Н взял на себя лейтенант Алекс Прескотт по прозвищу Скотти.

Между тем сражение продолжалось: один штаб-сержант лишь слегка пошатнулся, когда недалеко от него прогремел взрыв, но вскоре рядом с ним взорвалась еще одна граната, выбив из рук винтовку и разбив дайверские часы на запястье. Когда он поднялся на ноги, то обнаружил, что у него кружится голова. Он попросил санитара дать ему пару пощечин — это помогло. Остаткам роты Н потребовалось 15 минут, чтобы взять деревушку Донгхоанг, неся потери почти на каждом шагу и паля по вражеским солдатам, разбегавшимся из паучьих щелей на их пути. «Черт возьми, там повсюду лежали мертвые гуки, — позже вспоминал сержант Джо Джонс, чернокожий гигант, взявший на себя командование взводом, когда они потеряли своего лейтенанта. — И раненые морпехи... Люди из разных отделений и взводов все смешались, не поймешь, кто где». Лейтенант Карл Гибсон, бежавший в метре за спиной Прескотта, когда они вступили в деревню с южной стороны, упал, сраженный пулей в голову. Месяц назад он женился и пробыл во Вьетнаме всего 10 дней.

Оставшиеся в живых сформировали периметр посреди царившего хаоса. Один санитар истерически рыдал над раненым товарищем. Другой санитар кричал рядом с лежавшим на земле сержантом, мертвенно-бледным от потери крови: «Мы должны эвакуировать его отсюда! Он умирает! Умирает!» Поскольку вертолетам приземляться было слишком опасно, в 15:30 к берегу в сотне метров южнее Донгхоанга подошли небольшие лодки — «скиммеры», которые доставили боеприпасы и эвакуировали 30 раненых. Неожиданно появился сам полковник Халл, который принялся бомбардировать «Скотти» Прескотта вопросами. Напыщенный и недалекий солдафон, командир полка заявил, что Уэйс и его люди действуют недостаточно напористо. Он потребовал «переть на врага грудью», что заставило его

начальника оперативного отдела возразить, что «люди Уэйса и так находятся к врагу настолько близко, что тот способен вспороть ножом их брюхо». Уильямса погрузили в лодку, на дне которой в луже крови, в том числе его собственной, плавала чья-то фляга. Не в силах сдержать тревогу, мучающую многих раненых, он позвал санитара и попросил: «Слушай, у меня там все онемело, я ничего не чувствую. Можешь посмотреть, мои яйца на месте?» В их батальоне служил сержант-майор Джон Малнар по прозвищу Большой Джон, потерявший одну тестикулу в Корейской войне. Санитар внимательно осмотрел причинное место и сообщил: «На мой взгляд, с ними все в порядке, сэр». Этот эпизод мог бы показаться комическим, но его участникам было не до смеха.

С побережья раненых доставляли на Iwo Jima, где о прибытии очередной волны вертушек объявляли по громкоговорителям: «Прибытие медэваков... Прибытие медэваков». В какой-то момент в переполненный медицинский отсек зашел раненый морпех и объявил, что 2-й батальон в беде и все, кто способен сражаться, должны вернуться на берег и помочь товарищам. Несколько перевязанных морпехов решительно направились на ангарную палубу, где лежали груды окровавленных бронежилетов и снаряжения, экипировались самым необходимым и полетели обратно, хотя на поле боя их не допустили. Если санитары в боевых частях имели отличную репутацию, это не распространялось на весь медицинский персонал: все знали, что медики не прочь поживиться чужим имуществом. Когда Джима Уильямса на борту Iwo Jima попросили сдать пистолет, тот, несмотря на острую боль, вцепился в него и прорычал: «Ни один чертов моряк не получит мое оружие!» В конце концов он отдал свой пистолет калибра .45 одному из морпехов. Прошло несколько месяцев, прежде чем Уильямс смог нормально сидеть, а к службе его признали годным только через год.

Несмотря на то что в 13:50 рота Н уже вела тяжелое сражение за Донгхоанг, в паре километров западнее от нее рота F («Фокстрот») приближалась к деревушке Дайдо с севера на гусеничных десантных бронемашинах, совершенно не зная, чего ожидать от врага. Внезапно рядом с машиной, на которой сидели пятеро радистов, прогремел взрыв — один из радистов свалился на землю, крича от боли. Под градом рвущихся гранат из РПГ морпехи прыгнули с машин и нерешительно двинулись вперед. Большая часть роты была пригвождена к земле в сотне метров от деревни; шедший по правому флангу взвод застрял на маленьком кладбище.

Командир роты капитан Джеймс Батлер, спокойный 25-летний техасец, сын генерала, запросил воздушный удар напалмом — жестяные канистры падали с неба и, ударяясь о землю, выбрасывали клубы

инфернального черно-красного пламени меньше чем в 40 м от одного из лейтенантов. «Черт возьми, здесь жарко! — завопил тот в радиоэфире. — Не подходите ближе!» Четыре часа спустя Батлер сообщил Уэйсу, что у него осталось всего 26 боеспособных солдат, и попросил разрешения отступить к Донгхоангу. Уэйс разрешил, но деморализованным остаткам роты потребовалось еще два часа, чтобы разорвать контакт под прикрытием Phantom и пулеметов десантных бронемашин калибра .50BMG. Если бы северовьетнамцы решили нас преследовать, позже вспоминал Батлер, «у них были все шансы стереть нас с лица земли»; к счастью, они этого не сделали.

В 17:00 рота В — «Браво» — 1-го батальона морской пехоты получила приказ переправиться через реку и поддержать атаку 2-го батальона 4-го полка. Рота пользовалась не очень хорошей репутацией: там были серьезные проблемы с дисциплиной, ее младшие командиры враждовали между собой и с рядовыми — недавно один обкуренный радист угрожал взорвать всех гранатой. Гусеничные амфибии пересекли реку напротив деревни Анлак, откуда рота В должна была направиться к Дайдо на усиление батальона Уэйса. Но, как только бронемашины выползли на песчаный берег, из близлежащих зарослей на морпехов обрушился град огня; командир роты, один лейтенант, сержант и семеро солдат почти сразу были убиты, еще 14 тяжело ранены. «Это был полный хаос, — позже вспоминал ланс-капрал Даг Урбан. — Все наложили в штаны. Мы перестали быть ротой. Мы были просто кучкой людей, прижавшихся к земле».

Норман Дусетт, сверхсрочник и ветеран Корейской войны, сказал сержанту: «Нам нужно добраться до границы деревьев — нужно выбить оттуда этих чертовых гуков!» Но тот отказался двигаться с места. Рядом с Дусеттом неподвижно лежал морпех; когда он потянулся проверить, что с ним, он сам был ранен — пуля пробила ему лицо, лишив большей части языка и зубов. Некоторое время он лежал и думал, что ему суждено истечь кровью и умереть. «Нас отправили сюда на верную бойню», — с горечью думал он. Потом приполз бесстрашный санитар-филиппинец и сделал ему перевязку. Оставшиеся в живых морпехи захватили западную часть деревни Анлак, где чернокожий сержант Роберт Робинсон заслужил Серебряную звезду: будучи раненым в плечо, он замазал рану грязью, чтобы остановить кровотечение, и продолжил сражаться. Однако положение роты было незавидным: единственный выживший офицер, лейтенант, скрючился в укрытии и был неспособен осуществлять командирские функции.

Судя по плотности вражеского огня, Уэйс решил, что им противостоит целый полк. В действительности же там в то время находился всего один 6-й батальон 52-го полка ВНА, чьи офицеры

также неадекватно оценили силы американцев, доложив в штаб, что их атакуют два батальона морской пехоты при поддержке 12 танков. Командиры ВНА проклинали американскую артиллерию, которая постоянно повреждала их полевые телефонные линии, хотя и причиняла мало вреда глубоким подземным укрытиям. Уэйс с борта монитора вел огонь из 81-мм миномета, а его сержант-майор «Большой Джон» Малнар, легендарный 41-летний ветеран Тихоокеанских сражений Второй мировой войны и Корейской войны, поливал берег из .50-калиберного пулемета. У Малнара не было ни жены, ни детей — говорили, что он женат на Корпусе морской пехоты. В какой-то момент они увидели два плывущих вдоль берега сампана; возможно, это были рыбаки, которые, однако, вели себя так, будто занимались разведкой местности для коммунистов, — Уэйс и Малнар подняли их на воздух.

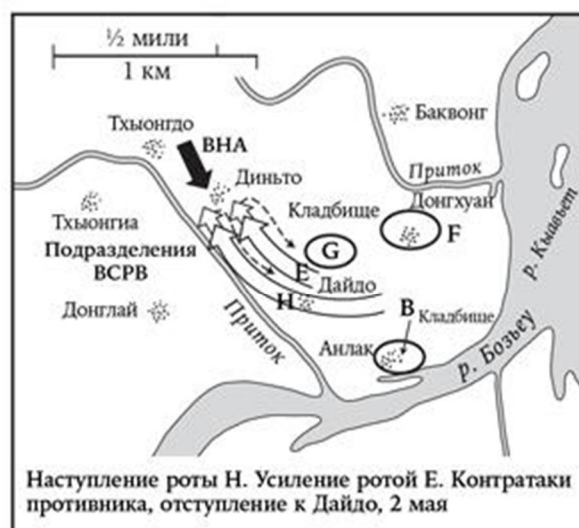
С наступлением сумерек Уэйс попытался убедить полковника Халла, что командование по-прежнему недооценивает силы противника, которые им противостоят: «Здесь суший ад. Здесь целая туча плохих парней, а мы, кучка хороших парней, ничего не можем с ними сделать». Полковник сказал, что они не единственные, у кого проблемы: в 6 км на запад другой батальон также завяз в тяжелом бою и уже потерял 144 человека. Позже начальник оперативного отдела полка майор «Фриц» Уоррен написал: «Билл Уэйс попал в дерьмовый сэндвич». В конце концов Уэйс с трудом добился разрешения перебросить к Донгхоангу собственную роту G — «Гольф», которая в тот момент находилась в 3 км к северо-западу. Два взвода роты погрузились на борт Sea Knights, но при полете к намеченной зоне высадки увидели такой плотный огонь вражеской артиллерии и трассеров, что ротный Джей Варгас принял решение повернуть назад. Вернувшись на патрульную базу, он сказал своим людям: «Покататься сегодня не выйдет — придется идти пешком». Они взяли только боевое снаряжение и отправились в трехкилометровый марш по заросшим джунглями горам. В сгущающейся темноте младшим командирам приходилось подгонять измученных людей криками, чтобы заставить их ускорить шаг. Вскоре противник обнаружил колонну, и вокруг начали падать снаряды и мины. По словам лейтенанта Джима Ферланда: «Люди были на грани паники, но капитан Варгас сумел удержать их под контролем».

Ночью артиллерийская стрельба стихла, но обстановка по-прежнему оставалась напряженной. Прочесывая дома в Донгхоанге, капрал Ричард Тирелл нащупал в копне сена ногу в сандали и подумал было, что это труп. Но это оказался живой солдат ВНА, который выскочил из сена и бросился наутек. Тирелл выстрелил по нему из своей M-16, но ту заклинило, поэтому он выхватил пистолет у другого солдата и разрядил

его в убегающую фигуру. Один из недавно прибывших морпехов решил помочиться в открытый рот мертвого солдата ВНА, но его товарищ с отвращением его оттолкнул. Уэйс пришел в ярость, когда узнал, что в роте F Джеймса Батлера осталось 55 боеспособных солдат, а не 26, как он утверждал, когда просил разрешения разорвать огневой контакт и отступить. Уэйс сказал: «Я понял, что больше не могу на него полагаться». Другой офицер с пренебрежением отозвался о техасце как о «хорошем, порядочном и мягком парне типа Кларка Кента, которому никогда не суждено стать Суперменом».

Среди ночи несколько раз разгорались яростные перестрелки, когда солдаты ВНА, оказавшиеся в ловушке в американском периметре, пытались прорваться к своим. В соседней деревушке Анлак морпехи роты «Браво» обнаружили, что противник глушит их радиосвязь. Уэйс вышел на берег, чтобы запросить изменение частоты, и был ранен осколком минометной мины в бедро. В небе над Дайдо висели осветительные бомбы, которые, впрочем, больше выставляли морпехов на обозрение коммунистам, чем наоборот. Рядом с Джемсом Варгасом взорвался снаряд, сбросив его в ручей; несмотря на осколки в голени и колене, капитан остался в строю. Из батальонного командного пункта ему сообщили, что к ним отправят десантные катера, которые доставят его роту вверх по реке последние несколько сотен метров, однако катера так и не появились: их командир считал слишком опасным передвигаться в темноте по реке, на берегах которой засел враг. Варгас сумел урвать полчаса сна, и в 01:00 1-го мая провел со своими взводными краткий инструктаж перед новой атакой на Дайдо.

На рассвете разведывательный патруль обнаружил, что ВНА отходят со своих позиций в удерживаемой ими части деревни Анлак, которую морпехи «Браво» захватили ценой потери еще пяти человек. Два часа спустя американцы с удивлением увидели, как на их позиции хаотично бежит масса вражеских солдат. Они встретили их шквальным огнем. «Это было как на стрельбище», — с удовлетворением вспоминал Уэйс. Боевой дух американцев поднялся еще больше после напалмовых ударов двух F-4. Когда корректировщик в самолете передового наблюдения Bird Dog предупредил самолеты Phantom в радиоэфире: «Вы под огнем! Вы под огнем!», один из пилотов злобно-насмешливо ответил: «Хо-хо, все справедливо — дашь на дашь». Но на берегу реки морпехи «Браво» так и не смогли сдвинуться с места ни в тот день, ни на следующий: после кровопролитной высадки оставшиеся в живых не были предрасположены героизировать.

Уэйс снова погрузился в свой монитор и доплыл вниз по реке до места нахождения роты G. В 12:53, после подготовительного удара Skyhawk, рота двинулась в новую атаку на Дайдо при поддержке двух танков. Эта фронтальная атака — 700 м по открытой местности, в ходе которой морские пехотинцы проявили впечатляющий героизм и самопожертвование, была абсолютно бессмысленной и бесполезной акцией. Коммунисты вели огонь из земляных укреплений — окопов с установленными внутри прочными А-образными рамами из бамбука, сверху покрытыми рисовыми циновками и толстым слоем земли. Кроме того, ночью 6-й батальон 52-го полка ВНА, сообщивший в штаб, что на его позиции ожидается наступление трех батальонов морской пехоты при поддержке 14 танков, был усилен ротой 48-го полка.

Многие морпехи считали эту атаку безумием, включая ланс-капрала Джима Лэшли, которому оставалось дослужить во Вьетнаме всего 17 дней: «Я свое отвоевал, чтобы участвовать в таком дерьме». Ланс-

капрал Джеймс Паркинс из роты «Гольф» пожал плечами: «Да, многие были недовольны приказом, но ты не мог пойти и сказать; “Это глупо, я туда не пойду”, потому что, если бы ты отказался, а твоего товарища застрелили, ты бы никогда себе этого не простил... Поэтому ты держал свои мысли при себе, матерился под нос и шел вперед». Некоторые морпехи придумали способ крепить к пластиковым прикладам своих М-16 разборные шомпола, чтобы выталкивать застрявшие патроны, что по-прежнему часто случалось во время боя. Морпехи «Гольфа» продвинулись вперед всего на 200 м по зарослям высокой полевицы, доходившей до середины бедра, когда противник открыл интенсивный огонь из паучьих нор, усеивавших все поле. Лэшли был ранен в левую руку: пуля раздробила локоть. Несколько секунд он стоял на ногах, а потом рухнул на землю от невыносимой боли, которую не смогли снять даже две дозы морфия.

Взвод лейтенанта Ферланда, одно из отделений которого уже потеряло двоих убитыми и шестерых ранеными, остановился и залег под плотным огнем. Джей Варгас бросился к ним, заставил подняться и двинуться дальше. В этот момент застрявшая в Анлаке рота «Браво» предупредила по радиации, что видит по левому флангу «Гольфа» около сотни солдат ВНА. Один из танков двинулся в их сторону; один морпех, стоя на его корпусе, корректировал огонь, пока его взрывом не сбросило на землю. В конце концов командир танка испугался все более плотного огня противника и дал задний ход. Тогда Джей Варгас рванул к нему, схватил переговорное устройство на корпусе танка и в бешенстве предупредил, что, если экипаж не продолжит бой, он отдаст командира под трибунал. «Иди к черту», — сказал танкист. Он неохотно задержался на поле боя, дождавшись, когда на его корпус погрузят нескольких раненых, после чего рванул в тыл.

Другой танк расстрелял все 67 своих 90-мм снарядов, после чего также попятился назад. Варгас по радиосвязи попытался его остановить, но командир танка ответил, что больше ничем не может ему помочь. Нет, можешь, возразил морпех: стальной монстр на поле боя устрашающе действует на врага и поднимает боевой дух своих солдат. Уэйс, следивший за ходом сражения в радиоэфире, был вынужден вмешаться и приказать: танк должен остаться. Внезапно артиллерия ВНА перевела огонь с роты «Гольф» на «Фокстрот», ранив восьмерых человек. Лейтенант Ферланд, ненавидевший свою М-16, был рад, когда нашел на поле брошенный АК-47. Некоторые морпехи неподвижно затаились среди травы в надежде на то, что их не заметят ни свои, ни чужие.

В течение двух часов рота «Гольф» не могла двинуться с места под плотным минометным огнем, неуклонно теряя людей. В какой-то

момент их взору предстала зловещая картина: морпех взвалил на плечо обезглавленный труп товарища и, прикрывшись им, как щитом, бежал с поля боя. Затем противник двинулся в контратаку. Варгас вызвал воздушную поддержку — его люди взрывали зеленые дымовые гранаты, чтобы обозначить свои позиции, и молили бога, чтобы пилоты не нанесли удар по своим. В 16:25 остатки «Гольфа» начали отступать; пока трое раненых, поддерживая друг друга, с трудом ковыляли по высокой траве, Варгас и его передовой авиационный наводчик прикрывали их отход. К вечеру от 150 человек в роте G осталось всего 45 выживших, которые укрылись в дренажной канаве. Позже северовьетнамцы торжествующе утверждали, что насчитали на поле боя 300 американских трупов.

В 17:00 Уэйс принял решение направить на выручку Варгасу роту «Браво». Но боевой дух ее людей, и без того низкий, деградировал окончательно, когда их отогнали от грузовика с сухпайками и приказали погрузиться на десантные машины, которые поехали, прежде чем морпехи успели поесть. Примерно в 300 м от Дайдо противник открыл по ним огонь: морпехи прыгнули с машин и залегли. Новый командир роты и его радист попытались поднять людей и заставить их двинуться дальше, но их никто не слушал. Вскоре рядом с капитаном взорвалась граната, разворотив ему плечо, после чего единственным офицером в роте остался молодой неопытный лейтенант, который принялся истерически кричать в радиозфире: «Помогите нам! Мы окружены! Они повсюду! Они нас всех перебьют!» Джей Варгас вышел на связь и попытался его утешать: «Слушай меня, Браво, успокойся, я недалеко от вас. У вас все в порядке. Стяни своих людей и поговори с ними. И хватит орать».

Было очевидно, что от роты В больше не следовало ожидать каких-либо активных действий. Тем не менее ее краткосрочное вмешательство ненадолго отвлекло внимание северовьетнамцев, что позволило Варгасу и его оставшимся людям передислоцироваться на 200 м на восток на деревенское кладбище, где под прикрытием могильных холмов они сумели пополнить запасы амуниции. На протяжении всей ночи благодаря поддержке артиллерии, под светом осветительных бомб, они отбили несколько пробных атак. Капитан прикончил одного вражеского солдата, который упрямо бросал гранаты даже после того, как в него попало несколько пуль.

Незадолго до того как рота «Браво» застряла на подступах к Дайдо, на поле битвы прибыла четвертая рота 2-го батальона, которую полковник Халл запоздало вернул в распоряжение Уэйса. Ротой Е — «Эхо» — командовал Джим Ливингстон, опытный офицер из Маккра, Джорджия, который не терпел идиотов, трусов, слабаков, курильщиков

травки и любил устраивать для своих людей тренировочные забеги в бронежилетах. «Моя мать была сильной женщиной, — с гордостью вспоминал он. — Она сумела выбить из меня всю дурь, когда я был крутым парнем и собирался превратить свою жизнь в дерьмо». По словам рядового Майкла Хелмса: «Мы винили капитана во всех наших бедах, потому что он всюду вызывался добровольцем — понятное дело, вместе со своей ротой. Мы были уверены, что его ждет либо медаль Почета, либо смерть. Между собой мы ворчали, что он всех нас заберет с собой в могилу, но при этом уважали его». Уэйс считал Ливингстона «прирожденным воином» и говорил, что тот обращается со своими людьми «жестко, но с любовью».

Во время трехкилометровой транспортировки по реке на юго-восток рота Ливингстона потеряла от вражеского огня нескольких человек, включая одного сержанта, которого все ненавидели и были рады от него избавиться. После высадки на берег они переправились через глубокий ручей — самые рослые морпехи выстроились цепью и взяли за руки, а их низкорослые товарищи, держась за них, перебрались на другую сторону, — и дошли до Анлака. По словам Уэйса, Ливингстону «не терпелось влезть в драку». Рота «Эхо» быстро выполнила первое задание — прикрыть отступление остатков роты «Браво». Как выразился Ливингстон, «этим парням из Браво... дали просраться».

Таким образом, к вечеру 1 мая 2-й батальон 4-го полка Морской пехоты оставался заблокированным в огневом контакте с примерно равными силами ВНА. Последние имели важное преимущество, занимая хорошо подготовленные, укрепленные позиции. Со своей стороны, американцы, несмотря на мощную поддержку артиллерии и авиации, использовали тактику боя, которая была максимально выгодна для противника. Вызывает недоумение, почему полковое и вышестоящее командование не только не прекратило, но и, наоборот, настаивало на возобновлении атак, которые уже стоили ужасающих потерь. Коммунисты по-прежнему не демонстрировали никаких признаков того, что они собираются пересечь приток Бозьеу и двинуться на Донгха. Однако старшие офицеры продолжали требовать от Уйэса: «Вы должны наращивать давление!»

Но зачем? Причины, по которым нужно было продолжать эти атаки, не были понятны тогда — и остаются непонятны и сейчас. Вечером 1 мая в обоих лагерях шло интенсивное обсуждение того, что делать завтра. Командиры ВНА рассмотрели возможность отступления, поскольку было очевидно, что американцы не собираются оставлять их в покое. Но потом они пришли к выводу, что они здесь для того, чтобы «убивать американцев», а условия сражения при Дайдо как нельзя лучше подходят для этой цели. 6-й батальон 52-го пехотного полка

понес тяжелые потери, однако 3-й батальон 48-го полка оставался почти нетронутым. В конце концов парткомитет постановил создать для командования завтрашним сражением объединенный полевой штаб во главе с заместителем командира 52-го полка и замполитом 48-го полка.

Уэйс собрал свою командную группу на берегу реки и сказал Ливингстону, что завтра утром тот должен взять Дайдо силами своей роты Е и остатков роты G. Танков не будет, но им пообещали приоритет в воздушной поддержке. Состоявшееся на следующий день, 2 мая, сражение в полной мере заслуживает названия «героическое»: Ливингстон заработал долгожданную медаль Почета, которую он присовокупил к своим Серебряной и Бронзовой звездам. Приказав своим людям надеть на винтовки штыки — почти небывалое дело в современной войне, он вместе с ротой Варгаса двинулся в атаку. В 07:15, когда рота Е находилась в 200 м от Дайдо, противник открыл огонь. Два взвода «Эхо» застопорились, но третий между ними прорвался вперед. Они заняли деревню и двинулись дальше, с трудом преодолевая каждый метр под интенсивным вражеским огнем.

Один морпех, выбежавший вперед из общей линии, получил случайный выстрел в спину от своего товарища, отчего в его разгрузочном жилете сдетонировали патроны. Бронежилет спас ему жизнь, но вскоре после этого он был ранен в живот пулей от АК-47 и, хотя та не затронула жизненно важных органов, с облегчением оставил поле боя. Еще один морпех на бегу получил в ногу сразу три пули и с размаху врезался в землю. Рядовой Маршалл Серна, марихуановый и кокаиновый наркоман со стажем, постоянно требовавший дозы морфина у взводных санитаров, заслужил Серебряную звезду. Как и во всех сражениях, одни держались мужественно, другие — нет: один капрал вызвался отнести раненого в тыл и больше не появился. Когда комендор-сержант Джим Эгглстон попросил прятавшихся за могильными холмами морпехов помочь ему вытащить с поля боя смертельно раненного товарища, никто не двинулся с места — один только крикнул: «Слишком сильный огонь!» Тем утром было много ужасных сцен: рядом с бегущим морпехом взорвалась граната из РПГ, и его товарищи увидели, как в воздухе кувыркается оторванная нога.

В 09:14 Ливингстон доложил о взятии Дайдо ценой 10 убитых и 60 раненых: «“Эхо” понесла довольно большие потери». Противник уже начал обстреливать новые позиции американцев из минометов, когда на «скиммере» по реке прибыл сам полковник Халл. Не допускающим возражений тоном командир полка заявил, что батальон должен «сохранить темп» и в течение часа взять соседнюю деревушку Диньто. Он пообещал, что механизированное подразделение ВСРВ одновременно начнет наступление по левому флангу. Уэйс предложил

другой план: отправить свежие подразделения нанести удар с севера, чтобы выбить противника с укрепленных позиций и оттеснить его к американским позициям в Дайдо, заставив принять бой на открытой местности. Но Халл отверг эту идею и настоял на том, чтобы рота Н продолжила наступление. В 09:55 75 человек под командованием «Скотти» Прескотта двинулись в атаку: им предстояло преодолеть 500 м по открытой местности. Лейтенант Вик Тейлор позже вспоминал: «День был безветренный, стояла ужасная жара. Мы выхлебали всю воду, которая у нас была... Пот тек ручьем, форма промокла насквозь. Под ногами с высохшего рисового поля поднимались клубы пыли. Оружие так накалилось на солнце, что едва не обжигало. Но стрельба почему-то затихла. Я подумал: возможно, это будет проще, чем я ожидал».

Когда они вошли в густые банановые заросли, невидимый противник открыл по ним огонь, казалось, со всех сторон. В одном отделении у морпехов заклинили все М-16, поэтому они отбивались гранатами. В растущей неразберихе морпехи засели в укрытиях. Противник находился так близко, что Прескотт не мог вызвать минометную или артиллерийскую поддержку; в 12:00 он доложил Уэйсу, что его рота не выстоит, если не получит подкрепления. Вскоре сам Прескотт был ранен: он обнаружил, что не чувствует спины и не может пошевелить ногами. Лежа в ожидании санитара, он мрачно думал о будущем в инвалидной коляске. Командование ротой принял Тейлор, который сообщил по радиации Уэйсу, что у него мало боеприпасов и всюду лежат убитые и раненые. Держитесь, сказал ему Уэйс, рота «Эхо» идет вам на выручку. Прескотта эвакуировали с поля боя, и в госпитале он постепенно с безграничным облегчением ощутил, что к его ногам возвращается чувствительность. Оказалось, что пуля пробила одну из его фляг, срикошетила о заклепку на пояском патронташе, разорвала вторую флягу и вызвала сильный ушиб с огромным синяком в районе позвоночника, не причинив серьезного вреда.

Вскоре действительно прибыл Ливингстон с ротой «Эхо» и бросился в бой, паля из своей .45-калиберной «масленки». Полковник Халл по радиации властно требовал у Уэйса отчета: как идет атака? «Используйте свое преимущество! — настаивал он. — Не тормозите, развивайте свой успех!» В 13:40 противник под Диньто двинулся в контратаку, спровоцировав яростный ближний бой. От интенсивной стрельбы у Ливингстона заклинило его «масленку»; он бросил ее и схватил винтовку. У многих морпехов М-16 вышли из строя, и им пришлось перейти на пистолеты. В конце концов даже такой негибачый воин, как Ливингстон, понял всю бесполезность сопротивления. «Мы не можем здесь оставаться, — по радиации сообщил

он Уэйсу, — мы погубим всех наших ребят». Они начали понемногу отступать, с трудом сдерживая мощный натиск противника. Ливингстон был везде и всюду, пока в 14:30 не был ранен одновременно пулеметной пулей в ногу и осколками гранаты в бедро. Его люди в смятении увидели, как их, казалось, бронированный командир рухнул на землю: «Из меня лило много крови, и я сказал им оставить меня. Но двое черных парней поволокли меня за собой». Ранение капитана вызвало панику: хотя многие проклинали его за неумеренную жесткость, одним своим видом он вселял в своих людей мужество. Ланс-капрал Фил Корнуэлл вспоминал: «Они разгромили нас. Нас осталось так мало, что в это трудно было поверить. Парни были злыми, и даже пошел слух, что капитана подстрелил один из наших, потому что из-за него мы оказались в этой бойне. Лично я был рад, что его вывели из строя — кто-то из своих или гук, не имеет значения». Но без Ливингстона рота «Эхо» мало чем отличалась от кучки паникеров из «Браво».

Уэйс доложил Халлу: «Полковник, мы выдохлись». Но тот оставался неумолим: «Уэйс, вы должны продолжать давить! Продолжать наступать!» Механизированное подразделение ВСРВ вот-вот начнет атаку по левому флангу, что отвлечет внимание врага, пообещал он. Приказ Халла не допускал возражений: возобновить атаку на Диньто силами роты «Гольф» и роты «Фокстрот», от которых к тому моменту осталось всего 54 боеспособных солдата, многие из которых были вооружены вражескими АК-47, поскольку их М-16 вышли из строя. Как жест отчаяния Билл Уэйс принял решение лично возглавить атаку: голодные и измотанные — его люди не спали уже три ночи — жалкие остатки его батальона едва ли представляли собой эффективную боевую силу.

Атака началась относительно спокойно, но неожиданно морпехи оказались под обстрелом с левого фланга, где должны были наступать южновьетнамцы. Радист Уэйса связался с их американским советником и сказал, чтобы они смотрели, куда палят. В этот момент Джон Малнар воскликнул: «Эй, полковник, это не ВСРВ, это ВНА!» Никакой атаки механизированного подразделения ВСРВ не было и в помине; официально причины этого так и не были объяснены, хотя можно предположить, что они были те же, что и у других подобных провалов: в лучшем случае — плохая коммуникация; в худшем случае — намеренное нежелание рисковать своими головами. Люди Уэйса оказались под огнем со всех сторон. В 15:05 они с яростными криками бросились в атаку, но в этот момент Джеймс Батлер, который со своей ротой F должен был следовать за ротой G на восточном фланге и прорваться вперед, сообщил, что его рота пригвождена к земле и несет большие потери. Позже Батлер утверждал, что в точности выполнял

приказы, однако Уэйс настаивал на том, что он неправильно их понял — умышленно или нет. Последующий доклад полковника положил конец карьере Батлера в Корпусе морской пехоты.

В 16:45 две роты ВНА контратаковали остатки роты «Гольф», спровоцировав паническое бегство среди оставшихся в меньшинстве американцев. Морпех окликнул офицера, который пристально смотрел вперед: «Сэр, оглянитесь, все уходят!» Уэйс и «Большой Джон» Малнар перестреливались с наступающим противником на дальности прямого выстрела. Как позже вспоминал один морпех, «начался хаос, люди кричали: “Отходим! Отходим!”». Слева и справа от Джея Варгаса все были убиты. По Малнару, прикрывавшему отход с помповым дробовиком, выпалили из РПГ, оборвав жизнь этого легендарного воина, пережившего самые кровопролитные сражения с японцами, северными корейцами и китайцами. Уэйс был ранен пулей из АК-47 и потерял сознание; двое морпехов вытащили его на себе с поля боя. Лейтенант Джадсон Хилтон, передовой авианаводчик, разрядил во врага свой гранатомет М-79 и заполз обратно в канаву. Один морпех почему-то бежал по полю боя нагишом — в одних только пехотных ботинках. Джей Варгас получил три ранения, но продолжал командовать отходом, за что впоследствии был награжден медалью Почета. В общей сложности в атаках на Диньто 2-й батальон потерял погибшими 41 человека.

Той же ночью северовьетнамцы отошли от Диньто и другой батальон морской пехоты занял деревню. Американское командование подвело итоги: по его данным, за три дня боев пехота уничтожила 537 солдат противника, и еще 268 солдат были уничтожены артиллерийскими и воздушными ударами. Обеспечивая огневую поддержку 2-го батальона 4-го полка, военные корабли выпустили 2383 снаряда, артиллерия — 5272 снаряда, минометные расчеты — 1147 мин; было нанесено 27 воздушных ударов. Батальон потерял 81 человека убитыми и 297 ранеными, еще около 100 получили легкие ранения; половина всех потерь пришлась на последний день боев, 2 мая. В одном взводе, в котором на начало сражения было 48 бойцов, осталось всего трое. Что касается всего батальона, то 30 апреля он насчитывал 650 человек и день спустя был усилен еще двумя сотнями; через три дня в нем осталось всего 150 боеспособных морпехов под командованием «Фрица» Уоррена, единственного офицера, оставшегося в строю.

Коммунисты никогда не публиковали цифры своих потерь при Дайдо. Хотя приводимая американцами статистика вряд ли правдоподобна, потери ВНА, вероятнее всего, были гораздо выше американских. В официальных документах командования ВНА имеются скрытые намеки на это: «Мы тоже понесли потери... Боевая мощь

нашей пехоты в этом районе на данный момент ограничена... В [6-м батальоне 52-го пехотного полка] осталось мало солдат». Тем не менее сражение при Дайдо в очередной раз наглядно показало ограниченную эффективность воздушной и артиллерийской огневой мощи против хорошо окопавшихся войск. Джим Ливингстон был впечатлен: «Они легко не сдаются. Эти маленькие упрямые ублюдки понимают, что такое хорошее укрытие. Вы сажаете их в земляное укрепление — и они будут сражаться до смерти». Тактической ошибкой американцев при Дайдо, как и во многих других сражениях, было то, что они становились хорошо заметными, уязвимыми мишенями, в то время как противник предпочитал не выставлять себя напоказ.

Северовьетнамцы заявили о своей победе и раздавали медали так же щедро, как и американцы. Они утверждали, что 2 мая противостояли трем батальонам морской пехоты и «значительным подразделениям 73-й воздушно-кавалерийской бригады США» — такой бригады попросту не существовало. Их отчет о сражении гласил: «Американский батальон был плотно сгруппирован, поэтому люди погибали и получали ранения в больших количествах... Всего за 30 минут их организованное наступление распалось, и целый батальон был разбит вдребезги... на поле боя осталось лежать больше 200 тел... Кровь американских агрессоров окрасила воды реки Кыавьет в красный цвет... За полдня почти 500 американцев расплатились жизнями за свои преступления». Как утверждал летописец ВНА, из десяти оставшихся в живых американцев «двое впали в безумие от пережитого ужаса». Этот рассказ заслуживает внимания хотя бы потому, что позволяет понять, как в современном Вьетнаме XXI в. преподносят историю этой войны. Однако слова героя романа Бао Ниня подчеркивают общность опыта всех пехотинцев, будь то американцы, северовьетнамцы или их собратья с Юга: «Одни люди смелые, другие нет». Северовьетнамские солдаты испытывали уважение к американской огневой мощи, «даже если американцы не понимали их народ».

Спустя полвека трудно оценить сражение при Дайдо иначе, чем как акт совершенной глупости и безумства — точка зрения, разделяемая многими выжившими. По словам 22-летнего санитаря «Дока» Питтмана: «Это была абсолютная — абсолютная — дурость, и я всегда считал, что за это кого-нибудь нужно вздернуть на виселице». Многие морпехи винили в произошедшем Уэйса, хотя он выполнял настоятельные приказы полкового штаба, сам был ранен, не мог ходить три недели и вернулся к службе только через год. Как к этому отнеслась его жена Этель? «Она была добра со мной — добрее, чем я заслуживал». Многие справедливо возлагают вину на полковника Милтона Халла и генерал-майора Ратвона Макклюра Томпкинса,

командовавшего 3-й дивизией морской пехоты. Именно эти старшие офицеры 30 апреля отправили две роты на зачистку берега реки Бозьеу, не имея представления, какие силы сосредоточил там противник, и, что самое труднообъяснимое, после первых ожесточенных столкновений 1 и 2 мая настаивали на продолжении фронтальных атак. Уэйс вспоминал: «Не думаю, что Томпкинс в полной мере осознавал, что происходило. Казалось, он пребывал в каком-то ступоре. На третий день, когда они приказали нам продолжить наступление, я прямо сказал: “Это глупо”».

Генерал Крейтон Абрамс как-то заметил в разговоре со своими штабными офицерами: «Я все думаю: что, если бы мы могли обменяться с ними [с ВНА] командующими дивизий? Мы бы отдали им парочку наших, они нам — пару своих». По его словам, он был уверен, что союзники вряд ли бы проиграли от такого обмена, вероятно думая в этот момент о Томпкинсе. Полковник Халл впоследствии утверждал, что под Дайдо американцы столкнулись с двумя полками ВНА. Его описание ситуации 2 мая являет собой удручающую пародию на реальность: «После трех очень мощных контратак 2-й батальон 4-го полка понес некоторые потери, но дисциплина была на высоком уровне, солдаты были полны боевого духа и рвались продолжить атаку, чтобы отбросить врага назад. Но я... решил, что необходимо дать батальону небольшую передышку».

Битва при Дайдо очень мало освещена в военно-исторической литературе. Уэйс считает: «Я подозреваю, что Корпус морской пехоты попросту старается это замолчать». Возможно, он прав. Если на то пошло, львиная доля вины за все провалы и поражения во Вьетнаме лежит на политиках, которые начали эту войну и упорно ее продолжали. Однако вопиющие ошибки некоторых американских командиров, порой сравнимые с безумием Крымской войны, — такие как сражение при Дайдо, печальным образом усугубляли трагедию этой войны.

Переговоры

Через неделю после сражения при Дайдо, 10 мая 1968 г., в отеле Majestic в Париже американская делегация во главе с Авереллом Гарриманом встретила с северовьетнамской делегацией во главе с рядовым членом ЦК партии Суаном Тхюи. Выбор Ханоем в качестве эмиссара такой фигуры должен был сдержать волну эйфории, охватившую международное сообщество, которое воспылало иллюзорными надеждами на то, что мирное урегулирование будет достигнуто в течение нескольких недель, в худшем случае — месяцев. Хотя правая рука Ле Зуана — Ле Дык Тхо — также присутствовал на переговорах, главная роль отводилась Суану Тхюи, который, казалось,

был не прочь поговорить, но не собирался приходить ни к каким конкретным договоренностям. Американский электорат был сбит с толку, поскольку коммунисты нисколько не ослабили натиска на поле боя, продолжая уничтожать людей и волю к борьбе американцев и их союзников. На самом же деле такова была двойная стратегия Ханоя — «война и переговоры». Неделя за неделей, месяц за месяцем и в конце концов год за годом делегации вели в Париже бесплодные диспуты. Американцы настаивали на том, чтобы войска ДРВ покинули Южный Вьетнам в рамках общего вывода «иностранных сил»; Ханой требовал включить Вьетконг в коалиционное правительство в Сайгоне. Поскольку ни одно из предложений не было приемлемым для противоположной стороны, на протяжении трех лет переговоры пребывали в дипломатическом болоте.

Отказ Линдона Джонсона баллотироваться на второй президентский срок нанес серьезный удар по переговорной позиции США, поскольку только лишь усилил триумф Ханоя и его убежденность в том, что победа близка, несмотря на сокрушительный разгром Вьетконга в Тетском наступлении. В Вашингтоне советский посол Анатолий Добрынин сообщил своему польскому коллеге, что премьер-министр Фам Ван Донг склоняется в пользу нейтрального статуса Южного Вьетнама, чтобы положить конец разрушительной войне. Возможно, так оно и было, но подлинные правители коммунистического Севера, Ле Зуан и Ле Дык Тхо, занимали абсолютно противоположную — и непримиримую — позицию. Со своей стороны, русские хотели прекратить войну, чтобы перестать оплачивать военные счета Ханоя, и убеждали руководство ДРВ проявить гибкость, но безрезультатно. Добрынин писал: «В Москве было не меньше озабоченности, чем в Вашингтоне... Собственно на заседании Политбюро ругали и американцев, и китайцев, и северовьетнамцев за их нежелание искать компромиссного мирного урегулирования во Вьетнаме... Брежнев как-то раздраженно сказал мне, что не хочет “утонуть во вьетнамских болотах”».

Администрация США по-прежнему пребывала в заблуждении, что СССР, если захочет, может в любой момент завершить эту войну, особенно теперь, когда китайцы настолько погрязли в ужасах «культурной революции» Мао Цзэдуна, что в 1969 г. вывели из Северного Вьетнама почти всех своих людей. Вашингтон неоднократно призывал Москву выступить в роли посредника. Русские отнекивались, продолжая твердить, что США должны договариваться непосредственно с руководством ДРВ. Американцы не могли понять, писал Добрынин, что при всем своем стремлении к миру в Юго-Восточной Азии СССР, вынужденный соперничать с Китаем за

лидерство в социалистическом мире, никак не мог отказаться от поддержки одного из своих самых ревностных революционных клиентов. Москва была убеждена, что победа Хьюберта Хамфри на президентских выборах положит конец войне, поэтому ее эмиссары, впрочем тщетно, пытались убедить Ле Зуана дать кандидату от Демократической партии дипломатическую передышку. Перспектива победы Ричарда Никсона настолько страшила русских, что заставила их пойти еще дальше: они предложили оказать предвыборной кампании Хамфри тайную финансовую поддержку, от которой тот вежливо отказался.

В этот турбулентный и кровавый год выборов раскол в американском обществе достиг масштабов, невиданных со времен Гражданской войны. Линдон Джонсон теперь сожалел о своем отречении и лелеял тщетную надежду, что Демократическая партия все же выдвинет его кандидатом. Горечь по поводу собственного положения, а также понимание того, что Хамфри не будет проводить во Вьетнаме его политику и пойдет на уступки коммунистам, усиливала его неприязнь к своему вице-президенту. По всей Америке проявления враждебности к представителям вооруженных сил приобрели широко распространенный и даже беспрецедентный характер: командер ВМС США Джим Колтес, штабной офицер в Пентагоне, как и большинство его коллег, опасался появляться на улицах Вашингтона в военной форме: «Это могло спровоцировать драку». Но даже на фоне таких настроений ни один серьезный кандидат в президенты, даже Юджин Маккарти или Роберт Кеннеди, не осмеливался выступить за безоговорочный уход США из Вьетнама, что стало бы открытым признанием поражения. Некоторые особо упрямые ястребы продолжали настаивать на эскалации и официальном объявлении войны Северному Вьетнаму, хотя было очевидно, что такое предложение не пройдет через конгресс.

В 1968 г. американцы увидели много крови: громкие политические убийства Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга; расовые беспорядки в городах. Что касается Вьетнама, то 28 мая молодой пулеметчик Майкл Минехан написал из провинции Куангчи домой: «Сегодня мы девятый день в рейде, и рассказывать особо нечего, потому что мы просто лазим по горам в поисках гуков... Я решил написать вам пару строк, чтобы вы знали, что со мной все в порядке». Пять дней спустя его родители в Мальборо, Массачусетс, получили телеграмму: «Комендант Корпуса морской пехоты с глубоким соболезнованием сообщает, что ваш сын... скончался 2 июня 1968 г. ... от многочисленных осколочных ранений в результате воздушных ударов нашей авиации, не достигших района цели... Его останки будут

подготовлены, упакованы и доставлены без каких-либо расходов с вашей стороны в сопровождении эскортирующего лица либо в похоронное бюро в вашем городе, либо для захоронения на национальном кладбище по вашему выбору. Кроме того, вам будет возмещена сумма расходов на ритуальные услуги в размере до \$500. Пожалуйста, телеграфируйте ваши пожелания на этот счет в штаб-квартиру Корпуса морской пехоты».

К концу 1968 г. такие телеграммы получили 16 899 семей по всей стране — более 300 в неделю, и американцы устали от бесконечного потока смертей. КОВПВ негодовало из-за того, что никто не признал его заслуг в разгроме сначала Тетского наступления, а затем еще двух волн «мини-Тетов». Как заметил глава программы принуждения к миру Роберт Комер на еженедельном совещании 29 июня, «мы выиграли кампанию, но никто этого не заметил». Новый глава КОВПВ генерал Крейтон Абрамс был с ним согласен: «Они [СМИ] обрушиваются на вас с критикой еще до того, как вы сделаете бросок. Ампайры, все эти шефы новостных агентств, стоят за вашей спиной и внимательно наблюдают — и вот, черт, ваш левый аутфилдер не поймал мяч!.. И все ампайры, как один, против вас».

Один из штабных офицеров Абрамса с горечью писал: «Мне кажется, что в Париже мы ставим сами себя в смешное положение... Стоит коммунистам продемонстрировать мало-мальские успехи, предпринять небольшое наступление, как СМИ начинают трубить об их силе, как это было на Тет. Если же нам удастся нанести опережающий удар и предотвратить масштабные действия с их стороны, СМИ опять же превозносят коммунистов — за деэскалацию». Абрамс думал так же.

В августе командующие провинциальными силами НФОЮВ получили от ЦУЮВ лаконичные радиограммы с деспотичным приказом начать «третью волну» Тетского наступления. Некоторые тактические инструкции отдавали откровенным абсурдом: так, бойцам ВК было рекомендовано вырыть сеть туннелей и подземных укрытий под центральными районами Сайгона, для чего им требовалось принести с собой деревянные перекрытия, и наносить удары оттуда. Этот приказ, хотя и запоздало, был отменен — массированное наступление на столицу было заменено локальными атаками. По всей стране отряды ВК периодически подвергали американские базы обстрелам из РПГ и минометов, используя оставшиеся с февраля арсеналы. В основном августовские атаки концентрировались в провинции Тэйнинь и были легко отражены.

Наступили тяжелые времена для Вьетконга. В дельте Меконга сообщение по рекам и каналам было существенно затруднено или полностью прервано: американские и южновьетнамские катера вели

круглосуточное патрулирование, по ночам используя свет мощных прожекторов. Потрепанные силы ВК оказались не в состоянии противостоять возобновившимся операциям по зачистке местности. Традиционные районы-убежища внезапно стали уязвимыми. Полевые госпитали подвергались постоянным бомбардировкам. Отряды были вынуждены рассредоточиваться небольшими группами, многие ушли в сторону Камбоджи. Когда лучший батальонный командир в дельте Меконга, Мый Сьонг, был отправлен в Сайгон, чтобы выяснить судьбу группы ВК, с которой была потеряна связь, американцы быстро обнаружили его подземный тайник и застрелили его. Дезертирство из рядов ВК приобрело повальный характер.

КОВПВ было воодушевлено своими успехами, но 31 августа Боб Комер выразил тревогу по поводу того, что Ханой может предложить безоговорочное прекращение огня до выборов в США: «Оба кандидата это поддержат: “Разве можно быть против прекращения огня? Это святое, как с материнством”». В октябре Эрл Уилер сказал президенту: «Абрамс оценивает ситуацию как в высшей степени благоприятную. Мы на пути к тому, чтобы выиграть эту войну в военном отношении». Начальник штаба пресловутой 9-й дивизии США в дельте Меконга изложил новую стратегию дивизионного штаба в 1968 г.: «Мы сделали выбор в пользу розничной концепции рентабельности операций, которая состоит в уничтожении противника мелкими партиями, но с регулярной частотой, в противовес оптовой концепции... Например, если все 39 [стрелковых] рот будут ликвидировать всего по одному солдату противника в день, это составит 1170 человек в месяц». Это было ярчайшим примером командного идиотизма, подменявшего продуманную военную стратегию статистической тарабарщиной.

Однако участники сражения при Дайдо и других подобных битв, а также те, кому было известно, что союзники теряют более 100 вертолетов в месяц, что в 1968 г. коммунисты предприняли 1500 наземных атак, а истощенные силы ВК совершили 9400 только зарегистрированных террористических актов, в которых погибли 5400 гражданских лиц, и что к Рождеству 1968 г. из ВСРВ дезертировало уже 139 670 человек, не питали никаких иллюзий насчет не только того, что эта война выигрывается, но и того, что она потенциально может быть выиграна. Майор Уильям Хапонски писал: «Мои впечатления об этой войне, в которой временами кажется, что американцы добиваются успехов, таковы... Мы думали, что вспашем дикое поле и получим добрый урожай, однако же на деле оказалось, что его почвы совершенно изничтожены тем, что здесь происходило до нас, и на них не может вырасти ничего хорошего».

В пехотной роте, где служил рядовой Джон Холл, один солдат неожиданно заявил: «Я больше не пойду в патрули». Его товарищи уговаривали его передумать, предупреждая, что его выгонят из армии с лишением всех прав и привилегий, но он упорно стоял на своем: «Мне плевать. Я не хочу умирать». Его отправили в тыл для дисциплинарного разбирательства, однако он был всего лишь одной из первых ласточек. Новобранцев, которые были очевидцами и даже участниками массовых протестов на улицах Чикаго во время августовского съезда Демократической партии, было трудно убедить в том, что эта война стоит того, чтобы в ней погибнуть.

В письме одного уважаемого профессора истории из Нью-Йорка, опубликованном в The New York Times 2 сентября, нашло отражение то глубокое замешательство, в котором пребывало большинство американцев всех политических окрасов. Автор писал, что, будучи членом Демократической партии на протяжении 24 лет, он сомневается, стоит ли участвовать в ноябрьских выборах, поскольку «мне кажется, что электорат, который, скорее всего, проголосует за Хьюберта Хамфри, заслуживает того, чтобы избрать Ричарда Никсона». Кандидат от Республиканской партии прекрасно осознавал, что его шансы на победу в значительной степени зависят от его способности убедить достаточное число избирателей в том, что он — и только он — может положить конец этой войне, не подвергая США открытому унижению. Никсон позволил распространиться слухам, хотя изначально их источником был не он сам, а введенный в заблуждение журналист, что у него имеется некий секретный мирный план, который будет обнародован, как только он станет президентом. Никакого конкретного плана не было: на самом деле Никсон просто намеревался сыграть на страхе коммунистов, что он, непримиримый ястреб холодной войны, будет готов пойти на самые крайние меры, если те откажутся заключить сделку. 25 октября он предпринял попытку сорвать план Джонсона прекратить бомбардировки Северного Вьетнама посредством тайной двойной игры, целью которой было отсрочить достижение любых мирных договоренностей до дня голосования, в частности убедив президента Южного Вьетнама Тхиеу — при посредничестве мадам Шеннолт, вдовы Клэра Шеннолта, легендарного командующего авиаэскадрильей в Китае во время Второй мировой войны, — бойкотировать парижские переговоры.

Неделю спустя, 31 октября, в запоздалой попытке нанести контрудар по республиканскому кандидату Линдон Джонсон выступил с телеобращением к нации, объявив о том, что он только что распорядился полностью прекратить бомбардировки Северного Вьетнама. Неизвестно, насколько эти политические игры повлияли на

исход выборов, но, как бы то ни было, в январе 1969 г. с перевесом менее чем в 1% голосов над Хамфри Ричард Никсон стал президентом Соединенных Штатов. С этого момента война Джонсона стала войной Никсона. Однако, как последний написал в своих мемуарах, «речь шла не о том, выводить войска или нет, а о том, как именно они будут уходить и что они оставят после себя».

Глава 21

Наследство Никсона

Армия, разваливающаяся изнутри

Как-то вечером в декабре 1968 г. Фрэнк Скоттон зашел в сайгонский отель Continental Palace и застал неприглядную сцену: трое пьяных американских солдат осыпали оскорблениями группу южновьетнамских политиков. Скоттон вмешался и заставил своих соотечественников уйти, но один из вьетнамских сенаторов был настолько обескуражен, что не переставал твердить: «Как такое возможно? Как такое возможно?» Скоттон ответил ему, что такова участь любой нации, которая неспособна за себя постоять. Молодая врач-коммунист Данг Тхюи Чам в 1969 г. встретила Тет вместе с отрядом ВНА, проходившим через ее полевой госпиталь на новое место дислокации. Окруженная незнакомыми людьми, в свой третий Новый год на Юге она испытала такой острый приступ меланхолии, что рано покинула праздник и пошла в свою скромную хижину: «Под порывами холодного ветра... на меня навалилась безмерная грусть и тоска... Вместо того чтобы привыкнуть к одиночеству в чужом краю, черпать силы в теплоте и дружелюбии людей... я чувствую себя ничуть не лучше, чем в первые дни. Единственное, чего я сейчас по-настоящему хочу, — это вернуться в наше теплое семейное гнездышко к маме и папе... Я по-прежнему маленькая девочка, которая хочет, чтобы ее баловали». Этот душевный порыв убежденной коммунистки мало чем отличался от вспышек сентиментальности, присущих ее ровесницам в капиталистических странах в тысячах километрах отсюда.

Ни вьетнамцы, ни американцы не заметили больших перемен на полях сражений после смены власти в Белом доме и штаб-квартире КОВПВ. Президент Никсон хотел мирного урегулирования, но не желал получить клеймо «капитулянта»: в своей январской инаугурационной речи он ни словом не упомянул про Вьетнам. Его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер позже писал: «Самым важным для нас было сохранить доверие, — хотя вернее было бы сказать: «видимость доверия», — десятков миллионов людей, которые,

полагаясь на американские гарантии, связали свою судьбу с нашей». В 1969 г. война по-прежнему обходилась Соединенным Штатам в \$2,5 млрд в месяц и в более чем в 200 американских жизней в неделю — на треть меньше, чем в 1968 г., но больше, чем в 1967 г. На протяжении всего года американские войска во Вьетнаме расходовали в среднем 128 400 тонн боеприпасов в месяц. В июне Дэн Баллок, чернокожий уроженец Бруклина, Нью-Йорк, стал самым молодым американцем, погибшим на этой войне. Соврав на вербовочном пункте о своем возрасте, этот 14-летний подросток позже написал сестре: «Кажется, я вступил в морскую пехоту в неподходящее время. Молитесь за меня, потому что я вряд ли вернусь домой». Через 21 день после высадки в Дананге он погиб от взрыва ранцевого заряда, который коммунисты подбросили в их бункер.

Медведеподобный, в вечно мятой форме, генерал Крейтон Абрамс был едва ли не полной противоположностью элегантному, безупречно отутюженному Уэстморленду. Бывший звездный игрок школьной футбольной команды в Спрингфилд, Массачусетс, блестящий командир бронетанкового полка в армии генерала Паттона во время Второй мировой войны, 54-летний командующий получил на удивление радушный прием у американских СМИ, которые ожидали от него свежего подхода. Но, помимо смены вывески с «искать и уничтожать» на «зачищать и удерживать», с приходом Абрамса стратегия ведения военных действий во Вьетнаме мало изменилась. Преемник Уэстморленда понимал, что на фоне нарастающих антивоенных настроений в Соединенных Штатах ему нужно действовать быстро. А поскольку большинство подразделений ВК и ВНА старались избегать прямых столкновений с американскими войсками, энергичный Абрамс настаивал на том, чтобы по максимуму использовать огневые контакты для уничтожения врага. Он приказал, чтобы все американские офицеры уровня командиров роты и выше давали объяснения, почему они позволили противнику разорвать контакт.

Абрамс протестовал против требований Вашингтона сократить жертвы среди гражданского населения: в 1968 г. интенсивность ударов В-52 по целям на территории Южного Вьетнама и Лаоса почти удвоилась по сравнению с предыдущим годом до 1500 боевых вылетов в месяц; в марте 1969 г. тяжелые стратегические бомбардировщики сбросили 130 000 тонн боеприпасов. КОВПВ по-прежнему страдало от хронической нехватки оперативно-тактических разведанных: Фред Вейанд признал, что «союзные войска не имеют информаторской базы среди местного населения». Тем не менее в апреле 1969 г. Абрамс заявил журналисту: «Когда мы удерживаем инициативу... мы добиваемся впечатляющего соотношения потерь».

Самым воинственным среди его подчиненных, который печально прославился своим свирепым нравом и полным безразличием к вьетнамским интересам, был генерал-майор десантных войск Джулиан Юэлл, ветеран Второй мировой войны. В 1968–1969 гг. Юэлл командовал девятой дивизией в дельте Меконга, после чего возглавил II полевой корпус. «Всей этой чепухе с “завоеванием умов и сердец” придается неоправданно большое значение, — писал он. — Грубая сила — вот единственный способ положить конец контролю и террору ВК в дельте». Юэлл опроверг заключение генерального инспектора КОВПВ, согласно которому за шесть месяцев операции «Скоростной экспресс», проводимой его дивизией, в дельте Меконга погибли 7000 мирных жителей. В апреле 1969 г. незаконный отбор горючего из армейского трубопровода к северу от Фуката достиг 2,7 млн литров в месяц, а в национальном масштабе потери превысили 20,5 млн литров. На еженедельном совещании в КОВПВ было предложено поймать воров и провести несколько показательных казней. Один из офицеров запротестовал: «Нельзя расстреливать людей за мелкое воровство!»

«Бр-р-ред собачий», — прорычал в ответ Юэлл. Абрамс также возразил против беспорядочных убийств. Юэлл ответил: «Я не согласен с вами, генерал. Если они заминировали дорогу, вы убиваете в ответ двух-трех их людей — и все, они уgomонились. Они умеют считать. Когда вы выкладываете кучу из их трупов, их энтузиазм сильно снижается. Именно так мы открыли шоссе №4 — просто убивали их». Абрамс захохотал и сказал: «Хорошо, мы над этим подумаем». Тем не менее он призвал к более осторожному обращению с гражданским населением: «Нам не нужно, чтобы американцев обвиняли в насилии больше, чем ВК». Но Юэлл продолжал воевать в том же духе. По словам пилота штурмового Ниеу, служившего в 9-й дивизии под командованием бригадного генерала Джона Джерачи по прозвищу *Mal Nombre* (по-испански «Злодей»), «все его приказы сводились к одному: убивайте все, что движется». Джерачи питал пристрастие к своей офицерской трости, которой он любил тыкать в грудь офицеров и говорить: «Я хочу их трупов, ясно?» 9-я дивизия усовершенствовала «тактику зачистки» территории: пехота блокировала район, после чего авиация и артиллерия наносили по нему массированные удары. Количество трупов, понятное дело, было впечатляющим, однако и близко не соответствовало количеству захваченного оружия, которое было наиболее точным показателем того, что убиты не мирные граждане.

12 ноября 1969 г. агентство Associated Press опубликовало первое сообщение независимого журналиста Сеймура Херша о том, что военнослужащие 23-й пехотной дивизии «Америкал» полтора года

назад совершили массовое убийство гражданского населения в общине Милай в нескольких километрах от побережья в провинции Куангнгай, за что некоторые из них были отданы под трибунал. В последующие месяцы вскрылась шокирующая история: 16 марта 1968 г. пехотинцы роты С 1-го батальона 20-го пехотного полка, убили по меньшей мере 504 мирных жителей обоих полов и всех возрастов, большинство из них — в деревне Милай-4, которую сами вьетнамцы называли Тыкунг.

Резня в общине Милай — американцы называли этот район «Пинквиль» — считается самым крупным военным преступлением вьетнамской войны, хотя некоторые утверждают, что южнокорейские войска совершали куда худшие злодеяния. Капитан Эрнест Медина, командир роты С («Чарли»), еще в самом начале операции приказал расстрелять двух рыбаков в лодках, а затем не остановил своих людей, когда те начали хладнокровно убивать крестьян, в том числе детей, и насиловать женщин. После этого беспредела никто из солдат не был подвергнут дисциплинарному взысканию. За день до этого капеллан Карл Кресуэлл присутствовал на совещании в дивизионном штабе, где один из майоров задал тон предстоящей операции: «Если они сделают хотя бы выстрел, мы сровняем их с землей». «Знаете, я не думаю, что мы сможем выиграть войну такими методами», — возразил потрясенный Кресуэлл. Майор пожал плечами: «Это суровая война, капеллан».

По всей видимости, так же считали все старшие офицеры в округе, которые на протяжении нескольких месяцев после резни в Милай всячески замалчивали случившееся. Командование проигнорировало свидетельства очевидца — пилота наблюдательного вертолета Хью Томсона, которому хватило мужества вмешаться в происходящее и добиться того, чтобы операция была остановлена. Командир оперативной группы 1-го батальона 20-го пехотного полка подполковник Фрэнк Баркер так прокомментировал тот факт, что его люди убили 128 «солдат противника», не захватив ни одной единицы оружия: «Трагично, что погибли все эти женщины и дети, но это произошло в боевой обстановке». В марте 1969 г. демобилизовавшийся бортовой стрелок Рональд Райденаур разослал письма 30 конгрессменам с описанием зверств в Сонгми, о которых слышал от своих приятелей во время службы во Вьетнаме. Поначалу его письма не вызвали заметной реакции, однако инициированное благодаря им расследование в конце концов привлекло внимание широкой общественности. Между тем в своей докладной записке, составленной для генерал-адъютанта, офицер штаба 23-й дивизии майор Колин Пауэлл, будущий госсекретарь США, отверг любые обвинения и заявил, что «между американскими солдатами и вьетнамским народом

сложились дружественные отношения». Пауэллу следовало бы побеседовать с рядовым Томом Гленом, 21-летним уроженцем Таксона, который написал Крейтону Абрамсу смелое письмо, рассказав о преступлениях своих сослуживцев из «Америкал».

В ноябре 1969 г. следственная комиссия по главе с генерал-лейтенантом Уильямом Пирсом наконец-то начала полномасштабное расследование, в результате которого 28 офицерам, в том числе двум генералам и четырем полковникам, были предъявлены обвинения в совершении в общей сложности 224 тяжких военных преступлений, включая лжесвидетельство, недонесение о преступлении, сговор с целью сокрытия истины, непресечение преступных действий и участие в них. Было установлено, что из 103 военнослужащих роты С более 40 человек принимали участие в массовых убийствах и групповых изнасилованиях и никто не попытался их остановить. Расследование событий в Милай-4 также обнаружило доказательства того, что в ходе той же операции ротой В («Браво») 4-го батальона 3-го пехотного полка было совершено массовое убийство мирных жителей в соседней деревне, но этому делу не был дан ход. Командующий 23-й дивизией генерал-майор Сэмюэл Костер был запоздало понижен в должности до бригадного генерала, однако военный трибунал оправдал всех обвиняемых, кроме командира 1-го взвода лейтенанта Уильяма Келли, который 29 марта 1971 г. был приговорен к пожизненному сроку. Через три дня Никсон распорядился перевести его из тюрьмы «под домашний арест» на военной базе в Форт-Беннинг.

Зачитав оправдательный вердикт капитану Медине, судья поздравил его с днем рождения. Из 5000 телеграмм, направленных в Белый дом по поводу приговора Келли, на каждые 100 в поддержку лейтенанта приходилась всего одна с его осуждением. Глава национальной ассоциации «Ветераны зарубежных войн» заявил: «Впервые в нашей истории мы осудили солдата за то, что он исполнял свой долг». В ноябре 1969 г., когда СМИ начали раздувать скандал вокруг Милай, Никсон не раз раздраженно восклицал в присутствии своего секретаря в Белом доме: «За всем этим стоят эти мерзкие нью-йоркские евреи!» Новобранцы, маршировавшие по плацу в Форт-Беннинг, скандировали: «Келли! Келли! Наш человек!» Радиостанция Армии США в Сайгоне крутила в эфире балладу вокально-инструментальной группы «Рота С» из Алабамы: «Меня зовут Уильям Келли, / Я — солдат этой страны, / Я поклялся выполнить свой долг и победить, / Но они сделали меня злодеем / И поставили на мне клеймо». В конце концов КОВПВ запретило радиостанции крутить этот диск, который был распродан в количестве 200 000 штук, однако командование не могло помешать своим солдатам разрисовывать Сайгон протестными граффити, такими

как «Убей гука за Келли!». В сентябре 1974 г. федеральный судья вынес решение об условно-досрочном освобождении Келли на том основании, что объективность предыдущего судебного процесса была подорвана негативным освещением в СМИ. Таким образом, после всего 42 месяцев домашнего ареста Келли вышел на свободу.

Массовое убийство в Милай стало символом всего самого неприглядного, что сопровождало военные действия американской армии во Вьетнаме. Представители «патриотического лобби» в Соединенных Штатах были правы, заявляя, что Келли стал всего лишь козлом отпущения. Разумеется, лейтенант лгал, когда утверждал, что «всего лишь выполнял приказы», однако вряд ли можно оспаривать тот факт, что совершенные им и его сослуживцами зверства были естественным следствием той аморальной культуры беспорядочных убийств, жестокости и расового презрения к вьетнамцам, которой были инфицированы многие американские подразделения и их командиры. Правосудие сослужило бы добрую службу, если бы назначило показательные наказания в виде лишения свободы нескольким старшим офицерам из списка комиссии Пирса, и в первую очередь Костеру.

Что касается неспособности Абрамса выиграть войну, то вряд ли справедливо обвинять его в этом больше, чем его предшественников в КОВПВ, тем более принимая во внимание ограниченность доступных ему ресурсов и возможностей. От него ожидали успехов на поле боя, но при этом сокращали его войска. Он делал то, что должны делать солдаты, — уничтожал врага, но он не мог избавить от агонии южновьетнамское государство, где народ ненавидел собственное правительство. Не имея возможности перекрыть дырявую, как решето, 1600-километровую границу на западе, по ту сторону которой находились крупные базы коммунистических сил, Абрамс, как и Уэстморленд, был возмущен нежеланием Вашингтона санкционировать наземные вторжения в Лаос и Камбоджу. Принадлежавшая северовьетнамцам автотранспортная компания «Хакли» в Камбодже, в которой правительство Пномпеня владело прибыльной долей, перевозила 14 000 тонн грузов в год из порта Сиануквиль на базы коммунистов на востоке страны.

Абрамс негодовал: «Это преступление — позволять им [коммунистам] сидеть там в безопасности... и безнаказанно жиреть». Но, когда он предложил своему заместителю, генерал-лейтенанту Эндрю Гудпастеру, отправить бомбардировщики В-52 и «по ошибке» нанести удары по ту сторону границы в рамках операции «Световая дуга», тот твердо ответил, что на это требуется санкция Вашингтона. Абрамс был взбешен аналитическим исследованием ЦРУ, которое утверждало, что военные действия против районов-убежищ

практически бесполезны. Как заметил Грег Даддис, со сменой главы КОВПВ изменилась только риторика, но не стратегия. Некоторые военные операции при Абрамсе, как, например, штурм высоты 937 в долине Ашау в полутора километрах от лаосской границы, прозванной солдатами 101-й воздушно-десантной дивизии высотой «Гамбургер», мало чем отличались от многих бессмысленных сражений, которые имели место при Уэстморленде.

Еще один подобный эпизод стал известен как «сражение за Маттерхорн» благодаря одноименному автобиографическому роману Карла Марлантеса. 25-летний лейтенант Лэнден Торн командовал взводом в той же роте С, что и Марлантес. Сын дипломата, он был одним из сравнительно немногих выходцев из привилегированных слоев американского общества, которые без возражений отправились служить во Вьетнам: его дед был морским пехотинцем, отец — офицером радиолокационной службы на авианосце Hornet во время Второй мировой войны, и Торн также хотел испытать себя. Все последние месяцы перед выпуском из Йельского университета его однокурсники горячо обсуждали, стоит идти на войну или нет, и большинство решило, что нет: «Чем больше я узнавал о Вьетнаме, тем сильнее меня мучили сомнения. Мне говорили: “Эй, слышал о Карле? Его недавно убили”. Но многие мои ровесники, которые стали уклонистами, серьезно испортили себе жизнь, а некоторые до конца дней мучились от чувства вины». Его младшая сестра Джулия проводила его до Сан-Франциско, где он должен был сесть на транспортный корабль. По пути они заскочили в легендарный ресторан «На вершине Марка» на крыше высотного отеля. Вскоре после его отъезда Джулия отправилась учиться в Европу, где стала убежденной противницей войны.

На базе в Дананге Торн и его новые товарищи встретили толпу ветеранов, ожидавших отправки домой, которые мрачно приветствовали их: «Добро пожаловать в самое грязное зеленое болото на земном шаре! Вам придется несладко». Два дня он ждал, когда транспортный СН-46 доставит его на базу передового развертывания «Аргон», которая послужила прототипом базы «Маттерхорн» в романе Марлантеса и куда он перенес события, которые в реальности происходили на базе под названием «Зона высадки Мак». Прибыв на место, Торн обнаружил, что с позиций, которые занимает его рота, отлично виден лагерь ВНА, расположенный на холме на расстоянии всего двух выстрелов по ту сторону лаосской границы. В первую же ночь рота Торна подверглась обстрелу: «Раздались ухающие думп-думп-думп вражеских минометов, работавших по нашим позициям». Он понял, что попал далеко не в лучшее подразделение: «Командир предьявлял к нам неразумные

требования. Молодые морпехи способны на фантастические подвиги, но плохое командование все портит». После того как они потратили несколько недель на зачистку близлежащей высоты под кодовым названием «Невиль», на ее вершине была размещена база огневой поддержки с тремя 105-мм орудиями, где Торн был назначен передовым наблюдателем. Под утро 25 февраля их периметр, защищаемый всего двумя взводами, был атакован саперной ротой ВНА: в предрассветной темноте около 200 солдат в новенькой зеленой униформе и сандалиях выбежали из джунглей, доходивших почти до самого проволочного заграждения. «Они прорывались на наши позиции три раза, у нас закончились мины Claymore, но получить пополнение запасов по воздуху мы не могли, потому что по нам работали 60-мм и 82-мм минометы». Поста́м прослушки было приказано «сидеть тихо», т.е. затаиться и надеяться на то, что враг их не заметит. Внутри периметра в нескольких местах начались пожары: полыхнули зарядные картузы, сваленные рядом с оружейными ямами, одна из которых ненадолго оказалась в руках врага.

Они сумели вытеснить северовьетнамцев только после ожесточенного трехчасового боя, подчас пуская в ход не только винтовки и гранаты, но и саперные лопатки. 12 морпехов и двое санитаров были убиты, а многие выжившие получили устойчивое повреждение слуха из-за многократных близких взрывов. В следующие дни противник продолжал осаждать сокращающийся периметр Невилля, вертолеты по-прежнему не могли сесть из-за плотного огня, а сброшенные на парашютах боеприпасы приземлялись вне досягаемости. Торн был так напуган, что еда не лезла ему в горло: «Адреналин зашкаливал. Все были эмоционально дестабилизированы, потому что все время думали о смерти. Тот, кто выживает после такого, становится другим человеком. На вторую ночь основной проблемой стала огневая дисциплина: все были на нервах и, чуть что, разряжали магазин в темноту или давили кнопку на Claymore. Я вызывал артиллерию, как только мы слышали какое-то движение». На третий день после мучительного запора он почувствовал острый позыв опорожниться, и едва он присел за ящик из-под патронов, раздалось ненавистное «Бух! Бух!» минометного обстрела. «Но в тот момент я был готов умереть, лишь бы просратья».

Постепенно атаки затихли, и они смогли восстановить заграждение из колючей проволоки вокруг периметра. Погода все еще была нелетной для вертушек, но вскоре прибыла отправленная им на выручку рота, — ей потребовалась целая неделя, чтобы преодолеть пешком весь путь. В конце концов они услышали долгожданный стрекот Sea Knights. Санитары очистили тела убитых американцев от личинок, а трупы

северовьетнамцев сбросили с крутого склона. «Потом ВНА вернулись и устроили адские времена для Карла [Марлантеса] и роты С». Торн был переведен в Донгха передовым авиационным наблюдателем. Его первой мыслью было: «Как я могу оставить своих парней?» А второй мыслью: «Что за болваны в штабе отправили нас сюда?» Последующие трагические события, пережитые 1-м батальоном 4-го полка морской пехоты и так ярко описанные в романе Марлантеса, были следствием безрассудной, но, к сожалению, присущей некоторым старшим офицерам склонности ставить относительно небольшие американские подразделения в трудные боевые ситуации, преимущество в которых оказывалось на стороне противника. Сражения в этом районе продолжались весь апрель — командовавший 1-м батальоном полковник погиб под минометным обстрелом, став жертвой собственной тактической глупости. Хотя ВНА, как всегда, понесли более тяжелые потери, чем американцы, именно последние чувствовали себя побежденными.

Парадоксально, но позже коммунисты признали 1969 г. самым тяжелым годом войны, ознаменовавшимся самыми большими потерями и упадком воли к победе. В июне в горах провинции Куангнгай даже пламенная революционерка д-р Данг Тхюи Чам писала, что она и ее товарищи обессилены и пали духом, многие не могут даже есть: «Круглыми сутками, днем и ночью, вокруг нас оглушительно рвутся бомбы, кружат реактивные самолеты, штурмовые вертолеты и УН-1А. Весь лес в воронках от бомб, в искореженных стволах, оставшиеся деревья стоят желтыми из-за токсичных химикатов. Мы теряем много людей. Все, даже коммунисты, отчаянно устали».

В своем романе Бао Нинь описал зловещий район — «Лес вопиющих душ», где был почти полностью уничтожен северовьетнамский батальон: «По ночам жалобный шепот [неприкаянных душ погибших солдат] можно было услышать в лесной чаще, а крики их разносил по джунглям ветер... В этих местах можно было услышать птиц, которые кричат человеческими голосами. Эти птицы не умеют летать, они только сидят на ветках и кричат. И ни в каком другом месте Центрального нагорья не встречались побеги бамбука такого жуткого цвета... похожие на сочащиеся кровью куски мяса. А светлячки там были огромные... По ночам деревья и кусты стонут здесь ужасающе дружно. Когда привидения запевают хором, душа приходит в смятение, и весь лес кажется сплошной массой, где бы ты в нем ни находился. Это место не для робких людей. Здесь можно сойти с ума или умереть от страха». В этом лесу солдаты ВНА тайно соорудили буддистский алтарь и молились перед ним за своих погибших товарищей.

Однако же, при всей усталости коммунистов от войны, союзники не ощутили ни малейшего проблеска надежды на то, что они побеждают. Начальник армейской разведки КОВПВ, бригадный генерал Фил Дэвидсон с горечью назвал Соединенные Штаты «полем битвы, где в 1968 г. враг одержал свою главную победу». 15 марта он доложил Абрамсу о снижении интенсивности движения грузовиков на тропе Хо Ши Мина. Генерал предостерегающе ткнул в него пальцем: «Давайте не будем видеть в этом обнадеживающий знак». «О нет, сэр. Я не вижу никаких обнадеживающих знаков», — отреагировал Дэвидсон. Абрамс негодовал: «Мы должны защищать наши базы, города и население. Если бы противнику пришлось защищать свои базы, территории и население, мы бы выиграли войну через месяц! Мы бы столкнули его под зад в океан!»

Директива ЦУЮВ №55, распространенная в апреле, предписывала командирам НФОЮВ использовать более прагматичный подход, не ставить на кон все свои силы в любой отдельно взятой операции, а вместо этого «сохранять устойчивый боевой потенциал для будущих действий». Выпущенные вслед за этим директивы №81 и №88 определяли цели НФОЮВ как «вынудить врага пойти на переговоры с нами, вывести войска... согласиться на коалиционное правительство». Вьетконговцы по-прежнему поддерживали достаточную боевую активность, чтобы обеспечивать постоянный поток американских и южновьетнамских потерь, но если в октябре 1965 г. части ВНА составляли всего четверть коммунистических сил на Юге, то в 1969 г. их доля увеличилась до 70% и после этого только продолжала расти.

Между тем в Сайгоне журналистская братия безвозвратно потеряла веру в военных. Питер Бреструп, четыре года возглавлявший сайгонское бюро The Washington Post, в своей полной скепсиса книге «Большая история» (Big story), посвященной анализу работы журналистов в ходе вьетнамской войны, писал, что большинство из них были «по характеру авантюристами и в какой-то мере соглядатаями. Лучшие из них также были проницательными наблюдателями и дознавателями, а также талантливыми рассказчиками историй». Проблема, однако, была в том, что они сосредоточивали все свое внимание на ярких драматических событиях, таких как осада Кхешани, атаки в Сайгоне и захват Хюэ, в ущерб более глубокому анализу и «совершали один из смертных грехов журналистов — небрежное обращение с информацией... Все попытки анализа в основном сводились к скоропалительным выводам полуинформированных людей». После насыщенного освещения Тетского наступления, писал Бреструп, интерес мировых СМИ к Вьетнаму резко упал. Хотя стало очевидно, что Ханой потерпел сокрушительное поражение, переоценка

итогах этой кампании привлекла удручающе мало внимания. «Когда началось Тетское наступление, пресса во весь голос вопила, что пациент умирает, а несколько недель спустя шепотом сообщила, что пациент, кажется, выздоравливает, — но этот шепот никто не услышал посреди бурной реакции на первоначальные вопли».

И все же Бреструп был не совсем прав: ни успешный разгром Тетского наступления, ни любые другие военные успехи не могли кардинальным образом переломить ситуацию во Вьетнаме и ее восприятие. Хотя многие южновьетнамцы ненавидели коммунистов, они не меньше ненавидели собственное правительство. Бесчеловечность режима Ле Зуана, безусловно, вызывает отвращение, однако же нельзя не признать, что при всей скудости материальных ресурсов Ханой сумел создать гораздо более эффективную военную машину, чем Сайгон. Северовьетнамское руководство видело, что американский народ теряет терпение, и было готово выдержать еще несколько лет войны в ожидании полной и окончательной победы, которая теперь казалась неизбежной. По правде говоря, режим Ле Зуана причинил собственному народу столько горя и страданий, что попросту не мог позволить себе довольствоваться чем-то меньшим. В отличие от этого, Фрэнк Снепп так описал американские настроения, когда прибыл в Сайгон в качестве агента ЦРУ летом 1969 г.: «Мы думали не о победе или поражении, а о том, как правильно разыграть эндшпиль».

Было и кое-что еще. Каковы бы ни были тактические успехи американских сил под командованием Абрамса, армия США разваливалась изнутри — медленно, но неумолимо. Этот процесс разложения, достигший пика или, вернее сказать, дна в 1973 г., был вызван тремя взаимосвязанными и усугубляющими друг друга факторами: распространившимся употреблением наркотиков, расовой враждой, обострившейся под влиянием движения «Власть черным» в США, и снижением дисциплины и морального духа. Как позже заметил один американский генерал, «если в Корею мы вошли с никудышной армией, а вышли с первоклассной, то во Вьетнам мы пришли с великой армией, а ушли с ее жалким подобием».

Когда капитан Линвуд Берни принял командование воздушно-десантной ротой в конце 1968 г., ему пришлось ввести в практику регулярные обыски на предмет наркотиков. В следующем году военная полиция произвела 11 000 связанных с наркотиками арестов, но доля курителей травки среди рядовых продолжала расти, достигнув почти 60% в 1971 г. Многие предпочитали самый мощный сорт, известный среди местных проституток как «травка Будды», — пачка самокруток стоила \$1. В 1969 г. всего 2% личного состава во Вьетнаме пробовали героин, но в течение двух лет этот показатель вырос до 22% —

шокирующая статистика, — с 700 официально зарегистрированными наркоманами. Наркотики доставлялись из соседнего Лаоса на самолетах Royal Air Laos и Air Vietnam и затем развозились по стране на грузовиках ВСРВ. Некоторые американские военнослужащие, которые добровольно вызвались отправиться во Вьетнам на второй и третий срок, сделали это ради доступа к наркотикам. Если в 1969 г. в американских войсках было зарегистрировано 16 смертельных случаев из-за передозировки, то всего за первые 18 дней 1970 г. — 35 случаев. Абрамс открыто признавал, что не может «надрать задницу» наркоманам — применить жесткие дисциплинарные меры по отношению к тем, кто употреблял наркотики, — но требовал сурово наказывать торговцев.

Майор Дон Хадсон, командовавший ротой, считал, что в большинстве проблем виноваты не солдаты, а офицеры: «У нас было много хороших парней, и некоторых из них, как я считаю, испортили именно командиры, которые упускали ситуацию из-под контроля». Иногда возникали проблемы с выплатой денежного довольствия, повышением по службе или с доставкой почты, которая могла не приходиться целый месяц, «но был и криминал. Наркотики были огромной проблемой, с которой я никак не мог справиться... После каждого подвоза запасов я находил во флягах с водой капсулы с героином, завернутые в полиэтиленовые пакеты». Хадсон осуждал снисходительное отношение к наркотикам на официальном уровне: однажды он поймал солдата с 500 капсулами чистого героина, но все обвинения были сняты «из-за отсутствия доказательств». «У меня в роте было пятеро матерых зачинщиков, которые фактически занимались уголовщиной». Однажды он узнал, что один из патрулей провел все три дня в засаде, обкурившись марихуаной: «В этом отделении командир был слабаком... Плохие парни постепенно начали подминать под себя остальных. Мне пришлось жестко избавиться от самых злостных наркоманов и дилеров, делавших деньги на снабжении наркотой. После этого ситуация улучшилась».

Сначала Хадсону поступали угрозы, затем его начальство стало получать анонимки, в которых его обвиняли в пьянстве при исполнении служебных обязанностей. Но он не отступал: «Я смотрел на это так: если бы они хотели меня убить, они бы это сделали — без всяких предупреждений. Солдаты уважают сильных личностей, и... если вы толпами не посылаете их на смерть и заботитесь о них... вы можете быть каким угодно жестким и не волноваться, любят они вас или нет». В последние годы войны многие американские офицеры по-прежнему проявляли мужество перед лицом врага, но относительно немногим хватало мужества держать в ежовых рукавицах собственных людей, как

это делал майор Хадсон. Чернокожие солдаты в разведывательной группе Ричарда Форда в шутку называли себя «рыцарями Круглого стола». Однажды вечером солдат по имени Тейлор, обкурившись, пришел в лихорадочное возбуждение, приняв высокое дерево на поляне за Статую Свободы: «Сэр Форд, сэр Форд, видите эту суку? Мир крутится, верно? И мы докатились до Нью-Йорка, поэтому я могу видеть эту суку!» Его с трудом утихомирили. Злоупотребление наркотиками было распространено главным образом среди рядовых-срочников; среди офицеров и младших командиров была другая проблема — пьянство; многие из них вернулись с войны алкоголиками.

Что касается дисциплины, то капитан Дэвид Джонсон, принявший командование пехотной ротой в октябре 1968 г., был шокирован тем, что некоторые солдаты отказывались идти в патрули — поведение, неслыханное во время его предыдущего пребывания во Вьетнаме. Вернувшись в лагерь, солдаты снимали с себя снаряжение и оружие и бросали их как попало, без всякой чистки. Его сержанты не умели корректировать минометный и артиллерийский огонь, и Джонсон не знал, как поведет себя рота в серьезном огневом контакте. «Многие из нас задавались вопросом: что мы тут делаем? Солдаты думали только о том, как бы дотянуть до конца срока. По крайней мере, так было в моей роте... Некоторые люди совершали странные и даже безумные поступки. Один солдат съел немного пластитa C-4 и умер... Еще один упал в неглубокую канаву и утонул... То, что мы постоянно теряли людей из-за ловушек, но при этом почти не убивали врагов... сокрушительно сказывалось на нашем моральном состоянии. За 60 дней рота потеряла убитыми и ранеными 28 человек, 17 из них, включая меня, — на минах-ловушках».

В одной из летных частей двое пилотов застрелили друг друга, соревнуясь, кто быстрее выхватит из кобуры пистолет. Командование ВВС представило это как единичный случай неадекватного поведения, но через несколько месяцев подобное повторилось, хотя на этот раз погиб только один пилот. Докладывавший об инциденте генерал недоумевал: «Почему они это делают?!» 20 июля 1969 г. во время выступления на концерте, организованном USO на базе морской пехоты, прелестная миниатюрная 20-летняя австралийская певица Кэтрин Энн Уорнс вдруг замертво упала на сцене. Она была убита выстрелом, сделанным из-за экрана из .22-калиберного пистолета с глушителем. Убийцей оказался 28-летний сержант Джеймс Киллен, который в момент убийства находился в неменяемо пьяном состоянии и утверждал, что хотел застрелить командира роты. Киллен провел в тюрьме меньше двух лет, после чего был оправдан при пересмотре дела.

5 февраля 1970 г. в бар Andy's Pub для рядового состава, где в этот момент выступало австралийское девичье трио Chiffons, кто-то бросил две гранаты. Одна из них взорвалась, убив капрала и ранив 62 рядовых. Как установило следствие, утром в тот день на баскетбольной площадке собралось больше двух десятков чернокожих морпехов, чтобы поделиться своими обидами на белых. Их ланс-капрал пообещал: «Сегодня вечером мы устроим этим [белым] тварям». Чернокожие морпехи в лагере были предупреждены не приходить на шоу Chiffons. На судебном процессе прокурор сказал: «Эта была умышленная, тщательно подготовленная попытка убить большое количество людей... только по причине расовых проблем». Однако двое главных подозреваемых были оправданы, в результате чего судебный процесс был попросту отменен. Таким образом, за теракт в Andy's Pub не был осужден ни один человек.

Во всех войнах убийство непопулярных офицеров своими же солдатами было если не частым, то обычным делом — как правило, это происходило во время боя, когда трудно было понять, кто и откуда стреляет. Но во Вьетнаме получил распространение другой способ расправы — так называемый фраггинг, или убийство с помощью осколочных гранат. Официальная история военно-юридической службы Корпуса морской пехоты отмечает, что такие акты «приобрели беспрецедентную распространенность и осуществлялись с шокирующим хладнокровием». За период между 1969 и 1971 г. в Корпусе морской пехоты было зарегистрировано более сотни таких инцидентов, тогда как в армии — более 600, в результате которых 82 человека погибли и 651 получил ранения. Психиатр, изучивший 28 случаев фраггинга, установил, что большинство из них — дело рук вспомогательного персонала и в 87,2% случаев преступники находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Мало кто из них впоследствии проявил искреннее раскаяние.

Хроническая нехватка компетентных младших командиров усугублялась увольнением кадровых офицеров, которые в отчаянии решали оставить военную службу: в 1970 г. 148 из 596 выпускников Вест-Пойнта 1965 г. подали в отставку. Военврач майор Барри, служивший в 95-м эвакуационном госпитале в Дананге, был подавлен тем, как часто им приходилось оказывать помощь жертвам фраггинга. Сам он попал во Вьетнам по призыву, а не добровольно, и не верил в оправданность этой войны: «Мы поддерживали не тех людей». Наркотики были «серьезной проблемой... здесь был очень чистый героин, почти 80%, тогда как в Штатах продавался в основном 5%». Однажды шестеро чернокожих санитаров принесли в госпиталь своего мертвого товарища. По словам Барри, «они устроили героиновую

вечеринку. Все были настолько упоротыми, что никто не заметил, что он перестал дышать».

На Рождество командующий 101-й воздушно-десантной дивизией поздравил одного из своих чернокожих десантников с праздником и протянул ему руку, но тот отказался ее пожать. Во взводе, который унаследовал Лэнден Торн, «царил полный бардак. Они были неплохими парнями, но раскололись на три группы — черные, южане и городские. Это было опасное время, когда вам легко могли подкинуть гранату, но мне с помощью сержанта взвода удалось взять их в узду и “перемешать”. Многие взводы и роты походили на сплоченные уличные банды с такими же порядками. Новичкам там приходилось нелегко, особенно лейтенантам». Хотя чернокожие составляли 13% от общей численности Корпуса морской пехоты, они проходили ответчиками в половине всех военных судов, состоявшихся во Вьетнаме. Такая диспропорция не была следствием расовой виктимизации со стороны белых, как иногда утверждается, но отражала всю глубину отчужденности самих чернокожих. Уровень дезертирства достиг максимума в современной истории, будучи вдвое выше, чем в Корейской войне, и почти в четыре раза выше, чем во Второй мировой войне. В 1969 г. во Вьетнаме скрывались 2500 дезертиров, большинство из которых занимались преступной деятельностью. Армейский историк писал о невиданном ранее повышении роли военно-юридической службы: «Военные прокуроры... боролись с... наркоманией, расовой враждой и мятежным поведением среди рядового состава».

В феврале 1969 г. комендор-сержант Джозеф Лопес вернулся во Вьетнам в третий раз и был шокирован низким уровнем дисциплины: «Ты говоришь бойцу привести себя в порядок, а тот смотрит на тебя так, будто хочет убить... Никогда прежде не видел, чтобы народ так смотрел на своего командира, как это делает сегодняшняя молодежь». С апреля по сентябрь того же года Наблюдательный комитет по мониторингу расовой напряженности фиксировал в Корпусе морской пехоты в среднем один «крупный мятеж» в месяц, а также множество более мелких инцидентов.

Сержант Гарольд Хант, чернокожий уроженец Детройта, в 1966 г. получил тяжелое ранение под Кути, но отказался от демобилизации и в мае 1969 г. вернулся во Вьетнам. Старые раны давали о себе знать, но он упорно тренировался и был в отличной физической форме. Гарольд был потрясен обнаруженными переменами: «Солдат стал другим. Мой взвод наполовину состоял из срочников. Дисциплина была отвратительной, черные и белые враждовали между собой, наркотики были в ходу. Трудно было добиться того, чтобы люди выполняли твои приказы».

В отличие от большинства чернокожих солдат, служивших в тот период во Вьетнаме, Хант не придавал значения «чернокожему братству» и был всем сердцем предан армии. После того как он собрал своих людей и сурово предупредил их, что не потерпит в боевой обстановке никакого «дерьма», особенно наркотиков, он обнаружил на двери своего домика записку: «УБЛЮДКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ ЖДЕТ ГРАНАТА». Однако Хант постепенно сумел убедить своих людей, что, если они хотят выжить, им лучше делать то, что он говорит. Тем не менее он признавал: «Мои мысли сильно изменились по сравнению с предыдущими сроками. Я больше не думал о том, что мы помогаем Южному Вьетнаму защитить свою свободу, — я просто хотел, чтобы я и мои люди выбрались из этой войны живыми». По словам капитана Уолта Бумера, «расовая проблема разъедала организм Армии США и морской пехоты изнутри. Вся эта вражда внутри подразделений — это был позор! Мы всегда говорили: морпех — это морпех. Но внезапно чернокожие морпехи сделались не просто недовольными — они буквально приходили в бешенство оттого, что им приходится воевать во Вьетнаме».

Австралийский офицер спецназа Эндрю Фримантл считал, что лучшие американские солдаты были «действительно очень крутыми», но, как и многие другие, был разочарован резким падением дисциплины в 1970–1971 гг.: «Даже в лагерях спецназа народ, почти не скрываясь, курил травку, а у ворот толпились женщины легкого поведения». Лейтенант Тим Ровеллер командовал ротой в 3-м батальоне 9-го полка морской пехоты. Приверженец строгой дисциплины, он не проявлял снисхождения к тем, кто выискивал всяческие предлоги, чтобы не ходить в патрули и оставаться на базе. Рядовой Реджинальд Смит и его чернокожие сослуживцы убедили себя в том, что именно лейтенант виноват в бессмысленной гибели их товарищей в ходе боевых вылазок. Поздно вечером 20 апреля 1969 г., когда они сидели в своем домике и курили марихуану, Смит объявил своим приятелям, что «сделает этого ублюдка, как только тот завалится спать». В 02:10 ночи под койкой лейтенанта взорвалась осколочная граната, нанеся ему множественные ранения, от которых Ровеллер на следующий день скончался. Как позже сказал на суде один из чернокожих морпехов, Смит вернулся в домик, размахивая кольцом от гранаты, и довольно сообщил: «Ублюдку конец. Больше он никого не будет трахать». Смит был приговорен к пожизненному сроку и умер в тюрьме спустя 13 лет.

Один белый капитан спросил у чернокожего рядового по имени Дэвис, какую машину тот хочет купить, когда вернется в Штаты. Дэвис ответил: «Я не буду покупать машину, сэр. Я куплю бензоколонку Еххон и буду раздавать бензин своим братьям. Пусть они спялят все

дотла». И белые, и черные солдаты разразились хохотом, хотя смешного тут было мало и за этой шуткой скрывалась реальная угроза: двое белых майоров были застрелены, когда приказали чернокожим солдатам выключить громкую музыку.

Расовая враждебность исходила с обеих сторон. Белые называли чернокожих маумау, оленями, рабами, ниггерами, черномазыми и т.п. Хирург из южного штата специально носил футболку с эмблемой Ole Miss, чтобы раздражать «братьев». Между тем уроженцу Аппалачей Джону Холлу по прозвищу Горец приходилось терпеть придирки со стороны своего чернокожего сержанта, у которого не было времени возиться с «тупыми южанами». Однако в ходе патрулирования этот сержант всегда старался держаться позади остальных, так что однажды Холл набросился на него: «Отвали от меня со своим дерьмом, ты, ниггер! Тебе не хватает яиц, чтобы ходить в рейды!» После этого Холл напомнил ему о действовавшем в большинстве боевых подразделений правиле, согласно которому вне лагеря любая расовая вражда прекращалась: «Как только взвод выходит за периметр, мы — одна семья!»

Чернокожий морпех Джефф Энтони сдружился с общительным техасцем «Боджо» Тайлером, который познакомил его с музыкой кантри-энд-вестерн. Когда Тайлер написал родителям о своем новом друге, те ответили: «Когда вернешься домой, не вздумай привозить с собой ниггеров». Энтони сказал: «Этот парень был моим лучшим другом, но я бы ни за что не поехал к нему в гости». Полковник Сид Берри с горечью размышлял о судьбе своего сослуживца-офицера — «негра из Северной Каролины», который был тяжело ранен в бою. «Я задаю себе вопрос, — писал Берри, — найдутся ли лицемерные белые фанатики, которые будут возражать против того, чтобы их дети ходили в школу вместе с детьми капитана Уильямса, который пролил кровь, сражаясь за свою — и за их — страну?»

Как-то в 1969 г. одна пехотная рота вернулась из рейда на базу в предвкушении развлекательного шоу USO, которое должно было состояться тем вечером. Расовая напряженность в их подразделении была такой же высокой, как и в большинстве других. Поэтому солдаты остолбенели, когда на импровизированную сцену вышел 70-летний Джорджи Джессел и запел песню «Моя мамуля», которую в 1920-х гг. исполнял в менестрель-шоу загримированный под негра Эл Джонсон. По словам одного пехотинца, он испугался, что сейчас начнется бунт: «Я не мог поверить своим ушам. Этот старый белый еврей решил спеть такую песню! Но еще сильнее меня поразило, что никто из наших не возражал». И белые, и чернокожие солдаты были благодарны за

возможность на пару часов отвлечься от войны: «Он приехал к нам из большого мира».

Чернокожий спецназовец Артур Ведли по прозвищу Джин в 1969 г. вернулся домой в Балтимор, полный желчной озлобленности: «Эта страна поступила с нами преступно. Она лгала нам. Нам — молодым, наивным и тупым ниггерам — говорили, что эта война ведется за демократию и независимость. На самом деле это была война за деньги. Все эти крупные корпорации заработали на войне миллиарды, после чего Америка ушла оттуда». Взгляд Вудли был широко распространен среди чернокожих солдат в последние годы войны. Хотя многие солдаты и морпехи, как белые, так и чернокожие, несмотря на расовую вражду, наркотики, фраггинг и упадок дисциплины, продолжали мужественно выполнять свой долг, все участники и очевидцы этой войны сходились в одном: после 1968 г. боеспособность американских войск во Вьетнаме неуклонно снижалась. Противник не ослаблял напора, и солдатам Абрамса становилось все труднее и труднее соперничать с ним в мотивации и воинском ремесле, даже если от этого зависело их выживание.

Осси и киви

Когда у австралийского лейтенанта Нила Смита после войны спросили, действительно ли в 1969 г., когда он прибыл во Вьетнам, там царил полный бардак, бывший пехотинец с удивлением ответил: «Там, где мы были, не было никакого бардака». Хотя контингент Анзака, служивший на юго-востоке Вьетнама, — три австралийских пехотных батальона вместе с частями поддержки и спецназа, а также небольшим новозеландским отрядом — составлял крошечную часть союзнических сил, насчитывая на своем пике в середине 1969 г. всего 8000 человек, включая 543 новозеландца, он заслужил превосходную репутацию. Крейтон Абрамс считал австралийцев и новозеландцев «первоклассными бойцами» — на самом деле единственным иностранным контингентом, достойным называться «союзниками»: «Остальные больше обещали дяде Сэму, чем делали». Американский лейтенант Джон Харрисон почти с благоговением говорил об австралийцах из Специальной авиадесантной службы (САС), которые командовали спецназовской ротой из местных горцев в их районе: «Их уорент-офицеры были невероятными — они ничего не боялись!» За время войны САС записала на свой счет почти 500 уничтоженных врагов, потеряв в боях всего семь человек, — и эта статистика заслуживает доверия. Австралийцы объясняли такие низкие потери главным образом своей фанатичной приверженностью полевой выучке.

Как с нескрываемым удовлетворением сказал офицер САС, «мы всегда слышали врага раньше, чем он нас».

По словам одного офицера ВСРВ, вьетнамцы считали австралийцев самыми «сочувствующими» союзниками из-за их высокой огневой дисциплины: «Сражение при Лонгтане в 1966 г., в котором австралийцы убили 257 коммунистов и потеряли всего 18 своих, показало, что в этой войне можно правильно воевать и побеждать». Тот же майор писал, что австралийцы и тайцы были единственными иностранными солдатами, которые никогда не стреляли беспричинно по гражданским лицам. Австралийский лейтенант Роб Франклин позже вспоминал: «Меня всегда тревожило, что мы можем случайно убить мирных людей. Однажды вечером, когда мы сидели в засаде, на нас вышла группа лесорубов. Слава Богу, мои парни не стали стрелять — я очень гордился ими за это».

Между тем участие во вьетнамской войне породило в австралийском обществе более глубокий раскол, чем любая другая проблема в современной истории этой страны, — не менее болезненный, чем в Соединенных Штатах. Роберт Мензис, занимавший кресло премьер-министра до января 1966 г., проигнорировал призывы своих ключевых политиков и оппозиционной Лейбористской партии ограничиться отправкой минимального контингента. Мензис разделял убежденность Вашингтона в том, что Вьетнам — это то место, где необходимо «остановить наступление коммунистического Китая на Юго-Восточную Азию». В стране была введена система призыва по жеребьевке: каждый десятый из примерно 100 000 молодых австралийцев, ежегодно достигавших 20-летнего возраста, отправлялся на военную службу. Вскоре после прибытия во Вьетнам второго батальона погиб первый солдат-срочник, — командование умолчало, что рядовой Эррол Ноак стал жертвой дружественного огня. С первых же дней в стране сформировалась активная антивоенная оппозиция. Матери организовали антипризывную кампанию «SOS — Спасите наших сыновей». Один из лидеров лейбористской партии, будущий член кабинета министров Джим Кейрнс, опубликовал книгу под названием «Смириться с Азией», в которой утверждал, что его страна должна научиться сосуществовать с революционными правительствами на азиатском континенте, а не бороться с ними. Когда 1-й батальон Австралийского королевского полка маршировал по улицам Сиднея, где собралось больше 300 000 человек, одна антивоенная активистка облила себя красной краской и бросилась на полковника и его штабных офицеров, стараясь измазать как можно больше людей.

Решение Великобритании в 1967 г. вывести свои войска из стран к востоку от Суэцкого канала стало серьезным потрясением для

правительства Австралии, которое решило, что отныне им следует связать свою судьбу с Соединенными Штатами. Преемник Мензиса, новый премьер-министр Гарольд Холт, посетил Вашингтон и в буквальном смысле слова заключил Линдона Джонсона в крепкие объятия, после чего раскритиковал британского премьера Гарольда Уилсона за осуждение американских бомбардировок во Вьетнаме. В конце этого года Канберра неохотно согласилась на запрос Вашингтона отправить дополнительные войска — третий пехотный батальон и несколько танков. Правительство Новой Зеландии, которое всегда относилось к вьетнамской авантюре с большими сомнениями, сочло себя обязанным последовать примеру более могущественного соседа. Осси и киви получили в свою зону ответственности провинцию Фьюкту к юго-востоку от Сайгона. Большая часть ее 100-тысячного населения придерживалась либо нейтральных, либо прокоммунистических настроений, и до прибытия частей ВНА главным противником Анзака были 445-й мобильный батальон и два регулярных полка Вьетконга. Свою основную базу союзники разместили в Нуидате на максимальном удалении от всех населенных пунктов, а вертолетную и логистическую базы расположили неподалеку от порта Вунгтау.

Тем временем антивоенная оппозиция в Мельбурне и Сиднее достигала беспрецедентных, порой даже крайних форм. Если в более мелких городах и сельской местности обстановка была относительно спокойной, то в портах профсоюз моряков отказывался обслуживать суда, направлявшиеся в зону военных действий. В декабре 1967 г. во время купания в море таинственно утонул премьер-министр Гарольд Холт, — некоторые предполагали, что он покончил жизнь самоубийством, не выдержав связанного с войной стресса. В этой традиционно консервативной стране демонстрации приобретали все более насильственный характер, а движение Новых левых привлекало в свои ряды массы сторонников из числа молодежи. Лейбористский клуб в Университете Монаша организовал сбор средств для НФОЮВ; в Мельбурне фанаты Мао аплодировали китайской Культурной революции; студенты скандировали на улицах: «Одни правы, другие — нет! Вьетконгу — побед!» Почтовые работники одно время отказывались обрабатывать почту для австралийских войск во Вьетнаме. В августе 1969 г. опросы впервые показали, что большинство австралийских избирателей выступают за уход из Вьетнама, — и после октябрьских выборов в парламент было принято решение о выводе одного батальона.

Но сами австралийские солдаты во Вьетнаме до последнего этапа войны обращали мало внимания на суматоху у себя дома. Лейтенант Нил Смит, приемный сын рабочего из Перта позже сказал: «Я бы ни за

какие бабки не отказался от этой возможности [поехать во Вьетнам]. Это именно то, чего жаждет каждый профессионал. Ты хочешь проверить себя. Наверное, отчасти это та дурь, которая бродит у молодых в голове». Австралийцам пришлось пережить несколько тяжелых сражений: 12 мая 1968 г. вновь прибывший 1-й батальон Королевского полка был развернут на базе «Коралл» вместе с новозеландской батареей огневой поддержки. В первую же ночь лагерь был атакован подразделением ВНА, застигнувшим австралийцев врасплох. В конце концов новозеландские артиллеристы и минометчики открыли по атакующим огонь прямой наводкой. Потеряв 52 человека убитыми, те отступили. Потери австралийцев составили 11 человек убитыми и 28 ранеными. Через три ночи северовьетнамцы атаковали снова, потеряв 34 человека убитыми; защитники потеряли 24 человека. Австралийцы были впечатлены боевыми качествами подразделений ВНА, которые они охарактеризовали как «совсем другую расу» по сравнению с местными отрядами ВК, с которыми им приходилось сражаться на юге провинции. Австралийская армия, которая по праву гордилась своим опытом в успешном подавлении повстанческих движений, отточенным в последние годы в Малайзии и на Борнео, где почти все столкновения происходили на уровне роты, осознала, что во Вьетнаме ее ожидает куда более серьезная война, по своему размаху все больше напоминавшая традиционную.

Осси и киви многое делали по-своему: носили широкополые шляпы вместо касок, а новой М-16 предпочитали 7,62-мм полуавтоматическую винтовку с более тяжелыми пулями, обладавшими большей убойной силой. Некоторые солдаты просили родителей прислать им садовые секаторы, с помощью которых было удобнее прокладывать путь в густых зарослях, чем армейскими мачете. В отличие от американцев, которые нанимали на свои базы местных поваров, уборщиков и прачек, австралийцы из соображений безопасности отказывались допускать вьетнамцев внутрь периметра и всю грязную работу делали сами. Они были поражены поведением союзников в боевой обстановке, считая его самоубийственной небрежностью; особенно это касалось шума. Однажды Нил Смит заночевал на американской базе огневой поддержки и был поражен тем, что офицеры спят отдельно от своих людей, а также стоявшим там гамом: «На австралийских позициях ночью так тихо, что слышно, как муха пролетит».

Американский капитан Артур Кэри, прикомандированный к австралийскому контингенту в 1968 г., был впечатлен их радиодисциплиной. В отличие от большинства американских подразделений, передававших оперативные сводки каждые несколько минут, «у австралийцев в командной сети по два-три часа могла стоять

полная тишина. В радиозэфире они общались очень спокойно. Не припомню, чтобы за все время, что я был с ними, они бы хоть раз сказали про “подсчет тел”». О последнем Кэри говорил с нескрываемым уважением, однако именно это было одной из причин недовольства американского командования Анзаком. Уэстморленд пенял им за скромную статистику вражеских потерь и считал ошибочной их практику ротации на ТВД целых подразделений, а не отдельных военнослужащих. Генерал-лейтенант Джулиан Юэлл, однажды нанесший визит в 7-й батальон Королевского полка, раскритиковал их «усердное патрулирование... Он подчеркнул важность статистики и подсчета потерь противника. С командиром [австралийского батальона] он разговаривал холодно, высокомерно высказывая свои нарекания. Его визит не вызвал ни дружественных чувств, ни уважения». Австралийцы решили, что американский генерал попросту не умеет нормально общаться с людьми: он пытался добиться беспрекословного подчинения, которое всегда претило австралийской нации, особенно на полях сражений.

Своих военных успехов австралийцы достигали не за счет самоубийственной храбрости, а благодаря правильным решениям, которые принимались младшими офицерами. Однажды в разгар яростного огневого контакта командир патруля Эндрю Фримантл принял решение не атаковать вражескую систему укреплений: «Я подумал, если мы поднимемся и пойдем в атаку в манере банзай, погибнет много людей. Но действительно ли это того стоит?» Он приказал отступить. Вечером к нему в домик пришел один из его солдат и сказал: «Босс, мы подумали, ты наверняка переживаешь из-за того, что сделал. Но мы хотели, чтобы ты знал: мы чертовски тебе благодарны. Если бы ты приказал идти в атаку, многие бы из нас не вернулись». Молодой офицер был ободрен такой поддержкой, но именно из-за такого рода тактических решений некоторые американские генералы обвиняли австралийцев в малодушии.

Австралийские высшие офицеры зачастую пользовались среди своих соотечественников и американцев худшей репутацией, чем младшие офицеры и «землекопы», как в Австралии называли рядовых. Бригадный генерал Стюарт Вейр, командовавший австралийским контингентом в 1969–1970 гг., был печально известен своим агрессивным и вспыльчивым нравом, чьи приступы гнева, по словам одного австралийского историка, «вызывали у сослуживцев сомнения в его психическом здоровье». Эффективность усилий Анзака подрывалась прискорбно ошибочным решением, принятым предшественником Вейра. В январе 1967 г. непопулярный бригадный генерал Стюарт Грэм сместил приоритет с осторожной стратегии

«блокировать и зачищать» на агрессивную стратегию «искать и уничтожать», что привело к резкому росту потерь. Коммунисты легко избегали прямых столкновений, как они сделали это в июле 1967 г., когда в ходе операции «Паддингтон» девять американских, австралийских и южновьетнамских батальонов безуспешно попытались заманить в ловушку полк ВК. Следующей весной австралийцы провели более успешную крупную операцию «Пиннару», в ходе которой были уничтожены системы подземных укреплений и захвачено много оружия, однако сами австралийцы понесли большие потери от мин-ловушек. Их контингенту попросту не хватало людей, чтобы зачистить так называемую Секретную зону Миньдам в гористой местности Лонгхай, которая оставалась прибежищем коммунистов до конца войны.

Опыт вьетнамской войны для австралийских пехотинцев мало чем отличался от американского: «Все время надоевшее до чертиков, изнурительное патрулирование, когда ты, навьюченный как буйвол, продираешься сквозь густые заросли, в сотый раз теряя свою шляпу, теряя счет шагам, не имея времени нормально перекусить, порой круглыми сутками пробираясь по ручьям и болотам, весь мокрый и грязный, — и так день за днем, в поисках того, что наши командиры называют “интересными” районами».

В попытке компенсировать нехватку личного состава бригадный генерал Грэм принял еще одно необдуманное, ставшее пагубным решение — отделить вьетконговцев от населения и риса с помощью 13-километрового барьера, простиравшегося от побережья до возвышенностей Лонгхай. Барьер представлял собой два параллельных заграждения из колючей проволоки на расстоянии около сотни метров друг от друга, которое саперы заполнили 22 600 минами. По задумке Грэма, австралийцы должны были вести патрулирование с одной стороны барьера, южновьетнамцы — с другой. Первые несколько месяцев казалось, что план Грэма сработал: некоторые отряды ВК, отрезанные от источников продовольствия, были вынуждены жить на подножном корму и голодать. Но затем вьетконговцы обнаружили, что минное поле почти не охраняется. С присущей им изобретательностью они выкопали тысячи мин и установили их в других местах. В последующие годы австралийцы и новозеландцы несли постоянные потери от собственных же мин, попавших в руки врага, — это был примерно каждый десятый погибший. В одном батальоне на минах подорвались 64 человека, 48 из них — на минах австралийского производства. Дополнительные проблемы возникли, когда барьер был признан неэффективным, и его решили убрать: танкисты и саперные подразделения несли такие большие потери, что от разминирования

было решено отказаться. Эта ползучая катастрофа вызвала громкий скандал в австралийских СМИ. Оппозиционные политики назвали ее «трагическим символом всей бесполезности и бессмысленности участия Австралии в этой войне».

«Эта вьетнамская война — странная штука, — размышлял лейтенант Роб Франклин, сын водителя грузовика из Брисбена. — В Первой мировой солдаты шли в атаку и знали, что враг там, на той линии траншей. Но в этих вьетнамских зарослях ты никогда не знал, есть ли там враг и где он. Иногда несколько недель проходило без единого выстрела. Понятное дело, ты ослаблял бдительность. И вдруг, откуда ни возьмись, вокруг тебя начинался ад». Чуть ли не в первый день Франклин едва не совершил катастрофическую ошибку при обеспечении огневой поддержки новозеландской стрелковой роты: его минометный взвод нанес удар менее чем в 15 м от своих союзников. Мучительно осознавая возможные последствия своей ошибки, лейтенант «постарел лет на десять». Ему казалось, что он не сумеет «с этим справиться». Проведя бессонную ночь, наутро Франклин с подгибающимися от страха коленями явился к командиру новозеландской роты. «Но тот оказался фантастическим парнем. Он просто сказал мне: “В следующий раз будь повнимательнее”». И Франклин больше не оплошал.

Перед отправкой во Вьетнам его батальон прошел интенсивную подготовку на своей базе в Таунсвилле, однако на месте им пришлось сменить тактику. «На учениях, когда мы попадали под обстрел, пулеметы должны были вести огонь по левую руку, пехотинцы — по правую. Но после нескольких контактов мы поняли, что здесь нужна совсем другая тактика: пехотинцы должны развернуться по максимально широкому фронту, а пулеметчики всех трех взводов должны как можно быстрее расстрелять по сотне патронов каждый, чтобы подавить противника огнем. Мы научились становиться лагерем в самых густых зарослях, которые только могли найти. Мы стали опытнее — и жестче». Некоторым нравилось воевать: один минометчик из взвода Франклина предпочел перевестись в стрелковый взвод, где было «больше контакта». Вскоре он был убит в перестрелке; дома у него осталась беременная подруга.

Через несколько дней после прибытия во Вьетнам в 1969 г. 19-летний уроженец Западной Австралии Нил Смит и трое других новичков были отправлены в «ознакомительное» патрулирование вместе с несколькими ветеранами, которым вскоре предстояло отправиться домой. Когда завязался первый короткий огневой контакт, молодой лейтенант со смущением обнаружил, что он — единственный из группы лежит ничком на рисовом поле. Той же ночью их патруль

устроил засаду; ветераны поручили Смигу и трем его товарищам-новичкам «отрезать пути отхода», а сами расположились впереди. Среди ночи окаменевший от страха лейтенант заметил группу из восьми вражеских солдат. В этот момент он осознал, что установил свои Claymore слишком близко, так что взрыв может задеть их самих. Поэтому он затаился и молился о том, чтобы его спящие товарищи не всхрипнули и противник прошел мимо. На протяжении всей своей долгой военной карьеры Смит со стыдом вспоминал свой страх и растерянность в ту ночь, что, впрочем, было обычным делом для тысяч молодых солдат с обеих сторон.

Смит был очарован экзотическими вьетнамскими ночами, далекими вспышками орудийных залпов на черном бархате неба, россыпью вездесущих светлячков. Его поражало обилие живых существ, которыми кишела окружающая природа. Однажды в жаркий день он рыл окоп без рубашки и, вытерев потную грудь платком, вскрикнул от резкой боли: притаившийся в платке скорпион укусил его за левый сосок. В этот момент, как назло, началась перестрелка, но Смит бегал туда-сюда, вопя от невыносимой боли, пока в конце концов «наши медики вежливо не посоветовали мне подобрать соплю», что на австралийском сленге означало успокоиться. 31 декабря 1969 г. в письме родителям он назвал традиционное новогоднее прекращение огня «полным дерьмом... абсолютно бесполезным для нас... которое только дает узкоглазым возможность спокойно перегруппироваться... Сейчас я чувствую себя довольно грустно и одиноко. Это сучья война. Бывает, по много дней ничего не происходит, но ты знаешь, что что-то может случиться в любой момент». Он рассказывал, что однажды его подразделение обнаружило отряд ВК по зловонному запаху гангрены: «У одного бедняги пулей было снесено пол-лица, и ее жрали личинки».

Хотя политические отношения между большой и нахрапистой Австралией и ее более мелким и скромным новозеландским соседом традиционно были омрачены некоторой напряженностью, их солдаты на полях сражений всегда воевали плечом к плечу. По слухам, самый большой страх вьетконговцам внушали новозеландские солдаты из племени маори, которых те считали людоедами. В австралийских подразделениях служило немало офицеров и сержантов, воевавших во Второй мировой войне, в Корее или Малайе. Были среди них и иностранцы — Нил Смит питал отвращение к одному сержант-майору, который в свое время был членом гитлерюгенда, а теперь с удовольствием убивал всех вьетнамцев, которые попадались ему под руку: «Он был конченым отморожком». Небольшой контингент британских пилотов в эскадрильях Австралийских Королевских ВВС пользовался отличной репутацией, а в Специальной авиадесантной

службе (САС) ценили бывшего бойца итальянских альпийских стрелков, а также бывших британских военнослужащих, таких как Эндрю Фримантл. Закончив школу подготовки к боевым действиям в джунглях, Фримантл горел желанием применить свои умения в деле, но британская армия на тот момент не могла предложить ему ничего более экзотического, чем Северная Ирландия: «Я написал письма в спецназы Южной Африки, Родезии и Австралии: “Я — обученный убийца. У вас есть для меня работа?” Все трое ответили “да”, но австралийцы приложили билет на самолет первым классом». Фримантл прослужил в САС три года, один из них во Вьетнаме, и был доволен этим опытом — «это потрясающее место для профессионала». Хотя поначалу сослуживцы его недолюбливали и «давали ему прикурить» — типичное отношение к британцам в Австралии, — во Вьетнаме он нашел с ними общий язык. Огромный сержант по прозвищу Работяга одобрительно сказал: «Мы знаем, что ты первым высунешь голову и, случись какое дерьмо, возьмешь вину на себя».

Нил Смит не видел большой разницы между боевыми качествами добровольцев и срочников, отчасти потому, что немногие из последних находились во Вьетнаме вопреки своей воле: «Если парень действительно этого не хотел, было глупо отправлять его туда». Ядро каждого подразделения составляли опытные ветераны, стальные люди, такие как команд-сержант-майор 8-го Королевского полка Хепплайт, который однажды был застигнут огневым контактом за справлением большой нужды. «Не теряя времени, чтобы натянуть штаны, он вскочил и начал управлять огнем, — восхищено сказал Смит. — Это была достойная картина». Австралийцы придавали большое значение патрулированию местности и были озадачены тем, что после 1969 г. все больше американских подразделений отказывались выходить за пределы периметра. Патрульные группы были разного размера, САС обычно использовала патрули по пять человек исходя из тех соображений, что, если один будет ранен, двое будут его нести, а еще двое обеспечивать прикрытие. Распространенной практикой было брать с собой на операцию вьетнамца, который предоставил информацию, — либо чиеу-хой, либо местного жителя: «Если он нас дезинформировал, он первым попадал под пули». По словам одного ветерана, «терпение — вот что было главным». Однако австралийцы, как и американцы, страдали от хронического недостатка разведданных: как справедливо заметил один офицер, крестьяне не могли доверять иностранцам, которые скоро уйдут и бросят их на произвол судьбы.

Эндрю Фримантл проникся к противнику глубоким уважением, особенно после того, как они наткнулись на одну из его систем подземных туннелей: «Однажды мы сели послушать — полезное дело

во время патрулирования — и вдруг заметили, что из земли торчит труба. Мы бросили в нее дымовую гранату, заткнули шляпой, и где-то через минуту увидели, как из зарослей в нескольких метрах от нас выходит дым». Фримантл и его товарищи спустились вниз и исследовали систему туннелей, которая, на их счастье, оказалась заброшенной: она простиралась под землей на добрые полкилометра. «Черт возьми, — восхищенно подумал Фримантл, — люди, которые способны сделать такое, знают толк в войне». Чтобы уничтожить этот подземный комплекс, им потребовалось две тонны взрывчатки С4. Австралийские спецназовцы, которые вели наблюдение за лагерем ВК, широко раскрытыми от удивления глазами смотрели, как партизаны с помощью горячего пара выплавляли взрывчатое вещество из неразорвавшихся бомб, из которого затем делали гранаты и мины-ловушки. Фримантл отмечал, в каком хорошем состоянии находилось оружие и другое военное снаряжение, которое они находили на убитых солдатах ВНА. Однажды бывший британский спецназовец наблюдал в бинокль за передвижением вражеского подразделения: «Когда я увидел, как они идут боевым порядком “наконечник стрелы” с головным отделением впереди... с командующим офицером и сопровождающим его радистом... Мне показалось, что я вижу наших парней, марширующих по равнине Солсбери».

В последние дни войны в австралийском контингенте также возникли дисциплинарные проблемы, хотя далеко не в таком масштабе, как и у американцев, и связанные со злоупотреблением алкоголем, а не наркотиками. По словам Роба Франклина, «мы предпочитали наркоте хороший грог». Официально солдатам выдавалось всего по две банки пива в день; проблема была в «накопительном эффекте»: так, после 20-дневного патрулирования, когда они возвращались на базу, у каждого накапливалось по 40 банок. Однажды австралийский военный трибунал, у которого, надо отдать должное, было немного работы, осудил лейтенанта, застрелившего из пистолета рядового в ходе пьяной драки после неумеренного потребления пива. На Рождество 1970 г. пьяный рядовой открыл стрельбу из винтовки в столовой младшего командного состава на базе «Нуидат», убив двух сержантов и тяжело ранив третьего. В предыдущем году два случая фраггинга унесли жизни двух офицеров. Вскоре после своего прибытия во Вьетнам Нил Смит спал в палатке, стоявшей рядом с палаткой лейтенанта Боба Конвери. Когда прогремел оглушительный взрыв, Смит с товарищем скатились с коек и вжались в землю, думая, что начался минометный обстрел. Когда дальнейших взрывов не последовало, они выбрались из палатки и узнали, что один из обиженных солдат бросил в койку Конвери гранату

— тот погиб на месте. В австралийской армии фразинг был куда менее серьезной проблемой, чем в американской, но также случался.

Свои короткие «отпуска для отдыха и восстановления сил» австралийские военнослужащие проводили в Вунгтау. Ходили слухи, что вьетконговцы использовали портовый город для той же цели: «Мы знали, что каждый второй парень в этом городе был коммунистом, который приехал сюда, как и мы, отдохнуть от войны. Но это устраивало обе стороны, поэтому там никогда не было стрельбы». Офицеры предпочитали собираться в «Гранд-Отеле», хозяйкой которого была гостеприимная женщина, наполовину француженка, не скрывавшая своей убежденности в том, что ее гости проиграют войну: она сидела на чемоданах, готовая в любой момент сбежать в Европу. Рядовые восстанавливали силы общением с проститутками, возлияниями грога и впечатляющими кулачными боями. По Вьетнаму ходила шутка, что, если вы видите вылетающее из окна бара тело, то либо это тело, либо его метатель обязательно окажется австралийцем.

Между тем в Австралии антивоенные страсти продолжали накаляться. После гибели одного пехотинца активисты позвонили его родителям и заявили: «Ваш сын получил по заслугам». В конце 1970 г. командование прекратило операцию австралийской пехоты на возвышенностях Лонгхай, после того как постоянный поток потерь от мин вызвал бурю негодования внутри страны. В том же году перед возвращением одного из батальонов в Австралию его командир предупредил своих офицеров: «Держите своих парней железной хваткой. Я не хочу, чтобы кто-то из наших ребят отходил прикладом гражданское лицо», которое будет осыпать ругательствами или насмешками. Один офицер признался, что он и его люди были шокированы, когда вернулись домой и увидели иступленные антивоенные протесты: «Мы не понимали этого. Мы считали, что поступили правильно, отправившись туда [во Вьетнам] и сделав то, что мы сделали». В 1972 г. ключевыми пунктами успешной избирательной кампании лидера лейбористов Гофа Уитлэма были отмена призыва и вывод войск. Уитлэм привел свою партию к власти и выполнил обещание: уже к концу года последние австралийские и новозеландские солдаты покинули Вьетнам. В общей сложности через Вьетнам прошло около 60 000 австралийских военнослужащих, из которых в боях погиб 521 человек; из 3890 новозеландцев война унесла жизни 37 человек.

Среди современных австралийских историков широко распространено мнение, что решение Роберта Мензиса отправить войска во Вьетнам было не более чем рефлекторным жестом холодной войны — опрометчивым обязательством, которое его преемники на посту премьер-министра были вынуждены выполнять вопреки своей

воле. Между тем австралийский писатель Питер Эдвардс высказывает другую точку зрения, приводя доводы в пользу принятого в 1965 г. решения: «Происходящее во Вьетнаме не рассматривалось Мензисом и его ключевыми советниками как “чужая война” — они считали, что война, которую ведут там Соединенные Штаты, отвечает интересам национальной безопасности Австралии», и, следовательно, они должны оказать им союзническую помощь. Он добавляет, что к 1975 г. стратегическая способность Австралии, Таиланда, Малайзии и Индонезии противостоять коммунистической угрозе значительно укрепилась по сравнению с серединой 1960-х гг. Многие мыслящие люди в этих странах также убеждены, что военные усилия союзников косвенным образом способствовали стабилизации их государственности. Сингапурский премьер-министр Ли Куан Ю часто говорил американцам: «Если бы вы не воевали, нас бы сейчас не было».

Австралийцы и новозеландцы отличились во Вьетнаме, но было бы ошибочно предполагать, как утверждают некоторые их почитатели, что исход войны мог бы быть другим, если бы американцы и в первую очередь южновьетнамцы воевали с той же доблестью и мастерством, что и они. Несмотря на большие потери, коммунисты продолжали поддерживать в зоне ответственности Анзака значительное вооруженное присутствие. Кроме того, как уже не раз подчеркивалось на протяжении этой книги, поражение союзников в этой войне проистекало не столько из их неспособности одерживать победы на полях сражений — они их одерживали, — сколько из отсутствия жизнеспособной политической и общественной системы внутри страны, без которой та была обречена. Доктор Норман Уиндхэм, 60-летний австралийский хирург, был набожным христианином и возглавлял добровольческую медицинскую команду в госпитале в Вунгтау. За время пребывания во Вьетнаме он научился бегло разговаривать по-вьетнамски. В 1967 г. он так написал о настроениях местных жителей: «Большинство хотят, чтобы Вьетнам объединился, но не под властью коммунистов... Однако люди все чаще говорят, что лучше уж любой худой мир, чем вечная война». Два года спустя такие настроения распространились по всему Югу.

Боги войны

Эту войну — и в первую очередь голливудские фильмы об этой войне — трудно представить без такого ключевого персонажа, как вертолет Huey. Конечно, там были и Sea Knights — «Морские рыцари», и Jolly Green Giants — «Веселые зеленые гиганты», и Chinook, и Flying Bananas — «Летающие бананы», и тяжелые транспортные Tarhe, и легкие Jet

Rangers, и многие другие. Но ни один из них не мог сравниться в популярности с Huey. Многоцелевой вертолет HU-1 (позже UH-1) Iroquois был разработан в 1950-х гг. компанией Bell для нужд армии и стал одной из самых массовых машин в истории вертолетостроения. Он стал символом колоссальной и, казалось, непобедимой мощи Соединенных Штатов — и впоследствии их удручающего бессилия. Модификация UH-1D, самая распространенная из многочисленных последующих вариаций, впервые прибывшая во Вьетнам в 1963 г., представляла собой четырехтонную «стрекозу» с двигателем от Lycoming, способную развивать максимальную скорость больше 200 км/час. Транспортный вариант — slick — «скользящий» на армейском сленге — мог нести девятых солдат в полной экипировке; медицинский эвакуационный вариант — dust-of — вмещал шесть носилок; ударно-штурмовой вариант — gunship — был оснащен различными комбинациями ракет, скорострельных пулеметов и другого автоматического оружия. В общей сложности было построено 16 000 единиц этих машин; в плохие времена американцы теряли до 1000 вертолетов в год из-за вражеского огня, технических неисправностей или ошибок пилотов. Даже те, кто ненавидел войну, любили Huey — любили ощущать бьющий в лицо поток свежего воздуха, когда ты сидишь в открытом дверном проеме, уперевшись ботинками в полозья и небрежно держась за стальную стойку, и твоему взору с высоты 300 м предстают живописные пейзажи Юго-Восточной Азии с их сочной, глянцево-зеленой, извилистыми венами рек и ячейками рисовых полей.

Вот как описывал свои впечатления советник CORDS лейтенант Брайан Уолрат: «Ты сидишь на жестком полу, от оглушительного шума закладывает уши. Всем телом ты ощущаешь, как сзади вибрирует мощный двигатель; редукторы взывают, передавая мощность на несущий и хвостовой винты; лопасти молотят воздух. Мимо ушей свистит ветер. Твоя жизнь — в руках пилота; ты беззащитен против врага, который в любой момент может изрешетить пулями тонкий алюминиевый корпус. Внизу мелькает лоскутное одеяло рисовых полей, которое, по мере того как мы удаляемся все дальше на запад в сторону гор, сменяется непроницаемым пологом плотной листвы».

Пехотинцы смотрели на пилотов как на добрых магов и зачастую как на спасителей. Лейтенант ВМС США Мел Стивенс навсегда запомнил охватившую его волну облегчения и благодарности к экипажу вертолета, который эвакуировал его с борта речного десантного катера, когда он получил тяжелое ранение в ходе ночной операции: «Пилоты казались нам богами». Это впечатление усиливалось их кажущейся обезличенностью за солнцезащитными щитками шлемов. «Я никогда не

видел глаз пилота», — сказал Брайан Уолрат: из грузового отсека были видны только голова в шлеме, верхняя часть спины над зеленым бронированным креслом и руки в перчатках, уверенно щелкавшие переключателями и перемещавшие рычаги.

Большинство пилотов были опытными профессионалами с замашками удалых ковбоев, которые, казалось, с одинаковой беспечностью относились как к собственной жизни, так и к жизни других людей. Однажды австралийский капрал Рой Сэвидж стоял на полозьях американского Huey, помогая последнему солдату из своего отделения забраться на борт, когда вертолет неожиданно взмыл вверх. Сэвидж застыл от ужаса, глядя на стремительно удаляющуюся землю, но в этот момент бортовой стрелок, гигантского роста негр, схватил его за разгрузочный ремень и втащил в грузовой отсек. Пилот оглянулся через плечо и весело крикнул: «Чуть не оставил тебя на земле, чувак!» Корреспондент Нил Шиэн иногда был вынужден просить воздушных «шоферов» не увлекаться своей любимой забавой — устраивать шторм над пальмовыми рощами. Некоторые из тех, кто пытался использовать свои 15-метровые лопасти, чтобы прорубить проход в трехъярусных джунглях, расплачивались за такое неподобающее обращение с техникой, хотя на удивление многим это сходило с рук.

Один пилот Huey обслуживал тысячи военнослужащих. Дэн Хикман впервые поднялся в небо на вертолете в 1967 г., когда ему было 20 лет, и с тех пор всей душой влюбился в этих стальных стрекоз. Он родился на табачной ферме в Северной Каролине, где «отец заставил меня пройти суровую школу рейнджеров». В первый день в вертолетной школе в Форт Уолтерс, Техас, ее начальник без обиняков предупредил 200 курсантов-новичков: «Половину из вас мы отсеем. Один разобьется прямо здесь. Остальные 99 отправятся во Вьетнам». За пять месяцев в Уолтерсе они налетали по 120 часов на маленьких учебных Hughes, после чего их перевели на авиабазу в Саванне, где они пересели на Huey с 1300 л/с внутри. По словам Хикмана, «он был большим и мощным, выглядел просто огромным после Hughes — настоящий зверь. Учиться летать на вертолете очень похоже на то, как учиться ездить на велосипеде: сначала ты чувствуешь себя неуверенно, боишься упасть, а потом в голове словно что-то щелкает». Хикман осознавал риски: «Huey не был таким маневренным, как OH-6 и другие легкие вертушки. Если ты делал разворот на малой высоте по ветру, нельзя было сразу брать влево, если ты не хотел оказаться на земле. Если ты терял мощность на высоте 500 м, у тебя было восемь секунд, чтобы спастись». После четырех месяцев в Саванне начинающих пилотов направили на месячные тактические курсы, где их познакомили со всеми видами вертолетного вооружения.

На протяжении всех месяцев учебы Хикман боялся, что война во Вьетнаме закончится, прежде чем он успеет туда попасть. Его опасения были напрасны. В сентябре 1968 г. он прибыл во Вьетнам и был направлен на базу в Диан недалеко от Тэйниня, где нашел бывалых профи, которые «знали, что делали», и это подбодрило его. Однако он был шокирован тем, с какой беспечностью его, необстрелянного пилота, бросили «в дело». Командир звена сказал ему: «Можешь занять эту койку. Кстати, готов завтра на вылет?» Хикман, разумеется, ответил: «Да». — «Тогда полетишь вторым пилотом на Собга». Утром, когда он шел со своими новыми товарищами на летное поле, один спросил у другого: «Прикончил кого-нибудь вчера?» — «Да, троих», — спокойно ответил тот. Хикман подумал: «Эти парни чокнутые».

Затем начались военные будни; иногда Хикман проводил в воздухе по 13 часов в день: «Машина всегда была перегружена. Посадка тоже была проблематичной, потому что на пару метров над землей поднималось такое облако бурой пыли, что ты ни черта не видел. Ты смотрел через плексигласовое стекло под ногами, пытаясь разглядеть землю». Тем не менее он получал огромное удовольствие от полетов, потому что там не было ни линий электропередачи, ни каких-либо других серьезных ограничений. Несколько десятилетий спустя, когда бригадный генерал Хикман в 2004 г. прибыл в Ирак в качестве командующего бригадой Национальной гвардии, он был поражен тем, насколько армия стала нерасположенной к риску: «Из войны исчез весь азарт».

В их воздушно-кавалерийском подразделении было десять легких наблюдательных вертолетов ОН-6, вооруженных скорострельными пулеметами; шесть транспортных Ниеу с пулеметами М-60 в дверных проемах, расстреливавшими по 550 патронов в минуту; десять ударных Собга и аэромобильный пехотный взвод. Обычно они летали либо на высоте 500 м, либо почти над землей, едва не касаясь верхушек деревьев и «перепрыгивая» через дома. «Мы полагались только на свои рефлексy — я не принимал никаких медикаментов». Полной заправки баков Ниеу реактивным топливом J-4 хватало на 150 минут, после чего приходилось возвращаться на базу для «горячей дозаправки»: Хикман сажал свою вертушку среди других 15 Ниеу, которые с вращающимися винтами — во время боя двигатели не выключали — стояли на взлетном поле, присоединенные шлангами к огромным резиновым топливным бакам. Хикман обнаружил, что техобслуживание вертолетов здесь проводилось гораздо тщательнее, чем в летной школе: воздушные фильтры в двигателях, которые быстро забивались пылью, проверялись ежедневно; каждые 25 часов налета машины проходили

промежуточную инспекцию, а каждые 100 часов — полную инспекцию, занимавшую восемь часов.

Пилоты питались яичным порошком, солониной, сухим молоком и хлебом из муки грубого помола; иногда по вечерам употребляли крепкие спиртные напитки, когда те удавалось раздобыть. По вечерам Хикман писал письма девушке по имени Кэрол из Саванны. Его жалование уорент-офицера составляло \$500 в месяц: за четыре дня в Гонконге, куда он слетал во время отпуска, он потратил \$1700, часть из них — на покупку шести костюмов, шести пар обуви и большой стереосистемы. В душе была только холодная вода, а по утрам на базе стояло ненавистное зловоние горящих испражнений, когда уборщики вытаскивали из уборных бочки со вчерашним содержимым и поджигали его, залив авиационным спиртом. Они тосковали по американской еде; однажды пилоты прослышали о том, что в Сайгоне есть заведение, где готовят настоящие гамбургеры. Они решились на безрассудную авантюру: сели на джип, проехали полсотни километров по опасной местности и до отвала наелись любимой еды. На следующий день у них началась страшная рвота и кишечное расстройство: незадачливые гурманы часами не вылезали из уборной, а Хикман думал, что умрет.

Помимо пехотинцев, никто больше не принимал более непосредственного участия в боевых действиях, чем пилоты Ниеу. «Один из наших помешался на убийствах», — вспоминал Хикман. Среди его сокурсников по вертолетной школе многие были убиты или ранены — в общей сложности во Вьетнаме погибло 4000 членов вертолетных экипажей. Как-то в ходе боевого вылета у его бортмеханика вдребезги раскололся шлем от попадания пули — Хикман подумал, что его человеку конец, но, к счастью, пуля лишь слегка задела череп. В ходе другого боя Хикман завис над землей на высоте в пару метров, высунулся из окна кабины и швырнул гранату в находившийся внизу блиндаж, где засел противник. Бывали и курьезные случаи: однажды их бортмеханик по неосторожности прострелил корпус вертолета из своего пистолета .45 калибра — как нашкодившие школьники, они забили рваные металлические края внутрь, чтобы отверстие выглядело так, будто пуля вошла извне.

«Моими лучшими друзьями были Джим Ньюман и Элмор Джордан, черный парень из Вашингтона. Мы шутили, что, если кто-то из нас поймет, что ему конец, он должен выбросить свой бумажник, чтобы его подобрала другая». Однажды Хикман услышал по радиосвязи, как Джордан сообщил, что его машина попала под обстрел и он пытается дотянуть до базы. Вскоре он передал, что потерял гидравлику и вертолет дымится. Его бортмеханик, который ничем не мог помочь поврежденной машине, забился в кабину к пилотам. Через пару минут

Джордан снова вышел в эфир: «Двигателю тоже конец». «Ну вот и настал момент Элмору выбросить свой бумажник», — с горечью подумал Хикман. Потом он увидел за лесополосой черный столб дыма: Huey рухнул на землю в нескольких сотнях метров от взлетно-посадочной полосы. Но экипажу чудесным образом удалось выжить: бортмеханик успел выпрыгнуть из вертолета, прежде чем тот врезался в землю, после чего бросился к горящей машине и вытащил обоих пилотов. В ходе одного боевого вылета Джим Ньюман получил тяжелое ранение в шею, но остался в живых: он тоже не спешил «выбрасывать свой бумажник».

«Однажды Джим меня подбил. Мы подлетали к горячей зоне высадки и попали под плотный огонь. Я сказал Кобрам: “Прикройте меня ракетами”. Потом раздался мощный “бум”, и осколки от ракеты Джима изрешетили нашу приборную панель. Мы смогли дотянуть до небольшой поляны, где совершили аварийную посадку. Потом я сказал Джиму: “Собьешь еще четырех и получишь звание аса — от коммунистов!”». Лучшим пилотом в их подразделении был Харли Гофф, но все его мастерство не смогло спасти его от сокрушительного падения после повреждения трансмиссии. Гофф получил переломы трех из четырех конечностей и лишился всех зубов, став наглядным примером того, какую огромную роль на войне играет обычное везение.

На каждом Huey стояло два дверных пулемета, за один из которых отвечал бортмеханик, за другой — пехотинец. «Они были вашими глазами», — вспоминал Хикман. М-60 нуждался в тщательной чистке, иначе его могло заклинить; бортовой стрелок также должен был следить за тем, чтобы под порывами ветра патронная лента не развевалась из дверного проема. Для усиления психологического эффекта Хикман заставлял своих стрелков полностью загружать пулеметные ленты трассирующими патронами — в нарушение действующей инструкции, которая предписывала один трассер на пять обычных патронов. «Трассеры довольно быстро выжигали стволы, но во время высадки десанта вам было нужно, чтобы враг не поднимал головы». Он знал, что с борта вертолета, который непрерывно перемещался сразу во всех направлениях, меткость стрельбы была очень низкой.

Хотя Cobra и Huey имели одинаковый взлетный вес около 4,3 т, последний в модификации ударного вертолета, оснащенный 62 ракетами и скорострельными пулеметами на 4000 патронов, был менее шумным и более плавным в полете. Ни в одной войне, ни до этого, ни после, не было задействовано такого количества тактических вертолетов, как во Вьетнаме. «Иногда над полем боя кружило больше сотни вертушек, — вспоминал Хикман. — Когда в воздух поднималась группа из десяти транспортников с четырьмя самолетами огневой

поддержки и постановщиком дымовых завес, это было впечатляющее зрелище». С детства не привыкший к кондиционерам на родительской ферме в Северной Каролине, Хикман спокойно переносил влажную азиатскую жару. В ходе ночных вылетов по обеспечению осветительной поддержки он трясся от холода под порывами ледяного ветра на высоте 2 км, с которой они сбрасывали осветительные бомбы. Эти самые бомбы — Mk24 — мощностью в миллионы свечей были опасным грузом. «Я ненавидел такие вылеты», — признался Хикман: они потеряли несколько машин из-за воспламенения бомб в грузовом отсеке.

После относительного затишья зимой 1968 г., когда «противник почти исчез, с января война разгорелась с новой силой». Время от времени Хикмана и его товарищей отправляли в трехдневные миссии к камбоджийской границе, в ходе которых им приходилось совершать ночные посадки, ориентируясь по горящим бочкам, наполненным песком и горючим, и спать на земле рядом со своими машинами. Поначалу им казалось странным, что вьетконговцы давали в воздух несколько трассирующих очередей, но не открывали серьезного огня. Но затем все изменилось, и им не раз довелось попасть в «адское пекло»: как-то ночью их отправили эвакуировать группу глубинной разведки, которая оказалась втянутой в ожесточенный контакт с противником. Они связались с кружившим рядом самолетом поддержки южновьетнамских ВВС, чтобы тот обеспечил огневое подавление с воздуха, но пилот отказался приближаться к зоне сражения. Их сопровождали два ударных вертолета Cobra, но, поскольку даже в опытных руках стрелков их оружие давало разброс почти в 20 м, вести огонь в темноте были слишком рискованно. Хикман почти час кружил над зоной, пытаясь скоординировать спасательную операцию. В конце концов один из рейнджеров на земле включил строб, замаскировав его каской, и указал им путь к крохотной прогалине среди джунглей, где Ниеу смогли приземлиться и забрать осажденных рейнджеров. В ходе другого ночного рейда они потопили 23 сампана, плывшие из Камбоджи: «Мы обозначили цель трассерами, а затем Кобры ракетами подняли их на воздух. Командование хвалило нас, говоря, что мы уничтожаем больше врагов, чем вся остальная 9-я дивизия».

В их подразделении служило 300 человек, в том числе около 40 летных экипажей. Звания не играли большой роли: «У нас было очень мало “сэров” — большинство из нас были 21-летними парнями, которые хотели делать то, что считали правильным и нужным, без строгого надзора». Что касается командиров подразделения, то один отказывался летать ниже 600 м, а его преемник был «смелым, но так и не научился хорошо летать». Днем Хикман чаще всего летал на Ниеу, по ночам — на

Собра. Однажды, когда его подняли среди ночи и дали задание забрать завязший в стычке с ВК разведывательный патруль, он спросил командира звена: «Почему именно я?» И был польщен ответом: «Потому что у тебя больше всего шансов вернуться живым». В подразделении они потеряли несколько вертолетов из-за столкновений с деревьями: «Такого рода вещи случаются, когда молодые парни впадают в азарт». Самый низкий показатель потерь был у Собра, самый высокий — у легких наблюдательных вертолетов ОН-6: «Они воевали на высоте 5 м».

Хотя в их подразделении было несколько случаев самострелов, а несколько пилотов предпочли перевестись на наземную службу, «большинство людей были способны собрать волю в кулак и делать то, что нужно было делать». Хикман сохранил убежденность в том, что войну во Вьетнаме можно было выиграть, «но к 1969 г. стало очевидно: либо мы идем на Север, либо вообще убираемся отсюда. Антивоенное движение — это было предательство. Это была кучка крикливых студентов, которые ничего не знали о жизни. Я верил в нашу армию. В ней было много людей, которые пытались делать правильные вещи».

Вьетнамизация

В первые месяцы своего президентства Никсон и его советники отчаянно пытались найти новые способы прекратить войну. Министр обороны Мелвин Лэйрд, бывший конгрессмен от Висконсина, посетив Сайгон в марте 1969 г., сказал Крейтону Абрамсу, что смена администрации дает им небольшую передышку: «Думаю, у нас есть некоторое время... чтобы разработать национальную политику, которую мы сможем представить [американскому] народу». По его мнению, новый курс должен был «предусматривать значительное уменьшение вклада Соединенных Штатов в ЮВ, что касается не только людей, но и человеческих потерь, военных поставок и долларов... Должен предупредить, что возникнет много вопросов по поводу использования В-52». Встревоженный Абрамс попытался отстоять это чрезвычайно эффективное, на его взгляд, оружие: «На самом деле это очень оперативное средство... Требуется всего пара часов, чтобы заменить весь груз и доставить его куда угодно и в каком угодно количестве».

Роль советника по национальной безопасности, ранее почти не замечаемая СМИ и вашингтонским истеблишментом, ныне приобрела беспрецедентную значимость. До выборов доктор Генри Киссинджер входил в лагерь соперника Никсона по Республиканской партии Нельсона Рокфеллера. После выборов он перешел в лагерь нового

президента и стал ключевым проводником его внешней политики. Убежденный приверженец прагматичной и, когда необходимо, циничной концепции «реальной политики» (realpolitik), впервые сформулированной Людвигом фон Рохау в середине XIX в., Киссинджер никогда не считал войну во Вьетнаме потенциально выигрышной. Он разделял убеждение Никсона в том, что, каковы бы ни были ее возможные выгоды, война обходилась слишком дорого с точки зрения политического внимания, материальных ресурсов и морального авторитета, отвлекая США от жизненно важных интересов в других местах планеты. Этот блестящий и харизматичный дипломат сумел преодолеть нелюбовь своего нового босса как к евреям, так и к интеллектуалам — сначала благодаря своей беспрекословной лояльности, а затем и беспринципности, мало уступающей президентской. Живя ледяным рассудком, он умело имитировал душевную теплоту. Артур Шлезингер писал в ранние дни президентства Никсона: «Мне нравится Генри, и я его уважаю, хотя не могу избавиться от чувства, что мне он говорит одно, а [консервативному идеологу] Биллу Бакли совсем другое».

Глава аппарата Белого дома Г. Р. Холдеман однажды признался: «Именно Генри настаивал на том, что лучшая линия поведения для президента — агрессивная непредсказуемость». Именно такое впечатление о менталитете Никсона Киссинджер стремился создать у Ханоя. Он был убежден, что существовал единственный способ принудить руководство Северного Вьетнама пойти на компромисс — создать «непреодолимые препятствия для ведения войны». И первым делом нужно было начать массированные, но секретные бомбардировки стратегической авиацией В-52 районов сосредоточения коммунистических сил. В воскресенье 16 марта Холдеман без малейшей тени иронии написал, что после посещения церкви Никсон санкционировал бомбардировку Камбоджи: «Исторический день. Сегодня в 2 часа дня по нашему времени наконец-то начата операция “Завтрак”. К [Киссинджер] полон энтузиазма, как и П [президент]». В течение следующих трех лет ВВС США сбросили на беспомощную страну принца Сианука 108 823 тонны бомб. Когда один из экипажей В-52 по ошибке разбомбил камбоджийскую деревню, уничтожив почти все ее население, посол США посетил это место и раздал оставшимся в живых жителям по \$100. Промахнувшийся летчик был оштрафован на \$700.

Белый дом пришел в ярость от очередной показательной демонстрации коммунистами своей силы на Тет 1969 г., когда больше ста южновьетнамских городов и поселений были подвергнуты атакам. Никсон воспринял их почти как личный выпад, посредством которого

Ханой хотел показать, что считает его не более опасным противником, чем Линдона Джонсона. Таким образом, бомбардировки стали неотъемлемой частью того, что Киссинджер называл «принудительной дипломатией». В духе той же концепции «принуждения к миру» Совет национальной безопасности выступал за проведение операции «Подрезочный нож» — четырехдневного интенсивного воздушного бомбардировки против Северного Вьетнама, который предусматривал возможность применения тактического ядерного оружия. Киссинджер проинформировал о плане операции советского посла Анатолия Добрынина, а в июле Никсон написал личное письмо Хо Ши Мину, пригрозив прибегнуть к «действиям, которые будут иметь огромные последствия», если Ханой откажется пойти на компромисс. 13 октября 1969 г. Никсон объявил секретную ядерную тревогу, приведя вооруженные силы США по всему миру в состояние повышенной боеготовности. Этот шаг, информация о котором «просочилась» в СМИ, был призван убедить коммунистический блок в том, что во главе самой могущественной державы мира стоит воинственный главнокомандующий, склонный к решительным — и даже безрассудным — действиям, если встать у него на пути. Однако Москва почти не обратила внимания на этот блеф, и никакие другие маневры американского президента, казалось, не производили на коммунистов никакого впечатления. Они воспринимали Никсона не как сумасшедшего, а как рационального политика, пытавшегося найти способ избежать пусть не поражения США в этой войне, но открытого признания своего поражения.

О «гениальности» Киссинджера сказано так много, что стоит сказать хотя бы пару слов о том серьезном заблуждении, в котором пребывали советник и его президент, считая, что путь к миру во Вьетнаме лежит через Москву. Осенью 1969 г. президент предупредил советского посла Добрынина: «Я хочу, чтобы вы поняли, что следующие три с половиной года Советскому Союзу придется иметь дело со мной... Мы не будем спокойно сидеть и смотреть, как с нами играют во Вьетнаме». Между тем Москва сама была удручена хроническим отсутствием влияния на Ханой в обмен на \$500 000 своей ежегодной помощи. До того как в 1970 г. Фам Ван Донг нанес визит в Москву, советский посол в Ханое на протяжении двух лет призывал северовьетнамское руководство к «более конструктивной... и искренней позиции» на мирных переговорах в Париже. Он напрасно тратил силы.

Отчаянно пытаясь найти средства воздействия на коммунистов, чтобы пошатнуть их непримиримую позицию, Белый дом одновременно стоял перед несовместимым с этой задачей внутривластным

требованием: сократить присутствие американских войск во Вьетнаме. Киссинджер пытался убедить СНБ, администрацию и, возможно, самого себя в том, что эти два курса не противоречат друг другу. Сокращение контингента, утверждал он, «при условии обеспечения более устойчивого присутствия США может быть еще одной формой давления». Это был полный нонсенс, однако Киссинджер был прав в том, что США не могли просто так взять и уйти из Южного Вьетнама — «как нажать кнопку “выкл.” на телевизоре».

Хотя Никсон и его советник по национальной безопасности относились к министру обороны Мелвину Лэйрду с плохо скрываемым пренебрежением, именно он предложил новую доктрину, радикально изменившую курс США во Вьетнаме, а также дал ей название — «вьетнамизация», которое впоследствии стало нарицательным, хотя и вызывало резкую неприязнь у самих вьетнамцев. В соответствии с новой доктриной США отказывались от роли ключевого участника военных действий, которую взяли на себя в 1965 г. Вместо этого ведение войны против коммунистов предполагалось постепенно переложить на Вооруженные силы Республики Вьетнам, оставив КОВПВ вспомогательную роль. 14 мая 1969 г. Никсон, выступая по национальному телевидению, заявил о неизменной приверженности США обеспечению того, чтобы вьетнамский народ мог самостоятельно выбирать свою судьбу. Ради достижения этой цели, а также ради установления мира, продолжил президент, необходимо, чтобы все иностранные войска покинули территорию Южного Вьетнама. Первыми плодами вьетнамизации должен был стать вывод от 50 000 до 70 000 американских военнослужащих.

Белый дом потребовал от КОВПВ обеспечить резкое сокращение американских потерь, но май 1969 г. ознаменовался очередной бессмысленной бойней: в ходе операции под кодовым названием «Снег Апачей» американское командование решило во что бы то ни стало выбить северовьетнамцев с горы Апбиа, которая обозначалась на военных картах как высота 937 и не имела никакой стратегической ценности. Череда последовательных штурмов этой высоты, прозванной солдатами высотой «Гамбургер», обошлась 101-й воздушно-десантной дивизии в 72 человека убитыми и 372 ранеными; подразделения ВСПВ также понесли тяжелые потери. Эта операция только усилила антивоенную лихорадку: сенатор Эдвард Кеннеди открыто назвал ее «безумством».

Вьетнамизации официально был дан зеленый свет 8 июня на острове Мидуэй среди Тихого океана, где состоялась встреча двух президентов, Никсона и Тхиеу. Уже в августе должен был состояться вывод первой 25-тысячной партии американских военнослужащих. В

сентябре 1969 г. Крейтон Абрамс выразил озабоченность на заседании СНБ с участием Никсона: «Наше положение в Южном Вьетнаме полностью зависит от применения грубой силы... Если убрать эту силу, получится совершенно другая игра». Как впоследствии заметил историк Кен Хьюз: «вьетнамизация не была стратегией — она была мошенническим маневром со стороны Никсона и его администрации». 19 ноября Мелвин Лэйрд заявил сенатскому Комитету по международным отношениям, что новая доктрина была разработана в тесном контакте с правительством Южного Вьетнама. Он лгал, как и лгал Киссинджер: президента Тхьеу поставили в известность постфактум, когда все было уже решено.

4 августа в Париже Киссинджер начал собственные секретные переговоры с северовьетнамским руководством. Аверелл Гарриман, завязший в, казалось, бесконечных официальных переговорах, отчаялся достичь какого-либо результата до тех пор, пока администрация США сохраняет свою приверженность поддержке режима Тхьеу и продолжающемуся присутствию американских войск на Юге. По правде говоря, у Киссинджера не было никаких козырей. Он категорически возражал против одностороннего сокращения войск, поскольку это фактически лишало США единственного способа выторговать у коммунистов уступки. Однако советник по национальной безопасности не имел полномочий — во всяком случае, на том этапе — влиять на внутривнутриполитическую траекторию администрации, поэтому его мнение было проигнорировано.

Смерть Хо Ши Мина 2 сентября вызвала у Киссинджера краткосрочный всплеск иллюзорной надежды, что уход вождя пошатнет непреклонность северовьетнамцев и поумерит их воинственный пыл. Но, хотя страна горячо оплакивала «отца нации», тот давно уже перестал играть сколь-нибудь значимую роль в ее политическом руководстве. Хо Ши Мин, безусловно, был великим человеком, оказавшим огромное влияние на судьбу своей нации. Благодаря интеллекту, харизме и авторитету «дядюшка Хо» был любим своим народом и во многом способствовал созданию позитивного имиджа своей коммунистической страны в глазах международного сообщества. Однако же не стоит забывать, что, как и всем успешным революционерам, Хо была присуща абсолютная безжалостность и отсутствие сострадания к людям — как иначе объяснить ту жестокую тиранию, лишения и полное попрание личных свобод, на которые он обрек свой народ после 1954 г.?

Ле Зуан крепко держал власть в своих руках. После разгрома Тетского наступления он больше не рассчитывал на абсолютную военную победу, пока американцы не покинут Вьетнам. Но он был

уверен, что воля его народа гораздо сильнее воли американцев, особенно после того как в октябре по США прокатилась очередная волна антивоенных демонстраций, кульминацией которых стал общенациональный «День моратория» 15 октября и митинг в Бостоне, собравший сотни тысяч человек. Единственной крошечной победой переговорщиков Никсона в Париже стало то, что северовьетнамцы согласились прекратить применение пыток в отношении американских военнопленных, хотя и не собирались избавлять их от тягот и лишений. Судьба пленных и определение минимальных требований к их содержанию в северовьетнамских тюрьмах, похоже, стала единственной точкой соприкосновения на переговорах. Между тем 10 июня Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама выпустил директиву, в которой переименовал себя во Временное революционное правительство (ВРП) и назначил кабинет министров, который в то время находился в изгнании глубоко в джунглях у камбоджийской границы. Отряды ВК предупредили, что «война будет продолжена» даже после того, как США подпишут договор. Короче говоря, коммунистов устраивала только полная победа — и ни на йоту меньше.

Абрамс так охарактеризовал ситуацию: «[Противник] задействует все больше ресурсов, мы — все меньше... По причине только этого простого факта он получит преимущество, мы его потеряем». Лейтенант Лэнден Торн, летавший передовым артиллерийским наблюдателем на маленьком самолете-корректировщике L-19, неожиданно столкнулся с тем, что в их батарее ввели лимит на расход боеприпасов. «В войне, в которой хотят победить, на своих войсках не экономят», — подумал Торн. Он был прав.

Глава 22

Поражение в рассрочку

Рыболовный крючок и клюв попугая

Еще в марте 1969 г. Крейтон Абрамс и его начальник отдела разведки в очередной раз обсудили необходимость уничтожения убежищ коммунистических сил на территории Камбоджи и посетовали на то, что Вашингтон отказывается санкционировать такую операцию. Бригадный генерал Фил Дэвидсон размышлял вслух: «Если эти голуби сожрали старину Джонсона, выперли его из Белого дома, страшно подумать, что они сделают с Никсоном, если тот сунется в Лаос и Камбоджу!»¹ Но год спустя все изменилось, когда Генри Киссинджеру потребовалось укрепить свои позиции на тайных переговорах в Париже. «Нам нужны жесткие действия», — сказал он президенту². 29 апреля

1970 г. союзные силы в составе 19 300 американских военнослужащих и 29 000 солдат ВСРВ вторглись в приграничные районы Камбоджи, которые из-за своих очертаний на карте были известны как «Клюв попугая» и «Рыболовный крючок». Абрамс признал, что эта операция не вызвала у его людей большого энтузиазма: «Потребовались некоторые усилия, чтобы вернуть американским войскам наступательный дух»³. Одновременно были возобновлены бомбардировки Северного Вьетнама.

Одним из факторов, который также способствовал решению вторгнуться в Камбоджу, был произошедший 18 марта в Пномпене госпереворот: военная хунта во главе с генералом Лон Нолом захватила власть, когда Народом Сианук отбыл в Пекин — по иронии судьбы в надежде убедить Китай оказать давление на северовьетнамцев и заставить их ограничить свое присутствие в восточной части Камбоджи, которую те рассматривали как собственную вотчину. Действительно, поведение Ханоя с моральной точки зрения было ничуть не лучше, чем поведение Вашингтона: и те и другие были абсолютно равнодушны к судьбе камбоджийского народа, к которому вьетнамские коммунисты относились с нескрываемым презрением. Нет никаких доказательств того, что Соединенные Штаты были непосредственно причастны к перевороту: эксцентричное и неумелое правление Сианука своей необычной маленькой страной на протяжении многих лет держалось на шатком фундаменте. Один западный журналист рассказывал, как однажды принц в радиоэфире обрушился на некоего вьетнамского «клеветника»: «Он выкрикивал оскорбления своим пронзительным фальцетом... и создавалось впечатление, что это не глава государства, стремящийся разрядить напряженность языком дипломатии, а школьница из хоккейной команды, обвиняющая другую в ударе клюшкой»⁴.

Лон Нол и его соратники с одной стороны, были искренне недовольны положением дел в стране и хотели положить конец северовьетнамской «оккупации» Камбоджи и провоцируемым ею американским бомбардировкам, с другой стороны, они руководствовались и более приземленными мотивами: они считали, что семья Сианука присваивает себе слишком много власти и привилегий, оставляя генералам жалкие крохи. Разумеется, если бы Вашингтон ясно дал понять генералам, что не поддержит военную хунту, те бы вряд ли осмелились свергнуть законного правителя. Как бы то ни было, переворот был на руку американцам: когда член руководства НФОЮВ Чан Бать Данг вскоре после переворота прибыл в Пномпень, то обнаружил, что он и его соратники больше не могут чувствовать себя в камбоджийской столице как дома: новые власти объявили на них охоту.

Успев сбежать от ареста в одной только футболке и шортах, Данг попросил убежища в кубинском посольстве, откуда его переправили в Шанхай и затем в Ханой. Он прибыл в северовьетнамскую столицу как раз вовремя, чтобы удостоиться мрачной привилегии — попрощаться с умершим вождем: советские специалисты как раз размораживали труп Хо Ши Мина для бальзамирования⁵.

Новые правители Камбоджи обратились за помощью к американцам. В ответ Вашингтон снабдил их количеством оружия и денег, достаточным, чтобы режим Лон Нола смог продержаться следующие пять лет, но недостаточным для того, чтобы подавить местное коммунистическое движение красных кхмеров, которое почти в одночасье превратилось в серьезную военную силу. Захудалая камбоджийская армия, в которой насчитывалось всего 20 хирургов, была неспособна дать сколь-нибудь действенный отпор. К осени красные кхмеры уже угрожали Пномпеню, население которого к тому времени из-за притока вынужденных переселенцев, бежавших от американских бомбардировок и коммунистического террора, увеличилось на 2 млн человек. Еще весной, 24–25 апреля, на вьетнамо-лаосской границе состоялся съезд представителей Патет Лао, красных кхмеров и Партии трудящихся Вьетнама, на котором коммунисты провозгласили свое намерение вести общую борьбу. После свержения Сианука коммунисты превратили принца в удобный политический инструмент, используя в своих интересах ту огромную популярность, которой при всех своих недостатках Синуак пользовался среди своего народа.

Соединенные Штаты и Северный Вьетнам в равной мере несут ответственность за трагическую судьбу, постигшую Камбоджу в последующие десятилетия, кровопролитность и бесчеловечность которой была немыслимой даже по меркам тогдашнего Индокитая. Журналист Джон Суэйн описывал свою встречу с двумя ранеными северовьетнамцами, взятыми в плен камбоджийской армией под Кампонгтямом: «Их грубая оливково-зеленая униформа была покрыта коркой из грязи и крови. Оба были ужасно изувечены и скулили от боли, словно животные. Внезапно осознав присутствие иностранца, они зашевелились, открыли глаза и посмотрели на меня с такой лютой ненавистью, что ее не могло скрыть даже тусклое освещение»⁶. Суэйн спросил камбоджийского майора, может ли он приказать отвезти пленных в госпиталь. Но тот ткнул в их раны своей тростью и сказал: «Пусть дышат. Мы не приглашали их в нашу страну». Один из пленных был лейтенантом ВНА по имени Дао Ан Туат. Пролистав его блокнот, Суэйн нашел выцветшую фотографию Хо Ши Мина и стихи, написанные лейтенантом на вьетнамском языке:

Жить — это отдать себя Отечеству,
Отдать себя земле, горам и рекам.
Жить — это сохранять мужество во времена скорби,
Смеяться во времена гнева...
Жить — это сомкнуть зубы на шее врага,
Упиваться его кровью.

После того как пламенный коммунист Туат и его товарищ умерли в зловонной хижине, камбоджийцы облили их тела бензином и сожгли, а останки бросили в реку Меконг. Если бы судьба распорядилась иначе, эти северовьетнамские солдаты — и тем более прославившиеся своей жестокостью красные кхмеры — вряд ли бы проявили больше сострадания к пленным врагам.

Что касается американо-южновьетнамского вторжения в Камбоджу, то, хотя некоторые американские военные с воодушевлением отнеслись к этой операции, на проведении которой они настаивали несколько лет, социологические опросы показали, что 60% их соотечественников, включая госсекретаря США Уильяма Роджерса, были против этой кампании. Войска союзников захватили в камбоджийских лагерях ВНА значительные запасы продовольствия и боеприпасов: 12 мая Абрамсу доложили об «изъятии риса в объеме 6500 человеко-год». Однако генерал был в бешенстве: «Большая часть оружия, которое вы там захватили, — это хлам... Вы пытаетесь раздуть из этого невесть что, тогда как по факту они снова обвели нас вокруг пальца... Меня уже тошнит сидеть здесь и слушать, как мы разводим весь этот туман»⁷. Как всегда, разведданные были скудными и неточными, а в целях сохранения секретности командование ВСПВ было исключено из процесса планирования операции. Хотя северовьетнамцы понесли значительные потери, основные силы успели отойти из восточных провинций на запад, не желая «сцепляться рогами» с превосходящими силами противника.

Как впоследствии заметил Даг Рэмзи, в те годы все еще находившийся в плену у коммунистов, «[вторжение в Камбоджу] было либо следствием полного витания в облаках, либо циничной, оппортунистической попыткой... отсрочить неминуемое поражение в войне... ценой немыслимых издержек для Камбоджи»⁸. Он считал, что наземное вторжение могло принести плоды четыре-пять лет назад, но не в 1970 г.: «Мы пожертвовали долгосрочными жизненно важными интересами далекой крошечной страны, которая всеми силами старалась избежать вмешательства в индокитайский конфликт, ради периферийных и эфемерных интересов одного-двух поколений наших политиков... Мы без колебаний наделили себя исключительными

прерогативами, чего никогда бы не позволили сделать другим нациям»[9](#).

Администрация США в первый же день объявила о том, что камбоджийская операция будет ограничена как территориальными, так и временными рамками: войска США и ВСРВ не будут заходить дальше, чем за 30-километровую приграничную зону, и покинут территорию Камбоджи к концу июня. В телеобращении к нации Никсон объявил: «Сегодня вечером американские и южновьетнамские силы начали наступление на штаб-квартиру, откуда осуществляется руководство всеми боевыми действиями коммунистических сил в Южном Вьетнаме». Однако ЦУЮВ представляло собой группу свободных, как ветер, людей, а не некий комплекс сооружений, как это представляли себе многие американцы: члены Временного революционного правительства собрали свои нехитрые пожитки и покинули бамбуковые хижины в пределах 30-километровой зоны вторжения, которой добровольно ограничили себя американцы. 19 мая Фил Дэвидсон мрачно сказал Абрамсу: «Полагаю, всем уже ясно, что ЦУЮВ сменило свое местоположение еще до того, как мы перешли границу»[10](#). Это действительно было так: коммунистическое руководство предвидело наземное вторжение почти за два месяца до него и успело перебраться вглубь страны по заранее подготовленным путям отхода под прикрытием 7-й дивизии ВНА. Их бегство проходило под проливным дождем и бомбардировками американской авиации. Как позже писал один из министров ВРП, «наша передислокация была пронизана не столько отчаянием людей, бегущих от лап безжалостного врага, сколько тревогой за само продолжение нашей борьбы»[11](#). Член ВРП доктор Зыонг Куинь Хоа находилась на седьмом месяце беременности — от пережитого стресса, под взрывами снарядов, у нее начались преждевременные роды. Ребенок родился благополучно, но через несколько месяцев умер от малярии. В конце концов руководство добралось до камбоджийского городка Кратия, не потеряв ни одного человека, хотя Чыонг Ныи Танг позже признал: «Это был период острой тревоги и невыразимых физических тягот»[12](#).

Танг назвал камбоджийскую авантюру Никсона «лучшим подарком для вьетнамской революции... [потому что] она помогла разделить руководство США и его народ, наделив многих американцев стойким скептицизмом по отношению к моральному компасу их правительства»[13](#). Эта операция, проведенная в рамках киссинджеровской «дипломатии принуждения к миру», безусловно, причинила противнику некоторый стратегический урон, однако этот урон не мог компенсировать и долю того политического ущерба, который она нанесла Никсону внутри США: на фоне резкого усиления

антивоенных выступлений 4 мая 1970 г. в ходе митинга в Кентском университете, Огайо, Национальная гвардия застрелила четырех безоружных студентов, двое из которых просто проходили мимо, и ранила девятих. Еще двое студентов были убиты и двенадцать ранены полицией в университете Джексона в Миссисипи.

После вторжения в Камбоджу весь индокитайский регион превратился в очаги отдельных, хотя и взаимосвязанных конфликтов: гражданская война на севере Лаоса, военные действия ВНА по поддержанию своих путей сообщения на юге Лаоса и на востоке Камбоджи, гражданская война в Камбодже, военные усилия НФОЮВ в пограничных районах Южного Вьетнама и отдельные ТВД в дельте Меконга, на Центральном нагорье и на севере ЮВ¹⁴. В джунглях южновьетнамских джунглей доктор Данг Тхюи Чам писала: «Бешеный пес Никсон разжег пламя войны еще шире... Почему на свете есть такие безжалостные, бесчеловечные люди, которые хотят поливать свои золотые деревья нашей кровью?.. О, моя страна!.. Кто-нибудь на этой земле страдает так же, как мы? Кто-нибудь сражается так же мужественно, упорно и стойко, как наш народ?.. Я — солдат в этой борьбе. Я продолжаю улыбаться... даже когда штурмовые вертолеты обрушивают ракеты на мою голову... И всегда помню слова великого Ленина о том, что революционеры должны иметь горячие сердца. У меня такое сердце»¹⁵. Утром 22 июня пехотинцы 4-го батальона 21-го пехотного полка США услышали вдалеке голоса и звуки радио, по которому играла вьетнамская музыка. Они предупредили остальных членов патруля, которые вскоре обнаружили четырех человек, шедших по тропинке среди джунглей. Поскольку это была зона свободного огня, где было запрещено любое передвижение, пехотинцы открыли огонь: двоим нарушителям удалось сбежать, двое были убиты. Одной из них, одетой в черную «пижаму» и «сандалии Хо Ши Мина», была 27-летняя доктор Чам. Среди ее скудных вещей был найден маленький радиоприемник Sony, блокнот с медицинскими записями, несколько бутылок с новокаином, перевязочный материал, фотография ее любимого, капитана ВНА, и написанные им стихи, а также ее дневник.

Наземные вторжения вместе с операцией «Меню» — секретными бомбардировками стратегической авиацией В-52 территории Камбоджи — причинили ВНА серьезные логистические трудности, однако не могли радикально изменить игру, чего хотели Никсон и Киссинджер — последний негодовал из-за неспособности ВВС США надежно перекрыть тропу Хо Ши Мина. Конгресс, который первое время относился к администрации Никсона со значительным уважением, согласился не настаивать на немедленном уходе из Вьетнама. «Великая нация, — заявил президент, вступая перед конгрессом, — не может

отказаться от своих обещаний». Он в который раз повторил набивший оскомину аргумент, что уход из Южного Вьетнама пошатнет доверие к США со стороны друзей по всему миру и сыграет на руку врагам. Мелвин Лэйрд вновь озвучил цели администрации: провести успешную вьетнамизацию, минимизировать американские потери, продолжать постепенный вывод войск и стимулировать конструктивные переговоры.

Однако в течение 1970 г., в немалой степени под влиянием сомнительного во всех отношениях набега на Камбоджу, все больше и больше американцев выступали за уход из Индокитая почти на любых условиях или вообще без всяких условий. Сенаторы-демократы Марк Хэтфилд от Орегона и Джордж Макговерн от Южной Дакоты возглавили поход против дальнейшего финансирования войны. 23 мая посол Эллсворт Бункер, вернувшись из Вашингтона в Сайгон, предупредил Абрамса: «Самое тревожное, на мой взгляд, то, что некоторые из очень влиятельных людей [таких как Дин Ачесон] теперь говорят: “Эта война не стоит того, чтобы разорвать нашу страну в клочья”»¹⁶. На этом фоне удивляет даже не то, что американские солдаты все меньше и меньше хотели рисковать своими жизнями, а то, что кто-то из них вообще был готов это делать.

На души Никсона и Киссинджера, вероятно, пролилась бы толика утешительного бальзама, если бы они узнали, какие трудности испытывает противник. Учитывая громадные размеры разведывательного аппарата США, просто поразительно, как мало Вашингтон знал о Северном Вьетнаме, и особенно о ханойском Политбюро. ЦРУ почти полностью зависело от разведданных, собираемых резидентурой Секретной разведывательной службы в британском генеральном консульстве в Ханое. Глава резидентуры, легендарная Дафна Парк, раз в пару месяцев прилетала в Сайгон, чтобы проинформировать «своих кузенов». Хотя у британских резидентов не было возможности ни вербовать агентов, ни отправлять зашифрованные телеграммы, ни пользоваться беспроводными передатчиками, они, по крайней мере, могли свободно общаться с дипломатами из соцстран, в первую очередь из СССР: Парк бегло говорила по-русски и по-французски. Когда американцы попросили британцев в Ханое помочь им с обслуживанием шпионского тайника, они получили категорический отказ: сотрудники консульства находились под пристальным наблюдением¹⁷. Они почти не имели доступа к высокопоставленным лицам в северовьетнамском руководстве, хотя однажды к ним без предупреждения прибыл член Политбюро и шесть часов проговорил с ними на балконе консульства.

Один британский академик рассказал, как однажды, возвращаясь из отпуска, встретил в аэропорту Бангкока госпожу Парк: «Она сидела на груди чемоданов, и от нее веяло таким безошибочно английским духом, как от мисс Марпл в романах Агаты Кристи»¹⁸. Он подошел к ней и пошутил, что, видимо, теперь она работает грузовым курьером для британской разведки. «О нет, — со смехом ответила она, — это все для людей из восточноевропейских миссий, которым опротивела вьетнамская еда». В своей последней депеше из Ханоя, отправленной в октябре 1970 г., Парк описывала впечатления о вьетнамской столице, которую она вместе со своей единственной коллегой женского пола исходила пешком вдоль и поперек, днем и ночью. Группки детей бежали за британками и кричали «Льен Со!» — «Русские!» — а самые смелые подбегали и щипали, отчего на коже у женщин оставались синяки¹⁹. Британские шпионки наблюдали за тем, как вьетнамцы «собираются вокруг семейных жаровен прямо посреди улицы, едят рис, некоторые тут же укладываются спать. В самые жаркие месяцы всюду, словно обмякшие кули, лежат спящие тела, старики и молодежь, — на ступенях Министерства торговли, на мостовой, во дворах перед душными домами, где они живут в ужасающей скученности, целыми семьями в одной комнате. По спящим людям бегают крысы, сражаясь за остатки еды и отходов, некоторые тонут в воде, которая собирается в открытых бетонных ямах-убежищах... Крысы везде, даже в кинотеатрах».

Другой сотрудник британской разведки, Джулиан Харстон, рассказывал, как они пытались примерно оценить масштабы очередного призыва в армию, подсчитав количество использованных прививочных шприцев в мусорных баках рядом с военным госпиталем²⁰. Население было настолько нищим, что единственными подарками, которые осмеливались принимать местные работники консульства, были комплекты для ремонта велосипедов, бритвенные лезвия, аспирин и даже пустые бутылки. Опираясь на такие жалкие крохи информации было почти невозможно составить адекватное представление об этой стране: в конце 1970 г. даже Дафна Парк была уверена в шаткости ханойского режима.

Вывод Китаем своего контингента, хотя военные поставки продолжались в прежнем режиме, отчасти пошатнул авторитет Ле Зуана и Ле Дык Тхо — самых горячих приверженцев Мао в Политбюро. 18 января на пленуме ЦК была принята резолюция, в которой заявлялось, что страна «должна отвечать на вражескую агрессию не только вооруженным сопротивлением и политической активностью, но и посредством дипломатии». Это расплывчатое заявление ни в коей мере не отражало раскола в северовьетнамском руководстве: ни один голубь

не осмелился бы подать голос в ханойском Политбюро, — однако же показывало подспудную усталость от войны. Напряженность в отношениях между Ханоем и южновьетнамскими коммунистами заметно обострилась. Ханойские «пролетарии» высмеивали некоторых министров ВРП, таких как Чыонг Ньы Танг и Нгуен Ван Киет, за их буржуазное происхождение. Оскорбленный Танг писал: «Да, многие из нас были выходцами из зажиточных семей и привыкли к хорошей жизни, прежде чем присоединились к революционной борьбе. Нами двигали разные причины, но мы уже многим пожертвовали ради своей страны и были готовы пожертвовать ради нее всем»²¹. Сам Танг утверждал, что никогда не считал себя коммунистом. «Тогда, в 1920 г., — писал он, — единственным союзником, который поддержал вьетнамское национально-освободительное движение, был Коминтерн. И Хо Ши Мин ухватился за него, как утопающий за соломинку»²². Идеологическая непримиримость Ле Зуана вызывала у Танга все большее неприятие: «Они приносили в жертву совесть и прагматизм ради своей политической религии. Их непреклонное высокомерие не допускало никаких компромиссов»²³.

Северовьетнамская армия испытывала хроническую нехватку людей, что отражалось на всем северовьетнамском обществе, но полиция и органы безопасности в зародыше подавляли любые протестные настроения. Вскоре кризис с нехваткой личного состава стал настолько острым, что ВНА была вынуждена призывать в свои ряды даже таких «ненадежных граждан», как 33-летний Нгуен Хай Динь, сын бывшего землевладельца. Динь пошел в армию с единственной целью — дезертировать на Юге: «На Севере я был изгоем»²⁴. Он лелеял тайную мечту уехать в Америку. После тяжелого и опасного перехода по тропе Хо Ши Мина Динь в составе 28-го батальона ВНА начал участвовать в боевых действиях и одновременно с таким усердием взялся за изучение коммунистической теории, что вскоре был назначен политруком: «Я делал все это умом, а не сердцем. Любому независимо мыслящему человеку, который хочет выжить в коммунистическом обществе, приходится быть хорошим актером».

В ходе одной из бомбардировок В-52 Динь получил разрыв барабанной перепонки; в конце концов в сумятице камбоджийского вторжения он сумел ускользнуть из своего подразделения и спрятаться в школе. 23 мая, дрожа от страха и размахивая белой тряпкой, он выбрался из своего укрытия и сдался солдатам 25-й дивизии США. Хотя он не ел два дня, когда ему дали рис с мясными консервами, он не смог проглотить ни крошки. Его отправили в лагерь перебежчиков в Сайгоне, где он чувствовал себя чужим среди других чиеу-хой, в большинстве своем простых крестьян: «Среди них были и убежденные

антикоммунисты, но многие просто устали от войны»²⁵. После годичного курса «перевоспитания» им дали полугодовой отпуск, после которого они были обязаны продолжить службу в рядах ВСПВ. Но Динь больше не хотел воевать — ни за коммунистов, ни против них. Не имея перспектив эмигрировать в Америку, он через своего дальнего родственника сумел поступить в местную католическую семинарию. Там он провел следующие четыре года, прислуживая в церкви и якобы готовясь стать священником. Теперь он по много часов читал Библию, изучая ее так же усердно, как прежде коммунистические труды, глядя из окна семинарии на особняк главы программы CORDS Билла Колби, стоявший напротив. Но «самое главное, впервые с 1954 г. я как следует наедался»: Динь поправился почти на 30 кг, став одним из немногих бенефициаров камбоджийской авантюры Никсона.

Антипартизанская борьба

К 1972 г. количество чиеу-хой, превысило 200 000: большинством, как и Динем, двигало нежелание воевать, а вовсе не любовь к сайгонскому режиму. Как-то вечером Фрэнк Снепп пригласил одного перебежчика, которого собирался сделать своим агентом, в сайгонский бар с его обычной толпой проституток и пьяных американских солдат. Спустя немного времени бывший коммунист что-то пробормотал себе под нос. Переводчик неохотно перевел американцу его слова: «Я сделал неправильный выбор. Мне тут не место». Снепп понял, что совершил серьезную ошибку: «Выпивка, женщины, развлечения — все это не интересовало этого человека. [Посещение ночного бара] наглядно показало, что мы не могли предложить того, что ему нужно»²⁶.

В период с 1969 по 1972 г. на территории Южного Вьетнама осуществлялась так называемая программа «Феникс», разработанная опытным сотрудником ЦРУ Уильямом Колби, целью которой было уничтожение сети партизанского движения путем захвата, перевербовки или физического устранения ключевых фигур. Руководство программы утверждало, что за эти годы их силы «нейтрализовали» 80 000 вьетконговцев и их пособников, четверть из которых были убиты. Провинциальные разведывательные отряды «Феникса» состояли из вьетнамцев и финансировались из кармана ЦРУ, которое не скупилось: их жалование было в три раза выше, чем у соотечественников в ВСПВ. Некоторые утверждают, что, если бы союзники запустили такую широкомасштабную программу на несколько лет раньше, в противовес целенаправленным политическим убийствам Вьетконга, это могло бы изменить исход войны. Капитан морской пехоты Энди Финлейсон с удовольствием вспоминал то время, когда он работал с разведгруппами

«Феникса»: он жил на вилле ЦРУ на базе в Тэйнине, где условия жизни и питание были «просто роскошными... это было словно в романе Грэма Грина»[27](#). «Эти парни собирали на местном уровне такие разведданные, о которых мы раньше могли только мечтать», — и использовали их для нанесения точечных ударов по ячейкам НФОЮВ. Фрэнк Скоттон был согласен с тем, что «Феникс» был эффективен, «хотя я бы предпочел менее летальный подход»[28](#). Провинциальные разведывательные отряды пользовались репутацией безжалостных убийц: австралийский офицер САС Эндрю Фримантл описал их как «абсолютных дикарей... Однажды на моих глазах они секатором отрезали пленному безымянный палец»[29](#).

Как и следовало ожидать, подобные эксцессы «Феникса», став достоянием гласности, забили очередной гвоздь в гроб внутренней поддержки войны в США. Выступая перед сенатским комитетом в феврале 1970 г., Колби отрицал, что это была контртеррористическая операция, но ему вряд ли кто-то поверил. По словам Фрэнка Снеппа, «"Феникс"... действительно наносил коммунистам серьезный ущерб», но «Колби открыто лгал, утверждая, что в ее рамках производились в основном только аресты. Эта программа всегда была нацелена на физическое уничтожение». Можно с полным основанием утверждать, что Вьетконг использовал еще более кровавые методы: по оценкам американского исследователя Гюнтера Леви, эскадроны террористического крыла НФОЮВ «Бан-ан-нинь» убили 36 725 вьетнамцев и похитили 58 499, и эти цифры представляются вполне правдоподобными. Но американский народ не хотел, чтобы его армия была причастна к подобным расправам — вроде той, в которой участвовал сенатор, в то время лейтенант, Боб Керри.

Керри, уроженец Небраски и бывшая звезда университетской футбольной команды, по праву гордился тем, что летом 1968 г. был зачислен в ряды элитного спецподразделения SEAL — «морских котиков» — ВМС США. Тем не менее он надеялся, что война во Вьетнаме закончится, прежде чем он успеет туда попасть: «Я не думал о геополитике... У меня была романтическая мечта — стать командиром эсминца... Я не хотел идти на эту войну, но и отказываться тоже не хотел»[30](#). Выбрав военное поприще, он был настроен «с энтузиазмом исполнять свой воинский долг». Керри было 25 лет, когда в начале 1969 г. он со своим взводом высадился в бухте Камрань. Их начальство не дало им никаких четких инструкций. В конце концов молодой лейтенант решил, что их задача — помочь сайгонскому правительству победить коммунистов, используя по умолчанию те же методы, что и «Феникс». По собственной инициативе Керри разработал план операции: они прибывали на катерах Swift на пляжи на восточном

побережье и отправлялись на поиск вьетконговцев во внутренние районы. Но их усилия не увенчались ни одним огневым контактом, поэтому они перебрались в дельту Меконга в Катло, откуда начали вести патрулирование в провинции Киенхоа (ныне Бенче), обширные районы которой контролировались Вьетконгом. Вскоре разведка сообщила, что в деревушке Тханьфонг в 120 км к юго-востоку от Сайгона, через которую проходил маршрут снабжения ВК, находится несколько высокопоставленных кадров НФОЮВ. К тому времени Керри и его люди находились во Вьетнаме всего пять недель, единственный опытный член их команды Майк Эмброуз, служивший здесь второй срок, отговаривал их от проведения операции, поскольку их вьетнамский переводчик-«скаут Кита Карсона» был в отпуске. Но Керри отверг все возражения; как он позже написал в своих мемуарах, глава округа заверил его в том, что деревня Тханьфонг находилась в зоне свободного огня.

Ночью 25 февраля 1969 г. катера Swift доставили «морских котиков» к месту высадки в километре от деревни. Когда они дошли до первого стоявшего на отшибе дома, «я не давал моим людям приказа убивать, но и не стал их останавливать, когда они начали это делать. По правде говоря, я очень смутно помню, что там происходило». После того как убили обитателей первого дома, «мы были уверены, что ночевавшие в деревне партизаны уже поднялись по тревоге. Мы думали, как поступить дальше: уйти или продолжить обыск домов в темноте. Но, прежде чем мы успели принять решение, по нам начали стрелять откуда-то со стороны группы женщин и детей, которые оказались в ловушке под перекрестным огнем. Мы ответили интенсивным заградительным огнем и начали отступать — я видел, как пули прошивали женщин и детей и разрывали их на куски. Я слышал их крики и другие голоса в темноте». Спецназовцы добрались до своих катеров и через час вернулись на базу в Катло. Керри позже писал: «Наши действия не были чем-то из ряда вон выходящим для партизанской войны, которая традиционно сопряжена с высокими жертвами среди гражданского населения»³¹. Он признался, что «на душе у меня было тошно оттого, что мы сделали»³², но в официальном донесении о результатах операции сообщил, что он и его люди убили 21 вьетконговца — за этот «подвиг» Керри был награжден Бронзовой звездой.

Неделю спустя команде Керри сообщили, что один из перебежчиков готов отвести американцев в лагерь саперного подразделения ВК на острове Хонтам недалеко от Нячанга. Глубокой ночью 14 марта 1969 г. «морские котики» высадились на пляже и, следуя за проводником, поднялись на крутой 100-метровый склон, где обнаружили спокойно

спящих партизан. Керри оставил четырех человек из семи в лагере, а с остальными двинулся на поиски других вьетконговцев, которые могли находиться на острове. Уже через несколько минут они наткнулись на их патруль. Керри успел дать всего одну очередь, прежде чем рядом с ним взорвалась граната. Он упал на спину, едва не потеряв сознание. Правая нога пульсировала обжигающей болью; ощупав ее, он обнаружил, что ему почти оторвало ступню. Санитару, который шел рядом с Керри, осколком гранаты выбило глаз, поэтому он ничем не мог ему помочь.

Среди яростной стрельбы и взрывов лейтенант перетянул ногу над коленом жгутом и, преодолевая боль, поднялся, чтобы управлять огнем своих людей. Когда перестрелка наконец-то стихла, он выдавил в ногу шприц-тюбик морфия, а его товарищ всунул ему в рот сигарету «Кэмел». Радист вызвал медэвак, который они ждали в полной тишине, нарушаемой только городским шумом Нячанга по ту сторону пролива. В конце концов прибыла вертушка, бортмеханик скинул вниз спасательную стропу и поднял Керри на борт. На рассвете его в полубессознательном состоянии доставили в госпиталь. Его война во Вьетнаме продлилась всего 50 дней — и закончилась вместе с короткой карьерой в рядах «Морских котиков».

Больше года спустя немногословный бывший лейтенант был приглашен в Белый дом, где Ричард Никсон вручил ему и 12 другим ветеранам вьетнамской войны высшую военную награду США — медаль Почета. По его словам, он чувствовал себя некомфортно, когда президент назвал их героями, потому что к тому моменту окончательно убедился в ошибочности этой войны. Тем не менее Керри считал, что «действительно было что-то героическое в том, что американские парни были готовы отправиться в чужую страну и сражаться за свободу народа, который они не знали и не понимали».

В последующие годы Боб Керри стал в Америке знаменитой личностью — губернатором штата Небраска, затем сенатором, в свое время крутившим роман со звездой Голливуда Деброй Уингер, о которой он сказал знаменитую фразу: «Она снесла меня с ног». Этот импозантный и обаятельный герой войны превратился в убежденного пацифиста. Только в начале XXI в. вскрылись шокирующие подробности его военного прошлого, о которых Керри «забыл». В апреле 2001 г. The New York Times опубликовала результаты проведенного совместно с телеканалом CBS расследования эпизода в Тханьфонге, которые существенно расходились с историей, рассказанной самим Керри. Во-первых, он солгал, утверждая, что его команда ничего не знала об этой деревне: десятью днями ранее «морские котики» побывали там и провели разведку местности³³. Во-

вторых, все факты говорят о том, что убийства носили не случайный, а систематический характер; не делалось никаких попыток разобраться, были это боевики или мирные жители. Как объяснил Керри в интервью The New York Times, «стандартная инструкция требовала ликвидировать людей, с которыми мы вступили в контакт». Его люди зарезали обитателей первого дома ножами, чтобы сохранить тишину. Когда они подошли к самой деревне, как признался один из командос Герхард Кланн, немец по происхождению, они расстреляли еще 15 жителей, в основном женщин и детей. Кричащий младенец был убит последним. Как сказал Кланн: «Там всюду была кровь и кишки». Другой командос, Уильям Такер, рассказал журналисту The New York Times, что на обратном пути, уже сидя в катере, он повернулся к Керри и сказал: «Мне не нравятся такие вещи»³⁴, на что Керри ответил: «Мне тоже».

Другие члены группы Керри оспаривали утверждение газеты о том, что они расстреляли вьетнамцев без всякого повода, и настаивали, что подверглись обстрелу, прежде чем сами открыли огонь. Что бы там ни произошло на самом деле, журналисты раскопали рапорт от 27 февраля 1969 г., в котором говорилось, что к офицерам армии США обращается пожилой вьетнамец и требует наказать виновных в бесчинстве в деревне Тханьфонг, где неизвестные американцы убили 24 человека, в том числе 13 женщин и детей. В том же военном документе отмечалось, что в этом районе действовали «морские котик». Когда ему предъявили это доказательство, Керри сказал: «Это гораздо больше, чем груз вины. Это позор. Который ты никогда, никогда не сможешь с себя смыть. Я думал, что погибнуть за свою страну — это худшее, что может с тобой случиться. Теперь я знаю, что это не так. Убивать за свою страну может быть гораздо хуже». На протяжении многих лет коллеги Керри на Капитолийском холме были озадачены некой таинственностью, окружавшей популярного сенатора. Как оказалось, ее объяснение крылось в событиях 30-летней давности, произошедших в далекой азиатской стране.

Точные детали того, что произошло в ту ночь в Тханьфонге, по-прежнему остаются спорными, но суть представляется вполне ясной: группа воинственных командос в малознакомой местности совершила налет на деревню, контролируемую партизанами, и воспользовалась своей лицензией на убийство, коей нередко злоупотребляют спецназовцы всех национальностей во всех войнах. Они убили мирных жителей, после чего солгали о случившемся. Эта неприглядная история подрывает институциональный авторитет ВМС США даже в большей степени, чем личную репутацию ее непосредственных участников. Именно этот институт уполномочил своих «морских котиков»

действовать подобным образом, а затем щедро раздавал награды, движимый желанием расширить свои ряды героев вместо приверженности ответственным или, если так можно сказать, цивилизованным методам ведения войны.

Такие операции, как налет на Тханьфонг, а их было немало, наносили союзникам не только политический, но и серьезный моральный ущерб. Вьетконговцы также убивали своих врагов, зачастую с демонстративным садизмом. Однако все местные жители, которых сгоняли смотреть на показательные казни, знали, что люди, которых обезглавливают или хоронят заживо, — это враги революции. Что же касается союзников, то в отсутствие надежной местной осведомительной сети американцы и ВСРВ зачастую убивали всех гражданских лиц без разбора — не только партизан, коммунистов и им сочувствующих, но и нейтральных и даже лояльных режиму граждан. Такой неизбирательный, огульный характер американского террора подрывал моральную легитимность военных усилий США и, как следствие, препятствовал достижению их стратегических целей.

Операции группы «морских котиков» Керри контролировались капитаном ВМС США Роем Хоффманом, в штабе у которого висел график со статистикой вражеских потерь. По словам Керри, «от нас требовали высокие цифры»: адмиралы хотели увеличить свою «рыночную долю» в этой войне и в сопутствующей ей славе³⁵. «Газеты написали о нашей операции сразу после инцидента [расстрела студентов] в Кентском университете, что стало настоящим подарком для командования ВМС США»³⁶. Керри признался, что после несправедливых обвинений, выдвинутых против него журналистами в 2001 г., он был готов вернуть свою медаль Почета. «Я не призываю сочувствовать мне, — добавил он. — В конце концов, я остался в живых»³⁷. Он также подчеркнул, что, как бы люди ни рассматривали действия его команды «морских котиков» в Тханьфонге, патрульные катера ВМС США курсировали по водным путям в зонах свободного огня в дельте Меконга и убивали всех без разбора, и то же самое делали американские самолеты, постоянно кружившие в небе. В этих словах Керри кроется определенная доля истины: несправедливо осуждать за кровавые эксцессы только наземные группы наподобие его взвода «морских котиков», которые сталкивались с противником лицом к лицу, в то время как экипажи патрульных катеров, пилоты за штурвалами самолетов и прочие представители массивной американской военной машины уничтожали вьетнамцев сотнями и тысячами, однако же никто и никогда не пытался привлечь их к ответственности за эти убийства.

Когда Энди Финлейсон допросил старшего офицера ВНА, взятого в плен в Камбодже, тот обрисовал положение коммунистических сил на

Юге как очень тяжелое, не в последнюю очередь из-за «Феникса». Американец спросил, означает ли это, что коммунисты обречены на поражение. Северовьетнамский офицер улыбнулся, покачал головой и сказал: «Вы находитесь далеко от дома и не понимаете стратегических реалий этой страны. Ваш народ устал от войны; он видит, что американские солдаты продолжают гибнуть, но нет никаких побед. Ваш президент уже сказал, что вы уйдете отсюда. Мы дождемся, когда вас не станет, а затем начнем атаковать, атаковать, атаковать, пока марионеточный режим не рухнет. Наша победа неизбежна»³⁸. Фрэнк Снепп, сотрудник ЦРУ, впоследствии вспоминал: «Коммунисты, которых я допрашивал, вызывали у меня искреннее уважение. Один из них был самым целеустремленным человеком, которого мне только доводилось встречать. Меня ошеломило, как сильно он нас ненавидел. Американцы к такому не привыкли. Этот человек был готов пойти на все, пожертвовать абсолютно всем, чтобы добиться своих целей. Это произвело на меня огромное впечатление».

В ноябре 1970 г. Фред Вейанд присутствовал при передаче ВСПРВ бывшей штаб-квартиры 25-й дивизии США. Позже он с глубоким разочарованием сказал: «Мы уходили, а они не были готовы взять на себя ответственность. Как только мы начали выводить войска, мы лишились всяких рычагов влияния на Север»³⁹. Ополчения Народных и Региональных сил несли даже более тяжелые потери, чем регулярные войска: в 1970 г. они потеряли убитыми в бою 15 783 человека по сравнению с 5602 у ВСПРВ, а в следующем году еще больше. Вооруженные силы Республики Вьетнам на тот момент были четвертыми по величине в мире, но их боеспособность и воля к борьбе находились в плачевном состоянии.

Казалось, американцев на каждом шагу преследовали неудачи. Судьба американских военнопленных на Севере становилась все более чувствительной темой внутри США, и Никсон всячески старался продемонстрировать свою озабоченность этой проблемой: он опасался, что семьи военнопленных присоединятся к антивоенному движению. В ноябре 1970 г. он санкционировал рейд на Шонтэй, городок в 30 км к северу от Ханоя, где предположительно находились некоторые американцы. Но за три дня до назначенной даты воздушная разведка показала, что лагерь пуст: все военнопленные были переведены в другое место. Несмотря на это, Вашингтон все равно приказал провести операцию. В ночь с 20 на 21 ноября вертолетный десант высадился в Шонтэе — и вернулся с пустыми руками.

Почитатели Крейтона Абрамса утверждают, что к концу 1970 г. американцы впервые добились явного доминирования в наземной войне и только внутривластный коллапс помешал им развить

достигнутые успехи. Историк Льюис Сорли, один из самых красноречивых апологетов главы КОВПВ, писал: «Боевые действия еще не завершились, но война была выиграна»[40](#). Даже на переднем крае оставались те, кто по-прежнему верил в возможность победы. Лейтенант Мел Стивенс, служивший в речных силах ВМС США, покинул Вьетнам в конце 1969 г., заработав Серебряную и Бронзовую звезды, два Пурпурных сердца и набор благодарностей, после чего стал адъютантом адмирала Элмо «Бада» Зумвалта, командующего военноморскими силами во Вьетнаме. После увольнения из флота Стивенс присоединился к Джону Керри и другим ветеранам, публично поддерживавшим военные усилия США во Вьетнаме, и даже свидетельствовал по этому поводу перед Комитетом по международным отношениям в сенате. Он говорил: «Для меня это была хорошая война. Я получил потрясающий опыт, а боевые заслуги открыли мне двери к потрясающим возможностям. Я верил, что вьетнамизация может сработать, и все сложится так, как задумано»[41](#).

Действительно, на фоне значительного ослабления сил и положения НФОЮВ вследствие боевых потерь и противопартизанской борьбы в рамках программы «Феникс» ситуация в Южном Вьетнаме вполне могла бы стабилизироваться под властью некоммунистического режима, пусть даже нелюбимого народом, если бы не два ключевых фактора: продолжающееся военное давление со стороны Северного Вьетнама и растущая антивоенная оппозиция внутри США. К сожалению для администрации Никсона, фанатичная приверженность Ле Зуана и присутствие ВНА были столь же неизменными реалиями этой войны, как муссонные дожди и скорпионы. Абрамс, вспоминая свой опыт 1944–1945 гг., с горечью констатировал, что северовьетнамцы «похожи на немцев — вы даете им 36 часов передышки, и, черт возьми, вам приходится начинать войну заново!»[42](#). И к концу 1970 г. ему приходилось каждый раз «начинать войну заново» все с меньшими силами: в течение этого года 140 000 американских военнослужащих были отправлены домой. В Париже Киссинджер оставил попытки добиться от Ханоя ответного вывода своих войск: он больше не верил в чудеса.

Ламшон 719

Парадоксально, но факт: во главе Северного Вьетнама с его жестко контролируемым, тоталитарным обществом стояли гражданские лица; «демократическим» государством Южный Вьетнам правили генералы, демонстрировавшие удручающее отсутствие как политических, так и военных талантов. В своей биографии Крейтона Абрамса Льюис Сорли

делает неожиданное утверждение, что Нгуен Ван Тхиеу, «судя по всему, был более честным и порядочным человеком, чем Линдон Джонсон, и — принимая во внимание различия в соответствующих обстоятельствах — более эффективным президентом своей страны»⁴³. Он также сравнивает начальника штаба ВСРВ в 1965–1975 гг., генерала Као Ван Вьена с Эрлом Уилером и делает вывод, что первый «был менее непрофессиональным». На самом же деле президент Тхиеу прилагал гораздо больше рвения к тому, чтобы сохранить доверие американцев и их готовность продолжать войну, удовлетворяя все их желания, чем пытался сделать то же самое в отношении собственного народа. Генерал Вьен был компетентным высшим офицером, однако он оказался вынужден назначать на ключевые командующие посты фаворитов Тхиеу, которых тот выбирал на основе личной лояльности, а не их способности командовать войсками.

Вьетнамизация буквально обрушила огромное бремя ответственности на южновьетнамскую военно-политическую элиту, которая внезапно встала перед необходимостью управлять собственной страной и вести собственную войну, вместо того чтобы стоять в сторонке и смотреть, как это делают американцы. Между тем в Париже северовьетнамцы и один американец — Генри Киссинджер — тайно обсуждали само продолжение существования режима Тхиеу, представители которого были лишены весомого права голоса во всех форматах переговоров — коммунисты были правы, называя правительство Тхиеу «марионетками США». В то же время никто даже среди самых ярых противников коммунистического режима, кроме Белого дома и консервативных американских СМИ, продолжавших пребывать в своем заблуждении, не считал ханойское Политбюро «инструментом» в руках СССР или Китая.

Вполне ожидаемо, что решение протестировать успешность вьетнамизации на поле боя было принято не в Сайгоне, а в Вашингтоне. Несмотря на скудные результаты камбоджийской кампании в 1970 г., чтобы заставить коммунистов пойти хотя бы на какие-то уступки в Париже, необходимо было если не наращивать, то хотя бы поддерживать военное давление на их силы. В этот период Киссинджер признался Артуру Шлезингеру, что «часто подумывает об отставке», но добавил, что в настоящий момент занимается кое-каким делом, о котором не может говорить, но которое должен довести до конца. Шлезингер догадался, что советник говорит о секретных переговорах. О Никсоне Киссинджер отзывался как о «совестливом человеке, которому можно только посочувствовать»⁴⁴. Он считал, что в преддверии президентских выборов 1972 г., на фоне бушующих антивоенных

страстей, у Никсона было «достаточно поддержки, чтобы победить, но недостаточно для того, чтобы управлять страной».

Принятая конгрессом в декабре 1970 г. поправка Купера — Черча запрещала любые операции наземных сил США за пределами Южного Вьетнама. Между тем необходимость перекрыть потоки людей и военных грузов, продолжавших течь по тропе Хо Ши Мина на Юг, стояла как никогда остро. В 1970 г. Северный Вьетнам получал увеличенные поставки оружия и военной техники из Китая и СССР, оцениваемые в 2,5 млн тонн, в том числе по 500 грузовиков в месяц. КОВПВ докладывало: «Тыловые системы на юге Лаоса и северо-востоке Камбоджи в настоящее время выступают критически важным элементом военных усилий ВК/ВНА в Южном Вьетнаме»⁴⁵. В начале 1971 г. командующий 7-й воздушной армией генерал Люсиус Клей так прокомментировал распоряжения Крейтона Абрамса: «Он требует привести тропу Хо Ши Мина в такое состояние, чтобы вороне, которая захочет над ней пролететь, пришлось нести всю еду с собой»^[59]. Штаб Клея определил четыре «участка перекрытия» — перевалы Музя, Банкарай, Банравинг и еще один переход на западе ДМЗ. Были установлены новые датчики движения, передававшие данные на наблюдательные беспилотники. На протяжении 60 дней по каждому «участку перекрытия» ежедневно наносилось не менее 27 ударов стратегических В-52 и 125 ударов тактической авиации. Интенсивные бомбардировки и проливные дожди действительно сделали некоторые участки Тропы непроходимыми для транспортных средств на протяжении нескольких недель, однако части ВНА на Юге каким-то непостижимым образом продолжали получать достаточное снабжение, чтобы продолжать боевые действия.

Между тем готовность конгресса финансировать вьетнамизацию стремительно сходилась на нет. Квота на боевые вылеты ВВС США была урезана до 14 000 в месяц — в два раза меньше, чем в 1969 г., и в конце 1970 г. Никсон и Мелвин Лэйрд столкнулись с перспективой сокращения военного бюджета на следующий год до \$11 млрд по сравнению с \$30 млрд в 1969 г. В свете этих новых реалий администрация Никсона решилась на рискованный шаг в попытке кардинально переломить военную ситуацию на Юге, а именно совершить вторжение в южную часть Лаоса, где проходила тропа Хо Ши Мина и находился тыловой центр ВНА, крупными южновьетнамскими силами при поддержке американской авиации и артиллерии. В декабре 1970 г. военный советник Киссинджера, бригадный генерал Александер Хейг был отправлен в Сайгон, чтобы изложить этот план Абрамсу. До сих пор ведутся споры, кто именно придумал изощренное кодовое название операции — «Ламшон

719»[\[60\]](#): Льюис Сорли утверждает, что это был Хейг, а Хейг в своих мемуарах написал, что услышал его от Никсона и Киссинджера.

Босс Абрамса, главнокомандующий вооруженными силами США в Тихоокеанском регионе, адмирал Джон Маккейн, чья личная приверженность войне усугублялась тем, что его сын, пилот ВМС, находился в плену на Севере, одобрил вторжение в Лаос, как и ранее вторжение в Камбоджу, однако предупредил Абрамса: «Я отдаю себе отчет в том, что эта кампания может быть сопряжена с большими проблемами»[46](#). Только после этого генерал отправился проинформировать обо всем президента Тхьеу, который согласился задействовать свою армию для нанесения наземного удара, конечной целью которой было взятие лаосского города Чепоне. 10 декабря адмирал Томас Мурер, преемник Эрла Уилера на посту председателя Объединенного комитета начальников штабов, переслал Абрамсу президентский указ о проведении операции. «Отсутствие у противника мобильности, — заявил Мурер, — позволит нам изолировать район сражения и обеспечить победу южновьетнамским силам». Американцы считали, что разгром системы снабжения ВНА в Лаосе обеспечит им год передышки и даст возможность успешно завершить вьетнамизацию. Сам Абрамс был серьезно обеспокоен боевыми качествами ВСРВ и предупреждал, что, в отличие от Камбоджи, в Лаосе «следует ожидать, что противник будет защищать свой тыловой центр и пути сообщения со всей ожесточенностью». Тем не менее он не попытался наложить вето и даже взял на себя общее руководство операцией — таким образом, значительная доля вины за случившееся тоже лежит на нем.

На встрече региональных послов в Сайгоне 17 января глава местной резидентуры ЦРУ Тед Шекли сообщил, что коммунисты знают, что союзники планируют нанести очередной наземный удар по их тылам, и готовятся к нему. ВНА перебросили дополнительные силы в южную часть Лаоса, среди густых джунглей которой было мало пригодных мест для высадки вертолетного десанта. 26 января 1971 г. ЦРУ перехватило зашифрованное сообщение противника, которое предупреждало о предстоящем вторжении: «Будьте готовы мобилизовать силы и дать врагу мощный отпор. Будьте бдительны»[47](#). Официальная история Ханоя откровенно признает слабое положение коммунистических сил в Южном Вьетнаме в тот период: «Наш наступательный потенциал был истощен»; партизанская активность резко снизилась[48](#). Но в Лаосе — на пороге своего дома — коммунисты чувствовали себя гораздо увереннее: «Мы удерживали стратегическую инициативу и были сильнее врага». Драконий двор, почти наверняка опираясь на сведения своих информаторов в ВСРВ, ожидал вторжения 15–20 южновьетнамских батальонов. Он оценил район Бандонг–Чепоне как благоприятный для

сражения, поскольку тот находился близко к Северному Вьетнаму, а его плотные джунгли обеспечивали хорошее прикрытие от авиации, и поставил цель истребить 12 000 солдат ВСРВ и уничтожить 300 самолетов и вертолетов. В резолюции Политбюро было сказано: «Эта битва будет иметь решающее стратегическое значение».

По мере приближения даты операции, назначенной на начало февраля 1971 г., Абрамс нервничал все сильнее: «Мы требуем от них [ВСРВ] слишком многого... и слишком рано». 29 января он сообщил Муреру, что коммунисты знают об операции, но не потребовал ее отменить. В очередном приступе коллективной недалекости военное и политическое руководство США проявило свою неспособность признать, что риск операции «Ламшон 719» намного перевешивал любой возможный выигрыш. Провал такой амбициозной кампании, вероятность чего допускали многие американские офицеры, ставил под угрозу срыва всю программу вьетнамизации, тем более на фоне резкого ухудшения политического климата в США: в январе Никсон подписал Акт об экспортных поставках вооружений, поправка к которому отменяла Тонкинскую резолюцию, хотя Белый дом настаивал на том, что это не налагает каких-либо ограничений на конституционное право президента вести военные действия в Юго-Восточной Азии.

В предполагаемой зоне вторжения северовьетнамцы сумели мобилизовать порядка 60 000 человек, в том числе восемь саперных батальонов, большое количество артиллерии и даже танки. Согласно плану операции, южновьетнамские войска должны были захватить девять ключевых целей в пределах от 30 км до 65 км к западу от Кхешани. Общее командование южновьетнамскими силами осуществлял командующий I корпусом генерал Хоанг Суан Лам, о некомпетентности которого ходили легенды. Генерал-лейтенант «Джок» Сазерленд, командующий XXIV корпусом, отвечал за поддержку операции с американской стороны; в его распоряжение было выделено 53 тяжелых военно-транспортных «Чинука», 500 Huey, восемнадцать 155-мм и восемь 200-мм гаубиц и шестнадцать 175-мм орудий. В 100 м от лаосской границы стоял знак: «ВНИМАНИЕ, ПЕРСОНАЛУ США ПРОХОД ДАЛЬШЕ ЗАПРЕЩЕН». У майора Чан Нгок Хюэ, который командовал ротой «Черных пантер» в 1968 г. в битве за Хюэ, а теперь — 2-м батальоном 2-го пехотного полка, были дурные предчувствия: накануне операции он откровенно рассказал о своих тревогах советнику Дейву Уайзмону, который на этот раз оставался на базе. «Ты усыновишь моих детей?» — серьезно спросил он американца.

Операция «Ламшон 719» началась 8 февраля 1971 г. Колонна бронетехники, состоявшая из 62 танков и 162 бронетранспортеров М-113, вела основное наступление на запад вдоль шоссе №9; воздушно-десантные войска и рейнджеры обеспечивали прикрытие с северного фланга; 1-я пехотная дивизия — с южного. Северовьетнамцы тщательно подготовились к вторжению: проложили тропы вокруг предполагаемых полей сражений, заблаговременно складировали боеприпасы, подготовили укрепленные позиции на ключевых высотах и на подходах к мостам, провели рекогносцировку местности, а некоторые подразделения даже провели учения⁴⁹. Тем не менее южанам удалось достичь временного тактического преимущества: ошеломленные размерами вертолетной и бронетанковой армады, двигавшейся с востока, северяне начали отступать. Немногие офицеры ВНА имели опыт ведения крупных общевойсковых сражений; нехватка радиостанций приводила к сбоям в оперативном командовании и координации сил.

Первые несколько дней южновьетнамцы не встречали сильного сопротивления; несмотря на неблагоприятные погодные условия, бронетанковые подразделения вместе с воздушно-десантным батальоном без труда взяли Бандонг (на американских картах А-Луой) в 20 км от границы. Пехота создала сеть баз огневой поддержки и окопалась на оборонительных позициях. Позже Драконий двор был вынужден признать, что некоторые его командиры были введены в заблуждение: «У нас не было четкого понимания того, что собирается предпринять противник... Многие подразделения вступили в бой преждевременно». 13 февраля генерал Вьен сообщил Абрамсу, что, согласно распоряжению президента Тхьеу, южновьетнамские силы не будут продвигаться дальше на запад. По неподтвержденным слухам, президент тайно приказал прервать операцию, когда потери ВСРВ превысят 3000 человек.

Между тем ситуация в Лаосе медленно, но неуклонно менялась не в пользу южан, по мере того как вокруг 16 батальонов ВСРВ сосредоточивались все более крупные силы ВНА. Абрамс напрасно пытался убедить командование ВСРВ продолжать наступление, предупреждая, что, если они будут сидеть на месте, противник уничтожит их по частям, неспешно концентрируя силы. В ночь на 18 февраля два батальона ВНА атаковали 39-й батальон рейнджеров, обратив его в бегство. Базы огневой поддержки подвергались интенсивным обстрелам — одну из них пришлось оставить, после того как на ней были уничтожены все орудия. 23 февраля злой рок сыграл очередную шутку: при крушении вертолета на юге страны погиб генерал До Као Чи, уважаемый и опытный офицер. По слухам, он

должен был заменить генерала Лама, некомпетентность которого совершенно очевидно ставила операцию «Ламшон 719» на грань провала.

Неделю спустя Сазерленд, не скрывая своей нервозности, доложил в КОВПВ по засекреченной линии связи: «Весь район наводнен этими чертовыми северянами, и, кажется, их становится все больше и больше... Там идет настоящая бойня»⁵⁰. Взбешенный Абрамс обвинил своего подчиненного в неспособности остановить разворачивающуюся катастрофу. Именно в Лаосе состоялись первые в этой войне танковые сражения. Между тем эффективность воздушных ударов была значительно снижена из-за отсутствия на местах американских авиационных наводчиков: мало кто из южновьетнамских офицеров достаточно хорошо владел английским языком, чтобы эффективно общаться с американскими пилотами. С каждым днем обстановка в небе ухудшалась: северовьетнамские зенитчики наносили авиаторам тревожно высокий уровень потерь. Самой неприятной неожиданностью стало резкое снижение эксплуатационной готовности американских вертолетов — всего четверть всех ударных Huey была готова к вылетам. Генерал-лейтенант Фред Вейанд негодовал: «У вас там есть командующий корпусом, который должен следить за каждой гребаной птицей. А он понятия не имеет, что там у вас творится!»⁵¹ Взбешенный Абрамс продолжал давить на Сазерленда: «Здесь на карту поставлена вся национальная стратегическая концепция!»

Белый дом охватила растущая тревога. В конце февраля Киссинджер заявил: «Я не понимаю, что делает Абрамс». Как язвительно заметил генерал-лейтенант Брюс Палмер, первый заместитель начальника штаба армии, «Киссинджер охотно играл роль фельдмаршала, когда дела шли хорошо. Однако он не понимал природы войны и присущей ей коварной неопределенности, поэтому, когда “Ламшон 719” застопорилась, он стал нервным и раздражительным»⁵². Между тем сам глава КОВПВ отказывался впадать в отчаяние: «Это действительно тяжелая схватка. Нам нужно сжать зубы и выстоять... Нам пророчат поражение раньше времени»⁵³. Даже 9 марта Абрамс по-прежнему сохранял оптимизм, он «все больше и больше убеждался в том, что это может стать решающим сражением этой войны», которое союзники должны выиграть благодаря превосходящей огневой мощи⁵⁴. Главной проблемой было то, что американское командование не знало, что в действительности происходит на ТВД, и не могло послать надежных людей, чтобы достоверно узнать обстановку.

Крейтон Абрамс лично обратился к Тхьеу с просьбой перебросить в Лаос 2-ю пехотную дивизию, чтобы переломить ход кампании. Президент ответил: только в том случае, если американцы также

задействуют свои наземные силы. Поскольку северовьетнамцы с каждым днем наращивали давление, южновьетнамские генералы все настойчивее призывали Тхиеу уйти из Лаоса. Однако прибывший в ЮВ 18 марта эмиссар Александер Хейг предупредил Сазерленда, что Белый дом хочет, чтобы ВСРВ оставались в Лаосе на протяжении всего апреля: сообщения о том, что авиация наносит коммунистам тяжелые потери, вызвали в Вашингтоне кратковременный всплеск оптимизма. Каждые восемь минут на восстановленной базе в Кхешани приземлялся транспортный С-130 с грузом боеприпасов и предметов снабжения; над полями сражений на протяжении всего темного времени суток кружили три самолета-осветителя и три самолета огневой поддержки. За время операции тактическая авиация США совершила 8000 боевых вылетов, почти по 150 вылетов в день; стратегические В-52 совершили 1280 бомбардировочных вылета. Полковник ВНА Ан так описал район вокруг своего командного пункта на берегу реки Шаму: «Заросли тростника и все высоты, прежде покрытые высокой травой, были дотла выжжены напалмом. Участок леса, где мы находились, напоминал изолированный остров посреди черного океана опустошения»⁵⁵.

Между тем потери ВСРВ уже превысили 5500 человек. Вскоре после приезда бригадный генерал Хейг резко переменял свое мнение и заявил, что, кажется, пришло время сворачивать операцию. 18 марта силы ВНА нанесли мощный удар в попытке отрезать несколько южновьетнамских подразделений. Один из людей Ана, командир отделения, так описал этот бой: «В ту ночь ярко светила луна. Как только стемнело, мы двинулись в наступление. Враг открыл заградительный артиллерийский огонь от шоссе вверх по склону, затем снова вниз, и так много раз туда-обратно. Двое бойцов моего отделения были ранены, так что нас осталось всего семеро. Все быстро окопались, некоторые использовали воронки от бомб или старые окопы, вырытые врагом. Потом я лег в свой окоп, накрылся гамаком и заснул как бревно. Проснулся я перед рассветом. Моя одежда насквозь промокла от дождя. Было так промозгло, что зубы стучали от холода и никак не могли остановиться. Чем было холоднее, тем было голоднее... Вчера вечером мы съели по рисовому шарику размером с кулак, но после ночной атаки в животе от него не осталось и следа»⁵⁶. Один из его людей отправился на поиски еды и вскоре вернулся с полной каской риса, который нашел в брошенной вражеской землянке: «Я был так счастлив, словно мы выиграли это сражение!»

Так оно и было: северовьетнамцы изолировали одну за другой позиции ВСРВ и ровняли их с землей, используя свои 122-мм гаубицы с дальностью стрельбы почти 22 км и 130-мм пушки с дальностью стрельбы 27 км и демонстрируя полное равнодушие к собственным

потерям. Они вели активные радиоигры, глуша радиосвязь противника и транслируя свои пропагандистские передачи: северяне и южане обменивались оскорблениями на общем языке. Южновьетнамские морские пехотинцы приходили в замешательство, когда слышали боевые приказы, передаваемые женским голосом. Один командир отделения ВНА рассказал, что заставил своих людей обшарить поле боя в поисках брошенных гранатометов М-79 «Тамперов» и тут же попрактиковаться в их использовании: «Мы добились довольно высокой меткости»⁵⁷. Уже через час они обрушили град 40-мм гранат на колонну ВСРВ, обратив южан в бегство. Когда воцарилась полная тишина, северовьетнамцы осторожно вышли на шоссе, чтобы подсчитать вражеские трупы, лежавшие на дороге среди брошенных грузовиков с все еще работающими двигателями.

Майор ВСРВ Чан Нгок Хюэ был представлен к званию полковника, после того как северовьетнамцы разгромили позиции его батальона на высоте 660. После шквального минометного обстрела, в ходе которого Хюэ получил осколочные ранения и лишился нескольких пальцев, северовьетнамцы пошли в атаку. В конце концов он приказал своим оставшимся в живых людям — одному капитану и 60 рядовым — отступить. Сам Хюэ попал в плен. Его конвоировали по тропе Хо Ши Мина, не оказав никакой медицинской помощи — в его открытых ранах копошились насекомые и черви. Когда он оказался в ханойской тюрьме, ему было 29 лет, и следующие 13 лет он провел в плену, как и сотни других его соотечественников, участвовавших во вторжении в Лаос. Чтобы создать видимость успеха операции, Тхьеу лично приказал инсценировать символическое «взятие» Чепоне — конечного пункта вторжения. 3 марта американские вертолеты доставили в предместья несколько южновьетнамских подразделений, которые после ожесточенного сражения вошли в город, но были оттуда быстро вытеснены, а затем эвакуированы.

Пока южновьетнамские солдаты проливали кровь на полях сражений, их генералы погрязли в привычной грызне и бездействии. Командующий I корпусом генерал Лам словно впал в паралич, командующий воздушно-десантными войсками отказался обсуждать с ним ход операции, а командующий южновьетнамской морской пехотой ни разу не покинул пределы Сайгона. Полковник ВСРВ Нгуен Зюи Хинь с горечью писал, что «в ходе операции [«Ламшон 719»] разногласия между некоторыми командующими ВСРВ достигли степени неподчинения. Президент Тхьеу и генерал Вьен не могли об этом не знать, но ничего не предпринимали... вероятно, потому что эти генералы считались оплотом режима». В районе боевых действий пятеро из девяти командиров воздушно-десантных батальонов были

убиты или ранены, но один, целый и невредимый, забрался на борт медэвака и эвакуировался в тыл. 27 марта на совещании КОВПВ Фред Вейанд сказал, что пришло время признать тот факт, что весь мир рассматривает «Ламшон 719» как поражение: «У нас очень, очень серьезная проблема с общественным мнением, психологическая проблема»⁵⁸. Абрамс, как всегда, обрушился с обвинениями на журналистов; особо сильную неприязнь он испытывал к Глории Эмерсон из The New York Times, называя ее «большой кобылой, а не женщиной»⁵⁹. Об отношениях между американцами и южновьетнамцами он отзывался почти с отчаянием: «Между нами огромная культурная пропасть, которую мы порой не в силах преодолеть»⁶⁰.

Первые южновьетнамские подразделения покинули Лаос еще 3 марта, и на протяжении всего месяца продолжалось постепенное отступление, в конце концов превратившееся в хаотичное бегство. ВСРВ потеряли больше половины всех танков и почти две трети бронетранспортеров; не все они были уничтожены противником, некоторые попросту сломались или были брошены из-за отсутствия горючего. Американцы потеряли больше 100 вертолетов, еще 544 были повреждены. Один из представителей КОВПВ заявил: «В ходе этой операции концепция воздушной мобильности подверглась серьезному испытанию»⁶¹. И это было мягко сказано. Поскольку противник яростно теснил отступающие подразделения ВСРВ, эвакуация зачастую происходила на грани паники — весь мир облетели фотографии с солдатами Тхиеу, толпой штурмующими транспортные вертолеты; некоторые улетали верхом на полозьях. Спустя 42 дня, потеряв половину своих сил — почти 8000 человек, включая пленных, потрепанные и поверженные южновьетнамские войска покинули территорию Лаоса.

Как всегда выдавая желаемое за действительное, КОВПВ объявило, что в ходе операции «Ламшон 719» было уничтожено 13 000 солдат ВНА. После войны Ханой опубликовал более правдоподобные цифры, утверждая, что в ходе отражения лаосского вторжения ВНА потеряли 2163 человека убитыми и 6176 ранеными — 13% от общей численности задействованных сил. Коммунисты приписывали половину своих потерь артиллерийскому и минометному огню; более трети — воздушным ударам, в том числе удивительно небольшие 2% — бомбардировкам напалмом, который вызывал благоговейный трепет у американцев и южновьетнамцев; остальное — стрелковому оружию. Кроме того, они утверждали, что почти половина всех потерь была понесена «за линией фронта», вероятно имея в виду американские удары, а не сражения с южанами. Они также признали крупные потери

техники: 670 зенитных орудий, 600 грузовиков, 88 танков и каждый пятый миномет.

Сотрудник ЦРУ Мерл Приббеноу сдружился с двумя южновьетнамскими десантниками, которые заходили к нему в гости каждый раз, когда бывали в Сайгоне. После «Ламшона» один из них пришел к нему домой без предупреждения и со слезами сообщил, что потерял в Лаосе своего близкого друга и большую часть своего подразделения. Приббеноу подумал: если так выглядит и чувствует себя боец элитного подразделения, то «что за ад должен твориться в остальных частях ВСПВ»⁶²? Ветеран вьетнамской войны, специалист по допросам военнопленных Боб Дестатт в ярости сказал: «Преступниками, виновными в провале “Ламшона”, были не простые солдаты, которые сражались не на жизнь, а на смерть, а те, кто послал их туда»⁶³. Полковник Нгуен Зюи Хинь оценил операцию как общенародную трагедию: «Отступающим южновьетнамским силам пришлось оставить в Лаосе большое количество своих убитых и раненых. Это стало тяжелейшей трагедией для их несчастных семей, которые в своей традиционной приверженности культу мертвых и привязанности к живым отныне были обречены жить в вечной горести. Это было нарушением верований и устоев священного института семьи, которое вьетнамцы никогда не забудут и не простят». Фрэнк Снепп из ЦРУ подвел итог: «Кампания “Ламшон 719” со всей очевидностью показала нам — и Ханюю тоже, — к чему в конечном итоге приведет вьетнамизация»⁶⁴.

Провал операции вызвал ярость в Белом доме. 7 апреля Никсон, сделав бравую мину при плохой игре, заявил по национальному телевидению: «Силы Южного Вьетнама продемонстрировали, что и без американских советников способны эффективно сражаться с лучшими войсками, которые может выставить против них Северный Вьетнам». Что касается мирного урегулирования, то операция дала прямо противоположный эффект, заметно ослабив, а не усилив позицию США на переговорах в Париже. После сокрушительного поражения в Лаосе мало кто верил в устойчивость режима Тхьеу и боеспособность его армии, однако под давлением внутренней политики администрация США не могла остановить уже начатый процесс вывода войск.

Администрация решила частично обвинить в случившемся вьетнамцев, на которых сосредоточил свой гнев Киссинджер, но основную вину возложила на собственных военных. Как заявил Александер Хейг, «президент Никсон и остальные, кто был вовлечен в стратегическое планирование, были разочарованы тем, как министерство обороны провело эту операцию»⁶⁵. В первоначальном приступе гнева Никсон хотел уволить Абрамса и заменить его первым

попавшимся под руку офицером, т.е. Хейгом. «Садись на первый же самолет и лети в Сайгон! — бушевал он. — Заберешь у него командование!»⁶⁶ Позже Хейг утверждал, что убедил президента подождать 24 часа, прежде чем принимать столь важное решение. После чего Никсон, разумеется, успокоился и смягчился. Эта история представляется вполне правдоподобной, хотя Киссинджер ее оспаривал. Сам советник по национальной безопасности заявил, что больше не поверит ни единому слову Абрамса.

Надвигающаяся предвыборная кампания занимала в дискуссиях в Белом доме все больше места. 19 марта 1971 г. Киссинджер сказал: «Мы не можем, грубо говоря, сдать их [Южный Вьетнам] перед выборами»⁶⁷. — «Понятное дело», — согласился президент. Киссинджер уверял Никсона, что, если он признает поражение во Вьетнаме, американцы не простят ему этого и не проголосуют за него на выборах. Он предостерегал против совершения такой «популистской ошибки», как возвращение всех американских войск домой уже в этом году. Судя по имеющимся у нас сведениям, Никсон, Киссинджер и Холдeman никогда не обсуждали вопрос о том, требуют ли интересы южновьетнамского народа сохранения военного присутствия США после президентских выборов в ноябре 1972 г. Белый дом уже принял решение пожертвовать Южным Вьетнамом. Нужно было лишь выбрать подходящий момент.

Во внутренних дебатах все острее доминировал вопрос о судьбе почти 600 американских пленных, находившихся в руках у коммунистов: американцы купили 50 млн стикеров и 135 млн почтовых марок в поддержку военнопленных. Администрация неоднократно обращалась в конгресс с запросом выделить финансирование на минимальные военные усилия, чтобы сохранить хотя бы какое-то средство давления на парижских переговорах. Но 7 апреля, перед телевыступлением президента, в ходе заседания на Капитолийском холме один из сенаторов потребовал ответить на вопрос: если им не удалось заставить Ханой обменять пленных, когда во Вьетнаме находилось полмиллиона американских солдат, почему сейчас конгресс пытаются убедить в том, что сохранение 50 000 контингента поможет решить эту проблему? На следующий день Никсон пожаловался Киссинджеру: «Я же не мог ему сказать: “Когда у нас останется там 50 000, мы сможем предложить им простую сделку — 50 000 в обмен на пленных — и они согласятся в ту же минуту, потому что спят и видят, чтобы мы убрали оттуда нашу задницу»⁶⁸. — «Понятное дело», — сказал Киссинджер. Никсон засмеялся: «Вот в чем штука».

Джон Пол Ванн, недавно назначенный глава программы принуждения к миру и старший гражданский советник на Центральном

нагорье, после «Ламшон 719» так оценил ситуацию: «Конфликт постепенно перемещается на север, в зоны ответственности I и II корпусов, и перерастает во все более классическую войну между Северным и Южным Вьетнамом»⁶⁹. Эта оценка очень точно отражала происходящее в ТВД. 7 апреля воздушная разведка показала, что плотность движения грузовиков по тропе Хо Ши Мина в Лаосе полностью восстановлена.

В этой кровопролитной драме порой находилось место и для комедийных эпизодов: как-то Абрамсу доложили, что ВМС США доставили в бухту Камрань пять дрессированных дельфинов-афалин, обученных атаковать пловцов-диверсантов. «Среди противника распространена информация, — продолжил офицер, — что дельфины приучены нападать только на пловцов мужского пола. По нашим последним сведениям, противник уже готовит пловцов-женщин для проведения диверсий»⁷⁰. Вскоре генералу сообщили, что один дельфин уже дезертировал. Тем временем в лагере спецназа в Бупранге межкультурная напряженность между местными горцами и камбоджийцами едва не вылилась в серьезный бунт. Горцы поклонялись священному питону, жившему в джунглях недалеко от лагеря: они приносили ему жертвы и просили, чтобы он сохранил им жизнь в бою⁷¹. Но однажды камбоджийцы поймали этого питона и съели. Американские советники с трудом погасили вспыхнувший конфликт и заключили между сторонами перемирие: было решено, что для восстановления гармонии в лагере нужно принести в жертву белого водяного буйвола. Американцы стойчески прочесали окружающие деревни, нашли подходящее животное и выкупили его у крестьян. Чтобы доставить его в лагерь, был вызван транспортный вертолет С-7. Однако во время транспортировки случилось несчастье: стропы, на которых был подвешен буйвол, запутались вокруг его половых органов, так что в лагерь тот прибыл уже мертвым и непригодным для жертвоприношения. После еще одного раунда сложных переговоров горцы согласились заменить буйвола 200 курицами, которые были доставлены в Бупранг, принесены в жертву в соответствии со всеми правилами и съедены.

Вскоре после краха лаосской операции Абрамс был приглашен на церемонию поминовения на вьетнамском национальном кладбище под Сайгоном. После завершения церемонии почетные гости, воинские подразделения и оркестранты начали расходиться, но генеральский вертолет задерживался. В конце концов на кладбище остался только Абрамс со своим эскортом. Стоя в тишине, он наблюдал за приближавшейся к кладбищу семьей — сержантом ВСРВ с женой и детьми: «Она была беременна. С ними было трое маленьких детей.

Одного он нес на руках... Было видно, что они шли пешком издалека. Один из мальчиков лет девяти тащил в руках большой полиэтиленовый пакет. Из пакета торчала связка ароматических палочек, и, наверное, там еще лежала какая-то еда, чтобы перекусить... Думаю, они шли на могилу своего родственника»[72](#). Как и многие ратные люди, Абрамс был склонен к редким, но острым приступам сентиментальности. «Все эти разговоры о том, что азиаты не ценят жизнь, — нелепый бред, — прочувствованно заключил он. — Они чувствуют так же, как мы».

Глава 23

Сопутствующий ущерб

Мэри Энн

В течение 1971 г. многие подразделения Армии и морской пехоты США стремительно деградировали на фоне падения дисциплины, расовой напряженности, употребления наркотиков и нежелания жертвовать своей жизнью в этой дискредитировавшей себя войне. Среди американских солдат все больше распространялось опасное мнение, что любой из них имеет право отказаться выполнять приказ, если убежден в его неправильности. В марте 53 морских пехотинца возле Кхешани отказались идти в бой и не подверглись никакому дисциплинарному взысканию; солдаты на БОП «Пейс» отказались ходить в патрули. Истории о таких случаях неповиновения ходили по всему Вьетнаму, заражая мятежным духом все больше подразделений. В ночь с 27 на 28 марта 1971 г. на БОП «Мэри Энн» развернулась катастрофа, в которой 30 солдат — немногие из них заслуживали называться защитниками — были убиты и еще 82 ранены. База «Мэри Энн», названная в честь сестры ее первого командира, представляла собой обычное нагромождение стальных контейнеров, бункеров и стен из мешков с песком, топорщащееся лесом антенн и окруженное рядами колючей проволоки, на вершине лысой гряды в провинции Куангчи в 50 км от лаосской границы. Здесь размещалась рота С 1-го батальона 46-го пехотного полка 23-й дивизии «Америкал», чья репутация уже была запятнана резней в Милай весной 1968 г. Военнослужащие роты С «сидели на чемоданах»: через несколько недель они должны были передать базу «Мэри Энн» южновьетнамцам, которые уже укомплектовали своими людьми артиллерийскую батарею, и отправиться домой.

Рядовой 1-го класса Эд Ворос позже сказал: «Мы все считали эту войну бессмысленным дерьмом... поэтому все, чего мы хотели, — это

остаться в живых самим и чтобы наши друзья тоже остались живыми»¹. Рядовой Джеймс Крейвен был с ним согласен: «Мы не были тупыми. Мы знали, что уходим, а местные [ВСРВ] не хотели воевать. Какого черта рисковать жизнью ради тех, кому наплевать на все, что мы для них сделали? Только кадровые офицеры хотели остаться. Среди рядовых таких почти не было, только больные на голову отморозки по-прежнему горели желанием убивать гуков». Когда Крейвен и его товарищи сидели в засаде, они перестали открывать огонь по проходившим мимо солдатам противника: «Лично мне эти люди не сделали ничего плохого»².

Дисциплина в 1-м батальоне 46-го полка была немногим хуже, чем во многих других подразделениях. Были зарегистрированы неоднократные случаи отказа от выполнения боевой задачи, один раз — целой ротой. Лейтенант Брайан Маграт, советник в дислоцированном по соседству подразделении ВСРВ, не раз слышал в радиоэфире, как «патрули с “Мэри Энн” отказывались идти в определенные районы, которые считались особенно опасными»³. Четверо солдат батальона сняли заднюю крышку с мины Claymore, вытащили немного пластита С-4 и съели, поверив слухам о том, что так можно вызвать наркотический кайф, — один из них умер, остальных с трудом откачали. Капитан Пол Спилберг писал домой об одной из рот 1-го батальона 46-го полка: «В роте творится черт знает что... Солдаты шляются без дела, читают газеты, играют в карты... Большую часть времени они даже не носят с собой оружия»⁴. Капитан пользовался среди своих людей уважением как опытный, преданный делу профессионал, но, по замечанию одного из его взводных командиров, «Спилберг был недоволен тем, что мы, лейтенанты, обращаемся с рядовыми чересчур мягко. Но, если бы я стал закручивать гайки типа “Я командир, поэтому молчи и делай, что я говорю!” , меня вполне могли отправить на тот свет»⁵.

Некоторые утверждали, что вся ответственность за трагедию, произошедшую на базе «Мэри Энн», лежит на плечах командиров. Но командир 1-го батальона, подполковник Билл Дойл, невысокий коренастый 39-летний офицер с ирландскими корнями, славился своей подчас безрассудной храбростью. Он лично участвовал во многих огневых контактах, сражаясь плечом к плечу со своими подчиненными. Рядом с бункером, где располагался батальонный командный пункт, стояла табличка «Ф [ОР] Т “ХРАБРОСТЬ”. УБИВАЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО», увенчанная черепом буйвола и рогами. Впрочем, кутить подполковник любил не меньше, чем воевать: недовольные говорили, что у него «в голове моча и ветер».

В командном составе 1-го батальона были разные офицеры: компетентные и нет, с твердым характером и не очень. В феврале в ходе одного огневого контакта лейтенант роты С направил огонь артиллерии на собственный взвод, в результате чего один человек погиб. Перед всеми командирами стояла фундаментальная дилемма: как много они могли требовать от своих солдат, чтобы не стать жертвами фраггинга или, что еще хуже, не спровоцировать коллективный отказ от выполнения боевой задачи — проще говоря, мятеж, хотя офицеры предпочитали не произносить вслух это слово. Офицерам приходилось вести ежедневные унижительные переговоры, торгуясь с солдатами по поводу того, какие задания те были готовы выполнить, а какие нет. Однажды рота D 1-го батальона заявила, что отправится на зачистку местности только в том случае, если их обеспечат собаками-ищейками, поддержкой ударных вертолетов Cobra, а в воздухе будет постоянно кружить медицинский вертолет. Только после вмешательства разъяренного подполковника Дойла рота неохотно выдвинулась в рейд.

Спустя месяц после этого инцидента, в безлунную ночь 27 марта, Дойл дремал в командном бункере на базе «Мэри Энн», капитан Спилберг спал в соседнем вагончике. За оборону базы отвечал командир роты С, капитан Ричард Найт, 24-летний сын владельца ресторана из Флориды, бросивший университет ради военной карьеры. Найт был преданным своему делу офицером, вернувшимся во Вьетнам во второй раз после тяжелого ранения в 1968 г. Но ему не хватало либо командирских навыков, либо личного авторитета, чтобы убедить своих людей нести дежурство на всех 22 сторожевых постах по периметру базы 500 на 200 м. А также установить вокруг периметра ракетницы на растяжках и Claymore. А также не спать в карауле. А также воздержаться от потребления алкоголя и марихуаны. На тот момент на базе находился 231 американский военнослужащий, включая офицеров, радистов, минометчиков, артиллеристов, пехотинцев, поваров и прочих вспомогательный персонал, и 21 военнослужащий ВСРВ.

Четверть личного состава роты С должна была стоять в карауле. Но большинство караульных — с самоубийственной в буквальном смысле слова халатностью, усугублявшейся и тем фактом, что «Мэри Энн» ни разу не подвергалась атакам, — спали, играли в карты, пили или курили травку; хотя некоторые выжившие впоследствии утверждали, что наркотиков на базе не было, никто не отрицал факт неумеренного потребления алкоголя. Найт приказал своим взводным командирам и сержантам «последить за базой» и отправился спать. В 02:00 дежурные включили установленный на джипе 60 см прожектор, обшарили лучом местность за колючей проволокой, как они делали это каждую ночь, и,

не обнаружив ничего подозрительного, через 20 минут выключили прожектор, остановили генератор и также разошлись по вагончикам.

За несколько дней до этого на другой базе бывший сапер ВНА устроил для американских офицеров впечатляющую демонстрацию своего умения преодолевать заграждения из колючей проволоки. Крейтон Абрамс сказал по этому поводу: «Это был довольно шокирующий опыт. На наших глазах щуплая фигурка проходила через несколько рядов заграждения, словно его там не было вовсе, без единого звука»⁶. Именно это и произошло на «Мэри Энн» в 02:40 ночи 28 марта: около 50 вражеских саперов, одетых только в зеленые шорты, вымазавших оголенные части тела смесью жира и угольного порошка, подползли с юго-западной стороны к наружному заграждению из двойной спирали колючей проволоки и прорезали в нем четыре большие прорехи. Затем они так же преодолели два внутренних заграждения, которые и без того находились в плачевном состоянии. Некоторое время они лежали тихо прямо перед бункерами в ожидании минометного обстрела, который должен был послужить сигналом к началу атаки. Американцы узнали о том, что противник проник на их базу, только когда начали взрываться ранцевые подрывные заряды, гранаты, контейнеры со слезоточивым газом CS и обрушился плотный огонь из АК-47. В темноте защитники были парализованы охватившей их паникой. Капитан Найт был бесславно убит в своем вагончике вместе с сержантом-связистом. Саперы ВНА рассеялись по территории базы, хладнокровно расстреливая всех, кто попадался на их пути, и забрасывая гранатами каждый вагончик и бункер, в то время как две команды подрывников бросились к артиллерийским позициям на гребне.

Атаковавшие были бойцами 409-го саперного батальона ВНА, которые на протяжении предшествующих двух месяцев вели наблюдение за базой «Мэри Энн» — на их картах она была обозначена как Садок по названию ближайшей деревни⁷. Подготовка к атаке поражала своей тщательностью: в ночное время были исследованы подходы к периметру и определены наиболее удобные места для прохода; для разработки оперативного плана использовался специально созданный макет местности; каждый командир отделения с наблюдательных постов хорошо изучил свои цели. В назначенный день после обеда в небе неожиданно появились несколько вертолетов и самолет-разведчик L-19, а недалеко от базы прошел патруль спецназа США, что вызвало у командиров ВНА тревогу, они подумали, что американцы каким-то образом узнали о готовящейся атаке. Но затем все стихло — опасения оказались напрасными. Когда прожектор с «Мэри Энн» обшаривал землю вокруг базы, восемь саперов передовой группы

уже лежали, затаив дыхание, между спиральями колючей проволоки. Хотя у многих от страха сжималось сердце, куда сильнее скручивало от голода их пустые желудки: в последние дни у них почти кончился рис, а перед атакой они поужинали только корнями маниоки.

В ответ на оргию взрывов большинство «защитников» базы затаились в своих бункерах, решив, что это всего лишь минометный обстрел. Вопреки приказу-инструкции бригадного штаба подполковник Дойл пренебрегал выставлением охраны у батальонного командного пункта. В результате он проснулся от мощного взрыва, когда атакующие бросили внутрь самодельную гранату: взрывом его швырнуло на пол и повредило ногу. Вскоре в бункер вбежал капитан Спилберг с пистолетом в руке. «Сэр, они используют слезоточивый газ!» — тяжело дыша, сообщил он. «Дерьмо собачье!» — выругался полковник. Контейнеры с газом были установлены в некоторые минометные мины и ранцевые заряды; газовая атака только усугубила неразбериху, когда американцы бросились искать противогазы.

Саперы действовали на территории базы четко и уверенно, точно зная, что им нужно делать, — чего, к сожалению, нельзя было сказать о защитниках. Когда пост связи наполнился желтым дымом, радиооператоры, сломя голову, бросились наружу. Практически все каналы радиосвязи были отключены. Только один оператор на оставшейся артиллерийской частоте сумел запросить осветительную поддержку. Однако он не сообщил, что «Мэри Энн» подверглась наземной атаке, поэтому штаб бригады остался в недоумении по поводу того, что там происходит. От взрыва в командном бункере сдетонировал ящик с зажигательными фосфорными гранатами, отчего в нем начался пожар. Сам Дойл был контужен, но оставался в сознании, хотя некоторые позже утверждали, что он просто был в шоке. Первые полчаса после начала атаки почти все «защитники» «Мэри Энн» прятались по укрытиям и молились о том, чтобы не привлечь внимания врага. Мало кто успел добраться до своих винтовок, поэтому большинство были безоружными или в лучшем случае сжимали в руках пистолеты. Едва заметив движение, атакующие изрешечивали это место очередями из АК-47. Американцы из своих укрытий слышали, как вьетнамцы переговариваются друг с другом, и беспомощно наблюдали за тем, как те вытаскивают из разгрузочных жилетов самодельные гранаты в банках из-под кока-колы, бросают их внутрь вагончиков и захлопывают дверь, чтобы сдержать ударную волну.

Некоторые саперы снимали часы с запястий лежавших на земле американцев — убитых или притворявшихся таковыми. Один наклонился над залитым кровью пехотинцем и спросил по-английски: «Ты в порядке, Джи-Ай? Ты мертв, Джи-Ай?»⁸, после чего

презрительно пнул его ногой. Но американец сумел сдержать стон и не шелохнуться, пока северовьетнамец снимал с него часы и обшаривал карманы в поисках бумажника. Лейтенант Джерри Сэмс месяц командовал своим взводом и еще ни разу не побывал в огневом контакте. Он в спешке натягивал ботинки, когда брошенная в вагончик граната навсегда лишила его одного глаза и нанесла множественные осколочные ранения. Он лежал на полу, страдая от мучительной боли: «Я слышал, как они убивают моих людей!»⁹ Размещенная на базе гаубичная батарея ВСПВ не сделала ни одного выстрела. Повара в панике метались по старому барaku столовой среди сыпавшихся гранат, задыхаясь в облаках слезоточивого газа.

Всего несколько человек оказали сопротивление. По словам очевидца, лейтенант Барри Макги, нелюбимый своими людьми выпускник Вест-Пойнта и обладатель боксерских «Золотых перчаток», убил сапера голыми руками, прежде чем его застрелили. Тони Йоргенсен застрелил из пистолета нападавшего, но тот успел выдернуть чеку из гранаты — Йоргенсен был ранен и до конца атаки пролежал на земле, залитый собственной и вьетнамской кровью. Двое снабженцев, Луис Мидс и Уильям Мик, были оглушены взрывом гранаты; когда они немного пришли в себя и высунули головы из-под обломков, они увидели двух тихо переговаривающихся друг с другом вьетнамцев, которых они застрелили. Как с гордостью сказал Мик, «мы не дали этим сукиным сынам разделаться с нами»¹⁰. В отчете ВНА описывается рукопашная схватка между их маленьким рядовым Чынгом и крупным американцем, который пытался его задушить, но вьетнамцу в конце концов удалось взорвать гранату и убить Джи-Ая. Еще один сапер разmozжил американцу голову бангалорской торпедой.

Когда капитан Спилберг вернулся в горящий командный пункт, он увидел, что подполковник Дойл и двое его людей безуспешно пытаются наладить связь. Раненый офицер Эд Маккей истерически крикнул: «Мы все умрем!» Полковник влепил ему оплеуху и взревел: «Заткнись, на хер, лейтенант!» Вскоре температура в бункере стала невыносимой; в темноте американцам удалось незаметно добраться до медпункта, где никого не оказалось.

Штаб бригады по-прежнему пребывал в неведении по поводу того, что происходит на «Мэри Энн». От осветительных снарядов было мало толку, поскольку база была окутана дымом от горящих строений и рвущихся боеприпасов. Когда Спилберг предложил Дойлу выбраться из укрытия и организовать оборону, раненый полковник покачал головой: «Пол, тогда мы точно погибнем». В конце концов, прислушавшись, они обнаружили, что вокруг медпункта в южном секторе базы воцарилась тишина. Бой продолжался только в северном секторе, где атакующие

взрывали 155-мм орудия и расстреливали выбегавших из казармы артиллеристов. Как сказал один артиллерист в ходе последующего разбирательства, «все были так потрясены и напуганы, что просто бросились, сломя голову, во все стороны». Двое бегущих медиков едва не споткнулись о лежавшего на земле сержанта-снабженца, у которого оторвало обе ноги.

Саперы ВНА прекратили атаку в 03:25, через 45 минут после ее начала, когда над «Мэри Энн» появился первый Night Hawk Huey, оснащенный инфракрасными приборами ночного видения. Используя прожектора и трассеры, экипаж открыл огонь по вражеским солдатам, перебиравшимся обратно через проволочное заграждение с южной стороны. Вскоре после этого на базе приземлился первый медэвак. Сержант Джон Калхун, попавший в первую партию эвакуированных, получил пять ранений. Он впоследствии вспоминал: «Я родом с фермы, мы там привыкли резать свиней. Когда ты потрошишь свинью, стоит довольно мерзкая вонь — такой же тошнотворный запах был внутри вертушки, от раненных в живот. Люди кричали от боли, стонали, умоляли о помощи».

На базе защитники медленно приходили в себя. Подполковник Дойл хромал с перевязанной ногой и неловко пытался подбодрить других раненых шутками о «ранах на миллион долларов». Вскоре на базу прибыл командующий бригадой. Он был потрясен. Всюду полыхали пожары — языки пламени трепетали под воздушными потоками от винтов вертолетов; время от времени темноту освещали вспышки рвущихся боеприпасов. Когда пилот медэвака спросил, нужны ли мешки для тел, местный медик ответил: «Давай все что есть». От некоторых убитых американцев остались только обугленные останки. Пять сильно изуродованных трупов вражеских саперов были сожжены на мусорной свалке, из-за чего ответственные за это офицеры впоследствии едва не были обвинены в совершении военного преступления.

Саперы ВНА отступили с триумфом, хотя лавры победителей не увенчались сколь-нибудь осязаемой наградой: у них кончился рис, и следующие несколько дней они жили на подножном корму. Они признали потерю 14 человек убитыми и вынесли с поля боя 21 раненого, что свидетельствовало о том, что по крайней мере кто-то из американцев оказал сопротивление. После эвакуации Дойла на «Мэри Энн» был назначен новый командир, подполковник Клайд Тейт, который запоздало принялся наводить дисциплину. На второй день он обнаружил на командном пункте бутылку виски и разбил ее об пол. Оставшиеся в живых, травмированные физически и психологически, убедили себя в том, что стали жертвами предательства со стороны

южновьетнамцев, которые якобы предоставили противнику информацию и, возможно, даже обеспечили доступ внутрь периметра, — главной «уликой» было то, что их бараки не подверглись атаке. Это было ложное обвинение, которое, однако, отражало удручающее отсутствие доверия между американцами и их вьетнамскими союзниками.

Расследование генерального инспектора 23-й дивизии вскрыло неприглядные факты: солдаты, назначенные в караульный наряд, спали; большинство «защитников» попрятались по укрытиям вместо того, чтобы дать отпор нападавшим. В своем отчете генеральный инспектор безжалостно подытожил, что многие убитые и раненые стали «жертвами сознательного неисполнения тех обязанностей, которые они были обязаны исполнять». Он отдал должное мужеству и профессионализму нападавших. Среди американских военных, писал он, «существует вполне объяснимое нежелание признавать, что в существующих обстоятельствах ВК/ВНА способны сражаться лучше нас... Большинство солдат ВК/ВНА верят в правоту своего дела... чего нельзя сказать о среднестатистическом американском солдате во Вьетнаме по состоянию на весну 1971 г.». Командующий дивизией генерал-майор Джеймс Болдуин решил не освобождать Дойла от командования 1-м батальоном 46-го пехотного полка, но взбешенный Абрамс снял с должности не только Дойла, но и самого Болдуина, а также командующего бригадой.

В июле КОВПВ опубликовало свой отчет о расследовании, в котором погибший капитан Найт был признан виновным в «неисполнении обязанностей» и еще несколько ключевых офицеров обвинили в «неэффективности»; Дойлу удалось избежать военного трибунала. Когда факты о случившемся на «Мэри Энн» просочились в СМИ, журналисты попытались раздуть скандал. Но после суда над Келли в марте того же года у американских военных не было никакого желания выставлять напоказ еще одну порцию грязного белья. Уэстморленд писал из Вашингтона: «Я и министр [Армии] стараемся сделать все возможное, чтобы свести к минимуму тот вред, которая армия наносит сама себе»¹¹. Дойлу были оставлены погоны и звание, но с переводом в небоевые части. После «Мэри Энн» его жизнь, как и жизнь Болдуина, пошла наперекосяк: оба умерли в относительно молодом возрасте. Некоторые впоследствии утверждали, что этих двух офицеров попросту сделали козлами отпущения. Отчасти это действительно было так, поскольку трагедия на «Мэри Энн» была следствием тяжелой системной болезни, разъедавшей армию, в рамках которой командирам любого уровня было все труднее добиться

подчинения и заставить своих людей выполнять даже минимальные уставные требования.

Пожалуй, ни один другой отдельно взятый эпизод с такой наглядностью не демонстрировал всего безумия выбранной США стратегии постепенного одностороннего выхода из войны, оставаясь при этом в непосредственном соприкосновении с непримиримым врагом. Эта стратегия игнорировала то ключевое обстоятельство, что, тогда как многие американские офицеры и солдаты уже «сложили оружие», противник вовсе не собирался этого делать. Многие впоследствии жалели защитников гарнизона, переживших кровавую драму. Однако практически каждый, кто находился на «Мэри Энн», от подполковника Дойла до рядовых, нес свою долю ответственности за постигшую их кару.

Хотя южновьетнамские силы продолжали вести военные действия при поддержке американской авиации и нескольких армейских частей, основная масса наземных войск США и близко не могла сравниться с мотивированностью, дисциплиной и, следовательно, боеспособностью своих врагов. Лейтенант Брайан Уолрат, советник в подразделении ВСРВ, базировавшемся рядом с «Мэри Энн», позже писал: «Сомневаюсь, что гарнизон базы сильно отличался от большинства других американских подразделений... на этом этапе войны»¹². 21 мая произошел еще один похожий эпизод: в ходе обстрела одной из баз всего одиннадцатью 122-мм ракетами 33 человека были убиты и 21 ранен. Столь высокие потери объяснялись тем, что на момент начала обстрела многие солдаты находились в столовой, а затем укрылись в одном бункере, который был уничтожен прямым попаданием.

Абрамс был в ярости, поскольку командование базы предупредило о готовящемся обстреле. «С такими вещами [предупреждениями разведки] не шутят! — кричал он. — Вы играете с жизнями наших парней!»¹³ Но вскоре такая же трагедия повторилась на базе «Инглиш», где солдаты играли в волейбол и собирались смотреть кино, когда на них обрушились снаряды. Абрамс был в отчаянии: «Это полный провал командования! У них были разведданные... Не понимаю, о чем, черт возьми, они там думают?!» Они думали о возвращении домой: месяц спустя после нападения на «Мэри Энн» американцы навсегда покинули эту базу. На Рождество 1971 г. Боб Хоуп был освистан во время своего ежегодного шоу, которое он традиционно устраивал для американских военнослужащих во Вьетнаме.

Еще один «козел»

Всем было очевидно, что, как бы ни разворачивались дальнейшие военные действия, наземные войска США больше не будут играть в них сколь-нибудь значимой роли. В мае 1971 г. Фред Вейанд пожаловался: «Наша авиация — единственный “клей”, который не дает всему этому развалиться... Если бы не она, сдерживающая этих парней [коммунистов], мы бы сейчас находились в очень тяжелом положении... Но эти люди в Вашингтоне хотят урезать и ее тоже»¹⁴. Он имел в виду неуклонное сокращение финансирования, которое выделялось конгрессом на поддержание не только наземного, но и воздушного присутствия США во Вьетнаме. Когда начался вывод войск, авиация осталась единственным оружием в распоряжении Никсона и Киссинджера. С марта 1969 г. по май 1970 г. президент лично санкционировал 4308 боевых вылетов В-52 против целей в Камбодже, которые не были раскрыты даже начальнику штаба ВВС США генералу Джону Райану. Перед вылетами на Лаос и Камбоджу пилотов заставляли подписать соглашение о неразглашении. Со своей стороны, Ханой, который категорически отрицал присутствие своих войск в этих странах, не мог извлечь никакой пропагандистской выгоды из нелегальных американских бомбардировок их территории. Стратегическое авиационное командование готовило два комплекта отчетов: один для очень ограниченного круга лиц о результатах ударов по реальным целям; другой — о фиктивных ударах по целям на территории Южного Вьетнама.

Еще один обманный маневр американского руководства не так широко известен, однако проливает яркий свет на их методы ведения войны в те дни. С 1969 г. Никсон требовал от авиационного командования, чтобы авиация наносила удары по северовьетнамским силам с максимальной мощностью, когда и где это только возможно¹⁵. Президент был невысокого мнения о своих военных и часто сетовал на их предполагаемую робость. В то же время по внутриполитическим причинам администрация не хотела вносить эскалационные поправки в «Правила применения военной силы», чтобы не привлечь нежелательного внимания конгресса и СМИ.

В последние месяцы 1971 г. президент лично санкционировал неоднократные удары по скоплениям бронетехники и транспортных средств к северу от ДМЗ. Это были абсолютно разумные меры против врага, который открыто наращивал силы для весеннего наступления, однако они нарушали установленные «Правила применения военной силы». В ноябре адмирал Томас Мурер, председатель Объединенного комитета начальников штабов, за закрытыми дверями рекомендовал

генерал-лейтенанту Джеку Лавеллу, командующему 7-й воздушной армией в Сайгоне, отправлять в район авиабазы «Донгхой» в Северном Вьетнаме самолеты-разведчики, чтобы спровоцировать их обстрелы и таким образом получить предлог для бомбардировок. Эта военная хитрость впоследствии вылилась в так называемый скандал Лавелла. Согласно «Правилам применения военной силы», действующим с 1968 г., самолетам США разрешалось атаковать зенитные и ракетные позиции на территории ДРВ только при условии, если те первыми открыли по ним огонь, а радиолокационные станции только в том случае, если те уже наводили северовьетнамские МиГи на американские самолеты. При всей абсурдности таких ограничений эти Правила фактически имели статус «священного писания» в тот период, когда многие конгрессмены старались максимально использовать свои полномочия, чтобы положить конец войне.

Правила допускали некоторую свободу интерпретаций. Например, по умолчанию было разрешено атаковать радиолокационную станцию, которая захватила американский самолет, прежде чем связанные с ней ЗРК произведут запуск. Но с декабря 1971 г. северовьетнамцы научились запускать ракеты практически мгновенно, как только радар захватывал цель, так что американские пилоты перестали получать звуковые предупреждения. Летчики и их командование пребывали в замешательстве по поводу того, как далеко они могут зайти в нанесении «неспровоцированных ударов» по ЗРК противника, которые могут сбить самолет. Настрой Белого дома не оставлял сомнений: Никсон хотел причинить коммунистам как можно больше страданий. Он неоднократно жаловался на недостаточную эффективность американских ВВС, отчасти потому, что бомбометание с помощью радиолокационного прицеливания при плохих погодных условиях действительно не отличалось точностью. В декабре 1971 г. генерал Райан посетил авиабазу «Удорн» в Таиланде и заявил летным экипажам, что глубоко разочарован их «жалкими результатами». Тем не менее, когда Мелвин Лэйрд посетил Сайгон, и генерал-лейтенант Лавелл запросил дополнительно расширить свободу действий в рамках «Правил применения военной силы», он ответил отказом. Министр обороны посоветовал командующему 7-й воздушной армией «использовать по максимуму те полномочия, которые у него уже есть»¹⁶ и пообещал в ответ «обеспечить поддержку в Вашингтоне». Еще через месяц Лэйрд, исключенный из узкого круга принимающих решения лиц в Белом доме, предостерег, противореча собственным же предыдущим заявлениям, что радиолокационные станции могут быть атакованы только в том случае, если ведомые ими МиГи «уже находятся в воздухе и демонстрируют враждебные намерения».

2 февраля 1972 г. адмирал Мурер доложил Никсону, что он поручил Крейтону Абрамсу — боссу Лавелла — «нарастить интенсивность аэродромной разведки и обеспечить самолетам-разведчикам поддержку бомбардировочной авиации» и «в случае обстрела наблюдательных самолетов, что происходит почти всегда, отдавать приказ о нанесении ответных ударов по аэродромам. Таким образом, мы сможем провести серию таких операций, сэр»¹⁷. Президент сказал: «Я просто хочу быть уверен, что они интерпретируют «Правила» [применения военной силы] так широко, насколько это возможно». На следующий день Никсон вызвал к себе посла Эллсворта Бункера, прибывшего с визитом в Вашингтон, и сказал, чтобы тот передал Абрамсу следующее: «Он может наносить удары по ЗРК, ясно? Но без огласки... Если же это всплывет... пусть скажет, что это — защитные ответные удары».

Возможно, на начальном этапе войны эта уловка сошла бы всем с рук, но в 1972 г. она вылилась в громкий скандал. В январе Лавелл, ас-истребитель Второй мировой войны, как от него и ожидалось, приказал нанести несколько «защитных ответных ударов». Участвовавшие в них экипажи были предупреждены, чтобы в своих послеполетных отчетах в компьютеризированной системе OPREP-4 они не указывали тот факт, что противник не ответил на их атаки. В следующем месяце сержант разведывательной службы с авиабазы «Удорн» по имени Лонни Фрэнкс написал влиятельному сенатору Гарольду Хьюзу письмо, в котором сообщил, что летные экипажи составляют ложные отчеты для оправдания бомбардировок. Хьюз, известный противник войны, публично потребовал разобраться в происходящем. Генерал Райан, с которым у Лавелла были давние трения, немедленно отправил в Сайгон генерального инспектора ВВС Луи Уилсона. Собрав довольно-таки сомнительные доказательства, Уилсон подтвердил, что командующий 7-й воздушной армией отдавал приказы о проведении операций, которые явно нарушали действующие «Правила применения военной силы». Лавелл был незамедлительно отозван в Вашингтон и отправлен в отставку «по состоянию здоровья» в звании генерал-майора, лишившись звездочки на погонах.

Никсон ничего об этом не знал. Когда ему организовали личную встречу с генерал-лейтенантом Джоном Вогтом, новым командующим 7-й воздушной армией, президент сказал ему — в присутствии Киссинджера, — что хочет видеть гораздо более агрессивные усилия со стороны ВВС. Позже летчик писал, что на встрече у Никсона был «дикий взгляд». Вскоре новость об отставке Лавелла просочилась в СМИ. Журналисты подвергли генерала публичному бичеванию, обвинив его в «ведении частной воздушной войны» вопреки приказам начальства и в вовлечении пилотов и нижестоящих командиров в

«преступный сговор». 14 июня на встрече с Киссинджером и госсекретарем Роджерсом Никсон впервые задал вопрос по поводу опального генерала. «Что это, черт возьми, за история? — спросил он. — Кто такой этот Лавелл? Из него сделали козла отпущения... и это неправильно». Киссинджер и Роджерс рассказали ему про письмо сержанта Фрэнкса и о том, что за этим последовало. Позже в тот же день Киссинджер сказал Никсону: «Лавелл сделал это потому, что считал, что мы ожидаем от него более агрессивных шагов... А потом вдруг Лэйрд обрушился на него, как тонна кирпичей». «Мне не нравится, когда преследуют человека, который сделал то, что считал правильным», — отреагировал Никсон. Киссинджер в ответ раскритиковал военных: «Они грызутся между собой хуже крыс», с чем президент согласился, после чего безжалостный политик в нем снова взял верх. «Можно ли что-нибудь сделать, чтобы положить конец этой чертовой истории?» — спросил он. На что Киссинджер ответил: «Думаю, все замнется. Нам нужно просто пообещать, что мы примем меры...» — «Проклятие, это такой ужасный удар для него... Он не заслуживает такого позора, Генри», — вздохнул президент. Это была эпитафия на могиле военной карьеры генерал-лейтенанта Лавелла.

Киссинджер был прав насчет «крысиной грызни» среди военных: в сентябре 1972 г. Мурер, давая свидетельские показания перед сенатским комитетом, заявил, что никогда не отдавал приказы о нанесении ответных защитных ударов по Северному Вьетнаму, что было откровенной ложью. На тех же слушаниях Абрамс сказал: «Лавелл действовал в нарушении «Правил» [применения военной силы], но «Правила» и политика, на мой взгляд, — не совсем одно и то же»¹⁸. Уклончивые ответы Абрамса лишь подчеркивали, в какой клубок обмана превратилась эта война. Лавелл выполнил пожелания своего главнокомандующего, которые тот не раз высказывал вслух, а также неофициальные приказы своего начальства, однако Мурер и Райан сделали его козлом отпущения, как верно заметил Никсон, и сам президент закрыл на это глаза. «Правила применения военной силы», в рамках которых обязаны действовать ВВС США, были откровенно нелепыми и лицемерными. Если на то пошло, существовало всего два варианта: либо США ведут воздушную войну против Северного Вьетнама, либо нет. Однако во все более запутанном мире вашингтонской политики не было места ни для голоса разума, ни для честности.

«А сами вернемся домой»

Генерал Абрамс превратился в бледную тень самого себя, страдая от язвенной болезни, последствий пневмонии, приступов высокого давления и злоупотребления алкоголем; с учетом одного только этого, не говоря уже о потере доверия к нему Белого дома, вызывает удивление, что он продолжал оставаться на должности главы КОВПВ. Утром 29 мая 1971 г., накануне очередного раунда секретных переговоров с Ханоем, между Никсоном и Киссинджером состоялся примечательный разговор, поражающий своим цинизмом. Советник по национальной безопасности сказал, что собирается заключить с коммунистами сделку до следующих президентских выборов: «Таким образом, мы пройдем через выборы. Думаю, к этому нужно подходить максимально трезво, господин президент»[19](#).

Никсон: «Согласен».

Киссинджер: «Если мы сумеем [договориться], в октябре 1972 г. мы сможем объездить всю страну, говоря людям, что мы закончили войну, а демократы хотели сдать ее коммунистам...»

Никсон: «Разумеется».

Киссинджер: «Тогда мы будем в отличной форме».

Затем они обсудили вероятную судьбу Южного Вьетнама: «Если он перейдет в руки коммунистов, будет лучше, если это случится в первые шесть месяцев нового срока, чем будет длиться бесконечно».

Никсон: «Согласен».

Киссинджер: «Я отношусь к этому абсолютно прагматично».

Никсон: «Я прекрасно понимаю, что мы делаем».

13 июня The New York Times начала публикацию так называемых Документов Пентагона — секретного исследования, проведенного по заказу Роберта Макнамары пятью годами ранее, в котором с ледяной откровенностью описывались все обманные маневры, уловки и ошибочные суждения, в результате которых Соединенные Штаты были втянуты в войну во Вьетнаме. Администрация обрушила всю ярость на аналитика Дэниела Элсберга, который скопировал и передал эти бумаги прессе. Но дело было сделано: публикация этих секретных материалов окончательно убедила американский народ в том, что США не должны были вмешиваться во вьетнамскую войну и теперь необходимо как можно скорее покинуть эту обреченную страну.

По словам Александра Хейга, администрация США смирилась с необходимостью пойти на уступки и согласиться с формированием в Сайгоне коалиционного правительства с участием коммунистов. Но Ханоя этого было мало: он продолжал упорно настаивать на отстранении от власти президента Нгуен Ван Тхьеу, тем самым

продлевая стагнацию переговоров. В конце концов Госдепартамент призвал президента Южного Вьетнама сделать то, против чего жестко предостерегал его на протяжении последних десяти лет, — вступить в переговоры с коммунистами. В июле Никсон пожаловался Киссинджеру: «Они знают, что держат нас за яйца». К концу 1971 г. и президент, и его советник были готовы отказаться от своих требований о выводе северовьетнамских сил с Юга и согласиться на немедленное прекращение огня на существующих позициях.

Пожалуй, самым важным и, безусловно, самым впечатляющим внешнеполитическим достижением президентства Ричарда Никсона — а многие забывают, что у него были какие-либо достижения, — была разрядка напряженности с Китаем. В XXI в. нам трудно представить все те колоссальные политические, моральные и стратегические компромиссы, на которые пришлось пойти американской администрации, чтобы установить прагматичный мир с режимом, который почти четверть века рассматривался консерваторами как колыбель зла: «потеря Китая» была историческим унижением, нанесенным Мао Цзэдуном Соединенным Штатам. Выступив инициаторами наведения мостов с Пекином, поначалу через посредничество восточноевропейцев, Никсон и Киссинджер преследовали две цели: во-первых, начать диалог, который усугубил бы раскол в коммунистическом лагере и привел к изоляции СССР; во-вторых, что гораздо важнее, ускорить достижение мирного урегулирования во Вьетнаме. Администрация Никсона по-прежнему считала, что без китайской и советской поддержки Ханой будет неспособен вести войну на Юге.

В какой-то мере они, разумеется, были правы. Однако они недооценивали всю величину идеологического давления, под которым находилась Москва и которое заставляло ее продолжать поддержку Северного Вьетнама. Если бы СССР оставил без помощи героических революционеров Ле Зуана в то время, как те ведут кровопролитную борьбу с американскими империалистами, его авторитет был бы непоправимо подорван в глазах всего социалистического мира, чего Москва никак не могла допустить. Сам Киссинджер к тому времени максимально снизил порог приемлемого для США мирного соглашения. По дороге в Пекин на первую секретную встречу с премьером Чжоу Эньлаем в июле 1971 г., он написал в своем блокноте: «Мы хотим пристойной паузы». Это означало, что американцы должны иметь возможность достойно уйти из Южного Вьетнама, прежде чем тот падет в руки коммунистов. Киссинджер повторил то же самое на второй, уже официальной встрече в Пекине в октябре, известие о которой ошеломило весь мир и вызвало приступ острой тревоги в Ханое. С этого

момента вьетнамцы, как северяне, так и южане, были вынуждены столкнуться с новой реальностью: отныне правительства США и Китая были куда больше озабочены развитием двусторонних отношений своих огромных держав, нежели судьбой Ханоя или Сайгона. Это не принесло во Вьетнам немедленного мира, но стало решающим фактором в окружающих его дипломатических процессах.

В октябре 1971 г. в Южном Вьетнаме состоялись президентские выборы, на которых, к вящему смущению Вашингтона и на посмешище всему миру, баллотировался и победил единственный кандидат — Нгуен Ван Тхьеу: оба его соперника, вице-президент Ки и Большой Минь, сняли свои кандидатуры. Эти, как оказалось, последние в непродолжительной истории страны президентские выборы окончательно похоронили все попытки представить войну как крестовый поход за демократию. Но принимающие решения лица в Вашингтоне упрямо отказывались признавать полное поражение США во Вьетнаме. Как устало заметил Нил Шиэн, «эти люди никак не могли осознать, что проиграли»²⁰. Перед отлетом в Сайгон новый глава резидентуры ЦРУ Том Полгар сказал Мелвину Лэйрду, что беспокоится о безопасности своей семьи. «О, не волнуйтесь, — ответил ему министр обороны. — Наш контингент будет оставаться во Вьетнаме еще лет 30, как в Германии»²¹. Однако вывод американских войск все больше напоминал лавину, которую невозможно было остановить, как и пагубные последствия их ухода. Когда 173-я воздушно-десантная бригада покинула провинцию Биньдинь, все усилия по принуждению к миру рухнули, и коммунисты быстро установили там свой контроль. В июле Вьетнам покинул Билл Колби, главный архитектор программы принуждения к миру CORDS и программы «Феникс». К концу года, хотя на ТВД все еще оставались 175 000 американских военнослужащих, большинство из них выполняли вспомогательные функции: из двух оставшихся боевых дивизий США одна была переведена в резерв.

Даже в дисциплинированном австралийском контингенте началось некоторое брожение умов; в последние недели своего пребывания во Вьетнаме в конце 1971 г. лейтенант Роб Франклин пришел к выводу: «Кажется, с меня хватит». Он испытывал глубокое уважение к коммунистам, которые были «действительно крутыми солдатами», и очень не хотел погибнуть на излете войны²². «Они называли эту стратегию “искать и уничтожать”, но я бы назвал ее “искать и избегать”». Все понимали, что вся эта история подходит к концу». Как-то стрелковый взвод под командованием Франклина наткнулся на каучуковой плантации на нескольких вьетконговцев и начал их преследовать. Когда стало смеркаться, Франклин подал своим людям

сигнал остановиться. Его сержант Артур Фрэнсис спросил: «Почему остановились, босс?» — «Франгер, — ответил ему лейтенант, — эти парни так стараются. Давай их отпустим. А сами вернемся домой».

Глава 24

Главная битва

Ле Зуан идет на Юг

Многие военные историки рассматривают все то, что происходило после Тетского наступления 1968 г., как завершающий этап войны, поскольку с этого момента уход американцев был предопределен и, как следствие, судьба Южного Вьетнама была предрешена. В какой-то мере это действительно так, однако же это не отменяет уродливо-абсурдной реальности: 1972 г. ознаменовался крупнейшими битвами за все время этого конфликта — общевойсковыми батальями, своими масштабами и интенсивностью затмевавшими любые сражения 1968 г., с массивными потерями с обеих сторон. В этом же году состоялись исторические саммиты между США, Китаем и СССР, переговоры в Париже после многолетнего тупика начали медленно продвигаться к достижению договоренностей, а Ричард Никсон обеспечил себе переизбрание на второй срок.

Когда Ле Зуану требовалось серьезно поразмышлять, он удалялся либо в курортный городок Дошон на побережье Тонкинского залива, либо в ханойскую гостиницу «Куангба». Осенью 1971 г. он провел много времени там и там, обдумывая амбициозный план: предпринять широкомасштабное наступление на Юге силами ВНА в манере классической, а не партизанской войны, чтобы наглядно показать всему миру провал вьетнамизации. Он отклонил возражения некоторых членов Политбюро, которые считали, что удары американской авиации могут свести на нет эти усилия. Неумолимый, как всегда, Ле Зуан был убежден, что его страна вступила в волевое противостояние с Америкой и выставление напоказ слабости сайгонского режима значительно усилит положение Ханоя и, возможно, даже ускорит падение режима Тхиеу. Его мало заботило то обстоятельство, что он собирается отправить на смерть десятки тысяч своих людей в то время, когда США уже объявили об уходе и начали вывод войск. Если американское руководство часто обвиняли в бесчеловечности, то руководство Северного Вьетнама мало уступало ему в этом.

Поскольку скрыть подготовку к наступлению десяти дивизий — наступательная операция на северном фронте получила кодовое

название «Нгуен Хюэ» в честь вьетнамского правителя XVIII в., одержавшего победу над китайцами, — было невозможно, американцы получали непривычное обилие предупредительных сигналов. После брифинга 22 декабря 1971 г. Крейтон Абрамс задумчиво подытожил: «Противник явно что-то затевает. Очень много сигналов... И моему чутью это не нравится». На совещании десять дней спустя он сказал: «Нам неизвестно, когда и где именно... Единственное можно сказать наверняка, что они намереваются, когда настанет подходящий момент... задействовать всю эту чертову массу» концентрируемых у границы регулярных формирований ВНА. 20 января 1972 г. представитель разведки доложил на совещании в КОВПВ: «Нет никаких сомнений в том, что готовится крупная кампания. Основной удар ожидается на Центральном нагорье и на севере в провинции Куангчи». Два дня спустя он добавил: «Впервые после 1965 г. мы сталкиваемся с ситуацией, когда крупное наступление должно быть отражено главным образом южновьетнамскими силами». «Ни у кого не будет ресурсов, которые ему бы хотелось иметь в своем распоряжении», — закончил он, чем вызвал взрыв ироничного мрачного смеха среди присутствующих высших офицеров.

2 февраля Абрамс объявил: «Шоу начинается! Занавес открывается, сцена готова». На встрече с делегацией Южной Кореи он сказал, что цель коммунистов — «ударить по самому слабому месту во всей этой комбинации, по воле американского народа... Если они сумеют взять Бенхет или Контум за неделю... и угрожать захватом Куангчи... пресса станет вопить, что вьетнамизация провалилась. И тогда даже последние конгрессмены, готовые поддержать продолжение экономической помощи ЮВ, окончательно разуверятся во всем этом предприятии». Принимая во внимание все вышесказанное, кажется тем более удивительным, что северяне сумели достичь значительной степени внезапности, когда в конце концов нанесли удар. Отчасти это объяснялось тем, что Абрамс ожидал наступления на Тет, и, когда его не произошло, СМИ высмеяли его за ложную тревогу. К тому же никто в Вашингтоне не хотел слышать плохих новостей. Генри Киссинджер был убежден, что держит коммунистов под контролем парижским процессом, и переключил внимание на другие геостратегические проблемы.

21 февраля Ричард Никсон начал свой исторический визит в Китай, который стал триумфом и для него самого, и для его «турагента», организовавшего это путешествие: Киссинджер появился на обложке журнала Time, хотя истинным вдохновителем этой инициативы был Никсон. Китайцы и американцы говорили друг с другом со значительной степенью откровенности, согласившись оставить в

стороне разногласия по поводу Тайваня. Президент открыто заявил о готовности США уйти из Южного Вьетнама и своем безразличии к тому, что будет происходить с этой страной дальше, при условии, что коммунисты предоставят им «разумную паузу», «достаточную паузу» или «пристойную паузу» — все эти формулировки в разное время употреблялись Генри Киссинджером в разговорах с Чжоу Энлаем. Китайцы заявили о желании — как показало будущее, вполне искреннем — положить конец своей изоляции и наладить с США деловые отношения, ради которых были готовы пойти на определенные политические жертвы. Однако они отказались прекращать помощь Ханоя, разрушив наивные мечты американского президента и его советника о том, что Китай может пойти на такую уступку. Таким образом, полетев в Пекин за миром во Вьетнаме, Никсон вернулся оттуда по большому счету с пустыми руками — только восторженные заголовки в мировых СМИ могли служить ему некоторым утешением.

Тем не менее позиция китайского руководства дала ему уверенность в том, что теперь США могут делать на Севере почти все что угодно: призрак китайского военного вмешательства, на протяжении десяти лет довлевший над американскими стратегами, наконец-то исчез. С этого момента дальнейшая политика Никсона в Индокитае ограничивалась только американским народом, представленным в конгрессе, а не Китаем или Советским Союзом. Ле Зуан и его соратники в ханойском Политбюро не могли не почувствовать этого сдвига в стратегическом балансе сил и пришли в ярость от того, что они восприняли как «предательство» Мао, который всего парой предостерегающих слов, сказанных президенту США, мог бы избавить их от нового града бомб. Один из членов Политбюро гневно сказал, что, согласившись на встречу с Никсоном, председатель китайской компартии «бросил спасательный круг тонущему пирату». Обиду Ханоя не смягчил даже щедрый поток китайской военной помощи.

Бесплодные официальные переговоры между Северным Вьетнамом и США шли в Париже с 1968 г., последовательно возглавляемые с американской стороны Авереллом Гарриманом, Генри Кэботом Лоджем и Дэвидом Брюсом. Фред Вейанд был некоторое время прикомандирован военным советником к американской делегации. «Коммунисты были непримиримыми фанатиками, — с отвращением вспоминал он. — Никаких уступок. Когда мадам [Нгуен Тхи Бинь] садилась за стол переговоров, вы буквально чувствовали, как ее переполняет ненависть». Единственными встречами, на которых происходило что-то значимое, были периодические тайные сессии между Киссинджером и Ле Дык Тхо, которые проходили на скромной вилле в предместьях Парижа, принадлежавшей Французской

коммунистической партии. Но даже они зашли в тупик из-за упрямого требования Ханоя отстранить от власти президента Тхиеу и ответного требования США вывести с Юга все регулярные части ВНА, хотя с лета 1971 г. американцы понимали, что в лучшем случае смогут добиться лишь видимости такого ухода. Несмотря на то что в год очередной президентской кампании Никсон был решительно настроен не получить клеймо «капитулянта» и не переставал твердить на публике: «Мы не можем проиграть эту войну», поначалу он намеревался вернуть домой весь американский контингент задолго до дня голосования и был переубежден только Киссинджером, который считал необходимым оставить во Вьетнаме некоторые силы даже после выборов. Любопытно, что, как показывают магнитофонные записи многочисленных бесед между Никсоном и Киссинджером в Овальном кабинете, советник по национальной безопасности подчеркивал центральное значение президентских выборов 1972 г. даже более настойчиво, чем сам кандидат, потворствуя тщеславию своего хозяина в столь откровенно льстивой манере, что она покорила бы даже самого «короля-солнце» Людовика XIV. «Думаю, я — самый жесткий лидер, который был у Америки со времен Рузвельта», — говорил президент. «Без сомнений», — подтверждал Киссинджер.

Никсон рассматривал кампанию бомбардировок как средство оказания давления на Север, которое американские избиратели — согласно опросам общественного мнения, которые президент внимательно изучал, — считали приемлемым и даже, что любопытно, фактически одобряли, в отличие от использования наземных сил. Впоследствии возникнут споры о том, в какой мере эскалация бомбардировок была обусловлена дипломатическими императивами, а в какой — маниакальной личной одержимостью президента подчинить коммунистов своей воле. Исследователи продолжают горячо обсуждать нюансы и сроки изменения позиции США в ходе процесса мирного урегулирования во Вьетнаме, однако эти конкретные детали вряд ли имеют большое значение. Ключевые реалии были ясны и однозначны, откладывалось только время их окончательного признания: Соединенные Штаты приняли решение уйти из Вьетнама, и теперь едва ли не единственным, что их заботило, была судьба американских граждан, находившихся в руках коммунистов. На эту проблему было потрачено много слов и сил, впрочем, абсолютно впустую, поскольку было очевидно, что Ханой освободит военнопленных, как только последние американские войска покинут Вьетнам. Как заметил стрелок В-52 Джек Кортел, «возвращение наших парней из плена оставалось единственным, что давало нам чувство цели».

Между тем воля южновьетнамского народа к продолжению борьбы и готовность их армии защищать сайгонский режим почти иссякли. Как писал майор ВСРВ Нгуен Конг Луан, они с сослуживцами обсудили сотню с лишним южновьетнамских генералов и пришли к выводу, что среди них всего двадцать были компетентными и честными офицерами, еще десять — безнадежно коррумпированными и бездарными, а остальные находились где-то в промежутке между ними. В ходе серьезного обсуждения с американскими военными, как поднять боевой дух южновьетнамских войск, генерал Нго Зу предложил вернуть некогда действовавшую во французской армии систему мобильных полевых борделей. Один молодой офицер ВСРВ в интервью британскому корреспонденту с гордостью сказал, что он и его лучший друг служат в небоевой части: «Нам не приходится никого убивать, чему мы очень рады».

Ни у Никсона, ни у Киссинджера, ни у кого-либо другого не было иллюзий насчет того, какая судьба ожидает Южный Вьетнам после ухода американцев. Но президента и его ближайшего советника отныне заботило только одно: обеспечить «пристойную паузу» продолжительностью от полутора до двух лет между их уходом и падением режима, чтобы сохранить видимость приверженности США своим обещаниям. Эти двое были гораздо честнее с врагами Америки — Китаем и СССР, чем с ее друзьями. Их почитатели оправдывают их тем, что, во-первых, президенту и советнику досталось тяжелое наследство: им нужно было вывести свою страну из войны, которая была начата не ими, и, во-вторых, они делали все возможное, чтобы как можно лучше разыграть унаследованную ими проигрышную комбинацию. Первый из этих двух аргументов справедлив, однако историческое обвинение против них заключается в том, что они еще несколько лет продолжали бессмысленную бойню с единственной целью: из соображений собственной политической выгоды скрыть от американского электората неизбежность унижительного поражения в Индокитае.

В начале 1972 г. майор Уолт Бумер служил советником в южновьетнамском батальоне морской пехоты на базе «Содж» в провинции Куангчи. Перед его очередным отъездом во Вьетнам из Бетесда, Мэриленд, его жена Адель с обреченным недоумением сказала: «Я не могу понять, почему ты это делаешь». На что Бумер ответил: «Это мой долг. Я — солдат». Прибыв в Дананг, он был потрясен увиденным: огромные базы, покинутые американскими военными, стояли в запустении, уже тронутые следами разрушения. Он обнаружил, что вьетнамские морпехи ненавидели его предшественника за высокомерно-презрительную манеру общения, и ему пришлось потратить немало времени и сил, чтобы наладить контакт. Бумер был

обеспокоен огромной пропастью между офицерами и рядовыми: «Майор насаждал дисциплину, лупя всех направо и налево своей тростью. Я знал, что, когда мы окажемся в тяжелой ситуации, это вызовет большие проблемы. Мне было одиноко — я много читал, много тренировался. Признаться, мне было некомфортно с ними. Они не хотели больше воевать — они выгорели». Американец настаивал на ведении активного патрулирования, но после того, как одна группа оказалась втянутой в интенсивный огневой контакт, майор отказался посылать своих людей в патрули. «Мы должны помешать им наращивать силы!» — попытался настоять Бумер. В ответ вьетнамец только пожал плечам: «У нас не хватит для этого сил». Американец не считал их трусами: «Просто у них был такой менталитет: не рисковать своей головой, когда этого можно избежать». Однако в скором времени сотни тысяч южновьетнамских солдат и офицеров стали перед необходимостью противостоять реальной и неумолимой угрозе, сражаясь не на жизнь, а на смерть за выживание своей страны.

Шторм начался

Подполковник Джерри Терли находился с ознакомительным визитом в штабе 3-й дивизии ВСРВ в г. Куангчи и 29 марта 1972 г. должен был вылететь обратно в Сайгон, но его вертолет задержался по техническим причинам. В полдень на следующий день «разверзся ад». Растоптав последние остатки Женевских соглашений 1954 г., коммунисты развернули одновременное массированное вторжение в провинцию Куангчи с севера, через демилитаризованную зону, и с запада, с территории Лаоса. Несмотря на то что о готовящемся наступлении было известно заранее, противник сумел застигнуть союзников врасплох. Используя танки и тяжелую артиллерию, северяне одну за другой сметали базы огневой поддержки. Через несколько дней начальник штаба ВНА генерал Ван Тиен Зунг приказал начать крупномасштабные наступления на Центральном нагорье в направлении Контума и на юге в направлении Анлока, находящегося всего в 100 км от Сайгона, в то время как Вьетконг и регулярные части ВНА активизировали боевые действия в дельте Меконга. Союзники были потрясены не только мощностью этих ударов, но и новейшим советским и китайским вооружением, которое задействовали ВНА: около 600 легких и тяжелых танков; современные переносные зенитно-ракетные комплексы «Стрела-2»; противотанковые гранатометы, включая ПТУРЫ «Малютка». Тысячи военнослужащих ВНА прошли обучение за границей, в основном в странах Восточной Европы, чтобы научиться обращению с новым оружием.

Между тем на севере страны разворачивалась катастрофа. Командующий I корпусом генерал Хоанг Суан Лам отказывался признавать масштабы вторжения. Как впоследствии объяснил генерал Вьен, «Лам не хотел сообщать плохие новости». Генерал Крейтон Абрамс и посол Эллсворт Бункер улетели из Сайгона на Пасху. Глава КОВПВ находился вместе с женой в Бангкоке, завершая свой процесс перехода из протестантской методистской церкви в католицизм. Его заместитель Фред Вейанд, на которого временно легли обязанности командующего, старался прекратить панические разговоры: «Но, какие бы слова вы ни использовали, суть от этого не менялась: это была чертова лавина людей и техники, которая катилась на нас с нескольких направлений». Коммунисты приурочили наступление к началу сезона дождей в провинции Куангчи, поэтому первое время низкая плотная облачность в значительной мере защищала их от ударов американской авиации.

Утром 2 апреля, в Пасхальное воскресенье, разведка обнаружила колонну танков ВНА, направлявшихся на юг к мосту через реку Кыавьет в Донгха. В 09:15 задержавшемуся в г. Куангчи Джерри Терли сообщили о том, что он назначается старшим советником в 3-й дивизии ВСРВ, в которой после бегства дивизионного командира и прежнего американского советника начался коллапс. Терли был настолько удивлен этим приказом, что для подтверждения его подлинности потребовал назвать номер социального страхования полковника, который отдал это распоряжение. Позже Терли так описал происходившее: «Офицеры дивизионного штаба и их подчиненные просто встали, взяли личные вещи и покинули командный бункер. Старшие офицеры сбежали первыми. Карты и секретные документы так и остались лежать на столах; радиостанции были брошены. Постепенно хаос охватил всю базу; испуганные люди, переставшие быть военными, метались в поисках транспортных средств. Американские военные с рациями и стереоаппаратурой в руках спешили к вертолетной зоне; на их лицах были написаны страх и отчаяние. Это был трагический день».

Терли приказал одному из собравшихся бежать американских офицеров остаться; позже ему пришлось повторить этот приказ еще дважды. Он осознавал всю безысходность ситуации: погода ограничивала полеты авиации, пехота ВСРВ разбегалась на глазах, их артиллерия молчала, а северовьетнамские танки стремительно двигались в направлении столицы провинции. Когда Абрамс в срочном порядке вернулся в Сайгон, ему доложили, что «подполковник морской пехоты, советник в дивизионной штаб-квартире в г. Куангчи, сообщает, что ситуация там отчаянная». Однако начальник Терли, генерал-майор

Фред Кроесен в Дананге, заявил, что его человек на месте ошибается и поддался необоснованной панике.

Выслушав зловещие донесения из северного округа, Абрамс пришел в ярость: «У меня складывается впечатление, что дым травки затмевает им остатки разума... Я не знаю, что нужно сделать, чтобы остановить это дерьмо, но... я хочу, чтобы с этим было покончено, раз и навсегда!» Однако в этом «дерьме», если пользоваться терминологией Абрамса, была повинна вовсе не марихуана, а несколько северовьетнамских дивизий, и на самом деле все только начиналось. Командование ВСПВ в северном округе рухнуло. Позже Терли сказал: «Ключевой вопрос всегда в том, кто отвечает. Шесть лет спустя на этот вопрос так и не было дано четкого ответа. В стране не было единого командования. На севере, после того как мы вывели оттуда 70 000 американских солдат, южновьетнамцы попросту не успели заполнить образовавшиеся пустоты».

Между американскими советниками на земле и ВВС США разгорелся конфликт, когда над демилитаризованной зоной был сбит самолет РЭБ EB-66. ВВС не только задействовали для спасения пилота значительные силы, но и добились запрета на ведение артиллерийского огня в радиусе 25 км вокруг точки, из которой исходил сигнал его аварийной радиостанции, — в этот район попадал и коридор, по которому колонны ВНА двигались на Юг. В своем донесении советник по авиационной поддержке, майор Дэвид Брукбанк, с горечью писал о последствиях: «Это дало врагу беспрецедентную в анналах военной истории возможность для беспрепятственного наступления». В конце концов сбитый пилот был найден 12 апреля группой южновьетнамского спецназа во главе с американским советником, после того как северяне сбили два поисковых самолета и один Jolly Green Giant. На тот момент во Вьетнаме оставалось 70 000 американских военнослужащих, из них всего 6000 — в боевых частях. Таким образом, исход разворачивающихся сражений всецело зависел от южновьетнамской армии и единственного оружия, оставшегося в руках у американцев, — авиации.

Экипажи вертолетов часто превозносятся как единственную институциональную касту в Армии США и Корпусе морской пехоты, которая мужественно и стойко выполняла свой долг на протяжении всей войны во Вьетнаме. В 1972 г. немало американских пилотов проявляли поистине чудеса героизма, спасая своих соотечественников из пекла. Однажды экипаж Ниеу в сопровождении двух вертолетов Cobra отправился забрать пятерых передовых наблюдателей с базы «Альфа-2» на самой границе ДМЗ. Посадив вертолет под плотным артиллерийским огнем, лейтенант Джоэл Эйзенштейн пробежал 30 м до бункера, где

нашел лейтенанта Дейва Брюггемана, тяжело раненного шрапнелью в голову: молодой офицер отдал свою каску напуганному вьетнамскому морпеху, который где-то потерял свою. Эйзенштейн дотащил лейтенанта до вертолета, погрузил на борт еще нескольких раненых солдат и взлетел. В этот момент он увидел, как один из южновьетнамских морпехов, разозленный тем, что его не взяли на борт, нацелил на них свой Thumper. Эйзенштейн признался, что испытал острый спазм страха: «У меня в голове промелькнула мысль, что сейчас этот сукин сын взорвет нас к чертям собачьим. Если он не может спастись сам, то пусть не спасется никто». Но вьетнамец не выстрелил, а Брюггеман умер в воздухе. В другой раз, когда они прилетели забрать американских советников с большой базы в Айту, сайгонский генерал локтями проложил себе путь через толпу и первым забрался на борт.

Между тем Терли не сумел найти в дивизионном штабе офицера по взаимодействию с тактической авиацией южновьетнамских ВВС, который бесследно исчез вместе со многими другими. Он связался с Данангом и попросил поддержки американской авиации, чтобы срочно разрушить мост в Донгха до подхода танков противника, однако местное командование наложило вето, заявив, что мост понадобится для контрнаступления. Тогда советник принялся убеждать вьетнамцев срочно отправить подкрепления защитникам моста. Начальник дивизионного штаба отказался. Терли умолял командира бригады действовать по собственной инициативе. После долгой паузы вьетнамец посмотрел на карту, затем на Терли и без тени эмоций сказал, что без одобрения сайгонского командования ничего делать не будет. Американец продолжал уговаривать и умолять бригадира, так что в конце концов тот произнес на безупречном английском: «Я дам приказ командиру батальона удержать Донгха». — «Господи, хоть какой-то шанс!» — воскликнул Терли.

Южане развернули на южной стороне моста три противотанковые группы, вооруженные гранатометами LAW. Они наблюдали за тем, как коммунисты водрузили свой флаг на стальной ферме моста, в то время как по нему все еще тек поток беженцев и отставших от своих частей солдат ВСПВ. Несмотря на запрет вышестоящего начальства, Терли приказал капитану Джону Рипли, советнику в пехотном батальоне, «взорвать мост в Донгха любым способом». Еще несколько дней назад Рипли изнывал от хронической скуки, собирая пазл с «Кинг Конгом» из тысячи деталей. Теперь же он мчался на танке М-48 в восточном направлении по улицам Донгха, уже заваленным обломками зданий и загроможденным разбитой техникой после обстрелов северовьетнамской артиллерии. На северном берегу реки в районе деревни Дайдо, за которую четыре года назад вела кровопролитное

сражение рота капитана Джима Ливингстона, уже виднелась колонна из 20 вражеских танков. Бегущие в тыл южновьетнамские дезертиры захватили несколько джипов американских советников с защищенной радиосвязью. В штабном журнале было записано: «57-й полк покинул позиции и беспорядочно отступает». Один вьетнамский майор морской пехоты спрыгнул с танка и схватил за грудки солдата с криком: «Куда бежишь?» — «Все бесполезно, бесполезно!» — закричал тот в ответ. Тогда офицер вытащил пистолет и застрелил своего соотечественника, но эта показательная казнь не смогла остановить сотни и тысячи сайгонских солдат, ударившихся в паническое бегство.

Тем не менее некоторые остались и сражались с достойной уважения доблестью. На мосту Донгха капрал по имени Лыом выстрелил из гранатомета в головной танк, но промахнулся. Вторым выстрелом он попал чуть ниже башни, заставив танк поспешно ретироваться; через несколько недель Лыом погиб в бою. Тогда северяне перенаправили свою пехоту к находившемуся неподалеку старому французскому железнодорожному мосту: один из его пролетов был разрушен еще в 1967 г., но упавшие в реку обломки представляли собой вполне пригодную пешую переправу. Джон Рипли вызвал поддержку корабельной артиллерии, которая остановила продвижение пехоты и уничтожила четыре вражеских танка. Южновьетнамские танки на южном берегу реки открыли огонь по бронетехнике ВНА на северном берегу.

Когда Рипли и армейский майор Джим Смок прибыли к мосту, они обнаружили там пятерых напуганных саперов ВСРВ, которые уныло смотрели на груды ящиков с пластиком и, кажется, пребывали в полной растерянности. Рипли позже рассказывал: «Никогда больше я не видел такой беспомощности и безнадежности на лицах людей. Казалось, они решили, что мы расстреляем их на месте, и раздумывали, не лучше ли убить себя самим». Пока американцы тщетно пытались найти капсюли-детонаторы, саперы исчезли. Рипли перелез через высокий забор, отделявший их от моста, и Смок один за другим передал ему 25 ящиков со взрывчаткой — оба в кровь изрезали руки о колючую проволоку.

Затем Рипли начал карабкаться по балкам моста и закладывать заряды на глазах у северян, наблюдавших за ним с северного берега реки. Те открыли огонь, но почему-то не по Рипли, а по Смоку, хотя в конце концов рядом с Рипли разорвалось несколько снарядов, выпущенных Т-54. После трех часов напряженного и изнурительного труда, на протяжении которых набожный 33-летний капитан морской пехоты не переставал бормотать себе под нос: «Иисус и дева Мария, спасите-сохраните», заряды были заложены, электродетонаторы установлены. Разматывая провода, Рипли и Смок отбежали на позиции

южан, сняли с разбитого джипа с горящими шинами генератор и активировали подрывную машинку. Но ничего не произошло. Они надавили на рычаг еще раз, и еще, пока в конце концов не раздался мощный взрыв и южный пролет моста рухнул в реку. Рипли связался по радиации с Джерри Терли и кратко доложил: «Мост в Донгха разрушен. Повторяю... Мост разрушен. Конец связи». Терли зарегистрировал это донесение в штабном журнале в 16:30. Позже Уолт Бумер, который попал в серьезную переделку к западу от Донгха, с глубокой благодарностью сказал: «Рипли спас нам жизнь». В Сайгоне Абрамсу доложили, что морской пехотинец взорвал мост «в ожидании разрешения», что вызвало взрыв облегченного смеха среди штабных офицеров. Рипли был награжден Военно-морским крестом: его подвиг сыграл ключевую роль в том, чтобы замедлить продвижение коммунистических сил на юг.

Между тем на западе от Донгха, на базе «Кэмп Кэрролл», полковник ВСРВ Фам Ван Динь, командовавший батальоном в битве за Хюэ в 1968 г., получил от осадившего базу полковника ВНА прямолинейное послание: «Сдавайтесь или умрите». Динь попросил о прекращении огня, чтобы обсудить это требование со своими офицерами. 2 апреля в 15:00 он собрал в командном пункте 13 своих подчиненных и сказал: «Если мы продолжим сражаться, погибнет много наших людей. Даже если мы выстоим, многие из нас будут убиты или ранены, но никто не позаботится ни о нас, ни о наших семьях. Мы должны позаботиться о себе сами». Только один майор призвал держаться до конца; остальные молчали. Когда Динь предложил проголосовать, большинство выступило за сдачу базы, после чего полковник отправился к своим советникам, подполковнику Уильяму Кэмперу и майору Джо Брауну. Несколько месяцев назад Кэмпер охарактеризовал этот полк, в котором было много бывших дезертиров, как «катастрофу, которая разразится, как только настанет подходящий момент». Он познакомился с Динем семь лет назад и еще задолго до Пасхального наступления был поражен произошедшей с ним переменой — «вьетнамец стал вялым и апатичным».

Сам Динь позже признал, что у него «в голове были некоторые проблемы». Он сообщил советникам, что его люди не будут сражаться, и предложил им застрелиться самим, «чтобы избавить нас от этой неприятной необходимости». «Американцы так не поступают», — ответил Кэмпер, и на мгновение у него промелькнула мысль, не стоит ли застрелить полковника. Затем он связался с Терли и туманно сообщил, что оставляет свою должность «по причинам, которые я не могу объяснить». Терли, не понимая, в чем дело, резко возразил: «Нет, подполковник, ты останешься на своем месте и будешь делать свою

чертову работу!» В конце концов, выяснив обстоятельства, Терли добился отправки на базу спасательного вертолета под прикрытием пяти вертолетов Cobra. Пробившись сквозь шквал вражеского огня, с поврежденной гидравликой, вертолет приземлился на базе, забрал советников и доставил их в г. Куангчи. «Кэмп Кэррол» была сдана северянам, которые взяли в плен 1800 человек и захватили 5 артиллерийских батарей; Динь был вознагражден званием офицера ВНА.

Когда Терли сообщил о случившемся в КОВПВ, он получил разъяренный ответ: «Полковник, вы сошли с ума. В штабе [корпуса ВСРВ] отрицают сдачу базы. На “Кэмп Кэрролл” 22 орудия и 2000 солдат... Вас ввели в заблуждение». Вскоре после этого Терли получил приказ немедленно оставить свой пост, прибыть в Сайгон и лично отчитаться перед Абрамсом. Он получил жесткий выговор и сумел избежать дисциплинарного взыскания только благодаря тому, что смог предъявить свои приказы в письменном виде. Во времена, когда повсюду, начиная с Белого дома и вниз по командной цепочке, началась охота на козлов отпущения, морпеху не посчастливилось стать первым гонимым, принесшим дурные вести.

Атака на БОП «Содж» к западу от «Кэмп Кэрролл» началась с града ракет. Северяне быстро прорвали позиции на соседней высоте, обратив ее защитников в бегство. Уолт Бумер уже не надеялся увидеть своего коллегу-советника Рэя Смита, да и сам вернуться живым домой. Обстрел базы усиливался, потери росли; погибли двое молодых американских операторов радиоперехвата. После прямого попадания снаряда в командный бункер Бумер понял, что они не смогут удержать базу. Он предупредил командира батальона, что нужно уходить. В конце концов вьетнамский майор согласился: «Идем немедленно». В темноте все защитники, включая ходячих раненых, покинули свои позиции и следующие два дня скрывались в джунглях, не сталкиваясь с противником, но часто его слыша. Когда они осмелились выйти на открытую местность, северяне быстро их заметили и открыли шквальный огонь.

Спутники Бумера в панике бросились врассыпную, в то время как американец тщетно пытался остановить их, крича на непонятном для них английском: «Стоять! Вернитесь! Не бросайте своих раненых!» Он едва удержался, чтобы не застрелить своего вьетнамского радиста, когда узнал, что тот бросил радиостанцию — единственное средство связи, которое было у Бумера. Он вспоминал: «Я видел в глазах бежавших мимо меня людей безумный ужас... В этот момент каждый был сам за себя». Их осталось всего несколько десятков человек; через пару дней они дошли или, вернее сказать, доковыляли на грани

физического и эмоционального истощения до еще одной базы, все еще находившейся в руках ВСРВ. Бумер был несказанно рад, когда через несколько часов на базе появился Рэй Смит, тащивший на себе раненого южновьетнамского офицера — ему помогал только один вьетнамец; остальные 68 выживших бойцов батальона отказались помочь. Американцы понимали, что им нужно двигаться дальше, чтобы опередить волну наступающих северян, но Бумер чувствовал себя не в силах пройти даже километр. Тогда Смит обвязал запястье своего коллеги веревкой и привязал ее к своему ремню: в такой связке они и двинулись в путь в непроглядную тьму. На рассвете они подошли к г. Куангчи. Смит, у которого была с собой радиостанция, связался с начальством, которое уже считало их погибшими, и за ними немедленно выслали Ниеу. Они были спасены, но от их батальона ВСРВ осталась всего половина: остальные погибли или были взяты в плен. И это было только начало.

3 апреля силы ВНА нанесли первый удар на Центральном нагорье по БОП «Дельта». В последующие недели ключевой фигурой в организации обороны этого региона стал Джон Пол Ванн — тот самый, который оркестровал катастрофическое поражение при Апбаке в январе 1963 г. За прошедшие годы с ним произошли перемены, которые мало кто из его прежних почитателей считал позитивными. Из проницательного скептика с собственным мнением, не признающего никакие авторитеты, он превратился в одержимого милитариста. По словам Дэвида Эллиотта, «Ванн словно слетел с катушек. В последние годы он говорил то, что прежний Ванн категорически бы отверг». Сформировав странный альянс с командующим II корпусом, слабохарактерным генералом Нго Зу, Ванн добился назначения на должность старшего американского советника в регионе с полномочиями, соответствующими двухзвездному генералу, и фактически превратился в местного военного барона. Хотя сам Абрамс не любил Ванна, его мессианская приверженность вызывала восхищение у Ричарда Никсона, Фреда Вейанда и южновьетнамских офицеров, которые называли его «Мистер В-52» из-за магической способности вызывать поддержку американской авиации в самых безысходных ситуациях.

В последние два месяца бурной жизни Ванн задействовал всю свою бешеную энергию и воинственность, чтобы отразить наступление северовьетнамских сил на Центральном нагорье. Он лично участвовал в доставке грузов, направлял авиационную поддержку, инструктировал командиров и вел воздушное наблюдение над полями сражений, залезая в такое пекло, что у его любимого пилота Боба Ричардса в конце концов не выдержали нервы: даже обильные возлияния виски не могли убедить

опытного ветерана служить воздушным шофером у человека, абсолютно равнодушного к смерти. Ванн относился к происходящему во Вьетнаме как к своей личной войне: многие его соотечественники не могли представить войну без Ванна, а Ванна без войны. Его храбрость граничила с безумием, хотя, будучи умным человеком, в глубине души он не мог не понимать, что бросает вызов судьбе — и однажды проигрывает.

Усталость от войны — войны, которая длилась не неделями и месяцами, а годами, словно язва разъедала боеспособность южновьетнамских сил. Капитан воздушно-десантных войск Доан Фыонг Хай ехал со своим подразделением по шоссе №14 в направлении Контума и вспоминал знакомые места: вот участок шоссе, где он был ранен в 1967 г., а вот деревушка, где в местной католической церкви находился полевой госпиталь и где его выхаживал обожаемый всеми французский священник по имени «Отец Джо». Теперь Хай с грустью увидел, что колокольня рухнула, а от церкви остались одни руины. Его 11-й воздушно-десантный батальон был развернут для обороны базы «Чарли» в 10 км к юго-западу от Танканя. Их командир, подполковник Нгуен Динь Бао, был недоволен полученными приказами, которые требовали, чтобы батальон занимал стационарные позиции, предоставив инициативу врагу. Вскоре их патрули обнаружили крупные силы ВНА, рывшие земляные укрепления и оружейные позиции на опасно близком расстоянии.

Стороны начали обмениваться артиллерийским огнем. 6 апреля северяне предприняли крупную пехотную атаку на базу «Дельта» к югу от «Чарли», которая продолжалась всю ночь. Атакующие прорвались в периметр «Дельты» и захватили половину позиций. К рассвету они были вытеснены за пределы периметра с тяжелыми потерями, однако десантники 11-го батальона понимали, что следующими на очереди будут они. Подполковник Бао, которого офицеры уважительно называли Пятым братом, приказал двум своим самым доверенным подчиненным, майору Ле Ван Ме и капитану Хаю, разместить бункеры на относительно удалении от его командного пункта, чтобы в случае его гибели кто-то из них мог взять командование на себя. Он напомнил о необходимости экономить боеприпасы, распорядился установить на подходах к позициям все имевшиеся Claymore и выставить наблюдательные посты. «Батальон приготовился к тяжелой битве», — писал впоследствии Хай.

По ночам северяне продолжали активную переброску сил: Хай и его люди видели колонны грузовиков Молотова, которые не таясь, с зажженными фарами двигались на Юг по тропе Хо Ши Мина. «К сожалению, нашим орудиям не хватало дальности, чтобы достать их.

Мы вызвали авиацию, но доступных самолетов не было. Тогда мы попросили [советника майора Джона] Даффи вызвать В-52-е, но тот тоже ничего не добился». Бао облачился в свой любимый британский маскировочный десантный комбинезон, который в свое время привез из Малайзии, где учился в школе подготовки к боевым действиям в джунглях. Суеверные подчиненные сочли этот комбинезон дурным предзнаменованием и умоляли снять его, но подполковник был непреклонен к их просьбам.

В течение следующих нескольких дней на базу «Чарли» обрушивался шквал артиллерийского огня. 9 апреля десантники отбили первую атаку северовьетнамской пехоты, нанеся атакующим тяжелые потери. Однако 130-мм орудия противника также причиняли защитникам растущий урон. На следующий день, 10 апреля, после очередной шквальной артподготовки 320-я дивизия ВНА предприняла новую серию атак. Поздно вечером офицеры снова осаждали Пятого брата мольбами снять комбинезон. «Хорошо, я подумаю об этом завтра, которое наступит через полчаса, — пошутил подполковник. — Вам, парни, либо нравится меня донимать, либо вы попросту хотите прибрать к рукам мой любимый комбез. От одежды на войне ни черта не зависит!»

В конце концов прилетели долгожданные В-52, вызванные Джоном Даффи. Хай писал: «Внезапно земля задрожала, и с небес обрушилось бурлящее пламя... так что стало трудно дышать. Я стоял, вжавшись спиной в стену траншеи, заткнув руками уши и открыв рот, чтобы компенсировать ударную волну, но мне все равно казалось, что кровь сейчас разорвет мне грудь и выплеснется наружу... По каске стучали комья земли, камни и ветки. На следующий день противник не атаковал, только время от времени обстреливал нас из орудий». Тем не менее зенитный огонь оставался достаточно плотным, чтобы помешать приземлению медэваков: когда один вертолет попытался сесть, его встретил град пуль, и он рванул прочь, неуверенно рыская и оставляя за собой шлейф дыма. Офицеры уговаривали Пятого брата оставить позиции. Густые туманы по утрам и ранние сумерки, наступавшие уже в 16:00, значительно ограничивали воздушную поддержку, даже когда имелись свободные самолеты. Хай сказал подполковнику: «Если мы будем сидеть на месте и отбивать их атаки, мы все погибнем». На что тот ответил: «Я уже много раз говорил об этом штабу, но они только и знают, что твердят: “Держитесь до последнего человека!” Меня уже тошнит это слышать».

Боевой дух упал; всюду были слышны стоны и крики раненых, которым медики ничем не могли помочь из-за отсутствия медикаментов. После полуночи 12 апреля Хай снова попросил Пятого

брата снять комбинезон. Полковник устало махнул рукой: «Ладно, парни. Вы начитались этих чертовых астрологических книжек, и теперь у вас в голове куча мусора. Я пойду в свой блиндаж, напишу письмо. Если что, зовите меня». Перед уходом он распорядился собрать с убитых все оружие и боеприпасы, поскольку подвоза запасов в ближайшее время не ожидалось. Вскоре противник снова начал обстреливать их высоту снарядами и ракетами. Как позже сказал Джон Даффи, «их корректировщик отлично знал свое дело: он прихлопнул три из четырех командных бункеров за десять минут». Блиндаж Пятого брата был уничтожен прямым попаданием; позже его люди вытащили из-под обломков тело — в британском десантном комбинезоне.

К вечеру защитники потеряли от артобстрела убитыми или тяжелоранеными 30 человек и еще около сотни получили легкие ранения. Их позиции были окутаны облаками гари и пыли, когда артиллерия внезапно замолчала, и десантники увидели, как из траншей противника поднимаются ряды пехотинцев в шлемах из прессованной бумаги и рубашках цвета хаки с камуфляжем из листьев и бегут в атаку. Артиллерийский огонь и воздушные удары напалмом выкашивали их ряды — в общей сложности за две недели обороны базы Даффи вызывал поддержку Cobra и авиации 188 раз, — но вскоре два самолета получили серьезные повреждения, а один рухнул на землю. В конце концов оставшиеся в живых северяне отступили, оставив на поле боя запах горелой плоти.

Но запасы боеприпасов стремительно иссякали, численность гарнизона тоже, так что вьетнамский командир и Даффи пришли к выводу, что дальнейшая оборона базы бессмысленна. Возобновившиеся удары В-52 дали возможность выжившим защитникам отступить: с наступлением темноты 14 апреля 167 человек, ослабленных многодневным напряжением, ранами и голодом — запасы продовольствия кончились два дня назад, — спустились с высоты и двинулись на восток. На следующее утро, когда они ждали эвакуационных вертолетов, противник нагнал их с тыла, и снова завязался бой. Два вертолета Cobra нырнули к земле и сдерживали северян огнем из пулеметов и ракетами, в то время как четыре Huey, один за другим, благополучно забрали большую часть десантников. На земле осталась одна группа вместе с Даффи. Прилетели еще два вертолета Cobra и принялись отгонять северян, чтобы позволить приземлиться последнему Huey. Обессиленные десантники с благодарностью забрались на борт под градом пуль, легко прошивавших тонкий корпус. Второй пилот был ранен еще на земле, и, когда они уже поднялись в воздух, — Даффи стоял на полозьях и отстреливался — две пули АК-47 прошили Хаю ногу. Он почувствовал,

что валится за борт, и в этот момент советник схватил капитана за разгрузочный жилет и рывком затащил обратно. Пока Ниеу летел к базе, Даффи пытался помочь раненному в грудь бортмеханику, но тот через несколько минут умер — за день до того, как должен был покинуть Вьетнам.

Всего 37 из 471 военнослужащего гарнизона «Чарли» и защищавшего его 11-го воздушно-десантного батальона остались в живых и были эвакуированы на вертолетах. Вскоре после «Чарли» пали базы «Дельта» и «Метро», а 24 апреля северяне захватили крупную базу в Танкане и сам город. Даффи, офицер спецназа, позже был награжден крестом «За выдающиеся заслуги». О напряженных отношениях между американцами и вьетнамцами написано так много, что эта героическая сага 11-го батальона и та роль, которую сыграл в ней американский советник, заслуживают особого внимания. Оборона «Чарли» остается источником гордости для южновьетнамских ветеранов, помогая хотя бы отчасти затмить такие позорные эпизоды, как сдача «Кэмп Кэрролл».

Между тем к северу от г. Куангчи разворачивались яростные батальи с участием танковых сил. Когда танкисты М-48 подбили первый Т-54 в наступающей колонне, ликующие южновьетнамские пехотинцы вскочили на ноги и принялись аплодировать, крича: «Это было, как в кино! Им конец!» Разумеется, это было не так. Офицер ВСРВ писал: «Один сектор горизонта полыхал и выбрасывал клубы гари, смешанной с едким зловонием горячей плоти и запахом кордита» — это горел склад боеприпасов в Айту. Вскоре артиллерия ВНА начала обстреливать городские кварталы Куангчи. Абрамс так прокомментировал происходящее: «То, что Зяп здесь устроил, в баскетболе называют прессингом по всему полю. Он бросил в это чертово наступление все силы, которые у него есть!»

Причем было очевидно, что Ханой сделал это вопреки воле русских. 20 апреля, несмотря на новый всплеск войны в Индокитае, Киссинджер встретился в Москве с советским лидером Леонидом Брежневым, который выразил свою готовность провести встречу с Никсоном. На протяжении всего этого года СССР продолжал громогласно осуждать американское вмешательство во Вьетнаме и поставлять оружие на Север, однако за закрытыми дверями открыто давал понять, что его главным приоритетом является разрядка напряженности, и в частности решение таких вопросов, как ограничение стратегических вооружений, а вовсе не исход войны во Вьетнаме. Точно так же, как правительство США поддерживало Сайгон главным образом по внутривнутриполитическим причинам, Китай и Советский Союз продолжали поддержку Ханоя почти исключительно из идеологических соображений, чтобы сохранить свою репутацию лидеров социалистического мира.

Джон Ванн поклялся, что база «Дельта» и город Танкань выстоят против двух наступающих дивизий ВНА, и какое-то время держал свое слово. Но после потери «Дельты» подразделения 22-й дивизии ВСРВ, оборонявшей Танкань, бесславно дрогнули и бежали. Южане были потрясены, когда на их глазах северяне подбили «Малютками» несколько танков и одной из них взорвали командный бункер. Ванн предпринял героические усилия, чтобы эвакуировать американских советников, которые вели огонь по наступающим северянам на расстоянии прямого выстрела, даже когда уже забрались на борт вертолетов. Но среди мужественных поступков находилось место и для постыдных деяний: в то время как американские пилоты медэваков прославились своей безоглядной отвагой, эвакуируя раненых с поля боя, некоторые их южновьетнамские коллеги продавали места на Ниеу абсолютно здоровым беглецам. Многие подразделения Народных и Региональных сил обратились в паническое бегство. Командующий II корпусом Нго Зу испытал нервный срыв и навлек на себя полное презрение Ванна, когда тот узнал, что генерал пытался убедить президента Тхьеу оставить все Центральное нагорье.

Однако регион и провинциальную столицу Контум — город с населением 25 000 человек на шоссе №14 — удалось спасти благодаря тому, что после взятия Танканя северяне приостановили наступление для перегруппировки сил и дали южанам бесценные три недели передышки, в течение которых те успели перебросить подкрепления, а американцы — доставить во Вьетнам два ударных вертолета, оснащенных управляемыми противотанковыми ракетами TOW, которые показали свою высокую эффективность против Т-54. У некоторых сайгонских генералов были весьма странные представления о том, как поднять боевой дух своих людей. Командующий корпусом приказал полковнику ВСРВ, которому была поручена оборона Контума: «Ба, делай все возможное и не беги!» Полковник Ли Тонг Ба был тем самым вьетнамским офицером, которому почти десять лет назад в сражении при Апбаке Ванн угрожал военным трибуналом за трусость. Но теперь эти двое организовали замечательно успешное партнерство на поле боя.

* * *

Среди солдат ВНА, сражавшихся на севере провинции Куангчи, был 17-летний необстрелянный новобранец по имени Фам Тхан Хунг. Когда в первом же бою в его каску ударила пуля, Хунг осознал, что его предназначение — быть поэтом, а не героем: «Я был в таком ужасе, что весь облился холодным потом». Он был необычным человеком в этой армии, поскольку, в отличие от большинства своих сослуживцев, осмеливался на независимые суждения. Его отец сделал все возможное, чтобы уберечь сына от войны, но все его усилия оказались напрасны:

когда Хунг закончил первый курс Ханойского университета, студентов предупредили, что, хотя они и не подлежат призыву, они обязаны «добровольно» пойти на военную службу. Ночью накануне медицинской комиссии Хунг и его друг несколько часов провели на крыше общежития, пытаясь придумать, как избежать ненавистного призыва. Кто-то сказал им, что кофе с табаком вызывает резкий скачок кровяного давления, но им так и не довелось проверить эту идею на практике: никто из них не знал, где раздобыть табак, и вскоре их сморил сон. Они проснулись поздним утром, когда медицинская комиссия уже заседала. Через несколько недель весь их курс собрали в актовом зале университета, чтобы послушать выступление президента. Но посреди его речи под ним внезапно рухнул деревянный помост. Большинство студентов разразились слезами, уверенные в том, что это было зловещим предзнаменованием: «Мы были убеждены, что нас всех ожидает смерть».

Студенты были интеллектуальной элитой Северного Вьетнама, однако они оказались настолько наивны и не представляли, что ждет их в ближайшем будущем, что некоторые приходили на призывные пункты с гитарами и книгами в руках — в то время в моде была английская литература, хотя пристрастие к Шекспиру и ему подобным могло навлечь на читателей подозрения в отсутствии идеологической стойкости. Однокурсники пытались успокоить Хунга и его товарищей, говоря, что все они вернутся домой полковниками. Парни подбадривали друг друга нервными шутками вроде: «Либо трава будет зелена, либо грудь красна», подразумевая, что их ждет либо могила, либо грудь, увешанная медалями.

В провинции Куангчи батарея Хунга стала лагерем на недавно захваченной территории: несколько ночей подряд кто-то стрелял в их людей, хотя в пределах нескольких километров не было ни одного врага. В конце концов террорист был схвачен — им оказалась 70-летняя местная женщина, которая мстила за смерть двух своих сыновей, солдат ВСРВ. Ее казнь заставила Хунга содрогнуться. Понятно, что она была на стороне врага, думал он, но разве эта мстящая мать не является в некотором роде национальной героиней? Это были опасные размышления для солдата коммунистической армии. Хунг и его товарищи с отвращением смотрели на «попытки офицеров представить себя героями». Их зенитной батарее была вынесена благодарность за то, что они якобы сбили шесть американских самолетов и вертолетов, но, по словам Хунга, «все это была пропаганда. Не припомню, чтобы мы когда-нибудь кого-нибудь сбили».

21 апреля батарея подверглась разрушительному воздушному удару, в ходе которого треть людей была убита, еще треть ранена, а

большинство зенитных орудий уничтожены. «Зачем офицеры сунули палку в осиное гнездо, приказав открыть огонь?» — с горечью спрашивали выжившие. Боевой дух рухнул, дисциплина тоже. Некоторые выжившие симулировали болезнь. Командир отделения сам себе выстрелил в ногу: пока Хунг помогал ему доковылять до медпункта, сержант умолял не выдавать его и помочь убедить врачей, что он был ранен вражеской пулей; но его все равно арестовали и предали военному трибуналу. Вернувшись в разбомбленный лагерь, Хунг с отвращением обнаружил, что солдаты из проходившего мимо подразделения роются в рюкзаках его погибших товарищей: «владельцам эти вещи все равно больше не нужны», сказал один из мародеров, «а нам пригодятся». Хунга перевели в другую зенитную батарею, где большинство новых сослуживцев оказались бывшими дезертирами, согласившимися продолжить службу в качестве альтернативы тюрьме. Вскоре эта батарея также подверглась мощной бомбардировке, во время которой Хунга заживо погребло в траншее. Когда его откопали, ему дали в руки ведро и приказали собирать оторванные части тела: «Это был такой ужасающий опыт... что я окончательно понял: герой из меня не выйдет... да и поэтом мне теперь тоже не стать».

Мораль этой истории такова, что северовьетнамская армия не была сборищем идеологизированных фанатиков, а представляла собой обычную смесь человеческих характеров, которую можно встретить в любых армиях мира. Как сказал Бао Нинь, «никто в здравом уме не хотел быть там... Но это был наш долг». В целом ВНА превосходила ВСРВ в эффективности командования, дисциплине и подготовленности личного состава. Однако стратегический план Пасхальной кампании 1972 г. и его осуществление изобиловал фатальными ошибками ничуть не меньше, чем Тетское наступление 1968 г.: высшее военное руководство в Ханое могло посоперничать в некомпетентности со своими сайгонскими коллегами.

Две базы, «Бастонь» и «Чекмейт», на северо-западе пали только после продолжительной осады, но в последние дни апреля силы ВНА прогнули, а затем прорвали «линию Донгха». Хотя северяне несли большие потери из-за воздушных ударов, в провинции Куангчи, где американцы передали все передовое наведение авиации южновьетнамским военным, их эффективность была гораздо ниже, чем на юге. Кроме того, вблизи ДМЗ северяне развернули самые мощные силы ПВО: за время кампании по американским и южновьетнамским самолетам было выпущено около тысячи ракет С-75.

Когда колонны ВНА перешли через мост в Камло и двинулись дальше на юг, защитникам Куангчи стало ясно, что они не смогут

удержать город. Последние южновьетнамские подразделения и их американские советники отступили 1 мая, и на следующий день город заняли северяне. Жители видели, как по улицам бежали полуголые южновьетнамские солдаты, на ходу сдирая с себя военную форму. Командующий I корпусом генерал Лам был запоздало снят с должности; его сменил генерал-лейтенант Нго Куанг Чыонг, которого Абрамс считал «самым компетентным офицером во всех ВСРВ». Несчастный командующий дивизией, отвечавший за оборону г. Куангчи, был назначен официальным козлом отпущения и несправедливо приговорен к пяти годам тюрьмы за «дезертирство перед лицом врага».

1 мая в Париже Киссинджер снова встретился с Ле Дык Тхо и выслушал от коммуниста пространный пропагандистский монолог. Было ясно, что лучшим, на что могли рассчитывать США в этой ситуации, было немедленное прекращение огня на существующих позициях, однако советник по национальной безопасности продолжал упрямо настаивать на выводе северовьетнамских сил, участвующих в разворачивающемся наступлении. Между тем, к негодованию командиров боевых частей ВНА, Ле Дык Тхо установил из Парижа прямую радиосвязь с фронтами на Юге и отдавал приказы в обход Драконьего двора, требуя атаковать и усиливать напор. «Это было немыслимо! — позже сказал один из старших офицеров. — Наш штаб был несогласен с таким способом ведения военных действий, но мы не представляли, к кому мы можем обратиться, чтобы положить этому конец». Таким образом, на последних этапах Пасхального наступления 1972 г. удары северовьетнамской армии были нацелены не столько на захват территории, сколько на то, чтобы обеспечить громкие заголовки в СМИ по всему миру, повлиять на американское общественное мнение и усилить давление на Киссинджера в Париже. Надо отдать Ле Дык Тхо должное, коммунист успешно выполнил эти политические задачи.

2 мая во второй половине дня американские советники у реки Мичань, к югу от г. Куангчи, наблюдали за отступлением жалких остатков пехотной дивизии, четырех отрядов рейнджеров, бронетанковой бригады, двух кавалерийских рот, бригады морской пехоты, а также нескольких отрядов Региональных и Народных сил и подразделений боевого обеспечения. Мало кто из этих выживших солдат и офицеров проявил доблесть на поле боя, но люди с гордостью пересказывали друг другу историю о Динь Тхи Тхат, жене сержанта-майора ВСРВ: когда северяне захватили ее деревушку севернее Куангчи, она несколько недель, рискуя жизнью, прятала в своем погребе дюжину южновьетнамских солдат, а затем благополучно отвела их в расположение южновьетнамских сил.

Отступление становилось все более хаотичным. Один офицер бронетанковых войск позже вспоминал: «Боже, как описать ту трагедию, которая постигла нас на шоссе №1! Люди двигались без всякого порядка, дорога впереди оказалась заблокированной врагом, который также теснил нас с тыла, обрушивая на головы град снарядов». Некоторые отчаявшиеся танкисты нажали на газ и утопили свои М-48 в реке Тхатъхан. Другие бросили в люки осветительные гранаты и, попрощавшись со своими горящими машинами, присоединились к потоку беглецов, пробирающихся через ручьи и заболоченные поля к Хюэ.

В ответ на жалобы южновьетнамцев, что им не хватает оружия и техники, Абрамс негодовал: «Им не хватает танков не потому, что они теряют их в бою! Их чертовы танкисты просто бросают свои машины и бегут! Даже дай им сотни ИС-3, им бы это не помогло!» Он пытался вразумить президента Тхиеу и начальника штаба ВСРВ генерала Вьена: «Вам нужно не вооружение. Вам нужны люди, которые будут воевать. Офицеры, которые будут сражаться и вести за собой людей... Оружия и техники у вас в избытке... Вы лишились бóльшей части вашей артиллерии не в бою, а потому, что ваши люди ее бросили». Многие западные СМИ предрекали, что разворачивающаяся на полях сражений катастрофа опустит занавес над южновьетнамским проектом.

Колонна санитарного транспорта с последними 300 пациентами военного госпиталя в Куангчи вместе с толпой беженцев медленно двигалась на юг по шоссе №1, когда начался артобстрел. Некоторые машины скорой помощи получили прямые попадания и превратились в искореженные груды металлолома. Доктор Фам Вьет Ту, медик воздушно-десантных войск, позже писал: «Вокруг нас были сотни автомобилей, грузовиков, велосипедов и мотоциклов, изрешеченных пулями и осколками снарядов, некоторые из них сгорели дотла. Всюду на дороге валялись человеческие тела... Меня захлестнула острая волна жалости, когда я увидел труп двухлетнего малыша в большом алюминиевом тазу. Рядом с останками его матери лежала пара крошечных резиновых сандалий».

К удивлению и огромному облегчению Абрамса и командования ВСРВ, после взятия Куангчи северяне не продолжили наступление на Хюэ, дорога на который была открыта. Один офицер ВСРВ писал: «В Хюэ царило полное беззаконие. Небольшой контингент местной и военной полиции был не в состоянии контролировать нахлынувшие массы беженцев и солдат, поэтому в городе был разгул воровства, грабежей, угонов автомобилей. Рядом с дорогами сидело множество потерявшихся детей, от малышей до подростков, — они плакали и пытались высмотреть в проходящей мимо толпе своих родителей. Я

увидел мальчика лет 12, стоявшего под деревом на обочине дороги. Одной рукой он держал трехлетнего брата, а в другой руке листок бумаги, на котором было написано: «Мы дети г-на Суан Куанг Чи. Мы потеряли наших родителей. Пожалуйста, помогите нам»».

Сотни коротких записок были нацарапаны мелом или углем на стенах или карандашом на клочках бумаги, приклеенных вареным рисом к стволам деревьев: «Рядовому Нгуен Ван Ба, 1/57 бат. Мы с детьми уехали к тетушке в Дананг», или «Капрал Бай 3/2 пех. моей жене: Я жив и воюю. Да поможет Будда тебе и нашим детям», или «Жена Хоа мужу сржт. Чыонгу РС [Региональных сил] в Куангчи. Вчера минометная бомба убила нашу малышку. Сын цел, он со мной. Не волнуйся за нас и не дезертируй». Миссис Бонг, домохозяйка из Хюэ, потерявшая нескольких сыновей во время Тетского наступления 1968 г., писала своей подруге: «Мой единственный сын, оставшийся в живых, покинул дом. Я осталась одна с дочерью и маленьким внуком. Мне так одиноко. Если моего дорогого мальчика тоже убьют, не знаю, как я это переживу. Кажется, эта ужасная война никогда не закончится... Мои бедные дети».

Майор Нгуен Конг Луан встретил молодого капитана, который вел свой батальон на передовую, но при этом был очень подавлен. Тот пожаловался ему, что теперь американцы предоставляют воздушную поддержку менее чем в половине случаев, когда он ее запрашивает, на что Луан ответил, что, вероятно, решающим фактором для американцев является то, насколько южновьетнамская армия проявляет волю к борьбе. В 1972 г. ВСРВ потеряли около 200 танков, 275 бэтээров, 634 грузовика и 300 орудий, половина из которых была брошена или уничтожена на северном фронте. К счастью для сайгонского режима, после взятия Куангчи и Танканя наступление северян на севере и Центральном нагорье затормозилось из-за тяжелых потерь, понесенных в основном из-за ударов авиации, а также из-за проблем с тыловым обеспечением. В течение мая южане сформировали линию обороны и остановили теряющее импульс продвижение северян. Чуть позже, летом, началось медленное, долгое контрнаступление.

В мае одни из самых ожесточенных боев разгорелись за Контум, провинциальную столицу, расположенную на севере Центрального нагорья в долине, с трех сторон окаймленной рекой. Этот относительно процветающий городок с девятью католическими церквями обороняла 23-я дивизия ВСРВ при поддержке нескольких танков, артиллерии и сил народного ополчения. Северяне перерезали шоссе №14 к югу от города, и 13 мая подразделения трех дивизий ВНА двинулись в наступление с севера и северо-запада. Как позже писал бригадный генерал Ба, «это был ад на земле, где каждый день был хуже предыдущего. Ураганный

огонь в течение 40 дней». Джон Ванн был везде и всюду: сбрасывал с воздуха боеприпасы, направлял удары В-52, которые в течение трех недель совершили 300 бомбардировочных вылетов в район Контума, подбадривал падающих духом командиров.

Когда командный бункер Ба получил прямое попадание, медикам пришлось оказывать помощь раненым и выносить погибших, в то время как штабные офицеры продолжали командовать боем. Ночь 18 мая была одной из худших, когда северяне сумели захватить почти половину города, прежде чем были выбиты из него. Яростные бои шли на трех кладбищах в городских предместьях. Налеты авиации неоднократно заставляли северовьетнамские танки на открытой местности. В 09:00 утра 26 мая один из офицеров ВНА признал, что наступление на Контум выдохлось. Два из его оставшихся танков взорвались на минах, а последние два были уничтожены с воздуха. Официальная военная история Ханоя признает: «Наши атаки начали замедляться и становились все менее действенными... Тем временем враг перебросил подкрепления, укрепил оборону и усилил контратаки. В ночь с 5 на 6 июня штаб фронта приказал отойти от Контума и завершить кампанию на севере Центрального нагорья».

И американцы, и южновьетнамцы впоследствии соглашались, что без Джона Ванна Контум бы не выстоял. Трудно сосчитать, сколько раз он находился на волоске от смерти: однажды ему пришлось прикладом винтовки отбиваться от южновьетнамских беглецов, которые в панике штурмовали его взлетающий Jet Ranger. Ба сентиментально писал: «Никто другой не внес большего вклада в эту победу, чем этот человек, который хотел только одного — помочь нам разгромить коммунистических агрессоров. Я часто спрашивал себя: “Почему этот американец посвятил свою жизнь нашей борьбе? Почему он подвергал себя таким опасностям тогда, при Апбаке, или затем на Центральном нагорье?”» Ба считал Ванна мучеником, который заслуживает благодарности каждого вьетnamца.

Сам Ванн, казалось, поверил в собственную неуязвимость, как это часто случается с подобными неистовыми личностями, и поплатился за это: в сумерках 9 июня его вертолет, управляемый неопытным пилотом, потерпел крушение. Ванну было 47 лет, и после себя он оставил армию покинутых жен, любовниц и потомства как американской, так и вьетнамской национальности. Нил Шиэн, написавший биографию Ванна «Блистательная ложь» (A Bright Shining Lie), одну из лучших книг о вьетнамской войне, заметил, что, хотя Ванн действительно спас Контум, по сути, он добился обратного результата, со всей очевидностью показав, что без таких американцев, как он, способных по мановению волшебной палочки вызывать колоссальную воздушную

мощь, южновьетнамская армия не смогла бы сдержать натиск врага. Таким образом, все последующие сражения и смерти, которые имели место, всего лишь отодвигали исход, который после ухода американцев был предрешен.

В разгар кампании 1972 г. Абрамс констатировал: «Масштабы и интенсивность сражений... достигли невиданных ранее уровней». Одновременно с наступлениями на севере и на Центральном нагорье три дивизии ВНА нанесли удар на юге с территории Камбоджи, захватили Локнинь и приблизились к Анлоку, столице провинции Биньлонг. Это был небольшой городок с населением около 10 000 человек, расположенный на возвышенном плато между двумя реками в 100 км к северу от Сайгона. Вечером 5 апреля саперные подразделения ВНА захватили близлежащий аэродром, защитники которого бежали, едва завидев вражеские танки. Северяне также перерезали дорогу на юг, фактически взяв город в осаду: теперь выживание Анлока зависело только от воздушного сообщения.

7 апреля, когда 3-я группа рейнджеров подлетала на вертолетах к Анлоку, их командир, майор Нгуен Ван Бьет по прозвищу Ань Хай, или Старший брат, предупредил, что городской аэродром находится под сильным обстрелом. Прибыв на место, рейнджеры обнаружили, что их штабная группа уже понесла тяжелые потери. Командующий 5-й дивизией ВСРВ полковник Ле Ван Хунг сказал майору Бьету: «Парни, вы прибыли как раз вовремя». Его собственные люди были на грани того, чтобы дрогнуть; один полк уже отступил.

Прежде чем северяне возобновили натиск, наступила небольшая передышка, во время которой горожане продолжали заниматься обыденными делами. По улицам ездили машины с громкоговорителями, призывая людей сохранять спокойствие, поскольку подкрепление уже в пути, и немедленно сообщать о проникших в город коммунистических диверсантах. Вскоре северяне начали обстрел города с полным пренебрежением к жизни гражданского населения: на жилые кварталы обрушились 122-мм ракеты и 155-мм снаряды из захваченных в Локнине орудий, превращая их в руины. Один офицер ВСРВ писал: «Отовсюду доносились агонизирующие крики; везде валялись тела и части тел, некоторые даже свисали с ветвей деревьев и с крыш. Это была настоящая трагедия. Некоторые мирные жители прятались в армейских бункерах». Северяне выпускали по Анлоку около 2000 артиллерийских и минометных снарядов в день.

Как-то вечером американские советники на глазах у оцепеневших рейнджеров бегом рванули к приземлившемуся вертолету и улетели в восточном направлении. Южане ломали голову: что это значит? Что город обречен и будет сдан? Загадка разрешилась только на рассвете

следующего дня, когда прибыла новая группа советников. Ее командир извинился, за то что смена советников была произведена без предупреждения, и объяснил, что это было сделано в целях безопасности. Он пообещал, что Анлок получит неограниченную поддержку американской авиации; когда защитники убедились в том, что американцы держат слово, они воспряли духом.

В 02:30 ночи 13 апреля северяне начали первую крупную наземную атаку. Поначалу ехавшие впереди танки вызвали у защитников ужас. «Наши солдаты были напуганы до смерти», — писал один из них. Но затем подразделение Региональных сил подбило первый танк из гранатомета LAW. Защитники обнаружили, что гусеничные монстры очень уязвимы на городских улицах, и начали уничтожать их один за другим; вскоре им на помощь прибыла и американская авиация. Со своей стороны, северовьетнамские танкисты демонстрировали прискорбную неумелость: в предрассветной темноте один Т-54 опрокинулся в воронку от бомбы. Другие экипажи совершили катастрофическую тактическую ошибку, въехав в город без поддержки пехоты, где стали легкими мишенями для гранатометов и ракет. К 08:30, когда было уничтожено семь танков, остальные повернули обратно.

Советник капитан Хэл Моффетт позже вспоминал: «Слава Богу, они [северяне] не знали, что делать со своими танками. Если бы они организовали грамотную скоординированную атаку, они бы без остановки прокатились через весь город. Но их усилия были абсолютно дезорганизованными, и я до сих пор не понимаю, чего они пытались добиться, посылая в атаку по четыре-пять танков». Командование ВСРВ ввело денежное вознаграждение за каждый уничтоженный танк противника: оказалось, что за деньги нищие южновьетнамские солдаты были готовы сражаться куда самоотверженнее, чем за свою страну. По словам Моффетта, некоторые пехотинцы с ручными гранатометами «подпускали танки на расстояние 30 м и даже 10 м и только тогда стреляли». У ключевого моста на восточном направлении «эти маленькие парни сидели и терпеливо ждали, когда первый танк доедет до середины моста, после чего взорвали его к чертям собачьим». Остальная часть колонны ВНА повернула обратно и попыталась форсировать реку ниже по течению, но была разбомблена американской авиацией.

Между тем пехота ВНА продолжала яростные и кровопролитные атаки; защитники постепенно отступали, один батальон рейнджеров был почти полностью уничтожен. Радиоэфир часто прерывался пропагандистскими призывами коммунистов: «Сдавайтесь и оставайтесь живыми! Или сопротивляйтесь и умрите!» Северяне захватили северо-восточные подходы к городу и были вытеснены оттуда только после

того, как, несмотря на тропический ливень, американский самолет огневой поддержки Sprooky обрушил на противника поразительно точный артиллерийский огонь. Ликующий офицер ВСРВ воскликнул по радиосвязи: «Точно в яблочко! Продолжай!» Тот же офицер позже писал: «Вскоре их оборона рухнула, и испуганные вражеские солдаты рванули со всех ног обратно, тяжело дыша и утопая в ливневых потоках».

15 апреля в 04:30 ночи осаждающие подвергли город очередному шквальному обстрелу, от которого в нескольких жилых кварталах начались пожары. Через полчаса в предрассветных сумерках началось второе массированное наступление. У одного танка соскочила гусеница, а другой встал из-за отсутствия горючего, так что дальше пехоту в атаку сопровождали всего семь танков. К рассвету северяне захватили городские предместья, однако повторили фатальную ошибку, совершенную двумя днями ранее, отправив танки на городские улицы без поддержки пехоты. После того как южане подбили из гранатометов несколько Т-54, атака захлебнулась, и коммунисты отступили. На помощь защитникам Анлока были переброшены еще два воздушно-десантных батальона и группа рейнджеров. Хотя на следующей неделе северяне сумели захватить некоторые районы окраины, они так и не сумели прорваться в центр города.

Да, атаки северян были организованы отвратительно и даже стоили должности одному из командующих дивизией ВНА, но оборона города также не была шедевром военного искусства. Полковник Уильям Миллер, старший советник в Анлоке, в приступе гнева назвал командующего 5-й дивизией генерала Хунга «вялым-неуравновешенным-раздражительным-нерациональным человеком, который не слушает ни советов, ни голоса разума». С 22 апреля по 10 мая ожесточенное противостояние между осаждающими и защитниками продолжалось. По ночам самолеты поддержки С-47 непрерывно сбрасывали над городом осветительные бомбы. Авиация наносила по позициям противника массированные удары. В конце концов защитники города, к тому моменту насчитывающие 6200 человек плюс 25 американских советников, начали контратаки, тесня северян; летописцы ВНА признавали, что их боевой дух упал. 10 мая президент Тхьеу объявил в стране чрезвычайное положение. Он с гордостью подчеркнул, что в это тяжелейшее для страны время более 53 000 человек записались добровольцами на военную службу: перспектива возможной победы коммунистов ужасала некоторых настолько, что заставила взяться за оружие. Также стоит отметить и то, что, тогда как из армии Тхьеу дезертировали десятки тысяч солдат, вряд ли кто-то

сделал это для того, чтобы перейти на сторону коммунистов: они просто хотели домой.

Тем не менее северовьетнамское командование оставалось непреклонным: бросив столько сил на Анлок, оно отказывалось признавать поражение. 11 мая, получив 35 новых танков, северяне начали самое мощное наступление пятью полками с четырех направлений. В штабном бункере ВСПВ был слышен рев танковых двигателей, а через бойницы пробивались клубы гари и пыли. Американский советник сказал своему вьетнамскому переводчику: «Должен предупредить тебя, что мы можем не удержаться, поэтому, если хочешь спасти свою шкуру, держись рядом со мной и будь готов сделать ноги». Решающую роль в отражении этой атаки сыграла авиация, которая наносила удар за ударом. «Одна “косилка маргариток” остановила целый батальон, — вспоминал Хэл Моффет. — Их командиры пытались поднять своих людей в атаку. Мы слышали, как они орали на них. Приказывали встать. Но люди не хотели атаковать. Мы ликвидировали прорыв на северо-восточном направлении. Я видел, как они бежали. В тот день мы могли выиграть сражение и обратить ВНА в бегство. Но затем все застопорилось».

Северяне несли огромные потери, было видно, что их наступление выдыхается. Как впоследствии сказал Моффет, некоторые южновьетнамские подразделения сражались как тигры: «Их десантники были просто фантастическими... настоящие бойцы». Другие не проявили и капли стойкости: одна группа рейнджеров «была вытеснена со своего периметра шестью [вражескими] солдатами. Они не стали открывать ответный огонь и отступили, забрасывая их гранатами. Как они объяснили, если бы они начали отстреливаться, то выдали бы свои позиции!.. Их полковник прибежал ко мне весь в слезах. Я имею в виду, он ревел, как ребенок, по его щекам текли слезы... Он спросил, почему авиация не прилетает им на помощь».

Моффетт был в бешенстве от пассивности некоторых подразделений, которые позволяли северянам устанавливать минометы в пределах прямой видимости. Однако защитники столкнулись с одним из самых интенсивных артиллерийских обстрелов за всю войну, в ходе которого был разрушен и больничный комплекс Анлока: «По моим оценкам, там погибло от 300 до 500 человек — женщин, детей, солдат, персонала. Они [северяне] просто сровняли его с землей». Между тем, чтобы не стать мишенями для новых управляемых ракет «земля — воздух», вертолеты Cobra были вынуждены вести огонь с высоты почти 1,5 км. Ударные самолеты и вертолеты, чтобы снизить потери от вражеского зенитного огня, заходили на атаку со стороны позиций ВСПВ, а не вдоль линии фронта.

В то время как на улицах Анлока бушевали бои, дивизия ВСРВ двинулась на север по шоссе №13 в надежде прорвать окружение. Ей этого сделать не удалось, но она оттянула на себя все внимание подразделений ВНА, блокировавших это направление. Американская авиация предпринимала титанические усилия по снабжению осажденного гарнизона, сбросив 2693 тонны боеприпасов и продовольствия. 11 мая налеты В-52 следовали один за другим почти каждый час на протяжении целых суток; тактическая авиация нанесла за день более 300 ударов. Старший советник генерал-майор Джеймс Холлингсворт сказал на совещании в КОВПВ: «Если бы не советники... они [коммунисты] были бы уже в Сайгоне». Это действительно было так, но вовсе не из-за «советов», которые американцы давали южновьетнамским командирам, а из-за той огневой поддержки, которую они обеспечивали им в качестве передовых авиационных наводчиков. В этом последнем героическом сражении морской пехоты и Армии США во Вьетнаме, после стольких провалов и поражений, офицеры и младшие командиры продемонстрировали достойное похвалы мужество и профессиональное мастерство, которые сыграли решающую роль в отражении наступления. Моффетт и его группа советников провели в Анлоке 53 дня: «Когда мы улетали, мы не взяли с собой ни одного вьетнамца, даже раненого... потому что, если взять одного, нужно брать с собой и всех остальных... Я лично высадил из вертушки четырех вьетнамцев, просто вытолкнул их на землю, чтобы мы могли взлететь». Переводчик Чан Ван Де признал: «Многие пытались дезертировать, ссылались на свои ранения, чтобы убраться оттуда».

Когда у советника из группы Моффета вскоре после эвакуации спросили, сможет ли Анлок выдержать еще одну массированную атаку наподобие той, которой город подвергся 11 мая, он ответил: «Нет... В линии обороны слишком много дыр, и они [южане] слишком слабы. Если северяне попрут, как в прошлый раз... а, по моей оценке, в следующий раз они двинут [в наступление] все силы, что у них есть... не думаю, что южане выстоят». Советник резко отозвался о южновьетнамских офицерах, которые отказывались покидать свои бункеры. Он видел, как некоторые командиры посылали своих людей под огонь, чтобы раздобыть им сигареты, или отправляли «рядовых взять мокрую тряпку и вытереть с себя пот, чтобы не вонять так, будто они не мылись с начала осады... Никого, казалось, не волновало, что эти рядовые сражаются с врагом». К сожалению, это был широко распространенный системный изъян южновьетнамской армии, который в немалой степени подрывал ее боеспособность.

Хотя северяне продолжали держать Анлок в окружении до 8 июня, к середине мая давление заметно ослабло. Официальная история Генерального штаба ВНА признает: «Мы сражались недостаточно хорошо». Потери ВСПВ при обороне города составили 12 500 человек убитыми и ранеными. Северяне предположительно потеряли около 25 000 человек и 36 драгоценных танков.

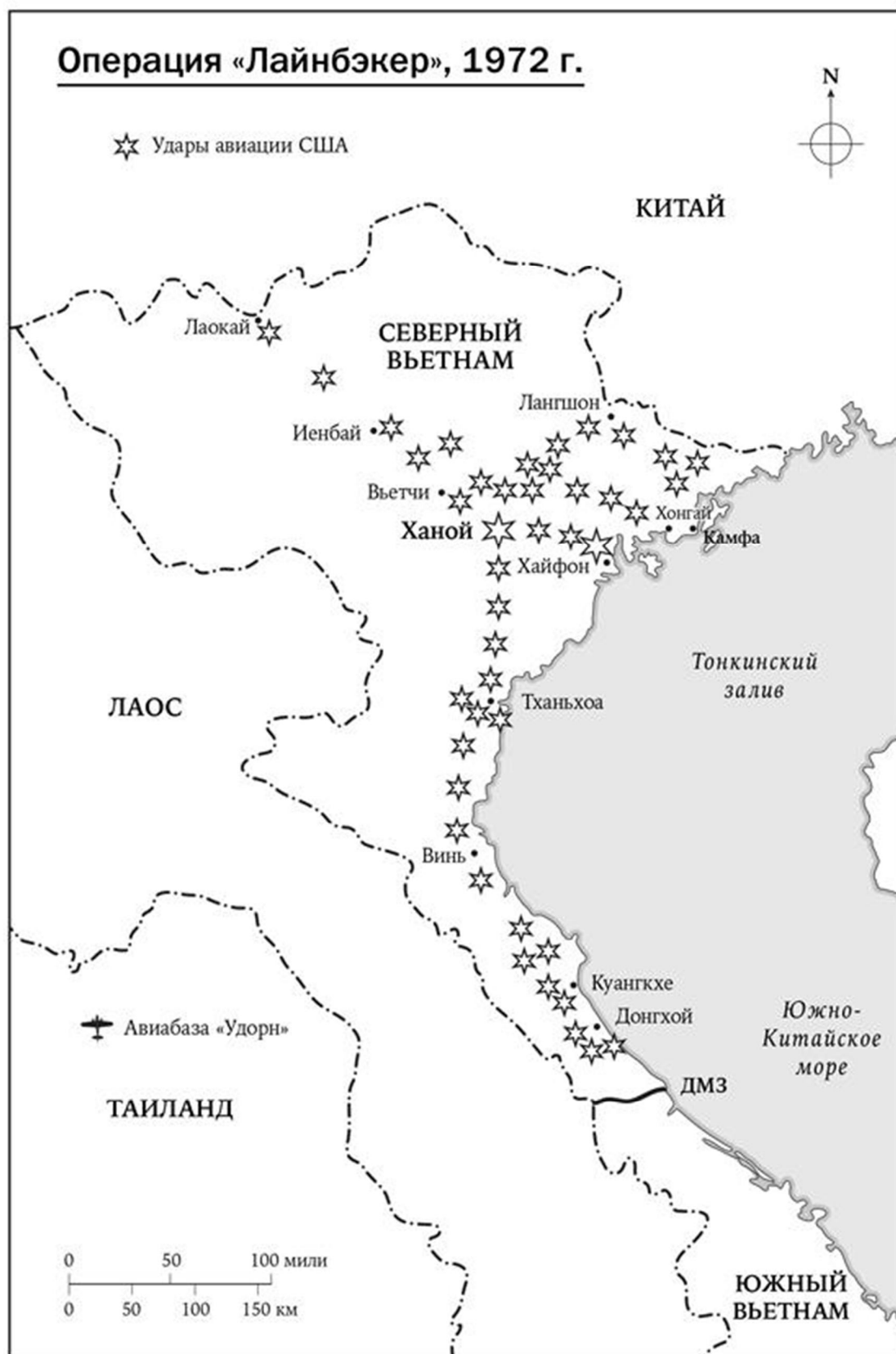
Пока армия Тхиеу сражалась на Юге, президент Никсон санкционировал новую кампанию бомбардировок на Севере, самую массированную за все годы войны, чтобы наказать Ханой за его дерзкую выходку. В период с 1 мая по 30 июня ВВС и ВМС США совершили 18 000 боевых вылетов, потеряв 29 самолетов. 8 мая, выступая по национальному телевидению, Никсон сообщил американскому народу, что предпринял «решительные действия с целью прекращения войны»: он имел в виду операцию под кодовым названием «Лайнбэкер», предусматривавшую 330 вылетов в день против объектов инфраструктуры и коммуникаций на территории ДРВ и — впервые в этой войне — минирование подходов к гавани Хайфона. Помимо этого, в разгар Пасхального наступления пять авианосных групп, три крейсера и 38 эсминцев ВМС США обеспечивали огневую поддержку южновьетнамской армии. Этот впечатляющий силовой ответ на оскорбление, нанесенное коммунистами американской нации, обеспечил Никсону поразительный всплеск народной поддержки: «чистая» воздушная кампания нравилась американцам куда больше, чем грязная наземная война среди болот и джунглей.

В течение апреля и мая на ТВД были переброшены новые авиационные подразделения, так что с баз на Гуаме и в Таиланде в общей сложности летало 210 В-52 и 374 F-4. Основными целями бомбардировок были коммуникации, в том числе железнодорожные объекты в Йенвьене и мост Пола Думера в Ханое, который в конце концов был разрушен с помощью 29 бомб с лазерным и электронно-оптическим наведением. В период с апреля по октябрь на Северный Вьетнам было сброшено 155 548 тонн боеприпасов. Объемы иностранных поставок по суше сократились с 160 000 до 30 000 тонн в месяц; морским путем — с 250 000 тонн в месяц до нуля. Китайцы приостановили отправку грузов и закрыли свои железные дороги. Были разбомблены почти все нефтехранилища и 70% электрогенерирующих мощностей. Американцы также несли потери: среди летных экипажей было много неопытных новичков, и в июне северовьетнамские МиГи сбили семь американских истребителей, потеряв всего два своих. В целом операция «Лайнбэкер» обошлась американцам в 44 самолета. Между тем, в отличие от полей сражений на Юге, где тактическая авиация наносила значительный урон силам ВНА и, что подтверждают

многие, сыграла решающую роль в отражении вторжения, инфраструктура на Севере была столь скудной и неприветливой, что бомбардировки не оказывали существенного влияния на военные усилия южан.

Но Никсон не желал этого признавать. Его терпение лопнуло, когда Крейтон Абрамс выступил против бомбардировок Севера и призвал вместо этого сосредоточить все воздушные ресурсы на Юге. Верный своей привычке наносить удар ниже пояса, Киссинджер заявил: «Он выдохся. Он разжирел, слишком много пьет и больше не в состоянии выполнять свои обязанности». В июне Абрамс отправился домой, передав дела Фреду Вейанду, который возглавлял КОВПВ на протяжении последних месяцев его существования. Как и в свое время Уэстморленд, Абрамс получил повышение, заменив того в должности начальника штаба армии. Абрамс был грамотным, порядочным офицером, блестяще проявившим себя в классической войне в Европе. Его прогрессирующая деградация за годы пребывания на посту главы КОВПВ, особенно усилившаяся в последние месяцы, вероятно, была следствием колоссального военного и политического давления, способного сокрушить даже самого стойкого генерала. Один из его коллег, сказавший, что Абрамс был вынужден «вести войну, стоя ногами на зыбком желе», не так уж сильно преувеличивал.

22 мая Никсон стал первым президентом США, посетившим Москву, чтобы провести недельные переговоры с советским лидером Леонидом Брежневым. Обе стороны были всецело озабочены обсуждением насущных ядерных проблем, которое проходило в тяжелой и напряженной обстановке, с витавшим над столом переговоров призраком ядерной войны. Как позже писал переводчик Брежнева, «Вьетнам иногда упоминался просто для того, чтобы “отметиться” и потом отрапортовать вьетнамцам и другим нашим союзникам о твердой и непримиримой позиции советского руководства в этом вопросе». Советский премьер-министр Алексей Косыгин предупредил, что «дальнейшим усилением своей агрессии американцы вынудят Северный Вьетнам призвать на помощь китайские войска. Никсон слушал, стиснув зубы, затем спокойно, но жестко отверг то, что расценил как необоснованные обвинения... Он подчеркнул свое твердое намерение положить конец кровопролитию во Вьетнаме. Отсутствие прогресса в этом деле объяснял неуступчивостью вьетнамцев и призвал оказать воздействие на наших друзей и союзников». Хотя тональность русских была довольно резкой, было очевидно, что они готовы договариваться.

Они опасались возможных шагов Никсона и не хотели допустить срыва переговорного процесса в Париже. Иногда ситуация за столом переговоров напоминала игру в пинг-понг: когда американцы призывали русских убедить северовьетнамское руководство в необходимости

прийти к конструктивным мирным договоренностям, те в ответ обвинили США в неспособности обуздать эксцессы Израиля в отношении палестинцев. Американцы возразили, что Израиль — независимое государство, которое они, несмотря на тесные отношения, не могут заставить изменить свою политику. У нас с Северным Вьетнамом то же самое, ответили русские. Московский саммит завершился подписанием договоров по ПРО и ОСВ-1, что, по мнению обеих великих держав, было гораздо важнее, чем судьба Индокитая.

Пустая победа

С июня по осень американская авиация продолжала громить силы северян, позволяя своим союзникам медленно, шаг за шагом возвращать оставленные территории. Потери северян достигли таких размеров, что заставили бы пойти на попятную любого самого жесткого национального лидера, но не Ле Зуана. Командующий 308-й дивизией отправил личное письмо Зяпу, убеждая того завершить кампанию. По его словам, политработники обвиняли в трусости любого, кто осмеливался заговорить об уходе с Юга, но, продолжал он, «именно это я считаю необходимым сделать. В том состоянии, в каком мы находимся сегодня, мы с трудом даем отпор даже одному вражескому взводу». В июне инженеры ВНА с титаническим трудом доставили на берег реки недалеко от г. Куангчи 42 понтона, чтобы организовать переправу, — только для того, чтобы увидеть, как все они были уничтожены в ходе авианалета вместе с батареей зенитного прикрытия. Одна артиллерийская бригада была почти стерта с лица земли еще до того, как добралась до передовой. Пехотные части возобновили атаки, но, по словам генерала Фи Лонга, «к концу недели сражений наши ресурсы истощились. В каждом батальоне осталось не больше 30–40 человек». Некоторые старшие офицеры дошли до такой грани физического и психического истощения, что их пришлось заменить. Северянам преподали горький урок, заключавшийся в том, что авиация будучи ограничено эффективной против партизанских сил и путей сообщения в джунглях, является мощным оружием против крупных воинских формирований, ведущих классические военные сражения, и особенно против движущейся бронетехники. Пренебрежительное отношение к тыловому обеспечению, вопреки советам Зяпа, чье участие в этой кампании, по всей видимости, сводилось к административной и почетной роли, было еще одним источником серьезных трудностей, которых вполне можно было бы избежать.

11 июля высадка южновьетнамского десанта стала первым шагом в длительной битве за возвращение города Куангчи. Когда северяне

начали отступать, командование направило туда полковника Ана с приказом удержать город. Прибыв в самый разгар проливных дождей, Ан обнаружил, что в большинстве пехотных рот осталось всего 20% личного состава, а у выживших здоровье и боевой дух пребывали в плачевном состоянии «Враг пересиливал и уничтожал нас», — писал Ан. Опытный ветеран, он также считал необходимым завершить наступление. Один старший офицер ВНА заметил: «Очевидно, что враг перехватил инициативу... Я знаю, что другие офицеры в нашей дивизии думают так же, но никто не осмеливается сказать об этом вслух».

Ан писал: «По всей видимости, фраза “Революция только атакует” так глубоко отпечаталась в нашем сознании, что любой, кто предлагал перейти к обороне, обвинялся в “негативистском идеологическом мышлении”... Сезон дождей неописуемо увеличивал наши трудности. Траншеи были наполнены водой и грязью. Когда нам удавалось вычерпать воду из блиндажей, через несколько часов их затапливало снова... Несмотря на все старания транспортных служб, снабжение было недостаточным. Наши солдаты... были голодными, замерзшими, грязными и больными».

Фам Хунг из 308-й дивизии встретил свой 18-й день рождения 26 августа в Куангчи под обстрелом южновьетнамской артиллерии и атаками американской авиации. Чтобы устроить небольшой праздник для своих товарищей, он решил наловить в близлежащем пруду рыбы, используя обычный солдатский способ: когда наступило затишье, он выскочил из окопа, добежал до пруда и выпустил в воду рожок своего АК-47. Затем он собрал всплывших рыб и бросился обратно в укрытие, но не успел, оказавшись под американскими бомбами. Его оглушило мощным взрывом и швырнуло на землю. Некоторое время он лежал и думал: «Вот и пришла моя смерть, честно говоря, недостойная смерть. Вместо того чтобы погибнуть как герой, я умираю сдохлыми рыбинами в руках. И я никогда не занимался любовью с девушкой».

Попредававшись еще немного горьким мыслям, он понял, что не умирает, хотя и серьезно ранен. Он пытался позвать на помощь, но никто не отзывался, потому что их ротный санитар был убит. В конце концов ему удалось привлечь внимание студента-ветеринара, который перевязал ему голову и руку. Командир приказал двоим сослуживцам Хунга отнести того в полевой медпункт, но по пути снова начался воздушный налет: сопровождавшие бросили носилки с Хунгом на землю и рванули в укрытие. Когда бомбардировка прекратилась и они вернулись, Хунг сказал: «Уж лучше б я дополз сам. Это было бы не так больно, как падать со всего маху на твердую землю». Прощаясь с Хунгом в медпункте, товарищи с завистью сказали, что ему повезло: он остался живым и отправится домой, а им предстояло страдать дальше.

Хунг, который истекал кровью, счел их слова глупостью. Неделю спустя он присоединился к колонне ходячих раненых, которая отправилась в мучительно долгий и трудный обратный путь по тропе Хо Ши Мина: «Мы представляли собой ужасающее зрелище: разгромленная армия. Мы пели песни, но это были очень грустные песни. Нам казалось, что эта война будет продолжаться вечно и мы никогда не сможем победить. По пути мы встречали новобранцев, марширующих нам навстречу, и испытывали к ним глубокое сострадание. Мы говорили друг другу: “Если бы эти молодые ребята знали, что их ждет там, впереди, они бы развернулись и побежали со всех ног домой”».

Однако стоило им вступить на родную землю, как эти истерзанные люди мгновенно воспряли духом. Когда они подошли к реке Киензянг, кто-то крикнул: «На том берегу родился Зяп!» Хунг вспоминал: «Мы были уверены: пока Зяп с нами, победа будет за нами. Это было словно живительный дождь, оросивший сухое дерево. Внезапно я понял, что мы победим, и я должен снова идти и сражаться». Хунгу не довелось снова попасть на войну из-за последствий ранения, но он еще два года оставался на действительной службе, главным образом для того, чтобы уберечь от армии младшего брата. Когда в мае 1974 г. он наконец-то был комиссован, Хунг испытал острую горечь из-за абсолютного равнодушия к тому, что ему пришлось пережить: ему не только не выделили никакого пособия — в результате ранения он получил нарушения слуха и некоторых ментальных функций, которыми страдал еще много лет, — но и заставили заплатить за несколько утерянных предметов снаряжения. Вдобавок он был вынужден пройти пешком 15 км от расположения части до станции, чтобы сесть на автобус до дома.

Осенью 1972 г. один командир артиллерийского полка ВНА, воевавшего на Юге, открыто признал: «У наших людей кончились силы». По словам Бао Ниня, солдаты были деморализованы: «Наши потери были выше, чем в 1968 г.». В Ханое школьная учительница До Тхи Тхы рыдала, узнав, что трое ее бывших учеников погибли под Куангчи. Между тем южане, наоборот, переживали краткосрочный подъем боевого духа и оптимизма. В Сайгоне полковник воздушно-десантных войск Ли Ван Куанг пригласил к себе домой своих товарищей: всю ночь напролет они пили жиеу де — рисовую водку — и рассказывали друг другу, что им пришлось пережить. Они взрывались громогласным гоготом, обсуждая северовьетнамских танкистов в Анлоке. По словам одного из членов семьи Куанга, «они были невероятно горды: впервые наша армия сделала что-то значимое своими силами». Член ВРП Чыонг Ньы Танг признал, что южане и их американские спонсоры снова одержали военную победу, «как они

одержали ее в Тетском наступлении, в Камбодже, и во многих других важных сражениях, когда они сталкивались с крупными силами Вьетконга и ВНА. Наши потери были огромны». Однако, по его словам, «парадокс заключался в том, что, несмотря на это, весеннее наступление стало решающим триумфом для коммунистов... США и Южный Вьетнам уже проиграли эту войну, впрочем, как и Вьетконг, хотя на тот момент мы этого еще не осознавали». Танг имел в виду, что в конечном итоге северяне навязали южанам свою тиранию, вопреки всем своим прошлым обещаниям.

Киссинджер предупредил президента Тхьеу, что тому нужно постараться вернуть как можно больше территорий, прежде чем будет подписан мирный договор, поскольку все захваченные земли, вероятнее всего, останутся под контролем коммунистов. Хотя южновьетнамская морская пехота сумела добиться престижной победы, 16 сентября вернув цитадель Куангчи после яростных боев и ценой потери 5000 человек, после этого ВСРВ были слишком истощены, чтобы продолжать контрнаступление и вернуть потерянные базы вдоль шоссе №9 и в районе к югу от ДМЗ. Донгха, где некогда располагалась основная американская база в северном округе, в последние три года войны использовался коммунистами с той же целью: грузы доставлялись морским путем до побережья и транспортировались вверх по реке Кыавьет до порта Донгха. Половина четырех северных провинций Южного Вьетнама — десятая часть территории страны — осталась под контролем коммунистов, как и приграничные районы на западе, примыкающие к Лаосу и Камбодже.

Даже когда армия Тхьеу отчаянно пыталась остановить наступление северян, в первые шесть месяцев 1972 г. США вернули домой 135 000 своих солдат, оставив во Вьетнаме всего 49-тысячный контингент. Один офицер ВСРВ описал свои жуткие ощущения от посещения заброшенных военных баз в Фубае, Донгтаме, Куинёне: выросшие рядом с ними городки с барами, ночными клубами и магазинчиками, некогда процветающие и оживленные, превратились в населенные призраками, разрушающиеся трущобы. В дельте Меконга, куда прежде ВНА не осмеливалась совать нос, теперь Ханой дислоцировал 8000 солдат. Американский советник в Митхо мрачно заметил: «Северяне затопили нас здесь по самые уши». Другой советник, в городке Виньким в дельте, сообщил, что около 500 коммунистов захватили и разграбили американскую базу: «Они упорно атаковали. Мы вызвали В-52, но они не отступили. Надо признать, игра кардинально изменилась по сравнению с тем, к чему мы привыкли в этой части страны». В то время как южновьетнамская армия вела кровопролитные сражения на севере, правительство было вынуждено отказаться от многих местных

гарнизонов в дельте, тем самым позволив коммунистам захватить целые районы. Кроме того, в отличие от правительственных войск коммунисты куда грамотнее выстраивали отношения с местным населением, которое вскоре стало снабжать их продовольствием. Возрожденные силы Вьетконга начали новую кампанию террора против служителей и сторонников сайгонского режима.

Крупные баталии 1972 г. завершились тактической победой Юга, доставшейся высокой ценой: общие потери ВСРВ составили около 50 000 человек, из них 11 000 убитыми. Большинство из 300 американцев, погибших в этом году, погибли в ходе Пасхального наступления. Потери северян предположительно превысили 100 000 человек. Они потеряли больше половины всей развернутой бронетехники — не менее 250 танков — и большую часть всей тяжелой артиллерии. По приблизительным оценкам, погибло около 25 000 гражданских лиц — шокирующий «сопутствующий ущерб» даже по меркам беспощадной вьетнамской войны. Китайцы сурово раскритиковали Ханой за неоправданный авантюризм. «Наши военные говорили, что потеряли Куангчи из-за приказа Ле Зуана взять Хюэ», — позже признался один высокопоставленный партийный функционер.

С американской стороны малочисленная кучка профессиональных оптимистов, включая Крейтона Абрамса, приветствовала победу южан: «Принимая во внимание все откровенные провалы... и грубые ошибки, которые были совершены... мы бы не имели того, что имеем сейчас... если бы некоторые [южновьетнамские военные] ... не решили встать и сражаться». Позже он добавил: «Ей-богу, они [южане] выстоят!» Мало кто был с ним согласен. Сотрудник ЦРУ Мерл Приббену, работавший в то время в Сайгоне, сказал: «Было ясно, что без массовой поддержки американской авиации страна бы пала». Почти все его информированные соотечественники считали так же, однако многие члены конгресса продолжали настаивать на ограничении финансирования воздушных операций.

Ханойское политбюро было вполне удовлетворено результатами кампании. Как оно и предполагало, это стало последней серьезной битвой, которую смогли дать вооруженные силы Южного Вьетнама, — после этого, морально истощенные, они были способны лишь слабо огрызаться. Майор Дэвид Джонсон был одним из многих американских советников, кто в 1972 г. потерял надежду: «Я старался делать свою работу, но в глубине души понимал, что все это напрасно». Уходящие американские войска оставили после себя разрушенную страну, большая часть которой напоминала свалку поломанных и отработавших свой срок товаров народного потребления и военной техники. Ни миллиарды долларов, ни колоссальные военные усилия и жертвы не

смогли привить политическим и военным элитам Южного Вьетнама три жизненно важных качества: достоинство, самоуважение и человеческое сострадание, — чтобы завоевать поддержку собственного народа. А без этого любые успехи на поле боя значили очень мало.

Глава 25

Большие уродливые жирные ублюдки «Это полностью, бесповоротно уничтожит Макговерна»

Генри Киссинджер достиг статуса суперзвезды благодаря той роли, которую он якобы играл в парижском переговорном процессе, обещавшем вытащить США из болота вьетнамской войны. В октябре 1972 г. советник по национальной безопасности убедил самого себя и американский народ в том, что именно его блистательные дипломатические усилия подвели переговоры к достижению мирной договоренности. На самом же деле к осени США попросту согласились на два ключевых условия, которые выдвигал Ханой: его собственные войска остаются на Юге, а американцы полностью уходят. Что касается всех остальных положений финального соглашения, то было очевидно: ни одна из сторон не будет их соблюдать. Единственной уступкой со стороны Ханоя, которая позволила Вашингтону сохранить лицо и, таким образом, ударить по рукам с коммунистами, был отказ от прежнего настойчивого требования убрать Нгуен Ван Тхиеу с поста президента Южного Вьетнама.

На готовность Ханоя заключить сделку с американцами повлияли два ключевых соображения: во-первых, летом Политбюро убедилось в том, что Никсон почти гарантированно будет переизбран на второй срок. Таким образом, на приход к власти более мягкой и сочувствующей администрации надеяться не стоило. К тому же после завершения выборов оставшаяся у власти администрация могла начать более жесткую игру. Во-вторых, Ханой прагматично рассчитал, что единственной действительно важной целью было избавиться от американцев: как только «империалисты» уйдут из Индокитая, завершить разгром их сайгонских клиентов будет относительно несложным и недолгим делом. Правительство Южного Вьетнама, к собственному ужасу, думало так же.

Благодаря магнитофонным записям, которые велись в Овальном кабинете Белого дома, мы с беспрецедентной в истории и неопровержимой точностью знаем, о чем говорили Никсон и

Киссинджер, обсуждая вьетнамскую проблему. Эти двое не питали никаких иллюзий по поводу того, что они делают, однако же хотели создать таковые у американского народа. Киссинджер считал изменение позиции Ханоя в отношении Тхьеу важной дипломатической победой, поскольку это давало возможность обеспечить «пристойную паузу». 3 августа он сказал Никсону: «Если через год или два года Север поглотит Юг, у нас будут все основания сказать, что это результат некомпетентности сайгонского правительства. Если же мы сейчас заключим сделку на условиях, в результате которых президент Тхьеу через три-четыре месяца пойдет ко дну», даже китайцы будут удручены цинизмом и топорностью внешней политики США¹. Таким образом, на последнем этапе переговоров Киссинджер полностью сосредоточился на временном факторе, чтобы придать происходящему пристойный вид.

26–27 сентября в Париже Ле Дык Тхо и Киссинджер практически достигли соглашения по формуле создания в Южном Вьетнаме трехпартийной «комиссии по выборам» или «Национального совета примирения и согласия», что было заметным отходом Ханоя от своего прежнего требования о создании трехпартийного коалиционного правительства. 29 сентября Киссинджер так объяснил это Никсону: «Понимаете, господин президент, все это формальная чепуха. Главное практическое следствие того, что мы предлагаем, да и они тоже, — это прекращение огня. Не будет никаких выборов»². Никсон спросил: «Тогда что же будет? Они просто возобновят войну, да? Но нас уже там не будет». — «Именно так», — подтвердил Киссинджер.

В последующие дни Никсон периодически раздражался гневными выпадами в адрес ханойских коммунистов, вероятно испытывая подсознательные спазмы вины из-за того жертвоприношения, которое готовил его эмиссар в Париже. Он не раз заговаривал о возобновлении интенсивных бомбардировок Севера: «Я не собираюсь сидеть сложа руки и смотреть, как мы проиграем эту войну, в которой погибли 55 000 американцев». В октябре Киссинджер поставил своего хозяина перед жестким выбором: он собирался лететь в Париж, где Ле Дык Тхо должен был выложить на стол список предложений, в большинстве своем формальных и ничего не значащих, главным среди которых будет прекращение огня на существующих позициях. Уполномочит ли президент своего эмиссара заключить сделку? В последовавшем за этим долгом и трудном разговоре Никсон явно колебался. Он боялся, что президент Тхьеу меньше чем за месяц до выборов в США публично обличит эту мирную договоренность как политическое предательство. Киссинджер признал: «Тхьеу прав. Наши условия в конечном итоге уничтожат его»³. Президент и его советник обсудили возможность организации в Сайгоне очередного госпереворота. Но, взвесив все за и

против, они полностью отвергли этот вариант и пришли к выводу, что Тхьеу должен остаться у руля страны, движущейся фактически к неминуемой гибели.

Киссинджер попытался сгладить беспокойство президента, пообещав добиться от коммунистов обязательства уйти из Лаоса и Камбоджи и отказаться от дальнейшего использования тропы Хо Ши Мина. Никсон сказал: «Обязательство взять можно. Но это бесполезно. Они никогда не уйдут»⁴. Киссинджер согласился: «Не уйдут, но я возьму его в письменном виде». Он предложил своему хозяину сомнительное утешение, приведя в пример де Голля, который в 1962 г. оставил Алжир, но «все считают его великим человеком». Затем он сообщил, что Ханой выразил желание, чтобы будущее соглашение было подписано министрами иностранных дел, и добавил: «Я не хочу подписывать эту чертову бумагу. Будет лучше, если ее подпишете вы»⁵. Никсон возразил: «Не думаю, что мы должны удостаивать ее моей подписью». В конце концов президент США уполномочил Киссинджера принять предложения Ле Дык Тхо.

В 4 часа дня 8 октября 1972 г. на все той же скромной вилле в городке Жиф-сюр-Иветт в предместьях Парижа Ле Дык Тхо открыл свою зеленую папку и изложил условия Ханоя. Его предложения полностью соответствовали ожиданиям и преодолели низкий, очень низкий порог, установленный Киссинджером: возвращение военнопленных и прекращение северовьетнамскими и южновьетнамскими силами огня на существующих позициях в обмен на полный вывод американских войск. Ханой настаивал на принципе паритета вооружения: если американцы будут продолжать вооружать ВСРВ, Северный Вьетнам будет делать то же самое со своими силами на Юге, при этом соблюдая «строгое уважение» к суверенитету Лаоса и Камбоджи. Наконец, Ле Дык Тхо потребовал, чтобы США выплатили Северному Вьетнаму репарацию за причиненный военный ущерб.

Киссинджер покинул зал переговоров ликующим, но вышел из себя, когда Джон Негропonte из Госдепартамента заметил, что Сайгон никогда не пойдет на такую сделку. «Ты не понимаешь, — обрушился на него Киссинджер. — Я собираюсь согласиться на их условия!.. Я хочу закончить эту войну до выборов»⁶. 12 октября он вернулся в Вашингтон, бурля энтузиазмом: коммунисты готовы подписать соглашение; до дня голосования оставался почти месяц. «Сделка, которую мы заключили, господин президент, намного лучше того, о чем мы мечтали, — сказал он Никсону. — Я имею в виду, что это полностью, бесповоротно уничтожит Макговерна»⁷.

Никсону повезло, что его оппонент-демократ на выборах 1972 г., сенатор Джордж Макговерн от Южной Дакоты, был одним из самых

слабых кандидатов в президенты в современной истории. Если бы президенту пришлось соперничать с сенатором Эдвардом Кеннеди, который на всю жизнь запятнал свою репутацию постыдной историей на острове Чаппакуиддик, он, скорее всего, все равно одержал бы победу, но в этом случае его политика во Вьетнаме стала бы куда более опасным источником головной боли. Кеннеди называл вьетнамизацию фарсом, единственная цель которого — создать завесу благопристойности вокруг сделки, заключенной с коммунистами накануне выборов. Он был прав: за закрытыми дверями все дебаты в администрации были сосредоточены только на продолжительности политически приемлемой паузы, прежде чем коммунисты придут к власти в Сайгоне. Киссинджер считал, что 18 месяцев вполне достаточно. В августе он сказал Никсону: «Если мы договоримся, скажем, в этом октябре, то к январю 1974 г. всем будет на это наплевать».

Обсуждая сделку с Никсоном, Киссинджер назвал выплату репараций «лучшей для нас гарантией того, что они будут соблюдать соглашение». На тот момент весь бюджет иностранной помощи США составлял меньше \$2 млрд, но президент снисходительно сказал: «Дай им десять миллиардов»⁸. На обеде с Холдеманом и Хейгом Никсон распорядился налить всем «Шато Лафит-Ротшильд» 1957 г. Это был жест невиданной щедрости: как правило, изысканные винтажные вина из подвала Белого дома предназначались только для бокала президента; подчиненные довольствовались калифорнийским красным. После этого он взял на себя труд составить письменную инструкцию для Киссинджера, предупредив о том, что срок выборов не должен никоим образом влиять на то, что говорится или делается в отношении Северного или Южного Вьетнама: этот документ мог бы возвысить президента в глазах историков, если бы не очевидное расхождение с теми устными заявлениями, которые на протяжении всех последних месяцев делались им в Белом доме.

Между тем 17 октября в Париже разгорелись препирательства по поводу пленных: помимо непосредственно военнопленных Ханой требовал освобождения почти 30 000 гражданских лиц, удерживаемых Сайгоном как подозреваемых в причастности к коммунистической партии и партизанской деятельности. Киссинджер выражал опасения, что Тхьеу никогда не согласится на это условие. Советнику по национальной безопасности еще только предстояла геркулесова задача — убедить президента Южного Вьетнама одобрить соглашение, в выработке которого он не принимал никакого участия, но от которого полностью зависело будущее его осажденной страны. Никсон сказал Киссинджеру: «Тебе в любом случае придется жестко на него

надавить»⁹. Когда президентский эмиссар прибыл в Сайгон, его ожидал ледяной прием: разведка предупредила Тхиеу о готовящейся в Париже сделке задолго до того, как американцы сочли необходимым поставить его в известность. Капитан Фан Тан Нгыу, сотрудник Специальной службы, составил официальное донесение, в котором сообщалось, что, согласно информации от высокопоставленного двойного агента, известного как «Источник из Тэйниня»¹⁰, коммунистическое руководство уверено в скором подписании мирного соглашения, которое, как это прекрасно осознавал Тхиеу, станет фатальным для его режима¹¹.

Однако Киссинджер попытался убедить Тхиеу в том, что войска северян постепенно покинут его страну: «Наши военные считают, что без доступа регулярного подкрепления северовьетнамские силы, которые сегодня находятся на Юге, будут вынуждены уйти»¹². Он пообещал щедрые поставки нового американского оружия, чтобы укрепить оборону Южного Вьетнама перед подписанием договора. На протяжении всего года Киссинджер уверял коммунистов, что, если те гарантируют «пристойную паузу», после подписания соглашения Соединенные Штаты выведут остатки своих войск и прекратят всякое вмешательство в Южном Вьетнаме. Теперь же он обещал Тхиеу полностью противоположное, заверив того в немедленной военной поддержке, если Ханой нарушит условия соглашения: «Это немыслимо, чтобы президент Никсон остался в стороне, если Северный Вьетнам возобновит агрессию».

Крейтон Абрамс, недавно приведенный к присяге в качестве начальника штаба армии, присоединился к советнику по национальной безопасности в его попытках убедить Тхиеу, что американцы — люди слова. На проникновенный аргумент Киссинджера: «Вы должны доверять мне» — вьетнамец ответил, что не видит для этого причин. Американец со лживым сожалением посетовал, что они не успели подготовить проект соглашения на вьетнамском языке. Но Тхиеу уже прочитал резюме, распространявшееся коммунистами на уровне глав районных ячеек, которое его разведка получила от «источника из Тэйниня».

На встрече 21 октября министр иностранных дел Тхиеу передал Киссинджеру список из 23 условий, которые сайгонское правительство требовало внести в проект Парижского соглашения, первым из которых был полный вывод северовьетнамских войск с территории Южного Вьетнама. «Думаю, нет никакой возможности заставить их согласиться на это», — прямо сказал Киссинджер¹³. Никсон телеграфировал своему советнику, чтобы тот использовал все рычаги давления на Тхиеу, но при этом «не довел его до того, чтобы публично порвать с нами до 7

ноября». На следующее утро, 22 октября, Киссинджер обрушил на Тхиеу лавину угроз и посулов, после чего улетел в Пномпень, чтобы ввести в курс дела президента Лон Нола.

К вечеру американский эмиссар вернулся в Сайгон и снова встретился с Тхиеу, но услышанное его не обрадовало. Вьетнамец назвал готовящуюся сделку обманом. Совет национального примирения, сказал он, это просто завуалированное коалиционное правительство: «США вступили в сговор с Советами и Китаем. Если вы согласитесь с присутствием здесь северовьетнамских сил, народ Южного Вьетнама будет считать, что Соединенные Штаты предали его, а Северный Вьетнам выиграл войну». Киссинджер попытался возразить: «Мне глубоко неприятно ваше предположение о том, что мы могли сговориться с русскими или китайцами». Несколько раз в ходе встречи президент разражался слезами. Одним из его главных аргументов было то, что, соглашаясь оставить часть территории Южного Вьетнама под контролем коммунистов, США фактически приговаривали его страну к смерти: разделенное подобно «шкуре леопарда» государство было очевидно нежизнеспособным. Кроме того, коммунисты и антикоммунисты получали равный статус в будущем Национальном совете. Киссинджер связался с Белым домом и предупредил, что упрямство Тхиеу грозит серьезным кризисом. Он также телеграфировал в Ханой, чтобы выразить свой гнев по поводу того, что премьер-министр Фам Ван Донг раскрыл большую часть обсуждаемых условий мирного соглашения интервьюеру из Newsweek, тем самым только обострив тревожную лихорадку в Сайгоне.

Вернувшись в Вашингтон, Киссинджер поспешно продолжил делать то, в чем обвинял его Тхиеу: первым делом он пригласил советского посла Добрынина в Белый дом и попросил Москву объяснить Ханую, что за две недели до выборов администрации США приходится публично говорить и действовать так, чтобы избежать открытого разрыва с Сайгоном. Он также умолял Москву надавить на руководство Северного Вьетнама, чтобы оно согласилось хотя бы на символический вывод войск с Юга. «Ханой может решить, что мы намеренно затягиваем подписание сделки, чтобы дожидаться 7 ноября, а затем продолжить бомбардировки или что-то в этом роде, — сказал Киссинджер советскому послу. — Но я даю вам клятвенное заверение от лица президента, что это не так»¹⁴. В тот же самый момент в Овальном кабинете на другом конце коридора Никсон сказал Александру Хейгу: «После выборов мы разбомбим их к чертовой матери. Пока я не стал говорить об этом Генри, но мы это сделаем».

Все в Белом доме старались убедить друг друга в том, что предательство Южного Вьетнама вовсе не было предательством как

таковым, поскольку сайгонский режим по большому счету никогда не был легитимным правительством. Хейг сказал Никсону: «Если Тхиеу не способен победить с миллионной армией и всем тем оружием, что у него есть, он не стоит того, чтобы его спасать!» Киссинджер сказал Никсону: «Я пришел к заключению, господин президент, как бы неприятно мне ни было об этом говорить, что вся система в Южном Вьетнаме выстроена вокруг войны, которую мы ведем, и эти парни попросту не могут себе представить, как они будут жить при мире. Они напуганы не столько коммунистами. Их пугает перспектива мира»[15](#).

Обсуждая с Никсоном вероятность слишком быстрого краха сайгонского режима, Киссинджер уверенно заявил: «Я думаю, что мы с честью выпутаемся из этого дела. Они не рухнут так быстро». 24 октября он сказал китайскому послу с характерным для себя самоуничижительным остроумием: «Кажется, я добился единства среди вьетнамцев — те и другие меня ненавидят». Ожидая своей машины, посол спросил у помощника Киссинджера, есть ли надежда на то, что соглашение будет подписано до дня выборов. Тот ответил, что такая задержка играет на руку коммунистам: если ссора с Сайгоном случится до 7 ноября, президент будет вынужден занять его сторону против Ханоя; после выборов все будет наоборот[16](#). Администрация дала понять Москве и Пекину, что не питает никаких иллюзий насчет того, что Северный Вьетнам будет соблюдать условия мирного соглашения: ей просто нужна его подпись на официальных документах.

Во всех странах лидеры и их ближайшие советники обсуждают государственные дела так же откровенно, как это делали Никсон и Киссинджер, но никогда прежде эти разговоры не записывались на магнитофонную пленку, чтобы впоследствии разоблачить перед миром всю глубину их цинизма. Однако единственный вопрос, который по-настоящему важен для потомков, состоит в том, был ли у этих людей реальный выбор. Невозможность выиграть эту войну стала очевидной еще до того, как Никсон пришел в Белый дом. Режим Тхиеу не сумел мобилизовать поддержку собственного народа, очень мало делая для его же благополучия, и только будущее показало, что коммунисты будут делать еще меньше. Преступление Никсона, если это можно назвать преступлением, где Киссинджер был главным посредником, состояло в том, что он принес в жертву жизни 21 000 американцев и несравнимо больше жизней вьетнамцев только ради того, чтобы осуществить серию военных и дипломатических маневров, призванных послужить не интересам народов Индокитая, но внутривнутриполитическим интересам самого президента.

В некоторой мере американский электорат может быть признан соучастником: даже в последние годы войны многие избиратели

продолжали надеяться на такой исход, который не нанес бы болезненного удара по национальной гордости. Никсон и Киссинджер пытались удовлетворить это ожидание, но не как ответственные государственные мужи, а как плотники, сколотившие шаткие театральные подмости с мало-мальски пристойными декорациями, рассчитанные на пару сезонов — до и после выборов 1972 г. Их режиссерский талант в постановке этого фарса, безусловно, заслуживает аплодисментов, чего нельзя сказать об их моральных качествах. Киссинджер показал, что не владеет и толикой мастерства в искусстве «реальной политики», которую он проповедовал. 23 октября он сказал Тхиеу: «Соединенные Штаты никогда не пожертвуют надежным другом». Два дня спустя в Вашингтоне он поделился с министром торговли Питом Петерсоном: «У меня только одно желание — сравить вьетнамцев между собой, чтобы они как можно больше поубивали друг друга».

26 октября Ханой раскрыл всему миру проект мирного соглашения и потребовал, чтобы Соединенные Штаты подписали его 31 октября, как это ранее обсуждалось между Ле Дык Тхо и Киссинджером. Эта новость вызвала в США настоящую сенсацию и убедила Никсона уполномочить Киссинджера, который до сих пор почти не выступал на публике, впервые появиться в роли внешнеполитической звезды на телевидении. Несмотря на явное отсутствие опыта публичных выступлений, его авторитетный вид, остроумие, кажущаяся откровенность и аполитичный статус обеспечили советнику бешеный успех. «Дамы и господа, — сказал он в битком набитом зале для пресс-конференций Белого дома, — очевидно, что война, которая продолжалась десять лет, приближается к концу».

Он заявил, что Ханой отказался от своего требования о создании на Юге коалиционного правительства, и сказал, что нет ничего удивительного в том, что Сайгон «поднимает вопросы». Телеканал ABC озаглавил свой репортаж словами Киссинджера: «До мира рукой подать». За пару недель до выборов советник обеспечил Никсону обещанный триумф. Тем же вечером президент спросил у него по телефону: «Они действительно думают, что там будет мир?» — «Да». — «Значит, они так думают... Что ж, это хорошо. Пусть думают». Представители всего политического спектра рукоплескали советнику по национальной безопасности. Сенатор Джеймс Бакли, брат писателя-консерватора Уильяма Ф. Бакли, позвонил и поздравил Киссинджера, потребовав у того чисто символической гарантии: «Можем ли мы быть уверены в том, что то, что там делается, не выбьет почву из-под ног какого-либо режима?» — «Абсолютно, на 100%». — «Отлично». Джеймс Рестон из The New York Times торжественно заявил: «Ваша

страна в долгу перед вами, Генри». Джордж Макговерн пополнил длинный перечень грубых ошибок, совершенных им в ходе предвыборной кампании, раскритиковав Никсона за упрямое нежелание отказаться от поддержки Тхиеу: демократический кандидат не знал о том, что в этот самый момент его соперник маринует южновьетнамского лидера, чтобы приготовить из него жаркое для триумфального пира коммунистов.

Между тем Сайгон еще несколько дней пытался избежать открытой ссоры с Вашингтоном: Тхиеу уклончиво заявил, что правительство Южного Вьетнама никогда не согласится на урегулирование, которое наносит ущерб интересам его народа, однако не стал уточнять, что сделка Киссинджера предполагала именно такой исход. На следующий день он сказал Национальному собранию, что вывод северовьетнамских войск — его «минимальное требование», что заставило The New York Times обвинить Тхиеу в недальновидном упрямстве. 27 октября Los Angeles Times опубликовала статью под заголовком: «США настаивают на выводе войск: Ханой должен вывести 145 000 человек перед подписанием мирного договора». Это было абсолютной ложью, но вызванный статьей положительный отклик укрепил репутацию Киссинджера как жесткого переговорщика; что же касается реального развития событий, то мало кто обратил на это серьезное внимание на фоне разгорающегося Уотергейтского скандала.

Почти все комментарии в те дни отражали повсеместное, отчаянное стремление рассматривать доктора Генри Киссинджера как спасителя нации. Страстное желание американцев всех политических оттенков завершить вьетнамскую эпопею для Америки, поверить в достижимость мира, позволяющего избежать признания унижительного поражения, затмевало собой беспокойство незначительного меньшинства о судьбе южновьетнамского народа. Многие высказывали точку зрения, что любой исход, при котором будет меньше бомб, пуль и напалма, — это лучше, чем продолжение кровопролития. Кто мог бы против этого возразить?

Киссинджер, который прежде выступал против продолжения воздушных ударов по Северному Вьетнаму после выборов, был так взбешен неуступчивостью Сайгона и высокомерными выпадами Ханоя, что теперь резко переменял свое мнение. 31 октября он сказал Никсону: «Я думаю, мы должны направить B-52 на север». Президент согласился: «Совершенно верно». Киссинджер продолжил: «Потому что это единственное, что понимают эти сукины дети... Если через неделю они не ответят, мы должны возобновить бомбардировки». На следующий день Тхиеу публично осудил проект соглашения как «капитуляцию перед коммунистами». Джордж Макговерн резко раскритиковал

Никсона и Тхиеу за их якобы нежелание подписывать соглашение: он обвинил президента США в тайных планах продолжать войну еще четыре года, чтобы удержать у власти своего союзника Тхиеу, что было поистине абсурдным искажением реальности.

Летописец президентских выборов Теодор Уайт отмечает удивительный феномен: после того как на протяжении нескольких десятилетий Ричард Никсон был одним из политиков, вызывавших наименее теплые чувства у электората, в последние дни президентской кампании 1972 г. он буквально купался в народной любви. В одном из финальных предвыборных роликов «Великой старой партии»^[63] звучал призыв: «На этот раз голосуйте так, будто от этого зависит весь мир». 7 ноября Никсон одержал оглушительную победу, набрав 60,7% голосов против 37,5% у Макговерна.

В последующие пару месяцев дипломатические отношения между США и Южным Вьетнамом всецело сводились к попыткам администрации сломить упрямство Тхиеу и убедить того принять проект парижского соглашения. Вернувшись в Жиф-сюр-Иветт 20 ноября, Киссинджер представил Ле Дык Тхо список из 69 предложений, на внесении которых настаивало правительство Тхиеу, — главным среди них было требование о полном выводе северовьетнамских сил, присутствие которых на Юге Ханой упорно отрицал. Скорее всего, Киссинджер просто хотел наглядно показать коммунистам, с какими трудностями приходится сталкиваться американской стороне, стараясь добиться согласия Сайгона. На следующий день Ле Дык Тхо категорически заявил: «Мы никогда не согласимся [с этими предложениями]». Ханой искренне не понимал, почему американцы не могут заставить своих сайгонских марионеток плясать под свою дудку. В ответ Тхо вновь повторил требование об освобождении 30 000 гражданских заключенных. Тогда Киссинджер зачитал записку президента США с указанием прервать переговоры.

Далее начался очередной раунд двойной игры: администрация Никсона сосредоточила свой публичный гнев на Ханое, тогда как за кулисами продолжала бомбардировать Сайгон угрозами и обещаниями. 29 ноября Никсон встретился в Белом доме с южновьетнамским эмиссаром и открыто пригрозил тому прекратить всяческую поддержку: «Без нашей помощи вы не выживете. Вы это понимаете?»¹⁷ Но Тхиеу продолжал упорствовать. Ле Дык Тхо отказался от требования об освобождении гражданских заключенных, но 12 декабря сказал, что должен вернуться в Ханой для консультаций.

То, что последовало далее, было одним из самых гротескных поворотов в этой войне. Никсон распорядился нанести массированные бомбовые удары по Северному Вьетнаму якобы в ответ на

несговорчивость коммунистов и их отказ вернуть американских военнопленных. Между тем позиция Ханоя на переговорах в декабре не претерпела сколь-нибудь существенных изменений по сравнению с октябрём. Единственным новым фактором в игре было упорное нежелание Южного Вьетнама принять предлагаемое урегулирование. Наиболее правдоподобное объяснение того, что официально называлось операцией «Лайнбэкер-2», а неофициально — «рождественскими бомбардировками», вероятно, состояло в том, что эта демонстрация силы была призвана убедить Сайгон и американский народ в неизменной приверженности США поддержке Южного Вьетнама, а также наказать Ханой за четыре года сопротивления воле Ричарда Никсона. Массированные бомбардировки ничего не изменили на дипломатическом фронте, но стали последним значимым военным актом американского вмешательства во Вьетнаме.

«Мы разбомбим их к чертовой матери»

В понедельник 18 декабря 1972 г. в 11:00 в зале предполетного инструктажа для экипажей В-52 на авиабазе «Андерсен» на Гуамере полковник Джеймс Маккарти театральным жестом отодвинул штору, закрывавшую маршрутную карту, и торжественно объявил: «Господа, сегодня вечером ваша цель... Ханой!» Пилот Винс Осборн вспоминал: «Думаю, он ждал аплодисментов... Но экипажи сидели с серьезными лицами, и в их взглядах читалось: “Вот дерьмо!”»¹⁸ Капитан Эд Питерсен не поверил своим ушам, услышав, что они полетят бомбить «Даунтаун»: «Поначалу я решил, что это шутка»¹⁹. Пилоты были уверены, что война для них уже закончилась. Однако в течение следующих 11 дней экипажи В-52 совершили 729 боевых вылетов и сбросили на Северный Вьетнам 15 377 тонн бомб, плюс еще 5000 добавили их коллеги из тактической авиации. «Лайнбэкер-2» стала самой интенсивной операцией стратегической авиации за всю войну: 155 тяжелых бомбардировщиков, выстроившихся на восьмикилометровой парковочной зоне, один за другим следовали на взлет, потребляя 7,6 млн литров реактивного топлива в день.

Базу «Андерсен» ненавидели все ее обитатели, которые называли себя «летными псами» или ВПГ — «военнопленными Гуама». На бамперах местного транспорта красовались наклейки, кощунственно имитировавшие стикеры в поддержку американских военнопленных на Севере: «СВОБОДУ ВПГ!» 12 000 военнослужащих были вынуждены ютиться в казармах, рассчитанных на четверть этого числа; когда экипаж не возвращался с боевого задания, сослуживцы спешили

присвоить себе их мебель. Такова была кульминация воздушной войны, длившейся с перерывами с 1965 г.

Во всех войнах летчики существуют в «параллельной вселенной» по сравнению с теми, кто воюет на земле. Вместо палаток и гамаков под пологом джунглей экипажи В-52 жили в казармах с нормальными кроватями и кондиционерами посреди бетонной пустыни, где никогда не было слышно ни выстрелов, ни взрывов. Перед боевыми вылетами большинство принимали душ и съедали добротный американский завтрак. Вернувшись с задания, они выруливали своих ревущих монстров в парковочную зону или на обвалованные стоянки, после чего направлялись в офицерский клуб пропустить несколько коктейлей. Разумеется, это не означало, что война была для них приятным развлечением: психологическое напряжение было колоссальным, усугубляемое резким контрастом между будничной рутинной на Гуама и прорезанным ракетами небом над Северным Вьетнамом.

Мир рассматривает бомбардировки Индокитая — и это абсолютно справедливо — в первую очередь с точки зрения их жертв. Но сами пилоты мало думали о людях, находившихся на земле в сотнях метров под ними, на чьи головы сыпались бомбы. Куда больше их заботили опасности, которые угрожали непосредственно им самим. Как и в каждом поколении пилотов, среди них были отважные сорвиголовы, которые наслаждались острыми ощущениями, риском и, если на то пошло, возможностью сеять разрушение. Но многие не скрывали своего страха, который в ходе рождественских бомбардировок 1972 г. усугублялся резким упадком боевого духа. Как писал командер ВМС Джон Николс, «никто не хотел стать последним, кто погибнет в этой уже проигранной войне»²⁰. Многие не стеснялись уклоняться от опасных заданий. На предполетном инструктаже нередко можно было услышать: «Эй, погодите! Вчера я летал на подавление зениток. Сегодня не моя очередь!»²¹ Некоторые «обнаруживали» технические неполадки, чтобы избежать взлета или вернуться с полпути обратно. Ходили зловещие слухи, будто коммунисты решили, что у них достаточно военнопленных, поэтому в плен они больше не берут.

Для палубной авиации, взлетающей с авианосцев, а также для тактических истребителей и стратегических бомбардировщиков ВВС США, базировавшихся на «Утапао» в Таиланде, полет до цели и обратно занимал всего три-четыре часа. В отличие от них, экипажам В-52 с Гуама приходилось проводить в воздухе около девяти часов, преодолевая расстояние почти в 5000 км, прежде чем сбросить свою бомбовую нагрузку на цели в Северном Вьетнаме. После этого они отправлялись в обратный путь и, преодолев в целом почти 12 000 км с залетом по крайней мере на одно рандеву с воздушными танкерами с

Окинавы, приземлялись «на острове». Хотя во время длительного перелета можно было поставить машину на автопилот и немного отдохнуть, даже до встречи с противником управление В-52 был чрезвычайно тяжелым — в прямом смысле этого слова — делом. Джим Маккарти позднее писал: «В отличие от маневренных истребителей или более новых моделей В-52, на В-52D не было бустерной системы управления. В результате, чтобы следовать летным строем или выполнять маневры, требовалась огромная мышечная сила»²². Управлять В-52D, писал он, было «все равно что ехать на 18-колесной фуру, на которой нет ни гидроусилителя руля, ни тормозов с пневмоприводом, ни автоматической коробки передач, по центру Вашингтона в час пик».

В боевых вылетах Stratofortress сопровождала целая армада самолетов разных типов и функций. Первыми летели истребители, которые наносили удары по зенитным позициям и позициям ЗРК. Самолеты РЭБ старались подавить радиолокационные сигналы и каналы коммуникации противника. F-4 Phantom выбрасывали облака «мишуры» — дипольных отражателей — и обеспечивали непосредственное прикрытие против МиГов. В-52 были укомплектованы экипажами из шести человек: двух пилотов, сидевших в верхней кабине, «группы защиты», состоявшей из стрелка и оператора РЭБ, которые сидели перед панелью радиолокационных экранов и индикаторов спиной по ходу движения в отсеке сразу за кабиной пилотов, и «ударной группы», состоявшей из штурмана и оператора РЛС-наведения — его также называли бомбардиром, — которые сидели в нижней кабине под кабиной пилотов. Четырехствольный пулемет калибра .50 в хвосте самолета был реликтом Второй мировой войны и на десятикилометровой высоте причинял противнику мало вреда, хотя экипажи В-52 утверждали, что в ходе операции «Лайнбэкер-2» сбили два МиГа.

На Гуаме обслуживанием Stratofortress занимались 5000 человек технического персонала, работавших в так называемых велосипедных мастерских. Поддержание эксплуатационной готовности этих далеко не новых монстров — разработанные в 1949 г., они были поставлены на вооружение ВВС США в середине 1950-х гг., так что некоторые бомбившие Ханой самолеты были старше 17 лет, — требовало титанических усилий. Stratofortress имел десять независимых гидравлических систем и четыре мощных генератора, работавших от газовых турбин, которые, в свою очередь, раскручивались потоками сжатого горячего воздуха от двигателей температурой около 250 °C. Утечка могла иметь катастрофические последствия, поскольку эти

воздуховоды проходили рядом с электролиниями управления, топливными баками и кислородными магистралями.

В горячие периоды на базе «Андерсен» или «Утапао» техперсонал успевал заправить Stratofortress топливом и загрузить бомбами всего за четыре часа — вдвое быстрее, чем предусматривала стандартная инструкция, — и провести инспекцию всех основных систем за восемь часов. Максимальная внутренняя нагрузка в отсеке вооружений составляла 84 бомбы массой 227 кг, которые подвешивались на кассетные держатели. Манипулирование боеприпасами, хранившимися при температуре выше 37 °С и в условиях предельно допустимой влажности в сезон дождей, требовало огромных предосторожностей. Наземный техперсонал проявлял героические усилия: когда на одном самолете во время выруливания на взлетно-посадочную полосу взорвалась шина, техники заменили ее вместо обычных 150 минут всего за 15 при полной бомбовой нагрузке и без остановки двигателей.

Перед каждым боевым вылетом планировщики часами обсуждали цели, выносные ориентиры для бомбометания и оптимальные оси атаки среди мозаики позиций ЗРК и РЛС, отмеченных на картах и аэрофотоснимках, сделанных высотным самолетом-разведчиком SR-71. Два звена по три B-52, несущих вместе с внешней бомбовой нагрузкой на подкрыльных пилонах до 30 тонн боеприпасов каждый, могли сровнять с землей все, находящееся на площади 1 км × 3 км: метод «ковровых бомбардировок» достиг своего леденящего кровь совершенства. Экипажи получали частные боевые приказы с учетом последних разведданных и выбранных целей. Цели могли быть расположены в зоне либо высокой, либо низкой угрозы, в зависимости от плотности наземных средств ПВО. Миссии с пометкой «Press-on» — букв. «прессовать» — означали, что цели имеют приоритетное значение и экипажи должны прорваться к ним и уничтожить, несмотря на любой уровень противодействия и повреждения самолетов.

После предполетного инструктажа капелланы предлагали католикам обряд соборования — некоторые считали его полезным, другие шарахались. Экипажи ехали к своим самолетам, груженные спасательными жилетами с бугрящимися карманами, коробками с сухпайком и большими портфелями, набитыми технической документацией к самолету, расчетными таблицами по бомбометанию, астрономическими навигационными картами и секретными инструкциями. Также они везли комплекты теплой одежды, которые могли не понадобиться, если система отопления самолета функционировала нормально, но могли стать вопросом жизни и смерти, если та выходила из строя и температура в кабине падала до −56 °С.

Летчики-истребители называли В-52 «Баффами», или «Большими уродливыми жирными ублюдками» — Big Ugly Fat Feller, где последнее слово часто заменялось куда менее пристойным Fucker. Стратегическое воздушное командование предпочитало более горделивый термин — «парад слонов», описывая колонну массивных крылатых монстров, движущихся по рулежной дорожке на взлет. Зрелище взлетающих «Баффов» обычно собирало толпу зрителей — наземного персонала и свободных от боевого дежурства экипажей, которые стояли группками в зоне стоянки и обслуживания, рядом со служебными постройками и на балконах. Один за другим «Баффы» набирали скорость и тяжело отрывались от земли, отрывивая струи черного дыма из сопел двигателей, нутжно работающих в форсажном режиме.

Набирая высоту, они пролетали над советским траулером-разведчиком, курсировавшим у побережья и наблюдавшим за взлетами. После этого самолеты ложились курсом на запад, и экипажи настраивались на многочасовое безделье: кто-то играл в шахматы, кто-то писал письма. Некоторые учились на заочных курсах — один из штурманов учился на стоматолога — и использовали время полета для выполнения заданий. Один пилот любил решать задачки из школьного учебника по алгебре. Если им хотелось непристойно пошутить или раскритиковать какую-нибудь глупую инструкцию, им приходилось обмениваться записками: вездливые инспекторы САК прослушивали записи разговоров в кабине пилотов. Пока они летели над океаном, весь экипаж зачастую спал. Строгие требования к хорошему состоянию здоровья имели под собой разумные основания: полет на большой высоте с сильным насморком, заложенными ушами или придаточными пазухами носа не только вызывал болезненные ощущения, но и был чреват серьезными осложнениями. Непредсказуемые погодные условия создавали проблемы: встречный ветер увеличивал расход топлива, из-за чего могла потребоваться дополнительная заправка в воздухе.

На подлете к Северному Вьетнаму всем уже было не до сна. К декабрю 1972 г. у северян была мощная система ПВО — МиГи, зенитная артиллерия, ракетные комплексы. Пусковые расчеты ЗРК начинали запускать в небо свои ракеты, едва американские самолеты входили в зону поражения. Члены экипажа реагировали на это по-разному: пилот Роберт Кларк, возглавлявший третью волну бомбардировщиков 18 декабря, сказал: «Я был готов к этому; мой штурман пребывал в абсолютном ужасе; стрелок был настоящим ястребом; оператор РЭБ был одновременно напуган и взбудоражен от любопытства, сработает ли его оборудование»²³. Лес Дайер плевал на опасность: «Я был молод, поэтому считал себя пуленепробиваемым и неуязвимым». У Брюса Вуди «от страха скручивало кишки»²⁴. Джерри

Виклайн признался: «Все это время я думал, что в следующую секунду умру... Несколько раз я был ослеплен близкими взрывами и яркими следами от пролетавших мимо ракет. Я видел, как сбили В-52 справа от меня»²⁵. «Но в первом боевом вылете я выяснил для себя, что я не трус, — добавил он. — Да, я отчаянно пытался найти предлог, чтобы повернуть обратно, сбежать подальше от этих ракет, но, оказалось, что получить прозвище труса я боюсь куда больше, чем умереть».

Точное бомбометание требовало четырех минут ровного, прямолинейного полета на подходе к цели, несмотря на приближающиеся ракеты. Звено из трех бомбардировщиков шло тесным боевым порядком в попытке обмануть радары противника: если хотя бы один отклонялся в сторону или нервничающий пилот делал маневр, ложный образ на экранах радаров разваливался. Экипажи могли услышать душераздирающее предупреждение оператора РЭБ: «Сигнал ЗУР!» Пилот спрашивал: «Штурман, сколько до цели?»²⁶ — «Десять секунд... пять... четыре... три... две... одна. БОМБЫ ПОШЛИ! Твоя очередь, пилот. Давай!»

Дебютная волна рождественских бомбардировок началась 18 декабря в 19:45, когда первая тройка из армады «Баффов» зашла на цель. Туша самолета слегка сотрясалась, выбрасывая из себя 30 тонн бомб. При крутом развороте на обратный курс самолет мог на несколько секунд лишиться маскирующей оболочки, создаваемой излучателями помеховых сигналов, — и эти несколько секунд могли оказаться фатальными. Полковник Хендсли Коннер, летевший пассажиром как командир миссии, вспоминал, как одной лунной ночью их массивный «Бафф» был поврежден ракетой: «БАБАХ! Мы словно оказались в эпицентре грозы. Нас оглушил мощный раскат грома. На мгновение все вокруг осветилось яркой вспышкой, и снова наступила темнота. Я почувствовал запах озона от сгоревшего ракетного топлива и ощутил несильный удар в правое плечо»²⁷. По переговорному устройству пилот Клифф Эшли сообщил: «Я в порядке, но машина в плохом состоянии».

Ракета взорвалась по левому борту, выведя из строя два двигателя и оторвав часть крыла. Из обрубка вырывались языки пламени, давление в кабине падало, бóльшая часть приборов не работала. Понимая, что не долетят до Гуама, они взяли курс на Таиланд и запросили сопровождение — два «F-4» отозвались почти мгновенно: «Мы здесь, парни». Они начали поспешно снижаться с девятикилометровой высоты, отчаянно молясь о том, чтобы им не пришлось катапультироваться над Северным Вьетнамом или Лаосом: «Мы знали, что в Лаосе редко берут пленных». Тридцать минут спустя они вошли в воздушное пространство Таиланда и облегченно вздохнули, надеясь,

что им удастся благополучно приземлиться. Но в этот момент один из сопровождающих пилотов F-4 предупредил, что огонь усиливается, и все их левое крыло полыхает: «Не думаю, что вам удастся это сделать». Шесть членов экипажа вжались в свои катапультируемые кресла, и через несколько секунд загорелась сигнальная красная лампочка. БАМ! Штурман исчез из кабины. Коннер, у которого не было катапультируемого кресла, дополз до отверстия в корпусе и попытался разглядеть землю в царившей под ним тьме. В конце концов, собравшись с духом, он прыгнул и через несколько секунд дернул вытяжное кольцо на парашюте. Посмотрев вверх, он увидел, как их объятый пламенем самолет устремился к земле. Когда Коннер приземлился, его окружила толпа тайских крестьян, которые предложили ему воду. Двадцать минут спустя прилетел вертолет морской пехоты, который уже подобрал шестерых членов экипажа.

В первую ночь операции «Лайнбэкер-2» Ричард Джонс насчитал, что по его тройке было выпущено 56 ракет; Джон Филмор Грэм, бомбивший аэродром Фукиен под Ханоем, насчитал около 30²⁸. Майор Дон Олдридж, летавший как помощник штурмана наведения, описал свои впечатления от ночного обстрела: «Сначала мы увидели зенитки... огонь был сосредоточен в основном на высоте 6–7,5 км, но был довольно плотным. С западной стороны появились МиГи, но ими занялись наши F-4. Потом начали работать ЗРК... стрелок сообщил, что видит несколько 122-мм неуправляемых ракет... Наша ячейка шла тесно, как один самолет. Плотность ракет возросла, но все они взрывались в стороне... Прошло 120 секунд — две ракеты взорвались метрах в 800 от нас по горизонтали по направлению на час. Еще две взорвались над самолетом — я видел их выхлоп... Потом мы зашли на бомбометание — прямо и ровно... Всего по нашей “Зеленой ячейке” была выпущена 31 ракета»²⁹.

Когда «Бафф» капитана Джона Алварда получил серьезные повреждения от взорвавшейся рядом ракеты, он направил свою машину с двумя заглухими и двумя нутужно ревушими двигателями на юг через ДМЗ на авиабазу в Дананге, которая находилась ближе всего, но имела слишком короткую взлетно-посадочную полосу для большого искалеченного бомбардировщика. Когда они подлетели к базе, накрытой плотной облачностью, им сообщили, что та находится под минометным и ракетным обстрелом. Алвард, неопытный пилот, обсудил с экипажем, не стоит ли им катапультироваться над морем; в итоге было решено попытаться посадить самолет. Но, когда они коснулись колесами полосы и второй пилот дернул за рычаг, чтобы выбросить хвостовой тормозной парашют, ничего не произошло: кабель был поврежден. Мчась на полной скорости по взлетно-посадочной

полосе, они направлялись прямым курсом на минное поле. Алвард вцепился в дроссели и снова поднял тяжелую машину в воздух. Они сделали второй заход на посадку, который, к счастью, оказался успешным.

Пилоты заметили четкие закономерности в уровне профессионализма и манере действий подразделений ПВО противника. Один северовьетнамский ракетный батальон из-за своей крайне низкой меткости получил насмешливое прозвище Отряд Ф по названию комедийного телесериала. В отличие от этого, к юго-западу от Ханоя находилась позиция — убийца СВ-549, которую американская авиация неоднократно и безуспешно пыталась уничтожить. Северовьетнамские МиГи часто сопровождали звенья В-52 параллельным курсом на безопасном расстоянии — в конце концов американцы поняли, что те выполняли функцию «регулирующих для ЗРК»: передавали на землю координаты по высоте, так что ракетные расчеты могли вести огонь без радиолокационного захвата цели. Многие пилоты боялись зениток куда больше ракет: их снаряды нельзя было увидеть в воздухе, пока те не взрывались, а 100-мм зенитные орудия были способны поражать воздушные цели на высоте 10 км и больше.

Вечером 18 декабря 21-летний лейтенант Валерий Мирошниченко, советник в северовьетнамской части ПВО, и его товарищи «смотрели в передвижном кинотеатре фильм “Освобождение” о Второй мировой войне. На экране шел танковый бой, бухали выстрелы, и мгновение спустя мы услышали взрывы вокруг нас. Сначала мы подумали, что это гром. Но потом посмотрели вверх и увидели несколько В-52 — вскоре один самолет пошел вниз, превратившись в пылающий факел»[30](#). Военная история Ханоя называет рождественские бомбардировки в декабре 1972 г. «воздушным Дьенбьенфу», утверждая, что северовьетнамские ПВО нанесли американской авиации сокрушительное поражение. Между тем еще в начале 1972 г. зенитно-ракетные батареи демонстрировали удручающе низкую эффективность, что привело к падению боевого духа среди ракетных расчетов. Как писал один офицер, «люди стали поговаривать, что мы бессильны» против американских средств РЭП[31](#).

Осенью 1972 г. лейтенант Нгуен Киен Динь выпустил две ракеты по американскому самолету на дальности около 10 км, «когда раздался крик: “Внимание, Shrike!”». Но командир батальона не разрешил им снизить мощность РЛС сопровождения цели, чтобы уменьшить ее излучение и, следовательно, уязвимость. Киен позже писал: «Две-три секунды спустя меня мощным взрывом впечатало в экран. Когда я сумел повернуть голову, я увидел, что у нашего фургона оторвало дверь, а в воздухе стоит дым и пыль. Почти все, кто находился в фургоне, были ранены, а все оборудование — разбито»[32](#). Киен

добрался до грузовика с генератором и увидел, что оператор неподвижно лежит на приборной панели: «Я окликнул его, но он не ответил. Тогда я повернул его обмякшее тело и увидел на груди пятно крови. Небольшой металлический осколок Shrike попал ему прямо в сердце». Впервые за шесть лет службы Киен увидел мертвого человека и был потрясен этим. Он также испытывал угрызения совести, поскольку считал, что это случилось по вине его команды.

Подлинной целью рождественских бомбардировок были не столько конкретные объекты, сколько моральный дух северовьетнамцев: первые удары были намерено нанесены поздно вечером и ночью, чтобы произвести максимальный психологический эффект. В полночь 18 декабря изнуренный Киен рухнул на свой матрас «в надежде поспать хотя бы несколько минут, чтобы восстановить силы» после двух волн воздушных атак В-52³³. Но, едва он закрыл глаза, снова раздался сигнал тревоги — на этот раз это были тактические бомбардировщики F-111. Когда они улетели, Киен снова прилег, но в 04:00 ночи налетела третья волна В-52: их экраны радаров снова заполнились пятнами сплошной засветки, вызванными постановкой помех. К рассвету налеты прекратились; обессиленные ракетные расчеты уныло съели свой завтрак: из шести волн атак их полк не сумел сбить ни одного самолета, тогда как другие батареи утверждали, что сбили три В-52. Ночью 21 декабря «нас поднимали по тревоге четыре или пять раз. Все были измотаны недосыпанием и постоянным нервным напряжением. Как только раздавались удары гонга, все сбрасывали с себя одеяла, натягивали ботинки и бежали на свои боевые посты, дрожа от промозглого холода»; несколько дней спустя F-4 кассетными бомбами стерли их батарею с лица земли³⁴.

В «Ханой Хилтон» американские военнопленные с ликованием приветствовали грохот рвущихся бомб. Некоторые прыгали от восторга по камере и аплодировали, так что один из охранников в недоумении сказал полковнику Робинсону Риснеру: «Но ведь эти самолеты хотят вас убить». На что тот презрительно ответил: «Нет, они хотят убить тебя!»

Что касается гражданских лиц, то Нгуен Тхань Бинь, жившая в нескольких десятках километров к востоку от Ханоя, вместе с другими жителями их городка выходила по ночам смотреть на далекий горизонт, который напоминал «извергающийся вулкан»³⁵. Когда над ними пролетала волна за волной тяжелых «Баффов», по словам молодой женщины, «бомбардировщики покрывали все небо, скрывая за собой луну»³⁶. Безусловно, это было преувеличением, поскольку самолеты летели слишком высоко, чтобы их можно было увидеть с земли в

ночном небе. Тем не менее такое восприятие хорошо отражало тот страх и смятение, которые охватили миллионы людей Ле Зуана.

В нескольких километрах над ними штурманы РЛС-наведения в своих отсеках без иллюминаторов не видели ни городов и деревень, ни позиций ЗРК, ни «Ханоя Хилтон». Они обитали в фантастической вселенной, где война шла на мигающих экранах радаров. По словам штурмана Фила Блауфусса, огонь ПВО противника был тем «злом, которое приходилось попросту игнорировать... Когда ты сидишь в брюхе самолета и не видишь того ада, что бушует снаружи, не имеешь под рукой никакого оружия, чтобы дать отпор, ни оборудования РЭП, чтобы скрыть самолет от радаров, ни штурвала и дросселей, чтобы совершить маневр уклонения, какой у тебя есть выбор?»³⁷ В отличие от штурманов, операторы РЭП могли с содроганием наблюдать на своих экранах, как к их самолету приближается крошечная светящаяся точка ЗУР, несущая неминуемое возмездие. Майор Аллен Джонсон успел воскликнуть в радиоэфире: «Они нас сделали!»³⁸, прежде чем мощный взрыв смертельно искалечил их самолет.

Все молодые пилоты и члены экипажей, участвовавшие в боевых вылетах над территорией противника, отличались превосходной подготовкой и дисциплиной и подбадривали друг друга демонстрацией своей бравады. Штурман РЛС-наведения Дик Пэрриш вспоминал один ночной вылет: пилот предупредил их по переговорному устройству, что все небо испещрено следами ракет. Потом он увидел огненный шар, вероятно от взрыва В-52. Вскоре стрелок заметил на своем экране радара две приближавшиеся ракеты, и самолет совершил резкий маневр уклонения. На обратном пути на базу «Утапао», когда они уже подлетали к воздушному пространству Лаоса и чувствовали себя почти в безопасности, пилоты увидели на земле мощный взрыв — почти наверняка это был упавший американский самолет. Позже Пэрриш сказал: «После этих переживаний все сидели словно пришибленные. Когда мы взяли курс на юг, я попытался разрядить ледяное молчание какой-то глупой шуткой, но Дик Энклер, наш офицер РЭП, накинулся на меня и сказал, что сейчас не время веселиться... Я подумал: “Какого черта? Мы сделали нашу работу и унесли ноги целыми и невредимыми. Разве это не повод для радости?”»³⁹

Джон Аллен и его экипаж хором орали по интеркому бодрую песню «Слушай музыку» группы Doobie Brothers, когда с явным облегчением ложились курсом на восток над Тихим океаном, направляясь на Гуам. Однако экипажу не следовало расслабляться, пока шасси самолета не касались взлетно-посадочной полосы. Однажды на подлете к базе «Утапао» пилот отправил штурмана Кена Симпсона проверить, почему на приборной панели горит сигнальная лампочка, указывающая на то,

что в бомбовом отсеке осталась одна бомба⁴⁰. Убедившись, что бомбовый отсек пуст, Симпсон переполз в нишу шасси, подключил кабель переговорного устройства и сообщил пилоту, что все в порядке. Недолго думая, пилот выпустил шасси — и Симпсон в ужасе повис над водной гладью Сиамского залива, сверкавшей под утренним солнцем в нескольких километрах внизу. Держась из последних сил, он завопил пилоту, чтобы тот убрал шасси. В конце концов люк закрылся, и потрясенный штурман вернулся на свое место.

Вернувшись на базы после первой бомбардировки, почти все экипажи утверждали, что поразили свои цели: первый день кампании обошелся ВВС США в три сбитых В-52; еще два получили серьезные повреждения. Многие пилоты были недовольны, узнав, что следующей ночью им предстоит лететь снова, — более того, им опять придется следовать к своим целям не разными маршрутами, на чем они настаивали, а одним общим маршрутом, который был выбран в штаб-квартире САК в Омахе. Генерал-майор Пит Сианис, заместитель начальника штаба по боевым операциям, выслушал предложение своих офицеров отказаться от «парадных» колонн и заходить на Ханой и Хайфон с разных направлений и решительно ответил: «Нет, мы так делать не будем». Он убрал с карты разноцветные ленты и приказал: «Один маршрут туда, один маршрут обратно!» В ночь на 19 декабря его тактика, казалось, себя оправдала: из 93 участвовавших в налете В-52 всего два получили повреждения и ни один не был сбит.

К 20 декабря северовьетнамские зенитно-ракетные батареи получили приказ работать исключительно по В-52 и сократить залпы с трех до двух ракет: запасы ракет заканчивались, а американские бомбардировки блокировали поставки. Но к третьему дню бомбардировок ракетные расчеты обнаружили, что строгое планирование САК значительно упрощает их задачу. Ночью 20 декабря северовьетнамские ракетчики сбили шесть из 99 участвовавших в налете В-52. По словам одного северовьетнамского офицера, «ВВС США полностью раскрыли нам свою схему действий, включая... маршруты полета с запада и северо-востока... секторы подхода к целям, время и боевой порядок... которые не менялись»⁴¹. Джон Филмор Грэм выразил мнение разгневанных пилотов: «Мы были словно утята в тире»⁴². 26 декабря САК запоздало согласилось изменить тактику: в тот день 120 бомбардировщиков приблизились к Ханой и Хайфону с десяти направлений и отбомбились в течение 15 минут, потеряв всего два самолета.

На борту одного из них находился подполковник Билл Конли, оператор РЭБ, который той ночью оказался в плену: за несколько секунд до подхода к точке бомбометания вокруг их самолета взорвалось

десять ракет, две из них поймали их в тесную вилку⁴³. Пятеро членов экипажа были ранены, левое крыло загорелось, давление в салоне начало стремительно падать, электричество отключилось. Когда заработала аварийная сигнализация, экипаж катапультировался. Пока Конли опускался на парашюте, мимо него с ревом промчались две ракеты. Потом он услышал треск винтовочных выстрелов, направленных в его сторону. В конце концов он рухнул на землю, получив множество кровоточащих ссадин. Его обступила толпа местных жителей, которые раздели его до нижнего белья и повели к дороге. По пути они избивали его мотыгами и палками, сломав несколько ребер и повредив правое колено. Потом его связали и уложили лицом вниз в кузов грузовика и через час привезли в Ханой, где с размаху вышвырнули на асфальт, вывихнув плечо. Двое солдат затащили его во двор тюремного здания — как он потом узнал, это был тот самый «Ханой Хилтон», — и посадили в одиночную камеру.

В перерывах между боевыми вылетами члены летных экипажей давали выход своему разочарованию, усталости и стрессу привычными способами. На второй день «Лайнбэкера», по словам Роберта Кларка, от людей в офицерском клубе на «Андерсене» «буквально веяло пережитым смертельным ужасом. Парни буйствовали, словно старались убедиться в том, что они все еще живы»⁴⁴. Алкоголь лился рекой, время от времени завязывались драки. Кто-то скинул в бассейн рождественскую елку и вылил туда флакон спасательной краски; на поле для гольфа запускали осветительные ракеты; на танцполе взорвался надутый спасательный плот. Джон Бишер вспоминал: «Когда ты сидишь в камере смертников, ты волен творить что угодно... Ощущение было такое, что они [командование] ничего вам не сделают. В конце концов, не отправят же вас домой»⁴⁵. Марк Клодфелтер считал, что ключевым фактором такого упадка морального состояния была «неспособность политического и военного руководства США четко сформулировать, что именно будет считаться успехом кампании... Экипажи попросту летали и бомбили, летали и бомбили, не видя этому никакого конца».

Печальные новости не всегда сообщались с должной деликатностью. Кэти Тернер плавала в бассейне офицерского клуба на «Андерсене», когда ей сообщили, что самолет ее мужа был сбит⁴⁶. Некоторые жены членов летных экипажей, объявленных «пропавшими без вести», как и «круизные вдовы»^[64] на калифорнийских авиабазах ВМС США, много лет жили в мучительной неизвестности: командование поддерживало в них ложную надежду, отказываясь признать их мужей погибшими. ВВС и ВМС США с горечью критиковали администрацию Никсона за то, что она не предьявит

Ханою жесткого требования предоставлять информацию об экипажах сбитых самолетов, хотя, скорее всего, вьетнамцы сами не имели никаких сведений о личностях многих обугленных или даже полностью испепеленных трупов.

По мере продолжения рождественских бомбардировок командованию пришлось практически лишить экипажи времени на отдых. После первых двух дней операции больше десяти человек подали рапорт о болезни, чтобы избежать очередного вылета. Под конец кампании эта цифра достигла 40 человек — почти одной десятой летного состава, задействованного в каждой миссии. Два друга Пола Маннингхофа «объявили забастовку, и я слышал о еще нескольких случаях»⁴⁷. Пилот Тед Ханчетт также «был свидетелем случаев отказа... Мы продолжали рисковать нашими жизнями, в то время как этой войне можно было бы быстро положить конец, если бы наши лидеры этого захотели». Командиры эскадрилий обращались с отказниками мягко, не применяя к ним суровых дисциплинарных мер. Напряженность и усталость росли с каждым днем. Некоторые пилоты В-52 пренебрегали инструкцией приближаться к целям в режиме прямолинейного горизонтального полета, вместо этого совершая резкие маневры уклонения. В общей сложности за 11 ночей «Лайнбэкера-2» северовьетнамцы выпустили около 1000 ракет, иногда создавая в небе настоящее огневое заграждение, которое оказывалось особенно эффективным.

29 декабря Вашингтон распорядился остановить операцию «Лайнбэкер-2»: к тому моменту ВВС потеряли 15 В-52, и никто не знал, не поступит ли приказ о возобновлении бомбардировок. 3 января 1973 г. глава САК генерал Джон Мейер, доблестный летчик, участник Второй мировой войны, прибыл на базу «Андерсен», чтобы поднять боевой дух своих людей. Этот визит превратился в катастрофу⁴⁸. Некоторое время назад Мейер уже посещал Гуам в сопровождении своей семьи, чем вызвал раздражение у военнослужащих, страдавших от разлуки со своими родными. На этот раз пилоты зароптали, когда Мейер прикрепил Крест Военно-воздушных сил на грудь полковника Маккарти, командира крыла, который участвовал всего в двух боевых вылетах в ходе «Лайнбэкера-2», и то в качестве пассажира. Затем, во время беседы Мейера с личным составом базы, один пилот пожаловался, что отсутствие времени на отдых между вылетами негативно сказывается на семейных отношениях, на что генерал пренебрежительно ответил: «Некоторым бракам не суждено длиться долго». После этого Мейер предупредил экипажи о необходимости строго соблюдать летный строй в звеньях при заходе на бомбометание и пригрозил военным трибуналом тем, кто будет отклоняться на маневры.

Это спровоцировало поистине шокирующую, беспрецедентную сцену: некоторые члены летных экипажей с отвращением встали и ушли, другие начали свистеть и улюлюкать; на импровизированную сцену полетели банки с кока-колой, летные блокноты и даже стулья — некоторые из этих предметов попали в Мейера. Старшие офицеры окружили генерала и вывели его со сцены. Когда он ехал к своему самолету, разгневанные пилоты закидывали его автомобиль булыжниками. Это был один из самых экстраординарных эпизодов в истории Стратегического воздушного командования, да и вообще в истории авиации.

Некоторые военнослужащие на «Андерсене» были смущены таким поведением своих товарищей, но многие считали, что Мейер сам навлек на себя подобное унижение. По словам Джеймса Рэша, «большинство этих парней много часов провели в воздухе под вражеским огнем... И у многих из нас были близкие друзья, с которыми мы еще несколько дней назад жили бок о бок, болтали, шутили, а теперь они были мертвы».

Что же до реакции мира на рождественские бомбардировки, то и в самих Соединенных Штатах, и на международной арене она была резко негативной. Ханой, как всегда, с профессиональным хладнокровием одержал победу на пропагандистском фронте, демонстрируя всему миру кадры с убитыми и плачущими детьми и разбомбленной больницей. Целями американских бомбардировок были в основном железнодорожные узлы и электростанции — выработка электроэнергии в стране сократилась с 115 000 кВт до 29 000 кВт, была уничтожена четверть всех запасов горючего. Однако мэр Ханоя заявил, что в результате налетов погибли 1318 мирных жителей, и еще 305 человек были убиты в Хайфоне. Газета The Washington Post осудила бомбардировки как «самый дикий и бессмысленный военный акт... одной суверенной нации против другой»⁴⁹. Том Уикер озаглавил свою статью в The New York Times «Позор на земле».

Лондонская Times написала, что санкционированные президентом США бомбардировки «не похожи на поступок человека, который отчаянно хочет мира»⁵⁰; Daily Mirror вышла с заголовком: «Рождественский потоп смерти от Никсона». Гамбургская Die Zeit писала: «Даже союзники должны назвать это преступлением против человечества». Сенатор Эдвард Кеннеди сказал, что эта кампания «должна потрясти сознание всех американцев». Недавно пришедшее к власти в Канберре лейбористское правительство Гофа Уитлэма отмежевалось от США и резко раскритиковало операцию «Лайнбэкер-2». Министр Том Урен осудил «менталитет убийц» Никсона и Киссинджера. Другой министр назвал кампанию бомбардировок «самым чудовищным актом в истории человечества, поступком маньяков».

Такая несдержанность в выражениях была следствием политических страстей последнего десятилетия и отражала неприязнь либеральных кругов к Никсону, возраставшую под влиянием все новых разоблачений Уотергейтского скандала. Многие консервативные американцы сохраняли веру как в президента, так и в его политику: они приняли его аргумент, что бомбардировки необходимы, чтобы оказать давление на коммунистов и заставить их освободить военнопленных. Но в сознании международного сообщества кампания «Лайнбэкер-2» только лишь усилила восприятие северовьетнамцев как несчастных жертв необузданного насилия со стороны США. Безусловно, риторика, осуждавшая бомбардировки, страдала чрезмерной гиперболизацией, однако спустя почти полвека однозначно можно сказать, что операция «Лайнбэкер-2» была абсолютно бессмысленной как в военном, так и в политическом отношении, служа разве что внутривнутриполитическим интересам самого президента США.

Ханойские газеты утверждали, что с момента начала воздушной войны их силы ПВО сбили 3500 самолетов и вертолетов; по данным самих США, за период с 1964 по 1972 г. они потеряли над Северным Вьетнамом 944 самолета и 10 вертолетов. Много лет спустя командующий 7-й воздушной армией, генерал Уильям Момайер писал своему коллеге: «Не могу без досады думать о том, что мы не выиграли эту войну. У нас были ресурсы и возможности, но наше гражданское начальство связало нам руки. Наши ВВС блестяще справлялись со своими задачами, но... Если говорить о главном уроке, который мы должны извлечь из всего этого, то это подтверждение давно известной истины: не стоит лезть в драку, если ты не готов вырвать победу зубами». Мнение Момайера отражало серьезное заблуждение, присущее и другим американским военным стратегам⁵¹. Нет никаких оснований предполагать, что неограниченное применение воздушной мощи могло бы изменить исход этой войны, разве что если бы Момайеру и иже с ним разрешили применить во Вьетнаме ядерное оружие — план, который некоторое время лежал на столе у американского руководства.

Рождественские бомбардировки ни на йоту не изменили дипломатический ландшафт по сравнению с октябрём. Было очевидно, что сделка будет заключена, как только Вашингтон сумеет убедить сайгонский режим смириться с неизбежным. Ханой добился за столом переговоров практически всего, чего хотел, и рассчитывал получить остальное без участия американцев.

Глава 26

Поцелуй перед смертью

Военнопленные

Пожалуй, мало кто был заинтересован в скорейшем завершении парижских переговоров больше, чем 600 американских военнопленных, находившихся в руках у коммунистов. Большинство из них были членами летных экипажей и содержались в тюрьмах в Ханое и его округе. Но примерно 20–30 человек, взятых в плен на Юге, — их число варьировалось в 1965–1973 гг. — были разбросаны по лагерям в районе камбоджийской границы. Среди них был и сотрудник дипломатической службы Даг Рэмзи, который находился в плену у Вьетконга с января 1966 г. Первые месяцы он провел в бамбуковой клетке размерами чуть больше его отощавшего тела, в которой кишели муравьи, скорпионы, термиты и москиты. За семь лет он дважды получал письма из дома. Ему разрешали бриться только раз в месяц, что в результате превращалось в мучительную процедуру, и как-то он провел целых семь недель без мытья. Однажды он обнаружил на своей лежанке двухметрового черно-желтого ленточного крайта и некоторое время делил с ним свою клетку. В конце концов смертельно ядовитая змея попала на глаза охранникам, и те ее убили.

Вначале Рэмзи пытался убедить вьетконговцев, что он — всего лишь малозначительное гражданское лицо. В ответ на что они небезосновательно спросили: почему тогда ты был вооружен карабином AR-15? А как насчет гранат в кабине грузовика? Что касается его малозначительности, то коммунистам было известно о том, что The Washington Post назвала его «самым важным пленным на сегодняшний день», чей гражданский ранг соответствовал рангу подполковника. Агентство Associated Press охарактеризовало его как «одного из самых компетентных и осведомленных гражданских сотрудников миссии США». Рэмзи был высокообразованным человеком, чей взгляд на войну был сформирован под влиянием идей Фукидида и Сунь-Цзы. Его отец, правительственный чиновник в отставке, в свое время был одним из проводников «Нового курса» Рузвельта, выведшим страну из Великой депрессии. Даг разделял цинизм отца в отношении политических назначенцев на государственных должностях, которые не могли сравниться с честностью и компетентностью профессиональных управленцев. По окончании Гарвардского университета, где среди его преподавателей был «Мак» Банди, Рэмзи два года прослужил в разведке ВВС США на Окинаве, в Японии. Затем он начал дипломатическую карьеру в ливанском отделе Госдепартамента и отказался от предложения перейти в ЦРУ, потому что всегда плохо относился к Джеймсу Бонду. Но вьетконговцы были убеждены, что он — высокопоставленный офицер разведки.

Рэмзи и другие пленные, находившиеся во вьетконговских лагерях, были избавлены от пыток, которым подвергались их собратья по несчастью в Ханое до 1969 г., но были вынуждены терпеть куда худшие тяготы и лишения. Они не знали, какая участь их ожидает: вьетконговцы нередко казнили американских пленных. Рэмзи узнал, что незадолго до того, как он попал в плен, партизаны расстреляли двух американцев — сержанта Кена Рорабака и капитана Гумберта Версаче: их привели к столу, якобы накрытому для «пира», и пустили пули в затылок. Рэмзи попросил своих тюремщиков, чтобы, когда его решат убить, ему дали 15 минут — написать письмо родителям. Первые два года в плену он пребывал в постоянном страхе, страдая бессонницей и ночными кошмарами, представляя картины собственной казни: «Не знаю, как моя психика это выдержала».

Он был вынужден просить разрешения у охранников, чтобы сесть, лечь, почистить зубы; те сопровождали свои приказы свистом. Если пленный отказывался от любой коммуникации, вьетконговцы его попросту расстреливали. Благодаря своему знанию вьетнамского языка Рэмзи заводил с допрашивавшими его коммунистами пространные беседы, честно говоря им, что, по его мнению, лучшим строем для их страны был бы сельский социализм. В конце концов они заставили Рэмзи написать пропагандистское заявление на этот счет и затем жарко спорили о том, достаточно ли смиренными были использованные им формулировки. Коммунистов интересовал вопрос, какими силами США могут вторгнуться на Север. В конце концов Рэмзи предположил, что США могут отправить 400 000–700 000 человек, в ответ на что офицер ВК одобрительно кивнул: «Теперь ты стоишь на пути к жизни». Голод был хроническим. Некоторые пленные умирали от летальной брезгливости, отказываясь есть предлагаемую им еду, — эта проблема, как и состояние «сдавшегося человека», были известны еще американским пленным в Северной Корее. Майор морской пехоты Дон Кук, наоборот, заставлял себя есть собственные рвотные массы, чтобы не умереть от истощения.

Рэмзи страдал от множества болезней: анкилостомы, тифозного состояния, цинги, гепатита, бери-бери. Малярия атаковала всех без разбора — одной из ее многочисленных жертв стал заместитель коменданта лагеря; сам Рэмзи перенес 123 приступа. Разумеется, не обходилось без дизентерии и ее амебной разновидности. Малейшая рана мгновенно инфицировалась. Позже Рэмзи так описал свое состояние и состояние других пленных: «Каждый из нас превратился в усохшую, жалкую пародию на прежнего себя... иногда человек становился настолько слабым, что его приходилось носить в уборную на руках, и зачастую он обдывался по пути. Пока пленные не

привыкали к такой лагерной жизни, это было унижительным опытом для взрослых людей, особенно для воинственных мачо из числа офицеров спецназа и морпехов. Но еще хуже было по несколько часов или даже дней проводить в собственном дерьме и блевотине, потому что тебя заковали в кандалы и/или ты сидел в одиночной клетке». Один пленный позже вспоминал, что как-то за день испражнился 84 раза.

Рэмзи описал один из приступов малярии, сопровождающийся судорогами, интенсивной дрожью и недержанием кишечника: «Под проливным дождем я, хватаясь за деревья и столбы, сумел доковылять до конца моей цепи, выкопать небольшую ямку, опорожниться в нее жидким поносом и вернуться назад, не потеряв сознания». Но после этого ему не хватило сил забраться в гамак, и он свалился в жидкую грязь, где просидел минут десять, «слишком обессиленный даже для того, чтобы выругаться». Четыре дня он провалялся в жару и ничего не ел; острая фаза приступа продлилась две недели. Рядовой Чарли Крафт из штата Мэн позже так описал свои ощущения: «Казалось, будто кто-то засунул тебе в задницу шланг от пылесоса и высасывает все твои внутренности». Как-то во время очередного приступа малярии у Рэмзи начались судороги, и его товарищи решили, что ему конец.

Они носили такие же черные «пижамы», как и охранники, и проводили много времени в кандалах, прикованные к деревьям: «Тяжелая цепь в кровь истирала ноги, а большой замок больно стучал по лодыжке». Физический труд тяжело давался этим ослабленным людям: когда Рэмзи заставляли рубить деревья, он едва справлялся с сильным головокружением. Зимой 1969 г. пленных заставили построить для себя новый лагерь, что заняло у них пять недель. Временами между ними разгорались конфликты: каждый считал, что он работает больше других. Поскольку они не могли выместить свою злость на вьетконговцах, они оскорбляли друг друга сморканием и пуканием. Однако Рэмзи философски относился к своим соотечественникам, которые не отличались порядочным поведением, включая двух гражданских подрядчиков. «Большинство пленных, которым довелось многое претерпеть, перестают осуждать других, даже если те не выдержали тягот и сломались как личности».

В какой-то момент ЦУЮВ распорядилось освободить рядового Чарли Крафта. Комендант лагеря возразил, предложив отпустить вместо него Дона Кука, который находился в плену уже два года. К огромной чести Кука, он настоял на том, чтобы этим счастливым стал Крафт, поскольку было ясно, что солдат долго не протянет. Примерно через два года лагерь военнопленных посетил один из членов руководства ЦУЮВ, который сказал Рэмзи, что его решено оставить в живых при условии, что он не будет пытаться бежать. Когда Кук сказал этому

высокопоставленному коммунисту, что он — верующий католик, вьетнамец, к его несказанному удивлению, ответил на латыни: «*Rax hominibus bonae voluntatis*» — «Мир людям доброй воли». Рэмзи и Кук сдружились и устраивали многочасовые дебаты по вопросам католической веры.

На протяжении семи лет плена Рэмзи имел временный доступ всего к пяти книгам: «Приключения Тома Сойера», «Трое в лодке, не считая собаки», «Жизнь Дэвида Копперфилда» и двум работам австралийского коммуниста Уилфреда Бэрчетта. Библия, по понятным причинам, была запрещена, что доставляло дополнительные страдания верующим пленным. Однажды Рэмзи и Кук слышали по радио Би-би-си отрывок концерта Баха: «Мы оба плакали, как дети». На пятый год плена Рэмзи разжился колодой карт, которыми он раскладывал пасьянс «Солитер». Что касается мечтаний, то «иногда я представлял, как я в сшитом на заказ костюме от Brooks Brothers за \$600 и паре элегантных туфель от Florsheim Imperials стою перед самым роскошным отелем на Лас-Вегас-Стрип у капота своего “Мерседеса 600” и небрежно обнимаю красотку с восхитительными формами... потом я вставляю эту цветную фотографию 15×20 в рамку с подписью “Жаль, что тебя здесь нет” и посылаю одному из наших охранников, который, как я сильно подозревал, питал тайное пристрастие к подобным вещам... Но такие мечты о мести меркли по сравнению с мечтами о вангоговских полях с вангоговским солнцем над ними, о горячей ванне, кока-коле, умных беседах и классической музыке на 90 децибел».

Рэмзи много размышлял на философские темы и о квантовой механике: «Поскольку крохотный мирок, в котором я был вынужден существовать, был абсолютно вне моего контроля, мне казалось разумнее всего занимать свою голову мыслями о Вселенной. Это была своего рода умственная мастурбация». За семь долгих лет плена изредка находился повод для смеха: однажды курица упала в уборную, вылетела оттуда и отряхнула свои перья на политработника, которого никто не любил. В другой раз один из пленных серьезно заболел и не пришел на обед, на который было подано мясо обезьяны. Один американец взял с тарелки лапу примата и с наигранным вниманием осмотрел ее: он сказал, что хочет удостовериться в том, что не ест своего товарища. Время от времени кто-то из пленных умирал от болезни, что становилось тяжелым ударом для остальных. Дон Кук, которого Рэмзи назвал «образцом человеческой стойкости... человеком, который подбадривал меня своим примером и помогал держаться», умер от малярии в 1967 г. Майор Джон Шуманн несколько лет числился пропавшим без вести — впоследствии Рэмзи сообщил, что советник умер в лагере для военнопленных от почечной недостаточности.

К счастью для своего рассудка, Рэмзи лишь спустя много лет после освобождения узнал, что Вашингтон мог бы сократить срок его мытарств на полтора года, если бы захотел. В декабре 1970 г. в руки южновьетнамских властей попал высокопоставленный кадр НФОЮВ Нгуен Тай, который на протяжении шести лет руководил шпионскими и террористическими операциями в Сайгоне. В октябре 1971 г. Временное революционное правительство предложило обменять Тая на Дага Рэмзи. Но ни люди Тхиеу, ни ЦРУ не согласились на такую сделку. По их словам, Тай был слишком важной птицей; он оставался под стражей до падения Сайгона. Судьбу Рэмзи предстояло решить парижским переговорам.

«Мир»

В начале 1973 г., когда авианосец класса Essexes отчалил от берегов Сан-Франциско, направляясь в свой последний рейд в Тонкинский залив, моряки и летные экипажи мрачно наблюдали за заторами автомобилей по обеим сторонам Золотых ворот. Мост был перекрыт полицией, чтобы не дать протестующим забросать военный корабль камнями и даже взрывчаткой — такого яростного бурления достигли антивоенные страсти внутри страны. Между тем США уже стояли на пороге заветной двери с надписью «Выход», доступ в которую был закрыт для несчастного народа Вьетнама. В 2013 г. Генри Киссинджер в очередной раз подчеркнул, какие изменения были внесены в разработанный в октябре 1972 г. проект Парижского мирного соглашения, как он утверждал, благодаря рождественским бомбардировкам: неограниченное право США продолжать военные поставки в Южный Вьетнам, уход коммунистов из Лаоса и Камбоджи, укрепление механизма внутреннего контроля («По правде говоря, все это чушь, — сказал Киссинджер Никсону 12 октября 1972 г. в частной беседе в Овальном кабинете, — однако хорошо звучит, чтобы успокоить самых сердобольных») и незначительные технические поправки.

Первая договоренность о военных поставках была достигнута еще в середине осени 1972 г. Остальные условия либо были абсолютно несущественными, либо было очевидно, что коммунисты никогда не будут их соблюдать. Киссинджер также настаивал на том, что именно рождественские бомбардировки заставили руководство Северного Вьетнама поспешно пойти на подписание в январе 1973 г. долгожданного мирного договора, который вошел в историю как Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Однако Ле Дык Тхо еще в октябре 1972 г. негодовал из-за

того, что американцы тянут с подписанием сделки. Как с горечью заметил Джон Негропonte из Госдепартамента: «Мы выбомбили у Ханоя согласие на некоторые уступки».

Переломным моментом в январе 1973 г. стала перемена настроений не в Ханое, а в Сайгоне. Под давлением двух влиятельных ястребов — сенаторов Барри Голдуотера и Джона Стенниса — президент Тхьеу скрепя сердце смирился с неизбежным. 23 января президент Никсон торжественно объявил американскому народу из Овального кабинета, что в ближайшие дни будет подписано соглашение об общем прекращении огня, после чего все американские военнопленные в течение 60 дней вернутся домой. Он призвал все стороны к скрупулезному соблюдению условий Парижского соглашения. «Соединенные Штаты, — заявил он, — по-прежнему признают и будут признавать правительство Республики Вьетнам как единственное законное правительство Южного Вьетнама. Мы продолжим помогать Южному Вьетнаму в рамках условий данного соглашения и будем поддерживать южновьетнамский народ в его усилиях по реализации своих планов мирным путем».

О том, что будет в случае нарушения договоренностей, Никсон высказался весьма расплывчато: «Мы будем делать все, что требует от нас данное соглашение, и будем ожидать от других сторон, что они будут делать то же самое». Большинство американцев были убеждены, что именно жесткость Никсона, и не в последнюю очередь санкционированная им кампания рождественских бомбардировок, позволила добиться мира — задача, решение которой так долго не давалось его предшественникам. Рейтинг одобрения президента вырос до беспрецедентных 68%. 27 января госсекретарь Уильям Роджерс поставил свою подпись под Парижским мирным соглашением — последние 27 000 американских солдат и советников начали возвращаться домой. К 29 марта вывод войск был полностью завершен. С того момента, как Никсон занял президентское кресло, якобы готовый претворить в жизнь некий секретный мирный план, во Вьетнаме погибла 21 000 американцев. Сайгонское правительство начало репатриацию заключенных коммунистов. Когда их везли на грузовиках на север через демилитаризованную зону, они срывали с себя одежду, выданную им южновьетнамскими властями, и бросали на землю, повторяя символический жест северокорейских военнопленных после заключения перемирия в 1953 г. В Ханое в честь подписания договора был устроен грандиозный салют.

14 марта Киссинджер поделился с хозяином своими опасениями, что Северный Вьетнам может начать крупномасштабное наступление, чтобы завершить объединение страны, уже этой осенью, поставив

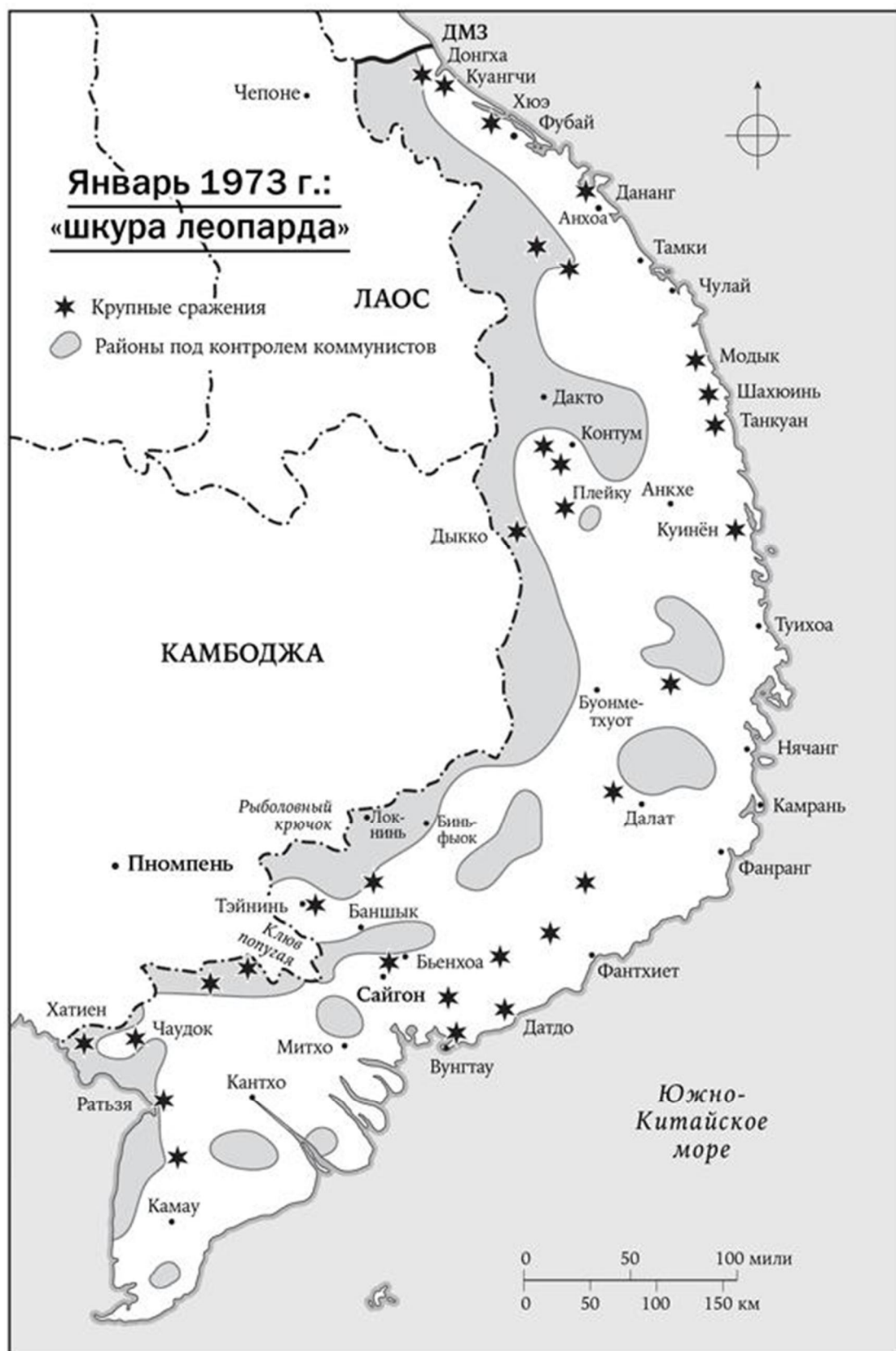
администрацию США перед кошмарной дилеммой: как на это отреагировать. Позже в тот же день Никсон сказал Холдману: «Генри абсолютно прав. Мы должны сделать все возможное, чтобы [Парижское] соглашение продержалось какое-то время... а через пару лет всем будет наплевать, что происходит в этом Вьетнаме». После чего президент всецело переключил свое внимание на предстоящие промежуточные выборы, не подозревая о том, что разгорающийся Уотергейтский скандал вынудит его оставить президентское кресло до того, как они состоятся.

В соответствии с условиями Парижского соглашения Южный Вьетнам освободил 26 508 пленных, в то время как Северный Вьетнам вернул 4608 военнослужащих ВСРВ, 588 американцев и 9 граждан других стран. Возвращение домой американских пленных — почти все они вылетали из Ханоя — вызвало бурную эмоциональную реакцию по всей стране, которая стала еще более драматичной, когда пленные рассказали о перенесенных ими страданиях. Сами вернувшиеся увидели, что за время их отсутствия очень многое изменилось. Летчик-истребитель полковник Фред Черри, проведенный в плену почти восемь лет, обнаружил, что его жена родила ребенка от другого мужчины, растратила все семейные сбережения, а двое его сыновей бросили школу. Глубоко религиозный капитан Норм Макдэниел испытал культурный шок: он был потрясен эротическими сценами в фильмах, открытой демонстрацией гомосексуализма, мужской модой на цветастые брюки и широкие ремни и заоблачными ценами в магазинах. «Я все еще жил в 1966 г. Мы ничего не знали о беспорядках и политических убийствах. Кроме того, у меня начались проблемы с памятью и вниманием. В конце концов я приучил себя выбирать что-то одно и сосредоточиваться на этом».

По мнению Макдэниела, ему в значительной степени помогло то, что он остался в знакомой среде, продолжив службу в ВВС США. Ему хватило душевной щедрости пожалеть державших его в плену коммунистов: «Я-то вернулся к лучшей жизни. А у них ничего не изменилось». Хотя Макдэниелу было всего 35 лет, из-за хронического авитаминоза состояние его костей было как у 60-летнего старика. Он сказал: «Америка относилась к нам, бывшим военнопленным, гораздо лучше, чем к обычным ветеранам войны. Многих рядовых [после Вьетнама] следовало бы отправить домой, но их не отпускали». Некоторые бывшие пленные, такие как сенатор Джон Маккейн, сумели полностью восстановиться физически и психически и сделать успешную карьеру вне вооруженных сил. Но другие так никогда и не смогли преодолеть пережитый ими травмирующий опыт.

Перед освобождением комендант лагеря, где находился Даг Рэмзи, собрал пленных и прочитал им напутственную речь. Он сказал, что, вернувшись домой, они будут испытывать обиду и даже озлобленность на вьетнамцев, в какой-то мере вполне оправданную. Он признал, что, хотя лишения, пережитые ими в плену, во многом были неизбежны в условиях войны, отчасти в них были повинны и сами вьетконговцы. Тем не менее он выразил надежду на то, что как зрелые люди они признают, что им посчастливилось остаться в живых, тогда как Вьетконгу было бы гораздо удобнее их расстрелять. Он также надеялся, что бывшие пленные убедят своих соотечественников оставить Вьетнам в покое. Испытав на себе, что такое жить в голоде и лишениях, продолжил он, они смогут лучше понять, за что борются те, кто вынужден существовать в таких условиях без надежды на лучшую жизнь. В ответ на его слова большинство американцев цинично фыркнули, что никто из них по возвращении домой не собирается стать «борцом за свободу вьетнамского народа». Однако Рэмзи позже пришел к выводу, что в словах коммуниста была немалая доля истины «и даже глубокой мудрости».

12 февраля 1973 г. 27 пленных американцев доставили в Локнинь, где им вернули личные вещи. Когда офицер ВК протянул Джиму Роллинсу дешевые часы Seiko, сказав, что это замена его золотых Rolex, утерянных «по причине чрезвычайных обстоятельств военного времени», американец взорвался: «Чушь собачья! Пару недель назад я видел свои «Ролексы» на руке у твоего кузена!» Полковник ВНА, участвовавший в передаче пленным группе американцев, среди которых был и старый товарищ Рэмзи Фрэнк Скоттон, попросил разрешения заглянуть в кабину их большого транспортного вертолета. Он сказал, что надеется, что когда-нибудь его сын сможет поехать на учебу в США: американцы восприняли его слова как признание того, что коммунисты понимали всю ограниченность собственного общества. За несколько часов до освобождения пленные узнали о трагедии, постигшей одного из их охранников: во время рождественских бомбардировок Хайфона один его ребенок погиб, а другой лишился руки. Они были потрясены, когда этот человек на прощание пожал им руки, пожелал всего хорошего и отдал свой табачный паек. По словам Рэмзи, это был самый впечатляющий жест, который только мог совершить этот человек в поддержку своего дела: «Большинство американцев при таких же обстоятельствах схватили бы АК-47 и устроили пленным бойню в стиле Милай».

Некоторые ястребы до сих пор сохраняют убежденность в том, что, останься Никсон в Белом доме, он бы задействовал авиацию и спас сайгонский режим, когда Север начал свое последнее наступление. Но в

феврале и марте 1973 г. президент прямо заявил в разговоре с бывшим военнопленным, что считает возобновление военных действий во Вьетнаме политически невозможным. 29 июня — спустя всего два дня после того, как Никсон наложил вето на законопроект, запрещающий американские бомбардировки Камбоджи, — лидер меньшинства в палате представителей Джеральд Форд ошеломил конгресс сообщением о том, что президент готов подписать закон, запрещающий Вооруженным силам США ведение боевых действий на суше, в воздушном пространстве и в прибрежных водах четырех государств Индокитая. После того как Форд переговорил по телефону с Никсоном, находившимся в тот момент в Сан-Клементе, чтобы убедиться в том, что он правильно понял намерение главнокомандующего, законопроект был принят 278 голосами против 124 в палате представителей и 64 голосами против 26 в сенате. Хотя впоследствии Никсон возлагал всю вину за крах Южного Вьетнама на конгресс, факты свидетельствуют о том, что он добровольно лишил себя свободы действий. Его мотив был вполне понятен: если или, вернее говоря, когда Северный Вьетнам начнет свое финальное наступление на Сайгон, Никсон не хотел снова стать перед мучительной дилеммой, возобновлять или нет военное вмешательство.

Хотя у нас нет записей его разговоров в Сан-Клементе, еще 29 марта он сказал Киссинджеру в Белом доме: «Мы будем бомбить эту чертову Камбоджу, пока конгресс не лишит нас этой возможности. [Тогда] мы сможем обвинить их, что это они пустили все дело под откос». В июне он окончательно отрекся от ответственности за Индокитай, что, объективно говоря, было мудрым решением. Война во Вьетнаме породила в американском обществе раскол, невиданный со времен Гражданской войны, и с подписанием Парижских соглашений эта зияющая рана начала затягиваться. 4 августа Никсон подписал инициированный им же самим закон, запрещающий США продолжать любые военные действия в Индокитае. После этого в духе, достойном самого Пилата, он написал лидерам конгресса послание, где предупредил, что, если в результате принятия этого закона Индокитай окажется под властью коммунистов, вся ответственность за это будет лежать на Капитолийском холме.

Больше двух лет назад, 18 февраля 1971 г., Киссинджер сказал Никсону, что он считает разумным предложить Ле Дык Тхо в Париже такую сделку: «Мы готовы установить предельный срок полного вывода наших войск в следующем году в обмен на освобождение всех пленных и прекращение огня». «Тогда мы сможем сказать Сайгону, — продолжил советник, — “У вас есть год без войны, чтобы нарастить силы”». В последующие полвека Киссинджер часто утверждал, что

добился бы достойного урегулирования, которое имело все шансы на успешный исход, если бы не преждевременная отставка Никсона, вероломство коммунистов и малодушие конгресса. Однако историки Джеффри Кимбалл и Кен Хьюз, изучившие магнитофонные записи Белого дома, нашли множество доказательств того, что и Киссинджер, и Никсон всегда считали Южный Вьетнам обреченным. Уотергейт ничего не изменил. И опять-таки историческое обвинение против этих двух людей состоит не в том, что они не сумели сохранить сайгонский режим, что было почти неосуществимой задачей, но в том, что они пытались убедить американский народ, а затем и последующие поколения в своей искренней приверженности этой цели.

Через шесть месяцев после отставки Никсона Киссинджер так охарактеризовал его в разговоре с Артуром Шлезингером: «Он был гораздо лучше и гораздо хуже, чем о нем думали». Уже став госсекретарем — Киссинджер получил это почетное назначение в декабре 1973 г., — он описывал своего босса как поразительно ленивого человека, который зачастую не читал даже самые важные документы. «Его рабочие привычки, — писал бывший советник много лет спустя, — очень напоминали таковые Гитлера, как их описывал Шпеер... Все было покрыто налетом сумасшествия в этой слегка гомосексуальной, вечно напряженной атмосфере Белого дома... Нельзя было доверять ни единому сказанному им слову». Бывшая правая рука Никсона, Киссинджер настолько дистанцировал себя от своего босса, что в конце концов стало казаться, будто все эти годы он присутствовал в Белом доме как любопытный астроном, наблюдавший за деяниями президента через телескоп.

Безусловно, Киссинджер заслуживает благодарности американского народа, за то что помог ему выбраться из этого затяжного кошмара, сохранив хотя бы видимость достойного ухода. Но вьетнамскому народу не за что благодарить этого человека: его тщеславное согласие принять Нобелевскую премию мира, от которой предусмотрительно отказался Ле Дык Тхо, лишь увеличило неизгладимое пятно на его репутации. Большинство вьетнамцев, которым пришлось бежать из коммунистического Вьетнама, по сей день ненавидят Киссинджера за совершенное США предательство. Южновьетнамский историк Нгуен Ки Фонг выносит на удивление сдержанный вердикт: «Его задачей было сделать все возможное, чтобы вытащить американцев из Вьетнама. И он это сделал».

Война флагов

Когда в январе 1973 г. северовьетнамская военная делегация приземлилась в Таншонняте, на взлетно-посадочной полосе вышла заминка: прибывшие отказались выполнять процедуры паспортного контроля, поскольку это означало бы признание легитимности Республики Вьетнам. Немногочисленные американские зрители могли позлорадствовать, видя, как их бывшие враги в буквальном смысле слова обливаются потом на раскаленном бетоне, но в конце концов формальности было решено опустить. Лейтенант Нгиен Кхием, который в тот день командовал ротой охраны южновьетнамских ВВС, вспоминал: «Они [северяне] говорили и вели себя, как люди, которые знали, что они — хозяева положения». Его солдаты спросили: «Лейтенант, они что — все генералы?» Обилие золотых звезд на униформе северян всех рангов сбивало южан с толку.

Коммунистический лагерь ликовал. Один командир отделения ВНА вспоминал: «Наш боевой дух вознесся до небес. Мы были уверены, что стоим на пороге победы». Его солдаты праздновали каждый день, «потому что мы думали, что теперь все мы вернемся домой живыми». С завершением бомбардировок тропы Хо Ши Мина снабжение сил ВНА на Юге, особенно продовольствием, заметно улучшилось. Ветеран войны полковник Ан писал: «Казалось, будто кто-то вдруг нажал кнопку “Выключить” на орущем магнитофоне — весь шум внезапно прекратился и наступила тишина». Северяне наслаждались возможностью спать всю ночь, есть на открытом воздухе, смотреть на небо, не высматривая вражеские самолеты. Прибывшие с Севера театральные труппы устраивали для солдат представления, некоторые из которых, в безопасном отдалении, смотрели и южновьетнамские солдаты. Подразделение Бао Ниня начало получать предметы хозяйственно-бытового обихода и даже книги, «хотя там была только непригодная для чтения пропагандистская литература».

Были и моменты братания. Студент Ханойского университета по имени Чи разговорился со своим ровесником из Сайгона, которому также пришлось прервать учебу и пойти в армию. Они сошлись во мнении, что солдат должен выполнять свой долг независимо от того, на какой стороне он воюет, а вся вина за войны лежит на тех, кто находится у власти. По всей стране, как грибы, вырастали пропагандистские щиты наподобие того, что появился среди тростниковых зарослей на границе контролируемого Вьетконгом района: «Солдаты, откажемся от мести! Теперь мы должны дружить и восстанавливать страну!» По словам Май Эллиотт, «был недолгий всплеск оптимизма. Не то чтобы люди сомневались в том, что

коммунисты в конце концов победят, но все надеялись, что это произойдет не скоро».

Сотрудник ЦРУ в Сайгоне Мерл Приббеноу был поражен тем, что некоторые сотрудники Госдепартамента искренне считали, что у Южного Вьетнама есть шансы на выживание. Шеф вьетнамского отдела ЦРУ лично прилетел из Лэнгли в Сайгон, чтобы узнать мнение младшего персонала на местах. «Почти все из нас были уверены, что Ханой не отступится, — сказал Приббеноу, — и будет еще одно крупномасштабное наступление. Однако руководство Управления высказывало официальное мнение, что это можно предотвратить, поскольку Север серьезно ослаблен после военной кампании 1972 г., и, предложив ему экономическую помощь, США получают рычаг влияния».

Такой оптимизм имел под собой некоторые основания: в первые недели после подписания Парижского соглашения в Ханое раздавались голоса, в том числе и Зяпа, призывавшие соблюдать условия договоренностей. Постаревший генерал считал, что их обескровленная войной страна отчаянно нуждается в передышке и обещанных США деньгах. Но Ле Зуан, как всегда, отверг даже мысль о возможном соглашательстве. Этот железный человек, гордившийся своей способностью подчинять человеческие слабости делу революции, на расширенном заседании Политбюро 27 марта 1973 г. заявил, что их задача — продолжать наращивать военное давление на Юге, хотя и стараясь делать это так, чтобы обвинения в нарушении соглашения о прекращении огня ложились на другую сторону.

Таким образом, Ханой принял стратегическое решение: продолжать войну. Несмотря на сокращение советской и китайской военной помощи, Северный Вьетнам накопил достаточные запасы оружия, а прекращение ударов американской авиации положило конец массовым потерям людей и техники. В 1973 г. на Юг было отправлено 27 000 тонн оружия и боеприпасов, 40 000 тонн риса и 6000 тонн горючего — в четыре раза больше, чем в предыдущем году. Переброска свежих войск — 100 000 солдат в том же году совершили переход по тропе Хо Ши Мина — увеличили силы коммунистов южнее ДМЗ до 400 000 человек. Киссинджер призывал принять меры, чтобы остановить эти потоки, но даже и до наложения конгрессом вето Никсон, которому очередные разоблачения Уотергейта наносили удар за ударом, утратил охоту возобновлять бомбардировки Индокитая.

Не только северяне отправили Парижское соглашение в мусорную корзину. Президент Тхьеу — и его вполне можно было понять — не мог смириться с тем, что значительные территории его страны оставались в руках коммунистов. Некоторые историки утверждают, что Парижские соглашения могли бы обеспечить устойчивое мирное урегулирование,

если бы обе стороны соблюдали его положения. Однако вряд ли можно всерьез говорить о том, что страна, которая в результате условия о прекращении огня на позициях, зафиксированных на момент подписания соглашения, превратилась в лоскутное одеяло из подконтрольных правительству территорий и коммунистических анклавов, границы которых были обозначены тысячами соперничающих флагов, могла долгое время сохранять политическую и экономическую жизнеспособность. Более того, 50-летний Тхиеу столкнулся с непредвиденной проблемой. На протяжении многих лет, находясь в президентском кресле, он послушно выполнял все пожелания своих американских спонсоров, однако теперь многие из них хотели только одного: чтобы он исчез. Кларк Клиффорд, министр обороны при Линдоне Джонсоне, публично назвал южновьетнамского президента главным препятствием на пути к миру, заявив, что его уход позволит «сформировать в Сайгоне действительно нейтральное и представительное правительство, которое сможет добросовестно и конструктивно вести переговоры с другой стороной».

Это было бессмыслицей: даже если бы Тхиеу подал в отставку, коммунисты не удовлетворились бы никаким другим исходом, кроме воссоединения Вьетнама под своим господством. Слова Клиффорда отражали вполне понятное, но постыдное желание многих американцев не столько увидеть у власти в Сайгоне новое правительство, сколько избавиться от непосредственных свидетелей своего провала, чтобы эта проклятая и несущая проклятие другим азиатская страна полностью стерлась из их памяти. Тхиеу не мог похвастаться сколь-нибудь значительными достижениями за последние два года своего президентства, хотя вряд ли кто-то на его месте сумел бы добиться большего. Он продолжал вести войну не только потому, что к этому его вынуждал Ле Зуан, но и, как верно заметил Киссинджер, потому, что война стала единственным смыслом и средством существования его несостоятельного режима.

Тхиеу не предпринял никаких попыток реформировать армию и передать командование в руки компетентных офицеров вместо бездарных политических назначенцев даже перед лицом той очевидной реальности, что скоро стальная кольчуга американской военной мощи перестанет защищать его нацию. Ему хватило наивности верить, что Вашингтон сдержит свое обещание (в чем неоднократно уверял его Киссинджер): если Южный Вьетнам столкнется с новой коммунистической агрессией, Соединенные Штаты возобновят авиационную и огневую поддержку. Однако любой мало-мальски осведомленный вашингтонский политик сказал бы южновьетнамскому

президенту, что больше ни один В-52 ни при каких обстоятельствах не прилетит бомбить Индокитай.

После прекращения огня советники попрощались с южновьетнамскими подразделениями, которых они обучали военному делу и, что гораздо важнее, обеспечивали доступом к американской огневой мощи. Когда подполковник Джерри Терли сказал вьетнамскому полковнику морской пехоты, что теперь они не могут рассчитывать на поддержку американской корабельной артиллерии, тот горько заметил: «Вы отрезали нам правую руку». Зрелище того, как над многими деревнями развеваются флаги Северного Вьетнама и Вьетконга, не оставляло у Терли сомнений в том, что полковник был прав: «Южный Вьетнам “сыграет в ящик”». Советник по разведке Эдвард Брейди рассказывал: «Вьетнамцы никогда не верили, что мы можем просто так от них отказаться... [Парижское] соглашение оказалось для них как гром среди ясного неба. До этого они считали нас тупицами, но мы были с ними». Коммандер южновьетнамских ВМС Нгуен Чи выразил мнение, разделяемое многими его соотечественниками: «Коммунисты не победили. Американцам просто надоело воевать, и они бросили Южный Вьетнам им на съедение».

В 1970 г. Крейтон Абрамс в сердцах сказал о южновьетнамцах своим штабным офицерам: «Я знаю, эти люди ведут эту проклятую войну 20 лет. Они давно не видели мира. Они чертовски устали и все такое. Но, если они действительно хотят выбраться из этого дерьма, черт возьми, им придется еще воевать и жертвовать — и жертвовать многим. А если они этого не сделают... через пять-шесть лет они окажутся под коммунистами». Многие американцы, как и Абрамс, были раздражены пассивностью южан перед угрозой коммунистической тирании, которая к 1973 г. только возросла. И отныне дальнейшая судьба народа Южного Вьетнама полностью находилась в руках его «чертовски уставшей» армии.

Сайгон не получил даже «года без войны», о котором когда-то говорил Киссинджер. В середине февраля 1973 г. советник прилетел в Ханой, чтобы прозондировать почву, и обнаружил, что тот не расположен к какому бы то ни было сотрудничеству. В разгоравшейся на Юге «войне флагов» обе стороны вели все более ожесточенные локальные сражения, чтобы захватить новые или удержать существующие территории. Командование ВСРВ перемещало свои подразделения из районов, где те установили чересчур дружелюбные отношения с ВНА и ВК. Однажды утром рядовой ВНА пришел на обычное место встречи, где он обменивался фруктами с южанами, и едва не подорвался на пехотной мине, установленной новым подразделением. 29 марта КОВПВ официально завершило свою

деятельность: большинство офицеров свернули палатки или, точнее говоря, собрали вещи в своих кондиционированных апартаментах и покинули страну. В офисе военного атташе, принявшего на себя последние функции КОВПВ, работали 2500 человек американского гражданского персонала, 400 вьетнамцев и всего 50 американских офицеров.

Позже вице-президент Ки с горечью писал, что, уходя, американцы с гордостью указывали на то, что они помогли Южному Вьетнаму создать четвертые по величине вооруженные силы в мире, однако «отказывались признать даже самим себе, что ВСРВ были не более чем сборищем миллиона вооруженных людей во главе с группой бездарных и продажных подхалимов, ярким олицетворением которых был Тхиеу». Ки был прав, однако ему следовало бы признать, что сам он сделан из того же теста. Капитан ВСРВ обреченно констатировал по поводу Парижского мирного соглашения: «Это был наш смертный приговор». Незадолго до своей гибели Джон Ванн сказал американской аудитории: «Подавляющее большинство населения [Южного Вьетнама] — около 95% — предпочли бы существующее правительство приходу коммунистов». Но реальность была такова, что, хотя действительно очень малая часть южан приветствовала перспективу победы коммунистов, остальные слишком мало любили свое государство и слишком сильно хотели мира, чтобы продолжать самоотверженное сопротивление Ханю.

Вина за прогрессирующие нарушения режима прекращения огня лежала в равной мере на обеих сторонах. 3 марта 1973 г. ВСРВ предприняли крупное наступление с целью перекрыть подходы к опорному району противника в лесах Уминь в провинции Чыонгтхьен в дельте. Они встретили яростный отпор и были вынуждены отступить. Позже Зяп утверждал, что именно такие провокации со стороны ЮВ заставили его отказаться от первоначального намерения соблюдать условия Парижского соглашения. Несмотря на официальные заявления с обеих сторон, можно с уверенностью утверждать, что ни одна из них не собиралась зарывать топор войны: Север — потому что был уверен в близкой победе; Юг — потому что созданное парижским миром государственное устройство было попросту нежизнеспособным.

Один из генералов ВСРВ писал, что «война привела [Южный Вьетнам] на грань морального и материального банкротства». Большинство людей, продолжал он, исчерпали свою способность к самопожертвованию: антивоенные песни популярного сайгонского барда Чинь Конг Шона находили в их сердцах живой отклик. По словам капитана ВСРВ, «у большинства наших простых солдат не было причин ненавидеть врага, потому что они не представляли себе, что такое

коммунизм». Лейтенант Нгуен Куок Ши мрачно заметил: «Американцам было неважно, кто стоял у власти в Сайгоне, потому что все рычаги находились в их руках. А когда они решили, что война перестала отвечать их интересам, они просто ушли и бросили нас с тем, что есть». После подписания Парижского соглашения, сказал он, «никто не хотел умирать, потому что все думали, что война почти закончилась». В 1970–1972 гг. южане утверждали, что их показатель соотношения потерь составлял пять убитых солдат противника на одного своего. Независимо от того, насколько эта статистика была достоверной, в 1973 г. это соотношение упало до двух к одному, а в следующем году практически сравнялось. К тому времени стала ощущаться нехватка боеприпасов, и солдаты получили приказ вести огонь одиночными выстрелами, не переключаясь на «рок-н-ролл», к которому их приучили американцы.

Осенью 1973 г. иностранный журналист посетил южновьетнамское военное кладбище в Бьенхоа, где было похоронено более 12 000 солдат — крошечная доля общенациональных потерь. После заключения «перемирия» каждый день там добавлялось с десятков новых могил: 6600 южновьетнамских военных погибли за первые три месяца после заключения парижской сделки. Журналист писал: «Воздух был наполнен рыданиями вдов и плачем детей, и сквозь эти стенания доносился глухой стук лопат, роющих могилы для очередной партии покойников на следующий день». Вместе с бременем ведения войны на государство Тхьеу обрушился и тяжелый экономический кризис. На протяжении десяти лет, помимо производства риса, основным источником доходов для значительной части южан было обслуживание легионов сказочно богатых иностранцев. Теперь же 2 млн городских жителей — треть рабочей силы — остались без работы. Владелец автосалона в Сайгоне обанкротился, когда продажи упали с сотни автомобилей в августе прошлого года до одной машины в месяц. Из магазинов исчезли телевизоры, скутеры, импортные сигареты. Цена на рис выросла в два раза. Скачок цен на нефть и удобрения, спровоцированный войной на Ближнем Востоке в октябре 1973 г., сделал выращивание «чудо-риса» экономически нерентабельным и разорил множество фермеров. В декабре диверсанты ВНА уничтожили половину сайгонских нефтехранилищ. Инфляция достигла 30%, затем 40%.

Молодой офицер ВСРВ поделился рассуждениями со своим другом-журналистом Гэвином Янгом: «Чтобы бороться с коммунизмом, существуют моральные и материальные причины, верно? Но что мы сейчас имеем в Сайгоне? Безработицу, растущие цены и коррупцию. У людей нет никаких моральных или материальных аргументов, поэтому

в Сайгоне нет настоящего патриотизма. Так где же нам взять силы сопротивляться? Мы хотим сопротивляться — ты знаешь, большинство из нас не хочет коммунизма, — но не можем! Разве это не трагедия, а, Гэвин?»

Молодой офицер был прав. В 1970 г. в Южном Вьетнаме была запущена программа реформирования землевладения «Земля — земледельцам», в рамках которой за три года были практически искоренены крупные землевладельцы-арендодатели и 1,2 млн семей получили в собственность земельные участки, которые они обрабатывали на протяжении многих десятилетий, — общей стоимостью почти в \$0,5 млрд. Но эта радикальная мера была предпринята слишком поздно, как и начало нефтепоисковых работ в прибрежных водах ЮВ, где в итоге были обнаружены запасы объемом 1,5 млрд баррелей; в течение следующего десятилетия добыча нефти обеспечила казну Вьетнама беспрецедентным для нее потоком доходов. Но это было все равно что сказать смертельно больному пациенту, что он получит огромное состояние... если проживет достаточно долго.

Режим Тхьеу оставался хронически неэффективным; боевой дух армии падал на фоне усугубляющейся нехватки боеприпасов и других материальных средств ведения войны. Последнее было следствием не столько скупости конгресса, сколько того факта, что американцы создали южновьетнамскую военную машину по собственному образцу, зависящей от дорогостоящих технологий и более расточительной — в 1974 г. она по-прежнему потребляла 56 тонн боеприпасов на каждую тонну, израсходованную коммунистами, — но менее эффективной, чем более простая и неприхотливая военная машина коммунистов. Коррупция оставалась тяжелой системной болезнью: Жак Лесли из Los Angeles Times раскрыл мошенническую схему, посредством которой высокопоставленные чины ВСРВ продавали гильзы снарядов, произведенные до 1968 г., как латунный лом в Сингапур по головокружительным ценам. Это только подтвердило убежденность Дэвида Эллиота в том, что «никакое увеличение американской помощи в 1973–1975 гг. не изменило бы исход, поскольку вся она осела бы в карманах генералов». Как заметил сотрудник политического отдела посольства Хэл Мейнхейт, «это было глубоко расколотое общество, где у людей не было ощущения общей цели». Один майор ВСРВ писал: «Народная поддержка сайгонского режима стремительно слабела. Было много приспособленцев, которые раньше стояли на стороне правительства, а теперь, предвидя победу коммунистов, переметнулись на их сторону».

Президент Тхьеу, писал тот же офицер презрительно и отчасти справедливо, был «слишком безвольным, чтобы установить

диктатуру... Какая еще воюющая страна в истории допускала такой разгул критики в адрес правительства? Сколько еще стран третьего мира разрешали своим журналистам публично нападать на коррумпированных министров и генералов и бичевать своего президента?» Предательство было вездесущим. В своем обескураживающем докладе Сэм Адамс из ЦРУ пришел к выводу, что инфраструктура южновьетнамского режима напоминала швейцарский сыр: примерно 12 000 коммунистических информаторов служили в правительственных структурах и вооруженных силах ЮВ. Когда капитан Фан Тан Нгыу возглавил разведывательный отдел Специальной службы полиции в Тэйнине, он заметил, что его водитель после работы часто исчезает в направлении камбоджийской границы. Слежка показала, что тот встречается с вьетконговцами, и на последующем допросе водитель признался, что получил приказ убить Нгыу. «Простите меня», — сказал предатель, прежде чем его увели в камеру.

В начале 1974 г. аналитики Госдепартамента США подготовили доклад о перспективах Южного Вьетнама, опираясь на «анонимные» источники — сотрудников сайгонской миссии, чьи мрачные оценки посол США Грэм Мартин, заменивший Эллсворта Бункера в июле предыдущего года, запретил телеграфировать в Вашингтон. Хэл Мейнхейт, один из авторов доклада, рассказал: «Мы пришли к выводу, что в случае прекращения крупномасштабной помощи США перспективы режима очень пессимистичны». Штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли, где теперь заведовал Уильям Колби, оспорила этот вывод, саркастически заявив, что такое нагнетание страстей со стороны Госдепартамента имеет целью оправдать неумеренные запросы нового посла на увеличение финансирования. 4 января 1974 г. на фоне обострившихся боевых действий президент Тхьеу выступил с речью в Кантхо, где некогда служил командующим IV корпусом, заявив: «Мы не можем сидеть сложа руки. Мы обязаны предпринять соответствующие действия, чтобы дать отпор агрессивным действиям со стороны коммунистов. Война начинается снова». Вашингтон был в ярости как от поведения Сайгона, пытавшегося любой ценой расширить свои территории, так и от поведения Ханоя, старавшегося их сократить: оба ставили инсценированный США шаткий мир на грань краха.

В марте и апреле 1974 г. в Драконьем дворе состоялись два важных стратегических совещания. Командование обсудило хорошие новости: тропа Хо Ши Мина, которая практически на всем своем протяжении была превращена во всепогодную дорогу, проходимую для грузовых автомобилей, теперь обеспечивала надежную доставку возросших объемов грузов. Кроме того, было налажено снабжение сил ВНА на Юге столь необходимым горючим: специально для этого была

проложена линия нефтепровода длиной больше 1600 км. Что касается плохих новостей, то Вьетконг по-прежнему оставался очень слабым — он так и не сумел оправиться от Тетского наступления 1968 г., поэтому присутствие коммунистических сил в городских районах было очень ограниченным. Большая часть бронетехники и артиллерии ВНА находилась в плачевном состоянии. И, что важнее всего, сохранялась неопределенность по поводу возможного американского вмешательства в случае, если Ханой развернет новое крупное наступление.

На предыдущих этапах войны коммунисты обращали мало внимания на внутреннюю политику США. Но теперь руководство в Ханое и Временное революционное правительство Южного Вьетнама, разместившее свою временную «столицу» в Локнине, слушали новости из Вашингтона по радио Би-би-си и «Голосу Америки», как сказал один из министров ВРП, «почти с одержимой сосредоточенностью». Анализ этих источников привел их к ободряющим выводам. В январе 1974 г. Китай атаковал спорные Парасельские острова, где был размещен южновьетнамский гарнизон, и аннексировал их. Это не вызвало сколь-нибудь существенной реакции со стороны США. За первые полтора года после подписания Парижского соглашения 26 000 военнослужащих ЮВ погибли на поле боя, но конгресс США продолжал урезать военную помощь. В 1974 г. выделяемое Сайгону финансирование было сокращено вдвое — с \$2,1 млрд до \$1,1 млрд, а в следующем году — до \$1 млрд.

Первым важным стратегическим решением, принятым Ханоем в начале 1974 г., стало решение продолжать боевые действия в весенний сезон дождей, который традиционно отводился для перегруппировки сил и пополнения запасов. В марте северяне предприняли крупные атаки к западу от Сайгона, на которые ВСРВ ответили последним в этой войне серьезным контрнаступлением. В этих тяжелых боях северяне понесли большие потери, но слабеющая воля южновьетнамской армии к продолжению борьбы была серьезно подорвана. То же самое повторилось два месяца спустя, когда 9-я дивизия ВНА начала крупное наступление в «Железном треугольнике» к западу от Бенката. Последовали несколько месяцев ожесточенных боев с участием бронетехники, в ходе которых южане яростными контратаками сумели вернуть потерянные позиции и предотвратить прорыв северян, но дорогой ценой: 18-я дивизия ВСРВ потеряла 275 человек убитыми и более 1000 ранеными. Когда командующий корпусом запросил 150 000 артиллерийских снарядов, ему выделили всего треть этого количества. К ноябрю, когда сражения вдоль шоссе №7 утихли, некоторые пехотные батальоны ВСРВ потеряли четверть личного состава. Северяне понесли не менее тяжелые потери, но, как обычно, придавали этому гораздо

меньше значения. Скептики в ханойском Политбюро ворчали: «Брат Ба [Ле Зуан] снова бросает наши войска в топку, как в 1968 г. и 1972 г.». Но их вождь оставался неумолим. В дельте Меконга коммунистические силы продолжали наращивать давление, постепенно ослабляя ВСРВ и местное ополчение.

Описывая последний этап войны во Вьетнаме, историки обычно не вдаются в подробности кровопролитных сражений 1973–1974 гг., тем самым совершая историческую несправедливость по отношению к десяткам тысяч вьетнамцев, отдавших свои жизни. Отчасти это объясняется нехваткой надежных документальных материалов — объективность опубликованных рассказов вызывает сомнения, отчасти той точкой зрения, что армии с обеих сторон уже фактически отыграли свои роли и окончательная победа коммунистов была предрешена. Между тем в 1973 г. южновьетнамская армия потеряла убитыми 25 473 человека и почти 31 000 в последующие годы. Лейтенант Нгуен Куок Ши, 20-летний сын офицера сайгонской полиции, был направлен командовать взводом в отряде Народных сил под Вунгтау. Прежде это была зона отдыха, где вьетконговцы поддерживали негласный нейтралитет. Но теперь взводу Ши пришлось принять бой в первый же день патрулирования. В его взводе состояло всего 18 человек, некоторые были вооружены М-16, но большинство — старыми винтовками Garand М-1: «С таким оружием было бесполезно сражаться против АК-47. Нам был конец».

Они испытывали острую нехватку боеприпасов: во время одного огневого контакта у Ши осталась всего одна граната. На поле боя больше не прилетали медэваки: раненых несли до дороги, а оттуда — если им посчастливилось к тому времени не умереть — на грузовиках транспортировали в госпиталь. Взвод Ши представлял собой «разношерстное сборище»: одни были убежденными антикоммунистами, потому что их семьи пострадали от рук врага, другие просто считали ополчение лучшим способом избежать призыва в ряды ВСРВ или ВК. Иногда за их патрулями следовали местные жители в надежде, что так они безопасно доберутся до нужного места, но это не всегда им удавалось. Однажды за патрулем Ши увязалась беременная женщина. Вдруг солдаты услышали позади мощный взрыв: женщина отступила на метр в сторону от тропы и попала на мину-ловушку. «Она просто исчезла — ее отбросило в джунгли. Когда мы подошли, мы увидели, что у нее оторвало нижнюю часть тела, и оттуда вывалился ее ребенок. Это было ужасное зрелище», — вспоминал молодой офицер. И задумчиво добавил: «На войне много чего видишь».

Сапер ВНА капрал Ву Куанг Хиен был ранен в бедро и отстал от своего отступавшего подразделения. Мимо проходила миниатюрная

местная женщина, которая помогла ему добраться до густых зарослей кустарника рядом с прудом. Хиен сказал ей: «Оставь меня здесь. Если в ближайшие часы ты услышишь выстрелы, значит, я мертв. Если нет, можешь прийти, когда стемнеет, и забрать меня отсюда». Поздно вечером она пришла вместе с мужем, и они перетащили крупного Хиена к себе домой. Позже сапер сказал: «Она не была ни коммунисткой, ни антикоммунисткой. Она просто не могла не помочь беспомощному человеку».

18 июля 1974 г. Зяп, изучив доклад Генерального штаба «Общий анализ кампании для победы в войне на Юге», распорядился начать подготовку к широкомасштабной операции, призванной обеспечить окончательную победу над ЮВ к концу 1976 г. Первым этапом должно было стать наступление на Центральном нагорье, от хода которого зависели конкретные детали и сроки дальнейших действий. План кампании был полностью разработан к 26 августа и утвержден на октябрьском заседании Политбюро. Несмотря на некоторые споры о роли Зяпа, историки сходятся в том, что после возвращения из Москвы в январе 1974 г., где он проходил лечение от изводившей его желчнокаменной болезни, старый генерал взял операцию под личное руководство, чего уже не делал на протяжении многих лет. Его временное возвращение к оперативному командованию, вероятнее всего, объяснялось тем, что после неудач 1968 г. и 1972 г. Ле Зуан неохотно был вынужден признать, что авторитет и блестящий военный гений Зяпа необходимы для этого решающего броска на поле боя. Смена президента США придала Ханю смелости. Руководство Северного Вьетнама пришло к выводу, что преемник Никсона Джеральд Форд, даже с Генри Киссинджером в должности госсекретаря, не будет рисковать шатким положением своей администрации, обрекая американский народ на новый раунд кровопролитной вьетнамской войны.

10 августа 1974 г. президент Форд написал Тхьеу личное письмо, где заверил его в том, что будет выполнять взятые Никсоном обязательства, однако такие обещания мало что стоили на фоне намерения конгресса сократить помощь Южному Вьетнаму с \$1 млрд до \$700 млн. Это вместе с инфляцией, заметно повышавшей стоимость боеприпасов и другого военного имущества, катастрофически сказалось на боеспособности ВСРВ. 13 сентября Киссинджер взорвался: это немыслимо, заявил он, что США собираются выделить 1 млрд Израилю и отказываются дать такую же сумму Вьетнаму, где погибло столько американцев.

О прагматизме Киссинджера сказано немало, но в данном случае госсекретарь уловил важный моральный и политический момент, на

который конгресс и большинство американского народа предпочитали закрыть глаза. Прекращение прямой военной поддержки было неизбежным и правильным решением. Но ничто не могло оправдать решение конгресса так поспешно наполовину перекрыть трубу помощи Сайгону, в то время как СССР и Китай продолжали держать свою открытой. На этом этапе деньги вряд ли могли изменить исход войны: вооруженные силы Сайгона были слишком слабы, чтобы дальше держать удар. Но продолжение щедрой финансовой помощи позволило бы Соединенным Штатам хотя бы отчасти спасти свою репутацию, запятнанную уходом из Вьетнама. Ответственность за это недостойное деяние, в отличие от большинства предыдущих неумышленных ошибок и умышленных обманов, совершенных Белым домом, всецело лежала на конгрессе.

В 1974 г. Сайгон получил \$945 млн финансовой помощи США, которых было явно недостаточно, чтобы поддерживать боеспособность миллионной армии, приученной воевать по расточительной американской модели. Южновьетнамские ВВС были вынуждены законсервировать 159 самолетов и 65 вертолетов, летные часы остальных были сокращены почти вдвое. Половина армейского парка грузовиков стояла из-за нехватки топлива; остро не хватало аккумуляторных батарей для радиостанций. В январе и затем в апреле 1975 г. конгресс отклонил отчаянные запросы, поддержанные Объединенным комитетом начальников штабов, о выделении дополнительных пакетов финансирования, чтобы позволить Сайгону закупить для своей армии боеприпасы, топливо и запчасти. Многие солдаты Тхьеу теперь хронически голодали; галопирующая инфляция превратила их и без того мизерное довольствие в жалкие крохи.

Наблюдая за ситуацией в ЮВ в конце 1974 г., Мерл Приббеноу сказал: «Я был уверен, что это долго не продлится». Его жена-вьетнамка по имени Тхюи решила купить для своей матери участок земли к северу от Бьенхоа. Когда Тхюи и ее родственники поехали его посмотреть, они были встревожены тем, что не увидели в окружающих деревнях ни одного правительственного флага. Они вернулись в Сайгон, так и не купив землю и со всей ясностью осознав, что режим Тхьеу проигрывает «войну флагов». В ноябре Даг Рэмзи прилетел в Сайгон по приглашению правительства на празднование, как оказалось, последнего Национального дня независимости Республики Вьетнам. Рэмзи с мрачным удивлением обнаружил, что его гид поддерживает коммунистов: «Он знал такие вещи о коммунистической диалектике, которые вы можете знать, только если вы — один из них».

Офицер южновьетнамских ВВС Нгиен Кхием рассказывал: «Мы знали, что все складывается плохо. Мы продолжали надеяться, но с

каждой проигранной битвой теряли веру». На ужине в посольстве США Фрэнк Скоттон предсказал, что режим не продержится дольше 1976 г. Большинство ветеранов также согласились с тем, что самое позднее в 1977 г. Ханой возьмет верх: «Мы поспорили только о том, ждет ли режим медленная смерть через [политическую] коалицию или сокрушительный военный разгром». Начальник разведки южновьетнамских ВМС сказал Бобу Дестатту в январе 1975 г.: «В этом году коммунисты не победят. В следующем — возможно. А через год — наверняка». Дестатт столкнулся с пожилым вьетнамским рейнджером, который угрожал убить его, потому что он — американец. Ветеран сказал, что только что прибыл из района на камбоджийской границе, где его подразделение страдало от тяжелых потерь и нехватки боеприпасов «из-за предательства США». Один таксист пожаловался Дестатту, что невыносимо устал от войны и хочет в своей стране мира любой ценой, — такие настроения преобладали во всех нижних слоях южновьетнамского общества.

Положение было настолько отчаянным, что президент Тхьеу рассматривал возможность стратегического отхода с территорий, включая всю северную часть ЮВ, где его армия оказалась слишком рассредоточена и была не в состоянии их защитить. Осажденный и брошенный президент цеплялся за тщетную надежду, что, даже если его владения сократятся еще больше, ему хватит сил сохранить оставшуюся часть. К сожалению для Тхьеу, в Ханое нарастало ощущение срочности относительно начала решительных действий. Соединенные Штаты пребывали в раздрае после Уотергейтского скандала; конгресс и мировое сообщество почти открыто перестали сочувствовать Сайгону. Экономика Южного Вьетнама находилась в таком же плачевном состоянии, как и на Севере, однако здесь это усугублялось отсутствием безжалостно эффективного механизма контроля. Ханой знал об усиливающемся недовольстве в южновьетнамском обществе, об уличных протестах против коррупции под предводительством католических священников. Некоторые части ВСРВ продолжали стойко сражаться, но многие солдаты Тхьеу потеряли остатки воли к борьбе. В августе — декабре 1974 г. силы ВНА захватили доминирующие позиции к западу от Дананга и отбили контратаки двух формирований ВСРВ. За шесть недель яростных боев за высоту 1062 элитная воздушно-десантная дивизия потеряла 2500 человек.

Результаты сражений на севере Южного Вьетнама убедили Драконий двор в том, что в лобовом противостоянии его армия сумеет одолеть южан на поле боя. Его силы были готовы нанести удар по глубоким тылам Тхьеу: некоторые формирования ВНА и ВК находились менее чем в 70 км от Сайгона. Ле Зуан и его соратники —

на этот раз в полном согласии с Зяпом — пришли к выводу, что настал подходящий момент для нанесения решающего удара. Семь из одиннадцати членов ханойского Политбюро одобрили предложение начать в 1975 г. новое «Общее наступление и восстание», чтобы завершить объединение Вьетнама.

Глава 27

Последний акт

Весеннее наступление

В марте 1975 г. генерал-майор Нгуен Хыу Ан, ветеран Вьетминя, писал, что военные действия в горах северных провинций Южного Вьетнама напоминают ему сражение при Дьенбьенфу, в котором он участвовал молодым офицером: «Там была грязь и грязь, очень много грязи»¹. Его пехотные и инженерные подразделения под проливным дождем затаскивали на скользкие крутые склоны тяжелые 105-мм гаубицы, захваченные у ВСРВ в 1972 г., чтобы с доминирующих высот обстреливать южновьетнамские базы. Ан был назначен командующим корпусом на севере ЮВ, перед которым была поставлена задача взять Хюэ и Дананг. В общей сложности в запланированной Ле Зуаном широкомасштабной кампании предполагалось задействовать 0,5 млн человек — 15 пехотных дивизий вместе с 17 саперными, 10 бронетанковыми и 50 артиллерийскими батальонами. Первый этап под кодовым названием «К-175» был запланирован на март — май, после чего, при наличии благоприятных условий, в июле — августе предполагалось развить наступление и победоносно завершить войну с полным объединением Вьетнама. Необходимость стремительных действий подчеркивалась лозунгами «Скорость — это сила» и «Вперед как молния». Однако Ан признавал, что многие его сослуживцы, пережившие сокрушительные разочарования в 1968 г. и 1972 г., в частном порядке выражали скептицизм по поводу возможного успеха операции «К-175». Важное преимущество северян состояло в том, что они могли выбирать, где сконцентрировать силы и нанести удар, но южане по-прежнему сохраняли значительное превосходство в мобильности, огневой мощи и авиационной поддержке.

Драконий двор разработал восемь вариантов плана кампании. Ключевой фактор неопределенности состоял не в том, что сделает Сайгон, а в том, как отреагирует Вашингтон. Ханой понимал, что ни Китай, ни СССР не ударят палец о палец, чтобы сдержать вмешательство США; все зависело от того, как новая республиканская администрация оценит настроения американского народа. Киссинджер

остался госсекретарем и сохранил свое прежнее влияние: он наставлял не слишком глубокомысленного нового главнокомандующего по вопросам внешней политики, отдавал распоряжения о прослушивании телефонных линий якобы болтливых сотрудников госаппарата и их контактов в СМИ и доминировал на совещаниях, заставляя присутствующих выслушивать свои пространные, высокомерные монологи. Какие шаги госсекретарь — в свете своего великого видения истории — убедит президента Джеральда Форда предпринять на этот раз? Хорошей новостью, с точки зрения Ханоя, было то, что после войны Судного дня в октябре 1973 г. и спровоцированного ею нефтяного кризиса все внимание Киссинджера было сосредоточено на Ближнем Востоке; Вьетнам отошел на задний план.

С 13 декабря 1974 г. по 6 января 1975 г. две дивизии ВНА провели пробную операцию по захвату провинции Фьюк-лонг в 150 км к северо-востоку от Сайгона. Ханой пристально следил за реакцией США на такое открытое и неспровоцированное расширение своей территории. Вашингтон пригрозил направить на помощь ЮВ авианосную группу Enterprise, но так и не исполнил своей угрозы и намеренно отвел глаза, когда красные кхмеры сжали кольцо окружения вокруг столицы Камбоджи Пномпеня. 21 января на пресс-конференции президент Форд заявил, что не может представить себе обстоятельств, при которых США будут вынуждены вновь отправить свои вооруженные силы в Индокитай. Две недели спустя конгресс отклонил новые просьбы о помощи. Премьер-министр Северного Вьетнама Фам Ван Донг на заседании Политбюро уверял своих соратников, что «американцы не вернутся, даже если заманивать их конфетами». Но, разумеется, никто не мог быть в этом уверен наверняка. Когда генерал-майор Ан и его штабные офицеры наблюдали за тем, как обливающиеся потом носильщики тащат боеприпасы на артиллерийские позиции на высотах вдоль шоссе №14, они со всей остротой осознавали, что В-52 на Гуаме только лишь ждут приказа своего главнокомандующего. Зяп по-прежнему считал, что достижение окончательной победы потребует завершающей крупномасштабной кампании в следующем году.

Стратегический план кампании 1975 г. был самым впечатляющим с точки зрения военного искусства из всех, что были разработаны коммунистами в этой войне. Главной целью первого этапа был город Буонметхуот, столица Центрального нагорья со сотысячным населением. Окруженный кофейными плантациями, обеспечивавшими хорошее прикрытие, город занимал стратегическое положение на шоссе №14 север-юг между Контумом и Сайгоном в 50 км от камбоджийской границы. Генерал-полковник Чан Ван Ча, тщеславный и амбициозный военачальник ЦУЮВ, нес на себе многолетнюю «стигму» за свою роль

в тактических провалах Тетского наступления 1968 г. и теперь жаждал реванша. Впоследствии Ча утверждал, что именно он предложил нанести первый удар на Центральном нагорье^[65], хотя генерал-лейтенант Хоанг Минь Тхао настаивал на таком же плане и был назначен командующим местным фронтом.

Вместо того чтобы бросать войска в прямое наступление на Буонметхуот, первым делом коммунисты изолировали город. Предприняв серию скоординированных атак, начавшихся рано утром 4 марта, они перерезали дороги в 150 км к северу от него в районе Плейку. Общее командование кампанией на Центральном нагорье осуществлял начальник штаба ВНА генерал Ван Тьен Зунг. Успеху этой операции придавалось большое значение: если четыре дивизии ВНА сумеют разгромить относительно слабые силы южан в этом округе, это даст возможность рассечь Южный Вьетнам на две части и отрезать Сайгон от крупных сил ВСРВ на севере.

Южане получили достаточное количество разведанных об угрозе для Буонметхуота, в том числе от пленных солдат ВНА. Но, как обычно, обилие «шума» — как сотрудники разведки называют противоречивые индикаторы — скрыло важный «сигнал», настоящую цель Ханоя. Наступающие части ВНА вели обманные радиоигры вокруг Плейку. 8 марта они перерезали шоссе №14 к северу от Буонметхуота, затем шоссе №21 в сторону побережья. Чтобы окончательно ввести несчастного Тхьеу в заблуждение, коммунисты нанесли одновременные удары к северу и востоку от Сайгона, в дельте Меконга и в провинциях Тхыатхиен и Куангчи, где были развернуты формирования генерала Ана.

8 марта в 05:45 артиллерия Ана подвергла близлежащие базы ВСРВ шквальному огню, вслед за чем началась атака пехоты. В раннем утреннем тумане ряды угрюмых пехотинцев 324-й дивизии ВНА двинулись на позиции противника. Первые атаки не увенчались победой. Оперативное командование всегда было слабым местом коммунистов: одни наступающие подразделения сбились с пути, другие понесли тяжелые потери под огнем южновьетнамской артиллерии и минометов. На следующий день, 9 марта, южане предприняли успешные контратаки. Бои за ключевую стратегическую высоту 224 продолжались целую неделю. Ни одна из сторон не отступала; артиллерия ВСРВ расстреливала по 4600 снарядов в день. Генерал Ан с непривычной откровенностью писал о своих людях: «На этом этапе боевые качества корпуса были низкими». За восемь дней ожесточенных сражений северяне так и не смогли добиться прорыва на северном фронте, что заслуживает особого внимания ввиду широко

распространенного убеждения в том, что армия Южного Вьетнама дрогнула с первых же дней Весеннего наступления.

Между тем, несмотря на упорное сопротивление ВСРВ на севере, на Центральном нагорье разворачивалась драма — поначалу в полном соответствии со сценарием Драконьего двора, а затем превзойдя самые дерзкие прогнозы. 9 марта пехота ВНА при поддержке всего двух 105-мм орудий с полусотней снарядов, застигнув южан врасплох, захватила населенный пункт Дыклап в 80 км к юго-западу от Буонметхуота². Три батальона ВСРВ обратились в бегство; северяне захватили 14 орудий и 22 единицы бронетехники, после чего двинулись на север к Буонметхуоту — к тому времени саперные подразделения и небольшие отряды пехоты уже просочились в город. Эти передовые отряды атаковали аэродромы и штаб-квартиру ВСРВ, когда рано утром 10 марта началось общее наступление, в котором участвовали 12 полков, усиленных 64 танками и бэтэрами. Пехотинец Бао Нинь удивленно, с благоговением смотрел на невиданную ранее концентрацию сил: «Прежде мы воевали в основном, как партизаны, на уровне рот»³. Боевой дух был невероятно высок, поскольку никто не сомневался в том, что рано или поздно они победят: «Мы знали, что без американцев южане вдвое слабее».

Командующим II корпусом ВСРВ на Центральном нагорье был генерал Фам Ван Фу, 47-летний ветеран Дьенбьенфу, которому явно не доставало военных талантов, чтобы сорвать сложно организованное, стремительное наступление коммунистов. Фу убедил себя в том, что главной целью противника был Плейку, и сосредоточил там основные силы. Плотный зенитный огонь не позволял южновьетнамской авиации нанести удары по сконцентрированным силам северян, и через 23 часа после начала штурма Буонметхуота генерал Зунг сообщил в Ханой о взятии штаба 23-й дивизии ВСРВ вместе с огромными запасами боеприпасов ценой относительно небольших потерь. Только защитники хорошо укрепленной базы 53-го полка на аэродроме в 5 км к востоку от города продолжали держать оборону. Ободренные первоначальными успехами, 14 марта северяне отважились предпринять ночную атаку с участием танков, которая превратилась в фарс. Один танк сломал свое орудие, врезавшись в дерево; другой — свалился в канаву⁴. Пехота ВНА отступила с тяжелыми потерями: командир базы подполковник Нгуен Во Ан показал себя мужественным и грамотным офицером, чья героическая стойкость во главе 500 защитников заслуживает того, чтобы о ней помнили.

Вечером 16 марта саперы ВНА, несмотря на большие потери, сумели установить бангалорские торпеды и проделать прорехи в заграждении из колючей проволоки по периметру базы. Последовало

девять часов яростного сражения, в течение которых атакующие так не сумели добиться большого прогресса. Но в 05:00 утра 17 марта в периметр прорвались четыре танка; три часа спустя база была захвачена. Подполковник Нгуен Во Ан и 30 оставшихся в живых бойцов сумели ускользнуть, и к 24 марта добрались до побережья.

Командование ВНА признало, что некоторые подразделения, особенно бронетанковые, демонстрировали такой же удручающе низкий уровень боевого мастерства, как и в 1972 г. Но ключевая тенденция была очевидна: коммунисты одерживали победу. В госпиталях Буонметхуота было брошено 400 раненых южновьетнамских солдат.

Начальник генерального штаба ВСРВ генерал Као Ван Вьен так оценил падение Буонметхуота: «Это был переломный момент всей войны... С этого времени наши войска были вынуждены противостоять противнику, который постоянно наращивал натиск»⁵. Президент Тхиеу впал в панику и начал принимать одно катастрофическое решение за другим. Прежде всего он выбил опору из-под обороны севера, приказав элитной воздушно-десантной дивизии оставить свои позиции и отойти к Сайгону. Затем потребовал предпринять контрнаступление восточнее Буонметхуота, которое с треском провалилось. После прорыва северян стало ясно, что удержать Контум и Плейку будет невозможно, — находившимся там войскам было приказано отступить к побережью по старому, построенному еще французами шоссе №7б. Вьен предупредил Тхиеу о возможных последствиях, напомнив о том, что в 1954 г. именно на этой дороге при аналогичных обстоятельствах силы Вьетминя разгромили отступавшую французскую *Groupe Mobile 100*.

Президент не проконсультировался с американскими советниками, принимая решение отвести войска с Центрального нагорья, о котором он сообщил своим генералам на чрезвычайном совещании 14 марта в бухте Камрань, и даже не проинформировал их об этом. Фрэнк Снепп считал, что Тхиеу «просто боялся, что американцы придут в бешенство и окончательно лишат его любой поддержки»⁶. Однако это решение Тхиеу отнюдь не было импульсивным, но соответствовало его личному стратегическому плану, который он обдумывал на протяжении всего предыдущего года. Он лелеял надежду на то, что, если сократить слишком протяженную линию фронта и сосредоточить свои войска на более коротком, пригодном для обороны участке, они смогут защитить богатую южную часть страны от посягательств коммунистов. Хотя это само по себе было фатальным заблуждением, Тхиеу совершил еще одну пагубную ошибку, вопреки всякому здравому смыслу настояв на том, чтобы 25 000 военнослужащих в течение нескольких дней покинули район Контума и Плейку и отошли к побережью, преодолев 250 км гористой местности. Он проигнорировал тот факт, что на Центральном

нагорье у большинства солдат оставались семьи, не говоря уже об участии остального гражданского населения. По словам очевидца, на обратном пути из бухты Камрань в Плейку генерал Фам Ван Фу разрыдался; он сказал, что ни у него, ни у Южного Вьетнама больше нет будущего. В Плейку генерал сел в вертолет и улетел на побережье, поручив своему бригадиру организовать «стратегический отход» корпуса⁷. Вскоре бесконечная колонна людей, бронетехники, артиллерии и груженых до отказа грузовиков потянулась по длинной, полуразрушенной дороге на восток через многочисленные перевалы.

Пилот Air America Фред Андерсон позже вспоминал: «Я никогда не забуду зрелище этой дороги на выходе из Плейку. По ней текла плотная масса тел, тащивших на себе пожитки. Но самым страшным было знать, что тысячи этих людей вскоре ждет смерть»⁸. Некоторые южновьетнамские солдаты пытались штурмовать самолеты Air America, эвакуировавшие американский персонал. Как заметил другой пилот, «они делали это от отчаяния. Люди были напуганы, хотели убраться отсюда любым способом и не думали о том, что делают. Там была полная анархия, люди опускались до самых низменных поступков».

Первые два дня, 16–17 марта, колонна двигалась без особых инцидентов, разве что теснимая с тыла огромной толпой беженцев. Проблемы начались в маленьком городке Чеорео в 80 км от Плейку, где образовался огромный затор из 900 транспортных средств. Началась анархия; солдаты отказывались подчиняться приказам, грабили население, вступали друг с другом в перестрелки, отказываясь уступать дорогу. Тем временем северяне, узнав об отходе корпуса, отправили отряд заблокировать находившийся впереди перевал. После неуклюжей ночной атаки, потерпевшей неудачу, 18 марта рейнджерам удалось прорваться через перевал, но только для того, чтобы попасть под налет собственной авиации, в ходе которого они понесли большие потери, а их полковник погиб. Вскоре северяне начали обстреливать скопления людей и техники, попавших в ловушку в Чеорео. Некоторые подразделения, включая грузовики и танки, стали искать альтернативные пути отхода через джунгли. Батальон рейнджеров был одним из немногих, кто сохранил высокую дисциплину: 27 марта в 21:00, прорвавшись через многочисленные блокирующие позиции северян и потеряв половину личного состава, батальон вышел к Туихоа. Всего четверть из 25 000 военнослужащих II корпуса добралась из Центрального нагорья до побережья вместе с 5000 членов семей и беженцев. По оценкам генерала Вьена, три четверти боевых ресурсов II корпуса, в зоне ответственности которого находилась вся центральная часть Южного Вьетнама, были уничтожены всего за десять дней⁹. Впоследствии коммунисты утверждали, что Тэйнгуенская операция

обошлась им всего в 900 человек убитыми, причем бóльшая часть этих потерь пришлась на первые дни наступления.

Падение Буонметхуота окончательно разрушило хрупкую видимость мира и открыло плотину для нараставшей, как лавина, национальной трагедии, затронувшей миллионы людей. Генерал Вьен назвал отход южновьетнамских войск с Центрального нагорья «позором»¹⁰, отражавшим провал командования на всех уровнях. Сайгонский журналист Нгуен Ту описывал текшие на восток потоки беженцев, «у которых не осталось ничего, кроме пыльной, пропитанной потом одежды на их плечах. Их ноги распухли, а глаза были безжизненными, лишенными всякой надежды. Рядом с ними брели маленькие дети...»¹¹. Южновьетнамские солдаты массово дезертировали из армии, чтобы спасти свои семьи. Толпы гражданских лиц, автомобилей и повозок запрудили дороги, сделав их непроходимыми для правительственных войск даже без вмешательства северян. Артиллерийские и минометные обстрелы противника усугубляли хаос и страдания, в которые погрузилась центральная часть страны.

18 марта на заседании ханойского Политбюро Зяп заявил, что настал решающий момент: необходимо использовать впечатляющие военные успехи, достигнутые на Центральном нагорье, чтобы развернуть генеральное наступление. Стало очевидно, что США не собираются задействовать авиацию, а многие солдаты Тхиеу исчерпали свою волю к борьбе. Хотя впоследствии некоторые приписывали поражения южан катастрофической нехватке боеприпасов, нет никаких оснований предполагать, что события в начале весны 1975 г. могли бы разворачиваться иначе, даже если бы ВСРВ были вооружены гораздо лучше. Южновьетнамский историк Нгуен Кай Фонг утверждает, что режим обладал по крайней мере годовыми запасами оружия и боеприпасов, о чем свидетельствуют огромные их количества, попадавшие в руки северян, — на одном только Центральном нагорье было захвачено 18 000 тонн¹². В том, что значительная часть этих запасов была сосредоточена не там, где нужно, вследствие удручающей неэффективности логистической системы и коррумпированности южновьетнамской армии, вряд ли можно обвинять США.

Посол Грэм Мартин, в марте посетив Вашингтон, лично обратился к ведущим конгрессменам с просьбой поддержать новый пакет помощи — и наткнулся на каменную стену. Мартин был никудышным ходатаем, но в тот момент даже сам Цицерон вряд ли смог бы убедить американский конгресс поддержать сайгонское правительство. Большинство конгрессменов и сенаторов понимали, что их избиратели устали от вьетнамской эпопеи и хотели бы как можно быстрее

отключить умирающий Южный Вьетнам от «аппарата искусственного дыхания». Тем не менее это не помешало послу написать президенту Тхиеу откровенно лживое письмо, доставленное в Сайгон 15 марта, в котором говорилось: «Я могу дать вам самые твердые заверения, что президент, госсекретарь и министр обороны решительно настроены обеспечить вас всеми необходимыми ресурсами, как только завершатся батальи в конгрессе».

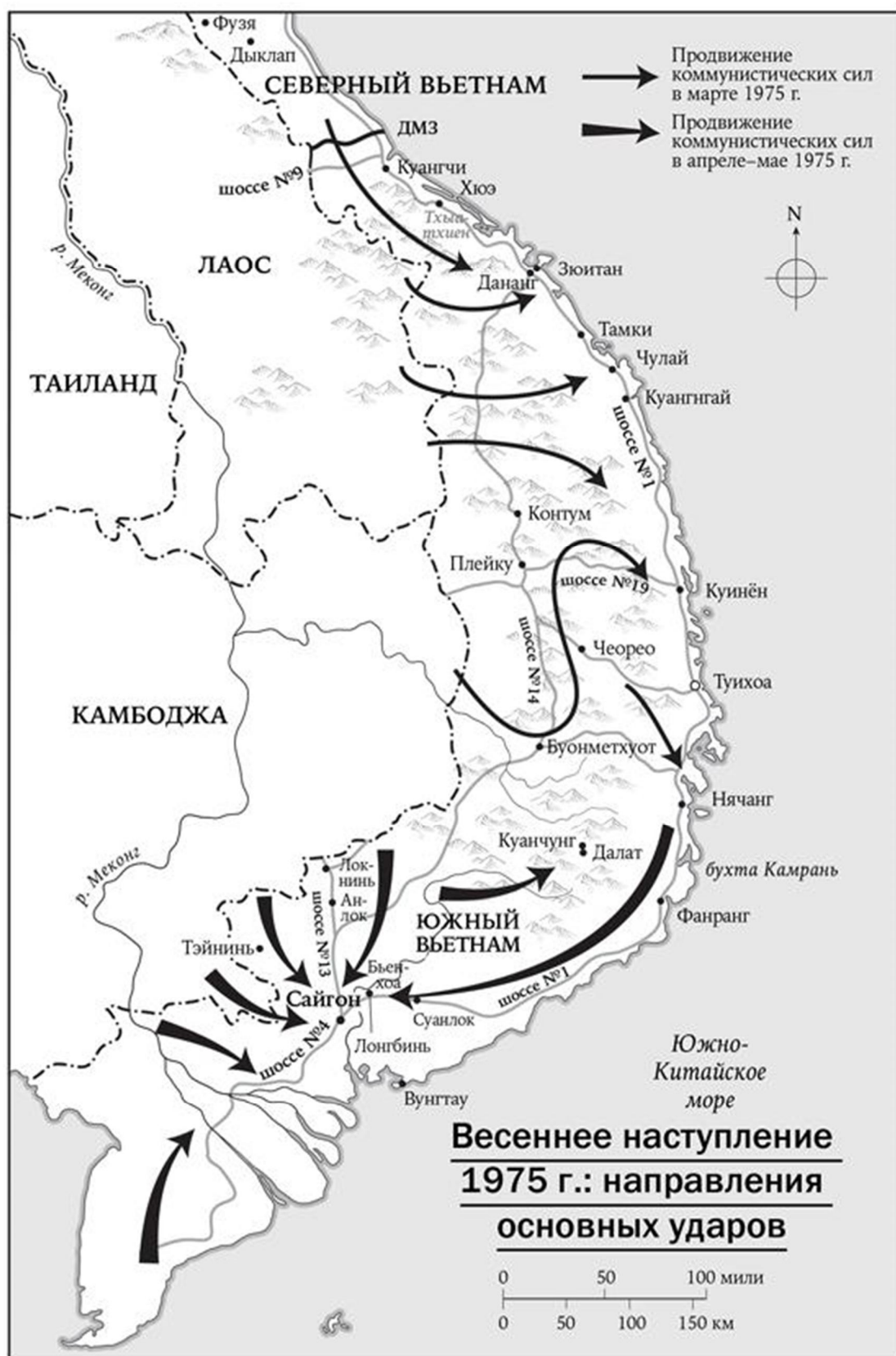
После этого Мартин на десять дней уехал на свою ферму в Северной Каролине, чтобы восстановить здоровье после стоматологической операции. Вряд ли он мог сказать или сделать что-то такое, что повлияло бы на ход событий, однако трудно удержаться от того, чтобы не рассматривать такое поведение американского посла, а также действия американского конгресса как предательство. Отказав в денежной помощи своему давнему клиенту и в немалой степени жертве, Вашингтон послал обеим сторонам, участвовавшим в этой войне, однозначный сигнал: американский народ, по словам Фрэнка Снеппа, «больше не интересуется судьба южновьетнамского народа»¹³. Моральный эффект такого сокращения помощи был гораздо важнее материального. Когда южновьетнамские солдаты, от генерала до рядового, осознали, что могущественный покровитель отрекся от сайгонского правительства, им стало трудно верить в то, что этот обреченный режим заслуживает их самопожертвования. По сей день многие бывшие южновьетнамцы сохраняют убежденность, что США нанесли им «удар в спину». Поражения на Центральном нагорье просто вскрыли ту раковую опухоль обреченности, которая уже глубоко пронизывала армию Тхиеу. Только воздушная мощь США могла бы переломить ситуацию, но слабый президент в Вашингтоне не мог и помыслить о том, чтобы бросить вызов непреклонной оппозиции конгресса.

Между тем ханойское Политбюро выпустило очередную историческую директиву, приказав своим силам к маю завершить завоевание Южного Вьетнама. «Ситуация меняется в головокружительном темпе»¹⁴, — писал генерал-майор Ан. 20 марта он передислоцировал свою артиллерию к шоссе №1 — жизненно важной транспортной артерии, соединявшей север и юг страны вдоль побережья. В течение нескольких часов после начала обстрела движение между Хюэ и Данангом было перекрыто — множество автомобилей, пытавшихся уехать на юг, были вынуждены вернуться обратно. В штаб корпуса Ана явилась женщина, член местного руководства Вьетконга, и сообщила, что через ее деревню отступают тысячи южновьетнамских дезертиров¹⁵. Она попросила предоставить ей солдат, чтобы «истреблять» бегущих врагов. Ей сказали: пусть эти

люди свободно бегут; загнанные в угол, они только создадут проблемы. В конце концов ей выделили нескольких солдат, чтобы собирать брошенное оружие. «Я понял, что вражеская армия рушится на глазах», — писал Ан. Подразделения ВСРВ перестали шифровать радиосообщения; иногда в радиоэфире между ними разгорались озлобленные перебранки с потоками непристойных ругательств.

В последние месяцы перед коллапсом сайгонская армия действовала словно в тумане из-за отсутствия каких бы то ни было разведанных о передвижениях и намерениях противника. В противоположность этому, Ханой получал от своих сайгонских агентов, включая сержанта в канцелярии начальника штаба ВСРВ, подробную информацию о каждом шаге южан, в том числе о стратегическом решении Тхиеу оставить часть территории. Главные опасения Зяпа были связаны с тем, что южане могут отвести свои силы в анклавов вокруг таких городов, как Хюэ и Дананг, откуда их будет почти невозможно выбить. Чтобы не допустить такого сценария и лишить южан возможности организованно передислоцировать силы, он приказал войскам на северном фронте нанести стремительные удары по нескольким направлениям в сторону побережья и в первую очередь перерезать сообщение по шоссе №1 север–юг.

В первую неделю Весеннего наступления командующий I корпусом ВСРВ генерал Нго Куанг Чыонг гордился стойкостью своих людей, что подтверждал и его противник, генерал Ан. Некоторые части Региональных сил сражались с похвальным мужеством, а морские пехотинцы предприняли ряд успешных контратак. Но затем оборона региона начала развалиться с катастрофической скоростью, виной чему в значительной степени были решения Тхиеу, принятые после событий на Центральном нагорье. Приказ Тхиеу о передислокации в Сайгон элитной воздушно-десантной дивизии нанес Чыонгу сокрушительный моральный и тактический удар, а президент намеревался забрать у него еще и дивизию морской пехоты. В 1972 г. эта дивизия понесла тяжелые потери в ожесточенных боях за возвращение Куангчи; теперь же, как только морские пехотинцы оставили город и отступили на юг, северяне захватили его за один день, спровоцировав очередной массовый исход.

Как и на Центральном нагорье, дороги загромодились потоками беженцев и транспорта всех видов. Люди, включая военных и гражданских, в северных провинциях ЮВ поняли, что их собственное правительство решило отказаться от попыток удержать эту часть страны и бросить их

на произвол судьбы. Несмотря на упорное сопротивление южновьетнамских сил на некоторых участках, войска северян неумолимо прорывались на десятке ключевых направлений к побережью между Хюэ на севере и Данангом на юге — Чыонг и его корпус теряли контроль над регионом. Тхьеу пребывал в ступоре: в какой-то момент он потребовал, чтобы Хюэ был удержан любой ценой, но потом предложил оставить город.

После двухнедельных боев, в ходе которых I корпус ВСРВ потерял 2000 человек и расстрелял 200 000 артиллерийских снарядов, 21 марта северяне взяли верх над рейнджерами, оборонявшими ключевые стратегические высоты вдоль шоссе №1, и начали наступление на север в сторону Хюэ. 25 марта в 13:00 рядовой ВНА по имени Нгуен Ван Фыонг водрузил над древней столицей флаг ДРВ. Генерал Ан нашел водителей для 50 брошенных танков и бэтээров, которые усилили его части в наступлении на юг. На улицах Хюэ и в предместьях города бродили группы сбитых с толку, безоружных южновьетнамских солдат; сотни офицеров были взяты в плен.

Эвакуация с северного побережья превратилась в хаос. Еще в прошлом году военный атташе США предупреждал о том, что наступление противника на севере может спровоцировать «Дюнкерк без кораблей». Его печальный прогноз оправдался: разношерстная и явно недостаточно большая флотилия судов была не в состоянии вместить огромную массу отчаявшихся солдат и гражданских лиц, бегущих от натиска коммунистов. Дисциплина рухнула даже в дивизии морской пехоты. Между тем войска северян не собирались снижать темп: преодоление локальных очагов сопротивления представляло для генерала Ана меньше трудностей, чем снабжение своих рассредоточенных частей рисом, который приходилось транспортировать по непроходимым от грязи дорогам от тропы Хо Ши Мина на западе к восточному побережью.

Десятки тысяч солдат и беженцев, которым посчастливилось бежать из Хюэ на военных кораблях, катерах и гражданских судах, спустя несколько часов плавания высаживались в Дананге, заполняя улицы города и распространяя чумную бациллу паники. Вдали уже был слышен артиллерийский огонь: защитники Фузя к северу от Дананга ненадолго остановили продвижение батальонов Ана. К концу марта в Дананге собралось около 1 млн беженцев. Со двора американского консульства поднимались клубы черного дыма: сотрудники поспешно жгли документы. Торжествующие колонны северян приближались к городу, приветствуемые гражданским населением, которое осознавало исторический момент смены власти.

Нгуен Чи, командовавший малым флотом южновьетнамских ВМС в Дананге, неоднократно пытался получить приказы от адмирала, но тот отвечал гробовым молчанием. 28 марта Чи прибыл на военно-морскую базу, где располагался штаб армии, и обнаружил там озабоченную суету: офицеры тащили мешки из-под песка, наполненные личным имуществом, к вертолетам, которые увозили этих привилегированных беглецов в безопасном пока южном направлении. Тогда Чи вернулся к себе, приказал экипажам погрузить свои семьи на катера, забрал собственную семью и отплыл из Дананга на юг. Но, прибыв в Куинён, они, к своему смятению, обнаружили там точно такой же хаос и коллапс власти.

В последние дни своего командования I корпусом генерал Чыонг жаловался, что его подразделения, пытавшиеся передислоцироваться на другие позиции, «застревали среди толп людей, которыми были забиты шоссе №1 и прилегающие дороги. В результате некоторые боевые единицы были дезориентированы и деморализованы и в итоге поддались панике»¹⁶. Американский очевидец, пилот Air America Уэйн Леннин, так описывал происходившее в Дананге: «Город не пал под внешним натиском врага. Он рухнул изнутри... Солдат словно охватило безумие. Они бегали по улицам, стреляли из автоматов по гражданским лицам... срывали с тел драгоценности и насиловали девушек»¹⁷. Ужасные сцены разворачивались в аэропорту, где толпа штурмовала каждый улетающий самолет в истерическом страхе, что он будет последним: люди забирались даже в ниши для шасси, где многие из них были раздавлены после взлета, когда пилоты убрали шасси. Все попытки погрузить в самолеты лежащих раненых закончились неудачей: санитары с носилками не могли пробиться сквозь плотную толпу солдат и беженцев. В результате в госпитале в Зюитан остались 5000 пациентов и медработников. На берегу солдаты загоняли танки и грузовики в воду и штурмовали баржи. «Там были рейнджеры, морские пехотинцы, танки, — вспоминал один вьетнамский очевидец. — Когда подошел небольшой катер, морские пехотинцы начали стрелять во всех остальных, кто толпился вокруг, чтобы не пустить их на корабль. Тогда рейнджеры вышли из себя и принялись в ответ стрелять по морпехам. Катер в конце концов затонул».

К 29 марта северяне захватили значительную часть территории северных провинций, потеряв менее 3000 человек, и вошли в Дананг. Генерал Ан реорганизовал свои полки с учетом новых возможностей мобильности: северяне захватили огромное количество транспорта, в том числе 487 американских грузовиков GMC. Им также достались большие запасы радиостанций PRC-25 — бесценный трофей для армии, испытывавшей хронические проблемы со связью, — которые впервые

за всю войну были выданы подразделениям вплоть до уровня роты¹⁸. Каждое пехотное отделение получило по два гранатомета М-79 «Тампера». Артиллерия Ана теперь на треть состояла из захваченных орудий.

Следующей важной задачей было перебросить всю эту грозную армию, усиленную двумя свежими дивизиями, в спешном порядке направленными из Северного Вьетнама в ЮВ, почти на тысячу километров на юг, чтобы начать генеральное наступление на Сайгон. Общее командование переброской сил, которая вошла в историю как «Прибрежная колонна», осуществлял генерал Ле Чонг Тан. 7 апреля генерал Ан в некоторой растерянности писал: «Впервые в моей карьере я видел такую длинную, невероятно длинную колонну с таким количеством специализированных войсковых элементов». В колонне двигалось 2276 транспортных средств. Вдоль обочин стояли толпы мирных жителей, приветствовавших победителей, среди которых было немало бывших солдат правительственных сил, выпрашивавших еду. Колонне приходилось часто останавливаться, пока инженеры поспешно ремонтировали разрушенные или взорванные мосты — в общей сложности между Данангом и Суанлоком им пришлось преодолеть 569 водных преград. Ан отправил передовые отряды, чтобы захватить склады с горючим в Куинёне, Нячанге и бухте Камрань. На протяжении почти двух недель его корпус преодолевал в среднем по 100 км в день, находясь в пути по 20 часов днем и ночью.

Бедственное положение Южного Вьетнама привлекло внимание миллионов американцев. Но никакие кадры массовых человеческих страданий не смогли преодолеть нежелание американского народа снова вмешиваться в эту проклятую для него войну. Внутренняя рецессия дала конгрессу формальное оправдание для отказа в помощи своему бывшему клиенту. Другое оправдание было озвучено калифорнийским конгрессменом-демократом Генри Ваксманом: «Мы не можем содействовать миру, предоставляя средства для ведения войны... Предоставление военной помощи Сайгону только препятствует его готовности к конструктивным переговорам»¹⁹. Некоторые американские политики повели себя еще более постыдным образом: сенатор Хьюберт Хамфри делал громкие заявления в поддержку Южного Вьетнама, после чего проголосовал против выделения пакета помощи. Тхиеу открыто предупредил Форда, что без американского вмешательства, в частности без воздушных ударов В-52, его страна обречена. 22 марта президент США пообещал поддержку, однако же сохранил полную неопределенность относительно того, какую форму та может принять. Тхиеу напомнил ему об обещаниях, данных Никсоном и Киссинджером после подписания Парижского

соглашения. Однако Форд так и не решился отдать приказ о нанесении воздушных ударов, опасаясь спровоцировать конституционный кризис. 25 марта он сказал Тхьеу: «Я сожалею, но у меня нет полномочий делать то, что делал президент Никсон».

Что касается госсекретаря, то тот с присущей ему проницательностью заявил о бесполезности любых дипломатических попыток остановить коммунистов. «Я убежден, — сказал Киссинджер, — что Северный Вьетнам невозможно заставить пойти на попятную — разве что под военным давлением». Было выдвинуто предложение задействовать ВМС США для помощи в эвакуации из Хюэ и Дананга, но Белый дом категорически его отверг, когда военные сказали, что для этого потребуется высадка войск. В конце концов было решено поручить командованию морских перевозок ВМС зафрахтовать для этой цели торговые суда — именно они вывезли из страны тысячи беженцев, многих из которых ожидала не просто коммунистическая тирания, но и неизбежная смерть. 28 марта Киссинджер сказал Форду: «Не думаю, что Южный Вьетнам сможет выстоять... Это моральное поражение Соединенных Штатов»²⁰. На следующий день на совещании в Госдепе он повторил свой вердикт: «Этот позор лежит на нас». Когда один из сотрудников предложил попросить о вмешательстве Москву, Киссинджер ответил: «Даже несмотря на разрядку, мы не можем просить Советы спасти нашу собственную репутацию».

Между тем в Ханое Зяп приготовился к последнему этапу кампании, которую он был решительно настроен превратить в свой личный триумф: он приказал установить в своем кабинете в Драконьем дворе кровать и находился там круглосуточно до самого падения Сайгона, совершив только одну короткую поездку на Юг, чтобы встретиться со своими командующими на местах. После этого Ван — прозвище, данное министру обороны еще Хо Ши Мином, — едва ли не ежечасно требовал от своих генералов «скорости, скорости и скорости»: им нужно успеть взять Сайгон до того, как начнется сезон дождей, или до того, как американцы передумают и снова начнут бомбить. В 19:00 ежедневно Ле Зуан получал подробную сводку о положении на фронтах — послевоенный коммунистический нарратив подчеркивает его роль как «фактического верховного главнокомандующего», отводя Зяпу второстепенную роль, однако все факты говорят о том, что в этой военной кампании старый генерал вернул себе временное главенство.

В период с 10 по 31 марта четыре дивизии ВНА при поддержке отрядов Вьетконга предприняли ряд локальных атак к востоку от Сайгона, которые были остановлены, но позволили коммунистам закрепиться всего в 65 км от столицы. Ле Зуан требовал от начальника штаба армии Зунга, командовавшего операциями на Центральном

нагорье, начать финальное наступление уже в последние дни марта, но генералу хватило мужества и упрямства противостоять Ле Зуану и настоять на том, чтобы сначала завершить разгром II корпуса ВСРВ. 31 марта его войска прорвали оборону воздушно-десантной бригады на ключевом перевале М'Драк, что открыло путь на портовый город Куинён. Захватив порт, моторизованные подразделения ВНА двинулись на юг и уже на следующий день вошли в Туихоа. Американское консульство в Нячанге было экстренно эвакуировано; в городе началась паника. Южновьетнамские силы почти без сопротивления сдали бухту Камрань. 2 апреля генерал Фу, чей корпус фактически был разгромлен, бежал в Сайгон.

Теперь все важные участки и перевалы на шоссе №1 север—юг находились в руках северян. Фрэнк Снепп так отвечает в XXI в. на утверждения некоторых ревизионистов о том, что сайгонское правительство организовало систематическую оборону и его армия стойко сопротивлялась до самого конца: «Они просто не видели всего того, что там происходило. Попытки приукрасить историю южновьетнамского режима и его армии — полный абсурд»²¹. Стратегия Тхиеу, если это можно было назвать стратегией, с треском провалилась. Тем не менее некоторые южновьетнамские части действительно сражались с впечатляющей доблестью, достойной куда лучшего национального лидера.

В длинном послании от 1 апреля к своим командующим на Юге Ле Зуан с гордостью отметил, что в весенней кампании ВНА «понесли небольшие военные потери», — действительно, человеческая цена, которую северяне заплатили за захват значительной части Южного Вьетнама в 1975 г., была поразительно небольшой даже по сравнению с 1972 г. Впервые в этой войне Ханой направил в части ВНА корреспондентов и кинооператоров, чтобы те сопровождали армию в триумфальном марше. Среди них был Фунг Ба Тхо, недавно вернувшийся на родину после 20 лет в Европе, где он стал успешным режиссером. Тхо выдали военную форму и камеру и отправили на Юг, чтобы запечатлеть торжество революции. «Это было волнующее время», — вспоминал он. Поначалу он и его коллеги из коммунистических СМИ боялись появляться на улицах «освобожденных»²² южновьетнамских городов, заполненных взбудораженными толпами солдат и беженцев, «но потом мы поняли, что никто не собирается причинять нам вреда». Журналисты часто становились свидетелями привычной картины, как южновьетнамские солдаты срывают с себя военную форму, раздеваясь до трусов.

Одним из американцев, который особенно близко к сердцу воспринял трагические события тех дней, был Джим Ливингстон, герой

сражения при Дайдо в 1968 г., награжденный медалью Почета. Теперь он был начальником оперативного отдела бригады морской пехоты и находился на борту штабного корабля Blue Ridge, курсировавшего у побережья ЮВ. Когда он сошел на берег в Дананге, ему «стало противно» от увиденного. Он попытался остановить полковника из дивизии «Черная кошка», который, бросив своих людей, комфортно разместился на борту отплывающего военного корабля. «Давай вернемся — и я буду сражаться вместе с тобой, сукин ты сын!» — горячился американец, но вьетнамец категорически покачал головой²³. Некоторые офицеры выбрали другой путь: командир 42-го полка в Куинёне попрощался со своими людьми, которые погрузились на корабли, после чего вернулся в штаб и застрелился²⁴.

Первоначально Зяп надеялся на то, что головные формирования ВНА смогут взять Сайгон «с ходу», поддерживая динамику предыдущих недель, не дожидаясь подхода «Прибрежной колонны» с севера. Он приказал войскам генерала Ча изолировать столицу со стороны дельты Меконга, но атаки наткнулись на гораздо более сильное сопротивление, чем северяне встретили на Центральном нагорье. С южновьетнамскими канонерскими лодками завязывались яростные перестрелки; атака на Кантхо в середине апреля была отбита; ополченцы Региональных и Народных сил в Лонгане в течение четырех дней сдерживали натиск 5-й дивизии ВНА.

Самая крупная битва, которую пришлось принять коммунистам, состоялась в 60 км к северо-востоку от Сайгона за город Суанлок, столицу провинции Лонгкхань²⁵. Суанлок был крупным транспортным узлом на шоссе №1, окруженным каучуковыми и банановыми плантациями. Сражение, развернувшееся там 9 апреля, стало последней героической страницей в истории южновьетнамской армии, хотя проявленные защитниками стойкость и мужество уже не могли изменить неотвратимый ход событий.

офицерами очень грамотно подготовился к наступлению северян. Они эвакуировали бóльшую часть солдатских семей в Лонгбинь и заранее пристреляли орудия по путям подхода, использованным коммунистами еще в Тетском наступлении в 1968 г., разумно предположив, что на этот раз они воспользуются теми же маршрутами. Дао отправил войска занять возвышенности, где противник мог разместить артиллерийские наблюдательные пункты, спрятал все свои 36 орудий в бункеры, запаса боеприпасами и прослушивал каналы радиосвязи ВНА.

Северяне начали обстрел города 9 апреля в 05:40 утра. Почти первый же снаряд разрушил дом Дао рядом с католической церковью. В последующие дни артиллерия ВНА превратила значительную часть города в руины, однако причинила мало вреда защитникам, окопавшимся на окраинах. В 06:40 две красные ракеты сигнализировали о начале атаки бронетехники и пехоты. На восточном фланге продвижение 7-й дивизии ВНА было быстро остановлено благодаря заграждениям из колючей проволоки, минным полям и ударам южновьетнамской авиации. Подразделения 341-й дивизии, наступавшей на северо-востоке, прорвались в город, но южане интенсивным огнем заставили отступить ее неопытных солдат, среди которых было много подростков. Только 6-я дивизия ВНА добилась значимого успеха: двигаясь с южного направления, она перерезала шоссе №1 между Суанлоком и Сайгоном, изолировав город.

В течение следующих двух дней люди Дао отражали атаки противника и даже провели несколько успешных контратак. В последний раз в этой войне были массово задействованы вертолеты: сотня Huey доставила в Суанлок воздушно-десантную бригаду. Главными жертвами артобстрелов северян по-прежнему были несчастные жители города, но не его защитники. Командование ВНА было вынуждено признать, что совершило ряд серьезных ошибок. Генерал Ча не сумел выполнить приказ и заблокировать взлеты с авиабазы в Бьенхоа, чтобы лишить Суанлок авиационной поддержки; это было сделано только 15 апреля, когда северяне подвергли аэродром интенсивному ракетному и артиллерийскому обстрелу. Между тем после нескольких недель сражений их основная ударная сила — 7-я дивизия ВНА — выдохлась. Северяне были наказаны за самонадеянную попытку с ходу взять хорошо укрепленные позиции, которые южане обороняли не только с поразительным мужеством, но и по всем правилам военного искусства. Северяне также несли значительные потери от мощных осколочных бомб BLU-82 — «косилок маргариток» весом 6800 кг, а также от смертоносных кассетных бомб объемного взрыва CBU-55, которые южновьетнамские ВВС впервые использовали в этой войне.

Суанлок оставался последним бастионом среди рушащегося фронта. Упорное сопротивление Дао и его людей заставило Ханой отложить наступление на Сайгон, первоначально запланированное на 15 апреля, и дожидаться прибытия остальной части армии с севера. Сайгонское правительство организовало визит в Суанлок западных журналистов, чтобы те осветили в мировых СМИ героическую оборону города, но эффект был подорван поведением отчаявшихся горожан, толпы которых штурмовали вертолеты с репортерами. Защитники тоже выдохлись и не могли помешать противнику наращивать силы в своем тылу, на западных подступах к городу. 20 апреля гарнизон Суанлока получил приказ оставить город — они покинули его пешком, отступив через каучуковые плантации в южном направлении; 1-я воздушно-десантная бригада шла в арьергарде. Бригадный генерал Дао, по словам одного из солдат, «с измученным лицом человека, который почти не спал в последние дни», шел вместе со своими людьми, вместо того чтобы улететь на Ниеу, как это делали многие его коллеги. Так закончилось последнее крупное сражение этой войны. Ханой никогда не публиковал достоверных данных о своих потерях в битве за Суанлок; по примерным оценкам, потери ВНА составили 3000–4000 человек. Также следует отметить, что командование ВНА совершило тактическую глупость, ввязавшись в сражение за Суанлок: северяне вполне могли заблокировать город и продолжить наступление, оставив Дао и его людей «дозреть» в мучительном ожидании. Как бы то ни было, оставшиеся в живых южновьетнамские солдаты хранят память об обороне Суанлока как о доблестном эпизоде в драматической истории национального унижения.

Одновременно с битвой за Суанлок ожесточенные бои шли в Фанранге, прибрежном городе на шоссе №1 к югу от бухты Камрань, а также более чем в 300 км к северо-востоку от Сайгона, где силы ВСРВ в течение нескольких дней удерживали авиабазу. 3 апреля корабли ВМС США начали оказывать гуманитарную помощь беженцам, однако их командиры категорически отклоняли все мольбы южан об огневой поддержке. Южновьетнамские ВВС наносили удары по наступающим частям северян, и в ходе героической операции эвакуировали на вертолетах 800 оставшихся в живых бойцов воздушно-десантной бригады, оборонявших перевал М'Драк, — они были переброшены в Сайгон для укрепления столичного гарнизона.

16 апреля головные части Прибрежной колонны присоединились к наступлению на Фанранг; город и порт пали быстро, хотя авиабаза продержалась чуть дольше. Артиллеристы генерала Ана обменивались огнем с военными кораблями южновьетнамских ВМС. Между тем передвижение северян на захваченной технике иногда приводило к

трагическим недоразумениям: за годы войны вьетконговцы привыкли к тому, что любой, кто передвигается на транспортных средствах, — враг. Командующий северовьетнамской дивизией ПВО был смертельно ранен, когда его грузовик был взорван ракетой В-40; танки северян нередко попадали под дружественный огонь. Генерал Ан был в восторге от новенького американского джипа, изъятого им в штабе корпуса ВСРВ, но в ночь на 16 апреля он попал в партизанскую засаду и лишь чудом сумел убраться из-под огня на спущенных шинах.

Среди пленных, захваченных в ходе боев на побережье, были командующий корпусом ВСРВ генерал-лейтенант Нгуен Винь Нги и сотрудник ЦРУ Джеймс Льюис; оба были доставлены самолетом в Ханой. Когда северовьетнамский офицер службы пропаганды спросил у пленного генерала: «Как нам лучше сформулировать воззвания к марионеточным солдатам, чтобы они сложили оружие?», Нги устало ответил: «К чему какие-то воззвания? Армия уже развалилась». Сайгон пытался использовать оборону Суанлока, чтобы убедить американский конгресс в том, что его вооруженные силы способны сражаться и дать отпор коммунистам, если США окажут поддержку. Но сенаторы оставались неумолимы. Чувство обреченности, охватившее Южный Вьетнам, усугубилось после краха соседней Камбоджи. 1 апреля президент Лон Нол бежал из страны; 17 апреля красные кхмеры — детище северовьетнамских коммунистов, от которого они впоследствии открестились, — триумфально вступили в Пномпень и вскоре развернули геноцид против собственного народа.

«Ах, моя страна, моя бедная страна»

На протяжении большей части апреля по всей стране продолжали идти ожесточенные бои и течь потоки объятых ужасом беженцев, но все это происходило вне поля зрения мировых СМИ, а потому почти неизвестно потомкам. Тысячи коммунистических кадров были направлены из Северного Вьетнама на Юг, чтобы установить новую власть в районах, которые северяне высокомерно называли «освобожденными территориями». 2 апреля Ле Дык Тхо вместе с генералом Зунгом, которому теперь было поручено командовать наступлением на Сайгон, прибыл в новый штаб ВНА рядом с базой ЦУЮВ в Локнине. Решение Зунга, вопреки настояниям Ле Зуана, завершить разгром II корпуса ВСРВ на Центральном нагорье, прежде чем перенаправлять свои силы на юг, полностью себя оправдало. Крах обороны и паника на побережье наглядно показали всему миру, и особенно американскому и южновьетнамскому народу, что сайгонский режим и его вооруженные силы пребывают в агонии. Самым

удивительным было не то, что многие формирования ВСРВ капитулировали перед врагом, но то, что некоторые из них продолжали оказывать отчаянное сопротивление перед лицом неотвратимого натиска северян.

Между тем Сайгон погрузился в отдававшее безумием отрицание реальности. Несмотря на очевидность неминуемой победы коммунистов, многие обитатели столицы, как вьетнамцы, так и американцы, отказывались признавать, что вскоре их привычному миру со всеми его плюсами и минусами придет конец. Одним из главных эскапистов был посол Грэм Мартин. В феврале Фрэнк Скоттон, прилетевший в Сайгон вместе с делегацией конгрессменов, пришел в ярость, узнав, что Фрэнк Снепп — человек, который не боялся говорить самую суровую правду, — был отстранен послом от участия в брифингах. Скоттон пригласил аналитика ЦРУ на встречу с конгрессменами, чтобы проинформировать их о реальной обстановке.

8 апреля сайгонская резидентура ЦРУ направила в Вашингтон телеграмму с подробной информацией от проверенного и авторитетного «источника из Тэйниня» о решении Ханоя совершить рывок для достижения полной победы: «Как бы ни развивалась ситуация дальше... не будет и речи о переговорах или трехстороннем правительстве. Коммунистические силы нанесут удар по Сайгону». Однако посол Мартин почти с одержимым упорством до последнего отвергал очевидные факты и настаивал на возможности заключить сделку с Ханоем и сохранить остатки независимого Южного Вьетнама. Наиболее важным последствием такого витания в облаках было то, что посол отклонял все просьбы организовать эвакуацию для десятков тысяч вьетнамцев, которых неминуемо ожидала месть со стороны коммунистов, в результате чего эвакуация была начата слишком поздно и в очень ограниченных масштабах. Такое упрямство посла, вкупе с его неоправданно оптимистичными депешами в Вашингтон, вызывали беспомощное бешенство у сотрудников посольства, обеспокоенных судьбой своих южновьетнамских друзей и коллег. Только 21 апреля транспортные самолеты ВВС США начали вылеты из аэропорта Таншонньета — всего было сделано 304 рейса, — эвакуировав в общей сложности 43 000 американцев и вьетнамцев.

В последние недели перед падением Сайгона многие вьетнамцы, у которых не было связей, чтобы попасть на американский «ковер-самолет», пытались найти любые способы бежать из страны, несмотря на все тяготы изгнания, особенно мучительные для представителей этого народа с его культом семьи и привязанностью к родным местам. Между тем члены французской общины во главе с послом язвительно насмехались над американцами, пребывая в иллюзорной уверенности,

позже показавшей свою несостоятельность, в том, что особые отношения Франции с Ханом обеспечат ей особое положение в коммунистическом Вьетнаме.

Пиастр обесценился настолько, что иностранцы с долларами шиковали почти бесплатно: по словам пилота Air America, самая красивая проститутка в Сайгоне стоила 66 центов «за один раз» и \$1,11 за ночь. В барах и гостиницах разворачивались оргии, безумие которых подогревалось смертельным страхом, одолевавшим их участников. Американские советники призывали правительство Тхьеу хотя бы частично раскрыть своим людям реальное положение дел. Но южновьетнамские официальные лица продолжали предаваться пустословию и лжи на фоне панических слухов и того, что выглядело просто безумием: командно-штабное училище ВСПВ в Лонгбине продолжало занятия вплоть до 28 апреля. Курсанты из числа старших офицеров часами обсуждали сценарии боевых действий и приходили к выводу, что Соединенные Штаты не бросят в беде страну, ради которой они жертвовали жизнями 58 000 своих граждан.

Тогда как многие состоятельные вьетнамцы поспешно распродавали свое имущество, чтобы собрать деньги и бежать из страны, некоторые, наоборот, возвращались домой. Нгуен Тхи Чинь, которая в 1954 г. подростком бежала из Ханоя и с тех пор стала самой известной южновьетнамской кинозвездой, находилась на съемках в Сингапуре, но решила, что ей нужно вернуться в Сайгон: «Умом я понимала, что этого не нужно делать, но сердце звало меня домой». 1 апреля майор Нгуен Конг Луан, 21-летний ветеран войны, только что закончивший курсы в Форт-Беннинге, вместе с тремя товарищами вылетел из Сан-Франциско в Сайгон. В Таншоняте девушка за регистрационной стойкой в недоумении спросила: «Зачем вы вернулись? Далат пал прошлой ночью».

Несмотря на свою прежнюю роль союзника, новое лейбористское правительство Австралии приказало Королевским ВВС эвакуировать оставшийся австралийский персонал, но не брать на борт беженцев. Премьер-министр Гоф Уитлам добился от Ханоя публичных гарантий того, что населению Южного Вьетнама нечего опасаться со стороны будущего коммунистического правительства. Из 3667 человек, подавших заявления на получение австралийских виз в последние недели, всего 342 получили визы и только 76 из них в конечном итоге сумели уехать в Австралию. Вьетнамские сотрудники посольства были брошены на произвол судьбы. Между тем в приступе абсурдной сентиментальности иностранные благотворители организовали эвакуацию детских домов. Ни один здравомыслящий человек не мог предположить, что победившие коммунисты будут убивать детей, тогда

как было очевидно, что офицеры ВСРВ, чиновники и полицейские станут главными жертвами, — но у этих людей не оказалось богатых и сентиментальных иностранных друзей.

Лейтенант Нгиен Кхием впоследствии рассказывал: «Мы понимали, что проигрываем, но абсолютно не могли представить, что нам делать. Мы даже не осмеливались говорить друг с другом на эту тему, чтобы не поддаваться панике. Мы лгали нашим людям, чтобы успокоить их». Кхием был выходцем из семьи преуспевающего бизнесмена, их жившие в Европе родственники не переставали звонить им домой и настойчиво убеждать: «Уезжайте оттуда! Бегите!» «Они знали больше, чем мы, — сказал Кхием. — Но как было бежать?» Нго Тхи Бонг, пережившая ужасы коммунистической оккупации Хюэ в ходе Тетского наступления 1968 г., писала из Сайгона своему британскому другу Гэвину Янгу: «Мы почти побеждены. Мой самый дорогой, мой единственный сын Минь был в Дананге... Жив ли он еще? Или мертв? Какое это невообразимое горе для несчастной матери... я не могу выразить свои чувства... Мы живем от минуты к минуте... У меня больше нет слез, чтобы оплакивать моего Миня и переживать о моих внуках. Ах, моя страна, моя бедная страна».

Почти 3 млн американских ветеранов с особыми чувствами следили за драмой, разворачивавшейся по ту сторону Тихого океана. Отставной капитан морской пехоты Хейз Паркс с сожалением констатировал: «Если бы южане знали, какое будущее их ожидает, они бы воевали по-настоящему». Генерал-лейтенант Брюс Палмер негодовал: «Правда такова, что, когда Южный Вьетнам в предсмертные часы обратился за помощью к США, мы от него отвернулись... Наши южновьетнамские друзья никогда не смогут забыть трагический кошмар тех последних событий». Военная медсестра Филлис Брин была с ним согласна: «Я ужасно переживала из-за того, как мы поступили со всеми вьетнамцами, которые нам доверяли».

Британский журналист Ричард Уэст, глубокий знаток Индокитая и одно время страстный антиамериканец, с горечью писал из Сайгона: «Абсолютно неверно изображать происходящее в Южном Вьетнаме как свержение фашистского режима революционными силами. Даже в это тяжелое время, когда страна стоит на пороге гибели, оппозиционные движения имеют право на выражение протестов, а сайгонская пресса обличает власть имущих более дерзко, чем лондонская. Вьетконговцы, как называют местных южновьетнамских коммунистов, теперь играют в войне лишь незначительную роль; сайгонский пролетариат, проигнорировавший два призыва к восстанию в 1968 г., апатичен... Таким образом, то, что началось как революционная война, превратилось в классическую оккупацию Южного Вьетнама своим

северным соседом... Не может не вызывать отвращения злорадный тон некоторых иностранных изданий, смакующих ожидающую антикоммунистов участь». Это последнее замечание наглядно отражало триумф пропагандистских усилий Ханоя: сотни миллионов человек по всему миру, включая немалое число американцев, считали, что победа Северного Вьетнама над Южным будет справедливым исходом этой войны.

Рядом с американской зоной в аэропорту Таншоннята, откуда отправлялись рейсы для беженцев, тысячи вьетнамцев выстроились в длинную очередь, растянувшуюся за пределы площадки для боулинга и теннисных кортов. Вечером 23 апреля Ле Тхи Тху Ван, 45-летняя вдова застреленного южновьетнамского политика Нгуен Ван Бонга, встретила в очереди своего знакомого, пожилого преподавателя французской литературы, который едва сдерживал рыдания. Оказалось, что у него только что украли портфель, в котором находилось все его скромное богатство — \$2000. Старик сказал, что не поедет в Америку, чтобы просить там милостыню, и лучше вернется домой. Его двоюродный брат, заместитель министра образования, решил вернуться вместе с ним — это импульсивное решение стоило обоим нескольких лет в коммунистических «лагерях перевоспитания».

В конце концов Ван и ее дети оказались на борту транспортного С-130 и даже сумели занять четыре брезентовых кресла. Но вскоре в переполненном грузовом отсеке появился высокий молодой американец в гражданской одежде вместе с вьетнамской женщиной: протиснувшись к Ван и ее детям, он жестом потребовал освободить им места. Когда она отказалась, тот в гневе бросил свою тяжелую сумку ей на ногу и, устроившись со своей спутницей на полу, презрительно сказал: «Эй, знаешь, чем ты будешь заниматься в моей стране? Стирать грязное белье». Позже Ван писала: «Так я покинула мою родину с тяжелым сердцем и раздавленной ногой».

Друзья помогли семье летчика-истребителя южновьетнамских ВВС Чан Хоя получить места на рейсе World Airways. Поскольку теща наотрез отказалась покидать страну, он передал ей документы на свой дом и два автомобиля и ободряюще сказал: «Не волнуйтесь, мама, все это ненадолго. Как только ситуация успокоится, ваши внуки вернутся». Сам Хой вылетел на Гуам на борту военного транспортника Starlifter ВВС США; все оставленное им имущество перешло в руки коммунистов. Ева Ким, секретарь посла Мартина, сказала Мерлу Приббеноу: «У вас есть родственники-вьетнамцы — я могу договориться о нескольких местах на “черном” рейсе». Поскольку жена и сын Приббеноу уже покинули страну, Ким дала адрес, куда должны явиться его теща и племянница, чтобы их доставили на самолет. Ким,

образец доброты и сострадания, помогла уехать и многим другим вьетнамцам.

Некоторые дети, такие как девятилетний Бонг, воспринимали эвакуацию как «увлекательное приключение, возможность побывать в новых, захватывающих местах». Мальчик не мог понять, почему окружающие его взрослые так много плачут. Его мать, как и почти все беглецы, ничего не сказала о своих планах друзьям и соседям, но в очереди в Таншонняте они встретили множество ее знакомых, коллег и одноклассников — все они испытывали такой стыд и душевные мучения, что предпочитали молчать. Они прождали два долгих дня и две ночи, пока в конце концов не погрузились на борт С-130. Им пришлось пережить несколько минут страха, пока самолет набирал высоту, потому что коммунисты подошли так близко к столице, что открывали огонь по самолетам. Через несколько часов дискомфорта полета в грузовом отсеке они, совершенно обессиленные, приземлились на Филиппинах. Эвакуация не обошлась без коррупции: некоторые американцы и вьетнамцы, имевшие право вписывать имена в полетные листы, продавали эти места за деньги, из-за чего сотни проституток с «зелеными деньгами» — долларами США — смогли бежать из страны. Сами американцы заплатили больше \$50 000 взятку южновьетнамским полицейским и военным служащим в аэропорту Таншоннята, чтобы те не препятствовали эвакуации своих соотечественников.

Что же до лидера Южного Вьетнама, его «марионеточного» президента, то о чем думал Нгуен Ван Тхиеу, сидя почти в одиночестве в огромном, гулком Дворце независимости, в то время как его страна рушилась на глазах? «Из Тхиеу вышел бы отличный игрок в покер в Лас-Вегасе, — сказал Фрэнк Скоттон. — Он был непроницаем, как стена». По словам Фрэнка Снеппа, «как только мы перестали управлять президентом [Южного Вьетнама], мы от него отrekliсь. Тхиеу был трагической фигурой». Один из высших офицеров южновьетнамских ВВС считал, что над Тхиеу всегда довлел призрак Зьема: он боялся, что его ожидает та же участь, если он бросит вызов Вашингтону. «Поэтому американцы видели в Тхиеу всего лишь маленького испуганного мальчика». Министр ВРП Чыонг Ньы Танг утверждал, что главной ошибкой Тхиеу была наивная вера в то, что американцы испытывают к нему едва ли не кровную преданность: «Ему казалось немыслимым, что они могут бросить его в такой отчаянной ситуации».

Последнее предположение правдоподобно, хотя и не подтверждено, поскольку в изгнании Тхиеу хранил гробовое молчание. В последние недели своего пребывания у власти — или, точнее сказать, безвластия — он проявлял такую же политическую некомпетентность, которая была характерна для всего его восьмилетнего правления. В середине

марта он отклонил призывы об отставке от «отца оппозиционеров» Чан Хыу Тханя и бывшего вице-президента Ки, который обиженно сидел на своей ферме, с тех пор как из-за политических интриг был вынужден отказаться от участия в президентской гонке 1971 г. Десять человек были брошены в тюрьмы якобы за участие в заговоре с целью свержения правительства. Тхиеу проигнорировал голосование в сенате за его отстранение от должности. 4 апреля он запоздало перетасовал кабинет, хотя его пребывание на президентском посту, как и всегда, зависело от лояльности генералов. Двойной агент «Хакл» — тот самый «источник из Тэйниня» — сообщил ЦРУ, что Ханой не заинтересован в сделках с каким-либо южновьетнамским кругами и группами. Зачем Северу торговаться, когда он стоит на пороге полной военной победы? Только посол Мартин и горстка влиятельных южновьетнамцев продолжали цепляться за иллюзорную надежду, что существует возможность предотвратить окончательное поглощение Юга коммунистами.

В глазах потомков Тхиеу предстает малопривлекательной фигурой, непопулярным лидером, который не сумел обеспечить благополучие собственного народа, правя страной через горстку в разной степени коррумпированных военачальников. До нас не дошло никаких «историй из жизни», которые могли бы наделить эту противоестественно каменную личность человеческим лицом. Пожалуй, лучшее, что о нем можно сказать: он не был одним из самых жестоких и кровавых автократов в мире. 21 апреля он подал в отставку с поста президента и через четыре дня навсегда покинул свою страну в сопровождении бывшего премьер-министра Чан Тхиен Кхиема. В темноте Фрэнк Снепп отвез Тхиеу из частной президентской резиденции на авиабазе «Таншоннят» к ожидавшему его самолету C-118 ВВС США. Бывший президент пожал руку сотруднику ЦРУ и сказал короткое «Спасибо», пытаясь сдержать слезы. Вокруг собралась немногочисленная группа американских агентов, дипломатов и охранников, все в штатском, которые обменивались нервными шутками по поводу доносившихся издали орудийных залпов.

У трапа самолета Тхиеу обменялся несколькими словами с американским послом. «Он просто со мной попрощался, — впоследствии вспоминал Мартин. — Ничего такого исторического. Обычное “До свидания”». Когда двигатели самолета взревели, возник нелепый момент: посланник, напыжив грудь, принялся сам оттаскивать трап. Снепп крикнул: «Господин посол! Позвольте я помогу?» Многие годы после этого ходили слухи, что Тхиеу вывез с собой в багаже золотой запас Южного Вьетнама, но, судя по скромному образу жизни, который вел он сам и его семья в изгнании, было непохоже, чтобы они

обладали огромным тайным богатством: в 2016 г. его вдове пришлось полагаться на щедрость друзей, чтобы купить участок на кладбище в округе Ориндж. На могиле Тхьеу следовало бы выгравировать такую эпитафию: «Марионетка, которая рухнула, когда кукловод обрезал веревки».

На несколько дней обязанности президента перешли к 71-летнему бывшему школьному учителю, вице-президенту Чан Ван Хыонгу, в то время как генерал-лейтенант Нгуен Ван Тоан готовился к обороне Сайгона. В его распоряжении имелось 60 000 солдат регулярных войск и примерно столько же ополченцев Региональных и Народных сил. Этого было недостаточно, чтобы обеспечить круговую оборону города, поэтому южные подходы остались почти незащищенными. Никто ни с одной, ни с другой стороны не сомневался, что южане не выстоят под массированным натиском северян, но некоторые южновьетнамские офицеры и политики цеплялись за надежду, что сумеют продержаться достаточно долго, чтобы договориться об условиях капитуляции вместо унижительной безоговорочной сдачи. Между тем АНБ перехватило радиосообщение северян с приказом открыть артиллерийский огонь, если американцы не уйдут из города, когда войска Зунга достигнут его центра. До сих пор неизвестно, было ли это простым блефом, но это убедило американский персонал в необходимости покинуть Сайгон до подхода головных отрядов коммунистов.

Под командованием Зунга находилось более 250 000 солдат: 5 корпусов, 14 дивизий, 10 отдельных бригад и полков, а также зенитно-ракетный батальон с комплексами С-75, переброшенный из Северного Вьетнама. Группа пилотов была срочно отправлена на переобучение с МиГ-17 на А-37, чтобы задействовать захваченные самолеты; Ханой отказался использовать свои МиГи, опасаясь спровоцировать ответ США. Разработанный Зунгом план наступления предполагал нанесение ударов по нескольким направлениям, в первую очередь по ключевым штаб-квартирам и символам военной мощи и политической власти, в том числе по авиабазе «Таншоннят» и Дворцу независимости. Саперные подразделения получили приказ до подхода моторизованных колонн захватить 14 мостов, отделявших исходные позиции северян от городского центра. Перед Зунгом были поставлены задачи заблокировать и разгромить силы защитников на окраинах, чтобы предотвратить разрушительные бои в центре города.

25 апреля Ле Дык Тхо отправил своим коллегам в Политбюро длинную телеграмму, чтобы успокоить их тревоги по поводу того, что эндшпиль может опасно затянуться или же что после потери Сайгона южновьетнамские войска могут отойти в дельту и организовать там долговременный очаг сопротивления. «Вы можете быть спокойны», —

телеграфировал Тхо. Все будет в порядке: Сайгон обречен — режим падет вместе с ним.

Когда солдаты спецгруппы охраны южновьетнамских ВВС на авиабазе «Таншоннят» спросили у лейтенанта Нгиен Кхиема: «Что будем делать, командир?», тот несколько минут молчал, не зная, что ответить. «Идите по домам, — в конце концов, сказал он. — Лучшее, что вы можете сделать, это позаботиться о себе и своих семьях». В те дни тысячи южновьетнамских командиров и начальников в гражданских ведомствах сказали своим подчиненным те же самые слова. Сам Кхием сел на мопед и поехал домой. Едва выехав за ворота базы, он увидел посреди дороги печальное зрелище: две маленькие одинокие фигурки — мальчик лет десяти и девочка лет шести — сидели на груде сумок и чемоданов. Кхием затормозил, подошел к ним и спросил: «Что вы здесь делаете?» Мальчик ответил: «Наши родители сказали, чтобы мы оставались здесь и ждали их». — «Когда это было?» — «Рано утром».

Была уже середина дня. Кхием дошел до ближайшего киоска через улицу, купил фруктовый сок и отдал детям. Это было единственное, чем он мог им помочь. «Лучше оставьте вещи здесь, возвращайтесь домой и ждите родителей там», — сказал он им. Они неуверенно кивнули, и он поехал дальше, оставив несчастных детей сидеть посреди дороги.

Начало финального наступления на Сайгон с шести направлений было запланировано на 27 апреля, но Прибрежной колонне было приказано выступить на день раньше, поскольку ей предстояло форсировать две большие реки. Рано утром 26 апреля 20 артиллерийских батальонов начали обстрел восточных подступов к столице, после чего вперед двинулись танки и пехота. На следующий день 4-й корпус ВНА заставил отступить 18-ю дивизию ВСРВ, героев обороны Суанлока, тогда как 2-й корпус генерала Ана нанес удар в направлении единственной дороги, связывавшей Сайгон с побережьем. Ан писал: «Интенсивность боя возрастала с каждой минутой; наши войска и противник сражались за каждую разрушенную стену, бункер, каучуковое дерево, танк против танка, гаубица против гаубицы». Региональные силы некоторое время держали оборону городка Лонгтхань; остатки элитной воздушно-десантной дивизии удерживали свои позиции, пока северяне не обошли их с фланга, после чего отступили к порту Вунгтау.

Вечером 28 апреля пять захваченных А-37, управляемых северовьетнамскими пилотами, подвергли бомбардировке авиабазу «Таншоннят», застигнув ее защитников врасплох и уничтожив несколько самолетов. Десять часов спустя северяне обрушили на базу шквальный ракетный и артиллерийский огонь, убив в том числе двух

морских пехотинцев США. Саперы ВНА захватили и несколько часов удерживали Ньюпортский мост недалеко от центра столицы: десятки западных репортеров и операторов с напряженным интересом наблюдали за развернувшимся боем. На северных подступах южновьетнамская морская пехота дала северянам впечатляющий отпор, но это уже не могло спасти ситуацию: линии обороны были прорваны в 20 местах, и коммунистические силы устремились к столице.

10-я дивизия ВНА, которая с начала Весенней кампании записала на свой счет больше успехов на поле боя, чем любое другое подразделение, преодолевала последние километры по шоссе №1. Колонну, стремительно двигавшуюся через Кути — некогда опорный район Вьетконга с легендарной системой туннелей, вырытой буквально под ногами у американцев, возглавляли танки Т-54 и К-63, большинство из которых почти выработали свой ресурс, а также захваченные американские М-41 и М-48. Яростно подгоняемые своими командирами, танкисты, чьи машины были облеплены десятками пехотинцев, получили приказ прорываться через линии обороны на полном ходу, вместо того чтобы тратить драгоценные часы на развертывание пехотных атак. 29 апреля к 06:00 утра саперы и пехота захватили мост Шанг, который вскоре обрушился под тяжестью двух танков, в результате чего наступающие наткнулись на «упорное сопротивление» в Донгзу. Многие танки завязли в топких берегах при попытке форсировать реку — инженерным подразделениям пришлось попотеть, вытаскивая тяжелые машины. После этого они дали бой южновьетнамским танкам, но путь вперед по шоссе №4 оказался заблокирован грузовиками. Под проливным дождем южане почти все утро удерживали текстильную фабрику Vinatexco и мост Тхам Лыонг. Во второй половине дня на авиабазе «Таншоннят» взорвалось бомбохранилище, а ближе к вечеру танки северян начали обстреливать самолеты на стоянке. С наступлением темноты коммунисты взяли передышку, чтобы на рассвете возобновить наступление.

Тем временем обитатели столицы запоздало осознали, что неумолимо надвигающееся коммунистическое цунами вскоре погребет под собой остатки их страны. Начальник штаба ВСРВ Као Ван Вьен подал в отставку и 28 апреля улетел на американский авианосец, где на следующий день к нему присоединился генерал Тоан и другие высокопоставленные военные чины. Бывший вице-президент Ки обратился к своим соотечественникам с напыщенной речью, призвав превратить Сайгон во второй Сталинград, после чего сел в пилотское кресло Нhueу и взял курс на авианосец Midway. Чтобы избежать унижительной процедуры сдачи личного оружия американским морякам, Ки и его спутники по пути выбросили его в море: Ки не

пожалел даже пистолет, подаренный ему самим Джоном Уэйном. Капитан корабля поприветствовал их и, указав на планку вьетнамской медали на своей груди, сказал: «Помните, как вы мне ее вручали?» Позже Ки писал: «Мои глаза наполнились слезами. Безудержные рыдания сотрясали мое тело. Капитан молча вышел, аккуратно закрыв за собой дверь каюты, оставив меня наедине с моими страданиями». Несмотря на репутацию продажного политика, Ки начал новую жизнь в Калифорнии почти без гроша.

В те дни в небе почти непрерывно стрекотали вертолеты, обеспечивая эвакуацию сначала из Таншонята, а с 29 апреля — из посольства США и еще нескольких объектов — последних американских анклавов. После обеда лейтенант Кхием добрался до родительского дома в Сайгоне и нашел всех членов своей семьи, включая старенького деда, в слезах. Следуя обычаям своей страны, Кхием попросил у тестя разрешения отвезти свою жену Льен в посольство США, откуда вертолеты эвакуировали людей на корабли Седьмого флота. Когда они на мопеде прибыли к посольскому комплексу, находившемуся в нескольких кварталах от их дома, они обнаружили, что морские пехотинцы США с трудом сдерживают натиск испуганной толпы, собравшейся у его стен. Вскоре на мотороллере Lambretta приехал его тесть с двумя младшими дочерьми. Они дождались старшего брата Кхиема и с трудом протиснулись к воротам.

Удостоверение лейтенанта ВВС сделало свое дело: американские морпехи согласились впустить всю группу. Но младший брат Кхиема, 23-летний студент юридического факультета, так и не появился. Кхием вернулся домой, дождался брата и снова пробился сквозь толпу к воротам посольства: сунув брату в руку \$100, он буквально силой втокнул его внутрь, после чего сам поехал домой.

25-летний Чан Тан, как и Кхием, был тесно связан с американцами — он работал ночным телефонистом в USAID. Начальство попросило его остаться как «необходимого сотрудника», который имел право на место на эвакуационном рейсе. Он позвонил родителям — домашний телефон был еще одной привилегией, связанной с его работой, — и попросил 15-летнего брата Хунга принести ему в офис еду и одежду. Когда тот пришел, Тан велел ему остаться. Он спросил у своих американских боссов, можно ли ему позвать двух других братьев. Нет, категорически сказали они: оба были солдатами, а президент Тхиеу запретил военным покидать страну. Позже Тан сказал: «Я был глупцом, что послушал их. Когда мы добрались до Гуама, я увидел там толпы военнослужащих ВСРВ, и узнал, что, если бы мы дали несколько долларов нужным людям, мои братья тоже могли бы эвакуироваться».

Его отец отказался уезжать, сказав: «Я слишком стар, чтобы бояться смерти». 29 апреля в 18 часов Тан и Хунг сели в вертолет в посольстве США и покинули страну: как и многих других вьетнамских беженцев, их ждала многолетняя разлука с семьей. Позже Тан с облегчением узнал, что оба его брата — рядовые-срочники — были избавлены от ужасов коммунистических лагерей, которые ожидали бывших офицеров.

В последний день эвакуации сотрудники ЦРУ в оперативном зале, сгорая от стыда, слушали мольбы о помощи, прорывавшиеся сквозь статические шумы на всех каналах радиосвязи, на которые никто не отвечал: «Я мистер Хан, переводчик...» Фрэнк Снепп назвал их «радиокошмарами». Вряд ли можно предполагать, что, даже если бы посол Мартин проявил бóльшую дальновидность, Соединенные Штаты организовали бы по всей стране упорядоченную эвакуацию всех этих десятков тысяч южновьетнамцев, которые тем или иным образом были связаны с американцами. На побережье толпы людей в панике грузились на все доступные суда, катера и лодки, которыми были усеяны прибрежные воды Южного Вьетнама еще несколько следующих недель; лишь немногим счастливицам удалось покинуть страну на самолетах.

В последнюю ночь в посольстве у помощника Мартина Кена Мурфилда состоялся разговор с шефом сайгонской резидентуры ЦРУ Томом Полгаром; было видно, что коренастый лысый венгр «испытывал сильные душевные муки и отчаяние». Полгар до последнего момента разделял иллюзорные надежды посла на возможность политической сделки. «Если бы мы только не урезали им помощь!» — горько сетовал он. Когда Мурфилд шел к вертолету, в посольском комплексе и его округе «стояла зловещая тишина. Не раздавалось почти ни звука. Не было слышно ни выстрелов, ни оружейных залпов. Словно все замерло в преддверии того, что должно было произойти». В последний день эвакуации вертолеты ВМС США совершили 682 вылета и доставили на военные корабли Седьмого флота 1373 американца и 5595 граждан других стран, в подавляющем большинстве вьетнамцев. Посол Мартин со своей свитой сел в вертолет в 04:58 30 апреля и, после того как пилот передал на командный корабль условленный кодовый сигнал «Тигр, Тигр, Тигр», навсегда покинул посольство. В посольском комплексе оставалось еще несколько сотен вьетнамцев, но Вашингтон настоял на завершении эвакуации — оставшиеся американские морпехи были вывезены в 07:53 утра.

В то время как последние американцы покидали их страну, южане остановили наступающего противника у учебного центра Куангчунг: они подбили четыре танка и держали оборону всю ночь. В 05:30 30

апреля северяне возобновили атаки, но встретили такое же яростное сопротивление. Один из танков ВНА был одновременно подбит ракетой из М-72 и снарядом из южновьетнамского танка, который сразу после этого был протаранен Т-54, но экипаж южновьетнамского танка сумел выбраться из машины и спастись. Одно заблудившееся подразделение ВНА уговорило местного парня сесть на танк и показать им дорогу. Но, как только колонна попала под обстрел, проводник спрыгнул с брони и сбежал, так что северяне снова свернули не в том месте. Официальная история Ханоя говорит о «все более упорном сопротивлении». Первый танк ВНА, приблизившийся к главным воротам Таншоньята, был подбит и загорелся: «Наша пехота была пригвождена к земле плотным огнем, головные подразделения... были настолько ослаблены, что оказались неспособны продолжать атаку». Офицеры оперативно оценили ситуацию и направили подкрепления.

Южновьетнамские ВВС, совершив один из последних вылетов в этой войне, уничтожили еще два танка. К 10:15, когда северяне потеряли еще больше бронетехники, «ситуация стала чрезвычайно сложной». Но затем пехота сумела прорвать линию обороны и захватить несколько укрепленных огневых точек к западу от главных ворот. Колонна танков и бэтээров ринулась через прорыв и рассредоточилась внутри периметра, ведя огонь на ходу. Вскоре начали появляться группы защитников, жестами показывая, что они хотят сдаться. К полудню последнее сопротивление на авиабазе «Таншоньят» было подавлено.

Ветеран Вьетконга Хюинь Конг Тхан вел силы ВК размером с дивизию с южного направления на Сайгон. Хотя общий коллапс был очевиден, его подразделения наталкивались на локальные очаги ожесточенного сопротивления, из-за чего непрерывно несли потери. После того как несколько их атак на окружной военный штаб были отбиты, они в конце концов обошли его стороной. Затем они пересекли реку Канзуок и двинулись на Сайгон тем же маршрутом, что и в ходе Тетского наступления 1968 г., но на этот раз с куда более триумфальным настроением. Тхан завершил свою войну захватом Управления национальной полиции и Штаба ВМС в центре столицы. «Лица наших солдат ярко светились улыбками победителей», — писал он. Символическая кульминация наступила 30 апреля, когда один из танков 304-й дивизии генерал-майора Ана протаранил ворота Дворца независимости, бывшей резиденции президента Тхиеу.

Генерал Зыонг Ван Минь, Большой Минь, чей младший брат был высшим офицером ВНА, за три дня до этого во второй раз стал президентом Республики Вьетнам. Он попытался договориться о прекращении огня, но коммунисты были готовы договариваться с

Минем ничуть не больше, чем с любым другим южанином. Утром 30 апреля Большой Минь сделал для своего народа единственное, что оставалось в его силах: он подписал безоговорочную капитуляцию и записал обращение с призывом к южновьетнамским солдатам сложить оружие, которое многократно транслировалось по радио и позволило спасти множество человеческих жизней. С наступлением темноты все значительные боевые действия прекратились.

Тысячи вьетнамцев продолжали бежать из Сайгона и в этот день, и в течение нескольких последующих недель. Лейтенант Кхием, обессиленный, вернулся из посольства домой, где его ждали родители и дед: «Не было времени плакать. Нужно было думать, как выжить». Утром 30 апреля им сообщили, что на берегу реки стоит транспортное судно, которое за определенную плату берет на борт беженцев. Кхием умолял мать поехать вместе с ним, но она сказала, что ей нужно остаться и заботиться о деде. Отец отвез его на берег на одном из грузовиков, принадлежавших их семейной фирме, и поспешно попрощался с сыном, не в силах сдержать эмоций. Молодой офицер прыгнул на борт судна в плотную толпу тел: «Там была пара тысяч человек, не меньше». Вокруг уже рвались ракеты и снаряды. «Отчаливай!» — крикнул Кхием морякам. Они двинулись вниз по реке Сайгон вместе с другими судами и кораблями ВМС, время от времени попадая под обстрел коммунистов. Когда судно уже вышло в море, они слышали по портативным радиоприемникам, что Южный Вьетнам официально объявил капитуляцию: им оставалось только плакать и молиться.

Нгуен Хай Динь, перебежчик из ВНА, который последние четыре года провел в сайгонской семинарии, готовясь стать католическим священником, знал, что после победы коммунистов его будущее будет очень коротким. 30 апреля, яростно работая локтями, он проложил себе путь через растерянную толпу на пристани и забрался в крошечную рыбацкую лодку, где сидели 15 южновьетнамских десантников. Лодка доставила их на сухогруз, на борту которого собралось 4000 беглецов. Среди всех ужасов плавания — в какой-то момент у сухогруза вышли из строя двигатели — Динь избавился от своего южновьетнамского удостоверения личности и справки, что он чиеу-хой. Они прибыли в Гонконг, где он провел девять месяцев. Его мечта о жизни в США умерла вместе с бегством из Сайгона: как и многие его земляки, теперь он считал американцев предателями и предпочел обосноваться в Великобритании.

Тысячи людей на берегу подавленно взирали на армаду больших и малых военных кораблей, транспортных судов, танкеров, рыболовецких траулеров и джонок, медленно удалявшихся от побережья канувшего в

лету государства Республика Вьетнам в Южно-Китайское море, — зрелище, знаменовавшее собой самое горькое унижение, когда-либо испытанное Соединенными Штатами, и самую мучительную трагедию, которую пришлось — и еще предстояло — пережить народу Южного Вьетнама.

* * *

Когда коммунистические силы приблизились к Вунгтау, многие южновьетнамские солдаты надели на руки красные повязки и объявили, что переходят на сторону победителей. Лейтенант Нгуен Куок Ши отказался от возможности бежать из страны, «потому что я любил Вьетнам и не хотел жить в Америке». В последние часы перед захватом порта ему довелось наблюдать трагические сцены: «Некоторые десантные подразделения сражались до последнего солдата. Были люди, которые убивали себя и свои семьи». На его глазах прямое попадание артиллерийского снаряда пустило ко дну маломерное судно, набитое беженцами. Затем Ши и другие южновьетнамские офицеры наблюдали, как 3-я дивизия ВНА «Желтая звезда» вступает в город. Их поразили юный возраст солдат: «Многим из них было 13, 14, 15 лет. Мы говорили друг другу: “Как мы могли проиграть войну таким детям? Мы должны были их победить!” Мы были очень подавлены. Коммунисты не знали, что с нами делать. Я отдал свой кольт калибра .45 одному молодому солдату, который начал играть с ним, как с игрушкой. Мне пришлось забрать пистолет и вынуть пули, чтобы он ненароком не застрелился». Первым делом коммунисты отправили сдавшихся офицеров хоронить уже начавшие разлагаться тела, которыми были усеяны районы последних сражений, в том числе вокруг Суанлока.

Флотилия командера Чи стояла в гавани Вунгтау с 6 апреля, все это время офицеры и рядовые горячо обсуждали, бежать из страны или нет. Примерно половина решила сойти на берег. Как позже сухо заметил Чи, «если бы они знали, что их ждет при коммунистах, все бы остались [на борту]». Остальные 1500 человек взяли курс на Субик-Бей; на борту десантного корабля их плавание прошло спокойно и даже комфортно по сравнению с теми суровыми испытаниями, которые пришлось пережить десяткам тысяч их соотечественников. Группа сотрудников американского консульства покинула Кантхо на двух старых десантных кораблях, набитых вьетнамцами; они пережили голод, жажду, проливные дожди и морскую болезнь, прежде чем их подобрал старый транспорт Pioneer Contender класса Liberty. Настроение измученных и обозленных американских дипломатов, которые считали, что их бросили в Кантхо, несколько не улучшилось при виде знакомой фигуры сотрудника ЦРУ, который улетел из города

на вертолете и теперь безмятежно взирал на них с кормы огромного корабля. «Эй, — крикнул он, — вам не повезло! Пришлось помокнуть!»

Мало у кого в Тэйнине было больше причин бояться прихода коммунистов, чем у подполковника Фан Тан Нгыу, главы Специальной службы полиции, чья жена Нгует также работала в его отделении. Его советник из ЦРУ предложил им места в Ниеу, но они отказались, потому что их двое детей гостили у бабушки и дедушки. 30 апреля, закончив жечь рабочие бумаги, Нгыу сел с женой на «Хонду» и поехал за детьми, но дорога оказалась заблокированной северянами. Они ненадолго нашли убежище в храме, но тем же вечером были арестованы. 32-летняя майор Нгуен Тхюи из сайгонской полиции также знала, что ее ждет, если она попадет в руки коммунистов, но не могла покинуть страну, потому что ее младший сын — «самый любимый» — находился у ее родителей в Митхо. Следующие 13 лет она провела в лагере перевоспитания; ее муж, офицер ВСРВ, получил всего шесть лет. Все их семейное имущество, включая дом и дом их родителей, было конфисковано.

Перед самым падением Сайгона майор Нгуен Конг Луан выпил полбутылки бурбона, чего, будучи трезвенником, никогда прежде не делал, но не почувствовал никакого опьянения. Затем он приставил к виску пистолет, но его водитель сказал: «Пожалуйста, не делайте этого, умоляю вас! Или тогда уж возьмите меня с собой — как вы будете обходиться без водителя в загробном мире?». Это заставило Луана рассмеяться и отказаться от мыслей о самоубийстве. Но другие решили иначе. Недалеко от дома Луана на той же улице жил армейский майор. После роскошного семейного ужина он дал жене и семерым детям снотворное, после чего застрелил их одного за другим и покончил с собой. В посмертной записке он написал: «Дорогие соседи, моя семья не может жить при коммунистическом режиме. Пожалуйста, простите нас и помогите моим родственникам нас похоронить. В нашем сейфе лежит немного денег. Потратьте их на наше погребение. Спасибо вам, и прощайте!»

В 17 часов вечера 30 апреля население Северного Вьетнама услышало по множеству уличных громкоговорителей знакомую воинственную мелодию «Бей фашистов», предварявшую выпуск новостей радиостанции «Голос Вьетнама», после чего диктор торжественно произнес: «Соотечественники, вас приглашают прослушать специальный выпуск новостей, посвященный провозглашению победы». По его окончании прозвучала песня «Если бы дядюшка Хо был с нами, чтобы вместе отпраздновать этот счастливый день!».

В Сайгоне северяне были поражены богатым ассортиментом товаров в магазинах. Один молодой лейтенант ВНА поспешил в книжный магазин «Просвещение», принадлежавший Кхай Чи, где на свои жалкие сбережения купил два вьетнамско-английских словарика — один для себя, другой для сестры: «Я собирался продолжить учебу в институте, а в Ханое таких словарей было не достать». У Бао Ниня сложилось впечатление, что многие южане были рады тому, что война наконец-то закончилась. Он был прав: первоначальной реакцией миллионов южан действительно был всплеск облегчения, который на короткое время затмил их страх перед будущим.

Официальная история Ханоя предоставляет лишь фрагментарную статистику по завершающей кампании этой войны. Согласно опубликованным данным, в сражениях за Суанлок, Фанраг и западные подходы к Сайгону, а также в финальном наступлении на столицу потери коммунистических сил превысили 12 000 убитыми и ранеными. Как сухо заметил старший офицер ВНА, «наш путь к победе не был выстлан красной ковровой дорожкой, как многие полагают». По оценкам, в 1975 г. армия Северного Вьетнама потеряла убитыми около 10 000 человек — относительно небольшое число, всего лишь вершина громадной горы трупов, которая была выложена Ле Зуаном ради достижения заветной цели — воссоединения Вьетнама под властью коммунистов.

Генри Киссинджер был глубоко потрясен колоссальной человеческой трагедией, развернувшейся накануне и после коммунистического триумфа. Тем не менее, когда Грэм Мартин после своей экстренной эвакуации из Сайгона явился в кабинет к госсекретарю, тот сказал бывшему послу с характерным черным юмором: «Вам было бы лучше вернуться обратно, потому что эта проклятая историческая теория заставит нас найти козла отпущения, который во всем этом виноват».

Глава 28

После войны

Возмездие

Когда на полях сражений воцарилась тишина, солдаты-победители вернулись домой — не менее разочарованные, чем их бывшие проамериканские враги. Южанин Чау Фат злорадно заметил: «Северяне получили от победы гораздо меньше, чем ожидали»¹. В своем автобиографическом романе «Печаль войны» Бао Нинь описывал

возвращение в Ханой в конце 1975 г. на так называемом Поезде объединения, переполненном ранеными и демобилизованными солдатами: «Вещмешками были забиты все багажные полки и завалены все углы. Всюду вертикально и горизонтально были натянуты гамаки, отчего вагоны напоминали привалы в джунглях. Не было никаких торжественных встреч, церемоний, оркестров. Никому не было дела до победителей — ни населению, ни руководству»². Бао Нинь сравнивал шумные станции, через которые они проезжали, с городскими рынками и с негодованием писал об обысках, которым неоднократно подвергались солдаты с целью поиска награбленного имущества: «Громкоговорители орали, оглушая раненых, больных, немощных, слепых, с белыми глазами и серыми губами, страдающих малярией солдат. В их уши лился бесконечный поток самых абсурдных посланий, призывавших их не поддаваться духу примирения, отвергать любую теплоту и человечность по отношению к руинам поверженного сибаритского Юга. А также не допускать даже мысли о том, что его народ доблестно сражался или заслуживает какого бы то ни было уважения». Нинь и большинство его товарищей презрительно высмеивали «эту бессмыслицу».

Бывший секретный кадр НФОЮВ и затем министр юстиции Временного революционного правительства Чыонг Ньы Танг был один из тех, кого оттолкнуло то, каким образом происходило «освобождение» Южного Вьетнама: «Компартия Ханоя сосредоточила всю власть в руках коррумпированных и некомпетентных бюрократов и безжалостных служб безопасности. Те боролись между собой, кто из них конфискует для себя лучшие особняки, богатые плантации и предметы роскоши с черного рынка»³. Танг с горечью вспоминал партийное собрание, на котором северяне отвергли намерение ветеранов НФОЮВ создать свое правительство и заявили, что Южным Вьетнамом будут править они: «Не было опубликовано ни одной фотографии с того собрания в дансинг-холле “Рекс”, где 18 июля 1975 г. южновьетнамская революция подверглась финальному унижению». Соратники Танга по НФОЮВ предавались запоздалым размышлениям: «По крайней мере, при Зьеме и Тхиеу воры знали, что такое честь. Эти же партийные кадры жадно прибирали к рукам все, что попадалось им на глаза. Действительно ли избавиться от американцев было такой хорошей идеей?»⁴ Северовьетнамские офицеры и коммунистические кадры «после многих лет суровых лишений военной жизни вдруг получили [в Сайгоне] доступ к тому, что представлялось им сказочными богатствами, отданными на разграбление. Казалось, будто город был захвачен роем саранчи».

Между тем, вернувшись домой, некоторые американцы со стыдом думали о тысячах союзников, фактически брошенных на растерзание коммунистам. В августе 1975 г. Фрэнк Снепп, выступая в вашингтонском Институте дипломатической службы, сказал: «Мы оставили в посольском комплексе и за его стенами 400–500 сотрудников Специальной службы полиции, которых мы обучили... около 1200 сотрудников центральной разведывательной службы... и 30 000 агентов нашей контртеррористической программы “Феникс”»⁵. Он раскрыл шокирующий факт, что бóльшая часть документов, содержащих десятки тысяч имен вьетнамцев, работавших на американцев или сайгонский режим, не была уничтожена, и сказал, что, по его оценкам, всего треть наиболее уязвимых из них смогла бежать из страны. Аудитория, где собрались представители политического истеблишмента, слушала Снеппа в ошеломленном молчании. Однако, как выяснилось, они были потрясены не столько тем, что сделали или не сделали американцы по отношению к своим союзникам, сколько тем, что Снепп решил открыто об этом заговорить. За разоблачительную книгу «Пристойная пауза», опубликованную в 1977 г., правительство США подвергло его судебному преследованию и конфисковало доходы от ее продажи, а разведывательное сообщество наделило автора клеймом изгоя.

Что касается беглецов, покинувших свою страну при столь трагических обстоятельствах, то их оказалось намного больше, чем были готовы принять на борт американские корабли. Когда переполненное беженцами грузовое судно, где находился лейтенант Нгиен Кхием, встретило в Южно-Китайском море военный корабль США, американский экипаж убедительно показал, что им лучше не приближаться, выпустив в воду предупредительные очереди из автоматов, что многие беженцы сочли символическим жестом. Прокладывая курс по звездам, пережив невероятные опасности и тяготы, они в конце концов добрались до Сингапура. В Сайгоне у отца Кхьема отобрали его небольшой бизнес и все имущество. Его мать открыла кофейный киоск, чем родители и зарабатывали на жизнь, пока семь лет спустя им не разрешили уехать из страны — такими же нищими, какими в 1954 г. они бежали из Ханоя. Как печально заметил Кхием, «дважды в жизни мы оставались с абсолютно пустыми руками».

Жизнь разыграла с Нгуен Тхи Чинь сценарий, который показался бы слишком невероятным даже для художественного фильма. Она улетела из Сайгона по дипломатическому паспорту, которого была удостоена как самая знаменитая кинозвезда Южного Вьетнама. Но, когда она прибыла в Сингапур, где еще недавно снималась в фильме, ее задержала полиция: с крахом Южного Вьетнама ее привилегированный паспорт превратился не более чем в визитную карточку рухнувшего режима.

Через два дня ее депортировали; друзья купили ей кругосветный авиабилет. Так началась ее одинокая одиссея: в Париже через стеклянную стену иммиграционного зала она мельком увидела свою сестру, прежде чем, получив отказ властей, улетела в Лондон, где ей также запретили въезд. Тогда она решила попытать счастья на другой стороне Атлантики, но в нью-йоркском аэропорту им. Джона Кеннеди ей снова дали от ворот поворот. Наконец 2 мая ее приняли в Торонто: «Я стала первой вьетнамской беженкой в Канаде»⁶. Еще несколько дней назад она была довольно обеспеченной женщиной; теперь у нее не было ни гроша — все ее состояние осталось в Сайгоне. Канадская социальная служба выделила ей пальто и \$75; чтобы не подвергнуться депортации, Чинь нужно было как можно быстрее найти работу. Бывшая кинозвезда стала уборщицей на птицеферме, где за \$2 в час смывала птичий помет струей из шланга.

В отчаянии она взяла единственное богатство, которое у нее осталось, — записную книжку с адресами — и принялась звонить голливудским звездам, с которыми была знакома или вместе снималась в фильмах: «Эти звонки стоили баснословно дорого». Сначала она позвонила Уильяму Холдену, который оказался в Европе. Дворецкий Гленна Форда с сожалением сказал, что его хозяин ее не помнит. В конторе Берта Рейнольдса ей упорно твердили, что Рейнольдса нет на месте. Наконец, почти исчерпав свои жалкие запасы наличности, она дозвонилась до Типпи Хедрен, с которой встречалась всего один раз. «Я была похожа на тонущего человека. Я рыдала в трубку — она тоже». Потом Хедрен сказала: «Успокойся и дай мне свой адрес». Через три дня бывшая звезда Хичкока обеспечила Чинь билетом на самолет и визой США, после чего пригласила ее погостить в своем доме и предложила пользоваться своим гардеробом. Когда Билл Холден вернулся из путешествия, он отправил Чинь самую большую корзину роз, которую она видела в своей жизни, в сопровождении записки: «Добро пожаловать в Америку. Пусть эта земля станет вашим домом». Чинь была одной из 250 000 южновьетнамцев, покинувших свою страну в 1975 г. и в последующие годы. В США она снялась почти в сотне фильмов, став известной во всем мире как Киеу Чинь.

* * *

В бурные дни после падения Сайгона один генерал ВНА в попытке сделать жест примирения сказал своим новым друзьям-южанам: «Американцы — вот кто проиграл в этой войне». Однако семья 20-летней студентки исторического факультета Ким Тхань много дней пряталась в подвале дома ее двоюродного дяди недалеко от Таншонята. Престарелый дядя и ее родители в 1954 г. бежали с Севера на Юг: «Они знали, что такое коммунисты и что они будут делать»⁷.

Когда они в конце концов решились выбраться из подвала, их глазам немедленно предстали первые свидетельства победы северян: на улице лежали тела людей, казненных без суда и следствия. Справедливости ради надо сказать, что бóльшая часть убийств летом 1975 г., — по примерным оценкам, несколько тысяч — была совершена не по распоряжению ханойского Политбюро, а по инициативе местных коммунистов и ВК, жаждавших мщения. Такие кампании возмездия характерны для всех подобных войн: так, во Франции в 1944–1945 гг. в ходе так называемой *l'épuration* — «Большой чистки» — участники движения Сопротивления казнили без суда и следствия немало своих соотечественников, обвинявшихся в сотрудничестве с нацистами. Некоторые южновьетнамцы, чтобы избежать неминуемой расправы, предпочли покончить жизнь самоубийством, среди них высокопоставленный кадр Вьетконга по имени Во Ван Ба — ключевой информатор Фан Тан Нгыу, главы разведотдела Специальной службы полиции в Тэйнине. Незадолго до этого он сказал Нгыу: «Я хорошо знаю коммунистов и знаю, какой будет жизнь при их власти»⁸.

Когда новые правители начали безжалостно устанавливать свои порядки, южане запоздало поняли, что такое «коммунизм», который до сих пор был для них не более чем громким словом, звучавшим с негативной или, наоборот, позитивной окраской в пропагандистских заявлениях с обеих сторон. На Парижских переговорах Ле Дык Тхо заверил американцев и другие стороны: «Мы не собираемся навязывать Югу коммунизм». Но, едва одержав победу, коммунисты, по словам Майкла Говарда, накрыли Южный Вьетнам «серой пеленой тоталитаризма»⁹. Ханойский врач, прибывший с инспекцией в центральную больницу Сайгона, заявил: «У вас слишком много оборудования. Мы прекрасно лечим большинство болезней и без этого»¹⁰. На Север потянулись колонны грузовиков с медицинским оборудованием и прочим имуществом. Из военного госпиталя в Конгхоа выгнали 1000 раненых бывших военнослужащих ВСРВ. Центральное военное кладбище Южного Вьетнама подверглось вандализму: перед его воротами был установлен плакат: «Здесь лежат американские марионетки, которые поплатились жизнями за свои преступления».

В течение нескольких месяцев после окончания боевых действий северяне на Юге продолжали носить оружие и сохранять бдительность, опасаясь нападений со стороны озлобленных сторонников поверженного режима, хотя у нас нет никаких данных о том, чтобы подобные инциденты имели место. Бывший сержант ВСРВ с мрачным злорадством наблюдал за реакцией северян на роскошь Сайгона, который теперь был переименован в Хошимин: «У них открылись глаза:

они поняли, как жили мы — и как жили они». Коммунистка Нам Ли, которая в 1955 г. «перегруппировалась» в Ханой, оставив на Юге всю свою семью, поехала навестить мать, которую не видела 20 лет. Она взяла с собой дюжину мисок риса, два килограмма сахара и две банки сгущенного молока: Ли безоговорочно верила коммунистической пропаганде, утверждавшей, что население Южного Вьетнама страдает от куда больших лишений и голода, чем они¹¹.

Через два месяца в Сайгонском университете возобновились занятия, но Ким Тхань обнаружила, что их учебная программа подверглась существенным корректировкам: «Одни императоры, которые прежде считались плохими, теперь были признаны хорошими, другие наоборот»¹². Ее отец, отставной мастер-сержант, владел небольшим участком земли, который конфисковали и передали крестьянскому коллективному хозяйству. Выпуск новой валюты [так называемого донга Освобождения], не сопровождавшийся компенсацией, уничтожил сбережения десятков тысяч семей. К концу 1975 г. многие южане с трудом находили средства к существованию, а несколько месяцев спустя разразился голод. «Риса было не достать. Мы ели сладкую кукурузу, батат, маниок и все остальное, что только могли раздобыть». В годы, последовавшие за победой северян, южане испили полную чашу страданий, что было вызвано как провалом экономической политики Ханоя, так и разграблением побежденной страны победителями. Коммунисты любого ранга могли войти в любой дом и забрать все, что им приглянется. Северяне относились к южанам, особенно к тем, кого можно было заклеить, назвав «лакеями рухнувшего режима», как к людям второго сорта, источникам богатой добычи. СССР забрал свою скромную долю военных трофеев в натуральной форме — 10 000 винтовок М-16 и 10 млн патронов, которые, как заверил Зяпа глава КГБ Юрий Андропов, «будут использованы для помощи национально-освободительным движениям в борьбе с империализмом»¹³.

В течение года после «освобождения» власти арестовали около 300 000 южан. Все, кто был хоть как-то связан с павшим режимом и американцами, получили пожизненное клеймо: кассир сайгонского отеля «Мажестик» избежал тюрьмы, однако был уволен и неоднократно подвергался допросам, поскольку «принимал к оплате чеки от многих американцев». Примерно две трети арестованных, включая всех бывших офицеров, были отправлены в лагеря перевоспитания, где провели от 3 до 17 лет. Оппозиционная борьба с режимом Тхиеу не обеспечивала иммунитета: среди тех, кто получил тюремные сроки, был и старший буддистский монах Чи Куанг, некогда доставлявший большие неприятности сайгонским генералам.

В свое время южновьетнамские власти запретили фильм, снятый по сценарию известной вьетнамской поэтессы Ня Ка, за «подстрекательство к пацифизму». Но в 1968 г., во время захвата Хюэ коммунистами, она находилась в городе и была свидетелем массовых расправ над населением, после чего написала эмоциональную элегию «Траурная повязка в память о Хюэ»¹⁴. Теперь она была отправлена в лагерь перевоспитания, а ее трагическая элегия выставлена в Музее военных преступлений в Ханое как образец «марионеточной лжи». Заключенные в лагерях и тюрьмах не получали фиксированных сроков: их судьба всецело зависела от прихоти партработников. Ле Минь Дао, бывший командующий 18-й дивизией ВСРВ в Суанлоке, оставался за колючей проволокой до 1991 г. — намного дольше, чем нацистские генералы в советских лагерях после Второй мировой войны.

Тысячи бывших офицеров ВСРВ были отправлены в лагерь перевоспитания на Север. Однажды к работавшим под охраной заключенным, среди которых был майор Луан, подошел пожилой крестьянин и обрушил на них горькие упреки: «Мы с 1954 г. ждали, что вы придете и освободите нас. А вместо этого вас привезли сюда как пленных. Какой позор! Это все потому, что вы плохо сражались, терпели коррупцию и слишком много развлекались. Вы предали нас!»¹⁵ Луан позже писал: «Мы молча выслушали эти мучительно болезненные слова как наказание, которое заслужили». Луан провел в лагере семь лет, затем еще девять лет влачил жалкое существование в Сайгоне, пока в конце концов не сумел бежать в США. Когда он вышел из лагеря, его бывший сержант сказал: «Вы покинули маленькую тюрьму, чтобы начать жить в большой, вместе с 70 миллионами наших соотечественников».

Бывший лейтенант Нгуен Куок Ши оказался в лагере перевоспитания рядом с камбоджийской границей, условия в котором были немногим лучше, чем в лагерях для пленных японцев после Второй мировой войны. Он и его товарищи провели бесчисленные часы за составлением признаний в своих предполагаемых преступлениях. Им сказали, что они будут освобождены только тогда, когда их сочтут готовыми стать гражданами Нового общества. Неопределенность по поводу того, сколько времени им придется провести за колючей проволокой, доводила некоторых людей до безумия: «Один военврач покончил с собой, перерезав себе вены, а на следующее утро мы увидели его имя в списке освобождаемых»¹⁶. Поскольку единственным доступным лекарством был аспирин, почти любая болезнь приводила к смерти. 59-летний отец Ши, бывший офицер сайгонской полиции, умер в первые месяцы пребывания в лагере, вероятнее всего, от хронического заболевания печени, хотя его семье не сообщили никаких подробностей.

В лагере Ши один заключенный скончался от астмы. Еще один, непривычный к сельскохозяйственным работам, получил смертельную рану, когда пытался сломать бамбук: острый обломок ствола отпружинил и проткнул его. Дизентерия была повальной.

Хронический голод использовался как психологическое оружие. Бывший офицер медицинской службы ВСРВ Ли Ван Куи пришел в бешенство, когда заметил, что один заключенный из их «бригады» при раздаче риса — дневная норма риса составляла одну старую жестяную банку, сделанную из боеприпасов, на группу из восьми человек — всегда клал себе лишнюю ложку. В конце концов Куи не выдержал, вскочил на ноги, готовый убить вора, но он настолько ослаб физически, что от резкого движения у него закружилась голова и он рухнул на землю, прежде чем сумел нанести удар. «Той ночью я сгорал от стыда. Я осознал: ведь именно этого от нас и добиваются коммунисты. И я повел себя именно так, как они хотели. С тех пор я больше не поддавался на их игру»¹⁷. В своем первом лагере Куи работал в похоронной бригаде. Три года спустя он вернулся в тот же лагерь и обнаружил, что кладбище значительно увеличилось.

Подъем в лагере звучал в 5 часов утра; заключенным выдавали по шарiku вареного риса на целый день и вели на работы. Они были разделены на бригады по восемь человек: одному из них было разрешено заниматься сбором съедобных диких растений и корней на всю бригаду, в то время как остальные выполняли его дневную норму выработки, — это небольшое послабление позволяло заключенным не умереть от истощения. В лагерь возвращались в 18 часов вечера; все вечера были посвящены идеологическому воспитанию. Большинство вскоре были готовы сказать что угодно и согласиться с чем угодно, лишь бы оказаться на свободе. Ши вспоминал: «Если бы мне сказали, что, если я буду много плакать, меня выпустят на свободу, я стал бы лучшим плакальщиком в этом лагере. Я видел, как у одного заключенного поседели волосы, а ему было всего 22 года».

Среди тех, кто был отправлен в лагерь перевоспитания, оказалось немало пожилых горожан, неприспособленных к жизни с минимальными санитарными условиями, хронической малярией и изнурительным физическим трудом. Никто не знает, сколько точно заключенных умерло в лагерях, но, по самым консервативным оценкам, при уровне смертности в 5% их число составляло не меньше 10 000 человек. После освобождения они были по-прежнему лишены гражданских прав: большинство ссылали в так называемые новые экономические зоны — районы посреди диких джунглей, где они должны были создавать коммуны и выживать в условиях, чуть менее суровых, чем в лагерях. Некоторые сумели получить выездные визы в

обмен на отказ от всего своего имущества. Нгуен Тхи Минь-Ха, сестра лейтенанта Ши, после того как ее муж умер в лагере в 1980 г., увезла с собой из страны только урну с его пеплом, который развеяла над морем с британского берега¹⁸.

Что касается самого Ши, то он был выпущен из лагеря в 1978 г. и получил разрешение ненадолго заехать в Сайгон, прежде чем отправиться в ссылку в «новую экономическую зону». В следующем году, благодаря помощи своих друзей из-за границы, а также из-за того, что он передал властям их старый семейный дом, Ши получил разрешение покинуть Вьетнам с \$20 в кармане. Он тайно женился на Ким Тхань, которую знал со школьной скамьи, к тому времени работавшей учительницей, но ей только в 1984 г. разрешили выехать к мужу в Британию. Сотни тысяч вьетнамцев, которые не могли получить выездные визы, стали «людьми на лодках», обрекая себя на невероятные тяготы и опасности морского путешествия на утлых суденышках, чтобы бежать из страны, превратившейся в национальную тюрьму.

Некоторые представители верхних слоев южновьетнамского общества поначалу приветствовали окончание многолетней войны, даже если ее исход был противоположен тому, на который они надеялись. Среди них была жена отставного полковника Ли Ван Куанга, трое сыновей которой также были офицерами ВСРВ, а еще один погиб в операции «Ламшон 719». Ее брат Тхиен Ле был генералом ВНА, и она наивно верила в то, что эта родственная связь защитит ее семью от репрессий¹⁹. Вместо этого три ее сына — племянники Тхиен Ле — по несколько лет провели в лагерях перевоспитания.

К большому удивлению семьи, коммунисты не тронули самого отставного полковника. Лишь некоторое время спустя эта странность получила свое объяснение: на протяжении 20 лет службы в воздушно-десантных войсках у полковника Куанга был личный адъютант по имени Тхонг. Между ними сложились тесные отношения: адъютант почти стал членом его семьи, а дети Куанга называли его «дядя Тхонг». По рекомендации Куанга он был произведен в офицеры и дослужился до звания капитана. Год спустя после падения Сайгона Тхонг появился у них дома в форме офицера ВНА и признался, что больше десяти лет работал информатором на коммунистов. Он заверил их, что новые власти не причинят вреда их семье, поскольку он охарактеризовал своего бывшего командира как порядочного и честного человека. Вместо выражения благодарности пожилой полковник побледнел от ярости и швырнул в него стул с криком: «Убирайся из моего дома, двуличный ублюдок!» Как позже заметил его сын: «Для моего отца существовало только черное и белое»²⁰.

Нгуен Конг Хоан, южновьетнамский антивоенный активист, который после 1975 г. два срока был депутатом Национальной ассамблеи, после чего бежал из страны как «человек на лодке», шесть лет спустя сказал: «Я очень сожалею, что не понял раньше, что такое коммунисты. Они всегда говорят высокие слова, чтобы апеллировать к лучшему, что есть в человеке. А потом попросту используют людей — и это приводит к трагическому концу. Я тоже верил им. И ошибался»²¹. Хай Тхуан, ветеран Вьетминя, всю войну жил на Севере и вернулся в Сайгон как сотрудник нового министерства юстиции. Он узнал, что его сын, бывший офицер ВСРВ, отправлен в лагерь перевоспитания; Тхуан был глубоко подавлен, когда его эмоциональный протест был отклонен Политбюро. В одно прекрасное утро Тхуан бросился с крыши высотного здания на улице Ле Лой, оставив два предсмертных письма. Одно было адресовано руководству компартии, в котором ветеран осуждал его за лживость и бесчеловечность, во втором он просил прощения у жены и сына.

Чыонг Ныи Танг, министр юстиции ВРП, несмотря на свои заслуги, не мог получить никакой информации о двух своих братьях, находящихся в лагере в Лонгтхане. В конце концов он добился разрешения на посещение лагеря, но не на личную встречу с ними. Он увидел их лишь мельком: «До сих пор меня преследуют их лица: бледные, истощенные, испуганные, с остекленевшим взглядом. Не представляю, что они подумали, когда увидели меня на заднем сиденье правительственной машины»²². Ему удалось добиться освобождения одного из братьев, но другой, бывший депутат Национальной ассамблеи при прежнем режиме, был переведен в лагерь на Севере, где провел десять лет.

По словам Танга, он присоединился к движению сопротивления, «считая Хо Ши Мина, Фам Ван Донга и других вьетнамских коммунистов патриотами, которые ставят национальные интересы выше своих личных и идеологических целей. Из любви к моей стране, ради мечты о ее свободе я пожертвовал семьей, пожертвовал всем. Я не слушал, когда отец предупреждал меня: “Коммунисты попросту воспользуются тобой и не дадут тебе и малой части того, что ты имеешь сейчас. Еще хуже — они предадут тебя и будут преследовать всю жизнь”». Его отец оказался прав. «Политика Политбюро, — с горечью писал Танг, — была порочной и в высшей степени разрушительной для страны».

Офицер Специальной службы полиции Фан Тан Нгыу избежал смертной казни — участи, постигшей многих его коллег, но провел в заключении 17 лет. Его жена провела в лагере перевоспитания пять лет, после чего с четвертой попытки вместе с детьми сумела бежать из

страны на лодке и в конечном итоге добраться до Америки. Семья воссоединились только в 1996 г., когда Нгыу получил разрешение на выезд. К тому времени его сыновья, о которых он ничего не знал 20 лет, уже были студентами медицинского факультета Университета Джонса Хопкинса — впоследствии оба стали успешными хирургами²³.

Фан Фыонг, дочери другого офицера Специальной службы, было 15 лет, когда рухнул сайгонским режим и ее обожаемый отец был на восемь лет отправлен за колючую проволоку. Первое время она и ее восемь братьев и сестер продолжали ходить в школу. Их мать торговала на рынке — члены семьи были лишены права на постоянную работу, — и постепенно они распродали все свое имущество. Затем ее мать также отправили на год в лагерь, и Фыонг осталась единственной кормилицей. Она зарабатывала жалкие крохи, делая и продавая банановое мороженое, и занималась попрошайничеством, чтобы раздобыть еду для своих братьев и сестер. Но в новом коммунистическом обществе отчаявшиеся люди думали только о собственном выживании: однажды она увидела соседа, несущего пакет батата, и умоляла дать ей всего одну картофелину, но получила отказ. «Каждую ночь я молилась о чуде, пока вдруг не вернулась наша мать. Как я была счастлива!»²⁴ В 1991 г. их семье удалось уехать из Вьетнама. По словам Дага Рэмзи, он был несколько не удивлен безжалостности коммунистов: «Наоборот, я был поражен тем, что кампания репрессий не была еще более суровой, — вспомните о китайцах с их принципом мстить как минимум трем поколениям, а иногда и семи»²⁵. Как заметил ветеран ВНА Бао Нинь, после триумфа Ханоя «вряд ли следовало ожидать, что победители не воспользуются возможностью насадить проигравшим свою идеологию и образ жизни. Но лагеря [перевоспитания] — это выходило за все рамки»²⁶.

В вышедшем в 2016 г. романе-бестселлере Нгуен Вьет Тхья «Сочувствующий» упоминается о попытке бежавших из страны вьетнамцев организовать партизанскую войну против ханойского режима. Действительно, в 1977 г. среди вьетнамского сообщества в США был начат активный сбор средств, на которые на севере Таиланда был создан тренировочный лагерь. Несколько лет спустя Фрэнк Скоттон, работавший в посольстве США в Бангкоке, получил задание убедить контрреволюционеров отказаться от своих планов и закрыть лагерь. Он попытался увещевать их не провоцировать новые смерти, поскольку было очевидно, что это ни к чему не приведет²⁷. Однако лагерь продолжал действовать до конца 1980-х гг., перебрасывая группы через территорию Лаоса. Несколько сотен «бойцов Сопrotивления» погибли во Вьетнаме, включая их лидера, бывшего

офицера южновьетнамских ВМС; трагичность смертей усугублялась их абсолютной бесполезностью.

Окончание войны повлекло за собой важный побочный ущерб для Вьетнама: после того как в течение двух десятилетий эта страна занимала одно из центральных мест в повестке дня мировых супердержав, несоизмеримое с ее размерами и мощностью, она почти в одночасье отступила на задний план. Прежняя дружба с Китаем все больше сменялась антагонизмом с его стороны. В конце 1970-х гг. пекинское руководство презрительно назвало одного из членов ханойского Политбюро «нищим попрошайкой», потому что тот слишком часто обращался к ним за помощью. В 1979 г. между Китаем и Вьетнамом вспыхнул короткий, но кровопролитный приграничный вооруженный конфликт²⁸. Советская помощь Вьетнаму резко уменьшилась, а с развалом СССР и вовсе прекратилась. К 1980 г. Вьетнам с его богатейшими природными ресурсами стал одной из самых бедных стран в мире.

Следующее десятилетие после победы Ханоя вьетнамский народ жил в ужасающей нищете, однако его престарелые лидеры упрямо не желали отказываться от коллективизма и налаживать связи с некоммунистическим миром из страха загрязнить идеологическую чистоту вьетнамского общества. Только на Шестом съезде партии в 1986 г. ханойское Политбюро неохотно провозгласило переход к «политике обновления», в том числе разрешавшей частную коммерческую деятельность, в которой южане разбирались гораздо лучше своих северных соотечественников. В 1988 г. во многих северных районах страны разразился голод: более 9 млн человек подверглись ужасным страданиям; точное количество умерших до сих пор держится в тайне. Но ханойские идеологи, включая представителей военных кругов и мощного аппарата госбезопасности, по-прежнему яростно сопротивлялись компромиссам, требуемым экономической рациональностью. Выступая в сентябре 1989 г. в Институте идеологической подготовки партийных кадров, генеральный секретарь ЦК компартии Нгуен Ван Линь заявил: «Нет никаких сомнений в том, что социализм постепенно заменит капитализм — это закон человеческой истории, который никто не может отрицать». Незадолго до смерти в 1990 г. Ле Дык Тхо написал стихотворение, в котором сожалел об утраченных радостях совместного переживания бедности и страданий:

Прежде мы делили друг с другом жизнь и смерть,
Делили миску с рисом и рубашку — какие сильные чувства!
Сегодня деньги и индивидуализм
Стали для людей мерой чувств и эмоций.

Дух товарищества угас.

Ле Зуан умер в 1986 г., но преемники продолжили его курс, не выказав ни малейшего намерения наделить свой народ гражданскими правами и свободами или поступиться даже крохами своей власти: марксистско-ленинская теория по сей день преподается во всех вьетнамских школах. Престарелое ханойское руководство скрепя сердце сделало единственное послабление, дав свои людям возможность зарабатывать на жизнь, попутно генерируя благосостояние для своей страны, в чем некоторые добились заметных успехов. Что касается соседей и союзников, то большинство вьетнамских солдат покинули Лаос в 1988 г., а в следующем году Камбоджу. Дипломатические отношения с США были восстановлены в 1995 г. В том же году Вьетнам присоединился к политической и экономической организации АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), а еще через десять лет вступил в ВТО. Процессы, происходящие в ханойском руководстве, по-прежнему скрыты за плотной завесой секретности, но, судя по всему, можно сказать, что союз старой гвардии, дорожащей вьетнамской идеологической исключительностью, и новых фигур, чьи семьи приобрели влиятельное положение внутри партии, продолжает препятствовать либерализации общества. Многие высокопоставленные партийные деятели сказочно обогатились, став главными бенефициарами новой экономической политики партии.

Что касается обширного и по-прежнему растущего сообщества вьетнамских беженцев в США, то конгресс оперативно и грамотно отреагировал на гуманитарный кризис, уже в 1975 г. приняв Акт о миграции и помощи беженцам из Индокитая. По словам Чау Фата, «ни у кого не было причин радоваться исходу войны, но жить с клеймом проигравших было гораздо труднее, чем с лаврами победителей»²⁹. Многим беженцам в первые годы приходилось очень непросто: «Им слишком долго говорили неправду. Они искренне верили, что американцы отправились во Вьетнам, чтобы помочь им. Теперь же они узнали, что США использовали их страну только как арену для противостояния международному коммунизму». Фат стал успешным бизнесменом и филантропом, больше известным как Фрэнк Джао.

Бывший офицер южновьетнамских ВВС Нгиен Кхием начал новую жизнь на юге Калифорнии, где первое время работал чернорабочим за \$2,50 в час, пока не закончил курсы специалиста по вычислительной технике. Как-то вскоре после его приезда рядом с ним остановился грузовик, из кабины которого высунулся водитель и крикнул ему: «Убирайся к себе домой!» «Это меня больно задело», — признался Кхием, но добавил: «С тех пор я встретил много хороших людей». Подобно поразительно большому числу его бывших соотечественников,

обосновавшихся в США, Кхием преуспел в новой жизни. Дон Грэм нанял 30 беженцев в принадлежавшую их семье газету The Washington Post: «Они оказались самыми лояльными и трудолюбивыми сотрудниками из всех, что у нас были». Нгуен Чи, некогда самый молодой командер южновьетнамских ВМС, поселился в округе Ориндж. «Сегодня я горжусь тем, что я американец, — говорит он. — Я хочу жить, глядя в будущее, а не в прошлое. Конечно, я сожалею о том, что после победы над Южным Вьетнамом коммунисты не повели себя так же великодушно, как американские северяне по отношению к южанам после Гражданской войны в США»[30](#).

Ретроспективная оценка войны

На последних страницах изданной в Ханое восьмитомной истории войны во Вьетнаме под названием «Полная победа» приводится статистика жертв: почти 2 млн погибших мирных жителей; 2 млн инвалидов; 2 млн жертв отравления ядовитыми химикатами; 1,4 млн убитых и пропавших без вести в боевых действиях, 600 000 получивших ранения[31](#). В то время как цифры жертв среди гражданского населения кажутся преувеличенными, статистика военных потерь, судя по всему, правдоподобна, хотя вряд ли нам доведется когда-либо узнать точные цифры. Примечательно, что в глазах современных правителей Вьетнама ветераны ВСРВ, даже инвалиды, по-прежнему остаются «не людьми». Сей монументальный исторический труд завершается на высокопарной ноте: «Наша партия, армия и население в обеих частях Вьетнама успешно реализовали стратегическую концепцию, озвученную нашим любимым дядюшкой Хо в его “Тетском напутствии” 1969 г.: “Сражайтесь, чтобы заставить американцев убраться домой! Сражайтесь, чтобы свергнуть их марионеток!” Наша страна объединилась... и вьетнамский народ одержал победу против неокOLONиальной агрессии, которая стала самой крупномасштабной, самой длительной и самой ожесточенной военной кампанией после Второй мировой войны»[32](#). Роберт Макнамара однажды спросил у Зяпа, кто был лучшим генералом в этой войне, на что вьетнамец с безупречной идеологической корректностью ответил: «Народ»[33](#).

Рональд Рейган десятилетие спустя после падения Сайгона высказал противоположную точку зрения: «Пришло время признать, что мы в действительности боролись за благое дело». Политолог Майкл Линд, рупор консервативных кругов, хотя и заявил, что война во Вьетнаме стала «сокрушительным провалом... методы, которыми она велась, зачастую были контрпродуктивными и подчас аморальными», считает ее «всего лишь одной проигранной кампанией в успешной мировой

войне... которую Соединенным Штатам пришлось вести ради поддержания своего военного и дипломатического авторитета»³⁴.

Потомки будут продолжать спорить о том, насколько достойная похвалы победа Хо Ши Мина и его соратников над французским колониализмом в Индокитае оправдывала ту экономическую и социальную трагедию, на которую они впоследствии обрекли вьетнамский народ сначала на Севере, а затем и во всем объединенном Вьетнаме. Многие южане, поддерживавшие коммунистическую борьбу до 1975 г., разочаровались и отвернулись от нее, испытав на себе реалии ханойской тирании.

Могло ли вмешательство США завершиться другим исходом? Многие американцы, такие как Фрэнк Скоттон, Даг Рэмзи, Сид Берри и другие, отправились во Вьетнам, вдохновленные высочайшими идеалами. Скоттон вспоминает, что его коллега Джон Пол Ванн как-то ему сказал: «Мы дали вьетнамцам массивный военный самолет и помогли подняться высоко в небо. Теперь нам нужно помочь им спуститься вниз настолько мягко, насколько это возможно, чтобы они не разбились»³⁵. Скоттон спросил зачем. Ванн ответил: «Так будет больше выживших». Однажды Скоттон и Ванн приземлились на крошечном наблюдательном вертолете на форпосте Региональных сил, который ночью подвергся атаке. Они с трудом втиснули в кабину тяжелораненого солдата и полетели в ближайший госпиталь в Плейку. Вьетнамец истекал кровью на коленях у Скоттона и умер в воздухе. Когда они приземлились, Ванн яростно стучал кулаком по лобовому стеклу, не переставая повторять: «Еще двадцать минут! Всего двадцать минут, и он бы выжил!» «Джон не знал этого парня, — сказал Скоттон, — но переживал за него как за близкого друга, потому что он был на нашей стороне».

Это трогательная история, однако фатальная порочность американского вмешательства во Вьетнаме заключалась в том, что США двигали не интересы вьетнамского народа, а интересы внутренней и внешней политики, в первую очередь необходимость сдерживания Китая. Решения об эскалации, последовательно принимавшиеся администрациями США, вызывают у потомков недоумение, поскольку все ключевые игроки признавали слабость сайгонского режима как фундамента для возведения американского здания. В 1965 г. Объединенный комитет начальников штабов предупредил Макнамару об «отсутствии жизнеспособной политической и экономической структуры... и стабильности в центральном правительстве... о низком моральном состоянии правящих элит и некомпетентности чиновников госаппарата... Решение этих проблем, в первую очередь политическими методами, имеет ключевое значение для окончательного подавления

повстанческого движения»³⁶. Тем не менее американские лидеры один за другим продолжали считать, что все эти сложные политические и социальные проблемы могут быть преодолены применением подавляющей военной мощи — словно огнеметом можно прополоть сорняки на цветочной клумбе.

Поскольку именно это заблуждение и было главной причиной провала политики США во Вьетнаме, вряд ли справедливо возлагать всю вину на генералов, насколько бы невпечатляющими ни были некоторые из них. В 1964 г. Уильям Уэстморленд с гордостью принял назначение на самую важную командную должность в вооруженных силах США со времен корейского перемирия. Четыре года спустя он превратился в козла отпущения, главного виновника национального унижения. Как верно заметил Дэвид Эллиотт, «умного способа вести эту войну попросту не существовало»³⁷. Генерал Джеймс Гэвин был одним из тех, кто изначально предупреждал о провале военных усилий: «Когда вы вынуждены по пять-шесть раз захватывать одну и ту же деревню, гибнет очень много мирных жителей. Меняется весь образ жизни... По мере того как война затягивается, мы собственноручно уничтожаем ту цель, ради которой начали воевать»³⁸.

Не говоря уже о военных последствиях, принимающим решения лицам в США следует вменить в вину и то, что они, намеренно или нет, проигнорировали экономическое и культурное воздействие, связанное с присутствием огромной иностранной армии в слаборазвитой сельскохозяйственной азиатской стране. Вьетнамский секретарь в Агентстве США по международному развитию зарабатывал больше, чем полковник ВСРВ. Бульдозеры и бронетехника, стальные контейнеры и антенны, стены из мешков с песком и заграждения из колючей проволоки разрушили девственную красоту этой страны еще до того, как начали палить пушки, над головой кружиться вертолеты, а гигантские солдаты покупать сексуальные услуги у миниатюрных местных женщин. Это проклятие не было уникальным для Вьетнама, но сопровождало всем западным военным вмешательствам в странах третьего мира, какими бы благими намерениями эти вмешательства ни были движимы.

Важное пропагандистское преимущество коммунистов состояло в том, что они были почти невидимы для большинства людей большую часть времени. Они оставляли за собой едва заметный след, в отличие от американцев, которых некоторые образованные вьетнамцы сравнивали с гигантом из фантастического фильма — шагающим по земле тяжелой, неуклюжей поступью, с оглушительным грохотом, давя на своем пути хрупкие человеческие жилища. В XXI в. западное военное командование так и не поняло, насколько глупо посылать своих

солдат вести так называемые войны среди народа в бронежилетах, шлемах и темных очках, придающих им вид роботов-убийц, к которым не только невозможно испытывать симпатию, но и даже признать в них человеческих существ [\[66\]](#).

Где бы коммунисты ни приходили к власти, включая Северный и Южный Вьетнам, они устанавливали террор и уничтожали свободу личности. При всех дифирамбах, воспеваемых западными левыми силами Хо Ши Мину и Ле Зуану, вряд ли кто-то будет отрицать, что их режим носил принципиально бесчеловечный, тоталитарный характер. Однако их мандат на власть представлялся собственному народу и внешним наблюдателям более легитимным, чем мандат южновьетнамского режима. В большинстве обществ, даже сегодня в США, сельские жители испытывают инстинктивное недоверие к столичным элитам. Это недоверие было особенно острым в Южном Вьетнаме, где Сайгон воспринимался народом как детище французского колониализма, а не как часть традиционной культуры. Хотя мало кто из простых южан интересовался марксистско-ленинской теорией, многие были впечатлены обещанием коммунистов провести земельную реформу, освободить их от ига крупных землевладельцев-арендодателей и кредиторов, создать правительство «из и для простых людей», выгнать из страны иностранцев. По словам южанина Чау Фата, «коммунисты постоянно твердили нам, как унижительно находиться под оккупацией» [39](#). Его отец, бывший северянин, еще в самом начале войны сказал: «Не стоит надеяться. Мы проиграем». Как заметил Фат, «он чувствовал настроения людей и понимал, что у коммунистов монополия на патриотизм».

Чыонг Ньы Танг, министр ВРП, с презрением говорит о западных СМИ, которыми с легкостью манипулировали коммунисты: «Они пытались мобилизовать не столько сторонников, сколько противников сайгонского режима и американского вмешательства... Коммунисты лгали не только южновьетнамскому и американскому народу. Все мы, кто многие годы жил в джунглях и самоотверженно сражался... стали жертвами их лжи».

Ханой точно так же зависел от финансовой и военной помощи своих могущественных покровителей, СССР и Китая, однако население Севера никогда не видело на своей земле высокомерных иностранных патронов — только своих земляков с оружием в руках, таких же нищих, как они, что особенно бросалось в глаза на фоне показной роскоши представителей сайгонского режима. Даже неграмотному крестьянину было ясно, что правившие их страной люди, будь они в смокингах или военной форме, не могли и шагу ступить без разрешения своих «длинноносых» хозяев. Между тем мало кто из американцев понимал,

какой огромный вред военным усилиям наносит неприкрытая демонстрация своего доминирования. Победа коммунистов была в гораздо меньшей степени обусловлена боевыми качества ВНА и Вьетконга, чем тем фактом, что они были вьетнамцами, и их близостью к народу. Ханой говорил много лжи, но был абсолютно прав, когда называл сайгонское правительство американскими марионетками.

Некоторые утверждают, что нельзя проводить параллели между войной США во Вьетнаме и их военными кампаниями в Ираке и Афганистане в XXI в. Но одно фундаментальное сходство все же бросается в глаза, а именно хроническая неспособность США и их союзников трансформировать военные успехи в устойчивые государственно-политические конструкции. Генерал-лейтенант Макмастер, описывая свой опыт войны в Ираке в 2004–2005 гг., где он командовал бронетанковым кавалерийским полком, с сожалением подытожил: «Проблема была в том, что там нечего было защищать»[\[67\]](#). Как заметил Нил Шиэн, «в Южном Вьетнаме людям тоже нечего было защищать»[40](#). При отсутствии пользующегося доверием и поддержкой местного правительства любые победы на поле боя бессмысленны. Во Вьетнаме коммунисты были единственной воюющей стороной, которая вела комплексную борьбу на военном и политическом фронте.

Но, даже не выиграв войну на поле боя, США могли бы нанести гораздо меньший ущерб своей репутации как знаменосца цивилизационных ценностей, если бы уделяли больше внимания сдерживанию эксцессов своих вооруженных сил. Это распространенная иллюзия, что молодые люди из цивилизованных западных обществ, надев военную форму и отправившись воевать в страны третьего мира, остаются такими же хорошими порядочными парнями, какими были дома. Кто-то остается, но кто-то — нет. Солдат учат быть убийцами. В условиях военных действий они чаще всего вынуждены вести полуживотное существование, которое огрубляет чувства. В результате многие перестают ценить жизнь не только врага, но и гражданских лиц, представителей чужого для них народа, особенно когда сами несут большие потери. Во Вьетнаме рядовые часто выражали недоумение и недовольство по поводу «Правил применения военной силы», призванных ограничить жертвы среди гражданского населения. Один из них, Майкл Герр, с возмущением писал: «Что за дерьмовый способ воевать?.. Я имею в виду, если нам нельзя стрелять в этих людей, что мы здесь делаем?»[41](#)

Очень трудно добиться безупречного поведения от молодых людей со смертоносным оружием в руках, которые — как и большинство солдат во всех войнах — страдают от холода или жары, голода и жажды,

запора или диареи, вечной грязи и проливных дождей, находятся на пределе своих сил и нервов, постоянно держа палец на спусковом крючке, потому что это их единственный способ выжить. Как показывает пример Второй мировой войны, оккупанты могут подавить сопротивление силой. Однако американцы во Вьетнаме проявляли достаточно бесцеремонности и расового пренебрежения с периодическими всплесками кровопролития, чтобы вызвать враждебность местного населения, однако недостаточно безжалостности, чтобы удержать крестьян от поддержки коммунистов. Они сожгли достаточно деревень, чтобы навлечь на себя осуждение мировой общественности, но недостаточно для того, чтобы местные жители перестали укрывать партизан.

В то же время не может не шокировать спокойное отношение широкой американской общественности к массовой резне в Милай и другим подобным инцидентам: опрос, проведенный журналом Time в 1969 г., показал, что 69% американцев считают: «Такое происходит во всех войнах». Между тем мерой нравственности любого общества является не то, совершают ли его солдаты периодические бесчинства, но считаются ли они приемлемыми на институциональном уровне, как это было в гитлеровской Германии, Японии и СССР во время Второй мировой войны — обществ, чрезвычайно далеких от культуры современной западной демократии. Кровопролитные эксцессы со стороны американских военных во Вьетнаме, хотя и не были повсеместными, оказались достаточно распространенным явлением, чтобы показать, что многие американцы в военной форме считают вьетнамцев низшими существами, чья жизнь почти ничего не стоит по сравнению с жизнью «круглоглазых». В августе 1967 г., в ходе малоизвестной операции «Бентон» по поиску и уничтожению полка ВНА американской бригадой, почти 10 000 вьетнамцев в провинции Куангтин к югу от Дананга лишились своих домов. В районе площадью 10×20 км было сброшено 282 тонны бомб и 116 тонн напалма; выпущено больше 1000 ракет и 8488 артиллерийских снарядов, расстреляно 132 820 единиц 20-мм патронов и 119 350 — 7,62-мм патронов. По официальным данным, было убито 397 солдат противника и 640 гражданских лиц эвакуированы в лагеря для беженцев. Эта двухнедельная операция стала всего лишь одной из множества подобных. Кроме того, американцы совершили еще одну фатальную ошибку, нанимая вьетнамцев чистить ботинки для своих рядовых солдат и убирать их казармы.

Американские командиры на местах уделяли достаточно много внимания программам помощи гражданскому населению. Но, будучи профессиональными военными, они считали своим главным делом

войну. Большинство было убеждено, что, если их войска не воюют, они не отрабатывают свой хлеб. Кроме того, честолюбие заставляло кадровых офицеров пополнять свой счет боевых побед и заслуг, чтобы получить повышение по службе. Вряд ли они могли получить очередную звездочку, рапортуя об открытии новых школ или количестве деревень, обслуженных их военными медицинскими бригадами MEDCAP: никто не заработал медаль Почета, развозя конфеты по детским домам. Главной мерой успеха было количество огневых контактов и уничтоженных врагов. Каждое государство нуждается в солдатах для защиты своих интересов, однако крайне опасно посылать их вести «войну среди народа», находясь бок и бок с гражданским населением. Военврач Русс Зайчук в конце концов возненавидел свою работу в медицинской бригаде MEDCAP: «Трудно описать, что чувствует врач, когда ты приезжаешь в деревню с витаминами и мылом и находишь там людей с ранениями и ожогами, потому что деревню недавно разбомбили. Мягко говоря, я чувствовал себя лицемером».

На поздних этапах, когда партизанская война сменилась классическими военными действиями, американцы со своей подавляющей огневой мощностью, вполне вероятно, могли бы победить коммунистов, если бы к тому времени американский народ окончательно не потерял волю к борьбе. Но даже в случае военной победы сложно сказать, к чему бы все это привело: сайгонский режим пользовался ничтожной поддержкой населения, и не было никаких предпосылок к тому, что это может измениться. Возможно, только непосредственно испытав на себе, что такое коммунизм, и заплатив за это ужасную цену, что и произошло в 1975 г., народ Южного Вьетнама мог бы отвергнуть этот путь.

Война обошлась США в \$150 млрд — намного дешевле, чем война в Ираке два поколения спустя. Однако истинная цена была заплачена не деньгами и даже не жизнями 58 000 погибших американцев — в пересчете на процентную долю населения это было даже меньше, чем потери в Корейской войне. Главной платой за эту войну стала национальная травма, нанесенная Америке. Нил Шиэн отмечает, что предыдущий исторический опыт показал американцам, что вести зарубежные войны — неплохая идея: «Вы выигрываете войну и возвращаетесь домой победителями. Но из Вьетнама мы вернулись проигравшими, потеряв столько людей. Все остальные военные мемориалы посвящены победам. Мемориал ветеранам вьетнамской войны — это символ поражения и напрасных смертей». Армии США и Корпусу морской пехоты потребовалось 15 лет, чтобы из сборища

мятежного сброда, в который они деградировали на последних этапах войны, снова стать впечатляющей боеспособной силой.

Война во Вьетнаме нанесла сокрушительный удар по вере американского народа в свое военное и моральное превосходство, которая была порождена результатом Второй мировой войны и подкреплена настолько потрясающим экономическим прогрессом, что этому, казалось, есть единственное логичное объяснение: такова воля Всевышнего. Генерал Уолт Бумер сказал: «Эта война изменила нашу страну больше, чем любое другое событие в недавней истории. Она породила недоверие и неуверенность, которые мы до сих пор не сумели преодолеть»⁴².

Хотя преклонение молодых антивоенных активистов перед Хо Ши Мином, Мао Цзэдуном, Че Геварой и им подобным свидетельствовало не более чем о наивной слепоте, сторонники этого движения были абсолютно правы, называя войну во Вьетнаме катастрофой. Когда в одном из интервью у Даниэля Эллсберга спросили, как он может оправдать свое решение опубликовать 7000 страниц разоблачительных секретных «Документов Пентагона», он ответил вопросом на вопрос: «Интересно, приходило ли вам в голову спросить у кого-либо из должностных лиц [причастных к эскалации войны], как они оправдывают свое решение не сделать того же, что сделал я? Почему они сочли, что имеют право хранить молчание, не разоблачая всю звучавшую ложь... совершавшиеся преступления, незаконные действия и обман, которому подвергалась американская общественность?»⁴³ Действительно, Эллсберг высказал справедливую мысль, которая заставляет задуматься. Уолт Бумер, командовавший экспедиционными силами морской пехоты в первой войне в Персидском заливе в 1991 г., сказал, что вынес из вьетнамской войны главный урок: «Говори правду».

Бывший штурман ВВС США озвучил такую оценку: «Конечно, я горжусь тем, что был членом экипажа В-52, но последние сорок с лишним лет я пытался забыть эту проклятую войну... Это было бесполезной тратой времени, денег и человеческих жизней... а под конец наши политические лидеры поджали хвосты и бежали, бросив народ, которому они дали столько обещаний»⁴⁴. По словам Фрэнка Скоттона, сегодня в США существуют две соперничающие легенды: «Когда собираются американские ветераны, они говорят о том, как плохо воевали южновьетнамцы и как провалили всю войну. А когда собираются бывшие беженцы из Южного Вьетнама, они обвиняют в том же американцев»⁴⁵. После окончания войны, говорит Скоттон, «я почувствовал, что завершился самый важный этап в моей жизни. Я понял, что никогда больше не поставлю свою жизнь на кон ради

идеологии». Через много лет он нашел свою бывшую любовницу по имени Ким Вуй, которую бросил в Далате в 1966 г., и поселился с ней на юге Калифорнии; в ноябре 2015 г. они поженились: «Она говорит, что я задолжал ей 50 лет». Даг Рэмзи поселился в старом родительском доме в Боулдер-Сити, Невада: «Мне показалось, что это хорошее место, чтобы вернуться к нормальной жизни, хотя теперь я понимаю, что мне следовало остаться рядом с Вашингтоном, где есть доступ к гораздо лучшему медицинскому обслуживанию»⁴⁶. Почти недееспособный инвалид, он был вынужден выживать на скромную медицинскую страховку Medicare и страховую компенсацию работникам, получившим профессиональные травмы. «Я разделяю убеждение южновьетнамских ветеранов в том, что и мы, и они стали жертвами наших собственных правительств». Даг Рэмзи умер в феврале 2018 г.

Бывший офицер южновьетнамских ВВС Нгиен Кхиен говорит, что по-прежнему избегает любых контактов с северянами: «Да, мы — один народ, но от их рук погибло много моих родных, друзей и сослуживцев»⁴⁷. Сегодня он больше не испытывает ненависти, но и не может всего забыть. Точно так же, как и рядовой ВНА Фам Тхань Хунг, получивший тяжелое ранение в Куангчи в 1972 г.: «Время от времени мне снятся кошмары, как я попал под воздушный налет. Еще хуже, когда мне снится, как меня снова призывают в армию и отправляют на войну. Я, как и некоторые представители моего поколения, чувствую себя в какой-то мере жертвой того, что с нами произошло»⁴⁸.

Майор Дон Хадсон, командовавший пехотной ротой в 1970 г., сказал о разочаровании американских ветеранов: «Они думали, что вернутся домой в военной форме с медалями на груди и все будут чувствовать их как героев. Но все оказалось совсем не так»⁴⁹. Дэвид Роджерс — один из тех, кто по-прежнему испытывает сильные эмоции, оглядываясь в прошлое: «Это был колоссальный опыт. Я не имею в виду какие-то там глобальные мысли — нет, в основном это было личное. Я пытался написать книгу, но у меня нет таланта выражать свои мысли на бумаге. Могу только сказать, что мне было трудно, когда я вернулся домой. Было трудно ходить в церковь. Я не мог исповедоваться. Я чувствовал себя грязным. Я был причастен к убийствам». Некоторые ровесники отвернулись от него, узнав, что он воевал во Вьетнаме: «Одна девушка, которая уезжала со своим парнем в Канаду, была очень, очень резкой». Роджерс, как и миллионы других ветеранов, трепетно хранит память о своем взводе: «Как санитар я был там, чтобы помогать своим людям».

Около трети «его людей» были убиты или ранены. Живя недалеко от Вашингтона, время от времени он посещает Мемориал ветеранов войны во Вьетнаме. «Обычно я приезжаю в пять-шесть утра, когда там

нет людей. Для меня эта стена — как большое надгробие. Я рад, что она есть. У меня в списке примерно десять имен — Тони из Чикаго, Джерри Джонсон из Миннесоты, Сэм и еще несколько других. Бывает, что иногда вдруг на меня обрушиваются воспоминания. Однажды я был на Мартас-Винъярд и увидел полосу деревьев за солеными прудами. Я подумал: совсем как во Вьетнаме! Самое потрясающее зрелище, которое я видел в своей жизни, — это вертолеты над кронами деревьев. Когда я читаю таких авторов, как Нил Шизн, меня берет зло на людей, которые управляли Америкой. Они знали, что происходит. Мы ничего этого не знали. Я просто считал шаги, вот и все». Сержант-майор Джимми Спенсер говорит: «Сейчас идет переоценка. По крайней мере, мы начали разделять войну и военных, на которых раньше вешали всех собак за то, что было начато не ими. Нельзя допускать, чтобы общество поворачивалось спиной к ветеранам войны»[50](#).

Сегодня, по прошествии стольких лет, возможно, следует даровать прощение и некоторым из тех, кто принимал катастрофические решения, запятнавшие их репутации, но позже раскаялся. Одним поздним вечером 1967 г. в своем огромном кабинете в Пентагоне Роберт Макнамара обсуждал потребности в боеприпасах с сотрудником министерства Уильямом Бремом: «Смотрите, это составит по 2000 патронов в расчете на одного солдата противника. Этого должно быть достаточно»[51](#). Вдруг министр обороны задрожал всем телом: Брем увидел, что тот смотрит на портрет своего предшественника Джеймса Форрестала и по его щекам текут слезы. Как и Форрестал, Макнамара был раздавлен тяжким бременем лежавшей на нем ответственности[\[68\]](#).

На протяжении всех послевоенных лет Соединенные Штаты будоражат слухи, обвинения и скандалы вокруг судьбы пропавших без вести американцев. Бывший генерал Морской пехоты Эл Грей отказывается посещать Вьетнам, «пока я не буду полностью уверен в том, что в их тюрьмах не осталось наших людей»[52](#). Однако в любой войне есть безымянные жертвы, чьи судьбы так и остаются неизвестными: вся южная часть Вьетнама усеяна надгробиями северовьетнамских солдат с надписью «Льет Ши Во Зань» — «Неизвестный воин». Нет никаких доказательств того, что Ханой после войны продолжал удерживать американских военнопленных против их воли[\[69\]](#). Боб Дестатт, который 23 года после войны занимался расследованиями дел военнопленных и пропавших без вести в Разведывательном управлении Министерства обороны, уверенно говорит: «Там никого не осталось». Нет оснований сомневаться в словах этого человека, обладающего огромным личным опытом и глубочайшей осведомленностью в этом вопросе.

Умозрительные сценарии в стиле «что, если бы»[53](#) редко бывают полезными для историков или читателей, но два из них, на мой взгляд, заслуживают внимания. Первый из них касается того, что северовьетнамские коммунисты никогда не прибегали к терроризму, чтобы перенести свою борьбу на Запад, и в частности в Америку, как это делают современные радикальные мусульманские движения. Возможно, в доглобализационные времена Ханоя попросту не приходило это в голову, однако такое благородное поведение сослужило коммунистам хорошую службу, поскольку лишило американский народ непосредственной и зримой причины считать народ Хо своим прямым врагом, угрожающим американскому государству.

Также интересно порассуждать о возможном сценарии в том случае, если бы Северный Вьетнам не поддерживал вооруженную борьбу на Юге. Скорее всего, в этом случае сопротивление местного Национального фронта освобождения было бы успешно подавлено, и Южный Вьетнам мог бы пойти по пути других азиатских стран, в которых в период с 1960 по 1990 г. авторитарные военные режимы постепенно уступили место демократии. Без войны южане с присущим их народу трудолюбием и предприимчивостью могли бы привести свою страну к процветанию, в то время как ханойский режим продолжал бы железной рукой ограждать страну от тайфуна экономических и политических изменений, охвативших мир в последние десятилетия XX в., тем самым еще больше дискредитируя марксизм.

Недаром говорят, что успех оправдывает все: сегодня, помимо Пхеньяна, никто не ставит под сомнение легитимность Южной Кореи как государства, поскольку это успешно функционирующая демократия с динамично развивающейся экономикой. Между тем его антагонист Северная Корея представляет собой наглядный образец провала тоталитарного коммунизма. Однако не стоит забывать, что на протяжении нескольких десятилетий после перемирия 1953 г. Южной Кореей правила почти такая же репрессивная военная диктатура, как и ее северным соседом. Но сеульскому режиму посчастливилось сохранить американскую военную и экономическую помощь вместе с достаточной общественной поддержкой, чтобы пережить эти времена и постепенно начать перемены к лучшему. Южный Вьетнам во многих отношениях мало чем отличался от своего южнокорейского собрата, и при аналогичных условиях вполне мог бы сохранить свою независимость и прийти к экономическому процветанию, но мы никогда этого не узнаем.

В то же время военный триумф Ханоя в «освободительной борьбе» наделил его столь мощной легитимностью и авторитетом, что те

позволяют закоснелому коммунистическому режиму по сей день надежно держаться у власти, прикрываясь фиговыми листками революционной риторики. Оксфордский профессор Арчи Браун считает, что коммунизм «как альтернативный способ организации человеческого общества потерпел сокрушительный провал»⁵⁴, но отмечает, что сам по себе факт победы все эти годы выступает ключевым гарантом власти старой гвардии Ханоя: «Несмотря на всю жесткость режима... ему было нетрудно проецировать образ врага на США и поддерживать яркие воспоминания об ужасах войны, тем самым внушая населению благодарность к компартии Вьетнама за воссоединение страны». Эта война продолжает играть такую же важную роль для современного Вьетнама, как и Вторая мировая война для сегодняшней России, победы в которых были самыми значимыми успехами коммунистической партии после 1917 г.

В 1993 г. Дэвид Роджерс вернулся во Вьетнам как журналист и посетил район возле Тэйниня, где воевало его подразделение. Он был удивлен тем, что бывшие коммунистические кадры Вьетконга встречали его с распростертыми объятьями: «По-видимому, они получили соответствующее распоряжение, потому что их правительство хотело, чтобы наш конгресс одобрил торговую сделку». «Если все, что им было нужно, — это “Макдоналдс”, — размышлял Роджерс, — что мешало нам договориться с ними раньше?» Сегодня многие американцы обезоружены радушным гостеприимством, с которым их принимают во Вьетнаме. Отчасти такое отношение объясняется тем, что подавляющее большинство вьетнамцев, особенно представителей молодого поколения, сегодня признают достоинства либеральной демократии и ограниченность ее альтернатив. Восторженный прием, оказанный президенту Бараку Обаме в 2015 г., резко контрастировал с настороженным холодным приемом, который ожидал китайского президента Си Цзиньпина год спустя.

Туристы, впечатленные сверкающими небоскребами Сайгона/Хошимина и удивительными природными красотами страны, редко обращают внимание на удручающую бедность сельского населения и отсутствие свободы слова. Правители Вьетнама в XXI в. предоставили своему народу некоторые послабления, чтобы дать ему возможность зарабатывать деньги, но высказывать свое политическое мнение или откровенно обсуждать прошлое по-прежнему строго запрещено. Войне во Вьетнаме посвящено огромное количество литературы, однако проблема освещения и анализа этой войны многими американскими авторами состоит в том, что они рассматривают ее с точки зрения одной стороны — США. Отчасти причина в неравномерности имеющихся данных: тогда как о действиях США

существует изобилие информации, Ханой выдает ее скудными порциями, как скарредный благотворитель — жидкую кашу в нищенском приюте. Много было сказано об «утрате доверия» к КОВПВ из-за его лживых заявлений в ходе военного времени; но в Ханое ложь была и по-прежнему остается государственным инструментом.

Важный урок прошлого века состоит в том, что экономические силы играют по крайней мере такую же значимую роль, как и военные, в определении пути развития. Северовьетнамские революционеры, отдавшие жизнь в борьбе за объединение Вьетнама под властью коммунистов, содрогнулись бы от отвращения при виде современного Сайгона — официальное название «Хошимин» постепенно выходит из употребления и, вероятно, вскоре исчезнет подобно тому, как Ленинград снова стал Санкт-Петербургом, — с его роскошными магазинами, настоящими храмами потребительского общества, предлагающими все изобилие мировых брендов, ювелирных изделий и дизайнерской одежды. Потерпев поражение в войне почти полвека назад, Соединенные Штаты в конечном итоге одержали победу на экономическом и культурном фронте. Там, где вооруженные силы США, с их 500-тысячным контингентом, бомбардировками B-52, дефолиантами и жуткими ударными самолетами, не сумели взять верх, YouTube и Джонни Депп оказались непобедимой силой.

Война стала главным смыслом существования не только для рухнувшего в итоге сайгонского режима, но и для Ханоя. В годы, последовавшие за падением Сайгона, ветераны с растущей ностальгией вспоминали о тех временах. Чем очевиднее становился провал коммунистической политики во всех областях, кроме идеологии, тем с большим благоговением коммунистические кадры превозносили добродетели «освободительной борьбы»: по словам Дэвида Эллиотта, старшее поколение рассматривает этот период как «время простоты, страстной веры, целеустремленности и равенства в бедности, когда люди были объединены чувством миссии и взаимопомощью»⁵⁵. В конце автобиографического романа Бао Ниня его альтер эго, главный герой Киен, погружается в ностальгические воспоминания, свойственные всем ветеранам: «Он вновь и вновь возвращается в мыслях ко всем тем человеческим узам любви, дружбы, товарищества, которые помогают нам пережить мириады страданий войны»⁵⁶. Киен с сожалением вспоминает об утраченном оптимизме и душевном подъеме: «Это были дни, когда мы знали, зачем живем и за что сражаемся, почему должны страдать и жертвовать собой. Это были дни, когда все мы были очень молоды, очень чисты и очень искренни».

Но сегодня сам автор отвергает такую сентиментальность: «Представления о человечности и солидарности сильно преувеличены,

даже мифологизированы. Между солдатами действительно существовало настоящее братство, но на Севере было много социальной несправедливости. Бедные люди шли воевать, а те, кто занимал привилегированное положение, отправляли своих сыновей учиться за границу и вели роскошный образ жизни. Это оказались невероятно тяжелые времена: война продолжалась слишком долго, и люди ужасно устали. Очень много всего было разрушено — я имею в виду не только здания, но и социальные и политические институты, общественное согласие»[57](#). Бао Нинь отмечает, что британскому народу хватило свободы и мудрости в 1945 г. на парламентских выборах заменить военного лидера Уинстона Черчилля на правительство лейбористов, «но во Вьетнаме генералы зубами держались за власть».

30 апреля 1975 г. 13-летний северянин Чыонг Хюи Шан играл со своим другом на склоне холма на окраине деревни, когда по уличным громкоговорителям торжественно объявили об «освобождении» Сайгона. «В соответствии с тем, чему нас учили в школе, — позже написал он в своей книге «Победившая сторона»[58](#), — это означало конец двум десятилетиям страданий для южновьетнамского народа. Я подумал: “Нам нужно срочно начать учить этих несчастных обманутых детей”». В 2012 г. Шан с горечью заметил: «Многие люди, которые вдумчиво анализируют прошлое... приходят к ошеломляющему выводу, что в действительности освобожденной стороной был не Юг, а Север»[59](#). По его словам, именно Южный Вьетнам оказался историческим победителем, поскольку сегодня его ценности становятся доминирующими во всем вьетнамском обществе.

«В чем был смысл всего этого? — размышляет Уолт Бумер. — Меня тревожит то, что мы ничему не научились. Если бы мы извлекли уроки, мы бы не стали вторгаться в Ирак»[60](#).

Благодарности

Занимаясь исследованиями для этой книги, я много ездил по Соединенным Штатам и Вьетнаму и провел интервью с десятками очевидцев и непосредственных участников, которые щедро делились со мной своим временем и историями. Я нашел бесценную информацию в архивах Центра наследия и образования Армии США в Карлайле, Пенсильвания, и в Историческом архиве Корпуса морской пехоты США в Куантико, Вирджиния: я благодарен Кону Крейну и его сотрудникам в Карлайле и Джиму Гинтеру и его команде в Куантико. Я также хочу поблагодарить сотрудников Архива устной истории войны во Вьетнаме в Калифорнийском университете в Ирвайне, где я провел столько времени. Эрик Виллард из Исторического центра Армии США познакомил меня с несколькими важными людьми, в первую очередь с

Мерлом Приббеноу. Мерл, работавший в резидентуре ЦРУ в Сайгоне с 1970 г. до последнего дня эвакуации, внес уникальный вклад в мое исследование, предоставив огромное количество переведенных им с вьетнамского языка документов, историй и мемуаров — бесценное сокровище, за которое он категорически отказался брать какое-либо вознаграждение. Моя главная награда — эта книга, сказал он. Помимо этого, я обязан ему удовольствием находиться в его компании и за многочисленные поправки, которые он внес в мой текст.

Даг Рэмзи не только проговорил со мной четыре часа в своем доме в Боулдере, Невада, но и предоставил огромные неопубликованные мемуары, в которых рассказал обо всем пережитом во Вьетнаме. Гу Ренцюань помог с переводом материалов с китайского языка. Моя бесценная исследовательница и переводчица из России Люба Виноградова подсказала потрясающую мысль, что на Украине могут остаться в живых ветераны советской армии, служившие советниками в войсках ПВО в Северном Вьетнаме: интервью с ними дали мне более глубокое понимание некоторых важных моментов. Мой сосед, покойный полковник Джон Кэмерон-Хейс, был в числе первых британских солдат, высадившихся в Сайгоне в 1945 г., и поделился яркими воспоминаниями. Я также в долгу перед профессором Эдвином Мойсом за исправление некоторых ошибок в тексте и картах.

Профессор Фам Куанг Минь из Ханойского университета обеспечил меня ценным помощником: мой переводчик Ле Хоанг Зянг — молодой человек, обладающий высочайшими талантами, которые, я очень надеюсь, у него будет возможность реализовать в своей жизни. Макс Эгрмонт предоставил мне неопубликованные мемуары о Вьетнаме своего дальнего австралийского родственника, хирурга Нормана Уиндхема. В 1978 г. Майкл Чарлтон и Энтони Монкрифф с Би-би-си взяли интервью у многих ключевых фигур, которые были непосредственно причастны к процессу принятия решений в США в период между 1945 и 1975 г. Часть этих материалов вошла в серию документальных радиорепортажей, а полные тексты впоследствии были изданы в виде книги, к которой, на мой взгляд, историки обращаются на удивление мало. Я высоко ценю эти интервью, поскольку Чарлтон задал множество вопросов, которые задал бы я сам, будь у меня такая возможность. Среди обширной литературы о войне во Вьетнаме я более всего опирался на работы Дэвида и Май Эллотт, особенно на монументальное исследование жизни в дельте Меконга на протяжении всех военных лет, а также на мемуары Май. Огромное влияние на мой собственный нарратив оказали потрясающие книги Фреда Логеваля «Тлеющие угли войны» и «Мы выбираем войну», а также исследования Грега Даддиса. Профессор Марк Клодфелтер, авторитетный историк,

специалист по военной авиации, любезно прочитал и прокомментировал главы о бомбардировках. Великий Тим О’Брайен, мой однокурсник в Колледже Макалестера, Миннесота, проверил раздел, посвященный полевой выучке. Мой старый друг д-р Уильямсон Мюррей внес неоценимые поправки во весь текст, как и Кон Крейн и Дэвид Эллиотт. Маргарет Макмиллан снабдила меня полезными сведениями о визите Никсона в Китай. Профессор Питер Эдвардс прочитал и внес поправки в разделы, посвященные участию Австралии. Я получил огромную пользу от встреч со всеми вышеперечисленными людьми. Мой старый и дорогой друг, профессор сэр Майкл Говард, член ордена Заслуг, ордена Кавалеров чести и Превосходнейшего ордена Британской империи, прочитал мою первоначальную рукопись и сделал замечания, которые позволили улучшить — и значительно сократить — окончательный текст.

Мои агенты в Лондоне и Нью-Йорке, Майкл Сиссонс и Питер Мэтсон, играют одинаково незаменимую роль в моей жизни на протяжении последних 35 лет. Издатели Арабелла Пайк и Роберт Лейси в Лондоне и Джонатан Джао в Нью-Йорке воплощают в себе все лучшее, что может быть в представителях их профессии, даря мне свое понимание, поддержку и мудрость. Мой секретарь Рэйчел Лоуренс собирает за мной разбитую посуду с 1986 г. и прекрасно организовала для меня все сложные поездки в процессе работы над этой книгой. Один из моих друзей недавно сказал, что моя жена Пенни заслуживает канонизации, — но даже этого будет недостаточно, чтобы возблагодарить ее за неоценимую роль в моей жизни и моей работе, а также за способность дарить счастье всем, кто ее окружает.

Примечания и ссылки

Так как эта книга предназначена для широкого круга читателей, я ограничился указанием источников только тех цитат и фактов, приводимых в тексте, которые взяты из опубликованных статей и книг, а также из интервью, проведенных лично мной с участниками событий или по моей просьбе. Я не указываю источники общеизвестных исторических сведений, которые можно найти во множестве изданных работ. Если в библиографии использована единственная книга данного автора, ниже я указываю только его имя; если несколько книг — имя автора и название книги.

Аббревиатуры означают следующее: USAHEC — Центр наследия и образования Армии США в Карлайле, Пенсильвания; USMCA — Исторический архив Корпуса морской пехоты США в Куантико,

Вирджиния; UKNA — Британский национальный архив; АИ — авторские интервью, включающие мои личные интервью с указанными людьми, а также интервью, проведенные моими русскими и китайскими помощниками; МП — интервью, проведенные в 2007 г. в Ханое Мерлом Приббену. Книга «Пленки Абрамса» представляет собой уникальный документальный источник, беспрецедентный в анналах военного дела, в котором собраны стенограммы совещаний, проведенных генералом Крейтоном Абрамсом в 1968–1972 гг., когда он возглавлял КОВПВ; Льюис Сорли только расшифровал оригиналы пленок, хранящиеся в Карлайле. Некоторые нижеприведенные ссылки на вьетнамские источники в интернете могут быть неточными.

Глава 1. Красавица и чудовища

1. Doan Phuong Hai, *The Sea on the Horizon*, Dong Van Publishing, San Jose CA 2000, 35.
2. Hai, 40.
3. Karnow Stanley, *Vietnam: A History*, Century 1983, 85.
4. West Richard, *War and Peace in Vietnam*, Sinclair-Stevenson 1965, 3.
5. Young, Gavin, *A Wavering Grace*, Viking 1997, 18.
6. Lewis Norman, *A Dragon Apparent*, Jonathan Cape 1951, 99.
7. МП интервью с Лыу Доан Хюинем.
8. Wyndham MS, 14.
9. Из личной беседы автора с Зыонгом 10.11.2016.
10. Lewis, *A Dragon Apparent*, 19.
11. Lewis, *A Dragon Apparent*, 24.
12. Lewis, *A Dragon Apparent*, 27.
13. Elliott David W.P., *Mekong Delta 1930–1975*, Vol. I, M.E. Sharpe 2003, 34.
14. Andelman David, *Shattered Peace*, Wiley 2008, 128.
15. Karnow, 123.
16. Tang Truong Nhu, *A Vietcong Memoir*, Vintage 1986, 11.
17. МП интервью с Чан Чонг Чынгом.
18. АИ с Чаном, 09.07.2016.
19. Luan Nguyen Cong, *Nationalist in the Vietnam Wars*, Indiana University Press 2012, 25.
20. МП интервью с Ван Ки.
21. Elliott, Duong Van Mai, *The Sacred Willow: Four Generations in the Life of a Vietnamese Family*, Oxford 1999, 105.
22. МП интервью с Чынгом.
23. People's Public Security Newspaper, 21.04.2014.
24. Lacouture Jean & Devillers Philippe, *End of a War*, Pall Mall 1969, 138.
25. Документы ДРВ.

26. Trullinger James W., Village at War: An Account of Revolution in Vietnam, Longman 1980, 43.
27. Charlton Michael & Moncrieff Anthony eds., Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam, Scolar 1978, 12.
28. Ky Nguyen Cao, Buddha's Child: My Fight to Save Vietnam, St Martin's 2002, 19.
29. Luan, 35.
30. АИ с Джоном Камероном-Хейзом, 14.04.2016.
31. АИ с Бангом, 07.10.2016.
32. Girardet Raoul, L'Idée Coloniale en France, Table Ronde 1972, 281.
33. Logevall, Fredrik, The Embers of War, Random House 2012, 106.
34. Tang, 12.
35. АИ с Хоем, 14.09.2016.
- Глава 2. «Грязная война»
- . Rocolle Pierre, Pourquoi Dien Bien Phu?, Flammarion 1968, 95.
 - . Elliott, Sacred Willow, 201.
 - . Luan, 116.
 - . Luan, 81.
 - . Lewis, 18.
 - . Goscha Christopher, The Penguin History of Modern Vietnam, Allen Lane 2016, 244.
 - . Fall Bernard, 'The Political-Religious Sects of Vietnam', Pacific Affairs 28, no. 3 September 1955, 246.
 - . Lewis, 177.
 - . Elliott, Sacred Willow, 148.
 - . Elliott, Sacred Willow, 152.
 - . Simpson, Howard R., Tiger in the Barbed Wire, Kodansha International 1992, 92.
 - . Goscha, 242.
 - . Суан Ба, серия статей и интервью со второй женой Ле Зуана, опубликована в газете Tien Phong от 25.06.2006 и в последующих номерах.
 - . Luan, 4, 67.
 - . Cloake John, Templer: Tiger of Malaya, Harrap 1985, 263.
 - . АИ с Бангом, 07.10.2016.
 - . Грэм Грин, Тихий американец.
 - . Lind Michael, Vietnam: The Necessary War, Free Press 1999, 1.
 - . Charlton & Moncrieff, 50.
 - . Karnow, 178.
 - . UKNA FO371/103518, 23.08.1953.
 - . Luan, 114.
 - . Luan, 114.

- . АИ с Бу Ань Ча, 08.10.2016.
- . АИ с Бинь, 05.10.2016.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 123.
- . Lewis, 309.
- . Windrow Martin, The Last Valley, Weidenfeld & Nicolson 2004, 161.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 92.
- . Luan, 94.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 83.
- . АИ с Бинь, 05.10.2016.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 144.
- . Santoli Al, To Bear Any Burden: The Vietnamese War and its Aftermath, Sphere 1986, 35.
- . МП интервью с Ван Ки.
- . МП интервью с Ван Ки.
- . Trullinger, 43.
- . Nguyen Duc Huy, A Soldier's Life (with Nguyen Thong Nhat), People's Army Publishing House Hanoi 2011, 35.
- . Из интервью для проекта «Устная история», 2007 г.
- . Ку, 19.
- Глава 3. Крепость, которой не было
- . Rocolle, 57, 13.11.1953.
- . Rocolle, 47.
- . Rocolle, 251.
- . Rocolle, 329.
- . Rocolle, 327.
- . Rocolle, 70.
- . Rocolle, 335.
- . Luan, 63.
- . Rocolle, 275.
- [10.](#) Rocolle, 352.
- [11.](#) Rocolle, 371; письмо от 21.03.1954.
- [12.](#) Rocolle, 411.
- [13.](#) Rocolle, 307.
- [14.](#) Rocolle, 37.
- [15.](#) Rocolle, 407.
- [16.](#) Vo Nguyen Giap, Collected Writings, Saigon Cultural Publishing House 2009, 132.
- [17.](#) Rocolle, 324.
- [18.](#) Fall Bernard, Hell is a Very Small Place, 162.
- [19.](#) Rocolle, 390.
- [20.](#) Rocolle, 404.
- [21.](#) Rocolle, 296; по словам Бижара.

[22.](#) Rocolle, 372.

[23.](#) Giap, 130.

Глава 4. Уйти или бомбить?

[1.](#) USN&WR 09.04.1954.

[2.](#) Logevall, Embers, 475.

[3.](#) Logevall, Embers, 479.

[4.](#) Rocolle, 480.

[5.](#) Spectator, 30.04.1954.

[6.](#) UKNA FO371/112057.

[7.](#) Cable James, The Geneva Conference of 1954, Macmillan, 1986, 65.

[8.](#) Logevall, Embers, 508.

[9.](#) Fall Bernard, Street Without Joy, Stackpole, 1967, 260.

[10.](#) Rocolle, 489.

[11.](#) Rocoll, 513.

[12.](#) Capt. E.J. Pouget, Nous Etions à Dien Bien Phu, Presses de la Cité, Paris, 1964, 329–30.

[13.](#) Rocolle, 538; цит. майора Гровена.

[14.](#) Pouget, 328.

[15.](#) МП интервью с Ван Ки.

[16.](#) МП интервью с Чынгом, 2007.

[17.](#) Windrow, 644.

[18.](#) Rocolle, 568.

[19.](#) АИ с Рэмзи, 22.09.2016.

[20.](#) NY Herald Tribune, 29.04.1954.

[21.](#) Logevall, Embers, 597.

[22.](#) Hai, 37.

[23.](#) Simpson, 136.

[24.](#) Simpson, 139.

[25.](#) Simpson, 142.

[26.](#) Lewis, 316.

[27.](#) Trullinger, 72.

Глава 5. Тирании-близнецы

[1.](#) АИ с Зыонгом, 10.11.2016.

[2.](#) АИ с Къеу Чинь, 17.09.2016.

[3.](#) АИ с Динем, 09.07.2016.

[4.](#) Fall, Street Without Joy, 278.

[5.](#) Asselin Pierre, Hanoi's Road to the Vietnam War 1954-1965, University of California Press, 2013, 24.

[6.](#) Asselin, 26.

[7.](#) Elliott, Sacred Willow, 354.

[8.](#) Giap, 107.

[9.](#) Elliott, Sacred Willow, 231.

- [10.](#) Hai, 38.
- [11.](#) МП интервью с Тоаном.
- [12.](#) Tang, 299.
- [13.](#) Linh & Mac, 54.
- [14.](#) Linh & Mac, 105.
- [15.](#) АИ с Къеу Чинь, 16.09.2016.
- [16.](#) Santoli, 40.
- [17.](#) Чан Куинь, «Воспоминания о Ле Зуане»; http://vanhoavn.blogspot.com/2012/09/blog-post_7386.html.
- [18.](#) Asselin, 46.
- [19.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 169.
- [20.](#) Суан Ба, серия статей и интервью со второй женой Ле Зуана, опубликована в газете Tien Phong от 25.06.2006 и в последующих номерах.
- [21.](#) АИ с Нгуен Кыок Си, 21.05.2016.
- [22.](#) Нгуен Дык Кыонг, род. 1941 г.; цит.: Taylor Maxwell, *Swords and Plowshares*, Norton, 1972, 93.
- [23.](#) Hayslip Le Ly & Wurts Jay, *When Heaven and Earth Changed Places*, Doubleday, 1989, 146.
- [24.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [25.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [26.](#) UKNA FO371/123388.
- [27.](#) Life, 16.05.1955.
- [28.](#) Fitzgerald Frances, *Fire in the Lake*, Vintage, 1972, 139.
- [29.](#) Logevall, *Embers*, 647.
- [30.](#) Greene, 5 [Грин, «Тихий американец»].
- [31.](#) Tang, 1,3, 4.
- [32.](#) АИ с Киеу Чинь, 14.09.2016.
- [33.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 167.
- [34.](#) The New York Times, 07.05.1957, Globe, 06.05.1957.
- [35.](#) Life, 13.05.1957.
- [36.](#) Higgins Marguerite, *Our Vietnam Nightmare*, Harper & Row, 1971, 168.
- [37.](#) Vietnam: A Television History, PBS, 1983, prog. 2.
- [38.](#) Elliott, *Sacred Willow*, 250.
- [39.](#) АИ с Шиэном, 05.03.2016.
- [40.](#) Trullinger, 76.
- [41.](#) Logevall, *Embers*, xix.
- [42.](#) Buttinger Joseph, *Vietnam*, New York, 1971.
- [43.](#) Santoli, 59.
- [44.](#) Trullinger, 79.
- [45.](#) Huy Duc, 145.

- [46.](#) Huy Duc, 146.
- [47.](#) Tang, 127.
- [48.](#) Суан Ба, серия статей и интервью со второй женой Ле Зуана, опубликована в газете Tien Phong от 25.06.2006 и в последующих номерах.
- [49.](#) Asselin, 56.
- [50.](#) МП интервью с Чан Чонг Чынгом.
- [51.](#) Asselin, 83.
- [52.](#) BNA, Ежегодный доклад по Вьетнаму, 1959, 13.
- [53.](#) Asselin, 83.
- [54.](#) Fitzgerald, 153.
- [55.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 227.
- [56.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 225.
- [57.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 306.
- [58.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 250.
- [59.](#) Asselin, 70.
- [60.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 217.
- [61.](#) Слушания в комитете палаты представителей по вопросу вооруженных сил Республики Вьетнам, 23.12.1960, 1353-5.
- [62.](#) Tang, 71.
- Глава 6. Кеннеди готовит сцену
- [1.](#) Schlesinger Arthur, Journals 1956-2002, Penguin, 2007, 31.03.1962, 150.
- [2.](#) Kurlantzick Joshua, A Great Place to Have a War, Simon & Schuster, 2017, 15.
- [3.](#) Куинь, «Воспоминания о Ле Зуане».
- [4.](#) UKNA FO371/159715.
- [5.](#) АИ с Эйландом, 14.11.2016.
- [6.](#) Halberstam David, The Best and the Brightest, Random House, 1972, 135.
- [7.](#) Докладная записка Лансдейла Тейлору, 23.10.1961, FRUS 1961-63, Vol. I, doc 185, 418-19.
- [8.](#) Elliott, Duong Van Mai, RAND in South-East Asia: A History of the Vietnam War Era, RAND, 2010, 31.
- [9.](#) Simpson, 193.
- [10.](#) Elliott, Sacred Willow, 286.
- [11.](#) АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- [12.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [13.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [14.](#) АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- [15.](#) АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- [16.](#) Scotton Frank, Uphill Battle, Texas Tech, 2014, 53.

17. Charlton & Moncrieff, 76.
18. АИ с Греем, 14.11.2016.
19. Scotton, 48.
20. Scotton, 61.
21. Daddis Greg, Westmoreland's War: Reassessing American Strategy in Vietnam, Oxford, 2014, 14.
22. Santoli, 118.
23. Luan, 154.
24. Luan, 99.
25. Schlesinger Arthur, Robert Kennedy and His Times, 469.
26. Из интервью Хилсмана 1969 г., цит.: Daddis, Westmoreland's War, 23.
27. Colby William, Lost Victory, Chicago, 1989, 34.
28. Dobrynin Anatoly, In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents, Times Books, 1995, 51.
29. Charlton & Moncrieff, 82.
30. Halberstam, 41.
31. Luan, 235.
32. Howard Michael, Capt. Professor, Continuum, 2006, 172-3.
33. Mai, Elliott, RAND, 25.
34. UKNA FO371/170133, записка Хоума, 07.04.1963.
35. Thompson, Make for the Hills, 121 (Рахман сказал это в 1961 г.)
36. 03.01.1962, UKNA FO371/166698.
37. Warner, Sydney Morning Herald, 12.05.1962.
38. Shapley, 132.
39. Shapley.
40. Sheehan Neil, A Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam, Random House, 1988, 291.
41. Saturday Evening Post, 09.03.1963.
42. The New York Times, 22.04.1966.
43. АИ с Салливаном, 12.03.2016.
44. Scotton, 19.
45. АИ с Нгыу, 20.09.2016.
46. АИ с Май Эллиотт, 23.09.2016.
47. Динь Дык Тхиен, цит.: Куинь, «Воспоминания о Ле Зуане».
48. Там же.
49. Asselin, 94.
50. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 601.
51. Andrews William, Village War 1973, 57-8.
52. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 377.
53. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 381.
54. Scotton, 85.

55. Browne Malcolm, The New Face of War, Bobbs-Merrill, 1965, 103.
56. Даг Рэмзи, неопубликованные мемуары о Вьетнаме, представленные автору (II С19).
- Глава 7. 1963: гробы для двух президентов
1. АИ с Шиэном, 05.03.2016.
 2. USAHEC, William M. Hammond, The US Army in Vietnam, The Military and the Media, 1990, 77, Indianapolis News, 28.03.1964.
 3. Там же, 16.
 4. The New York Times, 21.10.1962.
 5. The New York Times, 25.07.1962.
 6. Newsweek, 20.08.1962.
 7. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 399.
 8. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 402.
 9. Лейтенант Нгуен Ван Кон, цит. в: Brigham Robert K., ARVN: Life and Death in the South Vietnamese Army, Kansas University Press, 2006, 41.
 10. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 392.
 11. Sheehan, Lie, 223.
 12. Ha Mai Viet, Blood and Steel: Armor During the Vietnam War, self-published Sugarland, Texas, 2005, 246-50.
 13. Sheehan, Lie, 222.
 14. Sheehan, Lie, 274.
 15. Fitzgerald, 163.
 16. Fitzgerald, 164.
 17. Luan, 221.
 18. Ha Mai Viet, 246-50.
 19. Wyndham MS, 12.
 20. Fitzgerald, 590.
 21. Burleigh Michael, Small Wars, Faraway Places, Macmillan, 2013, 485.
 22. АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
 23. Higgins, 28-9.
 24. Luan, 237.
 25. The New York Times, 10.06.1963, а также 14.06.1963, 16.06.1963, 22.06.1963.
 26. Nieman Reports 26 (март 1972), 8.
 27. Schlesinger, Journals, 11.10.1961, 138.
 28. Pentagon Papers 2:46.
 29. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 410.
 30. Scotton, 71.
 31. Hersh Seymour, The Dark Side of Camelot Little, Brown, 1997, 418.

32. Logevall Fredrik, Choosing War, University of California Press, 1999, 47.
33. New York Herald Tribune, 03.09.1963.
34. Logevall, Choosing War, 49.
35. Colby, 133.
36. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
37. Charlton & Moncrieff, 91.
38. Luan, 188.
39. Hoang Van Thai, A Few Strategic Issues in the Spring 1968 Tet Offensive, доклад на конференции в г. Хошимин в марте 1986 г., опубликован в журнале Vietnam's Military History Magazine, 2, 1988, 21.
40. АИ с Шиэном, 05.03.2016.
41. АИ с Ыком, 11.09.2016.
42. АИ с Нгуен Чи, 06.09.2016.
43. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
44. Scotton, 75.
45. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
46. Wyndham, MS, 8.
47. Jones Howard, Death of a Generation, OUP 2003, 436.
48. The Times, 23.11.1963.
49. Schlesinger, Journals, 11.3.1964.
50. Shapley, 263.
51. Из интервью Гэлбрейта на NBC, Vietnam Hindsight 1971, цит. в: Berman, Planning a Tragedy, 23.
52. Руфус Филлипс, цит. в: Santoli, 3.
53. АИ с Джонсоном, 08.03.2016.
- Глава 8. Лабиринт
- . АИ со Снайдером, 09.03.2016.
 - . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
 - . Dietrich Erik Jurgen-Karl, The Kraut, privately printed 2015, 127.
 - . Ramsey, MS, II D9.
 - . Ramsey, MS, III A21.
 - . АИ с Рэмзи, 21.09.2016.
 - . Ramsey, MS, III E4.
 - . Ramsey, MS, III A23.
 - . Snepp, Irreparable Harm, xiv.
 - . АИ со Снеппом, 10.09.2016.
 - . Simpson, 187.
 - . USAHEC, Бумаги Сидни Берри, бокс 39, письмо от 14.11.1965.
 - . Там же, 15.11.1965.
 - . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
 - . АИ с Ыком, 11.9.2016.

- . Nam, 41.
- . Nam, 44.
- . USAHEC, Бумаги Сидни Берри, бокс 38.
- . Young, 193.
- . Santoli, 125.
- . Ky, 334.
- . Huy Duc, 147.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 677.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 656.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 830.
- . Это сражение произошло в январе 1965 г.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 754.
- . Kearns Doris, Johnson and the American Dream, 1976, 263.
- . Schlesinger, Journals, 04.04.1968, 286.
- . Logevall, Choosing War, 77.
- . Karnow, 336-7.
- . UKNA FO371/175468.
- . Taylor, 12.
- . Hai, 58, 61.
- . Palmer Bruce, The Twenty-Five-Year War: America's Military Role in Vietnam, Touchstone 1984, 20.
- . Palmer, 27.
- . Greene Wallace, The Greene Papers: General Wallace M. Greene Jnr and the Escalation of the Vietnam War ed. Nicholas Schlosser, USMC Quantico 2015, 12.
- . Greene, 15.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . McMaster H.R., Dereliction of Duty: Lyndon Johnson, Robert McNamara, the Joint Chiefs of Staff and the Lies that Led to Vietnam, HarperCollins 1997, 94.
- . Shapley, 199.
- . Logevall, Choosing War, 112.
- . Logevall, Choosing War, 166 — июнь 1964 г.
- . Halberstam, 368.
- . Служебная записка от 25.03.1965, см.: Herring George C. ed., The Pentagon Papers, McGraw-Hill 1993, 115.
- . Gole Henry G., Depuy, 145.
- . Santoli, 87.
- . Santoli, 86.
- . Greene Papers, 27.
- . Dobrynin, 120.
- . Charlton & Moncrieff, 175.

- . Greene Papers, 59.
- . Gole, Depuy, 145.
- . White Theodore, The Making of the President 1964, Athenaeum 1965, 254.
- . Charlton & Moncrieff, 135.
- . Из личной беседы автора с д-ром Уильямсоном Мюрреем.
- . USMCA Chaisson letters JA/A/5/6.
- . Charlton & Moncrieff, 134.
- . Simpson, 186.
- . Scotton, 181.
- . Charlton & Moncrieff, 102.
- . Gole, Depuy, 146.
- . FRUS 1964-68 Vol. I, 412-22.
- . Gole, Depuy, 55.
- . Gole, Depuy, 146.
- . Greene Papers, 157.
- Глава 9. В заливе
- . Tourison Sedgwick, Secret Army, 55.
- . Tourison Sedgwick, Secret Army, 100.
- . Tourison Sedgwick, Secret Army, 125.
- . АИ с Нгуен Чи, 16.09.2016.
- . АИ с Нгуен Чи, 16.09.2016.
- . Hanyok Robert, 'Skunks, Bogies, Silent Hounds, and the Flying Fish: The Gulf of Tonkin Mystery 2-4 August 1964', Cryptologic Quarterly, Spring 2005, 5-6.
- . Hoang Nghia Khanh, The Road to the General Headquarters Staff, Hanoi 2008, 111.
- . АИ с Уильямсом, 21.01.2016.
- . Khanh, Memoirs, 111.
- . USAHEC, Vietnam War Document Collection, Box 2, Folder 7.
- . Asselin, 191.
- . Charlton & Moncrieff, 163.
- . UKNA FO371/175481.
- . Nguyen Dinh Kien, Nguoi linh voi bau troi Ha Noi[Солдат и небо над Ханоем], People's Army Publishing, Hanoi 2013, 36.
- . Van Tien Dung, in Huy Duc, 149.
- . Tin Thanh, Their True Colors: The Political Memoirs of Bui Tin, Turpin Press 1994, 192.
- . Westad Odd Arne et al. eds, 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina 1964-77, Wilson Centre Working Paper 22, 74-7.
- . White, 274.

- . Young, 20.
- . Phan Nhat Nam, Mark of a Warrior 1963-1973: War Notes, Hien Dai Publishing, Saigon 1973, 49.
- . Phan Nhat Nam, 50.
- . Phan Nhat Nam, 52.
- . Ramsey, MS I, 17.
- . Бумаги Грина, 197.
- . Бумаги Грина, 05.10.1964.
- . Бумаги Грина, 222.
- . Scotton, 129.
- . Shapley, 313.
- . Halberstam, 432.
- . 21.12.1964, Начальник штаба ВВС США, см.: Бумаги Грина, 278.
- . Бумаги Грина, 289.
- . Бумаги Грина, 286.
- . UKNA PREM13/104.
- . Logevall, Choosing War, 373.
- . Logevall, Choosing War, 133.
- . Ку, 112.
- . Luan, 260.
- . Nam, 53.
- . Nam, 54.
- Глава 10. «Мы в замешательстве: как действовать дальше?»
- [1.](#) Nguyen Huu An, New Battlefield, ed. Nguyen Tu Duong, People's Army Publishing House, Hanoi 2002, 28.
- [2.](#) New Battlefield, Chapter 1.
- [3.](#) Pham Gia Duc, The 325th Division (2 vols), People's Army Publishing House, Hanoi 1986, Vol. II, 44.
- [4.](#) АИ с Нинь, 07.10.2016.
- . Luan, 253.
- . Luan, 259.
- . Hayslip, 366.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 591.
- . АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- . Hayslip, 115.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 908.
- . Mai Elliott, RAND, 58.
- . Mai Elliott, RAND, 63.
- . Mai Elliott, RAND, 65.
- . Tang, 59.
- . Gole, Depuy, 143.
- . 03.03.1965, Greene Papers, 349.

- . The New York Times, 09.02.1965.
- . Shapley, 314.
- . UKNA FO371/180542.
- . McMaster, 323.
- . Из частного письма Банди сэру Майклу Говарду от 20.03.1979.
- . Charlton & Moncrieff, 121.
- . UKNA PREM11/692.
- . Taylor, 338.
- . Greene Papers, 314.
- . АИ с Колтесом, 11.10.2016.
- . Caputo Philip, A Rumor of War, Holt, Rinehart & Winston 1977, 58.
- . Caputo, 82, 27.
- . Операция от 24.09.1965, см.: USMHA, Sidney Berry Papers, Box 38.
- . Charlton & Moncrieff, 130.
- . Elliott, Sacred Willow, 312.
- . Scotton, 145.
- . Nguyen Van Thanh in Brigham, 43.
- . Palmer, 26.
- . Ramsey MS III B1.
- . Из письма Рэмзи от 06.06.1965.
- . Hai, 174.
- . Hai, 177.
- . Hai, 186.
- . Hai, 197.
- . 03.07.1965, см.: Gaiduk Ilya V., The Soviet Union and the Vietnam War, Ivan R. Dee, 1996, 50.
- . Vietnam: The Definitive Documents, 374.
- . Служебная записка Катценбаха от 10.06.1965; см.: The Definitive Documents, 375.
- . Clodfelter, Limits of Air Power, 77.
- . Clodfelter, 84.
- Глава 11. Эскалация
- [1.](#) Cooper Chester, The Lost Crusade, Dodd Mead 1970, 281.
- [2.](#) Vietnam: The Definitive Documents, 386; служебная записка от 20.07.1965, LBJ.
- [3.](#) Greene, Memorandum for the record, 28.06.1965, in Greene Papers.
- [4.](#) Harold Johnson, Oral History, transcript LBJ Library, 6, 12-13; McMaster, 318.
- [5.](#) Ball, 28.06.1965.
- [6.](#) Служебная записка от 23.07.1965.
- [7.](#) Berman, Planning a Tragedy, 5.
- [8.](#) Charlton & Moncrieff, 220.

- [9.](#) Thorne Christopher, *Allies of a Kind*, Hamish Hamilton 1978, 694.
- [10.](#) Valenti Jack, *A Very Human President*, Norton 1975, 317.
- [11.](#) Howard Michael, “Many Reasons” for Vietnam’, *Encounter*, May 1979, 21.
- [12.](#) McDonald, *The Reminiscences of Admiral David Lamar McDonald*, US Naval Institute 1976, 390, 393.
- [13.](#) Charlton & Moncrieff, 115.
- [14.](#) Charlton & Moncrieff, 154.
- [15.](#) McMaster, 328.
- [16.](#) Palmer, 46.
- [17.](#) Charlton & Moncrieff, 159.
- [18.](#) Charlton & Moncrieff, 166.
- [19.](#) Ramsey MS II B9.
- [20.](#) Charlton & Moncrieff, 174.
- [21.](#) Vietnam Documents, 391.
- [22.](#) Vietnam Documents, 392.
- [23.](#) Truong Nhu Tang, 58.
- [24.](#) Terry Wallace, *Bloods: Black Veterans of the Vietnam War*, Presidio 2006, 229.
- [25.](#) Del Vecchio John M., *The 13th Valley*, Sphere 1983, 3.
- [26.](#) АИ со Спенсером, 12.03.2016.
- [27.](#) АИ со Спенсером. 10.03.2016.
- [28.](#) Gole, *Soldiering*, 141.
- [29.](#) USMCA Finch MS Coll.1527.
- [30.](#) Terry, 6.
- [31.](#) Elliott, *Mekong Delta*, Vol. II, 1005.
- [32.](#) АИ с Кинном, 02.10.2016.
- [33.](#) Snepp, *Irreparable Harm*, 21.
- [34.](#) Col. Dang Vu Hiep, *Highland Memories*, People’s Army Publishing, Hanoi 2000, 86.
- [35.](#) USAHEC, *Устная история, медицинский персонал, Бистран*, 234.
- [36.](#) Caputo, 107.
- [37.](#) Ball, LBJ, 01.07.1965, Vietnam Documents.
- [38.](#) АИ со Спенсером, 11.03.2016.
- [39.](#) USMCA A/30/B/5/2.
- [40.](#) Tran Quoc Tuan et al., *History of the General Staff During the Resistance War Against the Americans to Save the Nation 1954-75*, People’s Army Publishing House, Hanoi 2010, Vol. III, 22.
- [41.](#) Caputo, 32.
- [42.](#) АИ с Бумером, 03.03.2016.
- [43.](#) Ramsey MS III C2.
- [44.](#) Ramsey MS III C1.

45. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 873; Higgins, Star, 10.08.1965.
46. Caputo, 100.
47. Caputo, 150.
48. Solis Gary D., Marines and Military Law in Vietnam: Trial by Fire, US Marine Corps 1989, 33.
49. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
50. Edwards, Australia and the Vietnam War, 184.
51. Ramsey MS II B37.
52. АИ с Хоем, 14.09.2016.
53. АИ с Ли Ван Куангом, 15.09.2016.
54. АИ с Чан Хоем, 16.09.2016.
55. АИ с Нгуен Ван Ыком, 11.09.2016.
56. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 786.
57. Luan, 291. Это сражение произошло в сентябре 1965 г.
58. Luan, 290.
59. Ку, 296.
60. Ramsey MS, 32.
61. АИ с Хикманом, 22.02.2016.
62. Ramsey MS, 32.
63. Нер, 87.
64. Это произошло в 1964 г.; Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 641.
65. Nguyen Hung Linh & Hoang Mac, Anti-Reactionary Forces: Chronology of events 1954-75, Ministry of Interior Political Security, Department III, Public Security, 228.
66. Из некролога Парк, Guardian, 28.03.2010.
67. Убийство было совершено 07.01.1966; Linh & Mac, 234.
68. Из интервью Мальколму Гладуэллу на подкасте «Пересматривая историю», июнь 2016 г.
69. Mai Elliott, Sacred Willow, 324.
70. Scotton, 156.
71. Clarke Jeffrey J., Advice and Support: The Final Years, 198-9.
72. АИ с Эйландом, 14.11.2016.
73. Из воспоминаний Ана, 30.
74. Из воспоминаний Ана, 37.
75. Из воспоминаний Ана, 40.
76. АИ с Саттоном, 12.11.2016.
77. USAHEC, Вох 38, Бумаги Сидни Берри.
78. USAHEC, Вох 40, Письма Сидни Берри.
79. Служебная записка Р. Макнамары от 30.11.1965; см.: Porter ed. Vietnam Documents, 400-1.
80. Shapley, 361.
81. Schlesinger, Journals, 21.01.1966, 243.

82. АИ со Спенсером, 16.03.2016.
83. Письмо от 02.01.1966, USAHEC, Box 40, Письма Сидни Берри.
Глава 12. «Мы пытаемся ловить дым»
1. Finlayson Andrew, Rice Paddy Recon, McFarland, North Carolina, 2014, 127.
2. USAHEC, Box 7, File 3, Устная история, ротные командиры.
3. Terry, 238.
4. Terry, 258.
5. Terry, 36.
6. West, 51.
7. АИ с Шиабом, 11.11.2016.
8. АИ с Роджерсом, 06.03.2016.
9. АИ с Кинном, 02.10.2016.
10. Caputo, 184-5.
11. USAHEC, Box 38, Бумаги Сидни Берри.
12. Bonville George, You Ain't Nothing But a Swamp Rat, Professional Press 2016, 139.
13. Bonville, 98.
14. 07.09.1965; Tuan, Vol. III, 24.
15. Tuan, Vol. III, 65.
16. MG Huynh Cong Than, On the Long An Battlefield: A Memoir as told to Nguyen Huu Nguyen, People's Army Publishing House 1994, 113.
17. Sharp & Westmoreland, Report on the War in Vietnam, US Government 1969, 113-14.
18. USAHEC, Vietnam War Documents, Box 2, Folder 15.
19. West, 31.
20. Ramsey, MS I B, 7-11.
21. USMCA, Chaisson letters, JA/A/5/6.
22. Gole, Depuy, 173.
23. Gole, Depuy, 195.
24. Bonville, 153.
25. Bonville, 167.
26. АИ с Саттоном.
27. АИ с Эйландом, 14.11.2016.
28. Terry, 23.
29. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
30. Terry, 8.
31. Scotton, 73.
32. Bonville, 384.
33. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
34. Bonville, 175.
35. Terry, 4.

36. Solis, 53-4.
37. Terry, 15.
38. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
39. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
40. АИ с Саттоном, 12.11.2016.
41. Рота М 3-го батальона 7-го полка морской пехоты, в период с 15 ноября 1968 г. по 15 января 1969 г. USMCA, Hardwick, MS A/30/J/5/1.
42. Terry, 20.
43. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
44. Генерал Лу Монг Лан, см.: Santoli, 155.
45. АИ с Хантом, 13.11.2016.
46. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
47. Than, 120.
48. Than, 116.
49. USAHEC, Box 6, Folder 1, Устная история, ротные командиры.
50. АИ с Харрисоном, 11.3.2016.
51. Hickey in PBS's Vietnam: A Television History.
52. Washington Post, 18.01.1987.
53. Santoli, 128.
54. USAHEC, Устная история, медицинский персонал, Ширли.
55. Hoang Ngoc Lung, 124.
56. Luan, 205.
57. Edwards, 402.
58. USAHEC, Устная история, ротные командиры, Теодор Фихтл.
Глава 13. Гниение и мятное масло
1. Mai Elliott, Sacred Willow, 314.
2. Hayslip, xiii.
3. Dong Van Khuyen.
4. Sorley, Generals, 311.
5. Следующий рассказ основан на личных воспоминаниях автора, а также на информации из статьи: Marshall Jonathan, 'Dirty Wars: French and American Piaster Profi teering in Indochina 1945–75', Asia-Pacific Journal, Vol. XII Issue 32 No. 2, 11.08.2014.
6. Ky, 162.
7. George S. Prugh in Harvard Journal of Law and Public Policy 4 (1980) 1-93.
8. Solis, 161.
9. Из мемуаров Мейнхейта, предоставленных автору.
10. Ky, 167.
11. Siemon-Netto Uwe, Duc: A Reporter's Love for the Wounded People of Vietnam, 2013, 121.
12. Ky, 249.

13. USAHEC, Westmoreland history, Book 6, tabs G-4, B-2, B-1.
14. Ky, 212.
15. The New York Times, 03.04.1966.
16. Nguyen Duy Hinh in Sorley, Generals, 741.
17. АИ с Шиэном, 05.03.2016.
18. Mai Elliott, Sacred Willow, 317.
19. USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
20. An, Memoir, 55.
21. АИ с Саттоном, 12.11.2016.
22. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
23. Этот разговор состоялся в августе 1966 г., см: Sheehan, Lie, 621.
24. Mai Elliott, RAND, 83; цит.: South-East Asia Trip Report, 18.
25. Mai Elliott, RAND, 88.
26. Mai Elliott, RAND, 103.
27. Mai Elliott, RAND, 133.
28. Howard, Captain Professor, 173.
29. Thompson, 15.
30. Mai Elliott, RAND, 180.
31. Life, 11.11.1966.

Глава 14. Раскаты грома

- . LeMay Curtis with MacKinlay Kantor, Mission with LeMay, Doubleday, 1965, 565.
 - . Ramsey, MS IV A5.
 - . USAHEC, Устная история, Вейанд.
 - . Цит. в: Clodfelter, Limits, 63.
 - . Nichols John B. & Tillman Barrett, On Yankee Station, Bantam, 1988,
- 16.
- . Цит. в: Clodfelter, Limits, 121.
 - . Palmer, 37.
 - . Cooper, 420.
 - . Clodfelter, Limits, 128.
 - . Schlesinger, Journals, 28.7.1966, 251.
 - . Mersky Peter & Polmar Norman, The Naval Air War in Vietnam, Annapolis, 1981, 121.
 - . Dobrynin, 141.
 - . Broughton Jack, Thud Ridge, Lippincott, 1969.
 - . Thompson, 86.
 - . Thompson, 93.
 - . Nichols & Tillman, 35.
 - . Nichols & Tillman, 48.
 - . Nichols & Tillman, 52.
 - . Nichols & Tillman, 110.

- . Nichols & Tillman, 111.
 - . Broughton, 93.
 - . Terry, 271.
 - . Terry, 280.
 - . АИ с Макдэниелом, 14.11.2016.
 - . АИ со Снеппом, 10.09.2016.
 - . Ramsey, MS II B42.
 - . АИ с Ноланом, 12.03.2016.
 - . Broughton, 65.
 - . Broughton, 67.
 - . Nichols & Tillman, 64.
 - . Nichols & Tillman, 119.
 - . Palmer, 33.
 - . Доктрина 9AF, 2-6 и 3-2, цит. в: Clodfelter, Beneficial Bombing, 243-
- 4.
- . USA Today, 27.07.1986.
 - Глава 15. Под бомбами
 - 1. Huy Duc, 152.
 - 2. МП, Ки.
 - 3. АИ с Нгуен Ван Хиеном, 05.10.2016.
 - 4. АИ с Нгуен Тхань Бинем, 14.10.2016.
 - 5. АИ с Фам Тхань Хынгом, 08.10.2016.
 - 6. АИ с До Тхи Тхы, 07.10.2016.
 - 7. АИ с Фам Тхань Хунгом, 08.10.2016.
 - 8. АИ с Фам Даем, 17.09.2016.
 - 9. АИ с Хунгом, 08.10.2016.
 - 10. «Война во Вьетнаме... Как это было (1965–1973)», ред. Е. Глазунов, Москва, 2005.
 - 11. Kien, Memoir, 15.
 - 12. Анатолий Зайцев, «В Ханое той военной поры», Москва, 2001.
 - 13. Из воспоминаний Куинь Хыонга.
 - 14. АИ с До Тхи Тхы, 07.10.2016.
 - 15. АИ с Фам Тхи Кхань Фыонгом, 06.10.2016.
 - 16. АИ с Фыонгом, 06.10.2016.
 - 17. Kien, Memoir, 52.
 - 18. АИ с Кислицыным, 27.02.2016.
 - 19. АИ с Мирошниченко, 12.02.2016.
 - 20. АИ с Пановым, 21.02.2016.
 - 21. АИ с Пановым, 21.02.2016.
 - 22. АИ с Малеванным, 22.02.2016.
 - 23. АИ с Залипским, 03.02.2016.
 - 24. Kien, Memoir, 107.

25. Pribbenow Merle L., 'Theology War: Technology and Ideology in the Vietnamese Defense of Hanoi 1967', *Journal of Military History*, Vol. LXVII No.1 (Jan. 2003, 175-200), 178.
26. АИ с Залипским, 03.02.2016.
27. Из воспоминаний Куин Хьонга.
28. АИ с Залипским, 03.02.2016.
29. Петр Исаев, «Война во Вьетнаме».
30. АИ с Залипским, 03.02.2016.
31. А. Зайцев.
32. АИ с Мирошниченко, 14.02.2016.
33. «Коммерсантъ — Власть», №19 за 26.05.1998. С. 79.
34. Gaiduk, 71.
35. Col. Le Ngoc Bon et al. in *Glorious History of the Heroic People's Security Forces*, Hanoi, 2006, 34 (переведено МП).
36. Этот разговор состоялся 23.08.1966, см.: Gaiduk, 80.
37. Han Nian Long (ed.), 1988, *Contemporary China's Diplomacy*, China Social Science Publishing House, 34; Wang Taiping (ed.) 1998, *Diplomatic History of the People's Republic of China* (2), World Knowledge Publishing House, 35.
38. Han Huanzhi (ed.), 1989, *Contemporary China: Military Work of the Chinese Army* (2), China Social Science Publishing House, 514; Historical Research Department of Academy of Military Sciences PLA China (ed.), 1988, *Chinese People's Liberation Army Sixty-Year Event Record*, Beijing: Military Science Publishing, 616.
39. Этот рассказ основан на мемуарах Гуйлиня Лонга, см: Long Guilin, *Memoirs*, Beijing, 1996, 176-7.
40. Col. Nguyen Van Minh, M.-G. Pham Van, *History of the Resistance War Against the Americans to Save the Nation, 1954–75*, 8 vols, Military History Institute of Vietnam, Hanoi, 2008, Vol. V, 271, Hanoi 2001; а также письмо в газету «Туой Че» за 17.08.2007.
41. Автор пережил аналогичный опыт, когда в 1971 г. впервые посетил Китай в качестве журналиста телеканала Би-би-си.
42. Thompson, 45.
43. Lou Harris in *Washington Post*, 12.02.1967.
44. *Pentagon Papers Gravel Edition IV*, 136.
45. Ulysses S. Sharp, *Strategy for Defeat*, Presidio Press, 1978, 99.
46. Mersky & Polmar, 180-1.
47. Halberstam, 138-9.
48. Исследование группы «Ясон», Институт оборонных аналитических исследований, 29.08.1966, см.: *Pentagon Papers*, 505.

49. Hoeffding Oleg, «Bombing North Vietnam: An Appraisal of the Economic and Political Effects», RAND Corporation publication RM5213; 22 (доступно онлайн).
50. Hoeffding, p.v.
51. USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
Глава 16. В грязи непролазной по пояс
1. The New York Times, 07.05.1967.
2. Эта встреча со студентами состоялась в сентябре 1967 г.; АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
3. Kissinger Henry, The White House Years, Boston & NY, 1979, 112.
4. Sorley Lewis ed., The Abrams Tapes 1968-72, Texas Tech, 2004, 36.
5. Terry, 202.
6. Finlayson, Rice Paddy Recon, 66.
7. Из письма Макнамары Майклу Сиссонсу, 23.03.1967.
8. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
9. Бóльшая часть приведенных ниже данных взята из книги: Baskir Lawrence M. & Strauss William A., Chance and Circumstance: The Draft, the War and the Vietnam, Generation Knopf, 1978.
10. Baskir & Strauss, 7.
11. АИ с Грэмом, 06.03.2016.
12. Baskir & Strauss, 49.
13. Baskir & Strauss, 9.
14. Charlton & Moncrieff, 137.
15. Данные предоставлены автору 06.11.2017.
16. АИ с Ларри Пресслером, 21.01.2017.
17. АИ с Роджерсом, 06.03.2016.
18. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
19. Palmer, 60.
20. USAHEC, Устная история.
21. USAHEC, Устная история, Феллетер Винсент.
22. Май 1968 г., см.: Hunt, 9th Division, 93.
23. Hunt, 9th Division, 97.
24. Abrams Tapes, 407; 18.04.1970.
25. Scotton, 240.
26. Wirtz James J., The Tet Offensive: Intelligence Failure in War, Cornell, 1991, 34.
27. Pentagon Papers, The New York Times edition, 558.
28. Elliott David P. & Mai, «Platoon of the 514th Battalion», RAND Corporation, 1969, 1030 (доступно онлайн).
29. USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
30. Tuan, Vol. III, 287.
31. Tuan, Vol. III, 282.

- [32.](#) Tuan, Vol. III, 284.
- [33.](#) USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
- [34.](#) Palmer, 57.
- [35.](#) Palmer, 74.
- [36.](#) West, 25.
- [37.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [38.](#) Из письма Макнамары Сиссонсу от 23.03.1967.
- [39.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [40.](#) Finlayson Andrew, Killer Kane, McFarland, North Carolina 2013, 114.
- [41.](#) АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
- [42.](#) Caputo, 247.
- [43.](#) USAHEC, Vietnam War Documents, Box 2, Folder 15.
- [44.](#) Finlayson, Rice Paddy Recon, 115.
- [45.](#) АИ с Кинном, 02.10.2016.
- [46.](#) Terry, 7.
- [47.](#) O'Brien Tim, The Things They Carried, Flamingo 1990, 33.
- [48.](#) Caputo, 315.
- [49.](#) АИ с Шиабом, 11.11.2016.
- [50.](#) Terry, 41.
- [51.](#) USAHEC, Box 6, File 4, Устная история, ротные командиры.
- [52.](#) An, Memoir, 49.
- [53.](#) O'Brien Michael, Conscripts and Regulars: With the Seventh Battalion in Vietnam, Allen & Unwin 1995, 39.
- [54.](#) АИ с Торном, 07.02.2016.
- [55.](#) USAHEC, Box 18, Folder 10, Устная история, ротные командиры.
- [56.](#) Del Vecchio, 503.
- [57.](#) АИ со Саттоном, 12.11.2016.
- [58.](#) USMCA Hardwick MS A/30/J/5/1.
- [59.](#) АИ с Роджерсом, 06.03.2016.
- [60.](#) Caputo, 13.
- [61.](#) Finlayson, Killer Kane, 185.
- [62.](#) USMCA Hardwick MS A/30/J/5/1.
- [63.](#) USMCA Tenney MS A/25/B/5/1.
- [64.](#) Этот контакт имел место в сентябре 1965 г.; Caputo, 243.
- [65.](#) Santoli, 190.
- [66.](#) АИ с Шиабом, 11.11.2016.
- [67.](#) АИ с Шиабом, 11.11.2016.
- [68.](#) USAHEC, Box 18, Folder 2, Устная история, ротные командиры.
- [69.](#) Nolan, Bastards, 53.
- [70.](#) АИ с Фам Фы Бангом, 07.10.2016.
- [71.](#) Finlayson, Killer Kane, 134.

- [72.](#) Из письма Макнамары Сиссонсу, 23.03.1967.
- [73.](#) АИ с Грэмом, 06.03.2016.
- [74.](#) Whitt Jacqueline E., Bringing God to Men: American Military Chaplains and the Vietnam War, University of North Carolina Press 2014, 171.
- [75.](#) Del Vecchio, 199.
- [76.](#) Finlayson, Killer Kane, 197.
- [77.](#) Terry, 30.
- [78.](#) Del Vecchio, 106.
- [79.](#) O'Brien Tim, Things, 35.
- [80.](#) Nolan, Sappers, 93.
- [81.](#) USMCA Tenney MS A/25/B/5/1.
- [82.](#) АИ с Миллером, 13.11.2016.
- [83.](#) Chivers, 272; следующий рассказ основан на сведениях из этой книги.
- [84.](#) Chivers, 290.
- [85.](#) Chivers, 316.
- [86.](#) АИ со Спенсером, 12.02.2016.
- [87.](#) АИ с Терли, 02.03.2016.
- [88.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [89.](#) АИ с Кинном, 02.10.2016.
- [90.](#) Luan, 267.
- [91.](#) АИ с Грэмом, 06.03.2016.
- [92.](#) Philadelphia Inquirer, 17.09.1967.
- [93.](#) Из письма Макнамары Сиссонсу от 23.03.1967.
- [94.](#) АИ с Грэмом, 06.03.2016.
- [95.](#) АИ с Бангом, 07.10.2016.
- [96.](#) Luan, 362.
- Глава 17. Наши парни, их парни: война во Вьетнаме
- . Ramsey MS p.I A 40.
- . АИ с Кхъемом, 13.09.2016.
- . АИ с Нгыу, 20.09.2016.
- . АИ с Джонни Андервудом, 11.10.2016.
- . Tang, 110.
- . Tang, 101.
- . Tang, 261.
- . Ramsey MS IV F10.
- . Wyndham, MS, 17.
- . Abrams Tapes, 23.08.1969, 252.
- . West, 52.
- . Than, 124.
- . Finlayson, Killer Kane, 140.

- . Ramsey MS IV A65.
- . Ramsey MS, IV B14.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 868.
- . Dang Thuy Tram, Last Night I Dreamed of Peace Harmony, 2007, 20.8.68, 46.
- . Там же, 22.04.1968, 12, и 31.05.1968, 23.
- . Там же, 11.10.1968, 59, и 20.10.1968, 61.
- . Там же, 19.03.1969, 101.
- . Langguth A.J., Our Vietnam, Simon & Schuster 2000, 668.
- . Цит. в: Lind, 178.
- . Bao Ninh, The Sorrow of War, Vintage 1998, 9.
- . Ninh, 5.
- . Ан, Memoir, 62.
- . АИ с Бангом, 07.10.2016.
- . Ninh, 5.
- . АИ с Фам Фы Бангом, 07.10.2016.
- . Нгуен Ван Тань, цит. в: Luan, 308.
- . Ан, Memoir, 95.
- . АИ с Бангом, 07.10.2016.
- . 27.04.1969, Tram, 111.
- . Tram, 112.
- . Tang, 128.
- . Tang, 157.
- . Tang, 159.
- . Tang, 167, 168, 177.
- . Howse Hamilton, Vietnam: An Epilogue, Association of the US Army, July 1975, 1-2.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . Tran Bach Dang, Tet offensive Review Conference, Military History, Issue 2, 1988, 59.
- . АИ с Хоем, 18.09.2016.
- . АИ с Хоем, 17.09.2016.
- . Bonville, 336.
- . АИ с Саттоном, 12.11.2016.
- . Sorley Lewis ed., The Vietnam War: An Assessment by South Vietnam's Generals, Texas Tech, 2010, 32.
- . АИ с Ши, 21.05.2016.
- . Sorley, Vietnam's Generals, 53.
- . Ген. Донг Ван Куен, см.: Sorley, Vietnam's Generals, 61.
- . Tang, 160.
- . АИ с Брином, 07.03.2016.
- . Young, 30.

- . West, 37.
- . Tram, 24.07.1969.
- Глава 18. Тетское наступление
1. Чыонг Конг Донг, цит. в: Gaiduk, 142.
 2. МП, интервью с Чан Тонг Чынгом.
 3. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1083.
 4. Huy Duc, 156.
 5. Huy Duc, 159.
 6. Pribbenow Merle, 'General Vo Nguyen Giap and the Mysterious Evolution of the Plan for the 1968 Tet Offensive', Journal of Vietnamese Studies, Vol. III, Issue 2, 2008, 1-33.
 7. См.: Wirtz, в разных местах.
 8. Tong Ho Trinh, The 1968 Tet Offensive in the Tri-Thien-Hue Theatre, Ministry of Defence, Hanoi 1986 (trans. Bob Destatte & Merle Pribbenow for US Army Center for Military History), 21.
 9. Wirtz, 183.
 10. Ramsey MS IV F9.
 11. USMCA, Fulkerson MS A/30/7/5/1.
 12. West, 56.
 13. Huy, 57.
 14. Этот рассказ частично основан на книге: Nguyen Huy Toan & Pham Quang Dinh, The 304th Division, Vol. II, People's Army Publishing House, Hanoi 1990.
 15. Wirtz, 81.
 16. Hoang Ngoc Lung, 354-5.
 17. Dang Tran Bach, Life and Memories, Tre Publishing House, Ho Chi Minh 2006, 158.
 18. Dang, 158.
 19. Than, 130.
 20. Than, 131.
 - . Dang, 165.
 - . Gen. Tran Do, 1968 Tet offensive review conference, Military History, Issue 2, 1988, 56.
 - . Из речи генерала Чан Ван Кыонга «Хюэ: 25 дней и ночей» на юбилейной конференции в Ханое; см.: Military History, Issue 2, Hanoi 1988, 26.
 - . Этот рассказ основан на воспоминаниях командира НФОЮВ Тонг Хо Чиня.
 - . USAHEC, Vietnam Document Collection, Box 2, Folder 13.
 - . Scotton, 226.
 - . Young, 35-7.

- . Wiest Andrew, Vietnam's Forgotten Army: Heroism and Betrayal in the ARVN, NYU 2008, 10.
- . Trinh, 67.
- . Krohn Charles A., The Lost Battalion of Tet, Naval Institute Press 2008, 3-5.
- . Krohn, 66.
- . Krohn, 69.
- . Krohn, 51.
- . АИ с Харрисоном, 14.03.2016.
- . АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- . Nichols & Tillman, 40.
- . АИ с Вендтом, 14.11.2016.
- . USAHEC, Vietnam War Documents, Box 3, Folder 5, Speedy.
- . Terry, 122.
- . АИ с Вендтом, 14.11.2016.
- . Braestrup Peter, Big Story: How the American Press and Television Reported and Interpreted the Crisis of Tet 1968, Anchor 1978, 118.
- Глава 19. Союзники отражают удар
- . АИ с Таном, 21.09.2016.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1098.
- . Than, 133.
- . АИ с Де, 09.07.2016.
- . Michael O'Brien, 124.
- . USAHEC, Устная история, медицинский персонал.
- . Hammond, 345.
- . The New York Times, 02.02.1968.
- . USMCA, бумаги Чейссона.
- . АИ с Харрингтоном, 04.03.2016.
- . АИ с Харрисоном, 03.03.2016.
- . Santoli, 185.
- . Ку, 265.
- . USMCA, письмо Чейссона от 02.02.1968.
- . Wall Street Journal, 06.02.1968.
- . Washington Post, 06.02.1968.
- . USAHEC, бумаги Уилера, донесение №1614 Уилеру от Уэстморленда, КОВПВ, 04.02.1968.
- . USAHEC, бумаги Уэстморленда, копия письма Абрамса от 23.02.1968.
- . USAHEC, Устная история, интервью Вейанда.
- . Than, 146.
- . USAHEC, Box 3, бумаги Уэстморленда.
- . Там же, MAC 1901.

- . Westmoreland William, A Soldier Reports, 338.
- . Rear Services Operations during the Route 9 – Khe Sanh Campaign, Hanoi 1988, 281.
- . Huy Duc, Memoir, 62.
- . Huy Duc, Memoir, 74.
- . USMCA Fulkerson MS A/30/7/5/1.
- . АИ с Энтони, 13.11.2016.
- . Toan & Dinh, 115.
- . Toan & Dinh, 100.
- . Toan & Dinh, 94.
- . Toan & Dinh, 96.
- . Там же, 122.
- . Генерал Чан Ван Куанг, речь на конференции, посвященной годовщине Тетского наступления; см.: Military History, Issue 2, Hanoi 1988, 30.
- . Toan & Dinh, 122.
- . Abrams Tapes, 02.01.1971, 516.
- . Bowden Mark, Hue 1968, Grove Atlantic 2017, 143.
- . Mark, Hue, 353.
- . АИ с Харрингтоном, 04.03.2016.
- [40.](#) Young, 39.
- [41.](#) Oberdorfer Don, Tet! The Turning Point in the Vietnam War, Johns Hopkins 2001, 229.
- [42.](#) McNeill Ian, The Team: Australian Advisers in Vietnam, Hippocrene 1984, 152.
- [43.](#) Hammond, 387.
- [44.](#) Hammond, 388.
- [45.](#) Tuan, Vol. IV (1969-72), 18.
- [46.](#) Huynh Cong Than, 157.
- [47.](#) МП, интервью с Чан Чонг Чунгом.
- [48.](#) Джулиан Юэлл, 12.06.1969; см.: Abrams Tapes, 208.
- [49.](#) Стенограмма аудиозаписи ханойской конференции 1986 г., 47.
- [50.](#) An, Memoir, 91.
- [51.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.
- [52.](#) Abrams Tapes, 33.
- [53.](#) АИ с Энтони, 13.11.2016.
- [54.](#) Sorley Lewis ed., A Better War: The Unexamined Victories and Final Tragedy of America's Last Years in Vietnam, Harvest 1999, 29.
- [55.](#) NBC, 03.03.1968.
- [56.](#) Scotton, 226.
- [57.](#) АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- [58.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.

59. Hammond, 372.
 60. USAHEC, Vietnam War Document, Collection Box 3, Folder 15.
 61. Schlesinger, Journals, 03.04.1968, 286.
 62. Schlesinger, Journals, 11.11.1971, 144.
 63. Berman, Tragedy, 153.
 64. Charlton & Moncrieff, 121.
 65. Из речи Чан Бать Данга на юбилейной конференции; см.: Military History, Issue 2, Hanoi 1988, 58.
- Глава 20. День сурка
1. Than, 136.
 2. Than, 137.
 3. Than, 139.
 4. Than, 141-2.
 5. Luan, 328.
 6. Haponski William, An Idea, and Bullets, Combatant Books 2016, 330.
 7. 06.07.1968, Abrams Tapes, 15, 17.
 8. АИ с Энтони, 13.11.2016.
 9. АИ со Стивенсом, 09.11.2016.
 10. Следующий рассказ основан на беседах автора с участниками событий — бригадным генералом Биллом Уэйсом, генерал-майором Джеймсом Ливингстоном и полковником Джимом Уильямсом, а также на книге Кита Нолана «Великолепные ублюдки» (Keith Nolan, The Magnificent Bastards, 1994), документальном фильме о сражении при Дайдо, снятом Корпусом морской пехоты в 2014 г., на записях 1-го бронетанкового батальона PR/F/4/2 из архивов USMC и на воспоминаниях вьетнамцев, указанных ниже.
 11. Nolan, Magnificent Bastards, 11.
 12. АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
 13. АИ с Уэйсом, 05.03.2016.
 14. АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
 15. Nolan, Magnificent Bastards, 12.
 16. Nolan, Bastards.
 17. Nolan, Bastards, 16.
 18. Nolan, Bastards, 21.
 19. Battles of Vietnamese Artillery during the War of Liberation, Vol. II, Hanoi 1990, 8 и след.
 20. Nolan, Bastards, 42.
 21. Nolan, Bastards, 59.
 22. Livingston James E., Colin D. Heaton & Anne-Marie Lewis, Noble Warrior, Zenith Press 2010, 47.
 23. АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
 24. Nolan, Bastards, 87.

25. Nolan, Bastards, 80.
 26. Nolan, Bastards, 82.
 27. Nolan, Bastards, 84.
 28. History of the 320th Lowland Division, Hanoi 1984, 75.
 29. Nolan, Bastards, 77.
 30. Nolan, Bastards, 133.
 31. Nolan, Bastards, 92.
 32. Nolan, Bastards, 104.
 33. History of the 320th Division, 76.
 34. АИ с ЛИВИНГСТОНОМ, 03.03.2016.
 35. Nolan, Bastards, 146.
 36. Nolan, Bastards, 136.
 37. Nolan, Bastards, 169.
 38. АИ с ЛИВИНГСТОНОМ, 03.03.2016.
 39. Nolan, Bastards, 195.
 40. Battles of the Vietnamese Artillery, Vol. II, 16.
 41. АИ с ЛИВИНГСТОНОМ, 03.03.2016.
 42. History of the 320th Division, 81, 84.
 43. Nolan, Bastards, 305.
 44. АИ с Уэйсом, 05.03.2016.
 45. 02.08.1969, Abrams Tapes, 238.
 46. USMCA 1st Amtrak Battalion PR/F/4/2.
 47. АИ с Уэйсом, 05.03.2016.
 48. Dobrynin, 170.
 49. Dobrynin, 143.
 50. Dobrynin, 175.
 51. АИ с Колтесом, 11.10.2016.
 52. USMCA Minehan letters A/5/L/3/5.
 53. 29.06.1968, Abrams Tapes, 8.
 54. 17.08.1968, Abrams Tapes, 29.
 55. Abrams Tapes, 40.
 56. FRUS 1964-68 VII, 189.
 57. Hunt, 9th Division, 106.
 58. 27.09.1969, Abrams Tapes, 27.
 59. Haponski, 328.
 60. АИ с Холлом, 12.11.2016.
 61. Nixon Richard, No More Vietnams, 96.
- Глава 21. «Грязная война»
1. Scotton, 235.
 2. 14.02.1969, Tram, 91.
 3. Kissinger Henry, Ending the Vietnam War, Simon & Schuster 2003, 8.
 4. Daddis Greg, Withdrawal, Oxford 2017, 41.

5. Daddis, Withdrawal, 33.
6. В апреле 1969 г.
7. Abrams Tapes, 213.
8. АИ с Хикманом, 05.02.2016.
9. Whitt, 98.
10. 11.11.1968, Abrams Tapes, 77.
11. Daddis, Withdrawal, 19.
12. АИ с Торном, 03.03.2016.
13. 11.06.1969, Tram, 125.
14. Ninh, 4.
15. Abrams Tapes, 79.
16. Abrams Tapes, 154.
17. 05.03.1969, Abrams Tapes, 139.
18. Braestrup, 515.
19. Braestrup, 517.
20. USAHEC, Company Oral Histories, Box 5, Folder 7.
21. Sorley, Better War, 294.
22. USAHEC, Company Commanders' Oral Histories, Box 18.
23. Terry, 48.
24. USAHEC, Company Commanders' Oral Histories, Box 18, Folder 9.
25. 21.02.1970, Abrams Tapes, 379.
26. Solis, 129-31.
27. Solis, 193.
28. Solis, 110.
29. Solis, 110-12.
30. USAHEC, Medical Personnel Oral Histories.
31. АИ с Торном, 03.03.2016.
32. Solis, 171.
33. Borch Frederic L., Judge Advocates in Vietnam: Army Lawyers in Southeast Asia 1959-75, Combat Studies Institute 2003, 112.
34. USMCA, Oral Histories, Tape 4749 1970.
35. Solis, 130.
36. АИ с Хантом, 13.11.2016.
37. АИ с Бумером, 02.03.2016.
38. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
39. Solis, 136-8.
40. Terry, 39.
41. USAHEC, Medical Personnel Oral Histories, Mary Ellen Smith.
42. АИ с Холлом, 12.11.2016.
43. АИ с Энтони, 13.11.2016.
44. USMНА, Вох 38, Бумаги Сидни Берри, 03.10.1965.
45. АИ с Роджерсом, 06.03.2016.

- 46. Terry, 256.
- 47. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 48. 05.08.1969, Abrams Tapes, 245.
- 49. 15.01.1970, Abrams Tapes, 339.
- 50. АИ с Харрисоном, 11.03.2016.
- 51. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
- 52. Luan, 427.
- 53. Luan, 363.
- 54. АИ с Франклином, 16.04.2017.
- 55. Следующий рассказ в значительной степени основан на авторитетном труде Питера Эвардса «Австралия и Вьетнамская война», вышедшем в 2014 г.
- 56. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 57. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 58. USAHEC Company Commanders' Oral Histories, Box 6, Folder 2.
- 59. Michael O'Brien, 166-7.
- 60. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
- 61. Edwards, 327.
- 62. Michael O'Brien, 54.
- 63. Michael O'Brien, 242.
- 64. Edwards, 261.
- 65. АИ с Франклином, 16.02.2016.
- 66. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 67. Australian War Memorial PR87/157.
- 68. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 69. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
- 70. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 71. АИ с Фримантлом.
- 72. Michael O'Brien, 202.
- 73. Michael O'Brien, 252.
- 74. АИ с Фримантлом.
- 75. Edwards, 332.
- 76. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 77. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 78. Michael O'Brien, 116.
- 79. АИ со Смитом, 06.09.2016.
- 80. Edwards, 410.
- 81. Wyndham MS, 17.
- 82. Walrath Brian, Unpublished MS of Vietnam MAT experiences (предоставлено автору).
- 83. АИ со Стивенсом, 17.05.2016.
- 84. Michael O'Brien, 39.

- [85.](#) АИ с Шиэном, 05.03.2016.
- [86.](#) АИ с Хикманом, 06.02.2016.
- [87.](#) 10.03.1969, Abrams Tapes, 140.
- [88.](#) 10.03.1969, Abrams Tapes, 142.
- [89.](#) Schlesinger, Journals, 14.12.1969.
- [90.](#) Haldeman H.R., The Haldeman Diaries, Berkley Books 1994, 557,
- [91.](#) Kissinger, White House Years, 436.
- [92.](#) Nixon memoirs conversation, 20.10.1969, 399.
- [93.](#) Gaiduk, 220.
- [94.](#) Suri, Kissinger and the American Century, 213.
- [95.](#) FRUS 1969-76 VI, 400.
- [96.](#) Hughes Ken, Fatal Politics: The Nixon Tapes, the Vietnam War and the Casualties of Reelection, University of Virginia 2015, 180.
- [97.](#) 09.02.1970, Abrams Tapes, 364.
- [98.](#) АИ с Торном, 06.02.2016.
- Глава 22. Поражение в рассрочку
- . 05.03.1969, Abrams Tapes, 151.
 - . Langguth, 565.
 - . Абрамс Муреру, цит. в: Sorley, Better War, 206.
 - . West, 5.
 - . Tran Bach Dang, Memoir, 197-202.
 - . Swain Jon, River of Time, Heinemann 1995, 41.
 - . 10.05.1970 и 06.05.1970, Abrams Tapes, 414, 415.
 - . Ramsey MS IV, 34.
 - . Ramsey MS V, 38.
 - . 19.05.1970, Abrams Tapes, 417.
 - . Tang, 180.
 - . Tang, 183.
 - . Tang, 213.
 - . 07.11.70, Abrams Tapes, 506.
 - . 05.05.1970 и 19.05.1970, Tram, 210, 212.
 - . 23.05.1970, Abrams Tapes, 425.
 - . Hayes Paddy, Queen of Spies, Duckworth 2015, 232.
 - . Сэр Майкл Говард в разговоре с автором, 09.05.2017.
 - . Hayes, 222.
 - . Hayes, 224.
 - . Tang, 187.
 - . Tang, 190.
 - . Tang, 225.
 - . АИ с Динем, 09.07.2016.
 - . Там же.
 - . АИ со Снеппом, 10.09.2016.

- . АИ с Финлейсоном, 20.01.2017.
- . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- . АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
- . Kerrey Bob, *When I Was a Young Man*, Harcourt 2002, 150.
- . Kerrey, 185.
- . Kerrey, 255.
- . Gregory Vistica, *The New York Times*, 25.04.2001.
- . Gregory Vistica, *The New York Times*, 25.04.2001.
- . АИ с Керри, 15.11.2016.
- . АИ с Керри, 15.11.2016.
- . АИ с Керри, 15.11.2016.
- . Finlayson, *Rice Paddy Recon*, 265.
- . USAHEC, *Устные истории*, Вейанд.
- . Sorley, *Better War*, 217.
- . АИ со Стивенсом, 14.06.2016.
- . 06.05.70, *Abrams Tapes*, 412.
- . Sorley, *Better War*, 186.
- . Schlesinger, *Journals*, 22.05.1970, 325.
- . MAC 14841; Sorley, *Better War*, 232.
- . Sorley, *Better War*, 233.
- . Sorley, *Better War*, 241.
- . Nghi Huynh et al., *The Route 9 – Southern Laos Counteroffensive Campaign 1971*, Military History Institute of Vietnam 1987, 5.
- . Nghi, *The Route 9*, 37-8; An, *Memoir*, 105-6; Toan & Dinh, 156-8.
- . Sorley, *Better War*, 250.
- . Sorley, *Better War*, 251.
- . Palmer, 115.
- . 27.02.1971, *Abrams Tapes*, 549.
- . 09.03.1971, *Abrams Tapes*, 558.
- . An, *Memoir*, 110.
- . Tran Van Thom; An, *Memoir*, 131.
- . Tran Van Thom; An, *Memoir*, 135.
- . 27.03.1971, *Abrams Tapes*, 578.
- . 15.04.1971, *Abrams Tapes*, 592.
- . 20.05.1971, *Abrams Tapes*, 624.
- . 26.04.1971, *Abrams Tapes*, 608.
- . АИ с Приббеноу, 09.11.2016.
- . АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- . АИ со Снеппом, 10.09.2016.
- . Сорли, интервью с Хейгом от 29.11.1988, цит. в: Sorley. *Better War*, 263.
- . Haig Alexander, *Inner Circles*, 276.

- . Hughes, 8.
- . Hughes, 9.
- . Письмо Ванна Поттсу, май 1971 г., цит. в: Sorley, Better War, 273.
- . 02.01.1971, Abrams Tapes, 519.
- . 28.02.1970, Abrams Tapes, 383.
- . 20.06.1971, Abrams Tapes, 641.
- Глава 23. Сопутствующий ущерб
 - . Keith Nolan, 16. Дальнейший рассказ основан на беседах с американскими военнослужащими с БОП «Мэри Энн», проведенными Ноланом для его книги: Keith Nolan, Sappers in the Wire: The Life and Death of Firebase Mary Ann, Texas A&M 2007.
 - . Nolan, Sappers, 16-17.
 - . Walrath MS.
 - . Nolan, Sappers, 25.
 - . Nolan, Sappers, 39.
 - . 29.01.1972, Abrams Tapes, 774.
 - . Изложение событий той ночи со стороны ВНА основано на следующих исторических работах, изданных в Ханое: History of MR5 Sapper Troops, 258; History of the Sapper Forces, Vol. I, 261; History of Chemical Troops 1958-2008, 286; Vietnam Military Encyclopedia, 1113.
 - . Nolan, Sappers, 145.
 - . Nolan, Sappers, 147.
 - . Nolan, Sappers, 162.
 - . USAHEC Abrams Papers, ARV2479, 23.07.1971, письмо к Маккаффри.
 - . Walrath MS.
 - . 22.05.1971, Abrams Tapes, 628.
 - . 05.05.1971, Abrams Tapes, 613.
 - . Этот рассказ основан на исследовании: Mark Clodfelter, Violating Reality: The Lavelle Affair, Nixon and Parsing the Truth, National War College 2016.
 - . Clodfelter, Violating, 16.
 - . На совещании Никсона и СНБ 02.02.1972.
 - . Senate AFC Hearings, 13.09.1972, 79.
 - . White House Tapes, 29.05.1971, Hughes, 29.
 - . АИ с Шиэном, 05.03.2016.
 - . Kim Willenson, The Bad War, 102.
 - . АИ с Франклином, 16.02.2016.
- Глава 24. Главная битва
 - [1.](#) 22.12.1971, Abrams Tapes, 724.
 - [2.](#) 31.12.1971, Abrams Tapes, 734.
 - [3.](#) Abrams Tapes, 753.

- [4.](#) Abrams Tapes, 758.
- [5.](#) Abrams Tapes, 775.
- [6.](#) 10.02.1972, Abrams Tapes, 778.
- [7.](#) Hughes, 175.
- [8.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.
- [9.](#) House Tapes conversation 532-011, 30.06.1971; Hughes, 29.
- [10.](#) Clodfelter, Friction, 33.
- [11.](#) Luan, 395.
- [12.](#) Scotton, 288.
- [13.](#) Young, 53.
- [14.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [15.](#) АИ с Терли, 02.03.2016.
- [16.](#) Sorley, Generals, 306.
- [17.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.
- [18.](#) Turley Gerald H., The Easter Offensive: The Last American Advisors in Vietnam 1972, Naval Institute Press 1985, 139.
- [19.](#) 02.04.1972, Abrams Tapes, 805.
- [20.](#) АИ с Терли, 04.02.2016.
- [21.](#) Turley, 202.
- [22.](#) Turley, 146.
- [23.](#) Botkin Richard, Ride the Thunder, WND Books 2009, 235.
- [24.](#) Turley, 177.
- [25.](#) Wiest, 259.
- [26.](#) Wiest, 241.
- [27.](#) Wiest, 242.
- [28.](#) Turley, 165.
- [29.](#) АИ с Эллиоттом, 23.09. 2016.
- [30.](#) Hai, 73.
- [31.](#) Hai, 78.
- [32.](#) Hai, 82.
- [33.](#) Hai, 84.
- [34.](#) Hai, 85.
- [35.](#) АИ с Даффи, 01.11.2016.
- [36.](#) Phuong Quang in Cavalry, June 2006, 101.
- [37.](#) 07.04.1972, Abrams Tapes, 813.
- [38.](#) Ly Tong Ba, Memoir, 176.
- [39.](#) АИ с Хунгом, 08.10.2016.
- [40.](#) АИ с Хунгом, 08.10.2016.
- [41.](#) АИ с Нинем, 07.10.2016.
- [42.](#) 12.06.1971, Abrams Tapes, 639.
- [43.](#) Phi Long in Huy Duc, 431.
- [44.](#) Phuong Quang, 103.

45. 12.05.1972, Abrams Tapes, 841.
46. Khuyen, 57.
47. Khuyen, 70.
48. Luan, 401.
49. Luan, 402.
50. Young, 53.
51. Young, 407.
52. Ly Tong Ba, Memoir, 170.
53. Tuan, Vol. IV, 383.
54. Ly Tong Ba, Memoir, 177.
55. Этот рассказ в значительной степени основан на статье: Nguyen Quoc Khue, '3rd Ranger Group and the Battle of An Loc/Binh Long', Ranger Magazine, Tet 2003 issue, 77.
56. Тот же источник, 87.
57. Тот же источник, 88.
58. Тот же источник, 96.
59. Armor Command (Bo Tu Lenh Thiet Giap), Some Battles Fought by Our Armored Troops, Vol. IV, General Staff Printing Hanoi 1983, 42.
60. USAHEC, Advisers' Oral Histories, Box 2, Folder 6.
61. Khue, 102.
62. Armor Command, 52.
63. АИ с Чаном, 09.07.2016.
64. USAHEC, Oral Histories, Box 2, Folder 6.
65. 09.05.1972, Abrams Tapes, 847.
66. АИ с Де, 09.07.2016.
67. Tuan, Vol. IV, 397.
68. Суходрев Виктор, «Язык мой — друг мой», Москва, 2008, 112.
69. Суходрев, 114.
70. Huy Duc, 429.
71. History of the Combat Operations Department 1945-2000, People's Army Publishing House, Hanoi 2005, online: quansuvyn.
72. An, Memoir, 171.
73. An, Memoir, 173.
74. An, Memoir, 179, 180.
75. АИ с Хунгом, 11.10.2016.
76. АИ с Нинем, 07.10.2016.
77. АИ с Ли, 15.09.2016.
78. Tang, 211.
79. Tang, 205.
80. Luan, 389.
81. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1314.
82. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1315.

[83.](#) 22.04.1972, Abrams Tapes, 826.

[84.](#) Palmer, 122.

[85.](#) АИ с Приббеноу, 09.11.2016.

[86.](#) USAHEC, Advisers' Oral Histories, Box 18, Folder 9.

Глава 25. Большие уродливые жирные ублюдки

. Hughes, 85. Этот рассказ в значительной степени опирается на выдержки из магнитофонных записей Белого дома, расшифрованные и классифицированные Кеном Хьюзом для своей книги, см.: Ken Hughes, *Fatal Politics*, University of Virginia Press 2015.

. Hughes, 87.

. Hughes, 91.

. Hughes, 94.

. Hughes, 97.

. Hersh Seymour, *The Price of Power*, Summit Books 1985, 584.

. Hughes, 104.

. Hughes, 105.

. Hughes.

. АИ с Нгыу, 20.09.2016.

. Hughes, 113.

. Ahern Thomas, *CIA and the Generals: Covert Support to the Military Government in South*

Vietnam; <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1>.

. Hughes, 116.

. Hughes, 120.

. 23.10.1972, Hughes, 123.

. Hughes, 126.

. Hughes, 149.

. Следующий рассказ в значительной степени основан на книге: Mark Clodfelter, *Fifty Shades of Friction: Combat Climate, B-52 Crews, and the Vietnam War*, National War College 2016.

. Clodfelter, *Limits*, 186.

. Nichols & Tillman, 42.

. Nichols & Tillman, 43.

. McCarthy James, *Linebacker II: A View From the Rock*, Air University 1976, 158.

. Clodfelter, *Friction*, 25.

. Clodfelter, *Friction*, 18.

. Clodfelter, *Friction*, 20.

. McCarthy, 61.

. McCarthy, 62-3.

. Clodfelter, *Friction*, 17.

. McCarthy, 152.

- . АИ с Мирошниченко, 14.13.2016.
- . Kien, Memoir, 184.
- . Kien, Memoir, 212.
- . Kien, Memoir, 234.
- . Kien, Memoir, 246.
- . АИ с Бинем, 05.10.2016.
- . АИ с Фьюнгом, 06.10.2016.
- . Рассказ Блауфусса от 03.09.1977, см.: McCarthy, 140.
- . McCarthy, 152.
- . Oral narrative to Col. Allison USAF 24.10.1977.
- . Clodfelter, Friction, 8.
- . Kien, Memoir, 243.
- . Clodfelter, Friction, 19.
- . Рассказ Конли Маккарти от 12.07.1977.
- . Clodfelter, Friction, 19.
- . Clodfelter, Friction, 29.
- . Clodfelter, Friction, 26.
- . Clodfelter, Friction, 27.
- . Clodfelter, Friction, 30.
- . Washington Post, 28.12.1972.
- . The New York Times, 26.12.1972.
- . Бумаги генерала Джона Макконнелла, цит. в: Clodfelter, Limits, 145.

Глава 26. Поцелуй перед смертью

1. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
2. Ramsey MS IV C56.
3. Ramsey MS IV C18.
4. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
5. Ramsey MS IA 43.
6. Ramsey MS IV C65.
7. Ramsey MS IV D7.
8. Ramsey MS IV D5.
9. Ramsey MS, 31.
10. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
11. Ramsey MS IV F-11.
12. Магнитофонные записи Белого дома, беседа 366-006, цит. в: Hughes.
13. Henry Kissinger: The Complete Memoirs, E-Book Boxed Set 2013.
14. 14.03.1973, Hughes, Fatal Politics, 160.
15. Snapp, Interval, 43-9; Ahern, 105-6.
16. Terry, 280.
17. АИ с Макдэниелом, 14.11.2016.

18. Ramsey MS VII A31.
19. АИ с Рэмзи, 16.09.2016.
20. Hughes, Fatal Politics, 162.
21. Hughes, Fatal Politics, 167.
22. Hughes, Fatal Politics, 187.
23. Schlesinger, Journals, 27.01.1975.
24. АИ с Фонгом, 22.01.2017.
25. АИ с Кхьемом, 13.09.2016.
26. АИ с Нго Данг Чи, 05.10.2016.
27. An, Memoir, 184.
28. АИ с Нинем, 07.10.2016.
29. Young, 63.
30. АИ с Май Эллиотт, 23.09.2016.
31. АИ с Приббенноу, 09.11.2016.
32. Santoli, 205.
33. АИ с Чи, 16.09.2016.
34. 17.01.1970, Abrams Tapes, 345.
35. Ky, 332.
36. Dao Truong PBS Vietnam: A Television History.
37. Январь 1972 г., выступление Ванна в Кентукки, цит. в: Sorley, Better War, 348.
38. Нгуен Зюи Хинь, цит. в: Sorley, Generals, 742, 734.
39. АИ с Чач Гамом, 15.09.2016.
40. Swain, 80.
41. Young, 55.
42. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016; Leslie Jacques, The Mark: A War Correspondent's Memoir of Vietnam and Cambodia, Four Walls 1995, 194.
43. АИ с Мейнхейтом, 21.01.2017.
44. Luan, 425.
45. Luan, 394.
46. Анализ ошибок и лжи КОВПВ смотрите в его посмертно опубликованной книге: Adams, War of Numbers: An Intelligence Memoir, Steerforth 1994.
47. АИ с Нгыу, 20.09.2016.
48. АИ с Мейнхейтом, 21.01.2017.
49. Tang, 229.
50. Quynh, Memories.
51. АИ с Ши, 21.05.2016.
52. АИ с Хиеном, 05.10.2016.
53. АИ с Приббеноу, 09.11.2016.
54. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
55. АИ с Нгьем Кхьемом, 13.09.2016.

[56.](#) Scotton, 419.

[57.](#) АИ с Дестаттом, 12.09.2016.

Глава 27. Последний акт

. An, Memoir, 195.

. Этот рассказ в значительной степени основан на работах:

Pribbenow Merle L., 'North Vietnam's Final Offensive: Strategic Endgame Nonpareil', Parameters Winter 1999-2000, 58-71; Veith George J., Black April: The Fall of South Vietnam 1973-75, Encounter 2012.

. АИ с Нинем, 07.10.2016.

. Armor Command (Бо Ту Ленъ Тхъет Зяп).

. Sorley, Generals, 804.

. АИ со Снеппом, 10.09.2016.

. Veith, 178.

. Robbins, Air America, 266.

. Sorley, Generals, 809.

. Sorley, Generals, 307.

. Veith, 231.

. АИ с Фонгом, 22.01.2017.

. АИ со Снеппом, 10.09.2016.

. An, Memoir, 208.

. An, Memoir, 214.

. Veith, 329.

. Robbins, Air America, 266-7.

. An, Memoir, 233.

. Congressional Quarterly, 15.02.1975.

. US Policy Pt. II #1552.

. АИ со Снеппом, 10.09.2016.

. АИ с Тхо, 11.10.2016.

. АИ с Ливингстоном, 03.03.2016.

. Veith, 347.

. Veith George J. & Pribbenow Merle L., "Fighting is an Art": The Army of the Republic of Vietnam's Defense of Xuan Loc 9-21 April 1975', Journal of Military History, Vol. LXVIII No. I January 2004, 163-213.

[26.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.

[27.](#) АИ с Нгуен Ван Ыком, 11.09.2016.

[28.](#) АИ с Киеу Чинь, 14.09.2016.

[29.](#) АИ с Кхиемом, 13.09.2016.

[30.](#) Young, 69.

[31.](#) АИ с Парксом, 13.03.2016.

[32.](#) Palmer, 150.

[33.](#) АИ с Брин, 07.03.2016.

[34.](#) West, 179.

35. Bong-Wright Jackie, *Autumn Cloud: From Vietnamese War Widow to American Activist*, Capital Books 2001, 200.
36. Bong-Wright, *Autumn Cloud*, 201.
37. Мемуары Хой Чана loc.411.
38. АИ с Томом и Дань Куать, 21.09.2016.
39. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
40. АИ со Снеппом, 10.09.2016.
41. АИ с Нгуен Ван Ыком, 13.09.2016.
42. Tang, 137.
43. Snepp, *Interval*, 344.
44. Информация получена автором в частной беседе 16.09.2016.
45. АИ с Кхиемом, 13.09.2016.
46. An, *Memoir*, 253.
47. *Armor Command*, Vol. IV (Бо Ту Лень Тхьет Зяп).
48. Ку, 344.
49. АИ с Чаном, 21.09.2016.
50. Snepp, *Irreparable Harm*, 29.
51. Santoli, 237.
52. *Armor Command*, 22.
53. АИ с Динем, 09.07.2016.
54. АИ с Ши, 21.05.2016.
55. АИ с Нгуен Чи, 16.09.2016.
56. Santoli, 17.
57. АИ с Нгыу, 20.09.2016.
58. АИ с Тхуй, 13.09.2016.
59. Luan, 456.
60. Luan, 458.
61. АИ с Нгует Чьеу, 07.10.2016.
62. Хо Де в газете *People's Army*, 29.04.2006.
- Глава 28. После войны
- . АИ с Фатом, 11.09.2016.
 - . Ninh, 72-3.
 - . Tang, 206.
 - . Tang, 288.
 - . Snepp, *Irreparable Harm*, 23.
 - . АИ с Киеу Чинь, 14.09.2016.
 - . АИ с Тхань, 14.07.2016.
 - . АИ с Нгыу, 20.09.2016.
 - . *Encounter*, May 1979, 25.
 - . АИ с Чаном, 09.07.2016.
 - . Bong-Wright, 45.
 - . АИ с Тхань, 21.05.2016.

- . Документ КГБ СССР №3240-А от 31.12.1975.
- . Goscha, 371.
- . Luan, 512.
- . АИ с Ши, 16.07.2016.
- . АИ с Ли Ван Куи, 15.09.2016.
- . АИ с Минь-Ха, 06.07.2016.
- . АИ с Ли Ван Куи, 15.09.2016.
- . АИ с Ли Ван Куи, 15.09.2016.
- . Santoli, 333.
- . Tang, 279.
- . АИ с Нгыу, 20.09.2016.
- . АИ с Фьонгом, 22.01.2017.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . АИ с Нинем, 07.10.2016.
- . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- . Этот рассказ в значительной степени основан на работе: Elliott David W.P., *Changing Worlds: Vietnam's Transition from Cold War to Globalization*, Oxford 2012, 241.
- . АИ с Фатом, 11.09.2016.
- . АИ с Чи, 16.09.2016.
- . Thach (ed.), Vol. VIII, 463.
- . Thach (ed.), Vol. VIII.
- . МП, интервью с полковником Чан Чонг Чынгом.
- . Lind, 282, 284.
- . АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- . «Документы Пентагона», IV, 294-5.
- . АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- . Gavin James, *Crisis Now*, Random House 1968, 62.
- . АИ с Фатом, 11.09.2016.
- . АИ с Шиэном, 05.03.2016.
- . Herr Michael, *Dispatches*, Picador 1979, 31.
- . АИ с Бумером, 02.03.2016.
- . Charlton & Moncrieff, 179.
- . Clodfelter, *Friction*, 34.
- . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . АИ с Кхиемом, 13.09.2016.
- . АИ с Хунгом, 08.10.2016.
- . USAHEC, *Company Commanders' Oral Histories*, Box 18.
- . АИ со Спенсером, 08.03.2016.
- . Shapley, 415.
- . АИ с Греем, 10.09.2016.

- . АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- . Brown Archie, The Rise and Fall of Communism, Bodley Head 2009, 609.
- . АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- . Ninh, 217.
- . АИ с Нинем, 07.10.2016.
- . Huy Duc, xi.
- . Huy Duc, xii.
- . АИ с Бумером, 02.03.2016.

Глава 1. Красавица и чудовища

1. Doan Phuong Hai, The Sea on the Horizon, Dong Van Publishing, San Jose CA 2000, 35.
2. Hai, 40.
3. Karnow Stanley, Vietnam: A History, Century 1983, 85.
4. West Richard, War and Peace in Vietnam, Sinclair-Stevenson 1965, 3.
5. Young, Gavin, A Wavering Grace, Viking 1997, 18.
6. Lewis Norman, A Dragon Apparent, Jonathan Cape 1951, 99.
7. МП интервью с Лыу Доан Хюинем.
8. Wyndham MS, 14.
9. Из личной беседы автора с Зыонгом 10.11.2016.
10. Lewis, A Dragon Apparent, 19.
11. Lewis, A Dragon Apparent, 24.
12. Lewis, A Dragon Apparent, 27.
13. Elliott David W.P., Mekong Delta 1930–1975, Vol. I, M.E. Sharpe 2003, 34.
14. Andelman David, Shattered Peace, Wiley 2008, 128.
15. Karnow, 123.
16. Tang Truong Nhu, A Vietcong Memoir, Vintage 1986, 11.
17. МП интервью с Чан Чонг Чынгом.
18. АИ с Чаном, 09.07.2016.
19. Luan Nguyen Cong, Nationalist in the Vietnam Wars, Indiana University Press 2012, 25.
20. МП интервью с Ван Ки.
21. Elliott, Duong Van Mai, The Sacred Willow: Four Generations in the Life of a Vietnamese Family, Oxford 1999, 105.
22. МП интервью с Чынгом.
23. People's Public Security Newspaper, 21.04.2014.
24. Lacouture Jean & Devillers Philippe, End of a War, Pall Mall 1969, 138.
25. Документы ДРВ.

26. Trullinger James W., Village at War: An Account of Revolution in Vietnam, Longman 1980, 43.
27. Charlton Michael & Moncrieff Anthony eds., Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam, Scolar 1978, 12.
28. Ky Nguyen Cao, Buddha's Child: My Fight to Save Vietnam, St Martin's 2002, 19.
29. Luan, 35.
30. АИ с Джоном Камероном-Хейзом, 14.04.2016.
31. АИ с Бангом, 07.10.2016.
32. Girardet Raoul, L'Idée Coloniale en France, Table Ronde 1972, 281.
33. Logevall, Fredrik, The Embers of War, Random House 2012, 106.
34. Tang, 12.
35. АИ с Хоем, 14.09.2016.
- Глава 2. «Грязная война»
- . Rocolle Pierre, Pourquoi Dien Bien Phu?, Flammarion 1968, 95.
 - . Elliott, Sacred Willow, 201.
 - . Luan, 116.
 - . Luan, 81.
 - . Lewis, 18.
 - . Goscha Christopher, The Penguin History of Modern Vietnam, Allen Lane 2016, 244.
 - . Fall Bernard, 'The Political-Religious Sects of Vietnam', Pacific Affairs 28, no. 3 September 1955, 246.
 - . Lewis, 177.
 - . Elliott, Sacred Willow, 148.
 - . Elliott, Sacred Willow, 152.
 - . Simpson, Howard R., Tiger in the Barbed Wire, Kodansha International 1992, 92.
 - . Goscha, 242.
 - . Суан Ба, серия статей и интервью со второй женой Ле Зуана, опубликована в газете Tien Phong от 25.06.2006 и в последующих номерах.
 - . Luan, 4, 67.
 - . Cloake John, Templer: Tiger of Malaya, Harrap 1985, 263.
 - . АИ с Бангом, 07.10.2016.
 - . Грэм Грин, Тихий американец.
 - . Lind Michael, Vietnam: The Necessary War, Free Press 1999, 1.
 - . Charlton & Moncrieff, 50.
 - . Karnow, 178.
 - . UKNA FO371/103518, 23.08.1953.
 - . Luan, 114.
 - . Luan, 114.

- . АИ с Бу Ань Ча, 08.10.2016.
- . АИ с Бинь, 05.10.2016.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 123.
- . Lewis, 309.
- . Windrow Martin, The Last Valley, Weidenfeld & Nicolson 2004, 161.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 92.
- . Luan, 94.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 83.
- . АИ с Бинь, 05.10.2016.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 144.
- . Santoli Al, To Bear Any Burden: The Vietnamese War and its Aftermath, Sphere 1986, 35.
- . МП интервью с Ван Ки.
- . МП интервью с Ван Ки.
- . Trullinger, 43.
- . Nguyen Duc Huy, A Soldier's Life (with Nguyen Thong Nhat), People's Army Publishing House Hanoi 2011, 35.
- . Из интервью для проекта «Устная история», 2007 г.
- . Ку, 19.
- Глава 3. Крепость, которой не было
- . Rocolle, 57, 13.11.1953.
- . Rocolle, 47.
- . Rocolle, 251.
- . Rocolle, 329.
- . Rocolle, 327.
- . Rocolle, 70.
- . Rocolle, 335.
- . Luan, 63.
- . Rocolle, 275.
- [10.](#) Rocolle, 352.
- [11.](#) Rocolle, 371; письмо от 21.03.1954.
- [12.](#) Rocolle, 411.
- [13.](#) Rocolle, 307.
- [14.](#) Rocolle, 37.
- [15.](#) Rocolle, 407.
- [16.](#) Vo Nguyen Giap, Collected Writings, Saigon Cultural Publishing House 2009, 132.
- [17.](#) Rocolle, 324.
- [18.](#) Fall Bernard, Hell is a Very Small Place, 162.
- [19.](#) Rocolle, 390.
- [20.](#) Rocolle, 404.
- [21.](#) Rocolle, 296; по словам Бижара.

[22.](#) Rocolle, 372.

[23.](#) Giap, 130.

Глава 4. Уйти или бомбить?

[1.](#) USN&WR 09.04.1954.

[2.](#) Logevall, Embers, 475.

[3.](#) Logevall, Embers, 479.

[4.](#) Rocolle, 480.

[5.](#) Spectator, 30.04.1954.

[6.](#) UKNA FO371/112057.

[7.](#) Cable James, The Geneva Conference of 1954, Macmillan, 1986, 65.

[8.](#) Logevall, Embers, 508.

[9.](#) Fall Bernard, Street Without Joy, Stackpole, 1967, 260.

[10.](#) Rocolle, 489.

[11.](#) Rocoll, 513.

[12.](#) Capt. E.J. Pouget, Nous Etions à Dien Bien Phu, Presses de la Cité, Paris, 1964, 329–30.

[13.](#) Rocolle, 538; цит. майора Гровена.

[14.](#) Pouget, 328.

[15.](#) МП интервью с Ван Ки.

[16.](#) МП интервью с Чынгом, 2007.

[17.](#) Windrow, 644.

[18.](#) Rocolle, 568.

[19.](#) АИ с Рэмзи, 22.09.2016.

[20.](#) NY Herald Tribune, 29.04.1954.

[21.](#) Logevall, Embers, 597.

[22.](#) Hai, 37.

[23.](#) Simpson, 136.

[24.](#) Simpson, 139.

[25.](#) Simpson, 142.

[26.](#) Lewis, 316.

[27.](#) Trullinger, 72.

Глава 5. Тирании-близнецы

[1.](#) АИ с Зыонгом, 10.11.2016.

[2.](#) АИ с Къеу Чинь, 17.09.2016.

[3.](#) АИ с Динем, 09.07.2016.

[4.](#) Fall, Street Without Joy, 278.

[5.](#) Asselin Pierre, Hanoi's Road to the Vietnam War 1954-1965, University of California Press, 2013, 24.

[6.](#) Asselin, 26.

[7.](#) Elliott, Sacred Willow, 354.

[8.](#) Giap, 107.

[9.](#) Elliott, Sacred Willow, 231.

- [10.](#) Hai, 38.
- [11.](#) МП интервью с Тоаном.
- [12.](#) Tang, 299.
- [13.](#) Linh & Mac, 54.
- [14.](#) Linh & Mac, 105.
- [15.](#) АИ с Къеу Чинь, 16.09.2016.
- [16.](#) Santoli, 40.
- [17.](#) Чан Куинь, «Воспоминания о Ле Зуане»; http://vanhoavn.blogspot.com/2012/09/blog-post_7386.html.
- [18.](#) Asselin, 46.
- [19.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 169.
- [20.](#) Суан Ба, серия статей и интервью со второй женой Ле Зуана, опубликована в газете Tien Phong от 25.06.2006 и в последующих номерах.
- [21.](#) АИ с Нгуен Кыок Си, 21.05.2016.
- [22.](#) Нгуен Дык Кыонг, род. 1941 г.; цит.: Taylor Maxwell, *Swords and Plowshares*, Norton, 1972, 93.
- [23.](#) Hayslip Le Ly & Wurts Jay, *When Heaven and Earth Changed Places*, Doubleday, 1989, 146.
- [24.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [25.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [26.](#) UKNA FO371/123388.
- [27.](#) Life, 16.05.1955.
- [28.](#) Fitzgerald Frances, *Fire in the Lake*, Vintage, 1972, 139.
- [29.](#) Logevall, *Embers*, 647.
- [30.](#) Greene, 5 [Грин, «Тихий американец»].
- [31.](#) Tang, 1,3, 4.
- [32.](#) АИ с Киеу Чинь, 14.09.2016.
- [33.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 167.
- [34.](#) The New York Times, 07.05.1957, Globe, 06.05.1957.
- [35.](#) Life, 13.05.1957.
- [36.](#) Higgins Marguerite, *Our Vietnam Nightmare*, Harper & Row, 1971, 168.
- [37.](#) Vietnam: A Television History, PBS, 1983, prog. 2.
- [38.](#) Elliott, *Sacred Willow*, 250.
- [39.](#) АИ с Шиэном, 05.03.2016.
- [40.](#) Trullinger, 76.
- [41.](#) Logevall, *Embers*, xix.
- [42.](#) Buttinger Joseph, *Vietnam*, New York, 1971.
- [43.](#) Santoli, 59.
- [44.](#) Trullinger, 79.
- [45.](#) Huy Duc, 145.

- [46.](#) Huy Duc, 146.
- [47.](#) Tang, 127.
- [48.](#) Суан Ба, серия статей и интервью со второй женой Ле Зуана, опубликована в газете Tien Phong от 25.06.2006 и в последующих номерах.
- [49.](#) Asselin, 56.
- [50.](#) МП интервью с Чан Чонг Чынгом.
- [51.](#) Asselin, 83.
- [52.](#) BNA, Ежегодный доклад по Вьетнаму, 1959, 13.
- [53.](#) Asselin, 83.
- [54.](#) Fitzgerald, 153.
- [55.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 227.
- [56.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 225.
- [57.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 306.
- [58.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 250.
- [59.](#) Asselin, 70.
- [60.](#) Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 217.
- [61.](#) Слушания в комитете палаты представителей по вопросу вооруженных сил Республики Вьетнам, 23.12.1960, 1353-5.
- [62.](#) Tang, 71.
- Глава 6. Кеннеди готовит сцену
- [1.](#) Schlesinger Arthur, Journals 1956-2002, Penguin, 2007, 31.03.1962, 150.
- [2.](#) Kurlantzick Joshua, A Great Place to Have a War, Simon & Schuster, 2017, 15.
- [3.](#) Куинь, «Воспоминания о Ле Зуане».
- [4.](#) UKNA FO371/159715.
- [5.](#) АИ с Эйландом, 14.11.2016.
- [6.](#) Halberstam David, The Best and the Brightest, Random House, 1972, 135.
- [7.](#) Докладная записка Лансдейла Тейлору, 23.10.1961, FRUS 1961-63, Vol. I, doc 185, 418-19.
- [8.](#) Elliott, Duong Van Mai, RAND in South-East Asia: A History of the Vietnam War Era, RAND, 2010, 31.
- [9.](#) Simpson, 193.
- [10.](#) Elliott, Sacred Willow, 286.
- [11.](#) АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- [12.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [13.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- [14.](#) АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- [15.](#) АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- [16.](#) Scotton Frank, Uphill Battle, Texas Tech, 2014, 53.

17. Charlton & Moncrieff, 76.
18. АИ с Греем, 14.11.2016.
19. Scotton, 48.
20. Scotton, 61.
21. Daddis Greg, Westmoreland's War: Reassessing American Strategy in Vietnam, Oxford, 2014, 14.
22. Santoli, 118.
23. Luan, 154.
24. Luan, 99.
25. Schlesinger Arthur, Robert Kennedy and His Times, 469.
26. Из интервью Хилсмана 1969 г., цит.: Daddis, Westmoreland's War, 23.
27. Colby William, Lost Victory, Chicago, 1989, 34.
28. Dobrynin Anatoly, In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents, Times Books, 1995, 51.
29. Charlton & Moncrieff, 82.
30. Halberstam, 41.
31. Luan, 235.
32. Howard Michael, Capt. Professor, Continuum, 2006, 172-3.
33. Mai, Elliott, RAND, 25.
34. UKNA FO371/170133, записка Хоума, 07.04.1963.
35. Thompson, Make for the Hills, 121 (Рахман сказал это в 1961 г.)
36. 03.01.1962, UKNA FO371/166698.
37. Warner, Sydney Morning Herald, 12.05.1962.
38. Shapley, 132.
39. Shapley.
40. Sheehan Neil, A Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam, Random House, 1988, 291.
41. Saturday Evening Post, 09.03.1963.
42. The New York Times, 22.04.1966.
43. АИ с Салливаном, 12.03.2016.
44. Scotton, 19.
45. АИ с Нгыу, 20.09.2016.
46. АИ с Май Эллиотт, 23.09.2016.
47. Динь Дык Тхиен, цит.: Куинь, «Воспоминания о Ле Зуане».
48. Там же.
49. Asselin, 94.
50. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 601.
51. Andrews William, Village War 1973, 57-8.
52. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 377.
53. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 381.
54. Scotton, 85.

55. Browne Malcolm, The New Face of War, Bobbs-Merrill, 1965, 103.
56. Даг Рэмзи, неопубликованные мемуары о Вьетнаме, представленные автору (II С19).
- Глава 7. 1963: гробы для двух президентов
1. АИ с Шиэном, 05.03.2016.
 2. USAHEC, William M. Hammond, The US Army in Vietnam, The Military and the Media, 1990, 77, Indianapolis News, 28.03.1964.
 3. Там же, 16.
 4. The New York Times, 21.10.1962.
 5. The New York Times, 25.07.1962.
 6. Newsweek, 20.08.1962.
 7. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 399.
 8. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 402.
 9. Лейтенант Нгуен Ван Кон, цит. в: Brigham Robert K., ARVN: Life and Death in the South Vietnamese Army, Kansas University Press, 2006, 41.
 10. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 392.
 11. Sheehan, Lie, 223.
 12. Ha Mai Viet, Blood and Steel: Armor During the Vietnam War, self-published Sugarland, Texas, 2005, 246-50.
 13. Sheehan, Lie, 222.
 14. Sheehan, Lie, 274.
 15. Fitzgerald, 163.
 16. Fitzgerald, 164.
 17. Luan, 221.
 18. Ha Mai Viet, 246-50.
 19. Wyndham MS, 12.
 20. Fitzgerald, 590.
 21. Burleigh Michael, Small Wars, Faraway Places, Macmillan, 2013, 485.
 22. АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
 23. Higgins, 28-9.
 24. Luan, 237.
 25. The New York Times, 10.06.1963, а также 14.06.1963, 16.06.1963, 22.06.1963.
 26. Nieman Reports 26 (март 1972), 8.
 27. Schlesinger, Journals, 11.10.1961, 138.
 28. Pentagon Papers 2:46.
 29. Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 410.
 30. Scotton, 71.
 31. Hersh Seymour, The Dark Side of Camelot Little, Brown, 1997, 418.

32. Logevall Fredrik, Choosing War, University of California Press, 1999, 47.
33. New York Herald Tribune, 03.09.1963.
34. Logevall, Choosing War, 49.
35. Colby, 133.
36. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
37. Charlton & Moncrieff, 91.
38. Luan, 188.
39. Hoang Van Thai, A Few Strategic Issues in the Spring 1968 Tet Offensive, доклад на конференции в г. Хошимин в марте 1986 г., опубликован в журнале Vietnam's Military History Magazine, 2, 1988, 21.
40. АИ с Шиэном, 05.03.2016.
41. АИ с Ыком, 11.09.2016.
42. АИ с Нгуен Чи, 06.09.2016.
43. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
44. Scotton, 75.
45. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
46. Wyndham, MS, 8.
47. Jones Howard, Death of a Generation, OUP 2003, 436.
48. The Times, 23.11.1963.
49. Schlesinger, Journals, 11.3.1964.
50. Shapley, 263.
51. Из интервью Гэлбрейта на NBC, Vietnam Hindsight 1971, цит. в: Berman, Planning a Tragedy, 23.
52. Руфус Филлипс, цит. в: Santoli, 3.
53. АИ с Джонсоном, 08.03.2016.
- Глава 8. Лабиринт
- . АИ со Снайдером, 09.03.2016.
 - . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
 - . Dietrich Erik Jurgen-Karl, The Kraut, privately printed 2015, 127.
 - . Ramsey, MS, II D9.
 - . Ramsey, MS, III A21.
 - . АИ с Рэмзи, 21.09.2016.
 - . Ramsey, MS, III E4.
 - . Ramsey, MS, III A23.
 - . Snepp, Irreparable Harm, xiv.
 - . АИ со Снеппом, 10.09.2016.
 - . Simpson, 187.
 - . USAHEC, Бумаги Сидни Берри, бокс 39, письмо от 14.11.1965.
 - . Там же, 15.11.1965.
 - . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
 - . АИ с Ыком, 11.9.2016.

- . Nam, 41.
- . Nam, 44.
- . USAHEC, Бумаги Сидни Берри, бокс 38.
- . Young, 193.
- . Santoli, 125.
- . Ky, 334.
- . Huy Duc, 147.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 677.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 656.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 830.
- . Это сражение произошло в январе 1965 г.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 754.
- . Kearns Doris, Johnson and the American Dream, 1976, 263.
- . Schlesinger, Journals, 04.04.1968, 286.
- . Logevall, Choosing War, 77.
- . Karnow, 336-7.
- . UKNA FO371/175468.
- . Taylor, 12.
- . Hai, 58, 61.
- . Palmer Bruce, The Twenty-Five-Year War: America's Military Role in Vietnam, Touchstone 1984, 20.
- . Palmer, 27.
- . Greene Wallace, The Greene Papers: General Wallace M. Greene Jnr and the Escalation of the Vietnam War ed. Nicholas Schlosser, USMC Quantico 2015, 12.
- . Greene, 15.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . McMaster H.R., Dereliction of Duty: Lyndon Johnson, Robert McNamara, the Joint Chiefs of Staff and the Lies that Led to Vietnam, HarperCollins 1997, 94.
- . Shapley, 199.
- . Logevall, Choosing War, 112.
- . Logevall, Choosing War, 166 — июнь 1964 г.
- . Halberstam, 368.
- . Служебная записка от 25.03.1965, см.: Herring George C. ed., The Pentagon Papers, McGraw-Hill 1993, 115.
- . Gole Henry G., Depuy, 145.
- . Santoli, 87.
- . Santoli, 86.
- . Greene Papers, 27.
- . Dobrynin, 120.
- . Charlton & Moncrieff, 175.

- . Greene Papers, 59.
- . Gole, Depuy, 145.
- . White Theodore, The Making of the President 1964, Athenaeum 1965, 254.
- . Charlton & Moncrieff, 135.
- . Из личной беседы автора с д-ром Уильямсоном Мюрреем.
- . USMCA Chaisson letters JA/A/5/6.
- . Charlton & Moncrieff, 134.
- . Simpson, 186.
- . Scotton, 181.
- . Charlton & Moncrieff, 102.
- . Gole, Depuy, 146.
- . FRUS 1964-68 Vol. I, 412-22.
- . Gole, Depuy, 55.
- . Gole, Depuy, 146.
- . Greene Papers, 157.
- Глава 9. В заливе
- . Tourison Sedgwick, Secret Army, 55.
- . Tourison Sedgwick, Secret Army, 100.
- . Tourison Sedgwick, Secret Army, 125.
- . АИ с Нгуен Чи, 16.09.2016.
- . АИ с Нгуен Чи, 16.09.2016.
- . Hanyok Robert, 'Skunks, Bogies, Silent Hounds, and the Flying Fish: The Gulf of Tonkin Mystery 2-4 August 1964', Cryptologic Quarterly, Spring 2005, 5-6.
- . Hoang Nghia Khanh, The Road to the General Headquarters Staff, Hanoi 2008, 111.
- . АИ с Уильямсом, 21.01.2016.
- . Khanh, Memoirs, 111.
- . USAHEC, Vietnam War Document Collection, Box 2, Folder 7.
- . Asselin, 191.
- . Charlton & Moncrieff, 163.
- . UKNA FO371/175481.
- . Nguyen Dinh Kien, Nguoi linh voi bau troi Ha Noi[Солдат и небо над Ханоем], People's Army Publishing, Hanoi 2013, 36.
- . Van Tien Dung, in Huy Duc, 149.
- . Tin Thanh, Their True Colors: The Political Memoirs of Bui Tin, Turpin Press 1994, 192.
- . Westad Odd Arne et al. eds, 77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina 1964-77, Wilson Centre Working Paper 22, 74-7.
- . White, 274.

- . Young, 20.
- . Phan Nhat Nam, Mark of a Warrior 1963-1973: War Notes, Hien Dai Publishing, Saigon 1973, 49.
- . Phan Nhat Nam, 50.
- . Phan Nhat Nam, 52.
- . Ramsey, MS I, 17.
- . Бумаги Грина, 197.
- . Бумаги Грина, 05.10.1964.
- . Бумаги Грина, 222.
- . Scotton, 129.
- . Shapley, 313.
- . Halberstam, 432.
- . 21.12.1964, Начальник штаба ВВС США, см.: Бумаги Грина, 278.
- . Бумаги Грина, 289.
- . Бумаги Грина, 286.
- . UKNA PREM13/104.
- . Logevall, Choosing War, 373.
- . Logevall, Choosing War, 133.
- . Ку, 112.
- . Luan, 260.
- . Nam, 53.
- . Nam, 54.
- Глава 10. «Мы в замешательстве: как действовать дальше?»
- [1.](#) Nguyen Huu An, New Battlefield, ed. Nguyen Tu Duong, People's Army Publishing House, Hanoi 2002, 28.
- [2.](#) New Battlefield, Chapter 1.
- [3.](#) Pham Gia Duc, The 325th Division (2 vols), People's Army Publishing House, Hanoi 1986, Vol. II, 44.
- [4.](#) АИ с Нинь, 07.10.2016.
- . Luan, 253.
- . Luan, 259.
- . Hayslip, 366.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 591.
- . АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- . Hayslip, 115.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 908.
- . Mai Elliott, RAND, 58.
- . Mai Elliott, RAND, 63.
- . Mai Elliott, RAND, 65.
- . Tang, 59.
- . Gole, Depuy, 143.
- . 03.03.1965, Greene Papers, 349.

- . The New York Times, 09.02.1965.
- . Shapley, 314.
- . UKNA FO371/180542.
- . McMaster, 323.
- . Из частного письма Банди сэру Майклу Говарду от 20.03.1979.
- . Charlton & Moncrieff, 121.
- . UKNA PREM11/692.
- . Taylor, 338.
- . Greene Papers, 314.
- . АИ с Колтесом, 11.10.2016.
- . Caputo Philip, A Rumor of War, Holt, Rinehart & Winston 1977, 58.
- . Caputo, 82, 27.
- . Операция от 24.09.1965, см.: USMHA, Sidney Berry Papers, Box 38.
- . Charlton & Moncrieff, 130.
- . Elliott, Sacred Willow, 312.
- . Scotton, 145.
- . Nguyen Van Thanh in Brigham, 43.
- . Palmer, 26.
- . Ramsey MS III B1.
- . Из письма Рэмзи от 06.06.1965.
- . Hai, 174.
- . Hai, 177.
- . Hai, 186.
- . Hai, 197.
- . 03.07.1965, см.: Gaiduk Ilya V., The Soviet Union and the Vietnam War, Ivan R. Dee, 1996, 50.
- . Vietnam: The Definitive Documents, 374.
- . Служебная записка Катценбаха от 10.06.1965; см.: The Definitive Documents, 375.
- . Clodfelter, Limits of Air Power, 77.
- . Clodfelter, 84.
- Глава 11. Эскалация
- [1.](#) Cooper Chester, The Lost Crusade, Dodd Mead 1970, 281.
- [2.](#) Vietnam: The Definitive Documents, 386; служебная записка от 20.07.1965, LBJ.
- [3.](#) Greene, Memorandum for the record, 28.06.1965, in Greene Papers.
- [4.](#) Harold Johnson, Oral History, transcript LBJ Library, 6, 12-13; McMaster, 318.
- [5.](#) Ball, 28.06.1965.
- [6.](#) Служебная записка от 23.07.1965.
- [7.](#) Berman, Planning a Tragedy, 5.
- [8.](#) Charlton & Moncrieff, 220.

- [9.](#) Thorne Christopher, *Allies of a Kind*, Hamish Hamilton 1978, 694.
- [10.](#) Valenti Jack, *A Very Human President*, Norton 1975, 317.
- [11.](#) Howard Michael, “Many Reasons” for Vietnam’, *Encounter*, May 1979, 21.
- [12.](#) McDonald, *The Reminiscences of Admiral David Lamar McDonald*, US Naval Institute 1976, 390, 393.
- [13.](#) Charlton & Moncrieff, 115.
- [14.](#) Charlton & Moncrieff, 154.
- [15.](#) McMaster, 328.
- [16.](#) Palmer, 46.
- [17.](#) Charlton & Moncrieff, 159.
- [18.](#) Charlton & Moncrieff, 166.
- [19.](#) Ramsey MS II B9.
- [20.](#) Charlton & Moncrieff, 174.
- [21.](#) Vietnam Documents, 391.
- [22.](#) Vietnam Documents, 392.
- [23.](#) Truong Nhu Tang, 58.
- [24.](#) Terry Wallace, *Bloods: Black Veterans of the Vietnam War*, Presidio 2006, 229.
- [25.](#) Del Vecchio John M., *The 13th Valley*, Sphere 1983, 3.
- [26.](#) АИ со Спенсером, 12.03.2016.
- [27.](#) АИ со Спенсером. 10.03.2016.
- [28.](#) Gole, *Soldiering*, 141.
- [29.](#) USMCA Finch MS Coll.1527.
- [30.](#) Terry, 6.
- [31.](#) Elliott, *Mekong Delta*, Vol. II, 1005.
- [32.](#) АИ с Кинном, 02.10.2016.
- [33.](#) Snepp, *Irreparable Harm*, 21.
- [34.](#) Col. Dang Vu Hiep, *Highland Memories*, People’s Army Publishing, Hanoi 2000, 86.
- [35.](#) USAHEC, *Устная история, медицинский персонал, Бистран*, 234.
- [36.](#) Caputo, 107.
- [37.](#) Ball, LBJ, 01.07.1965, Vietnam Documents.
- [38.](#) АИ со Спенсером, 11.03.2016.
- [39.](#) USMCA A/30/B/5/2.
- [40.](#) Tran Quoc Tuan et al., *History of the General Staff During the Resistance War Against the Americans to Save the Nation 1954-75*, People’s Army Publishing House, Hanoi 2010, Vol. III, 22.
- [41.](#) Caputo, 32.
- [42.](#) АИ с Бумером, 03.03.2016.
- [43.](#) Ramsey MS III C2.
- [44.](#) Ramsey MS III C1.

45. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 873; Higgins, Star, 10.08.1965.
46. Caputo, 100.
47. Caputo, 150.
48. Solis Gary D., Marines and Military Law in Vietnam: Trial by Fire, US Marine Corps 1989, 33.
49. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
50. Edwards, Australia and the Vietnam War, 184.
51. Ramsey MS II B37.
52. АИ с Хоем, 14.09.2016.
53. АИ с Ли Ван Куангом, 15.09.2016.
54. АИ с Чан Хоем, 16.09.2016.
55. АИ с Нгуен Ван Ыком, 11.09.2016.
56. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 786.
57. Luan, 291. Это сражение произошло в сентябре 1965 г.
58. Luan, 290.
59. Ку, 296.
60. Ramsey MS, 32.
61. АИ с Хикманом, 22.02.2016.
62. Ramsey MS, 32.
63. Нер, 87.
64. Это произошло в 1964 г.; Elliott, Mekong Delta, Vol. I, 641.
65. Nguyen Hung Linh & Hoang Mac, Anti-Reactionary Forces: Chronology of events 1954-75, Ministry of Interior Political Security, Department III, Public Security, 228.
66. Из некролога Парк, Guardian, 28.03.2010.
67. Убийство было совершено 07.01.1966; Linh & Mac, 234.
68. Из интервью Мальколму Гладуэллу на подкасте «Пересматривая историю», июнь 2016 г.
69. Mai Elliott, Sacred Willow, 324.
70. Scotton, 156.
71. Clarke Jeffrey J., Advice and Support: The Final Years, 198-9.
72. АИ с Эйландом, 14.11.2016.
73. Из воспоминаний Ана, 30.
74. Из воспоминаний Ана, 37.
75. Из воспоминаний Ана, 40.
76. АИ с Саттоном, 12.11.2016.
77. USAHEC, Вох 38, Бумаги Сидни Берри.
78. USAHEC, Вох 40, Письма Сидни Берри.
79. Служебная записка Р. Макнамары от 30.11.1965; см.: Porter ed. Vietnam Documents, 400-1.
80. Shapley, 361.
81. Schlesinger, Journals, 21.01.1966, 243.

82. АИ со Спенсером, 16.03.2016.
83. Письмо от 02.01.1966, USAHEC, Box 40, Письма Сидни Берри.
Глава 12. «Мы пытаемся ловить дым»
1. Finlayson Andrew, Rice Paddy Recon, McFarland, North Carolina, 2014, 127.
2. USAHEC, Box 7, File 3, Устная история, ротные командиры.
3. Terry, 238.
4. Terry, 258.
5. Terry, 36.
6. West, 51.
7. АИ с Шиабом, 11.11.2016.
8. АИ с Роджерсом, 06.03.2016.
9. АИ с Кинном, 02.10.2016.
10. Caputo, 184-5.
11. USAHEC, Box 38, Бумаги Сидни Берри.
12. Bonville George, You Ain't Nothing But a Swamp Rat, Professional Press 2016, 139.
13. Bonville, 98.
14. 07.09.1965; Tuan, Vol. III, 24.
15. Tuan, Vol. III, 65.
16. MG Huynh Cong Than, On the Long An Battlefield: A Memoir as told to Nguyen Huu Nguyen, People's Army Publishing House 1994, 113.
17. Sharp & Westmoreland, Report on the War in Vietnam, US Government 1969, 113-14.
18. USAHEC, Vietnam War Documents, Box 2, Folder 15.
19. West, 31.
20. Ramsey, MS I B, 7-11.
21. USMCA, Chaisson letters, JA/A/5/6.
22. Gole, Depuy, 173.
23. Gole, Depuy, 195.
24. Bonville, 153.
25. Bonville, 167.
26. АИ с Саттоном.
27. АИ с Эйландом, 14.11.2016.
28. Terry, 23.
29. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
30. Terry, 8.
31. Scotton, 73.
32. Bonville, 384.
33. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
34. Bonville, 175.
35. Terry, 4.

36. Solis, 53-4.
37. Terry, 15.
38. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
39. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
40. АИ с Саттоном, 12.11.2016.
41. Рота М 3-го батальона 7-го полка морской пехоты, в период с 15 ноября 1968 г. по 15 января 1969 г. USMCA, Hardwick, MS A/30/J/5/1.
42. Terry, 20.
43. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
44. Генерал Лу Монг Лан, см.: Santoli, 155.
45. АИ с Хантом, 13.11.2016.
46. АИ с Нельсоном, 12.11.2016.
47. Than, 120.
48. Than, 116.
49. USAHEC, Box 6, Folder 1, Устная история, ротные командиры.
50. АИ с Харрисоном, 11.3.2016.
51. Hickey in PBS's Vietnam: A Television History.
52. Washington Post, 18.01.1987.
53. Santoli, 128.
54. USAHEC, Устная история, медицинский персонал, Ширли.
55. Hoang Ngoc Lung, 124.
56. Luan, 205.
57. Edwards, 402.
58. USAHEC, Устная история, ротные командиры, Теодор Фихтл.
Глава 13. Гниение и мятное масло
1. Mai Elliott, Sacred Willow, 314.
2. Hayslip, xiii.
3. Dong Van Khuyen.
4. Sorley, Generals, 311.
5. Следующий рассказ основан на личных воспоминаниях автора, а также на информации из статьи: Marshall Jonathan, 'Dirty Wars: French and American Piaster Profi teering in Indochina 1945–75', Asia-Pacific Journal, Vol. XII Issue 32 No. 2, 11.08.2014.
6. Ky, 162.
7. George S. Prugh in Harvard Journal of Law and Public Policy 4 (1980) 1-93.
8. Solis, 161.
9. Из мемуаров Мейнхейта, предоставленных автору.
10. Ky, 167.
11. Siemon-Netto Uwe, Duc: A Reporter's Love for the Wounded People of Vietnam, 2013, 121.
12. Ky, 249.

13. USAHEC, Westmoreland history, Book 6, tabs G-4, B-2, B-1.
14. Ky, 212.
15. The New York Times, 03.04.1966.
16. Nguyen Duy Hinh in Sorley, Generals, 741.
17. АИ с Шиэном, 05.03.2016.
18. Mai Elliott, Sacred Willow, 317.
19. USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
20. An, Memoir, 55.
21. АИ с Саттоном, 12.11.2016.
22. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
23. Этот разговор состоялся в августе 1966 г., см: Sheehan, Lie, 621.
24. Mai Elliott, RAND, 83; цит.: South-East Asia Trip Report, 18.
25. Mai Elliott, RAND, 88.
26. Mai Elliott, RAND, 103.
27. Mai Elliott, RAND, 133.
28. Howard, Captain Professor, 173.
29. Thompson, 15.
30. Mai Elliott, RAND, 180.
31. Life, 11.11.1966.

Глава 14. Раскаты грома

- . LeMay Curtis with MacKinlay Kantor, Mission with LeMay, Doubleday, 1965, 565.
 - . Ramsey, MS IV A5.
 - . USAHEC, Устная история, Вейанд.
 - . Цит. в: Clodfelter, Limits, 63.
 - . Nichols John B. & Tillman Barrett, On Yankee Station, Bantam, 1988,
- 16.
- . Цит. в: Clodfelter, Limits, 121.
 - . Palmer, 37.
 - . Cooper, 420.
 - . Clodfelter, Limits, 128.
 - . Schlesinger, Journals, 28.7.1966, 251.
 - . Mersky Peter & Polmar Norman, The Naval Air War in Vietnam, Annapolis, 1981, 121.
 - . Dobrynin, 141.
 - . Broughton Jack, Thud Ridge, Lippincott, 1969.
 - . Thompson, 86.
 - . Thompson, 93.
 - . Nichols & Tillman, 35.
 - . Nichols & Tillman, 48.
 - . Nichols & Tillman, 52.
 - . Nichols & Tillman, 110.

- . Nichols & Tillman, 111.
 - . Broughton, 93.
 - . Terry, 271.
 - . Terry, 280.
 - . АИ с Макдэниелом, 14.11.2016.
 - . АИ со Снеппом, 10.09.2016.
 - . Ramsey, MS II B42.
 - . АИ с Ноланом, 12.03.2016.
 - . Broughton, 65.
 - . Broughton, 67.
 - . Nichols & Tillman, 64.
 - . Nichols & Tillman, 119.
 - . Palmer, 33.
 - . Доктрина 9AF, 2-6 и 3-2, цит. в: Clodfelter, Beneficial Bombing, 243-
- 4.
- . USA Today, 27.07.1986.
 - Глава 15. Под бомбами
 - 1. Huy Duc, 152.
 - 2. МП, Ки.
 - 3. АИ с Нгуен Ван Хиеном, 05.10.2016.
 - 4. АИ с Нгуен Тхань Бинем, 14.10.2016.
 - 5. АИ с Фам Тхань Хынгом, 08.10.2016.
 - 6. АИ с До Тхи Тхы, 07.10.2016.
 - 7. АИ с Фам Тхань Хунгом, 08.10.2016.
 - 8. АИ с Фам Даем, 17.09.2016.
 - 9. АИ с Хунгом, 08.10.2016.
 - 10. «Война во Вьетнаме... Как это было (1965–1973)», ред. Е. Глазунов, Москва, 2005.
 - 11. Kien, Memoir, 15.
 - 12. Анатолий Зайцев, «В Ханое той военной поры», Москва, 2001.
 - 13. Из воспоминаний Куинь Хыонга.
 - 14. АИ с До Тхи Тхы, 07.10.2016.
 - 15. АИ с Фам Тхи Кхань Фыонгом, 06.10.2016.
 - 16. АИ с Фыонгом, 06.10.2016.
 - 17. Kien, Memoir, 52.
 - 18. АИ с Кислицыным, 27.02.2016.
 - 19. АИ с Мирошниченко, 12.02.2016.
 - 20. АИ с Пановым, 21.02.2016.
 - 21. АИ с Пановым, 21.02.2016.
 - 22. АИ с Малеванным, 22.02.2016.
 - 23. АИ с Залипским, 03.02.2016.
 - 24. Kien, Memoir, 107.

25. Pribbenow Merle L., 'Theology War: Technology and Ideology in the Vietnamese Defense of Hanoi 1967', *Journal of Military History*, Vol. LXVII No.1 (Jan. 2003, 175-200), 178.
26. АИ с Залипским, 03.02.2016.
27. Из воспоминаний Куин Хьонга.
28. АИ с Залипским, 03.02.2016.
29. Петр Исаев, «Война во Вьетнаме».
30. АИ с Залипским, 03.02.2016.
31. А. Зайцев.
32. АИ с Мирошниченко, 14.02.2016.
33. «Коммерсантъ — Власть», №19 за 26.05.1998. С. 79.
34. Gaiduk, 71.
35. Col. Le Ngoc Bon et al. in *Glorious History of the Heroic People's Security Forces*, Hanoi, 2006, 34 (переведено МП).
36. Этот разговор состоялся 23.08.1966, см.: Gaiduk, 80.
37. Han Nian Long (ed.), 1988, *Contemporary China's Diplomacy*, China Social Science Publishing House, 34; Wang Taiping (ed.) 1998, *Diplomatic History of the People's Republic of China (2)*, World Knowledge Publishing House, 35.
38. Han Huanzhi (ed.), 1989, *Contemporary China: Military Work of the Chinese Army (2)*, China Social Science Publishing House, 514; Historical Research Department of Academy of Military Sciences PLA China (ed.), 1988, *Chinese People's Liberation Army Sixty-Year Event Record*, Beijing: Military Science Publishing, 616.
39. Этот рассказ основан на мемуарах Гуйлиня Лонга, см: Long Guilin, *Memoirs*, Beijing, 1996, 176-7.
40. Col. Nguyen Van Minh, M.-G. Pham Van, *History of the Resistance War Against the Americans to Save the Nation, 1954–75*, 8 vols, Military History Institute of Vietnam, Hanoi, 2008, Vol. V, 271, Hanoi 2001; а также письмо в газету «Туой Че» за 17.08.2007.
41. Автор пережил аналогичный опыт, когда в 1971 г. впервые посетил Китай в качестве журналиста телеканала Би-би-си.
42. Thompson, 45.
43. Lou Harris in *Washington Post*, 12.02.1967.
44. *Pentagon Papers Gravel Edition IV*, 136.
45. Ulysses S. Sharp, *Strategy for Defeat*, Presidio Press, 1978, 99.
46. Mersky & Polmar, 180-1.
47. Halberstam, 138-9.
48. Исследование группы «Ясон», Институт оборонных аналитических исследований, 29.08.1966, см.: *Pentagon Papers*, 505.

49. Hoeffding Oleg, «Bombing North Vietnam: An Appraisal of the Economic and Political Effects», RAND Corporation publication RM5213; 22 (доступно онлайн).
50. Hoeffding, p.v.
51. USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
Глава 16. В грязи непролазной по пояс
1. The New York Times, 07.05.1967.
2. Эта встреча со студентами состоялась в сентябре 1967 г.; АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
3. Kissinger Henry, The White House Years, Boston & NY, 1979, 112.
4. Sorley Lewis ed., The Abrams Tapes 1968-72, Texas Tech, 2004, 36.
5. Terry, 202.
6. Finlayson, Rice Paddy Recon, 66.
7. Из письма Макнамары Майклу Сиссонсу, 23.03.1967.
8. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
9. Бóльшая часть приведенных ниже данных взята из книги: Baskir Lawrence M. & Strauss William A., Chance and Circumstance: The Draft, the War and the Vietnam, Generation Knopf, 1978.
10. Baskir & Strauss, 7.
11. АИ с Грэмом, 06.03.2016.
12. Baskir & Strauss, 49.
13. Baskir & Strauss, 9.
14. Charlton & Moncrieff, 137.
15. Данные предоставлены автору 06.11.2017.
16. АИ с Ларри Пресслером, 21.01.2017.
17. АИ с Роджерсом, 06.03.2016.
18. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
19. Palmer, 60.
20. USAHEC, Устная история.
21. USAHEC, Устная история, Феллетер Винсент.
22. Май 1968 г., см.: Hunt, 9th Division, 93.
23. Hunt, 9th Division, 97.
24. Abrams Tapes, 407; 18.04.1970.
25. Scotton, 240.
26. Wirtz James J., The Tet Offensive: Intelligence Failure in War, Cornell, 1991, 34.
27. Pentagon Papers, The New York Times edition, 558.
28. Elliott David P. & Mai, «Platoon of the 514th Battalion», RAND Corporation, 1969, 1030 (доступно онлайн).
29. USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
30. Tuan, Vol. III, 287.
31. Tuan, Vol. III, 282.

- [32.](#) Tuan, Vol. III, 284.
- [33.](#) USAHEC, Box 2, Бумаги Уилера.
- [34.](#) Palmer, 57.
- [35.](#) Palmer, 74.
- [36.](#) West, 25.
- [37.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [38.](#) Из письма Макнамары Сиссонсу от 23.03.1967.
- [39.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [40.](#) Finlayson Andrew, Killer Kane, McFarland, North Carolina 2013, 114.
- [41.](#) АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
- [42.](#) Caputo, 247.
- [43.](#) USAHEC, Vietnam War Documents, Box 2, Folder 15.
- [44.](#) Finlayson, Rice Paddy Recon, 115.
- [45.](#) АИ с Кинном, 02.10.2016.
- [46.](#) Terry, 7.
- [47.](#) O'Brien Tim, The Things They Carried, Flamingo 1990, 33.
- [48.](#) Caputo, 315.
- [49.](#) АИ с Шиабом, 11.11.2016.
- [50.](#) Terry, 41.
- [51.](#) USAHEC, Box 6, File 4, Устная история, ротные командиры.
- [52.](#) An, Memoir, 49.
- [53.](#) O'Brien Michael, Conscripts and Regulars: With the Seventh Battalion in Vietnam, Allen & Unwin 1995, 39.
- [54.](#) АИ с Торном, 07.02.2016.
- [55.](#) USAHEC, Box 18, Folder 10, Устная история, ротные командиры.
- [56.](#) Del Vecchio, 503.
- [57.](#) АИ со Саттоном, 12.11.2016.
- [58.](#) USMCA Hardwick MS A/30/J/5/1.
- [59.](#) АИ с Роджерсом, 06.03.2016.
- [60.](#) Caputo, 13.
- [61.](#) Finlayson, Killer Kane, 185.
- [62.](#) USMCA Hardwick MS A/30/J/5/1.
- [63.](#) USMCA Tenney MS A/25/B/5/1.
- [64.](#) Этот контакт имел место в сентябре 1965 г.; Caputo, 243.
- [65.](#) Santoli, 190.
- [66.](#) АИ с Шиабом, 11.11.2016.
- [67.](#) АИ с Шиабом, 11.11.2016.
- [68.](#) USAHEC, Box 18, Folder 2, Устная история, ротные командиры.
- [69.](#) Nolan, Bastards, 53.
- [70.](#) АИ с Фам Фы Бангом, 07.10.2016.
- [71.](#) Finlayson, Killer Kane, 134.

- [72.](#) Из письма Макнамары Сиссонсу, 23.03.1967.
- [73.](#) АИ с Грэмом, 06.03.2016.
- [74.](#) Whitt Jacqueline E., Bringing God to Men: American Military Chaplains and the Vietnam War, University of North Carolina Press 2014, 171.
- [75.](#) Del Vecchio, 199.
- [76.](#) Finlayson, Killer Kane, 197.
- [77.](#) Terry, 30.
- [78.](#) Del Vecchio, 106.
- [79.](#) O'Brien Tim, Things, 35.
- [80.](#) Nolan, Sappers, 93.
- [81.](#) USMCA Tenney MS A/25/B/5/1.
- [82.](#) АИ с Миллером, 13.11.2016.
- [83.](#) Chivers, 272; следующий рассказ основан на сведениях из этой книги.
- [84.](#) Chivers, 290.
- [85.](#) Chivers, 316.
- [86.](#) АИ со Спенсером, 12.02.2016.
- [87.](#) АИ с Терли, 02.03.2016.
- [88.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [89.](#) АИ с Кинном, 02.10.2016.
- [90.](#) Luan, 267.
- [91.](#) АИ с Грэмом, 06.03.2016.
- [92.](#) Philadelphia Inquirer, 17.09.1967.
- [93.](#) Из письма Макнамары Сиссонсу от 23.03.1967.
- [94.](#) АИ с Грэмом, 06.03.2016.
- [95.](#) АИ с Бангом, 07.10.2016.
- [96.](#) Luan, 362.
- Глава 17. Наши парни, их парни: война во Вьетнаме
- . Ramsey MS p.I A 40.
- . АИ с Кхьемом, 13.09.2016.
- . АИ с Нгыу, 20.09.2016.
- . АИ с Джонни Андервудом, 11.10.2016.
- . Tang, 110.
- . Tang, 101.
- . Tang, 261.
- . Ramsey MS IV F10.
- . Wyndham, MS, 17.
- . Abrams Tapes, 23.08.1969, 252.
- . West, 52.
- . Than, 124.
- . Finlayson, Killer Kane, 140.

- . Ramsey MS IV A65.
- . Ramsey MS, IV B14.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 868.
- . Dang Thuy Tram, Last Night I Dreamed of Peace Harmony, 2007, 20.8.68, 46.
- . Там же, 22.04.1968, 12, и 31.05.1968, 23.
- . Там же, 11.10.1968, 59, и 20.10.1968, 61.
- . Там же, 19.03.1969, 101.
- . Langguth A.J., Our Vietnam, Simon & Schuster 2000, 668.
- . Цит. в: Lind, 178.
- . Bao Ninh, The Sorrow of War, Vintage 1998, 9.
- . Ninh, 5.
- . Ан, Memoir, 62.
- . АИ с Бангом, 07.10.2016.
- . Ninh, 5.
- . АИ с Фам Фы Бангом, 07.10.2016.
- . Нгуен Ван Тань, цит. в: Luan, 308.
- . Ан, Memoir, 95.
- . АИ с Бангом, 07.10.2016.
- . 27.04.1969, Tram, 111.
- . Tram, 112.
- . Tang, 128.
- . Tang, 157.
- . Tang, 159.
- . Tang, 167, 168, 177.
- . Howse Hamilton, Vietnam: An Epilogue, Association of the US Army, July 1975, 1-2.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . Tran Bach Dang, Tet offensive Review Conference, Military History, Issue 2, 1988, 59.
- . АИ с Хоем, 18.09.2016.
- . АИ с Хоем, 17.09.2016.
- . Bonville, 336.
- . АИ с Саттоном, 12.11.2016.
- . Sorley Lewis ed., The Vietnam War: An Assessment by South Vietnam's Generals, Texas Tech, 2010, 32.
- . АИ с Ши, 21.05.2016.
- . Sorley, Vietnam's Generals, 53.
- . Ген. Донг Ван Куен, см.: Sorley, Vietnam's Generals, 61.
- . Tang, 160.
- . АИ с Брином, 07.03.2016.
- . Young, 30.

- . West, 37.
- . Tram, 24.07.1969.
- Глава 18. Тетское наступление
1. Чыонг Конг Донг, цит. в: Gaiduk, 142.
 2. МП, интервью с Чан Тонг Чынгом.
 3. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1083.
 4. Huy Duc, 156.
 5. Huy Duc, 159.
 6. Pribbenow Merle, 'General Vo Nguyen Giap and the Mysterious Evolution of the Plan for the 1968 Tet Offensive', Journal of Vietnamese Studies, Vol. III, Issue 2, 2008, 1-33.
 7. См.: Wirtz, в разных местах.
 8. Tong Ho Trinh, The 1968 Tet Offensive in the Tri-Thien-Hue Theatre, Ministry of Defence, Hanoi 1986 (trans. Bob Destatte & Merle Pribbenow for US Army Center for Military History), 21.
 9. Wirtz, 183.
 10. Ramsey MS IV F9.
 11. USMCA, Fulkerson MS A/30/7/5/1.
 12. West, 56.
 13. Huy, 57.
 14. Этот рассказ частично основан на книге: Nguyen Huy Toan & Pham Quang Dinh, The 304th Division, Vol. II, People's Army Publishing House, Hanoi 1990.
 15. Wirtz, 81.
 16. Hoang Ngoc Lung, 354-5.
 17. Dang Tran Bach, Life and Memories, Tre Publishing House, Ho Chi Minh 2006, 158.
 18. Dang, 158.
 19. Than, 130.
 20. Than, 131.
 - . Dang, 165.
 - . Gen. Tran Do, 1968 Tet offensive review conference, Military History, Issue 2, 1988, 56.
 - . Из речи генерала Чан Ван Кыонга «Хюэ: 25 дней и ночей» на юбилейной конференции в Ханое; см.: Military History, Issue 2, Hanoi 1988, 26.
 - . Этот рассказ основан на воспоминаниях командира НФОЮВ Тонг Хо Чиня.
 - . USAHEC, Vietnam Document Collection, Box 2, Folder 13.
 - . Scotton, 226.
 - . Young, 35-7.

- . Wiest Andrew, Vietnam's Forgotten Army: Heroism and Betrayal in the ARVN, NYU 2008, 10.
- . Trinh, 67.
- . Krohn Charles A., The Lost Battalion of Tet, Naval Institute Press 2008, 3-5.
- . Krohn, 66.
- . Krohn, 69.
- . Krohn, 51.
- . АИ с Харрисоном, 14.03.2016.
- . АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- . Nichols & Tillman, 40.
- . АИ с Вендтом, 14.11.2016.
- . USAHEC, Vietnam War Documents, Box 3, Folder 5, Speedy.
- . Terry, 122.
- . АИ с Вендтом, 14.11.2016.
- . Braestrup Peter, Big Story: How the American Press and Television Reported and Interpreted the Crisis of Tet 1968, Anchor 1978, 118.
- Глава 19. Союзники отражают удар
- . АИ с Таном, 21.09.2016.
- . Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1098.
- . Than, 133.
- . АИ с Де, 09.07.2016.
- . Michael O'Brien, 124.
- . USAHEC, Устная история, медицинский персонал.
- . Hammond, 345.
- . The New York Times, 02.02.1968.
- . USMCA, бумаги Чейссона.
- . АИ с Харрингтоном, 04.03.2016.
- . АИ с Харрисоном, 03.03.2016.
- . Santoli, 185.
- . Ку, 265.
- . USMCA, письмо Чейссона от 02.02.1968.
- . Wall Street Journal, 06.02.1968.
- . Washington Post, 06.02.1968.
- . USAHEC, бумаги Уилера, донесение №1614 Уилеру от Уэстморленда, КОВПВ, 04.02.1968.
- . USAHEC, бумаги Уэстморленда, копия письма Абрамса от 23.02.1968.
- . USAHEC, Устная история, интервью Вейанда.
- . Than, 146.
- . USAHEC, Box 3, бумаги Уэстморленда.
- . Там же, MAC 1901.

- . Westmoreland William, A Soldier Reports, 338.
- . Rear Services Operations during the Route 9 – Khe Sanh Campaign, Hanoi 1988, 281.
- . Huy Duc, Memoir, 62.
- . Huy Duc, Memoir, 74.
- . USMCA Fulkerson MS A/30/7/5/1.
- . АИ с Энтони, 13.11.2016.
- . Toan & Dinh, 115.
- . Toan & Dinh, 100.
- . Toan & Dinh, 94.
- . Toan & Dinh, 96.
- . Там же, 122.
- . Генерал Чан Ван Куанг, речь на конференции, посвященной годовщине Тетского наступления; см.: Military History, Issue 2, Hanoi 1988, 30.
- . Toan & Dinh, 122.
- . Abrams Tapes, 02.01.1971, 516.
- . Bowden Mark, Hue 1968, Grove Atlantic 2017, 143.
- . Mark, Hue, 353.
- . АИ с Харрингтоном, 04.03.2016.
- [40.](#) Young, 39.
- [41.](#) Oberdorfer Don, Tet! The Turning Point in the Vietnam War, Johns Hopkins 2001, 229.
- [42.](#) McNeill Ian, The Team: Australian Advisers in Vietnam, Hippocrene 1984, 152.
- [43.](#) Hammond, 387.
- [44.](#) Hammond, 388.
- [45.](#) Tuan, Vol. IV (1969-72), 18.
- [46.](#) Huynh Cong Than, 157.
- [47.](#) МП, интервью с Чан Чонг Чунгом.
- [48.](#) Джулиан Юэлл, 12.06.1969; см.: Abrams Tapes, 208.
- [49.](#) Стенограмма аудиозаписи ханойской конференции 1986 г., 47.
- [50.](#) An, Memoir, 91.
- [51.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.
- [52.](#) Abrams Tapes, 33.
- [53.](#) АИ с Энтони, 13.11.2016.
- [54.](#) Sorley Lewis ed., A Better War: The Unexamined Victories and Final Tragedy of America's Last Years in Vietnam, Harvest 1999, 29.
- [55.](#) NBC, 03.03.1968.
- [56.](#) Scotton, 226.
- [57.](#) АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- [58.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.

59. Hammond, 372.
 60. USAHEC, Vietnam War Document, Collection Box 3, Folder 15.
 61. Schlesinger, Journals, 03.04.1968, 286.
 62. Schlesinger, Journals, 11.11.1971, 144.
 63. Berman, Tragedy, 153.
 64. Charlton & Moncrieff, 121.
 65. Из речи Чан Бать Данга на юбилейной конференции; см.: Military History, Issue 2, Hanoi 1988, 58.
- Глава 20. День сурка
1. Than, 136.
 2. Than, 137.
 3. Than, 139.
 4. Than, 141-2.
 5. Luan, 328.
 6. Haponski William, An Idea, and Bullets, Combatant Books 2016, 330.
 7. 06.07.1968, Abrams Tapes, 15, 17.
 8. АИ с Энтони, 13.11.2016.
 9. АИ со Стивенсом, 09.11.2016.
 10. Следующий рассказ основан на беседах автора с участниками событий — бригадным генералом Биллом Уэйсом, генерал-майором Джеймсом Ливингстоном и полковником Джимом Уильямсом, а также на книге Кита Нолана «Великолепные ублюдки» (Keith Nolan, The Magnificent Bastards, 1994), документальном фильме о сражении при Дайдо, снятом Корпусом морской пехоты в 2014 г., на записях 1-го бронетанкового батальона PR/F/4/2 из архивов USMC и на воспоминаниях вьетнамцев, указанных ниже.
 11. Nolan, Magnificent Bastards, 11.
 12. АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
 13. АИ с Уэйсом, 05.03.2016.
 14. АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
 15. Nolan, Magnificent Bastards, 12.
 16. Nolan, Bastards.
 17. Nolan, Bastards, 16.
 18. Nolan, Bastards, 21.
 19. Battles of Vietnamese Artillery during the War of Liberation, Vol. II, Hanoi 1990, 8 и след.
 20. Nolan, Bastards, 42.
 21. Nolan, Bastards, 59.
 22. Livingston James E., Colin D. Heaton & Anne-Marie Lewis, Noble Warrior, Zenith Press 2010, 47.
 23. АИ с Уильямсом, 16.09.2016.
 24. Nolan, Bastards, 87.

25. Nolan, Bastards, 80.
 26. Nolan, Bastards, 82.
 27. Nolan, Bastards, 84.
 28. History of the 320th Lowland Division, Hanoi 1984, 75.
 29. Nolan, Bastards, 77.
 30. Nolan, Bastards, 133.
 31. Nolan, Bastards, 92.
 32. Nolan, Bastards, 104.
 33. History of the 320th Division, 76.
 34. АИ с ЛИВИНГСТОНОМ, 03.03.2016.
 35. Nolan, Bastards, 146.
 36. Nolan, Bastards, 136.
 37. Nolan, Bastards, 169.
 38. АИ с ЛИВИНГСТОНОМ, 03.03.2016.
 39. Nolan, Bastards, 195.
 40. Battles of the Vietnamese Artillery, Vol. II, 16.
 41. АИ с ЛИВИНГСТОНОМ, 03.03.2016.
 42. History of the 320th Division, 81, 84.
 43. Nolan, Bastards, 305.
 44. АИ с Уэйсом, 05.03.2016.
 45. 02.08.1969, Abrams Tapes, 238.
 46. USMCA 1st Amtrak Battalion PR/F/4/2.
 47. АИ с Уэйсом, 05.03.2016.
 48. Dobrynin, 170.
 49. Dobrynin, 143.
 50. Dobrynin, 175.
 51. АИ с Колтесом, 11.10.2016.
 52. USMCA Minehan letters A/5/L/3/5.
 53. 29.06.1968, Abrams Tapes, 8.
 54. 17.08.1968, Abrams Tapes, 29.
 55. Abrams Tapes, 40.
 56. FRUS 1964-68 VII, 189.
 57. Hunt, 9th Division, 106.
 58. 27.09.1969, Abrams Tapes, 27.
 59. Haponski, 328.
 60. АИ с Холлом, 12.11.2016.
 61. Nixon Richard, No More Vietnams, 96.
- Глава 21. «Грязная война»
1. Scotton, 235.
 2. 14.02.1969, Tram, 91.
 3. Kissinger Henry, Ending the Vietnam War, Simon & Schuster 2003, 8.
 4. Daddis Greg, Withdrawal, Oxford 2017, 41.

5. Daddis, Withdrawal, 33.
6. В апреле 1969 г.
7. Abrams Tapes, 213.
8. АИ с Хикманом, 05.02.2016.
9. Whitt, 98.
10. 11.11.1968, Abrams Tapes, 77.
11. Daddis, Withdrawal, 19.
12. АИ с Торном, 03.03.2016.
13. 11.06.1969, Tram, 125.
14. Ninh, 4.
15. Abrams Tapes, 79.
16. Abrams Tapes, 154.
17. 05.03.1969, Abrams Tapes, 139.
18. Braestrup, 515.
19. Braestrup, 517.
20. USAHEC, Company Oral Histories, Box 5, Folder 7.
21. Sorley, Better War, 294.
22. USAHEC, Company Commanders' Oral Histories, Box 18.
23. Terry, 48.
24. USAHEC, Company Commanders' Oral Histories, Box 18, Folder 9.
25. 21.02.1970, Abrams Tapes, 379.
26. Solis, 129-31.
27. Solis, 193.
28. Solis, 110.
29. Solis, 110-12.
30. USAHEC, Medical Personnel Oral Histories.
31. АИ с Торном, 03.03.2016.
32. Solis, 171.
33. Borch Frederic L., Judge Advocates in Vietnam: Army Lawyers in Southeast Asia 1959-75, Combat Studies Institute 2003, 112.
34. USMCA, Oral Histories, Tape 4749 1970.
35. Solis, 130.
36. АИ с Хантом, 13.11.2016.
37. АИ с Бумером, 02.03.2016.
38. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
39. Solis, 136-8.
40. Terry, 39.
41. USAHEC, Medical Personnel Oral Histories, Mary Ellen Smith.
42. АИ с Холлом, 12.11.2016.
43. АИ с Энтони, 13.11.2016.
44. USMНА, Вох 38, Бумаги Сидни Берри, 03.10.1965.
45. АИ с Роджерсом, 06.03.2016.

46. Terry, 256.
47. АИ со Смитом, 06.09.2016.
48. 05.08.1969, Abrams Tapes, 245.
49. 15.01.1970, Abrams Tapes, 339.
50. АИ с Харрисоном, 11.03.2016.
51. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
52. Luan, 427.
53. Luan, 363.
54. АИ с Франклином, 16.04.2017.
55. Следующий рассказ в значительной степени основан на авторитетном труде Питера Эвардса «Австралия и Вьетнамская война», вышедшем в 2014 г.
56. АИ со Смитом, 06.09.2016.
57. АИ со Смитом, 06.09.2016.
58. USAHEC Company Commanders' Oral Histories, Box 6, Folder 2.
59. Michael O'Brien, 166-7.
60. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
61. Edwards, 327.
62. Michael O'Brien, 54.
63. Michael O'Brien, 242.
64. Edwards, 261.
65. АИ с Франклином, 16.02.2016.
66. АИ со Смитом, 06.09.2016.
67. Australian War Memorial PR87/157.
68. АИ со Смитом, 06.09.2016.
69. АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
70. АИ со Смитом, 06.09.2016.
71. АИ с Фримантлом.
72. Michael O'Brien, 202.
73. Michael O'Brien, 252.
74. АИ с Фримантлом.
75. Edwards, 332.
76. АИ со Смитом, 06.09.2016.
77. АИ со Смитом, 06.09.2016.
78. Michael O'Brien, 116.
79. АИ со Смитом, 06.09.2016.
80. Edwards, 410.
81. Wyndham MS, 17.
82. Walrath Brian, Unpublished MS of Vietnam MAT experiences (предоставлено автору).
83. АИ со Стивенсом, 17.05.2016.
84. Michael O'Brien, 39.

- [85.](#) АИ с Шиэном, 05.03.2016.
- [86.](#) АИ с Хикманом, 06.02.2016.
- [87.](#) 10.03.1969, Abrams Tapes, 140.
- [88.](#) 10.03.1969, Abrams Tapes, 142.
- [89.](#) Schlesinger, Journals, 14.12.1969.
- [90.](#) Haldeman H.R., The Haldeman Diaries, Berkley Books 1994, 557,
- [91.](#) Kissinger, White House Years, 436.
- [92.](#) Nixon memoirs conversation, 20.10.1969, 399.
- [93.](#) Gaiduk, 220.
- [94.](#) Suri, Kissinger and the American Century, 213.
- [95.](#) FRUS 1969-76 VI, 400.
- [96.](#) Hughes Ken, Fatal Politics: The Nixon Tapes, the Vietnam War and the Casualties of Reelection, University of Virginia 2015, 180.
- [97.](#) 09.02.1970, Abrams Tapes, 364.
- [98.](#) АИ с Торном, 06.02.2016.
- Глава 22. Поражение в рассрочку
- . 05.03.1969, Abrams Tapes, 151.
 - . Langguth, 565.
 - . Абрамс Муреру, цит. в: Sorley, Better War, 206.
 - . West, 5.
 - . Tran Bach Dang, Memoir, 197-202.
 - . Swain Jon, River of Time, Heinemann 1995, 41.
 - . 10.05.1970 и 06.05.1970, Abrams Tapes, 414, 415.
 - . Ramsey MS IV, 34.
 - . Ramsey MS V, 38.
 - . 19.05.1970, Abrams Tapes, 417.
 - . Tang, 180.
 - . Tang, 183.
 - . Tang, 213.
 - . 07.11.70, Abrams Tapes, 506.
 - . 05.05.1970 и 19.05.1970, Tram, 210, 212.
 - . 23.05.1970, Abrams Tapes, 425.
 - . Hayes Paddy, Queen of Spies, Duckworth 2015, 232.
 - . Сэр Майкл Говард в разговоре с автором, 09.05.2017.
 - . Hayes, 222.
 - . Hayes, 224.
 - . Tang, 187.
 - . Tang, 190.
 - . Tang, 225.
 - . АИ с Динем, 09.07.2016.
 - . Там же.
 - . АИ со Снеппом, 10.09.2016.

- . АИ с Финлейсоном, 20.01.2017.
- . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- . АИ с Фримантлом, 06.02.2017.
- . Kerrey Bob, *When I Was a Young Man*, Harcourt 2002, 150.
- . Kerrey, 185.
- . Kerrey, 255.
- . Gregory Vistica, *The New York Times*, 25.04.2001.
- . Gregory Vistica, *The New York Times*, 25.04.2001.
- . АИ с Керри, 15.11.2016.
- . АИ с Керри, 15.11.2016.
- . АИ с Керри, 15.11.2016.
- . Finlayson, *Rice Paddy Recon*, 265.
- . USAHEC, *Устные истории*, Вейанд.
- . Sorley, *Better War*, 217.
- . АИ со Стивенсом, 14.06.2016.
- . 06.05.70, *Abrams Tapes*, 412.
- . Sorley, *Better War*, 186.
- . Schlesinger, *Journals*, 22.05.1970, 325.
- . MAC 14841; Sorley, *Better War*, 232.
- . Sorley, *Better War*, 233.
- . Sorley, *Better War*, 241.
- . Nghi Huynh et al., *The Route 9 – Southern Laos Counteroffensive Campaign 1971*, Military History Institute of Vietnam 1987, 5.
- . Nghi, *The Route 9*, 37-8; An, *Memoir*, 105-6; Toan & Dinh, 156-8.
- . Sorley, *Better War*, 250.
- . Sorley, *Better War*, 251.
- . Palmer, 115.
- . 27.02.1971, *Abrams Tapes*, 549.
- . 09.03.1971, *Abrams Tapes*, 558.
- . An, *Memoir*, 110.
- . Tran Van Thom; An, *Memoir*, 131.
- . Tran Van Thom; An, *Memoir*, 135.
- . 27.03.1971, *Abrams Tapes*, 578.
- . 15.04.1971, *Abrams Tapes*, 592.
- . 20.05.1971, *Abrams Tapes*, 624.
- . 26.04.1971, *Abrams Tapes*, 608.
- . АИ с Приббеноу, 09.11.2016.
- . АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- . АИ со Снеппом, 10.09.2016.
- . Сорли, интервью с Хейгом от 29.11.1988, цит. в: Sorley. *Better War*, 263.
- . Haig Alexander, *Inner Circles*, 276.

- . Hughes, 8.
- . Hughes, 9.
- . Письмо Ванна Поттсу, май 1971 г., цит. в: Sorley, Better War, 273.
- . 02.01.1971, Abrams Tapes, 519.
- . 28.02.1970, Abrams Tapes, 383.
- . 20.06.1971, Abrams Tapes, 641.
- Глава 23. Сопутствующий ущерб
 - . Keith Nolan, 16. Дальнейший рассказ основан на беседах с американскими военнослужащими с БОП «Мэри Энн», проведенными Ноланом для его книги: Keith Nolan, Sappers in the Wire: The Life and Death of Firebase Mary Ann, Texas A&M 2007.
 - . Nolan, Sappers, 16-17.
 - . Walrath MS.
 - . Nolan, Sappers, 25.
 - . Nolan, Sappers, 39.
 - . 29.01.1972, Abrams Tapes, 774.
 - . Изложение событий той ночи со стороны ВНА основано на следующих исторических работах, изданных в Ханое: History of MR5 Sapper Troops, 258; History of the Sapper Forces, Vol. I, 261; History of Chemical Troops 1958-2008, 286; Vietnam Military Encyclopedia, 1113.
 - . Nolan, Sappers, 145.
 - . Nolan, Sappers, 147.
 - . Nolan, Sappers, 162.
 - . USAHEC Abrams Papers, ARV2479, 23.07.1971, письмо к Маккаффри.
 - . Walrath MS.
 - . 22.05.1971, Abrams Tapes, 628.
 - . 05.05.1971, Abrams Tapes, 613.
 - . Этот рассказ основан на исследовании: Mark Clodfelter, Violating Reality: The Lavelle Affair, Nixon and Parsing the Truth, National War College 2016.
 - . Clodfelter, Violating, 16.
 - . На совещании Никсона и СНБ 02.02.1972.
 - . Senate AFC Hearings, 13.09.1972, 79.
 - . White House Tapes, 29.05.1971, Hughes, 29.
 - . АИ с Шиэном, 05.03.2016.
 - . Kim Willenson, The Bad War, 102.
 - . АИ с Франклином, 16.02.2016.
- Глава 24. Главная битва
 - [1.](#) 22.12.1971, Abrams Tapes, 724.
 - [2.](#) 31.12.1971, Abrams Tapes, 734.
 - [3.](#) Abrams Tapes, 753.

- [4.](#) Abrams Tapes, 758.
- [5.](#) Abrams Tapes, 775.
- [6.](#) 10.02.1972, Abrams Tapes, 778.
- [7.](#) Hughes, 175.
- [8.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.
- [9.](#) House Tapes conversation 532-011, 30.06.1971; Hughes, 29.
- [10.](#) Clodfelter, Friction, 33.
- [11.](#) Luan, 395.
- [12.](#) Scotton, 288.
- [13.](#) Young, 53.
- [14.](#) АИ с Бумером, 02.03.2016.
- [15.](#) АИ с Терли, 02.03.2016.
- [16.](#) Sorley, Generals, 306.
- [17.](#) USAHEC, Устная история, Вейанд.
- [18.](#) Turley Gerald H., The Easter Offensive: The Last American Advisors in Vietnam 1972, Naval Institute Press 1985, 139.
- [19.](#) 02.04.1972, Abrams Tapes, 805.
- [20.](#) АИ с Терли, 04.02.2016.
- [21.](#) Turley, 202.
- [22.](#) Turley, 146.
- [23.](#) Botkin Richard, Ride the Thunder, WND Books 2009, 235.
- [24.](#) Turley, 177.
- [25.](#) Wiest, 259.
- [26.](#) Wiest, 241.
- [27.](#) Wiest, 242.
- [28.](#) Turley, 165.
- [29.](#) АИ с Эллиоттом, 23.09. 2016.
- [30.](#) Hai, 73.
- [31.](#) Hai, 78.
- [32.](#) Hai, 82.
- [33.](#) Hai, 84.
- [34.](#) Hai, 85.
- [35.](#) АИ с Даффи, 01.11.2016.
- [36.](#) Phuong Quang in Cavalry, June 2006, 101.
- [37.](#) 07.04.1972, Abrams Tapes, 813.
- [38.](#) Ly Tong Ba, Memoir, 176.
- [39.](#) АИ с Хунгом, 08.10.2016.
- [40.](#) АИ с Хунгом, 08.10.2016.
- [41.](#) АИ с Нинем, 07.10.2016.
- [42.](#) 12.06.1971, Abrams Tapes, 639.
- [43.](#) Phi Long in Huy Duc, 431.
- [44.](#) Phuong Quang, 103.

45. 12.05.1972, Abrams Tapes, 841.
46. Khuyen, 57.
47. Khuyen, 70.
48. Luan, 401.
49. Luan, 402.
50. Young, 53.
51. Young, 407.
52. Ly Tong Ba, Memoir, 170.
53. Tuan, Vol. IV, 383.
54. Ly Tong Ba, Memoir, 177.
55. Этот рассказ в значительной степени основан на статье: Nguyen Quoc Khue, '3rd Ranger Group and the Battle of An Loc/Binh Long', Ranger Magazine, Tet 2003 issue, 77.
56. Тот же источник, 87.
57. Тот же источник, 88.
58. Тот же источник, 96.
59. Armor Command (Bo Tu Lenh Thiet Giap), Some Battles Fought by Our Armored Troops, Vol. IV, General Staff Printing Hanoi 1983, 42.
60. USAHEC, Advisers' Oral Histories, Box 2, Folder 6.
61. Khue, 102.
62. Armor Command, 52.
63. АИ с Чаном, 09.07.2016.
64. USAHEC, Oral Histories, Box 2, Folder 6.
65. 09.05.1972, Abrams Tapes, 847.
66. АИ с Де, 09.07.2016.
67. Tuan, Vol. IV, 397.
68. Суходрев Виктор, «Язык мой — друг мой», Москва, 2008, 112.
69. Суходрев, 114.
70. Huy Duc, 429.
71. History of the Combat Operations Department 1945-2000, People's Army Publishing House, Hanoi 2005, online: quansuvyn.
72. An, Memoir, 171.
73. An, Memoir, 173.
74. An, Memoir, 179, 180.
75. АИ с Хунгом, 11.10.2016.
76. АИ с Нинем, 07.10.2016.
77. АИ с Ли, 15.09.2016.
78. Tang, 211.
79. Tang, 205.
80. Luan, 389.
81. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1314.
82. Elliott, Mekong Delta, Vol. II, 1315.

[83.](#) 22.04.1972, Abrams Tapes, 826.

[84.](#) Palmer, 122.

[85.](#) АИ с Приббеноу, 09.11.2016.

[86.](#) USAHEC, Advisers' Oral Histories, Box 18, Folder 9.

Глава 25. Большие уродливые жирные ублюдки

. Hughes, 85. Этот рассказ в значительной степени опирается на выдержки из магнитофонных записей Белого дома, расшифрованные и классифицированные Кеном Хьюзом для своей книги, см.: Ken Hughes, *Fatal Politics*, University of Virginia Press 2015.

. Hughes, 87.

. Hughes, 91.

. Hughes, 94.

. Hughes, 97.

. Hersh Seymour, *The Price of Power*, Summit Books 1985, 584.

. Hughes, 104.

. Hughes, 105.

. Hughes.

. АИ с Нгыу, 20.09.2016.

. Hughes, 113.

. Ahern Thomas, *CIA and the Generals: Covert Support to the Military Government in South*

Vietnam; <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1>.

. Hughes, 116.

. Hughes, 120.

. 23.10.1972, Hughes, 123.

. Hughes, 126.

. Hughes, 149.

. Следующий рассказ в значительной степени основан на книге: Mark Clodfelter, *Fifty Shades of Friction: Combat Climate, B-52 Crews, and the Vietnam War*, National War College 2016.

. Clodfelter, *Limits*, 186.

. Nichols & Tillman, 42.

. Nichols & Tillman, 43.

. McCarthy James, *Linebacker II: A View From the Rock*, Air University 1976, 158.

. Clodfelter, *Friction*, 25.

. Clodfelter, *Friction*, 18.

. Clodfelter, *Friction*, 20.

. McCarthy, 61.

. McCarthy, 62-3.

. Clodfelter, *Friction*, 17.

. McCarthy, 152.

- . АИ с Мирошниченко, 14.13.2016.
- . Kien, Memoir, 184.
- . Kien, Memoir, 212.
- . Kien, Memoir, 234.
- . Kien, Memoir, 246.
- . АИ с Бинем, 05.10.2016.
- . АИ с Фьюнгом, 06.10.2016.
- . Рассказ Блауфусса от 03.09.1977, см.: McCarthy, 140.
- . McCarthy, 152.
- . Oral narrative to Col. Allison USAF 24.10.1977.
- . Clodfelter, Friction, 8.
- . Kien, Memoir, 243.
- . Clodfelter, Friction, 19.
- . Рассказ Конли Маккарти от 12.07.1977.
- . Clodfelter, Friction, 19.
- . Clodfelter, Friction, 29.
- . Clodfelter, Friction, 26.
- . Clodfelter, Friction, 27.
- . Clodfelter, Friction, 30.
- . Washington Post, 28.12.1972.
- . The New York Times, 26.12.1972.
- . Бумаги генерала Джона Макконнелла, цит. в: Clodfelter, Limits, 145.

Глава 26. Поцелуй перед смертью

1. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
2. Ramsey MS IV C56.
3. Ramsey MS IV C18.
4. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
5. Ramsey MS IA 43.
6. Ramsey MS IV C65.
7. Ramsey MS IV D7.
8. Ramsey MS IV D5.
9. Ramsey MS, 31.
10. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
11. Ramsey MS IV F-11.
12. Магнитофонные записи Белого дома, беседа 366-006, цит. в: Hughes.
13. Henry Kissinger: The Complete Memoirs, E-Book Boxed Set 2013.
14. 14.03.1973, Hughes, Fatal Politics, 160.
15. Snapp, Interval, 43-9; Ahern, 105-6.
16. Terry, 280.
17. АИ с Макдэниелом, 14.11.2016.

18. Ramsey MS VII A31.
19. АИ с Рэмзи, 16.09.2016.
20. Hughes, Fatal Politics, 162.
21. Hughes, Fatal Politics, 167.
22. Hughes, Fatal Politics, 187.
23. Schlesinger, Journals, 27.01.1975.
24. АИ с Фонгом, 22.01.2017.
25. АИ с Кхьемом, 13.09.2016.
26. АИ с Нго Данг Чи, 05.10.2016.
27. An, Memoir, 184.
28. АИ с Нинем, 07.10.2016.
29. Young, 63.
30. АИ с Май Эллиотт, 23.09.2016.
31. АИ с Приббенноу, 09.11.2016.
32. Santoli, 205.
33. АИ с Чи, 16.09.2016.
34. 17.01.1970, Abrams Tapes, 345.
35. Ky, 332.
36. Dao Truong PBS Vietnam: A Television History.
37. Январь 1972 г., выступление Ванна в Кентукки, цит. в: Sorley, Better War, 348.
38. Нгуен Зюи Хинь, цит. в: Sorley, Generals, 742, 734.
39. АИ с Чач Гамом, 15.09.2016.
40. Swain, 80.
41. Young, 55.
42. АИ с Эллиоттом, 23.09.2016; Leslie Jacques, The Mark: A War Correspondent's Memoir of Vietnam and Cambodia, Four Walls 1995, 194.
43. АИ с Мейнхейтом, 21.01.2017.
44. Luan, 425.
45. Luan, 394.
46. Анализ ошибок и лжи КОВПВ смотрите в его посмертно опубликованной книге: Adams, War of Numbers: An Intelligence Memoir, Steerforth 1994.
47. АИ с Нгыу, 20.09.2016.
48. АИ с Мейнхейтом, 21.01.2017.
49. Tang, 229.
50. Quynh, Memories.
51. АИ с Ши, 21.05.2016.
52. АИ с Хиеном, 05.10.2016.
53. АИ с Приббеноу, 09.11.2016.
54. АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
55. АИ с Нгьем Кхьемом, 13.09.2016.

[56.](#) Scotton, 419.

[57.](#) АИ с Дестаттом, 12.09.2016.

Глава 27. Последний акт

. An, Memoir, 195.

. Этот рассказ в значительной степени основан на работах:

Pribbenow Merle L., 'North Vietnam's Final Offensive: Strategic Endgame Nonpareil', Parameters Winter 1999-2000, 58-71; Veith George J., Black April: The Fall of South Vietnam 1973-75, Encounter 2012.

. АИ с Нинем, 07.10.2016.

. Armor Command (Бо Ту Ленг Тхьет Зяп).

. Sorley, Generals, 804.

. АИ со Снеппом, 10.09.2016.

. Veith, 178.

. Robbins, Air America, 266.

. Sorley, Generals, 809.

. Sorley, Generals, 307.

. Veith, 231.

. АИ с Фонгом, 22.01.2017.

. АИ со Снеппом, 10.09.2016.

. An, Memoir, 208.

. An, Memoir, 214.

. Veith, 329.

. Robbins, Air America, 266-7.

. An, Memoir, 233.

. Congressional Quarterly, 15.02.1975.

. US Policy Pt. II #1552.

. АИ со Снеппом, 10.09.2016.

. АИ с Тхо, 11.10.2016.

. АИ с Ливингстоном, 03.03.2016.

. Veith, 347.

. Veith George J. & Pribbenow Merle L., "Fighting is an Art": The Army of the Republic of Vietnam's Defense of Xuan Loc 9-21 April 1975', Journal of Military History, Vol. LXVIII No. I January 2004, 163-213.

[26.](#) АИ со Скоттоном, 11.09.2016.

[27.](#) АИ с Нгуен Ван Ыком, 11.09.2016.

[28.](#) АИ с Киеу Чинь, 14.09.2016.

[29.](#) АИ с Кхиемом, 13.09.2016.

[30.](#) Young, 69.

[31.](#) АИ с Парксом, 13.03.2016.

[32.](#) Palmer, 150.

[33.](#) АИ с Брин, 07.03.2016.

[34.](#) West, 179.

35. Bong-Wright Jackie, Autumn Cloud: From Vietnamese War Widow to American Activist, Capital Books 2001, 200.
36. Bong-Wright, Autumn Cloud, 201.
37. Мемуары Хой Чана loc.411.
38. АИ с Томом и Дань Куать, 21.09.2016.
39. АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
40. АИ со Снеппом, 10.09.2016.
41. АИ с Нгуен Ван Ыком, 13.09.2016.
42. Tang, 137.
43. Snepp, Interval, 344.
44. Информация получена автором в частной беседе 16.09.2016.
45. АИ с Кхиемом, 13.09.2016.
46. An, Memoir, 253.
47. Armor Command, Vol. IV (Бо Ту Лень Тхьет Зяп).
48. Ку, 344.
49. АИ с Чаном, 21.09.2016.
50. Snepp, Irreparable Harm, 29.
51. Santoli, 237.
52. Armor Command, 22.
53. АИ с Динем, 09.07.2016.
54. АИ с Ши, 21.05.2016.
55. АИ с Нгуен Чи, 16.09.2016.
56. Santoli, 17.
57. АИ с Нгыу, 20.09.2016.
58. АИ с Тхуй, 13.09.2016.
59. Luan, 456.
60. Luan, 458.
61. АИ с Нгует Чьеу, 07.10.2016.
62. Хо Де в газете People's Army, 29.04.2006.
- Глава 28. После войны
- . АИ с Фатом, 11.09.2016.
 - . Ninh, 72-3.
 - . Tang, 206.
 - . Tang, 288.
 - . Snepp, Irreparable Harm, 23.
 - . АИ с Киеу Чинь, 14.09.2016.
 - . АИ с Тхань, 14.07.2016.
 - . АИ с Нгыу, 20.09.2016.
 - . Encounter, May 1979, 25.
 - . АИ с Чаном, 09.07.2016.
 - . Bong-Wright, 45.
 - . АИ с Тхань, 21.05.2016.

- . Документ КГБ СССР №3240-А от 31.12.1975.
- . Goscha, 371.
- . Luan, 512.
- . АИ с Ши, 16.07.2016.
- . АИ с Ли Ван Куи, 15.09.2016.
- . АИ с Минь-Ха, 06.07.2016.
- . АИ с Ли Ван Куи, 15.09.2016.
- . АИ с Ли Ван Куи, 15.09.2016.
- . Santoli, 333.
- . Tang, 279.
- . АИ с Нгыу, 20.09.2016.
- . АИ с Фьонгом, 22.01.2017.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . АИ с Нинем, 07.10.2016.
- . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- . Этот рассказ в значительной степени основан на работе: Elliott David W.P., *Changing Worlds: Vietnam's Transition from Cold War to Globalization*, Oxford 2012, 241.
- . АИ с Фатом, 11.09.2016.
- . АИ с Чи, 16.09.2016.
- . Thach (ed.), Vol. VIII, 463.
- . Thach (ed.), Vol. VIII.
- . МП, интервью с полковником Чан Чонг Чынггом.
- . Lind, 282, 284.
- . АИ со Скоттоном, 11.09.2016.
- . «Документы Пентагона», IV, 294-5.
- . АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- . Gavin James, *Crisis Now*, Random House 1968, 62.
- . АИ с Фатом, 11.09.2016.
- . АИ с Шиэном, 05.03.2016.
- . Herr Michael, *Dispatches*, Picador 1979, 31.
- . АИ с Бумером, 02.03.2016.
- . Charlton & Moncrieff, 179.
- . Clodfelter, *Friction*, 34.
- . АИ со Скоттоном, 18.09.2016.
- . АИ с Рэмзи, 22.09.2016.
- . АИ с Кхиемом, 13.09.2016.
- . АИ с Хунгом, 08.10.2016.
- . USAHEC, *Company Commanders' Oral Histories*, Box 18.
- . АИ со Спенсером, 08.03.2016.
- . Shapley, 415.
- . АИ с Греем, 10.09.2016.

- . АИ с Дестаттом, 12.09.2016.
- . Brown Archie, The Rise and Fall of Communism, Bodley Head 2009, 609.
- . АИ с Эллиоттом, 23.09.2016.
- . Ninh, 217.
- . АИ с Нинем, 07.10.2016.
- . Huy Duc, xi.
- . Huy Duc, xii.
- . АИ с Бумером, 02.03.2016.

Библиография

О войне во Вьетнаме написано огромное количество литературы. Ниже я перечислил только те названия, которые оказали непосредственное влияние на данный труд, пусть даже очень скромное или, что бывало, негативное. Если я не включил какие-то известные книги, то не по причине неуважения к их авторам, а вследствие того, что они не имеют прямого отношения к моей работе. Все материалы на вьетнамском языке были переведены Мерлом Приббеноу, если не указано иное.

Статьи и онлайн-источники

Ahern, Thomas 'CIA and the Generals: Covert Support to the Military Government in South Vietnam' FOIA CIA website.

Andrew, Rod 'The First Fight: US Marines in Operation Starlite' Quantico 2015.

Association for Diplomatic Studies and Training Oral History Project, online archive, interview Ambassador Allan Wendt 20.5.98.

Clemis, Martin 'The Control War: Communist Revolutionary Warfare, Pacification and the Struggle for South Vietnam, 1968–1975' Temple University dissertation Proquest 2015.

Clodfelter, Mark 'Violating Reality: The Lavelle Affair, Nixon and Parsing the Truth' NWC 2016.

— 'Fifty Shades of Friction: Combat Climate, B-52 Crews and the Vietnam War' NWC 2016.

Combat Operations Department [Cục Tác Chiến] History of the Combat Operations Department 1945–2000 [Lịch Sử Cục Tác Chiến 1945–2000] 2005 internet on <http://www.quansuvn.net/website/>.

Daddis, Gregory 'On Lewis Sorley's Westmoreland: The General Who Lost Vietnam' review essay, Parameters Autumn 2011.

Dang, Tran Bach 'Tet 68: A Strategic Exercise' Military History [Tập Chí Lịch Sử Quân Sự] Issue 2 (26) 1988.

Elliott, David P. & Mai Documents of an Elite Viet Cong Delta Unit: The Demolition Platoon of the 514th Battalion RAND Corporation 1969, available online.

Fall, Bernard 'The Political-Religious Sects of Vietnam' Pacific Affairs 28, No. 3 September 1955.

Finlayson, Andrew R. 'Vietnam Strategies' Marine Corps Gazette August 1988 pp. 90–4.

— 'The Tay Ninh PRU and its Role in the Phoenix Programme 1969' CIA website Studies in Intelligence Vol. 15 No. 2.

Grossheim, Martin 'The Democratic Republic of Vietnam Before the Second Indochina War' Journal of Vietnamese Studies Vol. 8 No. 1 (Fall 2012) pp. 80–129.

Hanyok, Robert 'Skunks, Bogies, Silent Hounds, and the Flying Fish: The Gulf of Tonkin Mystery 2–4 August 1964' Cryptologic Quarterly Spring 2005.

Harkins, Michael 'Medals of Honor at Dai Do' Vietnam magazine Summer 1989 pp. 42–59.

Haun, Phil & Jackson, Colin 'Breaker of Armies: Air Power in the Easter Offensive' International Security Vol. 40 No. 3 Winter 2015/16 pp. 139–78.

Hồ Đê, Gen. 'Victory was Not Achieved Down a Red Carpet' People's Army [Quân đội Nhân dân] newspaper 29.4.2006.

Hoàng Đan et al. The Spring — Summer 1968 Route 9 — Khe Sanh Offensive [Chiến dịch tiến công Đường 9-Khe Sanh Xuân Hè 1968] Military History Institute of Vietnam 1987.

Hoang Van Thai 'A Few Strategic Issues in the Spring 1968 Tet Offensive' [Mấy Vấn Đề về Chiến Lược trong Cuộc Tiến Công và Nổi Dậy Xuân 1968] Address to March 1986 Ho Chi Minh City conference, Military History [Tập Chí Lịch Sử Quân Sự] Issue 2 (26) 1988.

Hoeffding, Oleg 'Bombing North Vietnam: An Appraisal of the Economic and Political Effects' RAND Corporation publication RM5213 available online.

Hoffman, George 'The Path to War: US Marine Corps Operations 1961–65' Quantico 2014 Howard, Michael "'Many Reasons" for Vietnam' Encounter May 1979.

Howse, Hamilton, 'Vietnam: An Epilogue' Association of the US Army July 1975 pp. 1–2 Kaiser, Robert 'The Disaster of Richard Nixon' New York Review of Books 21.4.16.

Lâm Chương 'Battles Not Described in Military Histories' [Những Trận Đánh Không Tên Trong Quân Sử] Vietnam Monthly [Nguyệt San Việt Nam] Vancouver 2003 pp. 95–111.

Lavalle, A. J. C. ed. Air Power and the 1972 Spring Invasion USAF SE Asia Monographs Vol. II Mono 3.

Le Duc Tho ‘Comrade Le Duc Tho Discusses Issues Relating to the War’ [Đồng chí Lê Đức Thọ nói về một số vấn đề tổng kết chiến tranh và biên soạn lịch sử quân sự] Military History [Tập Chí Lịch Sử Quân Sự] Issue 2 (26) 1968.

Logevall, Fredrik ‘Bernard Fall: The Man Who Knew the War’ NYT 21.2.17.

— ‘Rethinking “McNamara’s War”’ NYT 29.11.17.

Long, Joseph ‘Hill of Angels: US Marines and the Battle for Con Thien’ DoD Washington 2016.

McCarthy, James ‘Linebacker II: A View from the Rock’ Air University 1976.

Marshall, Jonathan ‘Dirty Wars: French and American Piaster Profiteering in Indochina 1945–75’ Asia-Pacific Journal Vol. 12 Issue 32 No. 2 August 11 2014.

Military Region 5 Headquarters [Bộ Tư Lệnh Quân Khu 5] and Tran Quy Cat [Trần Quý Cát] History of Military Region 5 Sapper Troops 1952–1975 [Lịch Sử Bộ Đội Đặc Công Quân Khu 5] People’s Army Publishing House Hanoi 1998, internal distribution.

Ngọc An ‘Rocket Battalion 224’ [Tiểu Đoàn Hỏa Tiễn 224] Military History [Tập Chí Lịch Sử Quân Sự] Issue 4 1997.

Nguyễn Quốc Khuê ‘3rd Ranger Group and the Battle of An Loc / Binh Long’ [LD3 / BDQ Với Trận Chiến An Lộc / Bình Long] Ranger Magazine [Tập san Biệt Động Quân] Tet 2003 issue p.77.

Pace, Eric ‘Harrison E. Salisbury, 84, Author and Reporter, Dies’ NYT 7.7.93.

Palmer, Bruce ‘U. S. Intelligence and Vietnam’ Studies in Intelligence Vol. 28 (special issue) 1984.

People’s Army Publishing House Hanoi History of the Combat Operations Department 1945–2000 quansuvyn website 2005.

People’s Public Security newspaper, 2 September 2005 ‘Seven Revolutionary Warriors Who Returned to Vietnam by British Aircraft in 1942’ [7 Chiến Sĩ Cách Mạng Được Máy Bay Anh Đưa Về Việt Nam Năm 1942] accessed online 16.9.05.

— ‘Senior Colonel Tran Hieu, First Director of the DRV’s Intelligence Department’ accessed online 21.4.14.

Phan Khắc Hy, Maj. Gen., letter about North Korean aircrew participation in war published in Tuổi Trẻ newspaper 28.8.2007.

Phương Quang ‘New Unit and Historic Battles’ [Đơn Vị Mới và Những Trận Danh Lịch Sử] in Ky Binh No. 5 June 2006 Portland Oregon.

Pribbenow, Merle L. ‘North Vietnam’s Final Offensive: Strategic Endgame Nonpareil’, Parameters Winter 1999–2000 pp. 58–71.

— ‘General Vo Nguyen Giap and the Mysterious Evolution of the Plan for the 1968 Tet Offensive’, *Journal of Vietnamese Studies* Vol. 3 Issue 2 2008 pp. 1–33.

— ‘The Man in the Snow White Cell’ Center for the Study of Intelligence Publications Vol. 48 No. 1.

— ‘The Most Famous Unknown Spies of the Vietnam War’ *Texas Tech.*

— ‘Theology War: Technology and Ideology in the Vietnamese Defense of Hanoi 1967’ *Journal of Military History* Vol. 67 No. 1 Jan. 2003 pp. 175–200.

— ‘Drugs, Corruption, and Justice in Vietnam and Afghanistan: A Cautionary Tale’ *Washington Decoded* 11.11.09.

— ‘Soviet — Vietnamese Intelligence Co-operation’ Woodrow Wilson Center lecture December 2014.

— 1963: Laying the Military Foundation for the Communist Decision to Seek a ‘Decisive Victory’ National Archive & Texas Tech October 2013.

Ramsey, Doug unpublished MS of Vietnam experience given to author Taylor, K. W. *Voices from the Second Republic of South Vietnam (1967–1975)* Cornell 2014.

Tổng Hồ Trình ‘The 1968 Tet Offensive in the Tri-Thien-Hue Theatre’ [Hướng tiến công và nổi dậy Tết Mậu Thân ở Tri-Thiên Huế (năm 1968)] Ministry of Defence Hanoi 1986 (trans. Bob Destatte & Merle Pribbenow for US Army Center of Military History).

Trần Bạch Đằng ‘Tet 68: A Strategic Exercise’ [Cuộc Tổng Diễn Tập Chiến Lược] *Military History [Tập Chí Lịch Sử Quân Sự]* Issue 2 (26) 1988.

Trần Độ Audiotape on Tet offensive transcribed in March 1986 Hanoi Conference proceedings, *Military History [Tập Chí Lịch Sử Quân Sự]* Issue 2 (26) 1988.

Trần Quỳnh ‘Memories of Le Duan’ [Những Kỷ Niệm Về Lê Duẩn] http://vanhoavn.blogspot.com/2012/09/blog-post_7386.html.

Trần Văn Quang ‘Hue: 25 Days and Nights’ [Huế: 25 ngày đêm] address to March 1988 Hanoi conference *Military History [Tập Chí Lịch Sử Quân Sự]* Issue 2 (26) 1988.

Trục Lâm ‘The Fate of a Mole’ [Số phận một nội gián] (trans. Merle Pribbenow) *People’s Army Newspaper [Quân đội Nhân dân]* Hanoi 22.7.95 p. 7.

USMC ‘Battle of Dai Do: Seven Days in May’ in *The Fighting Third Quantico* 1969.

Veith, George J. & Pribbenow, Merle L. ‘“Fighting is an Art”: The Army of the Republic of Vietnam’s Defense of Xuan Loc 9–21 April 1975’ *Journal of Military History* Vol. 68 No. 1, January 2004 pp. 163–213.

Vo Nhan Tri ‘Vietnam’s Economic Policy Since 1975’.

Walrath, Brian unpublished MS of Vietnam MAT experiences given to author.

Westad, Odd Arne et al. '77 Conversations between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina 1964–77' Wilson Center Working Paper 22, online.

Wyndham, Norman 'Through Vietnamese Eyes' privately circulated memorandum 1968 in possession of Lord Egremont.

Xuan Ba [Xuân Ba] a series of articles and interviews with Le Duan's second wife, published in Tien Phong [Tiền Phong] newspaper 25.6.2006 and in succeeding weeks.

КНИГИ

Adams, Sam War of Numbers: An Intelligence Memoir Steerforth 1994.

Andrade, Dale Ashes to Ashes: The Phoenix Program and the Vietnam War Lexington 1990.

Andrews, William The Village War University of Missouri Press 1973.

Appy, Christian G. Patriots: The Vietnam War Remembered from All Sides Viking 2003.

Arbatov, Georgi The System: An Insider's Life in Soviet Politics Times Books 1992.

Armor Command (Bo Tu Lenh Thiet Giap) Some Battles Fought by Our Armored Troops Vol. IV General Staff Printing Hanoi 1983.

Asselin, Pierre Hanoi's Road to the Vietnam War 1954–1965 University of California Press 2013.

Atkinson, Rick The Long Gray Line Houghton Mifflin 1989.

Autry, Jerry Gun-Totin' Chaplain Airborne Press 2006.

Baskir, Lawrence M. & Strauss, William A. Chance and Circumstance: The Draft, the War and the Vietnam Generation Knopf 1978.

Beckwith, Charlie & Knox, Donald Delta Force Harcourt Brace 1983.

Beech, Keyes Not Without the Americans Doubleday 1971.

Berman, Larry Planning a Tragedy: The Americanization of the War in Vietnam Norton 1982.

— No Peace, No Honor: Nixon, Kissinger, and Betrayal in Vietnam Free Press 2001.

Biggs, David Quagmire: Nation-Building and Nature in the Mekong Delta University of Washington Press 2010.

Bilton, Michael & Sim, Kevin Four Hours in My Lai Viking 1992.

Bonds, Ray ed. The Vietnam War: The Illustrated History Salamander 1979.

Bong-Wright, Jackie Autumn Cloud: From Vietnamese War Widow to American Activist Capital Books 2001.

Bonville, George *You Ain't Nothing But a Swamp Rat* Professional Press 2016.

Boot, Max *The Road Not Taken: Edward Lansdale and the American Tragedy in Vietnam* Norton 2017.

Borch, Frederic *Judge Advocates in Vietnam: Army Lawyers in Southeast Asia 1959–75* US Army Command and General Staff College Press 2003.

Botkin, Richard *Ride the Thunder* WND Books 2009.

Bowden, Mark *Hue 1968* Grove Atlantic 2017.

Bradley, Mark Philip *Vietnam at War* Oxford University Press 2009.

Braestrup, Peter *Big Story: How the American Press and Television Reported and Interpreted the Crisis of Tet 1968* Anchor 1978.

Brigham, Robert K. *ARVN: Life and Death in the South Vietnamese Army* Kansas University Press 2006.

Brodie, Bernard *War and Politics* Macmillan 1973.

Broughton, Jack *Thud Ridge* Lippincott 1969.

Brown, Archie *The Rise and Fall of Communism* Bodley Head 2009.

Browne, Malcolm *The New Face of War* Bobbs-Merrill 1965.

Bunting, Josiah *The Lionheads* Braziller 1972.

Burkett, B. G. & Whitley, Glenna *Stolen Valor: How the Vietnam Generation was Robbed of its Heroes and its History* Verity Press 1998.

Burleigh, Michael *Small Wars, Faraway Places* Macmillan 2013.

Burr, William & Kimball, Jeffrey P. *Nixon's Nuclear Specter: The Secret Alert of 1969, Madman Diplomacy and the Vietnam War* Kansas 2015.

Busch, Peter *All the Way With JFK?: Britain, the U. S. and the Vietnam War* Oxford University Press 2003.

Buttinger, Joseph *Vietnam: A Dragon Embattled* Pall Mall Press 1967.

Caputo, Philip *A Rumor of War* Holt, Rinehart & Winston 1977.

Charlton, Michael & Moncrieff, Anthony eds *Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam* Scholar 1978.

Chau, Tran Ngoc *Vietnam Labyrinth* Texas Tech 2012.

Chien Viet Nam 1954–75 [The Vietnamese Marine Corps' Twenty-One Years of Warfare (1954–75)] Vietnamese Marine Association in the US Santa Ana 2005.

Chivers, C. J. *The Gun* Simon & Schuster 2010.

Chung, Pham Van et al. *Hai Muoi Nam Chien cua Binh Chung Thuy Quan Luc*.

Cloake, John *Templer: Tiger of Malaya* Harrap 1985.

Clodfelter, Mark *The Limits of Air Power* Free Press 1989.

— *Beneficial Bombing* University of Nebraska Press 2010.

Colby, William *Lost Victory* McGraw-Hill 1989.

- Conboy, Kenneth & Andrade, Dale *Spies and Commandos: How America Lost the Secret War in North Vietnam* Kansas University Press 2000.
- Cooper, Chester *The Lost Crusade* Dodd Mead 1970.
- Corn, David *Blond Ghost: Ted Shackley and the CIA's Crusades* Simon & Schuster 1994.
- Daddis, Greg *No Sure Victory* Oxford University Press 2011.
- *Westmoreland's War: Reassessing American Strategy in Vietnam* Oxford University Press 2014.
- *Withdrawal* Oxford University Press 2017.
- Dan, Nguyen Huy Toan & Pham Quang Dinh *The 304th Division People's Army* Publishing House Hanoi 1990.
- Dang, Tran Bach *Life and Memories* Tre Publishing House Ho Chi Minh City 2006.
- Davidson, Philip B. *Vietnam at War 1946–1975* Sidgwick & Jackson 1988.
- Del Vecchio, John M. *The 13th Valley Sphere* 1983.
- Dietrich, Erik Jurgen-Karl *The Kraut* privately printed 2015.
- Doan, Phuong Hai *Goc bien chan troi Dong Van* Publishing San Jose CA 2000.
- Dobrynin, Anatoly *In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents* Times Books 1995.
- Don, Tran Van *Our Endless War* Presidio 1978.
- Doyle, Michael W. *Ways of War and Peace* Norton 1997.
- Duc, Huy *The Victors [Ben thang cuoc] Vol. II Power [Giai Phong]* Osinbook Los Angeles 2012.
- Duc, Pham Gia *The 325th Division* 2 vols People's Army Publishing House Hanoi 1986.
- Edwards, Peter *Australia and the Vietnam War* NewSouth 2014.
- Elliott, David W. P. *The Vietnamese War: Revolution and Social Change in the Mekong Delta 1930–1975* 2 vols M. E. Sharpe 2003.
- *Changing Worlds: Vietnam's Transition from Cold War to Globalization* Oxford University Press 2012.
- Elliott, Duong Van Mai *The Sacred Willow: Four Generations in the Life of a Vietnamese Family* Oxford University Press 1999.
- *RAND in South-East Asia: A History of the Vietnam War Era* RAND 2010.
- *Hell is a Very Small Place* Lippincott 1966 Fall, Bernard Street Without Joy Stackpole 1967.
- Fallabella, Robert *Vietnam Memoirs* Pageant Press 1971.
- Finlayson, Andrew *Killer Kane McFarland North Carolina* 2013.
- *Rice Paddy Recon McFarland North Carolina* 2014.

- Fitzgerald, Frances *Fire in the Lake* Vintage 1972.
- French, David *The British Way in Counter-Insurgency 1945–67* Oxford University Press 2011.
- Fulton, William B. *Vietnam Studies: Riverine Operations 1966–1969* Turner Publishing 1997.
- Gaiduk, Ilya V. *The Soviet Union and the Vietnam War* Ivan R. Dee 1996.
- Gavin, James *Crisis Now* Random House 1968.
- Giles, Frank *The Locust Years* Secker & Warburg 1991.
- Glazunov et al. eds *Voyna Vo Vietname — Kak Eto Bylo [The War in Vietnam — How it Was]* Moscow 2005.
- Gole, Henry G. *General William Depuy: Preparing the Army for Modern War* Kentucky 2004.
- *Soldiering* Potomac Books 2005.
- Goscha, Christopher *The Penguin History of Modern Vietnam* Allen Lane 2016.
- Greene, Graham *The Quiet American* Heinemann 1955.
- Greene, Wallace *The Greene Papers: General Wallace M. Greene Jnr and the Escalation of the Vietnam War* ed. Nicholas Schlosser USMC Quantico 2015.
- Ha, Mai Viet *Blood and Steel: Armor During the Vietnam War* self-published Sugarland Texas 2005.
- Hackforth, David *Steel My Soldiers' Hearts Touchstone* 2002.
- Hai, Doan Phuong *Goc bien chan troi [The Sea on the Horizon]* Dong Van Publishing San Jose CA 2000.
- Haig, Alexander & McCarry, Charles *Inner Circles: How America Changed the World* Grand Central 1994.
- Halberstam, David *The Best and the Brightest* Random House 1972.
- Haldeman, H. R. *The Haldeman Diaries* Berkley Books 1994.
- Ham, Paul *Vietnam: The Australian War* HarperCollins 2007.
- Hamilton-Paterson, James A *A Very Personal War: The Story of Cornelius Hawkrige* Faber & Faber 1971.
- Haponski, William *An Idea, and Bullets* Combatant Books 2016.
- Hayes, Paddy *Queen of Spies* Duckworth 2015.
- Hayslip, Le Ly & Wurts, Jay *When Heaven and Earth Changed Places* Doubleday 1989.
- Herr, Michael *Dispatches* Picador 1978.
- Hersh, Seymour *The Dark Side of Camelot* Little, Brown 1997.
- Hiep, Col. Gen. Dang Vu *Highland Memories* People's Army Publishing Hanoi 2000.
- Higgins, Marguerite *Our Vietnam Nightmare* Harper & Row 1971.
- Ho, Van Ky Thoai *Can Truong Chien Bai* self-published Virginia 2010.

- Hodges, Michael AK47: The People's Gun Sceptre 2007.
- Howard, Michael Captain Professor Continuum 2006.
- Hughes, Ken Fatal Politics: The Nixon Tapes, the Vietnam War and the Casualties of Reelection University of Virginia Press 2015.
- Hunt, Harold A Soldier's Journal Hunt Enterprises 1991.
- Hunt, Ira A. Losing Vietnam Kentucky University Press 2013.
- The 9th Infantry Division in Vietnam Kentucky University Press 2010.
- Hunt, Richard A. Melvin Laird and the Foundation of the Post-Vietnam Military 1968–71 Historical Office of the Secretary of Defense 2015.
- Huy, Nguyen Duc A Soldier's Life (with Nguyen Thong Nhat) People's Army Publishing House Hanoi 2011.
- Isaacs, Arnold Without Honor: Defeat in Vietnam and Cambodia Johns Hopkins 1983.
- Jones, Howard My Lai: Vietnam 1968 and the Descent into Darkness Oxford University Press 2017.
- Karnow, Stanley Vietnam: A History Century 1983.
- Kerrey, Bob When I Was a Young Man Harcourt 2002.
- Khan, Hoang Nghia The Road to the General Headquarters Staff People's Army Publishing House Hanoi 2008.
- Kimball, Jeffrey Nixon's Vietnam War University of Kansas Press 1998.
- The Vietnam War Files: Uncovering the Secret History of Nixon-Era Strategy University of Kansas Press 2004.
- Kissinger, Henry The White House Years Simon & Schuster 1979.
- Ending the Vietnam War Simon & Schuster 2003.
- Krohn, Charles A. The Lost Battalion of Tet Naval Institute Press 2008.
- Kurlantzick, Joshua A Great Place to Have a War: Laos and the Militarization of the CIA Simon & Schuster 2017.
- Ky, Nguyen Cao Buddha's Child: My Fight to Save Vietnam St Martin's Press 2002.
- Laidig, Scott Al Gray, Marine Potomac 2012.
- Langguth, A. J. Our Vietnam Simon & Schuster 2000.
- Larteguy, Jean Les Centurions Presses de la Cité Paris 1960.
- LeMay, Curtis with MacKinlay Kantor Mission with LeMay Doubleday 1965.
- Leslie, Jacques The Mark: A War Correspondent's Memoir of Vietnam and Cambodia Four Walls 1995.
- Lewis, Norman A Dragon Apparent Jonathan Cape 1951 Lind, Michael Vietnam: The Necessary War Free Press 1999.
- Livingston, James E. with Colin D. Heaton & Anne-Marie Lewis Noble Warrior Zenith Press 2010.
- Logevall, Fredrik Choosing War University of California Press 1999.

- The Embers of War Random House 2012.
- Long, Guilin Memoirs Beijing 1995.
- Luan, Nguyen Cong Nationalists in the Vietnam Wars Indiana University Press 2012.
- Lunn, Hugh A Reporter's War University of Queensland Press 1985.
- Ly, Gen. Tong Ba Hoi Ky 25 Nam Khoi Lau; Cam Nghi Cua Mot Tuong Cam Quan Tai Mat Tran [Memoir of 25 Years of War: Thoughts of a General Who Commanded Troops on the Battlefield] self-published San Marcos 1999.
- McCoy, Alfred The Politics of Heroin in South-East Asia Harper & Row 1972.
- Macdonald, Peter Giap: The Victor in Vietnam Norton 1992.
- McMaster, H. R. Dereliction of Duty: Lyndon Johnson, Robert McNamara, the Joint Chiefs of Staff and the Lies that Led to Vietnam HarperCollins 1997.
- Marlantes, Karl Matterhorn Atlantic Monthly Press 2010.
- Mau, Nguyen Xuan Mau Defending the Skies: A Memoir Hanoi 1982.
- Memmi, Albert The Colonizer and the Colonized Souvenir 2016.
- Michel, Marshall Clashes: Air Combat Over Vietnam 1965–72 US Naval Institute Press 1997.
- The 11 Days of Christmas: America's Last Vietnam Battle Encounter 2001.
- Millie, David Team 19 in Vietnam: An Australian Soldier at War Kentucky University Press 2013.
- Minh, Nguyen Quoc et al. History of the Sapper Forces Vol. I People's Army Publishing House Hanoi 1987.
- Moise, Edwin The Tonkin Gulf Incident and the Escalation of the Vietnam War University of North Carolina Press 1996.
- Nghi, Huynh, Noi Huynh Van & Sinh Nguyen Hung The Route 9 — Southern Laos Counteroffensive Campaign 1971 Military History Institute of Vietnam 1987 p. 5.
- Nguyen, An New Battlefield (as told to Nguyen Tu Duong) People's Army Publishing House Hanoi 2002.
- Nguyen, Dinh Kien Ngoi linh voi bau troi Ha Noi [A Soldier and the Skies Over Hanoi] People's Army Publishing House Hanoi 2013.
- Nguyen, Duong Vietnam: The Other Side (Challenging All Odds) privately published 2015.
- Nguyen, Hung Linh & Mac, Hoang Anti-Reactionary Forces: Chronology of Events 1954–75 Ministry of Interior Political Security Department III Public Security.
- Nguyen, Lien-Hang T. Hanoi's War: An international History University of North Carolina Press 2012.

- Nguyen, Nathalie Huynh Chau South Vietnamese Soldiers Praeger 2016.
- Nguyen, Viet Thanh The Sympathizer Atlantic Monthly Press 2015.
- Nguyễn Tiến Đức [3rd] Division Memories [Ký ức Sư Đoàn] People's Army Publishing House Hanoi 1995.
- Nhien, Nguyen Van & Huu, Nguyen Thanh History of Chemical Troops 1958–2008 People's Army Publishing House Hanoi 2008.
- Nichols, John B. & Tillman, Barrett On Yankee Station Bantam 1988
- Ninh, Bao The Sorrow of War Vintage 1998.
- Nixon, Richard No More Vietnams Arbor House 1985.
- Nolan, Keith William Sappers in the Wire: The Life and Death of Firebase Mary Ann Texas A & M 2007.
- The Magnificent Bastards Presidio 2007.
- Nolting, Frederick From Trust to Tragedy Praeger 1988.
- Oberdorfer, Don Tet!: The Turning Point in the Vietnam War Johns Hopkins 2001.
- O'Brien, Michael Conscripts and Regulars: With the Seventh Battalion in Vietnam Allen & Unwin 1995.
- O'Brien, Tim The Things They Carried Flamingo 1990.
- If I Die in a Combat Zone Dell 1973.
- Going After Cacciato Delacorte 1978.
- Palmer, Bruce The 25-Year War: America's Military Role in Vietnam Touchstone 1984.
- Payne, Kenneth The Psychology of Strategy: Exploring Rationality in the Vietnam War Hurst 2015.
- Pham, Dai Gia The Last Prisoners Prototech 2016.
- Pham Van Chung et al. eds Hai Muoi Mot Nam Chien Tran cua Binh Chung Thuy Quan Luc Chien Viet Nam (1954–1975) [The Vietnamese Marine Corps' Twenty-One Years of Warfare] Vol. II Vietnamese Marine Association of the US Santa Ana CA 2005.
- Phan, Nhat Nam Dau ninh lua 1963–73: But ky chien Hien Dai [The Mark of a Warrior] Hien Dai Publishers Saigon 1973.
- Phap, Nguyen Van et al. History of the Air Defence Service Hanoi 1991.
- Phuong, Bui Vinh ed. Military Encyclopedia of Vietnam People's Army Publishing House Hanoi 2004.
- Pike, Douglas Viet Cong: The Organization and Techniques of the National Liberation Front of South Vietnam MIT 1966.
- Polmar, Norman & Mersky, Peter The Naval Air War in Vietnam Zebra 1981.
- Porter, Gareth & Loory, Stuart Vietnam: The Definitive Documentation of Human Decisions 2 vols Heyden 1979.
- Pouget, J. Nous Etions à Dien Bien Phu Presses de la Cité Paris 1965 Publishing House Hanoi 1997 (circulated internally only).

Prados John Vietnam: The History of an Unwinnable War 1945–75 Kansas University Press 2009.

Raskin, Marcus G. & Fall, Bernard B. eds The Vietnam Reader Vintage Books 1967.

Robbins, Christopher The Invisible Air Force: The Story of the CIA's Secret Airline Macmillan 1979.

— The Ravens Crown 1987.

Robinson, Anthony ed. Weapons of the Vietnam War Gallery 1983.

Rocolle, Pierre Pourquoi Dien Bien Phu? Flammarion 1968.

Salisbury, Harrison Behind the Lines: Hanoi Harper & Row 1967.

Samuels, Charlie Machinery and Weapons of the Vietnam War Gareth Steven 2013.

Santoli, Al To Bear Any Burden: The Vietnamese War and its Aftermath Sphere 1986.

Schlesinger, Arthur Journals 1956–2002 Penguin 2007.

— Robert Kennedy and His Times New York 1978.

Scotton, Frank Uphill Battle Texas Tech 2014.

Shapley, Deborah Promise and Power: The Life and Times of Robert McNamara Little, Brown 1993.

Shaw, Geoffrey The Lost Mandate of Heaven Ignatius 2015.

Shawcross, William Sideshow: Kissinger, Nixon and the Destruction of Cambodia André Deutsch 1979.

Sheehan, Neil A Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam Random House 1988.

Shepherd, Jack & Wren, Christopher eds Quotations from Chairman LBJ Simon & Schuster 1968.

Siemon-Netto, Uwe Duc: A Reporter's Love for the Wounded People of Vietnam CreateSpace 2013.

Simpson, Howard R. Tiger in the Barbed Wire Kodansha International 1992.

Smith, Ralph Vietnam and the West Ithaca 1971.

— An International History of the Vietnam War Macmillan 1985.

Snepp, Frank Decent Interval Random House 1977.

— Irreparable Harm Random House 1999.

Solis, Gary D. Marines and Military Law in Vietnam: Trial by Fire US Marine Corps 1989.

Sorley, Lewis ed. The Vietnam War: An Assessment by South Vietnam's Generals Texas Tech 2010.

— The Abrams Tapes 1968–72 (ed.) Texas Tech 2004.

— A Better War: The Unexamined Victories and Final Tragedy of America's Last Years in Vietnam Harvest 1999.

Sukhodrev, Victor Yazyk moi-drug moi [My Tongue is My Friend] Moscow 2008.

Suri, Jeremi Henry Kissinger and the American Century Harvard University Press 2007.

Swain, Jon River of Time Heinemann 1995.

Tai, Nguyen Doi Mat Voi CIA [Face to Face with the CIA] Writers' Association Hanoi 1999.

Tang, Truong Nhu Tang A Vietcong Memoir Vintage 1986.

Taylor, Maxwell Swords and Plowshares Norton 1972.

Terry, Wallace Bloods: Black Veterans of the Vietnam War Presidio 2006.

Thach, M.-G. Pham Van History of the Resistance War Against the Americans to Save the Nation 1954–75 8 vols Military History Institute of Vietnam Hanoi 2008.

Than, M.-G. Huynh Cong Than On the Long An Battlefield: A Memoir as told to Nguyen Huu Nguyen, People's Army Publishing House Hanoi 1994.

Thompson, Robert Defeating Communist Insurgency Chatto & Windus 1966.

— Make for the Hills Pen & Sword 1989.

Thompson, Wayne To Hanoi and Back: The United States Air Force and North Vietnam 1966–1973 USAF Washington 2000.

Thorne, Christopher, Allies of a Kind Hamish Hamilton 1978.

Thuong, Pham Huy et al. The Lowlands Division [Central Highlands Corps] Vol. III People's Army Publishing House Hanoi 1984.

Tin, Thanh Their True Colors: The Political Memoirs of Bui Tin Turpin Press 1994.

Tougas, Shelley Weapons, Gear and Uniforms of the Vietnam War Capstone 2012.

Tourison, Sedgwick Secret Army, Secret War Naval Institute Press 1995.

Trach, Gam Ben Li Cuoc Chien Viet Tide 2015.

Tram, Dang Thuy Last Night I Dreamed of Peace Harmony 2007.

Tran, Hoi A Vietnamese Fighter Pilot in an American War XLibris 2014.

Tran, Trong Trung Supreme Commander Vo Nguyen Giap During the Years of American Imperialist Escalation of the War (1965–1969) [Tổng Tư Lệnh Võ Nguyên Giáp Trong Những Năm Đế Quốc Mỹ Leo Thang Chiến Tranh (1965–1969)] National Political-Truth Publishing House Hanoi 2015.

Tran, Van Nhut (with Christian Arevian) An Loc: The Unfinished War Texas Tech 2009 Trullinger, James W. Village at War: An Account of Revolution in Vietnam Longman 1980 Tuan, Tran Quoc et al. History of the General Staff During the Resistance War Against the Americans to Save the Nation 1954–75 People's Army Publishing House Hanoi 2010.

Tucker, Spencer C. ed. Encyclopedia of the Vietnam War ABC—Clio 1998.

Turley, Gerald H. The Easter Offensive: The Last American Advisors in Vietnam 1972 Naval Institute Press 1985.

US Army Center of Military History (multiple authors) The US Army in Vietnam.

— John D. Bergen A Test for Technology 1986.

— Jeffrey J. Clarke Advice and Support: The Final Years 1992.

— William M. Hammond The Military and the Media 1990.

— Ronald H. Spector Advice and Support: The Early Years 1985.

Veith, George J. Black April: The Fall of South Vietnam 1973—75 Encounter 2012.

Weinberger, Sharon The Imagineers of War PenguinRandomHouse 2017.

West, Richard War and Peace in Vietnam Sinclair Stevenson 1995.

— Victory in Vietnam Private Eye 1974.

Westad, Odd Arne The Cold War: A World History Allen Lane 2017.

Westmoreland, William A Soldier Reports Doubleday 1976.

White, Theodore The Making of the President 1964 Athenaeum 1965.

— The Making of the President 1968 Jonathan Cape 1969.

— The Making of the President 1972 Jonathan Cape 1973.

Whitt, Jacqueline E. Bringing God to Men: American Military Chaplains and the Vietnam War University of North Carolina Press 2014.

Wiest, Andrew Vietnam's Forgotten Army: Heroism and Betrayal in the ARVN NYU 2008 Windrow, Martin The Last Valley Weidenfeld & Nicolson 2004.

Wirtz, James J. The Tet Offensive: Intelligence Failure in War Cornell 1991.

Woods, Randall Shadow Warrior: William Egan Colby and the CIA Basic Books 2013.

Young, Gavin A Wavering Grace Viking 1997.

Zaitsev, Anatoly Na Gromykovskikh Kovrakh [On Gromyko's Carpet] Moscow 2001.

О них более подробно рассказывается в мемуарах автора «Идем на войну», опубликованных в 2000 г. — Прим. ред.

[2] Во Вьетнаме безоткатные орудия активно использовали все воюющие стороны, в частности самоходка Ontos была вооружена шестью безоткатными орудия М40 (106-мм). Северяне использовали советские безоткатные орудия и их китайские копии Б-10, Б-11 (107-мм) и СПГ-9. 57-мм — американское безоткатное орудие М10.

[3] В источниках часто встречается аббревиатура ARVN от англ. Army of the Republic of Viet Nam. — Прим. пер.

[4] Эти вертолеты получили такое прозвище ввиду того, что из-за отсутствия навесного вооружения они имели более «гладкий», обтекаемый внешний вид по сравнению с ударными вертолетами. — Прим. пер.

[5] По советской классификации — С-75. — Прим. пер.

[6] Баньяновые деревья. — Прим. пер.

[7] Во второй половине XIX в Вьетнам попадает в колониальную зависимость от Франции Страна была искусственно разделена на три части — колонию Кохинхина (Южный Вьетнам), протектораты Аннам (Центральный Вьетнам) и Тонкин (Северный Вьетнам). Вместе с Лаосом и Камбоджей Вьетнам вошел в состав Французского Индокитая. — Прим. науч. ред.

[8] Тинтин — герой бельгийских книжных комиксов. — Прим. ред.

[9] Колоны — французы, переехавшие на постоянное жительство во Вьетнам: землевладельцы, плантаторы, предприниматели, служащие и др. — Прим. науч. ред.

[10] По традиции в странах дальневосточного региона родители дают новорожденному, помимо официального первого имени, еще одно — «молочное», или домашнее, имя, которое используется только близкими родственниками в кругу семьи. — Прим. науч. ред.

[11] В официальной биографии Хо Ши Мина, утвержденной в современном Вьетнаме, не указано, что он был исключен из этой школы. В своей книге Макс Хейстингс использует обширный фактологический материал, при этом его методика изложения фактов, анализ событий, оценка деятельности политических фигур и т.д. могут отличаться от мнения и позиции других сторон. — Прим. науч. ред.

В военном деле так называются узкие проходы в труднопроходимой местности, например в горах. — Прим. пер.

Прозвище Госдепартамента по названию района Фогги-Боттом, где расположено его здание. — Прим. пер.

Англ. blitz spirit можно перевести как «стойкость духа во время блица»; «Блиц» — бомбардировка Великобритании нацистской Германией в период с сентября 1940 г. по май 1941 г., которая началась с бомбардировки Лондона в течение 57 ночей подряд. — Прим. пер.

Река Хьюнг. — Прим. пер.

[16] Фраггинг — американский военный термин, означающий предумышленное убийство, как правило, непопулярного офицера находящимися в его подчинении рядовыми солдатами с помощью осколочной гранаты — fragmentation grenade или просто frag. — Прим. пер.

[17]. От англ. beetle — жук. — Прим. пер.

[18] Имеется в виду американский самолет-разведчик Lockheed U-2. — Прим. пер.

[19] Шолон — это историческое название сайгонского пригорода, сейчас преимущественно используют название Тёлон. — Прим. науч. ред.

[20] В период французской колонизации страна в административном отношении делилась на три части: Бак ки — северную, Чунг ки — центральную и Нам ки — южную. — Прим. науч. ред.

[21] Имеется в виду Персоналистская трудовая революционная партия (Cần lao Nhân vị Cách Mạng Đảng), образованная в начале 1950-х гг. президентом Республики Вьетнам Нго Динь Зьемом и его братом Нго Динь Нью. — Прим. науч. ред.

[22] Изначально «саквояжниками» называли выходцев из северных штатов США, приезжавших в южные штаты после победы Севера в Гражданской войне с целью легкой наживы в условиях политической нестабильности. — Прим. пер.

[23] От английской аббревиатуры ARVN — Army of the Republic of Viet Nam — Вооруженные силы Республики Вьетнам / ВСРВ. — Прим. пер.

СУВП — самолет с укороченным взлетом и посадкой. — Прим. пер.

[25] Своего рода улица «красных фонарей» в Сайгоне. — Прим. пер. Высший ранг американских бой-скаутов. — Прим. ред.

[27] Сленговое название вьетконговцев от аббревиатуры VC (Viet Cong), которая в радиообмене произносилась как Victor Charlie (Виктор Чарли) и в конце концов сократилась до «Чарли». — Прим. ред.

Нунги — народ, проживающий во Вьетнаме, преимущественно в провинциях Центрального нагорья. Небольшое количество нунгов проживает в Лаосе и Китае. Язык нунг относится к тайской группе тай-кадайской семьи. — Прим. науч. ред.

Реднеки — букв. «красношеие» — жаргонное название белых фермеров, жителей сельской глубинки США. — Прим. пер.

Таэль, также лян — старая денежно-весовая единица в Юго-Восточной Азии, равна 50 г. — Прим. ред.

Имеется в виду Кеннеди, который командовал торпедным катером во время Второй мировой войны и участвовал в боевых действиях на Тихом океане. — Прим. пер.

День Д — общепринятое военное обозначение дня начала какой-либо военной операции. — Прим. ред.

Американский киноактер, «король вестерна». — Прим. пер.

[34] 100 и 300 ярдов — это примерно 90 м и 275 м соответственно. — Прим. ред.

Thund Ridge, сокр. от Thunderchief. — Прим. ред.

Подразделение ВВС США для борьбы с ЗРК. — Прим. ред.
«Веселыми зелеными гигантами» — Jolly Green Giant — во Вьетнаме называли тяжелобронированные вертолеты Сикорского HH-3Е, которые были камуфлированы двумя оттенками зеленого цвета. Прозвище отчасти ироничное, поскольку так называлась известная американская компания по производству овощных консервов. — Прим. пер.

[38] Тет — вьетнамский Новый год. — Прим. науч. ред.

[39] Сленговое название от Chi-com — Chine's communists — «Китайские коммунисты». — Прим. пер.

[40] Имеется в виду массовое убийство в Сонгми. — Прим. пер.

[41] Дайм — монета в 10 центов, никель — монета в 5 центов; дайм-никель — 105 — соответствует калибру гаубицы. — Прим. пер.

[42] Другая версия говорит, что ударно-спусковой механизм АК был взят с чехословацкой винтовки Холека. Он же был взят за основу ударно-спускового механизма М-16. — Прим. ред.

Данг Тхюи Чам. Дневник врача на войне. — М.: Глобус, 2012.

Здесь и далее отрывки из романа в переводе с вьетнамского А. Филиппенко. — Прим. пер.

[45] Куанг Чунг (настоящее имя Нгуен Хюэ) — император и один из самых успешных полководцев в истории Вьетнама; вместе с братьями поднял знаменитое Тэйшонское восстание и завоевал всю страну, после чего почти на протяжении 100 лет Вьетнам был единым, независимым государством. — Прим. пер.

Битва при Литтл-Бигхорн — сражение между индейским союзом лакота — северные шайенны и 7-м кавалерийским полком армии США, произошедшее 25–26 июня 1876 г. у реки Литтл-Бигхорн. Битва закончилась уничтожением пяти рот американского полка и гибелью его знаменитого командира Джорджа Кастера. — Прим. пер.

Китайский аналог советского гранатомета РПГ-2. — Прим. ред.

Медаль «Пурпурное сердце» вручается всем американским военным служащим, погибшим или получившим ранения в боевых действиях. — Прим. пер.

[49] Сайонара — по-японски «до свидания». — Прим. пер.

[50] «Масленка» — англ. grease gun — сленговое название пистолета-пулемета МЗ, в рукоятке которого имелась небольшая встроенная масленка, и, кроме того, визуально напоминал автомобильную масленку-спринцовку. — Прим. пер.

[51] Судья в бейсболе. — Прим. пер.

[52] Это массовое убийство также называют «резней в Сонгми». — Прим. пер.

[53] В разговоре с автором в 1985 г. — Прим. авт.

[54] Имеется в виду популярный способ курения самокрутки с марихуаной по кругу. — Прим. пер.

[55] United Service Organizations — Объединенные организации обслуживания вооруженных сил США. — Прим. пер.

[56] Осколочная граната — fragmentation grenade или просто frag. — Прим. пер.

[57] Разговорное прозвище университета штата Миссисипи, который был известен своей расовой сегрегацией. — Прим. пер.

[58] Потому что она «пережевывала» людей в мясной фарш. — Прим. пер.

Имеется в виду известная фраза, сказанная во время Гражданской войны в США генералом Грантом, командующим армией северян, который приказал генералу Шеридану использовать тактику выжженной земли против конфедератов в долине Шенандоа. — Прим. пер.

Деревня Ламшон в Северном Вьетнаме — родина национального героя Вьетнама Ле Лоя; число 719 включало в себя год операции — 1971, и номер шоссе — 9, вдоль которого велось наступление. — Прим. пер.

[61] Грузовые автомобили, выпущенные Горьковским автомобильным заводом. — Прим. ред.

[62] Осколочная бомба BLU-82/B с настильным разлетом осколков. — Прим. пер.

Неофициальное название Республиканской партии США. — Прим. пер.

«Круизные вдовы» — роман Хоуп Мур, в котором повествуется о судьбе пяти жен пилотов ВМС США, погибших во Вьетнаме. — Прим. пер.

Поскольку Центральное нагорье на вьетнамском языке называется плато Тайнгуен, во многих источниках первый этап Весеннего наступления называется Тайнгуенской операцией. — Прим. пер.

Концепция «войны среди народа» — war amongst the people — была сформулирована генералом Рупертом Смитом, который противопоставляет ее классической войне и относит к этой категории, например, войну США во Вьетнаме, СССР в Афганистане, Франции в Алжире. — Прим. пер.

В разговоре с автором в 2006 г. — Прим. авт.

Джеймс Форрестол — первый министр обороны США. Был снят с должности в связи с психическим кризисом и помещен в военно-морской медицинский центр с официальным диагнозом «нервное и психическое истощение». 22 мая 1949 г. покончил жизнь самоубийством, выбросившись с 16-го этажа. — Прим. пер.

Капрал Роберт Гарвуд по собственной воле оставался на Севере до 1979 г.; по возвращении в США он был предан военному трибуналу. — Прим. авт.

Переводчик Ирина Евстигнеева

Научный редактор Антон Никольский

Редактор Антон Никольский

Издатель П. Подкосов

Руководитель проекта А. Тарасова

Корректоры И. Астапкина, Е. Сметанникова

Компьютерная верстка А. Фоминов

Дизайн обложки Ю. Буга

Иллюстрация на обложке Bridgeman Images/FOTODOM

© Max Hastings, 2018

Эта книга публикуется по соглашению с Peters Fraser and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2021

Хейстингс М.

Вьетнам. История трагедии. 1945–1975 / Макс Хейстингс; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

ISBN 978-5-0013-9381-8